1743

LV

LV

1743

Данная книга посвящается всем моим современникам-землякам с Донбасса. Взявшим в руки оружие и мирняку. Волонтерам и хатаскрайникам. «Сепарам» и «укропам». И даже «азовцам» из местных (земля им стекловатой). Живым и мертвым. Уцелевшим и искалеченным. Оставшимся и убежавшим.

Люди, мы всё еще один народ! Ссорясь, ненавидя и убивая друг друга — мы ВСЕ становимся лишь слабее. Это правило всегда так работало и не знает исключений! Об одном из таких невыученных уроков (применительно к местной истории) и рассказывается в этой книге…

2025 год

LV. 1743. 2025. - 578 с., ил. https://papacoma.narod.ru/books/1743.pdf
ver.01.001

В любой стране мира (а особенно в такой огромной, как Россия) власть не способна самостоятельно контролировать все происходящие там общественные процессы. Кроме спускания вниз указов, власти еще вынуждены смотреть, как народ не понимает и переиначивает на свой лад их "мудрые мысли", а где-то и просто на них плюет и все делает полностью по-своему. И руководители зачастую вынуждены не "ломать через колено" неправильные процессы в низовых звеньях, а согласовывать их или пытаться хоть чуть-чуть подкорректировать то, что уже и без них происходит. А где-то — и просто закрывать глаза, делая вид, что ничего такого не происходит. Это нормальные будни любого руководителя.

В полной мере это относится и к событиям середины XVIII века, когда запорожские и донские казаки втянулись в продолжительный конфликт за рыболовецкие угодья северного и северо-восточного Приазовья. О предыстории и причинах этих распрей, об их датировке и ходе разворачивания этого процесса, а также о неоднократных (хотя и не всегда удачных) попытках Правительства прекратить этот конфликт – рассказывается в данной книге.

Это была одна из ключевых, переломных точек в истории Северного Приазовья. Один из периодов, когда местная История вынужденно слетает со своей привычной накатанной колеи и устремляется в каком-то новом, неизвестном ей до того направлении. Как это происходило в наших краях и что из всего этого получилось – можно узнать здесь.

Расшифровка некоторых применяемых в тексте книги обозначений:

Таким символом мы будем выделять блоки с более подробной «технической» информацией по каким-либо частным вопросам. Эти пояснения могут быть не слишком интересны для тех, кто не собирается слишком глубоко погружаться в тему данной книги. Поэтому, по желанию, такие блоки при чтении вполне можно пропускать, без особого вреда для понимания основного текста.

Пояснения по грубым ошибкам и откровенным фейкам, укоренившимся в работах историков и краеведов по теме данной книги.

Особо важные моменты, которые желательно запомнить для лучшего понимания описания последующих моментов.

Оглавление

Введение....5
Историография....6
Некоторые сведения об истории Северного Приазовья XVI – начала XVIII веков....22
Разграничение границ с Османской империей в 1740 – 1742 годах....48
Накануне начала конфликта....56
Миссия полковника Кишенского. Начало конфликта....76
Кишенский – миусский полковник....82
Весна – начало лета 1743 года. Первые жалобы....86
Повышение ставок. Обращение в Сенат....95
Осень 1743 года. Первый сгон запорожцев за Кальмиус....106
Попытка разобраться №1. Поручение бригадиру Вырубову....117
1744 год. Относительное затишье....120
Ейская сторона и коммерческие вопросы....128
Весна 1745 года. Команда полковника Постернякова и очередное обострение....138
Осень 1745 года. Кульминация. Миссия подполковника Якова Бильса и запорожско-донские «прения»....166
1746 год. Миссия поручика Швыкова (начало)....206
Апрель 1746 года. Поход полковника Туроверова....223
Окончание миссии Швыкова....242
Весна 1746 года. Решение о новой границе....249
Сентябрь 1746. Размежевание по Кальмиусу....260
Подготовка к новому следствию....273
Дело атамана Левки Белого....280
Бахмутская следственная комиссия....314
Заключение....376
Список литературы....379
Указатель личных имен....383
Указатель географических названий....400
Список сокращений....410
Приложения:
Перечень еланчицкой и кальмиусской старшины начального периода (1743 – 1749)....412
В. Полторак. Василь Максимович Кишенський — постать-легенда та реальність (2006)....415
Тетяна Кузик. Писар Війська Запорозького Низового Олексій Петруша (матеріали до біографії) (2003)....421
LV. Андрей Петруша & Степан Черный (2025)....430

LV. Кальмиусская паланка. Пограничный инцидент 1747 года с ногайцами (2013) 446
LV. Картографические съемки устья Кальмиуса в период до возникновения Мариуполя (2020).....459
LV. План Кальмиусской паланки 1768 года (2023).....465
LV. Вернемся к нашим паланкам (2025) 479
LV. Древняя история Донбасса. Реквием по перевернутой пирамиде (2015).....523
LV. В поисках «второго» зимовника (2019) 535
LV. Миусские заставы (2024).....552
LV. Сокровенная история Кальмиусской паланки (2018).....557

Введение

«О рыболовстве со стороны Калмиусской паланки и безконечных за то распрях с Донцами и Кубанцами можно бы написать многия страницы не менее любопытныя, как разсказ Вальтера-Скотта о рыболовстве на Солвее в Шотландии. Но где взять искусное красноречивое перо этого вдохновеннаго барда? Мы можем приводить только документы, т. е. источники будущих историй или романтических разсказов. <…>" (А.А. Скальковский)

Строки, вынесенные в эпиграф, оставлены в середине 1840-х годов одним из наших знаменитых историков. С тех пор прошло уже без малого два века. Но, к сожалению, в этом вопросе Приазовье так и не дождалось своего Вальтера Скотта. Хочется надеяться, что рано или поздно кто-то из талантливых литераторов заинтересуется данной темой. А пока, в помощь будущим авторам художественных произведений, мы продолжим работу по освещению и осмыслению этого интереснейшего периода нашей местной приазовской истории.

Хорошо известно, что в документах 1740-х – 1770-х годов часто встречаются упоминания о распрях между запорожскими и донскими казаками за контроль над рыбными ловлями на северном побережье Азовского моря. А также и о неоднократных (хоть и не всегда удачных) попытках центрального правительства Российской империи прекратить этот конфликт между двумя своими казачьими войсками. Документов об этих событиях очень много, и они очень «фактурные». Поэтому многие историки в своих работах о запорожцах не могли отказать себе в удовольствии их в большей или меньшей степени использовать.

В украинской историографии и в местном «старом» мариупольском краеведении давно сложилось убеждение о древности присутствия украинского казачества в Северном Приазовье. Разные авторы относили начало этого процесса чаще всего или к концу XV – началу XVI века (с отсылкой к «Универсалу Батория-Хмельницкого» и ко временам Прецлава Ланцкоронского), или к 1611 году (версия местного краеведа Д.Н. Грушевского). После чего, по их мнению, власть запорожцев над нашим регионом уже почти не прерывалась. В рамках таких построений – запорожско-донские распри 1740-х годов вполне логично рассматривались как прямое продолжение гораздо более ранних аналогичных процессов, которым просто не так повезло с сохранностью документов. К сожалению, внимательное изучение первоисточников показывает, что такая концепция истории Северного Приазовья в основном не верна.

Данная книга посвящена рассмотрению возникновения этого конфликта между запорожским и донским казачеством. Своей основной частью она охватывает довольно узкий временной интервал – с 1743 по 1749 год. Именно эти события создали один из переломных моментов, когда история Северного Приазовья сделала резкий поворот и начала развиваться в новом, непривычном ей направлении. К тому же, изучение событий этого периода помогает лучше понять многие более ранние и более поздние процессы в нашем регионе.

Историография

После ликвидации в 1775 году Запорожской Сечи тема истории запорожского казачества несколько десятилетий оставалась вне круга интереса большинства историков. Ситуация начала меняться примерно с 1830-х годов, и во многом это было связано с деятельностью основанного в 1839 году Одесского общества истории и древностей. Одним из видных его членов был Аполлон Александрович Скальковский (1808 – 1898). Этот выдающийся южнорусский историк сумел найти и спасти от уничтожения остатки архива Запорожского Коша, который дотлевал в полной безвестности *«в обрывках архива давно упраздненного присутственного места»* в Екатеринославе. Он же произвел первоначальный разбор и сохранение этих документов, многие из которых были уже в очень плохом состоянии[1]. На основании изучения этого архива Скальковский написал свою «Историю Новой Сечи или последнего коша Запорожского». Это на тот момент было первое полноценное и обширное исследование по тематике запорожского казачества, разносторонне освещавшее его историю.

Первое издание этой книги вышло в 1841 году, оно было однотомным и еще очень «сырым». К тому же сразу отметим, что родившемуся в Житомире и проживавшему в Одессе Скальковскому, естественно, была интересней та часть запорожской истории, которая происходила к западу от Днепра. А вот тем, что происходило на далеких от него восточных окраинах запорожских Вольностей, в том числе и в Приазовье, он интересовался значительно меньше. Так, в первом издании своей книги историк лишь слегка коснулся темы распрей запорожцев с донцами, уделив ей совсем мало внимания (чуть больше страницы). Здесь он (допустив множество значительных ошибок) изложил эти события следующим образом. Мол, запорожцы очень не любили донцов. Последним приходилось часто жаловаться на запорожцев, и основными причинами этому были *«границы земель, особенно рыболовство на Азовском море и на Калмиусе»*. Донские рыбные ловли на Азовском море были очень многолюдными и богатыми. Главные же запорожские рыбные промыслы тогда располагались в Днепровском лимане, и из-за частых препон со стороны турок они были намного проблемнее и менее доходны. Для решения споров между запорожцами и донцами — по воле Императрицы *«отправлены были в козачьи земли депутаты»* (??). Само межевание было утверждено указами от 30 октября 1743 года и 30 апреля 1746 года. А произвел его якобы комендант крепости святой Анны (*«на Украинской линии лежащей»*??) Вырубов на основании собранных от обоих казачьих войск документов (??). Далее расписывалось какие реки в итоге достались запорожцам и какие донцам, и что с тех пор граница между ними проходила по *«р. Калмиус или Калка»* [1, сс. 223-224]. То есть, в этой версии причины начала раздоров между казаками за Северное Приазовье приводились чисто коммерческие, ни о каких «исторических» правах речь еще не шла.

[1] Сейчас этот архив хранится в 229 фонде Центрального государственного исторического архива Украины (г. Киев).

В другом месте этого издания Скальковский почему-то привел совсем другую датировку расширения донцов. Описывая «наказ» запорожским делегатам, отправлявшимся в столицу в 1755 году, историк записал, что вторым пунктом им приказывалось добиваться возвращения земель, захваченных Донским войском в 1740 (??) году [1, с. 235]. Но здесь он привел не прямую цитату, а пересказывал своими словами. Поэтому неизвестно, насколько это совпадает с оригинальным текстом наказа – ошиблись ли еще его составители или уже сам Скальковский? В целом можно отметить, что Кальмиусская паланка запорожев в этом первом издании упоминалась не очень часто, к тому же – с большими ошибками. Так, например, здесь можно прочитать о том, что владения нашей паланки якобы доходили до самого Днепра (до рек Конки и Мокрой Московки, урочища Святового) [1, сс. 33-34, 207 прим.1].

Это первое издание было с восторгом воспринято читающей публикой и вызвало взрывной рост интереса к запорожской тематике. Но поступила и критика по некоторым частным вопросам. Все это побудило Скальковского переработать и сильно расширить свою книгу, и в 1846 году ее второе издание вышло уже в трехтомном варианте[2]. Среди прочего, значительно большую глубину получила и проработка темы запорожско-донских распрей за рыбные ловли Приазовья. И именно редакция 1846 года задала последующий (и, как оказалось, не самый удачный) тренд изучению истории Северного Приазовья. Но прежде, чем рассказывать уважаемому Читателю о том, ЧТО именно написал Скальковский по этому поводу в своем втором издании, предварительно нужно проанализировать и то, ПОЧЕМУ он осмыслил данную тему именно так.

При всех неоспоримых заслугах данной книги, нужно упомянуть и то, что Скальковский (как первопроходец в этой теме) естественно не мог все темы проработать одинаково хорошо. Поэтому в его работе имелось также и множество ошибок и неправильных предположений, которые в дальнейшем не подтвердились. Доступные Скальковскому документы архива Новой Сечи (1734 – 1775 гг.) позволили ему достаточно неплохо реконструировать и описать ситуацию в запорожских степях середины XVIII века. Но большой ошибкой Скальковского стала его попытка спроецировать полученную им картину без изменений и на гораздо более ранние времена XVII века (а иногда — даже XVI века!). Эти моменты у него проскальзывают очень часто. Приведем два типовых его высказывания из издания 1846 года:

*«Из этого документа видно, что в 1756 году **и вероятно за 100 лет прежде,— ибо Запорожье до самаго 1766 года никаким переменам не подвергалось*** [здесь и далее — выделение автора книги]*,— край Запорожский разделялся тогда на пять ведомств или паланок, коих начальники, полковники, за благочинием войска вне Сечи и вместе за границею наблюдали»* [2, с. 52];

или:

*«**В столетнем периоде**, который можем мы определить с точностию, посредством имеющихся у нас достоверных козачьих документов (**т.е. между 1670 и 1770 го-***

[2] В издании 1846 года есть много ссылок на приложения с документами. Но в доступных в Интернете сканах данного трехтомника эти приложения почему-то отсутствуют. К счастью, большая часть этих документов имеется в приложениях к изданию 1841 года, поэтому с ними можно ознакомиться там. Первое издание уже тоже можно найти в Сети.

***дами**), «Славное Запорожское Низовое войско» занимало обширное пространство земель, составляющих теперь Екатеринославскую и Херсонскую губернии, за исключением от сей последней Одесскаго, Тираспольскаго и Ананьевскаго уездов, т.е. области между Бугом и Днестром лежащей»* [2, с. 40].

На данном обстоятельстве нам придется остановиться несколько подробнее, так как оно напрямую относится к пониманию того, как складывались представления историков об этом периоде истории Приазовья. А здесь проблема была в том, что Скальковский при своей работе с запорожским архивом слишком некритично отнесся к так называемому «Универсалу Батория – Хмельницкого» (далее – УБХ), в котором подтверждались права запорожцев на их земли. Этот «универсал» был якобы выдан польским королем Баторием около 1576 года (в разных копиях дата несколько отличается), а позже подтвержден гетманом Богданом Хмельницким в 1655 году. У запорожцев этот фальшивый «документ» появится только в 1753 году. И с тех пор они начали активно применять его (без особого, правда, успеха) во всех своих многочисленных территориальных спорах с соседями. Поэтому документы по таким земельным спорам (в том числе и с ипользованием УБХ) в запорожском архиве встречались очень часто. А вот документы с аргументами «других» сторон таких конфликтов – Скальковскому остались в большинстве своем неизвестными. Поэтому его выводы по данной теме получились очень субъективными и односторонними. Несколько более подробную информацию об УБХ вынесем в отдельный информационный блок, для интересующихся.

Вскоре после окончания русско-турецкой войны 1736 – 1739 годов у Запорожского Коша, наконец, дошли руки до решения вопроса о восстановлении своей власти на тех территориях, которые запорожцы считали своими. А в некоторых случаях – и об их расширении за счет бывших турецких и татарских владений. Что, естественно, не могло не привести ко множеству территориальных споров с их внутрироссийскими соседями. А так как договориться на местном уровне не удавалось, то в эти споры приходилось вмешиваться центральным имперским властям. И уже очень скоро, в начале 1740-х годов, запорожцы столкнулись с существенным затруднением: у них полностью отсутствовали документальные подтверждения на их владение собственными (или просто горячо желаемыми ими) территориями. А к их устным утверждениям Правительство (не без оснований) относилось не слишком доверительно и часто принимало решения не в пользу Коша. Как это было, например, с правительственным решением 1746 года о назначении им границы с донцами по Кальмиусу (об этом как раз и пойдет речь в данной книге). Сильно нервировало Кош и обсуждение в Петербурге в начале 1750-х различных прожектов относительно Присамарья – от детальных проработок устройства здесь новой укрепленной линии (с соответствующим выделением земель для ее функционирования) до первоначальных требований сербов Шевича и Депрерадовича о выделении им именно этих территорий для нового сербского поселения. Но особенно тяжелым ударом для Запорожья станет выделение в конце 1751 — начале 1752 года части запорожской территории в северо-западной части Вольностей (к западу от Днепра) под устройство Новой Сербии. То есть, запорожская верхушка остро чувствовала все неудобство своего положения из-за отсутствия у себя такого документа, который доказывал бы их исторические права на все их коренные и просто жела-

емые ими спорные территории. К сожалению запорожцев, на всех территориальных разборках 1740-х — начала 1750-х годов такой документ у них начисто отсутствовал и ни разу не упоминался.

И тут – о Чудо! Именно в это время (а точнее – в октябре 1753 года) у Коша такой документ внезапно появляется[3]. Это был «универсал» с письменным подтверждением территориальных владений войска Запорожского Низового от польского короля Стефана Батория и от гетмана Богдана Хмельницкого. Правда, появился он в виде никем не заверенной копии, а его оригинал (невзирая на очень настойчивые старания) запорожцам найти так и не удастся. Понятно, что те люди из запорожской верхушки, которые знали подробности его «чудесного» появления, эту информацию окружающим благоразумно не разглашали. А вот остальная часть запорожской старшины и рядовое казачество восприняли появление этого «древнего» документа с полным восторгом и доверием! И с 1753 года УБХ будет активно использоваться запорожцами во всех последующих территориальных спорах вплоть до момента ликвидации Сечи.

Применение казаками УБХ вызвало некоторую растерянность и беспокойство в среде высшего имперского руководства, а также и у «аборигенных» соседей запорожцев. С одной стороны, было понятно, что написанное в нем является большей частью откровенно недостоверным (тогда на местах еще хорошо помнили, какие участки Степи контролировались запорожцами, а какие татарами). Да и обстоятельства его чудесного появления были очень подозрительны. Но, с другой стороны, запорожские делегаты с таким пылом и внутренней убежденностью отстаивали его подлинность и, соответственно, дарованные им границы (описанные, впрочем, так расплывчато, что допускали самые широкие спекуляции), что высшее руководство империи несколько дрогнуло и засомневалось. В последующем, запорожские делегаты в Санкт-Петербург не раз

[3] О датировке появления УБХ. В начале 1750-х годов у запорожцев возникли споры с Полтавским полком о принадлежности Старой Самары, началась переписка по этому поводу. 5 октября 1752 года кошевой Павел Иванович Козелецкий в своем письме на имя императрицы писал (в очень общих фразах) о том, что во времена Хмельницкого и ранее — войско Запорожское владело ниже Переволочны Днепром и впадающими в него с обоих сторон речками, включая и Самару. Но вот письменных подтверждений этого у него еще не было: *«<…> хотя же от нас, войска, на те самарские и протчие волности крепостей [т.е. письменных свидетельств, подтверждений — LV] и не имеется; то учинилось по тогдашнему древнему обичаю за простотою, а паче что к тем волностям никто тогда не интересовался»* [43, сс. 46-49]. Ни о каком универсале, ни о каком Батории – запорожская верхушка еще не знала.

А всего через год, 6 октября 1753 года, уже другой кошевой атаман — Данила Стефанович Гладкий – по тому же вопросу направил гетману Разумовскому новое письмо, уже с приложением свежеобретенной копии УБХ. Как записал несколько дней спустя Разумовский: *«<…> Атаман кошевий Данило Стефанов при допущении [доношении? — LV] своем представил нам сискавшиеся между делами в архиве войсковой копии универсала войску Низовому Запорожскому на свободное Самарю и лесними и протчими угодиями владение, от антесессора [предшественника — LV] нашего Гетмана Богдана Хмельницкого данного <…>»* [43, сс. 77-79]. На этом основании Гладкий считал уже не нужным посылку запорожских депутатов для дальнейших прений с полтавчанами, а также просил Разумовского подтвердить старый гетманский универсал выдачей аналогичного нового. Если бы эта авантюра удалась, то Кош получил бы вполне легальный документ от тогдашнего гетмана, который можно было бы уже использовать во всех дальнейших спорах, а тему с поддельным «древним» документом тогда можно было бы похоронить. Но Разумовский в подлинности копии данного универсала сразу усомнился: *«А понеже на одних тех представленних от него, кошевого, копиях, а паче на копии помянутого уневерсала, яко ником не засвидетельствованной, утвердится невозможно, но надлежит представить тот подленной уневерсал и другие крепости [подкрепляющие документы — LV] при оному следствии <…>»* [43, сс. 77-79]. По всей видимости, этот «универсал» родился именно в 1753 году, незадолго до составления данного донесения кошевого атамана.

подкупали тамошних архивных служащих для поиска оригинала этого универсала в петербургских и московских архивах, но каждый раз безуспешно (трудно найти в архивах то, чего в них отродясь не было!). Так что УБХ, хотя и проходил тогда по разряду сомнительных бумаг, но свою роль в ослаблении имперского давления на границы Запорожских Вольностей (и даже в некотором их расширении) все-таки сыграл.

В дальнейшем официальная историческая наука (Г.Ф. Миллер, Д.И. Яворницкий, А.В. Стороженко, И.Л. Бутич, Ю.А. Мыцик) пришла к выводу о фальсификации данного универсала. Но некоторые другие историки, а также большинство краеведов по-прежнему пытаются активно использовать его данные в своих работах.

Великолепный и подробнейший разбор УБХ содержится в работе Н. Жарких «Терехтемирів» [3]. Можно порекомендовать эту работу как очень качественный образец критического анализа[4]. Выводы автора о фальсификации этого документа однозначны.

К сожалению, убежденность запорожцев в подлинности УБХ произвела впечатление и на их первого историка Скальковского. Он неоднократно явно или иносказательно упоминает этот документ в своей книге, и всегда в самых восторженных выражениях: *«и копии весьма важных документов, простирающихся до 1660 годов, т.е. до отпадения Украины от Польши и возсоединения с православным Царством Русским»* [2, с. 4], *«Относительно Запорожцев имеем уже письменный, самый важный и замечательный документ в одном универсале гетмана Богдана Хмельницкаго»* [2, с. 29], *«Эту грамоту, по ея древности, языку и содержанию, мы считаем основным актом Запорожскаго быта на Днепровских Низовьях и владения козачеством всеми нашими Новороссийскими степями»* [4, с. 9] и т.д. Скальковский сам отмечал, что оригинала этого документа у запорожцев не было, и что они жаловались на то, что русские министры *«оному не верят»*. Но ни это, ни его же наблюдения о том, что очерченные в УБХ пределы – это *«судя по границам, это нынешний Новороссийский Край, за исключением Ногайской его части и Крыма»* (т.е. это границы Запорожских Вольностей по состоянию на середину XVIII века!), ни вполне законный его вопрос *«на каком основании Польское правительство давало Козакам то, что и ему сомнительным образом принадлежало?»* [2, сс. 32 прим.1, 33] – так и не заставило Скальковского усомниться в достоверности данных этого универсала. Наоборот, именно из него этот историк и вывел свое твердое убеждение о том, что границы и устройство Запорожских Вольностей времен Новой Сечи (середина XVIII века) можно механически и без изменений распространить и на предыдущие сто (а то и больше!) лет. К сожалению, это была неудачная идея…

В тексте УБХ о восточных границах Вольностей говорилось очень расплывчато, самыми общими фразами, но с претензией на историчность: *«городок старинный же запорожский Самар с перевозом и землями в гору Днепра по речку Орел, а в низу до самих степов нагайских и кримских <…> от самарских же земель чрез степь до самой реки Дону, где еще за гетмана козацкого Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожские свои зимовники мевали [имели — LV]»*. Знаменитый староста города Хмельник (в нынешней Винницкой области) Предслав Лянцкоронский действовал в начале XVI века. И хотя ни Северное

[4] Рекомендуется читать именно украиноязычный вариант, так как в русскоязычном – приводятся только краткие резюме по содержимому каждого раздела.

Приазовье в целом, ни река Кальмиус в УБХ не упоминались вовсе, это не помешало Скальковскому во втором издании отнести начало запорожских владений в наших краях в глубокую древность:

«<…> Калмиусская паланка *«в чрезвычайной отдаленности остаючаяся» служила защитою промышленникам, ходившим за солью на Бердянское озеро и для рыболовства в Азовском море. Там* ***уже два века*** *происходили споры с Донцами за лов рыбы на косах Белосарайской, Кривой и др., а в те времена (1740-1775)* ***вечная вражда*** *породила распри, даже битвы за промысл на другой, так называемой Кубанской стороне Азовскаго моря, Крымскому Хану принадлежавшей, особенно в Ейском лимане, где ныне поселенья Черноморцев. В политическом отношении это было сильным постом для наблюдения за Ногайцами Кубанской Орды, о которых безпрестанно доносили старшина Калмиусская Кошевому начальству*. <…>» [2, сс. т.1, с.61].

Вот он рассказывает о крымском периоде запорожцев (1709-1734 гг.): *«Татаре, на берегах Азовского моря кочующие, не только не допускали Запорожцев к рыбной и звериной ловле,* ***на степях и косах Бердянских издревле им*** *[запорожцам — LV]* ***принадлежавших****, но еще одиноких рыболовов убивали или, взяв в плен, продавали Черкессам»* [4, с. 35]

Вот фрагменты его рассказа о времени сразу после возвращения запорожцев под российскую власть в 1734 году: *«Приступлено и к устройству поланок, особенно в Кодаке и на Самаре <…>»* [4, с. 65]. И хотя Приазовье он в этом месте не упоминает, но, видимо, имел в виду и его. Потому как в другом месте он говорит об этом же периоде: *«Когда заботы политические были устранены, Кош занялся внутренним своим устройством. <…> Военные посты для защиты границы и покровительства рыболовству поставлены в Гарду на Буге и* ***у р. Калмиуса со стороны Азовского моря, «где зимовники козачьи, еще со времени Прецлава Ланцкоронскаго (т.е. с XVI века) находились»*** [4, с. 79]. Нетрудно заметить, что Скальковский здесь, ничтоже сумняшеся, привязал к низовьям Кальмиуса цитату про зимовники, которая в тексте УБХ относилась к Дону.

Или фрагмент главы о территориальных распрях 1770-х годов: *«Еще большия и истинно кровавыя сцены происходили на юго-востоке Запорожья, со стороны Калмиусской паланки.* ***С незапамятных времен*** *боролись там два козачия воинства за право рыболовства на косах Азовскаго моря (Семеновской, Еланчикской, Кривой, Безименной, Широкой и Ляпиной) от устья Калмиуса до Миусскаго лимана, и за владение степями, лежащими на вершинах рек: Калмиуса, Еланчиков и Крынки до впадения сей последней в Миус <…>»* [5, сс. 154-155].

Попытка анонимных авторов УБХ в начале 1750-х годов доказать историчность владений запорожцев *«до самой реки Дону»* была вызвана предшествующими событиями середины 1740-х годов. Тогда территориальные претензии Запорожского Коша (в максимальных вариантах) иногда доходили до самых низовьев Дона (до его правого притока Темерника, в черте нынешнего города Ростова-на-Дону). Вот только сами их участники с запорожской стороны на тот момент озвучивали совсем другие причины таких требований, среди которых историчность владений вообще не звучала. Именно об этих событиях будет рассказано в нашей книге. В 1740-х годах сами запорожцы еще не знали о своих «древних зимовниках» на Дону.

К тому же авторы УБХ здесь допустили ошибку, предположив, что привычное им слово «зимовник» бытовало и в гораздо более ранние времена. Но в документах времен Лянцкоронского и Батория (XVI век) это слово в Степи еще

не встречается. И само появление таких казачьих хуторов в незащищенных и «татароопасных» степных местах относится к гораздо более поздним временам. Об этом (на примере проверки фактологической основы «древней» части книги А.Л. Олийныка «Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775)») рассказывается в авторской статье «В поисках “второго” зимовника» [6] (см. в Приложениях).

В результате, Скальковский, уверенный в глубокой древности запорожских владений в Северном Приазовье, во втором издании своей книги сильно переработал и расширил описание обстоятельств начала конфликта с донцами. Теперь он написал, что пока запорожцы находились под крымской властью, их соперники донцы заняли оставленные теми рыболовные и звероловные угодья по северному берегу Азовского моря, вплоть до Кальмиуса и Берды (??). Это владение до 1740 года не было правительством никому определено (??), и потому *«Донцы пользовались ими по правам давности (præscriptio)»*. Но затем запорожцы вернулись под российскую власть, *«к древним своим пепелищам»*. Тогда они *«естественно, уселись на своих Калмиуских землях и вытеснили оттуда Донских промышленников и рыболовов»*. После чего рассказ Скальковского становится более реалистичным. Что вытеснение донцов *«не могло обойтись без обоюдных споров и обид, наконец распрей и кровавых насилий с обеих сторон»*. Когда известия об этом достигли двора, императрица Елизавета указом от 10 октября 1743 года велела коменданту крепости святой Анны бригадиру Вырубову *«разобрать на месте взаимные претензии обоих войск и с правосудием определить им владения <…>»*. Это разграничение продолжалось целых три года и было закончено только в 1746 году. Далее опять пересказывался сенатский указ от 30 апреля 1746 года и границы земель, утвержденных за обоими казачьими войсками [4, сс. 138-140].

Сразу же после этого, Скальковский уделил свое внимание и теме притязаний запорожцев и донцов *«на край обоим войскам вовсе не принадлежавший – на берега и косы Кубанской стороны Азовскаго моря»* (отметим, что в реальной истории донцы на эту сторону тогда вообще не претендовали). Скальковский считал его принадлежавшим тогда Крымскому ханству и кубанским ногайцам, но на тот момент *«совершенно пустым»*. О барьерных (нейтральных) землях здесь он, похоже, вообще не знал. По словам Скальковского, запорожцы *«построив дубы [лодки — LV] на устьях Берды или Калмиуса»*, без ведома Коша целыми толпами пересекали Азовское море в сторону Ейского лимана. И здесь, *«избрав себе полковника (sic!), старшину (sic!) и атаманов»* (реально – только последних) все лето занимались рыболовством и охотой на зверей. Донцам и кубанским ногайцам пребывание здесь запорожцев сильно не нравилось, о чем они жаловались своему начальству. Первое упоминание о таких событиях Скальковский нашел в указе от 10 октября 1743 года, там же содержалось и повеление выслать всех запорожцев с Кубанской стороны. Затем историк упоминает аналогичный указ от 11 июня 1745 года. И что, невзирая *«на эти и другие Высочайшие приказы и строгость Коша»*, ватаги рыбаков продолжали туда плавать. Здесь Скальковский счел нужным привести пример с запорожским *«Кальмиусским полковником Кишенским»*, который сам себя назвал полковником Миусским (добавим, что это происходило в 1-й половине 1743 года). Тот не только никак не сдерживал своих людей, но и сам входил на донские территории и утверждал здесь запорожские рыболовные станы. Его *дерзости и обиды»* вынудили донское руководство арестовать данного полковника и отпра-

вить в Новочеркасск[5] (sic!), а также донести об этом императорскому двору. И за это запорожцы получили строгий выговор аж в 1746 (sic!) году. В 1744 году киевский генерал-губернатор Леонтьев вторично писал в Кош о пребывании запорожцев на Кубанских землях и о жалобе на это от Ачуевского Исмаил-Аги (турецкий комендант крепости Ачуев в юго-восточном Приазовье). И далее историк написал, что «*Для решения этих новых споров [за Приазовье – LV] между обоими войсками [Донским и Запорожским – LV], независимо от комиссаров, назначенных для их разграничения, учреждена была в Бахмуте следственная комиссия, под председательством полковника Федора Рязанова <…>*». Далее он назвал имена троих запорожских депутатов при этой комиссии. И записал, что эта комиссия на 1749 год *«дела своего не кончила, хотя целыя сотни козаков Запорожских к допросам призывала»* [4, сс. 140-143]. Отметим, что во втором издании изложение событий середины 1740-х годов в Приазовье сделано Скальковским значительно ближе к реальной истории, чем в его первом издании. Но количество фактических ошибок все еще достаточно большое.

Подробнее эпизод с Кишенским Скальковский рассматривает (тоже с изрядной долей путаницы) в другом месте своего второго издания: *«В 1743 году Киевский генерал-губернатор Леонтьев сообщил Кошу многия жалобы Донскаго атамана Эфремова на Калмиусскаго полковника Кишенскаго, который не только что за границу Запорожскую, до Миусскаго, Белаго-Камня и Темерника с рыболовством доходил, но даже именуя себя Миусским полковником, посгонил оттуда Донцев и Русских промышленников, а шалаши и имущество их зажег, но от пожара один Бог спас. Этот своевольный полковник как бы на посмеяние Донцам, явясь в столицу их, Ново-Черкаск (sic!), в кабаках и на рынках сзывал себе в ватагу беглых Запорожцов и Малороссийских людей, рыскал верхом по улицам на сырную неделю и плетью бил женщин и козаков, к крайнему оскорблению Донскаго войска. Наконец, собрав себе порядочную команду, сел в лодки и переехал Азовское море, там на Кубанской земле расположился для рыболовства и охоты. Леонтьев строго требовал для прекращения споров с Донцами и вражды с Кубанскими Ногайцами, чтобы Запорожцы ловили рыбу вокруг Днепра и в впадающих в Азовское море речках: Берде, Калмиусе, Калке и Каланчаке[6] (sic!), не касаясь чужих угодьев»* [4, с. 232].

При описании распрей запорожцев с донцами за Приазовье у Скальковского часто мелькает **1743 год**. Но никаких выводов и наблюдений из этого историк не сделал. Для него это была просто одна из дат в продолжавшемся конфликте. Мы же рекомендуем уважаемому Читателю обратить на эту дату самое пристальное внимание, она нам еще пригодится!

[5] События, связанные с полковником Кишенским, на самом деле происходили в тогдашней столице донцов Черкасске (ныне – г. Старочеркасск). А Новочеркасск будет основан атаманом Матвеем Платовым в качестве новой столицы войска Донского только в 1805 году

[6] Каланчак – река в Херсонской области, западнее Перекопа. На тот момент она находилась на территории Крымского ханства. Здесь Скальковский спутал ее с нашим Кальчиком (приток Кальмиуса).

Несколькими десятилетиями позже (1879 – 1881 гг.) была опубликована работа епископа Екатеринославского и Таганрогского Феодосия (Макаревского) под длинным названием *«Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия»*. В ней расписывалась история городских и сельских храмов епархии. Сам Феодосий тему запорожско-донских распрей никак не освещал. Но зато он творчески развил идею Скальковского о древних запорожских владениях в Северном Приазовье, что сильно повлияет в дальнейшем на понимание последующими историками данной темы. Поэтому придется несколько остановиться и на его работе. Именно с легкой руки Макаревского родилось расхожее выражение о *«**древнейшей, старожитной** запорожской Калмиусской Паланке»* на месте Мариуполя [7, с. 797]. А что он понимал под ее древностью становится понятным из другой статьи, о Таганроге. Здесь Феодосий сообщает, что *«из давних, незапамятных лет, **даже и в период литовско-польскаго владычества над всею местностию от Дона до Очакова**»* на месте Таганрога стояла небольшая башня с турецко-татарским гарнизоном. И что *«в мирное и спокойное время **ловкие запорожцы с Калмиуса**, а удалые донцы с Миуса (??), часто приезжали в эту фортецию под разными благовидными предлогами, с турецко-татарскою стражею вели законные торги и сделки по разным житейским предметам»* [7, с. 847]. Понятно, что польско-литовские времена в наших краях даже теоретически не могли длиться дольше Хмельниччины (сер. XVII века). Не будем брать легендарные времена великого князя литовского Витовта (конец XIV – начало XV века), который один раз якобы дошел *«до самого замка Озов»*, это слишком рано и слишком мимолетно. Тогда единственный источник, откуда Макаревский мог взять такую фантастическую идею о польско-литовских владениях в Северном Приазовье (вероятно, он имел в виду XVI – начало XVII века?) и о наличии тогда на Кальмиусе запорожских казаков – это уже упоминавшийся злосчастный УБХ из труда Скальковского.

В этой книге Макаревского нужно четко разделять два информационных слоя. **Первый** – «церковный» — основан на реальных документах из подведомственных Феодосию церковных архивов. В нем изредка встречаются малозначительные ошибки, но в целом здесь информация собрана достоверная и очень ценная. К этому слою информации никаких особых претензий нет. Но в этой книге есть еще **второй** – «древне-запорожский слой» (далее – ДЗС) – который сформирован на основе каких-то смутных и сомнительных источников, говоря проще – баек. Именно здесь, к месту и не к месту, у Макаревского почти по каждому селению прописаны *«древние запорожские займища»* и *«старожитные запорожские маетности»*, иногда – с какими-то дополнительными фэнтезийными подробностями. Данные из макаревского ДЗС были с большим энтузиазмом восприняты любителями местной истории. Они с тех пор широко используются при написании истории населенных пунктов, расположенных на территории бывшей епархии. Вот только, невзирая на полуторавековые целеустремленные старания местных краеведов, ни одного независимого документа, подтверждающего данные ДЗС из этой книги – до сих пор так и не найдено… Те «древние» записи Макаревского по восточной части епархии, которые автору удалось проверить – оказались откровенно фейковыми. ДЗС книги Макаревского сыграл крайне отрицательную роль в формировании представлений об истории Донбасса и Северного Приазовья XVI – XVIII веков, уведя большинство наших историков и краеведов на ложный и тупиковый путь.

Из-за настойчивого (но бесплодного) желания найти следы обещанных Макаревским «древних» запорожцев – реальные документы со всякими татарами до недавнего времени просто игнорировались или трактовались крайне превратно.

Не обошел своим вниманием тему запорожско-донских распрей и такой выдающийся историк запорожского казачества как Д.И. Эварницкий (Яворницкий). Так, в своей фундаментальной книге «История запорожских казаков» (1892 – 1897), он посвятил ей довольно развернутый рассказ на несколько страниц. В книге ему предшествует сообщение об установлении участка русско-турецкой границы к востоку от Днепра (1742 год). А также довольно фантастический рассказ историка о том, что установление границы по «Инструменту» 1740 года (к западу от Днепра) каким-то образом позволило России *«провести за рекою Самарою так называемую «новую украинскую линию» земляных укреплений, более удобную по своей краткости, нежели «старая украинская линия», для прикрытия Украины от набегов со стороны татар и более близкую для предпринятия покорения Крыма, для нападений на турецкую крепость Очаков, и для действия русской флотилии на Черном море. <…>»*. Здесь надо обратить внимание уважаемого Читателя, что планы по переносу Украинской укрепленной линии с реки Орели южнее, в Присамарье, тогда действительно активно обсуждались, но реализованы так и не были. Тем не менее, по мнению Яворницкого, устройство этой (неосуществленной) «новой украинской линии» все-таки негативно повлияло на запорожцев и каким-то непонятным образом привело к их конфликту с донцами: *«Но для запорожского войска установление пограничной черты с востока [здесь имелось в виду установление русско-турецкой границы к востоку от Днепра в 1742 году — LV] и проведение «новой украинской линии» с севера на первых порах не только не принесло пользы, а, напротив того, причинило немало бедствий и разорений вследствие столкновения с ближайшими к ним соседями, донскими козаками»* [8, с. 34].

Начало распри между донцами и запорожцами Яворницкий абсолютно правильно датировал 1743 годом, хотя и не делал на этом акцент. Мы сами выделим соответствующее место: *«Установленная с восточной стороны граница [1742 года, по Конке и Берде — LV] между владениями запорожских и донских козаков показалась для тех и для других не вполне определенною, и потому между ними* ***уже в 1743 году начались распри****, продолжавшиеся до 1746 года и ознаменовавшиемя с обеих сторон грабежами, разбоями и даже смертоубийствами»*. Здесь же Яворницкий сделал и следующее весьма интересное примечание: *«По поводу* ***возникших в 1743 году*** *споров между запорожцами и донцами имеется в делах правительствующего сената малороссийской экспедиции огромное дело, написанное более чем на 500 листах»* [8, с. 34]. Насколько можно понять, на тот момент историк его еще не проработал.

Далее Яворницкий рассказал про разворачивание этого конфликта, приводя и обширные цитаты из документов. К сожалению, в очередности и порядке событий 1743 года он разобраться не сумел, поэтому в его изложении получилась следующая версия этой истории. Что в 1743 году запорожцы подали на имя императрицы Елизаветы Петровны жалобу на донцов за то, что те выгоняют запорожских рыболовов и охотников *«из Калмиуса и Миуса речок и из прочих мест»*. По этой жалобе было приказано Военной коллегии послать

войску Донскому указ, запрещающий донцам обижать запорожцев. И, якобы, только получив известие об этом, запорожский кошевой атаман Константин Малашевич отправил в Приазовье *«полковника Кишинского»*. Который, приехав на место, начала сгонять оттуда донцов и жечь их шалаши. Теперь уже войско Донское пожаловалось императрице на действия запорожцев, а также просило удалить тех из большей части Приазовья. Но запорожцы, ссылаясь на высочайшие указы, а также на ордера генерала Михаила Леонтьева и князя Василия Репнина, продолжали присутствовать и осуществлять свой контроль на спорных территориях. Надо отметить, что в целом факты по событиям 1743 года Яворницким приведены в основном правильно. Только совершенно не в том порядке и не с теми внутренними взаимосвязями, как это случилось на самом деле…

Дальнейший рассказ у историка получился более правильным, хотя и с большими пропусками. Так он рассказывает, что в том же 1743 году *«для разбора спорного дела»* был назначен комендант крепости святой Анны Вырубов. Но тот (по ряду причин) не смог приступить к этому следствию, а потом и вовсе умер. Тогда миссия размежевания была возложена на подполковника Бильса, *«стоявшего лагерем при реке Темернике»*. И сообщается об организованных под руководством Бильса «прениях» запорожских и донских делегатов при устье Миуса в октябре 1745 года. Приводятся записи основных показаний с обеих сторон.

Пока Сенат переписывался с Военной коллегией, пытаясь решить этот конфликт, между донцами и запорожцами продолжались взаимные обиды, и, соответственно, жалобы по этому поводу к верховным властям. Про апрельское постановление Сената (1746 год), назначившего новую границу между двумя казачьими войсками по Кальмиусу, Яворницкий здесь не сообщил. А окончательное прекращение споров по этому делу историк относил к сентябрю 1746 года, когда подполковник Андрон Коробьин произвел на месте демаркацию этой границы по Кальмиусу. Здесь в книге приведены фрагмент сообщения Коробьина о завершении этого разграничения, расписки депутатов от обоих казачьих войск и описание установленных «знаков». Дальнейшие события Д.И. Яворницкий в этом месте своего труда не прослеживал [8, сс. 34-40]. Можно сказать, что, невзирая не некоторую путаницу по 1743 году, в целом у историка получилося достаточно адекватный рассказ об этих событиях.

Тем не менее, и умница Яворницкий допустил в своих работах некоторые ошибки, которые также отрицательным образом повлияли на понимание последующими историками нашей местной истории. Так, например, рассказывая о потере Российской империей огромных территорий на юге после Прутского поражения 1711 года, Яворницкий так описал последствия этого для изгнанников-запорожцев: *«Тогда запорожцы de jure сделались вновь обладателями прежних своих вольностей: они раскинули* ***свои зимовники или хутора*** *по очаковской стороне, от Переволочной до самого Буга,* ***и по крымской, от реки Самары до Азовского моря****. На этом пространстве они могли заниматься охотой,* ***не заводя, однако, оседлостей****»* [8, с. 32]. Поэтому во многих современных украинских работах можно прочесть, со ссылкой на Яворницкого, что зимовники запорожцев времен их Крымского периода располагались в том числе и к востоку от Днепра – от реки Самары и до Азовского моря. Хотя не очень понятно, как можно устраивать зимовники, *«не заводя, однако, оседлостей»*? На этот явный оксюморон авторы этих работ стараются не обращать внимание.

Но вот если посмотреть, на что ссылается Яворницкий в этом месте, то ситуация с этой фразой резко проясняется. В 17-й ссылке, указанной к данной

фразе, указывается на «Историю…» Мышецкого и на Генеральную карту де-Боксета 1751 года [8, с. 463]. Карта де-Боскета (правильно – де Боксета, de Bosquet) 1751 года является переработанной и расширенной версией более ранней его же карты Заднепровских мест, снятой в начале 1740-х годов, уже сильно позже возврата запорожцев в российское подданство. И ситуацию Крымского периода запорожцев она вообще никак не отображает. Зачем Яворницкий вставил ее в эту ссылку – решительно непонятно.

А вот другой, указанный здесь источник, это *«История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся»* князя С.И. Мышецкого. Ее автор находился непосредственно в Запорожской Сечи с 1736 по 1740 год и собрал по еще свежим воспоминаниям запорожцев много информации об их пребывании под крымцами. И вот как в оригинале звучало интересующее нас место его работы: *«Будучи за Крымцами, имели главныя жилища свои в двух Сечах, а имянно: в Каменке и в Олешках; и в степи хуторами и зимовниками жили по Очаковской стороне [то есть к западу от Днепра — LV], отъ Переволочны даже до Буг реки; и на оной степи, по всем хуторам рыбную ловлю они Казаки имели, и зверей всякихъ ловливали и били,* ***а на Крымской стороне*** *[к востоку от Днепра — LV]* ***хуторов и зимовников не имели, а рыбы не ловливали, токмо что за звериною охотою езживали****»*. Нетрудно заметить, что в пересказе Яворницкого фраза Мышецого про отсутствие запорожских хуторов и зимовников к востоку от Днепра получила совершенно противоположное значение. По всей видимости, Яворницкий приводил эту цитату по памяти и нечаянно исказил ее…

На всякий случай приведем еще одно описание 1728 года, найденное Яворницким: *"Нынешняя их Сечь ниже Казикермана в семи милех имеет свое положение, над речкою Конскою, в урочище Олешках, по сю сторону Днепра [т.е. на его левобережье — LV]; а в ней ныне куреней 38, а людей всегда в оной может быть с полторы тысячи; а другие запорожцы* ***кочуют*** *куренями по рекам Богу, по Великом Ингулу, по Исуни, по Ингулцу, по Саксагани, по Базавлуку, по Малой и Великой Камянках и по Суре, которыя реки суть по ту сторону Днепра;* ***а по сю сторону по рекам-же Протовчи, по Самаре и по самом Днепре по обоим оного сторонам, взявши от границы по самое устье Днепра*** *и Богу (Бугу); а по оным всем* ***кочевьям*** *и по других малых речках может их, запорожцов, считаться многия тысячи людей, толко о подлинном оных числе знать невозможно"*. Отметим, что здесь (помимо основной территории к западу от Днепра) также упоминается пребывание казаков на левобережье Днепра, реках Самаре и Протовче, но не в Приазовье. И в данном отрывке используются применительно к запорожцам слова *«кочуют»* и *«кочевье»*, но совсем не упоминается об их зимовниках.

А вот фрагмент из письма Орлика, который в 1734 году пытался уговорить запорожцев вернуться обратно в крымское подданство. Вот как он описывал территории, которые казакам придется оставить, так как по мирному договору эти земли остаются в границах Османской империи: *"<…> и оставивши так же все свой угодиа, пожики и здобычи в Днепру, в Богу и во всех по обоим сторонам Днепра речках и полях, до Москви належачих, удалистеся чили удаетеся в сторону московскую"*. Опять – речь о Буге, о Днепре и о притоках Днепра с обеих сторон. Но снова ни слова о Приазовье…

Тему запорожско-донских раздоров середины XVIII века вскользь затрагивали и многие последующие историки. Но чаще всего это были не самостоятельные исследования, а краткие компиляции из работ более ранних авторов, поэтому там раз за разом повторялось большое количество ошибок. И под влиянием идей Скальковского и Феодосия (Макаревского) в большинстве таких работ события 1740-х годов рассматривались просто как продолжение начавшегося задолго до того конфликта между донцами и запорожцами. Поэтому проследить начало и причины реальной цепочки данных событий – их авторы не смогли. К тому же во многих таких работах обоснованность претензий войска Запорожского на земли Северного Приазовья авторами некритично принималась как безусловная истина. Откуда происходило ложное убеждение, что запорожцы, как могли, защищали тогда свои исконные земли, а «злые» донцы и администрация Российской империи — только и старались войско Запорожское как-нибудь посильнее обидеть. Что сильно не совпадает с тем, что мы реально видим в документах. На самом деле в этом конфикте всё было значительно более сложно, однозначно «белых и пушистых» там вообще не было ни с одной из сторон...

В позднесоветские времена (1970-е годы) в работах некоторых мариупольских краеведов произошло смешивание, миксирование двух местных городских легенд, которые до того никак не были связаны друг с другом. В попытках осмыслить сообщение Феодосия (Макаревского) о «древнейшей, старожитной запорожской Калмиусской Паланке», они скрестили легенду о некоем «древнем городе Домахе/Адомахии», располагавшемся на месте нынешнего Мариуполя, с другой местной легендой о казачке Домахе, прорывшей канал между устьем Кальмиуса и озером. В результате родилось мнение о «древнем запорожском городе Домахе» или «казацкой крепости Калмиюс», начало которых разные авторы относили то к 1611 году, то к концу XV — началу XVI века, а то и к еще гораздо более ранним временам... Эти версии оказались очень популярными, но бесплодными и не соответствующими реальности. Однако они сильно повлияли на понимание украинскими историками и местными краеведами истории Приазовья XVI – XVIII веков.

Подробнее истоки этого «микширования» и его последствия рассматриваются в авторской статье «Древняя история Донбасса. Реквием по перевернутой пирамиде». Она также приводится в Приложениях к книге.

И лишь относительно недавно на Украине появились первые самостоятельные, хоть и небольшие по объему работы по теме запорожско-донских распрей. Из того, что известно автору, можно, например, указать статьи В.Н. Полторака «Розмежування Вольностей Війська Запорозького та Війська Донського в 40-і роки XVIII ст.» (2005) и В.В. Грибовского «Запорожские рыбные промыслы в Восточном Приазовье» (2010). А также две очень неплохие работы о деятельности Бахмутской следственной комиссии: статью того же В.Н. Полторака «Слідчі комісії з розгляду взаємних претензій запорозьких і донських козаків як засіб вирішення міжкозацьких конфліктів» (2008) и часть книги А.Г. Копыла «Хроника одинокой крепости» (2015). Но, при многих достоинствах данных работ, они показывают эту

историю очень фрагментарно. И в большинстве случаев не выявлены связи между событиями и последующими следственными действиями. Поэтому чаще всего остается неясным, кого и за что именно вызывали на следствие в Бахмут. Поэтому нельзя сказать, что тема данного конфликта и попыток его решения уже получила полноценное освещение в работах историков.

К тому времени, когда автора данной книги еще только «втянуло» в мариупольское краеведение, и он делал свои первые шаги в этом направлении, уже было документально доказано, что в устье Кальмиуса действительно какое-то время существовало запорожское поселение Кальмиусская паланка (или просто – Кальмиус). В работах местных краеведов по ней уже приводились некоторые имена и события середины XVIII века. Появились и первые, еще очень неполные и неточные перечни кальмиусских и еланчицких полковников (например, в 1-м томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» и в работах донецкого профессора В.А. Пирко), которые, однако, тоже не выходили за даты ранее 1743 года. А вот по поводу более раннего присутствия запорожцев в Северном Приазовье и датировки его начала – историки и краеведы предлагали несколько версий, взаимно не стыкующихся между собой. При этом «обещание» преподобного Феодосия насчет *«древнейшей, старожитной запорожской Калмиусской Паланки»* почти во всех этих версиях принималось за очевидную аксимому, не требующую доказательств. Но с момента выхода книги Феодосия (1890 год) прошел уже очень большой срок – сто с лишним лет. И уже можно было заметить, что невзирая на очень настойчивые поиски последующими исследователями, им так и не удалось найти **ни одного** документа по этому предполагаемому населенному пункту по периоду **до 1740-х годов**. От более ранних времен нам так и не стало известно ни одного имени ее полковников. Не известна ни одна дата осады турками и татарами этой «казацкой крепости» (при том, что она должна была размещаться непосредственно рядом с оживленным татарским шляхом между Азовом и Перекопом). Нет упоминаний каких-либо событий, связанных с ней. Ее нет на картах. Ее не упоминают в своих записках дипломаты, купцы и путешественники, проезжавшие через Приазовье. Ее казаки не участвуют в многочисленных восстаниях на Украине. Она не упоминается в протоколах допросов пленных, пойманных разбойников и беглых полонянников. И это при том, что в XVI – XVII веке у всех соседних держав уже имеется развитая бюрократия и обширные архивы. И для этого времени и региона — локальная история без людей, без фактов и без дат — уже просто **невозможна**! Но авторитет преподобного Феодосия (Макаревского) был возведен в абсолют и считался непререкаемым. Поэтому весьма распространенной среди любителей истории стала точка зрения, что сведения Макаревского о древности нашей паланки верны, так как он почерпнул их из недошедших до нас документов. А вот мы теперь не можем найти им подтверждения только потому, что какие-то нехорошие люди регулярно чистят все такие упоминания в архивах. Объяснение, по-своему, весьма стройное и логичное. Но, почему-то, оно невольно вызывает в памяти один из законов Мерфи: *«Сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения»*.

Автор данной работы, самостоятельно «вгрызаясь» в реальную местную историю XVI – XVIII века, попытался в свое время пойти другим путем. Когда было замечено указанное

выше «внутреннее» противоречие в работах историков, он усомнился в самой их корневой причине – в надежности указания Феодосия (Макаревского) о глубокой древности нашей паланки. А заодно — отставил (до времени!) в сторону и следующие за Макаревским мнения историков и местного «старого» краеведения. После чего – обратился к работе непосредственно с документами. Этот путь в дальнейшем оказался полностью оправданным и со временем привел к очень хорошим результатам. А уж когда автору стали попадаться документы XVI – XVII века о местных татарах – всё и вовсе начало выстраиваться по своим местам. У нас оказалась богатейшая и интереснейшая местная история, вся вина которой оказалась лишь в том, что там было намного больше татар и намного меньше запорожцев, чем искали предшествующие авторы. Но это уже будут темы для последующих книг.

Поначалу, для старта анализа процесса возникновения конфликта между донцами и запорожцами за рыбные ловли в Приазовье, у автора имелось в распоряжение совсем немного документов. Всего было четырнадцать документов 1742 – 1748 годов из дореволюционного сборника А.А. Лишина «Акты, относящиеся к истории Войска Донского» [9, сс. 269-270, 296-298, 332-334, 344-346, 357-359, 382-389, 398-399, 425-427, 434-435, 501-507] и два документа 1744 и 1745 года из 1-го тома «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» [10, сс. 432-438]. А также некоторое количество других сопутствующих документов по этому региону и периоду. Невзирая на незначительность этой базы, автору удалось разработать рабочую гипотезу местной истории того периода, которая непротиворечиво объясняла все прежде непонятные места в этих источниках. По ней в 2009 году был сделан доклад для мариупольских краеведов. И еще немного позже она была включена во вторую часть авторской статьи «Кальмиусская паланка. Ревизия начал (Тезисы к докладу)» [11]. С тех пор прошло уже довольно много лет, и объем обработанных автором документов по данной теме вырос многократно. Например, во 2-м томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» в деле №10 опубликованы остатки переписки Коша с Бахмутской следственной комиссией [12, сс. 165-219]). Некоторые документы удавалось найти в работах других историков, а некоторые — с помощью хороших людей (спасибо им!) или самостоятельно — добывались напрямую из архивов России и Украины.

Еще позже автором был проработан 2-й том сборника Эварницкого «Источники для истории запорожских козаков». Где обнаружилось опубликованное в почти полном объеме[7] сенатское дело на 1260 листах и толщиной в пол-аршина (36 см!), в основном посвященное как раз разбору взаимных жалоб середины 1740-х годов запорожцев и донцов друг на друга [13, сс. 1293-1701]. Что дало еще массу бесценного материала. После чего было принято решение оформить все это в виде книги.

Сенатское дело, опубликованное Яворницким огромно и по своему объему, и по количеству сохранившихся в нем документов по нашей теме. Понятно, что раньше это издание было библиографической редкостью, но сейчас оно уже вполне доступно и в Сети. И, наверное, главная причина того, что данное сенатское дело за это время так и не было толком использовано историками – это то, что все четыреста с лишним его печатных страниц заполнены текстом сплошняком, почти без разделения на отдельные документы. Читать его и прорабатывать в таком виде – очень тяжко. Поэтому, если кто-то еще захочет поработать с этим делом по изданию Яворницкого – можно посоветовать скачать именно

[7] В публикации Яворницкого из данного дела почти сплошняком приведены документы за 1742-1748 годы, а также несколько документов (как полностью, так и в пересказе) за 1749 и 1750 годы. Хотя, судя по приведенному им заголовку данного дела, оно охватывало период с 1742 по 1752 год [13, с. 1701].

тот вариант файла, который выложен на авторском сайте Папакома, в большой подборке документов (https://papacoma.narod.ru/articles/border_1746.htm) по данной теме. Там автор немного разбил текст, вставил некоторые свои примечания и перекрестные ссылки. В общем, будет чуть легче…

Удивительно, но за все прошедшие годы добавление в работу новых документов ни разу не привело к необходимости серьезной корректировки данной версии нашей истории. Разумеется, какие-то косметические правки и уточнения в ней случались, но в основном новые факты только обогащали уже существующую схему, не ломая ее. На «скелет» первоначальной идеи только нарастало «мясо» новых фактов. Уже можно сказать, что эта рабочая гипотеза без особых потрясений прошла довольно жесткую проверку, прежде всего – со стороны самого автора… И данная схема оказалась вполне работоспособной, она позволяет связно понимать сопутствующие сюжеты и дает много «ниточек» к новым направлениям поиска.

И немного о методологии, использованной автором при написании данной книги. Помимо обстоятельств возникновения и развития самого конфликта между запорожцами и донцами, автора сильно интересовала еще и реакция центральных и местных властей Российской империи на него. В украинской историографии разных периодов стало почти хрестоматийным утверждение, что высшее руководство Империи целенаправленно раздувало эти противоречия между казаками по древнему принципу «Разделяй и властвуй». Но так ли это было на самом деле? В том числе и для отслеживания данной темы книгу пришлось сильно перегружать многочисленными цитатами из документов, а также второстепенными дополнительными подробностями. Также в книге приводится очень много имен участников событий в Северном Приазовье – кто где кого сгонял и грабил, и как в этом потом пытались разобраться на следствиях. Фактически, получилась мини-энциклопедия того, что творилось в Северном Приазовье в середине 1740-х годов. Поэтому книга вышла очень объемистой и тяжелой для чтения. За что автор заранее приносит уважаемому Читателю свои искренние извинения. Можно было бы написать ее намного более сжато и лаконично, но тогда многие выводы и заключения автора остались бы без документального обоснования. С другой стороны, некоторые сюжеты, которые вероятно были бы также интересны Читателю, автору раскрутить до конца не удалось. Например, не стоит искать в этой книге точную дату и обстоятельства возникновения запорожского поселения при устье Кальмиуса. На текущий момент найденные документы позволяют лишь сильно сузить (до двух-трех лет) возможный диапазон времени его появления, но не более того. Так что углубление этих тем оставим уже последующим исследователям…

Автор очень благодарен многим людям из России и Украины, которые за прошедшие годы помогали по данной теме. Из российских историков особенно хотелось бы поблагодарить П.А. Авакова, без многократных подсказок и консультаций которого материалов в данной книге было бы существенно меньше, а допущенных ошибок и ляпов, наоборот, значительно больше. И нашего краеведа Е.Н. Тарасенко за вычитку финального варианта книги. Также хотелось бы поблагодарить многих историков и краеведов с Украины. Их имена, в нынешних условиях, приводить, наверное, будет не совсем уместно. Но автор всех их помнит и выражает свое уважение, даже если мы не всегда согласны во взглядах. Мира всем!

Некоторые сведения об истории Северного Приазовья XVI – начала XVIII веков

Мы говорим, что древность запорожских владений в наших краях была сильно завышена позднейшими историками. Но тогда возникает вполне резонный вопрос: «А что же тогда творилось на самом деле в Северном Приазовье ДО того, как в начале 1740-х годов оно было включено в состав Вольностей Запорожских?». А до того – здесь было пять веков **татарской истории**. Начиная с момента захвата половецких степей татарами в начале 1240-х годов и вплоть до окончательной утраты ими в 1742 году территорий к востоку от Берды. И недаром на европейских картах XVI – XVII века Северное Приазовье обычно подписывалось как «Малая Татария» (Minor Tartaria). Единственный небольшой разрыв в этой татарской истории случится в 1700 – 1711 годах при Петре I.

Постараемся, хотя бы вкратце, осветить этот период. Тем более, что документов по этим временам сохранилось **много**.

Начнем со второй половины XV века, когда огромное государство кочевников, которое мы привыкли называть Золотой Ордой, окончательно рассыпалось. Самым крупным и легитимным из его осколков стала Большая Орда. Ее основное «ядро» кочевало между Предкавказьем и нижним Днепром, периодически приходя в район рек Орели, Самары и Овечьих Вод (ныне – Волчья) для посева здесь каких-то своих злаков (в основном проса). При этих приходах они враждовали с сепаратистским анклавом – Крымским ханством. Которое, впрочем, с 1475 года нашло себе нового могущественного покровителя в лице Османской империи. В западной части территории Большой Орды, на левобережье нижнего Днепра, располагались угодья сильного большеордынского рода Мангыт (или Мансур – по имени основателя), ногайского по происхождению. Во второй половине XV века представители этого рода – Темир, Джанкуват, Таввакул, Хаджике – играли огромную роль в управлении Большой Ордой (и некоторыми из ее осколков) и были широко известны далеко за ее пределами.

В 1502 году Большая Орда была окончательно уничтожена, ее земли и кочевое население в основном были инкорпорированы в состав Крымского ханства. Не избежал этой участи и род Мангыт. Оставшиеся члены его правящей верхушки были включены в состав крымской знати. В северо-западной части полуострова им был выделен бейлик (княжество) со столицей в Гезлеве (Евпатория). Но основная часть кочевого населения и стад этого рода, насколько можно судить по источникам, продолжала кочевать в «материковых» степях. Понятно, что, будучи включенной в состав ханства силовым путем, этот род поначалу оказался на достаточно низком месте в иерархии крымских родов.

Но в XVI веке в другом сильном кочевом объединении – Заволжской (или Ногайской) Орде – несколько раз происходили внутренние кризисы, когда кочевые ногайцы оттуда массово разбегались. И одним из традиционных путей такой «эмиграции» был переход в степи Северного Приазовья с включением беглецов в родственный им по языку и происхождению род крымских Мангытов. За счет этого в середине XVI века этот род очень усилился и повысил свое влияние в Крымском ханстве. Имена его предводителей — Бакы-мурзы и его брата Дивея-мурзы — тогда гремели очень сильно. Апогеем величия рода Мангыт стал татарский поход на Москву 1572 года, когда Дивей-мурза возглавил всю но-

гайскую часть крымского войска. Однако этот поход закончился для татар катастрофой, когда крымское войско потерпело сокрушительное поражение от русских в знаменитой битве при Молодях. Дивей-мурза тогда попал в плен, попытки соплеменников его отбить привели лишь к сильному ослаблению рода.

Рис.1. Фрагмент первой печатной польской карты Б. Ваповского, 1526 года (колоризация современная). Слева – Днепр с притоками, снизу – часть Крыма, справа – сильно вытянутое на север Азовское море. В Северном Приазовье показаны многочисленные всадники и подпи сь «TARTARIA». Эта карта вышла при жизни Предслава Ланцкоронского…

Старшие сыновья великого Дивея – Есиней и Араслан Дивеевы – не получили, как они надеялись, место своего отца. Верховное правление над родом Мангыт было передано другой ветви их родственников. С этого времени в роду стал хорошо заметен раскол. Коренная, привелигированная часть рода, с лояльным хану предводителем, осталась в своем бейлике в Крыму. А Есиней и Араслан возглавили часть рода, оставшуюся верной памяти их отца Дивея. В ней в основном собрались недавние мигранты из-за Волги. С тех пор старую часть рода стали чаще называть Мансурами, а их приазовских родственников – чаще Мангытами.

Есиней и Араслан в своих кочевьях несколько фрондировали верховной ханской власти, но только до известных пределов. Подконтрольная им территория достигала в разное

время Молочной или Берды на западе, Миуса на востоке и Овечьих (Волчьих) Вод на севере.

В 1577 году в Крымском ханстве чуть не случился раскол. Из-за болезни хана Девлет-Гирея два его старших сына вдрызг рассорились друг с другом. Один из них, Адиль-Гирей бежал из Крыма в кочевья братьев Дивеевых. Где-то на Мариупольщине он тогда самовольно устроил себе городок Калмиюс/Балысарай (взаимоотношение двух этих названий до сих пор не прояснено). Умирающий хан, пытаясь прикрыть перед Портой самоуправство сына по строительству нового города (без согласования со Стамбулом это было категорически запрещено!) написал султану оправдательное письмо. В котором пытался давить на то, что в Приднепровье кочевникам не стало жизни из-за постоянных нападений тамошних казаков, а этот район был намного более «тыловым» и безопасным. В конечном итоге, сыновей хана удалось примирить. Старший, Мехмед-Гирей, стал новым ханом, а Адиль-Гирей – калгой (первым заместителем хана). Но очень скоро Адилю пришлось идти с войском помогать туркам в Дагестан. Там он попадет в плен и очень романтично погибнет, успев стать одним из любимых героев турецкой и персидской литературы.

А оставшийся без хозяина его прежний городок в Приазовье стал «столицей» дивеевских татар. При последующей смене власти в ханстве, братья Дивеевы приютили у себя отодвинутых от престола часть крымских «царевичей». И летом 1584 года именно приазовские дивеевские ногайцы стали основной движущей силой восстания Сеадет-Гирея. Воспользовавшись их уходом в Крым, под Кальмиус сделали небольшой набег донские казаки (это пока первое известное упоминание прихода казаков на территорию Мариупольщины).

Поначалу восстание в Крыму развивалось удачно, но в конечном итоге силы восставших были разгромлены. При этом погиб старший из братьев Дивеевых – Есиней. Его брату Араслану пришлось срочно выводить свои улусы из Приазовья за Дон – на Кубань и к контролируемой русскими Астрахани. Преследователи тогда в отместку сожгли Балысарай.

Через несколько лет власть в Крымском ханстве опять сменилась. Новый хан Газы-Гирей объявил амнистию и беглецы времен прошлого ханства смогли вернуться домой. Араслан Дивеев тогда же вернул свои улусы обратно в Северное Приазовье. Дивеев улус вновь стал надежным щитом (и саблей) Крыма с северо-восточного направления.

Араслан Дивеев проводил активную внешнюю политику. В мирное время именно через его территорию будут стараться пройти московские посольства в Крым. А при размирьях — московское правительство старалось нанести по его улусам мощный удар. Как это было, например, в 1593 году, когда планировался совместный удар донцов, калмыков, а также наемного запорожского отряда по аралановым улусам. В 1595 году Араслан-мурза погиб во время Венгерского похода. Судя по всему, его «городок» окончательно прекратил свое существование не позже конца XVI века. К 1600 году относится последнее известное сообщение о намерении турок восстановить Балысарай. Причем, что интересно, записавшие это известие запорожцы разместили его в разделе «*Новости земли Татарской*»…

В начале XVII века Дивеев улус в Северном Приазовье рассыпается. В 1620-х годах последний из «великих дивеевцев» Кантемир-мурза окончательно перенес центр своего улуса из Приазовья в Буджак. Что привело к сильному оттоку кочевников из степей Северного Приазовья. Это создало новые возможности для запорожских казаков, которые до того в наших краях особо не мелькали. Если до того запорожцы обычно через степь выходили на Дон и уже оттуда, вместе с донцами, выходили в море, то теперь у них появилась возможность самостоятельного «запасного пути» через малые реки Северного Приазовья

(первое известное автору такое сообщение о запорожцах относится к 1626 году). Нет, никаких крепостей и зимовников у них тут тогда не возникло. Здесь секрет успеха был только в редкости и непредсказуемости таких походов, а также в успешности казацкой разведки областей кочевания ногайских улусов и свободных от их присутствия потенциальных маршрутов.

Тем не менее, Северное Приазовье оставалось домом для кочевников, пусть и сильно ослабевших. У нас уже есть упоминания кочевания разных татарских мурз у Кальмиуса в 1611, 1614, 1636, 1637, 1639, 1641 годах. В этих условиях запорожские и донские казаки были только внешней силой, иногда приходящей, чтобы обидеть местных кочевников или пройти транзитом куда-то. А по 1660 году есть описание большого похода слобожан на ногайцев, которых они достигли и разгромили у Азовского моря, на Кальмиусе и Еланчике. Наблюдения за составом этих кочевников показывают, что в основном это были осколки разбитых ногайских родов из Прикубанья и из-за Волги. Они, в целом, административно подчинялись Перекопскому каймакаму (наместнику). Но их перемещение по Степи носило довольно хаотичный характер, и создать из этих осколков какую-то устойчивую общность кочевникам в XVII веке так и не удалось.

На этом фоне сиротливо выглядит утверждение ждановского краеведа Д.Н. Грушевского об основании в 1611 году запорожцами крепости Домаха при устье Кальмиуса… Почему-то местные ногайцы ее так и не заметили.

Ближе к концу XVII века характер взаимоотношений между кочевниками и казаками начал сменяться. Вместо почти постоянной конфронтации в приоритет начали выходить взаимовыгодные хозяйственные связи. Процесс этот был трудный и не очень устойчивый, но уже по 1680-м — 1690-м годам фиксируются периодические многолюдные выходы запорожских и малороссийских городовых казаков (особенно часто при этом упоминаются полтавчане) на промыслы (добыча соли, рыбная и звериная ловли) в Северное Приазовье – на Молочную, Берду, Кальмиус и иногда даже на Миус. Но это было возможно только в условно мирные годы, да и тогда это было крайне опасным занятием. Для колонизации этих земель условия еще не сложились.

В 1695 году Петр I начал новый виток войны с Турцией, атаковав ее владения на нижнем Дону и в Поднепровье. В 1696 году турецкая крепость Азак (Азов) была захвачена. В конце XVII века русские крепости появились вокруг Азова и на Миусском полуострове. С их комплектованием гарнизонами и работными людьми были огромные трудности. Поэтому, для гарнизонной службы помимо солдатских и рейтарских полков стали использовать и свежесозданные казачьи полки. На этом моменте нам придется остановиться чуть подробнее, так как он имеет некоторые косвенные связи с описываемыми в книге более поздними событиями 1740-х годов.

В тот период, когда Петр I владел Северо-Восточным Приазовьем, для содержания гарнизонов в малых крепостях местных «укрепрайонов» широко использовались казачьи отряды.

Раньше всего, еще в 1696 году, процесс принятия казаков на службу начался в свежезавоеванном Азове. В следующем 1697 году были сформированы два Азовских конных казачьих полка номинальной численностью по 250 человек. Между собой они отличались по тому, откуда в них пришел первоначальный «костяк». Поэтому один из этих полков часто также назывался донским, другой – запорожским.

«Донской» полк (первый полковник – Афанасий Колошинов, с 1698 года его сменит Афанасий Смирнов, затем Иван Михайлович Старков) первоначально действительно набирался преимущественно из донских казаков. Служба в нем была поставлена не на высоте, поэтому летом 1699 года полк не смог удовлетворительно пройти войсковой смотр. Тогда больше половины (!) его состава было отстранено от службы из-за их непригодности и из-за отсутствия у них минимально необходимого оружия и аммуниции. После чего было официально приказано прием донцов в него временно прекратить и стараться добирать некомплект из запорожских казаков. В 1703 году этот полк будет расформирован, остатки его личного состава переведут в Павловский шанец.

Другой Азовский конный казацкий полк считался «запорожским» (первым его полковником был сечевой запорожец Матвей Степанов, а с 1698 года – донской молдаванин Николай Васильев). Его костяк был из нескольких десятков сечевых запорожцев, пришедших в Азов еще в 1696 и 1697 годах, в дальнейшем его состав станет намного более разномастным. Первоначально этот полк размещался на острове напротив Азова, сначала в размещавшемся там Петровском шанце (вместе с солдатским гарнизоном), потом их переселили поблизости Азова в отдельную казачью слободку. В 1706 году их еще раз переселили, на этот раз – в пригород самого Азова.

Северо-западнее, на Мертвом Донце, в крепости Лютин (Лютик) вплоть до 1708 года (когда их сменили на солдатский гарнизон) стояли донцы. Причем конкретно данный отряд – продолжал находиться в ведомстве войска Донского, являлся его «анклавом».

На Миусском же полуострове помимо большой крепости Троицкой на Таганьем Рогу, прикрывавшей морскую гавань, были сооружены еще две небольшие крепости. На морском берегу у мыса Петрушина Туба (к юго-западу от Таганрога) появился Павловский шанец. А на западной оконечности полуострова, рядом с устьем Миусского лимана, располагалось укрепление Миюс (он же – Семеновский шанец).

В Павловске, что на Петрушиной Тубе, в 1699 году солдатский гарнизон был заменен на конный казачий полк численностью 300 человек. Первым полковым атаманом у павловцев был Влас Бережецкий, затем эту должность (со временем преименованную в полковника) будут исполнять Федор Селицкий, Григорий Голтва, Данила Глуховецкий. В 1702 году для лучшего прикрытия Троицкой крепости, к северо-востоку от нее через перешеек Миусского полуострова была выстроена укрепленная линия. Тогда же первый Павловский шанец был заброшен, а его гарнизон переведен в новое укрепление на северном фланге этой линии. Вместе с ним было перенесено на новое место и название Павловского шанца. В 1703 году сюда будут переселены еще и 200 конных казаков из расформированного «донского» Азовского казачьего полка. Здесь из лучших казаков обоих полков будет сформирован конный казачий полк. С 1703 года им будет командовать Лаврин (Лаврентий) Кондратьевич Белошапка. А остальные павловские казаки будут переведены в разряд пеших.

В низовьях Миуса было решено также поселить казаков. Первым их «осадником» (организатором заселения) осенью 1697 года был назначен изюмский казак Никита Топольский. Но вскоре он нелепо погиб. И следующим многолетним полковым атаманом миусских казаков стал Исай Игнатьевич Соболь (донской казак украинского происхождения из Луганского городка на Северском

Донце). В 1699 году ему был передано для проживания Миусское укрепление (построенное еще в 1698 году). Здесь был организован полк пеших казаков штатной численностью 200 человек. В 1700 году, после некоторых волнений среди местных казаков, половина Семеновского шанца была выделена для размещения здесь солдатского гарнизона. После Соболя следующим полковым атаманом семеновских казаков стал Василий Павлович Шабельский (позже весьма заметный в истории Бахмутщины).

Как видно из документов, первоначальную основу «запорожских» полков (кроме Миусского) действительно составляли «чистые» запорожцы. Но большинство в них все-таки составляли выходцы из Слобожанщины и Малороссии, которые Сечь даже в глаза не видели. А некоторые из миюских и павловских казаков даже имели в этих городках жен. Тем не менее, в момент своего формирования эти полки пытались в какой-то степени копировать запорожские принципы организации. Так, в начальный период их истории во всех них фиксируется разбиение на курени с собственными куренными атаманами. Но если, например, у Павловских казаков было шесть куреней с напрямую заимствованными с Сечи названиями (Полтавский, Пластуновский, Минский, Батуринский, Ирклеевский, Платнеровский), то у миусских казаков – всего четыре куреня, которые назывались по имени их первых куренных атаманов – Скибин, Бардаков, Коломыйцев, Бокодоров. И у тех, и у других поначалу была своя «старшина» из полковых атаманов, есаулов и писарей, а также куренных атаманов. А вот, например, у «запорожского» Азовского конного полка уже к 1700 году структура управления стала совсем иной, по армейскому образцу – помимо полковника, есаула и писаря здесь было также четыре капитана, трое пятидесятников и 13 десятников, что для сечевых запорожцев совсем не характерно. Но какие-то рудименты их первоначального запорожского устройства проглядывают и здесь. Так, в 1700 году (в отличие от их коллег из «донского» полка, которые жили в индивидуальных домиках), эти все жили коллективно в шести *«куренях из бударного леса»* (то есть из поломанных лодок).

Важно отметить, что все эти казачьи полки (**кроме донцов из Лютина**) напрямую подчинялись местным русским воеводам и получали за эту службу регулярное жалование. Названия «запорожские» и «донские» к ним применялись не в плане подчинения или чистоты состава, а в очень широком смысле. **Ни войско Запорожское Низовое, ни войско Донское не контролировали эти полки, не могли (и даже не пытались!) отдавать им приказы или как-то иначе прямо влиять на них. А контролируемые этими крепостями территории считались русскими и не входили тогда ни в Вольности Запорожские, ни в земли войска Донского**.

И во время восстания Булавина 1707-1708 годов, и когда в 1709 году войско Запорожское примкнет к измене Мазепы — казачьи отряды крепостей Северо-Восточного Приазовья останутся верны своей присяге. После утраты этих территорий в результате Прутского поражения, казачий гарнизон Семеновского шанца с его командиром В. Шабельским будет выведен в Бахмут, а павловские казаки (по некоторым данным, еще требующим проверки) – переведены в крепость Осеред на Дону (которая позже будет переименована в Новопавловскую, сейчас это город Павловск Воронежской области). Казаки же единственного оставшегося «запорожского» Азовского конного казачьего полка будут переве-

дены на оставшуюся русскую территорию на нижнем Дону — сначала в укрепление Транжемент, а затем и в крепость святой Анны. Часто их будут еще называть доломановскими казаками. С казаками этого Азовского полка мы еще будем встречаться при описании событий 1740-х годов.

Об истории этих казацких полков в Северо-Восточном Приазовье можно больше узнать из фундаментальной работы П.А. Авакова «”Азовский проект” Петра I…» [14], а также из его же статьи «Участие украинского казачества в российской колонизации Примиусья 1698 — 1711 гг.» [15]. Большие подборки документов по этим казачьим полкам (в том числе именные списки казаков за разные годы) приводятся в VII и XVI выпусках сборника Гусева [16] [17].

Рис. 2. Размещение казацких отрядов в русских укреплениях (шанцах) Северо-Восточном Приазовья в конце XVII — начале XVIII века. 1, 2 – Азовские запорожский и донской полки; 3 – донской гарнизон Лютина; 4- миусские «запорожские» казаки; 5, 6 – павловские «запорожские» казаки (до 1702 года и после).

Тогда же, для связи между Придонцовьем и Миусским полуостровом Правительством была запущена и колонизация Примиусья. Так, около 1704 года недалеко от места впадения Крынки в Миус появилась небольшая слобода Крынкская, заселенная, по всей видимости, слободскими украинцами. Большинство из них были семейные и с кучей детворы, так что это точно не сечевые запорожцы. В феврале 1711 года эта слобода с успехом выдержала ожесточенный штурм кубанскими ногайцами и некрасовскими казаками. А вот небольшому сельцу Ивановскому в урочище Леонтьевых буераков (среднее Примиусье) тогда повезло меньше… После потери этих территорий в результате Прутского поражения, этим людям также придется уйти с обжитых мест [18].

Рис. 3. Размещение «порожних» земель в Приазовье в начале XVIII века. Обратите внимание, что северная граница «порожних земель» пересекала Берду в районе устья ее левого притока Каратыша.

В 1700 году между Российской и Османской империями был заключен Константинопольский мирный договор. По нему огромный клин земель по северному берегу Азовского моря и Сиваша (между устьем Миусского лимана и Перекопом) объявлялся «порожними» землями (см. Рис. 3). По условиям мирного трактата эти демилитаризированные земли объявлялись не принадлежащими ни одной из империй, здесь запрещалось строительство крепостей и какого-либо постоянного жилья. Но подданным обеих империй здесь разрешалось свободно производить свои сезонные промыслы (выпас скота, рыбная ловля, охота и т.п.), лишь бы это делалось мирным образом. А Северо-Восточное Приазовье (от устья Миусского лимана до дельты Дона и от него – до реки Еи), как и степи выше северной границы «порожних земель» — вошли в состав России. Степи вдоль северного берега Азовского моря впервые полностью очистились от кочевых улусов, что для местных ногайцев стало, конечно, большой трагедией и травмой.

Прекращение военных действий сделало обстановку в Приазовье несколько более спокойной. Акватория Таганрогского залива тогда стала контролироваться русским флотом, было налажено постоянное морское патрулирование на входе в залив, между Белосарайской и Долгой косами. К Бердянским соляным озерам ежегодно отправлялись корабли для набора тамошней самосадной соли, которая использовалась в основном в качестве платы гарнизонам крепостей. Там посланные иногда, к неудовольствию обеих сторон, встречались с огромными ватагами запорожских и малороссийских казаков, прибывавших туда же на возах с аналогичной целью.

Так как район Таганрога, невзирая на все затраченные усилия, оказался лишь условно пригодным для основной базы флота, то продолжались усилия по поиску нового удобного места для гавани. С этой целью неоднократно исследовались берега Таганрогского залива и район между Белосарайской, Долгой и Бердянской косами. Одним из перспективных мест в плане возможности устройства *«малой корабельной гавани»* считалось устье Кальмиуса. Известны его осмотры 1701, 1702 и 1709 года, а также, возможно, и 1699 года (?). При этом составлялись отчеты и чертежи местности (часть из них уже удалось найти, а другие пока известны только по их кратким упоминаниям в документах).

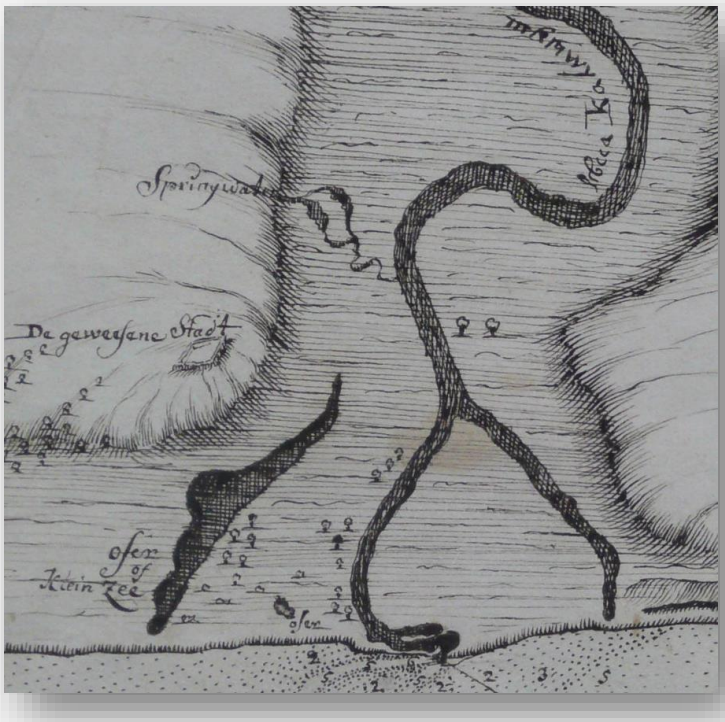


Рис. 4. Фрагмент плана устья Кальмиуса Питера Бергмана[1], 1702 год.

Обратим внимание, что на тот момент район устья Кальмиуса был полностью необитаемым. И лишь на правобережном материковом холме показаны развалины какого-то древнего укрепления. На оригинале плана они подписаны как De geweesene Stadt, что по-голландски значило «Бывший город». Вероятно, так Бергман передал русское слово «Городище». А на двух копиях с этого чертежа данную надпись дублирует французский перевод: «ruines d`une ville» («развалины городка»). Да, это тот самый *«древний город Домаха»*, который многократно будет упоминаться в конце XVIII века в документах Азовской губернии, и из которого тогда будут рекомендовать брать камни для городского строительства. Так что эта мариупольская городская легенда оказалась совсем не легендой.

На плане 1702 года мы видим это укрепление за сорок с небольшим лет до прихода сюда запорожцев и основания ими своей Кальмиусской паланки. Причем оно уже находится в виде развалин. И судя по тому, что Бергману не удалось узнать его название (как и название большого озера снизу) – вероятно, к тому времени оно из-за древности уже было забыто. Возможно, это как раз

[1] https://papacoma.narod.ru/maps/kalmius_1702.htm

остатки татарского городка Калмиюс конца XVI века? Хотя при проводимых на этом месте раскопках 2010 – 2015 годов ожидавшихся автором слоев времен Крымского ханства зафиксировать не удалось. Но шансы их найти еще есть…

К сожалению, мы не знаем, использовалось ли уже тогда по отношению к этим развалинам и к озеру под холмом название «Домаха» или они закрепились здесь позже, с приходом запорожцев. На сегодня самая старая известная письменная фиксация здесь этого названия в форме *«река Адамаха»* относится только к 1768 году. Но зато можно сказать, что в начале XVIII века это озеро еще не имело связи с рекой, а на 1768 год – там уже есть протока. То есть, эту протоку действительно прокопали для каких-то своих целей запорожцы. Хотя вряд ли это было возможно сделать силами одной-единственной женщины по имени Домаха, как это говорилось в городской легенде, записанной архиепископом Гавриилом (Розановым) в 1830-х годах.

Кто-то из национально-озабоченных историков (автор книги пока не смог установить, кто именно) уже в XXI веке запустил «утку», которую с удовольствием подхватили многие националистические ресурсы. Что в устье Кальмиуса в конце XVII – начале XVIII века существовала запорожская слобода, которую в 1709 году, в отместку за мятеж Мазепы, жестоко вырезали русские войска. Иногда к этому сюжету прибавляются и некоторые другие фантастические подробности. К счастью, никаких реальных оснований, кроме больной фантазии ее автора, эта история не имеет.

В период с 1700 по 1709 годы в Таганрогском заливе морское рыболовство получило большое развитие, но преимущественно в тех районах побережья, которые прикрывались русскими крепостями. И помимо самих донцов тут активно рыбачило еще и разномастное население и гарнизоны местных городков. Иногда фиксируются и запорожские рыболовы. В более отдаленные районы побережья рыбаки тоже иногда плавали, но большого распространения этому по документам не заметно. Видимо, было еще слишком опасно. Располагавшиеся на берегу рыбаки легко становились добычей кубанских и крымских татар, некрасовских казаков и различных разбойных шаек. С 1709 года к этим опасностям добавились еще и взбунтовавшиеся запорожцы, чьи шайки на суше и с моря теперь тоже стали иногда обижать местный люд. В целом, большого распространения и какой-то системы в «удаленных» рыбных промыслах в этот период по документам не прослеживается. Морское побережье к западу от устья Миуса оставалось пустым и мало посещаемым (кроме района нижней Берды).

В 1711 году Петр I потерпел поражение под Прутом. В результате по мирным трактатам в 1712 году пришлось оставить все русские крепости в Северо-Восточном Приазовье. Окончательно граница была демаркирована на местности только в 1714 году.

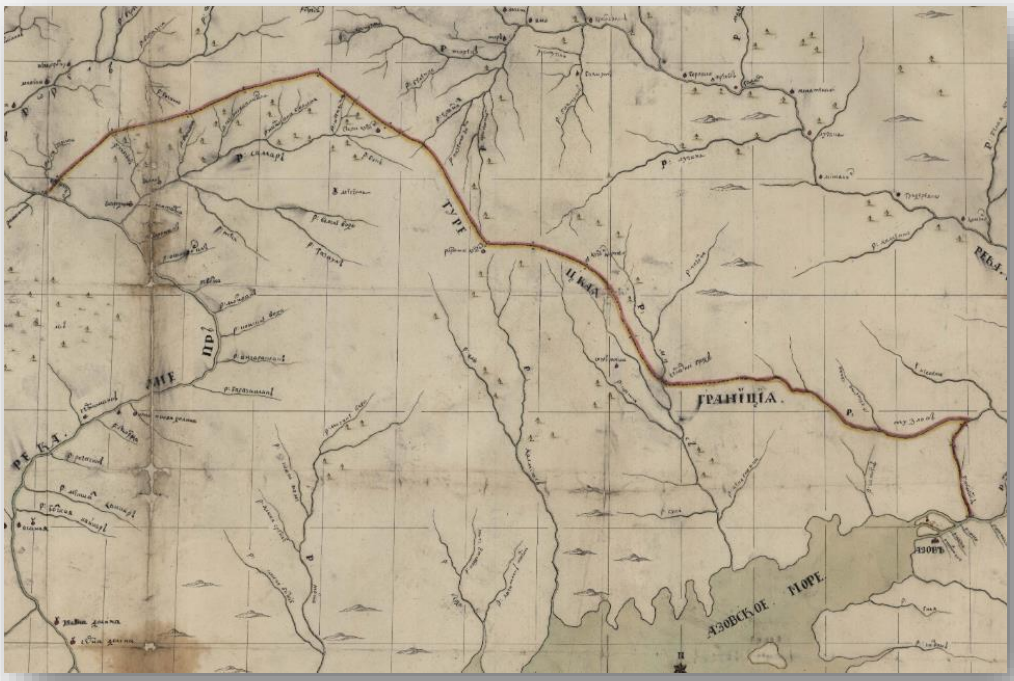


Рис. 5. Фрагмент карты Колычева с показанием русско-турецкой границы 1714 года [РГАДА, ф.248, кн.555, л.67].

В июле 1714 года русские и турецкие депутаты выполнили размежевание на местности новой границы между Днепром и нижним Доном. Сохранилась «Межевая запись» с описанием хода этого размежевания, описанием границы и насыпанным пограничным курганам. Новая граница прошла по середине водораздела между реками Самара и Орель, затем наискокок пересекла юго-восточную часть бассейна Тора. Здесь, между верховьями Кривого Торца и Кальмиуса *«подле большаго стариннаго разрытаго селитреннаго кургана»* они сделали *«границы 9-й знак»*, насыпав очередные два кургана. Соответственно, всё, что располагалось к северу от этих курганов – осталось за Российским государством, а к югу – вернулось Оттоманской Порте.

Потом межевщики проехали по шляху по водоразделу между вершинами Бахмута, Лугани и Крынки, пересекли междуречье Миуса и Крынки мимо Леонтьевых буераков и Саур-могилы, переправились через Миус через Черкасский брод. Далее граница через степь выходила к реке Тузлова и шла по ней до Каменного брода, откуда опять степью выходила на верховья реки Темерника и по ее руслу граница выходила уже к Дону.

Низовья реки Темерник сейчас находятся в пределах города Ростова-на-Дону. В начале XVIII века от нее и до тогдашней столицы войска Донского Черкасского города (ныне – Старочеркасск) было совсем недалеко, всего около 25 верст. Про эту реку Темерник и ее значение как крайний восточный предел русско-турецкой границы 1714 года – тоже желательно запомнить.

По поводу вышеупомянутого «*большаго стариннаго разрытаго селитреннаго кургана»* между верховьями Кривого Торца и Кальмиуса. Здесь мы видим, что на этом месте еще до приезда в 1714 году межевщиков стоял большой

«разрытый» старый курган. Межевщики предположили, что он был разрыт для добычи селитры (был такой старый способ ее получения). Но вряд ли они точно знали. Возможно — это просто следы разграбления кургана.

Как обоснованно предположил Н.Ломако (г.Лисичанск), этот тот же самый курган, что упоминается в качестве ориентира в конце пути караульных станиц из Путивля в 1571 году: *«<…> а с тое гряды видети девять курганов, которые стоят верх Тору и Миюсу, а на девятом кургане, на крайнем от Миюсского верховья, яма великая, станет в ней до десяти челоев на конех, а в ней ростет терн и бозовой [бузинный — LV] куст, да под тем же курганом Царев шлях, коли шел царь к Астарахани [поход крымского хана в помощь турецкой армии для осады Астрахани в 1569 году — LV], а оттуды приехати к верховью на Миюс, да туто розсмотрити признаки, насечен крест на дубу снизу верховины Миюские»*. Где под «Миюсом» в данном случае нужно понимать Кальмиус (Н.Ломако «О реках Донецких на Кальмиусской дороге»).

Сейчас эта курганная группа находится в районе Лесного кладбища на северо-востоке Макеевки. И в нашем последующем рассказе знание именно об этих курганах нам еще пригодится при описании разграничения между запорожцами и донцами 1746 года. Собственно, именно документы по этим событиям позволили локализовать ее на старых картах и на местности.

После огромного отката русских границ на север в 1714 году, кочевники вернулись на свою старую родину в Приазовье. Тогда же ногайцы заняли и прежние запорожские территории на левобережье Днепра вплоть до Самары. Вот только после последней войны приазовских кочевников оставалось уже очень немного. И даже целенаправленные усилия Крымских ханов по переселению в Северное Причерноморье и левобережное Приднепровье части кубанских ногайцев – лишь частично решали эту демографическую проблему. Степи Северного Приазовья в этот период оставались крайне малонаселенными, хотя менее опасными они от этого не стали…

Запорожцы же, уцелевшие после разрушения Сечи русскими войсками в 1709 году, а также малороссийские беглецы со своими семьями, были вынуждены бежать в низовья Днепра, на турецкую и крымскую территорию. В начале 1710-х годов запорожцы несколько раз совершали вместе с крымцами нападения на окраины российской Малороссии. Отношения с русской властью у них тогда совсем не сложились. Петр I был настроен по отношению к ним категорически отрицательно и рядом со своими границами терпеть их не хотел.

В конечном итоге, Сечь надолго обосновалась на крымском левобережьи Днепра, недалеко от его устья, в урочище Алешки. По документам начала 1730-х годов хорошо заметно, что основной ареал запорожского расселения тогда был сильно смещен к юго-западу от их прежних земель (и подальше от границ Российской империи). Теперь запорожцы жили преимущественно в районе Днепро-Бугского лимана и на Буге вплоть до Гарда. Также они содержали несколько перевозов через Днепр (от Кодака и до Казы-кермена) и на Буге. Возможно, именно тогда обкатывалась «паланковая» система организации Вольностей.

Тем не менее, остаточное запорожское население сохранилось в каком-то количестве и в Присамарье. Здесь у запорожцев даже были собственные полковники, о чем российские власти хорошо знали [13, сс. 1074, 1105, 1120, 1131]. Но вот единого паланкового центра или сколько-нибудь крупных поселений в

Присамарье этого времени в документах не заметно. Поэтому, вероятно, каждый местный полковник самостоятельно решал проблему своего размещения здесь. Он мог или использовать личный зимовник, или кочевать вместе со стадами. Поэтому запорожских самарских полковников этого периода можно без большой натяжки назвать «кочующими».

Кстати, в «крымский» период термин «кочуют» часто применялся при упоминаниях запорожцев к востоку от Днепра. Что, вероятно, связано с частыми перемещениями групп их рыболовов, охотников и скотоводов.

В работах некоторых украинских историков приводится утверждение (восходящее еще ко второму изданию «Истории…» А.А. Скальковского), что во время «крымского периода» запорожцев (1709 — 1734) их прежние рыболовные угодья в Северном Приазовье успели занять донские казаки. И что, дескать, именно поэтому запорожцам пришлось потом силой выгонять их оттуда. Но это очень странное мнение. Как раз российскоподданным донцам османские власти возобновленного Азака должны были чинить большие препоны для возможности занятий рыболовством на Азовском море.

Начиная с Петровских времен в русско-турецких мирных договорах обычно прямо разрешалось «малое приграничное движение» между приграничными жителями обеих империй. То есть, они могли для торговли или для каких-то своих сезонных промыслов (охота, лов рыбы, выпас скота и т.п.) заезжать на чужую территорию, лишь бы это производилось мирно, *«без омбражу»*[2]. Но в приграничье дисциплина на местах приживалась с трудом. Поэтому мелкие, но неприятные эксцессы происходили часто.

Для контроля и отслеживания перемещений всего этого *«легкомысленного народа»* в заграничные (и приграничные) районы обе стороны широко использовали *«пашпортную»* систему. В войске Донцом к началу 1730-х годов она уже действовала. Для поездок на турецкую территорию паспорта выписывались в Черкасске, в канцелярии войсковых дел. Основной целью этого мероприятия было предотвратить «шалости» со стороны собственных подданных (набеги на татар, разбой, контрабанда и т.п.). Естественно, что население все эти «пашпорта» (и связанные с ними затруднения) сильно не любило. Но, с другой стороны – это была еще и некоторая страховка самих казаков от безвестной смерти или захвата татарами…

В начале 1730-х годов была предпринята попытка централизовать выписку паспортов для желающих ехать с Дона в турецкие пределы исключительно в руках коменданта русской крепости святой Анны. Но донцы постарались это оспорить, направив в 1733 году свое прошение. 12 декабря 1734 года по нему вышел сенатский указ. В нем, среди прочего, говорилось о том, что по действующему на тот момент указу *«<…> определено желающим от вас, Войска Донского, за какими нуждами ехать за границу или к границе, являтца для взятья пашпортов в крепость Св.Анны, а от вас за границу из давных лет для купечества ездят с пашпортами с войсковыми, а для осмотрения тех пашпортов и заповедных товаров учреждены во многих местах заставы,* ***а для звериных и рыбных ловель в турецкую область ездить под смертью запрещено*** *<…>»*.

[2] Омбраж (фр.) – в дипломатии — недоверие, сомнение, подозрение, беспокойство.

Также донцы в качестве аргумента выдвигали то, *«<…> что много бегают из Черкаского купленные турской нации невольники, тако ж и живущие при Черкасском базовые татары и юртовые калмыки, и угнавши казачьих лошадей и скот, уходят в Азов, за которыми посылаются погони даже до Азова с войсковыми пашпортами и многих догоняют и приводят возвратно, и ежели впредь такие невольники и изменники, учиняя пакость, будут бегать в Азов, то без пашпортов гнать будет за ними невозможно <…>»*. И что, если каждый раз обращаться за паспортами в крепость св. Анны, то не только беглецов не поймаешь, но и новых перебежчиков обнадежишь. В конечном итоге, донцам было разрешено, *«<…> ежели кто пожелает ехать в пограничныя с турками места* ***для звериной и рыбной ловли и других нужд»*** давать свои войсковые паспорта по-прежнему.

Тем не менее, даже невзирая на войсковой запрет под страхом смертной казни, некоторые особо несознательные донские казаки продолжали попытки (понятно, без всякого «пашпорта») охотиться и производить рыбную ловлю в турецких пределах. Но такие предприятия вряд ли были сильно частыми и массовыми, так как они нередко заканчивались для их участников очень неудачно. В том же сенатском указе упоминается и о поручении в 1732 г. русскому посланнику в Константинополе Ивану Неплюеву принести туркам официальную жалобу *«<…>о том, что пограничные люди с обоих сторон, обыкновенно, будучи* ***для звериных и рыбных ловель****, иногда не владением [?] каким и не с умыслу, гнався за зверьми, преступают границы, а пашпортов у них никогда не бывает, и ежели таких людей за ясырей признавать и продавать, которые никакого повреждения миру и грабежей в границах не чинят, и тако им наказание не препорциальное, но великая обида и гибель напрасно приключится <…>»*. Неплюев на конференции вручил эту жалобу рейз-эфенди (государственный канцлер и министр иностранных дел в Турции). Турки на это согласились. Азовскому паше был послан приказ всех таких пленников немедленно отпустить и впредь таким образом не брать. Вместе с тем, турки требовали, чтобы *«<…> впредь которые в пограничныя с турками места* ***для звериной и рыбной ловли*** *и других нужд ездить и ходить будут, в турскую страну или и близ границ без пашпортов отнюдь ни мало не вступали <…>»*.

В конечном счете, просьбу донцов о возврате в Черкасск права самостоятельно выписывать такие «пашпорта» удовлетворили. Обязав, однако, о выданных паспортах сообщать коменданту крепости св.Анны [9, сс. 100-104]. То есть, накануне начала новой войны с турками у донцов паспортная система уже более-менее действовала, и сколько-нибудь массового донского рыболовства на турецких и татарских территориях не отмечается.

И, наоборот, запорожцам, как подданным Крымского ханства, доступ ко всей его территории сильно облегчился. Так что они явно частенько заходили в Приазовье для каких-то своих хозяйственных промыслов. Напомним, что в записках князя С.И. Мышецкого, который занимался укреплением Запорожской Сечи с 1736 по 1740 годы, о «крымском» периоде запорожцев говорилось следующее: *«<…> а на Крымской стороне [т.е к востоку от Днепра — LV] хуторов и зимовников не имели, а рыбы не ловливали, токмо что за звериною охотою езживали»*. И действительно, хорошо известен случай, произошедший незадолго до возврата запорожцев в российское подданство, когда азовские татары схватили в

нашем районе (одномоментно?) множество запорожских звероловов: *«Озовские же татаре, что на том боку степу коло Калмуса-реки, козаков, невыне [безвинно – LV] ходящих за звером, побрали сколко десят. И колко раз упоминалисмося и прохали в[а]шего величества [крымского хана — LV] о м[и]л[о]сть – не визволяли»*, *«<…> а под Озовом, за звеиннюю добычю коло Калмуса-рекы ходячих, на килкадесять [несколько десятков — LV] в неволю забрали»*. Так что Приазовье тогда так и не стало домом для запорожцев, их Вольности сюда не распространялись. Никаких поселений или даже зимовников по документам здесь не прослеживается. Это оставалась татарская территория, с очень суровыми хозяевами, которые далеко не всегда были рады таким «гостям».

Автор пока не может доказать документально, но сильно подозревает, что запорожские рыболовы в их «крымский» период может и не массово, но все-таки довольно активно рыбачили в северном Приазовье и успели его тогда хорошо изучить. Косвенно в пользу этого предположения может свидетельствовать следующее наблюдение. Когда в 1740-х годах запорожцы снова зайдут в земли Северного Приазовья, здесь в прибрежной полосе у них фиксируется уже вполне устоявшаяся микротопонимика, которая к тому времени почти полностью вытеснит те названия (русско-донские?), которые мы видим в документах по нашим краям в начале XVIII века. И уже эта запорожская микротопонимика почти без изменений в основном сохранится здесь, в приморье, вплоть до сегодняшних дней. То есть можно предположить, что процесс возникновения и закрепления этих названий должен был прийтись как раз на «крымский» период запорожцев. И вряд ли это могло быть следствием прихода сюда одних лишь охотников, бродивших ватагами по степям. Возможно, что и свои «кочующие» полковники у запорожцев здесь, на Кальмиусе, иногда появлялись на теплое время года. И что название «кальмиусский полковник» уже тогда могло сформироваться и устояться.

Но это никак не отменяет того факта, что безраздельными владельцами Приазовских степей тогда оставались кочевники-ногайцы. Которые лишь с трудом терпели здесь всяких заходящих «гастарбайтеров». А иногда, как показывает указанный выше случай на Кальмиусе – терпение заканчивалось…

Отдельная и, кажется, еще пока совсем не изученная тема – это какие отношения сложились у «крымскоподданных» запорожцев с некрасовскими казаками? Это были донские казаки, которые после подавления Булавинского восстания ушли с Дона на территорию Османской империи. Поселились они в низовьях Кубани и на Тамани. Там к ним примкнули еще и более ранние переселенцы из донцов-старообрядцев. Название (некрасовские или игнат-казаки) вновь прибывшие казаки получили по имени своего первого предводителя Игната Некрасова. Они очень долго оставались во враждебных отношениях с Россией и часто совершали набеги на донцов и на русских обитателей Северо-Восточного Приазовья. Донцы им платили той же монетой. Так что количество взаимных обид постоянно росло.

Некрасовцы активно занимались морской рыбной ловлей, у них часто упоминаются морские лодки. Так что если запорожцы этого периода действительно занимались рыбной ловлей на Азовском море, то они неизбежно должны были регулярно встречаться с некрасовскими рыболовами. Какого рода были их отношения – дружественными и конструктивными (например, в плане обучения приемам морской рыбной ловли у более опытных в этом деле некрасовцев) или

конкурирующими и конфликтными – автор сказать пока не может. Но известен по меньшей мере один случай, когда запорожский казак Микита Дубелин в 1733 году из Очакова ушел на Тамань, в некрасовское поселение Хан-тепе, где и жил до 1758 года [19, с. 525]. То есть, какие-то связи у этих двух общин-изгнанников имелись.

В начале 1730-х годов киевский генерал-губернатор И.Б. Вейсбах возобновил (с разрешения императрицы Анны Иоанновны, разумеется) секретную переписку с запорожцами по поводу условий их прощения и возврата под российское покровительство. Корреспондентом Вейсбаха тогда был запорожский кошевой атаман Иван Малашевич.

Иван Малашевич – прославленный запорожский кошевой атаман. Неоднократно занимал (и терял) эту должность, начиная с 1714 года. Был сторонником возврата запорожцев в российское подданство. В начале 30-х годов он, невзирая на огромный риск, вел секретную переписку с Вейсбахом. И именно он в 1734 году организовал и провел возврат запорожцев. Умер он от болезни в июне 1737 года, участвуя в очаковском походе армии фельдмаршала Б.Х. Миниха во время русско-турецкой войны 1736 – 1739 годов. Его тело казаки перевезли для захоронения в основанную им Новую Запорожскую Сечь.

Запомните это имя, оно нам еще пригодится.

В марте 1734 года запорожцы (обнадеженные русским правительством) отказались выполнять команды крымского хана и ушли на север, основав свою новую Сечь на притоке Днепра реке Подпольной. Они тогда заняли северную часть своих прежних Вольностей – от Гарда на Буге до Присамарья. Которые были максимально удалены от сильно обиженных на их предательство татар. Вот как это описывал историк А.А. Скальковский в первом издании своей книги: *«Устроив временный Кош, войско [Запорожское Низовое — LV], для занятия сильных постов на Польской границе и по Бугу, а равно и для возстановления древней поланки в Гарду, отправило значительный отряд товарищества, под началом наказнаго Кошеваго атамана Белицкаго. Самарским-же зимовникам, как уцелевшим, так и вновь заводимым, дано приказание, чтобы, случае наездов Татарских с большими силами, требовали помощи у начальника Украинской линии, а об уходе Запорожцев из Крыма притворялись незнанием*» [1, с. 184].

Окончательный же разрыв запорожцев с турками и крымцами, когда все маски уже были наконец сброшены, произошел только в начале сентября 1734 года. На тот момент по соседству еще с 1733 года шла «война за польское наследство». Причем в самой Речи Посполитой резались друг с другом сторонники саксонского курфюрста Фридриха Августа II (сына покойного польского короля) и Станислава Лещинского (уже успевшего до того побыть польским королем). Россия и ее союзники действовали в пользу Фридриха Августа, поэтому войска Вейсбаха тогда усмиряли сторонников Лещинского на правобережной Украине. 2 сентября 1734 года в ставку Вейсбаха в польском городке Белая Церковь на переговоры (которые он, вообще-то, планировал как секретные) прибыла огромная запорожская делегация из 153 человек, включая и всю запорожскую старшину. Это было, по многим причинам, не очень своевременно. Но после такого демарша запорожцев — пытаться дальше удерживать это дело в секрете было бы уже просто глупо.

На следующий день стороны провели успешные переговоры. И члены запорожской делегации принесли присягу на верность императрице Анне Иоаннове [13, с. 1156]. В честь такого события им было выделена из средств походной канцелярии Вейсбаха сумма в 2540 руб. (300 рублей кошевому атаману, по 50 – старшине, по 30 – куренным атаманам и по 3 рубля рядовым казакам). Еще 120 рублей было послано в Запорожье духовным особам[3]. Также добавим, что несколько ранее в том же году (когда на Сечь доставлялась первая грамота от императрицы о прощении запорожцев и принятии их в российское подданство) в войско Запорожское посылалось еще 2000 рублей. Таким образом, общая сумма пожалований запорожцам в 1734 году составила 4660 рублей [13, с. 1314]. Эту цифру полезно запомнить.

Несколько позже присягу приняли и остававшиеся в Сечи казаки, которых тогда насчитали 7115 человек [13, с. 1196]. А сколько тогда находилось казаков вне Сечи (в частности, на Буге и Самаре) – запорожцы и сами не могли сказать.

В следующие несколько лет, вплоть до 1740 года, запорожцы будут периодически получать денежные выплаты и помощь продовольствием, порохом и свинцом. Но их частота и размер не были никак регламентированы, и регулировались в ручном режиме распоряжениями местных российских командующих.

Мы так подробно описываем эти денежные вопросы, так как они в недалеком будущем окажутся напрямую связаны с возникновением традиции ежегодного посещения императорского двора запорожскими делегациями. Да и просто некоторые нюансы этого процесса хорошо показывают запорожцев не как героев романтического мифа, а реальными людьми, с их достоинствами и недостатками. Поэтому мы, параллельно основной теме книги, и сюжет о выплатах войску Запорожскому тоже несколько отследим.

Понятно, что не все группы казаков тогда решились на такую измену своим прежним покровителям, и многие предпочли бы остаться на прежних местах. Но особого выбора им вскоре не оставят. Князь Мышецкий записал рассказ запорожцев[4] о том, как в Сечь тогда прибыл турецкий посол с письмом и богатыми подарками от султана, который пытался уговорить казаков вновь вернуться под турецкую власть. Но казаки мало того, что не оказали ему никакого почета при встрече и пребывании в Сечи, так потом еще и ограбили на обратном пути. Тогда обиженный султан *«послал указы в Крым и в прочия места, чтоб имеющихся в тех местах оставшихся Запорожцев ловить и определять в тяжкия работы; а Казаки о том уведав, такожде не обленились им заплатить, и имеющихся Турок и Татар в Сечи, всех порубили»*. И надо отметить, что тогда Кош сильно беспокоила безопасность казаков, находившихся на Днепро-Бугском лимане и на Буге. Вот, например, в августе 1734 года (уже после перехода), Вейсбах отвечает на просьбу запорожцев о помощи в эвакуации их побратимов с Буга: *«Кои с Богу-реки Войска вашего Запорожского Низоваго казаки приходить будут в службу ея императорскго величества, чтоб оных, хотя и без*

[3] В другом документе об этих же событиях, 50 рублей войсковому судье показаны отправленными в Сечь, в дополнение к пожалованиям духовному чину [13, с. 1705].

[4] Автору книги не удалось найти никаких следов этой истории (про ограбление турецкого посланника и резню татар и турок в Сечи) в дипломатических документах 1733-1734 годов. Турецкие власти тогда не выдвигали русским дипломатам таких претензий. Поэтому, возможно, это была просто байка, приятная для запорожского уха, но имеющая мало отношения к реальности.

писем вашего благородия, принимали, дабы чрез то по омманным[5] *письмам к нему Орлику не перешли, полковнику Полянскому, стоящему в Умане, указ от меня послан»* [10, с. 76]. А вот про Приазовье в тех документах не упоминалось вовсе… Тем не менее, когда сообщение о возврате запорожцев будет разослано по приграничным русским крепостям, оно будет направлено также и в Бахмут и в крепость святой Анны, размещавшуюся на нижнем Дону. Возможно, были какие-то основания предполагать, что какие-то группы запорожцев могут выходить и в этом направлении?

В современных работах о запорожцах часто можно встретить фразу примерно такого содержания: *«У 1734 році вся територія Запоріжжя була поділена на 5 паланок»* (далее обычно следует перечисление их названий, включая и Кальмиусскую). На самом деле — запорожцам на тот момент было вовсе не до установления своей власти над южными степями, теми продолжали владеть татары. Даже в своем нынешнем местопребывании запорожцы тогда сидели «на птичьих правах». Так как и само место расположения Подпольненской Сечи, и Присамарье, и Гард – находились на тех землях, которые Петру I после Прутского поражения пришлось передать Османской империи.

На переговорах в Белой Церкви Вейсбах предложил запорожцам заявлять туркам, что территория, где они сейчас вновь устроили себе Сечь, не относится к османским владениям. Дескать, когда в 1714 году размежевывали границу с турками между Днепром и Доном, земли к западу от Днепра остались неразмежованными и Порте официально не передавались, остались запорожскими. Малашевич, разумеется согласился (а куда ему было деваться?) и проинструктировал держаться этой же линии и остальных казаков

Но, на случай, если это не сработает, обсуждалось и что делать, если турки будут настойчиво требовать выселения запорожцев со своей территории. Как записал тогда Вейсбах в своем донесении от 13 сентября 1734 года: *«Третьяго числа призвав я к себе их, кошевого, писаря, есаула, стариков и атаманов, склонно приятностию сказал, дабы они с нынешних мест, где своим кошем осели,* ***на границы вашего имп. вел-ва перешли****, и тем бы ни малого к нарушению мирного трактату Порте Оттоманской подозрения дать не могли. На что они потом, советовав между собою наедине,* ***к тому переходу, ежели необходимо нужда*** *от турков и к нарушению мирного трактата для одних их позовет, то в таком случае* ***они перейти готовы****, в чем во уверение подали мне писмянной ответ <…>»* [13, с. 1156].

Но вот в том, что запорожцы согласились, в случае необходимости, переселиться на российскую территорию, Вейсбах несколько заблуждался. На самом деле в запорожском ответе говорилось, что в случае, если турки будут особо настойчиво требовать переселения запорожцев *«на руский грунт»*, то для избегания из-за этого преждевременного начала войны они согласны на следующее: *«<…> по всеподданнейшей верности и покорности от теперешней Сечи со всем своим Кошем пойдем и у границ ея имп. в-ва, зачавши от реки Тесмина до порогов, как далеко та граница имеется, Кошем осядем»* [13, с. 1162]. Единственно, казаки просили, в случае необходимости такого перехода, постараться отсрочить его до следующей весны, так как только тогда, по полой воде, они могли поднять свои лодки и «клейноды» выше порогов [13, с. 1158]. Похоже,

[5] Аман (арабск., перс. — «безопасность») — гарантия безопасности, которую мусульманин дает врагу, обычно немусульманину.

Вейбах так и не сообразил, что правый берег Днепра между устьем Тясьмина и порогами, куда обещались переехать запорожцы, тогда тоже не входил в русские границы!

Интересно и то, что кошевой атаман Малашевич (один из наиболее разумных и адекватных запорожских руководителей XVIII века) на случай переезда к Тясмину (только на этот случай!) просил для своего войска материальной помощи: *«<…> а понеже нам, войску, чрез то как рыбы, так и звериныя ловли не так доволно будет, того ради просим, дабы при таком случае нам, войску, яко вернейшим подданным ея имп. в-ва так долго, покамест война с турками будет, и мы до теперешней Сечи возвратиться можем, как мне, кошевому, так и протчим старшинам годовое денежное жалованье и на наш Кош годовой провиант <…>»* [13, с. 1162]. То есть он на полном серьезе считал, что из района рек Базавлук и Подпольная войско Запорожское Низовое вполне способно прокормить себя самостоятельно, без сторонней помощи. К сожалению, больше никто из последующих запорожских кошевых атаманов такой похвальной скромностью не отличался…

А насчет тех запорожцев, которые на тот момент проживали в Присамарье, кошевой обещал Вейсбаху следующее: *«Мы, войско, сами знаем, что наши козаки при Самаре не на нашей земле, токмо по силе тамошняго разграничения [1714 года — LV] на турецкой земле состоят. Того ради, как скоро мы до Коша своего отсюда возвратимся, наших до сего времяни при Самаре стоящих козаков, сюда, на сю сторону Днепра [т.е. на правобережье — LV] к себе переведем. И о том турецкого Едикли-агу[6], ежели будет об оных козаках упоминать, уверим»* [13, с. 1161]. Но турецкие посланники, прибывшие на Сечь в начале октября 1734 года, про самарских казаков так ничего и не спросили [13, с. 1168]. Поэтому Малашевич это свое обещание не стал спешить выполнять.

Так что мнение историков о появлении уже в 1734 году сразу пяти паланок следует признать несостоятельным.

Ту политику, которую сформировали Вейсбах и запорожцы, волей-неволей, пришлось проводить и русским дипломатам в Стамбуле И.И. Неплюеву и А.А. Вешнякову. Хотя они прекрасно понимали, что это полный бред. В своих секретных донесениях в Россию они тогда регулярно писали, что согласно мирным трактатам это точно османская территория и что нужно поскорее вывести запорожцев с нее [13, сс. 1148-1196].

Но, тем не менее, такая стратегия тогда себя оправдала. Турки с пониманием отнеслись к возвращению запорожцев в российское подданство. Они лишь требовали вывода этих новых российских подданных с «международно-признанной» турецкой территории на российскую. Правда, требовали не особо настойчиво. Основной причиной этого было то, что Порта тогда завязла в затяжной войне с Персией. И обострять отношения с Россией по столь ничтожному поводу пока не хотела.

Турецкая империя на тот момент сильно ослабла и находилась в глубоком внутреннем упадке. И даже сам Иван Неплюев, много лет занимавший пост российского резидента (посла) в Стамбуле, тогда торопил руководство империи поскорее начать войну с турками. Хотя лично для него это грозило серьезными

[6] Представитель турецких властей, которого те планировали направить тогда для осмотра места расположения новой Сечи. Вместо него, в итоге, на осмотр прибыли другие посланцы.

проблемами, так как турки имели обыкновение дипломатов воюющих с ними стран заключать в стамбульский Семибашенный замок (Едикуле).

В конечном итоге, российское руководство заключило союз с Австрией и начало тайную подготовку к войне с Турцией. Поэтому России на тот момент было не выгодно эвакуировать запорожцев с занятых теми степных земель на север, в Малороссию.

Чтобы избежать этого, русским дипломатам в Стамбуле пришлось пойти на казуистику и затягивание вопроса, пользуясь той аргументацией, которую мы описывали выше. В общем, пока дипломаты изощрялись в изворотливости и проливали реки чернил, запорожцев с этих территорий турки и татары так и не согнали. Те смогли удержаться в северной части своих прежних территорий. Но вот расширять свои Вольности на степное Приазовье запорожцам тогда было точно не с руки.

Один из случаев, связанных с Северным Приазовьем того времени. В конце 1734 г. с калмыцким ханом Дондук-Омбой (вассалом Российской империи) рассорились его подданные Гунга и Доржа. С собой они увели и большую партию своих сторонников. Разорив по пути окрестности Черкасского и крепости святой Анны, они переправились через Дон и разместились *"в турецкой области, в урочище Еланчиках"*. Т.е. — где-то в приморской полосе между Миусом и Кальмиусом. И никому они там не помешали своим присутствием. Сохранилась часть переписки, в которой обсуждалась возможность их мирного возвращения на прежние места, а также предосторожности на случай силовых попыток любой из группировок калмыков без разрешения форсировать Дон [9, сс. 106-108].

Летом 1735 года крымцы, по приказу из Стамбула, совершили большой поход в Северо-восточное Прикавказье, попутно пройдясь и по землям союзных России местных владетелей. Воспользовавшись этим как поводом, осенью того же года русская армия произвела большой поход на Крым. Командовать им должен был киевский генерал-губернатор Вейсбах (так много сделавший для возврата запорожцев), но в разгар подготовки он внезапно умер. Вместо него руководить выступившими в поход войсками был поставлен генерал-лейтенант М.И. Леонтьев (этот человек потом сыграет большую роль и в рассматриваемых событиях 1740-х годов, его биографию мы приведем позже). Поход начался из района Приорелья только в начале октября и производился по левобережью Днепра. По пути к русской армии присоединилось и несколько тысяч запорожцев. Но из-за слишком позднего начала — войска не смогли дойти до Крыма. Наступившая непогода заставила их повернуть с полпути обратно. Много вреда крымцам в этот раз нанести не успели. Получился фальстарт… Чтобы оправдаться перед турками, в Стамбул по дипломатическим каналам сообщили, якобы это была просто небольшая карательная экспедиция против крымских татар, в отместку за их набеги. Это дело дипломатам тогда удалось замять, официально война в 1735 году так и не началась.

План военной компании на следующий 1736 год предусматривал действие двумя армиями, под командой генерал-фельдмаршалов Б.Х. фон Миниха и П.П. Ласси. В мае 1736 года Россия официально уведомила Порту о начале войны. Армия Миниха прошла вдоль Днепра и вторглась на Крымский полуостров. Наибольшим ее успехом стало взятие и сожжение Бахчисарая (когда, к сожалению для историков, сгорели и архивы Крымского ханства). Но затем Миниху все-таки пришлось возвращаться обратно. Армия же Ласси в мае-июне осаждала Азов. После его капитуляции, Ласси дал длительный отдых войску. После чего, уже в начале августа, он повел основную часть своей армии вдоль северного берега Азовского моря в Крым, на помощь Миниху. Он успел дойти только до Миуса (передовые разъезды тогда, видимо, дошли до Кальмиуса), когда получил сведения об уходе Миниха из Крыма. После чего он повел свою армию обратно.

В последующих компаниях 1737 – 1379 годов армия Миниха действовала уже исключительно к западу от Днепра. Именно там происходили основные сражения той войны. Расписывать эти походы Миниха мы не будем, так как они никак не пересекаются с темой нашей книги. Иное дело – походы армии Ласси, которые прямо касались нашего края.

В мае 1737 года основная часть армии Ласси вновь двинулась из Азова в сторону Перекопа (еще часть двигалась со стороны Бахмута напрямую через степь). Вдоль своего пути армейцы сооружали небольшие редуты. С моря армию поддерживала гребная флотилия П.П. Бредаля. Ласси успешно прорвался в Крым со стороны Арабатской косы. После его отхода из Крыма часть армии опять промаршировала вдоль Азовского моря обратно на восток.

Во время похода 1737 года в Крым русская армия и суда гребной флотилии проходили и через низовья Кальмиуса. Первая группа судов Бредаля достигла устья реки примерно 23 мая (или чуть раньше). Из-за перекатов в устье, командам лодок пришлось затаскивать их в реку вручную. А в ночь на 24 мая несколькими верстами севернее вышла к реке и армия Ласси. Некоторому количеству лодок было приказано подняться вверх по реке для сооружения наплавного моста через реку. Где-то в низовьях реки был сооружен очередной небольшой редут, в котором было оставлено 20 слободских казаков.

На рукописной *«Карте того маршрута, которою маршировала Ея Императорскаго Величества армия под командою господина генерала-фелтьмаршала Лас[с]и в 1737 году к Крыму и в Крым…»* (см. Рис.6) этот редут показан на песчаной низменности между двумя устьями Кальмиуса (т.е. вроде как на нынешнем Горострове?). А вот на печатных картах, которые печатались в Санкт-Петербургской академии наук, и которые взяли указанную рукописную карту за основу, этот редут подписан уже в другом месте, выше по реке (см. Рис.7).

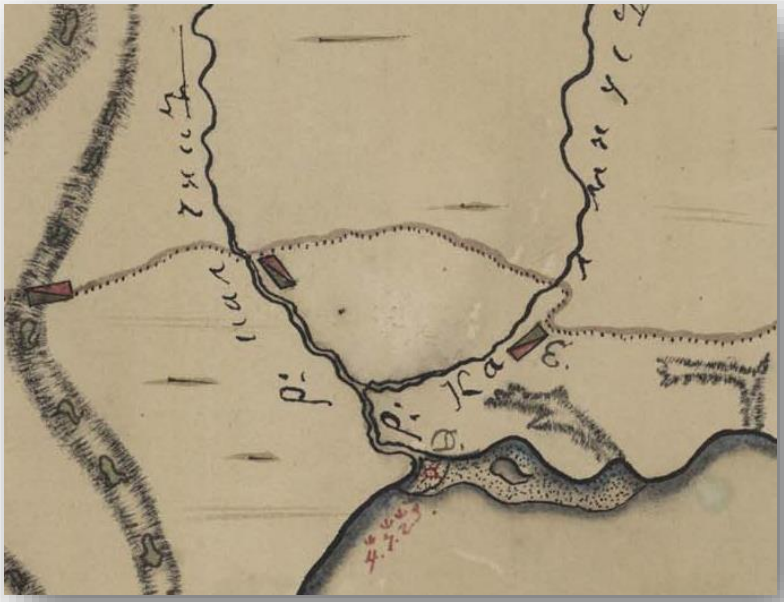


Рис.6. Фрагмент рукописной карты 1737 г. [РГАДА, ф.192, с.281, №21]. Буквой «D» здесь обозначен «<…> редут при реке Кальмиусе», буквой «E» — «первой рандеву арми[и] с флотилиею при реке Кальмиусе».

Рис.7. Фрагмент печатной карты «Carte exacte de la chersonese Taurique...» (вероятно, 1737 года). Здесь редут в устье лишился подписи, а буква «R» выше по Кальмиусу теперь расшифровывается как «Другой [после Еланчика — LV] редут при реке Калмиус».

Однако в позднейшие времена никаких следов земляных укреплений в низменности у устья Кальмиуса не отмечается. Поэтому есть большая вероятность, что именно тогда вокруг развалин древнего каменного укрепления на правобережном холме рядом с устьем реки и было насыпано то земляное укрепление, которое на планах раннего Мариуполя будет подписано как «старый редут». По крайней мере никаких признаков того, что запорожцы позднейшей Кальмиусской паланки будут в середине XVIII века заниматься здесь какими-то фортификационными работами – пока не известно. Запорожцы вообще не любили напрягаться чем-то, если для этого не было острой необходимости. Тем более, что за возведение собственных укреплений в «барьерных землях» с них могли очень строго спросить, так как это напрямую нарушало положения мирного договора с Турцией.

Если предположение об «апгрейде» древнего укрепления во время именно этой войны получит подтверждение, тогда можно легко объяснить причины выбора именно этого места для устройства редута. Он должен был прикрыть от неожиданного нападения с суши лодки русской флотилии П. Бредаля, часто останавливавшиеся в 1737 и 1738 годах на отстой в устье Кальмиуса. С этого прибрежного холма хорошо просматривается на расстояние в одну версту весь покатый «материковый» склон вплоть до основного водораздела. Откуда, видимо, и предполагалась основная опасность нападения татарской конницы. В пользу этой версии может свидетельствовать и то, что по результатам раскопок 2010 – 2015 годов на месте этого редута, руководитель раскопок В.Н. Горбов одну из найденных там землянок (по ее инвентарю и по использованию для устройства лежанки остатков лодки) отождествил именно с этим походом [20].

В указанной рукописной карте приводится и краткая характеристика низовьев рек, которые встретились армии на ее пути от Азова в Крым. Вот что, например, там говорится о нашей реке: *«Калмиус имеет добрую и рыбную воду, и корма хорошие, а лесу никакого не имеетца. В устье оной реки никакие суда входить не могут, толко для маленкие лотки, ибо в устье оной только глубины три фута [92 см — LV]. В нее впала речка Халчик [Кальчик — LV], которая имеет добрую воду и около оной кормов доволно, а лесу никакого не имеетца»*.

А вот в комментариях к печатным картам эти описания будут подвергнуты довольно значительному сокращению. Сравните: *«Калмиус. Имеет чистую воду и довольство рыбы. В устье сея реки воды больше не будет как на три фута. В сию реку впала речка Холчик, которая добрую воду и довольно рыбы имеет»*.

В 1738 году Ласси сделал еще один успешный поход в Крым. На этот раз основная часть его армии шла со стороны Бахмута. И только вспомогательный корпус шел со стороны нижнего Дона, Азова и крепости святой Анны вдоль северного берега Азовского моря, по приморской дороге. Параллельно по морю шла (вновь укомплектованная лодками) флотилия Бредаля. Поход оказался удачным. Ласси смог обойти укрепления Перекопа через отступивший Сиваш. Он вновь разорил северный Крым, после чего опять повел войска обратно. То есть и в этот раз значительная часть его армии по суше и флотилия Бредаля по морю прошли через низовья Кальмиуса сначала в одном направлении, потом в обратном.

А вот в 1739 году поход армии Ласси оказался менее удачен и продуктивен. В основном по причине того, что армия не успела восстановиться после предшествующих кампаний, в ней наблюдался большой некомплект в людях, лошадях и волах, а также в материальном обеспечении. К тому же во многих местах свирепствовала чума. Так корпус генерал-аншефа В.Я. Левашова, который должен был в начале мая идти с нижнего Дона к Кальмиусу (для соединения с основной армией Ласси) – дошел лишь до Миуса. Здесь в нем обнаружилась «опасная болезнь», и Левашову пришлось остановить свой корпус в поле «на обсервацию». 2 июня к нему поступили известия о приходе турецкого флота к устью Кальмиуса. Отправленный на разведку казачий разъезд насчитал здесь стоящие на якоре 6 турецких кораблей, 2 фрегата[7] и множество малых судов. Когда на флоте заметили казаков, то открыли по ним пальбу из пушек. Но попасть турки не смогли ни разу, и казаки благополучно вернулись к Левашову с вестями. Но появление здесь турецкого флота, а также и полученные вскоре вести о страшном пожаре, выпалившем Азов, заставили Левашова уже 11 июня двинуться обратно к Азову [21, с. 274].

А сам Ласси, с теми войсками, которые ему все-таки удалось собрать, 10 мая вышел из Изюма. Пройдя через степь, он вышел в северо-западное Приазовье. Ласси, без особого результата, поводил свою армию по степям Херсонщины. Значительных сражений здесь так и не случилось, татары старались избегать русской армии. Ласси еще раз занял покинутый гарнизоном Перекоп, но в глубь разоренного еще в прошлые кампании Крымского полуострова заходить не рискнул. В конце августа он повел свои войска обратно.

Отметим, что в походах 1735 – 1739 годов в армиях всех трех военачальников – и Леонтьева, и Миниха, и Ласси – помимо регулярных частей присутствовали также контингенты донцов, малороссийских городовых и слободских казачьих полков, иногда – и калмыки. А вот что касается до запорожцев, то они в этой войне участвовали почти исключительно только в походах Леонтьева и Миниха (то есть – в районе вдоль Днепра и к западу от него). В армии же Ласси, действовавшей со стороны северного Приазовья, в кампаниях 1736, 1737 и 1738 годов контингенты запорожцев полностью отсутствовали. Не фиксируется их использование здесь даже хотя бы в качестве проводников или разведчиков. Что не совсем понятно, с учетом их вроде как хорошего знакомства с этими районами степи. И только в кампании 1739 года к армии Ласси на реке Гайчуре (левый приток Волчьих Вод) присоединилось 740 конных запорожских казаков. Которые, вместе с армией, отправились действовать в северо-западное Приазовье. Также запорожцы участвовали тогда в действиях на нижнем Днепре отряда генерала Штофельна, который в той компании действовал в помощь армии Ласси.

Боевые действия и походы русской армии в русско-трецкую войну 1736 – 1739 годов весьма хорошо отражены в огромном количестве документов (многие из них уже давно опубликованы). Пожалуй, наиболее сконцентрированными и информативными из них являются журналы боевых действий, которые велись тогда при штабах русских командующих. Те из них, которые касались походов на Крым, были подготовлены и опубликованы в 2017 году аксайским

[7] Фыркат (тур. firkata, испорченное итальянское frigate) – тип турецкого небольшого парусно-гребного судна. Османский историк Кятиб Челеби в своем описании турецкого флота («Тухфет уль-кибар фи эсфар иль-бихар», сер. XVII в.) называет фыркат самым маленьким гребным судном с количеством скамеек для гребцов от 10 до 17 [46, сс. 119, прим.57].

историком П.А. Аваковым. Там масса подробнейшей и интереснейшей информации.

Рис.8. «Журналы Крымских походов российской армии 1735 – 1738 гг.». Обложка издания 2017 года.

И, что характерно, по пути отрядов армии Ласси (и вдоль северного берега Азовского моря, и напрямую через степь) в документах ни разу не фиксируется никаких следов наличия здесь запорожского населения, рыбаков, пастухов, зимовников, слобод и т.п. То есть – можно уверенно говорить, что в период этой войны запорожцев (или их свежих следов) в Северном Приазовье не было.

Пожалуй, единственное (известное автору на сегодня) упоминание о действиях представителей запорожского казачества в Северном Приазовье можно найти в аттестатах запорожцев Михаила Довбни и Михаила Рогули, составленных уже в начале 1760-х годов. Согласно им, *«с начатия Крымских походов»* (1735 год?) Кош, то ли по указанию Леонтьева, то ли по собственной инициативе — послал несколько казаков под Азов для добычи языка. Пленник был взят и доставлен в Кош. Рогуля в этой экспедиции был ранен [10, сс. 509, 516]. Но это, понятно, было разовое и «транзитное» посещение.

По сообщению П.А. Авакова, в одной из неизданных работ Готлиба Фридриха Вильгельма Юнкера за 1737 год есть такое сообщение:

«При самом впадении Калмиуса в Меотическое озеро находятся, занимающие большое пространство, развалины древнего города, где, по преданиям, было главное местопребывание известного татарского хана Султана Мамая» (перевод с немецкого).

Информация эта для мариупольцев, конечно интересная. Вот только, к сожалению, по другим источникам, в Приазовье не известны места, связанные с именем Мамая, к тому же с его «главным местопребыванием». Зато они хорошо известны в Приднепровье, где в пойме рек Днепр и Конка имеются развалины

«столицы» Мамая (Кучугурское городище) и возле нее огромный некрополь при Мамай-горе и речке Мамай-Сурке. Там «мамаевские» топонимы известны по источникам по меньшей мере с XVI века.

Сам Юнкер был официальным историографом при армии Миниха в 1736 и 1737 годах. То есть, в Приазовье он лично не бывал, и информацию отсюда мог получить только с чужих слов. К тому же Юнкер, приехавший в Россию только в 1731 году, с русским языком и с местными географическими названиями, мягко говоря, не очень дружил. Так что, скорей всего, в процитированном выше сообщении он изначально перепутал названия рек Калка и Конка, которые для немецкого уха звучали довольно похоже. Почему он ошибочно и перенес известие о приднепровских развалинах в Приазовье.

На этом мы закончим с описанием хода той турецкой войны. В следующей главе нам придется рассказать о послевоенном устройстве новых границ между Российской и Османской империями. Так как именно в процессе их демаркации и произойдет один небольшой и, вроде как, малозначительный эпизод. Однако именно он, всего через несколько лет, и послужит спусковым крючком для начала тех событий, которые и приведут к исследуемым в данной книге ожесточенным распрям между двумя прославленными казачьими войсками.

Разграничение границ с Османской империей в 1740 – 1742 годах

Русско-турецкая война, начавшаяся в 1736 году (или с 1735 года, если считать с похода Леонтьева) завершилась довольно неожиданно для командовавших русской армией Миниха и Ласси. Но дело было в том, что если у России военные действия против турок продолжали идти довольно успешно, то ее союзнице Австрии (точнее – Священной Римской империи германской нации) военное счастье в 1739 году изменило полностью. 22 июня турки разгромили цесарцев в сражении при Гроцке, а 25 июля они осадили Белград. Это заставило австрийцев срочно договариваться с Османской империей о мире. 1 сентября 1739 года мирный договор между ними был подписан, с большими территориальными потерями для цесарцев.

И хотя именно в это время Миних успешно очистил от турок Молдавию, руководство Российской империи не решилось на продолжение войны с турками без участия союзников. Материальные и человеческие расходы на эту войну оказались намного выше, чем ожидалось. Население «прифронтовых» областей, на которые пришлась основная тяжесть по снабжению русской армии продовольствием и логистике, к этому времени было значительно разорено и измучено этим перенапряжением. Казна тоже уже была пуста. В общем, продолжение такой войны представлялось уже крайне рискованным и не оправдывающим необходимых средств. Поэтому, вскоре после австрийцев, русские тоже начали мирные переговоры с турками. Переговоры шли при посредничестве маркиза де Вильнёва, французского посла в Османской империи. И, возможно, без его посредничества результат получился бы лучше… Как бы то ни было, невзирая на все предшествующие успехи русской армии, отечественные дипломаты в этот раз выступили откровенно слабо. 18 сентября (по старому стилю) 1739 года в Белграде русскими и османскими представителями был подписан мирный договор, завершивший эту войну.

В новом заключенном мирном договоре территориальные изменения были прописаны мало. Дипломаты договорились только, *«что границы обеих империй быть имеют те, как учреждены и постановлены были в прежних трактатах»* (т.е. как при Петре I). Но поскольку понять эти *«прежние трактаты»* было уже сложно, то должен был появиться новый договор, в котором *«оные явственно толкованы будут»*. В целом, Белградский договор 1739 г. по многим позициям был хуже для России, чем Константинопольский 1700 г. В частности, вновь захваченный русскими Азов теперь должен был быть разорен, а его округа *«по учрежденным границам 1700 года трактата, имеет остаться пустая, и между двумя империями барьером служить будет»*. Это, кстати, было первое применение понятия *«барьер»* относительно Приазовья (в начале XVIII века для этого использовалось выражение «порожние земли»). Также должны были оставаться разрушенными и укрепления Миусского полуострова. Российская империя, хоть и вернула себе выход к Азовскому морю, но пользоваться им не могла. Права судоходства на Азовском и Черном морях она не получила.

Еще через две недели появилась Нисская конвенция (3 октября 1739 г.), достаточно четко оговаривавшая новые границы. Что касается земель между Днепром и Доном, на этот раз договаривающиеся стороны не стали брать за образец аморфные *«порожние земли»* времен Петра I. Теперь граница между Российской и Оттоманской империями была назначена по Конке и Берде, с небольшим сухопутным участком между их верховьями. То, что

осталось к югу и западу от этих рек оставалось за Турцией. К северу и востоку (за небольшим исключением) — к России. Это «исключение» было прописано в 3-м артикуле: *«Что касается до земли, лежащей между помянутою рекою Большой Берды даже до реки Миуса, границы таким образом определены да пребудут, как оне постановлены были мирным Трактатом, заключенным между обеими Империями в 1700 году»*. Несколько позже мы еще объясним, что именно тут имелось в виду.

Первоначально предполагалось, что демаркация границ на местности будет проведена в течении полугода с момента обмена ратификационными грамотами по данному договору. Но в реальности этот процесс очень сильно затянулся и прошел в три этапа. Эта тема также важна для понимания многих моментов в нашей книге, поэтому нам и на ней придется несколько задержаться[1].

Все три разграничения производились специально назначенными представителями (*«комиссарами»*) от обеих сторон, с демаркацией на местности. В некоторых местах, где это признавалось необходимым, от обеих сторон устанавливались пограничные «знаки» или насыпались «пограничные курганы». Казаки к участию в работе этих комиссий не приглашались, а об их результатах узнавали уже постфактум, из официальных уведомлений, рассылаемых из столицы.

Первой была определена граница к западу от Днепра. Съезд уполномоченных депутатов по этому участку границы происходил осенью 1740 года. С российской стороны комиссаром был уже знакомый нам Иван Иванович Неплюев. К тому времени он уже завершил свою дипломатическую службу и успел некоторое время отработать киевским губернатором. Комиссия начала свой путь от Буга и проехала вдоль старой русско-турецкой границы в сторону Днепра. Границу 1705 года планировалось повторить без изменений, поэтому особых проблем здесь не ожидалось. Но, как выяснилось по факту, в описании маршрута старой границы оказались некоторые географические ошибки, которые были просто невозможны на реальной местности. Поэтому в спорных местах – члены комиссии останавливались лагерем и стояли на одном месте до тех пор, пока по многих *«конференциях, спорах и разсуждениях»* не приходили к общему мнению. В конечном итоге 4 ноября 1740 года был подписан окончательный документ по прохождению этого участка границы, который назывался *«Инструмент, заключенный при великом Ингуле»*. Так как до Днепра участники комиссии добрались только к холодам, то разграничение остальных участков границы решили отложить уже на следующий год, для других комиссий.

[1] Более подробно процесс данного дипломатического урегулирования и трех демаркаций освещался на форуме: https://papacoma.narod.ru/books/old_forum/c.13.pdf (посты от 08, 11 и 16 февраля 2010 г.).

Иван Иванович Неплюев (1693 — 1773) – выдающийся российский дипломат и государственный деятель. В молодости был связан с флотом. С 1721 по 1735 год российский резидент (посол) в Османской империи, где показал очень высокую эффективность. В 1735 году по состоянию здоровья был отозван в Россию. С 1736 года – член коллегии Иностранных дел. В 1737 году участвовал в Немировском конгрессе 1737 года. В 1740 году был назначен Киевским губернатором. Возглавлял русскую делегацию при разграничении русско-турецкой границы между Бугом и Днепром. Здесь же, в Киеве, в декабре 1740 года похоронил свою жену. В 1741 году был назначен командующим в Малороссии и слободских полках (глава правления Гетманского уряда и Комиссии учреждения слободских полков). А за свое участие в разграничении границы получил орден святого Александра Невского и пожалование в две тысячи крестьянских дворов в Малороссии. Но в конце того же 1741 года, при восхождении на престол императрицы Елизаветы Петровны, он по доносу был отрешен от своей должности, лишен чина тайного советника, ордена и поместий, и под арестом доставлен в Санкт-Петербург. Однако на следствии была установлена его невиновность, так что чин и орден ему вернули (поместье – нет).

Рис.9. Портрет И.И. Неплюева, 1-я пол. XVIII века

Больше в наши края он не вернулся. В 1742 году Неплюев будет назначен начальником Оренбургской экспедиции, с 1744 года станет первым Оренбургским губернатором. Будет управлять тем краем до 1758 года и очень много сделает для его заселения и упорядочивания. С 1760 года – сенатор. В 1764 году выйдет в отставку. Автор автобиографических записок.

Очень важный момент для понимания нашей книги! Как восстанавливается из более поздних запорожских документов, когда в Коше узнали о прохождении вновь установленной границы 1740 года, то пришли в сильное негодование. Оно было вызвано тем, что некоторые важные для запорожцев территории (которые они считали своими) опять отошли туркам. Но на недовольство Коша Неплюев, якобы, пообещал, что запорожцам эти неудобства скомпенсируются в следующий раз, когда будет размежовываться русско-турецкая граница к востоку от Днепра. Насколько серьезно Неплюев это сказал (и говорил ли такое вообще?) – неизвестно. Возможно, он это просто брякнул, чтобы от него отстали, или даже вовсе отшутился. Но в любом случае, он, естественно, не имел в виду, что Кошу будут переданы ВСЕ новозавоеванные земли к востоку от Днепра. А вот рассмотреть прибавление с той стороны к Вольностям Запорожским какой-то части отобранных у татар территорий – это Неплюев похоже был не против. Как бы то ни было, но ни своему преемнику на посту киевского губернатора, ни высшему руководству Империи он про это обещание

ничего не сообщил. Не упоминается этот момент и в его автобиографических записках. А вскоре ему стало совсем не до того, так как у него начались большие неприятности, а потом его перебросили на управление Приуральем.

А вот в Коше, невзирая на периодические смены кошевой старшины, про это обещание Неплюева не забыли…

Следующее размежевание было произведено через год, осенью 1741 года. С российской стороны делегацию в этот раз возглавлял генерал-лейтенант князь Василий Аникитич Репнин. Был демаркирован участок границы вдоль южного берега Таганрогского залива – от Азова (включительно) и до района устья реки Еи (включая небольшой кусочек ее левобережья). Здесь особых проблем и споров не возникло. Эта граница была проведена еще в октябре 1704 года губернатором Азовским и наместником Звенигородским Иваном Андреевичем Толстым и турецким комендантом города Ачуева Хасаном-пашой. Западнее Еи тогда даже были сооружены пограничные курганы от обеих сторон. И хотя верховные власти Османской империи тогда, в начале XVIII века, так и не согласились ратифицировать данный участок границы, но по факту местные российские и турецкие власти ее все-таки учитывали в своей деятельности. В 1741 году длинная узкая «кишка» бывшего Азовского дистрикта, вместе с развалинами заброшенного Азова, была установлена в качестве барьерных земель с этой стороны Таганрогского залива. К западу от Ейского лимана все морское побережье оставалась за Османской империей. Окончание этого разграничения произошло 20 октября 1741 года и ознаменовалось подписанием комиссарами *«Инструмента, заключенного при урочище Скопинскаго городка на реке Кайсуге»*.

Василий Аникитич Репнин (1696 – 1748). Сын генерал-фельдмаршала А.И. Репнина. Участвовал в Северной войне. В 1731 году, уже в чине гвардии капитана, был отправлен на Украину для наблюдения за устройством крепостей и поселений.

Рис.10. Князь В.А. Репнин

Участвовал во всех походах Миниха во время русско-турецкой войны 1735—1739 годов. Был произведён в генерал-лейтенанты и назначен 3 марта 1740 года комиссаром по разграничению земель с Турцией.

Член комиссии о злоупотреблениях Балахнина в таможне с 30 января 1743 года. С 18 августа 1743 — член Генерального суда по делу Лопухиных, а с 29 августа того же года — комиссар по разграничению земель между Швецией и Россией. С 5 октября 1743 года — член Военной коллегии. В 1744 году, 25 июня, назначен главным командиром войск в Санкт-Петербурге; 15 июля был пожалован в полные генералы; 16 декабря стал генерал-адъютантом; в первой половине 1744 года был генерал-губернатором Петербурга. С 20 ноября 1745 года — генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии). Также являлся заведующим Сухопутным шляхетским корпусом. В 1745 – 1746 годах был воспитателем наследника престола Петра Федоровича. С 1747 года — командующий русского корпуса, совершившего поход на Рейн (в

ходе войны за австрийское наследство). Действовал успешно, но на этой должности он и умер в 1748 году. Тело его было доставлено в Россию и похоронено в Риге.

И, наконец, еще через год, осенью 1742 года был разграничен последний участок русско-турецкой границы – между Днепром и Миусом. Пограничным комиссаром с русской стороны опять выступил князь В.А. Репнин, с турецкой — Хаджи Ибрагим Капыджа-паша. Здесь тоже особых проблем и споров не возникло, так как основные моменты были уже определены в Нисской конвенции 1739 года. Основная часть границ проходила по течению рек Конки (Конские Воды) и Берды и нужно было демаркировать на местности только небольшой участок водораздела между их вершинами. Правда, по какой-то причине, за вершину Конки был принят ее левый приток Токмачка. Может, неправильно определились на местности, а может наши умудрились немного турок «наколоть» в свою пользу. Как бы то ни было, на водораздельной возвышенности между вершиной речки Токмачки (принятой за вершину Конки) и верховьем Берды, длина которого составила около 5 верст (три четверти часа конного пути) были насыпаны четыре пары курганов, с русской и с турецкой стороны границы. Вся территория, что находилась к югу от Конки и к западу от Берды – оставалось за Османской империей. А то, что находилось к северу и востоку от этих двух речек – почти все отходило Российской империи (об этом чуть ниже). Эту границу будут еще долго помнить. Ее будут показывать на многих картах вплоть до конца XIX века. Также в этом месте фиксируется и название «могилы Кордонские». Окончание этого размежевания, когда пограничные комиссары обменялись экземплярами подписанных ими «Инструментов», обычно датируется 12 октября 1742 года. Правда, в свежем выпуске архивных документов, подготовленных МИД Российской Федерации в 2018 году, документ датируется 13 октября, а прежняя дата признается ошибочной [22, с. 46]. Но для нашего рассказа это не принципиально.

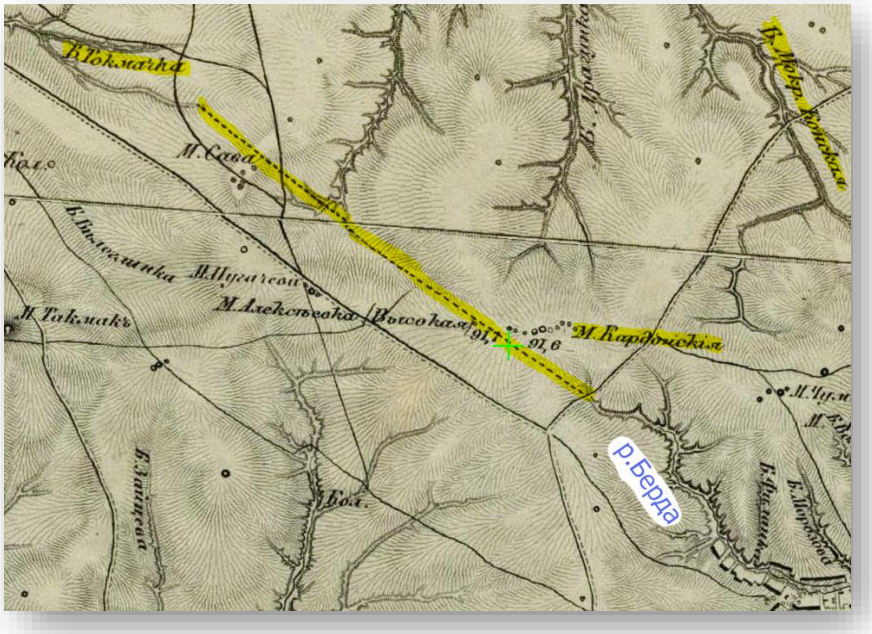


Рис.11. Сухопутный участок границы 1742 года на карте Шуберта 1860-х годов. Верховья Токмачки и Конки, линия границы и название Кордонских курганов автор книги отметил желтым цветом.

Приведем полностью текст «Инструмента…», завершивший последний этап размежевания в 1742 году (по публикации, приведенной в Полном собрании законов Российской империи):

12 октября 1742 г. Конвенция, заключенная при вершине реки Большой Берды. – О разграничении лежащих в Крымской степи земель, начав со стороны реки Днепра от вершины реки Конских вод до реки Берды и об определении земель, лежащих далее к реке Миюсу.

По силе новопостановленнаго и тишайшаго вечнаго мира между славнейшими[2] Всероссийской и Оттоманской Империи, будучи изъяснено в артикулах, что соглашенось, и в конвенциях о разграничении определено, а потом и в ратификациях взаимно данных и полученных, как во 2-м и в 3-м артикулах гласит, что границы по восточной стороне реки Днепра, даже до устья реки Миюса должны быть назначены и разграничены: того для от страны Ея Императорскаго Величества Великой Государыни и Самодержицы Всероссийской определен я, нижеподписавшийся, полномочным Коммисаром от реки Днепра до устья реки Миюса, Ея Императорскаго Величества Генерал-Лейтенант и Ордена Святаго Александра Кавалер Князь Василий Репнин[3], а от страны Оттоманской Империи Полномочным же Коммисаром благородный и почтенный Хаджи Ибрагим Капыджа-Паша[4], и, прибыв в близость реки Конских вод, стали лагерем при береге оной, и от обеих сторон поставя между лагерей по одной палатке для конференции, и, по нескольких конференциях, спорах и разсуждениях, наконец наилучшим образом между собою согласились и постановили следующее: начав от вершины реки Конских вод от обеих сторон поставили по одному кургану, а от тех курганов прямою линиею разстоянием четверть часа по одному ж кургану, оттуда тою ж линиею в том же разстоянии еще по одному кургану, а при западной стороне реки Большой Берды також по одному кургану, от вершины реки Конских вод до западной вершины реки Большой Берды разстоянием всего три четверти часа, и между помянутыми реками в полуденной стороне, вся земля осталась к Оттоманскому Империю, в полуночной же стороне вся земля Всероссийскому Империю, а от развилины реки[5] Большой Берды даже до Новаго города, который имеется в том месте, где река Миюс в Азовское море впадает, во всем быть непременно, по [со]глашению 1700 года Трактата и Конвенции о границах; река же Конския воды, даже до впадения ея в Днепр вместо знаков граничных утверждена; от впадения ж Конских вод вниз река Днепр между обеих Империй оставлена; в помянутых же реках подданным обеих Империй без нарушения пользоваться позволяется; и по тому начало границ есть от вершины реки Конских вод и конец у Новаго города, который при впадении реки Миюса в Азовское море стоит; и тако сии наши инструменты разграничения со всеми изображенными в них кондициями и артикулами да будут приняты, и ненарушимо вечно содержаны от обеих сторон[6]. Во уверении

[2] Исправлено по публикации во II-м выпуске ЗООИД (происходящей из архива крепости св. Димитрия Ростовского); в других копиях стоит явно неправильное слово «главнейшим».

[3] В тексте ЗООИД пропущена фраза «князь Василий Репнин».

[4] В тексте ЗООИД – «Капыджи-баши».

[5] В тексте ЗООИД ошибочно «а от равнин к реке».

[6] В тексте ЗООИД это предложение сокращено и сформулировано несколько по-иному: «Сей наш инструмент разграничения со всеми соображениями принять ненарушимо и вечно содержан имеет от обоих сторон».

чего[7] Ея Императорскаго Величества Всепресветлейшей и Всеавгустейшей Великой Государыни и Императрицы Всероссийской Генерал-Лейтенант и Ордена Святаго Александра Кавалер, по силе мне данной полной мочи, сей инструмент подписав моею рукою с приложением обыкновенной моей печати, отдал вышеупомянутому Коммисару Оттоманской Империи на Российском языке; а от него взаимно равномернаго же содержания принял на Турецком языке[8] в лагере при вершине реки Большой Берды [23, сс. 671-672, №8628].

Барьерные земли, установленные в 1742 году, являлись восточном огрызком прежних «порожних земель» 1700 года. Упомянутая «развилина» Большой Берды – на многих картах тех лет подписана как «Р. Ратич» или «Речка Ратич», что является ошибочной записью (неправильная разбивка на слова) названия крупного левого притока Берды — Каратыша. Таким образом, в наших краях южной частью турецкой границы являлось нижнее течение реки Берды, а российская граница – проходила по Берде только до устья Каратыша, а оттуда прямой линией шла к устью Миусского лимана. Узкий вытянутый треугольник приморских земель, лежащий южнее этой линии – признавался нейтральной, не принадлежащей ни одной из империй территорией, на которой подданным обеих сторон равно разрешалось заходить для мирных сезонных хозяйственных занятий. Повторим, что строить здесь не только укрепления, но даже и постоянное жилье – согласно мирному договору категорически запрещалось.

Рис.12. Руско-турецкие границы и барьерные земли, установленные в 1740 — 1742 годах.

[7] В тексте ЗООИД: «Во утверждение чего».

[8] В тексте ЗООИД вместо фразы «а от него взаимно равномернаго же содержания принял на Турецком языке» стоит другой текст: «При заключении, по желанию комисара Оттоманской Империи, дан ему перевод сего инструмента, от переводчика Константина Рума, на Турецком языке».

Территорию нынешнего Мариуполя северная граница барьера проходила чуть наискось примерно на широте устья Кальчика. Так что около пяти верст нижнего течения Кальмиуса, вместе с развалинами древнего укрепления у его устья, находились «в барьере» (см. Рис.13).

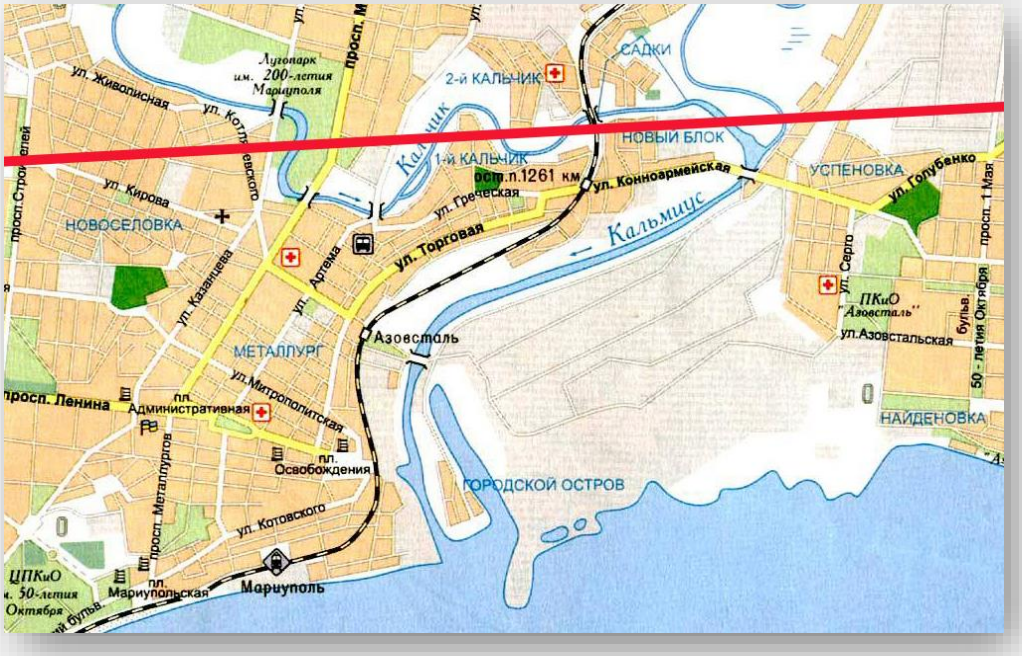


Рис.13. Примерное прохождение северной границы барьерных земель (красная линия) по территории нынешнего Мариуполя.

Беда была в том, что северную границу барьерных земель тогда не демаркировали и никак не обозначили на местности. Посмотреть ее прохождение тогда можно было только на географических картах, которые по нашим краям тогда еще были очень неточными и которых на руках у обитателей местных степей, естественно, не было. Поэтому никто из аборигенов даже под пыткой не смог бы выдать, где именно проходила та линия, перешагнув которую ты переходил с российской территории на нейтральную и обратно. Так что в дальнейшем местные жители, даже если краем уха и слышали выражение «барьер», то в своей повседневной жизни никак его не учитывали и в эту господскую блажь вникать не пытались.

Но это все будет потом. А пока – с верховьев Берды по холодной октябрьской степи помчались гонцы, чтобы поскорее доставить в северную столицу радостное известие о полном окончании затянувшегося размежевания русско-турецких границ. Затем это известие в Санкт-Петербурге какое-то время отлежится и потом, оформленное и размноженное, отправится в обратный путь, для сведения главам приграничных администраций. Чуть позже из Киева попадет оно и в Запорожскую Сечь. После чего все и заверте…

Ну а мы пока опять вернемся к запорожцам и к несколько более ранним событиям.

Накануне начала конфликта

Чтобы лучше понимать последующие события, нам придется хотя бы вкратце осветить положение Донского и Запорожского казачьих войск в России середины XVIII века. К этому времени Российское государство уже прошло большой путь по инкорпорированию в свой состав прежних казачьих степных общин (прежде всего – одного из старейших из них — войска Донского). Первоначально, по состоянию на середину XVI века это были отдельные степные сообщества, номинально независимые, но фактически прочно зависевших от снабжения из Москвы (особенно провиантом и боеприпасами). И тогда общение с ними (как и со всеми другими иноземными государствами) шло через Посольский приказ. И такое положение, по многим причинам, Московское царство вполне устраивало. Со временем, однако, их территория и население были включены в состав государства. Так войско Запорожское (на тот момент объединявшее и городовых, и низовых казаков) приняло присягу на верность московскому царю в 1654 году, войско Донское аналогичную присягу дало в 1671 году. Процесс обоюдного обучения сосуществованию в пределах единого государства между его центральной властью и местной казачьей старшиной был длинным и трудным, иногда и кровавым. Самыми большими кризисами на этом пути для донцов стало Булавинское восстание, для запорожцев – измена Мазепы. Низовые запорожцы свой экзамен провалили и надолго оказались отторгнутыми от России. Войско Донское – смогло тогда устоять. Его старшина продолжила курс на дальнейшее встраивание в структуры государства и на постепенную модернизацию своего войска. Что сильно облегчалось тем, что по итогам восстания Булавина самые горячие и непримиримые головы среди донского казачества либо погибли, либо бежали на Кубань.

В 1716 году войско Донское было передано от дипломатического ведомства (Коллегия иностранных дел) под управление Сената. А с 1721 года оно были окончательно передано в прямое подчинение Военной коллегии (что было вполне логичным шагом). В составе этой коллегии был создан специальный орган – Казачье повытье, который курировал все казачьи войска России. И к началу 1740-х годов администрации российских казачьих войск (и прежде всего – войска Донского) уже обладали богатым опытом взаимодействия с имперскими властями (в том числе и в вопросах бюрократической переписки). Войско Донское и отпочковавшиеся от него другие казачьи войска являлись крайне полезными и востребованными членами военной машины Империи.

Иная ситуация сложилась с войском Запорожским Низовым, вернувшимся по амнистии из османского подданства в 1734 году. В первые пару лет пребывания под российской властью положение запорожцев с точки зрения международного права было довольно сомнительным и неопределенным. Поэтому среди руководителей имперскими органами власти тогда особо не отыскалось «добровольцев», желающих курировать и контролировать этот «проблемный актив» (т.е. аналогично тому, как совсем недавно это происходило в отношении еще не признанных ДНР и ЛНР). И по факту заниматься запорожцами в основном пришлось киевскому генерал-губернатору Вейсбаху, организовавшему их возвращение и готовившему возобновление военных действий против турок. Также значительную активность и переписку по поводу запорожцев пришлось вести еще и Коллегии иностранных дел, дипломатам которой потом еще пару лет пришлось по этому поводу морочить голову османскому двору. После смерти Вейсбаха кураторство над войском Запорожским Низовым перешло к фельдмаршалу Б.Х. Миниху, выполнявшему функции главнокомандующего над частью имперской армии на данном направлении.

С началом турецкой войны усилия КИД по поводу запорожской проблематики стали уже не актуальными, и российские дипломаты радостно умыли руки от этого «непрофильного» для них актива. И в самом деле – указывать запорожцам, как и куда им ходить походами, а также заниматься их финансовым и прочим обеспечением для этой войны – это точно не относилось к сфере деятельности КИД. Всем этим по факту во время войны (и еще год после нее) с успехом занимался фельдмаршал Миних. Войско Запорожское в этой турецкой войне очень хорошо себя показало, его казаки совершили много подвигов и оказали много услуг Российскому государству. Миних ценил за это запорожцев и сам определял, как их щедро вознаградить за ратные труды и подвиги из фондов своей походной войсковой казны. Проблема была лишь в том, что это все происходило фактически по личной инициативе Миниха и никак не было им увязано с существующими государственными системами управления и обеспечения. Что уже очень скоро запорожцам и аукнется…

В 1739 году война с турками была закончена. В 1740 году Миних в последний раз произвел выплаты войску Запорожскому, помахал всем ручкой и отбыл к новому месту службы. Сенатским указом от марта 1740 года киевским губернатором был назначен И.И. Неплюев (это именно в тот период он произвел размежевание с турками границы к западу от Днепра). А в январе 1741 года киевским генерал-губернатором был назначен М.И. Леонтьев. Одновременно некоторое время должность «главного командира» (т.е. начальника над всеми войсками) в Малороссии исполнял Неплюев [24, сс. 139-140]. Впрочем, того уже в ноябре 1741 года по доносу отрешили от должности и отправили под следствие.

Пожалуй, пора привести краткие сведения о Михаиле Ивановиче Леонтьеве (1672 – 1752). Его имя уже несколько раз встречалось в нашей книге и будет еще многократно упоминаться дальше. Он происходил из богатого московского аристократического рода, родственного царской фамилии. Сам Михаил Иванович приходился двоюродным дядей Петру I по материнской линии. А место расположения его усадьбы дало название Леонтьевскому переулку, в 1 километре от Кремля.

Рис.14. Портрет М.И. Леонтьева из Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, 1780-е годы. Является ли он копией с более раннего прижизненного портрета — неизвестно.

Начинал службу еще в конце XVII века стольником. С 1700 года перешел на армейскую службу в чине прапорщика. К 1732 году дослужился уже до генерал-лейтенанта. Активно участвовал в Северной войне, особенно отличился под Полтавой. Несколько раз был ранен. В 1721 – 1724 году состоял при строительстве Ладожского канала. В 1724 — 1725 и 1735 году – член Военной коллегии. В 1727 году некоторое время исполнял обязанности вице-губернатора Московской губернии. В 1731 – 1734 годах служил в Низовом корпусе в Прикаспии. В 1732 г. – военный инспектор, в 1735 году – генерал-инспектор. В 1735 году командовал

неудачным Крымским походом. Участник русско-турецкой войны 1736 – 1739 годов (преимущественно в армии Миниха). В 1736 году взял крепость Килбурун (Кинбурн) на нынешней Кинбурнской косе, напротив Очакова. Современники отзывались о нем как об угрюмом и сварливом солдате, который к подчинённым был взыскателен и строг до жестокости, но вместе с тем был храбрым и предприимчивым. А сильно недолюбливающий Леонтьева Миних охарактеризовал его так: *«Генерал-лейтенант Леонтьев старый воин, понимает службу и особенно кавалерийскую и мог бы хорошо служить полковником; он здоров и крепкого сложения, но не имеет честолюбия, ни охоты к службе. Он годится быть в Конюшенном департаменте как охотник и знаток в лошадях такой, какому во всей армии нет подобного»*.

В 1738 году, по интригам Миниха, Леонтьев был отставлен от армии и (без всякого его желания) отправлен в Киев для управления «губернскими делами». В 1740 году – сенатор, заседал в Санкт- Петербурге, где у него строился дом на Васильевском острове. В 1741 году получил чин генерал-аншефа и назначен Киевским генерал-губернатором (которую должность он будет исполнять вплоть до своей кончины в 1752 году). В 1741 году (после ареста Неплюева?) был к тому же «главным командиром Малороссии». Также участвовал в комиссии по учреждению Слободских полков.

В 1740 и 1750 годах дважды предлагал Сенату свои проекты реорганизации Войска Запорожского, которые должны были поставить запорожцев под более сильный контроль Империи.

Благодаря его родственным связям и большому богатству – играл очень большую роль во внутренней политике Российской империи. Человек умный и деятельный, но властный и тяжелый, нередко сварливый (о чем в Коше Запорожском хорошо знали не понаслышке). Ссориться с ним было очень плохой идеей…

После отбытия Миниха шефство и контроль над войском Запорожским Низовым… так ни к кому и не перешли. Прошло уже шесть лет с момента их возвращения под российский скипетр, они успели поучаствовать в кровопролитной войне с турками. Но оказалось, что запорожцы к тому моменту так и не были никак встроены в организационно-управленческую схему Империи. Похоже, что и Сенат, и Военная коллегия, и Коллегия иностранных дел искренне считали, что управляет запорожцами кто-то другой, но точно не они. Леонтьев с Неплюевым, не получив никаких указов сверху по поводу запорожцев, тоже по каким-то причинам самоустранились и пустили это дело на самотек. И, соответственно, некоторое время никто не озадачивал низовиков своими мудрыми приказами и указами. Что последних, как не трудно догадаться, на тот момент более чем устраивало.

Но неудобство этого статуса запорожцы скоро прочувствовали с совсем другой стороны. Это покойный Иван Малашевич скромно считал, что войско Запорожское из района Подпольненской Сечи вполне способно прокормиться самостоятельно. Однако, за прошедшие годы, запорожцы как-то уже привыкли регулярно получать от имперских властей денежное и продовольственное жалованье, порох и свинец. По традиции, идущей еще со времен Московского царства, государство в мирные периоды обеспечивало казачьим войскам относительно небольшие выплаты, и отдельно доплачивало казакам за их участие в походах и в боевых действиях. И хотя запорожцы с 1739 года в военных действиях Империи

не участвовали, привычка получать регулярное жалованье у них никуда не делась. Выданное в 1740 году Минихом жалованье было уже давно проедено, наступил 1741 год – а к запорожцам никто так и не спешил прибыть с новым жалованьем! Кош попытался тогда обратиться по этому поводу к Леонтьеву, тот по этому вопросу даже обращался в Военную коллегию. Но по каким-то причинам тогда это дело заглохло и продолжения не получило [13, с. 1312]. Пришлось пока запорожцам потуже затягивать пояса…

Вероятно, Кош по поводу жалованья за 1741 год обращался тогда и к Неплюеву, как главному командиру в Малороссии. Но вспоминать это в следующем 1742 году, с учетом опального статуса последнего – скорей всего никто не рискнул.

25 ноября (по старому стилю) 1741 года в Санкт-Петербурге произошел дворцовый переворот и на престол вступила императрица Елизавета Петровна. Коронационные торжества были назначены в Москве на 25 апреля 1742 года. В конце апреля того же года, когда кошевым атаманом был Семен Иеремиевич Тимоший, из Коша в Москву была послана делегация запорожских старшин. Ее главой был определен Константин Малашевич[1], родной брат покойного прославленного кошевого атамана Ивана Малашевича, сумевшего вернуть запорожцев обратно в российскую власть. На саму коронацию данная запорожская делегация никак не попадала. Но передать поздравления Коша новой монархине делегаты смогли, так как торжества с ее участием продолжались в древней столице потом еще два месяца [25]. Об этом найдено краткое упоминание: *«<…> вышеупомянутым присланным от онаго войска Запорожского в Москву старшинам и козакам для нынешняго их со всеподданнейшим ея императорскому величеству о принятии родителского всероссийского престола поздравлением <…>»* [13, с. 1315]. Скорей всего, это было не просто устное поздравление, а с вручением официального торжественного письма из Коша.

Рис.15. Портрет Елизаветы Петровны из альбома о ее коронации

[1] Среди документов в начале сенатского дела имеется недатированная записка из КИД (не ранее июня-июля 1742 г.) с поименным перечнем состава данной делегации и их званиями. Всего в этой записке упоминается 10 старшин – 4 бывших кошевых атамана (включая К. Малашевича), по одному бывшему судье, атаману и писарю, и 3 действующих куренных атамана; также с ними было шесть *«рядовых служивых козаков»* [13, с. 1312]. Но вот почему в ней Константин Малашевич указан как *«бивший кошовий»*? Автору книги пока не удалось найти упоминаний о его пребывании на этой должности ранее 1742 года. Возможно, это следы путаницы с его братом Иваном? Или этот документ составлен задним числом, уже после середины 1743 г.?

Вероятно, именно об этих событиях периода весны 1742 года упоминается в книге А.А. Скальковского, в главе о начале правления Елизаветы Петровны. Там приводится такой рассказ: *«Немедленно после вступления на престол Императрицы и учинения Ей в Коше присяги на верную и усердную службу, войско Запорожское отправило своим депутатом к Ея престолу:* ***бывшаго кошеваго, столь много служившаго общине, Ивана Малашевича****.* ***Кошевым в то время во второй раз был Яков Тукало****. Войско принося свое подданическое поздравление и, поручая себя в милостивое попечение Монархини, просило: 1) более положительного закона на счет получаемого ежегодно денежнаго и хлебнаго жалованья; 2)* ***на счет определения границ со стороны Донскаго войска*** *и Польскаго королевства; 3) милостиваго внимания к их жалобам на пограничные начальства Польския и Крымския. Из остатков переписки по сему предмету, мы заимствуем несколько сведений о всех здесь упомянутых предметах»* [4, с. 118].

О каком *«определении границ со стороны Донскаго войска»* якобы просит Кош весной 1742 года – решительно непонятно. Здесь у историка явно какая-то путаница, так как оба вышеупомянутых запорожских старшины к тому времени были давно мерты – Иван Малашевич (†1737), Яков Тукало (†1739). А кошевым атаманом в Сечи по состоянию на весну 1742 года был Семен Иеремеевич Тимоший. Что за документ послужил Скальковскому реальной основой для данного рассказа – неизвестно, и последующий текст того раздела не помогает в этом разобраться.

Возможно, Скальковский ошибочно привел здесь какой-то более ранний документ середины 1730-х годов, когда оба указанных старшины были еще живы? Но там с 1730 года правила Анна Иоанновна и ни о какой повторной коронации не могло быть и речи. Да и вопрос с донцами на тот момент для Коша еще был не актуальным…

Более вероятно, что историк перепутал покойного Ивана Малашевича с его братом Константином, который весной 1742 года действительно возглавлял запорожскую делегацию в Москву (он их и потом в своей книге путает!). Но перепутать еще и кошевого атамана – это уж совсем перебор. И указанные три «рабочих» вопроса совершенно не к месту в этом высокоторжественном и поздравительном послании. Гораздо более уместно они смотрелись бы, будучи добавлены к содержимому отдельного письма Коша (тоже на имя императрицы) с перечнем конкретных вопросов и просьб запорожцев, которое также везлось этой же делегацией (об этом чуть ниже). Но там ни про поляков, ни про донцов ни слова не говорится[2]…

В общем, это сообщение Скальковского интересное, но явно перекрученное и неверно поданное. Возможно, историк видел черновой вариант этой грамоты в хранившемся тогда у него архиве Коша, чистовой вариант которой мог от него сильно отличаться. Как бы то ни было, шансы найти черновой или чистовой варианты этого обращения еще есть. Но его реальную датировку и со-

[2] По указанным Скальковским пунктам — это несколько напоминает запорожское обращение следующего, 1743 года, хотя ни о каком «определении границ» запорожцы и тогда не просили.

держание можно будет понять только после обнаружения документа-первоисточника для данного отрывка.

В отличие от «поздравительного» письма (о содержимом которого мы пока можем только догадываться), по двум другим посланиям, которые были тогда привезены Константином Малашевичем в Москву, у нас имеется их полный текст. Оба они были были подписаны в Коше 28 апреля 1742 года [13, сс. 1294-1298].

В Москву тогда, вслед за императрицей, прибыл и ее двор, и основные органы управления Империей. Запорожцы, из-за своего неопределенного статуса, оказались тогда в некотором затруднении – куда и кому именно подать прошения от Войска? Похоже, что, безрезультативно помыкавшись, они попросили помочь им М.И. Леонтьева, вероятно также прибывшего на празднества. И тот, тоже не найдя концов, просто приложил запорожский конверт *«для подания ея императорскому величеству»* к какому-то своему донесению в Военную коллегию (вероятно из логики, что той подчиняются все казачьи войска России). Но члены Военной коллегии были вполне уверены, что запорожцы находятся в подчинении Коллегии иностранных дел, поэтому отправили этот конверт туда. Однако и в КИД конверт распечатывать не стали, а переслали обратно в Военную коллегию: *«которой ис той коллегии возвращен с таким объявлением, что оные козаки с Малою Россиею ведомы в правительствующем сенате»*. 8 июня злополучный пакет был, наконец, передан в Сенат [13, сс. 1293-1294]. Собственно, с этих документов в Сенате и начался сбор того огромного по объему дела, которое упоминал Яворницкий.

В первом, основном, запорожском письме, подписанном от имени и старшины, и черни, содержался большой перечень просьб к центральной власти. Первым пунктом там шла просьба выдать войску невыплаченное денежное и хлебное жалованье за прошлый 1741 и текущий 1742 годы [13, сс. 1294-1297]. Во втором письме, подписанном уже только от имени старшины, просилось о выдаче им (как и прежним войсковым старшинам) отдельного денежного жалованья [13, сс. 1297-1298].

Обыкновение делить денежное жалованье запорожцам на две части – явную (на все войско) и тайную (только для распределения между старшиной) вероятно установилось еще при Минихе. Известно, что в 1739 году он выдал запорожцам денежное жалованье на общую сумму 6150 руб. Также сохранилась копия с инструкции Миниха о произведении денежных выплат запорожцам и на следующий год: *«<…> по которому примеру и на 1740 год на удовольствие их из украинского походного камисариата велено отправить к обретающемуся в Усть-Самаре генералу маэору фон Братке денежной казны вышеписанное ж число, а ему оную раздать по ниже следующему расписанию. А паче из оной суммы назначенное в том росписании на их запорожских козаков число 4000 рублев велено дать при всем того войска собрании. А что подлежит кошевому атаману и старшинам и протчим, то каждому порознь, под рукой, тайным образом так, дабы козаки того уведать и отняв оного жалованья по себе разделить не могли, как от них и напред сего было чинено»* [13, сс. 1310-1311]. О каком случае отнимания войском «дополнительного жалованья» у старшины пишет Миних — не совсем понятно. Возможно, это об окончании атаманства Якова Тукало в июне 1739 года?

Как уже говорилось, в марте 1741 года запорожцы пытались обращаться по поводу жалованья на войско к киевскому генерал-губернатору Леонтьеву.

Они тогда запрашивали у него жалованье в размере 4000 рублей и 4070 четвертей[3] провианта. [13, с. 1312]. Но по какой-то причине в том году они так ничего и не получили. Что и вынудило кошевую администрацию самой напомнить императрице о своих денежных затруднениях весной 1742 года.

После получения запорожского запроса — по поручению Сената были подняты все ведомости о выплатах запорожцам, начиная с 1682 года. И в августе того же года, сенаторы хитрую «миниховскую» схему выплат похерили, постановив выделять деньгами (без всяких двойных бухгалтерий) по 4660 руб. на все войско Запорожское. Прецедентом стали выплаты запорожцам от Вейсбаха в 1734 году – 2000 руб. при посылке им грамоты о прощении вин и принятии в русское подданство, 2540 руб. при принятии присяги в Белой Церкви и 120 руб. запорожским духовникам [13, сс. 1314-1315, 1506].

Константин Малашевич с товарищами потом обращались к главе Сената, генерал-прокурору князю Н.Ю. Трубецкому. Они, резонно опасаясь возникновения споров в войске, просили дать письменное распределение по этой «старшинской» надбавке в 660 рублей — кому из старшин сколько полагается: *«<…> да и оное жалованье, что от войсковых четырох тисяч на звиш [сверх — LV] на старшину нашу повеленно по шесть сот по шестидесят рублев дати, жебы з того числа изволено во всемилостивейшей грамоте ея им-го в-а [императорского величества — LV] прописать именно <…>, что атаману кошевому определити, а что суд[ь]е, писару, асаулу, куренным атаманам тридцати осми человекам и духовним пяти человекам, начальнику [церковному — LV] з двома иеромонахами да двом диаконам, а уласне [собственно — LV] задля того, [что] як не прописано будет шо кому дати, и все жалованье вместе однож на войско и старшину будет, то жеби [чтобы — LV] яко распри войско наше з тоею нашею старшиною не имело»* [13, с. 1317].

В том же первом письме, в 8-м пункте запорожцы просили императрицу выдать грамоту с разрешением *«дабы по такой мылостивой грамоте каждого года от нас посилаемые до вашего всепресветлейшаго императорскаго величества могли доходить»*. По этому пункту Сенат разрешил посланникам от запорожской старшины раз в год прибывать в столицу (в Санкт-Петербург или Москву, смотря где на тот момент находилась государыня со своим двором). Основные путевые и прожиточные затраты им должны были компенсироваться казной. Но так как, по опыту, подобные приглашаемые за казенный счет делегации частенько злоупотребляли такой привилегией, то (чтобы минимизировать расходы казны) Сенат сразу ввел строгое ограничение для запорожских делегаций: *«токмо б тех присланных не болше было как от десяти до двадцати человек, включая в том числе и служителей их»* [13, с. 1300]. Этим правом запорожская старшина потом активно пользовалась, почти ежегодно отправляя группы «столичников» в командировку за счет казны. С собой они каждый раз привозили перечень актуальных вопросов Коша к правительству Империи. И у депутатов был шанс более активно продвигать интересы войска Запорожского во время своего продолжительного пребывания в северной столице. На обратном пути, обычно в Москве, они получали годовое денежное жалованье для войска.

[3] Четверть – старая русская мера объема для жидкостей и для сыпучих тел. Для последних (в том числе и для муки, круп и т.п.) она тогда соответствовала примерно 210 литрам.

Таким образом запорожцы получили регулярную возможность напрямую, без посредников, доносить свои просьбы до императрицы и Сената. В этом плане они оказались в несколько более выгодном положении, чем донцы, конфликт с которыми вспыхнет менее чем через год. Донцы тоже периодически отправляли в Москву свои «станицы» для получения жалованья Войску и для решения каких-то войсковых вопросов. Но вот подавать «наверх» свои жалобы и просьбы им обычно приходилось через посредство Военной коллегии, где эти документы могли надолго застрять до подачи в Сенат, а то и вовсе остаться без движения. Тогда (как и сейчас) «прыгание через голову» начальства не приветствовалось и могло происходить только в исключительных случаях.

По поводу каких-либо проблем с донцами – в этих запорожских посланиях не говорилось ни слова. Единственная жалоба, которая хоть немного пересекалась с темой нашей книги, содержалась в 3-м пункте основного письма. Это был частный вопрос, никак не связанный с Северным Приазовьем (на тот момент наш регион вообще не затрагивается в запорожской переписке). Так вот, в этом пункте запорожцы сообщали, что ранее (как становится понятно из последующей переписки — здесь имелся в виду период до 1709 года, до их измены и перехода в турецкое подданство) у них в пределах турецких границ были права на некоторую свободную хозяйственную деятельность: *«в Промойских озерах[4] была волность соль брать и вниз по Днепру и в протчих речках рыбу ловить»*. А теперь, жаловались запорожцы: *«а ныне де слышно, что хан крымской не хощет их в тех Промойских озерах соли брать допущать»*. Они просили российское правительство обратиться к крымскому хану, чтобы тот не запрещал казакам *«в тех Промоях солевых соли брать»*.

19 июля 1742 года Сенат переслал эту часть запорожской жалобы в Коллегию иностранных дел. В КИДе так и не поняли, о каких именно соляных озерах шла здесь речь, поэтому несколько позже ответным письмом (25 августа, как явствует из другого документа) донесли в Сенат, что *«означенныя в прошении запорожцов солевые озера, называемые Промойские, в которых местах и урочищах имеются, в коллегии иностранных дел неизвестно»*. После чего в своем письме (на всякий случай) довольно подробно осветили общие вопросы по правам подданных обеих империй на мирное хозяйственное использование приграничных территорий и рек (включая сюда и Северное Приазовье -*«меж бывшим азовским Миюским городком и землею проливы Перекопской»*) согласно положениям мирных трактатов 1700 и 1705 года, и что завершивший последнюю войну мирный договор 1739 года было договорено базировать на тех же принципах, что и в начале XVIII века. И что при разграничении в 1740 году границы между Днепром и Бугом в подписанной тогда *«с российской стороны тайнаго советника Неплюева с турецкими комиссары»* конвенции было прописано право *«подданным всероссийскаго империя в принадлежащих тамо турецкой державе водах, которые в той конвенции упоминаются и объимянованны, рыбу ловить, так же и в землях ее ж и другие свои потребности получать смиренно, не подавая омбражу»*. Далее кратко сообщалось о том, что с другой, восточной стороны Днепра граница должна будет пролечь *«от заливы Конских Вод к реке Берде и далее до реки Миюса»* (на тот момент последнее разграничение еще не успело произойти). И что для съезда с турецкими делегатами в качестве пограничного комиссара уже был назначен генерал-лейтенант князь Репнин (ранее участвовавший в аналогичном разграничении по южному берегу Таганрогского залива в 1741 году). И что в выданной ему в КИД инструкции

[4] Вероятно, имелись в виду Прогнои на Кинбурнском полуострове и соленые озера к югу от Перекопа.

«велено при оном разграничении того прилежно предостерегать, чтоб подданным российским по Днепру и в других местах по силе трактата 1700 году в рыбных ловлях и в получении соли и в других промыслах и в протчем утеснения и обиды приключиться не могло, но все б то оставлено и в инструмент разграничения внесено было таким образом, как в трактате 1700 году изображено и о земле, которая лежит от реки Миюса к заливе Перекопской в инструмент внести, дабы во оные места (по силе того трактата впусте быть имеющие) волно было подданным российским для всяких промыслов и нужд свободно и без всякого препятствия всегда въезжать». А какие конкретно границы и условия будут прописаны в итоговом «граничном инструменте» — об этом станет известно только после завершения разграничения.

Также КИД в том же донесении сообщал Сенату, что турецкое правительство в прошлом 1741 году и в текущем 1742 году жаловалось российскому дипломатическому резиденту в Стамбуле Алексею Вешнякову на запорожцев и донцов. Что они приезжают *«в границы турецкие вооруженною рукою»* и самовольно берут соль в озерах: донцы – у местечка Чирчика, а запорожцы – в озере Черку в 4 часах от Килбуруна (Кинбурна). Кроме того, турки жаловались и на то, что запорожцы на левом, крымском берегу Днепра *«установили рыбную ловлю и зделали затоны, плотины и великие сараи и лавки и тамо с крымских купцов немалые денги берут»*. Как явствует из письма КИД, по поводу последней жалобы киевский генерал-губернатор Леонтьев уже отправлял для проверки офицера, который на Крымской стороне обнаружил, что запорожцами *«около реки Конских Вод и Каменного Затону поделано несколко малых изб и затонов»*. Далее в этом письме упоминается ответ 3 августа к Вешнякову с изложением официальной позиции КИД по этим претензиям. По поводу устройства запорожцами рыболовных строений в Приднепровье на крымской территории КИД признавал, что это сделано *«самоволно и предерзостно»,* и что такие «заграничные» строения должны быть снесены, *«дабы как запорожцы, так и донские козаки и другие подданные российские пограничные жители [за границей — LV] никаких построек в противность мирным трактатам и конвенциям производить отнюдь не могли».* А вот по поводу экспедиций запорожцев и донцов за солью — КИД настаивал на их мирном и хозяйственном характере, а, следовательно, что они разрешены мирными трактатами. Правда, параллельно ответу в Стамбул, жалоба турок на донских казаков была направлена из КИД промеморией и в Военную коллегию (которой подчинялось Войско Донское), чтобы они расследовали это дело (видимо, получение донцами турецкой соли действительно происходило с угрозами оружием). КИД просил Военную коллегию направить указ к донскому войсковому атаману о *«запрещении донским козакам в турецкие границы въезжать и обид* [турецким — LV] *подданным чинить»*. К этой промемории были приложены выписки из мирных трактатов и «инструментов» 1739 — 1741 годов *«о воздержании с обоих сторон подданных от набегов за границы и чинения обид и протчем, касающемся до пограничных жителей»*. И в заключении своего письма в Сенат (собственно из-за чего мы этот документ и упоминаем) КИД предлагал: *«По мнению же коллегии иностранных дел* ***потребно как донским, так и запорожским козакам до окончания от Днепра до Миюса чрез генерал-лейтенанта князя Репнина с турецким комиссаром границ и постановления при том о свободных за границею подданным российским промыслах – от въезду в даль турецкой земли удержаться, дабы чрез то окончанию того разграничения какого препятствия приключится не могло****»* [13, сс. 1318-1322]. То есть – до окончания работы совместной русско-турецкой комиссии по установлению новых государственных границ к востоку от Днепра и до определения новых условий приграничного

режима для местных жителей – предлагалось на всякий случай временно запретить донским и запорожским казакам вообще въезжать как за действующие границы Турецкой империи, так и на территории между Днепром и Миусом, судьба которых обсуждалась на этих переговорах. И действительно, в сложной дипломатической игре, которая сопровождала эти переговоры, любые «чудачества» со стороны казаков могли быть сильно раздуты другой стороной и использоваться турецкими дипломатами в качестве дополнительных козырей. Таких неожиданностей было желательно избежать.

Мнение КИД было признано целесообразным. Сохранился такая «запрещающая» грамота для Войска Донского. Как оказалось, промемория КИД от 25 августа 1742 года находилась на рассмотрении в Сенате около месяца, и только 24 сентября был подготовлен сенатский указ в Военную коллегию. 30 сентября он был утвержден. Потом, в Москве он был 7 октября оформлен в виде грамоты для войска Донского и отправлен на Дон. В нем кратко пересказывается предыдущий ход этого дела, начиная с просьбы запорожцев о Промойских озерах (что позволяет несколько уточнить хронологию предыдущего документа). А в конце – почти дословно повторялась запрещающая часть из письма КИД. Кроме этого, здесь же для сведения донцов сообщалось и о том, что аналогичный указ был послан и запорожцам: *«Того ради Правительствующий Сенат приказал: в посылающейся к Войску Запорожскому из Сената о произвождении оному всемилостивейшаго нашего императорского величества жалованья и о протчем грамоте – о том разграничении объявя, наикрепчайше подтвердить, дабы они до окончания, чрез вышепомянутаго генерала-лейтенанта князя Репнина с турецким коммисаром границ и постановления при том о свободных за границею подданным нашего императорского величества промыслах – от въездов в даль турецкой земли конечно удержалися, о чем в той грамоте и подтверждено»* [9, сс. 269-270]. Рассылка этих грамот оказалась сильно запоздалой, и они поступили на места уже после окончания данного размежевания.

По старой традиции, шедшей еще с XVI века, когда запорожцы и донцы считались еще независимыми и общение с ними шло обычно через Посольский приказ, корреспонденция к ним пересылалась в виде «грамот». Это название продолжало официально использоваться применительно к ним даже в середине XVIII века, когда ситуация уже сильно поменялась. Распорядительная документация, спускаемая этим войскам от Военной коллегии или Сената, продолжала привычно оформляться в виде «грамот». Но с учетом того, что даже сами казаки такие бумаги в своих документах уже часто называли не грамотами, а просто — указами и ордерами – мы в нашей книге этим моментом тоже сильно заморачиваться не будем.

В дальнейшем Кош, в ответ на татарские претензии об инцидентах при взятии запорожцами соли в крымских соленых озерах, попытался выставить встречные претензии к татарам, предоставив экстракт с перечислением случаев грабежей и убийств казаков-чумаков за 1741 – 1742 годы, но на тот момент запорожцы в Северное Приазовье еще не зашли, и в этом документе вся география касалась исключительно нынешней Херсонщины (без ее восточной части), а потому к рассматриваемой нами теме этот сюжет не относится [13, сс. 1322-1325 и др.].

Фактически, именно с этого момента, с 1742 года, к Сенату каким-то непонятным образом и перешло верховное управление войском Запорожским Низовым. Хотя даже год спустя (!) сенаторы снова будут пытаться выяснить — кому же на самом деле подчиняется войско Запорожское Низовое? На соответствующий запрос КИД ответил в Сенат 19 августа 1743 года: *«В правительствующий Сенат из коллегии иностранных дел требовано известия о запорожских козаках, что оные со вступления их во время минувшей турецкой войны в подданство российское у кого в ведомстве были и ныне где под ведением состоят. На что им ответствуется. Сколко в коллегии иностранных дел известно, запорожские козаки до измены их Мазепою ведомы были, купно с Малою Россиею, в Малороссийском приказе. А когда они в измене своей пред началием последней с турками войны повинную принесли и паки в подданство российское принима[е]мы, указы об них посыланы из бывшаго кабинета*[5] *к гевералу Вейзбаху, а потом во время турецкой войны — к бывшему генерал фельтмаршалу Миниху, у которого они в тою турецкую войну и потом в ведомстве были и жалованье годовое от него ис походного комисариата получали. А ныне оные под чьим веденнем обретаютца и откуду годовое жалованье им производится – этой коллегии неизвестно»* [13, сс. 1714-1715]. А еще через несколько лет, в октябре 1746 года, уже КИД будет запрашивать в сенатской канцелярии консультацию по поводу того, как и по какой форме там обычно оформляюся послания (грамоты) к войску Запорожскому [13, сс. 1740, прим.1, 1741-1743]…

А посредником в вертикали управления между Сенатом и запорожцами, непосредственным (хотя, похоже, и неформальным) шефом последних, стал киевский генерал-губернатор Леонтьев. Например, в 1749 году кошевой атаман Яким Игнатович так писал к нему в своем донесении: *«<…> еднак и ныне* ***чувствуя*** *я з старшиною ваше в.п.о. [высокопревосходительство – LV] за главного войску Запорожскому командира, по должности моей доношу»* [13, с. 1694]. Леонтьев хоть как-то пытался контролировать эту буйную и анархичную вольницу. Почему тогда так и не было принято самое напрашивающееся и естественное решение – о подчинении запорожцев Казачьему повытью Военной коллегии – решительно не понятно. В таком варианте, правда, запорожцам скорей всего пришлось бы, как и донцам, мотаться по всем концам огромной империи и участвовать во всех ее войнах. И тогда, возможно, пользы Государству от запорожцев было бы побольше, а энергии и времени у них на создание постоянных проблем всем своим соседям – поменьше. Но, в нашей истории, Сенат (через Киев) часто засыпал Кош своими грозными грамотами о прекращении запорожских своевольств и нескончаемых грабежей, но военной стороной дела совершенно не интересовался.

Другой проблемой было то, что в этот период войско Запорожское Низовое было еще очень незначительно интегрировано в имперскую систему власти. А его часто сменявшаяся и большей частью неграмотная верхушка плохо владела действовавшей тогда системой бюрократического делопроизводства и часто слабо понимала смысл получавшихся сверху документов, написанных тогдашним тяжелым и замудренным канцелярским языком. Еще меньше у них было желания эти указы выполнять. Запорожцы в основном продолжали вариться в собственном отдельном мирке, довольно простом и архаичном, и надеялись, что так будет вечно. Мир вокруг них стремительно менялся, а запорожцы

[5] Кабинет министров при императрице Анне Иоанновне

пытались жить так, как будто на дворе все еще был благословенный XVII век. В этом было их коренное отличие от донцов, которые (по разным резонам и обстоятельствам) пошли по пути постепенной модернизации своего Войска и, как оказалось позднее, выиграли это историческое соревнование со своими соседями-запорожцами...

В дальнейшем подчиненность войска Запорожского Низового будет еще несколько раз изменяться (с 1750 года – малороссийскому гетману К.Г. Разумовскому, с 1756 года – обратно Сенату), но в подчинение Военной коллегии его так и не передадут. Так что запорожцы в период с 1740 по 1768 год (28 лет!) к военной службе за пределами своих Вольностей не привлекались и жили в этом плане (в отличие от остальных российских казачьих войск) достаточно вольготно и ненапряжно.

Попробуем немного реконструировать обстановку начала 1740-х годов в степях между Днепром и нижним Доном, потерянных Османской империей по итогам прошедшей войны. «Недогеноциденные» остатки ногайских аулов с их поредевшими стадами тогда сосредоточились на Херсонщине и в северо-западном Приазовье, остававшимися за Крымским ханством. Русские войска также почти полностью оставили новозавоеванные, но еще не демаркированные территории и вернулись за старую границу, на свои обычные места дислокации. Например, по состоянию на сентябрь 1743 г. расположение русских полевых войск со стороны Крымского ханства было следующим: при Киеве тогда стояло 2 пехотных полка (**Шлиссельбургский** и Санкт-Петербургский), в Малороссии и на Слобожанщине – 11 драгунских, гусарских и прочих полков, в Белгородской губернии – 2 полка, в Воронежской – 6 полков, при крепости св.Анны – 2 полка (Нашебургский и Ширванский) [23, сс. 928-929, №8798]. В запорожском Приднепровье сохранялось присутствие российских военных команд в нескольких пунктах: в небольшом укреплении в самой Сечи, караул при Кодацком редуте и застава при тамошнем перевозе, застава при запорожском перевозе через Днепр у Каменного Затона, транжемент в Усть-Самаре и еще в ряде более мелких укреплений и редутов. Запорожцы сильно мечтали от них избавиться и многократно просили верховные власти их оттуда свести. Резоны, по которым власти отказывались от этого – доходчиво расписаны в ответе киевского генерал-лейтенанта Леонтьева в Сенат от 25 сентября 1742 г. [13, сс. 1326-1327].

Также тогда продолжали выставляться заставы на основных бродах через Миус и Миусский лиман. Скорей всего это было продолжением более ранней практики, времен последней войны с турками, когда нужно было прикрывать от возможных татарских нападений спешно восстанавливаемые русскими крепость и гавань Таганрога (бывшая Троицкая крепость Петровских времен). После войны, по условиям мирного договора Таганрог опять пришлось забросить. После окончания военных действий основная часть донцов была «демобилизирована» (известно, например, что по состоянию на март 1740 года войско Донское было распущено по домам и занималось ремонтом укреплений своих станиц [9, сс. 236-238]). Но, тем не менее, донцам, а также и Азовскому казачьему полку, базировавшемуся тогда при крепости святой Анны, по-прежнему приходилось выделять людей для ми-

усских застав. Теперь это требовалось по ордерам генерала В.Я. Левашова (вероятно, отданным еще в 1740 или 1741 году). В этом периоде главным предназначением этих застав указывались карантинные мероприятия для недопущения распространения чумы. Ну и приглядывали за порядком в этом регионе, понятно.

Василий Яковлевич Левашов (1667 – 1751) – русский военачальник и государственный деятель, один из сподвижнкиков Петра I. Был участников войны с турками 1695 – 1700 годов, Северной войны, Персидского похода. С 1722 года служил в Низовом (Персидском) корпусе. С 1730 по 1732 и с 1733 по 1735 годы – командующий Низовым корпусом и наместник всех завоеванных областей в Прикаспии — от Гиляна до Терека. В 1735 году заложил крепость Кизляр. С 1730 года – генерал-аншеф. Участвовал в русско-турецкой войне 1736-1739 годов. Так, в походе 1737 года он командовал пехотными полками, посаженными на корабли гребной флотилии Бредаля. В походах 1738 и 1739 годов – командовал частью русских войск, двигавшихся пешим ходом от Азова и крепости св. Анны. В 1740 году, в возрасте 73 дет, уволен с военной службы.

Рис.16. В.Я. Левашов

С 1741 по 1743 год – член Военной коллегии. В 1741 году он был опять послан на нижнюю Волгу для борьбы с чумой, куда он направился весной того же года из крепости святой Анны [26, сс. 12-13, 63]. С 1744 года и до своей смерти – главнокомандующий войсками в городе Москве. С 1744 года – он также будет сенатором, первым членом московской Сенатской конторы.

Заставы по Миусу войску Донскому придется содержать почти непрерывно вплоть до середины 1770-х годов. Через службу на этих заставах за это время пройдет множество казаков. В сборнике В.А. Гусева приведен перечень из 3801 казака, которые в 1775 году были уволены от службы в Войске по старости или инвалидности [16, сс. 108-320]. Из них 377 человек (10 %) имеют пометку о службе на Миусе, некоторые – по два или три раза. Один казак – Леонтей Федоров из Романовской станицы в период с 1747 года посылался в службы по Миусу шесть раз [16, с. 154]! Также встречаются казаки, у которых начало службы показано еще в 1738 – 1742 годах, а первой службой указан именно Миус [16]. Это, разумеется, не очень надежный аргумент (не факт, что их посылали на Миус именно в первый год службы), но в качестве косвенного, в первом приближении, имеет право на существование. С 1743 года автору книги известны уже прямые упоминания донских застав по Миусу в первоисточниках, причем не как некое нововведение.

Получается, что три года (с 1740 по 1742) огромный шмат безлюдной степи между Днепром и нижним Доном, площадью в несколько десятков тысяч квадратных верст, оказался в подвешенном и непонятном состоянии. Он уже точно не был турецким, но еще не стал и полностью российским. Ногайцы оттуда ушли (хоть и не смирились с этой потерей!),

русские войска тоже вернулись на «старую» территорию Империи. А хоть какое-то постоянное местное население, да и то еще в очень небольшом количестве, имелось только в Присамарье. И в этот образовавшийся ваккум начало втягивать приграничное казачество.

Вероятно, появление донских рыболовных ватаг на морском побережье от дельты Дона и до Миуса связано с послевоенным временем (после 1739 года), когда отпущенным по домам донцам остро требовалось срочно поправлять свое оскудевшее за время войны хозяйство. Но с какого конкретно года это явление стало носить массовый характер — автору документально проследить пока не удалось. Однако из последующих событий четко видно, что зимой 1742/1743 года рыбные заводы донских казаков там уже присутствовали в значительных количествах, причем не как свежесозданные. Дело в том, что в эти годы (даже до того момента, когда в октябре 1742 года был демаркирован последний участок границы) судьба морского побережья между дельтой Дона и Миусом уже была всем понятна, оно окончательно оставалось за Российской империей. И хотя высокое имперское начальство еще не озвучило свое решение по планам на эти земли, руководство Войска Донского понимало складывающуюся здесь ситуацию вполне адекватно. Оно довольно логично предполагало, что при разделе Правительством этого «пирога» что-то неизбежно перепадет и донцам, как одним из видных участников прошедшей войны с Турцией. Тем более, что было известно, что по условиям закончивших эту войну мирных договоров Азов и Таганрог должны были оставаться заброшенными, новые русские гарнизоны (помимо уже имевшегося гарнизона крепости святой Анны на нижнем Дону) здесь появиться не могли (а значит – будет меньше дополнительных конкурентов на рыбные богатства дельты Дона и Таганрогского залива). Поэтому донское начальство, не дожидаясь официальных разрешений, просто прекратило сдерживать здесь хозяйственные устремления своих подчиненных и сквозь пальцы смотрело на нарушение «запретительных» указов (тем более, что они к территории к востоку от устья Миусского лимана формально вроде как и не совсем относились). Морская рыбная ловля не требовала значительных «капиталовложений» и трудозатрат, но обеспечивала большой и быстрый доход. Поэтому очень скоро стихийные процессы привели к появлению множества донских рыболовных заводов по всему северному побережью Таганрогского залива, вплоть до устья Миусского лимана. Возможно, какие-то особо бесшабашные ватаги иногда рисковали рыбачить на морском побережье и западнее Миуса. Но в массовом порядке это точно не просматривается, так как там, вне зоны прикрытия миусскими заставами, это было еще слишком опасно. Документально донское рыболовство к западу от Миуса в этот период не просматривается.

Запорожцы же к востоку от Днепра еще с 1734 года стали вновь устраивать свои зимовники вдоль Самары. И, вероятно, уже в послевоенное время, в начале 1740-х годов, они снова возобновили свое присутствие на старых запорожских землях к югу от нижней Самары и в междуречье Самары и Волчьей. Это новое заселение автор документально доказать пока не может, но оно логично следует из понимания запорожских представлений о восточных границах их Вольностей в предшествующие (мазепинский?) период (об этом более подробно поговорим в одной из следующих книг).

Но вот экономический базис войска Запорожского в целом и большинства казаков в частности — тогда был совсем не блестящим. То, что запорожцы в 1734 году перешли под руку России, а затем и активно поучаствовали в последующей войне со своими прежними благодетелями, было воспринято и Крымским ханом, и предводителями приднепровских ногайцев почему-то не слишком хорошо. Отсюда и всевозможные препоны в послевоен-

ное время на доступ запорожцам к крымским соляным озерам и к наиболее богатым местам для рыбной ловли в низовьях Днепра и в Днепро-Бугском лимане (о чем, собственно и говорится в письме Коша от 28 апреля 1742 года). Также и запорожские рыбные ловли на Южном Буге (в первую очередь знаменитый Гард) находились под постоянной угрозой набегов поляков и татар. Все это существенно подрывало традиционные способы пополнения бюджета Коша в мирное время. Жалобы вышестоящему начальству на эти проблемы результата не давали, официальный Санкт-Петербург решить их пока не мог.

В этой связи некоторые умные головы в Коше стали все чаще вспоминать о морском побережье Северного Приазовья, о рыбных богатствах которого запорожцы хорошо знали как минимум со второй половины XVII века. И хоть раньше никаких их поселений или зимовников в Приазовье не имелось, но в те «старые» времена отдельные ватаги запорожских «гастарбайтеров» с разрешения татарских властей (или без оного, браконьерским способом) сюда для рыбных и звериных ловель все-таки периодически заходили. Что иногда не слишком хорошо для казаков заканчивалось… Но сейчас для прежних хозяев этих мест все складывалось не слишком хорошо – азовские турки и татары были выселены из Азова еще в 1736 году, а теперь и крымских ногайцев должны были вот-вот ограничить территорией к западу от Берды. В таких условиях освобожденные от кочевников земли между Бердой и дельтой Дона становились очень лакомым кусочком для всех ценителей рыболовных промыслов (к которым, естественно, относились и запорожцы). А еще в Коше хорошо запомнили обещание, полученное в 1740 году от прежнего киевского губернатора И.И.Неплюева, что потеря при пограничном разграничении того года некоторых территорий между Днепром и Бугом, которые запорожцы считали своими, будет скомпенсирована им при последующем разграничении с Турцией территории к востоку от Днепра. Поэтому в Коше в 1742 году с большим нетерпением ожидали окончания работы пограничной комиссии князя Репнина. И очень ревниво воспринимали сведения об успехах донцов по освоению северо-восточной части азовского побережья…

В работах некоторых украинских историков приводится мнение о том, что поселение запорожских рыболовов при устье Кальмиуса появилось еще в 1741 или 1742 году. Что донцы стали препятствовать местным запорожцам, и что именно это вызвало последующую жесткую реакцию Коша, с посылкой полковника Кишенского в 1743 году. Но это мнение обосновывается ссылками не на документы, а на работы других украинских историков, и, в конечном счете, восходит опять-таки к книге Скальковского.

Автор книги вполне допускает, что какие-то особо бесшабашные донские и запорожские рыболовные ватаги могли проникать на морское побережье между устьями Берды и Миусского лимана уже в эти годы. Некоторые обмолвки донцов на «прениях» 1745 года косвенно допускают и такую трактовку. Но это еще точно не было ни массовым, ни организованным. И, естественно, что такие ватаги могли вступать друг с другом в конфликты. Как это и сегодня случается между бригадами рыболовов-браконьеров. Когда мужики с матами и угрозами наезжают на конкурентов, стараясь отвадить тех от облюбованных обеими сторонами территорий. До рукоприкладства и перестрелок такие «тёрки» все-таки доходят редко. Но если такие случаи в первые пару лет 1740-х годов и на самом деле случались, то они никак не отразились в последующих документах. В запорожских жалобах и реестрах обид середины 1740-х годов — даты ранее 1743 года не приводятся, случаи смертоубийства, имена

пострадавших казаков и перечни утраченного ими имущества по тому «раннему» периоду не упоминаются. И только через полтора года после начала этого конфликта дата «1741 год» в первый раз промелькнет в официальном документе (да и то — по ошибке). Откуда она потом будет еще несколько раз скопирована при последующих переписках. Об этом мы расскажем позже.

Одно из (очень косвенных) свидетельств в пользу того, что на начало 1742 года запорожцев на Кальмиусе еще не было. В конце зимы того года донской войсковой атаман Данила Ефремов (расскажем про него позже) запросил в Военной коллегии разрешение на свою поездку в Москву (вероятно, хотел лично участвовать в коронационных мероприятиях). Но указом от 13 марта Военная коллегия ему отбытие из Черкасска категорически запретила. Ему поручалось: *«<…> быть на Дону безотлучно и накрепко смотреть на обращения крымских и кубанских татар, и ежели кубанские татара подлинно* ***намерение воспримуть с Кубани идти для кочевья в Крым****, оных как можно пристойным образом, без всякого озлобления, удерживать, чрез разныя, по его благоизобретению, к отвращению того их намерения, представления. Буде же конечно пойдут и* ***будут переправляться чрез Дон в гирлах, оным для того переправления судов отнюдь не давать*** *и что чинится будет, о том как в Правительствующий Сенат, так и в Военную коллегию репортовать немедленно»* [9, сс. 245, №265].

Поясним. Кубанские ногайцы для того, чтобы попасть на Крымский полуостров, традиционно пользовались гораздо более близким путем, с переправой через Керченский пролив. А единственным «Крымом», куда могли попасть кубанцы через дельту Дона, да еще с запросом лодок от донских казаков, это были степи северного и северо-западного Приазовья. Это к вопросу о том, как наши края тогда назывались и воспринимались… И, кстати, из грамоты Ефремову совсем не видно, чтобы Военная коллегия пыталась организовать для этих кубанцев второй барьер чуть западнее, силами местных запорожцев. То есть, в Военной коллегии ни о каких запорожцах на устье Кальмиуса тогда ничего не слышали.

Чисто теоретически, возможно допущение-предположение о заходе запорожских рыболовов в район устья Кальмиуса еще во второй половине 1742 года. Автору книги так было бы даже проще расписывать некоторые сомнительные и непонятные моменты. Но опоры на документы такому предположению **пока** нет, как нет и ни одного упоминания имени или происшествия, с этим связанного. В отличие от событий, начиная с 1743 года, которые обе стороны будут в дальнейшем неоднократно и активно вспоминать. А вот самые ранние **из известных на сегодня** прямых упоминаний запорожского поселения у устья Кальмиуса — относятся к еще несколько более позднему периоду (об этом будет рассказываться позже).

P.S. Если даже со временем такие документы по этому году и будут на самом деле найдены, то текст данной книги потребует минимальных корректировок. Просто выпустим второе издание, озаглавленное «1742». Всего-то и делов… ☺

17 ноября 1742 года делегация, возглавляемая Константином Малашевичем, вернулась в Сечь с полным триумфом. С ним вместе прибыла (в сопровождении армейского караула) денежная выплата войску за два года, да еще в увеличенном размере! (О том, что планы сечевой старшины скрысятничать часть войсковой суммы не удались, и их личные доходы получились значительно ниже ожидаемых – от Войска явно постарались скрыть). Членов делегации допустили к ручке новой государыни, их обласкали сенаторы, с собой они привезли решения (или хотя бы положительные обнадеживания) по целому ряду волновавших запорожцев вопросов. Естественно, что личный рейтинг Константина тогда вырос до небес. Правда, на общем собрании казаков Малашевич устно объявил, что *«при отпуску их з Москви вси правительствующие сенаторове ему, Константину Малашевичу и протчим товариству упомянули за сие*[6] *грозно, что будто мы [запорожцы — LV] своеволств неукромляемо [не прекратим — LV], то <…>»* (окончание фразы сенаторов в публикации Яворницкого утрачено, но там явно было что-то не очень приятное). На что потом, 19 ноября, тогдашнему кошевому Семену Иеремеевичу пришлось писать покорный *«репорт»* в Сенат с оправданиями и с обещаниями и дальше строго бороться со всеми *«своеволцами»* [13, сс. 1322-1323]. Что, разумеется, не очень хорошо сказалось на рейтинге самого Тимошия в глазах «товариства».

Кстати, в этом же рапорте от 19.11.1742 упоминается свежая информация из «промемории», полученной незадолго до того в Кош от войскового атамана войска Донского Д. Ефремова [13, с. 1323].

«Промемория» в тогдашнем делопроизводстве – это информационное сообщение или запрос между равнозначными административными органами, не находящимися в прямом подчинении друг у друга. Так что рабочие контакты между руководителями Донского и Запорожского Низового войск тогда были в порядке вещей. Можно было обмениваться информацией или пытаться решать какие-то рабочие моменты напрямую, не через высокое начальство.

Как уже говорилось, 12 октября 1742 года князь Репнин завершил процесс разграничения с турками новой границы между Днепром и устьем Миусского лимана, о чем был подписан соответствующий документ. Дальнейшие перемещения этого документа мы, к сожалению, не знаем, можно только приблизительно рассчитать сроки его передвижения. Не менее недели должен было занять путь с безлюдных верховьев Конки к более обжитым и «цивилизованным» краям. Затем должна была последовать срочная доставка депеши об исходе дела в обе столицы (Москву и Санкт-Петербург), что занимало (в благоприятных

[6] Как становится понятно из других документов сенатского дела, в тот раз запорожцам выговаривали за убийство татарина в районе Сечи и за угон коней у татар. По поводу первого происшествия Кош потом обвинял в этом убийстве армейцев из Новосеченского ретраншемента. По второму (со ссылкой на донскую промеморию) подозревал в конокрадстве калмыков, зашедших со стороны Дона.

условиях) не менее двух – двух с половиной недель. Затем эти сообщения должны были «вылежаться» некоторое время в канцеляриях в ожидании обмена мнениями по ним между разными ведомствами и вынесения окончательного решения, подготовки указов для донесения этих новостей до сведения местных гражданских и военных властей в пограничных районах на юго-западе Российской империи. Затем обратный путь курьеров на юг (это еще недели две-три). Запорожцы официальные новости и указы обычно получали через посредничество канцелярии киевского генерал-губернатора. То есть, сообщение об этих событиях еще и там должно было несколько полежать, пока у генерал-губернатора Михаила Ивановича Леонтьева не дошли руки до отправки копии с него в Кош. Путь от Киева до Сечи обычно составлял около недели. Так что информационная рассылка из столицы об итогах этого размежевания должны была поступить на места (в том числе и в Кош) ориентировочно в конце декабря 1742 или (более вероятно) в самом начале 1743 года.

К сожалению, автору книги пока не удалось найти ни одного образца той рассылки, поэтому некоторые вещи приходится расписывать несколько гадательно, исходя из кратких упоминаний в источниках и логики последующих событий…

А в это время на Сечи происходили драматические события – там опять менялась власть. Общие казачьи рады в Сечи по обычаю происходили дважды в год – 1 января (начало нового года) и 24 июня (в праздник рождества Иоанна Предтечи, он же – праздник Ивана Купалы). И на этих радах казаки могли переизбирать неугодных им членов сечевой верхушки. Так получилось и на этот раз. Прежний кошевой Семен Иеремиевич Тимоший по каким-то причинам уже приелся «товариству», и на его место был избран уже знакомый нам Константин Малашевич. Вероятно, сыграли здесь свою роль и недавнее триумфальное возвращение из Москвы, и родство с прославленным кошевым атаманом Иваном Малашевичем. В общем, у казаков были большие надежды на нового кошевого.

Но сам Константин, скорей всего, понимал, что только на таких основаниях успешное правление не построишь, они слишком зыбкие. К тому же он сильно хотел сравняться личной славой со своим покойным братом и искал случая для этого. И, вероятно, именно в этот момент в Кош из Киева и была доставлена грамота об окончании размежевания князем В. Репниным последнего участка границы с турками. По которому к Российской империи окончательно отходил огромные степные территории от Конки и Берды и вплоть до старой границы 1714 года. Копия с текста «Инструмента» 1742 года скорей всего была также включена в эту рассылку[7]. Вероятно, была еще и сопроводительная записка от киевского генерал-губернатора Леонтьева.

Когда в Коше получили эти документы, то внятно расшифровать все изгибы канцелярского языка так и не смогли. И, пропуская непонятные для себя места (типа каких-то «барьерных земель»), сечевая верхушка быстро пришла к очень приятному для себя (но, к сожалению, неправильному) умозаключению, что это исполняется столь долгожданное обещание, данное Неплюевым еще в 1740 году. Они не слишком адекватно оценили обстоятельства этого дела и свою реальную значимость для Империи. Поэтому излишне оптимистично

[7] Известная копия этого «Инструмента» 1742 года, происходящая из архива крепости св. Димитрия Ростовского (основанной только в 1761 г.) почти наверняка попала туда при переезде документов из забрасываемой соседней крепости св. Анны. С большой долей вероятности она туда могла поступить именно при той рассылке конца 1742 года.

пришли к выводу о том, что этими документами им не только возвращаются старые запорожские земли вплоть до верховьев Самары и Волчьей, но и передается ВСЯ остальная вновь приобретаемая от Турции территория, аж до границы 1714 года по Темернику! О том, что это как-то подозрительно много для только недавно амнистированного Войска, насчитывавшего на тот момент менее десяти тысяч человек – они, к несчастью, на радостях задумываться не стали… Это была **первая** ошибка Коша.

В информационной рассылке об окончании размежевания, которую тогда отправили из столицы на юг для сведения местным администраторам, к сожалению, полностью отсутствовали какие-либо пояснения по текущему правовому статусу новых территорий и по дальнейшим планам Правительства по их использованию или по распределению их между всеми приграничными сообществами, внесшими большой вклад в прошлую войну с турками. Иначе тот конфликт, который мы описываем в данной книге, не имел бы шанса даже начаться.

И вообще, судя по полному молчанию документов, на тот момент в верхах Империи обсуждение судьбы новых территорий еще даже не успело начаться. Завоеванные с таким напряжением сил новые земельные приобретения, без населения и отрезанные от моря условиями мирных трактатов, оказались не слишком-то и нужны. Ни людских, ни финансовых ресурсов для начала их правительственного освоения у империи (еще не отошедшей от прошлой войны с турками и уже ведущей новую войну со шведами) на тот момент еще не было. Так что самостоятельный заход туда приграничных казачьих сообществ будет в верхах воспринят, вероятно, даже с некоторой долей облегчения. С Правительства, фактически, снималось бремя заботы и защиты новых территорий, а у казаков появлялся дополнительный источник заработков (то есть, они будут более боеготовы и будут меньше клянчить себе дополнительное финансирование). Поэтому на некоторое время на самовольство казаков махнут рукой и дадут им порезвиться на этих землях, стараясь только гасить наиболее острые конфликты.

Константин Малашевич понял, что ему выпол уникальный шанс уровняться в славе с покойным братом. И, не колеблясь, начал действовать в этом направлении. Но вот начать свой Drang nach Osten он почему-то решил с наведения порядка в самом дальнем углу сильно расширявшихся (по мнению Малашевича) Вольностей Запорожских — в Северо-Восточном Приазовье. Скорей всего, у кошевого атамана, как и у приближенной к нему верхушки Коша, тогда резко заболела душа тем, что на «переданной запорожцам» территории какие-то наглые донцы бесплатно (то есть даром!) ловят в Азовском море рыбу. И получают при этом большие прибыли (которые теперь, получается, тоже должны были принадлежать запорожцам!). Малашевич не попытался уточнить правильность своего понимания такого «щедрого подарка» и как-то согласовать законность своих действий с имперскими властями (хотя бы с тем же Леонтьевым). И это была **вторая** ошибка.

И, наконец, **третьей** ошибкой Коша стал выбор кандидатуры для этой очень ответственной миссии. Во главе посылаемой из Коша «команды» был поставлен полковник Василий Максимович Кишенский. Человек это был очень прямолинейный, бескомпромиссный и неуступчивый, и с полным отсутствием дипломатических способностей. Если бы то-

гда Кош отправил какого-нибудь другого, хоть чуточку более адекватного для данной задачи человека, то последующие события, скорей всего, развивались бы в менее конфликтом ключе…

Биографию В.М. Кишенского – см. в статье В. Полторака (приводится в приложениях к книге).

Миссия полковника Кишенского. Начало конфликта

В январе 1743 года (точнее датировку установить пока не удалось) полковник Василий Кишенский с приданной ему *«командой»* казаков был отправлен принимать под руку Коша «переданные» запорожцам территории. Также, по запорожской практике, с ним были направлены есаул Журавель и писарь.

Упоминаний имени писаря в команде Кишенского в документах найти не удалось. Но, по информации украинской исследовательницы Т.Л. Кузик, это скорей всего был Андрей Осипович Шафранов (он же Шапран, он же Миргородский), Поповичевского куреня. Он был сыном миргородского казака Иосифа (Осипа) Григорьева. В 1741 – 1742 годах служил в запорожской Войсковой канцелярии. Позже, уже после Кишенского, вероятно будет еще несколько раз направляться в наши края для выполнения канцелярской работы при некоторых из местных полковников, а также для участия в «прениях» 1745 года. Не менее двух раз (1746, 1747 г.) будет писарем в составе ежегодных делегаций запорожских «столичников». Во 2-й пол. 1748 – 1-й пол. 1749 г. Андрей Миргородский будет войсковым писарем (сменив на этом посту А. Петрушу).

С собой Кишенский вез написанную в Коше *«промеморию»*, адресованную Войску Донскому и лично войсковому атаману Даниле Ефремовичу Ефремову, а также некий *«открытый лист»* в подтверждение своих полномочий. Вот что сообщалось в промемории Малашевича Войску Донскому (в чуть более позднем пересказе донцов): «*оной кошевой атаман, ссылаясь на всемилостивейшия в.и.в. [Вашего Императорского Величества — LV] указы и на ордеры к ним, присланные от господ генералитет и кавалеров аншефа [генерал-аншефа — LV] Михаила Леонтьева, лейтенанта [генерал-лейтенанта — LV] князь Василья Репнина,* ***якобы*** *велено при разграничении с турками земель им, запорожцам, владеть от Днепра морскими косами, а пачее впадающими в Азовское море разными речками, тако ж степными местами от вершины Берды до старой границы, яко то:* ***Миюса, Белаго Камня и Тимерника****, которое урочище лежит от Черкаскаго верстах в пятнатцати, для зверинных и рыбных ловель и для же разъездов и караулов, при том же между съезжими в тамошних местах людми заходящих ссор учинения расправ и правосудий прислал полковника своего Кишинскаго с командою*» [13, с. 1352]. То есть, в этой промемории кошевой атаман Малашевич, ссылаясь на (неправильно понятую в Коше) информационную рассылку о разграничение с турками, сообщал Войску Донскому следующее. Что по решению имперских властей запорожцам передается **вся** отвоеванная от турок в последней войне территория между Днепром и Миусом вплоть по старую границу 1714 года (р.Темерник). И что Кош для выполнения решения российских властей посылает в этот район своего представителя – полковника Кишенского с приданною ему «*командою*» *«для зверинных и рыбных ловель и для же разъездов и караулов»*, а также для осуществления правосудия в случае ссор между приезжающими на эту территорию людьми. Это еще не был сам конфликт, но предпосылки к нему уже были сформулированы на бумаге…

Затруднительно сказать, как именно планировал свою первую зимовку в Приазовье сам Кишенский. Пребывание в наших степных местах в зимние месяцы, при отсутствии крыши над головой и при большом дефиците здесь древесины – это очень экстремальное занятие даже для тогдашних казаков. Тут бы в нашем рассказе оказался очень кстати (в качестве промежуточной базы) поселочек запорожских рыболовов при устье Кальмиуса. Но по документам мы его пока не видим… Поэтому приходится предположить, что Кишенский с самого начала своей эпопеи планировал использовать на первых порах для размещения своих людей жилые помещения, уже имевшиеся при донских рыбных заводах в Примиусье.

В том, что такое жилье там уже встречалось – сомневаться не приходится. Когда Кишенский той зимой придет на морское побережье в район Миуса, то встретит там довольно много людей. Часть из них, вероятно, занималась подледным крючковым ловом (по крайней мере в XIX веке такой способ лова считался наиболее выгодным и для владельцев рыбных заводов, и для их наемных работников [27]). Кроме того, там зимовали до следующего сезона некоторые наемные артели и просто сторожа при рыбных заводах.

Для тех, кому интересна тема рыбных ловель у донских и кубанских казаков следующего XIX века (например, в поисках аналогий с более ранним периодом), можно порекомендовать ознакомиться с очень скрупулезным и дотошным отчетом Н.Я. Данилевского «Описание рыболовства в Черном и Азовском морях» (1871).

А кому интересно, как мог выглядеть «открытый лист» у запорожцев – образец одного такого документа от сентября 1743 года (по событиям в Приднепровье) опубликован в первом томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» [10, сс. 399-401]. Приводится и его фотокопия, и расшифровка текста. Вместо подписи кошевого на фотокопии видно большое темное пятно, по всей видимости это сургучный оттиск войсковой печати.

Наиболее подробную информацию о деятельности полковника Кишенского в северо-восточном Приазовье можно почерпнуть из донской «отписки» за подписью войскового атамана Данилы Ефремова. Она была составлена в Черкасске 26 июля 1743 года и получена в Военной коллегии 5 сентября. В ней донцы (несколько ретроспективно) описывают предшествующие события, начиная с самого начала конфликта [13, сс. 1352-1358]. В ней рассказывается следующее: *«<…> прислал полковника своего Кишинскаго с командою, которой по приезде на Миюс так отважно поступил, что всем, находящимся по рыболовным станам донского войска козакам, а особливо по ордерам вышеозначенных господ генералитет и кавалеров Левашова и князя Репнина, учрежденных[1] для содержания пристойнаго караула и безопаснаго в тамошних местах всех народов пребывания, публичное письмо, <…> разослал с таким объявлением, будто бы только до праздника сошествия святаго Духа донского войска козакам в Миюсе и протчих речках рыбныя и звериныя до-*

[1] Здесь, похоже, в публикации пропущено слово «застав».

бычи производить велено, а потом и запрещение имеет быть учинено, чем многих козаков в сумление, а других и во всеконечно отчаяние привел, ибо оные, отставя все свои промыслы, принуждены съехать в Черкаской <…>» [13, сс. 1352-1353].

О чем здесь говорится. Приехав на морское побережье в Примиусье (ориентировочно в конце января-начале февраля 1743 года), Кишенский встретил здесь донские заставы по Миусу, а также довольно большое количество донских рыбных заводов, часть из которых занималась подледным ловом, а другие были законсервированы до весны. Новоприбывший Кишенский сразу стал наводить здесь «порядок» (как он сам его понимал). Он, похоже, по жизни не умел сомневаться и рефлексировать, и всегда считал любые свои действия абсолютно правильными и законными. И вот он начал твердой рукой устанавливать здесь запорожскую власть, всячески побуждая донцов уезжать с объявленной им «запорожской» территории. По его приказу казаки из его команды (надо полагать, вместе с писарем) проехались по всем местным рыбным заводам и карантинным заставам, зачитывая официальный «открытый лист» (это то же самое, что и *«публичное письмо»*) из Коша. Правда, Кишенский делал донцам некоторую поблажку, все-таки разрешая им еще три месяца — до Троицы (в 1743 году она приходилась на 22 мая) — продолжать здесь свои занятия. Но потом, по его объяснению, все это донцам уже точно будет запрещено.

К сожалению, в документах не содержатся более четкие географические привязки района первоначальных действий Кишенского. Автор книги предполагает, что скорей всего все эти действия предпринимались на морском побережье к востоку от Миусского лимана, где донских рыбных заводов было особенно много. Но также есть некоторая вероятность, что это происходило, наоборот, к западу от Миуса. И что именно оттуда Кишенскому удалось прогнать донских рыболовов. А к востоку от Миуса, под прикрытием донских застав, тем удалось удержаться. Этот момент, к сожалению, остался не раскрытым… Но вот то, что он пытался согнать с Миуса донские заставы – это написано прямо.

Видимо, на тот момент сила была не на стороне рассеянных по всему побережью донских рыболовов, а у сплоченно действовавших казаков команды Кишенского. К которой, к тому же, начали активно примыкать наемные малороссияне с местных рыбных заводов. Да и противиться грубой силой *«указам верховных властей»* (как утверждали пришлые запорожцы) простые донские казаки права не имели, такое нарушение монаршей воли могло им очень дорого обойтись. В общем, не выдерживая постоянных угроз и морального прессинга, большинство донцов, бросив на произвол судьбы свои рыбные заводы с их инвентарем, предпочло убраться обратно на Дон, где они и принесли эти неожиданные новости и свои жалобы в столицу донцов – Черкасский городок. Там все произошедшее в Примиусье было воспринято с большим удивлением.

Немного закрепившись на новой территории и изгнав оттуда большую часть «понаехавших» донцов, Кишенский решил развивать успех и вдвоем со своим писарем отправился в Черкасск, чтобы окончательно утрясти все формальности с руководством Войска Донского. В правоте и законности своих действий он не сомневался.

Кишенский прибыл в Черкасск, видимо, незадолго до Сырной недели (в 1743 году она приходилась на 7 — 14 февраля). На собрании старшин в канцелярии войсковых дел Войска

Донского Кишенский передал уже упоминавшуюся «промеморию» и предъявил свой «открытый лист». Он заявил, что *«достоверно показанными местами запорожским козакам владеть»*. Также он поставил донскую старшину перед фактом, что теперь, *«по определению запорожского низового войска с каждого воза с приезжающих малороссиян – по меху пшена для довольствия ево [видимо, команды Кишенского — LV] собирать приказано»* [13, с. 1353].

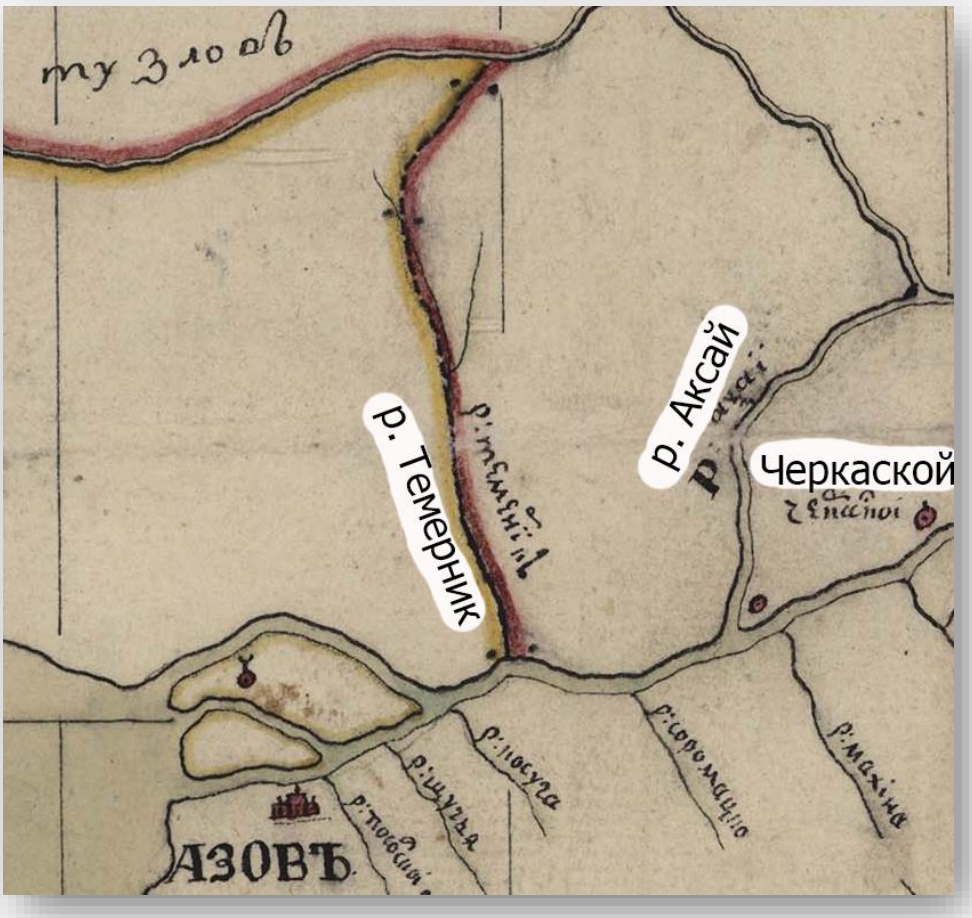


Рис.17. Прохождение старой турецкой границы (красная линия) относительно донской столицы Черкасска на карте Колычева 1714 года.

Река Темерник, которая на тот момент являлась самой крайней точкой запорожских территориальных претензий, это (еще раз повторимся) правый приток нижнего Дона, ныне протекающий в пределах Ростова-на-Дону. С 1714 года эта река стала пограничной между Российской и Турецкой империями. От Темерника до столицы донцов Черкасска было 23 версты на восток, чуть больше (в ту же сторону) до имперской крепости святой Анны — 28 верст. А вот до Запорожской Сечи намного дальше – 380 верст (по прямой) на запад. Поэтому Кошу тогда так и не удастся внятно объяснить донцам, почему граница запорожских Вольностей должна пройти именно здесь, рядом с донской столицей, отсекая ее от моря. Не удастся Кошу и удержать эту желаемую границу силовым путем – в этом районе сила всегда будет оставаться на стороне донцов.

Войсковой атаман войска Донского Данила Ефремов получил свою должность не по наследству, а заслужим ее своим по́том и кровью, и до того прошел очень суровую школу жизни. Да и среди прочей донской старшины слишком уж доверчивых людей не было, это были битые жизнью старые хищники. И они нутром чувствовали какую-то неправильность, неправдоподобность данной ситуации, заявленной им Кишенским. Но и поверить в то, что такая же точно старшина, только из Коша Запорожского, станет целенаправленно подделывать в свою пользу государственные указы — было затруднительно (о том, что Кош мог просто ошибиться в понимании полученных сверху распоряжений – тогда еще никто не догадывался). Проще было подумать, что это сам Кишенский является самозванным авантюристом. Поэтому, обнадежив запорожских посланцев своими уверениями, договорились отправить в Кош запрос с затребованием разъяснений (попутно проверяя полномочия самого Кишенского). А до получения ответа из Коша — Кишенский и его писарь были мягко удержаны в Черкасске, где им была выделена *«изрядная квартира»* и питание. Ну и организовано ненавязчивое наблюдение за их поведением. Кишенский, похоже, не сильно возражал против такого своего времяпровождения, так как февральские морозы пережидать в городе было намного комфортнее, чем в голой примиусской степи (где оставались члены его команды и есаул Журавель).

Уже несколько раз упомянутый ранее предводитель донцов Данила Ефремович Ефремов (1690 – 1760) будет и дальше являться одним из основных героев нашей книги. Расскажем о нем, наконец, подробнее.

Рис.18. Д.Е. Ефремов, портрет XVIII в.

Родился он в Черкасске. Его отец, бывший одним из донских старшин, был казнен Кондратом Булавиным при взятии Черкасска в 1708 году. Сам Данила на службе с 1705 года. С 1722 года Данила Ефремович становится донским старшиной. Участвовал в подавлении Астраханского восстания 1705-1706 годов, в Северной войне, в русско-турецких войнах 1710-1711 и 1736-1739 годов, Персидском походе 1722-1723 годов. В 1726-1728 годах полковник в донском походном войске в Низовом корпусе в Прикаспии. В 1732 году – походный атаман донской команды «при калмыцких делах» в Царицынском корпусе. В 1732 году по решению Войскового круга был лишен старшинского звания, но уже в следующем году, по указу Военной коллегии снова восстановлен в нем. В 1733 году – походный атаман донской команды в Низовом корпусе. В 1734 – 1736 годах выполнял дипломатические задачи в вассальном России Калмыцком ханстве. Экстраординарными средствами (оставив даже собственного 21-летнего сына Степана в заложниках у хана) смог примирить своевольного калмыцкого хана Дондук-Омбо с имперскими властями. Позже будет участвовать еще и в Семилетней войне.

С 1738 по 1753 год (15 лет) был донским войсковым атаманом, с 1753 по 1760 год — командующим войском Донским. Умер и похоронен в Черкасске.

За свою жизнь он несколько раз был под следствием имперских властей, но об это расскажем позже.

Запорожский полковник Кишенский и в Черкасске продолжил свою (довольно успешную) агитационную деятельность среди местных малороссиян. Он активно общался с ними и у себя на квартире, и в местных кабаках: *«где он будучи начал упражняться во всегдашнем пьянстве и входя в разные кабаки бродящим малороссияном, а других приводя на квартеру, оной лист читал и при том же о владении Миюсам и Темерником словесно им разглашал, и уже привел было к тому, что многие ему последовали и ехать обще с ним в те места намерение приняли»*. Донской старшине активно не нравились и обещанные запорожцами территориальные изменения (с потерей доходов от приморских рыбных заводов), и сманивание малороссиян (которых тогда на Дону было еще не слишком много, но которые уже стали весьма важным наемным «ресурсом» для донцов). Но до поры она не вмешивалась в события, ожидая подходящего случая. А может — и незаметно поощряя выходки все более входившего в раж запорожского полковника и его новых прихлебателей, которые *«всегда с ним пьянствуя, немалые обиды козакам причинили»*. Но самый некрасивый случай произошел на Сырной неделе (7 – 14 февраля 1743 года), когда перепивший Кишенский *«бегая необыкновенно по улицам на коне, яко изумленной, по стречающимся с ним мужеск и женск пол с непотребным ругателством плетью бил»*. Это был уже скандал, изрядно подмочивший и без того сомнительную репутацию запорожского посланника. За такое оскорбление свободных людей — в тогдашней Российской империи можно было и уголовное наказание схлопотать (или, по крайней мере, попасть под длительное и неприятное следствие, которое могло тянуться годами!). Зато этот некрасивый инцидент был очень выгоден руководству Войска Донского в начинавшейся подковерной борьбе за морское побережье...

После этого случая полномочия Кишенского в глазах донцов стали совсем сомнительными. У него отобрали *«открытый лист»* и до прибытия ответа из Коша посадили уже под настоящий домашний арест, приставив к его дому двоих донских казаков. И только после получения подтверждения из Коша личности и полномочий этого полковника, его сразу же отпустили обратно на Миус [13, сс. 1353-1354].

Обращаем внимание уважаемого Читателя, что и в «промемории» кошевого Малашевича, и в речах полковника Кишенского – все обоснования передачи запорожцам всей территории вплоть до низовьев Дона и старой границы 1714 года (Темерник) – давались только со ссылкой на свежие решения вышестоящего Российского руководства. **Мысль о том, что все эти земли является «исконными», издревле принадлежащими запорожцам – на тот момент еще даже не была сформулирована**! И запорожцы, и их соседи (донцы, слобожане) еще прекрасно помнили, что эти земли были совсем недавно отбиты у татар и турок, которые прочно владели ими последние несколько веков.

На такие моменты мы будем периодически, по ходу повествования, обращать внимание уважаемого Читателя, так как это по-настоящему важно для понимания реальной схемы развития местной истории.

Кишенский – миусский полковник

Некоторую информацию о дальнейшей деятельности полковника Кишенского, в том числе о случаях экспроприации чужого имущества запорожцами его команды, можно почерпнуть из все той же донской «отписки» от 26 июля 1743 года [13, сс. 1352-1358]. К сожалению, для большинства этих происшествий в ней даты не приводятся, их можно только предполагать по косвенным признакам.

Первый случай произошел немедленно после того, как раздраженный и униженный арестом в Черкасске запорожский полковник вернулся на Миус. Кишенский сразу же конвертировал свое плохое настроения в действия: *«<…> то немедленно из Черкасского на Миюс отпущен, куда он, приехав, недобросовестные, но разбойнические поступки производить начал, поимав тарскаго [торского? — LV] жителя Ивана Носика с сыном»*. Неизвестно, что послужило предлогом в данном случае (не соглашались съезжать с новых «запорожских» территорий? пытались проехать, не заплатив «пошлины» запорожцам? просто не вовремя попались на глаза?). Но, в итоге, Кишенский бил этих бедолаг *«смертным боем»*. И со своими людьми почти полностью разграбил довольно зажиточное имущество этих людей. Так, запорожцы успели было отобрать у них пять пар волов, три лошади, телегу, два сундука с платьем, четыре ружья, три котла медных, пятнадцать лисиц и два топора. Но тут, на счастье Носиков, им на помощь подоспели *«знатные здешние козаки»* с одной из застав, которые Войско Донское продолжало держать в нижнем Примиусье по прежним генеральским ордерам. В присутствии новых свидетелей запорожский полковник несколько стушевался, и вышеперечисленную часть имущества удалось вернуть законным владельцам. Но, все равно, перечень окончательно отобранного запорожцами у Носиков имущества вышел довольно внушительным: деньгами 3 руб. 47 коп., 12 турецких башлыков, 17 аршин тонкого полотна, полог полотняный тонкий и вексельное письмо на сумму 16 рублей. Но и этого показалось Кишенскому слишком мало: *«и сверх того со усильным вымогательством требовал денег 30 рублев»*. Кроме этого, по попавшему к нему в руки векселю он довольно быстро (пока не заставили вернуть!) *«уже едва не все денги с должников собрал»*. Видимо, эти должники все еще оставались на подведомственной ему территории или поблизости от нее. Ну очень предприимчивый был человек!

Другой его предприимчивый подчиненный – *«команды ево есаул, прозываемый Журавель, собрал воровскую партию до 15 человек на реке Миюсе в урочище Дуклосовых мостах[1]»*. Скорей всего это то же самое место, что обозначено на недатированной карте из РГВИА (1760-е годы?) как «урочище Три Моста» [РГВИА, ф.418, оп.1, д.711], у нынешнего села Большая Кирсановка Матвеево-Курганского района Ростовской области. Здесь Журавель обирал проезжающих по местному ответвлению Бахмутского шляха. Так, у жителей села Печенеги Изюмского полка он *«отнял 8 ведер вина, 3 меха пшена, 3 полотняных плата и разную мелочную рухлядь»*. У *«здешнего»* (черкасского?) казака Никиты Герасимова – трех лошадей. У малороссиянина Ивана Явиченко (?) из местечка Грайвороны Хотмыжского уезда (Белгородская губерния) – лошадь и «рог черкаской» для хранения пороха. У малороссиянина донской Михайловской слободы (на р. Хопер) Андрея Горбунова «с таварыщи» Журавель отобрал мех пшена, рубаху, несколько аршин тонкого полотна, косу,

[1] Название, вероятно, как-то связано с именем генерал-лейтенанта Густава Отто фон-Дугласа (Дукласа) (1687-1771). Швед шотландского происхождения, с 1717 г. на русской службе. В 1736 и 1737 году действовал на Приазовском направлении под командой П.П. Ласси. Возможно, мосты были сооружены по его приказу?

мех сухарей и *«барила[2] вина»*. И, судя по последнему случаю, есаул Журавель все это осуществлял с разрешения полковника Кишенского. Так как этот несчастный бочонок вина они потом вдвоем с полковником употребили и, *«вывезя порожжее на реку Миюс, из ружей разстреляли»*. Вот такие изысканные развлечения были тогда у местных представителей Коша! Случай с бочонком произошел, надо полагать, не ранее марта, так как в феврале наши реки обычно еще покрыты льдом.

В те времена Войско Донское еще критично зависело от поставок продовольствия и промышленных товаров с внутрироссийского рынка. Но так как на тот момент этот рынок еще не продвинулся в Приазовские степи, то снабжение располагавшейся в низовьях Дона столицы донцов Черкасска шло преимущественно или сплавом по Дону, или по сухопутной Бахмутской дороге, которая проходила через Примиусье. Так что, когда эту дорогу «оседлали» запорожцы есаула Журавля и своими поборами с проезжающих вызвали заметное снижение местного трафика: *«тако ж и протчим людем не малые разорении приключили, от чего бахмутская дорога проездом уже было и запустела»* – это было воспринято в Черкасске очень болезненно. Поэтому в ту сторону была отправлена донская партия, *«убоясь»* которой есаул Журавль с того места съехал. Движение по дороге было вновь разблокировано. Когда именно это произошло – пока информации нет.

Это был первый зафиксированный случай силового противодействия донцов попыткам запорожцев установить свой контроль над ключевыми позициями в Примиусье.

Кроме этого упоминаются и какие-то другие случаи поборов запорожцев с проезжающих по Бахмутскому шляху людей, но уже без подробностей. Видимо, или количество отобранного в этих случаях было не слишком значительным, или эти люди по каким-то причинам не хотели подавать официальные жалобы.

Ставили донцы в вину запорожцам Кишенского и то, что они *«у приезжающих для покупки рыбы малороссиян с каждого воза брали по меху пшена»*. Но здесь скажем слово и в защиту запорожцев, так как такой размер платы был официально определен Кошем. Да и прокормить запорожскую партию в почти безлюдной примиусской степи поначалу было довольно сложно. Так как продовольствие поблизости можно было купить только у донцов, отношения с которыми быстро превращались в откровенно враждебные. А до других обжитых районов отсюда было далековато — 150 – 300 верст. Так что такой продовольственный «налог» поначалу был необходим партии Кишенского просто для выживания.

То есть, можно отметить, что за период с февраля по август донцам удалось собрать не слишком впечатляющее «досье» на пограничные прегрешения запорожцев. Которые, к тому же, не сильно отличаются (ну, кроме расстрела бочонка на реке) от таких же случаев на других внешних и внутренних рубежах на юге Российской империи, вдали от начальственного ока.

В результате, уже к лету 1743 года между «зонами влияния» двух войск стихийно определилась новая фактическая граница – по Миусу, хотя запорожцы от своих прежних претензий на гораздо большую территорию тогда так и не отказались. В начале лета 1743 года Кишенский стал уже сам себя называть *Миусским полковником* (*«особливо же полковник Кишинской, которой и ныне в письмах именует себя Миюским»* [13, с. 1355]).

[2] Барило (укр.) – бочонок, бочка.

Возможно, что уже Кишенский первым основал свою паланку на Мокром Еланчике в первой половине 1743 года. По крайней мере так ретроспективно утверждается в рапорте от 5 октября 1772 года местного запорожского полковника Петра Велегуры в Кош (в переводе на современный украинский язык): *«для розгляду поставленої грані за буття пана полковника війська Запорозького Кишенського на річці Середньому Єланчику паланкою: доки цей Кишенський роз'їжджав і у відомстві своєму тримав навколишньої землі, так і я від вершин Кальміуса та Кримки, і понад Кринкою до впадіння її в Міус, і понад Міусом до Кам'яного броду до млина, збудованого паном генерал-майором і комендантом таганрозьким Іваном Петровичем Ажидерасом, а від млина понад річкою Міусом до трьох великих лиманів, які впадають у Азовське море*[3]*, і від гирла понад морем косами, а саме Семенівською, Єланчицькою, Кривою, Безіменною, Широкою та Ляпіною до самого Кальміуса»* [28, с. 185]. Но это записано спустя почти три десятилетия после правления здесь Кишенского, поэтому требует осторожного подхода. Желательно найти подтверждающие документы, более синхронные с событиями 1740-х годов. Пока же можно уверенно говорить про существование этой паланки уже при следующем местном запорожском полковнике. В 1747 году Бахмутская следственная комиссия будет требовать от Коша , паланковых есаула и писаря, которые были *«в том же 743-м году на речке Еланчику при запорожском полковнике Павле Тарану*[4]*»* [12, с. 180].

Также интересно, что пока не найдено ни одного документа, синхронного пребыванию Кишенского на полковничьей должности в Приазовье, где бы он назывался «кальмиусским полковником». Документы, где он так называется появятся только несколько лет спустя. Поэтому пока непонятно, на самом ли деле он мог себя так называть или это трансформации информации уже в последующее время, когда Кальмиусская паланка уже точно существовала?

Прилагательное от названия «Еланчик» (в частности, по местной паланке и ее полковнику) можно употреблять в двух формах – Еланчицкая и Еланчикская. Первая из них (на которой автор и остановился в данной книге) была характерна для середины XVIII, так это слово употреблялось в тогдашних запорожских и русских документах. Вторая форма – более характерна для современности.

В Интернете применительно к нашей паланке иногда еще используется форма «Еланецкая» — но это не корректный вариант, его использовать не нужно. Из названия наших приазовских Еланчиков его вывести невозможно.

Видимо, убедившись, что окончательно убрать рыболовные заводы донцов с побережья между Миусом и дельтой Дона пока не удается, Кишенский начал искать новые районы для запорожских рыбных ловель. По каким-то причинам ему показалось недостаточно распоряжаться морским побережьем между Бердой и Миусом (возможно, там были хуже уловы?). Поэтому, *«собрав запорожцов и бродящих малороссиян до 400 и более»*, предприимчивый полковник переправил их для рыбных ловель на южную, «кубанскую» сто-

[3] Это про Миусский лиман, который мысами делится на три части. Исток в море у него только один.
[4] Он будет руководить местной паланкой во втором полугодии 1743 года.

рону Таганрогского залива и поставил там «ватагами» [13, с. 1355]. Вероятно, для этого пришлось привести лодки из Приднепровья. По крайней мере, свидетельства об их местном изготовлении или о покупке у донцов при этих событиях автору найти пока не удалось. Когда именно Кишенский предпринял эти действия точно неизвестно, вероятно в конце весны. В донской Черкасск информация об этом поступила только в первой половине июня 1743 года [СПб ИИ РАН, ф.200, оп.3, д.15, л.1 — 5].

В середине июня 1743 года произошел еще один инцидент. В западной части Миусского полуострова в те годы традиционно располагалась донская застава. В этот раз там были *«знатные казаки»* Максим Федотов, Григорий Алексеев, Казьма (Кузьма) Орлов и Петр Каменский. Основным объектом надзора для данной заставы должна была служить переправа у устья Миусского лимана. Но так, как там мало кто тогда ездил, то служба была не слишком напряженной. И «заставщики» заодно устроили себе еще и побочный приработок. Они наняли неводчиков и разместили их на Золотой косе (10 верст к востоку от устья Миусского лимана). Там же, в одном из *«шишов»* (шалашей) был сложен *«багаж»* этих казаков. В те дни трое из *«знатных казаков»* с заставы по каким-то своим надобностям отъехали в Черкасск. Оставшийся казак, Петр Каменский, тоже не надзирал за устьем лимана, а находился у места лова на Золотой косе. Ну и, естественно, он проворонил «вторжение». 12 июня 1743 года (по другим данным – 14 июня) полковник Кишенский со своими людьми снова выбрался на «донскую» сторону Миуса. Где, никем не замеченный, добрался аж до Золотой косы. Больше всего от его прибытия не повезло незадачливому заставщику. Кишенский *«оставшего их товарыща Петра Каменского бил немилосерд[н]о»*. Также он *«гонял разбойнически»* за многими неводчиками, угрожая *«что ежели де в скором времяни они оттуда не съедут, то де не бес смертелной притчины им воспоследовать может»*. После чего, для большей убедительности, приказал поджечь тот *«шиш»*, в котором было сложено имущество казаков-заставщиков. Но дым пожара заметили другие *«посторонние люди»*, которые, прибежав, потушили пожар и спасли большую часть имущества от уничтожения [СПб ИИ РАН, ф.200, оп.3, д.15, л.2 — 2об.]. Кишенский, вероятно понимая избыточность своих действий, этому мешать не стал.

Кишенский своей неуступчивостью и конфликтностью сделал все, чтобы окончательно оттолкнуть донцов от попыток решать конфликт конструктивно. Как писали сами донцы: *«да и протчия обиды и разорении разным людем, також и Войску Донскому всегдашние ругательствы от него, Кишенского, происходят»*. Руководство войска Донского и возникшей ситуацией, и открытыми оскорблениями со стороны запорожского полковника было сильно оскорблено.

Весна – начало лета 1743 года. Первые жалобы

Ответ Коша на запрос донцов о сомнительности полномочий полковника Кишенского должен был поступить в Черкасск в виде подтверждающей промемории примерно в конце февраля – начале марта 1743 года. После чего Кишенского и отпустили из Черкасска. А вот пыталось ли далее руководство двух казачьих войск напрямую между собой как-то решить возникшие противоречия – нам неизвестно. Никаких отсылок на существование таких документов автором пока не обнаружено.

Однако, с большой долей вероятности, пока можно утверждать лишь следующее. Что официальная донская позиция о том, что не только на Темерник, но и на Миус и Кальмиус Запорожские Вольности ранее никогда не распространялись, каким-то образом все-таки была доведена тогда до сведения Коша. И у автора сложилось впечатление, что запорожский войсковой атаман Константин Малашевич тогда не стал продолжать прямое общение с Черкасском. Что он в этом сложном вопросе предпочел «затихариться», предоставив полковнику Кишенскому самому расхлебывать затеянную Кошем кашу. Что тот, в меру своих сил и понимания, и пытался (с переменным успехом) реализовать. Вот как раз от него донцы упоминают какие-то письма, в которых он сам себя называл Миусским полковником [13, с. 1355]. Но, скорей всего, это была преимущественно переписка по каким-то рабочим приграничным моментам (или просто «ругательные письма»?), так как никаких выписок из них донцы в своих сводах не приводили.

Самое забавное, что у старшины этих двух казачьих Войска, теоретически, тогда был уникальный шанс. Они могли попытаться полюбовно договориться между собой напрямую и разделить между двумя войсками новоприсоединенные территории Северного Приазовья. И вполне возможно, что высокое начальство в Санкт-Петербурге махнуло бы на это дело рукой и официально признало бы эти «самозахваты» за казаками. Ни сил, ни ресурсов, ни даже сформированных планов на военное и хозяйственное освоение этих территорий имперские власти на тот момент еще не имели.

Но шанс был упущен, и дальше конфликт будет развиваться по нарастающей…

Весной 1743 года руководству Запорожского Коша стало понятно, что полковнику Кишенскому не удастся в полной мере выполнить все поставленные перед ним задачи. Из-за упорного сопротивления донцов территории между Миусом и Темерником все еще оставались вне контроля Коша. Взаимопонимания с войском Донским по этому вопросу достичь не удалось.

Понимая, что на своем уровне договориться с донцами, чтобы они согласились со всеми требованиями Коша, не получается, примерно в конце апреля — начале мая 1743 года кошевой Константин Малашевич решил попытаться надавить на них через Киев. Он отправил курирующему запорожцев киевскому генерал-лейтенанту Леонтьеву жалобу на действия донцов. Тот, похоже, еще не знал обо всей этой истории. Не сильно вникая в вопрос, Леонтьев 13 мая отправил к Ефремову требование *«дабы донские казаки от старой границы <…> запорожским казакам рыбную добычю по Кальмиюсом и по косам не воспрещали или в чем бы [ином — LV] не мешались»*. Также он запрашивал от войсковой канцелярии войска Донского ответа на вопросы: *«А зачем войска Запорожского полковник*

Кишенской в Кальмиюс и Белосарайскую косу приезжал, и по какой причине взят был под караул?». Первая часть вопроса особенно феерична…

31 мая Ефремов отправил в Киев с нарочным казаком Яковом Каючинковым весьма обстоятельное письмо в ответ на запрос Леонтьева, с требованием резолюции от него.

В этом донесении Леонтьеву донцы, похоже, впервые попытались официально сформулировать свое понимание реальной степени влияния запорожцев на Северное Приазовье в предшествующие периоды. Вот как это звучало (в несколько более позднем донском пересказе): *«<…> а понеже по справке с указами предков В.И.В. никогда [казаки — LV] запорожского низового войска кроме того, что яко по способности к их стороне лежащия места — в Молочныя воды для добычи, в Берды для брания соли — не въезжали*[1]*, да в вершинах Калмиюских звериныя ловли малыми частьми, обще нашего донского войска с козаками, отправляли. А самим Калмиюсом, Калчиками, Еланчиками, особливо Миюсом и Темерником и морскими Белосарайскою, Кривою, також протчими косами, не владели, кроме тем разве, которые для воровства из Сечи прихаживали и назывались оные, по здешнему обыкновению, харцызами, то есть действительными ворами. О чем от нас всеподданнейших, с требованием резолюции к господину генералу аншефу и кавалеру и киевской губернии генерал губернатору Леонтьеву обстоятельно донесено»* [13, с. 1356].

Разберем это сообщение подробнее. Первый момент, который нужно отметить — это то, что войско Донское претензии на собственные владения в Северном Приазовье еще не выдвигало. Фактически донцы здесь упоминаются только один раз, в сюжете про верховья Кальмиуса, куда и запорожские, и донские казаки периодически заходили небольшими ватагами для охоты на зверя. А в перечне районов Северного Приазовья, которыми по мнению донцов запорожцы до того никогда не владели – чувствуется особое возмущение Черкасска нынешними запорожскими претензиями на «особливо» Миус и Темерник. Второй важный момент – это то, что запорожцы свои претензии на все территории вплоть до старой границы 1714 года тогда подкрепляли не указаниями на «историчность» своего владения ими (это еще не было даже сформулировано!), а только ссылками на решения современного им российского высокого начальства. Соответственно, донской предводитель в этом кратком историческом экскурсе боролся не с первым фактором («историчностью»), а пытался показать руководству неоправданность такого его решения о передаче всей этой огромной территории исключительно запорожцам. Ефремов рассказывал о том, что те здесь никаких владений никогда не имели, да и просто появлялись довольно эпизодически. С учетом того, что прежние многовековые хозяева этих мест – крымские ногайцы — только недавно были изгнаны с этих территорий, на тот момент это было всем известно и в особых комментариях не нуждалось.

Теперь, собственно, о географическом наполнении этого отрывка. Здесь Ефремов вспоминает о заездах запорожцев для звериных ловель на Молочные Воды и для получения соли на соленые озера Бердянской косы — *«яко по способности к их стороне лежащия места»* (то есть, удобные для доступа из запорожского Приднепровья). Отметим, что

[1] Исправлено по смыслу. В публикации Яворницкого здесь явно ошибочно приводится «они въезжали».

оба эти района после разграничения 1742 года остались на татарской территории. По временному интервалу – скорей всего здесь имеется в виду Мазепинское время, когда случались довольно продолжительные периоды мира с Крымом и украинское казачество успевало выстроить интенсивные и взаимовыгодные хозяйственные отношения с татарами. А вот период пребывания запорожцев под властью Оттоманской Порты и Крымского ханства – при последующих аналогичных разборках **никогда** не упоминался (как не слишком комплиментарный для Войска Запорожского) и прецеденты из него ни разу не выводились. После этого фрагмента в письме идет сюжет об эпизодических совместных звериных ловлях донцов и запорожцев в верховьях Кальмиуса. А далее – перечень рек и кос, которыми запорожцы **не владели** – здесь следует краткий перечень рек от Кальмиуса и до Темерника, а также упоминание Белосарайской и Кривой морских кос (более восточные косы подразумевались по умолчанию). Для большей объективности Ефремов не забыл упомянуть, что иногда какие-то запорожцы в Северное Приазовье таки заезжали. Но, по его словам, это были просто шайки разбойников-харцизов.

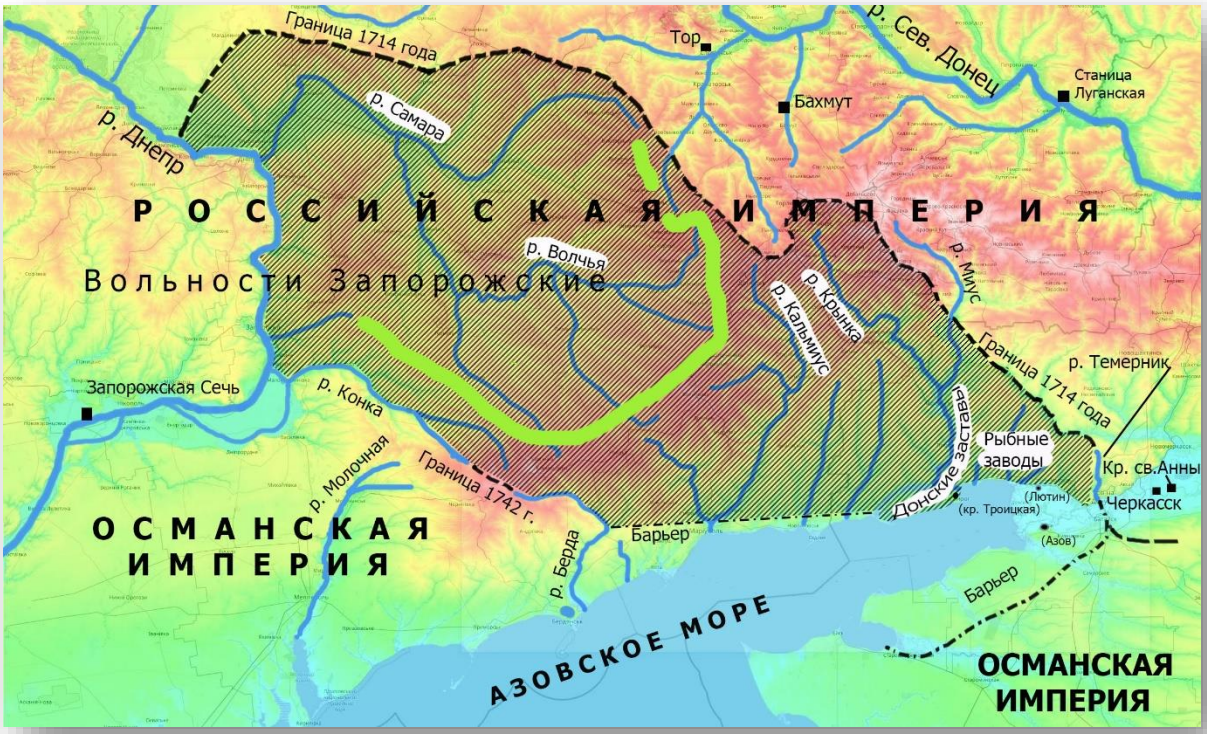


Рис.19. Штриховкой показаны все территории к востоку от Днепра, отошедшие в 1742 году от Османской империи к Российской. Зеленой линией показана примерная юго-восточная граница земель, которые (по изысканиям автора книги) считались всеми соседями запорожцев как бесспорно запорожские. Все, что юго-восточнее нее – это были только что отобранные у татар степи.

На Донбассе сохранилось несколько топонимов с «харцизским» названием. Самый южный из них – это балка Харцизская, впадающая в Грузской Еланчик у села Гусельщиково, в нескольких километрах севернее Новоазовска. Неподалеку проходила старая приморская дорога из Азова в Перекоп. А в устье балки находилась система из нескольких карстовых пещер (сейчас большей частью засыпанных). Исходя из зафиксированных местных (еще дореволюционных) легенд и из монетных находок поблизости – вполне возможно, что она действительно могла быть пристанищем какой-то разбойничьей шайки. Но, судя по известной датировке обнаруженных там польских монет – скорей всего это середина XVI века. Хотя это могут быть и следы раздела добычи после татарских нападений на польско-литовские Украйны…

Рис.20. Последний сохранившийся вход в Гусельщиковскую пещеру. Фото с сайта turkaramamotoru.com

Что же касалось до скользкого запроса киевского генерал-губернатора об обоснованности ареста донцами запорожского полковника, то здесь Ефремову совсем не хотелось ссориться со столь влиятельным сановником. Поэтому он осторожно написал, что в Черкасске запорожский полковник Кишенский содержался не под караулом, но только *«для удержания его был малое время на отведенной ему изрядной квартире, да и то с надлежащим почтением и удовольственною пищею»*. Далее описывалось непотребное поведение Кишенского в донской столице, и что это привело донское руководство *«в немалое сумление»* относительно его. Из-за чего у полковника был временно (*«до сношения с Сечевой канцеляриею»*) изъят выданный ему войском Запорожским *«открытый лист»*. А также о вынужденной необходимости *«для надзирания непристойных ево, Кишенского, обращений – два ч[е]л[о]в[е]ка казаков при квартире поставить»*. Также здесь сообщалось и о последующих событиях: *«А потом с каким резоном он отпущен, и какия обиды донским казакам, також проезжающим по Бахмуцкой дороге и находящимся по рыболовным станам всякого звания людям, от него, полковники (sic!), произошли <…> обстоятелно писал»*. В заключение Ефремов развернуто просил Леонтьева убрать запорожцев с Миуса.

Ознакомившись с полученным из Черкасска письмом, Леонтьев пришел в сильное негодование на запорожцев. 16 июня 1743 года он направил в Кош приказание: *«з довольным напоминанием предложено, как уже более предписать невозможно (!), и при том*

велено предреченного полковника Кишенского, которой н[ы]не собою называется Миюским, и есаула Журавля, со всеми при них находящими запорожскими казаками, с Нагайской стороны, или где они в тамошних местах обретаютца, взять в Запорожскую Сечь, не оставляя там ни единого ч[е]л[о]в[е]ка. И для того в самой скорости послать туда нарочного» [СПб ИИ РАН, ф.200, оп.3, д.15, л.1-2].

Этот ордер Леонтьева должен был попасть в Сечь примерно через неделю, около 23 июня. Но пришел он туда очень не вовремя. Как уже говорилось, на 24 июня (в Иванов день, он же Ивана Купала) в Сечи традиционно назначался один из двух ежегодных сходок всего «товарищества» для решения накопившихся вопросов. И что если у войска накапливались претензии к войковой старшине – то ее могли тут же и поменять. Именно так и произошло в нашей истории. Кошевой Константин Малашевич в результате своего полугодичного правления не оправдал ожиданий «товарищества», и его отрешили от должности. Какие претензии были к нему выдвинуты, и была ли среди них неудача «замиусской» эпопеи – автору книги выяснить не удалось. Выборы несколько затянулись, и только 29 июня новым кошевым атаманом был выбран Яким Игнатович Малой (это было его первое правление) [13, сс. 1330, 1409]. Новому руководителю войска Запорожского пришлось срочно принимать дела, и ему было не до решения «косяков» предыдущей администрации. Кош предпочел на это письмо Леонтьеву ничего не отвечать.

Вероятно, тогда же произошло и переназначение запорожской паланковой старшины в Приазовье (об этом расскажем несколько позже). То есть Кишенский занимал должность местного полковника только полгода. И в дальнейшем, то ли по-обычному для запорожцев «прецедентому праву», то ли из-за большой очереди желающих занять это хлебное место, смена паланковой старшины в Еланчицкой/Кальмиусской паланке будет происходить два раза в год. По крайней мере в первые годы ее существования это будет выполняться строго.

Около середины июня (не ранее 14 числа) донской войсковой атаман направил новое письмо в Киев. В нем донцы дополнительно информировали Леонтьева о нападении Кишенского на донскую заставу и рыболовов на Золотой косе (мы этот случай уже описывали). Также Ефремов сообщал, *«что получена им вновь ведомость, яко полковник Кишенской в противность ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указов и вечно-мирных с Портою Оттоманскою трактатов, немалое число запорожцов и бродящих в тамошних местах всякого звания людей, переправя чрез море на Кубанскую сторону, быдто бы для рыбных ловель, ватагами поставил. Чем немалую притчину к сумнению ему, Ефремову, подать мог, затем, что в тех местах не токмо запорожские казаки, но и донские никаких добычей не имели»*. Проблему в этом Ефремов видел в том, чтобы возможные «шалости» запорожцев над тамошними прикубанскими кочевниками не повесили на его донцов: *«И тако де, по тому вышеозначенного полковника Кишенского лехкомыслию и ветренно-бешеным поступкам разумеваетца, как бы команды ево своеволники у кубанских татар, которыя по известию кочуют по сей стороне Кубани, отгону лошедей и протчих раззорений под видом донских казаков учинить не отважились, и тем Порты Оттоманской какого сумнения, а ему, Ефремову, с войском Донским ответа приключить не могли»*. В дальнейшем эту же аргументацию (только в несколько расширенном виде) против присутствия запорожских рыболовов на южном берегу Таганрогского залива официальный Черкасск будет еще не раз использовать в своих обращениях.

Напомним, что на тот момент южный берег Таганрогского залива Российской империи не принадлежал. Узкая полоса побережья от дельты Дона и до реки Еи (точнее, с небольшим кусочком ее левого берега) входила в барьерные земли. А более западная часть побережья (начиная от берега Ейского лимана) оставалась в турецких владениях.

Русско-турецкие мирные договоры конца 1730-х – начала 1740-х годов во многом базировались на основе аналогичных договоров начала XVIII века, по которым в оговоренных «порожних землях» (предшественниках «барьерных земель») подданным обеих стран разрешались мирные хозяйственные сезонные промыслы (в том числе и рыбная ловля), без заведения оседлостей и строения. Но в договорах начала XVIII века — это положение относилось только к нижнему Приднепровью и Северному Приазовью, а в 1741 году на юге Таганрогского залива появился совершенно новый «барьер», который в более ранних документах, естественно, отсутствовал. Поэтому возникла некоторая правовая коллизия – распространяются ли положения прежних договоров о свободной сезонной хозяйственной деятельности и на эту территорию или нет? К тому же, при заключении «Инструмента» от 20 октября 1741 года, князь Репнин не догадался обговорить этот момент с турками и внести его в документ. При следующем разграничении, в октябре 1742 года территорий между Днепром и Миусом – он этот пробел уже учтет и в новом «Инструменте» уже прямо пропишет: *«в помянутых же реках подданным обеих Империй без нарушения пользоваться позволяется»*. Но там речь шла только о Северном Приазовье.

Поэтому ни Войско Донское, ни Войско Запорожское тогда так и не получат от вышестоящего начальства официальное разрешение на рыбные ловли в барьерных землях южной части Таганрогского залива. Местные запорожцы всеми этими дипломатическими премудростями совершенно не будут интересоваться и без всякого стеснения будут пользовались рыбными богатствами Ейской стороны Таганрогского залива. А вот руководство Войска Донского (которое находилось под постоянным и бдительным присмотром из крепости святой Анны) позволить то же самое и своим казакам никак не могло. Что будет вызывать большое недовольство и зависть в Черкасске, а также постоянные подковерные интриги с целью убрать запорожцев с южного побережья залива.

И Ефремов в своем письме снова просил Леонтьева: *«чтоб от оного полковника Кишенского ево, Ефремова, с войском Донским оборонить и, не мешаясь на Миюсе команды ево с казаками [т.е., с донцами — LV], яко в неподлежащих запорожским казакам для рыбных ловель местах, в немедленном времяни съехать приказать»*. Причем, что интересно, Ефремов тогда явно не хотел перед глазами столь влиятельного сановника как Леонтьев обострять конфликт с подшефными ему запорожцами. Фактически, на тот момент Ефремов был согласен на большой компромисс. Он требовал очистить от запорожцев только район Миуса. А вот по поводу более западной части морского побережья – от Мокрого Еланчика и до Берды – он соглашался с его передачей Кошу: *«Ибо де, кроме тех мест [т.е. района Миуса — LV], по способности к вашей [запорожской — LV] стороне, вокруг Днепра и вподающим в Азовское море речкам – Берде, Кальмиюсом, Кальчиком и Еланчиком – всякими ловлями можно довольствоватца»*. Эх, если бы Кош тогда согласился с таким предложением, то взаимных обид было бы намного меньше, а наша книга вышла бы намного тоньше… Но не судьба… Возвращаясь к письму Ефремова добавим, что также он просил

Леонтьева посодействовать выводу запорожцев с Кубанской стороны моря: *«Також, в противность ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всемилостивейших указов, самовольным определением полковника Кишенского по Кубанской стороне моря рыболовные ватаги, куда надлежит, перевесть»* [СПб ИИ РАН, ф.200, оп.3, д.15, л.2 – 3об].

Новое письмо из Черкасска никак не улучшило настроения Леонтьева по отношению к запорожцам. Тем более, что они так и не ответили на его прошлый ордер: *«Точию, что по тому моему предложению воспоследовало, я дон[ы]не репорта в получении не имею»*. Поэтому киевский генерал-губернатор 30 июня 1743 года пишет новый ордер (тоже с разгромным содержанием!) запорожскому кошевому атаману Малашевичу. О том, что в Коше уже сменилось руководство, в Киеве узнают только 7 июля [13, с. 1330].

В дополнение к ранее выданным распоряжениям, Леонтьев требует вывести запорожцев из-за моря: *«Того ради, вам, кошевому атаману, и всему войску Запорожскому Низовому сверх прежде отправленных от меня предложеней, чрез сие зело наикрепчайше предлагаю: по получении сего, тот час вышеупоминаемого полковника Кишенского с Кубанской стороны со всеми обретающимися при нем казаками по-прежнему в Запорожскую Сечь, не представляя ни малых резонов, взять в самой крайней скорости, не оставляя на месте ни единого ч[е]л[о]в[е]ка. Чего ради, по получении ж сего, с послушным вашим запорожским листом на тот же день послать к нему, полковнику нарочных казаков»*.

Леонтьев прямо угрожает кошевому атаману и его подчиненным, в случае продолжения ими этой приазовской авантюры. И грозит тем, что тогда он будет вынужден донести все эти непорядки до сведения самой императрицы Елизаветы Петровны: *«Буде же кто впредь самоволно или с позволения вашего, в противность указов и моих неоднократно посланных к вам предложеней, поступит, то с таковыми, яко с сущими своевольниками, безсумненно поступлено будет по указом. И ежели, паче чаяния, на сие мое предложение какие-либо отговорки приносимы будут, и тот полковник Кишенской с казаками с Кубанской стороны по-прежнему в Сечь не возмется, то принужден буду с прописанием всех непорядочных ваших обстоятелств и полковника Кишенского поступков, представить к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ (что, уповаю, кроме награждения, получить высочайшей гнев от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА). Ибо сами лехго разсудить можете — не с иного ково ответ взят будет, как точию со одного вас, яко з запорожского главного кошеваго атамана»*.

Также киевский генерал-губернатор прямым текстом запрещает Кошу снова посылать своих полковников с командами казаков для установления запорожской власти во всем северном Приазовье – от Берды и вплоть до старой границы на Темернике: *«А впредь из запорожских старшин и казаков **для владения** морскими косами, а паче впадающими в море разными речками и в степныя места, от вершин Берд до старой границы , яко то Миюса, Белога Камня и Темерника, к ловле зверей и рыбы или для каких тамошних разъездов, яко ни в мало принадлежащия к Запорожской Сечи места, **отнюдь не посылать**, под вашим тяшким ответом!»*.

Вместо этого Леонтьев (соглашаясь с письмом Ефремова) предлагает запорожцам монопольно ловить рыбу (повторимся, без установления своей власти!) на всей новой российской территории, вплоть до Мокрого Еланчика на востоке: *«При сем же вам предлагаю: имеете запорожским казакам приказать рыбную ловлю иметь внутрь роси[й]ской границы, по способности к вашей стороне – вокруг Днепра и впадающим в Азовское море речкам Берде, Кальмиюсе, Кальчике и Еланчике, где и зверные [sic!] ловли иметь можно»*.

А вот устраивать ссоры и грабительства с донцами и с прочими людьми — Леонтьев запорожцам запрещал под угрозой смертной казни. Как запрещал им и плавать за море, в турецкие и татарские пределы: *«А за границу, в принадлежащие х Крыму и х Кубани места, отнюдь не ездить и ничем там не довольствоватца, как о том прежними моими предложениями предложено. Дабы чрез то Порте Оттоманской нанесено не было к нарушению мирных трактатов какой притчины»* [СПб ИИ РАН, ф.200, оп.3, д.15, л.1 – 5].

Автору книги осталось неизвестным, ответили ли запорожцы что-либо на эти «предложения» Леонтьева. В любом случае, данная переписка ни к чему не привела. Запорожцы упустили тогда свой уникальный шанс полюбовно договориться с донцами, под чутким кураторством киевского генерал-губернатора. Вместо этого они предпочли поднять ставки еще выше (об этом расскажем дальше). И не угадали…

Добавим еще, что Леонтьев после обоих упомянутых ордеров в Сечь также информировал Черкасск об отданных им Кошу распоряжениях. Как несколько позже пересказывали его ответ донцы: *«что де о съезде немедленном в Сечь означенного полковника Кишинского с ево командою к кошевому атаману Малышевичу от него [Леонтьева — LV] ордерами предложено»*. [13, с. 1356].

Так же Леонтьев тогда требовал отправить в Киев *«для следствия о их деле»* четырех запорожцев, пойманных донцами на воровстве и содержащихся под караулом. Правда, к моменту получения письма из Киева, один из них, по прозвищу Пропой, успел сбежать из-под донского караула и уже *«находился во услугах полковника Кишенскаго»* [13, с. 1356]. Подробностей этого дела автору найти не удалось. Некий казак Пропой из Минского куреня будет позже, в 1747 году, упоминаться в несколько более северных районах в связи с разбоем. Один ли это человек или просто одинаковые прозвища – неизвестно.

Как бы то ни было, Кишенский летом 1743 года был действительно отозван из Северного Приазовья. Он еще продолжит портить кровь окружающим, но уже в других местах. Однако донцы не слишком долго радовались новостям об отзыве из спорного района осточертевшего им запорожского полковника. Так как Кош, вместо того, чтобы полностью убрать из Примиусья полковника Кишенского с его командой, просто произвел тогда рокировку, прислав вместо оскандалившнегося начальника нового. Теперь запорожцами здесь стали управлять полковник Павел Андреевич Таран (он же – Павел Андреев), писарь Андрей Захаров и есаул Ерема Корсунской.

Таким образом, новый кошевой атаман Яким Игнатович проигнорировал требования Леонтьева и продолжил в приазовском направлении политику своего незадачливого предшественника. Но так как запорожская старшина все еще не осознала изначальную неправоту и слабость своей позиции по этим территориальным претензиям, то в политике

Коша на этом направлении принципиально ничего не изменилось. Полковник Павел Таран вновь привез *«открытый печатный[2] лист»*, копия с которого попала и в Черкасск. В его полномочиях Кош вновь прописал: *«для произведения рыбных и звериных ловель по всем морским косам и речкам даже до Темерника, и сбору с проезжающих против полковника Кишинскаго [т.е., как и при полковнике Кишенском — LV] с каждаго воза по меху пшена»*. Также и сам Кишенский, перед своим отъездом в Сечь, тоже написал в Черкасск какое-то прощальное письмо. А, зная его характер, вряд ли можно предполагать, что последнее было написано особо дипломатично и корректно. Скорей всего, к нему подходит следующее замечание донцов: *«також и Войску Донскому всегдашние ругательствы от него, Кишенского, произходят»*.

Про деятельность запорожского полковника Павла Тарана (Андреева) в Северном Приазовье (2-я половина 1743 года) автору книги удалось найти мало материалов. Можно только отметить, что, видимо, именно во время его правления отмечается начало угона запорожцами лошадей у донских казаков. Но, похоже, Таран был поспокойней, чем Кишенский, и у донцов при нем было относительно мало поводов для жалоб на него. Напрягало здесь донцов тогда совсем другое… Но об этом расскажем позже.

[2] Заверенный печатью Коша?

Повышение ставок. Обращение в Сенат

Во второй половине весны 1743 года, помимо запуска давления на донцов через посредство киевского генерал-губернатора (и еще не дождавшись результатов этой попытки), запорожский кошевой атаман Константин Малашевич решил еще более поднять ставки, включив соответствующий пункт в перечень ежегодных просьб войска к императрице. Как станет понятно много позже – в длительной перспективе решение запорожцев вынести свой конфликт с донцами на глаза правительству Империи сыграет больше не в их пользу. Вероятность такого развития событий нужно тоже учитывать при обращении к высокому начальству, особенно если твоя правота и аргументация несколько сомнительны…

Вот как это первое обращение запорожцев в Сенат пересказывается в более позднем документе (от октября 1743 года): *«В нынешнем 1743 году, мая от 25 числа, нашему Сенату Запорожское Войско низовое доносило, что от Донского Войска чинятся им, запорожским казакам, не малые обиды, и буде из Кальмиуса и Миюса речек и из прочих мест оные донские казаки рыболовных их об…оных [и болоховных[1] — LV] казаков отгоняют и тем весьма теснят. И просили, чтоб тому Донскому Войску заказать, дабы им, запорожцам, в добычах их никакого препятствия донские казаки не чинили»* [9, с. 297].

О существовании майской (а также июльской, августовской и сентябрьской) жалоб запорожцев в 1743 кратко упоминает и Д.И. Яворницкий. Где запорожцы (среди прочего) жаловались *«на донцов за препятствие запорожцам ловить рыбу»* [4, p. 1330].

Но это все говорится об одном и том же документе, копии и экстракты из которого несколько раз отложились в сенатском деле. А 25 мая – это не дата подачи данной жалобы в Сенат (как можно подумать), а дата ее составления в Коше. Об этом – ниже.

В конце мая 1743 года готовилась первая отправка новой запорожской делегации в Санкт-Петербург. Согласно полученному в прошлом году сенатскому разрешению, состав делегации (вместе с обслуживающим персоналом) должен был быть в пределах 10 – 20 человек (не больше!). Но количество желающих среди знатных кошевых казаков отправиться за казенный счет в командировку в столицу было очень велико. Поэтому запорожцы решили так. Все 38 куреней были разбиты на две очереди, половина которых должна была выдвигать делегатов для поездки в одном году, а другая – в следующем. От каждого из 19 куреней, которому повезло в данном году, выбирался один представитель. Из их числа назначался полковник и есаул делегации. И дополнительно, двадцатым членом, к ним добавлялся писарь (без учета его куренной принадлежности) [13, с. 1337]. Как не трудно заметить, при таком распределении состава делегации места для обслуги в ней уже не оставалось. Но это неудобство счастливчики были согласны потерпеть. Везти прислужников в столицу за свой счет в этом году желающих не оказалось.

25 мая 1743 года в Коше был составлен перечень просьб к императрице от войска Запорожского Низового, из 16 пунктов [13, сс. 1331-1335]. Но на следующий день, 26 мая, в Кош поступила информация из селения Старая Самара. Там к тому времени жило смешанное население из женатых запорожцев (двое еще с 1731 года, остальные – с 1738 года и

[1] Слово восстанавливается по другим копиям этого документа. Болоховные казаки – занимающиеся охотой.

позже), а также казаков и «посполитых» крестьян — переселенцев из Малороссии и Польской Украйны (в сенатском деле имеется реестр жителей по состоянию на 1744 год [13, сс. 1343-1344]). Это поселение тогда попыталась поставить под свой контроль администрация Полтавского полка. Но жители (все? или какая-то их часть?) предпочли «голдовать» (присягнуть) не полтавчанам, а войску Запорожскому. Узнав об этом, Кош добавил отдельным документом соответствующую просьбу к императрице, но датировал его почему-то задним числом, тоже 25 мая [13, сс. 1335-1337].

Во главе делегации 1743 года стоял Иван Белой, бывший войсковой есаул (во времена правления Семена Тимошия в 1742 году), а на тот момент атаман Донского куреня и полковник «столичников». Писарем был Петр Черный (Чернявский). А остальные 18 представителей куреней были сплошь *«куренные войсковые бывшие атаманы»*. Среди них отметим лишь Ивана Ступака, на тот момент бывшего куренного атамана Поповичевского куреня [13, сс. 1331, 1339]. В первой половине следующего 1744 года он станет очередным Еланчицким полковником.

В конце мая (не раньше 26-го числа) 1743 года делегация отправилась из Коша. Она посетила Киев (выезд из него 6 июня) и прибыла в Санкт-Петербург 16 июля 1743 года [13, с. 1339].

Что касается вопросов ежегодного жалованья, то старшина про них не забыла. По поводу ежегодного жалованья на войско – там претензий не было, просто напоминали о выплате на текущий 1743 год (в конце 1-й пункта). А вот по поводу тайных «дополнительных» выплат, от которых старшину отрешили в прошлом году, они сделали новую попытку поклянчить (пункт 16): *«Особливо ж ми, ниже подписаннии атаман кошовий и подписанная войсковая старшина, до стоп ног в-го им-го в-а падши, слезно просим, пожалуйте нас денежним жалованням* ***таковим, яко в годах в 1737 и в 1738 и в 1739 и 1740*** *старшину нашу войсковую за вечно достойния и блаженния памяти покойния им-ы Анны Иоанновны давано, то и тепера тоею милостию и жалованням нас пожалуйте и нарочним в-го в-а афицером [пришлите нам? — LV] що милость злиется [прольется — LV] на нас, даби ми от рук приняли афицерских — многажди слезно за сие, пожалуй, всемилостивейшая наша мати и государыня, смиренно просим. И почему [И по сколько — LV] якой старшине, атаманом куренним тридцяти осмом человекам и духовному чину тамо по разсуждению опрелелете, и за сие смиренно просимо. Ми же за милостивое ваше жалованя и милость готови до кончини живота нашего в-у им-у в-у рабски и верно подданическо служить»* [13, с. 1335].

В сенатском деле сохранилось рапределение «дополнительного жалованья» между запорожской верхушкой при кошевом атамане Иване Фомиче Черевко (1740 г.) и перечень того, как совет куренных атаманов распределил деньги старшине, когда в конце 1742 года делегация К. Малашевича привезла жалованье за два года (1741 и 1742) [13, с. 1390]. По последнему распределению *«<…> определили они кошевому атаману и судии по 100, писарю 80, асаулу 50, на духовной чин 100, литаврщику и гармашу по 30 руб., а достальные [деньги LV] куренные атаманы по куреням розделили»*. Если сравнивать со временами Черевко, то доходы кошевого атамана упали в 8 раз, судьи – в 3 раза, войскового есаула – почти в 4 раза, войскового писаря — в 6 раз. А вот у пушкаря (гармаша) и довбиша (литаврщика) – доходы почему-то выросли в 2 раза, этим повезло.

Куренные атаманы в обоих перечнях деньги отдельно не получали, у них жалованье шло вместе с войском, по куреням.

Почему-то запорожская старшина забыла старое обыкновение, что казакам жалованье от государства сильно поднималось только в военное время, когда они реально сражались с врагами. В мирное же время, когда они не рисковали своими головами в пользу государства – жалованье опять снижалось. Эту прописную истину запорожская старшина предпочла не вспоминать…

Руководство запорожской делегации 1743 года отличилось попыткой нажиться за счет казны. Дело в том, что каждой из таких ежегодных делегаций в Киевской губернской канцелярии выдавалась определенная сумма прогонных денег на дорогу до Москвы (около 80 рублей). Всем было прекрасно известно, что сумма эта была очень скромной, и на практике ее обычно не хватало. И по приезду в одну из столиц (смотря где на тот момент находился императорский двор) делегаты подавали в Сенат сведения о своих фактических затратах *«на харч»* в пути, а также сколько им пришлось добавить из своих денег к *«прогонным»*. И им это все компенсировалось. А также выдавалось еще 200 рублей *«кормовых»* денег на пребывание в столице.

В 1742 году прибывшая на коронацию запорожская старшина сообщила о затраченных ими на путь до Москвы собственных средств на сумму 109 руб. 41 коп. А в 1743 году очередные делегаты подали в Сенат донесение, в котором показали *«якобы в дорожном проезде на харчь и питье издержали своих денег 1000 рублев»*. Сенат справедливо отклонил такой огромный и баснословный запрос: *«понеже такой сумме в дорожной издержке в расходе быть не можно»*. Наказывать запорожских делегатов не стали, но ситуация все равно получилась не очень красивая. В Сенате учли, что в этот раз тем пришлось ехать не до Москвы, а аж до Санкт-Петербурга, поэтому постановили выдать им компенсационных денег ровно в два раза больше, чем прошлогодней делегации: *«чем им и быть доволным»* [13, с. 1503]. Последующие запорожские делегации уже не будут рисковать хитрить с этими отчетами…

В основном перечне запорожского запроса под номером 4 содержалась такая просьба: ***«Что же от Донского войска чинятся нашим козакам не малие обиди: из Калмиюса и Миюса з речок и из протчих мест донци риболовних и болоховних козаков наших утесняют и вигоняют, то и в том смиренно просим в-го в-а [Вашего Величества — LV] милости приказать, даби не чиненно нашим козакам тамо в добичах препятствия»*** [13, с. 1332].

Интересно, что в этом донесении запорожский кошевой Малашевич уже не упоминает о своих первоначальных требованиях на всю территорию вплоть до старой границы и Темерника. На этот раз он пытается защитить для запорожцев от каких-то происков донцов (к сожалению, без подробностей) хотя бы земли у Миуса и Кальмиуса. То есть, озвученные им «хотелки» в этот раз получились намного более скромные.

Как видно, Малашевич не стал забивать головы далеких от степных дел петербургских сенаторов ненужной и неинтересной тем информацией. Поэтому обстоятельства и причины возникновения этого конфликта он скромно опустил и свою жалобу сформулировал максимально кратко и сжато. При таком стиле подачи информации — упомянутые действия донцов должны были предстать в глазах сенаторов полностью незаконными и неадекватными. Но, вероятно, Малашевич уже догадывался, что прямо прописывать в

письме Сенату свои требования о передаче войску Запорожскому контроля над всей приморской территорией вплоть до старой границы 1714 года (с расширением Запорожских Вольностей на восток вплоть до окрестностей крепости святой Анны и Черкасска и с полным отсечением донцов от Азовского моря!) – несколько чревато. И что эта «программа-максимум» может быть не слишком тепло воспринята в Сенате. Поэтому здесь кошевой ограничился упоминанием гораздо более скромных территорий – только Кальмиуса и Миуса. Правда, приписав вслед за этими названиями и многозначительное *«и из прочих мест»*. А «прочие места» — это понятие очень расплывчатое, удобное и допускающее очень широкие трактовки. Но для Малашевича как раз и было важно получить из Сената предписывающий документ с похожей формулировкой, а уж как ее правильно истолковать – в Коше бы сообразили… Еще один интересный вопрос – о каких именно обидах запорожцам от донцов в районе Кальмиуса и Миуса пишет здесь кошевой? Никаких конкретных фактов по этому периоду (весна 1743 года) и по этому району не приводится ни в этом письме, ни в последующей переписке, не известны они пока и по другим документам. Возможно, это были какие-то совсем мелкие проступки донцов, которые потом даже не было смысла вспоминать? Но более вероятно, что это был краткий пересказ какой-то (предполагаемой автором) донской промемории в Кош (конца февраля или весны 1743 года), в которой запорожцам отказывалось в признании легитимности их пребывания в Приазовье.

Любопытно, что когда запорожцы спорили об этих территориях непосредственно с донцами, то при этом они прямо ссылались на какие-то якобы полученные ими императорские указы и ордера князя Репнина и Леонтьева. А вот и в запорожской жалобе в Сенат, и в уже упоминавшейся их жалобе Леонтьеву – таких ссылок почему-то нет. Уж Леонтьев-то точно должен был знать – давались запорожцам такие поручения или нет, все документы через его руки проходили… Почему же эти обоснования в этих документах не приведены? Возможно, тогдашнее руководство Коша уже начало что-то подозревать и уже не было так уверенно в своих аргументах?..

Эта запорожская делегация пробыла в столице империи как минимум до конца сентября 1743 года (а по некоторым данным – возможно даже до конца ноября или начала декабря!). И связанные с ней документы несколько раз отложились в документах Сената, где их и видел историк Яворницкий. Скорей всего, под упомянутыми им августовской и сентябрьской жалобами запорожцев нужно понимать именно документы, связанные с проработкой в Сенате обращения, привезенного данной делегации. По крайней мере, никаких других ссылок в документах на отдельные обращения запорожцев в Сенат за этот период автору найти не удалось. Отсутствуют и какие-либо упоминания дополнительных подробностей из них.

В Сенате на это прошение запорожцев ответ будет дан только 9 сентября 1743 года, то есть почти через два месяца. Бюрократическая машина империи работала очень неспешно! Что для запорожской делегации, у которой в результате одной некрасивой истории была украдена значительная часть денег, принесло много затруднений. (Для справки – утраченные деньги, даже с некоторым добавлением, Сенат несколько позже им скомпенсировал из государственной казны) [13, сс. 1344-1345, 1346].

В решении сената от 9 сентября 1743 года содержались положительные и отрицательные решения *«на все 17 пунктов*[2] *просьбы Запорожского войска».* По поводу же интересующего нас 4-го пункта было предписано следующее: *«В Военную коллегию подать указ: велеть той колегии к войску Донскому накрепко подтвердить, дабы донские козаки им, запорожцам, в ловлении [в] вышепомянутых местах рыбы, зверя никакова препятствия и обиды отнюдь не чинили под тяжким штрафом»*. В общем, Сенат вынес свое решение по этой проблеме и с чистой совестью опять забыл про нее – проблема-то решена!

О том, насколько в канцелярии петербургского Сената были слабо осведомлены о состоянии дел на южных окраинах России очень красноречиво говорит пункт 2-й данного сенатского решения, по поводу перевозов через Днепр: *«<…> а к Запорожскому войску,* ***если граница между Российскими и Турецкими владениями будет князем Репниным окончена****, послать грамоту»* [13, с. 1340]. К тому времени прошел уже без малого год, как князь Репнин закончил разграничение последнего участка новой русско-турецкой границы!

Через некоторое время этот сенатский указ попал в Военную коллегию. Но здесь случилось кое-что непредвиденное, что поставило коллегию в затруднительное положение насчет выполнения данного распоряжения. Незадолго до того, 5 сентября, донские *«нарочные старшины»* Иван Иловайской и Иван Поздеев доставили в коллегию «отписку» из столицы донцов Черкасска. Это был уже упоминавшийся документ от 26 июля 1743 года [13, сс. 1352-1358]. В нем донской войсковой атаман Данила Ефремов очень подробно и с массой деталей описывал (с донской точки зрения, понятно) обстоятельства и последствия попытки самозахвата Кошем никогда ему до того не принадлежавших земель в Северном Приазовье. Именно из этого документа происходит бóльшая часть информации в нашей книге о событиях первой половины 1743 года в нашем регионе. Повторно подробно разбирать его не будем. Есть подозрение, что это была реакция Ефремова на дошедшие до Черкасска слухи о подаче запорожской делегацией жалобы на донцов в Сенат. И когда стало окончательно понятно, что Кош и дальше не собирается выполнять требования Леонтьева о своде запорожской команды из Северного Приазовья…

В тексте отписки Ефремова упоминается, что к ней прилагалось несколько запорожских документов. Так, в ее начале говорилось: *«рабски доносим, в какой силе запорожскаго низового войска кошевой атаман Малашевич сего 743 году разными месяцы и числы промемориею с приложением открытаго листа к нам, всеподданейшим, писал, а особливо к войсковому атаману Ефремову письменно объявлял – с оного всего для высочайшаго В.И.В. усмотрения точные копии при сем сообщаем»*. Судя по использованию здесь единственного числа, это скорей всего были копии с тех самых промемории из Коша Ефремову и открытого листа, с которыми полковник Кишенский приехал в Черкасск в феврале 1743 года. Вероятно, они были составлены в разные даты. Также к отписке были приложены копии с прощального письма в Черкасск полковника Кишенского и с *«от-*

[2] Суммарное количество пунктов в основном перечне просьб и в отдельной просьбе по Старой Самаре.

крыто печатного листа», с которым в Приазовье прибыл его сменщик полковник Павел Андреевич Таран [13, сс. 1352, 1356]. К сожалению, все эти приложения уже отсутствовали в сенатском деле, опубликованном Яворницким.

В тексте этой отписки от 26 июля Ефремов многократно высказывает претензии своим прежним противникам — бывшим кошевому Малашевичу и полковнику Кишенскому. Но интересно, что ни про нового кошевого Якима Игнатовича Малого, ни про нового местного полковника Павла Тарана – он ни слова плохого не пишет. Возможно, Ефремов еще надеялся на возможность конструктивно договориться с новым руководством Коша и не хотел сразу портить с ним отношения? Или просто слишком мало времени с их смены прошло, еще ничем не успели особо отметиться?

В завершающей части своего длинного письма Ефремов просил: *«<…> дабы вышеозначенному Запорожскому Низовому войску, яко ни мало в подлежащия им для рыбных и звериных ловель ко владению [т.е. не принадлежащие им — LV] в здешние места – в Калмиюс, в Калчики, Еланчики, а особливо в Миюс и Темерник, також в морския косы въезд иметь и ведомства войска Донского козакам обиды приключать — всемилостивейшим В.И.В. [Вашего Императорского Величества — LV] указом запретить»*. Также Ефремов просил, чтобы тем же указом запорожцам было приказано съехать с южной стороны моря (Таганрогского залива). Здесь он, кстати, в качестве потенциальных жертв шалостей запорожцев помимо кубанских ногайцев добавил еще и турецких купцов: *«<…> так же, хотя редко, однакож приезжают в Черкасской с разными товарами и овощми с Константинополя и из других турецких городов купцы[3]»*.

В качестве же возможных территориальных пределов для Войска Запорожского Ефремов в этот раз предлагал следующим образом ограничить запорожцев: *«а довольствоваться оные могли как звериными, так рыбными ловлями против прежняго внутри границы В.И. В., яко то по способности к их стороне – вокруг Днепра и впадающею в Азовское море речкою Бердою»*. То есть, он предлагал запорожцам остаться в их прежних границах (*«против прежняго»*) в Приднепровье, к которым он считал возможным добавить еще и реку Берду с ее левобережьем (правобережье, напомним, оставалось татарским). Причем под фразой «вокруг Днепра» он имел в виду Приднепровье не в узком смысле (иначе район Берды был бы отсечен от основной территории запорожцев). Хорошо заметно, что это территориальное предложение Ефремова уже значительно жестче, чем то, которое он выдвигал в июньском письме Леонтьеву (там запорожцам предлагалось ловить рыбу вплоть до Еланчиков). Вероятно, причиной этого ужесточения его позиции стала обида на руководство Коша, проигнорировавшего его прошлые предложения и запрещающие «предложения» Леонтьева, и продолжавшего политику по установлению запорожской власти в Приазовье.

Как показывают некоторые документы, у соседей запорожцев – и донцов, и торско-изюмских слобожан – оставалась память о «прежней» восточной гра-

[3] Как становится понятно из продолжения этого же предложения в документе, данные купцы приезжали на Дон морским путем: *«<…> не могли учинить под видом донских козаков у кубанцов конских отгонов, а проезжающим судами купцам разбою, и тем Порты Атоманской какого сумнения, а нам, всеподданейшим, ответу приключить не могли».*

нице запорожцев (периода до их «конкисты» 1743 года, а скорее – еще мазепинских времен), простиравшейся довольно далеко на восток от Днепра (включая и район Самары и Волчьей), но не дотягивавшейся до Кальмиуса и бассейна Тора. С историчностью и правами запорожцев на обладание именно этими территориями — их соседи никогда не спорили. Они бурно протестовали лишь против попыток запорожцев насильно расшириться ЗА эти свои прежние пределы.

Рис.21. Географическое наполнение предложений Д.Ефремова по урегулированию территориального спора с запорожцами. 26 июля 1743 года. Сплошной зеленой линией показаны старые запорожские территории, зеленым пунктиром – предложение Ефремова по их расширению на левобережье Берды.

Также Данила Ефремов прямо писал о том, что неурегулированность этого конфликта несет большую обиду и угрозы войску Донскому: *«<…> а ежели оной высочайшой В.И.В. милости над нами, всеподданейшими не будет[4], то уже Войско Донское во всеконечное оскорбление и крайнюю обиду придти может, ибо как и всему свету известно, что никогда запорожские козаки над донскими, как ныне видимо, команды [т.е. контроля, управления, подчинения — LV] не имели и разъездами своими Войско Донское не охраняли[5]. Паче же [запорожцы — LV] никаких правосудей между съезжими людми на Миюсе*

[4] То есть, если не появится указ, ограничивающий аппетиты запорожцев разумными и определенными рамками.

[5] Запорожцы действительно до того никогда не охраняли своими разъездами границы земель Войска Донского. А вот наоборот – уже случалось. В прошлую русско-турецкую войну 1736 – 1739 годов часть сил донцов по приказу имперского командования прикрывала чисто запорожские территории восточнее Днепра. В следующую войну с турками – 1768 – 1774 годов эта ситуация повторится.

и в других местах не чинили, от которых уже ныне по их недобропорядочности обхождению не иного чего ожидать, только происхождению всегдашних ссор и несогласей, а особливо последует такое воровство, как ныне известно <…>». Далее он упоминал в качестве примера начавшееся (вероятно, уже при новом полковнике Павле Таране?) *«такое воровство, как ныне известно, что у обретающихся в морских косах на Миюсе и при усть Аксае [10 верст западнее Черкасска — LV] донских козаков и проезжающих не малое число лошадей покрадено».* Также он сообщал о сильно тревоживших его намерениях миусских запорожцев зазимовать на тех же местах и затем продолжать в следующем 1744 году развивать здесь свои рыбные ловли: *«<…> а когда уже оные запорожцы, по их нынешнему намерению, на Миюсе зимовать, а в будущую весну по сполу [совместно, пополам — LV] с донскими козаками добываться будут <…>»*. Естественно, закрепление таких конкурентов в этом районе совсем не радовало официальный Черкасск, поэтому Ефремов продолжал сгущать краски, утверждая, что при таких соседях – и лошадей в округе Черкасска пасти будет опасно, и *«приезжающим из малороссийских городов для покупки рыбы могут произойтить потаенные разбои и явные грабежи»*. Из-за чего, переживал донской войсковой атаман, может опять нарушиться снабжение Черкасска, как уже происходило при полковнике Кишенском. Поэтому, как еще раз просил Ефремов: *«присылку к нам, войску Донскому В.И.В. всемилостивейшей грамоты, а о посылке к Запорожскому Низовому войску – о невыезде их в здешния места В.И.В. указу всеподданнейше требуем»* [13, сс. 1352-1358].

В результате – перед руководством Военной коллегии стала дилемма. С одной стороны, оно получило четкий и ясный сенатский указ, в котором предписывалось удовлетворить просьбу одной из сторон конфликта и пригрозить пальчиком другой, чтобы не шалили. Но было понятно, что этот указ основывается на предвзятой и неполной информации, предоставленной только одной из сторон (запорожцами). С другой стороны, полученное незадолго до того письмо из Черкасска, излагавшее мнение противоположной стороны, содержало просто огромное количество фактажа по началу и развитию этого конфликта. Да и доставившие его донские представители, надо полагать, тоже вживую добавили еще много интересного об этих делах. Что заставило Военную коллегию смотреть на данный спор двух казачьих войск как на более сложное (чем казалось поначалу) явление и не торопиться с выполнением сенатского указа. Поэтому этот вопрос (с добавлением уточняющей информации) был опять отфутболен обратно в Сенат.

В «доношении» из Военной Коллегии от 24 сентября 1743 года было (по тогдашнему обычаю) сначала пересказано содержимое сенатского указа от 9 сентября, затем сообщено о получении письма из Черкасска и оно (несколько сокращенно) было пересказано. Полная копия с самого письма была также отдельно приложена. Так донская версия случившихся в этом году событий и донские же сомнения по поводу истинности обоснований запорожцев о передаче им этих земель впервые были представлены перед глазами сенаторов. Приведем здесь соответствующее место из пересказа Военной коллегии (от текста исходной донской отписки оно отличается несущественно): *«<…> коим образом к ним [донцам — LV] от Запорожскаго Низового войска,* ***ссылаясь на всемилостивейшия Ея Им-го В-ва указы***

***и на ордеры к ним, присланные от генерала и кавалера Леонтьева и генерала-лейтенанта князя Репнина**, **якобы** велено при разграничении с турками земель им, запорожцам, владеть от Днепра морскими косами, а пачее впадающим в Азовское море разными речками, тако ж степными местами от вершины Берды до старой границы <…>»* [13, с. 1350]. Вот это слово — *«якобы»* — здесь очень красноречиво передает сомнения донцов. То есть, источники обоснований запорожцев по расширению их Вольности на всё Северное Приазовье от Берды и до самого Темерника – остались для донцов также непонятны, как и для самой Военной коллегии. Сама коллегия такие действия запорожцев точно не согласовывала (да они ей и организационно не подчинялись). Поэтому в завершающей части этого донесения из коллегии можно прочитать: *«Того ради в Военной коллегии определено о вышеписанных происшедших между Донским и Запорожским войсками несогласиях и особливо о причиненных от запорожских донским козакам и проезжающим не малых обидах, разорениях и грабительствах для разсмотрения в Правит. сенат подать сие доношение и требовать Е.И.В. указу»* [13, сс. 1351-1352].

Документы, начинающиеся с записки из Военной коллегии от 24 сентября 1743 года и те, что последуют за ними, судя по записям Яворницкого, были объединены в Сенате в одно дело под общим заголовком: *«Дело по доношению Военной коллегии о разобрании брегадиру и крепости святыя Анны коменданту Вырубову, происшедших между Донским и Запорожским войсками несогласий и причиненных от запорожских донским козакам и проезжающим обидах, разорениях и грабителствах, в ловлении в реках рыбы, лесах, в степных местах и в других угодъях»* [13, сс. 1349-1350].

Обеспокоенный Сенат вновь рассмотрел на своем собрании это дело уже 30 сентября 1743 года [13, с. 1358]. Но по какой-то причине (скорей всего – пока оформляли документ о решении и собирали подписи сенаторов) его оформление на бумаге несколько затянулось, так что сенатский указ был зарегистрирован только 10 октября 1743 года [23, сс. 935-936]. По итогу рассмотрения было решено поручить коменданту крепости святой Анны бригадиру Вырубову: *«<…> между оными Донскими и Запорожскими Низовыми войсками в реках, лесах и в степных местах и в протчих угодьях разобрать по сущей справедливости по имеющимся у них письменным документам (ежели есть). Буде же иногда письменных документов нет, то с обоих сторон старыми и знающими старшиною и козаками. И отвесть запорожцам для довольствия, для рыбные и звериные ловли також, степи и протчия угодья, те, которыми они напредь сего, будучи под российскою державою, владели. А в рыбныя и звериныя ловли и в степи, и в протчия угодья, принадлежащия Донскому войску, отнюдь не въезжали. <…>”*. То есть, почтенные петербургские сенаторы на полном серьезе надеялись на цивилизованно-европейское решение этого территориального спора, с документальным подтверждением прежнего прохождения границ обоих казачьих войск. А в случае отсутствия у казаков документов (сенаторы допускали и такую возможность) – надежные сведения о границах должны были быть получены путем опроса старых и знающих казаков с обеих сторон. Ха! Такие предположения сенаторов свидетельствовали об их очень смутных познаниях в казачьих делах, истории и географии. В реаль-

ности – в середине XVIII века и Запорожское, и Донское войска почти не имели «узаконенных» границ даже со своими внутрироссийскими соседями (а, соответственно, и подтверждающих документов по ним). Что уж тут говорить о документах на право казачьего владения только что отвоеванными у турок и татар территориями Малой Татарии (так тогда часто называли степи Северного Приазовья)? А до момента написания «Универсала Батория-Хмельницкого» оставалось еще около десяти лет…

Обратим особое внимание уважаемого Читателя, что в сенатском указе по поводу разборок о территориях было важное уточнение, что должна была учитываться только те земли, «*которыми они напредь сего, **будучи под российскою державою**, владели».* То есть, «крымский» период запорожцев (1709 — 1734), даже если бы каким-то образом подтвердились их тогдашние владения в Приазовье, во внимание все-равно принят бы не был. Но поскольку запорожцы и тогда здесь ничем не владели – то этот нюанс так и остался невостребованным.

Выбор для данного поручения коменданта именно крепости святой Анны был довольно логичным. Эта русская имперская крепость на нижнем Дону была ближайшей к району конфликта в Примиусье, туда от нее было всего около 90 верст. Остальные близлежащие русские крепости были значительно дальше от этого района (Бахмут – 160 верст, Тор/Славянск – 200, Изюм – 240 верст). К тому же комендант этой крепости – бригадир Иван Михайлович Вырубов, занимавший свою должность с 1740 года, был хорошо знаком с тамошней обстановкой и с делами войска Донского (он по долгу службы активно следил за донцами). Был он хорошо знаком и с руководством этого казачьего войска, столица которого Черкасск располагалась всего в нескольких верстах от его крепости. Правда, это же могло поставить под сомнение его беспристрастность, но этим обстоятельством Сенат тогда решил пренебречь.

Вырубову, после тщательного расследования, было приказано отвести запорожцам (не донцам!!!) в Приазовье те их старые территории, которые они смогли бы подтвердить. Это еще одно косвенное свидетельство того, кто из двух спорщиков оставался на более-менее привычных территориях, а кто был новым пришельцем.

Также этому офицеру поручалось проверить сведения донцов о пребывании запорожцев на южном берегу Таганрогского залива и, в случае подтверждения, выдворить их оттуда: *«<…> и ежели подлинно козаки запорожские за чем живут на той стороне моря, оных оттуда выслать и впредь для житья въезд им туда запретить»*.

Завершалось поручение Вырубову требованием к нему оформить *«оной отвод [территорий запорожцам — LV] с верным планом за руками»*, т.е. составить описание и карту определенных им для запорожцев территорий в Приазовье, с заверяющими росписями казацких делегатов на них. Надо полагать, что эти документы он должен был потом переслать на рассмотрение и утверждение в Сенат.

Далее уже шло поручение непосредственно к самому войску Запорожскому, и было оно не слишком приятным для Коша: *«А для чего от войска Запорожского Низового к прежней границе [русско-турецкая граница 1714 года — LV], лежащей при Миюсе, Белом Камне и Темернике прислана команда и по какому указу – о том войску Запорожскому прислать в Сенат ответ немедленно. А оную команду до указу оттуда свесть»*. То есть запорожцам (не донцам!!!) было прямо указано на сомнительность их действий в северо-восточном Приазовье и приказывалось убрать оттуда свою администрацию, по крайней

мере, до получения новых указов по результатам текущих разбирательств. Этот указ был направлен в Военную коллегию (исходящий номер 6814 от 10 октября 1743 года), а также направлены грамоты в войска Запорожское и Донское. Была направлена копия этого указа *«о разобрании брегадиру и крепости святыя Анны коменданту Вырубову между Донским и Запорожским Низовым войсками в реках, в лесах, в степных местах и в протчих угодьях по сущей справедливости»* и лично упомянутому бригадиру (исходящий номер 6813 от 10 октября 1743 года). 12 октября этот документ был переслан ему через Военную коллегию [13, сс. 1328, 1360].

Осень 1743 года. Первый сгон запорожцев за Кальмиус

В сентябре 1743 года руководство донцов поняло, что его худшие опасения насчет запорожцев сбываются. После окончания летних ловель большинство запорожских рыболовов ушло из Приазовья. Но значительная их часть покидать морское побережье не собиралась и готовилась здесь к зимовке. Запорожские промышленники за лето 1743 года «распробовали» местные рыбные угодья и явно стали отдавать им предпочтение перед ловлей рыбы в принадлежащем туркам Днепро-Бугском лимане. То есть, нужно было ожидать, что следующей весной сюда на рыбные ловли запорожцев придет еще больше. Не оправдались пока и донские надежды, что руководство империи оперативно разберется с проблемой и грозным указом ограничит аппетиты запорожцев. Тогда Данила Ефремов замыслил кардинально решить эту проблему собственными средствами войска Донского. Надо полагать, что в этом он нашел полную поддержку и у прочих донских старшин.

В тайне от запорожцев был подготовлен значительный отряд из донских казаков и приписанных к войску калмыков. Командование им поручили наказному атаману Григорию Алексеевичу Каршинову и полковнику Григорию Юдину. Сама «акция» произошла, по всей видимости, в начале октября 1743 года. Донцы тогда насильно согнали запорожцев со всего морского побережья между Миусом и Кальмиусом. Изгнание проводилось довольно грубо, нередко с физическим насилием над изгоняемыми и с поджогами рыбацких шалашей. При этом погибли два запорожских казака. Многие хозяева рыбных заводов и их работники лишились своего имущества, которое было сожжено или расхищено донцами.

Первая кровь в этом конфликте оказалась на руках донцов… Скорей всего в данном случае мы видим не прямую вину донского руководства (иначе число погибших при этом сгоне было бы намного больше), а эксцессы исполнителей. Руководители акции Каршинов и Юдин явно недостаточно контролировали действия всех групп своих подчиненных, действовавших на большой территории. Поэтому в этот раз донцы с этими смертями напортачили… По действовавшим тогда имперским законам за убийство человека (кроме, разумеется, случаев самообороны при нападениях грабителей или при их задержании) полагалось уголовное наказание. И донцам гибель этих двух несчастных запорожцев еще аукнется тем, что имперские власти вплоть до конца 1740-х годов будут настойчиво пытаться найти виновников. Мы об этом еще будем дальше рассказывать.

В последующие несколько лет погибнет еще несколько человек (в основном – при нападениях разбойников или погонях за ними). Но называть этот конфликт кровавым, пожалуй, не стоит. Обе стороны старались не переходить определенные рамки и не допускать убийств со стороны своих казаков. И у них это более-менее получалось…

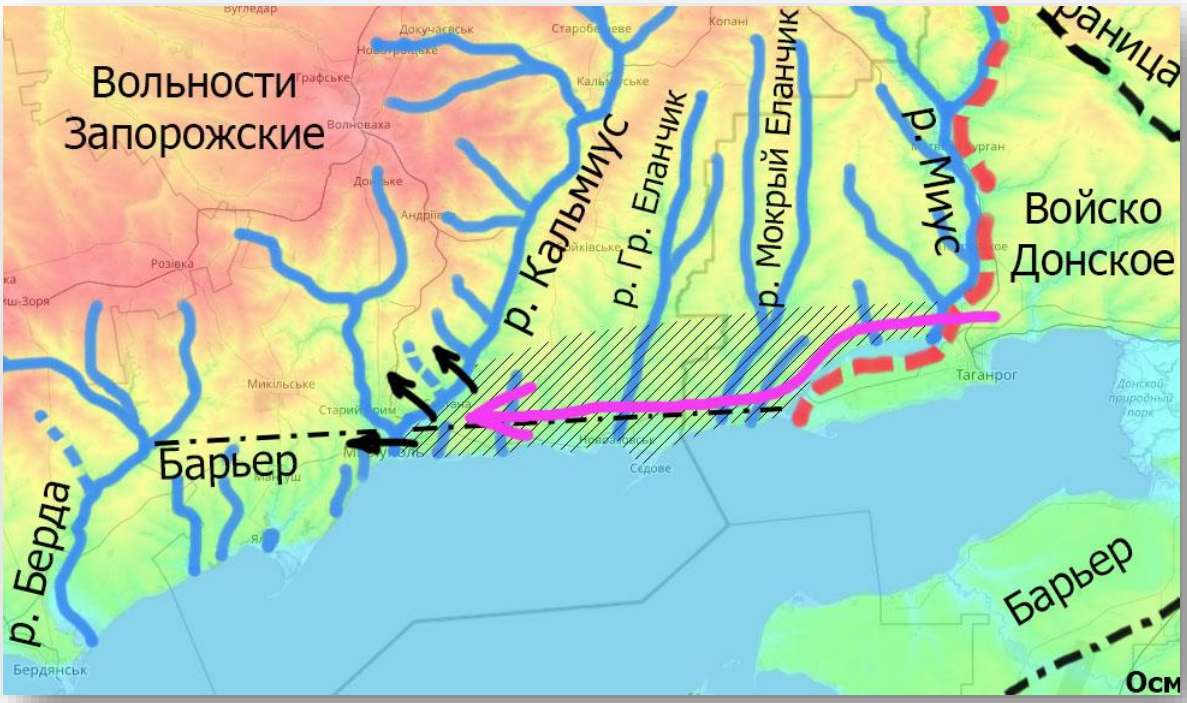


Рис.22. Первый сгон запорожцев донцами с морского побережья между Миусом и Кальмиусом (выделено штриховкой). Красным пунктиром показана фактически установившаяся на тот момент граница между двумя казачьими войсками по Миусу. Фиолетовая стрелка — операция донцов.

В Запорожском Коше об этом сгоне должно было стать известно примерно в середине – второй половине октября. Как ни странно, но там довольно вяло отреагировали на такое самоуправство донцов. По крайней мере, автору книги пока неизвестно никаких ссылок на письменные жалобы из Коша в Санкт-Петербург или Киев за оставшиеся два месяца 1743 года. Возможно, в Коше ожидали известий, что решит Сенат по поводу их споров с донцами?

Делегация Ивана Белого вернулась на Сечь только в начале января 1744 года. 8 января кошевой атаман Яким Игнатович (сохранивший свой пост и в новом году) выдал расписку о получении на войско денежного жалованья за 1743 год в размере 4660 руб., а также 50 пудов свинца и 50 пудов пороха, сопровождавшему их из Киева офицеру Василию Фотееву [13, сс. 1367-1368].

А немного времени спустя в Коше подготовили новое письмо на имя императрицы [13, сс. 1368-1369]. В сенатском деле, опубликованном Яворницким оно не датировано. Но скорей всего оно было составлено 17 января (как и следующее за ним в том же деле еще одно сообщение из Коша [13, сс. 1369-1370]). С учетом того, что это донесение попадет в Санкт-Петербург 22 февраля [13, с. 1389], по срокам отправки примерно так и получается.

В нем запорожцы благодарили монархиню за денежное и хлебное жалованье, которое они *«<…> по обык[н]овению нашему войсковому на войсковие курени разделили»*. Также в нем докладывалось о доставке Белым двух императорских грамот — от 20 сентября и 12 октября. Вторая из них – это уже знакомый нам сенатский указ от 10 октября,

касающийся и разборок в Приазовье[1]. Вот что, с изрядной долей язвительности, сообщал в ответ на него кошевой Яким Игнатович: *«<…> что же во второй В.И.В. грамоте нам, войску, изображено сторони [?] по доношению донского атамана Ефремова и всего Донского войска, як от до них доносится, что некотория б сумнительства им показались от нас, за тим, что наши козаки рибние и звериние около Озовского моря отправуют – то еднаково ж по разсуждению [что] наши козаки добичьми рибными и звериними по сей [западной — LV] стороне Миюса бодаютца. А оное Донское войско нашим козакам, починя обиди и крайния разорения в* ***худобах*** *[см. комментарий ниже! — LV], и двоих человек смертно – едного огнем зжгли, а другого боем умертвивши, також и других близь смерти побивши и расхитивши вся имения и салаши [шалаши — LV] пожегши – еще жалобу доносят!»*. То есть, кошевой отрицает серьезность обвинений донцов (*«что некоторые б сумнительства им показались от нас»*) и сам обвиняет донцов в том, что те совершили какие-то насилия и грабительство против мирно занимавшихся своими промыслами запорожцев к западу от Миуса.

В упоминаемых в нашей книге запорожских документах середины 1740-х годов несколько раз будет встречаться употребление слова *«худоба»*. Здесь оно обозначало не скот, а просто личное движимое имущество, пожитки, скудный «худой» скарб. Поэтому не надо делать на этой основе скоропалительных выводов о наличии развитого и массового скотоводства у местных запорожцев уже в середине 1740-х годов.

Среди всего массива документов по этому периоду, проработанных автором, по теме домашнего скота в Приазовье лишь один раз встретилось упоминание двух коз. Их содержал (возможно, из-за проблем с желудком?) зажиточный казак Павел Туз (Ведмедовского куреня), основным занятием которого был рыбный промысел [13, с. 1571]. Также еще регулярно упоминались волы, но они обычно принадлежали чумакам и «местной прописки» не имели.

Отложим пока дальнейший текст этого документа и остановимся на сюжете об осеннем сгоне 1743 года более подробно. К сожалению, в найденных документах это действие упоминается слишком кратко, расписать его подробно не получается. Поэтому дальше в этой главе мы просто приведем подборку найденных фрагментов о нем.

Несколько лучше обстоятельства этих событий освещены в более позднем письме запорожцев (от 5 мая 1744 года), которое должна была доставить в Петербург очередная запорожская делегация за ежегодным жалованием Войску. В перечне свежих просьб Коша под пятым пунктом сообщается следующее: *«5. Понеже нашим козакам не малие обиды от Донского войска прошедшего года подчас [во время — LV] осени произвелось, а то есть по сей [западной — LV] стороне Миюса и по косам морским многим нашим козакам, риболовам, донци, знатным наездом наехавши, салаши [шалаши — LV] пожгли огнем,*

[1] Известно, что данный сенатский указ от 10 октября чуть позже, 12 октября, был скопирован в Военной коллегии для отправки на Дон. Возможно, тогда же была сделана и копия для войска Запорожского?

худобы позабирали и двух козаков смертно умертвили – едного боем убили, а другого огнем сожгли <…>» [13, сс. 1380-1381]. То есть, осенью 1743 года доведенные до крайнего раздражения донцы сделали большой набег на приморскую территорию западнее Миуса, пытаясь силовыми методами выгнать оттуда запорожцев. Датировка этих событий и в этом фрагменте не приводится. Но из более поздних документов можно установить, что скорей всего это произошло в первых числах октября 1743 года.

Под раздачу тогда попали запорожские рыболовы (и охотники тоже?). Отмечается уничтожение донцами их шалашей, разграбление имущества и сильные побои. И два смертельных случая. Одного запорожца донцы *«боем убили»* (словесные перепалки довели до оружия?), а второго *«огнем сожгли»* (вместе с шалашом? насильно – связанного или бессознательного? лежачего больного? мертвецки пьяного? прятался и не смог выбраться?). Что там точно произошло – по документам проследить не удалось.

В материалах Бахмутской следственной комиссии (1747 – 1749) получилось найти фамилию сгоревшего казака – Станиславский. По его гибели следствие будет пытаться найти виновников. По другому убитому казаку – больше никаких упоминаний отыскать не удалось. Возможно, про него никто ничего толком не знал. А при полном отсутствии свидетелей его смерти разбирательства не получилось…

Понятно, что вопрос о необходимости проведения этого сгона принимался в Черкасске коллегиально, донской войсковой старшиной. Но отдельный вопрос – какую именно роль в этом сыграл лично донской войсковой атаман Данила Ефремов? Дело в том, что на тот период ему могло быть совсем не до того…

В 1742 году Ефремов решил серьезно усилить укрепления Черкасска. Но он не догадался согласовать свои действия с Военной коллегией. Той на тот момент руководил престарелый князь В.В. Долгоруков, у которого уже был личный негативный опыт с донцами. Ему уже когда-то пришлось командовать подавлением восстания Булавина на Дону (1707 – 1708), а само восстание началось с убийства донцами его брата, полковника Ю.В. Долгорукова. Так что, когда наверх поступил донос о подозрительности действий Ефремова, ему там охотно поверили. И имперские власти, вероятно заподозрив в действиях Ефремова признаки какого-то неповиновения и сепаратизма, отозвали его с Дона в Санкт-Петербург. Там ему даже пришлось какое-то время посидеть в тюрьме, пока велось следствие. На время отсутствия Ефремова войском управлял войсковой наказной атаман Роман Емельянов. «Статьи» обвинения, которые «шили» Ефремову, были очень серьезными, и ему грозили очень крупные неприятности. В середине июля на рассмотрение императрице подали *«Мнение Сената об отрешении атамана Ефремова от атаманства»*. Но Елизавета Петровна, к счастью, была женщиной умной и это, высосанное из пальца, дело похерила. По высочайшему указу от 16 июля 1744 года приказывалось прекратить это дело и отпустить Ефремова обратно на Дон. Также ему частично согласовали предложенный им план реконструкции укреплений донской столицы. Вернулся домой Ефремов, вроде как, вскоре после грандиозного пожара 12 августа 1744 года, выпалившего почти весь Черкасск (тогда, кстати, сгорели и архивы войска Донского).

Точного времени отбытия Д. Ефремова с Дона автору книги найти не удалось. В основном историки датируют его отъезд весной 1743 года (а то и 1742 годом), а время тюремного заключения Ефремова определяют вплоть до «менее двух лет».

Но, судя по наблюдениям автора книги за документами в сборнике А.А. Лишина, получается несколько иная картина. Что Ефремов оставался на Дону весь 1743 год. А в Санкт-Петербург ему пришлось отправиться примерно в середине января 1744 года. И в заключении Даниле Ефремовичу пришлось провести не очень много времени. Как минимум с середины апреля он начинает массово решать накопившиеся войсковые вопросы. А грамотах из Военной коллегии в качестве адресата вперемешку указывается то Емельянов, то Ефремов. Причем, что забавно, в шапках документов в обоих случаях используется устоявшаяся стандартная фраза «на Дон, в нижние и верхние юрты». На тот момент Ефремов находился в Санкт-Петербурге, но, вероятно, уже не в тюрьме, а в условиях ограниченной свободы без права на отъезд.

Подробно расписывать здесь эти наблюдения смысла нет, Читателю они вряд ли будут интересны. Но, если они верны, то Ефремов действительно прямо участвовал в организации сгона запорожцев осенью 1743 года. Это было еще до его отъезда с Дона.

Добавим, что для Данилы Ефремова это был не первый случай, когда его войсковая карьера висела на волоске. В 1722 – 1723 годах он (будучи донским старшиной) уже был под следствием и судом за ограбление османских купцов. Тогда его приговорили к заключению, затем – к ссылке на поруки. В другой раз, как уже говорилось, он был лишен старшинского звания в 1732 году, по решению Войскового круга за нарушение войскового права. Но уже в следующем году, по указу Военной коллегии снова был восстановлен в нем. Сильный и несгибаемый был человек…

Еще одно упоминание этой акции (из которой мы и взяли ее примерную датировку) содержится в письме Коша от 24 мая 1746 года: *«В прошлом 743 году **месяце октября с 1 чисел** войска Запорожского Низового козаки, в подлежащих к войску Запорожскому по реке Миюсе местах приморских живя, рыбными ловлями бадались; коим по приказу атамана Донского войска Данилы Ефремова с старшиною Григорием Алексеевым Карчиновым, атаманом, да Григорием же Юдиным, полковником, и козаками Донского войска и калмыками не малая обыда приключенна; яко то забрано денег, одежи, рыбы, ружья, також и сожжено шишей с посудами рыболовними»* [13, с. 1579].

Также довольно много информации о запорожцах, пострадавших от этого наезда донцов, содержится в экстракте, который будет приложен к жалобе Коша в марте 1746 года [13, сс. 1569-1577]. В нем в начале идет ссылка на реестр, якобы сочиненный непосредственно осенью 1743 года: *«Сколько от Донского войска присланными с Черкасска с немалым числом команды донских козаков и колмык старшинами Григорием Алексеевым Карчиновым атаманом да Григорием же Юдиным полковником у козаков войска Запорожскаго Низового при Азовском моря в Кривой косе, в Яланчиках и в протчих местах, також и в Миюсе жительствующих разных пожитков созжено и сколько лошадей, и ружья, и денег забрано и в чем как увезено, под сим значит ниже, сего 1743 году **октября с 1-го сочинен**»*. Но скорей всего он был составлен много позже, уже задним числом. Так как

с момента наезда 1743 года и до момента подачи этого реестра пройдет уже два с половиной года, и до того Кош его ни разу не использовал. К тому же, на данном списке отсутствуют подписи или хотя бы упоминания актуального на осень 1743 года местного полковника Павла Тарана и его писаря Андрея Захарова (последний, возможно к 1746 году уже не находился в войске Запорожском, по крайней мере по состоянию на начало 1748 г. он уже проживал в донском Черкасске). А заверение этого реестра произведено в Коше войсковым писарем Алексеем Петрушей (эту должность он занимал с 1746 года по 24 июня 1748 года [29]). Этот человек будет одним из героев данной книги, и о его деловых и моральных качествах мы еще будем иметь случаи поговорить… Ну и, наконец, противоречия в датировках. Если в предыдущем приведенном фрагменте сама акция датируется первыми числами октября, то данный реестр уже был якобы составлен 1 октября (то есть сгон тогда должен был случиться в конце сентября). По мнению автора книги, более вероятна «октябрьская» датировка этих событий.

Информацию из данного реестра вынесем в отдельный информационный блок.

Проблема еще и в том, что в этот экстракт в 1746 году намешают и более поздние происшествия, причем (по крайней мере, в копии, опубликованной Яворницким) не получается провести уверенное разделение этих слоев.

Начало его явно относится к событиям октября 1743 года. В первой части перечисляются в примерно одинаковой манере 45 запорожских хозяев, их утраченное имущество и его стоимость. Здесь мы встречаем следующих казаков: Грицко Рубан (Батуринский курень), Федор Гупал (Брюховецкий курень), Грицко Манчапрас (Васюринский курень), Павел Туз (Ведмедовский курень), Федор Жук (Величковский курень), Трохим Горелкевич (Вышестеблеевский курень), Данил Безчастный (Деревянковский курень), Василь Серга (Джереловский курень), Ярема Родь (Рудь?) и Василь Обелец (Донской курень), Федор Изюмец[2], Василь Лелека, Кондрат Посунок (Посунко?), Степан Рева, Василь Кучер, Прокоп Стеблиненко и Степан Подгорка (все из Ирклеевского куреня), **Кондрат Ус (Калниболоцкий курень)**, Гордей Рыбалка (Конелевский курень), Василь Басараб, Яков Паламарь и Яков Журба[3] (все из Кореневского куреня), Опанас Письменный (Кущевский курень), Кондрат Черный (Левушковский курень), Сергей Хмель (Незамаевский курень), Грицко Могила, Хорко и Федор Украинец (все из Пластуновского куреня), Иван Таран (Платнеровский курень), Улус (Влас?) Бацман (Полтавский курень), Петр Черный (Поповичевский курень), Иван Водолага (Сергиевский курень), Микита Ключенко, Максим Малой и Прокоп Орел (все из Тимошевского куреня), Денис Коновал (Титаревский курень), Нестор Карпенко (Шкуринский курень), Леско Самарец (Щербиновский курень). Кроме того, здесь еще указан Яков Литвин из (Верхнего) Стеблеевского куреня, а также несколько казаков с неуказанной куренной принадлежностью – Роман Лысый, Иван Лысый, Евтихий Макариев, Феско Дендебер, Михаил Черный и Микита Гарбузин. Если все они относятся именно к событиям октября 1743 года, то общие потери запорожцев, по их показаниям, тогда оцениваются в несколько тысяч рублей. В этой части реестра указана утрата 8 лошадей, 17 больших и малых лодок, 16 шишей (шалашей) и двух куреней, а также множество другого имущества.

[2] Вероятно, соответствует Федору Узюмцу (?) Васюринского куреня из реестра от 26 апреля 1746 года.

[3] Вероятно, соответствует Яско Журбе Нижнестеблевского куреня из реестра от 26 апреля 1746 года.

После этого «блока» в реестре указан более поздний случай (сентябрь 1745 года) сожжения донцами запорожского имущества на Миусе. Тогда донской полковник Федотов зачем-то сжег у запорожского казака Нестера Болбота (Полтавского куреня) его курень, стоявший *«при реки Кринце»,* а заодно и стоявшие рядом четыре стога сена. Вероятно, это происходило в отсутствии Болбота дома, так как в этих стогах, как оказалось, он припрятал от воров свою одежду. В результате – она сгорела вместе со стогами. Общий убыток Нестора составил 18 рублей. Сразу же после этого приводится (без подробностей) факт сожжения четырех стогов у Грицка Босого, на сумму 12 рублей (вероятно – там же и тогда же?).

Далее идет Василий Халепа (Батуринского куреня), который каким-то образом лишился волчьей шубы за 20 рублей. Потом – три рыболовных хозяина с перечнями утраченного ими имущества – Микита Кузьменко (Джереловского куреня) на сумму 83 руб. 50 коп., Харко Стеблеевский (Щербиновского куреня) на 71 руб., Потап (Донского куреня) на 80 руб., Иван Черевко (Кисляковского куреня) на 43 руб. 20 коп. У последнего, что интересно, помимо утраченных рыболовных делей и лодки, было еще *«ладану в два рубли, воску в один рубль двадцать копеек, образов в три рубля»*. У него там не часовня была, случаем? Затем упоминается (опять без каких-либо подробностей), что Иван Шерстюк (Титаревского куреня) лишился шароваров на три рубля. Хочется верить, что они у него были не последними…

Далее приводится еще один случай, точно не связанный с наездом Каршина и Юдина. Он довольно подробно и информативно описан, но – тоже без какой-либо временной привязки. У казака Титаревского куреня Ивана Дрижченко был зимовник при вершине речки Волновахи (правый приток Кальмиуса). В том районе крутился калмыцкий мурза Юзек Тердши со своими людьми, у него был паспорт *«для звериной добычи»*. Но затем что-то пошло не так (не смогли набить зверя и решили поправить свои дела по-иному? или случился какой-то конфликт?), и он со своими людьми напал на зимовник Дрижченко. Самого казака трижды ранили, а также забрали его лошадей, оружие, капканы и прочее имущество из зимовника на общую сумму 81 руб. 20 коп.

Последним приводится сведения о Герасиме Шульге, который на момент составления экстракта 1746 года уже был жителем *«войсковой Кодацкой осед-лости»*. У него где-то на берегу был рыбный завод с широтвасами, которые донцы *«порубали да попалили»*. А длинный перечень утраченного им имущества потянул аж на 255 руб. 41 коп.

Общая сумма по этому реестру (как по наезду Каршина и Юдина в 1743 году, так и по другим случаям) составила 5289 руб. 17 коп. И, как заканчивался тот экстракт 1746 года: *«Да сверх всей вышеписанной претенсии упоминаемаго войска Донского при старшинах присланною командою и многи несчисленные обиды и грабительства неприятельским образом починены, чего — яко за толь нечаянным нападением, грабежом и сжением — от единого страха и упомнить всего некак возможно»*.

Возвращаясь к письму кошевого от начала 1744 года [13, сс. 1368-1369]. После краткой жалобы на наезд донцов, администрация Коша просит: *«<…> а ми, войско Запорожское Низовое В.И.В. рабски и верноподданическо падши до стоп ног В.В. покорно просим: пожалуй, всемилостивейшая государыня и мати, запретить Донскому войску такого смертного убийства нашим козакам по сем [западном, со стороны Сечи — LV] боку Миюса чинить»*. Далее идет попытка исторического обоснования запорожских претензий: *«<…> а что выражено на справность сторинних наших козаков и донских – то о том, як по-прежнему било, наши войсковие старинные козаки свидетельствуют, что волности наши войсковие аж до Белого Каменя били, лежащего поблизу Черкаского <…>»*.

Название урочища Белый Камень хорошо известно по русским картам Таганрогского залива конца XVII — начала XVIII века, сохранилось оно и до сегодняшнего дня. Это урочище располагается немного западнее устья реки Морской Чулек, у хутора Мержаново Неклиновского района.

Рис.23. Фрагмент карты Азовского моря Питера Бергмана (юг сверху), 1702 год. 1 – дельта Дона; 2 – Азов; 3 – крепость Лютик; 4 – Белый Камень; 5 – река Самбек; 6 – крепость Троицкая (Таганрог); 7 – устье Миусского лимана.

В этом районе проходила прибрежная дорога, стратегически важная для местного населения во все времена – сначала между турецким Азаком и крепостью Ор (Перекоп) на входе на Крымский полуостров, затем между русским Азовом и крепостью Троицкой (Таганрог). Так что за порядком на ней и отсутствием здесь незваных гостей всегда следили пристально. Запорожское присутствие в этом районе не фиксируется вообще никогда.

Рис.24. Фрагмент карты с показанием расположения урочища Белый Камень, крепости Лютина, и шанцев Павловского (II) и Черепахи (1702 – 1711 гг.).

В 1702 году через перешеек Миусского полуострова была выкопана укрепленная Линия, фланги которой прикрывались небольшими укреплениями (шанцами) Павловское и Черепаха. Охранную службу в них несли казаки «запорожского» Павловского полка. Если посмотреть на карту, то можно заметить, что урочище Белый Камень находится почти точно на полдороги между шанцем Черепаха и крепостью Лютин (где до 1708 года сидел донской гарнизон, потом сменный на солдатский). В этом плане район Белого Камня (теоретически) вполне мог бы быть границей рыбных угодий для «павловцев» и «лютиновцев». Это тогда не имело никакого отношения к Кошу и его Вольностям. Но, сорока годами позже это предоставило Кошу, путем некоторых недомолвок и натяжек, возможность выдвигать территориальные претензии и на этот район.

О том, что запорожский информатор, сообщивший кошевому Якиму Игнатовичу такую информацию о прежних временах, сам слабо разбирался в нашей географии свидетельствует его утверждение: *«до Белого Каменя <…>, лежащего поблизу Черкаского»*. На самом деле между этим урочищем и тогдашней столицей донцов было более 60 верст, это пара дней неспешного конного пути. Для тех времен это было очень много. Эта ситуация хорошо описывается пословицей: «Слышал звон, да не знает, где он»… О том, кем мог быть этот информатор, мы еще поговорим позже…

Также кошевой в своем письме жалуется, что запорожцам не будет *«<…> где нашим войсковим козаком добичи отправлять, аще тамо по сей стороне Миюса такия разорения и убийства будут от Донского войска»*. И в завершение своего письма он в самых раболепных выражениях еще раз просит императрицу запретить донцам мешать запорожским добытчикам на «сей» стороне Миуса.

При внимательном изучении этого письма получается следующая картина. Запорожский Кош уже прекратил озвучивать ту «программу-максимум», которую годом ранее пытался реализовать полковник Кишенский (на всю землю вплоть до старой русско-турецкой границы 1714 года по Темернику). Сейчас же Кош хоть и намекает на некие свои старые права на территории до Белого Камня (к востоку от Миуса), но фактически уже согласен ограничить свои аппетиты территориями западнее Миуса и Миусского лимана.

Кроме этого, примерно тогда же в Кош попала еще какая-то грамота от 22 декабря 1743 года, присланная из канцелярии киевского генерал-губернатора Леонтьева, вместе с его «ордером»[4]. В ней, (в пересказе запорожцев) было *«<…> написано о разграничении земель с Портою Отаманскою и поляками, за соление озера, о нападении поляками на наш запорожский Гард, там же и за Чаленко плута[5], за козацкую нашу войсковую слободу, дабы людии з Полской стороны не принимать[6], за татарский Кизикерменский перевоз и за наш войсковий Никитинский, при которой будто здирства людем купецким чинятся»*. Уже 17 января 1744 года запорожская канцелярия подготовила ответ на нее. И хотя в самой грамоте, судя по всему, по поводу отношений с донцами ничего не говорилось, тем не менее, в своем письме кошевой не забыл кратко упомянуть и об этой проблеме: *«Особливо ми, войско Запорожское Низовое В.И.В. милости покорно просим, что нас, войско Запорожское низовое, отвсюда [со всех сторон — LV] утесняют* ***донцы****, кримцы и поляки, то за тим негде буде козаком войска нашего Запорожского Низового добичей рибных и звериных отправлять»* [13, с. 1371].

По всей видимости, после сгона донцами в октябре 1743 года запорожцев за Кальмиус, последние все (или почти все) ушли зимовать в более обжитые места. И зимой 1743/44 годов запорожское присутствие в Северном Приазовье было минимальным. Об этом косвенно может свидетельствовать следующий случай. В начале октября 1743 года на Бердянской косе потерпело кораблекрушение турецкое судно. Оно перевозило из Константинополя отпущенных российских купцов и пленных. И, почему-то, судьбой этих людей и их имущества пришлось тогда заниматься не местным ногайцам и не запорожцам, а донцам. Хотя от этой косы до ближайшей контролируемой тогда донцами территории (за Миусом) было больше 130 верст!

На тот момент было известно о случаях проявления чумы в Турции, и действовали очень строгие правила для недопущения ее распространения в Россию. Поэтому Черкасску пришлось организовывать прямо на Бердянской косе (на территории Крымского ханства!) карантин для спасшихся, снабжать их продовольствием и одеждой. На всякий случай, бедолаг продержали в неприветливой осенней степи почти двойной срок положенного карантина – аж до 31 декабря. К счастью, болезнь у них так и не проявилась. После этого большую их часть отправили в Черкасск, чтобы они там могли дождаться весны, *«а потом желающих в отечество отпустить определили»*. 4 января 1744 года (на Миусе?) их осмотрели специально посланный донской старшина Андрей Машлыкин и лекарь Абрам Миллер. Тем не менее, часть их товарищей все еще оставались на косе (вероятно, для присмотра за сохранившимся имуществом). Их, для большей безопасности, перевели в урочище Коровий брод на Миусе, где располагалась одна из донских карантинных застав. Все их имущество, как гласит официальный рапорт, было уничтожено: *«а выгруженные из разбитого судна*

[4] Возможно, 22 декабря — это дата ордера из канцелярии Киевского генерал-губернатора, а не самой грамоты. Судя по содержанию этой грамоты, она скорей всего была написана в Коллегии иностранных дел. Перечень вопросов в ней в основном пересекается с запросами Коша в его ежегодных просьбах к императрице.

[5] Имеется в виду разрушение заопрожского Гарда в 1740 году отрядом надворной милиции польского коронного гетмана Потоцкого, возглавляемые украинцем Савкой Чалым. В следующем 1741 году Чаленко был убит гайдамаками.

[6] Это по запросу Коша о разрешении селиться выходцам из Польши в запорожской Кодацкой слободе.

товары, чрез казаков все без остатка сожжены, а потом и вино, на Бердах стоящее, на землю розлито, а дерево огнем сожжено». 29 февраля 1744 года донесение из Черкасска об этом было доставлено в Сенат.

И еще о карантинных делах в тот период. В том же документе сообщалось и о прибывших на территорию войска Донского в начале ноября 1743 года из крымской Кафы сухим и водным путем донских казаках, донских и крымских армянах «с разными турецкими товарами». Казакам пришлось проходить карантин в Таганроге (тогда заброшенном), а армянам – на Миусе, у Каменного брода. Донское руководство запрашивало у Сената, что делать с имуществом этих людей после того, как они сами после карантина будут пропущены в Черкасск. В ответе из Москвы им предписывалось разобраться с происхождением этих товаров. Если они поступили из зараженных районов – то их, *«для лучшей предосторожности»* нужно было сжечь. А если из условно безопасных – то отдать их владельцам, *«однако ж прежде довольно выветря и окуря»* [9, сс. 311-312].

Как уже говорилось, к этому времени фактическая граница между двумя казачьими войсками уже довольно стабильно пролегла по Миусу. Обе стороны такое положение более-менее устраивало (хотя каждой и хотелось подвинуть эту границу в «нужную» сторону). Тем не менее, наступившая зима 1743 — 1744 года несколько охладила разгоряченные головы с обеих сторон, так что на какое-то время в этой длящейся уже без малого год распре наступил небольшой перерыв. Воспользуемся им и мы, чтобы проследить действия человека, которому Сенат и Военная коллегия поручили разобраться в этом запутанном конфликте.

Попытка разобраться №1. Поручение бригадиру Вырубову

Как уже говорилось ранее, сенатский указ от 10 октября 1743 г. (с поручением разобраться в конфликте между двумя казачьими войсками) был получен в Военной коллегии 12 октября. Оттуда одна из его копий была направлена и лично коменданту крепости святой Анны бригадиру Ивану Михайловичу Вырубову.

Вырубов получил ее 24 ноября 1743 года. Ему на тот момент было уже около 60 лет[1]. И особого желания отправляться в мерзлую приазовскую степь, где даже нормального жилья еще почти не было, у него не было. Но, как человеку военному, ему нужно было выполнять приказ. Поэтому он сразу же связался с руководством войска Донского на тему организации этой поездки. Но донцам тоже никуда по холодку выбираться не хотелось (тем более, что по пути следования могли встретиться следы недавнего донского «наезда» на запорожцев). Поэтому из Черкасска Вырубову ответили: *«яко по тогдашнему наступающему зимнему времени оному размежеванию за невозможность быть признаетца, разве [что отложить] до нынешней весны»*. Вырубова такой ответ вполне устроил, поэтому он с облегчением 30 ноября отправил донесение в Военную коллегию о временной невозможности выполнения поручения (в Сенат оно попадет почему-то только 14 февраля 1744 г. [13, с. 1373]). Также он тогда отправил сообщение к киевскому генерал-губернатору Леонтьеву *«о присылке к тому [планируемому размежеванию весной 1744 года — LV] запорожцов с их документы и с старожилами»*.

Интересно, что Вырубов понял свое поручение в очень широком географическом плане. Вот как он сам передает это в несколько более позднем донесении в Сенат: *«<…> велено по челобитью Донского и Запорожского войск лежащие* ***от Темерника до границы Российской*** *приморские места и реки, також леса и степи рыбныя и звериныя ловли и протчия угодьи <…> разобрать и по сущей справедливости розвесть и размежевать <…>»*. То есть, он собирался размежевывать огромную территорию в Северном Приазовье – от старой русско-турецкой границы 1714 года по Темернику – и до новой границы по Берде. Это больше 200 верст!

Зима 1743 – 1744 года прошла относительно тихо, как и начало весны. Киевский генерал-губернатор не проигнорировал просьбу Вырубова, и 7 апреля 1744 года делегаты от войска Запорожского – *«знатные старшины»* — приехали к размежеванию с войском Донским. Они прибыли в окрестности крепости святой Анны (добраться до самой крепости у них тогда не получилось) и отправили весть о своем прибытии коменданту. Но время для этого визита было ими выбрано не лучшим образом…

Дело в том, что место для этой крепости оказалось изначально выбрано не очень удачно. Расположенная на низменном и болотистом Аксайском острове, она (как и соседний Черкасск) периодически страдала при разливах Дона (в отдельные годы высота подъема воды при половодьях могла составлять до 5,5 м). Вот и в это время, *«за распролитием около крепости святые Анны не малой воды»*, ее коменданту было совсем не до выполнения сенатских поручений. К тому же у Вырубова было время (целых четыре месяца), чтобы хорошо обдумать и сформулировать веские причины, по которым ему не пришлось бы лично отправляться в слабо обжитые и голые приазовские степи, чтобы пытаться каким-

[1] В Боярских списках начала XVIII в. про него сказано: Иван Михаилов сын Вырубов, жилец, поручик в Большом полку с 1703 г.

то образом уладить конфликт двух не самых дисциплинированных и не очень законопослушных казачьих сообществ. Поэтому он отправил запорожцам вежливое письмо на имя кошевого, где сообщил резоны, по которым не может пока приступить к порученному ему размежеванию.

Итак, во-первых, комендант отмечал, что в то время в Константинополе имелась *«поветренная болезнь»* (вероятно, чума). Из-за этого Вырубовым были установлены карантинные заставы (скорей всего, как и в прошлые годы – у переправ через Миус). Так что бóльшая часть предстоящих разъездов ему предстояла западнее Миуса, в эпидемиологически небезопасном районе. Во-вторых, из сообщений *«от находящагося при Украине главнаго генералитета»* он был уведомлен *«о крымских опасных поведениях»*. В верхах были резоны ожидать от крымцев каких-то возможных пакостей. Третьей он ставил причину: *«за немалым нынешним росполитием воды»*. И, наконец, в-четвертых, что *«те места, где надлежит размежевать, отстоят чрез несколько сот верст от крепости святыя Анны»* (то есть, ему придется долго отсутствовать). И что у него нет *«указу высокоправительствующаго сената»*, кому на это время перепоручить команду над крепостью.

Вырубову удалось сформулировать целых четыре серьезные причины, из которых даже каждая в отдельности являлась уважительной и достаточной. Так что получился некоторый перебор… Как сказал Сократ: «Кто хочет — ищет способы, кто не хочет — причины». Письмо Вырубова как раз служит хорошей иллюстрацией для этого афоризма.

В результате, запорожцы пожали плечами и поехали обратно. А обрадованный Вырубов повторил свою аргументацию и в докладе в Санкт-Петербург от 11 апреля 1744 года, которым он *«покорнейше требовал»* от Сената решения по его *«резонам»* [13, сс. 1371-1372]. На чем участие бригадира Вырубова в урегулировании этого конфликта и закончилось, больше ему этой темой заниматься не придется.

На основании полученного в Сенате 17 мая 1744 года апрельского сообщения Вырубова сенатский секретарь Михаил Новоторжцев подготовил для сведения начальства небольшой экстракт [13, сс. 1372-1374]. В нем он (несколько скомканно и невнятно) кратко описал ход событий, начиная с жалобы запорожцев от 25 мая 1743 года. Кстати, он датирует указ бригадиру Вырубову не по дате сенатского указа от 10 октября 1743 года, а по дате заседания в Сенате от 30 сентября (эта же дата будет использоваться и в последующих документах этого цикла). Но нас здесь больше интересует дополнительная информация, которую мы до того в найденных документах не встречали. Так, возле цитаты из указа от 10 октября 1743 года: *«<…> а для чего от войска Запорожского Низового к прежней границе, лежащей при Миюсе, Белом Камне и Темернике прислана команда и по какому указу – о том войску Запорожскому прислать в Сенат ответ немедленно»*, Новоторжцев дописал комментарий: *«В Сенат от войска Запорожского того ответа еще не прислано»*. Прошло уже полгода! Судя по такой затяжке с ответом — у нынешнего кошевого Якима Игнатовича возникли некоторые проблемы с обоснованием действий своего предшественника Константина Малашевича в начале 1743 года… Поэтому Кош предпочел сделать вид, что такого запроса и вовсе не поступало. Как «не заметил» он и распоряжения о выводе запорожской *«команды»* с этих территорий *«до указу»*…

Также Новоторжцев упоминает еще какой-то рапорт от Вырубова от 14 февраля 1744 года (вероятно, это дата поступления в Сенат). В нем у Вырубова между сообщениями об отрицательном ответе из Черкасска от 24 ноября 1743 года (на предложение начать размежевание немедленно) и об отправке им письма в Киев к Леонтьеву (о присылке запорожской делегации следующей весной), содержится еще такой текст: *«<…> а запорожцы-*

де ныне где обретаются – в тех ли приморских местах по Калмиусу, или де по силе ордеров генерала и киевскаго генерала губернатора Леонтьева по-прежнему [то есть как в период, предшествующий началу конфликта 1743 года — LV] в Сечь съехали – неизвестно». Это явно цитируется информация, полученная Вырубовым из Черкасска 24 ноября. И можно было бы подумать, что у донской старшины на тот момент не было информации о том, остались ли после осеннего сгона в Приазовье какие-то запорожцы (хотя бы на территориях к западу от Кальмиуса) или все они (наконец-то!) вернулись в Приднепровье. Но мы уже рассказывали о донской карантинной заставе возле разбившегося на Бердянской косе судна. Так что, для их обеспечения, донцы вынуждены были тогда регулярно пересекать Северное Приазовье, и они должны были прекрасно знать реальную обстановку там. Но, почему-то, предпочли это свое знание Вырубову не демонстрировать.

1744 год. Относительное затишье

В конечном итоге, запорожцы вновь вернулись на приморские земли к западу от Миусского лимана. Случилось ли это уже в начале 1744 года или они зашли сюда весной этого года – по документам пока не видно. В этом году в документах уже прямо упоминается Еланчицкая паланка [13, сс. 1529, 1547, 1562], [12, с. 212].

В первой половине 1744 года местным полковником стал Иван Андреевич Ступак (Ступаков) из Поповичевского куреня. Напомним, что в прошлом 1743 году он был одним из делегатов в Санкт-Петербурге, и к тому моменту он уже являлся бывшим куренным атаманом своего куреня. Остальных членов его паланковой старшины установить пока не удалось.

Про период его правления известно немного. Местом его пребывания указывается Еланчик. Например: *«к стоящему в то время на Еланчиках запорожскаго низового войска полковнику Ивану Андрееву Ступакову»* или о нем же: «*и поехал в Еланчицкую поланку»* [13, сс. 1547, 1562]. В 1744 году его пребывание в Приазовье фиксируется как минимум до конца июля [13, с. 1562]. Вероятно, он еще какое-то время продолжал решать здесь свои финансовые дела и после его замены на следующего полковника.

Во второй половине 1744 года местным полковником был Осип (Иосиф, Ясько) Баран, Ирклеевского куреня. Приведем фрагмент его собственных показаний на следствии в Бахмуте: *«в прошлом 744-м году, в бытность ево на Еланчике, где он поланку свою имел»* [12, с. 212]. А вот часть показаний на том же следствии казака Василя Басараба: *«<…> в прошлых годех, яко то в 744 и в 745-м , он при Еланчицкой поланке не был, а в розъезде бывшими при оной поланке полковника в 744-м куреня Ирклеевскаго Осипом Бараном [отправлялся в разъезд — LV] толко по одному Еланчику»* [13, с. 1529]. Писарем при паланке был некий Андрей (скорей всего это опять был уже известный нам Шапран[1]). Имя паланкового есаула пока остается неизвестным.

Нужно отметить, что в этот период продолжилось запорожское конокрадство у донских казаков и калмыков. Причем по крайней мере в одном из эпизодов (угон нескольких лошадей с речки Карагач у донского старшины Максима Бобрикова) оказался плотно замешан и сам Иван Андреевич Ступак. Эти события произошли (если не перепутан месяц) в конце июля[2] 1744 года. Когда Ступак, надо полагать, оставался в наших краях в качестве просто частного лица. Зафиксировано его прямое участие в судьбе и в сокрытии двух заведомо краденных лошадей (см. показания казака Подливайлы). Да и в истории с гнедым жеребцом, угнанным у донского калмыка Илдже Араша, где Ступак выступил одним из промежуточных звеньев, тоже не все вполне ясно. Об этих случаях мы еще расскажем.

[1] В документе Бахмутской следственной комиссии от 9.04.1748 года приводятся слова самого И. Барана, что на тот момент его бывший писарь Андрей *«имеется в Санкт-Питербурхе для исходатайства жалованья»* [12, сс. 212-213]. Но, скорей всего, эта информация была озвучена им еще во второй половине 1747 года. Так как известно, что писарем при делегациях запорожских «столичников» за жалованьем в 1746 и 1747 годах был Андрей Иосифович Шапран. А писарем в делегации 1748 года был уже Артем Васильев, который совсем не подходит по имени [13, сс. 1500, 1513, 1676, 1682].

[2] По мнению автора — более вероятно, что в конце июня.

Также известен конфликт на Кривой косе летом того года обоих этих запорожских полковников с *«промышленником»* В.К. Чернышем, промышлявшим здесь торговлей и рыбной ловлей по заданию бахмутского купца М.И. Рыбинцева.

Эти моменты позже будут разбираться следствием в Бахмуте (распишем их в соответствующей главе). К счастью для Коша, Иван Андреевич не успел предстать перед этим следствием, так как в 1747 году он уже показан в сообщении из Коша как умерший.

Но в целом, можно сказать, что 1744 год в наших краях прошел относительно тихо и скучно, без особо резонансных событий. Вероятно, на снижение активности обеих сторон положительно сказались как прошлогодняя осенняя «профилактическая» вылазка донцов, так и временное отсутствие в Черкасске (по причине нахождения под следствием в Санкт-Петербурге) такого сильного «борца» как Д.Е. Ефремов. Для спокойствия местных казачьих сообществ по обе стороны Миуса такое затишье было, несомненно, замечательно. Но, к сожалению, малое количество конфликтов в этом году (а, соответственно, и документов по ним) это есть не очень хорошо для нашей книги… Поэтому оставим пока наших казаков в покое на их промыслах и вновь окунемся в бюрократические указы, переписки и жалобы, продолжавшие свою бурную жизнь в верхах.

Как уже говорилось, в начале апреля 1744 года запорожские делегаты безрезультатно съездили на нижний Дон. Планировавшееся размежевание так и не было начато. Но этот вопрос оставался насущным и продолжал вносить раздор во взаимоотношения двух казачьих войск.

В начале мая 1744 года очередная запорожская делегация из 20 человек, во главе которой были полковник Иван Прокопьев[3], писарь Петр Чернявский и есаул Ефим Лоба [13, с. 1509], отправлялась за ежегодным жалованьем войску. Она везла письмо с просьбами войска Запорожского, датированное 5 мая. Под пятым пунктом шел интересующий нас пункт. Здесь Кош (благоразумно опуская предшествующие события, приведшие к началу и эскалации конфликта) сразу начинает с жалобы на осенний набег донцов, на сожженные шалаши, разграбление и двух убитых. Она почти дословно повторяет формулировку жалобы из письма Кошевого от начала 1744 года. Далее идет сама просьба: *«<…> то ми, войско В.В. верно подданние слуги о том резолюции просим: пожалуй, всемилостивейшая государыня, повелете донцам впредь того не чинить. А за починенныя разорения повеле*ть *[запорожцев] наградить, да и козакам нашим по сей стороне Миюса рибу ловить — дабы не препятствовали донци – всемилостивейшим указом изтвердите»* [13, с. 1381]. То есть, Кош просил правительство скомпенсировать убытки от осеннего набега донцов и запретить тем мешать запорожским рыболовам западнее Миуса. Отметим, что к этому времени новых обид от донцов запорожцам, видимо, особо не было, иначе они тоже попали бы в эту жалобу.

[3] В другом, более позднем документе этот же полковник Иван Прокопьев назван Иваном Моисеевым [13, с. 1509]. Где здесь отчество, а где фамилия – автору разобраться не удалось.

Двумя годами позже, в сенатской грамоте в войско Донское от 12 мая 1746 года содержится упоминание еще какой-то «записки» от войска Запорожского от 22 мая 1744 года. Если это зафиксирована дата ее поступления в Сенат (как тогда это было в частом употреблении), то из Сечи она должна была выйти около середины апреля. В ней *«объявлялось»* следующее (в пересказе для сведения донцов): *«что де их [запорожским — LV] казакам не малые от вас, Донского войска, прошедшаго года [1743 — LV] обиды по сей [западной — LV] стороне Миюса последовали и по косам морским их казакам-рыболовам вы, донцы, знатным наездом своим раззорение учинили, и шалаши огнем пожгли, и пожитки забрали, и двух казаков – одного убили, а другого огнем сожгли до смерти. И просили, чтоб вам, донцам, впредь того чинить запретить, тако ж и казакам вашим указом подтвердить, дабы вы, казаки, им, запорожцам, по сей стороне Миюса рыбу ловить не препятствовали»* [9, с. 384]. То есть, здесь в основном тоже содержалась жалоба на осенний наезд донцов.

Других следов этой «записки» от указанной даты обнаружить не удалось. Возможно, здесь просто была неправильно указана дата. Так как текст этого отрывка в основном (хотя и не полностью!) сходится с текстом аналогичного пункта из перечня ежегодных просьб войска Запорожского.

В 1-м пункте списка просьб 1744 года сечевая администрация попросила (без указания причин) выдать войску *«в.и.в. всемилостивейшое годовое денежное, хлебное, свинцовое и пороховое жалованье»* не на один, а сразу на два года – на текущий 1744 и *«приидучий»* 1745 год. Возможно, так Кош пытался как-то подстраховаться от повторения ситуаций 1741 и 1743 года (когда доставка жалованья очень сильно затянулась)? Но более вероятно, что на Сечи тогда решили, что каждый год отправлять свою делегацию ко двору – это слишком накладно и решили попробовать делать это через год. В следующем 1745 году ежегодная делегация старшин Кошем отправляться действительно не будет.

Последним, 8-м пунктом запорожской просьбы кошевой Яким Игнатович не забыл опять попросить для кошевой старшины денежную добавку, сверх общевойсковых сумм. Сообщил, что при разделе общего жалованья Войско выделяет старшине слишком мало денег: *«Понеже нам, атаману кошевому со всею нашею старшиною з жалования В.[ашего] В.[еличества] наше войско малое число денег уделяют, то ми, атаман кошовий со всею нашею старшиною, з покорностию нашею падши до стоп В.В., смиренно просим, пожалуй, всемилостивейшая государыня, нас, кошовий и всю старшину общою частицию денежным жалованиям обнадежи и надели»* [13, сс. 1379, 1381].

Сведения по темам всех просьб Коша (включая и сообщения по интересующей нас теме о донцах), пришедшие в феврале от Коша и в мае от бригадира Вырубова) были аккуратно собраны и включены в очередной экстракт для сенаторов[4] [13, сс. 1384-1394]. Довольно значительная часть в нем посвящена очередному пересказу запорожско-донского конфликта (начиная, опять-таки, с 1743 года) [13, сс. 1388-1390]. Интересно, что со стороны

[4] В этом эсктракте поступление в Сенат запорожской войсковой отписки от 5 мая почему-то датируется уже 12 мая (???) [13, с. 1384]. Такая скорость доставки была тогда физически невозможна! То есть здесь явная ошибка в одной из дат.

Войска Донского в первой половине 1744 года никаких новых жалоб на запорожцев, похоже, не поступало.

Заседание Сената, на котором рассматривались просьбы запорожцев, состоялось 31 июля 1744 года. Несколько позже по принятым решениям были составлены соответствующие указы в различные коллегии. 14 августа один из таких указов получила Военная коллегия. 20 августа она уже рапортовала обратно в Сенат о текущем состоянии выполнения его поручений. В ее «репорте» опять очень подробно пересказываются сенатские решения и сообщается о действиях по ним [13, сс. 1391 -1394]. Так, отсюда мы можем понять, что сенаторы сочли резоны коменданта крепости святой Анны Вырубова убедительными. Поэтому они поручили подыскать новую кандидатуру для руководства размежеванием: *«<…> а Военной коллегии для разобрания Запорожскаго и Донского войска ссор и размежевания в реках, в лесах и других местах – отправить из обретающихся там полков штап офицера [штаб-офицера — LV], добраго и надежнаго человека, и велеть ему [так] в том поступать и о всем по самой сущей справедливости, как прежде было повелено вышеписанному брегадиру Вырубову. И что им учинено будет – о том велеть в пр.[авительствующий] сен.[ат] репортовать»*. Чуть дальше можно еще узнать, что Военная коллегия определила назначить этого штаб-офицера из стоявших на Украине полевых полков команды генерал-лейтенанта Федора фон-Штофеля (Штоффель, Штоффельн) *«по близости к тем местам состоящим»*. И что в случае необходимости нужно будет дать этому штаб-офицеру в сопровождение одного унтер-офицера и *«надлежащее число салдат из тех полков»*. Что же касается до текущих отношений между двумя казачьими войсками, то злобные царские сатрапы требовали: *«<…> а войскам Запорожскому и Донскому грамотами наикрепчайше подтвердить, дабы они между собою никаких ссор и друг другу обид не произносили, паче же не в принадлежащия им места отнюдь не въезжали. А всякой бы ползовался, чем кто прежде изстари владел и ползовался. О чем-де <…> к войскам Донскому и Запорожскому грамоты посланы»* [13, с. 1393]. Это ж надо было так издеваться над свободолюбивым казачьим духом!

23 августа 1744 года эти сенатское решение будут оформлено в Москве указами и грамотами из Сената. Вероятно, Елизавета Петровна со своим двором и высшими управляющими органами на тот момент находилась в старой столице. В сборнике Яворницкого приводятся две такие сенатские грамоты. В пятом пункте грамоты войску Запорожскому опять подробно пересказывается их жалоба на осенний набег донцов, потом кратко перечисляются взаимные жалобы 1743 года, поручение Вырубову и его отказ от него. Затем для сведения сообщается о поручении Военной коллегии направить вместо Вырубова другого штаб-офицера с той же миссией. И в завершение этого пункта – опять настойчивое требование к двум казачьим войскам жить в мире и не мешать друг-другу.

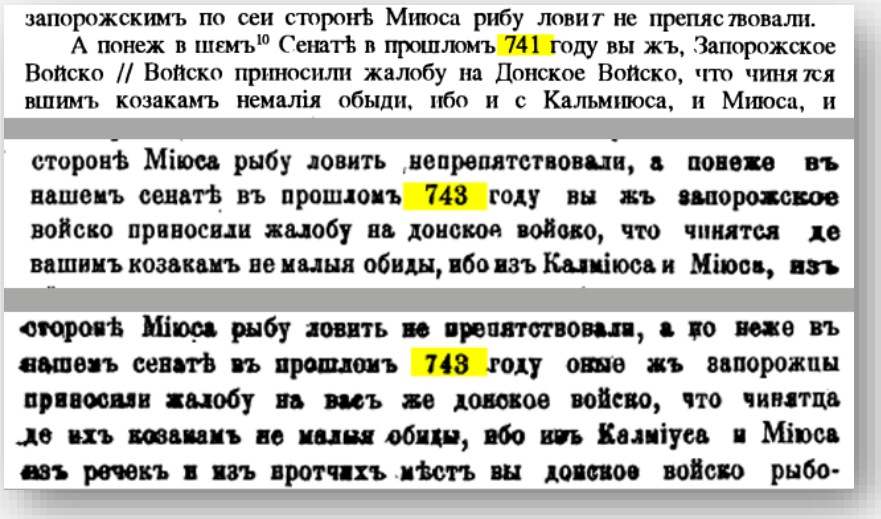
Аналогичную, только более короткую грамоту (без остальных пунктов по запорожским просьбам) отправили и в войско Донское [13, сс. 1394-1401]. На всякий случай напомним, что эти документы появились только к концу августа. А ведь еще нужно было доставить эти документы на юг, выбрать для размежевания достойного штаб-офицера, снарядить и отправить его… В общем, опять лучшая часть года была потрачена впустую!

Важный момент. По поводу **1741 года**, который в работах некоторых историков указывается как дата первой жалобы запорожцев на донцов. Расскажем, наконец, о ее происхождении.

В сохранившейся в архиве Коша полученной запорожцами грамоте от 23

августа 1744 года в пункте 5, посвященном запорожским жалобам на донцов, действительно можно прочитать эту дату: «А *понеже в Нашем Сенате в прошлом* ***1741*** ***[sic!]*** *году вы же, запорожское войско, приносили жалобу на Донское войско, что чинятся де вашим Козакам немалые обиды, ибо из Калмиуса, и Миуса, и речек и з прочих мест они, Донцы, рыболовных и белоховных (кои зверя ловят) козаков отганяют и тем всем теснят,* ***и по посланному з Нашего сената в военную Коллегию того ж году указу*** *велено той коллегии войску Донскому накрепко подтвердить, дабы Донские козаки вам, запорожцам, в ловле ими в вышепомянутых местах рыбы и зверя никакого препятствия и обид отнюдь не чинили, под тяжким штрафом; а военная Коллегия* ***в том [же] 1743 году*** *в Наш Сенат представляла, что войско Донское на вас, запорожцев, приносили жалобу во многих обидах, грабительствах и разорениях. И что вы, запорожцы, вступаетесь не мало в неподлежащие вам рыбные и звериные ловли в тамошних местах состоящие <…>»* [10, с. 435]. Аналогично это место звучит и в рукописной копии с этой грамоты, хранящейся в Санкт-Петербурге, в фонде А.А. Скальковского [СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.16, копия XIX века]. Но это **просто описка**, допущенная кем-то из писцов **при копировании этой грамоты непосредственно для войска Запорожского**.

То, что дата «1741» здесь является ошибкой легко выявлется сранением с документами и событиями 1743 года. Мы, собственно для этого такую большую цитату здесь и привели. Там текст и дальше по событиям 1743 года продолжается… Ну и дополнительно можно сравнить это место с хранящимся в Москве оригиналом сенатского указа, опубликованного Д.И. Эварницким [13, сс. 1394-1398]. А также соответствующей сенатской грамоты Войску Донскому от того же числа [13, сс. 1398-1401] (см. Рис.25).


запорожскимъ по сеи сторонѣ Миюса рибу ловит не препятствовали.
А понеж в шемъ[10] Сенатѣ в прошломъ 741 году вы жъ, Запорожское Войско // Войско приносили жалобу на Донское Войско, что чинятся вшимъ козакамъ немалія обыди, ибо и с Кальмиюса, и Миюса, и

сторонѣ Міюса рыбу ловить непрепятствовали, а понеже въ нашемъ сенатѣ въ прошломъ 743 году вы жъ запорожское войско приносили жалобу на донское войско, что чинятся де вашимъ козакамъ немалыя обиды, ибо изъ Калміюса и Міюса, изъ

сторонѣ Міюса рыбу ловить не препятствовали, а понеже въ нашемъ сенатѣ въ прошломъ 743 году оные жъ запорожцы приносили жалобу на васъ же донское войско, что чинятца де ихъ козакамъ не малыя обиды, ибо изъ Калміуса и Міюса изъ речекъ и изъ протчихъ мѣстъ вы донское войско рыбо-

Рис.25. Сравнение фрагментов сенатской грамоты от 23 августа 1744 года: А) полученной в Коше [10, с. 435]; Б) ее оригинала в архиве Сената [13, с. 1396]; В) грамоты войску Донскому [13, с. 1399].

В дальнейшем, при цитировании этого указа (по дефектной запорожской копии) в последующие годы — эта же ошибочная дата «1741» попадет еще в некоторые позднейшие документы. Что также будет периодически сбивать с толку историков, ищущих начало этого конфликта.

В сборнике документов по войску Донскому А.А. Лишина приводится еще и другой вариант аналогичной грамоты для войска Донского. Он подготовлен тоже в Москве, но в Военной коллегии и датируется 31 августа того же года (№ 9185). Он несколько расширен относительно сенатской грамоты от 23 августа. В частности, в нем уже упоминается фамилия Штофеля. Также в него был включен сокращенный пересказ сенатского указа от 10 октября 1743 года (в том числе о запрещении запорожцам въезжать на Кубанскую сторону моря). Фрагмент текста с датой «1741» в него включен не был [9, сс. 332-334].

По поводу жалованья войску Запорожскому – Сенат согласовал выдачу его казакам сразу на два года. Но дополнительные суммы для старшины опять выделять не стал [13, с. 1391]. То же самое, прямым текстом прописано и в упомянутой сенатской грамоте запорожцам от 23 августа: *«<…> которое наше всемилостивейше[е] жалованье имеете вы как ныне разделить, так и впредь делить между собою по вашим обикновениям и против того [т.е. «согласно тому» — LV], как вы такое же всемилостивейше пожалованное от нас вам на прошлые 741, 742 и 743 годы жалованье разделили,* ***не требуя на кошевого старшину с протчими особливых дач и росписания****»* [13, с. 1394].

27 августа 1744 года делегация И.Прокопьева была отпущена из Москвы [13, с. 1401]. Удалось ли им в этот раз побывать в Санкт-Петербурге, или они весь свой срок провели в Первопрестольной (Елизавета Петровна любила подолгу там гостить) – автору точно выяснить не удалось. Но судя по одному более позднему документу – скорей всего они тогда побывали только в Москве [13, с. 1507]. На обратном пути большую часть денежной суммы им выдали в Калуге, а остатки суммы должны были отдать в Севске. Но там вышла длительная заминка в связи с отсутствием денег в распоряжении местной воеводской канцелярии. И как раз в то время правительство империи проводило денежную реформу, чтобы привести в порядок расстроенные длительным войнами государственные финансы [30]. И запорожские делегаты очень переживали, чтобы остаток войскового жалованья им не выплатили мелкой медной монетой [13, сс. 1401-1402]. Вероятно, пребывание делегатов в Севске затянулось очень надолго. Возможно, им там удалось еще раз увидеть императрицу, которая как раз тогда должна была возвращаться через Севск в Москву с богомолья в Киеве. О прибытии делегации Прокопьева и доставленного ими жалованья Кош отчитается только 18 ноября 1744 года [13, с. 1408]

В 7-м пункте своих майских просьб запорожцы просили сделать им новые клейноды (знаки власти). Они писали, что из числа выданных войску при Анне Иоанновне клейнодов в более-менее приличном состоянии оставались только булава, бунчук и пернач, а большая хоругвь и прапор (знамя) уже сильно обветшали [13, с. 1381]. Коллегия иностранных дел подняла архивы по прежней выдаче и представила Сенату новые клейноды для запорожцев: *«знамя большое,*

булава, пернач, бунчук, к трости набалдашник и наконешник, четыре значка [?]» [13, сс. 1383, 1390].

В октябре 1744 года кошевой Яким Игнатович вместе с делегацией запорожских старшин был приглашен в Киев, где в торжественной обстановке ими были получены из рук генерал-губернатора Леонтьева новые клейноды, а также уже упоминавшаяся сенатская грамота войску Запорожскому от 23 августа.

По прибытии в Сечь (около 15 октября) клейноды были представлены Войску, к вящему восторгу казаков. А по поводу грамоты в ответном письме кошевого сказано следующее (славословия опустим): *«по обыкновению нашему войсковому, в сообщей нашей войсковой раде при собрании народном козацком всемилостивейшую В.И.В. грамоту вичитали»*. Поскольку в этот раз большинство просьб казаков было удовлетворено, ее текст вызвал в войске большую радость [13, сс. 1402-1403]. Напомним, что в этой грамоте содержался в том числе и интересующий нас пункт про будущее размежевание с донцами и требование жить с ними мирно. А, стало быть, и он также был зачитан перед собранием войска и не вызвал у него отторжения и снижения общего энтузиазма.

29 ноября 1744 года из Черкасска было отправлено сообщение в Киев, генерал-губернатору Леонтьеву как куратору войска Запорожского. В нем (уже вернувшийся из Санкт-Петербурга) Ефремов жаловался *«о приключенных Запорожскаго Низового войска козаками как здешним донским козакам, так [и] всякаго звания проезжающим людем разбойническими нападениями крайних обид и разорений»*, а также о продолжении ими рыболовства на южном берегу Таганрогского залива [13, с. 1454]. К сожалению, текст этого сообщения и прилагавшегося к нему экстракта пока найти не удалось. Поэтому неизвестно, какой именно временной период (с 1743 года? или только за 1744 год?) в ней описывался. Но можно точно сказать, что в ней были и какие-то совсем свежие случаи. Так как в своих последующих жалобах донцы потом будут расписывать только инциденты, которые произойдут уже после этой даты.

29 декабря 1744 года Леонтьев направил запорожскому кошевому Якиму Игнатовичу поручение разобраться в этой жалобе — произвести расследование, вернуть пострадавшим утраченное имущество или компенсировать его стоимость, а виновным *«учинить за такое [с]толь многое дерзновение жестокое наказание по запорожскому войсковому обыкновению, без упущения»*. Также в нем содержалось распоряжение: *«и впредь ни для чего запорожских козаков отнюдь ни одного человека ни в какие донские угодья не отпускать!»*.

Последний пункт этого распоряжения, правда, запорожцам было бы трудно выполнить даже при всем желании, так как понятие о пределах своих и чужих территорий у этих двух казачьих войск на то время сильно не совпадало и было взаимоисключающим. Но этот момент в приказе скромно обходился.

Но в начале следующего 1745 года власть в Коше опять поменялась. Новым кошевым атаманом стал Василий Григорьевич Сыч (он же — Василий Григорьев). 16 января (вероятно, это исходящая дата) он письменно бодро сообщил Леонтьеву, что для выполнения его декабрьского указания *«полковника калмиюскаго до Коша сыскать приказано»*. И что

получится по результатам его будущего допроса, какие будут найдены виновные и определены компенсации донцам – обо всем этом Леонтьеву обещали сообщить дополнительно, позже [13, с. 1465].

Официального уведомления из Коша о смене запорожской верхушки тогда в Киев почему-то так и не поступило. Но Леонтьев, по изменению подписанта на входящих документах с Сечи, уже сам догадался об этом. Его сообщение в Сенат о смене кошевого датируется 15 февраля (вероятно, входящая дата) [13, с. 1409].

А с учетом того, что из Киева про этот указ довольно долго никто не будет напоминать, то в кошевой канцелярии это дело благополучно похоронили. Была такая милая привычка у запорожцев, частая смена руководства этому здорово способствовала.

Так как мы точно не знаем, какой период охватывала ноябрьская донская жалоба, то не можем и четко сказать, кого из приазовских полковников назвали в ответе Коша *«кальмиусским»* и обещали разыскать для следствия. Это на сей момент один из наиболее ранних (известных автору) случаев называния наших полковников этого периода кальмиусскими. В синхронных документах за 1745 – начало 1746 года (т.е. еще до гибели Еланчицкой паланки) будет еще несколько похожих случаев применения такого названия. Хотя паланку эти полковники тогда держали на Еланчике. Но вот наименования этих полковников «еланчицкими» — автору в документах пока не встречалось.

Как это правильно объяснить – пока непонятно. Значит ли это, что на тот момент в Северном Приазовье уже возник и второй запорожский населенный пункт (в устье Кальмиуса)? Если да, то почему тогда в наименовании местных полковников зафиксировалось именно его название, а не название паланкового центра на Еланчике? Или это просто отражение каких-то сформировавшихся намного раньше понятий, еще из Крымского периода запорожцев, когда азовские татары массово брали в полон казачьих охотников на Кальмиусе? Может уже у тех был какой-то свой неофициальный кальмиусский атаман, и это название успело стать «брендовым» для наших краев? В общем, версий различной степени бредовости можно накидать много, но какая из них окажется ближе к истине – пока сказать невозможно. Нужно искать новые документы…

Тем не менее, в целом складывается ощущение, что в 1744 году и в Черкасске, и в Сечи, прислушались к императорским указам о прекращении раздоров и ожидали в скором времени начала официального разграничения спорной территории. Поэтому старшина с обеих сторон провела соответствующую работу в низах. И, о чудо! Количество эксцессов с обеих сторон резко снизилось. По крайней мере, серьезных нарушений, которые стоило бы вытаскивать на глаза высочайшего начальства, в этом году обе стороны не зафиксировали. Довольно скучный был, наверное, год…

Некоторое оживление началось ближе к концу этого 1744 года. И было оно связано с немного другим районом Приазовья.

Ейская сторона и коммерческие вопросы

В середине XVIII века по Кубани кочевали многочисленные ногайские татары. А ближайшим к русским границам турецким городом в нашем регионе тогда был небольшой приморский городок Ачуев[1] в юго-восточном Приазовье. Он располагался на островке у устья самой северной протоки Кубани, впадавшей в Азовское море. В свое время турки его спешно восстановили и укрепили после захвата Петром I Азова, чтобы помешать возможному наступлению русских по приморской дороге на Тамань. Но сейчас речь не об этом. Итак, осенью 1744 года в головах ногайского владетеля Касая-мурзы из Прикубанья и турецкого коменданта Ачуева Исмаил-аги (в сборнике Яворницкого он неправильно расшифрован как «ачаковский ага») родился интересный «бизнес-проект». Они вспомнили о том, что еще совсем недавно, под властью турок, южное побережье Таганрогского залива (тогда обычно называвшееся, в широком смысле, «Кубанской стороной моря», а нынешними аборигенами – Ейской стороной) было традиционно весьма экономически интересным местом. Здесь азовские жители вылавливали огромное количество рыбы, широко расходившейся потом по всем причерноморским рынкам. Сейчас, по мирным договорам, закончившим последнюю русско-турецкую войну 1736-1379 годов, город Азов был русскими разрушен и оставлен в запустении, а земли бывшего Азовского дистрикта (района) с южной стороны Таганрогского залива объявлены «барьером», нейтральными землями между обеими империями. И то, что в «барьере» никем больше не производился лов рыбы – было неправильно, экономически не оправданно. Если бы этим инициативным людям удалось договориться с русскими о совместном использовании этого богатого рыбой района – в выигрыше были бы и ачуевцы (жители и гарнизоны приморских турецких городов также издавна жили за счет рыбы), и кубанские татары. Последние, правда, рыбной ловлей не увлекались и мелкой рыбой брезговали. Но крупную рыбу — типа осетра, севрюги, белуги и дельфина (да простят нас биологи за такой перечень!) — иногда покушать любили.

Сказано – сделано. Оба – и Исмаил-ага, и Касай-мурза написали письма со своими предложениями *«о произвождении им, кубанским обывателям в барьере между Чюбурской и Ачаковской косами обще с донскими козаками рыбных ловель»*. Касай-мурза при этом заручился еще и поддержкой со стороны сераскера — наместника Крымского хана на Кубани. В качестве адресата они, по каким-то своим соображениям, избрали войскового атамана войска Донского Данилу Ефремова. Почему не написали коменданту русской крепости святой Анны – один Аллах знает. Возможно, с Ефремовым у них уже до того были налажены какие-то контакты? И в Запорожский Кош они писать не догадались. Про то, что некоторые современные историки пару веков спустя припишут и Ейскую сторону моря к территориям «древнейшей Кальмиусской паланки войска Запорожского» — тогда и в страшном сне никому, включая и самих запорожцев, присниться не могло. Тогда все всё еще вживую помнили.

[1] В районе нынешнего села Ачуево Славянского района Краснодарского края.

Очаковская (Ачаковская) коса расположена на южном берегу Таганрогского залива, в его восточной стороне. Изначально у местных турок и татар это место называлось Акче-кумлар (беловатые, белесые пески), Акче-бурну (белесый мыс) и похожими вариантами. Также «акче» называлась мелкая турецкая серебряная монета (akçe — «беловатый»). Вероятно, такое название у тюрок она получила за белый цвет пляжей на ней. И только позже наши тугоухие славянские предки переиграли это название в Ачаковскую косу (такое название встречается уже в документах конца XVII – начала XVIII века). А еще позже какие-то грамотеи, знавшие о существовании города Очаков у Днепро-Бугского лимана, исправили название косы на «правильное» Очаковская. Хотя этот город никакого отношения к ней не имел, и даже его название имеет совсем другое происхождение… Сейчас эта коса официально называется Павло-Очаковской, как и одноименное село у ее основания.

Чубурская коса, сейчас — Чумбур-коса, расположена тоже на южном побережье Таганрогского залива, в 18 км юго-западнее от Павло-Очаковской косы.

7 ноября посланники Исмаила-аги и Касая-мурзы доставили эти письма в Черкасск. По пути посланники, правда, были не совсем приятно удивлены, заметив, что в барьерных землях уже кто-то рыбачит. И, судя по внешнему виду этих рыбаков, это были подданные совсем не Османской империи. Посланец от Касай-мурзы по имени Акмамат (Ак-Мехмед?) по этому поводу в Черкасске высказал свои сомнения: *«чтоб их [кубанским] людем в том рыбном отправлении по учиненной между обоими империями чрез бездельных людей какой в дружбе холодности, а паче напрасных ссор происходить не могло»*. То есть – выразил опасения, чтобы в случае допуска кубанцев к рыбным ловлям в барьерных землях не получилось никакого охлаждения в послевоенной дружбе между обеими империями из-за возможного разбоя и воровства со стороны тих «бездельных» (то есть – самовольных, никем не контролируемых) людей. По его же словам, не только в барьерных землях (на Чумбурской, Сазальницкой и Ачаковской косах), но и на оставшейся в турецких границах Ейской косе *«стоят не малыми ватагами в шишах для лову рыбы российские люди, а чьи – того знать не может, которые де не малое сумнение и опасность в проезде их к Черкасску им подают»*. Поэтому он просил: *«об оных, куда надлежит, представления или посылки туда для освидетельствования нарочных»*. Сам ли он дошел до таких мыслей или в Черкасске ему помогли их немного доформулировать – неизвестно, но руководство войска Донского ухватилось за эту возможность. Так как своих казаков оно достаточно неплохо контролировало, то было понятно, что это опять запорожцы балуются. То, что они без разрешения рыбачили в барьерных землях – это было прямым нарушением сенатского указа от 10 октября 1743 года, требовавшего от запорожцев убрать оттуда своих рыбаков. Ну а рыбные ловли на принадлежавшей Османской империи Ейской косе – были нарушением уже международных мирных договоров, что было немногим лучше. К тому же для донцов это был хороший повод лишний раз выставить в негативном свете войско Запорожское перед лицом вышестоящего руководства в преддверии намечавшегося разграничения территории между войсками.

Поэтому для проверки этих сведений на южное побережье Таганрогского залива был отправлен донской старшина Максим Федотов с двадцатью конными казаками. На Сазальницкой косе он нашел двадцать шишей (шалашей) и при них рыбацкую артель. Четыре ша-

лаша были заняты этой артелью, а остальные, вероятно, остались от летних рыболовов. Руководил артелью посадский житель крепости святой Анны Иван Смола, а в работниках у него было два его крепостных и 7 человек запорожцев. Но при попытке проверить у них наличие *«пашпортов»* (подписанных начальством официальных разрешений на выезд за границу), ситуация резко обострилась. Запорожцы, подпустив Федотова поближе, схватились за оружие *(«подпустя его близь себя и вступя в ружье»*). Так что дальнейшие переговоры шли уже в очень напряженной обстановке и при нацеленных с обеих сторон ружьях. Но обе стороны понимали, что дело было явно не из тех, где стоило бы проливать чужую и свою кровь. К счастью, ни у кого палец на курке не дрогнул… В общем, в результате переговоров, Федотов выяснил следующее. Иван Смола и его работники только добывали здесь рыбу *«крючковыми снастями»* (довольно жестокий способ добычи крупных осетровых, до сих пор сохранившийся у наших браконьеров), а улов у них забирал *«по ценам оной же крепости святыя Анны»* другой тамошний житель – купец Иван Канков (Конков), который уже *«обвозит [рыбу] для продажи в разныя места»*. На вопрос о паспортах запорожцы заявили, что *«хотя де они и пашпортов не имеют, однакож ведает про них брегадир и крепости святыя Анны комендант Вырубов»*. Обеим сторонам было понятно, что это наглая ложь, но в данных обстоятельствах (находившийся под прицелом) Федотов предпочел не заострять на этом внимание. После этого запорожцы сели в четыре лодки и, отъехав от берега на 50 саженей (около 100 метров), стали на якорь. Вздохнувший с облегчением донской старшина и его люди собрали в четырех жилых шалашах имущество артели – *«крючковых снастей, хлеба и протчаго»* — и все эти найденные пожитки сожгли. Шалаши донцы сжигать не стали (не совсем понятно – все 20 или только 16 нежилых?): *«<…> а протчие шишы оставил целы»*. Надо полагать, что засевшие в лодках запорожцы смотрели на это без всякого удовольствия, но, в связи с подавляющим численным количеством донцов, сделать ничего не рискнули. Вероятно, еще долго над серыми ноябрьскими водами Таганрогского залива раздавались искренние ругательства с певучим малороссийским акцентом.

Кстати, по мнению некоторых современных авторитетов, раньше украинские ругательства не выходили дальше выражений типа «А щоб тебе лиха година спіткала!» или «Хай би тебе дощ намочив!». Ну, может и так. Хотя автору в такое скудоязычие своих предков по этой линии верится с большим трудом…

После этого Федотов съездил еще и на Ейскую косу[2]. Здесь, а также на неких неназванных *«протчих косах»* (из более поздних документов по этому делу можно понять, что здесь имелись в виду Ачаковская и Чумбурская косы) он нашел еще довольно много заброшенных шалашей, которые прямо называет *«запорожскими»*. Но людей при них он больше ни разу уже не встретил. Отметим, что эти шалаши Федотов тоже жечь не стал, так как опасался нарушить положения сенатского указа о запрете ссор и обид между двумя казачьими войсками. Возвратился в Черкасск он 13 ноября 1744 года.

[2] Сейчас Ейской называется только коса с западной стороны входа в Ейский лиман. Маловероятно, чтобы Федотов поехал именно сюда, так как объезд вокруг лимана очень длинный, а лед на лимане в ноябре еще обычно отсутствует. К тому же, это была уже территория Османской империи. Поэтому более вероятно, что здесь Федотов назвал Ейской другую косу, которая отходит от северного («барьерного») берега лимана. Позже она будет называться Найденной или Глафировской.

Рис.26. Реконструкция пути М. Федотова для осмотра барьерных путей в ноябре 1744 года

Сразу же из Черкасска в крепость святой Анны пошел запрос. На него комендант Вырубов ответил, что упомянутые купцы Смола и Конков действительно относятся к его ведомству. На тот момент Конков был дома. А Смола еще весной отбыл в неизвестном направлении и до сих пор не вернулся. И никаких *«билетов»* в *«те неуказныя места»* комендант им не давал. Тут бы, в теории, Вырубову следовало хорошо прижать Конкова на предмет его пояснений, но в известных документах протокол его допроса почему-то не упоминается. Такое ощущение, что коменданту этот допрос был почему-то не особенно интересен. А находившийся с ним в добрососедских отношениях донской войсковой атаман Ефремов тоже не стал заострять на этом моменте внимание. Опять какое-то мутноватое дело получается…

23 ноября 1744 года сообщение о просьбе Касая-мурзы и Исмаил-аги (вместе с оригиналами их писем, для их перевода), а также о результате проверки их сведений Максимом Федотовым, были отправлены из Черкасска в Коллегию иностранных дел (КИД).

Несколькими днями позже, 29 ноября, Ефремов отправил в Киев уже упоминавшееся донесение Леонтьеву. Некоторые подробности о нем можно ретроспективно узнать из донского обращения в Сенат от 31 декабря 1745 года [13, с. 1454]. Там упоминается, что в прошлогоднем донесении Леонтьеву, как куратору войска Запорожского, сообщалось о запорожские разбоях (с приложением экстракта), а также о действиях его подшефных на Таганрогском заливе. Что запорожцы, *«в противность В.И.В. указов»*, продолжают приезжать на Кубанскую сторону и что есть риск возникновения из-за этого проблем с кубанцами.

Сокращенный пересказ этого донского донесения удалось найти в донесении Военной коллегии в Сенат от 30 марта 1745 года. В нем донцы акцентировали внимание, что *«<…> не малая опасность обстоит, как бы от него, Запорожского Низового войска козаки (по их известной своеволности) и протчия с ними бродящия люди не могли отвагою*

учинить как проезжающим по дорогам войска Донского козакам и протчим людям не малые разбои, и граблении причинили проезжающим сухопутно с Крыму и с Кубани, [а] также морем на судах ис Константинополя и с Крыму разным купецким людем с товарами». Также донцы переживали, чтобы компенсации за эти разбои потом не возложили на войско Донское. Далее донцы кратко пересказывали сенатский указ от 23 августа 1744 года (о подготовке к разграничению и назначению вместо Вырубова другого офицера, а также о том, чтобы *«паче же не в принадлежащие места не въезжать, а всякий бы тем ползовался, чем кто прежде изстари владел и ползовался»*, а также о том, что обоим войскам *«наикрепчайше подтверждено, дабы между собою никаких ссор и друг другу обид не произносить»*). В этой связи в письме приводилась информация от донских стариков: *«<…> по справке с старожилыми людми, что Запорожского Низового войска козаки в тамошния ближния [к Черкасску — LV] места, а особливо за море [на южную сторону Таганрогского залива — LV] ни для каких ловлей не въезживали» (вероятно, здесь речь шла о периоде до 1709 года)*. Поэтому войско Донское просило руководство приказать донцам отправить *«нарочных»* для сожжения шишей запорожских рыболовов *«по кубанской стороне моря на показанных косах»*, а также чтобы запорожцам *«впредь, яко ни мало в подлежащие им места въезжать указом запретить»* [13, сс. 1409-1412].

Хочется обратить внимание на один из характерных приемов, используемых здесь донским атаманом Данилой Ефремовым. После окончания последней войны войны с турками прошло только пять лет. Еще почти нет движения по приморской дороге между Таманью и низовьями Дона. Еще очень редко приходят суда с товарами из Турции и Крыма к Черкасску и к крепости святой Анны. А Ефремов (как и в 1743 году) продолжает сильно переживать о возможности грабежей, которые потенциально могут им произвести запорожские рыболовы. За прошедшие полтора года, что запорожцы сюда регулярно плавали на рыбные ловли, еще ни одного реального случая нападений с их стороны на турок и татар не было зафиксировано. Еще же ничего не произошло! А жалоба наверх опять ушла. Все-таки матерый он был интриган и мастер подковерной борьбы. В плане мастерства такой борьбы малограмотная старшина Запорожского Коша, которая к тому же тогда часто менялась, была объективно слабее. И неудивительно, что она начисто проиграет эту схватку.

Большим мастером таких дел много позже станет последний кошевой войска Запорожского Низового Петр Калнышевский. За что, во многом, и пострадает в итоге. Но то уже совсем другая история…

КИД среагировал оперативно и в ответ на вопросы донцов уже 16 декабря 1744 года направил свою грамоту, вместе с переводами на русский язык обоих писем, в Военную коллегию (надо полагать, для сведения и для передачи войску Донскому). В грамоте дипломаты отмечали следующее. По предложению Касая-мурзы и Исмаила-аги было дано положительное решение. Как нами уже говорилось ранее, конкретно при разграничении этого района в 1741 году в тексте итогового документа забыли (или не подумали?) включить положения о возможности совместного хозяйственного использования нейтральных барьерных земель подданными обоих империй (как это было прямо прописано в Инструментах разграничения земель к западу и востоку от Днепра 1740 и 1742 годов). Поэтому дипломаты ухватились за эту возможность закрыть этот неурегулированный вопрос. Тем более, что в переданных письмах предлагалось распространить это положение еще и на морские

ловли в этом районе. *«<…> что по желанию с Турской стороны – подданным Порты в бариерных азовских местах обще с нашими людьми [т.е. со всеми российскоподданными! — LV] рыбу ловить позволить можно, ибо от того обоих сторон подданным и особливо вам, нашему войску Донскому, польза быть может. Толь наипаче, когда еще, по вышеписанным ачюевскаго аги и кубанскаго мурзы письмам, такая рыбная ловля вам и в море дозволяется»*. Но так как эта инициатива выдвигалась не в официальном порядке, а в частной переписке, то и отвечать на нее КИД предлагал лично войсковому атаману. Ему даже было предложено примерное содержание такого письма. Так, он должен был ответить своим корреспондентам согласием на их просьбу, оговаривая лишь мирное и добрососедское взаимодействие между занимающимися своими хозяйственными промыслами в барьерных землях подданными обеих империй. А также напомнить о необходимости постоянного присмотра местного начальства с обеих сторон за поведением своих подчиненных. Отдельно Ефремову напоминалось: *«в повторение прежних наших указов сим подтверждается, чтоб в бариерных местах хуторов, дворов, изб и никакого принадлежащаго к житью людей строения самим не строить и никого из наших подданных до того не допущать. И того прилежно пре[до]стерегать, дабы из турецкой стороны во оных местах никакого строения чинено не было. Понеже, как известно, по трактату с Портою 739 г. и особливо по граничной конвенции 1741 году, в тех местах обоим сторонам крепостей и никакого строения иметь не дозволено, для чего из того трактату и конвенции выписки при сем посылаются»*. По идее, камышовые шалаши рыболовов, как временные сооружения, под определение запрещенного на этой территории «постоянного жилья» не попадали.

По поводу же прочих «нарушителей» ответ КИД предписывал следующее: *«что же надлежит до запорожских казаков и крепости Св. Анны обывателей и иных, которые б* ***без позволения и без пашпортов*** *в азовския бариерныя места, наипаче ж в турецкие границы, для рыбной ловли или для чего иного идти отважились таких велеть вам тамо ловить и для надлежащего штрафования отсылать к командам их, и шелаши их или чтоб другое для жития у них в степи находилось – разорять»*. Обращаем внимание – в ответе КИД речь шла не о всех вообще запорожцах и обывателях крепости святой Анны, заехавших в барьерные земли, а только о «беспаспортных», нелегальных! Именно их предлагалось ловить донцам и официально передавать для штрафования к их руководству, а их шалаши уничтожать. То есть, на счастливчиков, у которых имелся официальный «пашпорт» — такие жесткие меры, по мнению дипломатов, распространяться не должны были!

Технически получение «пашпорта» для выезда в заграничные места (к которым относились и барьерные земли) было не слишком сложным. Желающий должен был явиться к местному руководителю (коменданту крепости у русских, местному полковнику у запорожцев или в войсковую канцелярию войска Донского в Черкасске) и внятно объяснить – куда и с какой целью он собирается. В случае положительного решения – писарь ему выписывал пропуск с указанием этих данных. Вот, как бы и всё. Вот только убедить, скажем, коменданта крепости святой Анны, который должен был следить за порядком в приграничье и которому толпы болтающегося там народа были совсем не нужны – было иногда весьма затруднительно. Да и понятия пограничного люда о способах заработка были зачастую довольно специфическими, так что лишний надзор им был не особо нужен. Сказывалось и наше славянское неприятие бюрократии в любой ее форме. В общем, население эту паспортную систему сильно не любило

и активно старалось ее обходить. Особенно в этом плане отличались запорожцы, у которых контроль начальства над казаками был наиболее слабо организован.

По поводу остальных проблем донцов – КИД несколько витиевато рекомендовал им дождаться указа из Военной коллегии – *«о размежевании ваших донских и их запорожских мест и разобрании ссор»* [9, сс. 344-346].

К сожалению, документы по последующей переписке по запросу кубанцев автору удалось найти только частично. Поэтому некоторые моменты приходится расписывать несколько гадательно. К счастью, для основной темы нашей книги это не особо критично.

В последующих документах КИД упоминается два письма от кубанцев: *«кубанского мурзы Касая к Донскому войсковому атаману Ефремову два письма оригинальныя обратно и с переводом с оных [из КИД — LV] в нашу Военную коллегию при том сообщены»*. Вероятно, второе письмо было не в составе ноябрьского послания, а появилось уже позже, вследствие завязавшейся переписки между Ефремовым и Касаем-мурзой. Тогда его поступление в Черкасск нужно датировать ориентировочно январем 1745 года.

Донцы отигинал и этого письма тоже отправили в КИД. Но в нем, при переводе, дипломаты *«сверх вышеописанного требования»* (о свободе рыбной ловли) нашли еще и несколько татарских жалоб. Так, ногайцы жаловались на удержание на Дону крымских купцов и требовали скомпенсировать понесенные теми из-за этого убытки. Также — на убийство донскими казаками в мирное время девяти кубанских ногайцев, и на ограбление калмыками четырех татар. Из КИД эта тревожная информация была направлена в Военную коллегию.

14 февраля 1745 года из военной коллегии сообщили промеморией в КИД, что по этим вопросам они отправили на Дон грамоту с требованием от войска Донского расследования этих дел и наказания виновных, с предоставлением по итогам отчетного *«экстракта с мнением»*. Но донцы на эту грамоту так ничего и не ответили…

22 марта, на заседании Военной коллегии, по какой-то причине было решено все-таки вынести ноябрьский запрос донцов на рассмотрение Сената. *«Определено: в пр.[авительствующий] сен.[ат] подать сие доношение и требовать, чтоб Запорожскому Низовому войску повелено запретить, дабы они для рыбных ловель по кубанской стороне моря не в надлежащие им места впредь не въезжали, а построенные ими, запорожцами, на косах шиши повелено б все зжечь, дабы они впредь в тех местах, кои нимало не принадлежат, пристани иметь и проезжающим купецким людем озлобление чинить не дерзали, и о вышеписанном от пр. сен. Военная коллегия требует Е.И.В. указа»*. 30 марта соответствующее донесение в Сенат было составлено. В нем пересказывалось ноябрьское сообщение из Черкасска, но ни словом не упоминалась татарская жалоба [13, сс. 1409-1412].

По всей видимости, в Сенате, в процессе отработки этого обращения, обратились за уточнением и в Коллегию иностранных дел, которой это дело напрямую касалось. Дипломаты по этому поводу подготовили свою промеморию, в которой профессионально (безупречно вежливо, но с хорошо заметной для опытного глаза издевкой) ткнули Военную коллегию носом в ее недоработки по этой теме. Они напоминали, что ранее уже пересылали в Военную коллегию переводы с двух писем Касая-мурзы. И что в них *«по переводу де усмотрено быть может, что в тех письмах сверх вышеписанного требования писана*

еще жалоба <…>» (далее кратко расписывались сами жалобы). И что в феврале Военная коллегия уже обещала заставить донцов провести расследование по этим случаям. Но ответа по ним в КИД так и не поступило: *«<…> неизвестно, без чего де и коллегия Иностранных дел о том точного мнения сообщить не может»*. Почему КИД предлагал Военной коллегии заново *«указом подтвердить»* войску Донскому о необходимости срочного расследования убийства кубанских ногайцев и немедленного донесения о его результатах. *«<…> И по вашему войсковому суду винным за то что надлежит учинить и каким бы образом сие дело с татары лутче, по их тамошнему знанию, успокоить и прекратить, при том бы обстоятельно представили, почему б здесь [т.е. в Санкт-Петербурге — LV] в том деле точная резолюция уже принята быть могла»*. Также из Черкасска требовали *«обстоятельное донесение»* о причинах задержки крымских купцов. Что же касалось до ограбления четырех татар, то здесь Ефремову предлагалось, *«хотя то и не до казаков донских, но до калмык касается»*, лично взяться за это дело, так как кубанский мурза писал именно к нему. От донского войскового атамана требовалось каким-то образом установить, из улуса какого калмыцкого мурзы были те неизвестные калмыки, и самому с ним связываться на предмет удовлетворения ограбленных татар. Вероятно, дипломаты надеялись на личные связи и огромный личный опыт Данилы Ефремовича по калмыцким вопросам.

Также в КИД еще раз немного ядовито подсказывали воякам: *«Что же касается до запорожских казаков (и нашей Военной коллегии известно), что оные в коллегии Иностранных дел не ведомы»*, т.е. не подведомственны. После чего напоминали об указе из КИД от 16 декабря 1744 года (о ловле рыбы в барьерных землях), заключая, что всё изложенное в том указе до сих пор актуально и остается в силе: *«о чем обо всем и ныне на то ж согласность быть имеет»*. При этом к данному экстракту была приложена копия с этого указа, с предложением Военной коллегии продублировать со своей стороны его подтверждение Войску Донскому.

1 мая 1745 год эта промемория КИД была представлена на усмотрение лично императрице Елизавете Петровне. На что императрица выразила свое неудовольствие и поручила поскорее разобраться с этим делом. Получив «волшебный пендель», чиновники Военной коллегии в тот же день (!) наскоро переписали текст этой промемории в новую грамоту для войска Донского, даже не потрудившись его более внятно переформулировать и отделить поручения войску Донскому от поручений Военной коллегии (из-за чего текст грамоты получился во многом бредовым). А также добавили от себя, что все порученное требуется выполнить и доставить *«в самой крайней скорости»*. В тот же день, 1 мая 1745 года, этот указ уже был зарегистрирован под номером 3573. А срочно доставить его на Дон должен был находившийся в Санкт-Петербурге *«нарочный казак Михей Киселев»* [9, сс. 357-359].

Сильно забегая вперед отметим, что, как бы медленно ни крутились шестеренки петербургской бюрократии, в конечном итоге было вынесено решение и по этому затянувшемуся вопросу. По представлению Военной коллегии в июне 1745 года в Сенате наконец-то была рассмотрена ноябрьская «отписка» войска Донского о запорожском рыболовстве по южному берегу Таганрогского залива.

Так как надежды на то, что плохо контролируемые Кошем запорожцы смогут удержаться от «шалостей» в этом, находящемся вне границ Российской империи, регионе ни у кого не было, то мучиться с организацией контроля там за их поведением не стали. А просто вновь прямо запретили запорожцам въезжать на Кубанскую сторону Таганрогского залива. 11 июня 1745 года была подготовлена сенатская грамота в войско Запорожское Низовое. В ней вначале очень кратко (всего в один небольшой абзац!) пересказывалось содержание ноябрьской донской отписки: *«<…> о зделании от вас [запорожцев — LV] и другими русскими людми для лову риби в барьере Чубурской, Сазалницкой и Ачаковской и в границе турецкой на Яйской [Ейской — LV] косах по Кубанской стороне моря шишах, где и стоят немалими ватагами»*. А также говорилось о возможных обидах от них проезжающим.

Поэтому Сенат приказывал: *«<…> что б ви [войско Запорожское — LV] для рибних ловель по Кубанской стороне моря не в принадлежащия Российской империи места отнюдь не в[ъ]ежали, и тем кубаньцам, яко соседним людем, обид не чинили и ссор с ними не имели. А ползоватся вам и владеть тем, чем ви прежде исстари владели и пользовались».* То есть – теперь запорожцам нельзя было туда въезжать даже при наличии паспортов. Получается, интриги Данилы Ефремова в этом направлении завершились полным успехом. И, как дальше говорилось в этой грамоте: «*И для того, построенния на показанних косах запорожскими козаками шиши – все зжечь*». Причем это должно было быть произведено совместно, *«чрез нарочно посланних от него [штаб-офицера — LV] и войска Запорожского Низового»*. Также в конце указа содержалось очередное напоминание Кошу, что вместо Вырубова его миссия будет поручена другому (неназванному) штаб-офицеру[3] [10, сс. 437-438].

Не удержусь, просто для общего развития, привести перечень подписантов под этим сенатским Сенате указом: *«По указу ея императорского величества – фелдмаршал и сенатор князь Долгорукой, генерал и сенатор подполковник гвардии и кавалер граф Ушаков, генерал и сенатор кавалер и гвардии подполковник граф Румянцов, генерал и сенатор и кавалер и камергер Александр Бутурлим (sic!), генерал-лейтенант, сенатор и кавалер Иван Бахметев, генерал-лейтенант, сенатор, действительный камергер, лейб-компанеи подпоручик Петр Шувалов, тайний советник, сенатор и кавалер, князь Алексей Голицин, обер-секретарь Павел Севергин, секретарь Михайло Новоторжцов»*.

Конечно, такой указ в Запорожском Коше удовольствия не вызвал. Но против прямого сенатского приказа кошевой атаман Василий Григорьевич Сыч ничего возразить не мог. Ему это и пришлось расхлебывать. 31 августа он уже докладывал из Сечи о выполнении требований указа от 11 июня 1745 года. В его письме традиционно вначале шло краткое изложение содержания самого указа, довольно близкое к оригинальному тесту этого документа. Приведем лишь один небольшой отрывок из этой части, где Григорьев передает часть требований в пересказе, более простым и человеческим языком. Так он, вероятно не без горечи, пишет о своих задачах: *«<…> и дабы те все поделанние по Кубанской стороне шиши в конец огнем зжечь, а козаков з той Кубанской сторони сгнав, впредь на тую сторону*

[3] Концовка этого документа очень неудачно и невнятно сформулирована. К тому же, в современной публикации в этом месте, похоже, произведена неправильная разбивка на предложения. Из-за этого текст его окончания стал крайне трудно понимаемым.

ни за чим ездить отнюдь запретить <…>». Согласитесь, такая формулировка гораздо более понятна для ушей простого казачества, чем закрученные канцеляризмы сенатского указа.

Далее, в результирующей части своего письма кошевой пишет: *«И по силе оной В.И.В. высокомонаршой грамоти ми [?], атаман кошовий [со старшиной? с товариством? — LV], справясь о снятии козаков войска нашего з той сторони моря от Кубани и о разорении тамо поделанних шишов, письменно, под жесточайшим истязанием за несправку*[4]*, полковнику*[5] *нашему Калмиюскому Левку Горнову приказали. Между чим и по многократно напоминая, дабы впредь з козаков войска нашого ни хто на тую сторону моря к Кубани для ловле риби и ни за чим бы ездить не отважились <…> всемирно накрепко притвердили»* [13, сс. 1412-1413]. То есть, кроме всенародного прочтения в Сечи текста этого указа для сведения «товарищества» (интересно, ропот сильный поднялся?), был еще отправлен жесткий приказ некоему кальмиусскому полковнику Левку Горнову, который должен был обеспечить его выполнение в наших краях. Он должен был не допускать плаваний запорожцев «за море», на южную сторону Таганрогского залива. На какое-то время этот приказ действительно должен был несколько ограничить кипучую энергию и авантюризм местных запорожцев. Но вот насчет того – надолго ли – ответ отрицательный. Уже в следующем году донцам опять придется сгонять оттуда толпы запорожских рыбаков.

Фамилия Горнов в наших краях документах тех лет больше не встречается. Согласно консультации украинской исследовательницы Т.Л. Кузик (спасибо ей!) – Левко Горнов, названный в данном документе кальмиусским полковником, это тот же человек, что и многократно упоминаемый в документах осенью того же года полковник Левка Черный (Черной), державший свою паланку на Еланчике. Фамилия «Горнов» является неправильно воспроизведенной формой от «Черной» (Чорный, Чорнов?).

Что касается до собственно донцов. Уважаемый Читатель, наверное, помнит о переговорах с кубанцами и о положительном мнении Коллегии иностранных дел о возможности совместного русского и татарского рыболовства в барьерных землях от Азова до Ейского лимана. Тем не менее, автору книги так и не удалось найти упоминаний о появлении правительственных указов, прямо разрешающих это. Похоже, тема такого соглашения, которое бы очень пригодилось подданным обеих империй, тогда так тихонько и умерла…

Без официального разрешения от имперских властей – руководство войска Донского не давало своим казакам рыбачить в этих южных барьерных землях. А поскольку Черкасск (в отличие от Коша) своих казаков довольно жестко котролировал, то нарушать войсковые постановления они обычно не рисковали. По источникам этого времени сколько-нибудь заметного присутствия здесь донских рыболовов так и не становится заметно.

Но вот присматривать за общим порядком в барьерных землях вдоль южного побережья Таганрогского залива – донцам приходилось. И они потом будут еще не раз гонять оттуда запорожских «браконьеров».

[4] Т.е. под угрозой жестокого физического наказания в случае неисполнения.

[5] Исправлено по смыслу. У Яворницкого здесь *«полковников, »*, что точно не подходит по смыслу.

Весна 1745 года. Команда полковника Постернякова и очередное обострение

А мы вернемся опять в начало 1745 года. Новым еланчицким полковником стал Тимофей Иванович Постерняк (Постерняков). Как позже вспоминал он сам: *«<…> в прошлом 745 году он на реку Миюс послан был от кошевого атамана и от всего войска Запорожского в генваре месяце, а которого числа не упомнит, из Запорожской Сечи для сыску воров и разбойников»*. Вместе с ним из Коша на Еланчик отправились есаул Иван Лаштабега, писарь Алексей Федорович Петруша и подписок Федор (чью фамилию и прозвище Постерняк затруднялся вспомнить на следствии уже через год), а также казак Петр Малый. По дороге их догнали и присоединились еще три казака — Грицко Литвин, Алексей Довгий, Марко Шульга. Вот это, собственно, и была первоначальная команда нового еланчицкого полковника. Позже, из местных казаков с ним активно сотрудничали еще Семен Хвостцов, Василь Басараб, Корней и Грицко Рудые (Руди) [13, с. 1516].

Тимофей Иванович Постерняк был человеком громким, шумным и вспыльчивым, но, при этом, мягко выражаясь, не шибко умным. Он легко подпадал под влияние своего окружения и никак не утихомиривал хищнические повадки своих подчиненных (да, похоже, и не находил их чем-то неподобающим). Его паланковый писарь Алексей Петруша (он же — Федоров, Сукур), как покажут последующие события (и вся его дальнейшая жизнь) также не отличался особыми моральными принципами, с гнильцой был человек. Есаул Лаштабега – этот был поумнее своего тогдашнего начальника, но несколько себе на уме, он играл какую-то свою игру. Со стороны Коша назначение именно такого состава старшины для Еланчицкой паланки оказалось явно неудачным. Возложенные на него функции Постерняк потянуть не сможет, и при нем в ведомстве подчиненной ему паланки буйным цветом расцветут полный бардак и анархия. Вскоре Иван Тимофеевич втравит Кош в неприятную историю, из которой и он сам, и войско Запорожское Низовое будут выбираться с большим трудом и потерями.

Возможно, что наш полковник Тимофей Иванович был не совсем чужим человеком для Приазовья. За сорок пять лет до того, в марте 1700 года к Миусскому шанцу вышли три полоняника, бежавших из-под Керчи. Одним из них был *«Гетманского полку казак Кондрашка Постарнак»*. На допросе в Троицком (нынеший Таганрог) он показал, что был захвачен в плен татарами под Тором в 7204 году (сентябрь 1695 – август 1696 г.) [16, с. 67]. По каким-то причинам после этого он не стал возвращаться в родные места, а остался в Примиусье и, вероятно, даже перетащил сюда часть своей родни из Малороссии. В перечне 1707 года казаков конной службы Миусского шанца в 5-й роте записаны Кондрат и Андрей *«Посторняковы»*. А среди полковых недорослей встречается имя *«Ивана Постернакова»*, которому тогда было 12 лет [17, с. 110]. Если это действительно отец нашего полковника Тимофея Ивановича, то к 1745 году Ивану должно было быть 50 лет, а его сыну – около тридцати лет. И этот Тимофей мог что-то запомнить (пусть и не очень четко) из рассказов отца о его молодости в Миусском шанце. Возможно, именно он и был тем самым источником сведений о прежних запорожских владениях *«аж до Белого Каменя <…>, лежащего поблизу Черкасского»*, которые Кош начинает использовать в официальной переписке, начиная с января прошлого 1744 года. А вовсе не те мифические *«наши*

войсковые старинные козаки», на которых тогда ссылалась запорожская администрация. Тогда назначение Кошем именно этого человека в качестве местного полковника (невзирая на его полную некомпетентность в качестве руководителя) получает некоторую осмысленность. Но это предположение еще нуждается в документальном подтверждении, так как фамилия Пастернак/Постерняк (по названию травы) относится к довольно распространенным на Украине.

Писарь Алексей Федорович Петруша (Алексей Федоров). Как убедительно доказала украинский историк Т.Л. Кузик, это тот же самый человек, что и упоминаемый в документах Алексей Сукур (Сукор). На момент описываемых событий ему, скорей всего, было несколько менее 30 лет.

В некоторых тюркских языках (в том числе ногайском и крымско-татарском) слово «сокыр, сокъур, сокур, сокор, сукур» означало «слепец» (и производные от него понятия – «одноглазый, кривой»). У запорожских казаков прозвище Сукур, Сукор, Цокур, Цукур было очень распространено. Что, с учетом особенностей осуществления стрельбы из тогдашнего огнестрельного оружия, не вызывает удивления.

Похоже, у Алексея Петруши была какая-то проблема с одним глазом, из-за чего к нему прочно приклеилась кличка Сукур. И естественно, что он это прозвище сильно не любил и предпочитал сам себя называть по отчеству или фамилии. Но не очень толерантные запорожцы на это внимания особо не обращали и продолжали называть его чаще по характерному прозвищу. В записках монаха Леонида (в миру — Лука Яценко-Зеленский) этот войсковой писарь упоминается как *«Сукур Олекса, Кривой»* [31, с. 13].

Алексей Петруша был выходцем из казаков Прилуцкого полка. Отец научил его грамоте, на чем, похоже, его образование и закончилось. С 1734 года он начал службу писарем в этом же полку, выполнял различные поручения по писарской части, участвовал в Хотинском походе 1739 года. В 1740 году перешел к запорожцам. В первой половине 1745 года, как уже говорилось, был писарем в еланчицкой паланке. Позже, с 1746 года и по 24 июня 1748 года (2,5 года) он будет войсковым писарем в Сечи. В сентябре (?) 1749 года он переберется из Запорожья на Гетманщину, опять в Прилуцкий полк. Основные вехи его биографии изложены в статье Т.Л. Кузик, приводимой в Приложениях к книге.

Первая половина правления нового еланчицкого полковника прошла достаточно спокойно и тихо. Но в конце апреля — начале мая 1745 года он по какой-то причине решил активизироваться на ниве борьбы с разбоями. Были ли у него какие-то объективные предпосылки для этого или, быть может, пришел какой-то очередной грозный приказ из Коша по этому поводу – выяснить не удалось. Как показывал годом позже на следствии в крепости святой Анны Постерняков (возможно, с некоторыми отклонениями от реальных событий) — в мае месяце, *«а которого числа не упомнит»* (на самом деле это должно было начаться еще в конце апреля), по его команде для этой миссии было привлечено 35 казаков из близлежащих зимовников и с морских кос. Двадцать пять из них вместе с есаулом Лаштабегой были отправлены *«в розъезд для искоренения воровства».* Неизвестно, в какой именно район направлял первоначально Постерняк своего есаула (на следствии он этот

момент тщательно обходил), но в конечном итоге маршрут Лаштабеги получился следующим. По его словам, послан в этот разъезд он был с Грузского Еланчика. Видимо, какое-то время Лаштабеге понадобилось для организации сбора местных казаков, так как он там же *«не выездя из оного места начевал»*. На следующий день он *«по утру поехал в Высшей [Мокрый — LV] Еланчик, где поланка стоит»*. Оттуда его разъезд, вероятно, отправился к верховьям этой реки, откуда и выехал к Крынке. Переправившись через нее и пообедав, они отправились в сторону Леонтьевых буераков. По пути заночевали в *«урочище Шишовых»* (Шишовы горы). На следующее утро, немного не доехав до своей цели, они остановились на отдых в какой-то балке и стали варить себе обед. Скорей всего это было в верховьях балки Ореховой (левый приток речки Савостьянки) или ее левого отвершка – балки Погорелой. Место остановки Лаштабеги находилось явно недалеко от уже упоминавшегося ранее шляха из Бахмута в низовья Дона, так как его (скорей всего по дыму) скоро заметила ватажане направлявшегося в Черкасск обоза (примерно из 30 возов). И, по показаниям Лаштабеги, сопровождавшая обоз охрана из восьми вооруженных чугуевцев *«при сагайдаках, с копьями»* приехала в балку проверить, кто там жжет костры. И эти чугуевцы (якобы) *«стали у них спрашивать, что они за люди?»*. На что Лаштабега объявил им, что они *«запорожцы и ездять в розъезде для сыску воров и разбойников»*. И поинтересовался у чугуевцев: *«Нет ли от кого каких им обид и грабительства и не видали ль где таковых разбойников?».* Получив отрицательный ответ, запорожцы, по своему обычаю, *«просили оне у них [ватажан — LV] с честью сухарей и пшена, почему они им и дали сухарей и пшена по полу мешку»*. После этого запорожцы с чистой совестью закончили свой обед и поехали в Леонтьевы буераки, где и заночевали. В этих буераках они провели двое суток, после чего, якобы, возвратились обратно в паланку [13, сс. 1525-1526]. Примерная реконструкция этой части пути есаула и его казаков показана на Рис.30.

В описанном выше случае с обозом не совсем понятно, ватажанам пришлось тогда выдать запорожцам всего полмешка сухарей и полмешка пшена (тогда это немного) или же это было количество с каждого воза? С учетом того, что Кош еще при Кишенском и Таране постановил брать с проезжающих по запорожским территориям *«с каждого воза по меху пшена»*, скорей всего Лаштабега именно это «проездное» и потребовал с обоза. А поскольку охрана обоза (если она вообще существовала в реальности) по численности была в три раза меньше, чем запорожский разъезд, то ватажане были вынуждены подчиниться и выдать (непонятно с какой радости) запорожцам порядка 15 мешков пшена и столько же сухарей. Что было уже очень даже для них ощутимо. И тогда иначе, чем грабежом они это воспринять не могли…

Показания Лаштабеги насчет наличия у этого обоза вооруженной охраны раскритиковал на том же следствии ротмистр Виногоров: *«Что же помянутой есаул объявляет, якобы у проезжающих до Черкаскаго при чугуевской коннице [у] ватажан харчевые припасы с чести брал, из чего ево есаулская видимая ложность. Понеже чугуевцам ни малейшаго способу и резону, якобы конвоем для [с]опровождения ватаг не находитца, и не для чего и никогда чугуевской конницы в таких отделениях от их команды не бывало. И те ватажане, то есть малороссияне, харчи своей (без чего им в дороге пробыть не возможно), кроме того, как наибольше с принуждения и грабежа брали, а не доброволно они давали <…>»* [13, с. 1531]. С учетом того, что ротмистру на своей заставе довелось видеть множество обозов, проезжавших по той дороге, он хорошо знал, о чем говорил…

Разъезд Лаштабеги оставался где-то в тех краях еще довольно долго. Весь его рейд занял 16 дней по показаниям Постерняка или 20 дней – по мнению самого Лаштабеги. К сожалению, дальнейшие действия Лаштабеги в материалах следствия не описаны. Сам есаул очень тщательно этот период замалчивал, а его полковник отговаривался полным незнанием. Но вот, по странному стечению обстоятельств, именно в это время в районе вышеозначенных буераков начался сплошной криминал…

В этой истории вообще остается не очень понятна цель поездки Лаштабеги в междуречье Крынки и Миуса, в район тамошних лесов (Леонтьевы, Глухие и Орловые буераки). Хотя территории к западу от всего Миуса относились к тем, на которые тогда претендовал Кош, реальное влияние запорожцев на тот момент так далеко от морского побережья не распространялось. В районе вышеуказанных буераков проходил критичный для донцов шлях от Бахмута к Черкасску. И его, совместными усилиями, тогда вполне успешно контролировали на этом участке бахмутчане и казаки Азовского казачьего полка. И, по информации азовцев, на шляхе до того момента все было тихо, жалобы на разбои от проезжающих не поступали.

Леонтьевы, Глухие, Орловские буераки – небольшие степные байрачные леса, располагавшиеся по дну и склонам некоторых местных обводненных балок в междуречье Миуса и Крынки. В приазовских степях, где древесины почти не было, такие леса всегда служили важным ориентиром и местом лесозаготовки для всех живущих относительно недалеко местных сообществ.

Леонтьевы и Глухие буераки располагались чуть восточнее водораздельной возвышенности, в верховьях правых притоков Миуса, они сохранились до сих пор. А вот точное месторасположение Орловских буераков автору установить не удалось. Вероятно, они располагались совсем рядом с Леонтьевыми буераками, с противоположной от них, западной стороны водораздела, на балке Орловой (приток Савостьянки). Менее вероятно, что они располагались на речке Орловке (левый приток Крынки, устье у с. Степано-Крынка), в 15 верстах западнее от «первого» места. К тому же пишут, что второе название появилось только в 1760-х годах и является более поздним, чем описываемые нами события.

Их расположение – см. на **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

Что же касается до самого еланчицкого полковника, то (по его словам) чуть позже момента отъезда Лаштабеги Постерняк с оставшимися 10 казаками тоже совершил разъезд, но в другом направлении. Он проехал по приморской зоне до *«урочища Берда»*, где прибавил к своей партии еще 15 казаков. Для обратного пути Постерняк поднялся в район южнее речки Каратыш (левый приток Берды), проехал вдоль нее и Мокрой Волновахи, пересек Кальмиус, после чего вернулся в Еланчицкую паланку. За 15 дней он проделал путь примерно в 300 верст (если этот объезд на самом деле был, а не представлял собой задним числом выдуманное полковником алиби).

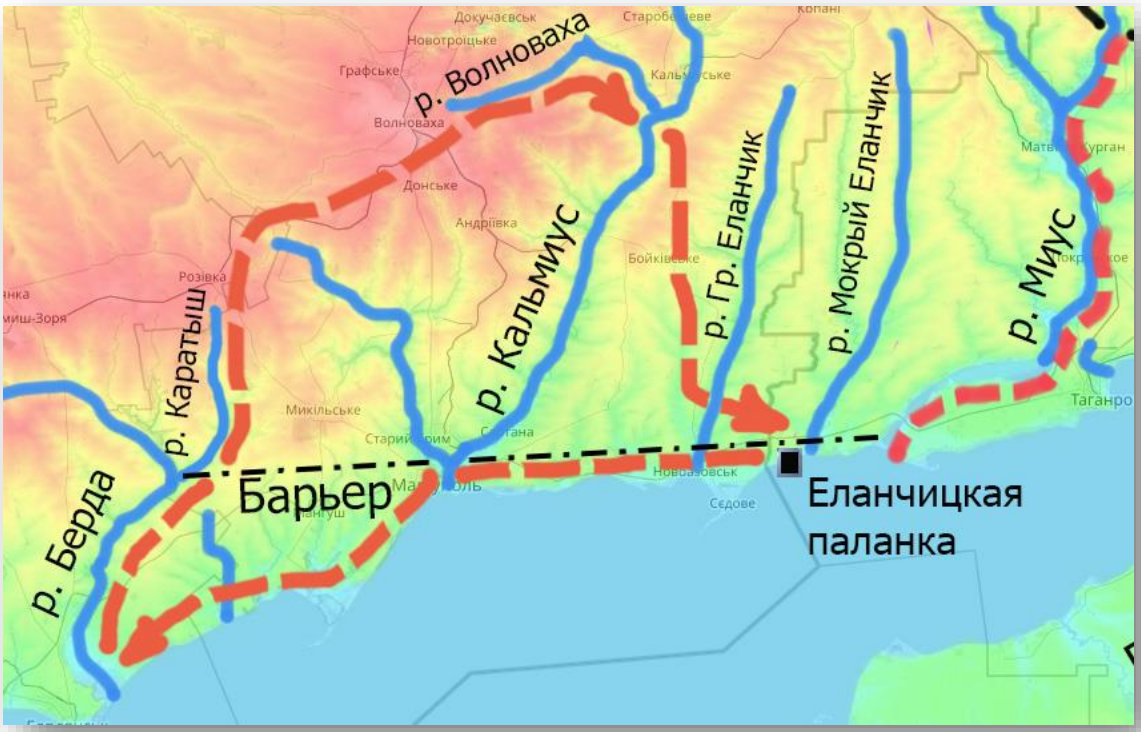


Рис.27. Реконструкция маршрута «бердянского» разъезда Постерняка (коричневатая пунктирная стрелка) в конце апреля – начале мая 1745 года. Красным пунктиром показана фактическая граница между двумя казачьими войсками по Миусу

По возвращении полковника Постерняка обратно в Еланчицкую паланку, его внимание чем-то привлекла донская карантинная застава на Миусе, у Каменного брода. Сначала он направил туда на разведку писаря Алексея Петрушу (Сукура) с одним казаком, а потом, не утерпев, и сам двинулся следом еще с четырьмя казаками. Догнав своего писаря, к Миусу они приехали уже вместе. Там они, в не самой дипломатичной форме, «наехали» на стоявших за Миусом донцов на тему – кто они такие и что вообще здесь делают? К сожалению, командир заставы на тот момент отсутствовал, поэтому его подчиненным пришлось отдуваться самим. Как там точно происходило дело – мы уже никогда не узнаем. Но, по результатам этого общения, когда Постерняк с чувством выполненного долга уже уехал, донские караульные остались в сильно потрясенном состоянии. И они пребывали в полной уверенности, что запорожцы вот-вот начнут их сгонять с заставы силовыми методами. О чем немедленно известили соседние караулы.

Вот как показывал на следствии 1746 года этот эпизод сам Постерняков: *«На заставу Каменной брод из команды своей запорожских козаков к стоящим на той заставе донским козакам для того, чтоб их сослать с застав (с таким объявлением, якобы Миюс в их [запорожцев — LV] владении) – он не посылал. Только послал он писаря своего Алексея Сукура и с ним козака одного для того, чтоб только у них спросить, для какова дела они поставлены. А потом и он с четырью человеки за ним, писарем, вслед к той же заставе поехал. И, обще с писарем съехавшись, к берегу Миюса прибыли. И, не переезжая чрез Миюс, объявленных донских козаков, чего для они стоят и кто у них командир, он чрез реку спрашивал. На что оные объявили, что они поставлены в караул, якобы*

для предосторожности от опасной болезни, и командира при карауле нет, а поехал де в Семеновск на косы [т.е. на западную оконечность Миусского полуострова — LV]. А потом бывшей с ним писарь к ним на ту сторону Миюса к караулу переехал и, прочитавши имеющееся у них письмо, почему они на заставе стоят, возвратился обратно. И от оной заставы поехали они все обще к своей поланке и ссор у них с ними ни каких не было» [13, с. 1517]. Возможно, конечно, что все именно так и было. Но, учитывая, неурегулированность тогдашних границ между донцами и запорожцами, а также крайнюю несдержанность на язык и Постерняка, и Петруши — они вполне могли в запале и много лишнего донским караульным тогда наговорить…

А если верно наше предположение о происхождении этого полковника от «недоросля Ивана Постернакова», проживавшего в начале XVIII века в Миусском шанце, то для гнева Тимофея Ивановича могла быть и еще одна причина. Он ведь по рассказам отца должен был хорошо помнить, что рубеж по Миусу тогда охраняли именно казаки миусского «запорожского» полка, а не какие-то донцы. То есть, современные ему донские заставы на нижнем Миусе для него должны были представляться каким-то неприятным (и ненужным!) «новшеством».

После своего короткого вояжа к Каменному броду запорожский полковник с чувством выполненного долга вернулся в Еланчицкую паланку. Насчет местонахождения Лаштабеги с его людьми на тот момент – конкретной информации пока найти не удалось, об этом в документах прямо нигде не сказано. Но, если верна авторская расшифровка тех событий (на основе сравнения показаний всех задействованных в них участников), то партия есаула в паланку тогда еще не вернулась.

Постерняку и его писарю не слишком долго удалось наслаждаться заслуженным отдыхом в своей паланке. Вскоре туда пришли известия о том, *«что калмыки розбили в степи несколько вотаг и много скота и лошадей отбили»*. Постерняков, как обычно, не утруждал себя выяснением ненужных ему подробностей. Кого и где ограбили – он так никого и не расспросил. Вместо этого он наскоро собрал новую партию (по его позднейшим показаниям – снова из 25 казаков) и вместе со своим писарем Алексеем возглавил погоню опять куда-то в междуречье Миуса и Крынки. К сожалению, ни географических, ни временных привязок по этим событиям Постерняков нам не оставил. И только из позднейших показаний казака Корнея Рудя, участвовавшего в этой погоне, мы можем узнать, что в тот раз калмыки *«разбили в степи едущих из малороссийскаго местечка Писаревки малороссиян Грицка да Алексея с товарыщи, а прозвания их не знает, у них лошадей и волы отогнали»*. По его же словам, их партия доехала тогда до района выше речки Ольховатки (сейчас — Ольховая, правый приток Миуса, между ним и Крынкой), но так никого догнать и не получилось. Найдя какой-то след, идущий через Вострой курган в сторону Миуса, они решили, что именно здесь прошли калмыки с угнанным скотом. Но за Миус, на «донскую» сторону, они гнаться не стали, а повернули обратно [13, с. 1523]. Вероятно, здесь же к ним присоединились и запорожцы из партии Лаштабеги, которые все это время крутились где-то в этом же районе (интересно, почему за калмыками погнались не они?).

Надо полагать, что на длинном обратном пути обе партии совершенно не общались между собой, ехали в полном молчании. По крайней мере, такой логический вывод можно сделать из показаний Постерняка, который потом, на следствии, будет всячески открещиваться от знания каких-либо подробностей о результатах предшествующего рейда своего есаула: *«<…> а показанной асаул, с командою будучи в розъезде, в вышепоказанных местах был ли и кому что чинил ли или нет – ему [полковнику Постерняку — LV] никто ни о чем не объявил»* [13, с. 1517]. Ну да – никто полковнику не объявил, а он сам поинтересоваться тоже как-то не догадался… Понятно, что такого не могло быть в принципе, тут мы ситуацию намеренно чуть утрированно показали. Но, тем не менее, насчет целей и результатов этой поездки Лаштабеги – они с Постерняком на следствии явно что-то темнили…

Также и по поводу маршрута своей вылазки в погоню за калмыками — Постерняков в дальнейшем на следствии будет отчаянно настаивать на том, что в районе Глухих, Леонтьевых и Орловских буераков, где как раз в это время отмечался всплеск криминала, он в тот раз не был, и вообще тот район до того не знал [13, сс. 1421, 1423, 1517]. И только по одному из незначительных эпизодов он сдуру признал: *«<…> а в Закрытой балке близ речки Крынки он стоял одне сутки в то время, как гнался за калмыками, которые несколько ватаг розбили, и, стоя в той балки они [запорожцы — LV] есть варили, а войлоков никаких ни кто под седла не обрезывали и ни каких у них отбитых [чужих — LV] лошадей, да и нечего не было»* [13, с. 1518]. Свое знакомство с этой балкой и с Леонтьевскими буераками на следствии подтвердит и Лаштабега, только по другому, чуть более раннему эпизоду [13, с. 1526].

Закрытая балка – неоднократно упоминаемая в документах о тех событиях какая-то балка недалеко к западу от буераков, в сторону Крынки. «Закрытая» — это или собственное название балки, или просто ее признак (закрытая, укромная, скрытая от глаз). Точно установить ее не удалось.

Насчет обвинений Постерняка в сторону калмыков. Сам по себе калмыцкий разбой не являлся тогда чем-то совсем уж фантастическим. Но в данном конкретном случае заявления полковника вызывают некоторые сомнения.

Во-первых, тот район, как уже говорилось, не входил в контролируемую тогда запорожцами область. И даже транзитные пути между Слобожанщиной и запорожскими рыбными заводами Северного Приазовья проходили, насколько известно автору, не через междуречье Миуса и Крынки, а значительно западнее. Проезжающие через этот район привыкли приносить свои жалобы на разбои не запорожцам, а совсем другим адресатам (бахмутчанам и донцам). Второе — Постерняк несколько раз менял свои показания по этому эпизоду. Если поначалу он утверждал, что калмыки, помимо ограбления нескольких ватаг малороссиян, еще и угнали у запорожцев 30 коней и нескольких волов, то потом, на следствии, он то совсем не упоминал про этот угон, то заявлял, что угнаны они были не у запорожцев, а все у тех же ограбленных малороссиян [13, сс. 1422, 1518, 1520-1521]. В-третьих, след, которым, якобы, калмыки гнали угнанных животных через Миус на восток, Постерняков покажет сопровождавшим его азовцам почему-то «левый», который к этим событиям никакого отношения не имел. Что тоже наводит на странные размышления…

И, тем не менее, дыма без огня не бывает, и по реакции Постерняка чувствуется, что калмыки его тогда чем-то сильно зацепили. С учетом географии и всех имеющихся косвенных зацепок, можно сделать осторожное предположение (не настаивая на нем!). Как раз в это время у донских калмыков какие-то запорожцы (из партии Лаштабеги или какие-то другие – установить не удалось) отогнали несколько лошадей и погнали их в сторону Самары. Калмыки гнались за конокрадами как минимум до Крынки, но догнать не смогли и повернули обратно (об этом случае мы позже расскажем несколько подробнее).

На обратном пути, в районе известных нам буераков, они вполне могли пересечься как с вышеупомянутыми ватагами малороссиян из местечка Писаревки, так и с запорожцами Лаштабеги и, так сказать, «уровнять счет».

Вот только и запорожцы из партии есаула там, похоже, сами не совсем хорошими делами занимались. Именно на это время приходится целый ряд жалоб на запорожский разбой на проходящем через это место шляхе. И следы некоего угнанного вола здесь действительно будут зафиксированы (правда, вели они не на восток, а на запад, на «крымский» берег Крынки). И у Лаштабеги, в свою очередь, часть лошадей тоже могла быть получена незаконным путем (в том числе и угнанные ранее у калмыков и донцов). Такой «кругооборот коней в природе» тогда встречался нередко. Возможно, частично обезлошадевший Лаштабега не смог организовать погоню (тем более, что у него и людей было меньше, чем у этой группы калмыков) и отправил за помощью гонца в паланку? В этом случае раздражение и ажитация полковника Постерняка (который по обыкновению паланкового начальства должен был получить свою долю от предприятий своих казаков) получает хоть какую-то осмысленность. Как и то, почему он покажет азовцам на неправильный след калмыцких конокрадов. И то, что он не стал упоминать на следствии об отобранных у самих запорожцев лошадях и волах (об этом, кстати, его могло попросить в качестве взаимной услуги и руководство войска Донского, которому углубление следствия по этому эпизоду тоже было не выгодно, чтобы не подставить под удар своих калмыков)… В этом случае, поехавшие на помощь Лаштабеге запорожцы из паланки должны были взять с собой запасных коней – как для повышения скорости перемещения, так и для обеспечения лошадьми своих «спешенных» калмыками товарищей. А обратно, после недачной погони, они возвращались уже вместе с казаками Лаштабеги – этим, вероятно, и объясняется большая разница в количестве запорожцев в показаниях Постерняка и увиденных с заставы азовцами. Интересно, что в последующих бурных событиях того же мая имя Лаштабеги какое-то время не упоминается. То ли он, как проштрафившийся, предпочел временно не лезть вперед и держаться в тени, то ли его на время куда-то подальше отправили. Впрочем, повторим, это все только авторская версия, насколько она справедливая – Бог весть.

После неудачной погони Постерняков со своей партией двинулся в обратный путь, почему-то — по шляху на Черкасск, который вывел его к переправе через Миус у урочища Трех мостов… А вот с этого момента – нам придется ненадолго оставить нашего бравого полковника. Сейчас мы вернемся на несколько дней назад и мысленно перенесемся на другой, «донской» берег Миуса. И попытаемся выяснить ситуацию с этой стороны.

По состоянию на весну 1745 года — на южных рубежах Российской империи продолжали поддерживаться противоэпидемиологические мероприятия. Со стороны южных стран часто приходили эпидемии чумы и прочих малоприятных заразных болезней («моровые поветрия»), которые основательно прореживали местное население и гарнизоны здешних крепостей. Тогда в наших краях это было большой проблемой. Одним из очень непопулярных в народе, но крайне нужных мероприятий по предотвращению проникновения заразы в российские пределы – была система карантинных застав. Обычно их ставили в таких местах, которые трудно миновать прибывающим (на переправах через реки, у портов и т.д.). На них должны были опрашивать проезжающих об их здоровье, а также о том, откуда те едут и не было ли там случаев заражения, а в случаях обострения эпидемиологической ситуации – осматривать тела прибывающих в поисках внешних признаков болезни, задерживать их на месте на определенное количество дней на карантин, окуривать их багаж и т.п. Ну и понятно, заботливое начальство (у которого вечно не хватало людей) попутно нагружало такие заставы еще и кучей прочих, никак не связанных с эпидемиями, обязанностей, таких как военная разведка, борьба с разбоем, поимка беглых и т.д. Но это уже проза жизни, что старой, что современной. Так вот, такие заставы (без особого удовольствия, но с пониманием их необходимости) содержали все местные сообщества – гарнизоны крепости святой Анны и Украинской линии, войско Донское, слободские и малороссийские полки… Все, кроме запорожцев. Их к этому центральные власти так и не смогли приучить, невзирая на все старания. На территории Вольностей Запорожских (и при полном отсутствии здесь докторов) население предпочитало старые, проверенные временем методы борьбы с заразными болезнями – такие как молитвы, крестные ходы, алкоголь и чеснок. Иногда, говорят, помогало. Но в целом – Вольности были огромной черной дырой, где общеимперские законы действовали крайне слабо, зато был простор для разбоя, контрабанды и заразы. Поэтому по внешним границам Запорожья их соседями была развернута цепочка застав. Заодно и от самих запорожцев предохранялись…

События 1745 года позволяют довольно неплохо высветить расположение и функционирование двух таких застав в Примиусье. Так, базировавшийся в крепости святой Анны Азовский казачий полк (бывший «запорожский», еще его по старой памяти часто называли Доломановским) содержал заставу на «стратегической» переправе через Миус на урочище Трех мостов, через вторую шел (по водоразделу между Миусом и Крынкой) основной маршрут шляха между Бахмутом и Черкасском, критичного для снабжения столицы войска Донского. Скорей всего эта переправа находилась в районе хутора Большая Кирсановка Матвеево-Курганского района Ростовской области. Южнее — на Каменном броде (у современного села Ряженое того же района) — стояла застава войска Донского. Она перекрывала один из основных бродов на приморской дороге между нижним Доном и Перекопом. Без сомнения, заставы азовцев и донцов стояли и на других бродах и переправах, но в документах по интересующим нас событиям они не участвовали. Также известно о заставе бахмутчан у Зуевых гор на верхней Крынке.

Автору встречались и некоторые другие отрывочные упоминания местных застав в документах середины 1740-х годов. Также их тогдашнее расположение в какой-то степени может быть предположено еще и по известным картографическим материалам 1760-х – 1770-х годов, где показана более поздняя расстановка таких застав. Например, на "Карте лежащим местам около крепости святаго Димитрия Растовскаго с показанием на каких местах заставам быть назначеным" (2-я пол. 1760-х?) [РГВИА, ф.418, оп.1, д.711]. А по нижнему течению Миуса – еще и на недатированной карте из того же архива (вероятно, это одна из карт А.И. Медера 1767 года) [РГВИА, ф.846 (ВУА), оп.16 (т.III), д.№22885]. Схожие исходные условия и задачи часто предполагают похожие решения. Однако, это уже выходит далеко за рамки нашей книги. На основании всех доступных автору документов – на Рис.30 предпринята попытка реконструкции расположения основных застав донцов и азовцев в низовьях Миуса в рассматриваемый период. Но она во многом носит предположительный характер.

Из главной заставы азовцев (доломановцев), у переправы через Миус у Трех мостов, для контроля порядка на этом шляхе на север (т.е. к западу от среднего и верхнего Миуса) периодически отправлялись караульные разъезды. А в нескольких десятках километров северо-западнее начиналась уже зона ответственности бахмутчан.

Одними из первых начало крупных проблем на Бахмутском шляхе зафиксировали служивые азовцы с главной заставы, стоявшей в том месте, где Бахмутский шлях пересекал Миус у урочища Трех мостов. На тот момент этой заставой командовал ротмистр Василий Виногоров.

Василий Виногоров, по всей видимости, был сыном Афанасия Власьевича Виногорова и родился в 1710 году. То есть, на момент описываемых событий ему было около 35 лет. Про его отца есть сообщение от 1722 года, что он служил подъячим в Транжаментской[1] канцелярии. Его дядя, Федор Власьевич, также служил подьячим сначала в Азовской приказной палате, а затем и в канцелярии Транжамента [17, с. 192]. При такой семье неудивительно, что и Василий Виногоров вырос человеком хорошо образованным, серьезным и внимательным. Именно из его четких, подробных и тщательно сформулированных донесений мы и будем черпать большинство сведений об этом конфликтных событиях весны 1745 года, связанных с деятельностью полковника Постерняка.

[1] Транжамент – русское укрепление начала XVIII в. в низовьях Дона, недалеко от Черкасска, построенное после возврата Азова туркам, просуществовало недолго.

12 мая 1745 года Виногоров, как обычно, отправил в сторону Бахмута для контроля порядка на шляхе очередной конный разъезд. В его составе было пять казаков (Логин Мединцов, Андрей Беляев, Григорий Андреев, Григорий Щеглов и Иван Лутовин) и два приписанных к крепости святой Анны калмыка (Лузан и Гобун/Габун). 14 мая все они вернулись на заставу – пешком, без оружия, ограбленные и избитые. Вот что они рассказали. Они спокойно проехали по шляху на север. Но когда дорога приблизилась к Леонтьевым буеракам (это примерно 40 верст от заставы), на них *«из имеющихся тамо лесов»* внезапно напало около сорока конных запорожцев *«с ружьями и с копьями»*, так что растерявшиеся азовцы даже *«ружей с плечей не поспели снять»*. Запорожцы окружили и схватили их, сделав невозможным бегство. Одного азовского казака (Григория Андреева) ранили *«копьем»* (пикой) в голову, но, видимо, легко. Напавшие забрали у разъезда коней, оружие и прочее имущество (вплоть до одежды и обуви) и отпустили служивых в шоковом состоянии *(«а их едва душами даровали»)*.

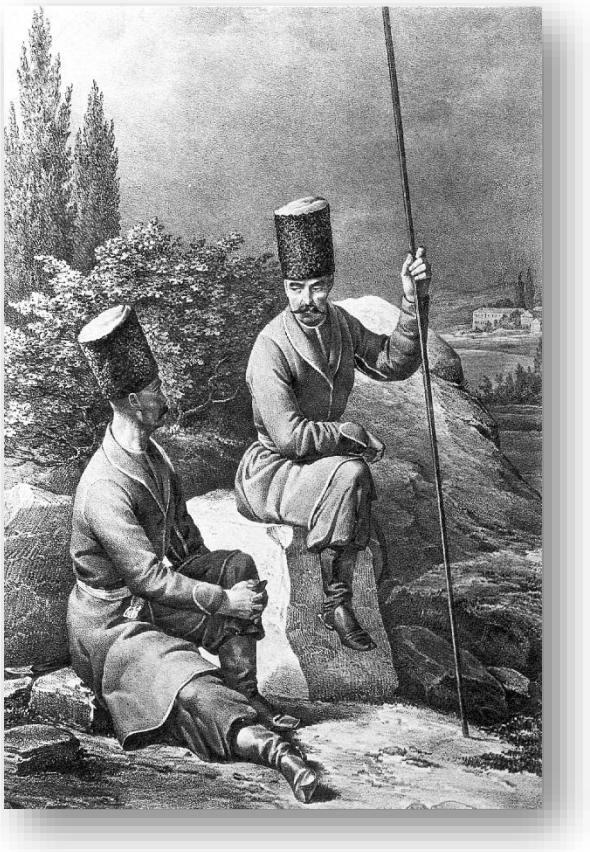


Рис.28. Азовский и таганрогский казаки на рисунке 1774 года. Возможно, азовские казаки тремя десятилетиями ранее выглядели похоже?

А сами пересекли шлях и отправились через водораздел на запад, в Орловские буераки. В этом месте Леонтьевы буераки (на впадавшей в Миус балке) и верховья облесненной балки Орловой (приток Савостьянки, левый приток Крынки) очень близко подходят друг к другу. То есть, эти запорожцы устроили свою засаду на узком месте, где проходивший по водоразделу шлях оказался зажат между двумя двумя препятствиями, так что это место никто объехать не мог. А ограбленным азовцам пришлось пешком брести на свою заставу у Трех мостов.

Одновременно с этим и *«едущие от Бахмута до Черкасского многия малороссияне жалобу приносили, что запорожцы дорогою [т.е. на шляхе — LV] силный им грабеж чинят»*. Они же принесли на эту заставу азовцев и первые известия о том, что *«известно де, что на сих числах из Запорожья приехал на Миюс запорожский полковник, якобы в двух стах человек для искоренения воровства и стоит с партиею [своею — LV] против урочища Глухих [и] Орловых буяраков»*. Об этом же сообщили и возвращавшиеся из Бахмута другие азовские казаки (Петр Алексеев, Никифор Васильев [13, с. 1540]), которые туда отвозили какой-то конверт генерал-лейтенанту Дебриньи (вероятно, от командира своего полка). Так как они тоже услышали такие слухи, то на обратном пути специально сделали крюк в сторону Орловских буераков. Там они успели рассмотреть среди деревьев несколько человек и множество коней (*«и хотя де людей в буераке мало видимо было, толко*

лошадей многое число видели»). Но тут их заметили стоявшие на могиле в карауле три конных запорожца. Один из караульных *«побежал»* в лагерь, после чего около десятка запорожцев погнались за доломановцами. Но этим азовским казакам удалось уйти от них благополучно. После этого им по пути встрелились еще два *«бурлака»* (вероятно, это были забродщики, таскавшие невод по мелководью), которые *«шли из Еланчику из кос»*. Азовцы предупредили этих бурлаков, что далее по шляху за ними гонялись неизвестные люди. В ответ те тоже поделились информацией: *«тогда оные им объявили, что поехал из поланки запорожской полковник и с ним козаков человек со ста в розъезд и ночевал на речке Крынке»*. Так что кандидатуры на виновников грабежей была уже более-менее понятны. Тем более, что до этого времени такого всплеска беспредела не наблюдалось вовсе: *«ибо-де до приезду оного [запорожского — LV] полковника от приезжающих о грабительстве ни от кого жалобы не было»*.

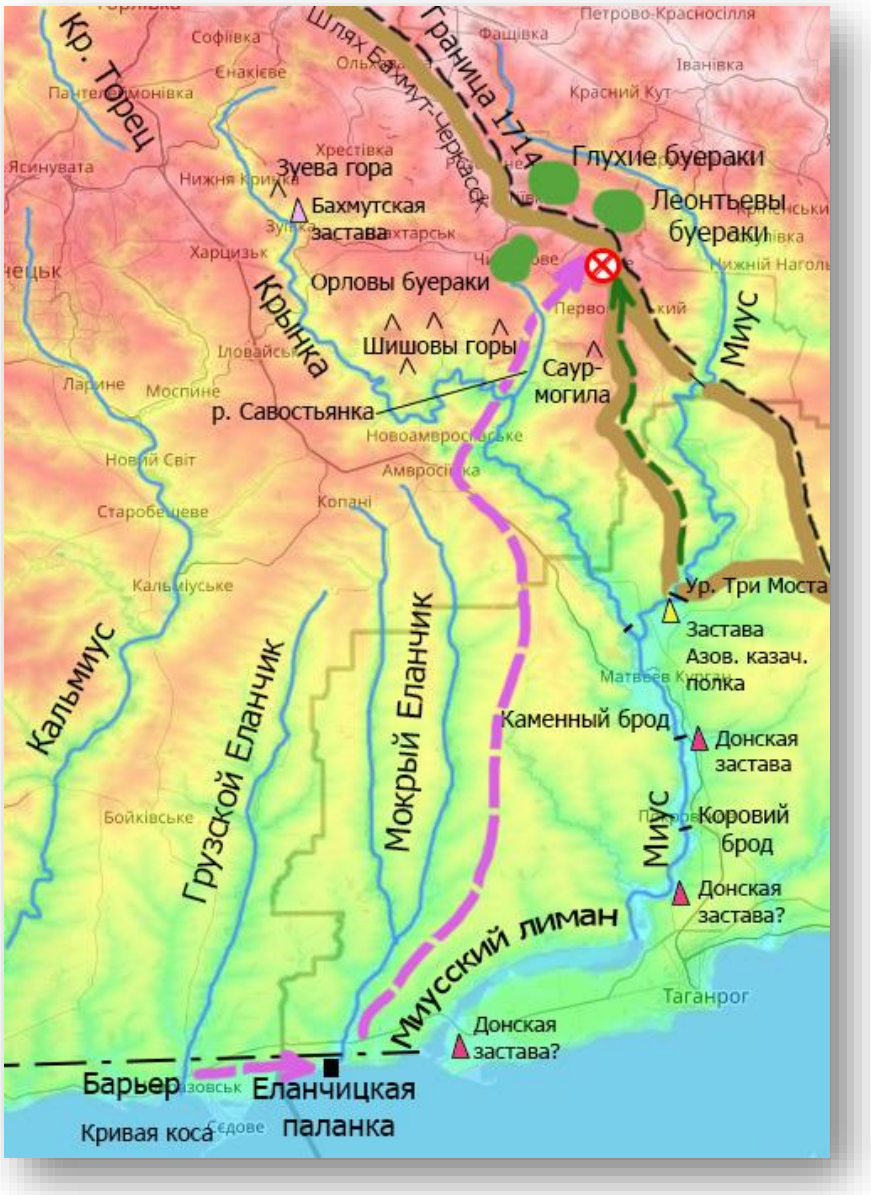


Рис.29. Реконструкция маршрута есаула Лаштебеги в Примиусье (фиолетовая стрелка). Коричневым цветом показан шлях из Бахмута в Черкасск, с его ответвлениями. Маршрут разъезда с заставы азовских казаков показан темно-зеленой стрелкой. Также показана старая граница 1714 года, буераки и известные по этим событиям заставы.

Сейчас уже трудно сказать наверняка, но очень похоже, что это безобразничали казаки из партии есаула Лаштабеги. Сам же полковник Постерняков со своим писарем, вроде бы, тогда еще оставались на юге. Возможно, что слухи о приходе запорожского полковника с 200 казаков распускались Лаштабегой целенаправленно – как для повышения легитимности своих поборов с проезжающих, так и для того, чтобы ни у кого не возникло глупых мыслей о вооруженном сопротивлении.

Встревоженный ротмистр Виногоров попытался разрешить эту проблему по горячим следам самостоятельно, пока грабители не успели далеко уйти. Своих сил для преследования напавших на заставе у ротмистра было явно недостаточно. Но, видимо, где-то относительно неподалеку от места происшествия у Леонтьевских буераков располагались бахмутчане. Судя по всему, тогда тот район относился к их зоне ответственности. Между приграничными властями было налажено неплохое взаимодействие, особенно в таких экстренных случаях, так что ротмистр Виногоров решился на некоторое нарушение субординации. Поэтому он, даже не связавшись с командиром своего полка полковником Васильевым[2] (к тому рапорт попадет только через три дня!), отправил самостоятельно письмо к коменданту Бахмута подполковнику Спешневу, в котором *«для известия, с приложением лошадям реэстра <…> писано и требовано о посылке до реченного запорожского полковника партии»*. С этим письмом он отправил четырех казаков и калмыков. Часть из них (например, казак Григорий Андреев) были как раз членами того злополучного разъезда, другие (упоминается имя казака Павла Солодовникова) – не участвовали в нем. И для более надежного опознания своих лошадей и имущества — ротмистр приказал пострадавшим, *«чтоб они при той партии для признания были неотлучно»*.

Не успел Виногоров закончить с этими хлопотами, как в тот же день 14 мая к нему прибыли донские казаки с расположенной в 30 верстах южнее заставы у Каменного брода. И угадайте, на кого они жаловались? Та-дам, правильно! *«<…> и объявляли, что де на них нападают запорожцы и з заставы их ссылают, объявляя, что-де Миюс в их владении»* (это, видимо, когда на них Постерняк с писарем наезжали). В общем, для донцов это был изрядный шок, до сих пор их застава особо никому не мешала и их оттуда еще никто не сгонял.

Впрочем, ситуация в Примиусье, похоже, и до того была не совсем простой. Так, например, за 4 дня до описываемых событий, 10 мая на заставу к Виногорову прибыли направлявшиеся со стороны Бахмута в Черкасск малороссияне. Они сообщили, что за ними уже какое-то время на некотором удалении идет следом *«хохлач, и признают за непостоянного»*. По всей видимости, эти малороссияне то ли сами шли пешком, то ли ехали на воловьих упряжках (волы двигаются со скоростью ниже скорости пешехода), иначе просто подстегнули бы своих лошадей и оторвались от подозрительного попутчика. Но страху от непонятности ситуации они, похоже, натерпелись изрядно. Когда они об этом человеке доложили на заставе, оттуда послали разъезд для его проверки. Но тот, вместо того, чтобы спокойно остаться на месте и объяснить свои действия, при виде разъезда дал стрекача и попытался спрятаться в лесу. С трудом, но его нашли и привели на заставу. На допросе он рассказал, что его зовут Мартин Харитонов сын Малой и что он запорожец Кисляковского куреня[3]. Мартын сказал, что он, якобы, шел из Бахмута к запорожцам на косы. Маршрут у

[2] Вероятно, это был Алексей Николаевич Васильев, сын уже упоминавшегося донского молдаванина Николая Васильева, второго командира Азовского казачьего «запорожского» полка.

[3] В первоначальном круге документов будет применяться ошибочная форма «Каняковского куреня», позже Виногоров это исправит [13, с. 1532].

него, конечно, вышел довольно странный и извилистый. Как и поведение. Если уж не знаешь пути и боишься идти самостоятельно по безлюдной степи – естественней было бы попроситься к кому-нибудь в попутчики. Так и веселей, и безопасней. Но мало ли, может его все прогоняли? Или человеком он был патологически скромным и нелюдимым? Или за сохранность своего имущества сильно переживал? В жизни всякое случается… Но по Степи тогда бродили страшные слухи: *«а понеже-де ныне приезжающие объявляют, что де от них, запорожцов из конницы, по тракту в обозы под видом таковых прохожих пеши приходят, а другие – телегами, якобы для рубки надобного лесу, по три человека на телеге. И ездят, разсмотря при обозах. Потом внезапно конницей разбивают и грабят лошадей, платья и обувь обдирают, и что есть и харчевое берут»*. Трудно сказать, что в этих сведениях было правдивым, а что являлось результатом ночных страшилок у костра и общей истерии. По крайней мере, в известных автору документах конкретных примеров таких грабежей пока удалось найти не слишком много. Но, как показывает жизнь, дым совсем без огня не бывает, а этот Мартин Малой (как выяснится чуть позже) был хорошо известен вновь прибывшим запорожцам. В общем, этого подозрительного человека на всякий случай оставили на заставе под караулом и собирались отправить на гарнизонную канцелярию для дальнейшего разбора.

К сожалению, из упоминаний об этих страшных слухах не совсем понятно – появились ли они только вместе с приходом новых запорожцев или бытовали и до того. Так что пока нельзя полностью исключать того, что Запорожский Кош действительно мог отправить в спорные земли Примиусья еланчицкого полковника с командой казаков для борьбы с разбоем. Например, если участились случаи грабежей малороссийских чумаков, везущих рыбу с запорожских рыбных ловель в Приазовье в сторону Малороссии и Слобожанщины. О чем-то похожем позже, на следствии, пытался сообщить по этому временному периоду и сам полковник Постерняков: *«а проезжающия из городов малороссийские люди жалобу ему произносили в том, что якобы у них на степи борошно и сухари побрано, а кем имянно [произведены грабежи — LV] и какова звания люди – они, малороссияне, ему не сказали; тако ж и тех малороссиян как зовут и прозвания – он не знает»* [13, с. 1518]. В общем, сведения в стиле: «не известно — когда, где, кем и кого — но точно ограбили!». Да уж, кандидатуру полковника для решения такой задачи Кош выбрал крайне неудачно…

17 мая рапорт о начавшихся проблемах на заставах от ротмистра Виногорова наконец попал к командиру Азовского полка полковнику Васильеву (от заставы у Трех мостов до крепости св. Анны было более 90 верст). А уже на следующий день Васильев подал свой рапорт об этих событиях коменданту крепости Вырубову. 19 мая в гарнизонной канцелярии составили несколько документов. Один из них был донесением в Военную коллегию. После изложения всех известных на тот момент обстоятельств, делался (справедливо или нет) вывод о том, что *«то убивство и грабительство чинитца от реченной запорожских козаков команды»*. Напоминалось, что примиусские заставы азовцев и донцов были установлены по указам Военной коллегии для предотвращения приходящей из Турции *«поветренной болезни»*. Но что из-за стычек с запорожцами *«быть им на тех заставах не возможно»* и напоминалось, что *«понеже де караул Е.И.В. – высокое дело, коего без указу ни каким образом оставить не можно!»*. Поэтому гарнизонная канцелярия просила Военную коллегию позаботиться о предписании *«чтоб в предписанной запорожских козаков команде от*

ныне накрепко всем до одного запрещено было» не только бить и грабить караульных и разъездных казаков и просто проезжающих, но даже и чтоб *«никаких напрасных приметок чинено не было»*. Также они просили произвести следствие по уже случившимся событиям. Похожее донесение было направлено и генерал-лейтенанту фон Штофелю, как главному военному начальнику на этом направлении. Также было составлено, но в несколько иных выражениях, и письмо для передачи лично в руки запорожскому полковнику. Ему, в относительно дипломатичном тоне указывалось, что если его запорожцы не уймутся, то азовцам и донцам придется оставить заставы по Миусу, из-за чего виновникам этого нарушения не удастся избежать *«от Е.И.В. высокого гнева»*. Это письмо для передачи запорожскому полковнику было отправлено ротмистру Виногорову.

А тем временем возле Миуса продолжали развиваться события. 16 мая к азовской заставе у Трех мостов подъехал большой отряд запорожцев, по оценке азовцев — человек на семьдесят, *«одвуконь»* (т.е. с запасными лошадьми). Так состоялось знакомство ротмистра Виногорова с таинственным запорожским полковником, про которого он так много слышал в последние дни. Тот представился Тимофеем Ивановым сыном Постерняковым, а своего писаря назвал просто Алексеем. На другую (восточную) сторону Миуса их не пропустили, так что все общение продолжалось путем перекрикивания через реку, что мало способствовало хорошему настроению у руководителей запорожского отряда. Тем не менее, на дежурные расспросы карантинщиков они были вынуждены под присягой подтвердить *«что они [запорожцы их партии — LV] с крымскими и ни с кем турецкой области людми сообщения не имеют»* (т.е., что у них не было контактов с потенциальными носителями заразы). Также Постерняк сообщил, что *«стоит-де он, полковник с командою, в поланке при речке Еланчике и в силе-де присланного к нему из Сечи от кошевого атамана указу вверх по Миюсу партиею ездит для искоренения воровства»*.

На этом моменте Виногоров вспомнил про томившегося у него под караулом пойманного Мартина Малого и предъявил его Постерняку. Полковник тут же от него отказался, что это не из его команды и вообще не запорожец. Но Мартин и перед ним продолжал настаивать на своей «запорожскости». Так и не сумев прояснить эту ситуацию, Виногоров приказал Малого опять увести под караул.

Но тут запорожскому полковнику попались на глаза калмыки с заставы, также пришедшие поглазеть на происходящее. И у Постернякова натурально «сорвало крышу». Он в сильном гневе стал угрожать Виногорову отогнать с заставы лошадей, подозревая калмыков с заставы, что это именно они *«воровски разбили малороссиян и у них де, запорожцов, тритцать лошадей и несколько волов якобы отогнали»*. Трудно сказать, описывал ли он реальные преступления (что вполне вероятно!) или его ярость была несколько театральна и наигранна? Но ротмистр Виногоров на эту вспышку гнева не повелся. Он вообще, похоже, отличался редкой флегматичностью. Ротмистр в свою очередь весьма дотошно рассказал Постерняку (не обвиняя прямо запорожцев!) про свой ограбленный разъезд и что след от того места вел в Орловские буераки, где, по слухам, как раз накануне и стоял запорожский полковник. И потребовал, чтобы или сам полковник, или его представители совместно с азовцами поехали осмотреть след в сторону Орловских буераков, утверждая, что воров еще вполне можно найти. На это несколько стушевавшийся Постерняк начал плести какую-то ерунду. Он заявил, что, хотя с ним на самом деле в этот раз было около сотни запорожцев, но в Орловских буераках его партия не стояла, и что его люди никого вообще «не разбивали», а *«других-де [людей] в тех буераках быть не кому»* (то есть – никого постороннего они там не видели). После чего сослался на недостаток у него лошадей (это приехав-

то одвуконь!). И вообще – *«ехать де ему, полковнику туда не для чего и не поедет!»*. С чем и уехал прочь.

Рис.30. Маршруты полковника Постерняка к Каменному броду и в Примиусье (до подъезда к заставе Виногорова).

Но, видимо, посовещавшись вечером с более умными людьми, он решил, что такое поведение будет выглядеть слишком подозрительным, так что ехать все-таки придется. Поэтому на следующий день, 17 мая, Постерняков со своим писарем и с несколько уменьшившимся эскортом вновь прибыл к заставе. Теперь с ним прибыло около 30 человек (вероятно, это отделилась и ушла на отдых партия Лаштабеги?). Постерняков на этот раз был уже в более конструктивном настроении. Он потребовал от азовцев проводников до места происшествия. На что ротмистр Виногоров отправил двух человек из неудачливого разъезда – Логина Мединцова и Григория Шеглова, прибавив к ним еще казака Никифора Васильева

(одного из тех, кто видел подозрительную конницу в Орловских буераках, возвращаясь из Бахмута после доставки конверта).

Поехали. По пути запорожцы показали азовцам свежий след через Вострой (Острый) курган в сторону Миуса, который якобы оставили отогнанные у них лошади и волы. Правда, когда азовцы сами осмотрели этот след, то пришли к выводу, что здесь проехали только семь человек, к тому же в противоположном направлении – от Миуса на запад, а вот в восточном направлении *«чтоб гнали лошадей и волов — никакого де при том следу не явилось»*. Надо полагать, что азовцы благоразумно оставили тогда свои выводы при себе. Они предложили Постернякову проследить этот след и на донской стороне Миуса, но тот отказался, *«объявляя, что де они в чужую границу не поедут»*. После чего все опять поехали на север, по шляху на Бахмут.

Заострим внимание уважаемого Читателя на последнем высказывании запорожского полковника Постернякова. Если в начале 1743 года полковник Кишенский претендовал на все земли, вплоть до Темерника (правый приток нижнего Дона), а в начале 1744 года Кош намекал на свои старые права на Белый Камень, но был согласен хотя бы на *«сю [западную] сторону»* Миуса, то к описываемому периоду – май 1745 года – в сознании запорожцев Миус уже воспринимался «привычной» границей их владений. Согласен был с этим и Кош. Как уточнял на следствии этот момент (про след через Вострой курган) Постерняков: *«а он за тем за Миюс не поехал, что ему и по данной от кошевого атамана инструкции ездить [туда] не велено»* [13, с. 1521]. Эта новая граница между двумя казачьими войсками сложилась тогда скорее стихийным способом – из-за наличия по Миусу с предыдущих годов карантинных застав и из-за отчаянного сопротивления донцов. Иначе она могла пройти намного восточнее…

Но до того (если не считать кратковременной вылазки есаула Журавля на Бахмутский шлях в район Дуклосовых мостов в 1743 году) все бодания запорожцев с донцами происходили исключительно за приморские места с их «легкими деньгами» на рыбных ловлях и за нижний Миус. А весной 1745 года Кош впервые попытался распространить свой суверенитет на степные области Примиусья, где до того у него никаких интересов не было. Как не было здесь тогда и запорожских зимовников. Для донцов, у которых в междуречье Миуса и Крынки проходил критический для них Бахмутский шлях, новая запорожская политика стала неприятным сюрпризом. Если бы Кошу удалось воплотить свои планы в жизнь, то значительный участок этого шляха попал бы в пределы Запорожских Вольностей. Так что вопрос обеспечения непрерывности снабжения Черкасска и крепости святой Анны оказался бы в руках запорожцев, что позволило бы Кошу крепко держать столицу донцов за горло. Но эти претензии Коша на все междуречье Миуса и Крынки войском Донским не признавались, так что это нововведение тогда так и не прижилось. В документах 1740-х годов для обозначения правого и левого берега Миуса обе стороны использовали исключительно слова «по ту сторону» и «по сю сторону» (смотря, кто писал). И хотя в данной книге мы периодически употребляем выражения «донская сторона» и «запорожская сторона» относительно Миуса, но это сделано исключительно для удобства и большей понятности текста, в документах этого времени такие определения не используются. А вот в первой половине 1770-х годов такие выражения будут зафиксированы, но там причиной будет уже совсем другая история…

По пути, в верховьях речки Ольховатки (правый приток Миуса), немного не доезжая Леонтьевых буераков, запорожцы Постернякова наехали на четырех донских малороссиян, возвращавшихся пешком в сторону Черкасска. «Пашпорта» у них с собой никакого не было. По команде своего полковника запорожцы забрали у них оружие, ограбили вплоть до рубашек и *«немилосердно»* били плетьми. Одного из них, который назвался запорожцем, Постерняк забрал с собой, остальных трех отпустил. Свои действия посланникам азовцев он никак не прокомментировал. Поскольку Постерняк видел этих несчастных малороссиян в первый раз в жизни и никакой вины за ними не знал, то, вероятно, таким экстравагантным образом он просто демонстрировал перед азовскими казаками свою власть на этой территории. Да и дальше по шляху, у других встречающихся ему по дороге проезжающих городовых малороссиян *«всякие харчевыя припасы усилно он, полковник, брал же, а другова де при них, [азовских] козаках касатца опасался»*. То есть он собирал обычную для запорожцев пошлину с проезжающих. Другое дело, что при полном бардаке, который творился в его команде, если бы с ними лишних глаз не было, то размер и тяжесть этих поборов могли быть намного хуже…

Теми четырьмя несчастынми малороссиянами, которые здесь упоминались, были жители рыбацкого селения Полуденки (предшественника будущего Нахичевана-на-Дону) Алексей Васильев и Кирик Терещенко, которые вместе с еще двумя малороссиянами — Васильем Болдыревым и Моисеем Ткачем — ходили на урочище Камышеватое (левый приток нижней Крынки) *«по находящемуся нам известию, для рытья кладу»*. Ничего не сумев там найти, незадачливые кладоискатели отправились в обратный путь. Тогда они неудачно для себя и попались запорожцам. С собой Постерняк забрал Василия Болдырева, который, пытаясь спасти от побоев и грабежа, назвал себя запорожцем. Его они потом привезли с собой в паланку, но и там его никто не опознал, так что ему так и не удалось подтвердить свою принадлежность к запорожцам. Поскольку никакой другой вины на нем не нашли, то, *«выбивши ево при поланке по запорожскому обыкновению плетми ж, от себя отпустили»* [13, с. 1521].

Хотя посланным поручиком азовским казакам имена этих четырех малороссиян тогда так и остались неизвестны, но на следствии весной следующего 1746 года настырный Виногоров все-таки сумел найти двух из них. 19 апреля Васильев и Терещенко в крепости святой Анны дали показания по этому случаю, назвали имена еще двух сотоварищей (отсутствоваших на тот момент) и перечислили свое имущество, отобранное тогда запорожцами. В сумме только эти два человека потерпели убытков на 20 рублей 18 копеек. На следующий день, 20 апреля по их доношению был допрошен Постерняк. Он подтвердил, что из их имущества забрал себе два ружья, два боршня[4], медный казан, ножик складной и один шиб (или шил) железный (шило?). А вот по поводу отобранных денег 4 рублей, натруски, двух чекменей, двух рубашек, двух поясов полосатых, еще одного ножа складного, двух фунтов пороха, 4 фунтов свинца, салковницы[5], ножниц и формы для литья пуль – он ничего сказать не смог, предположив, что это казаки его команды забрали. Кстати, в перечне утраченного иму-

[4] Боршень, борошень – небольшая сумка, в которой хранились принадлежности для огнестрельного оружия и другие мелкие предметы, носилась на поясе.

[5] В Большом толковом словаре донского казачества (2003): *салковать* – при обработке рыбы перерубать кости; *салковнички* – топорики для разрубки частей рыбы.

щества фигурировал и заступ железный, что косвенно подтверждает озвученную потерпевшими версию о поиске клада [13, сс. 1521, 1546, 1560-1562].

Когда запорожцы Постерняка подъехали к Леонтьевым буеракам, то им встретился отряд донского полковника Макара Грекова, который там стоял с совершенно посторонней задачей — *«для встречи генерала лейтенанта Дебриния»* (это Андрей Петрович де Бриньи, на тот момент – командующий Украинской линией и Ландмилицким корпусом [32, сс. 63-65]). Здесь у Постернякова опять резко испортилось настроение. То ли из-за появления поблизости новых «лишних глаз» из числа высокого начальства. То ли из-за самовольного нахождения донцов на запорожской (по мнению Постернякова) территории. С огромным трудом Грекову, по просьбе азовских посланников, удалось уговорить запорожского полковника продолжить розыск. Но он все-равно не стал сразу искать след в сторону Орловских буераков, а зачем-то предпочел отправиться сначала к Миусу, в Леонтьевы буераки. Здесь они нашли двух беспаспортных малороссиян, которые рубили лес и драли луб по заказу некоего донского казака Палея. Их запорожцы по приказу своего полковника тоже полностью ограбили и, с облегчением, насильно всучили азовцам, поясняя: *«что де от вас без пашпортов живут, и может де таковые разбои чинят»*. На этом запорожцы устали и остановились здесь же, в Леонтьевых буераках, лагерем. В сторону Орловских буераков они ехать теперь уже наотрез отказались, со странной формулировкой: *«до Орловых буераков он, полковник, не поехал, ибо де они [азовцы? — LV] то место и сами знают»*. И на очередные занудные домогательства азовцев побудить Постернякова продолжить поиск, их вообще прогнали прочь *«с тем объявлением, ежели де они, [азовские] козаки, от них [запорожцев] не поедут, то немилостиво прогнаны будут»*. Почему-то Постернякову ну очень не хотелось находить этот окаянный след. Интересно – почему?

Пришлось азовцам вместе с двумя малороссиянами возвращаться снова на заставу у Трех мостов. Несчастных малороссиян на заставе расспросили и не нашли за ними никакой вины в разбое, тем более, что они несколько десятков верст ехали сюда вместе с двумя членами ограбленного разъезда, так что время присмотреться к их лицам у тех было достаточно. Но так как эти малороссияне работали для донского казака, то *«чтоб де ис того войску Донскому обиды не было»*, их передали присланным людям от донского полковника Грекова (возможно, заказчик – Палей был из его команды?).

Больше подробностей об этих двух малороссиянах можно узнать из их собственных показаний, а также показаний их нанимателя – донского казака Алексея Палея, которые они дадут в следственной комиссии весной 1746 года. В 1744 году Палей нанял четырех малороссиян (Макара, Лукьяна, Ивана и Кирика) для заготовки *«на хоромное строение лесу»*. Осенью того года он оставил их в Леонтьевых буераках для заготовки леса на срок до весны, оставив «пашпорт» у Макара. Но на Макара как-то наехали запорожцы. Они отобрали у него ружье, а взамен *«опоили его вином»*, отчего тот и умер. Его товарищи похоронили Макара, не догадавшись забрать из его одежды общий паспорт. Поэтому, когда в мае 1745 года на двух из них — Ивана и Лукьяна — наехали казаки Постернякова – никакие документы предъявить эти работники уже не смогли, а на слово запорожский полковник им не поверил… Поэтому они были ограблены (у них отобрали *«ружье и все, что ни было»*) и, связав, насильно всучили доломановским казакам. После того, как на заставе азовцев этих двух малороссиян отпустили, они опять вернулись в Леонтьевы буераки. Там их и в конце мая и застал вернувшийся за лесом их наниматель Палей [13, сс. 1545-

1546].

О судьбе Кирика в показаниях Палея ничего не говорится. Хочется верить, что хоть у того все сложилось хорошо…

По поводу же содержавшегося под стражей на заставе Мартина Малого полковник Постерняк на расспросы азовцев ответил, что тот не запорожец, а просто малороссиянин, бывший на море *«при рыбном спетье»* (вяление рыбы), и что ходил он в Бахмут *«по совершенной ево нужде для взыскания долговых денег»*. То есть еланчицким запорожцам он был точно знаком. А вот насколько достоверно изложены остальные его данные и мотивы – неизвестно. Мартин умудрился каким-то образом сбежать из-под караула к запорожцам, на этот раз азовцы поймать его не смогли.

А тем временем посланные в Бахмут азовские казаки Григорий Андреев и Павел Солодовников достигли своей цели. Бахмутчане послали на розыск партию с драгунским капралом. По прибытии в район происшествия партию запорожского полковника они уже не застали, те куда-то снова отъехали. А вот место чьего-то старого лагеря бахмутчане там нашли. Как и след, которым грабители гнали лошадей и одного вола, который был тогда же ими угнан у проезжавших малороссиян. Этот след привел *«в Закрытую балку»*, где обнаружилось место привала грабителей — следы приготовления и приема пищи и остатки войлоков, которые обрезались под размер седел. Этим следом следопыты дошли до реки Крынки, где он пересекал реку и шел на сторону запорожцев. Но капралу в выданной ему из бахмутской канцелярии инструкции дальше идти запрещалось, поэтому оттуда он вернулся. Насколько можно судить, азовские посланцы после этого не вернулись сразу обратно на заставу, а опять поехали в сторону Бахмута, где им в батальонной канцелярии выдали официальную бумагу с результатами этой поездки. На этом обратном пути они заехали на заставу бахмутчан в Зуевых буераках (вероятно, возле хорошо известного топонима Зуевы горы на правом берегу Крынки, возле современного пгт. Зуевка восточнее Харцизска). Местные заставщики рассказали, что незадолго до того к ним приезжали калмыки, человек 30. Из чьей команды – служивые не расспросили. Так вот те калмыки говорили, что запорожцы у них из улусов коней угнали. И что они погнались за похитителями и даже своих коней видели, но из-за многолюдства запорожцев отбить их не удалось и калмыкам пришлось возвратиться. При отъезде этих калмыков случилась неприятная история, когда одна из оседланных драгунских лошадей вырвалась и убежала за ними. Так калмыки ее поймали и не поленились обратно на заставу привести. Порядочные ребята оказались.

По поводу калмыков, заезжавших на бахмутскую заставу у Зуевых буераков. В своем донесении от 27 мая Виногоров сразу же после этого сообщения записал уточняющую информацию: *«а имеющияся де при нем, ротмистре Виногорове, на той заставе калмыки объявили: слышали де они при улусах, что тому недели с три отогнано запорожцами несколько лошадей из улусу мурзы войска донского Будужапа, и оной де за ними, запорожцами, человеках в тридцати и более гнали, а догнали или нет – про то неизвестны»* [13, с. 1425]. Скорей всего, на заставу бахмутчан заезжал именно он, по срокам все получается. Интересно, не удалось ли им после этого все-таки поквитаться с запорожцами? Калмыки тогда заслуженно считались всеми своими соседями ребятами еще более воинственными и отмороженными, чем даже запорожцы – так что такой вариант совсем не исключен. Может именно поэтому полковник Постерняков так злился? Только странно, почему он тогда не смог нормальный след этого похищения показать?

Годом позже, на следствии, имя мурзы Будужапа будет в перечне вызываемых от войска Донского. Но его (и еще нескольких калмыков из числа пострадавших от конокрадов) донцы тогда так и не прислали, сославшись на их тогдашнее отсутствие [13, с. 1548]. Так что некоторых дополнительных и, возможно, не всегда приятных вопросов этот мурза в тот раз избежал.

И о месте расположения заставы бахмутчан в Зуевых буераках. Если верна наша привязка их к Зуевым горам на Крынке, то получается любопытная картина. Когда в 1714 году производилось размежевание русско-турецкой границы между Днепром и Доном, то в этом районе, ввиду его полной безлюдности, пограничные комиссары не сильно заморачивались с проведением границы. В междуречье Миуса и Крынки они ехали по уже известному нам Бахмутскому шляху – вот его границей между империями и объявили. Поэтому большая часть бассейна Миуса (вместе с Леонтьевыми и Глухими буераками) осталась в границах Российской империи, а вся Крынка (вместе с Орловыми буераками и Зуевыми горами) вернулась к Оттоманской Порте. Русско-турецкая война 1736 – 1739 годов сделала эту старую границу неактуальной. Но коменданты бывших приграничных городов (таких как Бахмут, Тор, Изюм) все-равно продолжали содержать караулы со стороны Степи, где всегда оставалась возможность просачивания небольших татарских шаек или шалостей запорожцев и просто беспризорного лихого люда. Но в большинстве случаев такие заставы не выносились за линию старой границы. Что при тогдашнем хроническом малолюдстве местных городков было вполне понятно. Застава бахмутчан для наших краев в этом плане явилась одним из немногочисленных исключений. Она располагалась на свежеотвоеванной у турок и татар территории, за южную часть которой уже начали активно грызться между собой Запорожское и Донское войска.

22 мая на Миус пришли составленные 19 мая в гарнизонной канцелярии крепости святой Анны приказ Виногорову и письмо для передачи местному запорожскому полковнику [13, с. 1559]. Согласно приказу, нашему ротмистру предписывалось самому *«с пристойною командою»* ехать к запорожскому полковнику, передать ему письмо и требовать

от него возврата отобранных у разбитого караула лошадей и имущества. В тот же день Виногоров поехал искать полковника Постернякова[6]. У него в эскорте было 7 азовских казаков (Григорий Андреев, Никифор Васильев, Иван Лутовинов, Константин Ковалев, Наум Мединцов, Родион Алексеев и Андрей Васильев) и 13 калмыков из пострадавших от угона лошадей улусов (Илдже (Луизже) Араша, Гендук Самоидач, Иши Гецюль (Гецель), Араша Чедот, Ивашка, Менкуюк, Гелдун Самоидоча, Дош Пюрба и др.). На местах последних стоянок запорожскую партию найти не удалось, но дошел слух, что *«поехал он [Постерняков] к паланке ево на речку Еланчик»*. При подъезде к паланке, Виногоров заранее отправил четырех человек, чтобы предупредить о своем приближении хозяев. Навстречу из паланки выехали двое караульных запорожцев. Выяснив причины визита, они умчались обратно. После чего в паланке резко началась какая-то нездоровая суета. Неспешно приближающиеся азовцы хорошо видели, как *«многия запорожцы верхи побежали в конской свой табун, которой ходил по ту сторону речки Еланчика, и, ухватя они ис того табуна каждый [запорожец] лошади по две и по три, а другия и более, оных лошадей в закрытыя [т.е, удаленные, не просматривавшиеся — LV] места отводили»*.

Про место расположения Еланчицкой паланки пока можно сказать лишь то, что она располагалась на Мокром Еланчике, скорей всего в его низовьях. Как мы увидим из последующего эпизода, расстояние от паланки до рыбных промыслов на Кривой косе было достаточно небольшим.

На недатированной карте из РГВИА (скорей всего, это карта А.И. Медера 1767 года) через низовья Мокрого Еланчика показаны только две дороги [РГВИА, ф.846 (ВУА), оп.16 (т.III), д.№22885]. В этот период русские военные инженеры еще не начали устраивать новые переправы и спрямлять местные дороги, поэтому местные шляхи еще шли по своим издавна привычным маршрутам. Одна из дорог, показанных на этой карте пересекает реку прямо через ее устье, она соединяла места рыбных промыслов на побережье. Вторая переправа показана по броду в 2,5 верстах севернее, там же, где и сейчас проходит трасса Р-280 (Таганрог-Мариуполь). По аналогии с уже установленным местом расположения позднейшей Кальмиусской паланки, наиболее вероятным представляется размещение ставки еланчицких полковников именно возле моря, где кипела жизнь на рыбных заводах. Но также возможен и вариант ее расположения у более северного брода. То место паланки лучше контролировало бы главную дорогу со стороны «заклятых друзей» донцов, там была лучше ситуация с чистой пресной водой. И там, на правом берегу реки, рядом выходит устье балки Широкой, куда было бы удобно экстренно прятать коней в вышеописанном случае. Так что пока вопрос с точным местом расположения Еланчицкой паланки еще не закрыт.

К моменту приезда Виногорова – запорожский полковник Постерняк был в отъезде, он уехал по каким-то делам к рыбакам на Кривую косу (это примерно 10-15 верст от паланки). Поэтому разбираться с этим неожиданным визитом поначалу пришлось писарю

[6] В экстракте о запорожских грабежах, составленном в крепости св. Анны в 1745 году, по этому эпизоду вроде как указывается несколько более поздняя дата отъезда: *«а он де, ротмистр Виногоров, до упоминаемаго запорожского полковника по силе указу до Еланчика 25 числа [мая — LV] поехал»* [13, с. 1425]. Но по другим документам и по расчетам автора книги – эта дата является явно ошибочной. Вероятно, канцеляристы несколько сократили и переврали текст первоначального рапорта Виногорова. По идее, эта дата должна была относиться не к отбытию ротмистра с Миуса, а уже к его прибытию на Еланчик, в паланку.

Алексею Сукуру (Петруше). К тому времени, как Постерняк вернулся в паланку, Виногоров уже успел зачитать местному «активу» часть письма из крепости святой Анны. Причем опоздавший Постерняк тогда так и не понял, от кого оно вообще было: *«а от кого то письмо было, он не знает»* [13, с. 1519].

После окончания чтения привезенного письма Виногоров потребовал *«о учинении надлежащего удоволствия»* (т.е. – вернуть награбленное). Такое начало переговоров с точки зрения дипломатического искусства, вероятно, было не самым удачным. В ответ и сам полковник, и находившиеся при нем запорожцы *«единогласно, с великим криком и не пристойным ругательством»* возражали, *«что де они того разбою и грабителства не чинили и ни каких де у них воровских лошадей и ничего не имеетца»*.

Когда запорожцы немного устали кричать, Виногоров продолжил свое выступление. Он выставил Постернякову в улику то, что тот так и не захотел исследовать след от того места, где был разбит разъезд азовцев. И тут же рассказал результаты осмотра места преступления бахмутчанами и его казаками, о чем у него был и письменный отчет от бахмутской батальонной канцелярии. Не забыл он упомянуть и то, что этот след шел через Крынку *«к ним, в крымскую сторону»* (т.е. на правый, запорожский берег реки). После чего Виногоров потребовал, чтобы или сам полковник, или его представители поехали смотреть продолжение этого следа за Крынкой, пока тот след еще виден.

После этого в паланке опять поднялся ор. Запорожский полковник и его казаки снова начали кричать *«единогласно с непристойными ругательствами»*. В конечном итоге среди общего ора Виногорову удалось услышать следующие варианты ответов на его обвинения и предложения: 1) не поехали они тогда потому, что у них лошади устали; 2) не поехали больше потому, что *«де они в тех Орловых буераках и нигде [в] касающихся там местах станциею [на остановке, на привале — LV] не бывали»*; 3) и теперь *«для того осмотру не поедут, потому что де они тех урочищ якобы не знают и ничего де там не забыли!»*. Шедевральная логика! Иногда отсутствие ума и внятных аргументов действительно можно заменить луженой глоткой. Но в целом это плохой прием в споре. А для того, чтобы красиво и убедительно уйти от таких обвинений — все-таки нужны мозги. К сожалению, этот вариант для полковника Постернякова явно не подходил…

В это время раздался шум со двора. Оказывается, пока начальство решало свои проблемы, приехавшие с Виногоровым калмыки бродили по паланке (дальше запорожцы их бдительно не пускали). И, надо же такому случиться, что под одним из запорожцев калмыки опознали угнанного у них сивого мерина! Причем сидевший на нем казак (видимо, по неопытности) простодушно признался, что это его конь и что зовут его Осип Иванов сын Король. От такого конфуза приставленные следить за незванными гостями рядовые запорожцы несколько растерялись, и некоторым из калмыков удалось прорваться к пасшемуся за Еланчиком оставшемуся табуну. И здесь они нашли еще угнанных в их улусах двух меринов (гнедого и белого) и гнедого жеребца! Причем на гнедом мерине восседал еще один запорожец, который благоразумно воздержался называть свое имя (как выяснится позже, это был Осип Череватый). И снова с обеих сторон начались ругань и крик, едва не переходящие в мордобой. Когда вся эта, ругающаяся на малороссийско-калмыцко-русских наречиях толпа (в сопровождении испуганно ржущих лошадей) вернулась обратно в паланку, заседавшему там начальству стало уже совсем неприлично продолжать стоически игнорировать это безобразие. Пришлось вмешиваться и разбираться…

Сбежавшиеся запорожцы опять подняли страшный крик с ругательствами. Они на полном серьезе предлагали связать ротмистра, забить в колодки и отправить в Сечь.

Громче всех орал писарь Петруша: *«<…> а паче де писарь ево Алексей непристойное ругательство производил, якобы то воровство и опознание лошадей напрасно на них взнесено».* Он заявлял, что у этих лошадей совсем другие хозяева, только они сейчас в отлучке. Подключился и полковник. К тому времени Осип Король уже давно под шумок сбежал, растворившись в толпе, поэтому Постерняк о нем, похоже, и не узнал. Зато перед его очами поставили упорно отмалчивавшегося Осипа Череватого. Постерняк не стал выдавать приезжим «зайдам» своего подчиненного и дал ему такой отвод: *«якобы он той лошади не хозяин, а хозяин де в отлучке, и как де из отлучки прибудет – в том де ответствовать будет»*. И отдавать опознанных лошадей категорически отказался. Как и допускать калмыков к осмотру второго запорожского табуна, пасшегося тогда у Кальмиуса. На этом переговоры окончательно провалились. К счастью, ротмистру и его людям в этот раз удалось уехать без членовредительства. Настырному Виногорову даже удалось выбить от запорожцев письменный ответ на привезенное им письмо. Который явно составлял паланковый писарь Алексей Петруша.

Позже весь этот эпизод отобразится и в показаниях Постерняка. Как он впоследствии будет вспоминать на следствии 1746 года: *«крепости св. Анны из гарнизонной канцелярии, чтоб он команды своей запорожским козакам всем до одного запретил, дабы [они] обретающимся на заставах козакам, ниже [также — LV] разъездным и проезжим не точию бою и грабежа, но и никаких бы напрасных приметов чинено не было, к нему писано было»*. По словам Постерняка, это письмо доставил ему некий доломановский (азовский) казак с заставы на *«Вышшем броду»*, имени и звания которого полковник тогда так и не узнал. А так как у него на ту же тему были и запрещающие *«приказы»* из Коша, то Постерняк потом с чистой совестью еще раз озвучил подведомственным ему казакам этот запрет: *«почему от него всем и приказано было де о том же нечинении никому никаких обид»*. На это письмо в паланке был составлен письменный ответ и отправлен обратно с тем же казаком. Причем, по заявлению Постерняка, тогда у него в паланке с этим казаком никаких ссор не происходило [13, с. 1518].

По двум Осипам, как владельцами опознанных лошадей, между Постерняком и Виногоровым вероятно нечаянно получилось недопонимание, из-за чего в документах об этих событиях получилась большая путаница. И Виногоров, и Постерняк не застали начало этого конфликта (так как в то время еще заседали в паланке) и лично видели только «второго» Осипа. Они так тогда и не поняли, что этих Осипов изначально было два. Виногоров, который про обстоятельства начала конфликта узнал с чужих слов, подумал, что «второй» Осип – это и есть Король, поэтому в дальнейшем он в своих донесениях упоминает про четырех опознанных коней и про увиденного им «Осипа Короля». А Постерняков, который отлично помнил, что перед ним тогда стоял Осип Череватый, никак не мог понять, почему его спрашивают про Короля? Тот, похоже, был человеком новым и малоизвестным в ведомстве этой паланки, и скорей всего сразу после этого случая вместе со своим сивым мерином уехал от греха подальше. Поэтому в памяти и самого Постерняка, и казаков его ведомства зафиксировались только три опознанных калмыками коня и участие Осипа Череватого. Постерняков потом на следствии будет упорно утверждать, что казака

Осипа Короля в его ведомстве никогда не было. И только по показаниям есаула Лаштабеги и самого Осипа Череватого (доставленного в крепость святой Анны по специальному запросу следствия) мы узнаем, что такой казак все-таки существовал, и что он был приписан к Ирклеевскому куреню [13, сс. 1520, 1523, 1524, 1526, 1527, 1536, 1542, 1546, 1547 и др.]. Но вот самого Осипа Короля – найти в приморских землях больше так и не смогут…

27 мая Виногоров вернулся на свою заставу и отправил в крепость святой Анны рапорт по результатам своего визита в запорожскую паланку на Еланчике. После пережитого сильного стресса, он в своих оценках и обвинениях уже особо не стеснялся. Вероятно, эти выражения в письме гарнизонной канцелярии происходят из его докладной: *«<…> то его, полковника Постернякова и подкомандных ево, как оне [они] всему тому уже причастны, непорядочными при ведении [Виногоров] и объявил. За которыми необстоятельствы, яко от самых злодеев или воров – предписанных запорожских козаков – азовские козаки и калмыки, яко бедные, которые всегда находятся при учрежденных от заповетренной в Турецкой области опасности застав в караулах и заставах – в великом страхе имеютца»*. 1 июня его рапорт попал в гарнизонную канцелярию. А 2-го июня, еще один вариант его донесения, с некоторыми дополнительными подробностями, был передан в гарнизонную канцелярию полковником Васильевым.

С учетом новых данных 8 июня 1745 года в крепости святой Анны было составлено новое донесение в Военную коллегию. В нем в очередной раз подробно пересказывались предшествующие события. Это сопровождалось упоминанием о проблемах из-за запорожцев на донской заставе у Каменного брода и об угнанных у калмыков лошадях. Здесь же говорилось и о совсем свежем случае с угоном лошадей из улуса калмыцкого мурзы Будужапа, приписанного к войску Донскому (мы про него уже рассказывали). Из всего этого комендант крепости святой Анны Вырубов усматривал большие трудности для сохранения карантинных застав. А по рапорту гарнизонного лекаря Келленга и по сообщению русского резидента в Константинополе Вешнякова от 16 апреля 1745 года он знал, что в Константинополе и его окрестностях уже отмечены первые случаи чумы. И, как отмечал Вырубов: *«пребывающие [люди] как из самого Константинополя, так и ис Крыму имеютца»*. То есть – сохранение этих застав было жизненно необходимо.

Также в этом донесении говорилось о полученном от полковника Постерняка письменном ответе, в котором речь шла не столько по теме обращения азовцев, сколько о посторонних и маловажных делах. Зато в нем содержалось встречное *«напрасно ж нарекание»* за высказанные в сторону запорожцев подозрения и обвинения. Но вот никаких гарантий прекращения грабежей, а также давления со стороны запорожцев на примиусские карантинные заставы — Постерняк так и не дал. Из чего комендант крепости сделал логический вывод, что (при попустительстве этого полковника) *«и впредь по их известной своевольности не надежно»*. Далее сообщалось, что на предыдущее его донесение от 19 мая ни от Военной коллегии, ни от генерал-лейтенанта Штофеля ответа к нему до сих пор не

поступило. Поэтому в Военную коллегию опять направляется донесение, к которому прикладывалась копия с письма запорожского полковника (к сожалению, в сборнике Яворницкого она отсутствует). Руководство крепости сильно переживало не только за обиды подведомственного ему гарнизона и населения, но и о возможности их сильного оскудения из-за участившихся грабежей, что делало их неспособными к службе [13, сс. 1419-1427].

Кроме этого, еще 1 июня полковник Васильев представил коменданту Вырубову рапорт, в котором кратко перечислялись все случаи угона лошадей у подведомственных его полку и войску Донскому калмыков. Так, 7 августа **1743 года** на реке Тузлове у донского калмыка Монгу было украдено 5 лошадей. В том же месяце и на той же реке у четырех калмыков (Лузун, Темечи, Аридал, Чюрюм) угнано 33 лошади. В начале мая 1744 года у Луизже Араша при вершине Темерника – 6 лошадей. 31 июля у Эргаса Иджая за рекой Карагачом – 33 лошади. 3 августа у озера Черносова у Петра Ивашки (крещенный донской калмык) – 9 лошадей. 20 сентября у мурзы Григория Дангула (еще один крещенный, из Азовского казачьего полка) – 18 лошадей. Конец апреля 1745 года у Менкуюка и у Иши Гецеля на реке Сухой Чалтырь – 10 лошадей. Итого – за неполные три года у местных калмыков было украдено 104 лошади. Для них такие массовые угоны стали весьма тяжелой обузой.

На тот момент к ведомству Азовского казачьего полка было приписано всего около сотни калмыков. Несколько больше числилось юртовых калмыков в войске Донском. И их услуги, как прирожденных конников-степняков, были очень востребованы и донцами, и азовцами. Поэтому такая активная экспроприация у них лошадей, что грозило здешним калмыкам превращением в пешеходов, сильно не нравилась не только им самим, но и местному начальству.

Кстати, уважаемый Читатель – обратите внимание, с какого именно года начались эти угоны? Правильно, с 1743…

По какой-то причине эти данные не были включены в письмо в Военную коллегию от 8 июня, там про угоны лошадей у калмыков говорилось самыми общими фразами. Но после того, как полковник Васильев пообщался лично с вернувшимися из поездки на Еланчик калмыками, он все-таки решил и эти сведения также направить в Военную коллегию. В новое письмо, помимо этого реестра, включили и конкретные описания опознанных калмыками в паланке четырех лошадей (возраст, масть, тавро, шрамы и прочие особые приметы). Приводить эти приметы мы не станем (они уже все-равно никому не помогут), отметим лишь годы и обстоятельства их угонов. Калмыки опознали одного из жеребцов, угнанного в мае 1744 года у Луизже (Илдже) Араши с Темерника, мерина из угнанных у Ивашки (Ивашжа) в сентябре 1744 года с речки Керчика и по одному коню из угнанных у Менкуюка и Иши Гецеля (Гецюля) в апреле 1745 года с Сухого Чалтыря. А так как запорожский полковник отказался отдать калмыкам опознанных лошадей, то они просили начальство ходатайствовать, чтобы запорожцев все-таки заставили провести расследование и скомпенсировать убытки пострадавшим. В своем новом письме гарнизонная канцелярия с изрядной долей яда напоминала о поведении Постернякова на Еланчике, описанном в предыдущем письме и что писать ему напрямую более смысла не имеется: *«<…> и [о] ево [Постернякова — LV] ”добрых” к защищению прошения ротмистра Виногорова поступках – военной коллегии донесено. Нималаго усердия [с его стороны — LV] гарнизонная канцелярия усмот-*

реть не имела, кроме как паки вредительныя поступки учинить отважился, яко не малаго в пограбленных лошадях отыскания дать покусился. И для того по их [запорожцев] такому лехкомыслию и писать [им напрямую — LV] более уже в невозможности состоит». О чем просилась *«повелительная резолюция»* от Военной коллегии и от *«обретающегося на Украинской линии генерал лейтенанта фон Штофеля»*. Данное письмо было отправлено из крепости 9 июня [13, сс. 1427-1429].

Получается, что, хотя команда нового запорожского полковника прибыла с Сечи только в январе 1745 года, но среди их лошадей обнаружены кони, угнанные у калмыков начиная с мая 1744 года. Вероятно, происходил некий «обмен конями в природе» с запорожцами, осевшими здесь еще при прошлых полковниках. Могла иметь место и перепродажа коней, о сомнительном прошлом которых покупатель мог не знать (или делать вид, что не догадывается). Но, в любом случае, участие запорожцев по крайней мере в некоторых из этих угонов особого сомнения не вызывает. Эти ребята такое любили. Да, в общем-то, в Степи тогда это занятие любили почти все…

О бардаке, который при полковнике Постернякове буйным цветом расцвел на подведомственной ему территории, красноречиво свидетельствует и факт ограбления паланкового писаря Алексея Петруши местным казаком Менского куреня Степаном Черным и несколькими его товарищами. Случилось эта некрасивая история в конце июня 1745 года, к концу срока правления этой паланковой администрации. Подробней об этом (а также и о последующем взаимодействии двух этих персонажей) напишем в отдельной статье в Приложениях.

Неизвестно, как бы развивались события в Примиусье дальше, но, к счастью, время правления в наших краях полковника Постерняка и его дружной команды, наконец-то, закончилось. Сам Постерняк позже упоминал, что в наших краях он пробыл до июля, но из-за чего он здесь тогда задержался – автору так и осталось неизвестным.

Новым местным полковником (на второе полугодие 1745 года) стал Левка Черный (Черной, он же – Леонтей Черной [СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.19, л.1]), Незамаевского куреня. Это был волевой и храбрый человек, к тому же с твердой рукой. И ему, похоже, довольно быстро удалось навести относительный порядок в ведомстве своей паланки. По крайней мере, во время его управления количество жалоб донцов на разбои со стороны подведомственных ему запорожцев значительно снизилось. Да и лично замазываться в таких сомнительных делах Черный не стал. Запорожские конокрады и грабители, активно промышлявшие тогда на донской территории, во время его правления переориентировали маршруты для сбыта награбленного севернее, на Самарскую паланку. Видимо, местный еланчицкий полковник их тогда не жаловал.

Описываемые дальше в нашей книге события будут происходить уже при его управлении Еланчицкой паланкой. Остальных членов его паланковой администрации пока установить не удалось.

24 июля 1745 года в Военную коллегию из крепости святой Анны поступило еще одно донесение. Видимо, администрация крепости попыталась таким образом поторопить Военную коллегию. В этом донесении очень кратко упоминались события, связанные с деятельностью запорожцев в Примиусье начиная с мая текущего года, а также делался акцент на случаях чумы в Турции. Почему еще раз напоминалось о том, что нужно запретить запорожцам сбивать карантинные заставы с Миуса и нужно заставить их вернуть награбленное. Отдельно напоминалось о возврате калмыкам Азовского казачьего полка угнанных запорожцами лошадей.

16 сентября 1745 года Военная коллегия все эти бумаги и основанные на них «экстракты» передала на рассмотрение и для принятия решения в Сенат. И требовала от Сената, чтобы тот приказал *«кому надобно»* произвести расследование и наказание штрафами виновных, *«дабы произходимыя от запорожцов грабительства [были — LV] пресечены и они пристойным образом успокоены быть могли»*. Самостоятельно определить обстоятельства и виновных Военная коллегия по этому делу не могла: *«а мнения своего Военная коллегия представить не может, для того, что Запорожское войско во оной колегии неведомо [не подведомственно — LV]»* [13, сс. 1413-1429].

Сенат рассмотрел это дело и вынес свое «определение» только 7 октября 1745 года. По его указу киевскому генерал-губернатору Леонтьеву поручалось направить «доброго офицера» для расследования обид и грабительств, причиненных запорожцами донцам, азовцам и малороссиянам, о которых сообщалось в донесении Военной коллегии. Этому офицеру предписывалось *«накрепко исследовать и по исследовании с виновными учинить по указом без всякого упущения»*. А еще Леонтьеву поручалось: *«Також и впредь таких грабительств и других продерзостей чинить им, запорожцам – запретить! И ни до каких их запорожцов самовольств не допущать чрез удобные к тому способы по ево [Леонтьева — LV] усмотрению»*. Правительству такой бардак в приграничье был абсолютно не нужен. Но так как сенаторы все-таки догадывались, что из далекого Санкт-Петербурга затруднительно правильно разобраться, кто там в Степи прав, а кто не очень, то на всякий случай пригрозили последствиями обоим ссорящимся казачьим войскам: *«Ежели ж впредь кто в таких продерзостях из запорожцов или донские козаки будут чинить запорожцам обиды и в надлежащие им, запорожцам, звериные или рыбные и другие угодьи въезжать, и тем им, запорожцам, причинять обиды – и в том по следствиям будут изобличены — с таковыми поступать (а имянно: Военной колегии – с донскими козаками, а з запорожцами – упомянутому генералу кавалеру и киевскому генерал губернатору Леонтьеву) по указам без всякаго упущения»*. Но рассылка этого сенатского «определения» почему-то задержалась почти на месяц. И лишь 5 ноября ушли соответствующие указы Леонтьеву (с приложением донесений Военной коллегии по событиям этого года) и Военной коллегии, а также грамоты войскам Запорожскому и Донскому (последнему – через посредство Военной коллегии) [13, сс. 1429-1430, 1629-1630]. Надо полагать, Военная коллегия не забыла сообщить об этом и коменданту крепости святой Анны, как главному инициатору данной жалобы. О результатах выполнения этого поручения мы расскажем позже.

Осень 1745 года. Кульминация. Миссия подполковника Якова Бильса и запорожско-донские «прения»

Со всеми этими событиями, из внимания высокого начальства несколько выпало поручение о проведении разграничения между Донскими и Запорожским войсками, которое изначально поручалось Вырубову. Новый штаб-офицер ему на замену для этой миссии был назначен только 14 августа 1745 года. Им стал подполковник Шлютелбургского (Шлиссельбургского) полка Яков Бильс.

В сенатском поручении от 31 июля 1744 года Военной коллегии предписывалось определиться с новой кандидатурой на эту миссию (взамен Вырубова). И тогда предполагалось, что он будет из полков, находившихся под командой генерал-лейтенанта фон-Штофеля на Украинской линии, *«по близости к тем местам состоящим»*. Видимо, так решили, чтобы не отрывать надолго этого офицера от его непосредственных обязанностей, а также, чтобы он был хоть немного в курсе местных дел.

Рис.31. Полковой герб Шлиссельбургского полка [42]

Где на тот момент находился Шлиссельбургский полк автору выяснить не удалось. Как уже говорилось, в сентябре 1743 года этот полк стоял под Киевом. Но тогда существовала практика, что полевые полки не стояли постоянно в одном и том же месте, а периодически ротировались. Вероятно, летом 1745 года этому полку наступил черед отправляться в прикрытие границы со стороны нижнего Дона.

Вот как сам Бильс описывал полученную им инструкцию: *«<…> определен я для размежевания между Донским и Запорожским войсками в реках, лесах и в других местах. По которой [инструкции — LV] велено мне от вышеписанных обоих Донского и Запорожского войск истребовать об них, о тех поморских, яко [и] степных местах – о реках, лесах и протчих угодьях – письменные документы»*. Как уже говорилось, первоначально вся грызня шла именно за морское побережье. А прилегающие степные районы казаками на тот момент рассматривались скорее как не сильно нужное, но приятное бесплатное дополнение. Но что делать, если письменных свидетельств казаки предоставить не смогут? *«Буде де [документов — LV] не имеетца, то изыскать старожилов, знающих старшин и козаков, которые б могли все тамошние места, реки, леса и морские косы знать. И егда [когда] оные ко мне прибудут, то б следовать [рассмотреть, изучить вопрос — LV]. И, прибыв [на место — LV], между оными войски реченныя угодьи осмотреть и разобрать. Описать все урочищии по сущей справедливости по вышеписанным у них письменным документом (ежели есть), буде же нет — то предписанными старожилами, знающими старшинами и козаками – по их скаске [по словесному показанию — LV] в силе присяжной должности [т.е., под присягой — LV]. И отвесть запорожцом [не донцам! — LV] для довольствия их рыбные и звериные ловли, тако ж степи и протчия угодья — те, которыми они напред сего, будучи под Российскою державой владели или что по нынешнему моему разсмотрению в дачу им достаться может»*.

Еще раз повторим, что должны были учитываться только те владения запорожцев, которыми они владели под властью русских царей. То есть – никакие польские или крымские времена даже теоретически не рассматривались. Ну а если бы запорожцам не удалось предъявить такие территории – то Бильс должен был предоставить в Сенат свои предложения, какие именно из отторгнутых у турок и татар земель в Северном Приазовье целесообразно передать запорожцам с точки зрения здравого смысла и удобства их хозяйственного использования. Также он должен был озаботиться установлением межевых знаков между двумя казачьими войсками: *«А те отведенные [запорожцам — LV] места – по пристойности означить, по справить [установить — LV] грани [граненые пограничные столбы — LV] или межи, дабы за не получением [четко обозначенной границы — LV] оные запорожцы в рыбные и звериные ловли, и в степи, и в протчия угодья, принадлежащие войску Донскому, отнюдь въезжать не могли. А в коих местах причтется [будет определено, причислено — LV] им довольствоваться (яко какие земли, реки, леса, для довольствия рыбною и звериною ловлеми степи и другие угодья им, запорожцам, назначены и отведены будут) – оной отвод с верным планом или описанием, как того высокоправительствующий Сенат требовать изволит, отправить немедленно»*. Составление такого «плана» потребовало бы от Бильса серьезной картографической работы, что явно сильно превышало его возможности. На середину 1740-х годов русские карты степной полосы к северу от Азовского моря были еще очень приблизительны и схематичны, к тому же они сильно отличались одна от другой. В этих условиях словесное описание было более реалистично, что хорошо понимали и в Сенате: *«Буде же того плана за чем [по какой-либо причине — LV] учинить будет не можно, то по вышеписанному, осмотря, [и] разобрав по письменым документом и старожиловым скаскам, учинить опись, и потому ж [и точно также — LV] отослать в высоко прав.[ительствующий] Сенат»*.

В первых числах сентября 1745 года Бильс, уже находясь на нижнем Дону, приступил к выполнению отданного ему поручения. И, поначалу, эта миссия не представлялась ему особо трудной. К тому времени в Примиусье вместо проштрафившегося запорожского полковника Постернякова был уже новый полковник – Левка Черной. Бильс, немного вникнув в обстановку, назначил место собрания запорожской и донской делегации в Еланчицкой паланке: *«яко где того Запорожского войска полковник Черной всегда с командою находится к реке Еланчик»*. Такое предложение позволяло разместить самого офицера и съехавшихся делегатов под крышей и в относительном комфорте. Надо полагать, что он тогда же известил о своих планах и задачах и местного запорожского полковника. И что он передал через Черного в Кош информацию о том, куда и когда надо прислать запорожских делегатов для участия в этом разборе.

Рис.32. Обер-офицер фузилерной роты Шлиссельбургского полка (1732-1742) [42]. Подполковник должен был выглядеть несколько богаче.

Руководство войска Донского на эти переговоры отрядило двух старшин (Агея Иевлева и Лариона Скосырского) и несколько старожилов. Но донцы хорошо помнили о том, как обошлись запорожцы с ротмистром азовцев Виногоровым во время его недавнего визита в Еланчицкую паланку. И для своих старшин и стариков они такого позора категорически не хотели, поэтому выделили для них весьма внушительный конвой в сто казаков [13, с.

1456]. В свою очередь сведения о таком количественном составе донской делегации здорово обеспокоили еланчицких запорожцев, которые не без оснований могли ожидать от донцов какой-нибудь внезапной каверзы, типа осеннего набега 1743 года.

Получился классический кризис доверия, не столько реально опасный, сколько трагикомический. Когда каждая сторона яростно хорохорится, но в глубине души отчаянно мечтая, чтобы другая сторона не начала делать непоправимые глупости. Такие кризисы иногда удается разрешить, просто нормально поговорив, желательно вечерком и со шкаликом чего-нибудь горячительного. Конечно, это не всегда помогает (бывает и прямо противоположный эффект). Но в этот раз никто даже и не попытался…

Дождавшись в (полковом?) лагере на Темернике (на месте нынешнего Ростова-на-Дону) делегацию донцов, Яков Бильс 15 сентября вместе с ними и их конвоем отправился в путь на запад. Но вот официальной реакции Коша на свое приглашение он, похоже, получить еще не успел. Поэтому вскоре ему предстояло сильно удивиться. Когда 19 сентября Бильс со своими людьми и с донцами прибыл к *«усть реки Миюсу»*, на другом берегу реки они увидели ожидавшую их команду вооруженных запорожцев полковника Черного. Тот был согласен без проблем пропустить на свой берег самого Бильса и сопровождавших его шестерых солдат, но категорически отказывался разрешить это донцам. Причем он на полном серьезе обещал насмерть биться за эту переправу: *«<…> а ежели оные поедут, то они [запорожцы] будут обороняться не пропустить».* Обсуждался ли тогда вариант с пропуском только донских старшин и стариков, без конвоя – документы не сообщают. Возможно, такая перспектива не устроила уже донцов. Сильно озадаченный Бильс, избегая *«далнейших от запорожцов, по их легкомыслию, иногда какой не пристойной ссоры»*, вынужден был остановиться при устье Миуса. Здесь ему и донским делегатам пришлось провести в бездействии больше двух недель, ожидая задерживавшуюся запорожскую делегацию. Надо полагать, что Бильс сразу же отправил запрос в Кош по поводу этой стычки на Миусе. Ведь своими действиями Черный нарушил положение сенатского указа, прямо запрещавшему обеим сторонам какие-либо ссоры во время этого разграничения!

Вероятно, еще во время пребывания Бильса в лагере при Темернике, донцы сообщили ему о том, что *«из оных запорожцов не малое число, в противность В.И.В. указов, для рыбных ловель, переехав на Кубанскую сторону моря и построя шиши, те рыбныя ловли отправляли»*. Поэтому, встретившись на Миусе с полковником Черным, Бильс, помимо прочего, предъявил ему текст указа о запрете *«запорожцам и другим русским людям»* ловить рыбу и въезжать на Кубанскую сторону Таганрогского залива. Впрочем, судя по срокам, текст этого указа уже должен был быть еще раньше доставлен Черному из Сечи, как и угроза ему «жесточайшей расправой» за его невыполнение (помните, доклад Коша в Санкт-Петербург от 31 августа?).

Как мы помним, в том же сенатском указе процесс сгона запорожцев с запрещенных мест предписывалось произвести совместно представителям, посланным от войска Запорожского и от офицера, назначенного руководить этим размежеванием. Но Бильс к этому делу почему-то привлек не администрацию запорожской Еланчицкой паланки, а руководство войска Донского.

И то ли с Миуса, то ли еще раньше, из лагеря при Темернике (точную дату автору установить не удалось) на южное побережье залива *«для згонки запорожцов и созжения их шишей»* были отправлены: от Бильса — подпрапорщик Алексей Разинкин (в сборнике Лишина – Розенкап [9, с. 388], в копии 1776 года – Ратеникин [РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.10, л.485]), от войска Донского — старшина Алексей Ларионов, с небольшой донской командой. Результаты их поездки в разных источниках сильно разнятся. Так, в письме Данилы Ефремова в Сенат от 31 декабря 1745 года они описываются так: *«<…> которых [запорожцев] наехав в разных косах немало оттуда согнали, а шиши их пожгли»*. Схожие мотивы мелькают и в расписке, которую Бильс возьмет с запорожских делегатов по поводу ознакомления их с запретом запорожцам ездить на Кубанскую сторону моря: *«<…> и при том же господин подполковник нам объявил, что чрез нарочно посланнаго от него по Кубанской стороне моря шиши все созжены, а люди высланы <…>»*. А вот в отправленных от Бильса донесениях в Сенат — звучит несколько иная информация. В них говорилось, что на Чумбурской, Ачаковской и Ейской косах посланцы тогда заметили только следы уже сожженных рыболовецких шишей. И только на Сазальницкой косе они нашли шесть целых шишей, которые тогда же и сожгли [13, сс. 1440-1441, 1442, 1457]. Кто успел еще до того сжечь большинство рыболовных шалашей на южном побережье – в его письме не расшифровывается. Так что из него (по умолчанию) складывается впечатление, что это могли сделать сами запорожцы. Какая из этих версий ближе к истине – пока сказать затруднительно. Так что пытался ли полковник Левка Черный реально бороться с запорожским рыболовством на южном берегу Таганрогского залива или отчет Коша о выполнении этого запрещающего указа был обычной «бумажной» отпиской – уже никто достоверно не узнает.

Но уже даже на этом этапе становится хорошо понятно, что при весьма слабом контроле запорожских властей за своими подчиненными, даже самые грозные и громогласные попытки Коша и местного полковника запретить им что-то делать — были обречены на провал. Рядовые казаки и наемная чернь все-равно творили, что хотели и что считали нужным для себя. А если к этому примешивалась еще и личная заинтересованность местной старшины в пополнении собственной мошны – то дело принимало совсем неприличный оборот. Так что было лишь вопросом времени, когда запорожцы вновь вернутся на прежние места…

Ну а пока донцы гоняли запорожцев с ейских кос, надо полагать, запрос Бильса достиг Коша, и к 7 октября к устью Миуса приехали и запорожские делегаты – *«старшины и старожилы»* [13, сс. 1431-1432]. В составе запорожской делегации были два старшины (Иван Федорович Белой и Григорий Кононович Рожок), пять «старожилых казаков» (Петр Омельницкий, Степан Решетило, Кость Малашевич, Иван Тонконог, Василий Бородавка) и единственный грамотный в этой компании – писарь Андрей Осипович Шафранов.

О важности рассмотрения этого дела для Коша и об уровне его делегации может свидетельствовать даже сам состав этой делегации. В ней мы встречаем того самого бывшего кошевого Константина Малашевича, при котором вся эта каша и заварилась в начале 1743 года. Видимо, его тогдашнее правление

настолько не впечатлило запорожцев, что спустя всего полгода они заменили его на нового кошевого. А к рассматриваемому времени он уже не только лишился старшинского звания, но и само его имя перечислено в середине списка «старожилых казаков». Что явно не свидетельствует о глубоком уважении к нему со стороны его коллег. Тем не менее, его отправка была вполне логичной — он эту кашу заварил, ему ее и расхлебывать.

Бывшего «миусского» полковника Кишенского (тоже стоявшего при истоках этой распри) в Коше, похоже, делегатом отравлять не решились. Видимо, хорошо зная его конфликтный и бескомпромисный характер, а также сложившееся к нему отношение со стороны донцов. Если, конечно, это не он показан в составе делегации как Василий Бородавка (но это автору представляется маловероятным). Зато писарем при делегации отправили хорошо знакомого нам Андрея Осиповича Шафранова, когда-то помогавшего Кишенскому устанавливать запорожскую власть в Приазовье.

Возможно, и остальные члены этой делегации тоже имели какое-то отношение к событиям в наших краях, но пока это автору установить не удалось. Про Ивана Белого напомним, что в 1743 году он возглавлял запорожскую делегацию в столицу, то есть был очень уважаемым и авторитетным человеком.

С собой запорожские делегаты привезли письмо кошевого атамана. В нем тот уведомлял, что затребованных документов, подтверждающих права запорожцев на земли Приазовья, они предоставить не могут: *«в котором объявил, яко не имеют к тому письменных документов, что за прошедшею швецкою баталиею потерено»*. То есть, ссылался на разгром Сечи и уничтожение ее архива после перехода запорожцев на сторону Карла XII в 1709 году. Поэтому он предлагал: *«а основатьца на отправленных старожилов по изустным показанием»*. У донцов с документами была практически такая же ситуация, они тоже ничего предоставить не смогли.

По запорожцам – таких документов просто не существовало в природе. Мнение о древности запорожских владений в Северном Приазовье – родится только в XIX веке в головах некоторых южнорусских историков, прежде всего – А.А. Скальковского и епископа Феодосия (Макаревского).

А вот донцы, если бы немного напряглись, кое-что все-таки могли бы представить по этой теме. Так, от Петровских времен в архивах сохранилось множество документов по донскому рыболовству в низовьях Дона и в восточной части Таганрогского залива. А на карте Брюса-Менгдена 1699 года (отпечатанная в Голландии первая печатная карта на русском языке!) весь бассейн Миуса и Крынки несколько оптимистично отнесен к огромной территории с подписью «Юрты [области, районы — LV] донских казаков» (см.Рис.33). По крайней мере, претензии на какую-то часть оспариваемых территорий можно было бы (пусть с большими натяжками), но обосновать. Возможно, донцы успели подзабыть про такие документы? К тому же, архивы Войска (тоже очень несвоевременно) сгорели при большом пожаре Черкасска в августе 1744 года, когда выгорел весь город.

Рис.33. Фрагмент карты Брюса-Менгдена, 1699 год.

В связи с непредоставлением обеими сторонами документальных свидетельств, Бильсу ничего не оставалось, как провести устный расспрос делегатов от обоих войск. Именно этим он под запись и занялся 7 октября 1745 года. Сначала с присланных старшин и старожилов от обеих сторон была взята присяга, чтобы они говорили только правду. Правда, помогло это слабо. Донцы, с заслушивания которых и начался этот день, тут же эту присягу и нарушили (что, естественно сразу же сняло муки морального выбора и с запорожцев). Ошибкой Бильса было то, что он сразу свел вместе обе делегации, вместо того, чтобы сначала выслушать их по отдельности, а потом уже сравнить их показания и выяснить противоречия на очной ставке. Поэтому даже небольшая ложь одной стороны тут же вызывала праведное негодование у противоположной стороны. Что, в свою очередь, выливалось в попытках перебить чужую выдумку собственной, еще более далекой от реальности. И этот процесс прошел лавинообразно… Обе стороны не то, чтобы совсем уж нагло врали, но старательно пытались «натянуть сову на пень», вспоминая самые мимолетные и малозначительные события своей недавней истории и пытаясь представить их как весомые свидетельства обоснованности своих территориальных «хотелок». Ну а насколько хорошо у них это получилось, мы и рассмотрим ниже.

Специально для любителей заявлять о древности запорожских владений в Северном Приазовье. В последующем рассказе о «прениях» донцов с запорожцами, обеими сторонами будет весьма активно использоваться выражение

«тому назад третий год». Учитывая, что эта дискуссия происходила в октябре 1745 года, то с момента приезда в северо-восточное Приазовье запорожского полковника Кишенского прошло два года и девять месяцев. Так что да, это случилось *«тому назад третий год»*.

Все это нас приводит опять-таки к одному строго определенному году, в честь которого названа и эта книга. Мы такие фразы в показаниях будем каждый раз педантично выделять жирным шрифтом и подчеркиванием. Вот, уважаемый Читатель, и посмотрите, как именно обе стороны датировали нынешний приход запорожцев на благословенные земли северного Приазовья…

Итак, первыми 7 октября право голоса получили донцы. Как уже говорилось ранее, еще в самом начале этого конфликта, в середине 1743 года, войсковой атаман Данила Ефремов пытался убедить высокое начальство отодвинуть запорожцев куда-нибудь подальше от Темерника и поближе к Берде. За прошедшие два с лишним года его политика так и не изменилась, поэтому донские представители были соответствующим образом проинструктированы.

В опубликованных сборниках архивных документов (а также и в неопубликованных документах) показания запорожцев и донцов из донесения Бильса встречаются несколько раз (два раза в сборнике Яворницкого, еще один, несколько сокращенный вариант, имеется в сборнике Лишина, есть еще несколько сокращенный и испорченный текст в указе из Военной коллегии в крепость св. Анны от 12 мая 1746 г.[1]). Между ними есть некоторые текстуальные отличия и даже пропуски. Возможно, где-то ошиблись петербургские писцы, переписывавшие незнакомые названия. Вероятно – добавили путаницу и публикаторы, по той же причине. Поэтому при передаче этих показаний автор книги взял грех на душу и скомпилировал из нескольких таких вариантов один, хотя это и не есть слишком хорошо методологически. Также была несколько изменена разбивка текста на фразы и предложения там, где публикаторы не совсем правильно поняли его смысл. Варианты разночтений и пропусков, а также локализация географических объектов приводятся в подстраничных сносках.

Вот что под присягой показали донцы: *«1745 году октября 7 дня мы, определенные к размежеванию между Донским и Запорожским войсками, в реках, в лесах и в протчих местах — войска Донского нижеподписавшиеся старожилы, старшины и козаки, даем сию скаску по присяжной должности в том, что когда блаженныя и вечнодостойныя памяти*

[1] Оригинал — ИР НБУВ, ф. V, д.104-220, л. 119 – 131об (пагинация карандашом), док. 138; копия того же документа от 1777 года — РГАДА, ф.797, оп.10, ч.9, л.483-484об.

его им[ператорск]ое в[еличество]о государь Петр Великий изволил взять в 698[2] году город Азов, тогда Лютенская крепость (которая за турками была для не пропуску из Черкаского в море судами) отдана была во владение войску Донскому[3], и протчия речки и угодья, а именно: речки Чюленки Донской и Морской[4], Белой Камень[5], Санбек[6] и Черепаха[7]. И по всем косам от города Троицкаго[8] даже до Берд[9] и впадающими в море косами, яко то: Петрушиною Тубою[10], Золотою Лучкою[11], Беглицкою[12], Миюсскою[13], Кривою[14], Еланчицкою[15], Калмиюскою[16], Белосарайскою[17] даже и до Берд — на всех вышеписанных косах и речках наши козаки войска Донского рыбными ловлеми довольствовались и добывались, також и по верхам от речки Миюса до Крынки[18]-речки, которая впали в Миюс; ***речки Еланчик Малой, Еланчик Большой[19]*** *впали же в море, на оной вершине имеютца леса* ***с пристенками[20]; речка Миюс устьем в море ж впали, також и на оной вершине леса имеютца[21]****, на которых речках войска нашего козаки копканами зверей лавливали;*

---

[2] Такая дата указана во всех трех просмотренных списках. Правильно должно быть 1696 год.

[3] Лютин (Лютик) – бывшая турецкая крепость Сед Ислам («Щит Ислама») на Мертвом Донце.

[4] В одном из списков – ошибочно просто «Чюленки». Это две близко расположенные небольшие реки в Ростовской области — Донской Чулек и Морской Чулек. Первая впадает в Мертвый Донец у с. Синявское, вторая – в северо-восточный угол Таганрогского залива у одноименного села Морской Чулек.

[5] Урочище на побережье в районе между устьями Морского Чулека и Самбека, возле х. Мержаново.

[6] Река Самбек. Впадает в Таганрогский залив у с. Вареновка, северо-восточнее Таганрога.

[7] Сейчас – балка Большая Черепаха, протекающая через северо-восточную часть Таганрога и впадающая в Таганрогский залив. Ныне большей частью засыпана. В этом месте находится самое узкое место перешейка, соединяющего Миусский полуостров с материком. В 1702 году вдоль этой балки русскими была устроена укрепленная линия. Трехбастионный форт (шанец) на ее южном фланге также получил название Черепаха.

[8] Первоначальное название Таганрогской крепости, «город Троицкий на Таганьем Рогу».

[9] Река Берда.

[10] Сейчас Петрушина коса, у одноименного села Петрушина, юго-западнее Таганрога. В XVII – XVIII веке обычно называлась Петрушиной Тубой. «Тобе», «тёпе» — холм, возвышенность по-татарски.

[11] Небольшая вдольбереговая Золотая коса находится у одноименного поселка, также на юге Миусского полуострова, в 17 км западнее Петрушиной Тубы.

[12] Коса на крайнем юго-западе Миусского полуострова, в 6 км западнее Золотой косы.

[13] Низменный песчаный выступ берега, ограничивающий с запада устье Миусского лимана.

[14] Большая коса, в основании которой ныне находится г. Новоазовск.

[15] Вдольбереговая коса немного западнее устья Грузского Еланчика, между западной окраиной Новоазовска и с. Самсоново.

[16] Вдольбереговая коса к востоку от устья Кальмиуса, примерно между Найдёновкой (один из мариупольских поселков) и с.Сопино. Сейчас здесь так называемый «Левобережный» пляж, «бакаи» и Зеленый остров.

[17] В двух списках – ошибочно «Белосаранская». Крупная коса в 25 км юго-западнее устья Кальмиуса.

[18] В одном списке – ошибочно «Крымки».

[19] В сборнике Лишина: ***«речки Еланчик, Малой Еланчик*** *впали ж в море»* [9, с. 386]. Сейчас два наших «основных» Еланчика называются: Мокрый Еланчик (впадает в море между устьем Миусского лимана и Кривой косой) и Грузской Еланчик (впадает в море с западной стороны Кривой косы, в пределах г. Новоазовска). На картах начала XVIII века «Большим» обычно называется Мокрый Еланчик, но на более поздних картах, начиная с карты Фрауендорфа 1736 года, наоборот — Мокрый Еланчик подписан как «Малой», а Грузской – как «Болшой». Пока с этим вопросом надежно разобраться не удалось. Кроме этого, применялись и другие системы наименований для распознавания наших Еланчиков (об этом позже).

[20] Пристенок – заросшие лесом крутые склоны байраков (термин из лесоводства). Консультация дендролога Е.Бородавка.

[21] В сборнике Лишина данный выделенный фрагмент пропущен.

речка Волненская[22] впадает в Калмиюс, ***на верхах оной речки наш козак Григорий Шавырев с товарыщи добывались зверми, и леса там имеютца[23]****; речка* ***Калец****[24] впала в Калмиюс к морю,* ***Зеленая[25]*** *балка впала ж в море; речка Берда, где ныне граница положена между Росийскою и Отоманскою империями* ***его сиятелством господином генералом лейтенантом и полномочным границ комисаром и кавалером (что ныне генерал-аншефт) князь Васильем Никитичем Репниным[26]****; и по всех вышеписанных речках и косах войска нашего Донского козаки как рыбною ловлею, так и звериною доволствовались и по верхам оных речек наши калмыки юртовые кочевали, даже до самого моря.* ***Еще ж когда при жизьни блаженныя и вечнодостойныя памяти Е.И.В. государя Петра Великого из города Троецкого ежегодно хаживали два его величества корабля за солью к реке Бердам, и нам, войску Донскому козакам незапретно брать соли было повелено, а запорожцам соль было брать не велено, но точию оные тайным образом бирали, тако ж малороссийским козакам, маркетентерам[27], купцам и протчим людем брать же соль (кроме нас, войска Донского) было запрещено. В те прежния времена наши войсковыя табуны на Бердах хаживали, також по речкам Калчику, Калмиюсу, Еланчиках, Миюсу, Крынках. И по морским косам (Белосаранской и протчих) ведомства нашего козаки рыбу лавливали, где прежних рыболовных станов знаки имелись, разве иногда ныне их самоволством запорожцов заглажены[28]****. А ко оному войску Запорожскому принадлежат реки: Днепр, Самара,* ***Волчья****[29], Ялы Большия и Малыя[30],* ***Ганчол[31]****, Московка[32] и протчия, впадающия в Днепр реки и речки, да и по тем верхам наши козаки зверей лавливали и копканы ставливали. И по вышеписанным, впадающим в Азовское море речкам, по устьям козаки рыбу лавливали, а по их верхам, как и выше означенно, зверей бивали. И владели мы теми реками, лесами, степями и протчими угодьями безпрепятственно, на которых наши козачьи и калмыцкие табуны наперед сего хаживали даже до Берд и не токмо в летнее время, но и чрез всю зиму в пазбе [пастьбе — LV] находились и владели мы от самого взятья города Азова даже до вступления их самоволно запорожцов в здешние места[33], не имея никакова к тому права, точию* ***<u>назад тому третий год</u>****. А прежде оные запорожцы во оныя места толко для одних разбоев езживали, что от них и ныне*

---

[22] Теперь – река Мокрая Волноваха, правый приток Кальмиуса. Устье у с. Раздольное Старобешевского района.

[23] В сборнике Лишина данный выделенный фрагмент пропущен.

[24] В сборнике Лишина вместо Кальца указан Кальчик. Сейчас этот правый приток Кальмиуса называется Кальчик, но в XVIII веке его название передавалось по-разному. А названия малых притоков Кальчика до сих пор приводятся в разных вариантах.

[25] В одном из списков из сборника Яворницкого эта балка называется Зениной [13, с. 1449], также и в копии 1776 г. [РГАДА, ф.797, оп.10, ч.9, л.483об]. В пределах Мариуполя есть небольшая Зинцева балка, впадающая в море, но судя по смыслу документа – здесь речь все-таки идет именно о речке Зеленой, впадающей в море в с. Урзуф.

[26] В сборнике Лишина данный выделенный фрагмент пропущен.

[27] Маркитанты – торговцы, сопровождавшие войска.

[28] В сборнике Лишина весь этот большой выделенный фрагмент пропущен.

[29] В сборнике Лишина — ошибочно «Буда». Река Волчья (Волчьи Воды) – левый приток Самары (приток Днепра).

[30] Сухие Ялы и Мокрые Ялы – левые притоки Волчьей. Впадают у села Константинополь и восточнее села Новохатского (Великоновоселовского района Донецкой области) соответственно.

[31] В сборнике Лишина ошибочно «Зайчая». Река Гайчур (ранее – Ганчул) – левый приток Волчьей. Устье у с. Писанцы Покровского района Днепропетровской области.

[32] Вероятно, имелась в виду небольшая река Мокрая Московка, левый приток Днепра. Устье в пределах нынешнего города Запорожье. Рядом есть еще меньшая речка Сухая Московка, также впадающая в Днепр.

[33] В сборнике Лишина весь последующий текст донских показаний опущен.

чинитца по их своеволной отваге: по разным дорогам проезжающим разбои чинят и народ в крайния разорения приводят. Но и наперед сего из под самого города Черкаского табун войсковой их запорожскою воровскою партиею угнат Алистраткою и протчими их, Запорожского войска разбойниками. И для того вышеписанные места, яко реки, леса, степи, морские косы, и протчия угодья подлежат подлинно войску Донскому, как то и выше объявлено, и в том объявляем самую сущую правду по присяжной должности. Буде же мы что объявляем неправо, то повинны по ея и-го в-а указом непременного штрафа без упущения, в чем и подписуемся. У подлинно подписано: К сей скаски вместо войска Донского старшины Агея Иевлева за неумения грамоты — того ж войска Донского старшины и место себя Ларион Скасырской и подписался. Вместо Гондуровской [Гундоровской] станицы старожилых Карпа Щепетнова, Ермола Долотина, Павла Гукова — по их прошению войска Донского писарь Кирила Попов подписал. Подполковник Яков Билс».

Проанализируем показания донцов (их графическое отображение — см. Рис.34). Они начали с упоминания того, что после взятия Петром I Азова (год этого события в их показаниях указан не верно), донцам была отдана крепость Лютин (Лютик) на рукаве Мертвый Донец. Это реальный факт, там с 1696 по 1708 год стоял донской гарнизон, подчинявшийся Черкасску (там даже была большая переписка по поводу особенностей снабжения этого городка в связи с его оторванностью от остальной территории Войска Донского). Но вот то, что вместе с Лютином донцам была отдана и часть морского побережья между дельтой Дона и началом Миусского полуострова – это, вероятно, сильное преувеличение. Судя по всему, никакого официального распределения данной территории тогда так и не было произведено (в отличие, скажем, от основного русла Дона, где это было четко регламентировано). Поэтому, пока рядом не появились новые русские крепости с их гарнизонами и населением – донцы из Лютина и «материковые» могли свободно пользоваться этим куском побережья. Но в 1702 году в основании Миусского полуострова была построена укрепленная линия и туда был переселен «запорожский» казачий полк из первоначального Павловского шанца на Петрушиной Тубе. И тогда, по идее, местные «запорожцы» должны были сильно потеснить донцов на этом побережье. Что в донских показаниях уже никак не отражено. Кстати, интересный момент – в своих длинных и несколько путанных, с повторами, показаниях донцы конкретно этот район упоминули всего один раз и больше к «доказательствам» по нему не возвращались. То есть у них принадлежность территорий восточнее Миуса войску Донскому никаких сомнений не вызывала, здесь они были железобетонно уверенны в своей позиции и не допускали даже мысль о возможности оспаривания прав на эту территорию запорожцами.

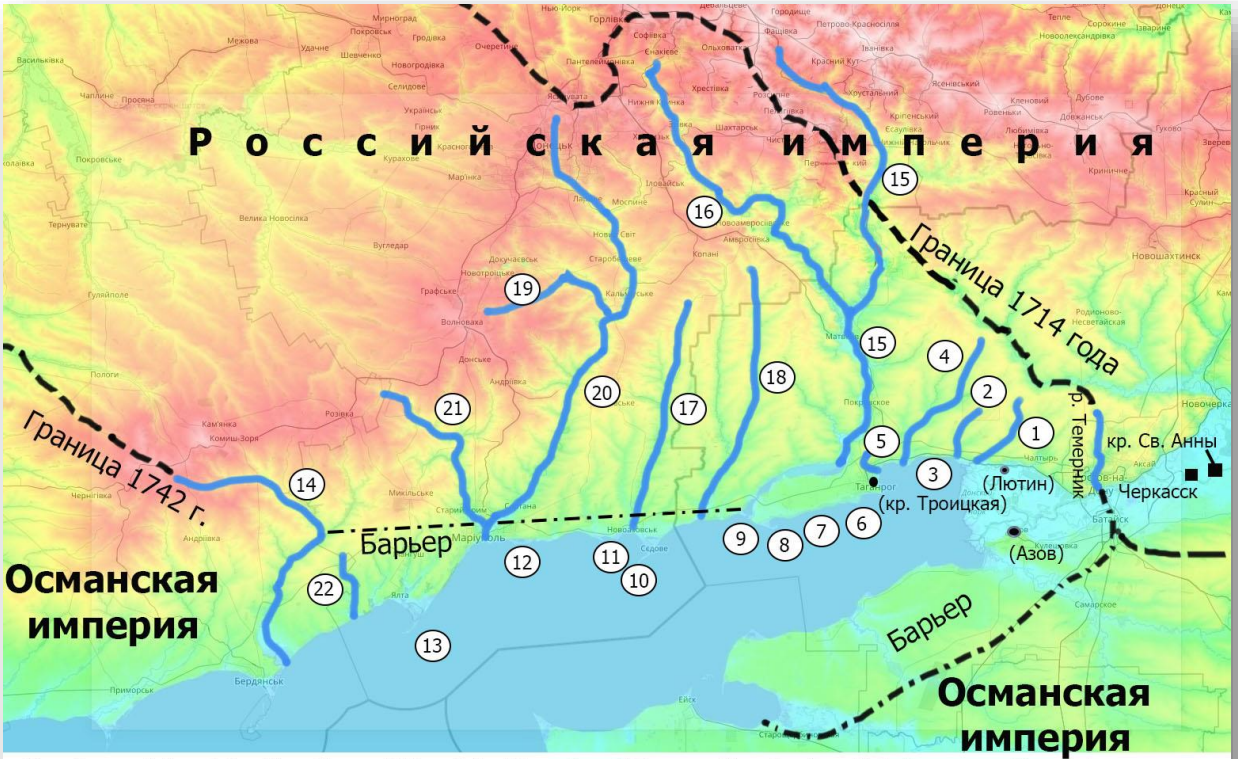


Рис.34. Перечисление рек и морских кос, на которые донцы выдвинули свои претензии 7 октября 1745 года . Нумерация в основном совпадает с порядком упоминания в их рассказе.

Также не слишком надежным аргументом является и заявление донцов о том, что их казаки тогда ловили рыбу на всех реках и морских косах от Таганрога и до самой Берды. Так, из перечисленных донцами кос – на Петрушиной Тубе с 1697 по 1702 год стояла Павловская крепость (первая), а в непосредственной близости от Беглицкой и Миусской кос – с 1698 года и по 1712 год — Семеновская крепость (она же – «город Миюс»). Местные служивые (и из казачьих «запорожских», и из солдатских полков) были совсем не дураки пополнить собственный бюджет за счет рыбной ловли. И они вряд ли бы сильно обрадовались частому присутствию там своих прямых конкурентов. Что, конечно же, не означало полной невозможности эпизодических появлений здесь донских рыбаков. Что же касается до лежащих еще западнее кос – от Кривой и до Белосарайской, то согласно статье V Константинопольского мирного договора 1700 года, они попадали в состав «пустых и порожних» земель, на которых не должно было быть никакого поселения или укрепления, но подданным обеих империй разрешались мирные хозяйственные занятия (в том числе и рыбные и звериные ловли, добыча соли и т.д.). Крымские кочевники тогда в основном ушли с этой территории западнее, и места эти оставались никем не контролируемыми и достаточно опасными. Отдельные рыбацкие артели донцов вполне могли на свой страх и риск туда иногда заплывать, но сколько-нибудь массового рыболовства в этих краях по тогдашним документам не прослеживается.

Также донцы вспоминают тогдашнюю добычу донскими казаками зверя в широкой полосе степей – упоминаются нижнее и верхнее течение Миуса и Крынки, верховья двух Еланчиков, среднее и нижнее течение Кальмиуса (Волненская/Волноваха и Калец), расположенная в 40 верстах западнее небольшая речка Зеленая и, наконец, сама Берда (без конкретизации). Хорошо видно, что здесь донцы указали эти гидронимы «широкими мазками», просто для очерчивания описываемой области. Нет сомнения, что при желании они могли бы дать гораздо более подробное описание местной речной сети, но просто перед ними сейчас не стояла такая задача. Обратим внимание, что про все эти звериные ловли говорится в самых общих выражениях, донцы смогли вспомнить только один конкретный факт – что в верховьях речки Волновахи их казак Григорий Шавырев *«с товарыщи»* добывал зверя. Ну лазили иногда донцы на свой страх и риск по опустелым степям и даже охотились здесь – но как это «браконьерство» может обосновать права на владение этими землями?? Здесь же донцы вспоминают, что тогда по этим же рекам – между их верховьями и низовьями кочевали приписанные к войску Донскому юртовые калмыки.

После этого донцы рассказывают, что при Петре из Троицкого (Таганрога) ежегодно отправлялись два корабля для добычи соли на соленые озера на Бердянской косе. И что добывать там соль, якобы, было тогда запрещено всем (малороссиянам, запорожцам, маркитантам, купцам и т.д.), а вот войску Донскому – такого запрета не было! Правда, тут же они жалуются, что запорожцы все-равно продолжали самовольно брать оттуда соль. Здесь, опять-таки, отражается реальная ситуация. В августе 1703 года из Троицкой крепости впервые был отправлен за бердянской солью корабль «Разженное железо» и рота солдат. С тех пор туда периодически посылались одно-два судна. Благо прежних хозяев этих соленых озер – крымских татар — поблизости тогда не было и платить за соль никому не надо было. Соль на бердянских озерах получалась не слишком чистая и в не слишком больших количествах, но ее все-равно при погрузке на суда старались выгрести всю, сколько успевало осадиться, так как для северо-восточного Приазовья это был стратегический и всегда дефицитный товар. Эту соль власти использовали, в том числе, и в качестве платы гарнизонам местных крепостей. Насчет выдачи официальных запретов на добычу этой соли всем, кроме русских военных и донских казаков – автору книги ничего не известно. Но это довольно правдоподобно, в Петровское время очень любили издавать различные запретительные указы, особенно если это угрожало выдаче жалованья армейцам. А «целевая аудитория», на которую этот гипотетический указ должен был распространяться – скорей всего объяснялась тем, что на бердянские озера (как и на крымские Прогнои) еще задолго до 1703 года были (с разрешения и к выгоде татар) протоптаны дорожки со стороны Запорожья и Малороссии. А вот донцы традиционно брали соль в более восточных регионах. На Берду они тогда, вероятно, особо не ездили, поэтому им и запрещать это никто не стал. Ну и то, что запорожцы на эти запреты тогда внимания не обращали – это тоже очень правдоподобно, такие уж они были ребята…

Кстати, в самой первой экспедиции 1703 года проводниками для показания пути к бердянским соляным озерам послужили три казака из Павловской крепости (второй) [33, сс. Прил.IV, с.21, док.№120], среди которых было довольно много выходцев из Малороссии и Запорожья. Так что первоначальная информация об этих объектах могла попасть к местным русским властям именно от запорожцев.

Далее повествование донцов делает шаг назад, так как они вспомнили еще некоторые дополнительные подробности к своим предыдущим утверждениям, способные (как им казалось) усилить их позиции. Теперь они упоминают еще то, что *«в прежние»* (петровские) времена их войсковые табуны якобы паслись на территории от Миуса и до Берды (с перечислением промежуточных рек). Тут надо сказать, что в XVIII веке размер конского поголовья в войске Донском никогда не был особо большим, поэтому предположить, что войсковые табуны выбили всю траву на пастбищах северо-восточного Приазовья и Подонья, почему их пришлось бы гнать аж до Берды (поближе к татарским и запорожским конокрадам) – довольно сложно. Но все может быть, тогдашним донским пастухам, вероятно, было виднее. Однако это, опять-таки, говорит лишь о безлюдности и относительной безопасности этой территории в те времена, но никак не о владении ими!

Также донцы здесь еще раз упоминают, что их казаки ловили тогда рыбу на морских косах Северного Приазовья, *«где прежних [донских — LV] рыболовных станов знаки имелись, разве иногда ныне их самоволством запорожцов заглажены»*.

По идее (как и в предыдущем их рассказе), здесь должно говориться о времени петровского владения Азовом (1696 – 1711 гг.). Тогда маловероятно, чтобы донцы в этом фрагменте имели в виду следы от камышовых шалашей и землянок прежнего поколения своих рыболов. По предположению автора, здесь тогда скорее речь о том, что на приморских косах тогдашние донские рыболовы могли делать какие-то хорошо заметные знаки для разграничения побережья между отдельными ватагами и для ориентировки с моря. Скорей всего, это могли быть какие-то особые отметки, прорытые/процарапанные в глине, в известняках или песчаниках на склонах приморских обрывов – достаточно крупные и выделяющиеся, хорошо заметные с моря. Поэтому донцы и могли надеяться, что эти знаки еще могут быть заметны на местности и спустя тридцать-сорок лет после их нанесения. А также они опасались исчезновения этих «знаков» в случае, если их «загладили» конкуренты-запорожцы в преддверии ожидавшегося тогда обследования спорных территорий совместной комиссией. Но на самом ли деле донцы имели в виду именно это – неизвестно.

После этого представители донцов рассказали о «правильных», с их точки зрения, границах Вольностей Запорожских: *«А ко оному войску Запорожскому принадлежат реки: Днепр, Самара, Волчья, Ялы Большия и Малыя, Ганчол, Московка и протчия, впадающия в Днепр реки и речки, да и по тем верхам наши козаки зверей лавливали и копканы ставливали»*. То есть донцы считали бесспорно принадлежащей запорожцам степную территорию, включающую реку Самару и весь бассейн ее крупного левого притока Волчьей (вместе с его собственными левыми/южными притоками Сухие и Мокрые Ялы, Гайчур/Гайчул). А юго-западный угол этой запорожской территории они проводили по впадающей в Днепр в пределах нынешнего города Запорожье небольшой речке Мокрой Московке. Получается, донцы отказывали запорожцам в историчности их претензий даже на реку Конка (впадает в Днепр южнее Запорожья) и на верховья Берды и Кальмиуса (впадающих в Азовское море). Это не говоря уже о морском побережье Северного Приазовья, на территорию которого Запорожские Вольности были самовольно расширены запорожцами только в 1743 году. Но даже и при описании «исторических» границ Запорожья, донские делегаты не забыли ввернуть, что и по верховьям Самары и Волчьей с ее притоками донские казаки

тоже зверя били. Что, при тогдашней незаселенности степи тоже вполне могло иногда случаться. И тоже ничего не доказывало.

Рис.35. Распределение владений между двумя казачьими войсками в предшествующие периоды (по версии донцов).

Вот это место донских показаний – о восточных границах Запорожья до их расширения 1743 года – очень важно! И эта информация донцов, похоже, близка к реальности и подтверждается целым рядом других источников. Но эта тема выходит за рамки данной книги.

Ну а дальше — то ли донцы некоторую ерунду сморозили, то ли писец не совсем корректно записал их показания. Если верить письменному тексту, то донцы якобы заявили, что всеми этими вышеперечисленными территориями они владели *«от самого взятья города Азова даже до вступления их самоволно запорожцов в здешние места, не имея никакова к тому права, точию назад тому третий год»*, т.е. непрерывно с 1696 по 1743 год?? Интересно, как тогда они трактовали период с 1711 по 1736 год, когда русско-турецкая граница проходила по р.Темерник, всего в паре десятков верст от их столицы Черкасска? Или они здесь под «взятием Азова» понимали события 1736 года? Не совсем понятное место…

После этого донцы кратко сообщили, что: *«А прежде оные запорожцы во оныя места [т.е. на оспариваемую территорию Северного Приазовья — LV] толко для одних разбоев езживали»*. После чего донское повествование резко свернуло на весьма болезненные для них факты запорожского разбоя за последние три года: *«что и ныне чинится по их свое-*

волной отваге». В вину запорожцам ставились и грабежи на дорогах, и какой-то относительно свежий случай угона войскового табуна из-под самого Черкасска *«запорожской воровскою партиею»* некоего Алистратки.

Отметим попутно, что имя предводителя этой шайки конокрадов является вариантом греческого имени Евстратий (в его русском варианте Елистрат), которое в то время в Малороссии было не распространено, так что, видимо, этот человек был выходцем из великороссов. В Сечи тогда скапливалось много разного народа…

И вот, на основании всего этого излитого на голову Бильса потока информации (довольно слабо аргументированной и весьма спорной), донские делегаты завершили свое выступление решительным заявлением: *«<…> И для того вышеписанные места, яко реки, леса, степи, морские косы, и протчия угодья подлежат подлинно войску Донскому, как то и выше объявлено, и в том объявляем самую сущую правду по присяжной должности»*. Делегаты даже были согласны заплатить *«непременный штраф без упущения»* в случае, если окажется, что они что-то рассказывали неправдиво. Но уж очень не хотелось им отдавать эти приморские территории в руки запорожцев!

Еще одной небольшой загадкой, которую автор книги так и не смог внятно объяснить, стал состав донской делегации на эти переговоры. Помимо двух донских старшин – Агея Иевлева и Лариона Скосырского и писаря Кирилла Попова, в ее состав были включены и три старожила станицы Гундоровской – Карп Щепетнов, Ермол Долотин и Павел Гуков. Эта станица была расположена возле Северского Донца. Ныне — это город Донецк – не наш город-герой, а его российский тезка в Ростовской области. Это более 100 верст северо-восточнее Азовского моря. Почему именно оттуда? Неужели поближе к дельте Дона не нашлось стариков, которые бы хорошо знали наши приморские дела??

Кроме выступления членов донской делегации, письменного оформления их показаний и процесса их подписания – в тот же день 7 октября Бильс еще вслух ознакомил запорожскую делегацию с текстом указа про запрет *«запорожцам и прочим русским людям»* въезда и рыбной ловли на «Кубанской стороне» Таганрогского залива. О чем он взял и расписку с предводителей запорожской делегации – полковников Ивана Белого и Григория Рожка (за которых подписался писарь Алексей Шафранов) [13, сс. 1441-1442, 1443]. После этого в прениях был назначен некоторый перерыв.

По какой-то, неведомой нам, причине, следующее заседание, на котором были заслушаны встречные показания запорожской стороны, состоялись только через день – аж 9 октября 1745 года. Как известно, хорошему студенту хватает одной ночи, чтобы выучить китайский язык. А у запорожцев для подготовки своего ответа в распоряжении оказалось целых полтора дня. Чем они и воспользовались в полной мере. Благо, как выступающие вторыми, у них было некоторое преимущество, так как они уже знали аргументацию про-

тивоборствующей стороны. И, раз уж донцы позволили себе манипулировать информацией и ее интерпретациями, то и запорожцы решили идти по той же стезе. А для того, чтобы показать свое хорошее знакомство с этой территорией, запорожцы решили максимально подробно перечислять названия местных рек и приморских кос. Так что кому-то из них (скорей всего – старшинам Ивану Белому и Григорию Рожку) пришлось сильно напрячь память, чтобы все эти подробные перечни запомнить. Правда, в паре случаев они таки умудрятся немного напутать, но кто из нас без греха?

Итак, вот показания запорожцев: *«1745 году октября 9 дня мы, определенные в размежеванию между Донским и Запорожским войсками в реках, лесах и в протчих местах войска Запорожского Низового старожилы, старшины и козаки даем сию скаску в том, что при жизни блаженныя и вечнодостойныя памяти его им. в-а государя Петра Великого состоящия места от реки Берд и до самого Белого Каменя во владении было войска Запорожского Низового, яко то: реки, леса, степи, морския косы и протчия угодья, а именно: река Берда, балка Зеленая[34], балка Камышеватая[35], Белосарайская коса, против ея Пресной лиман[36], балка Самарина[37], балка Зенцова[38], река Калмиюс, балка Красной Ярок[39], коса Забурунская[40], балка Корогодова[41], коса Безыменная[42], речка Грузкой Еланчик[43], Кривая коса, Средней Еланчик[44], Сухой Еланчик[45], река Миюс и при ней коса Семеновская, коса Беглицкая, коса Золотая, Туба Петрушина и оные реки, балки и косы впали в Озовское море, а в вышеписанные реки впали ж речки и балки, а именно: в реку Берда –*

[34] Небольшая речка Зеленая, впадающая в море в с. Урзуф

[35] В одном из вариантов – Камышоватая, в сборнике Лишина — ошибочно «Каменистая». Камышеватая – небольшая речка, впадающая в море на западной окраине с.Юрьевка.

[36] Небольшой, отделенный от моря лиман в устье реки Белосарайки (Мокрой Белосарайки). Находится у восточной окраины с.Ялта.

[37] Балка на юго-западе Мариуполя. Впадает в море у с.Рыбацкое.

[38] В сборнике Лишина ошибочно «Зайцева». В данном месте, судя по порядку перечисления это на самом деле Зинцева балка в пределах Мариуполя, между Самариной балкой и устьем Кальмиуса. В районе ее устья находится Мариупольский морской порт.

[39] Точно неизвестно. Возможно, это обводненная Ляпинская (Водяная) балка на восточной окраине Мариуполя. В ее верхней части, у дальней водокачки на склонах есть выходы ярко-красных глин.

[40] В одном из вариантов – «Забаруйская». В других источниках это название пока не встречалось. Судя по порядку перечисления – это то же самая коса, которая с середины XVIII века называлась Кальмиусской косой (или косой Ляпина).

[41] В одном из списков – «Корегодова». Это название в наших краях фиксируется на картах начиная с начала XVIII века в вариантах Корегодова, Корогодова, иногда – Скороходова. Точно установить пока не удалось. Скорей всего это Широкая балка, впадающая в море у развалин с.Широкино.

[42] Балка, впадает в море у одноименного села.

[43] Река, впадающая в море на западе Новоазовска, западнее основания Кривой косы.

[44] Сейчас – Мокрый Еланчик. Впадает в море на полпути между Кривой косой и устьем Миусского лимана, у с.Весело-Вознесенка.

[45] Сейчас Сухим Еланчиком называется правый приток Мокрого Еланичка, но, судя по всему, такое его обозначение присвоено уже в советское время. В XVIII веке Сухим Еланчиком обычно называли обводненную балку, впадающую в море у восточной окраины пос.Приазовский. Иногда ее также называли Верхним Еланчиком. В разных источниках XVIII века при перечислении Еланчиков ее то учитывали, то нет, почему количество наших Еланчиков называлось то два, то три.

Берестоватая[46], Каротень[47], Каратыш[48]; в реку Калмиюс — Сухая Волноваха[49], Мокрая Волноваха[50], Берестовая[51], балки Дубовая[52], Столовая[53], Вербовая[54], Чернечья[55], Терновая[56]; речка Калец, а в оную впал Калчик[57]; балки Груская[58], Осиковатая[59]; в речку Грузкой Еланчик — балка Росошь[60]; в Средней Еланчик[61] — тако ж впала балка Росошь[62]; в реку

---

[46] В одном из вариантов – «Береснеговатая». Берестовая – правый приток Берды, устье у с.Новосолдатское. В описываемое время протекала по территории Крымского ханства. Судя по порядку перечисления – здесь запорожцы хотели назвать самый северный из крупных левых притоков – р.Бельманка.

[47] Варианты в других списках – «Каратен», «Карачук». Это Каратюк – левый приток Берды. Устье у с.Захаровка Мангушского района Донецкой области

[48] Варианты – «Каратиш», «Каротиш». Левый приток Берды. Устье у с.Стародубовка Мангушского района Донецкой области.

[49] Сухая Волноваха впадает не в Кальмиус, а в Мокрую Волноваху (левый приток) у с. Кипучая Криница Старобешевского района Донецкой области. Это название точно никуда не сдвигалось, река так названа, так как протекает по карстовой области и часть течения имеет под землей.

[50] В сборнике Лишина это название пропущено. Мокрая Волноваха – правый приток Кальмиуса, в его среднем течении. Устье в селе Раздольном (Каракуба) Старобешевского района Донецкой области.

[51] В двух из списков «Береснеговатая». По порядку перечисления должна была идти первой (самой северной). Правый приток Кальмиуса. Устье – напротив пос. Новый Свет Старобешевского района.

[52] Правый приток Кальмиуса. Протекает через с.Староигнатьевка. Устье – несколько севернее с.Гранитное (Карань) Тельмановского района Донецкой области.

[53] В сборнике Лишина ошибочно «Таловая». Другое название этой балки – Кичиксу. Правый приток Кальмиуса. Устье – на южной окраине с.Гранитное (Карань). Название «Столовая» получила из-за выветрившихся гранитных валунов в форме грибов или круглых столиков. По местным легендам – именно за этими столами пировали монголы после победы в битве на Калке.

[54] Правый приток Кальмиуса. Устье – немного южней с.Чермалык Тельмановского района.

[55] В одном из списков «Чернецкая». Правый приток Кальмиуса. Устье несколько южнее с.Орловское Тельмановского района.

[56] В районе нижнего Кальмиуса сейчас известна только одна балка Терновая (она же на некоторых картах Короткая). Она начинается в полях северо-восточнее мкр Восточный, проходит через весь Орджоникидзевский район города и впадает в море на территории завода Азовсталь. Но к притокам Кальмиуса она никак не относится. Судя по логике перечисления, это должна быть какая-то правобережная балка — приток Кальмиуса на участке между Чернечьей балкой и устьем Кальчика. Под это описание подходит только одна значительная балка, впадающая в Кальмиус на севере с.Сартана, которая в ранних документах (включая и запорожские) называлась Раковатая или Ореховатая, что потом было переосмыслено в Грековатую. Пока никаких признаков называния ее «Терновой» обнаружить не удалось. То ли это название не прижилось и было забыто, то ли запорожцы опять перепутали ее название с левобережной балкой.

[57] Сейчас – наоборот. Главный приток Кальмиуса называется Кальчик, а в него впадают реки с названиями типа Малый Кальчик, Калец, Калица и т.п. (которые местные обычно зовут просто Калками). Но эти названия и сейчас не слишком стабильны. Поэтому ошиблись запорожцы в 1745 году с названием этой речки и ее притока или сказали именно то, что и собирались – сказать затруднительно.

[58] Это и следующее названия в привязке к Кальчику автору в документах пока не встречались. По всей видимости, после перечисления правых притоков Кальмиуса, заканчивая Кальцом (=Кальчиком) и впадающим в него Кальчиком (=Калец), запорожцы теперь перешли уже к левым притокам Кальмиуса, начиная опять с севера. Река Грузская – левый приток в среднем течении Кальмиуса, устье немного западнее пгт.Горбачево-Михайловка Моспинского горсовета.

[59] Осыковая – левый приток Кальмиуса, устье немного северней с.Береговое Старобешевского района.

[60] В других вариантах – неправильные «Росов» и «Рогова». Слово «россошь» означало и место слияния двух равнозначных притоков, образующих одну реку, и сами эти притоки. В данном случае скорей всего имелся в виду левый приток Грузского Еланчика р.Горькая, устье у с.Михайловка Тельмановского района Донецкой области.

[61] Имеется в виду Мокрый Еланчик.

[62] В других вариантах – неправильные «Росов» и «Осов». Имеется в виду крупный правый приток – Сухой Еланчик (на картах Шуберта он же – Средний Еланчик). Устье у с.Щербаково Неклиновского района Ростовской области.

Миюс — балка Носова[63], речка Саромацкая[64], речка Некленовка[65], балка Кринка-Сухая[66], Кринка-Великая[67]. И по вышеписанным рекам, балкам, степями и морскими косами владели и доволствовались рыбною и звериною ловлеми безпрепятственно мы, войском Запорожским, от самого взятья города Азова даже до отдачи Азова в турецкое владение[68]. Еще ж когда блаженныя и вечнодостойныя памяти е.и.в. государь Петр Великий изволил построить город на Таганрогу — Троицкое, на Миюсе — Семеновское[69] и Павловское[70], в которых городах были и жителство имели войска Запорожского Низового козаки, ***в Семеновском при полковнику Ивану Белошапке – козаков двести человек, в Павловском (при полковнику ж Ивану Белошапки) — 300 человек***[71]*. А войска Донского в те времена никого как для рыбных, так и для звериных ловель не бывало, и* ***никогда оные в то время***[72] *в вышеписанные места ни за чем не въезжали, и во владение им того дано не было! И для того вышеписанные места надлежат подлинно войску Запорожскому Низовому, как то и наперед сего по вышеписанному нашему объявлению мы, войском Запорожским, теми местами владели и доволствовались и в том объявляем самую сущую правду по присяжной должности. Буде же мы неправо что объявляем, то повинны по ея им-го в-а указом непременного штрафа без упущения, в чем и подписуемся. У подлинного подписано: вместо старшин Ивана Федоровича, Григорья Кононовича[73], старожилых козаков Петра Омелницкого, Степана Решетила, Костя Малашевича, Ивана Тонконога, Василья Бородавки, по их веленью писарь куреня Поповичевского Андрей Осипович сын Шафранов руку приложил. Подполковник Яков Билс»* [13, сс. 1433-1437, 1447-1451] [9, сс. 385-387].

Чувствуется, что выступление запорожцев было хорошо продуманным и отрепетированным. В нем все изложено кратко и логично, без многочисленных повторов и перескакиваний, столь характерных для стихийного экспромта, выданного донцами. Но если смотреть не на форму, а на содержание этой речи, то по степени обоснованности она ничем не отличается от донской.

---

[63] В сборнике Лишина ошибочно «Косова». Балка Носова впадает с севера в северную часть Миусского лимана. Устье у с.Носово Неклиновского района Ростовской области.

[64] В одном из вариантов – «Саромоцкая». Правый приток Мокрая Сарматка, впадающий в Миус, недалеко от места его впадения в Миусский лиман. Устье между селами Мокросарматка и Дарьевка Неклиновского района Ростовской области. В 1 км южнее (у с.Сухосарматка) в Миус впадает еще и небольшая балка Сухая Сарматка.

[65] Балка Неклиновка впадает с запада в ерик Малая Неклиновка, который уже соединяется с Миусом. Устье у с.Большая Неклиновка Неклиновского района.

[66] Балка Сухая Крынка – правый приток Миуса, немного южнее места впадения самой Крынки. Устье – у с.Красный Бумажник Матвеево-Курганского района Ростовской области.

[67] Здесь имеется в виду крупнейший правый приток Миуса – река Крынка.

[68] В сборнике Лишина последующий текст запорожских показаний опущен. Азов был возвращен Турции в 1712 году, по итогам прутского поражения.

[69] Семеновская крепость (она же – город Миюс и Старый Миюс) – русская крепость, построенная в конце XVII века у устья Миусского лимана, в юго-западном углу Миусского полуострова.

[70] Запорожцы здесь явно вспоминают второе Павловское укрепление у начала Миусского лимана, основанное только в 1702 году.

[71] В большинстве списков в этом месте утеряна часть фразы, поэтому в них это место звучит так: *«<…> жителство имели войска Запорожского Низового козаки,* ***в Семеновском при полковнику ж Ивану Белошапки 300 человек*** *, а войска Донского в те времена <…>»*, что, конечно, не правильно.

[72] В некоторых вариантах здесь конец предложения определен по-иному: «<…> так и для звериных ловель **не бывало никогда,** оные в то время <…>», но это, кажется, менее удачно.

[73] Вариант «Кононова»

Интересно, что, судя по более позднему сообщению кошевого Якима Игнатовича (от 8 ноября 1745 года), эта делегация привезла с собой из Коша не одно, а два письма. В первом, которое они отдали Бильсу, содержалось сообщение о невозможности предоставить письменные свидетельства прав на спорные территории и предложение о проведении разграничения на основе устных показаний делегатов Коша. А во втором – записанные со слов запорожских старожилов какие-то сведения о походах прежних запорожских «партий» в Приазовье. Которое запорожские делегаты привезли обратно, так и не показав его Бильсу [13, с. 1438]. Вряд ли тут дело было в забывчивости запорожских делегатов. Скорее – его содержимое, заботливо составленное в Коше, не слишком подошло к той линии, которую запорожская делегация решила гнуть после заслушивания донских показаний. Этот сюжет чуть позже разберем подробнее.

В своих показаниях запорожцы начали историю своего владения этими землями со времен *«государя Петра Великого»* (ближе к концу своего выступления они более точно конкретизируют продолжительность этого периода). Пределами этих территорий, которые, по их словам, тогда *«во владении было войска Запорожского Низового»*, они называли Берду на западе и приморские обрывы Белого Камня (15 верст северо-восточнее Таганрога) на востоке. То есть, о более восточных землях, вплоть до реки Темерника (как это тремя годами раньше пытался требовать полковник Кишенский), речь уже не шла. Эти территории молчаливо признавались за донцами.

1) р. Берда; 2) ур. Белый Камень; 3) б. Зеленая; 4) б. Камышеватая; 5) Белосарайская коса; 6) Пресной лиман (при устье р. Мокрая Белосарайка); 7) б. Самарина; 8) б. Зенцова; 9) р. Калмиюс; 10) б. Красной Ярок; 11) коса Забурунская; 12) б. Корогодова; 13) коса Безыменная; 14) р. Грузкой Еланчик; 15) коса Кривая; 16) р. Средний Еланчик; 17) б. Сухой Еланчик; 18) р. Миюс; 19) коса Семеновская; 20) коса Беглицкая; 21) коса Золотая; 22) коса Туба Петрушина; 23) р. Берестоватая (??); 24) р. Коротень; 25) р. Каратыш; 26) р. Сухая Волноваха; 27) р. Мокрая Волноваха; 28) р. Берестовая; 29) б. Дубовая; 30) б. Столовая; 31) б. Вербовая; 32) б. Чернечья; 33) б. Терновая (?); 34) р. Калец; 35) р. Калчик; 36) б. Груская; 37) б. Осиковатая; 38) б. Росошь (к Грузскому Еланчику); 39) б. Росошь (к Среднему Еланчику); 40) б. Носова; 41) р. Саромацкая; 42) р. Некленовка; 43) б. Кринка-Сухая; 44) р. Кринка Великая

Рис.36. Перечисление рек и морских кос в рассказе запорожцев, 9 октября 1745 года. Нумерация — согласно порядку перечисления в этом рассказе.

Далее идет подробное перечисление основных рек, речушек и приморских кос на участке от реки Берды до косы Петрушина Туба (южнее Таганрога). Затем, с целью продемонстрировать свое хорошее знакомство с этим регионом, запорожцы решили повторно перечислить основные реки, впадающие на этом участке в Азовское море, с указанием их значительных притоков. Вначале перечисляются левые (восточные) притоки пограничной реки Берды (на всем ее течении), при этом, правда, вместо первого по порядку (самого северного) левого притока – Бельманки — был ошибочно указан самый южный правый приток Берестоватая, остававшийся на крымской территории. Видимо, некоторое созвучие названий подвело. Затем похожим образом расписывается среднее и нижнее течение Кальмиуса – сначала правые притоки (вместе с Кальцом), затем левые притоки. При этом запорожцы дважды ошиблись, указав Берестовую после (т.е. южнее) Волновахи и назвав Сухую Волноваху впадающей в Кальмиус (на самом деле она впадает в Мокрую Волноваху). А также, возможно, ошиблись в отнесении Терновой балки к правым притокам в низовьях Кальмиуса. В несколько более поздние времена подразумевавшаяся здесь балка имела название Раковатая/Граковатая/Ореховатая (в документах второй пол. XVIII века встречаются разные варианты), а теперь она известна как балка Грековатая, впадает в Кальмиус в пределах греческого села Сартана. А балка Терновая (она же – Короткая) – проходит через весь Левый Берег Мариуполя и впадает в море на территории завода «Азовсталь». Но также возможно, что в данном месте запорожцы не ошиблись и сартанская балка тогда действительно носила название «Терновой», но потом оно оказалось утраченным и перенесенным на другую балку?

Далее в этом перечислении упоминаются по одному крупному притоку у Грузского и Мокрого (Среднего) Еланчиков, каковые притоки тогда без всяких затей однотипно называли «Россошь». Это слово в старом русском языке означало место слияния двух равнозначных притоков, образующих одну реку, и сами эти притоки. Далее перечисляются небольшие правые (западные) притоки Миусского лимана и нижнего Миуса, вплоть до места впадения в него крупнейшего правого притока Крынки (см. Рис.36).

Отметим по этому поводу три любопытных момента.

Первый – это то, что те русские (не-тюркские) названия приморских балок), которые мы видим на русских картах начала XVIII века вдоль северного берега Азовского моря между Бердой и Грузским Еланчиком – к 1745 году почти все исчезли (кроме балки Корогодовой). А вот из указанных запорожцами в 1745 году славянских (вероятно, большей частью украинских) названий мелких объектов (типа балок и небольших притоков) в степной и приморской зонах этого же района – абсолютное большинство сохранилось до сих пор. То есть, скорей всего к 1745 году они уже стали довольно устоявшимися. И, конечно, маловероятно, чтобы они успели прийти в такое состояние за период с 1743 года. По идее, им должна была предшествовать какая-то предыстория. Возможно, становление системы этих мелких топонимов и гидронимов восходит к знакомству запорожцев с Северным Приазовьем при периодических заходах их охотников и рыболовов сюда во времена «крымского» периода? Возможно, какую-то роль в формировании системы местных микротопонимов могли сыграть и донцы? Но, к сожалению, они тогда не оставили аналогичный

список своих вариантов названий тех же малых объектов, поэтому оценить степень их влияния на этот процесс пока затруднительно.

Второй момент. Как уже не раз говорилось ранее, первоначально территориальные интересы запорожцев ограничивались преимущественно приморской зоной (с ее «легкими деньгами» рыбных ловель), а незаселенные и неосвоенные более северные степные территории их на тот момент еще особо не интересовали. Это видно даже по указанным запорожцами притокам местных рек. Чем дальше к востоку расположена местная большая река, тем меньший участок ее течения известен запорожцам. Так, на Берде они упоминают все левые притоки на всем ее течении. У Кальмиуса расписывают притоки почти по всему его течение, кроме самых верховьев. А у Миуса – вообще не поднимаются выше нижнего течения Миуса, места впадения главного притока Крынки. То есть, верховья Кальмиуса, Крынки и Миуса для членов данной запорожской делегации оставались малознакомыми и неинтересными.

Третий момент. Если посмотреть внимательно на Рис.36 на географию перечисленных запорожскими старшинами названий на спорных территориях, то можно заметить еще одно любопытное обстоятельство. А именно, что они не стали называть **ни одного** (!) гидронима, лежащего северо-западнее водораздела между бассейнами Азовского моря (Берда и Кальмиус с притоками) и Днепра (Самара и Волчья с притоками). То есть, в их головах территория бассейна Самары и Волчьей настолько точно не относилась к числу спорных с донцами земель, что об этом даже говорить было нечего и незачем! Это еще один косвенный аргумент в поддержку наших слов о том, что тот район и самими запорожцами, и их соседями тогда считался уже бесспорно, исторически запорожским.

После перечисления всех этих районов – от Берды и до Белого Камня, запорожцы заявляли, что они *«безпрепятсвенно»* владели этими землями *«от самого взятья города Азова даже до отдачи Азова в турецкое владение»*, т.е. с 1696 по 1712 год. Это заявление довольно странное, особенно с учетом того, что в 1709 году за участие в измене Мазепы, Петр I уничтожил войско Запорожское Низовое, а уцелевшие казаки бежали в Турцию и Крым. Но разгадка кроется уже в следующем предложении запорожских показаний. Здесь делегаты Коша вспоминали, что когда при Петре I были возведены крепости и укрепления на Миусском полуострове, то в Семеновском и в Павловском укреплениях размещались гарнизоны из запорожских казаков (200 и 300 человек соответственно) под командой полковника Ивана Белошапки. Эта информация тоже имеет под собой реальную основу, и тоже – сильно искаженную. То, что такие казацкие полки здесь тогда существовали (до самого 1712 года) и что они в тогдашних документах назывались (в широком смысле) «запорожскими» – верно. Но вот то, что войско Запорожское Низовое имело какие-то права на управление этими полками или их территориями – это однозначно неправда. Поэтому попытка Запорожского Коша в своих территориальных спорах с донцами «примазаться» к истории местных запорожских полков – была некорректна по сути. Забавно, что на историю и территорию Азовского «запорожского» казачьего полка (на тот момент все еще существующего) Кош тогда здраво не стал претендовать.

Еще о смутности воспоминаний низовых запорожцев про события в Приазовье начала XVIII века. Среди местных командиров тогда действительно был Белошапка (с 1703 г. он командовал Павловским конным казачьим полком). Вот только звали его не Иван, а Лаврин Кондратьевич. И Семеновским пешим казачьим полком он не командовал, там был другой командир.

Это не нашего старого знакомца Тимофея Ивановича Постерняка опять память подвела?..

Рис.37. Примерные пределы запорожских территориальных "хотелок" (минимальной и максимальной) по докладу 9 октября 1745 года. По сравнению со временами Кишенского, про район Темерника они уже не вспоминали.

После этого запорожцы сделали весьма смелое заявление: *«А войска Донского в те времена никого как для рыбных, так и для звериных ловель не бывало никогда, оные в то время в вышеписанные места ни за чем не въезжали, и во владение им того дано не было!»*. Ну да, ну да – вообще ни один донской казак с 1696 и по 1712 год в спорные земли даже ногой не вступал, ага. И на этом основании запорожские делегаты не менее решительно, чем донцы двумя днями раньше, делали вывод: *«И для того вышеписанные места надлежат подлинно войску Запорожскому Низовому, как то и наперед сего по вышеписанному нашему объявлению мы, войском Запорожским, теми местами владели и довольствовались и в том объявляем самую сущую правду по присяжной должности»*. И они тоже готовы были заплатить штраф, если выяснится какая-то неправда в их показаниях. Записанные показания были проверены единственным грамотным членом запорожской делегации – писарем Поповичевского куреня Андреем Осиповичем Шафрановым, который их и подписал – за себя и за своих неграмотных компаньонов (среди которых был и Константин Малашевич).

Насчет истинности утверждения запорожцев о полном отсутствии донского рыболовства в конце XVII – начале XVIII в. в Северо-Восточном Приазовье приведем несколько документов. Например, жалобу донцов на захват в июле 1699 года их рыболовов татарами Автагул-аги: *«<…> Хасяну-паше писали, что в 207-м году июля в последних числех за мирным состоянием приходя крымские татары тайно, на взморье выше Тагану Рогу и на Санбеку у Белого Каменя на розных станах рыбных ловцов двенатцать человек побрали, и тринатцатого убили; а брал их крымский Атевгу-ага с товарыщи»* [16, с. 80] [17, с. 93]. Или сообщение от марта 1700 г. от донских казаков Черкасского города: *«<…> а иные на Тоган Роге поехали для рыбной ловли»* [16, с. 87].

И конечно же, уважаемый Читатель, вы обратили внимание, что в своих показаниях запорожцы особо часто упоминали свою древнюю Кальмиусскую паланку в Приазовье? Фактически – именно на факте ее длительного существования и строилась основная линия их защиты! Что значит – «не упоминали»? Так, давайте еще раз перечитаем их показания. А и верно – действительно ни разу про нее не вспомнили. Как-то неудобно получилось… А, ну да – она же прикрывала секретный речной путь в Приднепровье. И сама была настолько секретной, что тайна о ее существовании скрывалась не только от окружающих народов и от собственных козаков, но даже и от верхушки Сечи, включая и самих кошевых атаманов. Так что все нормально. Этот сюжет исследуется в статье «Сокровенная история Кальмиусской паланки», приведенной в Приложениях к данной книге.

Несколько позже, лет через восемь, для Коша будет сочинен так называемый «Универсал Батория – Хмельницкого», по которому запорожцам якобы передавались земли аж до самого Дона. А байка о *«знаменитой древнейшей, старожитной запорожской Кальмиусской паланке»* (С) родится в голове епископа Екатеринославского и Таганрогского Феодосия (Макаревского) только во второй половине XIX века (об этом см. в статье «Реквием по перевернутой пирамиде» в Приложениях). К счастью (или к несчастью), запорожские делегаты образца 1745 года обо всех этих грядущих «новшествах» еще не догадывались, поэтому и про наличие у запорожцев древних крепостей в Приазовье они еще не знали…

После заслушивания показаний обеих сторон Бильс несколько приуныл, так как понял, что их показания взаимно противоречивы и потому не могут быть одновременно правдивыми. Тем не менее подполковник еще раз попытался найти истину. Он ухватился за противоречия в датировках: *«токмо донские старшины и старожилы в той скаске своей между прочим показали, что владели они теми спорными местами и до речки Берды (где ныне граница положена между Российскою империею и Портою Атаманскою) з давних лет, а свежай памети – от самаго первого взяться города Азова даже до самовольного вступления оных запорожцов **<u>тому назад третий год</u>**»*. Поэтому потребовал ответа от запорожцев: *«На противу той скаски [т.е. в ответ на устные показания донцов — LV] от присланных к тому размежеванию запорожцов требования [«требовал я»? — LV] ответу — того для что [для чего? почему? — LV] показали з запорожской стороны, яко*

владели теми спорными местами здавно, а з донской стороны показали, что [только — LV] ***<u>третий год</u>*** *и то — самоволно?»*. То есть, переводя с закрученного канцелярита XVIII века на современный язык, получится примерно следующее: «Ребята, а почему вы, запорожцы, показали, что владели этими землями издавна, а вот донцы про вас говорят – что вы владеете ими только третий год, да и то – хапнули их самовольно?».

В ответ запорожские старшины Иван Белой и Григорий Рожок были вынуждены пояснить: *«что довольствуются они теми спорными местами, правда,* ***<u>тому третий год</u>»*** (т.е. с 1743 года!!! – LV). Но тут же перешли в контратаку, поясняя запорожский заход в Северное Приазовье в 1743 году не самовольством, а выполнением соответствующих распоряжений высокого начальства: *«и письменно о том показали [вероятно, в привезенном ими письме Коша? — LV], яко бы не самоволно. А по тому, что когда в прошлом [1]741 году было размежевание между Российскою империею и Портою Атаманскою [к западу от Днепра — LV], [проводимое] господином тайным советником и кавалером Неплюевым, тогда отдано во владение Порте Атаманской по той [западной — LV] стороне Днепра [территория] от Ташлыка Гордового даже до реки Каменки, которым они, войском Запорожским владели. А вместо оного – им, запорожцам, определено от него, господина тайнаго советника, владеть теми спорными с войском Донским местами [в Приазовье — LV]. На что де им и грамота от него, господина тайнаго советника дана. Которая де и ныне в Запорожской Сече при войсковых делах имеетца»*. Такое услышанное обоснование и Бильса, и присутствующих здесь донцов сильно напрягло. Заподозрить представителей Коша в прямом обмане было трудно. Решиться сфальсифицировать такие документы и такие решения высших властей – это было бы за пределами смелости и здравого смысла, за такое можно было бы получить очень большие неприятности. И все-таки, обрисованная запорожскими старшинами картинка была какой-то неправильной, не логичной, с ней явно было что-то не так. Тем более, что эту грамоту, на которую здесь ссылались запорожцы, они с собой из Коша почему-то не привезли, даже в виде копии. Поэтому Бильс пока просто сделал зарубку себе в памяти, чтобы разобраться с этим вопросом чуть позже. О том, что запорожские старшины в этом моменте не лгали, а просто искренне заблуждались, неправильно поняв некоторые полученные ранее Кошем документы — об этом он тогда и догадаться не мог. Хотя дело, как выяснится позже, действительно было именно в этом…

Пользуясь случаем, напомним, что **первая** версия, объясняющая причины прихода запорожцев в Приазовье, была дана в письме кошевого Константина Малашевича, привезенном полковником Кишенским в Черкасск в феврале 1743 года: «*ссылаясь на всемилостивейшия в.и.в. указы и на ордеры к ним, присланные от господ генералитет и кавалеров аншефа Михаила Леонтьева, лейтенанта князь Василья Репнина».* Получается, что на прениях в октябре 1745 года была озвучена уже **вторая** версия, причем ссылка шла на указы уже не Леонтьева и Репнина, а на Неплюева. Не правда ли, как интересно запорожские версии «гуляют»? Но, что любопытно, до сих пор запорожцы еще **ни разу** особо не настаивали на историчности своих претензий на эти края и в своих показаниях не опускались ниже Петровских времен!

Уважаемый Читатель, попробуйте предложить свои версии, почему запорожцы на этих очень важных и столь судьбоносных для них «прениях» сами признали, что в свежей памяти зашли в эти земли только *«тому назад третий год»*? О чем это нам может сказать? 🤔

На следующий день, 10 октября, закончив свои хлопоты с заслушиванием делегаций и распустив их по домам, Бильс отправил письменный запрос в Сечь. В нем он затребовал упомянутую «грамоту» на право владения землями Приазовья, которую, по словам запорожских старшин, выдал Кошу бывший киевский губернатор И.И. Неплюев. С учетом того, что дорога от низовьев Миуса к Запорожской Сечи занимала тогда около недели только в одну сторону, то Бильсу опять предстояло довольно длительное ожидание ответа. Так что он в какой-то момент уехал дожидаться его в крепость святой Анны.

На этом мы временно оставим процесс разграничения и ненадолго обратим свое внимание на события в продолжавшейся повседневной жизни местной паланки.

К этому времени до Черкасска дошел слух, что запорожцы снова переплыли Таганрогский залив и вновь обосновались на южном берегу. Для проверки этих слухов 12 октября туда были посланы местные калмыки во главе с Абой. Где-то на побережье между Чумбурской и Ейской косами они наехали на *«оных запорожских козаков рыболовной стан, построенной в трех новых шишах (в том же месте, где прежде имевшие[ся] сожжены были)»*. Присутствовавшие там запорожские рыболовы, не подпустив калмыков к себе, погрузились в три большие и две малые лодки и уплыли, предоставив калмыкам возможность спокойно сжечь эти свежие шалаши, восемь бочек засоленной рыбы и прочее оставшееся рыболовное имущество. После этого донские посланцы продолжили свой путь вплоть до Ейского лимана. На острове у противоположного западного берега лимана (скорей всего это была островная оконечность Ейской косы) они усмотрели еще один большой и три малых шиша. Но добираться туда калмыки уже не стали. Так что этим запорожским рыболовам повезло больше, чем предыдущим. [13, сс. 1440-1441, 1442, 1457].

Рис.38. Путь калмыков Абы в барьерных землях в октябре 1745 года.

И опять можно наблюдать разницу в описании этих событий в сообщениях в Сенат от Бильса и Ефремова. Вариант Ефремова гораздо более полный. И, хотя он и пишет сразу после своего описания: *«<…> о чем всем от означенного господина подполковника Бильса в прав.[ительствующий] сен.[ат] донесено»*, но в донесении Бильса информация об увиденном и не уничтоженном рыболовном стане на Ейской косе – не упоминается ни словом!

В своих докладных Бильс по всем порученным ему инструкцией вопросам четко и подробно расписывает для сведения Сената все доступные ему факты, устные сообщения и свои выводы из них. И только по одному конкретному вопросу – рыболовству на Кубанской стороне – он регулярно опускает значительную часть информации и несколько затушевывает тамошнюю ситуацию. Возможно, конечно, что он просто счел эти сведения маловажными и несущественными для Сената. Но почему-то складывается такое ощущение, что его могли и «попросить» это сделать. Кто-то, кому он не мог отказать. Например, гостеприимные хозяева крепости святой Анны, где он тогда гостил. Не торчат ли здесь те же уши, что и в спуске на тормозах окончания расследования «безпашпортного» рыболовства в тех же запретных краях местных купцов Смолы и Конкова годом ранее? К этому времени, правда, комендант Вырубов уже умер (еще летом 1745 года), его заменил генерал-майор Бердекович[74] [34], но когда такие мелочи могли сильно помешать налаженному бизнесу и его связям? Доказать это, конечно, уже вряд ли получится (да и никому до этого уже нет дела), но какие-то мутные непонятки в этих умолчаниях Бильса все-таки просматриваются.

Еще несколько каких-то однотипных эксцессов этой осени описываются в кратком экстракте от запорожского еланчицкого полковника Черного, который подписан датой 28 ноября 1745 года. К сожалению, ни даты этих происшествий, ни их обстоятельства в нем не раскрываются. Но некоторую поясняющую информацию об этих событиях можно почерпнуть из ответной промемории от войска Донского в Сечь от 28 января 1746 года.

Автор книги не совсем уверен в своей реконструкции упоминаемых в этом экстракте событий (информации в источниках маловато), но, похоже, дело обстояло так. Во времена полковника Левки Черного довольно успешно действовала схема, по которой запорожские казаки с выданными от этого полковника паспортами ездили с торговыми целями через донские территории в Черкасск. Это было хорошим подспорьем для местных казаков в плане снабжения хлебом и «делями» (нити для плетения неводов). Но, к сожалению, не все запорожские торговцы вели себя в донской столице подобающим образом. Иногда в результате этого случались очень неприятные для донцов инциденты. Все это наслаивалось и на общее раздражение в сторону запорожцев, особенно после сентябрьской стычки на Миусе и явно лживых (с донской точки зрения) показаний запорожских старшин перед Бильсом. В какой-то момент терпение донских властей, наконец, лопнуло, и они приняли постановление, запрещающее запорожцам покупать в Черкасске основные интересующие их товары — хлеб и дели. Как несколько позже (в конце января 1746 года) пояснялось это решение в донской промемории в Кош: *«А что же команды Запорожского Низоваго войска казакам в Черкаском запрещено хлеб и нить для рыбных ловель покупать – то по*

[74] Автор книги не смог проверить эту информацию. Чуть позже, в мае 1746 года в документах комендантом крепости святой Анны упоминается уже полковник Качинский [13, сс. 1478, 1482, 1485].

притчине их немалого воровства. Ибо они, будучи здесь и пропив в кабаках не токмо денги, но и последнее платья, уводят воровски из базов[75] *казачьих лошадей. За что содержатца под караулом»* [СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.19]. И это войсковое решение было, видимо, разослано в том числе и по донским заставам, стоящим на путях между донской столицей и запорожскими владениями за Миусом.

И часть запорожских торговцев, с их уже купленным в Черкасске товаром, попала в жернова этого донского запрета. Так как никаких дат в этом деле у нас пока нет, то невозможно сказать, что именно тогда произошло. Были ли эти товары куплены еще до оглашения запрета и их просто не успели своевременно вывести? Или на самом деле это уже была прямая попытка запорожцев сознательно обойти это «эмбарго»? Но результата это не изменило. Когда запорожские торговцы подъезжали с востока к переправе через Миус, там их уже радушно встречала донская застава. Заставщики конфисковывали лошадей и прочее имущество (вероятно, вместе с телегами), «контрабандные» запасы хлеба и делей, а самих торговцев заставляли пешком отправляться в Черкасск. То ли на разборки, кто им там посмел продать запретные товары, то ли за разрешающими бумагами от донского руководства. Что запорожцам, понятно, было очень обидно и разорительно. Особенно в таких действиях отличилась миусская застава из 200 донцов под командой донского полковника Евдокима Ивановича Шалаева, стоявшая на переправе напротив устья речки Сарамацкой (нижний Миус, рядом с местом его впадения в лиман).

Потери запорожских рыболовов от таких действий донцов в оригинальном экстракте, похоже, были представлены в табличной форме. Но Яворницкий при публикации почему-то предпочел развернуть их в текстовый формат. Если попытаться восстановить их первоначальную форму, то у нас получится следующая таблица:

Имя	**Курень**	**Провиант**		**Дели**	
		Кол-во, четверти	**Сумма, руб.**	**Кол-во**	**Сумма, руб.**
Кузма Кривой	Пластуновский	6	9,00	-	-
Бабачок	Батуринский	2	3,00	-	-
Иван Покволитый «с товарыщи»	Ирклеевский	2	3,00	200	12,00
Яков Картавый «с товарыщи»[76]	Тимошевский	2	3,00	150	?[77]
Антон Нежинец «с товарыщи»	Поповичевский	2	3,00	50	4,50
Парфен Чабак «с товарыщи»	Величковский	8	12,00	150[78]	15,50
Грицко Манчапрас	Васюринский	4	?[79]	-	-
	ИТОГО:	**26**	**87,00 руб[80].**		

[75] Баз у донцов — огороженный загон для скота.

[76] На следствии в Бахмуте 1747 года Яков Картавый и Грицко Манчапрас от претензий к Шалаеву по этому реестру откажутся. Возможно, им удалось оперативно получить в Черкасске нужные бумаги и вернуть свое имущество?

[77] В публикации Яворницкого сумма по делям в этом пункте пропущена. В оригинале документа она вероятно была. По обратным подсчетам автора книги, скорей всего здесь было 16 руб.

[78] Количество восстановлено по смыслу. В публикации Яворницкого: «делей полторы 15руб. 50 коп.». Видимо, после слова «полторы» пропущено слово «сотни».

[79] В публикации Яворницкого сумма по делям в этом пункте пропущена. В оригинале документа она вероятно была. По идее, должна была составить 6 руб.

[80] По подсчетам самого Коша в экстракте.

Так же от этого запрета пострадал и Иван Красей, казак Крыловского куреня. Он (тоже с паспортом) успел съездить в Черкасск *«для покупки разных подлежащих ему товаров»* и возвращался *«на подраде»* обратно *«прямо в Аланчик»*. На обратном пути, у реки Самбек (9 верст северо-восточнее Таганрога), ему встретились какие-то донские казаки (тоже из партии Шалаева?). Они под конвоем выдворили самого Красея за Миус у урочища Сарамацкого (возле места впадения Миуса в его лиман), а его груз – 6 четвертей провианта и 200 делей оставили на сохранение на Самбеке, у тамошних донских казаков (в реестре указано, что эти его припасы *«все даже и по ныне тамо <…> содержится»*). Красей, который *«будучи столь знатно обидим, а весьма занапрасно»*, рвался ехать обратно на Самбек и требовал от местного запорожского полковника Черного *«о выдаче вторичного ему пашпорта».* Но тот, уже разочарованный в донской порядочности, на этот раз Красею категорически отказал: *«На что-де нам напрасно и пашпорта давать, что [раз уж — LV] донской атаман Ефремов, не ведомо по какому виду [т.е. – по каким резонам — LV] тем пашпортам не веря и отбирать приказывает, кои по ево приказам и отбираемы были»*. Вместо этого, он дал Красею «просительное письмо» к подполковнику Бильсу *«о возвращении забранного, куда надлежит, представить»*. С этим письмом Иван и пошел к Бильсу (на Миус? в крепость святой Анны?) и пропал… Прошло уже довольно много времени, но никаких вестей о нем так и не поступило. Так что у местного запорожского полковника даже зародились сомнения – *«и в живых ли оной или нет – он, полковник, не известен даже и по ныне»* [13, сс. 1577-1578]. К сожалению, автору книги не удалось прояснить дальнейшую судьбу этого казака…

Экстракт по этим событиям, как уже говорилось, был составлен местным запорожским полковником 28 ноября 1745 года. Он прилагался к какому-то его донесению в Кош. В нем, среди прочего, Кошу сообщалось (без какой-либо конкретики) о каких-то случаях, когда донские казаки, стоявшие в урочище Леонтьевы буераки, *«следующих на морские косы разных российскаго войска городов людей»* не пропускали ехать в сторону запорожских рыбных ловель, *«но в Черкаской с немалым насилием заворачивають, бьють и грабять»*. Эти бумаги попадут в Кош только 14 декабря. Но заниматься там ими будут уже в следующем, 1746 году [СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.19].

Не совсем понятно, откуда можно было ехать на запорожские морские косы через район Леонтьевых буераков? Возможно, из района станицы Луганской на Северском Донце, где тогда периодически проводились знаменитые ярмарки? Тогда появление донского караула в районе Леонтьевых буераков могло быть реакцией донцов на запорожские грабежи на путях к этой ярмарке, особенно активизировавшихся во второй половине 1745 года. Мы об этих событиях и об их виновниках расскажем позже.

А пока вернемся к процессу разграничения. 18 октября письмо Бильса достигло Запорожской Сечи. Его доставили в Кош те же самые старшины Иван Белой и Григорий Рожок, чьими показаниями оно и было вызвано. Можно только догадываться, какой переполох вызвал этот запрос в руководстве Коша. Про наличие такого обещания от бывшего губер-

натора Неплюева в Сечи было настолько общеизвестно, что это не вызывало никаких сомнений. Как и о «разрешительных» указах на эту территорию от следующего киевского генерал-губернатора Леонтьева и проводившего размежевание 1742 года князя Репнина. Но вот где находились сами эти документы и как их найти? Лихорадочные поиски в собственных архивах Коша упорно ничего «разрешительного» не давали. Ситуацию усугубляло еще и тогдашнее обыкновение запорожцев регулярно переназначать большую часть своего верховного руководства. За прошедшие со времен неплюевского размежевания четыре года поменялось уже несколько войсковых писарей. А, как известно, каждый новый руководитель перенастраивает работу своего подразделения на новый лад, что не слишком хорошо отражается на общем порядке в делах и на сохранности бумаг в архивах. В руководстве Коша царила тихая паника. Может, эти драгоценные документы уже безвозвратно утеряны? Может, отправить магарыч киевским чиновникам, чтобы поискали их следы в тамошних архивах? Кошевой Василий Григорьевич Сыч не знал, что отвечать, поэтому долгое время просто отмалчивался, даже после получения второго, а затем и третьего письменного напоминания от неугомонного Бильса, безуспешно дожидавшегося ответа по этому ключевому вопросу. В реальности же (хоть кошевой об этом еще не догадывался) больше всего запорожские поиски «черной кошки в темной комнате» осложняло то, что ее там отродясь не было…

И только спустя примерно примерно три недели с момента начала этих безуспешных поисков чья-то умная голова догадалась искать не сами эти «пропавшие грамоты», а просто внимательно перечитать все полученные документы за 1740 — 1742 годы. После этого прежняя радостная эйфория сменилась глубочайшим разочарованием, так как стало понятно, что искомые документы все это время были на виду, но вот имели совсем не тот смысл, как их на радостях поняли когда-то запорожцы «в своей простоте». Это были просто «информационные» указы, освещавшие для ведома запорожцев результаты территориальных размежеваний границы с турками. Никаких «пожалований» новых территорий войску Запорожскому в них не содержалось…

В итоге ответ был составлен в Коше только 8 ноября. Само это письмо представляет собой шедевр канцелярского творчества. Оно настолько насыщено сложными изгибами бюрократической мысли, закрученными словесными конструкциями, повторами, ссылками, малозначительными и слабо относящимися к делу подробностями, что продраться через его текст непосредственно к смыслу – задача достаточно нетривиальная. Такой высший стиль канцеляризма обычно (до сих пор) используется, когда надо максимально замаскировать и размазать во всевозможных «завитках» отсутствие крепкой аргументации или частичное признание неприятных для отправителя сведений.

После обычной в таких случаях преамбулы с выражением уважения к адресату в этом письме следовало подтверждение факта получения запроса (первого) и краткое содержание дела и самого запроса. В частности, заинтересовавшие Бильса показания запорожских старшин были несколько конкретизированы территориально с восточной стороны: *«<…> почему от нас, войска, к вашему высокоблагородию и посылаемы были старшины Иван Белой да Григорий Рожко, кои при допросе вашему высокоблагородию и объявили, что тамо войска нашего козаки живут и владеют* ***от Берд до устья реки Миюса*** *[выделение мое — LV]* ***<u>назад тому третий год</u>****»*. Далее с большим количеством слов пересказывается утверждение этих старшин о том, что при размежевании границы к западу от Днепра в 1741 году (на самом деле – в 1740-м) Неплюевым была передана туркам часть территорий,

которые запорожцы считали своим, а для компенсации этих потерь им обещаны дополнительные земли с другой стороны Днепра, *«о чем нам **якобы** и грамота от него [Неплюева — LV] дана, которая и ныне у нас, войска при войсковых делах **будто** имеется»*. Чувствуете, как уже смещаются акценты? *«Якобы»*, *«будто»*… Но просто ответить, что старшины ошиблись и таких бумаг в Коше не имеется – для кошевого атамана было бы равнозначно прямому признанию поражения в этом споре. Поэтому сюжет письма опять уводит в другую сторону.

Здесь Бильсу сообщают, что несколько ранее в Коше было составлено отдельное письмо на основе воспоминаний запорожских старожилов: *«<…> донося верно ответствуем сим, что почему и за несколько лет выше упоминаемыми местами [между Бердой и Миусом? — LV], реками, лесами и протчими угодьями еще прежде бывшие наши антицессоры владели. И кто из них, и в коих местах, и с коликим числом [казаков] будучи при них команды тамо и полковниками находилось <…> по скаскам и ныне будучих в живых при войску старожилов наших [и?] старшин, сочинив письменные документы <…>»*. Немного расшифруем. Антецессоры – это пришедшее от поляков и часто использовавшееся украинскими казаками латинское слово, обозначавшее «предшественники». В данном случае это говорится про прошлых кошевых атаманов. Судя по словам *«и за несколько лет»* — можно было бы подумать, что здесь речь идет о событиях последних трех лет. Но, судя по контексту и по упоминанию *«сказок»* запорожских старожилов, здесь должно говориться о гораздо более ранних временах. Видимо, это был перечень с указанием, в каком году и в какие степные местности отправлялись запорожские полковники с «командами», и сколько казаков состояло в этих командах. Также сообщалось, что это письмо было отдано для передачи Бильсу отправлявшимся на собрание при устье Миуса запорожским старшинам Белому и Рожку, но те почему-то так его и не использовали: *«кои [письменные документы — воспоминания об «антецессорах» — LV] и обратно оными старшинами к нам, войску и привезены»*.

Эти сведения о запорожских «командировках» предшествующих периодов, конечно, были бы интересны (особенно для современных историков), но они тоже ничего особо не доказывали. Дело в том, что по собственной инициативе Коша или по распоряжению местных военных властей широко практиковалась отправка запорожских полковников с командой казаков при них (обычно – от 200 до 500 казаков) как с военными целями, так и для организации караульной службы. В зависимости от конкретных условий и обстановки, цепочки из караулов и разъездов запорожских, малороссийских, слободских и донских казаков выстраивались в тех или иных районах Степи. И, обычно, снимались при наступлении холодов или при изменении обстановки. И лишь в единичных случаях отправка таких команд могла привести к появлению новой паланки и поселения при ней. Специфику такой практики мы будем более подробно разбирать в Приложениях к книге, в статье «Вернемся к нашим паланкам».

И еще интересный момент по поводу этого письма. Если уж запорожские делегаты Иван Белой и Григорий Рожок так оплошали, что забыли отдать Бильсу такое ценное письмо и привезли его обратно в Сечь, то что мешало кошевому его еще раз приложить к письму от 8 ноября 1745 года, чтобы оно все-таки дошло до адресата? Но нет… Видимо, Кош согласился с новой «политической» линией, скорректированной запорожскими делегатами после заслушивания донских показаний 7 октября. А вот содержание этого письма ей уже не

вполне отвечало. Так что дело вряд ли было в обычной старческой забывчивости. Скорей всего проблема была в том месте поручения Бильсу, где говорилось, что в случае отсутствия письменных свидетельств, нужно произвести размежевание на основе опросов старожилов: «И отвесть запорожцом для довольствия их рыбные и звериные ловли, тако ж степи и протчия угодья — **те, которыми они напред сего, будучи под Российскою державой владели**». То есть, Крымский период запорожцев (1709 — 1734 гг.) под это определение точно не подходил. Вероятно, письмо не было отдано Бильсу потому, что описывало какие-то события именно этого периода.

К сожалению, через два года, в 1747 году, архивы Коша сильно пострадают при пожаре. Поэтому вероятность найти это письмо среди сохранившихся в Центральном государственном историческом архиве (г. Киев) архивных документов, не нулевая, но достаточно низкая.

И только после этого текст письма, наконец, переходит к сути, отвечая на вопрос, который собственно и задавал Бильс: *«А что же оные, от нас, войска, посылаемые старшины допросами вашему высокоблагородию показали, что **якобы** от высокопревосходительства господина генерала аншефа и кавалера Неплюева, как вышеупомянуто, в прошлом 741 году, почему б владеть нами, войском, вышеписанными угодьями и грамота дана (которую самую оригинальную [т.е. подлинную — LV] ваше высокоблагородие, за силу превысочайшего Е.И.В. указу и прислать от нас, войска требовать соблаговолите) – то о том оные старшины, причитая данные нам, войску от их высокопревосходительств господина генерала аншефа и кавалера и тайнаго действительнаго советника Ивана Ивановича Неплюева, [а] також и его ж высокопревосходительства господина генерала лейтенанта и кавалера Василья Никитича Репнина (о заключении вечнаго мира между Российскою и Атаманскою империями с копи[и] копии, и с писанных «Инструментов» и протчих между договорами корреспонденциях) – за простоту свою высокоблагородию объявили»*. Ну и стоило столько слов городить только для того, чтобы объявить собственных делегатов необразованными дураками, с неадекватным представлением о сути спускаемых сверху указов по этим новым территориям Империи? И для того, чтобы это понять, понадобилось целых три недели?? Но не будет же кошевой атаман признаваться, что и он, и его собственная старшина, и несколько предыдущих «администраций», и все войско Запорожское поголовно несколько лет пребывали в приятном заблуждении о подаренных им новых территориях в Приазовье? Поэтому в данном случае предпочли пожертвовать репутацией двух незадачливых старшин-делегатов, выставив их «простоту» в качестве источника их личного заблуждения. Хотя единственная их вина была в том, что они озвучили то, во что и так верили поголовно все в Сечи (включая и самую ее верхушку).

Невзирая на это официальное саморазоблачение Кошем фейковой идеи о переданных запорожцам имперскими властями бывших турецких территорий в Северном Приазовье, это самоизобличение так и осталось малоизвестным широким запорожским массам. И идея о каких-то правах Коша на все территории между Бердой (к западу от которой продолжали кочевать ногайцы) и вплоть до нижнего Дона – так и продолжила прочно жить в простых и упрямых головах запорожских казаков. В дальнейшем она еще не раз даст свои рецидивы. Также она послужит одним из оснований для описания «хотелок» по восточным пределам Запорожских Вольностей при составлении фальсификата «Универсала

Батория – Хмельницкого». Счастливое «обретение» которого в середине 1750-х годов вызвало широкое воодушевление запорожцев и, в свою очередь, привело к усилению той же самой первоначальной идеи, только со смещением ее фокуса в более глубокие исторические времена. А человек, который во что-то искренне верит, всегда будет защищать свои убеждения с искренней уверенностью и напором, даже невзирая на то, что при предъявлении копий с этого «Универсала» все соседи запорожцев дружно крутили пальцем у виска. Какую картину можно неоднократно наблюдать при всех последующих территориальных спорах запорожцев со своими соседями начиная с середины 1750-х годов.

Затем в своем письме кошевой опять пытается акцентировать внимание на некие старые права запорожцев на эти территории (вот татары бы удивились!) и на то, что на них в Коше даже письменные документы когда-то имелись. О чем он повествует в трогательной истории: *«Ибо о том у нас, войска, из древних лет у прежних наших антисессоров об вышеписанных степях [между Бердой и Миусом? — LV], лесах, речках и протчих угодьях, хотя письменные документы имелись, однако, когда Мазепа на Украине за гетмана находился, то требовал оных для некоторой своей ползы в переписку. Кои когда от войска древних наших антицессоров даны, то он ни подлинных, и ни копий со оных и не прислал. Почему ныне у нас, войска, тех документов и не имеетца».* Здесь интересны два момента. Первый – Мазепа стал гетманом в 1687 году, всего за 58 лет до описываемых событий. Тем не менее, современные ему кошевые атаманы в глазах Василия Григорьевича Сыча уже представлялись «древними антицессорами» (это к вопросу о понимании слова «древность» запорожцами). А второй момент – это то, что всего месяцем раньше по этому же поводу Кош выдвигал совсем другую версию – о пропаже старых документов вследствие разгрома Сечи в 1709 году. Об этом в Коше уже благополучно забыли…

Далее в письме сообщалось, что: *«а хотя и ныне [некоторые документы по этой теме — LV] имеются, однако не грамоты, но (как выше упомянуто) с копий копии, российским деалектом писанных – в силе заключения вечного мира и «Инструментов», с упоминанием (между протчим) о степях и протчих, по Азовскому морю лежащих угодьях, за справкою парутчика Александра Никифорова точные копии. Кои, уповательно, что и у вашего высокоблагородия имеютца».* Это как раз те документы о ходе и итогах разграничений 1740 и 1742 годов, которые мы уже ранее подробно разбирали. Далее в своем письме кошевой писал, что в случае, если эти бумаги у Бильса отсутствуют, но понадобятся ему для выполнения его миссии – то по его запросу Кош немедленно перешлет ему их.

В заключение письма содержалась просьба к Бильсу держать Кош в курсе о его дальнейших действиях, чтобы запорожцы могли сообщать о ходе дела киевскому генерал-губернатору Леонтьеву, как своему непосредственному начальнику. Ну и просто вежливые пожелания [13, сс. 1437-1440].

Но и после окончания этого письма кошевой еще долго сомневался, стоит ли его отправлять, или лучше подождать, пока каким-нибудь чудесным способом эта неприятная ситуация как-нибудь сама рассосется. В результате Бильс получит это письмо только через 19 (!) дней после его составления (и через полтора месяца с момента отправки своего первого запроса).

Получив ответ Коша, Бильс все-таки смог продраться сквозь все хитросплетения этого письма и правильно понять его суть. О чем свидетельствует очень краткий пересказ основной части этого письма Коша в сообщении Бильса для Сената [13, с. 1433]. Наш бравый подполковник понял, что последняя его надежда легким образом разрешить этот территориальный спор — просто выполнив обещания, якобы выданные войску Запорожскому прежним киевским губернатором Неплюевым — тоже провалилась. В тот же день Бильс, наконец, составил свое (столь долго откладываемое) донесение в Сенат по итогам порученной ему миссии. В нем он, описав все свои действия и прилагая заверенные показания донцов и запорожцев, а также копию с последнего письма Коша, сообщил Сенату об отсутствии у обоих казачьих войск документов на спорные земли и о полной противоречивости их устных показаний: *«<…> и по тем скаскам о спорных угодъях обои стороны уверяют к своей правде, за чем и основания к размежеванию взять не с чего»*. Тут же он честно пишет, что в таких условиях ему было бы нужно *«<…> по тем же старожиловым от войска Донского показанием в реках, в лесах и других местах надлежало мне самому освидетельствовать»*. Но, ссылаясь на отказ запорожцев пропускать донскую делегацию и конвой за Миус, сразу же заключал, что *«мне собою [лично — LV] объезжать те места без показания [донцов — LV] и без конвою никак [не] можно было»*. Впрочем, с учетом того, что здесь он ссылался еще на сентябрьский инцидент с полковником Левкой Черным, похоже, что Бильс на запорожцев с требованием пропуска донцов больше особо и не давил. Понятно, что ему лично тоже не слишком хотелось мотаться по безлюдным зимним степям. Поэтому он затребовал от Сената новых инструкций, *«<…> с какова основания оных войск <…> межевание произвесть – всенижайше прошу высоко пр.[авительствующий] Сенат повелительного указу»*. После чего Бильс с чистой совестью умыл руки от этого дела. Письмо в Сенат было отправлено из крепости святой Анны в тот же день, 27 ноября 1745 года [13, с. 1432].

Бильс воспользовался неосторожным предложением Коша прислать ему в случае необходимости копии с этих документов (на которые на прениях «в простоте своей» ссылались запорожские старшины) и послал свой новый запрос в Сечь. Через две с половиной недели он получил из Коша документ с выписками по прохождению границ с Турцией из мирного трактата от 18 сентября 1739 года, из конвенции *«какова прислана при доношении тайнаго советника Неплюева от 7 ноября 1740 году»* (о границе между Бугом и Днепром) и из конвенции, пересланной от князя Репнина 12 октября 1742 года (между Днепром и Миусом). Заново скопировав полный пакет документов, почти идентичный пакету от 27 ноября, и добавив к нему эти свежеполученные выписки, Бильс 13 декабря того же года еще раз отправил все это в столицу [13, сс. 1442-1454].

Естественно, что свои выводы об этом вскрывшемся анекдоте Бильс не счел нужным держать в секрете от окружающих. Так что очень скоро об этом крайне конфузном для

Коша обстоятельстве узнал и войсковой атаман войска Донского Данила Ефремов. Его уже давно мучили безответные размышления — на какие именно указы верховных властей о передаче им обширных территорий в Приазовье постоянно ссылались запорожцы последние три года, и какие могут быть неприятности у войска Донского за невыполнение этих указов? И тут – такой неожиданный финал! У Ефремова прямо камень с души упал. И проигнорировать такой случай, промолчать и скромно постоять в сторонке – он уже не мог. К тому же его решимость подстегивала переданная через Военную коллегию грамота из сената от 5 ноября 1745 года (по сенатскому определению от 7 октября) о поручении киевскому генерал-губернатору Леонтьеву разобраться с обидами, нанесенными запорожцами донцам, гарнизону крепости святой Анны и местным малороссиянам. В Черкасск она прибыла буквально накануне, только 5 декабря 1745 года [13, сс. 1455, 1629-1630]. Поэтому 31 декабря 1745 года руководство войска Донского составляет донесение по всем этим темам и отправляет его *«к поданию <…> в пр.[авительствующий] Сенат»* (вероятно, через посредство Военной коллегии). Это сообщение, хоть и мало замеченое историками, также сыграло очень большую роль в том, в какую сторону начали развиваться последующие события в определении официальной границы между двумя казачьими войсками. Поэтому мы его сейчас и разберем.

Донесение привычно начинается с упоминания последних жалоб войска Донского на запорожцев. Начинаются они с упоминания старой жалобы от 29 ноября 1744 года, направленной в Киев к генерал-губернатору Леонтьеву, о разбойничьих нападениях запорожцев на донцов и проезжающих людей, обидах и разорениях от них, а также о запорожском рыболовстве на Кубанской стороне моря, к которому письму прилагался и «экстракт». Затем говорится, что *«после того 744 и 745 годов в разные месяцы и числа сколько вновь оными Запорожскаго Низового войска козаками умышленными воровскими набегами проезжающим к Семеновской ярмонке в Луганскую козачью станицу и из оной обратно едущим в Черкасской [город] войска Донского козакам и протчим людям таковыми разбойническими нападениями обид причинено, денег, разных вещей, лошадей, платья и протчаго грабежом забрано»*. По этим случаям к данному письму были приложены «обстоятельные экстракты» (мы рассмотрим их чуть ниже).

Далее в нем содержится жалоба на угоны коней, в том числе из окрестностей самого Черкасского: *«<…> соизволите усмотреть, что оные запорожцы, не удовольствуясь тем грабежом [на дорогах в станицу Луганскую — LV], уже под здешние места [под Черкасск — LV] партиями умышленно подбегают, и не по малу числу старшинских, козацких и калмыцких лошадей ис табунов отгонять стали»*. Далее рассказывается совсем свежий случай, когда из личного табуна войскового атамана Данилы Ефремова было угнано 64 лошади. В догонку за конокрадами был отправлен войсковой толмач Тимофей Греков с казаками и калмыками. Ему удалось внезапным наездом застать восемь конокрадов на вершине реки Самары. Среди отбитого у них табуна (73 лошади) обнаружилось и большинство угнанных у Ефремова коней. Но 19 его лучших жеребцов и коней в этом табуне не оказалось. Как предположил Греков, часть воров накануне отделилась и с лучшими лошадьми поехала напрямую в Сечь или на Усть-Самару. Другая партия из донских калмыков Захара Иванова и его товарищей отбила у другой запорожской воровской партии у устья Самары еще 74 лошади. Среди последних тоже оказалось *«не малое число старшинских козачьих и калмыцких лошадей, да несколько тех, кои разбоем у козаков, едущих к ярмонке, взяты»*.

Понятно, что без прямого или косвенного попустительства местных запорожских властей, такой массовый угон и сбыт ворованных лошадей был бы невозможен. Такая не очень чистоплотная практика пополнения собственных карманов среди паланковых полковников была не поголовной, но, все-таки, довольно обычной и распространенной, даже не взирая на возможные последствия со стороны Коша. Впрочем, последнее случалось достаточно редко.

И сразу ответим на возможный вопрос уважаемого Читателя. Упомянутые выше результаты погонь толмача Грекова и крещенного калмыка Захара Иванова действительно очень похожи в этих кратких описаниях, но это два разных случая! Мы о них позже расскажем подробнее.

Далее в донском донесении достаточно подробно пересказывается текст сенатского указа от 7 октября 1745 года о поручении Леонтьеву направить офицера для расследования обид и грабежей запорожцами своих восточных соседей, наказания виновных и запрета на такие действия в дальнейшем. И что в будущем, в случае подобных нарушений, также необходимо тщательное расследование и наказание виновных, причем в случае подтверждения вины донцов – их наказанием должна будет заниматься Военная коллегия, а запорожцев – киевский генерал-губернатор Леонтьев.

После чего Ефремов переходит к миссии Бильса. Донской войсковой атаман поставил в прямую вину запорожцам, что *«того разграничения не учинено»* из-за *«не обстоятельного [т.е. не надежного, не верного — LV] донесения»* запорожских делегатов о том, что *«якобы иметца у них о владении даже до самаго Темерника <…> степными местами и морскими косами от господина генерала аншефта и кавалера князь Василья Никитича Репнина и господина тайнаго советника (бывшего тогда резидентом) Ивана Ивановича Неплюева указы, которые обязались ему, подполковнику Билсу в немедленном времени из Сечи привесть»*. И что ответ из Сечи по этому запросу был доставлен запорожским есаулом и казаками в крепость святой Анны только два месяца спустя. И, как с откровенной издевкой пишет Ефремов: *«<…> в котором [донесении — LV] объявили, что у них о владении теми местами никаких письменных документов не имеетца. А сказали про оные [документы — LV] при съезде их старожилы своею простотою»*. Надо полагать, что на это месте Ефремов явно испытывал миг своего триумфа! Но он не остановился на этом и продолжил добивать уже поверженного противника, перейдя к теме продолжения рыбной ловли запорожцами в запретных для них местах «Кубанской» стороны (эти моменты мы уже рассматривали ранее, повторяться не будем).

Ну и в качестве последнего аргумента Ефремов просто на пальцах перечислил сколько и куда войско Донское должно отправить своих казаков в наступающем 1746 году: 6000 в Лифляндию и Эстляндию, 4000 на какие-то нерасшифрованные *«раскомандирования»* по именному императорскому указу, 2000 в Кизляр, 1000 – к Оренбургской экспедиции, 100 – на Царицынскую линию, 200 для предохранения «здешних пограничных мест», 100 – в Калмыцкой комисии *«по секретнейшему»* императорскому указу, и еще 100 – отправлено в Москву для принятия ежегодного жалованья на войско Донское. Итого Ефремов по приказам высокого начальства должен был снарядить и отправить в разные концы империи 13,5 тысяч своих казаков. Для достаточно небольшого казачьего войска это было уже на пределе его возможностей. Как писал войсковой атаман, после этого у него *«остается в*

домех самое малое число [казаков — LV], да и то престарелые и больные». И, как переживал Ефремов, в случае, если *«часто упоминаемые запорожцы»* не будут *«сведены»* подальше от донских территорий, и их нападения и грабежи продолжатся, то оставшиеся у донцов силы по *«малолюдству»* будут уже не в состоянии бороться с этим, и *«всеконечно чрез их [запорожцев — LV] воровство могут [донские — LV] козаки притить в крайнее разорение»*. Ефремов хорош знал, куда бить. С точки зрения центрального правительства – это был очень тревожный звоночек. Так как в случае обнищания войска Донского – оно бы уже не смогло выставлять в необходимом количестве хорошо снаряженных и подготовленных казаков, боеготовность этого казачьего войска резко снизилась бы. К тому же войско Донское – было войском-«трудягой», которое верховные власти ежегодно задействовали для решения самых важных задач, затыкая донцами все дыры в разных концах империи. Донцы кряхтели, но делали то, что от них требовалось. И это сильно отличалось от ситуации с вернувшимся по амнистии в 1734 году в российское подданство войском Запорожским. Не, запорожцы, конечно, были хлопцы «гарные и чубатые»! Но за все время существования Новой Сечи запорожцам пришлось поучаствовать только в двух турецких войнах. Во всех остальных многочисленных заграничных войнах, ведшихся в середине XVIII века Россией, использовать запорожцев (в отличие от донцов) Правительство так и не рискнуло. Реальная военная сила Коша к тому времени была уже совсем незначительной, а из-за своей слабой управляемости, запорожцы представляли угрозу не столько для врагов России, сколько для мирного населения областей, через которые им пришлось бы для этого пройти.

Разумеется, что и донцы во время своих переходов по стране тоже доставляли немало хлопот обывателям. Об одном из таких случаев, который незадолго до того совершил сын донского войскового атамана Данилы Ефремова – Степан Данилович – мы еще кратко расскажем позже. Но в целом, донцы уже более-менее научились держать себя в руках во время переходов по мирной местности.

Поэтому, внятно объяснив высшему руководству перспективы от продолжения близкого соседства с запорожцами, Ефремов просил Правительство*: «<…> рабски просим В.И.В. от оных запорожцов нас, войско Донское всемилостивейше оборонить и их [запорожцев — LV] от здешних мест в Сечь выслать»*. То есть – вывести запорожцев подальше от Приазовья, в сторону их прежних владений со стороны Днепра.

Завершает Ефремов свое донесение какими-то совсем уж частными проблемами от запорожцев в самом Черкасске. Что те, *«по природной их отваге и обыкновенной своевольности»*, приезжают небольшими группами по три-четыре человека в донскую столицу для торговли, но, пропив все деньги и платье, не находят ничего лучше для поправки своего состояния, чем уводить казачьих лошадей прямо *«з базов и конюшен»*. Что, естественно, сильно не нравилось донцам (мы это уже ранее разбирали). Доставить это сообщение в Сенат должен был специально отправляемый *«нарочный старшина»* Осип Дмитров. На этом длинное письмо Данилы Ефремова заканчивалось [13, сс. 1454-1458]. А вместе с ним – заканчивался и 1745 год…

В бумагах Сената, опубликованных Яворницким, реестр к письму из Черкасска от 31 декабря 1745 года отложился отдельно от самого письма, в приложениях к документам следственной комиссии Швыкова [13, сс. 1562-1569]. По всей видимости, для участия в этом расследовании донцы заново собрали в

один документ все происшествия, начиная с 1743 года. В нем содержатся подробнейшие перечни утраченного имущества, которые позволяют судить о внешнем виде местных жителей, ценах на вещи, востребованных товарах в этих краях и т.п. Все это мы опускаем, кому это нужно – смотрите в самом документе.

Данный реестр логически продолжает жалобу на запорожское конокрадство, отправленную из крепости святой Анны в Военную коллегию 9 июня 1745 года. В ней, напомним, сведения о пострадавших собирались полковником Азовского казачьего полка Васильевым как с жителей ведомства этой крепости, так и с подданных войска Донского, так что Черкасск о той жалобе явно знал и учитывал ее наличие на рассмотрении в верхах. В новый реестр донцы добавили лишь один случай от середины прошлого 1744 года (по которому, благодаря обнаружению нового свидетеля, им удалось узнать конечного заказчика), остальные же приведенные факты датируются временем за май – декабрь 1745 года. Плюс некоторые более старые случаи мельком упоминаются при описании опознания отбитых у запорожцев коней. К сожалению, некоторые места в реестре сформулированы очень невнятно, разбивка на отдельные пункты в них сбилась. Автор книги, как смог, их попытался расшифровать, но не факт, что абсолютно правильно.

Итак, по содержанию этого реестра. Абсолютное большинство зафиксированных в реестре случаев грабежа относится к окрестностям речки Говенной и одноименного байрака, где проходил торговый шлях с Дона в станицу Луганскую. Автору книги удалось найти балку Говейную (правый приток Северского Донца) в районе современного города Каменска-Шахтинского Ростовской области, это в 60 верстах юго-восточнее станицы Луганской. В дневном переходе на ZWZ от него располагаются и верховья речки Гнилуши (левый приток Кундрючьей), где запорожцы тоже пошаливали, хотя и реже. В любом случае – эти места располагались вне тех территорий, на которые когда-либо претендовал Кош, так что это был чистый разбой. Говенный байрак (хорошее место так не назовут!), как мух привлекал запорожских разбойников. Особенно в период проведения Семеновской ярмарки в этой станице.

В конце восемнадцатого и в девятнадцатом веке Семеновская ярмарка в станице Луганской проходила в конце августа. Вот что, например, о ней говорится в «Географическом словаре» за 1788 год: *«<…> здесь [в станице Луганской] особливо достойна внимания Семеновская ярмарка, начинающаяся в исходе Августа и продолжающаяся до пятнадцати дней, в которое время великой торг производится всяким скотом, также суконами и шелковыми материями <…>»* [35, с. 32].

Запорожские нападения у Говенного байрака (а также у реки Гнилуши, где, скорей всего, действовала та же самая шайка) зафиксированы в разных числах августа 1745 года. Однако отметим, что реально, большинство этих случаев, скорей всего, совершены шайкой запорожцев Калги и Сенчука (о ней мы расскажем позже) и относятся всего к нескольким дням августа. Очень похоже, что в этом донском реестре в каких-то случаях зафиксирована дата самого происшествия, а в каких-то – даты фиксации обращений пострадавших в Черкасске.

- В начале августа 1745 года – 2 случая в один день: у казака станицы Бессергеневской Тихона Аханова (или Акимова [13, с. 1644]) и у казаков Манычской станицы Ефима и Прокофия Житковых. Отобрано имущества в сумме на

386 руб. 40 коп. (в том числе 4 лошадей и жеребенка);

- 18 августа того же года — 20 запорожцев ограбили донского казака Якова Трофимова из Прибылянской станицы города Черкасска на 274 руб. 87 коп. (в том числе отобрали 3 коней) (этот случай, похоже, в данном реестре задвоился [13, сс. 1565, 1567]. Тогда же и там же – у казака Степана Глушихина отобрали мерина; у калмыков Зенгорова улуса Гуляна и Рока запорожцы отобрали коня и мерина; у казаков Азовского полка Григория Андреева, Григория Иванова и Романа Чюпурного отобран один конь.

- 25 августа – опять 20 запорожцев, троих из которых ограбленный черкасский казак (Рыковской станицы) Матвей Осипов даже опознал как Щербину, Мосея и Ецка. Утрачено имущества на 108 руб. (в том числе 2 коня); в тот же день у черкасского (Павловской станицы) казака Антона Куликова отобран конь, у казака Азовского казачьего полка Логвина Виденцова — мерин;

- в тот же день, на вершине речки Гнилушки – опять 20 запорожцев – ограбили черкасского (Павловской станицы) казака Антона Федорова и его работника, потери на 32 руб. 30 коп. (в том числе и 2 коня с двумя телегами).

Почти одновременно грабежи происходили и в районе некоего Берестового байрака (надежно локализовать не удалось, притоки с таким названием удалось найти и у Миуса, и у Деркула). 17 августа 1745 года здесь 20 запорожцев ограбили черкасского казака Прибылянской станицы Аверьяна Иванова на 224 руб. 38 коп. Интересно, что в перечне забранного упоминаются две узды и седло с потником и стременами, но ни слова не говорится об утрате самих коней. Забыли записать? Там же и примерно в то же самое время запорожцы ограбили курского купца Михайлу Мельникова и его работника. У них отняли имущества на 210 руб. 55 коп. (в том числе 3 коней).

Кроме этого приведены случаи угона лошадей из донских и калмыцких табунов. Некоторые из них – с множеством дополнительных деталей:

- в конце июля 1744 года – ночной угон шести лошадей из табуна донского старшины Максима Бобрикова, пасшегося у речки Карагача (не удалось локализировать). Посланная погоня нашла трех утерянных конокрадами лошадей в урочище Лысые горы (вероятно, это Лысогорка в Куйбышевском районе Ростовской области, над рекой Тузловой). Но трех лучших коней конокрады все-таки увели в Еланчицкую паланку. Причем бывший по случаю как раз там черкасский казак Петр Подливала видел, как на одном из этих коней (сивом) сам полковник Иван Ступак куда-то отъезжал из паланки, а гнедой конь находился в его конюшне и по его приказу того водили на водопой только по ночам (т.е., чтобы его меньше видели). А третьего коня – белую кобылу – уже куда-то успели увести.

- в начале мая 1745 года из табуна калмыцкого мурзы Изюм Тайджи запорожский казак Сенчук со своими товарищами угнал 15 лошадей, среди которых было и три коня донского старшины Алексея Ларионова. Калмыки ходили за ними в погоню до самой Самары, но догнать не смогли.

- в середине октября 1745 года крещенный калмык Захар Иванов и 20 его товарищей поехали из своего кочевья на реке Кундрючьей *«на крымскую сторону»* бить зверя. Когда они были на верховьях Крынки, у них ночью угнали 20 лошадей. Они отправились по следам похитителей. На следующий день в

верховьях Самары (ошибочно указано, якобы в устье!) они нашли каких-то запорожцев, пасших большой табун. Полной уверенности, что это именно их обидчики – у калмыков не было, но *«в чаянии тех воров, что лошадей их отогнали или других, кои у здешних обывателей и у проезжающих лошадей отгоняют»*, они, на всякий случай, угнали весь их табун в 74 головы. И не сильно ошиблись, надо сказать. Среди отбитого табуна они опознали 20 собственных лошадей. А среди оставшихся 54 лошадей были опознаны один из угнанных ранее у старшины Ларионова коней, а также довольно много коней, отобранных запорожцами в августе того же года на шляхах к станице Луганской. Насколько можно понять текст (в этом месте он очень невнятно сформулирован), калмыки постарались раздать опознанных лошадей пострадавшим, а остальных, «неопознанных» лошадей оставили себе.

- в ноябре 1745 года у калмыков Цоирюп Гелюна, Ашая Илегана, Беркука Бечея и Шарап Дорджи из Нижнего улуса из их кочевья у речки Каменки (вероятно – реки Большая и Малая Каменки, впадающие в Северский Донец между городами Донецк и Шахтинск-Каменский Ростовской области) запорожцы ночью угнали 48 лошадей с жеребятами. Калмыки в погоне дошли до *«Калмиюской вершины»*, но догнать конокрадов не смогли.

И, наконец, самый последний случай, который, собственно, и переполнил чашу терпения Черкасска и вызвал появление данного реестра – это угон в ночь на 16 декабря 1745 года лошадей у самого войскового атамана Данилы Ефремова! Из его личного табуна, пасшегося у Миуса, запорожцы угнали *«из лутчих три косяка»* в количестве 64 голов. За ними из Черкасска в погоню был отправлен войсковой толмач Тимофей Греков, а с ним – 35 казаков и калмыков. 21 декабря, на третий день после своего отбытия из Черкасского, они нашли в районе Самарских вершин (возможно, на самом деле это были верховья Волчьей, иначе не получается по описанию географии последующих действий) следы остановки большого табуна примерно до 200 лошадей и множества людей при них, которые и сочли «воровскими». Поехали по их следам. Нашли свидетельства еще одной остановки, после которой следы разделились. Меньшую часть табуна погнали *«вверх по Самаре к Запорожской Сечи»* (вниз по Самаре?; как станет ясно потом, их погнали не на Сечь, а к самарскому полковнику), а большую – обходя по правую руку (т.е. с севера?) самарские (волченские?) верховья. Греков, опасаясь разделять свои, и без того не слишком большие силы, поехал со всеми своими людьми по второму следу. 25 декабря, все еще в районе Самарских вершин (это было на ее левом притоке — речке Бык; по другим данным – *«при речке Волчей»* [13, с. 1645]), донцы настигли эту часть табуна, за которой приглядывали 8 запорожцев. Устав мерзнуть в зимней степи, Греков не стал обращать внимание, что на дворе был большой Божественный праздник – Рождество Христово, и со своими людьми вечером (*«в поздные обеды»*) отогнал *«по скорому наезду»* весь этот табун (73 коня). И хотя запорожцы пытались стрелять по нападающим из ружей, но, к счастью, в этот раз обошлось без смертоубийства. Среди отбитых лошадей оказались:

- 43 лошади из 64, угнанных у войскового атамана;

- одна лошадь донского старшины Максима Бобрикова, угнанная из-за Донца еще в 1743 году (тогда кроме нее были угнаны еще три лошади других хозяев);

- три казацких лошади из числа десяти, угнанных летом этого же года из

войскового табуна;

- одна лошадь из 15, угнанных той же весною из кочевья Зенгоровых калмыков в урочище Каменки;

- гнедая лошадь, из числа 48, угнанных месяцем ранее из того же урочища у Эркетеневых калмыков;

- две лошади из четырех, угнанных на Аксае с хутора Варвары Фроловой (вдовы бывшего войскового атамана Василия Фролова);

- одна лошадь, отобранная разбоем у казака Прибылянской станицы города Черкасска Якова Пудавова (может, Якова Трофимова?), когда тот ехал в станицу Луганскую на ярмарку.

Как выяснится много позже, Греков абсолютно правильно нашел конокрадов. Это действительно была совершившая этот угон шайка Калги и Сенчука. Ее предводителей на тот момент на месте не было (они с половиной шайки уехали на Самару и увели с собой лучшую часть коней), но они могли в любой момент вернуться.

Донцы произвели предварительный подсчет отбитых лошадей и выяснили, что 19 *«лутчих жеребцов и коней»* из числа угнанных у войскового атамана Данилы Ефремова не оказалось в наличии. По этому поводу вступили в переговоры с пастухами этого табуна. Те, видимо надеясь на скорый приезд своих предводителей с остальными членами шайки, стали уверять Грекова, что и остальные 19 коней находятся у них же, только отдать их не могут. То есть, пытались затянуть время, чтобы удержать донцов поблизости. Но Греков им не поверил, решив, что недостающие кони Ефремова скорей всего были уведены со вторым табуном в сторону Сечи. Да и находиться во «вражеском» районе дольше – донцам было бы уже крайне неосторожно. Поэтому Греков со своими людьми и лошадьми повернул обратно на Дон.

Подписал этот реестр – донской войсковой дьяк Пантелей Селиванов [13, сс. 1562-1569]. Нетрудно заметить, что из упомянутого здесь «свежего» криминала за 1745 год – часть случаев по времени относится к правлению Еланчицкой паланкой полковника Постернякова, остальные – уже к следующему полковнику Черному. Но (в отличие от прежнего еланчицкого полковника Ивана Ступака) их имена в описании этих событий не упоминаются. Так что эти два местных полковника, возможно, не покрывали конокрадов. У тех тогда основной рынок сбыта награбленного был на Самаре…

1746 год. Миссия поручика Швыкова (начало)

О Швыкове в этой главе мы начнем рассказывать чуть позже. А пока ненадолго отвлечемся на прямую переписку между войском Запорожским Низовым и войском Донским, которая начала было разворачиваться в начале наступившего 1746 года.

На прошедшей в начале января этого года войсковой раде власть в Сечи по-прежнему осталась в крепких руках Василия Григорьевича Сыча. А вот войсковой писарь тогда сменился. Теперь эту должность занимал уже знакомый нам Алексей Петруша (Сукур), которому тогда должно было быть около 30 лет от роду. Возможно, его опыт в приазовских делах мог несколько поспособствовать такому выдвижению. Тогда у Коша была острая потребность в любой возможной помощи для решения затянувшегося территориального спора с донцами, который пока развивался как-то не очень удачно…

Петруша, вероятно, решил более активно использовать возможности прямой переписки между Кошем и Черкасском (которая, похоже, за прошедшую осень вообще не производилась). На основе поступившей еще 14 декабря жалобы еланчицкого полковника Черного, в Коше была подготовлена промемория донскому руководству (пока не найдена, известна из ответа донцов). В ней пересказывалось сообщение из паланки и требовалось *«обстоятелное уведомление»* о том, *«по каким указом и определением предписанной полковник Евдоким Малаев и другие здешние казаки в помянутом урочище [у переправы через Миус недалеко от устьев речек Сарматок — LV] ныне находятца, и следующих на морские косы с разных росиского [sic!] г[осу]д[а]рьства городов к вашим казакам людей не допускают, но в Черкаской с немалым насилием и грабителством заварачивают; також — за какие вины вашего войска казаков [т.е. запорожцев — LV] он, полковник Малаев, пеших отсылать приневоливаеть»*. Малаевым здесь был ошибочно назван уже знакомый нам донской полковник Шалаев. Неизвестно, было ли так уже в жалобе из паланки или это в Коше не смогли правильно распознать почерк паланкового писаря. Также Кош выражал свое недовольство непропуском людей, шедших на запорожские морские косы, через район Леонтьевых байраков. 26 января эта промемория была доставлена в Черкасск запорожским есаулом (вероятно, паланковым).

В Северном Приазовье в первой половине 1746 года должность местного полковника занимал Леонтий Федорович Таран (он же – Леонтий Федоров). Есаулом у него был Алексей Черный, Титаревского куреня. Возможно, его отчество было Иванович и тогда это может быть тот же человек, что и Алексей Иванов, упоминаемый по этому периоду в документах следствия в Бахмуте. Писаря установить не удалось.

У автора книги сложилось впечатление, что по какой-то причине вышеупомянутая запорожская промемория ушла в Черкасск без добавления копии с экстракта от 28 ноября. Может, элементарно забыли приложить? Этот краткий экстракт будет задействован Кошем только через полтора месяца.

Оригинал ответной донской промемории хранится сейчас в Санкт-Петербурге, в фонде Скальковского [СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.19]. Она составлена в канцелярии войсковых дел войска Донского уже 28 января. В ней, несколько язвительно, по пунктам отвечается на вопросы Коша и, в свою очередь, выдвигаются ему встречные претензии.

Вначале сообщается (с исправлением фамилии) что полковник Шалаев был определен на заставу *«<…> в силе Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА высочайших указов <…> по притчине в Константино поле [sic!] и в других в турецкой стороне местах опастно[й] болезни»*. И тут же добавляется и вторая причина для этих застав: *«<…> к тому ж от неумолкаемых вашего Запорожского войска казаков умышленно воровских под здешние места набегов и разбойнического на проезжающих в Черкаской с разных городов людей и Донскаго войска казаков нападения и грабителства»*. И утверждается, что об обидах от этого донского полковника *«<…> оной полковник Черной в прошении своем написал ложно»*.

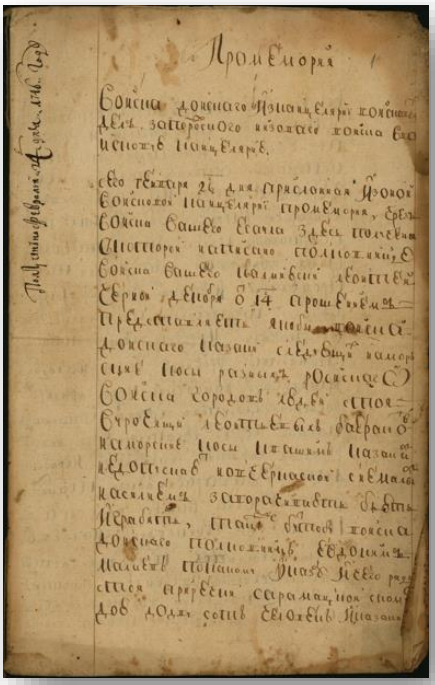


Рис.39. Первый лист донской промемории от 28 января 1746 года

И тут же идет встречный укол. Что, хотя от донцов жалобы на обиды от запорожцев с экстрактом уже и посланы в Сенат, в Военную коллегию и киевскому генералу-губернатору Леонтьеву, но *«для известия Запорожского Низоваго войска войсковой канцелярии — с тех экстрактов точныя копии при сем сообщаютца»*. И продолжается: *«Ис которых, как и оная войсковая канцелярия может усмотреть, коим образом вашего Запорожского Низоваго войска казаки проезжающих к Семеновской ярмонке в Луганскую станицу и обратно едущим в Черкаской войска Донскаго казакам и протчим людям обид и разорения приключено. И что же они, не удовольствуясь тем грабежем, уже под здешния места партиеми умышленно подбегать и не по малому числу лошадей старшинских, казачьих и калмыцких лошадей ис табунов отгонять стали»*. Далее кратко рассказывается о недавних случаях массового угона лошадей у донцов (в том числе и у самого Данилы Ефремова) и погонях Тимофея Грекова и калмыка Захара Иванова. И что среди отбитых лошадей оказалось опознано много, угнанных еще в прошлые разы.

Вторым пунктом говорится о том, что запорожцы *«в противность Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указов»* продолжают плавать на Кубанскую сторону и *«тем к сумнению немалую притчину турецких подданным подали»*. Кратко сообщается о поездках туда Разинкина и Ларионова, а затем и калмыков. И что оба раза там были обнаружены запорожские рыболовы, которых пришлось сгонять.

Тут же донцы не удержались от очень болезненной для Коша шпильки, напомним *«что же ваши старожилы показали ложно, якобы о владении непринадлежащими вам здешними местами имеютца ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указы»* и что кошевому атаману пришлось признать их отсутствие. И, с нескрываемым удовольствием, добавили, что и правительствующему Сенату, и Военной коллегии это хорошо известно из донесений как от Бильса, так и от войска Донского.

По поводу же обвинений со стороны полковника Черного о том, что (в раойне Леонтьевых байраков) донцы насильно заворачивают *«едущих с разных росиских [sic!] городов людей»* в Черкасск и делают им *«немалые обиды»*, то здесь донская войсковая канцелярия с серьезной миной ответила, что о таких случаях она должна сообщать *«куда надлежит»*.

Поэтому она просила, *«чтоб оная [запорожская — LV] канцелярия благоволила вышеписанного Полковника Черного обстоятелно спросить, кто из едущих из росиских [sic!] городов людей на морские косы не пропущен [и] насилно, под неволею, в Черкаской заворочен. И кому какая именно обида приключена – о том канцелярию войсковых дел [войска Донского — LV] писменно уведомить»*. Здесь донцы сознательно пошли на повышение ставок, хорошо понимая, что вряд ли в этом случае они сильно рискуют. Так как если бы местный запорожский полковник Черный об этих происшествиях знал не на уровне слухов, а хоть что-то конкретное, то он сам не преминул бы включить эту информацию в свою первоначальную жалобу.

Завершалась эта донская промемория разъяснением причин, по которым запорожцам было запрещено покупать *«хлеб и нить для рыбных ловель»* в Черкасске. Мы его уже ранее цитировали.

Это послание поступит в Кош только 24 февраля 1746 года. И, похоже, не окажет никакого влияния на последующую прямую переписку между руководством обоих казачьих войск (об этом мы расскажем подробнее позже). А сейчас, наконец, обратим свое внимание на миссию человека, чье имя было вынесено в название данной главы.

Сенатское поручение послать *«доброго офицера»* для расследования жалоб донцов (№8249 от 5 ноября 1745 года) было получено Леонтьевым в Киеве 30 ноября [13, с. 1474]. Для его выполнения он определил поручика Стародубского полка киевского гарнизона Михаила Швыкова. Как показали дальнейшие события, это был очень удачный вабор. Швыков был человеком умным, наблюдательным и здравомыслящим, к тому же (в большинстве случаев) умевшим находить общий язык с обеими конфликтующими сторонами и приводить их к конструктивному сотрудничеству. Единственным (но существенным) его недостатком был очень невысокий чин…

Уже 21 декабря Леонтьев отправил сообщение в Черкасск Даниле Евремову о назначении для этой миссии поручика Швыкова, а 23 декабря рапортовал об этом же в Сенат. Также получили сообщения об этом и в Запорожской Сечи и в крепости святой Анны [13, сс. 1465, 1474-1475]. Сразу подчеркнем, что это совсем не значило, что поручик уже тогда был отправлен в путь к крепости святой Анны (это произойдет только через два месяца!). Как говорилось в письме Ефремову, ко времени приезда Швыкова (дата которого на тот момент, вероятно, еще не была определена) всем задействованным сторонам необходимо было обеспечить личное присутствие пострадавших для участия в опознаниях и очных ставках: *«<…> и донским козакам, и протчим, кому обиды учинены, при том следствии для доказательства быть велено <…>»* [13, сс. 1464-1465]. Надо полагать, что остальные участники этого разбирательства получили тогда похожие инструкции.

Ранее мы уже рассказывали о донской жалобе в Сенат от 31 декабря 1745 года на запорожцев. И хотя в ней Данила Ефремов писал, что аналогичное донесение в Киев уже также было отправлено, в реальности составление сообщения Леонтьеву почему-то несколько задержалось. Оно было подписано в Черкасске только 8 января 1746 года. В Киев

его доставил старшина Ларион Скосырский (один из участников недавних «прений» с запорожцами), это произошло 28 января [13, с. 1464]. Насколько мы можем судить из последующих бумаг, вышедших из киевской губернской канцелярии, письмо Ефремова Леонтьеву было почти полностью идентичным донесению в Сенат (за исключением пропуска «секретных» данных о количестве отправлемых в этом году в разные миссии донцов). И к нему также прилагались экстракты запорожских грабежей (мы их уже рассмотрели).

Киевскому генерал-губернатору Леонтьеву поступление новой жалобы на подведомственных ему запорожцев доставило мало удовольствия. В результате, 10 февраля 1746 года для отправки в Кош был составлен разгромный ордер, в котором Леонтьев устроил кошевому атаману Василию Григорьевичу Сычу жесткий нагоняй. В начале этого документа Леонтьев повторно напоминает Кошу о своем старом поручении от 29 декабря 1744 года (еще прежнему запорожскому кошевому атаману Якиму Игнатовичу) разобраться с прошлыми жалобами донцов, на которые новоизбранный Сыч тогда обещал произвести следствие с *«калмиюским полковником»*. Тем не менее, окончательного ответа по нему киевский генерал-губернатор не дождался и год спустя. Теперь же к этому он дополнительно прибавил и свежую (январскую) *«нестерпимую»* жалобу донцов с ее реестром. Весь ее длинный текст, вместе с выводами по поводу бумаг Репнина и Неплюева, был педантично переписан киевскими канцеляристами в состав этого ордера.

Но Леонтьев на простом копировании донской жалобы не успокоился. И далее генерал-губернатор уже открыто высказал Кошу все, что у него накипело на душе за время его управления запорожцами: *«<…> а понеже де коли [с]толь бесперерывные – как с полскую сторону [со стороны подданных Польской короны — LV], так и от внутренных российских высочайшей Е.И.В. державы подданных – нестерпимые жалобы и несносные претенсии (а [и] не на кого других, как точию на запорожских козаков!) происходить будут, или [если -LV] уже [не будет — LV] и конца таковым жалобам и претенсиям, а запорожским козакам от такова воровства и явного [?] грабительства унижу [снижения, утихомиривания — LV] и искоренения не будет — [то] удивления достойно. Да и не толико удивительно, но и весьма прискорбно суть, ибо вы в действительной находитесь моей команде. А оные [с]толь тяшкие и слезные жалобы и претензии уже и до высочайшаго Е.И.В. двора простираютца! Откуда каковой за таковые (как вам самим видимо – есть безперервные жалобы!) ожидать похвалы [не стоит — LV]. Но не иначе, как только суда Божия и высочайшаго от Е.И.В. гнева ожидать надобно! От которой нестерпимости, ежели Запорожское войско и от сего [предупреждения — LV] не придет [в] чувство, [то] принужден буду доносить к высочайшему Е.И.В. двору з жалобою. Ибо ни от чего иного, как от слабаго вашего и куренных атаманов команды содержания таковые продерзости происходят! А ежели б как вы, так и куренные атаманы команду свою строго содержали, и всегда с прилежанием, и недреманным оком того за ними наблюдали, и виновных злодеев не закрывали [не укрывали — LV] и тяжко их наказывали, а пущих завотчиков по вашим войсковым правам вешали — то бы без сумненно, уповательно, таковые злодейские продерзости и протчие шалости пресечены и вовсе искоренены быть могли».* Оставшуюся часть этих нравоучений опускаем, Леонтьев еще долго не мог остановиться…

В завершение этого письма генерал-губернатор сообщает Кошу, что январские жалобы донцов добавляются к перечню расследуемых Швыковым тем. Ему поручалось вместе с представителями Коша отправиться в крепость святой Анны и там, на месте, разбираться в деталях происшедших досадных событий. Вот что говорилось о задачах этой комиссии: *«<…> никому не норовя ни для чего [не склоняясь ни в какую сторону — LV], но в*

самую сущую правду обще с запорожцами-депутатами исследовать. И по следствии – всего заграбленного с виновных без упущения взыскивать, не приемля в том никаких отговорок, и на обидную [обиженную — LV] сторону отдавать с роспискою. И кто по вторичном следствия виновен явитца – о сыске и о присылке к нему, порутчику, для того следствия в крепость святыя Анны требовать ему от вас [от Коша — LV]». Далее кошевой администрации предписывалось затребованных Швыковым для следствия лиц, не затягивая искуственно дела, оперативно находить и отправлять под конвоем в крепость святой Анны, чтобы пострадавшим не приходилось слишком долго ожидать возмещения убытка.

После этого Кошу еще раз напоминалось о необходимости ответа по запросу от 29 октября 1744 года и повторно приказывалось *«всех находящихся в донских угодьях запорожских козаков выслать <…> и от ныне впредь никого ни для чего ни в какие донские угодья не отпускать, под опасением за слабое вашей команды содержание высочайшего Е.И.В. гнева и тяжкого ответа»* [13, сс. 1465-1469]. Можно только догадываться, насколько неприятно кошевой верхушке было слушать все эти обвинения и поучения. К тому же стало понятно, что предпринятые Кошем попытки как-то завуалировать и скрыть за потоками слов признание неприятного момента с «подтверждающими указами» по Приазовью — полностью провалились!

Вероятно, тогда же в Киеве был составлен и пакет персонально для руководителя следствия поручика Швыкова. В котором ему передавалась копия со свежеполученного донского экстракта и приказывалось добавить и эти происшествия в задачи для его следствия (об этом документе известны только упоминания [13, с. 1464]).

Судя по одному месту в этом ордере Леонтьева, поручик Швыков на тот момент, возможно, пребывал в Сечи (в Новосеченском ретраншементе, где стоял русский гарнизон?): *«<…> по посланному ныне ко обретающемуся в Запорожской Сечи отправленному <…> в крепость св. Анны для следствия <…> киевского гарнизона порутчику Швыкову <…>»* [13, с. 1468]. Но там канцеляристы настолько все закрутили в тексте, что такая расшифровка не представляется вполне надежной.

Еще через неделю, 17 февраля, Леонтьев написал, в очень теплой форме, ответное письмо Ефремову, где сообщил об отданных им по этому поводу поручениях запорожскому кошевому атаману и поручику Швыкову. Также он просил Ефремова, со своей стороны, обеспечить своевременную доставку на следствие требующихся людей от войска Донского. К этому письму прилагалась копия с «разгромного» ордера, отправленного из Киева в Кош [13, сс. 1464-1465, 1465-1469]. Копии с этих документов донцы потом также передадут в Сенат.

В одном из более поздних документов Леонтьев прямо говорит, что этот пакет для Ефремова он отдал все тому же донскому старшине Скосырскому: *«<…> о чем к нему, войсковому атаману, для ведома того ж февраля 17 дня с ним, с Косырским, от меня писано»* [13, с. 1479]. Надо полагать, что все это время тот провел в ожидании ответа в Киеве. На обратном пути Скосырский, скорей всего, ехал в объезд буйных Запорожских Вольностей, через Бахмутчину и северное Примиусье. Судя по времени, которое понадобилось для попадания в Черкасск доверенному ему пакету (о его получении донцы отчитаются только 21 марта!), Скосырский на обратном пути особо не торопился и лошадей не гнал. Путь в

Киев у него занял 20 дней, а обратный – 32 дня. Возможно, Леонтьев ему сказал, что рассмотрение Швыковым донской жалобы начнется только после окончания следствия по первой жалобе азовцев? Почему Скосырский и не видел смысла спешить? Или, возможно, в дороге его просто что-то задержало?

Маршрут обратного пути Скосырского в документах не отражен. Автор даже рассматривал версию, что этот донской старшина (уже имевший опыт «прений» с запорожцами прошлой осенью) был определен Черкасском в качестве своего уполномоченного на ожидавшемся следствии. И что поэтому, получив ответ Леонтьева, Скосырский отправился на встречу со Швыковым на Сечь. Но не застал поручика там, а догнал его уже на Еланчике. Но эта схема оказалась слишком сложной и особо ничего нашему рассказу не давала, поэтому автор от нее в конечном итоге отказался.

А в Сечи тогда тоже готовились к следствию. Напомним, что на тот момент в задачах у Швыкова была только копия жалобы из крепости св. Анны на весенние происшествия, случившиеся во времена пребывания в Приазовье запорожского полковника Постерняка. То есть наш поручик был первоначально отправлен расследовать не вообще весь беспредел, случившийся в наших краях начиная с зимы 1743 года, а только четко очерченный перечень вопросов. И, похоже, что у кошевого атамана Василия Сыча осталось о Швыкове вполне благоприятное впечатление. Что самым положительным образом сказывалось потом долгое время на достаточно плодотворном сотрудничестве Коша с данным следствием.

Какой-либо активности Коша по занятию более удобной оборонительной позиции для их войска на предстоящем следствии — на тот момент (середина февраля) еще не заметно. Похоже, что Сыч на самом деле был тогда настроен перевернуть эту, не самую красивую для войска Запорожского Низового, страницу его истории. Тем более, что у него был прямой источник сведений о тех событиях, в лице новоизбранного войскового писаря Алексея Петруши. И, вероятно, он знал, что у Постерняка и Лаштабеги на самом деле было «рыльце в пушку». Похоже, в Коше молчаливо согласились отдать этих двух персонажей «на съедение». Что, правда, не очень устраивало Петрушу, так как могло выйти боком лично для него. Скорей всего, именно он проинструктировал своих бывших полковника и есаула, чтобы те взяли с собой только особо доверенных людей и детально отработали с ними «легенду». А также предупредил, чтобы они старались называть поменьше имен других казаков, чтобы следствие не могло запросить новых, «неподготовленных» свидетелей.

Главой запорожской делегации был назначен знатный казак Марк Кондратьевич Кажан (он же Марко Кожан, Марк Кондратов). В документах о несколько более поздних событиях будут мелькать имена еще нескольких запорожских делегатов (об этом позже).

Марк Кондратович Кажан (или Кожан, Незамаевского куреня). Участник русско-турецкой войны 1736 – 1739 годов. Он упоминается в некоторых списках «Истории о казаках Запорожского» инженер-подпоручика князя С.И. Мышецкого (находившегося при Запорожской Сечи с 1736 по 1740 год). Так, в Сахаровском списке, при перечислении всех запорожских куреней, к Незамаевскому куреню содержится такая приписка: *«Во оном живет их Козацкой Полковник, Марко Кажан, которой во многих военных случаях свою храбрость оказал»* [36]. В адресованном Марку Кажану *«открытом листе»*, направленном от кошевого атамана Якима Игнатовича Малого 27 сентября 1743 года (по поводу

устроенного татарами при Казикермене нового перевоза через Днепр) он называется *«знатным войска нашего Запорожского Низового товарищем»*. Там же упоминается и его зимовник на Каменке (правый приток Днепра, на тогдашней границе с Турцией). В недалеком будущем, в 1-й половине 1748 года он будет занимать должность кошевого атамана войска Запорожского Низового. В реестре войска Запорожского, составление которого закончится в марте 1756 года, Марк Кажан будет записан во все том же Незамаевском курене, вторым по счету после куренного атамана. А вот в перечнях казаков, давших присягу новому императору Петру III в начале 1762 года – его имя уже упоминается не будет [37]. Вероятно, к тому времени он уже или умрет, или вернется на старость в Малороссию.

Некоторые историки отождествляют этого человека с Марком Кондратовичем Усом (вероятно, Калниболоцкого куреня), который во второй половине 1747 года будет кальмиусским полковником. Но, как убедительно показала Т.Л. Кузик, это два разных человека [38].

Швыков, ничего не знал о событиях в Киеве. Похоже, он уехал с Сечи незадолго до того, как туда было доставлено послание от киевского генерал-губернатора. Так что пакет для Швыкова (и, вероятно, сообщение из Коша для ведома главы запорожской делегации Марка Кажана) сечевому руководству пришлось отправлять уже вдогонку за ними.

Новая корреспонденция догнала Швыкова и сопровождавших его запорожцев только в Еланчицкой паланке, где те отдыхали от долгого пути. Ознакомившись здесь с ордером от Леонтьева, Швыков узнал, что его задачи на следствии теперь расширены еще и на донскую жалобу. Но, к его сожалению, в донском сообщении было прямо указано только несколько имен запорожцев (по происшествиям первой половины 1744 года). И наш поручик решил дополнительно затребовать от Коша присылки указанных людей на следствие. 5 марта Швыков, находясь на Еланчике, составил ответный рапорт в Киев с подтверждением получения дополнительного задания и с докладом об уже предпринятых им мерах. После того, как он его закончил и запечатал в конверт, он написал еще и письмо кошевому атаману Василию Григорьевичу — *«требование о нужнейшем деле»* [12, сс. 606-607]. И, судя по его тону, у Швыкова еще не было особого опыта переписки со столь высоким начальством.

В начале своего письма в Кош Швыков ссылался на сенатский указ о следствии, на полученные им указы из киевской генерал-губернаторской канцелярии и на *«предложение»*, полученное в Коше от Леонтьева (это тот самый «разгромный» ордер). После чего сообщал кошевому атаману, что теперь ему поручено еще и *«о произшедших в 744-м и в протчих годех донским казакам и калмыкам в бытность Войска Запорожского полковника Ивана Андреева Ступакова команды ево от козаков обидах и грабительствах произвесть вторичное [т.е. «второе, новое, дополнительное» — LV] следствие»*. И он просил Василия Григорьевича Сыча как можно скорее прислать под конвоем в крепость святой Анны самого Ступака, а также казаков Сенчука, Щербину, Моисея и Яцко *«и протчих»* (всех их Швыков считал относившимися к команде данного полковника). Поручик догадывался, что приведенной им информации по рядовым казакам явно недостаточно для их идентификации и доставки к следствию. Поэтому Швыков начал излагать кошевому свои (наивные) мысли по этому поводу: *«ибо команды ево, Ступака, козаки хотя и не все именами показаны, однако он, полковник, их именами знать должен»*. А также выражал надежду, что упомянутый Сенчук и его товарищи могут опознать в лицо других участников грабежа,

«и егда одного об{ъ]явит или признает, и, в таком случае, один другова покажет, почему, несумненно, и всех сыскат[ь] не трудно [будет – LV]». А дальше Швыков демонстрирует свою потрясающую неосведомленность о запорожских порядках, записав следующее: *«А особливо вашему высокоблагородию с товариством знать [их — LV] доволно можно, понеже оныя в команде ваш[ей] находятца и без ведома вашего никто никуда в команды не посылаетца, ибо то суть команда ваша»*. Поручик просил кошевого атамана о присылке Ступака и четырех прочих казаков *«всячески приложить свое старание, дабы в сочинении оного следствия, чрез излишния переписки, а паче за далним разстоянием и за нескорою присылкою не учинилось остановки, ибо вашему высокоблагородию уже известно, что того следствия, по силе ея императорскаго величества указу, требуется весма строго»*.

Также для Швыкова стало неприятной неожиданностью то, что Кош так и не прислал на следствие некоего *«писаря Алексея»*. Почти наверняка это наш Алексей Петруша (Сокур), имя которого многократно упоминается рядом с именами Постерняка и Лаштабеги в первом из дел, которые должны были тогда расследоваться. По всей видимости, Петруша обещал Швыкову, что приедет на Дон вслед за ним (иначе поручик взял бы с него показания еще в Коше). Но, в итоге, войсковому писарю не составило большого труда убедить кошевого атамана, что надолго отправлять его на следствие нельзя и что на Сечи он принесет пользы больше (о его дальнейших действиях там мы еще расскажем). Так что Петруше удалось в этот раз избежать сомнительного удовольствия участия в этом действии.

У Швыкова на тот момент еще не было прямого канала связи ни с Киевом, ни с Сечью. Но кто-то из находящихся на Еланчике казаков планировал ехать в Кодак. Поручик воспользовался этой оказией, чтобы через Кодак передать свое послание кошевому. В своем послании кошевому атаману Швыков просил того проследить, чтобы рапорт поручика с Сечи был потом доставлен в Кременчуг (для последующей пересылки в Киев). И, не надеясь на скорое получение себе ответа из киевской канцелярии, отдельно просил кошевого: *«<…> о писаре же Алексее, какая ис Киева о непосылке ево со мною к следствию последует ре[зо]люция, меня уведомить»*. В Кош письмо Швыкова попадет 18 марта.

Поручик Швыков вместе с запорожскими делегатами прибыл в крепость святой Анны только 20 марта 1746 года [13, с. 1475]. С собой на нижний Дон он привез с собой свою инструкцию и два требующих расследования «экстракта» дел – по жалобам азовских казаков и донцов. К тому времени здесь собрались и другие первоначально задействованные в следствии лица. На следующий день, 21 марта, Черкасск отчитался Леонтьеву о получении его письма от 17 февраля. Вероятно, это домой вернулся и Скосырский.

Не совсем понятно, почему Швыкову понадобилось целых 15 дней, чтобы преодолеть 130 верст, разделявших Средний Еланчик и крепость святой Анны. Проводил ли он какое-то предварительное расследование на местности? Расслаблялся с горячительным в казацкой компании? Может, просто болел? Подробностей мы не знаем…

Примерно 20 февраля (расчетная дата), как уже говорилось, в Коше были получены из Киева копии с донской жалобы, включаемой теперь в задачи следствия, а также грозный ордер от Леонтьева на эту тему. Кошевой верхушке стало ясно, что «малой кровью» это дело уже не закончится. И что продолжать пытаться отсиживаться в глухой обороне – это путь к однозначному проигрышу этого дела. Теперь престиж войска Запорожского Низового мог спасти только неожиданный ход, переход к «наступательной» тактике на следствии.

И вот тут как раз и пригодились организаторские таланты войскового писаря Андрея Петруши. В кратчайшие сроки он развил бурную деятельность. Чего ему это стоило – по потраченным нервам и скинутым килограммам живого веса – мы уже вряд ли узнаем. Но меньше, чем за две недели он успел подготовить встречную запорожскую жалобу на донцов. И если по событиям осени прошлого года у него в распоряжении был небольшой «экстракт», составленный кальмиусским полковником Черным 28 ноября 1745 года, то по более глобальным событиям сгона запорожцев донцами осенью 1743 года – ему пришлось выкручиваться самому. Как уже говорилось, сомнительно, чтобы такой «экстракт» хранился в готовом виде еще с 1743 года и при этом за два с лишним года ни разу не использовался Кошем. К тому же, недавно уехавший с Сечи поручик Швыков про него ничего еще не знал. Но, возможно, какие-то наброски такого списка пострадавших, предварительные и неполные, уже существовали. Если это так, то задача Петруши несколько облегчалась. Скорей всего, он также произвел экспресс-опрос казаков в районе Сечи, фиксируя дополнительные случаи обид от донцов как по осеннему сгону 1743 года, так и любых других. Конечно, еще некоторая часть таких казаков тогда находилась в Приазовье (даже в это зимнее время) и потому скорей всего осталась «неохваченной». Времени на переписку с тамошней паланкой, учитывая срочность и критичность этого дела, у Петруши уже совсем не было. Поэтому этот большой экстракт он завершал уже цитировавшейся фразой: *«Да сверх всей вышеписанной претенсии упоминаемаго войска Донского при старшинах присланною командою и многи несчисленные обиды и грабительства неприятельским образом починены, чего — яко за толь нечаянным нападением, грабежом и сжением — от единого страха и упомнить всего некак возможно»*.

Так что экстракт 1743 года Петруша, похоже, сформировал задним числом, добавив туда и более поздние случаи. Не избег какого-то редактирования с его стороны и реестр 1745 года. Следы этого редактирования, как уже указывалось ранее, хорошо заметны в обоих экстрактах. Данные из них мы уже использовали в соответствующих главах нашей книги, поэтому повторно их содержание анализировать не будем. В конечном итоге, свою задачу – натянуть в них как можно большую сумму – Петруша выполнить сумел. В сумме по обоим экстрактам у него получилось почти 5,4 тысячи рублей [13, сс. 1569-1577, 1577-1578]. Что было огромной по тем временам суммой и, как мы помним, намного превышало годовое жалованье войску Запорожскому Низовому. Он заверил эти экстракты своей подписью: *«У подлинного экстракта подписано по листам тако: войска Запорожского Низового войсковой писарь Алексей Петруша»*. 3 марта копии с них, с сопроводительным письмом от имени кошевого атамана, были отправлены из Коша в Киев Леонтьеву и на нижний Дон

поручику Швыкову. Последнему эти документы были доставлены *«чрез нарочно присланного из Еланчицкой поланки писаря»* [12, сс. 605-606].

Швыков получил это сообщение 19 марта. У него не было полномочий для принятия решения о том, включать ли еще и эту жалобу в темы расследования. Поэтому 20 марта он составил соответствующий рапорт Леонтьеву и приложил к нему копии поступивших из Коша документов. Тогда же он написал и ответное сообщение кошевому атаману. Хорошо заметно, что для Швыкова новая жалоба стала полной неожиданностью, этот вопрос с ним на Сечи явно не обсуждался. Швыков сообщал Сычу о направлении им этого рапорта и копий с документов Леонтьеву, для принятия решения. И обещал потом сообщить кошевому атаману о полученной по этому запросу резолюции. Также Швыков осторожно предложил Сычу: *«Однако ж, по моему мнению, с приложением таковых же копеи [копий — LV], каковы и ко мне присланы, должно и вам особливо от себя к его высокопревосходителству [Леонтьеву- LV] писать, и при том м[и]л[о]сти просить, чтоб оное следствие велено было учинть в Сече, дабы запорожским козакам излишней далней волокиты и затруднения произоитит [произойти — LV] не могло».* Возможно, Швыкова уже начала напрягать мысль о еще большем расширении порученных ему задач? И, давая такой совет, он мог втайне надеяться, что следствие на Сечи поручат какому-то другому бедолаге, а не ему? Один экземпляр пакета со своим рапортом Леонтьеву Швыков направлял на Сечь и просил кошевого атамана обеспечить его доставку с нарочным казаком до Кременчуга. При этом тут же уточняя: *«<…> а не отвезен будет, меня при случаи времени прошу уведомит[ь]»*. Судя по этому уточнению, можно предположить, что был еще и второй пакет с копией рапорта, который Швыков тоже отправил в Киев, но посредством обычных линий связи крепости святой Анны. Поэтому ему было не очень критично, если бы первая копия пакета не дошла до Киева.

Также Швыков повторно требовал от Сыча присылки *«бывшего полковника Ступака и с командою»*, о которых он ранее писал в Кош с Еланчика. И, уже после подписания этого письма, поручику пришлось дописать еще и постскриптум. В нем он потребовал срочной присылки к следствию казаков из команды бывшего полковника Постернякова – Петра Милова (Малова/Малого), Грицка Литвина, Алексея Долгого, Марка Шульгу и подписка Андрея Шапрана [12, сс. 605-606]. Это уже пошли результаты первых допросов Постерняка, все эти люди упоминаются в протоколе его допроса. Причем к ним никакого криминала не предъявлялось. Они вызывались как свидетели, которые могут пролить больше света на все те события.

Один странный момент. В своем письме кошевому от 20 марта Швыков дважды упоминает, что вместе с запорожской жалобой к нему поступили копии *«с экстракта и с реэстра»* [12, сс. 605-606]. Но соответствующие документы, которые отложились в сенатском деле, в публикации Яворницкого оба озаглавлены как «экстракты» [13, сс. 1562, 1569]. Также и в пересказе донской промемории, поступившей на Сечь 14 апреля 1746 года, меньший из документов (о конфискации запорожских грузов на донской заставе осенью 1745 года) упоминается как *«екстракт»* [СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.21, л.1]. То есть, или в публикации Яворницкого больший из этих двух документов назван «экстрактом» ошибочно, или же в разных копиях этого документа, рассылавшихся тогда из Сечи, он назывался то реестром, то экстрактом. Но речь здесь явно идет об одном и том же документе.

Швыков не мог знать, что, Кошу были не особо нужны его советы, так как аналогичную копию запорожской жалобы отправили не только ему, но и сразу в Киев. Туда она поступила 25 марта, всего на шесть дней позже, чем Швыкову. То есть из Сечи оба эти пакета были посланы одновременно. Леонтьев тут же переслал полученную им из Коша жалобу, вместе со своей резолюцией, Швыкову. Она составила третье дело, порученное ему для расследования [13, с. 1475].

Леонтьев и январскую жалобу донцов, и мартовскую запорожцев — одинаково характеризовал как *«несносные»*. И действительно, с точки зрения верховных властей – подобные распри и открытый криминал между двумя казачьими войсками были недопустимы!

Прибыв в крепость святой Анны, поручик Швыков организовал работу следственной комиссии, пока по разбору только первого из врученных ему экстрактов (по жалобе Азовского казачьего полка на действия запорожского полковника Постерняка). Ему помогали делегаты — прапорщик Козловского полка Мартемьян Теглев от крепости святой Анны и уже упоминавшийся старшина Марк Кажан *«с товарищи»* от войска Запорожского. Под последними имелись в виду запорожские старшины Лаврин Афонасьев, Петр Иванов (единственный грамотный из них) и Терентий Григорьевич Чернец, Стеблеевского куреня (он же Терентий Григорьев, а в некоторых документах – ошибочно Лаврентий Григорьев). Последний незадолго до того занимал пост самарского полковника (по поводу чего вскоре сам попадет под следствие) [13, сс. 1548, 1584, 1645].

По мнению некоторых историков, делегатом от войска Донского на следствии Швыкова был сын войскового атамана — Степан Данилович Ефремов, но в просмотренных автором документах это никак не отражено. По мнению автора книги, своим представителем на следствии Черкасск, скорее всего, определил старшину Скосырского (с чем и была связана посылка именно его в Киев). Но так как до рассмотрения донской и встречной запорожской жалоб руки у Швыкова так и не дойдут (о чем мы еще расскажем), то потребности в представителе войска Донского тогда так и не возникло.

Если поручик Швыков еще поначалу надеялся, что у него получится закончить порученное следствие эффективно и быстро, то уже скоро ему пришлось убедиться, что так просто все не будет. Уже примерно через неделю или две после начала следствия произошел очень некрасивый случай. Тогда донской войсковой атаман Данила Ефремов пригласил Швыкова и Кажана с другими запорожскими депутатами *«к себе на кушания»* (вероятно, в Черкасск). Потом запорожцы будут датировать это приглашение 24 марта. Но это, скорей всего ошибка, так как указанная дата в 1746 году попадает на понедельник, начало Страстной недели. Это последняя (перед Пасхой) неделя Великого поста, с особо строгими ограничениями в еде. Это явно было не самое удобное время для такого застолья. Поэтому более вероятно, что это произошло днем ранее, 23 марта, в праздник Входа Господня в Иерусалим (он же – Вербное воскресенье). В этот день постящимся допускаются некоторые послабления, в частности можно есть любые виды постной еды (в том числе и рыбу) и допус-

кается употребить чарочку вина. При этом Церковь подчеркивает, что «Вино дается постящимся исключительно для поддержания сил, а не для веселья и невоздержанности». Но, похоже, что в этот раз хлебосольный хозяин застолья одной рюмочкой себя не ограничил…

Невзирая на светлый праздник, приятного общения не получилось. Разговор быстро перешел на взаимные претензии. Тогда Ефремов-старший, не стесняясь никого из присутствующих на обеде, заявил Кажану: *«в глаза говорил, что де отправлю не малие команди и так всех войска Запорожскаго Низового козаков с приморских кос и других волностей насильне согнать, яко и строение вторично сожещи [сжечь — LV] приказать намеревает»*. А когда гости уже возвращались обратно в крепость святой Анны, то Ефремов специально подъехал к главе запорожской делегации и обещал: *«ежели де где поимаю, [то] и самого атамана кошового повесить похвалялся»* [13, сс. 1579-1580]. Скорей всего Данила Ефремов к тому времени уже был изрядно накушавшийся, на трезвую голову такие вещи обычно не говорят. У свидетелей с запорожской стороны, понятное дело, такое обращение не могло вызвать хорошего настроения. Естественно, они отправили в Кош кляузу о таких обидных словах донского предводителя. Но вряд ли они тогда сами их восприняли всерьез.

Тем не менее, невзирая на этот прискорбный инцидент, надо сказать, что первое время работа следственной комиссии Швыкова пошла очень эффективно, так как все стороны этих происшествий (включая и Кош) с пониманием реагировали на запросы комиссии и довольно оперативно доставляли сюда запрошенных лиц. На этом этапе случаи отказов в присылке были очень редки и, обычно, обоснованны. Так что, после проведенных допросов и очных ставок, обстоятельства по первому эпизоду стали быстро проясняться. На этом мы пока оставим нашего поручика и его коллег-делегатов и рассмотрим еще небольшой сюжет по запорожско-донской прямой переписке того периода, фрагменты которой удалось обнаружить автору.

Примерно в 20-х числах марта в войско Донское поступила какая-то промемория напрямую из Коша. Про нее автору мало что известно, кроме того, что к ней прилагался экстракт по жалобе еланчицкого полковника Черного на действия донской заставы на Миусе осенью 1745 года. То есть, это точно не была реакция на донскую промеморию от 28 января, поступившую на Сечь только 24 марта. По мнению автора книги, скорей всего, эта новая запорожская промемория содержала, для сведения руководства войска Донского, еще один экземпляр запорожской жалобы на донцов, вместе с прилагавшимися к ней обоими экстрактами. Тогда она, вероятно, поступила одновременно с аналогичной промеморией Коша к Швыкову, то есть тоже 19 марта. И тогда гнев Данилы Ефремова на запорожцев на званом ужине у него дома, получает некоторое психологическое обоснование. Он явно считал бóльшую часть новых запорожских претензий откровенной выдумкой и клеветой. Хотя, разумеется, это нисколько его не оправдывает. Все-таки, руководитель такого уровня должен лучше держать свои эмоции под контролем.

Составление ответной донской промемории должно было примерно совпадать с датой того злополучного ужина (плюс-минус несколько дней). В ее первом пункте говорилось (в последующем пересказе запорожцев): *«В едущих де из Черкаска козаков Запорожского*

войска, кои пешия заверненни были в Черкаск, ржаной муки четири бочки и восемь четвертей, да пшона два кули взято , а не столько де, яко в Екстракте написанно. Да и то де по той причине, что з ониими крепости св[я]тыя Анны купцов без пашпортов с ними ехало и везли воровски, якоби под их укривательством, не платя казенной пошлинны, куфу[1] вина и другие товары».

Были там и еще какие-то встречные претензии донцов, и не факт, что выраженные очень дипломатично. Там, в частности, выражались сомнения и в других пунктах запорожских претензий: *«Оноя ж Донского войска войсковая Канцеллярия Екстракту и протчему не верит <…>»*. Причем это каким-то хитрым способом подвязывалось донскими канцеляристами к обвинению запорожского войскового атамана Сыча в каких-то неправедных доходах. Что, якобы позволяло ему приглашать к себе на обеды по двадцать и более казаков и угощать их из золотой посуды и чаш. Что точно было попыткой удара ниже пояса и дурным тоном в деловой переписке. Но, видно, нервы у донцов уже не выдерживали.

В прямой переписке между Донским и Запорожским Низовым войсками действовали некоторые устоявшиеся за пару веков традиции делопроизводства. Так, в выходящих тогда из Коша документах войсковые писари продолжали записывать под заверяемыми документами полный титул своих (неграмотных) войсковых атаманов и не забывали дописывать традиционное *«с товариством»*. В отличие от этого, Данила Ефремов тогда значительно упростил этот формуляр. И в обеих известных нам промемориях в Кош от 1746 года он просто самолично прописывал под текстом свои имя и фамилию, обходясь без остальных формальностей. Видимо, он полагал, что его корреспондентам и так все будет понятно, и вообще, личная подпись самого войскового атамана – это как учтивый знак собеседнику. Но он не учел, что запорожцы тогда до понимания такого «демократизма» еще не доросли…

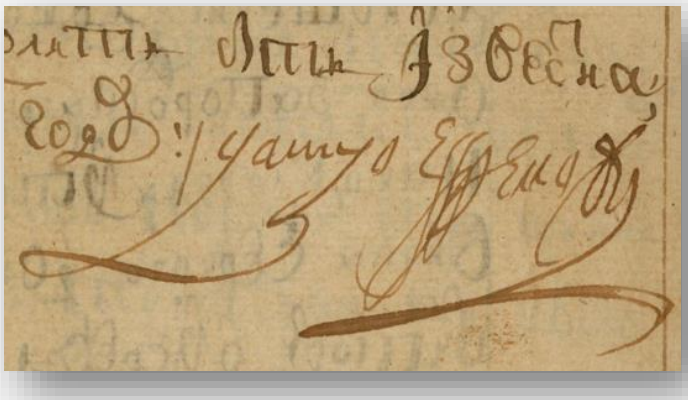


Рис.40. Образец личной подписи Д. Ефремова на промемории в Кош от 28.01.1746.

14 апреля донская промемория попала на Сечь. И от ее содержания, а также из-за недавно поступившего сообщения запорожских делегатов об угрозах Ефремова повторно изгнать запорожцев и повесить самого кошевого атамана, в Коше пришли в крайнее возмущение. Там натурально «сорвало крышу». В результате кто-то из войсковых канцеляристов (почерк, вроде бы, не Петруши) уже на следующий день подготовил проект ответа в Черкасск. От него сохранился черновик, очень неразборчиво написанный, с массой зачеркиваний и добавок. Судя по обилию правок, его потом еще и коллективно обсуждали. Из-за

[1] Куфа – 40-ведерная бочка

этого многие места в нем у автора расшифровать не получилось. Но и того, что удалось прочитать, вполне хватает, чтобы понять, что дипломатичность и хорошие манеры в нем заканчиваются на уровне «шапки» документа, где написано кому и от кого написано. Остальная часть этого документа по стилю ближе всего к легендарному «Письму запорожцев турецкому султану». И это на Сечи еще не успели узнать о том, что как раз в это время уже происходило в Северном Приазовье (об этом мы расскажем в следующей главе)! А то эта промемория, боюсь, вышла бы еще более грязной…

В первом пункте этого документа сначала кратко пересказываются донские пояснения по поводу инцидента на заставе. Что и реквизировали у запорожцев значительно меньше, чем написали запорожцы. И что основной причиной таких действий было то, что вместе с этими запорожцами ехали беспаспортные купцы-контрабандисты из крепости св. Анны (мы выше этот фрагмент уже цитировали). На что запорожский канцелярист парировал: *«Но понеже, егда купцы с купцами сойдутца на пути, то един другого уповательно укривать не может. А хотя бы который и без пашпорта ехал, воровски, не уплатя пошлины, проехал — то только того должно арестовать, а не других»*. И заканчивался этот пункт нелицеприятным выводом о причинах таких действий донцов: *«Но суть великая злоба и неистовство напрасное комендира [sic!] Донского войска состоит»*.

Вторым пунктом запорожцы придрались к тому, что Ефремов в своих последних промемориях в Кош подписывался просто именем и фамилией, без прописания своей должности и прочих традиционных в этом месте фраз. В чем запорожцы усмотрели чуть ли не государственную измену в виде пренебрежения к Богу и к монаршей милости, давших Ефремову его высокий чин: *«А что же де на промемории подписанно тако: «Данило Ефремов», а какой на нем ранг: Атаман ли, Полковник, Старшина или рядовой козак – не писано де. Да якоби и другие неправильние резони написанни. А понеже де по имянному ЕЯ И.В-а указу в войско Донское в войсковие Атамани Данило Ефремов з давних лет пожалован, да на отписьнех деи доношениях в правительствующий сенат и в другие места только такова подпись не бивает: «Данило Ефремов». И по тому видимо, что он, Ефремов, дарованную от б[о]га и от ЕЯ И.В-а високую милость [?] ни во что вменяет, и знать не довольствуется, счисляя себе чрез едину спесь и високо превосходительним от прочиих. Умные же того не делают, но только к подкомандним тако на делах подписуют»*.

В следующем пункте с жаром отрицаются донские намеки на роскошные пиры у запорожского кошевого атамана. В ответ сообщается, что у того, помимо *«ваганков*[2] *и деревянных чаш»*, другой посуды едва ли на 20 рублей сыщется. И что по двадцать гостей к атаману не приглашаются, *«но разве в четырох или в десяти посадят»*. Из чего делался вывод: *«И потому есть видно, что здавна Атаман Ефремов тих ваганков и чаш не бачивши [?], что ведает и по убожеству [?] Запорожского войска. Что изволила оная донская Канцелярия писать – суть туне*[3] *и напрасно, чрез единое свое нечувствие»*[4]. И завершается этот пункт советом донскому войсковому атаману не совать свой нос в чужие дела: *«А мы, Запорожское войско, златом и сребром его, Атамана Ефремова, не довольствуемся. Да и он, атаман, в войску Запорожском скарбу [имущества, сокровищ — LV] не исчислял. Також и войско Запорожское скарбу Донского не исчисляло ж, но довольствуется милостью б[о]жиею и ЕЯ Им.В-а, да особливо чрез заслуги так и у ЕЯ И.В-а, яко и во всем*

[2] Ваганок – небольшая деревянная тарелка у запорожцев.

[3] Туне – тщетно, попусту.

[4] Здесь было зачеркнуто окончание предложения «и глупость».

г[о]с[у]д[а]рстве явно есть [?]».

Фраза из зачеркнутой части третьего пункта этой промемории, про свое войско Запорожское Низовое: *«и на ввесь [sic!] свет славою светит [?] и, хотя якоби злата и сребра нет, блистает»*. Да, с самомнением у запорожцев всегда было все в порядке.))

В четвертом пункте Кош, не вникая, решительным взмахом отметает остальные претензии донцов к своим казакам, относя их решение к деятельности следственной комиссии Швыкова: *«Другие же неправильние резони не приняти. А хотя би и правильни они били, то на то по височайшим ЕЯ Им-ва В-а указам Коммессия производится»*. И тут же делается встречный укол. Что Кошу так и не пояснили, *«по каким указам или определениям»* ватаги к войску Запорожскому не пропускались и продолжают не пропускаться, а разворачиваются в Черкасск. И снова насточчиво потребовал от донцов: *«Чего войсковая канцелярия [?] да изволить прекратить [?], ибо то напрасно делается»*. Здесь, скорей всего, речь опять шла о случаях в Леонтьевых буераках, которые упоминались в декабрьской жалобе еланчицкого полковника Черного. И по которым донская канцелярия войсковых дел еще 28 января давала свои пояснения и встречно запрашивала у Коша хоть какую-то конкретику. Что косвенно свидетельствует в пользу того, что эту донскую промеморию в Коше получить еще не успели.

И, наконец, пятый пункт запорожской промемории целиком посвящался оскорблению, нанесенному Ефремовым лично кошевому атаману Василию Григорьевичу Сычу. По поводу обещания его повесить – запорожцы сообщали в ответ, что их кошевой атаман такой кары от императрицы точно не заслужил. И, в свою очередь, желали то же самое испытать на себе руководителю донцов: *«Но разве ежели он [Ефремов — LV] тоей чести заслужил, то пусть верв[и]е [веревку — LV] сам на себе то и да увидет!»*. И обещали об этом оскорблении *«куда надлежит представить»*. Здесь в зачеркнутых фразах и предложениях содержалось еще несколько подобных пожеланий Ефремову.

Хочется надеяться, что окончательный вариант этой промемории, который ушел в Черкасск, все-таки был составлен более «политкорректно», чем ее черновик.

В следующей главе мы опять вернемся в начало апреля, чтобы рассмотреть еще один кризисный момент, случившийся в наших краях. На этот раз – инициатива будет исходить от донцов. Как вскоре выяснится, пьяный войсковой атаман войска Донского в тот раз говорил именно то, о чем на самом деле думал…

Попутно еще немного отвлечемся, чтобы уже окончательно закончить тему о борьбе старшины войска Запорожского Низового за увеличение ежегодного денежного жалованья. Расскажем еще немного.

В 1746 году запорожскую делегацию «столичников» возглавлял полковник Кирило Данилов, писарем был Андрей Иосифович Шапран, а есаулом – невезучий Давид Черный (из-за недоработки киевской канцелярии в Петербурге ему выдали жалованье не как есаулу, а как рядовому члену делегации) [13, сс.

1499-1500, 1509-1510, 1513]. Результат эксперимента с «двухгодичным» жалованьем, по всей видимости, Кошем был признан неудовлетворительным, поэтому от него отказались. В дальнейшем делегации за жалованьем будут стараться отправлять ежегодно. Из бывших «приазовцев», помимо Андрея Шапрана можно указать еще одного члена делегации – Иосифа (Осипа) Барана [13, с. 1501]. В перечне запорожских просьб этого года про донцов ничего не говорилось, зато не забыли снова попросить о прибавке жалованья войску [13, сс. 1500-1502]. Раз вариант с добавочным жалованьем персонально для старшины Сенат упорно заворачивал, то Кош решил подойти к этому с другой стороны. И во втором пункте своих просьб они писали уже о прибавке жалованья на войско в целом (а там и старшине при разделе что-то бы перепало): *«Ныне по всесилной всевышняго Творца и вашего и-го в-а превысочайшой власти и милости всеподданнейшое вашего и-го в-а войско [Запорожское — LV] начало в наличность [т.е. в численности — LV] прибавлятся, а жалование так хлебное, яко и денежное против древних годов умалено; о чем всеподданнейше в.и.в., яко верно присяжные рабы, просим прыбавочным [т.е. добавочным — LV] всемилостивейшим в.и.в. хлебным и денежным жалованием, яко и протчих в.и.в. верно подданных матерски [матерински — LV] не оставить»*. Но Сенат и на эту просьбу вновь ответил отрицательно [13, сс. 1499-1516].

В следующем 1747 году во главе запорожской делегации были полковник Григорий Яковлев, писарь Андрей Иосифов (вероятно, опять Шапран) и есаул Максим Никитов [13, с. 1676]. В перечне запорожских просьб этого года ни про повышение жалованья, ни про донцов не упоминалось [13, сс. 1674-1676]. То же самое можно сказать и о наказе запорожской делегации 1748 года (полковник Роман Николаев, писарь Артем Василиев, есаул Савка Яковлев) [13, сс. 1682-1688].

В 1749 году делегация (полковник Самуил Чекерес, писарь Анисим Кривицкий, есаул Тимофей Калницкий) доехала лишь до Москвы, где, видимо, в ту пору находился двор государыни. К сожалению, в сборнике Яворницкого по ней выборочно приведено лишь несколько документов, да и то, в кратком пересказе. Упоминается там и оригинал запорожской просьбы, но ее текст никак не приводится [13, сс. 1696-1698]. Поэтому чего просили и чего смогли добиться запорожцы тогда – осталось неизвестным.

Еще меньше подробностей приводится по получению войском Запорожским Низовым жалованья за 1750 год. Кош дважды просил пропустить его делегацию в Санкт-Петербург. Но по какой-то причине она, похоже, так и не была туда пропущена[5]. А денежное содержание войску Сенат предписал выделить не в одной из столиц, а из средств южных провинций: *«<…> на нынешней 1750 год жалованье денежное 4660 рублев штатс-канторе немедленно выдать и осигновать оное по близости тамошних мест из наличных денег, какие где сыскатца могут»*. Деньги были централизованно доставлены в Кош 30 июля 1750 года [13, сс. 1698-1701].

В дальнейшем запорожцы снова начнут просить прибавки денежного и прочего жалованья войску. Но, по информации историка А.А. Скальковского, положительное решение об этом будет принято властями лишь много позже –

[5] Скорей всего, такое решение было принято из-за подозрений о вовлеченности запорожцев в гайдамацкое восстание 1750 года на Польской Украйне.

в 1759 и 1761 годах. В конечном итоге, денежное жалованье войску Запорожскому Низовому будет увеличено до 6660 рублей [2, с. 248].

Апрель 1746 года. Поход полковника Туроверова

Как уже говорилось, в отправленном из Киева 17 февраля и полученном в Черкасске 21 марта письме киевский генерал-губернатор Леонтьев сообщал руководству войска Донского о направленном им строгом выговоре запорожцам за прошлогодние события и о категорическом запрете тем заезжать в донские пределы. Но если в Черкасске после ознакомления с этим документом и появились какие-то иллюзии по поводу исправления поведения запорожцев к лучшему, то они быстро испарились. Запорожцы свои милые привычки менять совершенно не намеревались. Еще менее они собирались выполнять высокие распоряжения о запрете им въезда *«в донские угодья»*. С наступлением весны снова начались случаи посещений запорожскими рыбаками Миусского полуострова. А вновь возобновившиеся запорожские грабежи на Бахмутском шляхе периодически затрудняли поставку припасов в Черкасск.

В таких обстоятельствах терпение донской верхушки снова лопнуло. Ожидание окончательного решения от верховных властей о разграничении могло сильно затянуться, а иметь под боком столь буйных и неадекватных соседей – терпения у донцов уже никакого не было. Поэтому в Черкасске было вынесено *«определение войсковое»* о необходимости проведения силовой акции, чтобы вновь отодвинуть запорожцев подальше от Миуса. Возможно, что решимость Ефремова могли подстегнуть и известия от его доброхотов из Санкт-Петербурга о том, что господа сенаторы по вопросу о границах уже склоняются в сторону донцов…

Важно подчеркнуть, что на данном этапе донская верхушка не пыталась самостоятельно поставить земли между Миусом и Кальмиусом под полный контроль войска Донского. В результате данной акции она лишь хотела создать (до момента объявления об окончательном разграничении) пояс пустых и «нейтральных» земель между собой и запорожцами.

Для осуществления этой силовой акции в Черкасске, в обстановке повышенной секретности, было собрано несколько сот конных донцов и калмыков, а также значительная флотилия из казацких лодок, с пешими казаками на ней и даже с небольшими корабельными пушками (вероятно, типа фальконетов). Понятно, что сгоряча, за один день такие приготовления не делаются, то есть донской старшиной была проведена для этой акции большая подготовительная работа. *«Наказным старшиной»* для командования этими «силами вторжения» был избран донской полковник Тимофей Туроверов.

Во время прошлого донского «вторжения» за Миус (осенью 1743 года) в результате излишнего рвения исполнителей погибли насильственной смертью два запорожца (в том числе один сгорел заживо), что сильно не понравилось не только Запорожскому Кошу, но и верховным властям Империи. Этот опыт донской верхушкой был проанализирован и признан не совсем неудачным. Поэтому в этот раз, по всей видимости, Туроверову было приказано всячески стараться избегать новых смертей среди изгоняемых, а также строго запрещено поджигать жилища изгоняемых запорожцев. Вместо этого ему предписывалось эти строения *«раскидывать»*, что было менее зрелищно и несколько более трудозатратно для атакующей стороны, но зато более безопасно для тамошних запорожских рыбаков и работников. Собственно, той же цели служил и столь внушительный размер возглавляемых Туроверовым сил. Частично он объяснялся преувеличенным мнением в Черкасске о силах за-

порожцев в Приазовье. Но основной целью было то, чтобы перед лицом заведомо превосходящих донских сил у запорожцев поменьше возникало дурных мыслей о возможности вооруженного сопротивления. Этот рейд, по замыслу донской старшины, должен был произойти быстро, решительно и бескровно. Было понятно, что Кош в любом случае будет жаловаться в Петербург на такие действия донцов, но важно было обеспечить наиболее «красивую» картинку этой акции, которую Черкасск мог бы представить в столицу для оправдания своих действий.

К сожалению, пока не удалось проследить – насколько в курсе планируемой Ефремовым силовой акции было руководство крепости святой Анны? И какие действия по этому поводу оно предприняло или НЕ предприняло? Пытались ли отговорить Ефремова от этой глупости? И, как минимум, из крепости должно было быть отправлено в Военную коллегию обязательное сообщение о результатах этого похода. Ничего этого найти пока не удалось. Ищем…

По запорожским данным, массированное донское вторжение 1746 года за Миус началось то ли *«априля с 1 чисел»*, то ли в его *«средних числех»* (в последующей запорожской жалобе и в приложенном к ней реестре приводится несколько противоречивая информация по этому поводу) [13, сс. 1580, 1581]. В сенатском пересказе этой жалобы записана четкая дата 1 апреля, но она, вероятно, является некорректным сокращением исходной фразы [13, с. 1642]. Можно осторожно предположить, что донские силы пересекли Миус ближе к концу первой декады апреля, а сам процесс сгона запорожцев был не одномоментным, а несколько растянулся по времени, заняв середину месяца. Местный еланчицкий полковник Леонтий Федорович Таран был застигнут врасплох и не смог ничего противостоять донцам. Сами запорожцы (возможно, несколько преувеличивая донские силы) начало этой кампании описывали так: *«<…> собрав калмик и донских козаков коннице до шести сот сухим[1] да водним путем морем в шестинадцати легких судах пехоти до тисячи человека с пушками и со всеми к стрельбе принадлежащими доволними припасы [пришли] на реку Миюс и другие приморские коси, яко с неприятелми оказал баталею, прислал. <…> но точию едино то напустив Донского войска козаков, наивящще же базових калмык, и, биючи не милосердно, так всех до единого войска Запорожскаго козаков даже по реку Калмиус усиловне [насильно — LV] согнали, яко и строения их, подрубливая, разорить, и пожитки все, яко то: рибу, горелку и протчие съестные и питейные припасы в харчи употребить, другое ж и з собою увозить приказал <…>»* [13, сс. 1580, 1642]. Представители местной запорожской старшины хоть и пытались выяснить у «нападающих» — что вообще происходит и есть ли на это соответствующие указы от верховных властей? – но рядовые казаки и калмыки сами ничего толком не знали, а командовавший ими Туроверов, похоже, старался уклоняться от прямого ответа.

Понятно, что местный люд воспринял вторжение донцов и начатую ими попытку начать массовую депортацию за Кальмиус крайне отрицательно. Многие запорожцы встречали донцов и калмыков, угрожая оружием и с отчаянными ругательствами. Но подавляющее превосходство в силах донской команды быстро остудило горячие головы, так что крайних эксцессов (в основном) удалось избежать. Во многом донцам помогло еще и то, что среди множества местных рыбаков оказалось очень мало «настоящих» запорожцев.

[1] Слово восстановлено по смыслу. В публикации Яворницкого ошибочно «румом». Также была произведена сверка по сокращенному пересказу этого фрагмента в другом сообщении Леонтьева [13, с. 1477].

Как показали допросы некоторых задержанных (неизвестно, насколько точные): *«<…> что [и] сто человек действительных козаков не было, а протчих, хотя тысяч до двух и более было, токмо из разных мест от ревизий и по учиненным в противность В.И.В. указов причинам и предерзостям беглые да несколько из бродящих малороссиян»*. Естественно, что основная часть этого наемного народа ни оружия, ни воинского духа не имела, а просто мечтала, чтобы им не мешали зарабатывать честные трудовые деньги и просто оставили в покое.

Первоначальным апокалипсическим настроениям среди местного сообщества немало поспособствовала и разыгравшаяся непосредственно после вторжения донцов сильная непогода со штормовым ветром (*фортуна, хуртина*). В возникшей панике некоторые запорожские хозяева попытались уйти в море на своих лодках, но это закончилось только массовым затоплением и разбитием лодок, а также утратой имевшегося на них имущества. Вроде как, при этом некоторые из этих лодочников утонули, по крайней мере такие утверждения (без упоминания конкретных фамилий) содержались в первоначальных жалобах запорожцев.

В позднейших документах по расследованию обстоятельств этого наезда, обвинения Туроверова в смерти этих лодочников, которые, спасаясь от донцов, рискнули в непогоду выйти в море – отсутствуют. Так что возможно, что их тогда просто унесло в другую сторону и позже они таки нашлись. А слухи об их гибели являлись одним из последствий первоначальной паники и неразберихи, возникших среди запорожцев при их сгоне донцами за Кальмиус. Но точно проверить это сейчас – уже не представляется возможным.

Рис.41. Второй сгон запорожцев донцами за Кальмиус (апрель 1746 г.).

У зашедшего донского полковника Туроверова и местного запорожского полковника Леонтия Тарана состоялась личная встреча и достаточно тяжелые переговоры. В конце концов, Тарану пришлось довольствоваться уверениями Туроверова, что после ухода запорожцев за Кальмиус донцы тоже уйдут за Миус, и эта территория до окончания официального размежевания будет оставаться пустой: *«<…> а во оные места до того времени, как им запорожцам, так и от стороны войска Донского козакам <…> определили никому не въезжать, и едва теми резонами с великою трудностью до Калмиюса их согнать могли»* [13, с. 1461]. Тарану пришлось, скрепя сердце, согласиться на такое решение вопроса, тем более, что это хоть как-то позволяло сохранить лицо войску Запорожскому. Тем не менее, между обоими полковниками, невзирая на всю остроту тогдашней ситуации, сохранились вполне рабочие отношения, которые позволяли им как-то решать возникающие в процессе сгона вопросы и споры.

По поводу отношений между запорожским и донским полковником.

Много позже, на следствии в Бахмуте, Тарана будут опрашивать по жалобе донского казака Калины Галушкина по поводу отобранной у него в 1745 году еланчицким полковником Постерняком соли. Таран показал, что, когда он принимал паланку от Левки Черного – ни про какую соль ему никто не сообщил. И только месяца через два после начала его правления, к нему пришел казак Леско Благута и сообщил, что у него в шалаше хранятся остатки соли, отобранной у кого-то еще прежним полковником Постерняком. Эта реквизированная соль, видимо, воспринималась как паланковое имущество. Таран сам сходил к Благуте и видел там две куфы (бочки) с солью, но сколько там оставалось соли – лично не проверял. По приказу Тарана его есаул Алексей продал местным казакам по весу 100 пудов этой соли по 25 коп. за пуд. Вырученные 25 руб. он отдал полковнику в паланковую сумму и сообщил, что распродал не всю соль. Сколько ее осталось — он не сообщил, а Таран, из-за своей болезни, лично не проверил.

Далее в протоколе допроса Таран показал, что *«егда в прошлом 746-м году Донскаго войска старшины с командою ссылали запорожских казаков из Еланчика на Калмиюс»* — остатки той соли из шалаша Благуты пропали, *«о которой соли, також и о забранной рыбе сюврюги — старшину Туроверова я просил. Которой разобранную рыбу севрюгу команды своей у казаков и калмык отыскал и хозяевом отдал. И о показанной соли сказал, что де: «Кто разобрал – я не знаю. А буду де в команде своей искать». Только ничего не отыскал»* [ЦГИАК, ф.59, оп.1. д.1288, л.22 — 23об]. То есть, Туроверов достаточно адекватно реагировал на жалобы запорожцев на пропажу у них ценного имущества при сгоне и, насколько мог, пытался найти и вернуть его хозяевам. Но, понятно, что среди его подчиненных мало кто был склонен признаваться своему полковнику в нечистоплотности своей и своих товарищей…

Зашедшая донская команда, помимо сгона запорожцев, начала было еще и проверять наличие «пашпортов» у рыбаков. В результате донцы задержали 18 человек *«великороссийских и малороссийских городов бродяг»*, а также одного беглого чернеца (монаха) из Троицкого Мигулинского монастыря (этот монастырь стоял на среднем Дону, неподалеку от донской Мигулинской станицы). Но дальнейшие такие «розыски» среди малороссиян запорожцы каким-то образом все-таки смогли пресечь и увели их с собой на Кальмиус. Кроме этого калмыки и донцы в процессе сгона смогли опознать несколько похищенных у

них ранее лошадей. Опознанные животные были реквизированы и отправлены обратно на Дон.

Особенно интересна история гнедого жеребца, опознанного донцами в Еланчицкой паланке непосредственно у полковника Тарана. Этот гнедой был угнан (вместе с шестью другими лошадьми) у калмыка Илдже Араша еще в мае 1744 года с реки Темерник. В следующем 1745 году он стал одной из четырех лошадей, опознанных в Еланчицкой паланке командой Виногорова как угнанные у калмыков. Но тогда запорожцы Постернякова калмыкам их не отдали. Теперь же он был доставлен Туроверовым в крепость святой Анны для использования в следственных действиях. Потом запорожцам еще и по его поводу пришлось объясняться…

Судя по последующим запорожским показаниям, примерно в конце мая 1744 года этот жеребец довольно странным образом попал к запорожцу Петру Лысому (якобы тот его нашел бродящим на татарской территории к западу от Берды). А у Петра этого коня, якобы, забрал еланчицкий полковник Иван Ступак (1-я пол. 1744 года), который его потом продал какому-то казаку. Каким образом он потом попал к полковнику Тарану (1-я пол. 1746 г.) – в известных автору материалах следствия найти пока не удалось. Но, видимо, хороший был конь, раз в его судьбе столько местной запорожской старшины приняло участие… [13, сс. 1428, 1544, 1556] Показания Петра Лысого мы потом отдельно обсудим в приложениях, в статье о паланках.

Сама сгонка проводилась донцами, похоже, достаточно грубо, с побоями. А, судя по жалобам запорожцев (о них мы расскажем чуть позже), вдали от глаз начальства рядовые донцы и калмыки не упускали случая экспроприировать движимое имущество из куреней и шалашей, оставленных без присмотра хозяев. А в каких-то случаях (похоже, не слишком многочисленных) упоминается и прямой грабеж уходящих людей. Но, пусть и с огрехами, процесс изгнания запорожцев с территорий между Миусом и Кальмиусом прошел более-менее в рамках приличий. Это не стало массовой катастрофой и не произошло одномоментно. У запорожцев было достаточно много времени, чтобы вывести основную часть своего имущества за Кальмиус. Также отметим, что в этот раз донцы не слишком увлекались поджогами (удалось найти упоминания лишь единичных таких случаев), а старались уничтожать постройки своих противников методом «раскидывания». С учетом того, что на тот момент основным типом жилищ местных рыболовов оставались шалаши (землянки и курени почти не упоминаются), это было не слишком сложно.

23 апреля отправленные в поход донские старшины Туроверов *«с товарыщи»* вернулись в Черкасск с докладом по результатам своей миссии. В конечном итоге, Туроверову удалось полностью выполнить поставленную перед ним задачу. Он (обойдясь без пролития крови!) оставил за своей спиной полностью безлюдное 65-верстное пространство приморских земель между низовьями Миуса и Кальмиуса, все запорожские рыбные заводы, шалаши и зимовники здесь были разрушены. Так, не очень героически, закончилась история Еланчицкой паланки войска Запорожского. Вероятно, вместе с Туроверовым ушли обратно и основные силы задействованных в этой операции донцов. С учетом того, что Ефремову по высочайшим приказам приходилось ежегодно отправлять большинство своих казаков в разные места Империи, держать длительное время значительные контингенты в очищенных от запорожцев территориях он не мог. Были ли там оставлены какие-то небольшие

донские заставы для недопущения возврата запорожцев на прежние места или руководство войска Донского предпочло сделать вид, что поверило запорожцам на честное слово – прояснить по известным автору источникам пока не удалось.

Уже очень скоро донцам пришлось убедиться, что насильственное удаление запорожцев от Миуса крайне слабо повлияло на активность запорожских конокрадов на донской территории. Те, похоже, этого момента особо и не заметили. Тем более, что основные каналы сбыта угнанных лошадей у них тогда были налажены в расположенной значительно севернее Самарской паланке. Интересно, что какого-либо мотива личной мести донцам за это изгнание с Миуса — в действиях запорожских конокрадов не прослеживается. Для них это было просто высокоприбыльным занятием. «Ничего личного, это просто бизнес» (С).

А запорожский полковник Леонтий Таран вывел своих подопечных за Кальмиус и расположился здесь паланкой. Как уже говорилось, при устье Кальмиуса уже какое-то время существовало запорожское поселение (в документах отслеживается по крайней мере с 1745 года), но роль главного запорожского «райцентра» в Северном Приазовье перешла к нему, похоже, именно в этот момент. Конечно, и сам Таран, и его запорожцы надеялись, что пройдет совсем немного времени и они смогут вернуться на уже хорошо освоенные за предыдущие три года территории. Но эти их мечты останутся в основном не выполненными…

Где разместил первоначально свою Кальмиусскую паланку Леонтий Таран в апреле 1746 года – пока точно не известно. По опыту приграничных поселений в среднем течении Северского Донца (спасибо за эту информацию уважаемому Индейцу!) – великоросы в тех опасных краях старались селиться на высоких, крутых и максимально неприступных холмах, пусть это и требовало устройства глубоких колодцев. В отличие от них, переселенцы из Малоросии предпочитали селиться в низинах прямо у реки, хоть это было и менее выгодно в фортификационном плане. Надо полагать, что и в устье Кальмиуса «первичное» запорожское поселение тоже возникло в заросшей камышом низине у самой реки, где было удобно причаливать лодками и выгружать улов. Также достоверно известно, что в последний период своего существования Кальмиусская паланка (вместе со свято-Николаевской церковью) также располагалась не на холме, а в низине, на «полуострове» между главным устьем реки и *«рекой Адамахой»* (озеро Домаха вместе с прокопанной запорожцами протокой в реку). См. план 1768 г. в приложениях. А так как никаких сведений о возможном переносе этой церкви, устроенной в 1754 году, за тот период у нас не имеется, то с большой долей уверенности можно говорить, что и сама Кальмиусская паланка (по крайней мере с начала 1750-х годов) стояла именно внизу. А не на холме за зданием ДОСААФа, неподалеку от которого еще недавно стоял посвященный 500-летию этой паланки памятник. :)

Вместе с тем, при раскопках донецкого археолога В.Н. Горбова 2010 – 2015 года на этом холме, на месте «старого редута» – из нескольких обнаруженных полуземлянок по меньшей мере одна достаточно уверенно увязывается с запорожцами середины 1740-х годов. Отсюда есть два возможных решения: 1) или напуганный донским вторжением Леонтий Таран предпочел для большей безопасности обосноваться прямо внутри развалин древнего укрепления на холме, и только позже, когда ситуация вполне стабилизировалась, эта паланка

естественным путем была перенесена последующими полковниками на ее окончательное место у реки, которое было намного удобнее для хозяйствования; 2) или же Таран сразу основал ее в низине у реки, на том же месте, где она и пробудет следующие тридцать два года, а в развалинах на холме тогда стоял зимовник какого-то запорожского хозяина-бирюка, остатки которого и были исследованы археологами. Пока окончательного ответа на этот вопрос нет. Он все еще ждет того, кто сможет его аргументированно решить…

Рис.42. ПечатьКальмиусской паланки 1760 г. [5, сс. 207-208]. КППП – Кальмиусской паланки полковая печать.

Запорожский экстракт об обидах от наезда полковника Туроверова был составлен по горячим следам уже 26 апреля 1746 года, когда «сгон» уже закончился. Вероятно, это был один из первых документов новосозданной Кальмиусской паланки. В нем упоминалось следующее:

- у «полковника калмиюскаго Леонтия Тарана» — взяли 25 пудов соли на сумму 10 руб. (вероятно, это те самые остатки соли, оставшиеся еще от полковника Постерняка, о которых мы уже рассказывали ранее);

- у Степана Красея, Крыловского куреня (вероятно, брат пропавшего в 1745 году Ивана Красея, казака того же куреня) – взяли рыбы отивной (?) 3000 шт. на сумму 3 руб., красной рыбы 300 шт. на сумму 45 руб., 25 пудов соли по 25 коп. за пуд, итого – на 54 руб. 25 коп.;

- Кирик Ус, Ирклеевского куреня – забрали 60 пудов соли ценой по 25 коп. за пуд, и новый воз ценою 1 руб., итого на 16 руб.

- Василий Коваль, Незамаевского куреня – взято три воза на сумму 4 руб. 80 коп. и три каюка (вид лодки) на сумму 2 руб. 70 коп. Всего – на 7 руб. 50 коп.

- Матвей Лубенченко, Поповичевского куреня – взяли казан ценою 3 руб.;

- Грицко Литвин, Ирклеевского куреня – взяли две бочки тёрна на сумму 16 руб.

- Василь Топчий, Щербиновского куреня – выпили (!) *«красной горелки»* куфу (бочка на 40 ведер!), цена 15 руб.

- Яков Конюшенко, Роговского куреня – взяли *«спис з ратищем»* (пику с древком) на 1 руб.;

- Петр Гарбузлай, Ирeклеевского куреня – взяли *«рибы красной, пеструг десять»* на 6 руб. и казан на 4 руб. Всего – на 10 руб.;

- Степан Подгорка (курень здесь не указан, но в реестре за 1743 г. он приписан к Ирклеевскому куреню) – взяли 200 пудов соли по 30 коп. за пуд, 50 пудов урезов (это прочная веревка, которой тянут рыболовные снасти и на которую подвешивают якорь) ценой по 1,5 руб. за пуд, 30 пудов нити (вероятно – для плетения неводов) ценой по 3,5 руб. за пуд, два чекменя на 5 руб. 50 коп. и бочку пшена за 2 руб. 50 коп. По подсчетам автора книги общая сумма у него составила 248 руб.;

- Иван Великий, Деревянковского куреня – взяли рыбы сулы 300 шт., цена 3 руб.;

- Остап Дюдка, Батуринского куреня – взяли рыбы чабака 5 тыс. шт. ценой по 2,5 руб. за тысячу, сулы 500 шт. ценой по 1,2 руб. за сотню, 20 пудов соли ценой по 25 коп. за пуд, итого – на 23 руб. 50 коп.

- Иван Ковтун, Джереловского куреня – «разобрали» сотню штук севрюги на 10 руб., 20 пудов соли ценой по 30 коп. за пуд, пуд осетровых балыков ценой 1 руб. Итого — 17 руб.;

- Данил Горб (курень не указан) – у него «отняли калмыки» 100 руб. денег и «выпили» куфу меду (вероятно, медовухи) за 20 руб. Итого – 120 руб.;

- Степан Овчар, Брюховецкого куреня – взято 15 пудов урезов ценой по 1 руб. за пуд, итого – 15 руб.

- Павел Черный, Пластуновского куреня – взяли бочку житного борошна ценой 2 руб., хомут новый и две мазницы с дегтем на сумму в 1 руб., 10 шт. сомов и 3 шт. пеструг на сумму 2 руб. 60 коп., две сокиры на 40 коп., два ножа за 30 коп., итого – 6 руб. 30 коп.;

- Иван (прозвище не указано), Деревянковского куреня – взяли 10 пудов соли на сумму 3 руб.;

- Петр Молитва, Сергиевский курень – взяли рыбы сули 1 тыс. шт. на 12 руб., чабака 2 тыс. шт. ценой по 3 руб. за тысячу, тарани 2 тыс. шт. ценой по 40 коп. за тысячу, жира осетрового 6 пудов по 60 коп. за пуд, оселедца (селедки) 3 сотни шт. по 50 коп. за сотню, одну сокиру за 60 коп. Кроме этого – *«отняли калмыки»* коня ценой 12 руб. Итого убытка на 37 руб. 90 коп. (ошибка, сумма получается 36 руб. 50 коп.);

- Федор Амоха, Иванивского куреня – взяли пуд смолы за 2 руб., пару чобот за 80 коп., одну косу за 40 коп., сокиру за 30 коп., два ножа на сумму 30 коп., хомут за 60 коп., итого 4 руб. 40 коп.

Четыре жалобы из этого реестра (мы их выделили отдельно) связаны с лодочниками, пострадавшими при попытке уехать при непогоде. Помимо разбитых и утопленных лодок они лишились и некоторого прочего имущества. К сожалению, из реестра не видно – было ли оно оставлено в шишах на берегу, где его растащили донцы, или же утонуло вместе с лодками:

- Федор Шандра, Крыловского куреня, *«егда изгонили из кос, в те пори была погода и разбило лотку»* ценою в 11 руб. Также он утратил 2 бочки борошна (муки) на 6 руб. Всего – на 17 руб.

- Грицко Шпак, Батуринского куреня – *«егда изгонили, то в те пори чрез наглой изгон в фортуну [т.е., в плохую погоду — LV] разбили лотку»* ценой 20 руб., также он лишился полотна за 30 коп., сокир (топоров) 3 шт. ценой по 30 коп. за штуку, чобот новых за 80 коп.,

5 шт. багров на 15 коп., запона (вероятно, какая-то завеса или полог?) на 1 руб., всего – на 23 руб. 15 коп.;

- Тимош Смирный, Полтавского куреня – *«тако ж розбило лотку в наглом згоне»* ценой 20 руб.

- Дмитрь (?), Корсунского куреня – «лотку розбило» в 20 руб., также он лишился 300 пудов соли на сумму 60 руб., 7 шт. широтвасов (ушат, чан из половины бочки, также использовался для обработки рыбы) ценой по 50 коп. Итого – 83 руб. 50 коп. [13, сс. 1581-1583]

Всего убытков запорожцы в этом экстракте насчитали на 754 руб. 50 коп., из них примерно половина (368 руб.) относилась к убыткам не собственно запорожских казаков, а к заходящим на морские косы торговцам — Степану Подгорке и Даниле Горбу.

В запорожской жалобе на обиды от донцов, которая прилагалась к пакету документов, подготовленных для сенатского заседания от 29 июля 1746 года, будут сжато пересказаны и события, связанные с действиями Туроверова. Здесь упоминается, что к этой жалобе были приложены *«имянные экстракты, а в приложенным при том экстрактом – показано донскими козаками в грабеже в разныя числа запорожских пожитков и в созжении сена и протчего по цена на 6040 руб. 65 коп. приложены <…>»* [13, с. 1642]. Примерно такая сумма получается, если к сумме по «Туроверовскому» реестру прибавить сумму по «Каршинско-Юдинскому» реестру (по нашим подсчетам, здесь допущена ошибка на 3 рубля с небольшим). А вот небольшой «Шалаевский» реестр, получается, был откинут и в общей сумме учтен не был.

Значительно позже еще несколько жалоб на апрельские действия Туроверова будут включены следующим кальмиусским полковником Андреем Черным в запорожский реестр от 13 сентября 1746 года. В него будут добавлены еще семь случаев на общую сумму 211 руб. 10 коп. (по подсчетам автора книги):

- у Тимофея Сокура, Пашковского куреня, забрано рыбы сулы на 24 рубля, рыбца и чабака – на 8 рублей;

- у Карпа (прозвище не указано), Титаревского куреня, донской полковник Гарбузлаев забрал *«у Калмиюсе»* (в данном случае – на реке?) две свитки (вид верхней одежды) на 7 руб. 20 коп., *«денег готовых»* 5 рублей, одну икону за 50 коп., салковницу и нож на сумму 20 коп.;

- Федор Шостак, Ирклеевского куреня — забрано урезов на 33 руб. 50 коп., две лодки-дуба на 10 руб., два воза *«четвертных»* на 6 руб., *«кухов новых»* (кухля, кухель – горизонтальный бочонок для вина) на 4 руб. Да в его шише спалено имущества на 16 руб.;

- Яцко Литвин, Вышестеблеевского куреня – забрано три кожуха на 6 руб., соли на 3 руб., пшена и *«запаса»* на 90 коп., лодку за 15 руб.;

- Федор Санжак, Полтавского куреня — три «солила» (бочки для засолки рыбы?) на 9 руб., лодку за 5 руб., широтвасы на 9 руб., «кухов порожних» на 9 руб. 60 коп., пустых бочек еще на 2 руб.

- Яско Журба, Нижнестеблеевского куреня – *«кухов порожних да широтвасов»* на 3 руб. 60 коп., *«барило»* (бочонок) жира на 3 руб., бочки пустые на 60 коп.;

- Федор Узюмец, Васюринского куреня – лодка за 15 руб., *«завод со всем, с широтвасами и из солилами»* на 11 руб., два пустых воза на 4 руб. [13, сс.

1483-1485].

Хотя автору книги не удалось найти сообщение в Кош от Леонтия Тарана о таких недружеских действиях донцов, но несомненно, что оно было. Также (возможно не сразу, а с некоторым опозданием), Таран отправил еще и письмо в крепость святой Анны к руководителю следствия поручику Швыкову. К сожалению, даты его отправки из паланки и получения адресатом установить не удалось. Но, судя по отсутствию в нем упоминаний об «экстракте» с перечнем обид от наезда полковника Туроверова, составленном в Кальмиусской паланке 26 апреля, можно осторожно предположить, что данное письмо ушло из паланки минимум за несколько дней до этой даты. Вот как содержание этого письма пересказывается в одном из более поздних документов, вышедших из канцелярии Леонтьева (выделения – автора книги): *«Да они ж, запорожцы, как из письма калмиускаго полковника Леонтья Федорова видно, от разорения их донскими козаками находятца в страхе. <…> А каково письмо от находящагося* ***в Калмиусе*** *полковника Леонтья Федорова он, поручик [Швыков — LV], получил, оное оригинально от него, поручика, при том ево доношении ко мне [Леонтьеву — LV] прислано. В котором написано, что донцы вовся их разорили. И как с Миуса, так и изо всех запорожских кос козаков и их с поланки согнали,* ***и церковь раскидали****, и много казацкой худобы пограбили и поразорили. [А пришли — LV] во многом числе сухим и водяным путем и с пушками. И которые де их запорожские козаки были в лотках, от страха уходя под час ветру, худобы потопили и сами потонули. И согнали [запорожцев] по самой Калмиус.* ***И ныне стоят поланкою тамо****. И козакам добуватца негде»* [13, с. 1477].

Также это самое раннее известное на сегодня упоминание о наличии у запорожцев культового сооружения в Северном Приазовье. Не совсем понятно, как именно «раскидали» донцы эту церковь в Еланчицкой паланке? Было ли просто разбросано церковное имущество? Или было разрушено и само помещение этой церквушки (ничего особо «монументального» там еще явно не было)? Последующие известные сообщения о религиозных делах запорожцев в наших краях появятся только через 8 лет. В 1754 году Запорожский Кош решит, на базе уже существовавшей какое-то время в Кальмиусской паланке часовни, сделать новую церковь во имя святителя Николая. По этому поводу сохранилась часть переписки между Кошем, киевским митрополитом Т. Щербацким и кальмиусским полковником Андреем Ивановичем Порохней. Особое внимание в ней уделяется вопросу выдачи и доставки освященного антиминса (его наличие является одним из основных отличий церкви от часовни!) и об освящении этой новой походной церкви. Попутно местный полковник пытался решить свои более меркантильные вопросы, выбивая у Коша доставку с Самары дефицитной в наших краях древесины: *«<…> Да при сем же вашей панской велможности об[ъ]являю, что [во] владений Калмиюском, не имевши удобного как к церкви, и к паланце дерева, яко еще за великим разстоянием в товщь Самарскую отсюдова ехать – в крайней обедшалости состоит. А яко весма по способности полковнику новоселянскому [Самарской паланки — LV] следующим людем до моря [т.е. чумакам, порожняком направляющимся в сторону моря — LV] накласт[ь] на возы и присилать [лес] в Калмиюс, того ради вашей велможности покорнейше прошу, даби находящаяс[я] в Калмиюсе как церков, яко и паланка не била в обедшалости, по своем високом[и]л[о]ст[и]вим разсмотрением писменно приказат [самарскому — LV] полковнику»* [10, сс. 121-125]. Подробно

весь этот сюжет о возникновении этой церкви и ее предыстории рассмотрен в авторской книге «История казацкой Свято-Николаевской церкви в Кальмиусе» [39].

В дальнейшем эта «хотелка» запорожского полковника, не совсем удачно слившись с фэнтезийным представлением о глубокой древности нашей паланки епископа Екатеринославского и Таганрогского Феодосия (Макаревского, годы жизни 1822 — 1885), превратилась в понятии наших краеведов и историков в миф о «древней обветшавшей церкви» в «древнейшей» Кальмиусской паланке. То, что один спорный момент пытаются подтвердить другим спорным моментом (и наоборот) – никого не смущало. Как и то, что в результате такого сомнительного удревнения — в реальных документах по нашим краям по периоду до 1743 года массовые упоминания запорожцев так и не были обнаружены, невзирая на отчаянные полуторавековые усилия наших историков и краеведов. А вот то, что при этих поисках рядом с названиями наших рек часто встречались всякие татарские имена – это долго никому интересно не было…

По поводу «раскидывания» этой еланчицкой церкви в 1746 году. Такое поведение по отношению к православным церковным сооружениям в Российской империи очень не одобрялось, но, тем не менее, иногда все-таки случалось. Например, когда в 1701 году изюмский полковник отобрал у донцов Бахмутский острожек, то донцы в жалобе на него писали: *«Истреблены все соляные варницы, **разломана часовня** и забрана вся церковная утварь и книги,… наложил он на бахмуцких казаков пошлины с соляных варниц, брал насильно соль в казну,… истреблял сенокосные луга…с того нового поселенного места сбивают, насилством своим бьют, и ругают, и грабят, и хвалятся смертными убивствами»*. Так что такие методы «рейдерского» изгнания прежних хозяев, к сожалению, были известны и тогда.

И еще один непонятный момент. Как уже говорилось – в Православии одним из ключевых элементов, наличие которого отличает церковь от просто часовни и позволяет оказывать более широкий спектр религиозных услуг (включая и литургии), является наличие в ней **антиминса**. Это специальный платок на церковный престол, с вложенной частичкой мощей и подписанный одним из высших церковных иерархов на **конкретную** церковь. Он не может произвольно переноситься в другую церковь. В случае такой необходимости или при повреждении антиминса от старости или из-за каких-то происшествий – старый антиминс сдается, а вместо него подписывается новый. В сущность антиминса Церковью вкладывается глубокий теологический смысл. Но, все-таки, его внедрение в древности было больше связано с осуществлением жесткого церковного контроля за благолепием и финансовым содержанием церквей, а также для предотвращения самовольного и несанционированного появления на периферии новых храмов с «левыми» священниками. Интересный вопрос. Если на Еланчике действительно была именно церковь (вероятнее всего – походная), то какая судьба постигла ее антиминс? Почему запорожцы просто не перенесли его на Кальмиус и не устроили там церковь в том же 1746 году? Ответа на это у нас пока нет.

В качестве осторожного предположения можно указать на личность задержанного донцами беглого монаха из Троицкого Мигулинского монастыря

на Дону. Возможно, у него был «личный» антиминс? Известно, что некоторое количество антиминсов из упраздненных церквей не возвращались (как положено) по инстанции, а разными путями попадали в руки всяческих авантюристов и проходимцев, чем те частенько пользовались для устройства самопальных церквей, на благо собственного кармана. Церковь с этим жестко боролась, но полностью искоренить это никогда не могла. Во времена Новой Сечи контроль над религиозной жизнью в Запорожских Вольностях (и связанные с этим денежные потоки) довольно плотно держала братия из Межигорского Свято-Преображенского монастыря, а также его «филиала» — Самарского Свято-Николаевского пустынного монастыря (в основном окормлявшего ведомства паланок к востоку от Днепра). Посторонних бродячих монахов на «свою» территорию они обычно старались не пускать, но всякое бывало. Возможно, конечно, что самарский филиал Межигорского монастыря к этому времени еще не успел организовать регулярные командировки своих монахов в Северное Приазовье. Но, с учетом серьезных денег, крутившихся вокруг рыбных ловель в наших краях, это предоставляется маловероятным, к таким вопросам святые отцы всегда проявляли повышенное внимание. Более вероятно, что сезонные дежурства межигорцев на Еланчике уже предпринимались, но командированные с Самары монахи пока могли предложить местной пастве только организацию часовни. А это не предоставляло ей доступ к важнейшему в Православии религиозному обряду – божественной литургии с причащением. Так что, в качестве рабочей гипотезы, можно предположить, что наш беглый донской монах мог притащить с собой на Еланчик собственный антиминс. И местные полковники, не дождавшись такого же подарка от межигорских монахов, могли (закрыв глаза на сомнительность происхождения этого человека и его антиминса) дать ему добро на открытие при паланке церкви. Все-равно в радиусе ста верст – других церквей поблизости не было… В таком варианте арестованный донцами монах мог увезти этот антиминс, как собственное имущество, с собой. Но это, конечно, только **одна из возможных версий**. Интересно, конечно, было бы почитать протоколы допроса этого человека, если их когда-нибудь удастся найти…

Экстракт, составленный в Кальмиусской паланке, должен был попасть в Сечь ориентировочно не позже 3 – 5 мая 1746 года. Здесь было бы логично ожидать, что Кош немедлено отправит жалобу на такие действия донцов в Киев, и дальше в Сенат. Но никаких признаков этого по документам не прослеживается. Официальная жалоба от Войска Запорожского в Сенат (с приложением вышеупомянутого экстракта) будет составлена только 24 мая, через месяц после тех событий. Скорей всего, эта задержка была вызвана ожиданием возврата в Кош из крепости святой Анны запорожских делегатов, участвовавших в следствии Швыкова. По расчетам автора книги, они как раз примерно к этой дате и должны были вернуться. Видимо, запорожское руководство сильно жаждало услышать от них разъяснение ситуации и каких-то комментариев по поводу происшедшего сгона. И, действительно, в составленной 24 мая жалобе в Сенат используются некоторые сведения, полученные напрямую от делегатов.

В начале этого письма кратко упоминается прошлый случай сгона донцами запорожцев с Миуса – старшинами Г.А. Карчиновым (Каршиным) и Г. Юдиным в первых числах октября 1743 года (напомним Читателю, что экстракт по тому случаю уже был передан Кошем для расследования в марте 1746 года). Далее, со слов запорожских делегатов, был записан

донос на донского войскового атамана Данилу Ефремова — о его прилюдных угрозах опять согнать запорожцев с приморских кос и сжечь их постройки, а также о пьяных похвальбах о повешении и самого кошевого атамана, если тот попадется в руки донцам (этот фрагмент письма мы уже использовали ранее). Затем более-менее развернуто сообщается о свежем факте сгона запорожцев партией полковника Туроверова (это сообщение мы уже тоже использовали ранее). Далее кошевой, ссылаясь на то, что порученная Бильсу комиссия по размежеванию еще не завершена, просит произвести следствие о произведенных запорожцам от донцов обидах: *«того ради високоправительствующему Е.И.В. сенату обо всем више изображенном з всенижайшою покорностию донося, всеподданнейше просим: так за приключимые козакам войска Запорожского не однократные обиды, яко и за такие его, Ефремова, суровые похвалки – указом Е.И.В. из високо пр.[авительствующего] сен.[ата] повелеть, кому надлежит, следствие произвесть».* Далее кошевой счел нужным объяснить и задержку с отправкой жалобы на недружественные действия донцов: *«<…> ибо всеподданнейшое войско Запорожское хочай и знатно доволние от его, Ефремова, нужды претерпевало, однак, дабы високо прав. ея и-го в-а сената не утруждать – и доднесь [до сего дня — LV] молчало. А ныне, яко видя столь знатно чинимые нам Ефремовым нестерпимые обыди и похвалки, всеподданнейше високо правительствующаго ея и-го в-а сената просим учинить по височайшим ея и-го в-а всемилостивейшим указом милостивое решение».* К этой жалобе прилагался и экстракт из Кальмиусской паланки от 26 апреля 1746 года, данные из которого мы уже использовали ранее [13, сс. 1579-1583].

Сам киевский генерал-губернатор Леонтьев узнал об устроенном Туроверовым сгоне, похоже, только из рапорта Швыкова от 6 мая, полученного в Киеве 24 мая. После чего Леонтьев и начнет писать в Черкасск не очень приятный запрос об этих действиях донцов. А запорожская грамота от 24 мая попадет к нему только через несколько дней…

Такое ощущение, что в Коше тогда уже тоже что-то могли знать о том, каким будет грядущее распределение территории. Возможно, именно поэтому, невзирая на возмущение на местах, Кош не стал тогда сразу, немедленно выносить эту жалобу в верха? Тем более, что это изгнание произошло относительно мирно и организованно, без существенных эксцессов.

Донцы, естественно, тоже направили в Военную коллегию свое донесение с обоснованием ситуации, вынудившей их к сгону запорожцев. И хоть их донесение ушло несколько раньше, чем запорожское, но тоже довольно поздно – только 17 мая 1746 года, через несколько недель после похода Туроверова. Автор книги подозревает, что такая задержка была вызвана ожиданием донцами окончания допросов пойманных конокрадов шайки Левки Белого (об этом позже еще расскажем подробнее). Ефремов мог надеяться, что в их показаниях вскроются дополнительные свидетельства их связи с запорожской паланковой старшиной или даже с самим Кошем.

В начале этого своего письма Ефремов упоминает о полученном им 21 марта 1746 года письме от киевского генерал-губернатора Леонтьева с сообщением о его реакции на жалобы донцов, о строгом его «внушении» запорожцам о прекращении их своевольств и о *«наикрепчайшем»* подтверждении им запрета въезжать в донские пределы. А дальше в письме Ефремова сообщены (к сожалению, без указания дат) свежие случаи, когда запорожцы этой весной, уже **после** очередного грозного запрета из Киева, снова заезжали в донские области.

Первым записан случай, приключившийся уже *«нынешней весны»* (вероятно, это случилось примерно в конце марта или самом начале апреля, но еще до похода донского полковника Туроверова). В этот раз рыбаки с запорожской стороны (*«с Яланчиков и с морских кос»*) на многих лодках пришли *«для рыбных ловель на Миюс по морю и к Таганрогу»* (напомним, Таганрогский мыс с развалинами русского города находится в восточной части Миусского полуострова, с «донской» стороны Миуса). Одна из таких ватаг вошла в Миусский лиман и не нашла ничего лучше, чем таскать три невода по восточному («донскому») берегу лимана, вероятно рядом с его устьем. А там, *«в силе В.И.В. высочайших указов по притчине в Турецкой стороне опасной болезни»*, стояла карантинная застава из двухсот казаков со старшиной Мироном Наследышевым во главе. И он попытался было запретить запорожцам ловить здесь рыбу, *«но они, по известной их своеволности, не токмо с тех мест не съехали, но и с немалым ругательством и поношениями ему ответствовали, якобы им в наших донских угодъях рыбу ловить по указу вашего им-го в-а велено»* [13, с. 1460]. Этот, в общем-то вполне рядовой и бытовой эпизод (ну, полаялись мужики всласть, даже в драку никто не кидался!) окончательно развеял надежды Черкасска, что политика Коша в Приазовье, наконец-то, войдет в более адекватное и законопослушное русло. Но нет, не судьба. Указы? Ордеры? Не, не слышали!..

Этот эпизод, кстати, хорошо высвечивает еще один нюанс. Естественно, что Кош не стал кричать на каждом углу о своем фиаско с «обосновывающими документами» о передаче ему этих отобранных у турок и татар территорий. Поэтому рядовые запорожцы на местах ни тогда, ни позже так и не узнали, что не стоит ссылаться на эти указы, так как это чистый фейк. И упорно продолжали пользоваться этим аргументом. А когда несколькими годами позднее чудесно появится еще и «Универсал Батория-Хмельницкого», то в чубатых головах запорожцев окончательно сформируется устойчивая легенда о своих «древних» правах на Северное Приазовье, осуществления которых позже они будут совершенно искренне добиваться вплоть до самого разгона Сечи.

Вероятно, именно к этому случаю относится попытка Ефремова привлечь поручика Швыкова, как представителя высших властей, к участию в сгоне обнаглевших запорожских рыбаков. Как несколько позже вспоминал Швыков: донской атаман Ефремов: *«<…> принуждал ево, поручика, [отправиться лично — LV] или бы он кого от себя отправил с [донскою] командою для згонки с Миюса запорожских козаков, рыбные ловли отправляющих»*. Но, наш поручик, видимо, абсолютно здраво рассудил, что ему было поручено только расследовать четко очерченный круг прошлых раздоров между двумя казачьими войсками, а не участвовать в их новых конфликтах. Поэтому – наотрез отказался.

Тогда Данила Ефремов, обманутый в своих лучших надеждах, сильно обиделся на Швыкова: *«и за то он, донской войсковой атаман на него, порутчика, объявляет подозрение, и якобы он, поручик, запорожцов защищает»* [13, сс. 1476-1477]. После этого неудачного для него разговора, отношение Ефремова и к самому поручику, и к выполняемому им расследованию резко ухудшилось, что сильно затруднило в дальнейшем Швыкову вызов необходимых ему для следствия донских казаков и старшин…

Далее, в самых общих фразах, без приведения конкретных данных, в донском донесении сообщалось о том, что *«за умножением проезжающим в Черкаской дорогами малороссиянам и другим, от них [запорожцев — LV] приключенных розбоев и грабительств, от коих уже едва не вся дорога, лежащая з Бахмута в Черкаской, запустела. Ибо многие, услыша те их разбои, возвращались в домы, а иные под неволею заворочены на Миюс и на косы»*.

Из-за этого, резюмировал Ефремов, руководители войска Донского были *«принуждены послать нарочных старшин Тимофея Туроверова с товарыщи с пристойным числом казаков и калмык. И приказали з донских наших угодьев, яко то: с Миюса, Еланчиков, Кривой косы до Калмиюса, впредь до будущего В.И.В. указу, пока разграничение с ними, запорожцами, в землях и в протчих угодьях ко окончанию будет приведено, согнать и построенные их шиши разбросать. А во оные места до того времени [т.е. до официального разграничения — LV], как им запорожцам, так и от стороны войска Донского козакам, хотя они с немалою обидою остались за тем, что уже чрез несколько лет тамо добычей не имеют, однако ж определили никому не въезжать, и едва теми резонами с великою трудностью до Калмиюса их согнать могли».* Далее, насколько можно понять из текста, вроде как после сгона запорожцев Ефремов снова отправил какую-то жалобу в Киев к Леонтьеву, а из войсковой канцелярии войска Донского отослали *«промеморию»* в канцелярию Запорожской Сечи (возможно, именно ожиданием ответа на эти документы и объясняется столь значительная задержка с написанием донского донесения в Военную коллегию?). В них, помимо сообщения об очистке этой территории, требовалось еще *«чтоб же те запорожцы от воровства унеты быть могли»*. [*Полной уверенности в правильности расшифровки этого фрагмента текста у автора книги нет, так как другие следы и упоминания этих предполагаемых документов ему найти не удалось*]. Но (что бы на самом деле не имел в виду в предыдущей части текста донской атаман), далее он выражает уверенность, что и эти жалобы не возымеют управы на запорожцев: *«но точию по их, запорожских козаков, своевольной отваге и безпутным поступкам – то их воровство никоим образом, ежели они из Калмиюса согнаты не будут, прекратитца не может».* Последнее утверждение, правда, скорей всего является свидетельством того, что на момент написания данного письма Ефремов уже успел убедиться, что проведенная им акция очень слабо повлияла на частоту и характер действий запорожских разбойничьих шаек на донских территориях.

Этот не слишком пространный фрагмент нам интересен несколькими моментами:

1) Ефремов вновь демонстрирует верховным властям, что войско Донское не отказалось от своих прежних претензий на морское побережье западнее Миуса. В своем письме район от Миуса до Кальмиуса Ефремов подчеркнуто называет *«донскими нашими угодьями»*.

2) Донской войсковой атаман в очередной раз утверждает, что до захода запорожцев этим районом фактически владели донцы, а теперь у них *«немалая обида»* из-за того, что они несколько последних лет (с 1743 года) не могли добываться там.

3) Ефремов практически в открытую демонстрирует свое знакомство с текстом сенатского постановления по размежеванию между двумя войсками (еще не принятое на момент начала похода Туроверова!), а также с устанавливаемыми им новыми территориальными пределами по Кальмиусу.

4) Ефремов (вполне обоснованно) считал, что без удаления запорожцев и от Кальмиуса — безопасность донских земель обеспечена не будет. В этом можно также видеть как рудимент донских «хотелок» образца 1743 года (когда они претендовали еще и на часть побережья западнее Кальмиуса, а запорожцам соглашались уступить лишь небольшую часть морского побережья в районе устья Берды), так и результаты ознакомления Ефремова с последствиями деятельности шайки атамана Левки (об этом чуть позже).

Далее, довольно сжато, сообщаются результаты похода Туроверова: *«Минувшаго апреля 23 дня оные посыланные старшины Туроверов с товарыщи в Черкаской возвратились и поданными доездами объявили, что запорожских козаков и находящагося при них полковника Тарана с Миюса, Еланчиков, Кривой косы до Калмиюса по определению войсковом хотя они согнали, токмо с немалым им ругательством. Особливо же что они, запорожцы, противились с ними и встращивали [угрожали — LV] оружием и протчая военною зброею с ними поступить, яко с неприятелми».* Здесь же рассказывается о задержании 18 беспаспортных *«великоросийских и малоросийских городов бродяг»*, а также одного беглого монаха, о сопротивлении запорожцев продолжению досмотра и уводе рабочего люда с собой на Кальмиус (эти все моменты мы уже рассматривали ранее).

Далее говорится о том, что к данному письму приложен краткий реестр свежим запорожским грабежам и угонам ими лошадей. После чего приводится последний и совсем уж вопиющий случай: *«при сем сообщить: оного Запорожского войска козаки, не удовольствуясь тем воровством и грабительством, которое проезжающим причинили [и] ис табунов старшинских козачьих и калмыцких лошадей от трех до десяти разными числы сей весны отгоняли, но, отважась, двадцать пять человек, и розделясь на две партии, ис табуна войскового атамана Данила Евремова пять жеребцов с касяками, также ево козачьих и калмыцких лошадей, всего более ста (!) обыкновенно умышленными их воровскими набегами близ самого Черкасска на речки Грушавки отогнали и, другие грабительствы козакам приключа, бежали»*. В этот раз посланной донской погоне удалось не только отбить угнанных коней, но и захватить и привести в Черкасск самих конокрадов. Это была шайка атамана Левки Белого.

Показания пойманных тогда конокрадов можно условно выделить в отдельное дело, которое по тем временам стало весьма громким. Тем более, что в сбыте угнанных ими ранее лошадей оказался замазан один из делегатов, представлявших войско Запорожское на следствии Швыкова! Имя неудачливого атамана Левки после его поимки стало широко известным среди высшего российского руководства, и в последующие несколько лет оно будет часто упоминаться в документах разбираемого нами комплекса. Атаману Левке мы посвятим отдельную главу, там же разберем и фрагмент из данного письма с донским сообщением о подробностях его поимки.

По результатам предварительных опросов задержанных конокрадов донцам стали известны имена еще двух запорожских предводителей шаек, безобразничавших в прошлом 1745 году в донских пределах – Грицко Сенчук (Полтавского куреня) и Клим Калга (Кисляковского куреня). Про них донцы сообщили в Сенат следующее: *«<…> [которые] ныне с протчими запорожцы находятца в разбойническом злодействе по разным местам, над коими от нас, всеподданнейших, поиску оставлено не будет»*. По поводу же пойманных конокрадов Ефремов обещал самого Левку и наиболее активных в разбоях его

приспешников, *«по взятии полных допросов»*, в ближайшее время отправить в Военную коллегию в Москву *«лехкой станицы с атаманом»*.

В завершение своего письма Евремов помещает еще одну просьбу к императрице Елизавете Петровне защитить войско Донское от запорожцев. В том числе он здесь пишет: *«<…> и, пока разграничение будет учинено, им [запорожцам — LV] в здешние ближние места, яко нимало ко владению не принадлежащие, не въезжать, и чтоб они впредь от того неумолкаемого воровства себе воздержали и нас, всеподданнейших, и протчих подданных В.И.В. в крайнее разорение не приводили – о том высочайшим В.И.В. указом, куда надлежит, подтвердить. А нам, всеподданнейшим, яко издревле уже оными местами владеющими, въезжать для рыбных и звериных ловель всемилостивейше указать».* Не совсем понятно, что именно Ефремов здесь понимал под *«ближними местами»*, нисколько не принадлежавшими запорожцам – окрестности Черкасска? территорию восточнее Миуса? Но у автора книги практически нет сомнений, что в последнем предложении, под теми местами, которыми *«издревле»* владели донцы и куда Ефремов требовал указа о свободном доступе донцам, он имел в виду именно очищенное от запорожцев морское побережье между Миусом и Кальмиусом. По его мысли, здесь донские казаки могли бы иметь возможность поправлять свое хозяйство в перерывах между походами и командировками: *«где бы оставшие за раскомандированием в службы В.И.В. и в другие интересные надобности козаки могли придти впредь к службе во исправность».* [13, сс. 1459-1463].

К этому донскому донесению были приложены копии с письма Леонтьева в Черкасск от 17 февраля [13, сс. 1464-1465] и с его письма в Кош от 10 февраля 1746 года [13, сс. 1465-1469]. А также и уже упоминавшийся свежий донской экстракт, составленный 17 мая 1746 года [13, сс. 1469-1472]. Основной массив жалоб в этом документе относился к уже знакомому нам району междуречья Миуса и Крынки, где Бахмутский шлях проходил поблизости от Леонтьевых и Глухих буераков. Ниже мы разберем приведенные в нем случаи.

24 марта у Глухих буераков шайка из 12 запорожцев (как установит позднее следствие, это была шайка Клима Калги), вооруженная ружьями, пиками и пистолетами напала на проезжающих малороссиян Демьяна Прокоповича Греченинова из Изюмского полка и Василья Григорьева из Прилуцкого полка, которые ехали из Бахмута вместе с еще десятью своими товарищами. У них разбойники отобрали: *«15 лошадей с хомутами и принадлежностию, деньги, ружья с боршнеми, чекменей, шубы, поеса, епанчи, котлы медныя, шкуры возовые и протчая, что при них имелось»*. При этом запорожцы их били *«немилостиво»*. Эти же люди *«слышели от малороссиян проезжих, что еще до них разбили запорожцы 17 человек малороссиян со всеми пожитками»*. Эти данные были записаны в Черкасске только 3 апреля.

На 2 апреля записано происшествие с малороссиянином Мартином Михайловичем Бакчевником из Прибылянской станицы (один из районов тогдашнего Черкасска), который с тремя товарищами-малороссиянами поехал в Глухие буераки для изготовления дубасов (род долбленой лодки). Там на них напала *«воровская запорожских козаков партия»*, опять из 12 человек (вероятно, это были слегка пополненные остатки шайки Клима Калги,

который мог сделать «вторую ходку» после распада своей ватаги на Волновахе?). В этот раз грабители отобрали одного мерина, ружье, мех ржаной муки, *«тапор хохлацкой»*, два мешка пшена и полпуда соли (всего убытков почти на 15 рублей). Видимо, Бакчевник не выразил особого восторга по поводу того, что его имущество перешло к запорожцам, так что они били его ратовьями (древками пик) и плетьми и оставили *«едва жива»*. А сами уехали в степь *«неведомо куды»*.

Еще Петр I пытался запретить на нижнем Дону казакам и местным русским людям изготовление долбленных лодок. В целях сбережения немногочисленных местных лесов, он требовал строить только «европейские» лодки с наборным дощатым корпусом. Как мы можем видеть, здешний люд и в середине XVIII века еще не дозрел до понимания проблем экологии и необходимости сохранения природы и продолжал пользоваться примитивными и варварскими способами судостроения, что никак не шло на пользу байрачным лесам на Миусе. Может Бакчевника это так изысканно карма достала? :)

Та же самая шайка и в тот же день, по слухам, разбила в том же районе еще два табора малороссиян, везших в Черкасский городок хлеб, вино и соль. У этих, вроде как, отобрали коней и прочее имущество. Разоренные малороссияне после этого уже не поехали в Черкасск, а, якобы, пешими пошли наниматься к запорожцам на рыбные косы. Поэтому в канцелярии войска Донского по этим случаям достоверной информации не появилось. Возможно, там все реально не настолько грустно было.

Где произошли два следующих случая – не указано, но можно догадаться, что в том же районе. 4 апреля у казака Ахтырского полка Ивана Матвеевича Машенского и его товарища – забрали 4 лошадей, медный котел, бурку, топор, чекмень и прочее имевшееся имущество. А у Павла Юхимовича Шулгаева из Гадяцкого полка с товарищем отобрали 3 лошадей, два тулупа, два серых чекменя, двое сапог, епанчу, сало свиное, два каравая, три пары рубах с портами, котел медный, мех орехов и мех муки.

Тоже на Глухие буераки для изготовления дубасов отправился Степан Маркович Моценко из Черниговского полка со своим отцом. О том, что в этом месте данное занятие довольно чревато – он не знал. Но карма не миновала и его. Ночью (дата не указана) на них наехали семь запорожцев с ружьями и отобрали мех ржаной муки, шаровары серые и пояс жичной (?). Видимо, за то, что ограбляемые оказались такими нищебродами, напавшие били их «немилостиво». А за попытку не отдать шаровары – хотели «исколоть». К счастью, отпустили без шароваров, но живыми.

Продолжились грабежи в этом районе и после того, как донцы Туроверова в середине апреля согнали приморских запорожцев за Кальмиус. Даже такие крутые меры не помогли…

19 апреля через этот опасный район проезжала в Черкасск большая ватага малороссиян на 80 возах с грузом хлеба. Вели их Иван Павлович Светлишенков и Козьма Уласович (Власович) Калачниченков из города Грайворона, а под их рукой – еще 38 человек. Не доезжая одной версты до Леонтьевых буераков (те располагались немного южнее Глухих буераков) на них напали 22 запорожца (это явно была шайка атамана Левки). Невзирая на свое численное превосходство, обозники обороняться не стали. В результате у них забрали

18 рублей денег, одного вола, шесть лошадей (дав, правда взамен несколько своих уставших меринов), одно ружье и немного еды и одежды (мешок сухарей, четыре круга свиного сала, одни онучи суконные, полсть[2] и три епанчи). Если бы вожаки каравана не передали на расспросе в Черкасске предупреждение напавших: *«чтоб никому оне о том их грабительстве не объявляли, а ежели де объявите, то де по возвращении назад поколоны в смерть будут»*, то можно было бы подумать, что им повезло попасть на «регулярную» партию запорожцев еланчицкой паланки, собиравшей дорожный сбор с проезжающих. Уж очень скромно их в этот раз ограбили… В Черкасске про этот случай узнали 22 апреля.

Аналогичная неприятность случилась с малороссиянами Николаем Андреевичем Березовским и Павлом Егоровичем Банбосом из города Омельника Миргородского полка. Они с семью их товарищами ехали на порожних возах в Черкасский для покупки рыбы. В Бахмуте к ним присоединилось еще семь человек. 15 апреля у Глухих буераков на них тоже напала шайка в 12 конников с ружьями (опять шайка Калги?). В этот раз обозники, вероятно, пытались как-то сопротивляться, так как нападавшие теперь проявили бóльшую жестокость – ранили в бедро одного из обозников (Ивана Рудова), убили двух волов и ранили столько же. Плюс одного вола увели с собой. И кое-что из вещей, имущества и провизии растащили [13, сс. 1469-1472].

На этом мы оставим два славных казачьих войска, увлеченно (и обоснованно) жалующихся друг на друга и посмотрим, как там обстояли дела у проводившего следствие в крепости святой Анны поручика Швыкова.

[2] Полсть – толстый и плотный лоскут, иногда тканый (ковёр), плетёный (половик), стёганый, чаще валеный, сбитый (кошма, войлок), используемый для подстилки, покрытия, завешивания или отгорожения чего-либо.

Окончание миссии Швыкова

По первому делу, порученному для разбора поручику Швыкову, все случаи относились к 1-й половине 1745 года. Поэтому основные вопросы следствия были к тогдашней администрации Еланчицкой паланки – полковнику Тимофею Ивановичу Постерняку, его есаулу Ивану Лаштабеге и паланковому писарю Алексею Петруше (Сукуру). Но последний, как уже говорилось, сумел избежать поездки в крепость святой Анны. Так что на следствии в основном пришлось отдуваться двум запорожским подследственным – Постерняку и его бывшему есаулу Лаштабеге. Каждый из них избрал собственную стратегию защиты и привез с собой тщательно отобранных и строго проинструктированных «своих» свидетелей, в результате чего они выступили двумя изолированными, мало помогающими друг дружке группками. И, во избежание вызова следствием дополнительных очевидцев, каждый из них утверждал, что кроме вот этих, приехавших с ними людей – больше никого вспомнить не может: *«а протчих де именами и прозваниями не знает»*.

Лаштебега привел с собой сразу четырых участников своей поездки на Миус – казаков Василя Басараба, Семена Хвастовца, Грицка Рудя, Сидора Смирненко. Бывший есаул заранее тщательно продумал и отрепетировал свою версию поездки его партии на Миус, в которой он подавал все случившееся там в самых радужных и благостных тонах. Этой же версии он научил и своих людей. Но вот о чем он не подумал – так это предупредить их о том, чтобы они это все передавали не дословно, как услышали от него, а своими словами! В результате, когда после допроса Лаштабеги следующим вызвали Василя Басараба – он бодро оттараторил тот же самый текст, с теми же подробностями и речевыми оборотами, и лишь с очень незначительными отклонениями. Что быстро аукнулось ему на следующих вопросах, на которые ему пришлось отвечать уже самостоятельно – сразу же полезли существенные противоречия с «заученным» текстом. Аналогичная картина получилась и по остальным свидетелям Лаштабеги: *«а вышепоказанные в ево, козака Басараба, ответе козаки Семен Хвастовец, Грицко Рудь, Сидор Смирненко по вопросам порознь по одному спрашиваны, токмо показали против вышеописанного во всем сходно»* [13, сс. 1524-1529]. Это был прокол! Было понятно, что они не говорят правду, а действуют в сговоре.

Постерняк же к делу своей защиты отнесся гораздо менее осмысленно. Он и свою версию заранее не продумал, и с собой привел всего двух доверенных казаков — Корнея Рудя (по погоне за калмыками) и Федора Шестака (по эпизоду с визитом Виногорова в Еланчицкую паланку). Бывший полковник попытался уйти в глухую защиту по типу: «Не был! Не знаю! Не ругался! Был, но не знаю! Не участвовал! Не знаю». А когда его ловили на неправде с помощью прямых улик или на очных ставках – он тут же соглашался, что да, был неправ, а предыдущие неправильные показания давал *«по простоте своей»*. Что в большинстве случаев выглядело и откровенно глупо, и просто жалко. И Постерняк ну о-о-о-очень старательно пытался дистанцировался от знания результатов майского разъезда Лаштабеги. За что тот потом немного «притопил» своего шефа по поводу реальности существования Осипа Короля.

В противоположность запорожцам, представитель другой стороны — ротмистр Азовского казачьего полка Виногоров — развил кипучую деятельность. Он пачками находил и приводил свидетелей (в том числе из числа ограбленных запорожцами на Бахмутском шляхе), писал заново подробные показания, указывал на вопиющие противоречия и небылицы в запорожских показаниях и так далее.

Первоначальные следственные действия со снятием первичных показаний были завершены Швыковым уже к 7 апреля 1746 года. 19 — 26 апреля состоялись очные ставки и сопоставление показаний. К тому времени, по отдельному запросу Швыкова, новый кальмиусский полковник Леонтий Таран разыскал и доставил в крепость запорожских казаков Осипа Череватого и Петра Лысого, имевших отношение к опознанным калмыцким коням. Но, все-таки многих важных свидетелей в этот раз Швыкову опросить не удалось. Так, из числа запрошенных к следствию так и не были присланы: от запорожцев – Алексей Сукур (Петруша), подписок Федор (?), подписок Андрей Шапран, казаки Петр Малый, Грицко Литвин, Алексей Долгий, Марко Шульга и Осип Король, от войска Донского – калмыки Лузан, Габун, Аридал, Ивашка и Будужап. Но даже и так — тщательность проведенного Швыковым следствия и сегодня внушает большое уважение. Все показания, записанные на обоих этапах следствия, сохранились. Конечно, и сам ход следствия, и подробности показаний, и «борьба умов» — заслуживают отдельного и подробного описания. Но здесь мы, пожалуй, пожалеем уважаемого Читателя и это все опустим. Скажем лишь кратко – Постерняков на следствии имел весьма бледный вид. Тем не менее, их с Лаштабегой усилия не пропали совсем даром — хотя Швыков в своем «Мнении» и выражал уверенность, что Постерняк и Лаштабега явно о многом умолчали и многое показывали неправдиво, но следствию так и не удалось доказать их с есаулом **прямой** вины в самой тяжелой части обвинения – в разбоях на Миусе. Но вот в том, что без запорожцев там не обошлось, и что со стороны Запорожских Вольностей творится сплошной бардак, который местная старшина не может (и не особо стремится) пресечь – это из материалов дела было четко понятно.

Если кто захочет лично проверить утверждения автора книги – полные протоколы допросов и выводы следствия по этому делу приведены во 2-м томе сборника Д.И. Эварницкого «Источники для истории запорожских козаков» [13, сс. 1516-1562]. Там же – и дополнительные донские и запорожские экстракты, по которым Швыков следствие провести не успел [13, сс. 1562-1569, 1569-1577, 1577-1578]. Читайте, сравнивайте, проверяйте. :)

Интересен вопрос «подписков» (помощников паланкового писаря) во времена правления на Еланчике полковника Постерняка. По ним упоминаются два разных имени. В первый раз – некий подписок Федор (*«а прозвания не знает»*) мелькнул в протоколе допроса Постерняка при описании его пути с Сечи в паланку [13, с. 1516]. И более он упоминаться не будет. По более поздним событиям, совместной с азовцами поездки в междуречье Миуса и Крынки, тот же Постерняков будет упоминать эпизод, что непосредственно в Леонтьевы буераки он послал тогда подписка Андрея Шапрана [13, с. 1522].

Не совсем понятно – действительно ли это были два разных человека? И почему подписок в паланке к маю уже сменился? Или никакого «Федора» на самом деле не существовало, просто на следствии у Постерняка чуть позже прорезалась память, и во втором эпизоде он назвал действительное имя паланкового подписка? Для самого Андрея Шапрана это, по всей видимости, была уже третья командировка в Приазовье (после исполнения писарских обязанностей в 1743 году и участия в «прениях» октября 1745 года). Только непонятно, почему в этот раз он здесь оказался в таком низком чине? Особенно с учетом того, что уже в следующем 1746 году он будет исполнять обязанности писаря при очередной поездке запорожских делегатов ко двору [13, с. 1513]. То есть он явно был на хорошем счету.

Напомним, что в то время, когда Швыков проводил очные ставки и сверку показаний, одновременно произошел сгон партией Туроверова запорожцев за Кальмиус. Разумеется, что торжествующие слухи об успехе донской экспедиции быстро дошли и до соседственной с Черкасским городом крепости святой Анны, где вызвали большие волнения и недовольство у находившихся там запорожских делегатов. А вскоре к руководителю следствия поручику Швыкову пришло и письмо с Кальмиуса от согнанного с Еланчика полковника Леонтия Федоровича Тарана (мы про него уже рассказывали). К сожалению, автору не удалось установить, когда именно это произошло (вероятно, не позже конца апреля). Как и то, было ли еще дополнительно письмо с Кальмиуса напрямую к запорожским депутатам? Но, как бы то ни было, видимо, Швыков не счел нужным сохранять в секрете от запорожских делегатов (которых эта ситуация напрямую касалась) текст полученного им письма с Кальмиуса.

Такие агрессивные и не совсем адекватные действия донцов Туроверова вызвали естественное недовольство у запорожцев, находившихся при следственной комиссии в крепости святой Анны. Разгневанные казаки порывались тут же уехать прочь. Но Швыкову как-то удалось уговорить их остаться на месте хотя бы до конца первого следствия и заодно попытаться дождаться реакции руководства Коша и высокого начальства на поход Туроверова. Так, например, запорожский казак Петр Лысый на 2-е мая еще оставался в крепости и участвовал в опознании уже упоминавшегося гнедого коня [13, с. 1556].

А 5 мая в соседнем Черкасске начали проводиться первичные допросы арестованных членов шайки разбойников атамана Левки Белого. И в их показаниях, кроме прочего, донцы уцепились за любопытный сюжет о том, как в прошлом 1745 году конокрады сбывали угнанных лошадей в Самарской паланке. И что при этом, дабы местная запорожская старшина закрывала глаза на криминальное происхождение этих лошадей, тогдашнему самарскому полковнику Терентью (Стеблеевского куреня, Верхего или Нижнего – не указано), его есаулу Михайле Сухому (Конеловского куреня) и писарю Джереловского куреня (имя которого допрашиваемые не знали) вручались в подарок лучшие лошади из угнанных. Как показывалось, например, в показаниях Кондратия Черного: *«<…> которых они заведомо грабежных и принели, а обыкновение у наших полковников такое есть: ежели что из грабежного ему дадут, берет он часть, а есаул с писарем другую»* [13, сс. 1588, 1593, 1608]. А цимес ситуации был в том, что этот бывший самарский полковник был не кем иным, как делегатом от войска Запорожского полковником Терентием Григорьевичем Чернецом (он же — Терентий Григорьев), прибывшим вместе со Швыковым в крепость святой Анны для расследования! Как-то неудобно получилось…

Терентия срочно вызвали в Черкасск. Там ему, *«при присудствии войскового атамана [Д.Ефремова — LV], и старшин, и присланного из той следственной комиссии в депутатах прапорщике Мертемьяне Теглеве»* устроили очные ставки с теми из разбойников, кто участвовал в передаче ему угнанных лошадей. Они вновь показали: *«что дали ему, Терешке Стеблеевского куреня, из разбоем взятых и воровски отогнанных лошадей, коня пегова да кобылу гнедую»*. На это Терентию Чернецу пришлось признавать свою вину: *«<…> в чем он и сам принес извинение, объявляя, что те лошади им заведомо краденных приняты; да и протчих воров, кои проезжающих дорогами грабили – не мало лошадей принимал и без всякаго наказания их отпущал, и от того пропитание имел»*. А вот по второму, чуть более позднему эпизоду (из показаний задержанного запорожца Алексея Комара), что атаманы Сенчук и Калга в другой раз ему еще и ворованную рыжую кобылу презентовали, Чернец отпирался: *«точию в том он заперся и отговариваетца тем, якобы*

того не упомнит» [13, с. 1584]. На участников этого допроса эта ситуация произвела очень тягостное впечатление, но задерживать проштрафившегося запорожского полковника пока не стали, отпустили его обратно в крепость святой Анны.

По поводу второго эпизода – Терентий Чернец, возможно, и не лукавил вовсе. Дело в том, что в показаниях другого участника шайки – малороссиянина Данилы Щербины – в этом же случае с дарением рыжей кобылы упоминается имя другого Самарского полковника – Екима (Якима), тоже из одного из Стеблеевских куреней [13, сс. 1463, 1599]. Кто в данном случае ошибся – Комар или Щербина – автору книги выяснить не удалось. Возможно, истину здесь можно установить сверкой с перечнем казацкой старшины Самарской паланки за 1745 год.

И, вероятно, именно после этих неудобных и ненужных расспросов, запорожским делегатам вдруг стало совсем уж невмоготу продолжать свое пребывание при следствии. Они спешно покинули крепость святой Анны, оставив поручику Швыкову письменное *«доношение»*. Вот что в нем говорилось о причинах их экстренного отъезда: *«<…> объявили, что им более тамо жить не для чего, и в другом де следствии [по второму и третьему делу — LV] заседать они не должны и не будут. Одно де за тем, что в крайнюю скудость пришли и пропитания не имеют, а другое де и за тем, что от запорожского кошевого атамана и с товариством более ни в какие дела вступать не велено. А хотя де и должно было о произшедших в прошлых годех войску Запорожскому от войска Донского обидах искать сатисфакции [удовлетворения — LV], о чем и следствие произвесть велено, но токмо де, как уже и явно видно, что вновь еще от них, Донскаго войска, на запорожцов наглое, якобы на неприятеля [как на неприятеля — LV], учинено нападение и разорение. Да и не только де запорожские козаки в пожитках от донских козаков разорены и из волностей войсковых запорожских нагло выгнаны, но иные [казаки — LV] де — чрез [в]незапное якобы неприятелское нападение — лишився света и смертию пострадали [т.е. погибли — LV]. И для того требовали они, [запорожские — LV] депутаты, дабы о том разорении, куда надлежит, ему, порутчику, за известие представить. А их [депутатов — LV] до Коша Запорожского отпустить, дабы им без упущения времяни о таком, произшедшем вновь от донцов войску Запорожскому разорении в скорости до Коша донести было можно. С чего надеются, что и о их обидах и разорениях по прошению войска Запорожскаго, где надлежит, по способности другая комиссия быть имеет»* [13, сс. 1477-1478]. С утверждением запорожцев, что они за время полуторамесячного следствия пришли *«в крайнюю скудость»*, вполне можно согласиться. Оплата их пропитания и проживания здесь была только их личной проблемой и никого (включая и Кош) особо не волновала. Известно, например, что тогдашний еланчицкий полковник Леонтий Таран (из тех 25 рублей, которые он получил за проданные 100 пудов реквизированной соли, о чем мы уже писали ранее) дал в долг пребывающим в крепости святой Анны депутату Марку Кажану и находящемуся там же *«под ответом»* прежнему полковнику Тимофею Постернякову пять и три рубля соответственно [ЦГИАК, ф.59, оп.1. д.1288, л.22]. А вот насчет того, что им нужно поскорее лично принести в Кош сведения о походе Туроверова – это уже некоторое лукавство. О действиях Туроверова они вряд ли могли что-то добавить к тому, что уже сообщил в Кош местный полковник Леонтий Таран. А вот о «внутренней кухне» Черкасска накануне похода донского полковника – тут им было что рассказать (эти данные будут использованы в жалобе Коша от 24 мая 1746 года, уже ранее рассмотренной нами). Но, что характерно, о вскрывшемся

плодотворном сотрудничестве администрации Самарской паланки с конокрадами – в этом «доношении» ни словом не упомянуто (например — обязательство самостоятельно разобраться и наказать виновников?). И в самом деле – а зачем?..

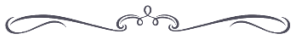
Такие неожиданные кульбиты и стремительное обострение обстановки вынудило поручика Швыкова резко ускорить окончание первого из порученных ему следственных дел. Хотя это далось ему очень тяжело. Фактически к началу мая и запорожцы, и донцы уже откровенно саботировали дальнейшее проведение следствия. Тем не менее, к 6 маю 1746 года Швыков сумел звершить первое дело (по поводу обвинений командования Азовского казачьего полка в сторону полковника Постернякова) и подбить в один пакет все документы по нему (включая *«свое мнение»*, *«обстоятелной экстракт»* и копии с протоколов очных ставок, а также *«доношение»* оставленное при отъезде запорожскими делегатами). В результате своего расследования он пришел к выводу о том, что по этому делу *«во всем виною нашелся бывший при Калмиюсе запорожской полковник Тимофей Иванов сын Постерняков с командою»*. Общие убытки донских, азовских и слободских казаков от действий запорожской команды Постернякова были оценены в сумму 1635 руб. 78 коп. Весь этот пакет документации Швыков переслал в Киев (и, вероятно, в Военную коллегию?).

К концу первого следствия ротмистр Виногоров подал следствию официальную жалобу на то, что эпизод в Еланчицкой паланке, куда он поехал не по собственной воле, а по приказу начальства, был крайне оскорбительным для его чести. Почему он и требовал, чтобы с Постерняка и с не явившегося на следствие писаря Алексея Сукура (Петруши) были взяты в его пользу денежные штрафы. Вероятно, именно для определения размера штрафа, Швыков запрашивал канцелярию Азовского казачьего полка о жалованье ротмистра Виногорова. Только интересно, что ответ полковой канцелярии на этот вопрос (24 апреля) получился раньше, чем дата подачи официальной жалобы Виногорова (30 апреля) [13, сс. 1559-1560]. Видимо, там сначала кулуарно этот вопрос решали, прежде чем давать ротмистру отмашку на написание этой жалобы. Окончания по этому запросу автору книги найти не удалось. Но, видимо, Виногоров эти деньги так и не получил.

Параллельно с окончанием первого дела Швыков, согласно распоряжению Леонтьева, попытался было начать следствие по двум следующим делам – по январской и мартовской взаимным жалобам донцов и запорожцев друг на друга. Но с этим у него уже ничего не вышло, так как оба казачьих войска теперь отказывались от сотрудничества со следствием. Так, от войска запорожского так и не были присланы полковник Иван Ступаков (Ступак), а также казаки Сенчук (это был Грицко Сенчук, Полтавского куреня), Щербина (это Данила Федорович Щербина или Павло Щербина), Моисей и Яцко, о которых Швыков подозревал, что они принадлежали к партии этого еланчицкого полковника. Также к следствию нужно было вызывать более 60 других запорожских казаков, на скорое прибытие которых в сложившихся условиях надежды у Швыкова уже не было. Также, как уже говорилось, после отказа Швыкова участвовать в сгоне запорожцев с Миуса, Данила Ефремов сильно на него обиделся, что сразу же сказалось на эффективности его сотрудничества со следствием.

По тем донским казакам и калмыкам, доставки которых Швыков попытался потребовать с Ефремова, тот ему ответил, что часть из них *«в Лифляндской корпус в шеститысячную команду отбыли, а другие в поход же посланы за воровскими людми, а о протчих ему, порутчику, от него, войскового атамана, объявлено, что де по нынешней деловой поре [т.е. удобному для заработков времени года — LV] требуемые во всеконечное разорение придут»*. Из затребованных для нового следствия донских старшин, которые командовали силовой акцией против запорожцев в октябре 1743 года, на тот момент Григорий Каршин находился в лифляндском походе, а Егор Юдин уже умер.

Вконец обескураженный Швыков (который, к тому же в здешнем нездоровом климате еще и чем-то переболел) понимал, что в таких условиях новые два следствия он провести уже не сможет. К тому же новый комендант крепости святой Анны полковник Качинский (похоже, хорошо относившийся к нашему поручику) подсказал ему, что ранее для разбирательств по этому *«донскому делу»* было положено определить офицера гораздо более высокого ранга: *«из полевых полков штапы из полковников»*. Донской атаман Ефремов, продолжавший злиться на Швыкова, тоже считал, что *«кроме штап-офицера или других к тому знатных персон – разобрать [такое следствие — LV] никто не может»*. Поэтому Швыков ухватился за эти соображения, и в своем сообщении в Киев от 6 мая, вместе с пакетом завершающих документов по первому делу, настойчиво просил освободить его от расследования второй и третьей жалоб.



24 мая все эти бумаги попали в Киев, к Леонтьеву. А уже 28 мая из Киева в Сечь было отправлен новый ордер. Как писал Леонтьев: *«А понеже по доволному моему оного экстракта [и] других приложений разсмотрению, во всем виною нашелся бывшей при Калмиюсе запорожской полковник Тимофей Иванов сын Постерняков с командою»*, то он потребовал у Коша удовлетворения доказанных претензий донцов по первому следственному делу. Кошу предписывалось, *«не принося в том никакова более к затруднению оправдания»*, забрать у виновных награбленное имущество или взять с них *«по настоящим ценам»* денежную компенсацию. А в тех случаях, когда с виновных по каким-либо причинам это взыскать не получится, то брать эти деньги с куреней, в которых они состояли, *«и с их командиров, в чьих командах оные виновные находились и до таких продерзостей допущаемы были».* Собранные деньги и имущество предписывалось отправить в крепость святой Анны Швыкову, чтобы *«тем оное дело удоволствовать и успокоить с роспискою конечно, дабы и другие [запорожцы»], впредь на то смотря, таких продерзостей чинить не отважились»*. То есть, задачи были не только «карательные», но и профилактические [13, сс. 1475-1476].

Кстати, по поводу известий о походе Туроверова – киевский генерал-губернатор был очень недоволен (похоже, он об этом узнал только из отчета Швыкова). И он не очень понимал причины этого донского похода, тем более после стольких «запрещающих» ордеров, отправленных им из Киева в Сечь, которые (теоретически) должны были уже вразумить запорожцев. Так что такую реакцию донцов Леонтьев счел явно излишней: *«<…> а с чего от донских козаков такие продерзости, как из писма Калмиускаго полковника Леонтья Федорова [Тарана — LV] видно и как запорожские депутаты доносят, о чем*

выше сего объявлено, имянно произошли – о том неизвестно, и ни к кому в предложениях моих того чинить дозволено не было!».

Одновременно Леонтьев разослал письма и прочим участникам этого разбирательства[1]. Так, Швыкову сообщалось, что его просьба об отводе от дальнейшего следствия была удовлетворена. И чтобы он, после получения из Коша выплат и *«по удовольствии по первоокончанному следственному делу обидной стороны»* (т.е. после передачи этих средств пострадавшим) возвращался со своей *«командой»* в Киев. А в сообщениях в Сечь и в Черкасск говорилось, по каким именно резонам удовлетворена просьба Швыкова и что *«впредь другой комиссии быть потребно»*. При этом в темы для нового расследования Леонтьевым были уже включены и обстоятельства похода полковника Туроверова. Киевский генерал-губернатор потребовал от войска Донского сведений: *«<…> а для чего вышеозначенные от донских козаков [партии Туроверова — LV] толь немалые запорожским козакам обиды и разорения приключены, и на каких имянно – на донских или запорожских – грунтах?»*. Также он запрашивал от Коша и Черкасска предложения *«где впредь для показанных следствей по способности [т.е. удобнее для обеих сторон — LV] комиссию учредить?»*. Но по последнему вопросу ответа Леонтьев не дождался и месяц спустя, оба казачьих Войска по этому поводу предпочли отмолчаться [13, сс. 1479, 1639].

Тем не менее Швыкову еще надолго пришлось задержаться в крепости святой Анны, тщетно дожидаясь присужденных к выплате запорожцами денег. Когда, ближе к концу лета, его терпение, наконец, лопнуло, он лично отправился на Сечь. Вместе с ним поехал и его коллега по следствию — депутат от крепости святой Анны поручик Козловского гарнизонного полка Мартемьян Теглев. Там они потребовали у кошевого атамана Сыча выплаты определенной по результатам первого расследования и подтвержденной ордером Леонтьева от 28 мая суммы в 1635 руб. 78 копеек. По тем временам это были очень большие деньги! Еще раз напомним, что все годовое денежное содержание войска Запорожского тогда составляло 4660 руб. Тем не менее, припертый к стенке кошевой где-то смог наскрести 600 рублей. Эти деньги Швыков под расписку передал Теглеву, для доставки в крепость святой Анны. По поводу недостающей суммы – кошевой выдал Швыкову расписку, где обещал переслать эти деньги в киевскую губернскую канцелярию не позже 30 ноября того же года (видимо, ожидая к этой дате поступления ежегодного денежного жалованнья войску). С этой распиской Швыков и прибыл, наконец, в Киев 17 сентября 1746 года. Спустя почти девять месяцев после своего отбытия на нижний Дон…

О передаче части присужденной суммы и ожидаемых сроках выплаты ее остатков Леонтьев 2 октября отправил сообщения в Сенат, в Черкасск Ефремову и в крепость святой Анны Качинскому. Также он обещал им дополнительно сообщить, когда обещанный остаток денег поступит в Киев [13, сс. 1481-1482]. Но вот о том, выполнил ли в конечном итоге кошевой атаман это свое обещание, как и о том, каким образом была распределена между пострадавшими пересланная сумма – автору книги выяснить, к сожалению, не удалось.

[1] В бумагах министерства юстиции упоминается донесение Леонтьева в Сенат от 14 июля 1746 года (скорей всего это входящая дата). Там он сообщает о выявленной причастности к грабежам полковника Постернякова с командой и о затребовании с Коша возмещения убытков пострадавшим [13, сс. 1732-1733].

Весна 1746 года. Решение о новой границе

Ну а мы теперь опять вернемся по времени немного назад, в начало весны того же года. И мысленно перенесемся в другой регион, расположенный намного севернее наших степей, сотрясаемых раздорами между запорожскими и донскими казаками.

Для лучшего понимания последовательности и взаимосвязанности событий в этой главе – будет не лишним еще раз напомнить уважаемому Читателю, что ни Интернета, ни факсов, ни даже телеграфа в середине XVIII века еще не было. Поэтому появление какого-то документа в одном месте никак не означало, что с ним в тот же день ознакомятся на другом конце нашей необъятной державы. Обычно дорога в один конец из Москвы в Киев или на нижний Дон занимала 3-4 недели (из Санкт-Петербурга – еще примерно на неделю — полторы дольше). Специально посланные гонцы, благодаря системе почт, могли преодолеть это расстояние раза в полтора — два быстрее, но их использовали редко, только в особо экстренных случаях. Поэтому время реакции и начала эффективных действий у имперской бюрократической машины было очень значительным. И рассылки указов на периферию, и переписки между ведомствами – нередко занимали очень много времени. Пока сообщение с мест достигнет столиц, пока там (не спеша) обдумают ситуацию, пока запрос с уточняющими вопросами вновь достигнет периферии, пока там соберут данные для ответа, пока доставят этот ответ в столицы… Такая вялотекущая переписка могла тянуться многими неделями и даже месяцами.

Поступление в Сенат (в конце 1745 – начале 1746 года) итоговых результатов по миссии Бильса значительно прояснило ситуацию с конфликтом между двумя казацкими войсками. И последним критическим аргументом должно было стать письмо Ефремова от 31 декабря 1745 года, где тот сообщал об угрозе разорения и снижения боеспособности войска Донского. По какой-то причине оно попало в Сенат только 5 марта 1746 г.[1] (вылеживалось в Военной коллегии?). Вероятно, именно после этой даты процесс вынесения решения по данному конфликту значительно ускорился.

Господам сенаторам обычно не было нужды лично вчитываться во все многочисленные документы каждого нового дела. Иначе они просто физически не успевали бы принимать решения по всем вопросам, непрерывным потоком направлявшимся в Сенат. И деятельность этого высшего имперского органа власти была бы малоэффективной. Поэтому эта нагрузка обычно падала на подчиненных им канцелярских служителей, которые должны были составлять итоговые сокращенные экстракты по каждому рассматриваемому делу. Но даже из такой сокращенной «выжимки» было понятно, что заход запорожцев в северное и северо-восточное Приазовье в 1743 году оказался не согласованной ни с кем авантюрой. По сути – это была попытка самозахвата ими этих новых, недавно отвоеванных от Турецкой империи территорий. А те документы, на которые так отчаянно указывали запорожцы в обоснование своих действий, как теперь выяснилось, были ими просто неправильно поняты. К тому же, после обнаружения ошибочности собственной позиции, Кош так и не предпринял никаких мер, чтобы как-то исправить или загладить ее. Было понятно, что

[1] Дата поступления письма от Ефремова в Сенат указана в указе из Военной коллегии в крепость святой Анны от 12 мая 1746 года (ИР НБУВ, ф. V, д.104-220, док. 138, л. 126об (пагинация карандашом); поздняя копия 1777 г. — РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.10, л.484об).

даже после этого конфуза Кош не готов поступиться своими территориальными «хотелками» и не станет добровольно выводить свои команды и своих рыбаков из этих краев. К тому же, на руках у Сената начиная с 1743 года было множество хорошо задокументированных жалоб на запорожские грабежи, поданных от войска Донского и из крепости святой Анны. И пусть не во всех этих этих преступлениях можно было доказать прямое участие «настоящих» запорожцев, но было понятно, что они возможны именно из-за неспособности Коша обеспечить порядок на этих «хапнутых» им территориях. А продолжение этих грабежей грозило на самом деле пошатнуть экономическое благосостояние войска Донского, с последующим снижением его боеспособности, что было весьма критично для Правительства.

С другой стороны, если запорожцев вернуть на те позиции, где они были ДО начала 1743 года, то что тогда делать Правительству с оставляемыми ими территориями? По условиям мирного договора после последней турецкой войны – держать России флот на Азовском море было запрещено, а полоса барьерных земель не позволяла устроить на побережье и коммерческие порты (хотя бы только для приема турецких и греческих судов). Ставить новые крепости в глубине степей – ни военного, ни экономического резона пока не было, как не было на тот момент и финансовых, и человеческих ресурсов для такой экспансии. А без военного прикрытия – не могло быть и речи о раздаче этих земель помещикам, так как татарские набеги были еще в свежей памяти. К тому же можно было догадываться, что у Коша действительно могли быть свои экономические интересы на территориях к западу от нижнего Днепра, которые при разграничении 1740 года остались за Турцией. Можно осторожно предположить, что из Сената могли запрашивать еще и мнение по этим вопросам киевского генерал-губернатора Леонтьева. Который, невзирая на все свое раздражение от действий Запорожского Коша, все-таки должен был еще и заниматься защитой интересов своих подшефных.

О том, как именно происходило обсуждение данного вопроса в Сенате, можно составить некоторое представление из фрагмента несколько более позднего указа по этой теме (от 12 мая 1746 года):

«И по указу ЕЯ императорскаго величества правителствующий сенат, слушав о том экстракта и смотря ланкарты, учиненной между Российскою империею и Портою Атаманскою границам от реки Буга до Днепра и чрез Днепр до реки Берды, и до протчих впадающих в Азовское море рек – Кальмиюса, Еланчика, Миюса, Темерника до реки Дону и до Черкаской крепости, и, имея доволное разсуждение, приказали <…>»[2].

В общем, в конечном итоге в верхах было принято компромиссное решение – наказать запорожцев больно, но не слишком обидно, чтобы позволить Кошу хотя бы частично сохранить лицо. Поэтому решили передать часть спорной территории войску Донскому (частично удовлетворив просьбы донцов), но все-таки оставить запорожцам другую часть морского побережья, чтобы совсем уж не лишать Кош финансовых поступлений с этой стороны. В качестве новой границы между двумя казачьими войсками была избрана река Кальмиус, которая идеально подошла для реализации условий этого решения. Она течет с севера на

[2] Указ из Военной коллегии в крепость святой Анны от 12 мая 1746 года (оригинал — ИР НБУВ, ф. V, д.104-220, док. 138, л. 128-128об (пагинация карандашом); поздняя копия 1777 г. — РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.10, л.486).

юг через все приобретенные от турок и татар земли Северного Приазовья и делит побережье между Миусом и Бердой почти пополам. Половину – запорожцам, половину – донцам. Для войска Запорожского это должно было стать полезным уроком на будущее — больно, обидно, но не смертельно.

Кстати, на ландкартах тех времен в Северном Приазовье между Бердой и Миусом обычно показывалась только одна река – Кальмиус. Остальные малые реки чаще всего игнорировались (или показывались гипертрофированно маленькими). Так что с выбором новой границы при таких условиях других вариантов особо и не было…

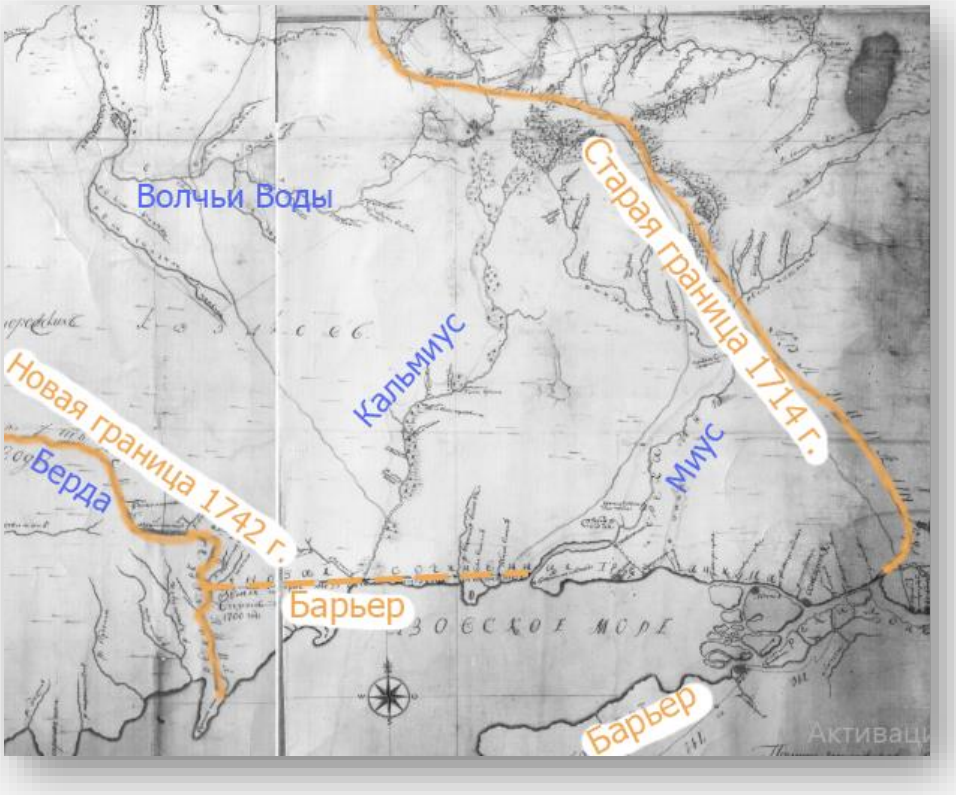


Рис.43. Фрагмент ландкарты И.А. Бибикова 1749 г. (с поясняющими пометками автора книги).

Очень похоже, что ближе к концу марта Данила Ефремов в Черкасске уже был кем-то из своих столичных доброхотов тайно проинформирован, что вопрос уже фактически решен и каким именно будет решение. Вероятно, именно это напрямую повлияло на его решение самостоятельно, не дожидаясь указов сверху, согнать запорожцев с приморских территорий между Миусом и Кальмиусом. Как и то, почему район действий Туроверова ограничили именно Кальмиусом, а не пошли тогда дальше…

И, примерно в то же время, когда Туроверов кошмарил приазовских запорожцев, вопрос о новой границе в далеком северном Санкт-Петербурге был окончательно решен. 15 апреля 1746 года было вынесено определение Сената по этому вопросу [13, сс. 1472, 1530-1531]. Несколько позже, 30 апреля, это решение было окончательно оформлено уже официальным указом. Ниже приведем его текст целиком:

Апреля 30. СЕНАТСКИЙ [указ]. — **О назначении пограничной межи между землями запорожцев и донских казаков**.

Правительствующий Сенат ПРИКАЗАЛИ: понеже, как от Запорожскаго, так и от Донскаго войск, на спорныя места, кому оныя принадлежат, никаких письменных документов, как из рапорта подполковника Бильса явствует, не объявлено, а на сказках от обеих сторон старожилов, старшины и казаков утвердиться не возможно: того ради, дабы впредь у них запорожцев с донскими казаками никаких уже споров и ссор не происходило, отвесть им ныне во владение земли и реки и лесныя угодья, и велеть владеть, а именно: запорожцам, от Днепра рекою Самарою, Волчьими водами, Бердою, Калчиком и Калмиусом и прочими впадающими в них речками и надлежащими и тем рекам косами и балками и всякими угодьи, по прежнюю 1714 года границу, которыя и по последнему с Портою Оттоманскою разграничению, оставлены в стороне Российской Империи, а от реки Калмиуса, Еланчиком, Кринкою, Миусом, Темерником, даже до реки Дону и всеми впадающими в них речками, балками и косами, и оных вершинами и всякими угодьи, состоящими по оному ж разграничению, владеть донским казакам. И для того быть между ими запорожскими и донскими казаками, помянутой речке Калмиусу границею, а от вершины оной, прямою чертою, даже до прежней 1714 года Российской с Портою Оттоманскою границы, учинить приличную межу и поставить грани. И при том им запорожским и донским старшине и казакам объявить с подпискою, чтоб они, как рыбными, так и звериными промыслами, в водах и в лесах и в степях довольствовалися теми им показанными местами, без всякаго спора. А впредь запорожцы, кроме Калмиуса, до других рек — Еланчика, Миуса, Темерника и прочих, такожь и в степи и за Калмиус — отнюдь, кроме соседственных необходимых добропорядочных дел или нужд, не ездили, и донским казакам никаких обид не делали; таким же образом поступать с ними запорожцами и донским старшине и казакам неотменно, под опасением на обе стороны жесточайшаго Ея Императорскаго Величества гнева и истязания; а при том разводе никакаго упрямства ни с которой стороны, как то прежде запорожские казаки в приезд вышепомянутаго подполковника Билса показали, что для осмотра и межевания тех земель донских казаков, кроме одних солдат и старожилов, не пропустили, и тем Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу учинили противность, всеконечно не чинили; для чего же тогда вышеобъявленную противность запорожской полковник Черной в непропуске при подполковнике Билсе донских казаков за Миус учинил, и хотел, ежели оные донские казаки чрез Миус при нем подполковнике поехали, обороняться, о том взять у него кошевому атаману ответ, и прислать в Сенат, и впредь запорожским казакам на Кубанскую сторону и на непринадлежащия им морския косы для рыбных промыслов и ни за чем отнюдь не ездить, и шалашей не строить, под тяжким штрафом; а о преждепоказанных, как донским казакам от запорожцев, так и запорожцам от донских казаков убийствах и обидах накрепко исследовать от Военной Коллегии, и решение учинить по силе прежних указов [40, сс. 544-545].

Как уже говорилось, согласно этому решению – Кальмиус официально становился пограничной рекой между Запорожским и Донским казачьими войсками. За запорожцами была оставлена территория между Бердой и Кальмиусом, причем право рыбных ловель в самом Кальмиусе и его притоках оставалось за ними же. А все левобережье этой реки (и

остальные территории вплоть до Миуса) отходили донцам. Также было де-юре подтверждено закрепление за войском Донским куска бывшей турецкой территории между Миусом и Темерником, которым оно фактически и так уже распоряжалось со времен последней войны с турками. Таким образом, согласно указу, к востоку от Днепра в Запорожские Вольности (помимо пограничных рек — Берды и Кальмиуса и неупомянутых здесь Конских Вод, с их притоками с «запорожской» стороны) были еще официально включены реки Самара и Волчьи Воды (которыми запорожцы к тому моменту уже и ранее исторически владели). А запорожские северо-восточные пределы устанавливались **по старую русско-турецкую границу 1714 года**. От верховьев Кальмиуса предписывалось до самой этой границы провести прямой линией пограничную межу между двумя казачьими войсками и обозначить ее *«гранями»* (пограничными столбами, знаками).

С этим постановлением было предписано ознакомить *«с подпиской»* (понятно, что только от старшины) запорожских и донских казаков, чтобы каждый знал свои границы и больше не возбуждал ненужных споров. Заезжать в чужие владения (*«кроме соседственных необходимых добропорядочных дел или нужд»*) и обижать другую сторону – в очередной раз запрещалось. Отдельно оговаривалось, чтобы, когда будет проводиться официальная демаркация на местности, ни с какой стороны (читай – с запорожской!) не производилось помех и препятствий этому делу. То есть, чтобы не повторилась ситуация прошлой осени, когда запорожский полковник Черной грозился устроить сражение на Миусе, не пропуская донскую делегацию. С самого Черного, кстати, у Коша требовалось взять объяснение, почему он тогда такую «противность» учинил и переслать его показания в Сенат. Также в очередной раз было запрещено запорожцам плавать на южную сторону Таганрогского залива. А все ранее случившиеся уголовные преступления между двумя казачьими войсками было теперь поручено расследовать почему-то не киевскому генерал-губернатору (как было до того), а Военной коллегии. Возможно, это была просто не замеченная сразу ошибка (бывает и такое!).

К сожалению, из данного указа не совсем понятно, к чему предполагалось отнести левые притоки Кальмиуса – просто к притокам этой реки (отходившим согласно указу запорожцам) или к рекам и степям восточнее Кальмиуса (передававшимся донцам)? Четко это прописано не было, что допускало разные трактовки этого момента. Но, судя по тому, что согласно указу запорожцам запрещалось без особой необходимости заезжать за Кальмиус, его левые притоки все-таки должны были поступить в пользование донцов. Впрочем, это был не особо важный вопрос, так как с этой стороны у Кальмиуса значительных притоков почти нет.

Также в указе никак не комментируется наличие в разделяемом между казаками северном Приазовье нейтральных барьерных земель (которые России не принадлежали). Господа сенаторы про них вообще не вспомнили. Да и не факт, что они уже были нанесены на те ландкарты, которые тогда рассматривались в Сенате. А дипломатов КИД к этому «внутреннему» делу Сенат привлечь для консультаций явно не догадался…

А вот сама отправка грамот об этом размежевании в оба казачьи войска и сопровождавших их указов – представителям российской администрации на местах, по всей видимости, произошла только 12 мая. От этой рассылки удалось найти только часть документов,

поэтому автор книги не очень уверен в своей реконструкции этих событий. Возможно, со временем, при условии обнаружения новых документов, этот фрагмент удастся уточнить.

Так, в сборнике Яворницкого приводится недатированный сенатский указ Леонтьеву. В нем, для сведения генерал-губернатора приводится (со ссылкой на сенатское решение за *«минувшаго апреля 15 дня сего 1746 году»*) текст, очень похожий на указ от 30 апреля, но несколько более сокращенный. И в нем, среди прочего, утверждается, что к Запорожскому и Донскому войскам отправлены соответствующие грамоты, как послан и указ в Военную коллегию. Также в этом документе, слово в слово, повторено то место из указа от 30 апреля, в котором расследование взаимных убийств и обид поручено Военной коллегии [4, pp. 1472-1473]. Фактически этот документ представлял собой «сопроводительную записку» к запорожскому экземпляру грамоты, который нужно было передать дальше в Сечь (ее найти пока не удалось). Судя по всему, это упоминаемый Леонтьевым сенатский указ от 12 мая 1746 года. В Киев он поступит только 15 июня [4, p. 1480].

Также сохранились тексты грамоты войску Донскому и указ Военной коллегии в крепость святой Анны от того же 12 мая. Текстуально они мало отличаются. Если текст сенатского указа от 30 апреля 1746 года был достаточно сжатым и (в основном) легко понятным, то в данных документах в начало был опять добавлен подробный многостраничный пересказ всех взаимных жалоб обоих казачьих войск, начиная с 1743 года (но еще без упоминания похода Туроверова, сведения о котором до столиц, вероятно, еще не успели дойти). То есть – здесь в документ добавлено намного более расширенное обоснование принятого решения о разделе по Кальмиусу, а также дан толстый намек, что верховные власти Империи очень недовольны обеими сторонами конфликта. В конце грамоты донцам фраза о том, кому именно теперь поручено расследование сформулирована максимально обтекаемо: *«[о взаимных обидах] накрепко исследовать и решение учинить по силе прежних наших указов»* [9, сс. 382-389]. Но вот в указе в гарнизонную канцелярию крепости святой Анны – было четко прописано, что организовать это расследование придется им: *«Чего ради для вышеписанного следствия, за отбытием помянутого полковника Билса при полку в поход* ***командировать из обретающихся в крепости святыя Анны и протчих Воронежского гарнизона полков штаб офицера*** *ис полковников или подполковников и майоров добраго и к тому исправлению /488/ надежнаго человека, которому велеть во всем поступать по прежде данным пред сим полковнику Билсу указам и ордерам непременно, а ундер-офицеров и салдат, ежели потребно будет, сколко надлежить, дать ему ис тех же полков. И кто именно тот штап-афицер и которого числа командирован будет — по тому ж [в] Военную коллегию репортовать. И крепости святыя Анны гарнизонной канцелярии учинить о том по ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу*» [ИР НБУВ, ф. V, д.104-220, л. 119 – 131об (пагинация карандашом), док. 138; РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.10, л.480-488].

К сожалению, текст соответствующей грамоты войску Запорожскому, как уже указывалось, автору книги найти не удалось. Поэтому не известно, соответствовала ли она «сжатому» сенатскому указу от 30 апреля или «развернутой» грамоте войску Донскому от 12 мая? Также не совсем понятно, чем была вызвана такая задержка с рассылкой этих грамот? Скорей всего это просто результат бюрократической проволочки.

Ну а пока эти документы об уже принятом решении только начали свое длительное путешествие на юг, предводители обоих казачьих войск, еще не знавшие о них, продолжали свои попытки повлиять на результаты будущего размежевания. Особенно нервничать должен был войсковой атаман войска Донского Данила Ефремович Ефремов. Естественно, что он предполагал, что запорожцы не преминут громко пожаловаться в столицы на произведенную им силовую акцию и на ее последствия. Тем более, что 6 мая поручик Швыков отправил в Киев пакет с результатами своего расследования, где явно не мог не затронуть и тему похода Туроверова. И Ефремов после таких, устроенных им самовольных «художеств», вполне мог опасаться изменения высшими властями уже почти принятого решения о разграничении в другую, менее выгодную для его войска сторону. Поэтому ему нужно было как можно скорее пояснить верховному руководству свои действия.

В результате в Черкасске родилось «доношение» в Военную коллегию от 17 мая (мы его уже рассматривали ранее), в котором Ефремов впервые сообщал «наверх» о предпринятой им силовой акции против запорожцев, описывал свои резоны, побудившие его к такому решению. Также он перечислял в ней свежие, произошедшие уже после сгона, случаи запорожских преступлений. То есть он показывал, что даже такие радикальные меры не принесли мира на донские земли, и пытался намекнуть, что хорошо бы новую границу с запорожцами провести еще западнее, отодвинув ее еще дальше от Кальмиуса: *«<…> но точию по их запорожских козаков своеволной отваге и безпутным поступкам, то их воровство ни коим образом,* ***ежели они из Калмиюса согнаты не будут*** *[выделение автора — LV], прекротитца не может»* [13, с. 1461].

В противоположность этому, кошевой атаман войска Запорожского Василий Григорьевич Сыч пытался использовать и донос вернувшихся из крепости святой Анны делегатов на угрозы со стороны Ефремова, и сам факт двух сгонов донцами запорожцев из-за Миуса – и прошлый, и свежий – для давления на позиции войска Донского в целом и на Данилу Ефремова лично. В своем письме в Сенат от 24 мая (оно также рассматривалось нами ранее) он, упирая на то, что *«<…> яко еще производимая по указу Е.И.В. высокоправ. Сената подполковником Билсом коммессию в размежевании между войсками Запорожским и Донским степов, лесов, речок и других угодий не окончена»*, просил произвести следствие и принять решение по поводу *«нестерпимых обид»* запорожцам от донцов и *«похвалок»* Ефремова [13, сс. 1580-1581]. Это, по его мысли могло бы помочь склонить чашу весов по размежеванию в пользу войска Запорожского. К сожалению для него, на момент написания этого письма — решение верховными властями Империи уже было принято, и указ про него был уже где-то на подъезде к Киеву…

Большая проволочка с отправкой этой своей жалобы в Сенат была большой ошибкой Коша, так как в Санкт-Петербург донское донесение поступило значительно быстрее. И верховная власть в тот раз впервые узнала об этом походе только из письма Ефремова, а стало быть — в донской версии. Активность киевского генерал-губернатора Леонтьева, самого узнавшего про эти события только в конце мая, оказалась слишком запоздалой и не смогла эффективно преодолеть уже выработанное мнение в кабинетах Петербурга…

В сенатском собрании документов на донском послании от 17 мая (в котором Ефремов в очередной раз жалуется на запорожцев и осторожно описывает поход Туроверова) стоит пометка: *«Слушано июня 3-го 1746 году»*. [13, с. 1464]. Какой-то донской *«нарочный козак»* [13, с. 1640] проявил редкую самоотверженность и смог доставить это сообщение в

Санкт-Петербург всего за две с небольшим недели. Полученное с Дону известие совсем не обрадовало господ сенаторов, те были сильно недовольны возобновлением ссор между казаками. Сведения о походе Туроверова (в осторожной донской подаче) их внимания не привлекли, зато основное их недовольство было вызвано описанием новых прегрешений запорожцев (в частности о поимке шайки Левки Белого). Судя по всему, альтернативная, запорожская, версия событий тогда в Петербурге представлена еще не была, в чем была большая стратегическая ошибка Коша… Сенаторы постановили отправить обоим казачьим войскам *«с нарочными куриерами»* очередные *«подтверждающие»* грамоты.

Но выполнение их задания несколько затянулось. Сенатские указы в Военную коллегию и в Киев, а также грамота в Кош родились только 12-го июня. В сенатском указе, во-первых, еще раз подтверждалось требование к обоим казачьим войскам чтобы они *«без всяких споров и ссор»* довольствовались выделенными им по *«преждепосланных грамотам»* территориями с границей по Кальмиусу и друг другу никаких обид не чинили, *«под опасением за преступление с обоих сторон всеконечно жесточайшаго нашего императорскаго величества гнева и истязания без всякой пощады»*. Во-вторых, предписывалось провести тщательное расследование по делу атамана Левки (об этом позже поговорим отдельно). Особенно сенаторов интересовала информация – не было ли в действиях конокрада Левки признаков сговора с паланковой или кошевой запорожской администрацией? Задачу расследования новых жалоб донцов в этом документе возложили на киевского генерал-губернатора Леонтьева. О том, что в мае уже было очень похожее поручение, где расследование было поручено Военной коллегии – сенатские служители как-то немного упустили из виду [9, сс. 398-399].

Указ и грамоту срочно отправили с курьером в Киев к Леонтьеву, он его получил 24 июня [13, с. 1480], всего через 12 дней после составления!

Тогда же, 12 июня, сенатский указ попал и в Военную коллегию. Составленная там грамота для войска Донского была, фактически, ответом на донскую жалобу от 17 мая. Там же содержались и новые указания по поводу арестантов из шайки Левки. 13 июня данная грамота была зарегистрирована под №5648 и так же спешно отправлена на нижний Дон [9, сс. 398-399].

Нервная реакция Сената на продолжение свар между запорожцами и донцами даже после распределения спорной территории между ними – показало донцам, что «игры» здесь закончились и лучше к верховным властям с такими вопросами лишний раз не соваться. Для Ефремова в этот раз все закончилось благополучно, но вот его мечта о расширении донских пределов к западу от Кальмиуса – была окончательно похоронена. После этих событий данная тема не будет подниматься донцами следующие тридцать лет…

Когда Леонтьев в Киеве 15 июня получил указ от 12 мая, по которому ответственность за расследование была переложена на Военную коллегию, с его плеч упала большая тяжесть. Но уже 24 июня в полученном новом указе от 12 июня – эта обязанность вновь возвращалась ему. При этом в обоих указах никакие пояснения таким переменам не приводились. Леонтьев тогда, похоже, немного психанул по этому поводу, отправив обе грамоты одновременно в Сечь.

Немного поостыв, киевский генерал-губернатор засел за составление отчета в Сенат о выполнении им старого сенатского поручения №8249 от 05.11.1745 о прежнем расследо-

вании. В нем он очень подробного рассказывает о миссии порутчика Швыкова и ее результатах (мы это уже разбирали, повторяться не будем). Здесь же Леонтьев выражает свое возмущение от силовых действий донцов в Приазовье: *«<…> а с чего от донских козаков такие продерзости, как из писма калмиускаго полковника Леонтья Федорова [Леонтия Федоровича Тарана — LV] видно и как запорожские депутаты доносят, <…> имянно произошли – о том неизвестно и ни к кому в предложениях[3] моих того чинить дозволено не было <…>»*. Также Леонтьев сообщает о том, что запросил у обоих казачьих войск их предложения по удобному месту для расследования донского наезда, на что ответа так и не получил: *«<…> а для чего вышеозначенные от донских козаков толь немалые запорожским козакам обиды и разорении приключены, и на каких имянно – на донских или запорожских — грунтах [т.е. на чьей территории? — LV], и где впредь для показанных следствей по способности [удобнее — LV] комиссию учредить – о том к донскому атаману Ефремову от меня писано, а к запорожскому кошевому атаману и с товарыством — где для тех следствий за наиспособнейше коммисию учредить предложено, но токмо по ниже писанное число никакова известия от них – донского и запорожского атамана в получении не имею»*.

Далее Леонтьев описывает казус с двумя полученными им 15 и 24 июня указами, в которых руководство следствием по этим раздорам возлагается то на Военную коллегию, то снова на него. В переводе с канцелярского языка на простой — его мысль можно было бы выразить примерно так: «Ребята, вы там такие муд… мудрые! Поясните мне, дураку, каким из двух противоположных указаний мне руководствоваться?». После чего он (с тайной надеждой «сдыхаться» этого поручения) расписывает резоны, по которым это следствие лучше бы у него забрать и кому-нибудь передать. Так, во-первых, он указал, что если ему лично вести это следствие, то тогда его придется проводить в Киеве, куда добираться и запорожцам, и особенно донцам было бы очень далеко и разорительно. А если проводить в крепости святой Анны или в Сечи (или в другом месте, которое устроит и Кош, и Черкасск) – тогда Леонтьеву туда нужно из Киева отправлять согласно указу офицера в звании не ниже штаб-офицера, и к нему в помощь несколько обер-офицеров. А на текущее время у Леонтьева во вверенных ему пяти полках киевского гарнизона имеется всего три штаб-офицера (он их перечисляет поименно и по каждому расписывает, почему не может его послать) и ни одного свободного обер-офицера, о чем (по его словам) он уже неоднократно рапортовал в Военную коллегию. Поэтому он предложил Сенату перепоручить это расследование Военной коллегии, чтобы она направила своего представителя или же возложила эту задачу на коменданта крепости святой Анны полковника Качинского.

В заключение своего донесения Леонтьев сообщает, что согласно последнему указу, ожидает присылки к нему в Киев пойманного на конокрадстве запорожского атамана Левку и его подельников. И что по этим свежим случаям запорожских разбоев на донских территориях, закончившихся и *«смертным убийством»*, а также о бродягах и беглых из великорусских и малороссийских городов он сам будет производить следствие в Киеве. Это донесение закончено им 29 июня 1746 года [13, сс. 1474-1481].

[3] Исправлено по смыслу. В публикации Яворницкого – явно ошибочное «в продолжениях моих». В своих ордерах в Кош Леонтьев часто использовал слово *«предлагаю»*, но в явно приказной, а не «добровольной» форме.

Еще чуть позже, 1 июля 1746 года обе грамоты (от 12 мая и от 12 июня) были доставлены в Сечь киевским рейтаром Феодосом Федоровым. Сечевики тоже, видимо, не слишком поняли, зачем им начальство прислало сразу два варианта грамоты о разграничении, поэтому 4 июля они осторожно ответили Сенату, что: *«сего июля 1 дня высокопремощнейшие ея им-го в-а две грамоти о владении нами, Войском, землями, реками и лесными угодиями, а имянно: от Днепра – рекою Самарою, Волчьими водами, Бердою, Калчиком и Калмиюсом, <…> о разводе земель и рек, також и о протчем, мы, войско Запорожское Низовое, всеподданнейше получили <…>»*. Никакие торжества по этому поводу, понятно, в Сечи не проводились. В ответе запорожцев содержалась лишь обтекаемая фраза, что положения этих грамот будут *«всенепременно»* выполняться.

В отдельной отписке (тоже от 4 июля) Кош отвечал на сенатское поручение о допросе полковника Черного по поводу осеннего инцидента на Миусе. В ней сообщалось, что еще до получения этой грамоты полковник Черной умер 16 мая 1746 года[4]: *«о чем и ответа взять не с кого и за тем оного и не посылается»* [13, сс. 1458-1459].

В самом начале сенатского указа от 30 апреля 1746 года частично раскрывается подоплека именно такого решения: *«понеже, как от Запорожскаго, так и от Донскаго войск, на спорныя места, кому оныя принадлежат, никаких письменных документов, как из рапорта подполковника Бильса явствует, не объявлено, а на сказках от обеих сторон старожилов, старшины и казаков утвердиться не возможно»*. Но в Запорожских Вольностях только несколько человек были в курсе подробностей этих разборок и аферы с подтверждающими документами, и только они могли правильно понять эти строки. А все остальные запорожцы – восприняли такое решение верховных властей как необоснованное и крайне обидное. Что, естественно, не слишком хорошо сказалось на достижении покоя в наших краях…

Следующее заседание Сената, посвященное разбору накопившегося вороха новых жалоб и доношений с мест по более ранним сенатским поручениям (в том числе и результатов расследования Швыкова), состоялось 29 июля 1746 года[5]. Для этого сенатскими канцеляристами был подготовлен очередной обширный реестр с подробными пересказами и выписками, а также с приложением донской и запорожской жалоб [13, сс. 1629-1639, 1639-1641, 1641-1643]. Материалы из него мы уже ранее использовали, поэтому повторяться не будем. Из новых обстоятельств можно отметить донесение Военной коллегии от 15 июля о том, что назначенный ранее к размежеванию подполковник Бильс ушел в поход вместе со своим полком. И что для выполнения порученных ему ранее размежевания и расследования взаимных ссор — от Военной коллегии будет определен другой офицер [13, с. 1531]. Текст самого сенатского решения удалось найти в виде выписки в документах министерства юстиции [13, с. 1733]. В нем, кстати, инициирующим для данного заседания Сената названо донесение Леонтьева *«о происшедших между Донским и Запорожским войсками ссорах, грабительствах, обидах и похвалках»*. Это явно о весенних делах и словах войскового атамана Данилы Ефремова. И в этом сенатском решении офицеру, которого выделит для расследования Военная коллегия, было предписано следствие касательно запорожцев

[4] В протоколе допроса бывшего полковника Леонтия Тарана в бахмутской следственной комиссии 8 марта 1748 года также подтверждается смерть Левки Черного в 1746 году [ЦГИАК, ф.59, оп.1. д.1288, л.22-23об.].
[5] Дата устанавливается из отметки на запорожской жалобе, приложенной к ее реестру. Также она упоминается в сенатских документах из архива министерства юстиции [13, с. 1733]

вести *«по указам и наставлениям»* Леонтьева, а касательно донцов – по указаниям Военной коллегии. Им же он должен был рапортовать о ходе дела. А по его окончанию – требовать от них *«резолюции»* касательно подведомственных им казаков. Также в сенатском решении было предписано послать обоим казачьим войскам грамоты: *«чтоб они, конечно, от обид друг другу престали и никакими вымыслы впредь того чинить не начинали под опасением ея императорскаго гнева»*. И требовалось от казаков оперативно доставлять необходимых для следствия людей. А по окончанию расследования – взыскать за грабежи *«с кого что надлежит»* и возвратить пострадавшим. Завершалось это решение поручением лично Леонтьеву: *«<…> а о винных ему, генералу и киескому генералу-губернатору, писать в правительствующий сенат с приложением своего мнения, и о каждом деле порознь. И кто по тем следственным делам явится виною, оных держать до указу под караулом».*

Ну а пока в верхах бродили грозовые тучи и угрожающе блистали молнии, на низах жизнь продолжалась своим чередом. 24 июня 1746 года четверо запорожских конокрадов *«по обыкновенной их своевольности»* опять забрались в донские угодья. Сначала они убили (при грабеже?) молодого калмыка Банцыка [13, с. 1647], который просто ехал к своим родственникам. У убитого они взяли лошадь, платье *«и протчаго»* на сумму 10 руб. 30 коп. (по донским подсчетам) [13, с. 1643]. После этого запорожцы ночью подъехали к табунам, в которых были лошади как войскового атамана, так и других донских казаков. Там, *«взяв воровски 12 лошадей, бежали к Калмиюсу, где их поланкою стоит запорожский полковник и козаки, рыбные ловли имеющие»*. Но их предприятие закончилось полным фиаско, так как *«на Еланчицких вершинах»* их догнали по свежим следам 17 человек донских калмыков, которые *«ночным временем»* не только смогли отбить ворованных лошадей, но еще и семь лошадей у самих конокрадов отобрали. Сами незадачливые воры *«в лес и в болотные места пеши убежали, коих по положению того места крепости[6] [калмыки — LV] доставать не стали»*. Семь отбитых у разбойников лошадей калмыки доставили для опознания в Черкасск, из них четыре были опознаны как ранее угнанные же у донцов и калмыков. Жалоба на это и требование прекратить такие грабежи была отправлена из Черкасска киевскому генерал-губернатору и в Военную коллегию. В коллегию эта отписка поступила 18 августа. Как писали донцы: *«<…> почему уповательно де, что тому их воровству едва ль будет конец, и убежит народ от крайняго их разорения и безпокойства, ежели крепкое запрещение им [запорожцам] не будет учинено»*. Из коллегии эту рассылку 3 сентября продубировали в Киев и в Сенат, настоятельно прося по этому поводу «крепкого указу» [13, сс. 1473-1474, 1639-1640].

[6] Здесь речь идет, понятно, не о фортификационном сооружении, а просто о «крепком», труднодоступном месте.

Сентябрь 1746. Размежевание по Кальмиусу

Наконец, после всех случившихся неурядиц и переживаний, ответственное дело непосредственного размежевания новой границы между двумя конфликтующими казачьими войсками было поручено все-таки Военной коллегии. Для этого поручения коллегия определила подполковника Тамбовского полка воронежского гарнизона Андрона Коробьина. Ему же поручалась задача и о *«разобрании протчих между ними [казаками] ссор»*. Причем, по какой-то причине, известие об этом назначении было доставлено сначала только на нижний Дон, но не в Киев.

16 июля 1746 года киевский генерал-губернатор получил письма от донского войскового атамана Ефремова и от коменданта крепости святой Анны Качинского. В них Леонтьеву сообщалось о назначении представителя Военной коллегии для проведения разграничения и для продолжения следственных действий. Ефремов и Качинский просили Леонтьева о том, чтобы он дал поручение Кошу поскорее отправить из Сечи новых депутатов — *«надлежащих старшин и протчих старожилов»* — в крепость святой Анны. В качестве своего представителя на этом разграничении и в помощь Коробьину, Леонтьев определил поручика Полтавского полка киевского гарнизона Василия Лбова. Причем, наученный горьким опытом с длительной отлучкой отправленного для аналогичного следствия поручика Швыкова, Леонтьев в этот раз ограничил поручение Лбову только размежеванием, без участия в следственных действиях. 19 июля этот поручик был откомандирован в крепость святой Анны, с проездом через Сечь. [13, с. 1485]

С собой Лбов захватил ордер Леонтьева для кошевого Василия Григорьевича Сыча *«с товариством»*. В нем от кошевого требовалось следующее: *«<…> к тому размежеванию, выбрав из войска Запорожского знатных и достойных старшин, також и старожилов пристойное число, отправить их с ним, порутчиком, к крепости св. Анны»*. Параллельно ему предписывалось: *«<…> а для оного вновь следствия и разобрания ссор – выбрать же особливых в депутаты умных, достойных и неподозрителных из старшин же двух или трех человек. И, снабдя их надлежащим наставлением и со всеми документами и доказателствами, и как их, депутатов, так и протчих старшин и козаков, кто к той следственной коммиссии надлежит, всех к подполковнику Карабьину к крепости св. Анны отправить же немедленно»*. То есть, Кошу предписывалось для участия в межевании и в следствии выбрать две отдельные группы старшин и направить их (вместе со всеми необходимыми для следствия казаками) в крепость святой Анны. Но запорожцы, похоже, решили пойти более простым путем и обе задачи возложили на одну и ту же группу старшин.

Для участия в данном размежевании Кош определил старшин Екима Игнатьевича Белого (он же — Яким Игнатов), Ивана Рябого, Ивана Похила и Григория Лантуха (последний – через семь лет станет кошевым атаманом).

Интересно, что никто из запорожских старшин и старожилов, участвовавших в прежних прениях в октябре прошлого 1745 года, к новой миссии допущен не был. Видимо, это является свидетельством об оценке Кошем их успешности в прошлой комиссии.

Автору осталось неизвестным, успели ли запорожские делегаты съездить в крепость святой Анны (как предписывал ордер Леонтьева)? Или они этот огромный крюк не делали, а прибыли к устью Кальмиуса непосредственно к началу самого процесса размежевания?

Со стороны войска Донского депутатами были выбраны Иван Поздеев, Фома Кирсанов и Михайла Орлов, а руководил делегацией полковник Степан Ефремов.

Имя Степана Даниловича Ефремова (1715-1784) уже упоминалось мельком в нашей книге. Настало время познакомиться с ним поближе. Это был очередной представитель знатного и богатого старшинского рода Ефремовых (г. Черкасск) и сын хорошо знакомого нам Данилы Ефремова. На момент описываемых в данной главе событий ему был всего 31 год.

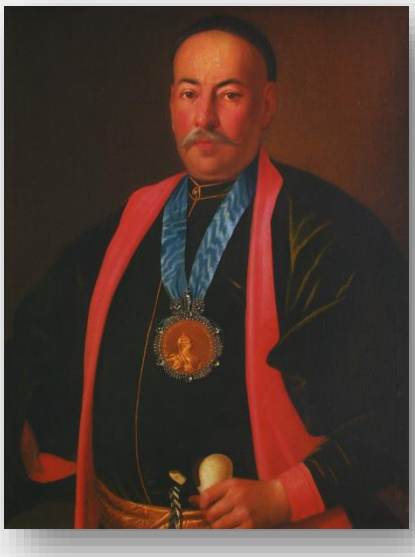


Рис.44. Прижизненный портрет войскового атамана С.Д. Ефремова, кисти К.Л.И. Христинека

Хотя его отец стал войсковым атаманом довольно поздно, только в 1738 году, Степан умудрился вырости типичным «мажором». Он любил окружать себя роскошью, а о его гулянках (в том числе и в зрелом возрасте) в Черкасске потом еще долго легенды рассказывали. Тем не менее, в отличие от нынешней золотой молодежи, Степан Данилович был «боевым мажором», не раз подставлявшим свою голову под вражеские пули и стрелы.

В казачью службу он был записан в 14 лет. В середине 1730-х годов успел побыть «аманатом» (заложником) при дворе мятежного калмыцкого хана Дондук-Омбо, пока его отец Данила Ефремович решал в Петебурге дипломатические вопросы о прощении хана и возобновлении с ним союза. В результате их усилий могущественный хан Дондук-Омбо отказался от своего намерения передаться Турции, а калмыцкая конница будет участвовать на стороне России в следующей войне с турками.

Старшинское звание Степан получил еще в 1734 году (в возрасте 19 лет!). Участник русско-турецкой войны 1736 — 1739 годов и русско-шведской войны 1741 — 1743 годов. В 1741 – 1742 годах он был походным атаманом донских казаков, действовавших в Финляндии.

И отец, и сын Ефремовы были сильными личностями и много сделали для укрепления благосостояния и боеспособности войска Донского. Но, разумеется, были у них и слабые стороны натуры. Так, Степан (по крайней мере, в молодости) отличался вспыльчивостью и отсутствием «тормозов». Так, возвращаясь в ноябре 1743 года из Остзейского похода через Олонецкий уезд, он домогался и избил беременную жену посадского человека Прокофия Рябова, от чего она утратила плод [9, сс. 309-310]. За что Степан в первый раз попал под следствие Военной коллегии. В тот раз для него все закончилось без особых последствий,

от пострадавших удалось откупиться. О том, как он попадет под следствие во второй раз – будет рассказываться дальше в нашей книге.

И несколько слов о его дальнейшей судьбе. В 1753 году Данила Ефремович Ефремов будет отставлен от должности войскового атамана войска Донского. По его просьбе, верховные власти эту должность передадут его сыну Степану Даниловичу (небывалое до того дело на Дону!). А для самого Данилы Ефремовича придумают новую должность «командующего войском Донским». И вплоть до его смерти в 1760 году – войсковому атаману Степану Даниловичу придется подчиняться отцовским повелениям. В это время на Дону будет действовать своеобразный дуумвират. В 1762 году Степан Данилович будет принимать участие в событиях возведения на престол Екатерины II вместо ее мужа. В 1772 году. из-за некоторых претензий к его командованию в ходе новой войны с турками и из-за шатаний в войске Донском, Степан Данилович будет отрешен от своей должности и окажется под арестом и следствием в Петербурге (1772 – 1773 годы). Будет приговорен судом к смертной казни, которую императрица Екатерина II (в благодарность за многие его более ранние службы) заменит на ссылку в город Пернов (ныне – Пярну, Эстония). В 1778 году будет помилован и переедет в Санкт-Петербург. Там он и умрет в 1784 году от язвы, в возрасте 69 лет.

Степан Данилович за свою жизнь будет трижды женат, у него будет много детей.

9 сентября 1746 года Коробьин с сопровождающими прибыли из крепости святой Анны к устью Кальмиуса. Донцы с калмыками остановились на левом берегу реки. Запорожцы собрались на правом, в своей паланке. На тот момент ими командовал уже полковник Андрей Черный. Писарем у него был Бирюк, Щербиновского куреня (возможно, по имени Андрей). Имя паланкового есаула автору установить не удалось. Русские офицеры Коробьин и Лбов, судя по несколько более поздним событиям, расположились где-то отдельно и от донцов, и от запорожцев. Можно осторожно предположить, что они могли остановиться на низменном полуострове, разделяющем два устья Кальмиуса (который сейчас горожане называют Горостровом). Он как раз был равноудален и от тех, и от тех, но позволял удобно связываться с обеими сторонами.

Три дня прошли в переговорах и в подготовке к предстоящему размежеванию. Донцы отдыхали от длинного пути. А заодно, по приказу Степана Ефремова, они неторопливо насыпали «пограничный» курган на низменном левом береге восточного устья Кальмиуса, в прямой видимости от запорожской паланки. Вообще-то, на этом участке установка пограничных знаков по сенатскому указу не требовалось, ведь и так было понятно, что река здесь является границей. Но молодому Ефремову очень хотелось еще более убедительно показать, в чьей власти теперь находилось левобережье реки, чтобы еще сильнее унизить запорожцев. Этот курган размещался в 152 м от моря и в 26 метрах от реки. Его размещение – см. на Рис.45.

Рис.45. Показание «Запорожской Калмиюской поланки» на недатированной карте (вероятно, А.И. Медера, 1767 г.) [РГВИА, ф.846 (ВУА), оп.16 (т.III), д.22885]. Показан «Граничный курган». Район озера Домаха (к западу от паланки) изображен неверно.

Эти три дня прошли без особой сердечности, но более-менее спокойно. Запорожцы с донцами, у которых накопилось много взаимных претензий, не слишком охотно общались друг с другом, предпочитая решать свои вопросы при посредстве русских офицеров. Подполковник Коробьин, которому согласно указу приходилось следить, чтобы *«при том разводе никакаго упрямства ни с которой стороны»* не было, все эти дни с подозрением посматривал на запорожцев, однако они в этот раз вели себя смирно. Так что Андрон Коробьин, который все это время провел в сильном напряжении, смог несколько расслабиться. Но, как оказалось, это было преждевременно. На этот раз учудили донцы…

Тут надо сказать, что к моменту прихода межевщиков, на левом, донском берегу устья Кальмиуса еще оставалось несколько отдельно стоящих зимовников и шалашей запорожцев, а также стога и копны накошенного сена. При приближении донцов, хозяева этих жилищ свое мелкое движимое имущество вывезли на правый берег реки (чтобы донцы с калмыками его не растащили). Но крупногабаритные и тяжелые вещи – они оставили на месте. В ходе подготовительных переговоров, донцы, вероятно, не раз деликатно намекали на то, что оставшееся запорожское имущество надо бы тоже вывести с донского берега реки, но запорожцы делали вид, что этих намеков не понимают. По старой славянской традиции,

они надеялись, что эта проблема как-нибудь сама собой рассосется – донцы вскоре уедут, и можно будет опять вернуться туда по-прежнему.

Насколько можно понять из документов, на предварительных переговорах дата выезда пограничных делегаций к истокам Кальмиуса была назначена на 13 сентября. В последний вечер перед отъездом, 12 сентября, *«в вечернюю пору»,* к спокойно отдыхавшему Коробьину явился посланец от донцов *«с таким объявлением, чтоб запорожцы те сена и рыбные курени перевезли на свою сторону»*. Несколько встревоженный Коробьин сразу же отправил поручика Лбова к запорожскому полковнику Черному, чтобы передать требование донцов. Но кальмиусские запорожцы, естественно, не кинулись по первому требованию противников-донцов, на ночь глядя, лихорадочно перевозить свое имущество через Кальмиус. Да это и физически за один вечер сделать было практически невозможно. *«Но точию уже время приближалось к ночи, и запорожцам сена и рыбные курени перевезть было некогда»*.

Отсутствие какой-либо реакции со стороны запорожцев окончательно вывело из себя предводителя донской команды Степана Ефремова. Как мы уже говорили, он и так обладал вспыльчивым и невоздержанным характером. А уж теперь у него и вовсе «сорвало тормоза». И он приказал сжечь все невывезенное запорожцами имущество. Его застоявшиеся подчиненные, донцы и калмыки, с удовольствием выполнили такое распоряжение и проехались с факелами по окрестностям. И вскоре темноту сентябрьской приазовской ночи прорезали огни пожарищ. Камышовые шалаши и сложенное сено полыхали ярко и недолго, курени и зимовники – загорались менее охотно, но зато и горели потом продолжительнее. А на всю эту иллюминацию с правого берега устья Кальмиуса смотрели крайне раздраженные и обиженные запорожцы… К счастью, ни на какое членовредительство обе стороны тогда не решились. Возможно, именно из-за присутствия здесь уполномоченных для размежевания русских офицеров.

Значительно позже, уже на новом следствии, Степан Ефремов покажет, что он тогда застал у устья Кальмиуса, на его «донской» стороне только *«сена 13 стогов, 25 копен, 2 шиша [шалаша — LV] и 2 землянухи»*. И что вывоза именно этого имущества он тогда требовал у запорожцев. Молодой полковник, кстати, позже утверждал, что к Коробьину нарочного по этому поводу он присылал «за день» до сожжения, но эту версию ему подтвердить не удалось [9, с. 503].

Местный запорожский полковник Черный по горячим следам уже 13 сентября собрал в реестр сведения о материальных потерях его подчиненных от действий партии Степана Ефремова. Согласно ему, в ту ночь у устья Кальмиуса были сожжены:

- у Якова Поповича, Кореневского куреня – два воза на 4 руб., *«кафтан китаевой»* на 3 руб. 50 коп., соль на 6 руб., две сети на 3 руб. и сено на 20 руб. (в сумме – на 36 р. 50 к.). Вероятно, это перечислется имущество при его зимовнике или шише.

- у Прокопа, Деревянковского куреня – *«деревья»* (строительная древесина? колья?) на 1 руб., соль на 12 руб. и приволочка (невод) на 3 руб. (всего на 16 руб.). Вероятно, это все сгорело вместе с рыбацким шишом.

- у Карпа, Титаревского куреня – *«сена на 6 руб.»*;
- у Семена Кумпана (Кунпана), Кисляковского куреня – *«сена на 10 руб.»*;
- у Артема Найды, Ирклеевского куреня – *«сена два стога на 10 руб.»* [13, сс. 1484-1485].

Всего в тот раз кальмиусская администрация насчитала убытков на сумму 78 руб. 50 коп. По количеству и характеристике сожженого – этот перечень довольно близок к более поздним показаниям Степана Ефремова, так что тот не особо занижал масштабы сожженного по его приказу имущества.

В тот же самый реестр кальмиусский полковник Андрей Черный (помимо убытков от визита партии Степана Ефремова) включил также и некоторые более старые обиды (начиная с **1743** года) запорожцам от донцов, не попавшие в предыдущие реестры. Сам он это сформулировал так: *«хотя де о починенных от войска Донского разными старшинами войска Запорожского козакам обидах и грабителствах, також и о позжении в разных годах*[1] *на морских косах имянные экстракты и сочинены, точию де за разными [запорожских — LV] козаков отлучками – [некоторые из них — LV] при сочинении экстрактов не были. Яко де и оным козакам от Донского войска обиды приключены, [то], по прошению тех обидимых, оной полковник просил, куда належит [куда следует — LV] представить»*.

Вот что было записано в этой части реестра:

Один случай в 1743 году. У Василия Швеца, казака Поповичевского куреня, было отобрано денег на 15 рублей (более никакой информации по этому случаю не приводится).

Один случай в ноябре 1745 г. У казака того же куреня Демка, ехавшего с борошном (мукой) из Черкасского на морские косы, донской полковник, который стоял с заставой напротив *«врочища Соромоцкого»*, забрал четыре *«четверти»* муки на сумму 6 рублей. Четыре четверти – это почти полтонны муки. Это явно еще один пострадавший от деятельности заставы полковника Шалаева.

Также там приводится информация о еще семи казаках, имущество которых было утрачено в апреле 1746 года, во время силовой акции донского полковника Туроверова, по подсчетам автора книги — на общую сумму 211 руб. 10 коп. (мы эти данные уже ранее рассматривали) [13, сс. 1483-1485].

К счастью, всё когда-то заканчивается. Закончилась и «огненная» ночь 12 сентября. На следующий день оскорбленные и разгневанные запорожские представители наотрез отказались выезжать для производства дальнейшего размежевания. Коробьину и Лбову лишь с огромным трудом удалось уговорить их отправиться к истокам Кальмиуса.

Обе делегации поехали вверх по реке, вероятно – каждая по своему берегу. По пути донцы еще дважды останавливались. На высоком бугре при устье балки Осиковатой (309 сажень от устья балки и 90 саженей до реки) они выложили каменный курган. Также и у устья балки Грузской, на высоком холме, в 148 саженях от устья балки и в 36 саженях и

[1] Исправлено по смыслу. В публикации Яворницкого приведено явно ошибочное *«в разных городах»*.

двух ступнях от реки, донцы устроили еще один курган — *«снизу выкладен каменем, а сверху покрыт землею»*. На этом трудовой порыв у донцов иссяк, и выше по течению Кальмиуса они больше пограничные курганы не устраивали.

Автор книги долго не мог понять — почему донцы решили устроить эти курганы именно в этих двух местах? И только когда начал все это прорисовывать для иллюстрации на карте (см. Рис.46) — все стало на свои места. Дело в том, что Осиковая и Грузская – это единственные более-менее крупные левые притоки Кальмиуса. Остальные левые притоки представляют собой скорее ручьи. То есть донцы на водоразделах у устьев этих двух притоков соорудили из свеженасыпанных и еще незадернованных насыпей-курганов своего рода «запрещающие знаки» для запорожских рыболовов и охотников, чтобы те не вздумали в эти речки заплывать или заходить – здесь уже начинались охотничьи угодья донцов!

Нечто похожее случалось и в украинской истории. Так, в книге Скальковского приводится такой рассказ: *«В межевом документе, весьма драгоценном и составленном в 1740-х годах, по изустным разсказам стариков, о котором скажем ниже, эта граница – свидетель Запорожских подвигов, показана весьма замечтальным образом: «прогнав Ляхов за Случь в Любаре[2]; над Случью, в знак границы и могилу насыпали, дабы Ляхи в Украину по сей бок Случи не втручались [не вмешивались — LV]»* [4, сс. 12-13]

По поводу же устроенных тогда донцами трех курганов над Кальмиусом – то самый южный из них был уничтожен в 1930-х годах при устройстве Угольной гавани завода «Азовсталь» в Мариуполе. А вот два других — вполне возможно сохранились и до сего дня. Их желательно знать будущим археологам, чтобы напрасно не раскапывать – это интересные памятники местной истории, но вряд ли они будут богаты на находки в силу характера своего возникновения. Автор книги предполагает, что один из этих курганов размещается несколько северо-западнее села Новоекатериновка Тельмановского района ДНР, а другой — юго-восточнее села Менчугово Старобешевского района ДНР. Но это, разумеется, нужно проверять на местности. И, желательно, уже после окончания войны…

В сборнике Лишина, в более поздней и несколько более сокращенной версии разобранного ранее реестра, к нему добавлен еще один случай. У Максима Ухая (Уханя), казака Иванивского куреня, *«которой с капканами стоял на Калмиюсе»* (видимо, на левом, донском берегу реки) — три калмыка да два донца из партии Степана Ефремова отняли 10 бобровых шкурок на 25 рублей, одну рушницу (ружье) на 3 руб. 40 коп., и 90 копен сена, а всего — на 38 руб. 50 коп. [12, p. 504]. Таким образом, общая сумма запорожских претензий к действиям Степана Ефремова достигла 117 руб.

С учетом того, что этот случай не попал в первоначальный вариант реестра, который был отправлен из паланки 13 сентября, произошло это событие где-то выше по течению Кальмиуса, так как информация о нем попала в паланку с опозданием. Интересно, не встреча ли с этим «браконьером» подтолкнула донцов к мысли начать насыпать «пограничные» курганы у левых притоков Кальмиуса?

[2] Случь — река в Хмельницкой, Житомирской и Ровенской области Украины, правый приток р. Горынь (бассейн Днепра). Любар – ныне поселок в Житомирском районе одноименной области.

Рис.46. Разграничение по Кальмиусу, 9-19 сентября 1746 года. Красными кружками показаны насыпанные донскими казаками три «пограничных» кургана. Красная полоса – пограничные грани у истоков Кальмиуса.

Через несколько дней Коробьин с Лбовым и обе казачьи делегации собрались у истоков Кальмиуса. Согласно сенатскому указу, здесь от них требовалось *«от вершины оной [реки — LV], прямою чертою, даже до прежней 1714 года Российской с Портою Оттоманскою границы, учинить приличную межу и поставить грани»*. Но поблизости единственным визуально заметным признаком той старой границы были большой разрытый курган напротив истока Кривого Торца (мы про него уже ранее писали) и два пограничных кургана, насыпанных рядом с ним русскими и турецкими делегациями в 1714 году. Одна из балок, входящая в систему верховьев Кальмиуса, шла как раз в сторону этих курганов. Поэтому для проведения нового разграничения была выбрана именно она. На картах Шуберта

XIX века она обозначена как балка Кордонная, а курганная группа, в которую входили и два кургана 1714 года обозначена как могила Баба.

Рис.47. Разграничение 1746 года в верховьях Кальмиуса (на базе карты Шуберта): 1 – верхнее течение Кальмиуса; 2 – балка Б[ольшая?] Кордонная; 3 – верховья Кривого Торца; 4 – старая русско-турецкая граница 1714 года; 5 – пограничные курганы 1714 года; 6 – граница 1746 года по Кальмиусу (голубая) и ее сухопутный участок (красный, точками показано примерное расположение «граней»); 7 – (информационно) урочище на севере поселка Минеральное, с 2000 года объявленное памятником природы местного значения «Истоки Кальмиуса».

Между верховьями этой балки и пограничными курганами было 1,73 км. Закипела работа. На этом промежутке обе стороны поставили напротив друг друга по три пары дубовых «граней» (пограничных столбов) *«и между оными гранями донскими и запорожскими, в ширину межа столб до столба 6 сажень и две ступени»* (около 16 м). Где-то встречалось мнение, что они тогда в качестве «межи» еще и канаву прокопали на всю длину это «границы», но из документа это не видно.

Вероятно, обе стороны не делали пограничные столбы на месте, а привезли уже готовые с собой. Дубовые, чтобы дольше простояли. Донцы на своих еще и что-то написали. Так как заранее об ожидаемом количестве пограничных столбов не догадались договориться, то запорожцы привезли с собой 3 «грани», а донцы – 4. Но так как было решено ставить их попарно, то у Ефремова остался один лишний столб. И, поскольку тащить его обратно в Черкасск никому не хотелось, то донцы и его вкопали где-то на склоне балки. Чтобы уже надежнее отгородиться от запорожцев. :)

После этого Коробьин составил документ с описанием всех сооруженных пограничных «признаков» и взял с запорожских и донских делегатов «присяги» о признании этой границы и о том, что обе стороны в дальнейшем будут въезжать на чужую территорию только для *«соседственных необходимых и добропорядочных дел или нужд»*. 19 сентября

1746 года разграничение новой границы по Кальмиусу между Запорожским Низовым и Донским казачьими войсками было закончено.

Здесь приведем документы, зафиксировавшие результаты разграничения 1746 года по Кальмиусу.

Описание пограничных знаков:

«Опись поставленным от войска Донского и Запорожского граней и складеным курганом, в которых имянно местах и в каком разстоянии состоят, о том значит ниже сего, а имянно:

*- **От войска Донского**: на усть реки Калмиуса высыпаной земленой курган на паду и на ровном месте, которой отстоит от моря, где оная речка гирлом впала, прямою чертою 59 косых саженей [по 2,48 м — LV], а от реки Калмиюса 10 саженей. На Осиковатой балке, на высоком бугре, выкладен из каменя высокой курган, растоянием от устья оной балки 309 саженей, а от реки Калмиюса прямою чертою 90 сажен. На балке, называемой Грускою, при устье, высыпан на высоком бугре курган, снизу выкладен каменем, а сверху закрыт землею, разстоянием от устья оной балка 148 саженей, а от Калмиюса прямою чертою 36 саженей и две ступени [ступня – мера длины, аналогичная футу, примерно 0,3 м — LV]. При вершинах Калмиюса поставлены от самой вершины прямою чертою **даже до границы 1714 году** три дубовые грани, а повыше вершины на отложине [отлогая, некрутая часть склона балки? — LV] — четвертая грань, разстоянием от вершины, где стоит столб 461 сажень и две ступени, которые осыпаны землею и на них подпись вырезаная нынешняго 1746 году.*

*- **От войска Запорожского**: при вершинах Калмиюса поставлены от самой вершины прямою чертою **до границы 1714 году** три дубовые грани, напротив поставленных от войска донского вышеписанных трех де граней, столп против столпа прямо, и между оными гранями донскими и запорожскими, в ширину межа столб до столба 6 сажень и две ступени. А разстоянием оные грани, как донские, так и запорожские **от границы 1714 году, где стоят два кургана — один Российской империи, второй Турецкой — от обрытых около их ям**, состоит: до первых граней — одна сажень, от первых до вторых граней — 306 саженей и две ступени, от вторых до третьих граней 392 сажени. На той копии: «Подписано по сему, подполковник Андрон Коробьин». Свидетельствовал [в Сенате? — LV] секретарь Алексей Фотеев, читал канцелярист Иван Агафонов»* [13, сс. 1488-1489].

Расписка донских делегатов:

*«1746 году сентября 19 дня войска Донского старшины, определенные для разграничения, а имянно: Степан Ефремов, Иван Познеев [sic!], Фома Кирсанов, Михайла Орлов, тако ж и бывшие при том козаки, по силе данного определенному к тому разграничению Тамбовского полку подполковнику Андрону Коробьину е.и.в. из высоко пр. сен. указу, дали сию подписку в том, что по силе означенного е.и.в. указу велено донским козакам во владении своем иметь земли, реки и лесныя угодья, а имянно: от реки Калмиюса — Еланчиком, Кринкою, Миюсом, Темерником, даже до реки Дону и всеми впадающими в них речками, балками и косами и оных вершинами и всякими угодьи, состоящими **по разграничению 1714 году** [т.е. – вплоть до старой границы 1714 года — LV], которые*

места нам, нижеподписавшимся донским старшине и козакам, от вышеозначенного подполковника Андрона Коробьина и отведены. А помянутой речки Калмиюсу по силе высоко прав. сената е.и.в. указу велено между донскими и запорожскими козаками быть границею. Того ради мы, определенныя к разграничению войска донского старшины и козаки, сим накрепко обязуемся, чтоб нам, Донскому войску, рыбными и звериными промыслами в водах и в лесах и в степях довольствоватца помянутыми отведенными по силе указу местами без всякаго спору. И впредь нашему войску Донскому в ненапринадлежащие места на запорожскую сторону, кроме соседственных необходимых добропорядочных дел или нужд, не ездить, и запорожским козакам никаких притеснений и обид отнюдь не чинить под опасением жесточайшаго е.и.в. гнева и истязания, в том и подписуемся. На подлинной подписано тако: «Войска Донского старшина Степан Ефремов, войска Донского старшина Иван Поздеев, вместо войска Донского старшин Фомы Кирсанова, Михайлы Орлова — походного войска писарь Иван Горбиков по их прошению подписался». Оная копия засвидетельствована тако: «подполковник Андрон Коробьин» [13, сс. 1489-1490].

Расписка запорожских делегатов:

*«1746 году сентября 19 дня войска Запорожского Низового старшины, определенные для разграничения, а имянно: Еким Белой, Иван Рябой, Иван Похила, Григорий Лантух, тако ж и бывшие при том козаки, по силе данного определенному к тому разграничению Танбовскаго полку господину подполковнику Коробьину ея им-го в-а из высоко прав. сената указу, дали сию подписку в том, что по силе означенного е.и.в. указу велено запорожского войска козакам во владении своем иметь земли, реки и лесные угодьи, а имянно: от Днепра — рекою Самарою, Волчьими Водами, Бердою, Калчиком и Калмиюсом и протчими, впадающими в них речками и над-лежащими к тем рекам, косами и балками и всякими угодьи **по прежнею 1714 году границу** [т.е. – вплоть до старой границы 1714 года — LV], которые места нам, нижеподписавшимся запорожского войску старшине и козакам, от вышеозначенного господина подполковника Коробьина и отведены. А помянутой речки Калмиюсу по силе высокоправ. сен. указу велено между Донским и Запорожским войсками быть границею. Того ради мы, определенные к разграничению войска Запорожского старшины и козаки, сим накрепко обязуемся, чтоб нам войска Запорожского козакам рыбными и звериными промыслами в водах и в лесах и в степях довольствоваться помянутыми, отведенными по силе указу, местами безо всякаго спору. И впредь нашему войску Запорожскому, кроме Калмиуса, до других рек — Еланчика, Миюса, Темерника и протчего, такоже и в степи за Калмиюс, кроме соседственных необходимых и добропорядочных дел или нужд, отнюдь не ездить и донским козакам никаких обид и притеснений не чинить под опасением жесточайшаго е.и.в. гнева и истязания. В том и подписуемся. На подлинной подписано тако: «Вместо вышеписанных старшин Якима Белого, Ивана Рябого, Ивана Похила, Григорья Лантуха, яко неумеющия грамоти, по повелению их, подписался Анисим Семенович Кривецкий, писарь войска Запорожского». Оная копия засвидетельствована тако: «Подполковник Андрон Коробьин». Секретарь Алексей Фотеев, канцелярист Иван Агафонов»* [13, сс. 1490-1491].

Важно обратить внимание, что в середине 1746 года граница запорожцев по Кальмиусу **доходила только до старой русско-турецкой границы 1714 года и там заканчивалась**. То есть, территории к северу и востоку от этой старой границы оставались бесспорно во владении жителей прежних приграничных городов Тора и Бахмута!

Вот еще пример такого понимания Кошем своих северо-западных пределов в 1746 году. Из письма Коша Леонтьеву: *«<…> а минувшаго сентября 29 дня сего ж 1746 году запорожской кошевой атаман с товариством ко мне представлял, что отправленные от войска Запорожского к разграничению с войском Донским рек, земель, лесов и протчих угодей депутаты, Яким Игнатов [Яким Игнатович Белый — LV] с товарыщи, к войску Запорожскому представлял, что по силе Е.И.В. высочайшаго указа по той стороне Калмиюса грани поставили донские козаки, а от вершины Калмиюса он, Игнатов с товарыщи,* ***по старую границу*** *[выделение мое — LV] грани поставили ж <…>»* [13, с. 1486].

На тот момент времени это Кош вполне устраивало, так как этот северо-восточный угол Вольностей еще не был заселен запорожцами и никакие денежные потоки здесь еще не крутились. Начало пристального интереса Коша к этому краю и к землям севернее бывшей границы 1714 года – будет относиться примерно к середине 1760-х годов, ко временам кошевого атамана Калнышевского. Но это уже совсем другие обстоятельства и совсем другая история…

Несколько позже, в сентябре 1764 года, это же место будет упоминаться в описании запорожских границ, составленном войсковым старшиной Андреем Порохней (до того, в 1754 году он успел побыть Кальмиусским полковником, так что наши края знал хорошо). Вот как он описывал северо-восточные пределы Запорожских Вольностей: *«<…> Той же Тор подтяг под Вовчу, которая Вовча Запорожских дач [владений -LV], а Тор — Торской дачи. Вовча подтягла вершинами под Калмиуские вершины; под тие ж вершины Калмиуские притяг Тор-Кривой Бахмутскаго владения. Тою стороною Калмиуса -войска Донского дачи, а сею стороною Калмиуса — Запорожские войсковые дачи, до самого моря Азовского, а там* ***между границами тромя: Донскою, Запорожскою и Бахмутскою, укопан пень обгорелый, войсками: Донским и Запорожским, над Калмиусом речкою, для знатя всякому своей границы****»* [1, сс. 399-400].

Этот «пень обгорелый» явно был остатками одной из пограничных граней. Почему от него остались только обгорелые остатки – теперь уже можно только догадываться. А вот судьба остальных шести массивных дубовых столбов представляется гораздо более понятной. Скорей всего кто-то из предприимчивых местных жителей однажды подумал: «Зачем хорошей древесине простаивать без толка? Лучше забрать, а то кто-нибудь украдет». ☺

Этот характерный изгиб кордона войск Донского и Запорожского в верховьях Кальмиуса (вдоль балки Кордонной и до кургана Баба) сохранится вплоть до начала запорожской «реконкисты» в 1772 году. А затем, после ликвидации в 1775 году одного из двух соперников – войска Запорожского, этот участок границы будет отделять от донских владений уже земли Азовской (позже – Екатеринославской) губернии. Прохождение этой «межи» здесь будет неизменным вплоть до ликвидации большевиками войска Донского и перераспределения его

территорий между областями и республиками нового Союза в начале 1920-х годов. Так что этот участок границы надолго переживет тот спор двух казачьих войск, чье соперничество и сформировало его в середине XVIII века…

Подготовка к новому следствию

После успешного окончания своей мисии по размежеванию между двумя казачьими войсками, Коробьин должен был продолжать следственные действия. Но выполнить это ему тогда было крайне затруднительно, так как донские старшины, необходимые для следствия, на тот момент находились в дальних походах, их возвращение в ближайшее время не ожидалось. Поэтому, чтобы не отягощать запорожских делегатов длительным и бесплодным ожиданием в крепости святой Анны прибытия донских ответчиков, Коробьин в тот же день 19 сентября временно отпустил их с верховьев Кальмиуса по домам. С ними вместе уехал в сторону Сечи и поручик Лбов, поручение которого было полностью выполнено. Коробьин отправил с ними в Сечь и в Киев свои сообщения и выписки из документов об окончании размежевания.

Впереди себя запорожские старшины отправили в Кош гонца с кратким сообщением об окончании межевания и о том, что нет донских представителей для продолжения следствия. Эта информация из Коша была оперативно переслана в Киев (поступила туда уже 29 сентября). В своем донесении Леонтьеву запорожская администрация пересказывала известие с верховьев Кальмиуса и просила киевского генерал-губернатора надавить на донцов через Сенат, чтобы те как можно скорее все-таки организовали со своей стороны присылку необходимой старшины в следственную комиссию. А в случае, если *«за неимением [донских] полковников депутатов выслать будет невозможно, тоб и посланных от войска запорожского депутатов Якима Игнатова [Якима Белого — LV] с товарыщи, до прибытия из походу войска Донского полковников, [обратно] до Коша отпустить, чтоб оные, живучи тамо [в крепости святой Анны — LV], напрасно не убытчились и нужды не претерпевали»*. По этому письму Леонтьев послал ордер к войску Донскому и к *«определенному для того следствия подполковнику Карабьину»* о скорейшем назначении донских «депутатов» в комиссию и потребовал, в случае продолжения задержек со следствием, временно отпустить запорожских делегатов. О том же он написал доношение и в Военную коллегию, с требованием подтвердить эти распоряжения и со своей стороны [13, сс. 1486-1487].

Возвращавшиеся с верховьев Кальмиуса запорожские старшины (и поручик Лбов с ними) на обратном пути не особо торопились. В Сечь они вернулись только 30 сентября. С собой они (помимо прочих документов) привезли и отправленную с ними «промеморию» от Коробьина в Кош. В ней тот официально сообщал кошевому об окончании размежевания, а также о том, что из-за отсутствия на следствии донских делегатов он *«впредь до требования»* отпустил запорожскую делегацию.

В Коше тщательно проанализировали всю полученную свежую информацию, особенно про прокол молодого Ефремова с его самоуправством при устье Кальмиуса. В нынешних условиях Кош был не в состоянии переиграть ситуацию со своей новой восточной границей. Но вот попытаться хоть частично отыграться на донцах, добившись от верховных властей наказания тех из них, кто за последние четыре года обижал запорожских казаков – это представлялось вполне возможным. В результате в Коше были составлены еще два донесения в Киев к Леонтьеву.

В одном из них пересказывалось содержание полученной 30 сентября промемории от Коробьина. В нем кошевой повторно просил от Леонтьева писать к войску Донскому и в Военную коллегию об ускорении производства следствия [13, сс. 1487-1488].

Второе письмо было основано на рапорте кальмиусского полковника Черного об убытках от действий донцов у устья Кальмиуса. Насколько можно понять из более позднего его пересказа, этот документ поступил в Сечь еще 18 сентября (если только это не дата его отправки из Кальмиуса?). То есть, он, по всей видимости, уже находился к тому времени в Сечи почти две недели. Но до поры до времени войсковая администрация не пускала его в ход, возможно ожидая личного доклада от своих представителей, присутствовавших при этих событиях. Теперь настало подходящее время и для него.

В своем письме кошевой сделал особый акцент на том, что *«в полученной ими, войском, из пр.[авительствующего] сен.[ата] Е.И.В. грамоте, между протчим, повелено при разграничении никаких споров и грабителств и разорений не чинить под опасением ответа»*. Почему кошевой просил Леонтьева сообщить о проступке молодого Ефремова в Сенат.

13 октября 1746 года поручик Василий Лбов (возможно, с запорожскими сопровождающими) привез всю эту накопившуюся корреспонденцию от подполковника Коробьина и от кошевого Василия Григорьевича Сыча в Киев. На основе его доклада и ознакомления с полученной документацией, Леонтьев уже 15 октября составил два собственных донесения.

В одном из них для сведения Сената очень подробно пересказываются все события, начиная с лета 1746 года и заканчивая сообщениями Коробьина, Лбова и запорожского кошевого по итогам размежевания и неудачной попытки начать следственные действия. К нему прилагались копии с описания свежепоставленных пограничных «граней» и курганов по Кальмиусу, а также расписок запорожских и донских делегаций по этому поводу [13, сс. 1485-1491].

А второе донесение, как нетрудно догадаться, было составлено на основании жалобы кальмиусского полковника. 15 октября Леонтьев отправил его в Сенат. Также, *«для ведома и для надлежащаго по силе Е.И.В. указов исполнения»* он отправил копии и *«ко определенному к следствию о произшедших между Донским и Запорожским войсками обидах»* подполковнику Коробьину [4, pp. 1482-1485]. Таким образом дело о сожжении двух землянок, двух шалашей и нескольких стогов сена было вынесено на самый высший уровень Империи, а сын войскового атамана войска Донского вскоре снова окажется под следствием. О чем Степан Евремов, отдавая приказ о сожжении запорожского имущества, явно не подумал. А стоило бы. Думать — это вообще полезно…

Первое из донесений Леонтьева будет доставлено в Военную коллегию 18 ноября. По какой-то причине *«доношение»* от самого Коробьина поступило в коллегию еще позже, только 28 ноября.

Никак не отреагировать на замечания такого влиятельного в Империи человека, как киевский генерал-губернатор – в Военной коллегии никак не могли. Опять закрутились невидимые нам бюрократические шестеренки. В результате 5 декабря 1746 года в Санкт-Петербурге в Военной коллегии была составлена грамота в Войско Донское (исх. №11469). В ней будет очень кратко пересказано сообщение Коробьина об окончании разграничения и о том, что запорожских делегатов он *«до востребования»* отпустил. И что заминка к продолжению следствия *«между теми войсками о происшедших убивствах и обидах»* случилась из-за отсутствия депутатов от донской стороны. А войско Донское, мол, отговаривается

тем, *«что из полковников, которые обиды в созжении и в забрании денег, одежды и протчаго войска Запорожскаго казакам починили, [никого в наличии] не имеется, но в походе в Лифляндии»*. В ответ Военная коллегия прямо напоминает Ефремову, что эта отговорка уже не актуальна, так как к тому времени из отправленной в Лифляндию 6-тысячной донской команды (где и находились затребованные следствием полковники Каршин и Туроверов) там оставалось только 1000 казаков, остальные были отпущены обратно на Дон. Поэтому коллегия потребовала от донцов *«неукоснительно»* отправить к следствию *«требуемых полковников, тако ж и депутатов от войска Донскаго»*. Только теперь новым местом заседаний следственной комисии был определен город Бахмут. И, видимо, учтя опыт прошлых попыток следственных действий и связанных с этим трудностей, в этот раз коллегия определила для этого целую группу штаб-офицеров (их количество и личные данные в этой грамоте не расшифровываются). Тем предписывалось совместно с запорожскими и донскими депутатами производить следствие *«как особливо преждепосланые из Правительствующаго Сената и из Военной коллегии указы повелевают и всемерное старание иметь, как возможно наискоряе оное [следствие — LV] привесть во окончание»*. Также в грамоте сообщалось, что указы по этому поводу из Военной коллегии были отправлены также «помянутым штаб-офицерам» и лично Леонтьеву [9, сс. 425-426].

Причины переноса места заседаний следственной комиссии из крепости святой Анны в город Бахмут — в этой грамоте не расшифровываются. Можно только осторожно предположить, что одним из основных факторов для такого решения стала география. Из-за произошедшего переноса границы на Кальмиус – теперь запорожцам до крепости святой Анны пришлось бы ехать более 150 верст по «вражеской» донской территории, что было чревато новыми эксцессами с обеих сторон. В этом плане Бахмут позволял и запорожцам, и донцам добираться к нему, не заезжая на территорию друг друга. Правда, теперь и тем, и другим для участия в заседаниях нужно было каждый раз преодолевать по 150 – 300 верст практически незаселенной степи, что сильно замедляло и затрудняло снабжение казацких участников следственных действий (см. Рис.48). Возможно, были и какие-то другие соображения, нам не известные.

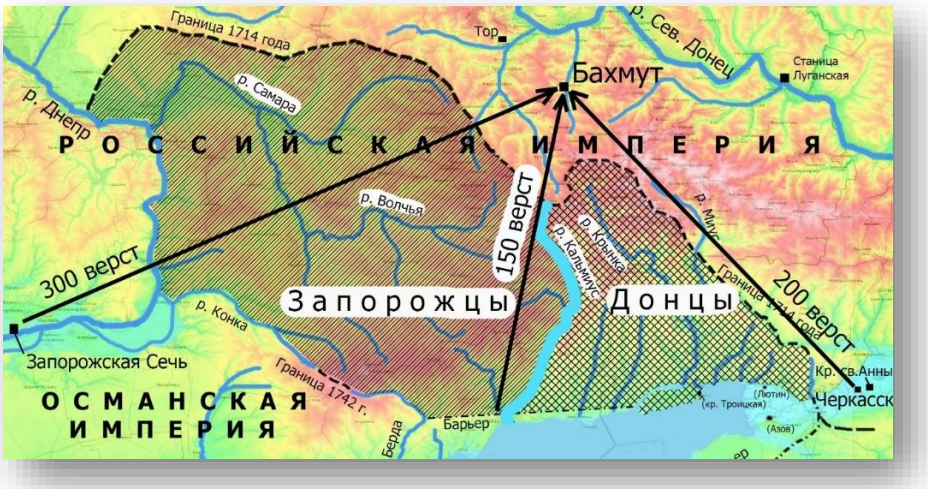


Рис.48. Перенос следственной комисии в Бахмут. Светло-голубым цветом – показана новая граница между двумя казачьими войсками по Кальмиусу.

Значительно дольше в Военной коллегии решали, что делать с фактом нарушения условий сенатского указа в результате огненного самоуправства молодого Степана Ефремова. С одной стороны — было несподручно ссориться с заслуженным предводителем войска Донского Данилой Ефремовым из-за нескольких сожженных его сыном стогов сена. Но с другой стороны – это дело уже было доведено до сведения Сената, просто проигнорировать его было уже невозможно. Что-то с этим нужно было делать. Но что? При общем разбирательстве ссор между донцами и запорожцами, которое теперь должно было осуществляться в Бахмуте, замять это дело молодого Ефремова было бы крайне сложно из-за протестов запорожских делегатов. Вероятно именно поэтому данное следствие по *«определению»* Военной коллегии от 22 декабря 1746 года было выделено в отдельное дело и передано в крепость святой Анны [9, с. 502]. В грамоте от 31 декабря 1746 года (№12728), написанной в Санкт-Петербурге в Военной коллегии, по поводу этого дела в Черкасск сообщалось: *«<…> указали мы <…> по сношению с вами, войском Донским, взяв от помянутого [Степана — LV] Ефремова и от кого надлежит ответы, изследовать крепости Святые Анны гарнизонной канцелярии по сущей справедливости, и какому винные по указом и по вашему донскому обыкновению штрафу достойны будут – писать в нашу государственную Военную коллегию немедленно <…>»*. Также в этой грамоте снова предписывалось *«<…> впредь до таких своевольств и противностей (от чего уже между вами, войсками, великия ссоры и смертные убивства произошли, о чем многия следования и затруднения чинятся) – накрепко запретить, под опасением нашего, императорскаго величества, гнева, дабы помянутое Запорожское войско без всякой притчины напрасно обижены [не были] и в том и еще наиболее жалоб приносить не могли, и происходящия до сего ссоры прекратятся и из того излишния происходящия затруднения миновать могли»*. Аналогичные указы были посланы в гарнизонную канцелярию крепости святой Анны и к руководителю «общего» следствия подполковнику Коробьину [9, сс. 426-427].

От этого расследования по делу молодого Ефремова удалось найти только итоговый, завершающий документ. Он достаточно подробно описывает все основные перепетии этого дела, в нем можно выделить блоки по отдельным документам, но, к сожалению, они никак не датированы. Можно только сказать, что все следствие займет почти полтора года…

В канцелярии крепости святой Анны согласно полученному в начале 1747 года указу принялись за дело. В соседний Черкасск был отправлен запрос. Оттуда, из донской канцелярии войсковых дел, был получен письменный ответ, подписанный Степаном Ефремовым. Вполне вероятно, что в его составлении принял участие и отец обвиняемого — Данила Ефремович, хорошо знакомый на собственном опыте с тогдашним следственным делопроизводством.

В этом ответе говорилось, что в 1746 году Степан Ефремов с определенными к нему старшинами, казаками и калмыками был послан к Кальмиусу по выданной ему в Войске *«инструкции»*, составленной согласно присланным из Сената и Военной коллегии грамотам. И что по этой инструкции он должен был ехать вместе с командированным подполковником Андроном Коробьиным для размежевания земель по Кальмиусу. И подчеркивалось, что само размежевание тогда было *проведено «без всякого спору с присланными от Запорожскаго войска старожилами»* (т.е., что с формальной точки зрения – можно считать, что это положение сенатского указа было выполнено). Далее Степан переходил к пояснениям по поводу уничтоженного запорожского имущества. Он подтвер-

ждал, что действительно тогда направлял к Коробьину своего нарочного с требованием к запорожцам вывести свое имущество с левого берега Кальмиуса, отошедшего к войску Донскому. И, как пояснял он свои дальнейшие действия: *«но токмо де потому, чтоб то сено свезть и землянки и шиши сломать – того не учинено, и никто из запорожцев для того не приезжал, чего де ради и чтоб впредь запорожцам, по самовольству их, во владение наше, войска Донскаго, въезжать и того чинить неповадно, все те сена, шиши и землянки созжены»*. Также здесь отрицалась та часть показаний Коробьина в Военную коллегию, где говорилось о том, что отправка нарочного с требованием и поджоги произошли в один и тот же вечер: *«и то де от него, подполковника, показано напрасно, ибо от него [Степана Ефремова — LV] еще за день до того, как созжено, к нему, подполковнику, посылан был нарочной»* (т.е., что у запорожцев было вполне достаточно времени).

Тогда крепостная канцелярия вновь отправила запрос к Коробьину (вероятно, в Бахмут?), по поводу последнего возражения Ефремова. Но в полученном ответном «репорте» от Коробьина было опять жестко подтверждено, что это все произошло в один день: *«присылка к нему [Коробьину — LV] была в вечернюю пору, так как за час или меньше до ночи»*. Как он писал: *«ибо де из Правительствующаго Сената указом велено при том разводе никакого упрямства ни с которыя стороны не чинить, а он де, старшина Ефремов, то созжение запорожских сен и рыбных куреней учинил не в силу оного указу»*. И что этим действием *«очевидная им, запорожцам, обила явно учинена»*. Также в ответе Коробьина говорилось, что киевский генерал-губернатор Леонтьев полученные им от Коша по поводу этого сожжения *«прошения от обидимых»* направил *«для изследования в том созжении определенному к следственной коммисии Новгородского драгунского полку полковнику Рязанову, в данных при инструкции экстрактах вписано»*. Далее в этом документе в очередной раз приводился перечень пострадавших казаков (включая и охотника Максима Ухая, не попавшего в первоначальный реестр) и утраченного ими имущества, на общую сумму в 117 рублей.

После такого ответа Коробьина в Черкасске поняли, что попытка избежать разборок по этому делу не увенчалась успехом. Но и в таких условиях молодой Ефремов поступил благородно, не став искать «стрелочников», а взяв всю вину за эти события лично на себя: *«<…> как он, старшина Ефремов, в том и сам себя обличает, велел вышеписанныя сена и протчую рухлядь сжечь – и сжег, для чего и посыланных для того созжения и разорения казаков и калмык, сняв [вину — LV] на себя, защищает. Почему в них гарнизонной канцелярии к следствию нужды более и не предвиделось»*.

После того, как в гарнизонной канцелярии крепости святой Анны вполне уяснили себе суть дела, там закипела работа по составлению «мнения» по поводу справедливого наказания для главного виновника. Если в Военной коллегии и надеялись получить от них предложение с относительно мягкими условиями наказания для молодого Ефремова – то в этом их ожидания не оправдались, гарнизонные канцеляристы намеков явно не поняли. Они добросовестно перерыли кучу законов, указов, воинских уставов и прочих нормативных документов Российской империи. И определили, что своими незамысловатыми действиями Степан Ефремов умудрился одновременно нарушить сразу многие из их

параграфов (перечень прилагался). И за то, что он, будучи знакомым с содержанием сенатского указа, прямо запрещавшего всякие ссоры во время разграничения, все-таки обидел запорожцев, предлагалось взять со Степана в пользу пострадавших двойную сумму (т.е. 234 рубля), да еще 47 руб. и 2 копейки различных судебных сборов. Затем мотивы и поступки Степана Ефремова расписавались в самых черных красках. И за это нарушение (*«хотя то разорение и не великой суммы стоит»*), а также для для того, чтобы отбить впредь у донских казаков и калмыков желание нарушать распоряжения высшего руководства, канцеляристы полагали проступок молодого старшины подлежащим наказанию политической смертью (это когда приводили на плаху, но вместо смертной казни наказывали кнутованием и вырыванием ноздрей, а потом ссылали на вечную каторгу в Сибирь). Но вместо такого жесткого наказания гарнизонная канцелярия предлагала более мягкий вариант – лишив Степана Ефремова старшинского чина, наказать плетьми в войсковом кругу в присутствии депутатов от гарнизонной канцелярии и записать его навечно в рядовые казаки. *«А сверх того – что по разсмотрению Военной коллегии повелено будет учинить»*. Да уж, смягчили – так смягчили!

Когда в Военной коллегии получили такое «мнение» из крепости святой Анны, то, вероятно, ужаснулись прочитанному. И (вероятно, после консультаций на самом высоком уровне) решили смягчить наказание до уровня, более соразмерного проступку. И, постановили, что, хотя Степан Ефремов и подлежал штрафу, *«но вместо того, за показанныя к нашему императорскому величеству и ко Всероссийской империи, как его и наивяще отца его, вашего войсковаго атамана, многия усердныя службы, и что между сими обоими войсками со обоих сторон, а особливо и с запорожскской таковыя обиды происходили, в полегчение учинить»*. В итоговом решении, подготовленном Военной коллегией, с младшего Ефремова предписывалось взять *«по объявленной от них самих, запорожцев, цене»* штрафные 117 рублей в однократном размере (с учетом того, что *«сами запорожцы такого двойного взыскания не ищут и могут быть довольны и тем»* [9, с. 134]. Эти деньги должны были быть переданы в гарнизонную канцелярию крепости святой Анны, а оттуда – отправлены в Киев, Леонтьеву, для последующей раздачи под роспись пострадавшим запорожцам. Судебные издержки предписывалось с него не взимать, так как они относились только к гражданским судам. Также, в качестве наказания за самовольное сожжение и за *«порицание»* подполковника Коробьина (при попытке опровергнуть его показания?), и чтобы казацкие старшины в дальнейшем *«с регулярными воинскими людьми»* поступали всегда пристойно и порядочно, приказывалось отрешить Степана Ефремова от старшинского чина на 3 месяца и в это время никуда его *«по тому старшинскому чину»* не командировать. Отдельным пунктом напоминалось, что и от войска Донского были многочисленные жалобы на запорожцев, по которым до сих пор почти никакого удовлетворения не было получено. Поэтому киевскому генерал-губернатору Леонтьеву предписывалось содействовать продолжению следствия по этим случаям, и рапортовать в Военную коллегию по предпринятым для этого шагам.

Итоговый вариант грамоты в Войско Донское был составлен в Военной коллегии в Санкт-Петербурге 26 мая 1748 года (№5099). Она получилась огромной по длине и подробностям (можно только посочувствовать и ее чтецу, и ее

слушателям!). В ее тексте сначала по нарастающей усиливалась степень тяжести вины подследственного старшины и грозящих ему за это наказаний (чтобы тот хорошо понервничал при ее заслушивании!), но затем все заканчивалось достаточно неплохо. В общем, можно сказать, что это дело, в итоге, спустили на тормозах, и Ефремов-младший легко отделался.

Указы аналогичного содержания были отправлены Леонтьеву, генерал-майору Р.К. фон-Вейделю (Веделю, бывшему в 1748 – 1751 годах главным командиром крепости святой Анны) и в саму гарнизонную канцелярию [9, сс. 501-507].

Что же касается до основного следствия, которое будет производиться в Бахмуте, мы расскажем об этом несколько позже. А пока вновь отвлечемся еще на один горячий сюжет той истории.

Дело атамана Левки Белого

В криминальной истории времен начала распри между Запорожским Низовым и Донским казачьими войсками одним из самых ярких и хорошо задокументированных является дело атамана Левки и его шайки. Это один из немногих случаев, когда донцам удалось догнать и взять с поличным шайку запорожских конокрадов почти в полном составе (за исключением одного запорожца, убитого при погоне). Бумаги по этому делу очень информативны и освещают многие сюжеты запорожского «закулисья», обычно тщательно скрываемые запорожской старшиной. К тому же упоминания *«атамана Левки Белого»* часто встречаются в следственных документах этого времени. В предыдущих главах мы мельком уже затрагивали обстоятельства этого дела и его последствия. Теперь же мы расскажем об этом деле более подробно.

Первоначальное донское сообщение в Военную коллегию (от 17 мая 1746 года) про само преступление и про поимку конокрадов было довольно лаконичным. Из него мы можем узнать, что той весной (это должно было случиться ближе к концу апреля) шайка из 25 запорожцев, разделясь на две части, угнала из табуна самого войскового атамана Данилы Ефремова пять жеребцов с их косяками, а также казачьих и калмыцких коней. Всего тогда было угнано более ста лошадей. Если верить тексту донского донесения это произошло *«близ самого Черкасска на речки Грушавки»* (у автора книги есть основания сомневаться именно в такой локализации, но об этом скажем позже). За конокрадами была отправлена погоня из донцов и калмыков. Несколько передовых калмыков смогли догнать и остановить похитителей, но те не только отказались возвращать коней, но и в завязавшейся драке чуть было не перебили этих калмыков. Потеряв в этой драке убитым одного из своих – Алексея Калюжного из Титаревского куреня, запорожцы все-таки смогли уйти и увести коней. Когда они поняли, что их догоняет основная погоня, они *«сели в осаду»* в Осиковой балке (левый приток Кальмиуса, устье у с.Новоекатериновка Старобешевского района ДНР). Там они сделали себе импровизированное укрепление (*«обрывшись землею и каменьями»*) и начали отстреливаться. Возглавлявшие погоню донские старшины, не желая без крайней необходимости терять своих людей, вступили с ними в переговоры и *«обнадежили их по отобрании угнатых коней отпуском»*. На следующий день, выдержав суточную осаду и *«видя безсилие свое»*, конокрады все-таки сдались. Среди них оказалось только 14 *«действительных запорожцев»* разных куреней, во главе которых стоял атаман Левка Белый (Леонтий Федорович Белой, Калниболоцкого куреня). Кроме них в этой ватаге было еще 10 человек *«из разных мест бродящие малороссияне»* и 1 беглый солдат – Степан Шестопалов из Стародубского пехотного полка [13, сс. 1462-1463].

Лошадиный косяк — сравнительно небольшая, в 9—30 голов, отдельная семейная группа лошадей, состоящая из одного жеребца-производителя, нескольких кобылиц (как правило, 12—20 голов) и их жеребят. Косяки составляются на период размножения лошадей с целью проведения их вольного спаривания, после чего животных снова объединяют в табуны (каждый из которых включает в себя по нескольку бывших косяков).

Пойманные конокрады были доставлены в Черкасск. Здесь они были допрошены 5 мая 1746 года, а их показания в первый раз записаны [13, сс. 1585-1629]. Судя по всему, по дороге в Черкасск у разбойников было много времени, чтобы обсудить, что именно говорить на допросах (многие моменты в показаниях разных членов шайки совпадают почти

дословно). Но законченных душегубов среди них особо не было, большинство участников ступили на скользскую стезю конокрадства и разбоя относительно недавно и сильно нагрешить еще не успели. Вероятно, именно поэтому (да и чтобы не давать следствию дополнительных подозрений из-за разницы в показаниях), они предпочли сообщать свою версию насколько возможно правдивее. Они подробно и открыто рассказывали, кого, где и с каким результатом грабили, но при этом неуклонно настаивали, что убийств и побоев при этом никому не причиняли. Если какие-то моменты они и предпочли умолчать – то мы об этом уже не узнаем. Из их показаний можно собрать яркую картину быта запорожской вольницы в степях восточнее Днепра, а также узнать виновников многих случаев из жалоб донцов за 1745 – 1746 годы и выяснить тонкости реализации награбленного имущества. Чем мы сейчас и займемся.

Шайка неудачливого атамана Левки была осколком нескольких более ранних запорожских шаек, действовавших с осени 1744 – весны 1745 года. С описания их деятельности (которую удалось восстановить на основании протоколов подельников Левки Белого) мы и начнем свой рассказ. Попутно, по мере постепенного вступления в наш сюжет тех лиц, которых донцы поймают вместе с Левкой в 1746 году, будем приводить еще и их краткие биографии, до момента присоединения к разбойникам.

Первый эпизод из зафиксированных начался еще осенью 1744 года. Тогда малороссиянин Данила Щербина закончил свой годовой трудовой контракт у одного запорожца в Приднепровье, но всех заработанных денег ему хватило только на покупку коня. И снова у него в карманах не осталось ни копейки. Тогда он решил попытать счастья на рыбной ловле на азовских косах. Из городка Кодака он поехал в сторону Миуса и Еланчиков. Не совсем понятно, какими зигзагами тогда ехал Данила, но путь привел его на реку Бык (левый приток верхней Самары), к зимовнику запорожца Степана, занимавшемуся там звериной ловлей. Там он встретил казака Григория Сенчука Полтавского куреня и его товарища Степана Булаву (владелец зимовника?). Те предложили Даниле вместо того, чтобы ехать на косы, присоединиться к ним и *«итить из разных мест проезжающих людей грабить»*, на что он и согласился. Однако (если верить показаниям Щербины), они тогда так никого и не ограбили, а водил их Сенчук по степным балкам, где они и *«шаталися, кормясь зверем»*. А Данила был у них *кухарем* (поваром) [13, с. 1586]. Весной 1745 года шайка Сенчук выросла уже до 7 человек, но особыми успехами, похоже, похвастаться еще не могла.

Данила Федорович Щербина. Родился в Малоросии, в селе Обуховке Сорочинской сотни Миргородского полка. Возраст – примерно 27 или 28 лет. Не женат.

Осенью 1743 года Щербина вместе с восемью другими односельчанами поехал на Сечь для покупки рыбы. Данила по своей охоте отстал от односельчан, но в казаки записываться не стал. Он пошел в годовой найм к казаку Кущевского куреня Емельяну Тарабану за 3 руб. 50 коп. Отработав у него год, решил идти на морские косы для ловли рыбы. Для этого, придя в городок Кодак, купил себе на базаре гнедого коня за те же 3 руб. 50 коп. Однако вместо морских кос он доехал только до реки Бык [13, сс. 1596-1597].

Той же весной 1745 года на реке *«Елань»* (скорей всего здесь имелись в виду не наши приморские Еланчики, а левые притоки Волчьей – Сухие и Мокрые Ялы) промышляли разбоем четверо сечевых казаков — казак Ведмедовского куреня Грицко Штука (Сероштука) и три его товарища разных куреней. Здесь Штука встретил казака Кондрата Черного, с которым состоял в одном курене. Тот, пропившись за зиму на Самаре, в Богородичном городке, пешком шел на рыбные ловли в сторону Берды и Кальмиуса. На предложение примкнуть к их шайке, Черный сразу же согласился. Новые товарища подарили ему лошадь с седлом. Следующие три недели они провели в том же районе, но (по словам Черного) никого не грабили, а кормились добычей зверя. Возможно, просто подходящего случая не представилось?

Кондратий Леонтьев сын, прозванием Черный (Черной), казак Ведмедовского куреня, возрастом *«с сорок лет»*. Родился в Малороссии, в местечке Горошенке Луковской сотни Лубенского полка.

Примерно в 1720 году (т.е., когда запорожцы еще были под властью крымского хана) его родной дядя привел 14-летнего Кондрата в Запорожскую Сечь *«для принятия их казачей службы»*. Сам дядя был приписан в Незамаевском курене, он еще семь лет провел среди запорожцев, потом вернулся в Малороссию, где и умер. А молодой Кондрат остался на Сечи, где был приписан к Ведмедовскому куреню. После возвращения запорожцев под российскую державу, Черный участвовал в русско-турецкой войне 1736 – 1739 гг.: ходил в поход под Очаков сначала *«с кошевым атаманом Иванцом»* (Иваном Малашевичем), а после его смерти (20 июня 1737 года) — с кошевым Белицким, затем с тем же кошевым ходил к Днестру. Дважды принимал присягу – при вступлении на престол Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны (т.е. присягу малолетнему Иоанну Антоновичу он почему-то пропустил).

В 1738 году он уехал с Сечи и приехал сперва в Харьков, а оттуда *«при таборе»* отправился к Черкасскому *«на Раговые»* (?). Здесь он полтора года добывал рыбу. Но душа просила другого, поэтому он *«по охоте своей»* в 1739 году записался в Азове в доломановские (азовские) казаки. Для несения службы он взял в долг у ротмистра Филата Матвеева чалого коня ценой 21 рубль, за которого потом внес часть суммы в 6 рублей. Здесь же, в *«Долымановке»* он завел себе жену Марию (причем, невзирая на дельнейшие прискорбные события, продолжал считать ее своей женой еще и в 1746 году).

Но, видимо, новая служба особого достатка ему тоже не принесла. Поэтому, в конце сентября 1741 года, перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы, он, на том же чалом коне (за который так и не заплатил остаток долга) сбежал из Азова. Теперь он поехал в свое родное местечко Горошенку, на свидание с отцом, с которым и провел зиму. Весной 1742 года вернулся на Сечь и ловил там рыбу. Зиму 1744/1745 годов он провел на Самаре, в Богородичном городке, где и пропил двух своих коней. Весной он пешком направился в сторону Берды и Кальмиуса на рыбные ловли, но дошел тогда только до реки «Елань» [13, сс. 1585-1586].

Следующим к шайке Грицка Штуки присоединился запорожец Иван Таран. Он откуда-то из Присамарья ехал на морские косы на собственном коне. На реке Кильчени (это правый приток нижней Самары, есть подозрение, что здесь перепутано название реки) ему

встретились Штука со своими четырьмя товарищами *«находящимися в разбойническом злодействе»*. Вместо того, чтобы ограбить Ивана, они, наоборот, пригласили его к себе.

Иван Лукьянович Таран, запорожец Каневского куреня. Родился в Малороссии, в селе Брисиве города Лохвицы Лубенского полка. Возраст – более 30 лет. Не женат.

В 1740 году был свезен из своего села проезжим запорожцем Сидором (Каневского куреня) на Сечь. Там записался в курень, но похоже, числился там только формально, никаких служб не нес, присяг не давал, потому как все это время провел на рыбных ловлях.

В июле-августе 1744 года пришел с Сечи на Самару и стерег там конный табун. Там и зазимовал. Весной 1745 года он отправился на морские косы [13, с. 1605].

После этого на них наехала уже упоминавшаяся шайка Грицка Сенчука в восемь человек. Две группы казаков слились вместе и до самой *«спасовки»* (1 августа) *«ходили по разным речкам и кормились зверями»*. И лишь в показаниях Ивана Тарана мелькает честное упоминание, что кормились они тогда не только добычей степных зверей, но *«и братым у проезжающих городовиков грабежом хлебом»* [13, с. 1605]. Один раз, правда, они попытались сходить для отгона лошадей к крымским татарам на Молочную (т.е., в пределы Крымского ханства). Но, по их словам, из-за *«худобы»* своих лошадей они тогда вернулись обратно, якобы, не солоно хлебавши. В первых числах августа ватага пошла на речку Волноваху (*«бес показывания ж никому разбою и воровства»*). Здесь к ним присоединился казак Василь Голуб (Джереловского куреня) с товарищем, и их стало 16 человек.

Правдивость показаний пойманных разбойников относительно безуспешности их рейда на территорию Крымского ханства также вызывает большие сомнения. Так как именно от этого периода, от июля 1745 года, известно четыре упоминания о грабежах на татарской территории — *«на Молочной и Конской вершинах»*. Подданные ханства (грек Гавриил, армянин Кара-Баджак, армянин Шабаж и татарин Иса Кариса) однотипно жаловались на нападение одной и той же шайки запорожцев из 8 человек. Причем среди нападавших упоминается казак Павло Черный, который где-то рядом (на Конской?) жил зимовником [12, с. 246]. С учетом того, что в таких рейдах обычно участвовала лишь часть членов шайки, а остальные оставалась «на коше», очень похоже, что здесь отметилась именно объединенная шайка Сенчука.

Если доверять показаниям пострадавших, то в сумме у них было угнано 7 лошадей и 17 волов, а также отобрано много другого движимого имущества. Даже если эти показания сильно завышены и реальные их потери были раза в два-три меньше, то и тогда количество награбленного получается довольно значительным. Это казачки точно не впустую сходили…

Еще одна шайка начала было зарождаться в конце весны 1745 года в низовьях Кальмиуса. Пропившийся до гроша запорожец Левка Белый (до того не имевший личного криминального опыта) подговорил такого же безденежного казака Алексея Комара и еще четырех неназванных запорожцев попробовать себя в разбойном деле. Через неделю после Петрова дня (6 июля) они отправились в степь. Через какое-то время на речке Волновахе они встретились с более многочисленной шайкой сечевого казака Клима Калги (Кисляков-

ского куреня). Шайки объединились, причем Калга, как более опытный и авторитетный казак, сразу отодвинул Левку Белого от руководства, что тому очень не понравилось. Теперь в шайке Калги стало 14 человек.

Леонтий Федорович Белой (Левка Белый, атаман Левка). Запорожец Калниболоцкого куреня. Родился в Малороссии, в городе Нехвороще одноименной сотни Полтавского полка. Возраст *«более тридцати лет, а сколько именно – не помню»*. Женат, жена проживала в городке Богородичном на Самаре.

Примерно в 1736 году, когда десять его земляков поехали на десяти возах в Сечь для покупки рыбы, Левка примкнул к ним. Остался на Сечи, записался в курень. Участвовал в походе на Днестр с кошевым Билецким. Присягал на верность Иоанну Антоновичу и Елизавете Петровне.

В конце марта 1744 года отправился на одном возе из Сечи на Самару. Там провел около шести недель. Съездил на своем возе на Берду за солью, продал ее в Малороссии. Потом опять поехал на Самару, где и зазимовал. Весной 1745 года, после пасхальной недели (14 апреля) все на том же порожнем возе поехал на Кальмиус для ловли рыбы. Там пробыл до Петрова дня (29 июня) и *«сколько денег на рыбе добыл – все пропил»*. Здесь познакомился с Алексеем Комаром [13, сс. 1590-1591].

Алексей Григорьевич Комар, запорожец Ведмедовского куреня. Родился в Малороссии, в селе Белоцерковце Лубенского полка. Возраст — около 27 - 28 лет.

Примерно в 1739 году его привез на Сечь родной дядя Омельян Комар, казак Ведмедовского куреня, который через какое-то время умер. Алексей записался в тот же курень, но, как признавался сам: *«хотя тамо жил и счислялся Медведицкаго ж куреня, только службу не производил»*. В военных походах не участвовал. Присягу принял лишь однажды – на верность Елизавете Петровне. В 1744 году ушел из Сечи на Белосарайскую косу и *«ловил с протчими там рыбу»*. Потом ходил на Берду за солью. Вернувшись оттуда – зимовал на Кривой косе (район современного города Новоазовска). Весной 1745 года стерег на Берде волов находящихся там городовых казаков, но не устерег чьего-то гнедого мерина, из-за чего лишился и работы, и денег. Оттуда пришел на Кальмиус, где и познакомился с Левкой Белым [13, сс. 1606-1607].

В начале августа 1745 года на Волновахе к шайке Сенчука, отдыхавшей после перехода с Солоной, неожиданно приехал Клим Калга, сообщивший, что неподалеку находится и его шайка. Между двумя главарями состоялись переговоры. В результате достигнутого соглашения, на следующий день обе партии разбойников слились вместе, а руководить ими стал «дуумвират» из Сенчука и Калги. Общий состав объединенной шайки достиг 30 человек.

Сенчук и Калга посоветовались между собой и решили поискать счастья (в его материальном воплощении) на дорогах, ведущих к Луганской станице, куда вскоре должен был потянуться народ на предстоящую Семеновскую ярмарку (см. Рис.49). Предводители взяли с собой 17 человек: Павла Щербину, Ивана Серганта Левушковского куреня, Власа Гужву, Грицка Растачка Ирклеевского куреня, Грицка Штуку (Сероштуку) Ведмедовского куреня, Грицка Великого Щербиновского куреня, Василя Голубя Джереловского куреня, Ивана Ляха

Каневского куреня, Левку Белого Калниболоцкого куреня, Данилу Щербину Кущевского куреня и еще семь человек. Лошадей у них с собой было *«у двух три»* (т.е., видимо, на каждых двух казаков приходилось по одной запасной лошади). А остальные 11 человек (по татарскому обычаю) остались *«на коше»* в балке Березнеговатой. Среди оставшихся на коше удалось установить только одно имя — Алексей Комар.

Название балки Березнеговатой будет неоднократно упоминаться в показаниях этих казаков, но ее местонахождение автору установить не удалось. Есть одноименная речка с тем же названием в низовьях Волчьей (ее левый приток), но это слишком далеко на запад. В другой раз, такое название балки упомянуто в связке с речкой Солоной (правый приток в среднем течении Волчьей). Но в данном месте, как явствует из показаний Алексея Комара, имеется в виду какая-то балка у Миуса: *«а одинатцать человек от Миюса в Березнеговатой балки на кошу остались»* [13, с. 1607]. Возможно, запорожцы переиначили на свой лад название балки Берестовой или буерака Дерезоватого (правые притоки среднего Миуса)?

В более позднем «мнении» киевского генерал-губернатора Леонтьева от 15 марта 1749 года название места, где разбойники будут после этих нападений делить свою добычу будет записано как *«Череватая балка»* [13, с. 1644]. Это о том же самом месте. Вероятно, это еще один неправильный, искаженный вариант названия *«Березнеговатой»* балки.

Где-то в районе восточнее Луганской станицы шайке Сенчука и Калги попались на шляхе два человека казаков (вероятно, донских), которые на двух возах возвращались в Черкасский с буераков *«с речки Каменки»* (вероятно, это Большая или Малая Каменки, правые притоки Северского Донца в районе городов Донецк и Каменск-Шахтинский Ростовской области). Поскольку эту местность разбойники знали плохо, то они заставили этих двух пойманных бедолаг отвести их к *«настоящему»* шляху к Луганской станице, где можно было ожидать проезда торгующего народа. Здесь грабители засели в буераке (судя по всему, это был многократно упоминаемый в жалобах донцов Говенный буерак), а возле шляха оставили *«караул»*. Первыми им попались едущие на ярмарку на двух возах два донских казака и один малолетка при них (в показаниях Данилы Щербины – *«донских козаков два, доломановского – одного»,* в донских реестрах этот случай, возможно, соответствует жалобе казаков Якова Трофимова и Степана Глушихина из Черкасска). У них запорожцы отобрали три лошади, ружья, деньги и прочее имущество *«что при них было без остатку»*. Часть разбойников (в том числе Кондрат Черный, Левка Белый) с захваченным имуществом пошла вниз по балке, а остальные *«побежали по шляху»* и ограбили еще трех донских казаков. Утром поймали еще двух казаков, чуть позже – еще двух и, *«обобрав их денгами, лошадми и что при них имелось»*, оставили их *«здоровых, не битых и не связанных»* в буераках. После этого запорожцы начали отходить обратно, на запад. Но тут на них напало восемь калмыков, которые смогли отбить одну из лошадей. Больше никаких неприятностей запорожцы на своем обратном пути не претерпели.

К сожалению, в большинстве случаев не получается уверенно совместить показания запорожцев об этих случаях грабежа с донской жалобой, упоминающей конкретных пострадавших. Если верить пойманным запорожцам (а они все заявляли одно и то же, практически слово в слово), то в тот раз в районе Луганской станицы они озорничали менее двух суток и произошло всего пять нападений. Но есть некоторые основания сомневаться в полной достоверности этой

версии. В поданном донцами реестре по событиям августа 1745 года однотипные жалобы (на нападения в том районе примерно 20 запорожцев) гораздо более многочисленны и выпадают на разные дни. Да и после этого рейда количество лошадей у этой шайки выросло более, чем в два раза (см. последующие события на Солоной), что сильно превышает общее количество отнятых тогда лошадей в показаниях запорожцев. Даже с учетом того, что в донской жалобе по части августовских случаев вместо даты события могла быть зафиксирована дата обращения пострадавших в Черкасск, разброс по датам все-рано остается великоват. Скорей всего, запорожцы Сенчука и Калги провели в августе 1746 года в районе Луганской станицы значительно более продолжительное время, но часть случаев предпочли скрыть от следствия.

Из *«мнения»* Леонтьева (1749 год) мы узнаем, что в августе 1745 года на Луганской дороге эти же разбойники кроме уже упоминавшихся в донских жалобах лиц (Антона Федорова с товарищами, Якова Трофимова с сыном и с товарищем его Степаном Глушихиным, Тихона Акимова, Ефима да Прокофья Житковых, Матвея Осипова с товарищем) ограбили еще и *«Нестера Резанцева, Мирона Сагайдачного, да в тож де время, как онаго Осипова грабили, то ограбили ж едущих в Черкаской на одной телеге незнаемо каких людей дву человек»* [13, с. 1644].

По возвращении в свой кош в балке Березнеговатой, разбойнички начали делить добычу, причем делили *«не по равной части»*, видимо, смотря по участию в деле. Сколько всего награбили – атаманы им цифру так и не озвучили, среди рядовых разбойников ходили слухи об общей сумме в 400 — 450 рублей. Кондрат Черный получил 17 рублей, Левка Белый – 13 рублей, Данила Щербина – деньгами 7,5 рубля и рыжего мерина, Иван Таран – 12 рублей (из которых он заплатил товарищам за гнедого мерина 1,5 рубля), а остававшийся на коше Алексей Комар – 10 рублей.

После дележа, все тридцать человек отправились на запад, к реке Бык (левый приток верхней Самары). Там они пробыли *«кошем»* восемь недель, при этом иногда выбираясь человек по десять в городок Богородичный на Самаре, чтобы пить там вино. Примерно через пару недель после своего прибытия на Бык, Сенчук с Калгой (с которыми также были Кондрат Черный и Левко Белый и еще примерно 10 человек) отправились с подарком к местному самарскому начальству: *«отвели из вышеписанных грабежных лошадей коня пегова, кобылу гнедую самарскому полковнику Терентию Стебливского куреня, есаулу Михайле Сухому Конеловского куреня да писарю джереливского куреня (а как зовут не знаю). Которых они заведомо грабежных и принели»*. И, как пояснял в этом случае Кондрат Черный о запорожских обычаях: ***«А обыкновение у наших полковников такое есть: ежели что из грабежнаго ему дадут, берет он часть, а есаул с писарем другую, что, уповаю, и они так учинили»*** [13, с. 1588]. В Богородичном, от ватаги отделился Левка Белый, решивший здесь зимовать. Сначала он ушел *«в зимовье, на Самаре лежащее»*, но затем вернулся обратно в Богородичной, где и провел всю зиму, вероятно, со своей женой.

Затем немного уменьшившаяся ватага перебралась несколько юго-западнее, на речку Солоную (правый приток Волчьей). Здесь на них ночью напали бахмутчане: *«ротмистр в восми человеках бахмуцкими жительми».* Они отбили у наших запорожцев всех имевшихся у тех 78 лошадей (и собственных, и наворованных). Ватага резко лишилась «средств производства» и превратилась в пешеходную, что сделало весьма опасным продолжение разбойной практики. У кого из компаньонов еще оставались не пропитыми деньги – те

вновь купили лошадей и *«пошли с Сенчюком и Калгою на добычи»*. Судьба же остальных братчиков-неудачников, оставшихся «пешеходами», предводителей ватаги интересовала мало, таких просто бросили на произвол судьбы. Оставшиеся без средств к существованию казаки разбрелись на заработки по разным местам, кому где сподручней, с некоторыми из них мы еще встретимся.

В уже упоминавшемся «мнении» Леонтьева (1749 год), со ссылкой на материалы следствия приводится несколько иной вариант по эпизоду на Солоной. Что лошадей у них отбивали *«ночным временем войска Донскаго козак Филип-табунщик да калмык Захарий с товарыщи»*, и отбили они не 78, а всего 54 лошади [13, с. 1644]. Скорей всего, в ходе этого отгона произошли какие-то переговоры, и немногочисленные (по сравнению с шайкой) донцы предпочли назваться бахмутчанами, чтобы пустить по ложному следу возможную погоню.

Этот случай отбития лошадей в донских документах относится к середине октября 1745 года и приписывается калмыку Захару Иванову и 20 его товарищам. Мы его ранее уже упоминали.

Рис.49. Действия шайки Сенчука и Калги в августе-октябре 1745 г. Красными кружками с крестами показаны места известных грабежей. Темно-зеленой пунктирной стрелкой — отгон лошадей донскими калмыками. Красным пунктиром отмечена фактическая граница между двумя казачьими войсками на тот момент.

О следующем периоде существования сохранившегося костяка этой шайки можно узнать из показаний Алексея Комара и Данилы Щербины. Данила, потеряв коней, махнул на все рукой и пешком отправился на речку Кильчень, на зимовье. Там он провел на хуторах около двух недель, когда его нашел Сенчук: *«звал мене еще кони красть, к чему де и товарыщи у нево есть»*. С собой Сенчук привел запасным белого мерина, на котором Щербина вместе с ним и уехал. В отличие от Щербины, Алексей Комар, проявил похвальную самостоятельность – он пешком пошел на Самару, украл там в паланке двух коней и сам возвратился к шайке. Как бы то ни было, оба этих товарища присоединились к новой шайке Калги и Сенчука на правом притоке Кальмиуса — балке Вербовой (устье немного южнее села Чермалык). В обновленной шайке собралось 16 человек при двух десятках лошадей, которых *«как они сказывали, взяли воровски на Ореле»*.

В следующем абзаце мы будем использовать некоторые дополнительные сведения, которые есть в «мнении» Леонтьева (1749 год), но отсутствуют в первоначальных показаниях Комара и Щербины.

В начале декабря 1745 года шайка поднялась в верховья Кальмиуса. Там, *«в урочище ниже Московского пристену»* [13, с. 1645] на коше остались 9 человек из нее (в том числе и знакомые нам Щербина с Комаром). А Сенчук и Калга с еще пятью разбойниками (по другим данным – с ними тогда пошло восемь человек, среди которых упоминается Андрей Ахтырка [13, с. 1645]) опять отправились *«одвуконь»* в сторону земель донских казаков. Вернулись они через пять или шесть дней и пригнали с собой *«старых и молодых более шестидесяти лошадей, в том числе пять жеребцов»*. Как они рассказали тогда остававшимся на коше товарищам, этих коней они отогнали на «сей» (западной) стороне Миуса, у устья Крынки, у калмыков. К сожалению для них, конокрады не знали, что это они угнали коней самого войскового атамана войска Донского Данилы Ефремова, и что внушительная погоня уже отправлена из Черкасска…

Московский пристен (пристенок, иногда – *«пристанок, простенок»*) – так на русских картах 1740-х – 1780-х годов часто называлась небольшая балка, впадавшая в Кальмиус слева. Она обычно показывалась между двумя крупными левыми притоками Грузской и Осиковой и примерно напротив устья правого притока Берестовой (см. Рис.50). Позже это название было утрачено. Скорей всего это одна из двух показанных на шубертовских картах небольших балок – Вербовая или Карачурина, невдалеке от верховьев которой изображен курган Москаль. Это район современного села Новый Свет Старобешевского района ДНР.

На всякий случай напомним, что согласно консультации дендролога Е. Бородавка по поводу встречающихся в документах тех лет выражения «леса с пристенами», «пристен» — это термин из лесоводства, означает заросший деревьями крутой склон байрака (облесенной балки).

Рис.50. «Московский пристенок» на фрагменте копии 1758 года с карты инженер-подполковника И.А. Бибикова 1749 года.

Угнанный табун конокрады спешно погнали на речку Бычок (правый приток р.Бык). Здесь, незадолго до Рождества, Калга и Сенчук отобрали 15 лучших лошадей: *«три жеребца рыжих лысых, четвертова – сивова виноходова [иноходца — LV], кабыл рыжих три, бурых три ж, буланою одну, гнедую одну, коней буланова, бурова кривого да пегова одного ж»*. А еще часть – раздали членам шайки. Так, Комар получил тогда буланую кобылу, а Щербина – рыжую. После этого Калга и Сенчук с половиной шайки (среди которых был и Алексей Комар) погнали выбранных 15 лошадей на Самару. Там они подарили одну из рыжих кобыл *«самарскому полковнику Стеблиевского куреня»,* которого Комар в своих показаниях назвал Терентием, а Щербина – Екимом. Причем тот знал, что лошадь ворованная. А остальных 14 лошадей компаньоны погнали на Самару, вероятно, для продажи.

С оставшейся частью табуна осталось 8 членов шайки (в том числе и Данила Щербина). На самое Рождество к ним с Самары успел вернуться и Алексей Комар (один, без других товарищей). Там их в ту же ночь на Рождество и настигла донская погоня во главе с Тимофеем Грековым. Донцы отогнали у них всех коней, но самих табунщиков пытаться задерживать не рискнули (мы уже рассказывали об этом случае на основании информации с донской стороны). А незадачливые табунщики – опять остались пешими… Здесь их и застал вернувшийся Сенчук. Он повел свое пешеходное войско на Самару, где большинство из них и стало устраиваться на зимовку, кто где мог [13, сс. 1599, 1608].

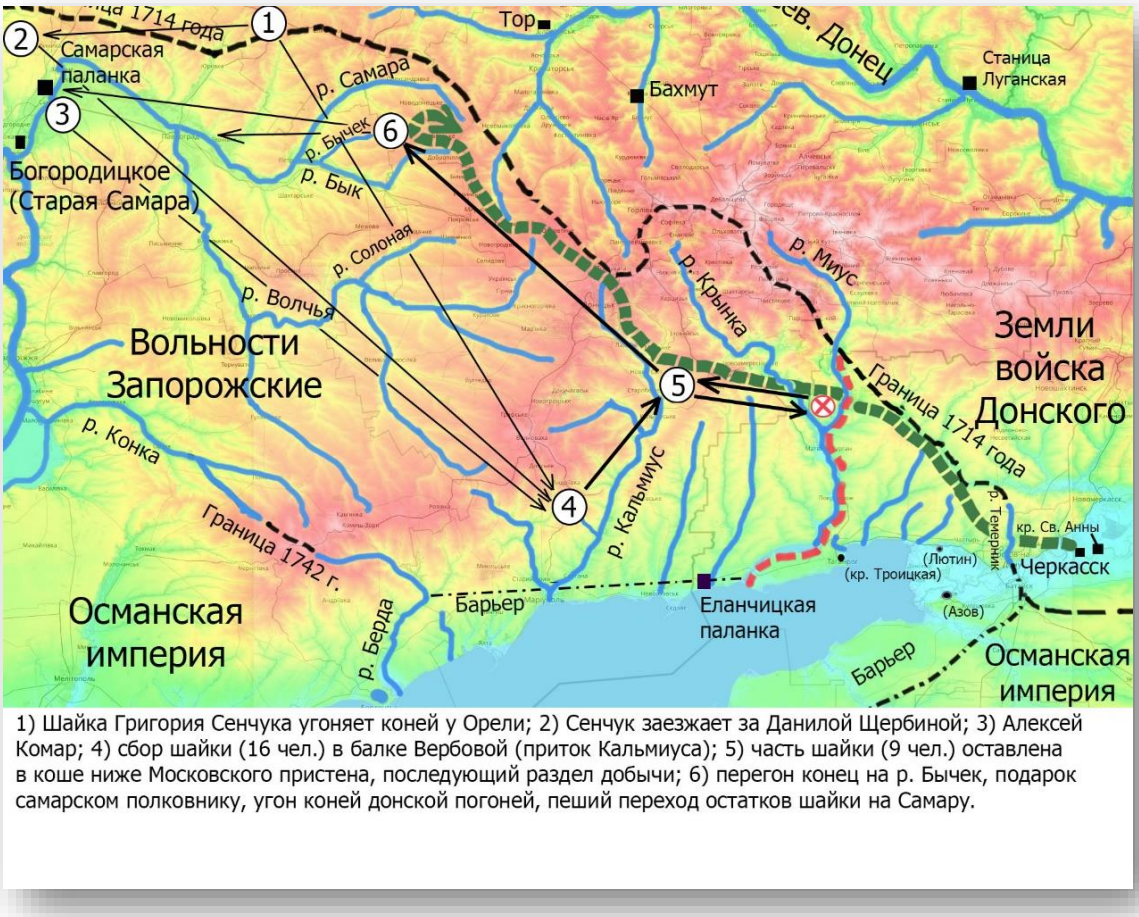


Рис.51. Похождения шайки Калги и Сенчука в конце 1745 г. Темно-зеленой пунктирной стрелкой показана донская погоня Тимофея Грекова.

Весной 1746 года вновь началось создание разбойничьих шаек. По материалам допросов пойманных запорожцев атамана Левки можно проследить еще один этап деятельности шайки Калги и Сенчука. Сейчас мы еще немного проследим за ней (см. Рис.52).

Начнем, пожалуй, с двух уже известных нам персонажей – запорожцев Ивана Тарана и Алексея Комара. Оба они перезимовали в Богородичном на Самаре. Оттуда они, независимо друг от друга, оба отправились в степь. Иван выехал в самом начале Великого поста (примерно 10 февраля). Он поехал в степь на сивом мерине, данном ему знакомым казаком Филиппом. А Алексей выехал, чуть позже, но тоже на первой неделе Великого поста (эта неделя в 1746 году приходилась на 10 – 16 февраля). Он ехал на рыжем лысом мерине, который прежде был под вьюком у Сенчука (когда они в прошлом году с речки Бык на Самару добирались). Похоже, в этот раз и Таран, и Комар уже хорошо знали – когда им ехать, куда и зачем. Так они оба попали на речку Бык. Первым приехал Иван. Он застал здесь шайку Сенчука из девяти-десяти человек, а вскоре туда приехал и Клим Калга с аналогичной по размерам партией. К тому моменту, как приехал Алексей Комар, обе партии успели объединиться. Но затем у предводителей по какой-то причине произошел раздор, и обиженный Сенчук один уехал на Самару. Вместе с Иваном и Алексеем, размер новой шайки Калги

достиг 19 человек. И, как явствует из показаний Тарана и Комара, после этого они тем же составом ходили в тот наезд Калги, к описанию которого мы сейчас и приступаем [13, сс. 1606, 1609]. Но проблема в том, что, хотя шайка Калги в Примиусье действительно пойдет силою в 19 человек, но ее формирование и начальный маршрут выдвижения в набег по показаниям остальных его участников – вырисовываются совсем другими… Остается предположить, что Таран с Комаром были не совсем откровенны в своих показаниях и намеренно пропустили многие события начального этапа формирования новой шайки. Возможно, Калга тогда успел еще куда-то сходить (о чем предпочли умолчать Иван с Алексеем), с последующим распределением добычи и с роспуском шайки? Или по каким-то причинам произошел почти полный распад шайки Калги, после чего ему пришлось заново формировать свою банду? Ответа автор не знает.

Как бы то ни было, в следующий раз мы застаем нашу парочку – Тарана и Комара – уже на Солоной, гда на них наткнулся запорожец Анисим Шандра. Тот, зимуя на реке Кильчене, надумал в первый раз попробовать себя в разбойном ремесле (до этого у него такого опыта не было). И, хорошо экипировавшись, в конце марта 1746 года отправился наугад в степь *«с таким намерением, чтоб, где совокупясь с другими подобными ему, на воровство пойтить»*. Его желание исполнилось на реке Солоной. Двум встреченным там сечевым казакам, которых он видел в первый раз в жизни, он прямо *«о том злом своем намерении объявил»*. Уже несколько поднаторевшие в разбойном ремесле Иван Таран и Алексей Комар, похоже, не восприняли этого «щегла» всерьез (они даже потом не упомянут его в своих показаниях на следствии). Они как будто на полном серьезе согласились разбойничать вместе с Анисимом, умолчав, что у них уже есть некоторые другие договоренности. Дня через три или четыре к ним приехал Клим Калга вместе со своим помощником Власом Гужвою (Ирклеевского куреня). Калга, вероятно, принял правила игры и подыграл своим старым знакомым. Он сообщил этой троице, что у него на этой же реке имеется ватага в 9 человек и предложил присоединиться к нему, на что они все трое и согласились. Анисим тогда так ничего и не заподозрил…

Анисим Григорьевич Шандра, запорожец Ирклеевского куреня. Родился в Малороссии, в местечке Бугушкове Кропивенской сотни Переяславского полка. Возраст – примерно 30 лет.

Около 1739 года в его местечке зимовали запорожцы, а когда они на возах стали возвращаться в Сечь, Анисим отправился с ними *«для принятия их козачьей службы»*. Он записался в курень и, в основном, находился там же, на Сечи, иногда выбираясь на заработки на рыбную ловлю на косах. Зиму 1745/46 годов он провел в слободе Кильченской на одноименной реке. А перед Вербным воскресеньем (23 марта 1746 г.) он на двух своих собственных конях отправился в степь чтобы пристать к какой-нибудь разбойнической шайке. Таких людей ему удалось найти на реке Солоной [13, с. 1614].

Несколько ранее Анисима к шайке Калги присоединился малороссиянин Иван Белой (по прозвищу Ветер). Он после окончания Святой недели (31 марта – 6 апреля 1746 года) отправился на собственном коне из Богородичного на Самаре на заработки к Берде. Каким-то образом он оказался на реке Солоной (которая была ему совсем не по пути). Здесь он наехал на ватагу Клима Калги, стоявшую в одной из балок. На тот момент в ней было уже 7 человек. На расспросы Ивана Калга ему ответил, что *«набирает ватагу для отогнания*

от здешних мест [т.е., от района Черкасска, где на допросе записывались эти показания Ветра — LV] лошадей». Так что Ветер охотно присоединился к нему.

Иван Гаврилович Белой (*«он же и Ветер»*). Родился в заднепровском городе Смеле (недалеко от Черкасс), откуда его с родным братом Марком их отец Гаврила свел в Китайгород Полтавского полка. Там отец и брат умерли. Других родственников у него в Китайгороде не было.

В его показаниях записано, что в **1740 году** (?!!) он добровольно ушел *«на Берд, где, також и на Калмиюсе и в Семеновском, три года при сечевом козаке Ирклеевского куреня Степане Реве у невода для ловли рыбы находился, а в Запорожской Сечи никогда не бывал и ныне ни в котором курене не приписан»*. После этого он пошел на Северский Донец в Луганскую станицу для *«зажинания на прокорм хлеба»* (т.е., на жатву). После чего провел лето, пася овец тамошнего казака Осипа Стехина. Но с ним у Ветра тоже что-то не задалось, так что он, даже не взяв с хозяина платы за работу, сбежал от него на морские косы. При этом еще и украл ружье у другого работавшего там наемного малороссиянина. На косах, в Семеновском, насколько можно понять, он провел осень 1745 года (если это так, то трехлетний период его работы на Степана Реву должен был начаться не ранее 1742 года!). Подзаработав на рыбных ловлях, он ушел на Самару, в Богородичный, где и провел зиму и Великий пост у своего двоюродного брата Осипа Маркова. У него же Ветер купил за 5 рублей себе белого коня. После окончания Святой недели Иван вновь поехал на заработки на рыбные ловли на Берду. Но на Солоной ему встретилась шайка Клима Калги [13, с. 1613].

Если указанная в показаниях Ветра дата 1740 год указана верно, а не является ошибкой переписчиков или публикаторов (что в сборнике Яворницкого иногда встречается), то это **наиболее раннее из известных** на сей момент свидетельство о послевоенном пребывании запорожцев у Берды (а затем и на более западных территориях – у Кальмиуса и у устья Миусского лимана). Если в дальнейшем удастся найти еще подобные независимые свидетельства, то нужно будет несколько скорректировать авторскую версию о периоде до 1743 года. Но пока это сообщение является единичным. К тому же, обратный отсчет по показаниям Ветра – приводит не к 1740 году, а к несколько более поздней дате (примерно 1742 или самое начало 1743 года). Это, конечно, тоже интересная для нашей темы дата, но она уже вполне неплохо вписывается в предложенную нами концепцию распространения запорожских владений на район Кальмиуса и Примиусья с 1743 года. Нужно искать еще такие «ранние» даты в документах…

После этого Калга перешел на реку Волчью. Здесь к нему присоединились случайно встреченные запорожцы – сначала проезжавший мимо на возе Григорий Сладкий, а потом и охотившийся на тарпанов Семен Белой (Медведь). Судя по всему, это те самые два человека, прибытие которых Анисим Шандра ошибочно показал на Солоной. После этого Калга повел свою ватагу в сторону Миуса.

Григорий Фомич Сладкий, запорожец Полтавского куреня. Слободской малороссиянин, родился в городе Изюме. Возраст – примерно 33 года.

Примерно в 1743 году на собственной лошади и возе переехал для житья в городок Богородичный на Самаре. Жены не имел.

В 1744 году был в Запорожской Сечи и записался в Полтавский курень, но там не остался и вернулся на жительство в Богородичный.

В 1746 году, на третьей неделе Великого поста (24 февраля – 2 марта), Григорий поехал на собственном коне и возе на море, для ловли рыбы. Но на реке Волчьей он повстречался с ватагой Клима Калги, который его пригласил к ним присоединиться. На что Сладкий с охотой согласился. Коня он выпряг и поехал на нем, а воз бросил в чьем-то зимовнике на Волчьей [13, сс. 1616-1617].

Семен Петрович Белой (*«а в Сечи прозвали ево Медведем»*). Запорожец Полтавского куреня. Родился в Малороссии, в сотенном городке Санжарах Полтавского полка. Возраст около 30 лет.

В составе Полтавского полка участвовал в войне с Турцией – *«производил казачью службу»* под Крымом (с сотником Дмитром Левинцом), Очаковом (с наказным сотником Кущинским) и Днестром (с полковником Левинцом). На Днестре был взят в плен белгородскими татарами. Провел в плену в городах Килие и Измаиле 4 года. Невзирая на то то, что между Российской и Оттоманской империями мирный договор был заключен еще в 1739 году, его хозяин – турок Чименчик – отпустил его только в 1742 году. Оттуда Семен пришел на Сечь и записался в Полтавский курень.

В июне 1745 года он приехал на двух собственных конях на речку Самару *«для житья в зимовниках»*. Своих лошадей он распродал: коня – самарскому полковнику Терешке за 20 рублей, а кобылу – какому-то казаку Яцку за 8 рублей. А за эти деньги он купил у проезжавших городовых казаков две пары волов. С ними он на двух возах сделал успешную поездку в Крым за солью, которую потом распродал в Сечи. А когда он поехал в Крым второй раз, по дороге его волы передохли. На этом его бизнес-проект и закончился. Семену пришлось пешком возвращаться на Самару, где он и провел зиму в одном зимовнике с казаком того же куреня Павлом Черным.

На Вербной неделе (17-23 марта) 1746 года он отправился стрелять тарпанов (дикая степная лошадь) в верховья Самары. Конь у него был собственный, купленный за 8,5 рублей у казака Грицка Шамры. На речке Волчьей он встретился с шайкой Калги и присоединился к ней [13, сс. 1609-1610].

А в это время в междуречье Крынки и Миуса уже успела зайти небольшая бандочка из трех запорожцев – Григория Максименко (Тарана), Юска Рудого и Ивана Замулы. Они несколько раньше отправились из зимовника на притоке Кальмиуса балке Вербовой (чуть южнее современного села Чермалык) и целенаправленно поехали в сторону Леонтьевых буераков, чтобы там кого-нибудь пограбить. Но вместо Леонтьевых они попали к расположенным несколько севернее Глухим буеракам, что, впрочем, нисколько их не расстроило. Здесь, на шляхе, они встретили двух азовских (доломановских) казаков, которых возвращались из Бахмута после доставки туда какого-то письма. Вот их-то запорожцы и ограбили (предварительно зачем-то кратко расспросив о том, кто они такие и откуда едут). У азовцев забрали двух лошадей с седлами, два ружья и верхнюю одежду (два чекменя, китайчатый

и киндячный кафтаны, одну покрытую тканью-китайкой шубу и одну шапку красную с черным околышем). Ограбленных казаков они отпустили пешими, а сами отъехали несколько южнее, на речку *«Саурстянскую»* (Савостьянка, левый приток нижней Крынки, устье напротив села Авило-Федоровки Матвеево-курганского района Ростовской области). Здесь они наслаждались отдыхом и своим успехом в течении двух дней. А на третий день на них наткнулся проезжавший здесь Клим Калга с 14 своими товарищами. Он быстро объяснил этой троице – в чем они не правы, после чего присоединил их к своей ватаге, а все честно награбленное ими у доломановцев имущество реквизировал в «общак» своей ватаги.

Григорий Максимович Максименко (*«а в Сечи прозвали Тараном»*). Запорожец Джереловского куреня. Родился в Малороссии, в Воронковском сотенном городке Переяславского полка. Возраст около 30 лет. Не женат.

Его отец Максим Борисов (Борисович?) свел своих малолетних сыновей Григория и Михайлу в Запорожскую Сечь *«еще до турецкой с Россиею войны»*. Когда именно – Григорий, по малолетству, не запомнил. Ясно только, что это было еще задолго до возврата запорожцев под российскую власть. Их с братом отец, по их желанию, записал в Джереловский курень. Примерно в 1736 году Максим с сыном Михаилом поехали за солью в Крым, но там их взяли в плен татары (вероятно, это было связано с началом русско-турецкой войны). Вернувшийся через 6 лет из плена брат (около 1742 года), сообщил, что их отец умер в неволе в *«Цареграде»*. А сам Григорий во время войны с турками в походах ни разу не был, а все это время провел на Сечи, *«в печении на продажу хлеба ржено́го и пшеничнаго»*. На этом он неплохо поднялся, и в 1744 году ходил на 6 парах собственных волов *«с рыбою в города»*.

Весной 1745 года он с еще двумя товарищами поехали на трех возах из Сечи за рыбою. Они прибыли к Кривой косе. Товарищи Тарана набрали на возы рыбу и сразу отправились продавать ее в Малороссию. А сам Таран *«остался при той косе для спетья рыбы»* и работал там вместе с другими сечевыми казаками того же куреня – Нестором Ермоленсковым и другими. Осенью он ушел от них на Кальмиус, в балку Вербовую, где остался зимовать в зимовнике с еще тремя казаками – Иваном Черным и Юскою Рудым того же Джереловского куреня и Иваном Замулою Батуринского куреня. У них было 5 лошадей, привезенных еще с Сечи.

Весной 1746 года, в Великий пост, зимовщики разъехались в разные стороны. Иван Черный забрал двух своих лошадей и уехал на Еланчик, а остальные три казака – сам Таран, с Юскою и Замулою *«поехали с таким намерением, что б где кого ограбить, в степь, под Леонтьевы бораки»* [13, сс. 1601-1602]. Почему Григорий Таран от мирного пекарского занятия перешел в итоге к разбойному промыслу – Бог весть. Видимо, дела у него шли все хуже и хуже…

Вскоре после этого банду Калги нагнали еще два человека. Одним из них был молодой слободской малороссиянин Иван Постовой. Он приехал вместе с сечевым казаком Иваном Таранцом (это, видимо, не уже знакомый нам Иван Таран Каневского куреня, а его почти полный тезка из Щербиновского куреня [12, с. 173]). После их прибытия формирование тогдашнего состава ватаги Клима Калги завершилось, всего в ней стало 19 человек.

Иван Гаврилович Постовой. Малороссиянин. Родился на Слобожанщине, в местечке Котылве (Котельве) Шалавской сотни Ахтырского полка. Возраст – 25 лет.

В его показаниях сказано, что в первых числах апреля (вероятно, на самом деле это было начало марта) 1746 года он со своим дядей поехал из своего местечка на Самару, в городок Богородичный. Там дядя его оставил, после чего Иван на своем коне отправился на морские косы. Там он познакомился с сечевым казаком Иваном Таранцом, который подбил его отправиться на разбойный промысел. Молодой парень, которого занятие рыбной ловлей как-то не особо привлекало, на эту авантюру согласился. Не от большого ума, понятно. Но куда и зачем они ехали – он понимал очень смутно. Они вдвоем на своих конях приехали *«в речку, а на какую не знает»*, где и догнали шайку Калги [13, сс. 1618-1619].

Примерно 24 марта Калга, по своему обыкновению, оставил на реке Крынка кош из 5 человек. Остальных 13 человек он повел дальше, на промысел.

Когда разбойников позже поймают, то на на первоначальных допросах (май 1746 года) по их показаниям на кошу в тот раз оставались Семен Медведь, Иван Ветер, Алексей Комар, Иван Таран и Грицко Максименко/Таран [13, сс. 1603, 1611, 1614]. Но по материалам следствия в 1749 — минимум трое из них (Медведь, Комар и Иван Таран) упоминаются как прямые участники последующего грабежа [13, с. 1646]. Первый из них в том же качестве мельком упоминается и во «внутренней» запорожской переписке конца 1747 года [12, с. 192]. Поэтому безоговорочно доверять показаниям задержанных разбойников не приходится, какую-то часть своих «подвигов» они пытались скрыть.

На шляхе под Леонтьевыми буераками разбойники ограбили малороссиян, ехавших на 15 возах на морских косы (перекрестной сверкой удалось установить, что это были малороссияне Демьян Прокопович Греченинов из Изюмского полка и Василий Григорьев из Прилуцкого полка, ехавшие из Бахмута вместе с еще десятью своими товарищами). По всей видимости, вместе с этими малороссийскими «городовиками» ехал и кто-то из сечевых запорожцев. Разбойники Калги отняли у этих проезжающих 15 лошадей без седел, одно ружье, ржаную муку, пшено, сухари и вино. В показаниях Ивана Тарана говорится, что у городовиков они тогда, якобы, еще и волов угнали, но остальные участники тех событий про это не упоминают. И хоть участвовавшие в этом деле потом пытались утверждать, что в этом случае обошлось без насилия, но из их же показаний явствует, что Калга тогда сильно напился и ограбленных он *«бил немилосердно»*. Что по тогдашним понятиям было уже совсем беспределом. Такое его поведение сильно не понравилось даже части его товарищей.

Вероятно, именно к этому случаю относятся и следующие сведения из материалов Бахмутской следственной комиссии. Там белевский житель Афанасий Лисицин и его товарищ бахмутский казак Черевой (Черевань) подали иск на запорожцев Власа Бацмана и Кислого (Остапа). По всей видимости, они вместе ехали где-то по степи (обозом?). И здесь на них напал Калга. Своих собратьев-запорожцев он не тронул, а вот Лисицина с Черевым ограбил. Суть иска последних была в том, что Бацман и Кислый никак не попытались защитить своих попутчиков: *«отчего им обида сделалась в степу, а онех Кислого с товарищи не граблено»* [12, с. 188]. Эту жалобу мы позже еще рассмотрим.

На свой кош разбойники вернулись где-то через пару дней. Там же, на Крынке, разбойники разделили трофеи. Добытых лошадей распределили по одной на каждых двух разбойников, да еще 6 оставили нераспределенными, которыми *«возили кош»*. На четвертый день, в пятницу 28 марта (дата восстанавливается из показаний Григория Максименко) они поехали оттуда на речку Волноваху.

Туда они прибыли вечером в субботу 29 марта. На следующий день приходился праздник Пасхи. Здесь, на Волновахе, разбойники разговелись. Вероятно – еще и выпили. Вскоре языки развязались, и в шайке Калги произошла бурная ссора. По поводу ее причин – большинство опрошенных показали (почти дословно), что это произошло из-за того, *«что едущих на косы с вином в пятнадцати возах сечевых козаков напившись пьяной, он, Калга, ограбил, взял ружье да харчи, и бил немилосердно».* Но, судя по всему, это результат деятельности «коллективного разума», когда арестанты будут совместно вырабатывать общую, наиболее безопасную концепцию своих показаний. При этом, что интересно, во многих показаниях заверения, что они тех городовиков ограбили без насилия будут соседствовать с указанием на ссору с Калгой из-за проявленной им жестокости к сечевикам. Так что даже может сложиться впечатление, что здесь речь идет о двух разных случаях. Но из сходства обстоятельств и перечня похищенного, а также из показаний Анисима Шандры по поводу количества возов в обоих описаниях — можно понять, что это один и тот же, творчески переосмысленный случай. И только молодой и неопытный Иван Постовой простодушно заявил, что с Калгой они тогда поссорились *«за тем, что пограбленным на дуване [т.е. при разделе добычи — LV] стал их обижать»* [13, с. 1619]. Какой из двух версий верить? Пусть это решает уважаемый Читатель.

В итоге получилось, что на Волноваху пришла тогда одна ватага, а ушли — в разные стороны – уже две. Клим Калга повел оставшихся с ним людей на реку Конскую. А отделившиеся от него 8 разбойников – уйдут на реку Солоную. Где мы вскоре с ними еще встретимся. А пока оставим их и посмотрим, как начинала формироваться новая шайка Левки Белого, которая и попадет в руки донцов, и протоколам допросов членов которой мы и обязаны появлением данной главы в нашей книге.

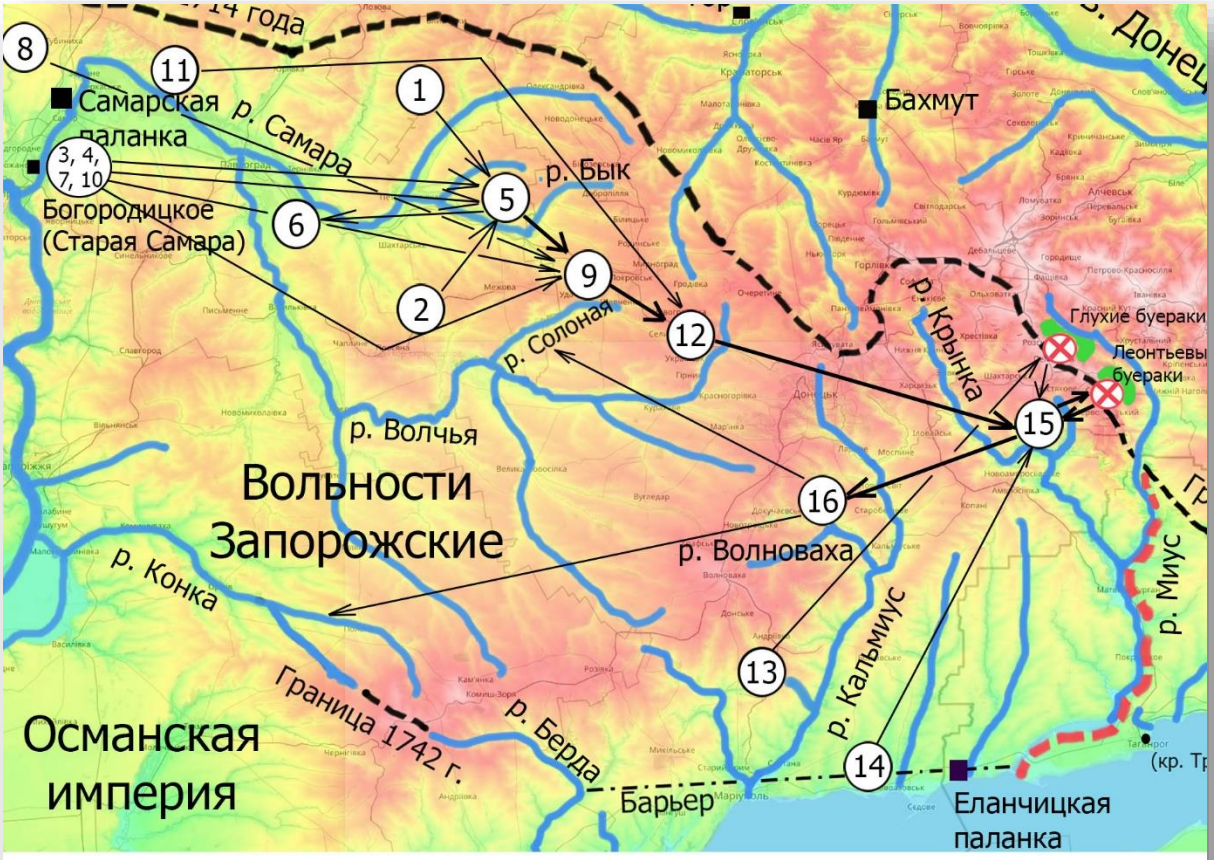


Рис.52. Действия шайки Клима Калги весной 1746 г.

Итак, в начале весны 1746 года хорошо знакомый нам по прошлогодним событиям Левка Белый опять остался без денег и без коня. За зиму, проведенную в Богородичном на Самаре, у него было много времени на размышления. Прошлогодние успехи и прибыли (пусть и крайне непродолжительные) продолжали кружить ему голову. И он решил вновь попытать счастья в разбое. Только на этот раз в своих мечтах он видел во главе шайки, летящим на коне и с саблей наголо, только себя, любимого. Согласно задуманному, он принялся в Богородичном агитировать и соблазнять народ своими байками о прелестях разбойной жизни. Как показывают события и этого, и прошлого года – дар красноречия и убеждения природа ему отмерила полной мерой. Уболтать он мог почти любого. Но даже так ему удалось в Богородичном уговорить присоединиться к нему только двух относительно опытных запорожских казаков – Власа Диденко и Андрея Звезденко, уже окончательно пропившихся. Да еще он заагитировал троих молодых и «желторотых» парней – Анисима

Лукьянова, Левку Коваля и Ивана Шинкаря, развесивших уши на романтику воровских рассказов Левки. К сожалению для них, реальные способности их атамана в качестве руководителя и стратега (а также, добавим, и тактика) были весьма посредственными. Но это станет понятно значительно позднее…

Влас Степанович Диденко, запорожец Корсунского куреня.

Родился в Малороссии, в сельце Турбоях Остановской сотни Миргородского полка. От роду ему было *«с двадцать пять лет»*.

Около 1737 года молодой Влас приехал на Сечь вместе с односельчанами, которые *«ходили по соль»*. Здесь он отстал от них и записался в курень. Участвовал в походе под Очаков с кошевым Иванцом (Иваном Малашевичем), а потом и с кошевым Билецким. Присягал на верность Иоанну Антоновичу и Елизавете Петровне.

Весной 1744 года отлучился из Сечи и все лето провел в рыбной ловле на приазовских морских косах, *«без приключения никому никаких разбоев, воровства и грабительства»*. На зиму ушел в Малороссию, в село Бровары Миргородского полка. В начале весны 1745 года опять пошел на косы ловить рыбу, где и провел все лето и осень. Зиму 1745/46 года провел в зимовнике сечевого казака Ивана Щербины на Самаре. В Сырную неделю (начало февраля) он поехал из зимовника в Богородичное за хлебом *«и протчим»*. Но, *«не купя ни чего, лошадь и деньги пропил»*. После этого возвращаться и смотреть в глаза Щербине было уже не совсем неудобно, поэтому, помыкавшись какое-то время, Влас сговорился с Левкой Белым идти на разбой [13, сс. 1621-1622].

Андрей Иванович Звезденко (он же, вероятно — Андрей Великий), казак Деревянковского куреня. Родился в Малороссии, в местечке Буримке Луковской сотни Лубенского полка. Возрастом *«с тридцать лет»*.

Пришел на Сечь примерно в 1739 году и приписался к куреню. В военных походах не был. Давал присягу Елизавете Петровне (присягу Иоанну Антоновичу по какой-то причине пропустил).

Весной 1744 года ушел из Сечи на приморские косы на рыбные ловли, где и провел все лето. Зиму провел вместе с несколькими казаками своего куреня, а также с Екимом Шерстяком (одного из Стеблеевских куреней) и с Данилой Безсчастным на балке *«Сарамацкой»* (балка Сухая Сарматка или речушка Мокрая Сарматка – правые притоки нижнего Миуса, недалеко от места его впадения в Миусский лиман). Оттуда весной 1745 года вернулся на Днепр, в Великий Луг, где и провел все лето. Затем, взяв свою гнедую лошадь и арендовав воз у одного из сечевых казаков, приехал на Усть-Самару, в городок Богородичный. Здесь за зиму 1745/46 года все пропил. После чего сговорился с Левкой Белым идти в степь на разбойный промысел [13, с. 1622].

Анисим Лукьянович Летыченко (Анисим Лукьянов).

Родился в Малоросиии, в городе Чернещине Полтавского полка.

Примерно в 1741 году вместе с отцом Лукьяном поехал в город Богородичный на Самару *«для житья»*. Там его отец и умер, а Анисим (вероятно по малолетству) после этого жил у своей родной сестры Агафии вплоть до 1746 года *«безъсходно»*. Соответственно его мечты записаться в какой-нибудь из куреней (ему приглянулся Калниболоцкий) – так мечтами и оставались. На свою беду, на Великий пост он *«пристал»* в Самаре к Левке Белому и тот его

заагитировал (вроде как) *«ехать в степь для битья зверя»* [13, с. 1626]. Молодой был, глупый еще…

Леонтей Степанович Коваль (Левко Коваль).

Родился в селе Волошенки Глинской сотни Лубенского полка. Возраст – 26 лет. Примерно в 1740 году вместе со старшим братом Яковом перебрались в городок Богородичный на Самаре. Здесь его брат и умер. А Левка зарабатывал себе на жизнь кузнечной работой, пока и его не сманил Левка Белый [13, с. 1623].

Иван Иванович Вилховиков (Иван Шинкарь). Родился в селе Павленки под Полтавою, в казацкой семье. У его отца, кроме него, было еще три сына-казака. Возраст Ивана не указан, но понятно, что молодой он был.

В середине ноября 1745 года он приехал из родного села на Самару в Богородичное с тремя куфами (40-ведерная бочка) вина на продажу. Две куфы вина он постепенно распродал в розницу (видимо, некоторым страждущим наливал и в долг), а третью оставил тамошнему шинкарю для продажи. После этого, примерно в середине марта, он поехал в запорожские хутора по Самаре для взимания задолженности. Когда он потребовал долг с сечевых казаков Семена Медведя, Андрея Черного и Кондрата, те стали отговариваться тем, что сейчас у них денег нет и *«звали ево для воровства, ежели де добудемся – тотчас и деньги тебе все заплатим»*. Вдобавок, здесь же тогда находился и Левка Белый с двумя своими товарищами, который тоже начал подговаривать Ивана *«к воровству»*. Понятно, что любой человек в здравом уме не подписался бы на эту авантюру. Но рассказы бывалых запорожцев уж больно затронули какие-то романтические нотки в душе молодого казацкого сына, захотелось ему бросить скучное и сытое шинкарство и поискать приключений на некоторые части своего тела. Ну и нашел, естественно…

Около 20 марта Левка Белый и пять его новых товарищей покинули Богородичное. Лошадей ни у кого из них не было, так что все они пошли пешие. Как потом вспоминал сам Левка: *«с ними по согласию пошли все пешие под дороги для разбою людей и грабежа лошадей и протчего (а не для смертного убивства!)»* [13, с. 1593]. Вместе они переправились через Самару и направились на восток (см. Рис.53).

Когда эта пешеходная шестерка во главе с Левкой Белым достигла реки Татарки (левый приток в низовьях Самары), им встретился запорожцы Грицко Гурсул *«с товарыщи»*, которые везли на возах из Малороссии на морские косы вино и хлеб. Левка Белый не рискнул пытаться натравливать свою необстрелянную и неопытную банду на запорожский обоз, к тому же в зоне досягаемости самарского полковника. Вместо этого он попросил подвезти их. Гурсул, похоже, пожалел «желторотиков», шедших вместе с Белым и не отказал в их просьбе. Так они, тихо-мирно поехали в юго-восточном направлении около 80 верст.

По пути, на какой-то из Терс (левые притоки в низовьях Волчьей) с обозом пересеклись два опытных сечевых запорожца — Илья Бондырев Левушковского куреня и Степан Неделчинко Величковского куреня, которые по своим делам ехали на собственных конях примерно в ту же сторону. Левка Белый не мог пропустить таких ценных кадров и тут же начал заливать им (и развесившим уши обозникам) байки про прелести удалой жизни в

Степи. Илья со Степаном не приняли сразу его предложения, но задумались крепко. Обговорив, где можно будет найти его ватагу, на случай, если все-таки надумают, эти два запорожца обогнали обоз и скрылись из виду. Тем не менее, Левка Белый торжествовал и мысленно уже зачислил их в состав своей шайки. По его мнению – теперь в его ватаге было уже восемь человек!

Илья Иванович Бондырев (он же – Илья Черный, Левка Черный), казак Левушковского куреня. Родился в Малоросии, в городе Батурине Нежинского полка.

«Назад тому лет с десять» (вероятно, в 1734 году) пришел на Сечь *«для продажи вина»*, а когда закончил его продавать – так там и остался и записался в курень. Участвовал в походах на Крым, под Очаков, к Днестру и под Хотин. Принимал присягу на верность Анне Иоанновне, Иоанну Антоновичу и Елизавете Петровне. В январе или феврале 1746 года он со своим товарищем Степаном Неделкою отбыл из Сечи на реку Самару для битья зверя. Весной они на собственных лошадях отправились на Волчью. Свое знакомство с Левкой Белой на Терсе – и Илья, и Степан потом, на допросе в Черкасске, озвучивать не стали. Вместо этого они оба утверждали, что сами приехали на Дубровку (в районе современного села Великомихайловка Покровского района Днепропетровской области), где тогда были запорожские зимовники с пасеками, *«для покупки тамо пчел»*. И что там уже был Левка Белый со своими людьми, который именно там и уговорил их присоединиться к его шайке. В остальном – их показания не отличаются от остальных [13, сс. 1620-1621].

Степан Николаевич Неделчинко (Неделко), казак Величковского куреня.

Родился в Малороссии, в сотенном городке Орле (Орель/Орлик?) Полтавского полка.

Примерно в 1735 году ушел на Сечь и записался в курень. Принял активное участие в войне с турками: был в походах на Белозерку (вероятно, это поход Леонтьева 1735 года), на Крым (1736), под Очаков, к Днестру и под Хотин. Из Сечи выехал вместе с Ильей Бондыревым (Левкой Черным) и в дальнейшем они всегда (даже в заключении) держались вместе [13, сс. 1619-1620].

В обозе Гурсула будущие разбойники доехали аж до *«усть речки Гайчи»* (Гайчур, Гайчул – левый приток Волчьей, впадает у села Писанцы Покровского района Днепропетровской области), здесь их пути разошлись. Обоз Грицка Гурсула продолжил свое движение к Азовскому морю, а компаньоны Левки Белого пошли на восток, вверх по Волчьей. Также к ним примкнули и два обозника со своими конями — Василь Таран и Степан Менко (Манченко), тоже наслушавшиеся побасенок Левки. Тем не менее, расставание с ватагой Грицка Гурсула вышло без обид — тепло и хорошо. Так как приближался светлый праздник Пасхи, то Гурсул на прощание подарил Левке Белому паску.

Василь Данилович Микулаевской (он же Василий Николаев, он же Василь Таран). Родился в Малороссии, в Лемязовском (Гельмязовском) сотенном городке Переяславского полка. От роду ему было *«с тридцать лет»*.

В возрасте около 20 лет он ушел на Правобережье Днепра и около девяти лет *«ходил за Днепром по разным городкам праздно»*. В 1745 году приехал в Запорожье, но не для поступления в казаки. В Сечи он набрал рыбу на один воз и поехал продавать ее в местечко Белики Полтавского полка. Там и зазимовал.

Когда Василь *«тамо пропился»*, то поехал для заработков на юг. Вероятно, в Богородичном на Самаре он встретился и подружился со Степаном Манченко, который навешал ему лапши на уши, якобы является сечевым казаком Полтавского куреня. Вместе они решили ехать *«до Берд для спетья рыбы»*, для чего присоединились к обозу Гурсула. По пути они и познакомился с Левкой Белым [13, сс. 1624-1625].

Степан Осипович Манченко (свою фамилию он переиначил на запорожский лад в «Менко»). Родился в Малороссии, в г. Белики Полтавского полка.

В 1745 году, выписав себе «пашпорт», отбыл на одном возу на морские косы для покупки рыбы. На море нанялся к неводу и к концу июня заработал себе рыбы на один воз. С ней он поехал в Малороссию, на ярмарку в «Кобыляк» (Кобеляки) Полтавского полка. Зимовать ушел на Самару, в Богородичий городок. В марте 1746 года вместе с Василем Миколаевским поехали снова на косы в обозе Грицка Гурсула, но до моря в этот раз они не доехали. [13, с. 1625].

В Дубровке на Волчьей, в зимовнике сечевого казака Грицка Литвина все десять компаньонов (сюда уже прибыли и «дозревшие» Левка Черный и Степан Неделко) собрались на Пасху (30 марта 1746 года) и разговелись здесь подаренной Гурсулом паской [13, сс. 1594, 1622].

На следующий день, в понедельник, туда же подъехали еще три человека – запорожец Алексей Калюжный и два молодых парня — Емельян и Яцко. С собой они привели четырех лошадей. Итого – в ватаге стало уже 13 участников и 8 лошадей. Одну из лишних лошадей у Емельяна взял за 6 рублей Влас Диденко. А Левка Белый взял в долг за 8 рублей лично для себя рыжево лысого мерина у сечевого казака Максима (Щербиновского куреня), проживавшего там в еще одном зимовнике — [13, с. 1594].

Алексей Калюжный, сечевой казак Титаревского куреня. Будет убит (*«сколот»*) во время стычки с калмыками у Миуса, поэтому его показаний в протоколах допросов, естественно, не имеется. О его прошлом найти подробности не удалось.

Яков Петрович Демьяненко (Яцко). Родился в Малороссии, в селе Енераловке (Генераловке) Китайгородской сотни Полтавского полка. Возраст – примерно 25 лет.

Между 9 и 16 марта 1746 года, по подговору сечевого казака Алексея Калюжного, они с Емельяном Дрочинским поехали на возах на Берду для ловли и спетья рыбы. Но на реке Волчьей у них планы, почему-то резко изменились. Они выпрягли лошадей и, бросив (припрятав?) возы, поехали для воровства лошадей. Но у Дубровки, в балке они наехали на Левку Белого с товарищами и решили присоединиться к ним [13, сс. 1623-1624].

Емельян Алексеевич Дрочинский. Сирота, место своего рождения не знал. Возраст – примерно 26 лет. Перед тем проживал в той же слободе Енераловке, что и Яков Демьяненко. Когда тот поехал на Берду, Емельян увязался с ним. Особой самостоятельностью в действиях и в рассуждениях, похоже, не отличался [13, с. 1624].

После Святой недели (31 марта – 6 апреля 1746 года) Левка повел своих людей от Дубровки вверх по Волчьей. Здесь, уже возле Солоной, им встретились казаки Уманского куреня Федор Дума и Андрей Чуб, с тремя лошадьми. Итого уже набралось 15 человек и 12 лошадей.

Федор Степанович Дума, казак Уманского куреня. Родился в Малоросии, в городе Журавце Прилуцкого полка. Возраст не указан.

В неуказанном году был привезен на Сечь своим родным дядей Кондратом, там записался в курень. Был в походах под Очаков, в Крым и к Днестру.

Из Сечи ушел на Самару в 1745 году, где и провел зиму 1745/46 года. В марте, вместе со своим товарищем Андреем Чубом поехали оттуда на море для ловли рыбы. Но по пути, на Солоной, повстречались с ватагой Левки Белого [13, сс. 1625-1626].

Андрей Юрьев (Андрей Чуб). Казак Уманского куреня. Родился в Малороссии, в Миргороде. Оттуда в 1745 году прибыл на Сечь, где и остался на жительство в Уманском курене. Зимой 1745/46 года поехал на реку Самару для ловли зверя, где и пробыл до самой весны. Потом, вместе с Федором Думой надумали ехать зарабатывать на морские ловли [13, с. 1626].

Затем шайка пошла вверх по Солоной. По пути разбойникам встретился городовые казаки, ехавшие из Малороссии на морские косы. Здесь Левка Белый решил в первый раз потренировать на них свое воинство. У проезжающих были грабежом взяты каряя лошадь с седлом и хлеб, *«а самих их без боя отпустили»*. После столь славной победы настроение в ватаге сразу взлетело на недосягаемую высоту.

Вскоре, на той же Солоной, в балке Березнеговатой они повстречали ватагу Семена Медведя с его товарищами, всего восемь человек. Это был хорошо знакомый нам осколок шайки Клима Калги, пришедший сюда с Волновахи. У них было 13 лошадей. Вновь прибывшие щедро поделились лошадьми со все еще остававшимися безлошадными членами шайки Белого. Так, например, Иван Таран дал чалого мерина Андрею Звезденко. С этого момента в ватаге общее количество лошадей превысило количество людей и «пешеходный» ее период, наконец, был преодолен. В тот же день к ватаге прибилась прибежавшая из степи буланая лошадь, явно вызвав немало шуток о ее недотепе-хозяине. Но, как станет понятно уже к вечеру того же дня, ее хозяином был хорошо знакомый и Левке Белому, и некоторым другим ватажанам Кондрат Черный. Побег лошади помешал его первой попытке проехать на морские косы…

Мы в прошлый раз прекратили отслеживать судьбы части разбойников из первого состава шайки Сенчука и Калги в тот печальный для них момент, когда у их ватаги донские калмыки (которые назвались разбойникам бахмутчанами) отбили всех лошадей на реке Солоной. Это было в середине октября 1745 года. Среди них был и Кондрат Черный. Оставшись без коня и без денег, он пошел зимовать на речку Кленники (локализовать не удалось, вероятно это где-то в Присамарье). Проведя там зиму, он решил ехать на рыбные ловли на морские косы. Для этого он взял в долг за 4 рубля буланую лошадь у запорожца Грицка Ерещенко. На ней он поехал *«в Самару»* и далее в сторону моря. Но на переправе через реку Бык он умудрился свою лошадь упустить, догнать ее не сумел. Пришлось ему пешком возвращаться на Самару. Там, у казака Донского куреня Процыка он выпросил гнедую ко-

былу, чтобы отыскать свою пропажу. Там же он встретился с еще одним бывшим «соватажником» Данилой Щербиной. Тот оставил свой разбойный промысел, после того, как на Рождество 1745 года у них на реке Бык отбил коней донской толмач Тимофей Греков. Произошедшая неудача стала неплохим намеком Провидения для них, предлагая хорошую возможность задуматься и попытаться изменить свою жизнь. Данила Щербина ей попытался воспользоваться и даже сходил в Самарский монастырь для исповеди. После этого он купил себе лошадь и поехал в хутора на речку Кильчень, чтобы попробовать устроить там свою жизнь. Но на Кильчени к нему стал цепляться местный есаул Кодацкого куреня (его имени Щербина не назвал): *«пристал ко мне и говорил, что я харцыз и за то бил меня палкою, только в вышеписанном разбое и в отгоне лошадей я не винился»*. Так и не добившийся признания есаул удовольствовался тем, что отнял у Данилы его коня и 20 алтын денег, после чего оставил в покое. Может, именно ради этого он этот допрос и затеял? Остаток зимы Щербина провел на Кильчени уже без происшествий. В начале весны, разговевшись на Пасху, он решил идти зарабатывать на косы, взял у тамошнего казака Павла себе гнедого мерина и отправился в путь. По пути ему встретился Кондрат Черный (уже на Процыковой кобыле). Вместе с ним они поехали на речку Бык, искать сбежавшую кобылу. После чего намеревались продолжить свой путь на морские косы…

Вдвоем они проехали по следам беглянки. Те их вывели на реку Солоную и привели к ватаге Левки Белого. Кондрат потребовал вернуть ему его кобылу, что и было тут же исполнено. После этого Черный с Щербиной поинтересовались дальнейшими планами ватаги Левки Белого. И, услышав, что те идут на разбой, *«с охотой»* к ним присоединились [13, сс. 1588-1589, 1599-1600]. Все намеки Провидения были ими в очередной раз проигнорированы… А заемную процыкову кобылу Черной отправил к хозяину с каким-то проезжавшим мимо казаком, в этом он не обманул.

В итоге в разбойничьей шайке собралось 25 человек. По общему согласию своим атаманом они выбрали Левку Белого. И решили идти *«для отгону от калмык лошадей и разбою грабежа, хто дорогою попадетца (а не [для] смертного убивства!)»*.

На следующий день, там же, на Солоной, Белый еще раз натравил свою ватагу, теперь уже объединенную на проезжавший поблизости табор, направлявшийся из Малороссии на морские косы. У них грабежом взяли пшено, сухари, *«два боклога»* вина, и ружье, *«а их не били и ни какого в смерть не убили»*.

Скорей всего, именно к этому эпизоду относится вот это описание во *«мнении»* Леонтьева (1749 год): *«<…> да при речке Соленой у проезжающаго изюмского жителя Наума грабежом взяли быка одного, ружье одно и боклаг вина»*. В документе оно относится к разбойникам именно из этой шайки [13, с. 1646]. А ограбленным, вероятно, был казак Изюмского казачьего полка Наум Змиевский.

Оттуда разбойники ушли куда-то на верхний Кальмиус и стояли там три дня. Затем двинулись дальше. Пересекли Крынку и вышли на ее левый приток – речку Орловую. На шляхе между *«Глухими и Левонтьевы ровни»* повстречались еще с одним табором, ехавшим из Малороссии в Черкасский, примерно на 30 возах (перекрестной проверкой данных можно установить, что это случилось 19 апреля, а ограблена была ватага под предводительством жителей Грайворона Светлишенкова и Калачниченкова). У этих малороссиян-городовиков с разбоя отобрали одного саврасого мерина с седлом, ружье с боршнем, хлеб,

пшено, сухари, сало, баклажку вина, и вола (на забой). Также обменяли четырех своих *«худых»* лошадей на *«добрых»* из обоза (по более поздним сведениям, они тогда 17 лошадей у ватажан отобрали [13, с. 1646]). По заверениям разбойников – насилия к своим жертам они не применяли.

Когда поехали прочь от того места, версты через три Данила Щербина с Алексеем Калюжным отделились от ватаги и направились для каких-то своих нужд в буерак. Здесь они застали четырех донских казаков и ограбили их. Забрали у них по-быстрому серый чекмень и шапку, и, как показывал потом Щербина: *«а протчего ничего не брал, и им боя и увечья не чинил, но оставил их здоровых, а откуль они ехали – не спрашивал»*. Вероятно, именно этот серый чекмень позже Калюжный отдаст Андрею Звезденко: *«которой снял он в бояраке с проезжих людей, а с каких – не знает»* [13, сс. 1600, 1623].

После этого разбойники переправились через Миус и поехали в Хрустальный буерак (левый приток Миуса, чуть западнее современного города Красный Луч Луганской народной республики). Здесь отдыхали три дня, постепенно поедая мясо угнанного вола. Тут Левка оставил кошем шесть человек: Грицка Сладкого, Левка Коваля, Власа Степанова (Диденко), Анисима Великого (вероятно, это Летыченко), Степана Манко (Манченко), Ивана Шинкаря, и при них всех лишних лошадей. С остальными 18 человеками *«об один конь»* Левка Белый поехал вглубь земель донских казаков.

По поводу района, куда направилась шайка Белого. Как уже говорилось, в первоначальном донском донесении место основного их грабежа было указано так: *«близ самого Черкасска на речки Грушавки»*. В других документах точная локализация не приводится вовсе. И, действительно, всего в 20 верстах к северу от Черкасска находится устье значительной реки Грушевки, впадающей с севера в реку Тузлов. Но все попытки автора найти в той стороне реку Каменку и Долгий буерак, упоминаемые в связи с этим рейдом, не увенчались успехом. Да и путь на эту Грушевку от Хрустального буерака на Миусе довольно сложный. Поэтому непонятно было, как отколовшаяся группка разбойников (до того никогда там не бывавшая) смогла так уверенно найти обратный путь к своему кошу.

Но, как оказалось, в западной части донских земель есть еще несколько (менее известных) «Грушевых» речек. И их верховья близко подходят к тому, проходящему по водоразделам, пути, по которому шайка Клима Калги в августе прошлого 1745 года так удачно ходила грабить направлявшихся на Семеновскую ярмарку в станице Луганской. И некоторым членам ватаги Левки Белого этот путь был хорошо известен и памятен хорошей добычей. В этом районе имеется речка Большая Грушовая с притоком Малая Грушевая (правый приток реки Лихой, п.п. Северского Донца), несколько южнее истоков уже знакомой нам балки Говейной и чуть юго-западнее верховьев речки Малой Каменки. А также обводненная балка Грушевая, правый приток речки Провалье (правый приток р. Большая Каменка, п.п. Северского Донца). И по всем известным автору косвенным признакам – основное действие должно было разворачиваться именно на последней из указанных Грушевок. Это, для ориентировки, километрах в 20-30 южнее современного города Донецк Ростовской области (не путать с нашим городом-героем!). Тогда все складывается. И становится понятным момент с поиском обратного пути отколовшимися ватажанами. Здесь водораздельная возвышенность и течение реки Большая Каменка выводят почти точно

к окрестностям Хрустального буерака на Миусе, так что заблудиться проблематично.

Поэтому автор описание дальнейших событий будет производить из предположения, что они произошли именно в этом районе. А указание в первоначальном донесении, что это происходило *«близ самого Черкасска»* объясняет вероятной ошибкой войскового писаря. Который мог, не вникнув, не совсем корректно понять сообщения о происшествии на речке Грушевке. Не догадавшись уточнить, на какой именно из Грушевок это произошло.

Левка со товарищи, не торопясь и щадя своих лошадей, отправились на восток по водораздельной возвышенности. Вероятно, по пути они успевали еще и разведывать на предмет поживы районы слева и справа от своего пути. Их дорога проходила севернее верховьев речки Кундрючьей (значительная река, правый приток Северского Донца). Видимо, именно к этому времени относятся показания Андрея Юрьева (Чуба): *«сверх же того на Кундрючье в урочище Огное[1], у донского козака взял грабежом шапку»* [13, с. 1626]. Остальную одежду с этого бедолаги, вероятно, снял Анисим Шандра*: «Да сверх того, он, Шандра, показал, что когда они для отогнания вышеписанных лошадей ехали, то в буераке, а как прозываетца – не знает, наехал донского козака и снял с него кафтан китайчатой да одни сапоги»* [13, с. 1616].

На четвертый день пути, примерно в 70 верстах восточнее их коша, в верховьях реки Грушевки они нашли калмыцкие кочевья и пасущиеся лошадиные табуны неподалеку. Но первая ночная вылазка не удалась из-за сильного дождя. Отъехали в какую-то крутую балку (при этом от них отстали и потерялись три казака). Оставшиеся 16 налетчиков привязали своих лошадей к терновому кусту, стоявшему *«под скелею [скалой — LV]»*. Здесь они и провели следующий день.

Следующим вечером они вновь подъехали к табунам (как они думали – калмыцким). Но на самом деле это были (как мы помним) личные табуны войскового атамана войска Донского Данилы Ефремова. Их сторожа излишне расслабились, и никто из них за табунами этим вечером не присматривал. За что их запорожцы тут же и проучили… Поскольку лошадей здесь было ОЧЕНЬ много, они отогнали только часть стада: *«то взяли с краю лошадей старых, жеребцов и молодых лошадей, а сколько числом – не знаю»* (в жалобе Ефремова говорится, что тогда запорожцы угнали более 100 лошадей). Их погнали на свой кош, куда и прибыли уже *«в другую ночь к вечеру»*. Поскольку от этого форсированного марша и кони, и люди сильно устали – то здесь же и заночевали, и провели следующий день.

А тем временем их потерявшиеся товарищи – Семен Белый (Медведь), Грицко Максименко (Таран) и Иван Белый (Ветер) самостоятельно совершили «глубокий рейд по тылам противника». Не сумев найти своих товарищей, они петляли по мокрой ночной степи. При этом им повезло наткнуться на одиночный косяк (табун?) лошадей. Они отогнали его версты на три дальше и принялись ловить коней. Поймали двух карих жеребцов и такого же по масти мерина. Их и погнали в сторону коша, остальных лошадей бросили. По дороге

[1] Похожих названий на Кундрючьей автору найти не удалось. Если это искаженное «Прогной», то, по смыслу, это может быть неправильно вспомненное Чубом название речки Гнилуша (п.п. Большой Гнилуши, л.п. Кундрючьей). От верховьев «нашей» Грушевки до истоков этой Гнилуши — всего 7 верст на юго-восток.

одного из жеребцов упустили. В Долгом буераке у реки Каменки[2] они встретили двух донских казаков (одним из них был заготавливавший там лес плотник Федор Афанасьев). У них разбойники отняли двух кобыл и карего мерина. А проехав еще немного по следам ограбленных, разбойники вскоре выехали и на их землянку. Там они застали беглого солдата — великороса Степана Шестопалова. Иван Белый зачем-то предложил Степану ехать с ними на косы. Как потом вспоминал сам Степан, он Ивану тогда ответил так: *«Что и давно охоту туды итить имеет»*. Ему запорожцы выделили карюю кобылу, и он поехал с ними. Вероятно, Степан радовался, что ему удалось найти дорогу к вольной запорожской жизни, но его радость продлится недолго, менее двух суток. Для него это решение окажется неудачным…

Степан Иванович Шестопалов. Великороссиянин. Беглый солдат. Родился в селе Бобровка у Козельска.

В 1735 году его взял в рекруты «наборщик» от какого-то полка (Степан так и не узнал, из какого именно). Его вместе с другими 60 человеками привели в город Калугу. Оттуда их (вероятно в ожидании начала войны с турками) отправили в Киев, где тогда стояли Московский и Стародубский пехотные полки. Но, еще не дойдя до Киева, этих рекрутов разбили на две равные группы и распределили по этим двум полкам. Степан попал в Стародубский полк, который тогда как раз совершал марш в сторону Азова. Но из-за изменения обстановки и в связи с осенним временем, полк остановился на винтер-квартиры в Новоайдарской слободе (на левом притоке Северского Донца речке Айдаре, в 30 верстах от ее устья). Там полк провел всю зиму. Степану военная служба сильно не понравилась, так что он решил в одиночку бежать. В Великий пост 1736 года (примерно март-апрель), он выполнил свое намерение и бежал в донскую Каменскую станицу (ныне город Каменск-Шахтинский Ростовской области, на Северском Донце). Первую весну он провел в найме, на пахоте у казака Романа Канбулова. Потом пристроился в найм к малороссиянам и лет шесть возил с ними в Черкасск дрова.

После того пошел он на работы на Кривые хутора (где-то в той же стороне), и там проработал в найме еще три года. Но в 1745 году его бес попутал. Он сговорился с еще четырьмя какими-то малороссиянами, и они вместе обворовали хутор, бывший в собственности у донского казака Петра Тарасова (жителя Прибылянской станицы города Черкасска). Но Степана по горячим следам быстро поймали. На допросе Степан благоразумно скрыл свое происхождение и солдатское прошлое, а сказал, якобы родился в слободе Янпуле (Ямполе) Бахмутской провинции. За свое воровство он в войсковом кругу был жестоко избит плетьми и отдан для вывоза в Бахмут черкасскому казаку Алексею Левтереву. По дороге туда они остановились на ночь в Луганской станице, где Степан был отдан *«в станицкую избу под станичной караул»*. Дождавшись, пока станичные караульные уснут, он смог оттуда сбежать.

После этого он пошел *«на речку Каменку в Долгой буерак»*. Там рубил лес

[2] Это почти наверняка о речке Должик, впадающей с юга в Большую Каменку, примерно 20 верст западнее от «нашей» Грушовки. Устье ее находится в пределах южной части села Новоалександровское Краснодонского района ЛНР, поглотившего прежний поселок Усть-Должинский. А верховья – в 20 верстах южнее начинаются на уже упоминавшемся водоразделе и почти смыкаются с истоками Кундрючьей. Еще в 5 верстах западнее от середины этого Должика есть еще одна небольшая одноименная балка (правый приток балки Большой, л.п. р.Большой Медвежьей, п.п. Большой Каменки). Но она не подходит по расположению и размеру. Оба эти Должика (и речка, и балка) довольно хорошо залесены.

плотник Федор Афанасьев, для строительства мельничного амбара в Мелеховской станице. Степан нанялся к нему за 4 рубля. Следующей работой им заказали устройство ветряной мельницы для казака Павловской станицы города Черкасска. В один из не самых удачных апрельских дней (точную дату Степан запамятовал) его наниматель Федор на пару с кем-то еще отправился *«для сыску в буераке годного на ту мельницу лесу»*, а Степана оставил на хозяйстве в своей землянке. Тут-то на них и наехали три запорожца… В результате Федор Афанасьев остался ограбленным, а Степан уехал с грабителями.

Вероятно, где-то там, в Долгом буераке, эти запорожцы устроили дневку для отдыха и для предосторожности от обнаружения. Потому как вечером того дня, в том же байраке они наехали еще на 10 человек бурлаков. У этих бедолаг отобрали двух гнедых меринов, три ружья и один котел медный. К своему кошу они прибыли только на четвертый день своей одиссеи. Но долго им отдохнуть атаман Левка Белый не дал. Под вечер этого же дня все 26 человек (вместе со Степаном Шестопаловым) снова тронулись в путь.

Интересно, что, хотя троица отколовшихся казаков привезла с собой на кош в Хрустальном буераке аж семь новых лошадей, встречавшие их сотоварищи запомнили из этого эпизода только жеребца и мерина, отогнанных из косяка. Похоже, это были действительно великолепные (и дорогостоящие!) животные. А вот те лошади, которых Семен Медведь с товарищами отняли у плотника и у бурлаков в Долгом буераке, вероятно, были обычными клячами…

Заночевали разбойники уже на Миусе. Здесь их утром и настигла калмыцкая погоня. Калмыки попытались с ходу отбить лошадей, но не получилось. Завязалась некрасивая драка, в которой был убит (*«сколот»*) Алексей Калюжный (Титаревского куреня), еще один запорожец был легко ранен. Когда драка прекратилась, начались переговоры. Калмыки объявили, что это лошади войскового атамана и требовали их отдачи. Видимо, силы были примерно равны. Поэтому запорожцы, чтобы от них отстали, вернули калмыкам *«молодых лошадей с тридцать»* (это из более сотни угнанных!) и попросили у тех отдать тело погибшего Калюжного, но в этом им калмыки отказали. После этого стороны разъехались в разные стороны. Калмыки погнали возвращенных коней домой, а вновь сократившаяся до 25 человек запорожская ватага погнала оставшихся коней в сторону среднего Кальмиуса.

Похоже, что, узнав ЧЬИХ коней они угнали, Левка Белый несколько запаниковал. Он хорошо понимал, что такого личного оскорбления донской войсковой атаман Ефремов не простит. И что донцы поэтому приложат все усилия, чтобы поймать конокрадов. Поэтому Левка решил не возвращаться по своему привычному пути в верховья Самары (где донцы их уже успешно доставали), а попытался запутать следы. С этой целью он повернул на юго-запад, похоже, направляясь в Кальмиусскую паланку. Где мог надеяться на силовую поддержку запорожцев в случае донской погони. Но Левка явно рассчитывал, что пока известие об этом угоне достигнет Черкасска и оттуда направят погоню, он успеет проскочить. А вот о том, что, не дожидаясь приказов из Черкасска, могут гораздо более инициативно и оперативно отреагировать донцы из близлежащих городков на Северском Донце – он, на свою беду, как-то не задумался…

На этот раз запорожцы продолжали свой путь всю ночь. Утром они на один час остановились для отдыха лошадям, после чего опять двинулись дальше. Несколько не доезжая

Кальмиуса, на его левом притоке Осиковой балке, уже несколько успокоившиеся запорожцы вновь остановились *«полдневать»* (обедать). Они не могли знать, что основная погоня, в значительных силах и ведомая донскими старшинами, уже находится совсем рядом… В общем, здесь, в Осиковой балке, на месте этой стоянки, донцы партию Левки и догнали. Единственное, что успели запорожцы – так это заняли круговую оборону вокруг конского табуна и сделать импровизированные укрытия из камней и травы. Сложилась патовая ситуация. Шайка атамана Левки не могла прорваться наружу, а донские старшины не сильно рвались посылать своих людей под запорожские пули. Начались переговоры. Поначалу донские старшины предлагали отпустить запорожцев в обмен на всех угнанных коней. Но жадность – дело такое… Отдавать честно награбленное (тое есть – уже практически свое!) запорожцы категорически отказались. И сели в осаду, вероятно надеясь на некий счастливый случай или на то, что у донцов закончится терпение и они уйдут. Но те, почему-то уходить не собирались…

Потянулись неторопливые часы ожидания… Лошади быстро съели всю траву на имевшемся у них небольшом пятачке и стали все активнее беспокоиться. Не лучше было настроение и у людей… Под вечер Левка все-таки переборол свою жадность и приказал выгнать к осаждающим всех угнанных лошадей. Но время было уже упущено, донские старшины теперь тоже пошли на принцип и решили довести это дело до конца. Они, наоборот, приказали своим людям проявлять этой ночью максимальную бдительность и не дать осаждаемым прорваться наружу. Так что в наступившей темноте донцы начали стрелять, едва заметив любое движение в стане запорожцев. Людям это было не сильно страшно, достаточно было не высовываться из-за сделанных ими укрытий. Но вот заставить залечь всех своих коней – было нереально, и кони налетчиков начали получать огнестрельные ранения. Чтобы не провоцировать донских постовых, и чтобы коней попусту не перестреляли, запорожцы предпочли отдать донцам уже и почти всех собственных своих лошадей. У себя оставили только четырех лошадей (вероятно, атаман Левка хотел оставить возможность прорыва хотя бы для себя и своих ближайших дружков?). После этого опять потянулись часы напряженного ожидания. Донцы больше не пытались достать конокрадов силовыми методами, но и уходить явно не собирались. Под вечер второго дня, продержавшись около полутора суток, атаман Левка и его шайка все-таки были вынуждены сдаться. На этом мы заканчиваем с изложением информации, полученной из протоколов допроса членов этой ватаги [13, сс. 1585-1629]. И переходим к рассмотрению других документов по данной теме.

Рис.53. Похождения шайки Левки Белого и ее пленение весной 1746 года. Темно-зелеными пунктирными стрелками отмечены действия калмыцкой и донской погонь.

Как уже говорилось, все задержанные были доставлены в Черкасск и 5 мая 1746 года в первый раз допрошены в канцелярии войсковых дел войска Донского. Допрос вели донские старшины Яков Уваров, Макар Греков и Максим Бобриков. Арестанты опрашивались поочередно. Важно подчеркнуть, что, по крайней мере в этот раз, меры физического воздействия (а попросту говоря – пытки) к ним не применялись, это был просто подробный опрос под протокол. Никто не отпирался. Судя по некоторым оговоркам в протоколах, можно предположить, что задержанных заводили в помещение, где производился допрос небольшими партиями. Так что они нередко могли слышать, что говорили предыдущие арестанты и ссылались на их слова.

Особенно большой интерес у донцов вызвали те места, где конокрады рассказывали о каналах сбыта угнанных лошадей в Самарской паланке, а также упоминавшееся при этом имя одного из прошлых самарских полковников. Как уже рассказывалось ранее, это был Терентий Григорьевич Чернец, который был одним из присланных от войска Запорожского делегатов, заседавших тогда в крепости святой Анны вместе с поручиком Швыковым на

следствии по взаимным претензиям двух казачьих войск. Запорожский полковник был вызван из крепости святой Анны в Черкасск и ему устроили (в присутствии еще одного члена следственной комисии — прапорщика Теглева [13, с. 1641]) очную ставку с конокрадами. И Чернецу не оставалось ничего иного, как чистосердечно признать свою вину (в одном из эпизодов, от второго он открестился). И он поделиться «инсайдом», что это обычная и распространенная практика среди запорожской паланковой старшины. Вскоре после этого допроса запорожские делегаты спешно покинули крепость святой Анны и направились в Запорожскую Сечь.

17 мая 1746 года из Черкасска в Военную коллегию было направлено донесение с обоснованием вынужденной необходимости произведенного донцами сгона запорожцев с территорий к западу от Миуса (поход Туроверова) и о все еще продолжающихся грабежах от запорожцев (ранее уже рассматривалось). Также в него, для ведома верховных властей, было включено и краткое сообщение о набеге шайки конокрадов Левки Белого и об обстоятельствах их задержания; лаконичное упоминание о выявленной связи с конокрадами одного из запорожских делегатов на следствии; сообщение о еще не пойманных главарях запорожских разбойничьих шаек Грицке Сенчуке и Климе Калге. Касательно же самого Левки Белого и тех участников его шайки, по которым будут зафиксированы особо активное участие в грабежах – их донцы обещали «по взятии полных допросов» самостоятельно отправить *«сими днями»* в Москву в Военную коллегию *«легкой станицы с атаманом»* [13, сс. 1459-1464].

У донских казаков для связи с Московским царством в XVIII веке продолжали традиционно использоваться зимовые, легкие и вестовые станицы.

– «Зимовые станицы» отправлялись ежегодно в конце осени в Москву за жалованьем для войска Донского. Они были многолюдны (часто до 100 человек) и обычно проводили почти всю зиму в Москве.

- «Легкие станицы» — менее многолюдные (обычно не более 20 казаков) отправлялись в Москву несколько раз в год для решения каких-то конкретных вопросов. Там они оставались обычно не более 20 дней.

- «Вестовые станицы» — небольшие группы казаков (обычно не более 10), которые спешно доставляли в Москву срочные известия и документы.

Во главе таких станиц стояли назначенные атаманы.

Когда донское донесение от 17 мая попало к господам сенаторам, оно вызвало у них крайне резкую реакцию в сторону запорожцев. В результате 12 июня 1746 года спешно родились сенатский указ киевскому генерал-губернатору и во многом дублировавшая его грамота в Черкасск из Военной коллегии. В той их части, которая касалась судьбы незадачливых конокрадов, предписывалось пойманного донцами атамана Левку с подельниками, которые на тот момент находились по дороге в Москву, сразу же отослать оттуда в Киев, к Леонтьеву, для проведения следствия: *«которому о происшедших и ныне вновь от запорожских казаков вам, а от вас — запорожским казакам обидах, и о приезде ныне оных запорожцов на Миюс [переругивание запорожских рыбаков с донскими караульными на Миусе — LV], и в отгоне лошадей [это, преимущественно, о шайке Левки -LV], и в грабеже приезжающих в Черкасск разных чинов людей, и во учинившемся ныне смертном убивстве [это не о походе Туроверова, а об убийстве калмыками одного из конокрадов из шайки Левки — LV], и в протчем – накрепко изследовать»*. Особенно сенаторов (в свете вскрытой связи администрации Самарской паланки с конокрадами) интересовало, чтобы

Леонтьев выяснил: *«и оные запорожские казаки для того ль, как вы, войско Донское, объявляете, на Миус приезжали и со общаго как кошеваго, так [и] куренных согласия? Или сами собою то чинили воровски?»*. Здесь немного напутано, но из дальнейшего текста понятно, что речь идет о допросе участников шайки атамана Левки, которые засветились совсем не на Миусе. И если бы подтвердились подозрения в сговоре этих воров еще и с кошевым и с куренными атаманами – об этом требовалось *«немедленно»* сообщить в Сенат. Если же выяснится, что они действовали по личной инициативе – тогда Леонтьеву предписывалось представить в Сенат (но уже без особой срочности) свое *«мнение»* о том, какому *«за то штрафу и истязанию»* нужно подвергнуть этих неудачливых конокрадов. А до получения ответного решения Сената – продолжать держать их под караулом и кормить за счет средств Киевской губернской канцелярии. Также особое внимание Леонтьева привлекалось (опять с некоторой путаницей в фактаже) к упоминанию *«о бродягах и беглых из великороссийских и малороссийских городов, кои со оными ж запорожскими казаками в общем собрании при драке были»* (здесь несколько смешаны упоминания различных бродяг и беглых в описании споров при сгоне запорожцев с морского побережья Туроверовым и при столкновении с конокрадами Левки). По ним требовалось разобраться – *«какие оные люди, и отколь бежали, и когда, и где пристанище имеют, и кто их принимал?»* [9, сс. 398-399].

Ну а пока донцы, еще ничего не знавшие о новых распоряжениях из Петербурга, продолжали неторопливо вести свое собственное предварительное следствие по деятельности шайки Левки. При этом арестанты (которые не ждали для себя ничего хорошего) подготовили дерзкий план побега. Попытка сбежать произошла где-то в промежуток между серединой мая и серединой июня (точную дату установить не удалось). Вот как об этом случае рассказывалось в донском сообщении: *«<…> сверх же того, оные воры запорожцы, будучи здесь [в Черкасске — LV] под караулом, разломав ночным времянем в караулной избе два деревянных пола и утвержденный округ оной в землю полисад [т.е. частокол — LV], учинили умышленной побег. Ис коих девятнатцать человек поимано, а шесть бежало, в том числе Стародубского пехотного полку беглой солдат Степан Иванов сын Шестопалов, и по многому взысканию нигде не пойманы, а протчия впредь до высочайшаго вашего и-го в-а указу здесь под караулом содержутца»* [13, сс. 1584, 1641]. Так что беглому солдату Степану Шестопалову, неудачно вступившему в шайку конокрадов менее, чем за двое суток до ее задержания, судьба дала еще один шанс… Как он им смог распорядиться – автор книги выяснить не смог. Как и не смог пока выяснить, каким именно еще пяти арестантам удалось тогда сбежать. Единственно, что можно пока сказать, что из «чистых» запорожцев сбежать тогда не удалось ни одному человеку, а все счастливчики были из числа «малороссиян».

18 июня атаман Левка Белый и *«согласник ево»* Семен Медведь (Семен Петрович Белый, глава влившейся в его ватагу еще одной шайки) были отправлены из Черкасска в Москву. Их доставка была поручена атаману *«лехкой станицы»* Якову Уварову. С собой ему дали копии протоколов допроса членов шайки (для передачи в Сенат) и специальную *«отписку»*, чтобы арестантов приняли в московской конторе Военной коллегии и переслали их

в Санкт-Петербург (видимо, для лучшего ознакомления с этим делом в Сенате). В этой отписке опять давался очень краткий пересказ этого дела и сведения о вскрытой связи запорожского делегата Терентия Чернеца с конокрадами. Сообщались обстоятельства побега части арестованных из Черкасска. И донцы *«всеподданнейше требовали»* присылки в войско высочайшей грамоты с *«резолюцией»* (решением) о дальнейшей судьбе оставшихся в Черкасске арестантов [13, сс. 1583-1585, 1585-1629].

Но, по указу Сената, двух предводителей разбойников, по доставке их в Москву, сразу же отправили в Киев, к Леонтьеву. Туда же 27 февраля 1747 года поступили и оставшиеся 17 их подельников из Черкасска (которые, в остутствии признанных вожаков, выбрали своим неформальным лидером Данилу Щербину). По подсчетам следствия из этого количества 15 было запорожцами, а 4 – *«малороссиянами»*.

В Киевской губернской канцелярии началось неторопливое следствие, с допросами. Но на самый главный вопрос – был ли в их действиях сговор с Сечевым начальством – конокрады из шайки Левки единогласно показывали, что *«воровство и грабеж чинили они собою, а войска де Запорожскаго кошевой и куренные атоманы про то, что Левко Белый с товарыщи для вышеписаннаго грабижа и отгону от войска Донсаго лошадей из Запорожской Сечи отлучились — ни про что не ведают, и ни какова в том с ними согласия не было»*. На другой интересный для следствия вопрос – об убийстве их подельника Алексея Калюжного во время драки с калмыцкой погоней на Миусе – они тоже ничего внятного сказать не смогли. Кто конкретно убил Алексея – они понятия не имели, как не знали и того, не убили ли они сами при этом кого-нибудь из нападавших с донской стороны.

После этого интерес следствия к ним несколько угас, их стали гораздо реже вызывать на допросы. Воспользовавшись этим, в какой-то из дней (дату установить не удалось) еще три арестанта смогли сбежать, *«разломав в Киеве у караульни потолок»*. Поймать их так и не удалось. [13, с. 1650].

Насколько удалось разобраться автору при сверке разновременных списков содержащихся под стражей членов шайки Левки, по побегам вроде бы получается следующая картина. Из Черкасска, помимо бывшего солдата-великороса Степана Шестопалова, смогли удрать еще и малороссияне Иван Белый (Ветер), Иван Постовой, Яков Демьяненко, Емельян Дрочинский, Иван Вилховиков. Вероятно, просто повезло новичкам. А в Киеве смогли сбежать трое их более «матерых» коллег – запорожцы Грицко Максименко (Таран) и Анисим Шандра, и «неформальный лидер» малороссиянин Данила Щербина.

Следы Данилы Щербины еще раз мелькнут в апреле 1749 года. Тогда конокрады из шайки Романа Халахуры (Пластуновского куреня) вновь угонят множество лошадей у донцов. Донская погоня во главе со старшиной Перфильевым опять отправится в погоню. Один из местных присамарских запорожцев приведет донцов к правому притоку Самары – речке Терновке. Там располагалось жилье казака Сергиевского куреня Федора Романовича Пушкарева (по прозвищу Швец), который по слухам якшался с разным подозрительным людом. По словам местных, у Швеца *«пристанища ворам бывает, ис коих вор и разбойник Данилка, которой по отсылке от нас, войска Донского, в Киев и оттуда с товарыщи, с тюрмы бежа, у нево жил»*. Швец поначалу отпирался, но после очной ставки *«объявил про ево, Данилкина, у себя житье, токмо куда он поехал, того якобы не знает»*. Участвовал ли Данила Щербина в данном наезде запорожцев — так и осталось неизвестным. Но вот самому Швецу от причастности к этим событиям отпираться было затруднительно, так как в его табуне

нашлись три свежеугнанные донские лошади. Плюс две швецовских лошади были сильно изнурены после недавнего большого перехода. [13, с. 1690].

Позже (не позднее начала октября 1747 года) 16 оставшихся арестантов *«по требованию определеннаго в Бахмуте для следствия о произшедших между Донским и Запорожским войсками обидах и грабительствах Новгородскаго драгунскаго полку полковника Резанова, а по прошениям на их войска Донского козаков и калмык»* были доставлены из Киева в распоряжение Бахмутской следственной комиссии [13, с. 1650]. Мы об этом еще расскажем в следующей главе.

Бахмутская следственная комиссия

К сожалению, по работе Бахмутской следственной комиссии автору книги удалось пока найти только два блока документов. Первый из них – это опубликованное во 2-м томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» дело №10, посвященное переписке по вопросам этого следствия. В нем сохранилась часть входящей корреспонденции в Запорожский Кош из Бахмута и Кальмиусской паланки, а также черновики исходящей из Коша почты по вопросам этого следствия за 1747 – 1748 годы [12, сс. 165-219]. Второй наш источник – это «мнение» киевского генерал-губернатора Леонтьева от 15 марта 1749 года [13, сс. 1643-1650]. Нам оно интересно тем, что в нем подробно пересказывается (с добавлением Леонтьевым своих поправок и комментариев) итоговый документ, завершавший следствие. Так что нам придется строить свой рассказ на очень фрагментарных данных, к тому же освещающих ситуацию преимущественно с запорожской стороны. И в нашем рассказе будет очень не хватать донской точки зрения. Если в дальнейшем удастся найти новые массивы документов по этой теме – данную главу можно будет переписать и дополнить. Но пока нам придется довольствоваться и этим.

В этой главе мы, помимо фрагментарного рассказа о ходе данного следствия, попробуем осветить (насколько позволит доступный материал) и некоторые из рассматривавшихся в Бахмуте частных дел. Такие фрагменты мы будем стараться выделять в блоки «Технические подробности». Они хорошо показывают, какие темы и к каким ответчикам поднимались на следствии. Кому они не интересны – можно просто их пропускать, от этого смысл основного текста не сильно пострадает.

Напомним, что в июне 1746 года Военная коллегия со своей стороны определила для командировки в Северное Приазовье подполковника Тамбовского полка воронежского гарнизона Андрона Коробьина. Он должен был выполнить размежевание новой границы между запорожцами и донцами по Кальмиусу, а также произвести следствие о *«разобрании протчих между ними [казаками] ссор»*. И если первое поручение Коробьин успешно закончил 19 сентября 1746 года, то со вторым – у него тогда не заладилось. Те люди от Войска Донского, которые были необходимы следствию, в то время были в дальних походах и не могли быть быстро доставлены. Поэтому Коробьину пришлось тогда отпустить до особого уведомления и запорожских делегатов. На тот момент следствие еще предполагалось вести в крепости святой Анны, хотя уже с июня 1746 года начался поиск другой, более удобной по своему расположению площадки.

Первое известное нам упоминание об определении Бахмута для проведения данного следствия содержится в грамоте Военной коллегии к войску Донскому от 5 декабря того же года. Но, по всей видимости, дело организации этого мероприятия на новом месте сильно затянулось. По крайней мере, наиболее ранний из известных автору документов *«из учрежденной при Бахмуте между войсками Донским и Запорожским следственной комиссии»* относится только к началу июля следующего 1747 года. Это запрос из комиссии в Кош от 3 июля 1747 года [13, с. 167]. Также в документах запорожских делегатов при следствии удалось найти упоминание некоего донского экстракта, который был получен 29 июня [12, с. 190]. Можно осторожно предположить, что деятельность следственной комиссии в Бахмуте вероятно началась незадолго до этих дат.

В письме кошевому атаману от запорожских делегатов, находившихся при следственной комиссии в Бахмуте, от 24 декабря 1747 года, в котором они жалуются на свои затруднения, есть такая фраза: *«О нашей же стороне сами, ваше бл[а]городие, изволите разсуждат[ь], что и коликое число денег в расходи разние* ***за целой год*** *могуся [sic!] употребленни бит[ь]»* (выделение автора книги) [12, с. 187]. Если понимать ее буквально, то вроде как начало следствия нужно относить к началу 1747 года. Но другими документами такая трактовка пока не подтверждается. Скорей всего фраза *«за целый год»* в данном контексте была употреблена как гипербола, преувеличение.

Рис.54. Расположение Бахмута, как центра следствия, относительно запорожских и донских территорий (наклонная и квадратная штриховки соответственно)

В Бахмуте следствием будет руководить уже не подполковник Коробьин, а полковник Новгородского драгунского полка Федор Резанов (Рязанов). Как и когда произошло это изменение – по документам проследить не удалось. Все исходящие документы Бахмутской комиссии, сохранившиеся в 10-м деле архива Запорожской Сечи, подписаны одинаково: *«Полковник Федор Рязанов, за аудитора – полковой писарь Яков Жильцов»*, фамилия Коробьина в них ни разу не упомянута. Можно было бы предположить, что Коробин по каким-то резонам вообще не принимал участия в бахмутском следствии. Но финальный документ, которым киевский генерал-губернатор Леонтьев в 1749 году подведет итог под материалами данного разбирательства, будет иметь следующее заглавие: *«Мнение генерала и Киевской губернии генерала-губернатора по следственному в Бахмутской комиссии делу, произведенному полковниками Федором Резановым да Адроном Коробиным <…>»* [13, с. 1643]. Так что, вероятно, Коробьин все-таки принимал участие в Бахмутском следствии, но находился в тени своего более старшего по званию товарища? А если Леонтьев не ошибся

в своих формулировках, то к 1749 году Коробьин тоже получил повышение по чину до полковника.

В примечаниях ко 2-му тому «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» утверждается, что Федор Резанов на тот момент исполнял должность комендантом Бахмутского гарнизона [12, с. 621]. Это вызывает большие сомнения, так как в доступных автору документах никаких упоминаний об этом не встречено. Этот момент еще требует проверки.

В письмах запорожцев Резанов часто упоминается как *«прейзус»*. В начале XVIII века заимствованное слово «презес», «презус» (от лат. praeses) обозначало председателя военного суда. С 30-х годов того же века оно стало сближаться по значению с родственным ему словом «президент» в качестве «первого лица в каком-либо собрании, учреждении» [41].

В направлениях работы Бахмутской следственной комиссии можно выделить три больших блока:

- рассмотрение ранее поданных от обоих войск «централизованных» реестров о взаимных обидах (кроме того реестра, следствие по которому смог завершить поручик Швыков);

- множество «частных» одиночных и групповых исков, поданных представителями обоих казачьих войск, а также жителями города Бахмута и крепости святой Анны, пострадавших в результате действий тех или иных старшин, казаков и просто разбойников;

- дело о шайке Левки Белого (со временем оно будет передано из Киева в Бахмут).

На следствии в Бахмуте депутатами от войска Донского были Карп Колпаков и Гаврила Греков, от войска Запорожского – Иван Сидорович Водолазкий (Водолага), Павел Кирилов и Иван Домонтович. Никто из участников следствия при его начале не догадывался, что оно очень сильно затянется по времени. Что приведет к очень большим осложнениям для всех так или иначе причастных к нему людей. В сохранившихся бумагах Коша Запорожского сохранилось (начиная с конца 1747 года) много жалоб запорожских депутатов в Кош и настойчивые просьба сменить их на других людей. Поэтому у историков сложилось устойчивое представление, что руководство следствия было предвзято именно к запорожцам и пыталось их всячески унизить и обвинить. Но здесь основная проблема, что у нас не хватает документов от других сторон следствия, мы просто не видим их проблем и затруднений (а они тоже были, и немалые). И хотя руководитель следствия полковник Федор Резанов был тяжеловат нравом и остер на язык (что не стеснялся демонстрировать тем, кто заслужил его неудовольствие), свое дело в качестве «прейзуса» он выполнял четко и профессионально. Под его руководством следствие провело громадную работу по опросу нескольких сотен (!) просителей, свидетелей и ответчиков (многие из которых были одновременно истцами по одним делам и ответчиками по другим), сличению их показаний, очным ставкам и прочим процессуальным действиям.

Огромной проблемой следствия были тогда огромные расстояния в наших южнорусских степях и полное отсутствие средств связи, хоть немного более быстрых, чем конный гонец. К сожалению, ни Скайпа, ни хотя бы телеграфа тогда еще не существовало. И когда

следствие пыталось по какому-нибудь делу одновременно вызвать необходимых ему с обеих сторон людей, обычно это выглядело следующим образом. Промемории-запросы из Бахмута в Кош и в Черкасск доставлялись гонцами из казаков от обоих войск. Эти гонцы, как люди мало заинтересованные, зачастую не слишком торопились выполнять свое поручение, попутно заезжая в кабаки, к своим знакомым-собутыльникам и к родне. Так что доставка сообщений в один конец (вместо обычных 7 – 10 дней) могла растягиваться иной раз до нескольких недель (а иногда гонцы вообще где-то терялись, прямо вместе с порученной им корреспонденцией). Потом эта корреспонденция могла несколько дней проваляться в войсковой канцелярии, ожидая, пока до нее дойдут руки. Если запрошенные не были широко известными людьми, то войсковой канцелярии приходилось производить работу по их опознанию и определению возможного места их жительства или пребывания. Но такие действия производились только при условии, что информация в запросе была достаточной для идентификации конкретных людей (зачастую следствие было не в состоянии предоставить полную и исчерпывающую сведения о затребованных людях, так как ограбленные крайне редко могли назвать личные данные своих обидчиков). А также если Войско не решило по каким-то своим резонам припрятать их от следствия (этим сильно грешили запорожцы). В случае, если вызываемый жил не в войсковом центре, то писался приказ к тамошнему представителю власти. Опять доставка гонцом. Поиск затребованного. А так как слухи о порядках и волоките на следствии быстро разлетелись по Степи, то желающих добровольно ехать в Бахмут было мало. Так что затребованных обычно приходилось заставлять туда ехать, не слушая их возражений и отговорок, и нередко под конвоем. Понятно, что принужденный ехать человек не будет сильно торопиться в пути, но (скорее поздно, чем рано) он таки доберется до Бахмута. Чтобы здесь выяснить, что вторая сторона своих людей не прислала и неизвестно, когда они будут. Или эти люди здесь были, но, не дождавшись, уже уехали. Тогда следствию приходилось приказывать приехавшим никуда не отлучаться из Бахмута и одновременно писать повторный запрос на доставку неприбывших участников. И все уходило на второй круг...

Весной – ранним летом 1748 года в документах архива Коша часто мелькают упоминания о кодацких казаках, которых Кош целенаправленно поочередно прикомандировывал к Бахмуту (примерно человек по 10 в одну смену). Они должны были подчиняться запорожским депутатам и оперативно доставлять почту между Бахмутом и Сечью (а также, при необходимости, и в Кальмиусскую паланку). Так это выглядело в теории. В реальности же эти казаки, которых явно назначали по разнарядке, и которым Кош вряд ли оплачивал время вынужденного отвлечения от их хозяйства в Кодаке, тоже тяготились своим пребыванием в Бахмуте. И соответствующим образом выполняли порученные им обязанности. Мы и знаем об их существовании исключительно из жалоб депутатов на этих посыльных казаков. Они то самовольно сбегали, не дождавшись смены, то пропадали в неизвестном направлении вместе с порученным им письмом, то настолько неторопливо доставляли корреспонденцию, что полный срок от отправки письма из Бахмута в Кош до получения ответа на него обратно в Бахмут часто был по месяцу и больше. Ниже мы такие жалобы рассмотрим подробнее [12, сс. 206, 210, 214, 216].

По состоянию на весну 1748 года четко видно, что следствие обычно не занималось вопросами доставки своих запросов в Сечь. Все промемории от следствия передавались в руки запорожским депутатам. Те, накопив несколько

таких промеморий (иногда за период в несколько недель) и добавив, при необходимости, собственные письма, одним пакетом отправляли все это на Сечь (это видно по зафиксированным в Коше входящим датам на документы). Также и вся поступающая в Бахмут входящая документация с запорожской стороны сначала поступала к их депутатам, а потом они уже передавали следствию предназначенные для него ответы Коша. Это позволяло запорожским депутатам надежно сохранять тайну конфиденциальной информации, которую им считал нужным сообщить Кош.

О том, как была организована связь Коша с его депутатами в Бахмуте до весны 1748 года и когда именно началась отправка для этого кодацких казаков – автору найти информацию не удалось, возможно там все было еще хуже. Также ничего не известно и о способах связи донских представителей с Черкасском.

Описанные ситуации с медленным и несинхронным прибытием необходимых следствию людей случались очень часто. Поэтому, чтобы их избегать, практически единственным реальным выходом для следствия было стараться удержать всех участников поблизости, в Бахмуте. Как тех, кто был нужен непосредственно для текущих дел, так (на всякий случай) и всех остальных: вдруг какой новый вопрос или уточнение от человека понадобится, а его в доступности нет – придется опять длительно вызывать, а в это время следствие по этому делу будет вынуждено простаивать? Но это приводило к тому, что при единственной группе заседателей от следствия и при столь большом количестве рассматриваемых дел и вызванных участников – общее расследование происходило очень и очень медленно и с частыми и длинными остановками по конкретным делам.

Денежным и пищевым обеспечением вызыванных к следствию казаков никто не занимался, это была их личная проблема. И в записках запорожских депутатов иногда встречаются упоминания, что тот или иной козак проелся до наготы. Некоторую помощь деньгами и провиантом самим запорожским депутатам иногда оказывал Кош, но было это крайне редко и нерегулярно. В депутаты Кош, конечно, выбрал старшин из числа наиболее уважаемых и состоятельных, но расходы у депутатов (в том числе для дачи денег в долг совсем поистратившимся казакам и на удовлетворение каких-то небольших жалоб) были довольно значительными. И большую их часть депутатам приходилось нести из собственного кармана, без особой надежды на то, что когда-нибудь Кош скомпенсирует им их.

Долгое пребывание в Бахмуте очень тяжело сказывалось на всех участниках этого следствия. Надолго оторванные от своего дома и хозяйства (а не у всех была возможность доверить его поддержание и сохранение на время их отсутствия) люди большую часть своего времени маялись без дела. Условно повезло тем, которые были признаны опасными и содержались под караулом – у них хоть была крыша над головой и хоть какая-то определенность в жизни. А чем было заниматься остальным, которым просто словесно запретили отъезжать из города, пока (непонятно когда) они снова понадобятся следствию? Бахмут и тогда был небольшим городком, и возможностей где-то подзаработать и где-то развлечься мог предложить «понаехавшим» очень немного. Город был переполнен толпами маящихся от безделья и безденежья поизносившихся мужиков, мучимых извечными нашими раздумьями: где бы выпить и где бы найти денег на опохмел? Это примерно как приезд в город гусарского полка, только без гусар и без денег. Думается, местные обыватели потом еще

долго с содроганием вспоминали время этого следствия и привычно припрятывали своих дочерей и жен…

Поэтому поток желающих ехать в Бахмут жаловаться или просто свидетельствовать – быстро иссяк почти полностью. И местной старшине в запорожских и донских поселениях приходилось прилагать недюжинные усилия для того, чтобы заставить ехать на следствие-затребованных людей. Не меньшие усилия приходилось прилагать и пребывающим в Бахмуте депутатам, чтобы удержать находящихся там казаков от разбегания. Тем не менее, нередки были случаи, когда затребованные после длительного перерыва казаки, которые вроде как числились еще находящимися в Бахмуте, оказывались уже давно ушедшими из города (кто-то с голодухи, кто-то наскучив такой жизнью, а кто-то и почувствовав себе угрозу при поступлении новых жалоб с противоположной стороны). Особенно актуальной эта проблема была для первого периода следствия, потом этот момент как-то смогли отрегулировать и почти полностью устранить.

Далее изложение будем вести по сохранившейся части переписки между Бахмутом и Кошем (других документов у нас, к сожалению, пока нет).

Как уже говорилось, один из самых ранних из известных нам документов датируется 3 июля 1747 года. В этот день из Бахмутской следственной комиссии ушла в Кош промемория с требованием доставить в Бахмут казака Грицка Могилу [12, с. 167]. Как станет ясно из более поздней переписки, он тогда какое-то время находился в Бахмуте в качестве свидетеля на донцов. Но потом *«<…> знатно признав за собою некоторое подозрение, безведомо не знаемо куда отлучился <…>»*. Скорей всего это было связано с полученным незадолго до того (29 июня) донским экстрактом, в котором на этого казака содержалась жалоба от донца Ивана Андреева [12, с. 190].

Грицко Могила, запорожский казак Пластуновского куреня. В запорожском реестре от марта 1746 г. упоминается как один из пострадавших при наезде донских старшин Юдина и Каршина осенью 1743 года. Был челобитчиком в Бахмуте (вероятно, по этим же событиям). Также стал ответчиком по жалобе донца Ивана Андреева. Как записано позже со слов самого Андреева: *«якобы он, Могила, в бытност свою з другими козаками в пристани Оксайской [ныне это город Аксай, рядом с Ростовом-на-Дону — LV], в некотораго шинкаря будучи, и заехал ночевать […] Темерника в зимовью его, Андреева, лошад одну вкрал, а другую на ліоду [льду — LV] разодрал»* [12, с. 204]. Вероятно, это относилось к февралю 1743 года, когда после прихода отряда Василия Кишенского в Северо-Восточном Приазовье со стороны запорожцев и примкнувшим к ним местных малороссиян творился полный беспредел. А не очень адекватное поведение с жестоким убийством лошади, возможно, как-то связано с предварительным посещением Могилой местного шинка (питейного дома, кабака) и с продаваемыми там алкогольными напитками…

Следующаяся сохранившаяся промемория от Бахмутской следственной комиссии в Сечь датирована 9 июля 1747 года (поступила в Сечь 24 июля). Она была посвящена жалобе

бахмутского купца Мирона Несторовича Рыбинцева на действия на Кривой косе (район нынешнего г. Новоазовска) запорожских полковников Ступака и Барана в 1744 году. И хотя данная жалоба не касалась напрямую запорожско-донских отношений, но руководство следствия не смогло отказать в ее приеме к рассмотрению. В тот же день, как уважаемый купец подал свою жалобу в комиссию, там был составлен запрос в Сечь по этому поводу. И поскольку в комиссии было известно, что Ступак уже умер, а Баран на тот момент находился в Запорожской Сечи, то от Коша и потребовали доставки последнего *«в неукоснительном времяни»*.

Как видно из данного документа, первоначальный вариант жалобы состоял в следующем. В 1744 году бахмутский купец Мирон Рыбинцев отправил в Северное Приазовье своего «промышленника» Василия Кирилловича Черныша. Но *«в урочище Кривой косы при рыбных ловлях Войска Запорожского»* у данного промышленника запорожский полковник Осип (Иосиф) Баран (Ирклеевского куреня) отобрал невод (принадлежавший лично Чернышу), а полковник Федор (??) Ступак (Поповичевского куреня) забрал воз с двумя парами волови и со всеми его принадлежностями. К сожалению, в данной промемории обстоятельства этого конфликта не раскрываются (даже если они описывались в купеческой жалобе).

Осип Баран занимал должность местного полковника во второй половине 1744 года. А вот других упоминаний полковника Федора Ступака из Поповичевского куреня найти не удалось. Скорей всего здесь перепутано имя, и на самом деле имелся в виду Иван Ступак (того же куреня) бывший полковником на Еланчике в 1-й половине 1744 года и умерший не позднее начала 1746 года. То есть, с большой долей вероятности, эти два «изъятия» произошли не одномоментно и по разным причинам. Но, надо полагать, что у промышленника Черныша это были не единственные средства производства, что и позволило ему продолжать свои занятия на рыбных ловлях. Вероятно, купец Рыбинцев узнал об этих случаях только при возвращении Черныша обратно в Бахмут к концу года. И потеря своего четвертного воза его не слишком обрадовала. Пришлось Чернышу в начале января 1745 года подать свою жалобу в контору Бахмутских и Торских соляных заводов. Оттуда она попала к Бахмутскому коменданту полковнику Спешневу. А от него 7 января пошло сообщение в Сечь об *«отискании <…> обиды и об отдаче невода и валов»*. Но никакого ответа из Коша на данное обращение так и не последовало. Поэтому 9 июля 1747 года теперь уже сам купец Рыбинцев подал жалобу по данным случаям в Бахмутскую следственную комиссию [12, сс. 165-166]. Благо ехать ему было недалеко… Дальнейшее развитие этого дела мы еще проследим. Следственная комиссия со временем доведет его до успешного завершения.

Далее можно найти упоминание об отправке 24 июля запроса из Бахмута в Кош о розыске запорожцев Филиппа (Каневского куреня), Василя Нагая (Донского куреня) и некоего Ефима (без расшифровки). Такие имена показали жители Изюмского слободского полка Василь Богодуховский, Наум Змиевский и Осип Короченский в своей жалобе *«о учинившемся воровстве»*. В отправленной из Бахмута промемории от Коша требовалось найти этих воров и *«заграбленное показанным просителем возвратить все сполна»*. А в случае, если виновные найдены не будут, то требовалось возместить потерпевшим убытки за счет куреней, к которым эти казаки были приписаны. К этому сообщению был приложен реестр

с перечнем отобранного имущества (он в деле не сохранился). Также здесь упоминалось, что ранее (дата не указана) Василь Богодуховский уже подавал через Изюмскую полковую канцелярию в Кош свою жалобу *«в ограбленном у него имуществе»*, но ответа оттуда так и не получил.

К сожалению, подробностей об этом деле, где истцами снова выступили слобожане, автору книги найти не удалось. Как уже говорилось ранее, есть предположение, что это мог быть один из эпизодов деятельности шайки Левки Белого весной 1745 года, но уверенности в этом нет. Чтобы уже к данной теме не возвращаться, сразу расскажем о найденных фрагментах переписки по этому делу.

Упомянутые три пострадавших слобожанина не удовлетворились передачей письменной жалобы, но и произвели поездку на Сечь. Видимо, они надеялись добиться там правды. 2 октября 1747 года слобожане вернулись обратно в Бахмут, ничего не достигнув. Они доставили из Сечи ответную промеморию. В ней кошевой сообщал, что казак Каневского куреня Филипп бежал в Малороссию и его нынешнее местонахождение неизвестно. А Василь Ногай на самом деле является полтавчанином Филиппом Бражниченко, и в Донской курень он не записывался. Дескать, когда он *«проиграл и пропил некоторому маркитанту свое имущество в Усть-Самаре, то-де, пошедши к Азовскому морю, почел [начал, стал — LV] находится в воровстве. И имя и прозвание свое переменил, и напрасн[о] куренем Данским назывался»*. Ну а про Ефима (про которого других данных вообще указано не было) в Коше отписались, что это, скорей всего еще один малороссиянин, не имеющий отношения к войску Запорожскому. Поэтому, резюмировалось в запорожской промемории, этих Филиппа и Ефима *«оному Войску сыскат не можно, а платить ис куреней не можно ж»*.

Этот ответ не слишком удовлетворил руководившего следствием полковника Резанова. Он заподозрил здесь попытку сокрытия этих воров. В своей очередной промемории на Сечь (от 16 октября 1747 года) он прямо показал свое недоверие. Резанов, приведя еще раз все указанные Кошем подробности о первых двух лицах, писал, что так как год и месяц побега запорожца Филиппа в Малороссию кошевым не указаны, то, скорей всего, указанный казак никуда из Запорожской Сечи и не уходил вовсе. А Василь Ногай (или Филипп Бражниченко) – *«хотя и был жител города Полтавы, но уже стал быть запорожским казаком, ибо и все Запорожского Войска казаки не в Сечи родились, но из разных городов сходыт [сошлись — LV]»*. И Резанов предполагал, что и эти два казака, и третий их товарищ Ефим на самом деле *«находятца в Сечи или при запорожских казаках в разных местах, о которых неотменно должно вам, г[о]с[по]дину кошевому атаману ис товариством, старатца и сыскат, ис какова нарекания на себя не наводить»*. Он снова потребовал от Коша найти данных казаков. А в случае их неприсылки – угрожал сообщить об этом в государственную Военную коллегию [12, сс. 169-170].

Получив из Бахмута повторный запрос 4 ноября, Кош не стал сильно заморачиваться и уже через три дня, 7 ноября, отправил новую промеморию со своей отпиской (довольно сжатой и агрессивной по форме) обратно в Бахмут. В ней чуть приоткрывалась судьба первого из этой троицы, запорожца Филиппа. В этот раз кошевой сообщил, что указанный Филипп ныне находится в услужении у сына умершего *«генерала фон Штофеля»*. То есть, расшифровываем, он

стал слугой у молодого Христофора Федоровича фон Штофельна, сына умершего в 1747 году одного из героев прошлой русско-турецкой войны генерал-лейтенанта Федора фон Штофельна. По поводу Филиппа Бражниченко (Василя Ногая) кошевой атаман по-прежнему настаивал, что он *«не козак Войска Запорожского, ибо он, Бражниченко, так не в яком курене не бил, яко и в реестр казачой не уписан»*. Ну и по Ефиму, кошевой тоже писал, что его не смогли отыскать, так как не приведено ни его прозвище, ни курень [12, сс. 170-171].

Неизвестно, стало ли следствие беспокоить молодого фон Штофельна по поводу его слуги (у его покойного батюшки связи и знакомства на Украине и среди высших военных чинов были очень значительными). Но в известных нам на сегодня документах этого следствия данный сюжет дальнейшего развития не получил. Возможно, это дело так и похоронили…

Следующий массив сохранившейся информации датируется 16 октября 1747 года. Неизвестно, что послужило причиной, но в этот день Бахмутская следственная комиссия развила бешенную активность и направила в Кош сразу шесть (!) отдельных промемориий. Они были получены в Сечи 4 ноября.

Одна из них была просто информационной. В ней для сведения Коша сообщалось, что присланный ранее из Сечи полковник Василий Кишенский *«в чем подлежал – следован»* и ныне, *«впред до востребования»*, отпущен обратно. И что его будут повторно вызывать, когда из Кизляра вернется проситель на него – донской казак Алексей Каршин [12, с. 166].

Напомним, что Василий Максимович Кишенский был тем самым запорожским полковником, который в феврале 1743 года осуществил расширение Вольностей Запорожских на Северное Приазовье и начал свару с донцами за Северо-Восточное Приазовье вплоть до реки Темерник. У донцов к нему должно было быть о-о-очень много вопросов! К сожалению, подробностей иска к Кишенскому от донского казака Алексея Каршина (не путать с донским старшиной Григорием Каршиным!) автору книги прояснить не удалось. Вероятно, он был одним из донских рыбаков, пострадавших тогда от действий запорожцев к районе Миуса.

Вторая промемория относилась к продолжению розысков уже упоминавшегося ранее казака Григория Могилы. Еще 18 августа в Бахмут пришел ответ на запрос от 3 июля, в котором из Коша с недоумением сообщали, что указанный казак и так находится в Бахмуте, при следственной комиссии. И на какое-то время следствие потеряло интерес к этому казаку. Но к середине октября он вновь понадобился в Бахмуте. 16 октября был отправлен повторный запрос в Сечь. В нем Резанов пояснял кошевому, что этот Грицко Могила на самом деле прежде (еще до письма от 3 июля) был в комиссии, но потом (видимо, почувствовав угрозу после получения в Бахмут новой донской жалобы) куда-то ушел. По полученным в комиссии свежим слухам — Могила направился в Запорожскую Сечь. Поэтому от кошевого Павла Козелецкого снова потребовали *«упоминаемого запорожского казака Грицка Магилу немедленно в Запорожской Сечи сыскат и по сыске прислат во оную Следственную камисию под караулом в непродолжительном времяни»* [13, с. 167].

Третья содержала запрос на розыск казака Ивана Ногая (Нагая). Он был в Бахмуте просто челобитчиком по двум делам на действия донских старшин. Но, видимо, наскучив длительным и бесплодным пребыванием там, также ушел, не поставив никого в известность: *«<…> которой, подобно же как и Гритцко Могила, знатно признав за собою некоторое*

подозрение, безведомо от оной Следственной камиси[и] отлучился». Как стало известно руководству следствия, Ногай тогда ушел *«к Азовскому морю на косы»*. Поэтому и в этом случае от кошевого потребовали немедленно разыскать Ногая, где бы тот ни находился – в Сечи или на морских косах, и незамедлительно прислать (также зачем-то *«под караулом»*) в Бахмутскую следственную комиссию [12, сс. 167-168].

Иван Ногай (Нагай), запорожский казак Платнеровского куреня. В официальных реестрах с жалобами на донцов за 1743 – 1746 гг. его имя найти не удалось. Он подал жалобу (по всей видимости, личную) на действия донских старшин Федотова и Хрестьянова. На какие конкретно случаи жаловался Ногай – в документах найти не удалось. Донской полковник Максим Федотов в конце 1744 года выгонял неизвестных запорожских рыболовов с южного побережья Таганрогского залива, при этом спалил несколько их шишей с имуществом [13, с. 1410]. В следующий раз он отметился сожжением в сентябре 1745 года на Миусе куреня казака Полтавского куреня Нестора Болбота (возможно, там пострадало имущество еще некоторых казаков, но имя Ивана Ногая при этом не упоминалось) [13, с. 1575]. Про Хрестьянова найти информацию не удалось (вероятно, это тот же человек, что и упомянутый в 1744 году донской старшина Крестьянинов [9, с. 326]). Но можно заметить, что в реестре, отправленном запорожскими делегатами в декабре 1747 года из Бахмута в Кош, во многих случаях фамилии Хрестьянов и Туроверова стоят рядом. Возможно, этот старшина также участвовал в сгоне запорожцев в апреле 1746 года, и именно на эти события жаловался Ногай.

Сам Иван Ногай ответчиком ни по каким запросам не упоминается.

Четвертая промемория из пакета от 16 октября была посвящена повторному запросу о розыске запорожцев Филиппа, Василя Ногая (Нагая) и Ефима по жалобе слобожан Богодуховского, Змиевского и Короченского [12, сс. 169-170]. Мы ее уже чуть ранее рассматривали, повторяться здесь не будем.

Пятая – была запросом на присылку некоторых представителей местной приазовской запорожской администрации за 1746 год. В данной промемории вначале напоминалось, что еще 31 июля 1747 года от Коша требовали присылки в Бахмут *«бывшаго в прошлом 476-м году на речке Еланчику запорожского полковника Леонтья Тарана да бывшаго со оным полковником эсаула Алексея»*. Каковое требование администрация Коша предпочла проигнорировать. Теперь же этот запрос повторялся. А к этим двум старшинам еще дополнительно требовались *«бывшей в прошлом же 746-м году на Калмиюсе полковник Андрей Черной и бывшей же при нем писарь, прозываемый Бирюк, да атаман Юска»*.

Напомним, что поковник Леонтий Таран и есаул Алексей Черный руководили Еланчицкой паланкой в 1-й четверти 1746 года (до сгона ее донцами Туроверова и переноса на Кальмиус). Полковник же Андрей Черной и писарь Бирюк – это уже Кальмиусская паланка 2-й половины того же года. По поводу атамана Юски в несколько более поздних документах приводится чуть более подробная информация: *«да атамана, бывшаго на Кривой косе при бытности полковника Тарана, Мышастовского куреня Юска Череватого*[1]*»* [12, с. 208]. К сожалению, ни в данной промемории, ни в известных автору книги документах не раскрывается, по каким именно вопросам они тогда вызывались в Бахмут.

[1] Возможно, это тот же человек, что и Осип Череватый, хозяин опознанного весной 1745 года коня в Еланчикской паланке?

> Они могли быть как свидетелями по запорожским жалобам на донцов (например, по наезду Туроверова), так и ответчиками по каким-то другим делам. Пока удалось найти следы лишь одной жалобы, которую на некоторых из вышеперечисленных запорожцев подал купец крепости святой Анны Иван Шапошников, на личную обиду и на отнятие некоторого его имущества [12, сс. 216, 217]. Об этом мы еще поговорим позже.

И, наконец, в шестой промемории от 16 октября 1747 года мы можем увидеть продолжение истории с незадачливыми конокрадами атамана Левки Белого. К этому времени, по требованию Бахмутской следственной комиссии, все оставшиеся после двух побегов 16 разбойников были переданы из Киева в Бахмут. Леонтьев с удовольствием избавился от этого дела. Как мы помним, во время первоначальных допросов в Черкасске вскоре после поимки этих конокрадов (начало мая 1746 года), они массово страдали амнезией и мало кого могли назвать из своих прошлых подельников. Но длительная отсидка в заключении на хлебе и воде (и, вероятно, не без благотворного влияния заплечных дел мастеров) самым положительным образом сказалось на состоянии их памяти. Разбойники были заново допрошены в Бахмуте. И теперь, на основании их показаний, глава Бахмутской следственной комиссии затребовал от Войска Запорожского целый список из 34 человек, которые оказались прямо или косвенно задействованы в разбойничьем промысле в восточной части Запорожских Вольностей. Всех их требовалось незамедлительно отыскать и под конвоем доставить в Бахмут [12, сс. 171-172, 172-173]. На рассмотрении этого сюжета мы сейчас на некоторое время задержимся.

Среди этого списка были как люди, которые уже мелькали в нашем рассказе о буднях разбойничьих промыслов (например, Павел Щербина, Грицко Штука (Сероштука), Василий Голуб, Иван Таранец), так и совершенно новые. Интересно, что в этом перечне отсутствуют имена предводителей разбойников Грицка Сенчука и Клима Калги, а также имена сбежавших из Черкасска и Киева двух групп разбойников. Возможно, проблемой их розыска уже занимался киевский генерал-губернатор Леонтьев? Но вот почему он проигнорировал возможность разыскать тех запорожцев, которые упоминались еще в составленных в Черкасске протоколах допросов и которые попали и в новый запрос из Бахмута – теперь уже сказать сложно…

В данном перечне из 34 человек были перечислены по именам и с указанием куреней 29 запорожцев, а также еще 5 человек *«с куренем не приписанные»*. В архиве Сечи сохранился входящий документ, на котором напротив записанных имен кто-то из кошевых писарей сделал пометки по результатам первичных опросов части куренных атаманов по этим людям. И по этим пометкам видно, что пятерых из них разбойная романтика не довела до добра и они уже покинули этот бренный мир насильственным образом. Еще по 11 казакам куренные атаманы отговорились отсутствием таковых в их куренях, с формулировками типа *«Нет»*, *«Нема»* и *«Не имеется и не било»*. Такие пометки стоят рядом с именами Ильи Черного (Тимошевский курень), Ивана Рудого (Ирклеевский кур.), Ивана Малого и Ивана Губы (Левушковский кур.), Ивана Ляха (Каневский кур.), Грицка Черного и Ивана Воробця (Сергиевский кур.), Алексея Рудого и Василия Носа (Донской кур.), Василия Тарана (Полтавский кур.), Герасима Рудого (Менский кур.). По 13 запорожцам – в данном документе никаких приписок не проставлено. Вероятно, куренные атаманы их куреней взяли дополнительное время на расспросы или просто на тот момент отсутствовали в Сечи. Это относится

к следующим запорожцам: Грицко Штука (он же Сероштука) и Дмитрий Дятков (Ведмедовский кур.), Роман Булавка и Степан Черной[2] (Менский кур.), Иван Бобах (Пашковский кур.), Афанасий Малой и Иван Таранец (Щербиновский кур.), Андрей Ахтерка (Ахтырка, Охтерка) и Самойла Плохута (Левушковский кур.), Роман (вероятно, Роман Криворотый, Иванивский кур.), Иван *«которой живал у казака Сивокабыльского»* (вероятно, это Иван Сержант, Величковский кур.), Петр Черный и Иван Черный (Шкуринский кур.). Ну и, наконец, 5 человек, по котором в запросе было указано, что они не приписаны ни к какому куреню – по ним сечевое начальство даже не пыталось разбираться, их просто проигнорировали, рядом с ними никаких пометок нет. Это Сидор Рудой, Прокофий Черный, Андрей Писменный, Петр Залотарь (Золотарь) и Кондратий Таран [12, сс. 172-173, см. также прим.1 на с.172].

Через три дня, 7 ноября 1747 года в Коше уже составили ответ-промеморию по данному запросу. Она получилась достаточно короткой. В ней кошевой атаман Павел Козелецкий сообщал в комиссию: *«По справки с показанних 34 ч[е]л[о]в[е]к козаков – Грицко Сераштука в прошлом 745 году в городе Харкове повешен; Иван Покотило в прошлом 744 году при Сечи повешен же; Иван Тараннец в прошлом 746 году повешен же; Улас [Влас — LV] Гужва в прошлом 746 году при Сечи повешен; да прозванием Сухий, которого имени не показанно, за воровство в Самари в прошлом 746 году убит; а Василь Нос, оженяс[ь], в Царичанки жил [т.е. на Украинской линии, вне пределов Запорожских вольностей — LV]; Алексея Рудя в курене прежде сего не било и н[ы]не не имеется; Павло Щербина в прошлом м[е]с[я]це в Са[мар]и за воровство повешен, а протчих […] по объявлению курених атаманов и в куренях никогда не бивало и н[ы]не не имеется»*. Далее кошевой пояснял, что многие подобные «воры», бродящие и ворующие в степи, ложно причисляли себя к запорожцам. И что даже если некоторые из них и имели жительство в Сечи, то они даже не знали, где именно находится тот курень, к которому они себя причисляли (т.е. – что они ни разу не являлись в «свой» курень к куренному атаману и не записывались в куренной реестр), и что такие «псевдозапорожцы» ни разу не принимали участие в походах казаков куда-либо и не получали ежегодного жалованья. В завершение своего письма он сообщил, что из тех лиц, кто участвовал в прошлогодних похождениях шайки Левки Белого и Алексея Калюжного, разбитой донцами и ныне находящейся под следствием, назад так никто и не вернулся и потому *«с оних вислат[ь] в ту коммессию некого»*. Но обещал, что если впредь кого-нибудь из них поймают, то под караулом немедленно пришлют в следственную комиссию [12, сс. 173-174].

Кошевой атаман немного покривил душой. На самом деле информации у него было несколько больше, он просто выдал ее очень дозированно. В архиве Коша рядом с разобранным нами документом сохранился черновик еще одного, более полного реестра, послужившего для него основой. В нем войсковые писари подробно зафиксировали показания куренных атаманов (с указанием их имен!) по поводу запроса из Бахмута. Каждый куренной отчитывался только по тем казакам, которые в запросе были указаны как принадлежавшие к его куреню. Многих запрошенных так и не опознали, но, в целом, количество собранной информации значительно повысилось. Однако потом чья-то недрогнувшая рука большую часть строк в этом реестре зачеркнула, оставив всего несколько строк, которые и послужили основой для составления ответа в Бахмут. Возможно, это был хорошо знакомый нам Алексей Петруша, все еще занимавший на тот момент должность войскового писаря

[2] Подробней о нем рассказывается в авторской статье «Андрей Петруша & Степан Черный» в приложениях к книге.

войска Запорожского. К счастью, этот документ (со всеми его правками) был опубликован во 2-м томе «Архива Коша Новой Запорожской сечи» [12, сс. 174-175]. Благодаря этому мы сейчас имеем редкую возможность заглянуть во «внутреннюю кухню» политики Коша, обычно тщательно скрываемую от посторонних глаз.

Какие же сведения кошевое начальство решило скрыть от следственной комиссии? Так, например, атаман Ведмедовского куреня Зиновий, помимо информации о повешении Сероштуки, также показал, что *«Дмитро Дядков ныне жив, находится в Великом Лузе в зимовнику <…> точию смертно болен»*. Атаман Менского куреня Иван Коврихa показал, что *«Роман Булавка живет в зимовнику в Каире [несколько рек Каирок являются правыми притоками нижнего Днепра, тогда это была территория Крымского ханства — LV], Степан Черной в Калмиюсе находится <…>»*. Здесь же (а также в пометках возле присланного из Бахмута списка [12, с. 172]) читаем: *«Атаман жерелевский Иван Мерочник об[ъ]явил с товариством, что [Василий Голуб — LV] вбит вместе с Калюжным, а в каком году не вспомню»* (вероятно, здесь имелся в виду какой-то другой Калюжный, а не тот Алексей, который погиб в драке с калмыками во время прошлогоднего похода шайки Левки Белого, Василий Голуб в этом походе участия не принимал). Атаман Иванивского куреня Тупиця показал: *«Роман [Криворотый — LV] и нине в живих находится, толко не известно где»*. Атаман Левушковского куреня Чорный заявил, что *«Андрей Охтирк[а] не ведомо где в живих нине находится»* (то есть – этого казака он точно знал, не знал лишь, где тот находится на данный момент), про двух же других запрошенных из его куреня казаков заявил, что *«в курене не било оних и нине не имеется»*. Некоторую дополнительную информацию можно почерпнуть и из той части документа, которая осталась незачеркнутой. Так, например, в ней содержится информация о Иване Ляхе[3] (Каневского куреня), которая почему-то не попала в окончательный ответ в Бахмут: *«Ивану Ляхове за воровство [зачеркнуто слово «каюка» — LV] поламлено ноги, отчего в Саксагане в прошлом 746-м году и умер»*. А по поводу запрошенных казаков Донского куреня Алексея Рудя и Василия Носа фраза из чернового варианта звучала первоначально так: *«<…> а Василь Нос, оженяс[ь] в Царичанки на дочери посполитого Алексея Рудя, жил, а в курене як прежде сего не бивал, так и нине не имеется»*, а в окончательном ответе в Бахмут превратилась в такую: *«а Василь Нос, оженяс[ь], в Царичанки жил; Алексея Рудя в курене прежде сего не било и н[ы]не не имеется»*. То есть, Алексея Рудя, тестя молодого казака Василия Носа, на Сечи тоже хорошо знали, как и то, где именно он живет, но отвечать за этого «посполитого» категорически не желали.

В конечном итоге – Кош ничего не сделал для розыска и отправки в Бахмут ни одного из запрошенных 34 человек, даже в тех случаях, где имел информацию об этих людях. Возможно, к такому итогу тоже приложил руку войсковой писарь Алексей Петруша, который сам был писарем при еланчицком полковнике Постернякове в первой половине 1745 года и у которого вполне могли быть личные мотивы всячески тормозить это дело.

---

[3] В книге Скальковского имеется фрагмент запорожского документа от 10 июня 1749 года с записью допроса Ивана Ляха, в котором тот рассказывает начало своей биографии*: «Родился я в Литве, в воеводстве Новгородском <…>, от дому шляхетскаго, имя ж мое было Иван Сулистрович. Отец мой с молодых лет отдал меня в службу к полковнику Галисевичу, у которого служил я целый год, и отошел надлежаще. А потом был в службе у его милости господина Сологуба, чрез 3 недели, а после пристал до его милости г. Мокроновскаго, с которым, приехавши до Киева, ушел от него. Когда же по Киеву шатался, подмолвили меня козаки Сечевые, с которыми, севши в дуб, поехал до Сечи, и, приехавши, пристал в курень Каневский, где и названо меня Иваном Ляхом»* [2, с. 317]. Скорей всего, это тот же самый человек, который участвовал в разбоях шайки Калги и Сенчюка в 1745 году. Если это так, то информация Коша о том, что Иван Лях в Каневском курене никогда не числился или что он умер в 1746 году – была, мягко говоря, не совсем корректной.

Примерно в эти же дни в Коше составлялись ответы и по другим запросам из Бахмута от 16 октября 1747 года. Сохранились еще два из этих ответов. В одном из них, от 4 ноября, написанном сразу же по получении в Сечь запросов, отвечали по поводу вызова в Бахмут действовавших в 1746 году в Приазовье полковников Леонтия Тарана и Андрея Черного, писаря Бирюка, есаула Алексея и атамана Юски. Вначале в Коше быстренько было написали, что всех их (кроме писаря Бирюка) вскорости доставят в Бахмут. А Бирюка (который отлучился из Сечи в неизвестном направлении) также отправят туда же, как только появится. Но затем, немного подумав, атамана Юску из первого предложения вычеркнули. И, придравшись к формальным причинам, заявили о невозможности его розыска: *«Атамана же Юска неможно сыскат[ь], ибо не показано, якого он куреня и як прозывается»* [12, сс. 176-177]. Ну да, ну да – откуда же войсковому писарю Алексею Петруше, знавшему с 1745 года в ведомстве Еланчицкой паланки каждую собаку, знать еще и атамана запорожских рыбаков с Кривой косы? И, главное, уточнить этот вопрос ему было совсем не у кого? Было бы желание. Но вот такого желания у нашего знакомого войскового писаря почему-то не было…

В другой сохранившейся промемории от 7 ноября в Коше отвечали сразу на два бахмутских запроса, один из которых касался Грицка Могилы, а второй – Ивана Ногая. Кошевой атаман сообщал, что обоих казаков сейчас в Сечи не имеется, *«уповательно же, что они находятся при Азовском море на косах»*. И что по этому поводу Кош уже отправил ордер к кальмиусскому полковнику, чтобы тот, сыскав указанных двух казаков, отправил их *«при нарочном конвое»* и вместе с письменным известием напрямую в Бахмут [12, с. 168].

Интересно, что аналогичные запросы по 34 казакам по делу Левки Белого, а также по вызову Могилы и Ногая, были присланы и напрямую в Кальмиусскую паланку. Причем туда эти бумаги попали даже несколько раньше, чем в Сечь. Уже 2 ноября кальмиусский полковник Марк Ус отправил в Кош донесение о получении таких запросов из Бахмута. А так как местный полковник не был уверен, какую именно политику Кош будет проводить по данному делу, то он осторожно интересовался у кошевого атамана: *«И егда из оних хто на морские коси явится, как з ними поступать, покорнейше прошу от вашей велможности наставления»* [12, с. 177]. В Сечи это донесение будет получено 19 ноября.

Видимо, встречный ордер Коша вполне ответил на вопросы Марка Уса, так как уже вскоре Иван Ногай был найден и 12 декабря прибыл с Кальмиуса в Бахмут. К сожалению, слишком поздно. Он был одним из свидетелей на донских старшин Хрестьянова и Федотова (в рамках дела на Тимофея Туроверова). Но к моменту его приезда Хрестьянов уже отъехал [12, с. 190].

А вот проситель на Грицка Могилу – Иван Андреев – так его и не дождался и был *«отпущен в дом декабра 5 дня за неимением Могилы»* [12, с. 190].

А в это время следственная комиссия в Бахмуте продолжала свою работу. Опросы потерпевших, подозреваемых и свидетелей, очные ставки… Периодически комиссия рассылала новые запросы о необходимых ей людях. В архиве Коша сохранились такие запросы по поводу запорожцев от 27 ноября (4 запроса) и от 10 декабря (1 запрос). Все они попадут в Кош только после нового года, поэтому и их, и ответы Коша рассмотрим позднее.

При изучении материалов о событиях в наших краях за 1743 — 1746 годы становится хорошо понятно, какого рода дела и жалобы пришлось расследовать комиссии полковника Резанова. С одной стороны – жалобы донцов (а также жителей города Бахмута и крепости святой Анны) на индивидуальный и групповой разбой и конокрадство со стороны запорожских (и косящих под них) шаек. Которые, понятно, никак не сдерживались местной запорожской старшиной – как из-за отсутствия инструментов для сколько-нибудь эффективного контроля над подчиненным населением, так и из-за почти повальной коррумпированности этой самой верхушки и личной ее заинтересованности в продолжении грабежей. Расследовать такие дела было весьма трудно и мучительно, еще и потому, что Кош частенько саботировал присылку запрошенных лиц, не проявляя особой активности в искоренении этого промысла. А если свидетели не могли указать прозвища или куреня своего обидчика – такие запросы Кош и вовсе игнорировал, ограничиваясь формальной отпиской.

А жалобы с противоположной, запорожской стороны – преимущественно шли на действия тех или иных донских старшин в ходе массовых сгонов запорожцев по решениям Войсковых кругов. Такие дела расследовать было значительно проще и спокойней. Тем более, что донские старшины обычно не шли в полный отказ, оспаривая лишь количество утраченного запорожцами имущества. Да и руководство Войска Донского проявляло гораздо больше вменяемости и адекватности в поведении и оценке общей ситуации.

Поэтому нет ничего удивительного, что у руководства следственной комиссии сложились достаточно рабочие и плодотворные отношения с донскими делегатами. А вот запорожским делегатам пришлось отдуваться за все косяки и залёты войска Запорожского. Они, как могли, старались защищать своих подопечных, изыскивали способы и деньги для закрытия отдельных жалоб. Но, в таких условиях, сделать они могли не многое. Заставить Кош оперативно выполнять все запросы следствия они тоже не могли. Сообщения в Кош и обратно шли долго, а иногда и вовсе не доходили. А за все проколы и недоработки с запорожской стороны руководивший следствием полковник Резанов (не отличавшийся кротким нравом и сдержанностью на язык) регулярно грубо отчитывал запорожских депутатов. Что, понятно, не прибавляло им настроения.

Одно из дел, хорошо показывающих, какие сложности приходилось иногда преодолевать посланникам Коша в своей деятельности. 14 декабря 1747 года от запорожских делегатов в Бахмуте – Ивана Водолазского и Ивана Домонтовича ушла в Кош необычная просьба. Как уже говорилось ранее, еще 9 июля бахмутский купец Мирон Рыбинцев подал в следственную комиссию жалобу на двух бывших запорожских полковников – Ступака и Барана по поводу событий 1744 года. К этому времени Иван Ступак уже умер, а вот Осипу (Юске) Барану ответ по этому делу пришлось давать. Рыбинцев требовал с него стоимость невода с лодкой и двумя котлами, отобранных Бараном у его «промышленника» малороссиянина Ивана Пятака. Баран пытался утверждать, что эта конфискация случилась в ответ на некое воровство самого Пятака, но свидетелей в свою пользу представить тогда так и не смог. А вот свидетели со стороны Рыбинцева, видимо, оказались вполне убедительны, так что у Барана выкрутиться из этого дела не получилось. В конечном итоге он обещал выплатить купцу 100 рублей, что того вполне удовлетворило. Но проблема была в том, что

таких денег у Барана с собой в Бахмуте не было. Поэтому он 18 октября оставил Рыбинцеву расписку в том, что в течении 6 недель ему эти деньги доставит, а если превысит срок – то платить будет уже вдвое больше. А так как купец Рыбинцев патологической доверчивостью не страдал, то Баран по *«неотступному слезному своему прошению»* смог уговорить вышеупомянутых двух запорожских делегатов подписаться гарантами под данной распиской. После чего все расстались довольные друг другом. Но Осип Баран, оказавшись снаружи ворот Бахмута, явно сильно обрадовался, что так удачно выкрутился из этой проблемы, и, выбросив из головы такую докуку, уехал по своим делам. Никому ничего платить он не собирался, как не собирался и возвращаться сюда еще раз… Прошли обещанные шесть недель, весточек от Барана так и не поступило. А купец Рыбинцев стал при каждом удобном (и неудобном тоже) случае требовать с поручителей удвоенную сумму по этой расписке: *«с немалою наглостию и роптанием по поданом же векселю примером жидовским таких-то денег вдвое, ежеденно стращая арестом, и доправляет на нас»*. Поэтому Водолазский и Домонтович вынуждены были послать собственное сообщение в Сечь. Они сильно просили кошевого, чтобы он *«того непот[ребного] лгуна Юска Бара[на]»* вызвал к себе и заставил выплатить обещанные деньги. А если тот будет *«поупрямится какими отговорками»* — то чтобы его самого доставили в Бахмут [12, сс. 181-182]. К сожалению, до счастливого конца эпопеи с Бараном было еще долго… Мы еще рассмотрим несколько позже окончание этого дела.

Как уже говорилось, основной проблемой, затягивавшей следствие, была невозможность собрать в Бахмуте в одно время всех необходимых людей. А вышестоящее начальство регулярно напоминало Резанову про необходимость поскорее закончить следствие и вернуться к выполнению своих военных обязанностей. 16 декабря наш полковник собрал вместе и донских, и запорожских депутатов и объявил им о получении им из Военной коллегии нового указа. Он заявил, что согласно этому указу обе стороны должны будут для скорейшего завершения следствия доставить в Бахмут к 20 января 1748 года всех истцов и ответчиков, а также всех ранее отпущенных следствием казаков. Для этого следствием были сформированы списки затребованных лиц. Содержание данного указа Резанов депутатам не показал и даже не зачитал, что дало основание запорожцам заподозрить, что он его сам придумал. Так ли это было или нет – мы уже не узнаем. Но сама задумка была неплохая и, в случае своей успешной реализации, на самом деле обещала существенно ускорить окончание следствия.

Так как до момента назначенного январского сбора в работе следствия ожидалось некоторое затишье, Резанов разрешил одному из донских депутатов — Колпакову — отлучиться из Бахмута домой на период с 15 декабря по 20 января. Чуть позже он (не поставив в известность запорожских депутатов) отпустил еще и Гаврилу Грекова, так что на конец декабря 1747 года в Бахмуте никого из донских депутатов не оставалось. Причем за время следствия это был уже второй раз, когда Резанов отпускал донцов *«для собственних их домовних нужд»*. Когда же к главе следствия с таким же запросом следом обратились запорожские депутаты, то Резанов, видимо хорошо зная их настроения, поставил условие, чтобы они поручились друг за друга о возвращении к предписанной дате: *«А по прошению н[а]шему з нас не одному не позволил на время от[ъ]ехат[ь] в доми с таким виговором, даби между нами един по другому на день термина [срока — LV] поруку [поручительство*

— LV] поставили <…>». Как ни странно, запорожские депутаты (видимо, тоже зная настроения друг друга) давать такие поручительства так и не рискнули, поэтому продолжили свое опостылевшее пребывание в Бахмуте.

Будучи в крайнем раздражении, депутаты написали 24 декабря новое письмо на имя кошевого Павла Семеновича Козелецкого. В первой его части, касающейся хода следствия, они сообщали кошевому о требовании Резанова устроить общий сбор затребованных казаков на 20 января и свои мысли по этому поводу (мы это уже разбирали). Они очень просили кошевого организовать направление из Сечи казаков согласно *«именному списку, которой от следствия посилается»*. По поводу же тех казаков, которые находились в Приазовье *«на приморских косах»* — о том ими было написано и к *«полковнику калмиюскому»*. Отдельно они упомянули и про необходимость присылки *«полковника Левка Тарана для свидетелства бывшей при нем згонки и по челомбитчецких на него резонах, котораго з другою старшиною неоднократно уже и требованни, к следствию в самокрайнейшей скорости изволите присилать»*.

Во второй же части письма, более личной, запорожские депутаты начали демонстрировать кошевому атаману недовольство своим сильно затянувшимся пребыванием при Бахмутской следственной комиссии. Это была, похоже, первая попытка «бунта» с их стороны. Так, они угрожали кошевому, что не станут более сидеть *«бездельно»* в Бахмуте в том случае, если Кош и в этот раз не пришлет запрошенных лиц и опять пренебрежет требованиями руководства следствия. И что, *«оставив мы такие продолжителние дела слушат[ь], самоупорно [самоуправно — LV] отсюдова принужденни [будем — LV] уходит[ь], ибо таково протяжение следственнаго дела одному судящему жит[ь] чрез частия от сторон прибившия датки есть угозно [т.е. слишком тяжело, затруднительно — LV]»* [12, сс. 187, 642]. После этого в их письме идет плавный переход на денежные затруднения в связи с длительным пребыванием при следствии: *«О нашей же стороне сами, ваше бл[а]городие, изволите разсуждат[ь], что и коликое число денег в расходи разние за целой год могуся [!] употреблени бит[ь]»*. И далее они переходят к прямой жалобе на действия и предвзятость главы следствия полковника Резанова: *«Предписанний же г[о]сп[о]д[и]н прейзус по-прежднему в неизменной своей хитроязичной совести состоит, на донскую же сторону немалую склонност[ь] являет, отчего можна примечат[ь], что то лакомства датки его к склонной любви [к донцам — LV] поневоляют (которих [подарков — LV] от нас получит[ь] ему никогда не возможно таких)».* Депутаты жаловались кошевому, что прикормленный донцами Резанов уже второй раз отпускает донских депутатов домой. А запорожских — не отпустил, потребовав от них ручательства друг за друга (чего не требовал от донцов). Чем на время ожидания запорожцами в Бахмуте возврата донских депутатов и возобновления следствия с 20 января *«також во иждивении денежной казны нам излишний принес ущерб»*. Обо всем этом депутаты просили кошевого атамана *«для изобличения прейзусова неравномернаго порядку между протчим в Следственную коммисию и где належит изволите представит[ь]»*. В завершение своего письма они просили кошевого информировать их о том, что Кош предпримет по поводу затронутых в данном письме вопросов [12, сс. 186-187]. К этому сообщению прилагался обширный реестр по задействованным на том этапе следствия запорожским казакам, который вели депутаты для собственного использования [12, сс. 188-196]. В нем они для сведения Коша сделали пометки по текущему статусу своих казаков. Абсолютное большинство из них следственная комиссия на тот момент уже отпустила (некоторых полностью, а большинство – до возобновления заседаний комиссии в январе). Некоторые запорожцы были оставлены в Бахмуте в

ожидании прибытия для очных ставок представителей с донской стороны. Еще несколько человек содержались под караулом, следствие по ним продолжалось. Автор книги постарался сделать сводную таблицу по перечисленным в данном реестре запорожцам с расписанием основной информации по ним (см. на следующей странице).

Сводная таблица с реестром по содержащимся в Бахмуте при следственной комиссии и уже отпущенным запорожцам, приложенном к письму запорожских депутатов в Кош от 24 декабря 1747 года [12, сс. 188-196]**.**

№	Имя	Курень*	По делу Каршина и Юдина	На Т.Туровеерова, (первое)	На Г. Горбузлая	На Е.Шалаева	На Т.Туровеерова, (второе)	На М.Федотова	На Т.Туровеерова, (третье)	Примечания
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**
1	Бакчевнин Федор			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
2	Бацман Влас		*							Истец по делу Каршина и Юдина. Ответчик по иску Лисицина и Черевого. Вместо него в Бахмут прибыл его брат Илья. На тот момент Илья **уже отпущен**. В марте и апреле 1748 г. его будут повторно запрашивать (с.208).
3	Безыменной Марко			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
4	Белой Остап			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
5	Белой Филипп	**Джерелovский**							*	Истец по третьему делу на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
6	Благута Леско	(Иркле-евский)		*						Истец на Туроверова и на Хрестьянова. Свидетель по жалобе купца Рыбинцева. Это именно в его шалаше у Еланчика хранилась отобранная у Рыбинцева соль. На тот момент **уже отпущен**.
7	Болбот Федор							*		Был в числе истцов на донского старшину М.Федотова. Был прислан с приморских кос. Перешел на сторону донцов. По нему стоит пометка *"**Отпущен к Войску Донскому**"*.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
8	Бормот (Бормат) Кондрат			*						Истец на Туроверова, Гарбузлая и на донского старшину Николая Самарина. По его просьбе Василь Коваль уже имел очную ставку с Самариным, но Бормот не успел прибыть до отъезда Самарина и **был оставлен в Бахмуте до возвращения Самарина**.
9	**Велигура Петр**	(Щербиновский)		*						Истец по делу Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
10	Водолага Иван	(Сергиевский)	*							Не путать с полным тезкой — запорожским депутатом Иваном Сидоровичем Водолазским (Водолагой), это разные люди! Истец по делу Каршина и Юдина, а также свидетель против донского казака Балгоры (?). На тот момент **уже отпущен**. В марте и апреле 1748 г. его будут повторно запрашивать (с.188, 208).
11	Вол Федор			*						Истец на Туроверова. По нему пометка: *"**Отпущен** <…> до прибития старшини Хрестянова с Калгою (???)".* По контексту здесь вряд ли имелся в виду разбойничий атаман Клим Калга, скорей всего здесь неправильно прочитанное имя.
12	Вязовецкий Степан				*					Истец на Гарбузлая. На тот момент **уже отпущ**ен.
13	Гирявой Яков (Конон??)						*			Истец по второму делу на Туроверова. Еще подлежал очной ставке с Туроверовым. Пометки об отпуске из Бахмута в реестре нет.
14	Головко Андрей			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
15	Горелкевич Трохим	(Выше-стеблеевский)	*	*						Истец по делу Каршина и Юдина, на Туроверова и Хрестьянова. Свидетель на Каланчинского. Ответчик по иску Подливайлы. **Был оставлен в крепости до возврата Подливайлы**, который уехал из Бахмута за свидетелями еще в конце августа 1747 года и к концу декабря все еще не вернулся.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
16	Гупало Федор	(Брюхо-вецкий)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.
17	Дарханов Сулин (Сила)			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
18	Деденко Семен		*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.
19	Дендебера Феско		*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.
20	Дон Василь			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
21	Дубина Роман			*						Истец на Туроверова. Прибыл за себя и за Гордея Рыбалку. На тот момент **уже отпущен**.
22	Замишляка Иван			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
23	Изюмец Федор	(Васю-ринский)	*	*						Истец по делам на Каршина и Юдина, а также на Туроверова и Хрестьянова. Ответчик по делу донского казака Калины Галушкина за отобранный невод (см.ниже). На тот момент **уже отпущен**.
24	Картавой (Кортавый) Яков	(Тимо-шевский)		*		*				Истец на Туроверова. Также был ошибочно включен в экстракт на Шалаева: *"Он по акстракту на Шалаева, но не просител. <…> Зде[сь] об оном прописка по актракту <…> Показал, что ему от него обиди не било"*. На тот момент **уже отпущен**.
25	Кислой Остап			*						Истец по делу Туроверова. Ответчик по иску Лисицина и Череваня. **Содержался под караулом** по их иску: *"и мало в нем вины, понеже находится [Семен? — LV] Ведмедь, которой на пути драл [т.е. грабил — LV]"*.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
26	Клюка Ярема			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
27	Ключник Никита (Ключенко Микита)	(Тимошевский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина, а также на Туроверова, Хрестьянова и Гарбузлая. Вместо него прибыл его отец, тоже Никита Клюка. На тот момент **отец уже отпущен**.
28	Коваль Василь			*						Истец на Туроверова. Также *"Он во свидетелство доказател на [донского — LV] старшину Самарина по прошению [казака — LV] Кондрата Бормота"*. Ранее он был оставлен в Бахмуте до прибытия Николая Самарина. Состоялась их очная ставка, но Самарин *"запирается к доказателю"*. Решения еще не было, Самарин был "до времени" отпущен. Чем завершится их дело — было еще не понятно. Пометок в реестре об отпуске/задержании Коваля в Бахмуте не имеется. P.S. Возможно, это тот же человек, что и Василь Губа, Ивановского куреня (с.457, 463).
29	Кривой Козма (Казма, Кузьма)				*	*				Истец на Гарбузлая и на Шалаева. На тот момент **уже отпущен**.
30	Крот Леско			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
31	Кузменко Никита	(Джереловский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.
32	Кунпан (Кумпан) Семен	(Кисляковский)			*					Истец на Гарбузлая. **Умер в Бахмуте**.
33	Литвин Максим			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
34	Литвин Яков	(Выше-стеблеев-ский)	*	*						Истец по делам Каршина и Юдина, Туроверова, Хрестьянова и Степана Ефремова. В одном разделе реестра написано, что он уже отпущен, в другом (вероятно ошибочно), что вместо него прибыл Федор Нос (тоже уже отпущенный).
35	Литвин Яцко (Осип? Яков?)			*						Истец на Туроверова. По всей видимости это не дубль Якова Литвина (как считают комментаторы АКНЗС), а совсем другой человек. Во 2-м разделе реестра оба они упомянуты параллельно. Вероятно, именно вместо него прибыл Федор Нос (в апрельском реестре отпущенных казаков фигурируют и Яков Литвин, и Федор Нос, а Яцка Литвина нет, с.200). На тот момент Яцко (или его представитель Нос?) **уже отпущен**.
36	Малой Яков			*						Истец на Туроверова. Вместо него прибыл его товарищ Василь Свита. На тот момент тот **уже отпущен**.
37	Манчапрас Грицко	(Васю-ринский)	*			*				Истец по делу Каршина и Юдина. Также был ошибочно записан в экстракт на Шалаева (*"там прописка, ибо он на него не просител. <…> Он показал, что ему обиди о[т]него не било"*). На тот момент **уже отпущен**.
38	Могила Грицко	(Пласту-новский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. Ответчик по донскому экстракту, полученному в Бахмуте 29 июня 1747 года (по жалобе донского казака Ивана Андреева об одной уведенной и одной убитой лошади). В начале лета 1747 года Могила уже был в Бахмуте в качестве истца, но после поступления нового донского экстракта он ушел в неизвестном направлении, следственная комиссия безуспешно пыталась вызвать его заново. На конец декабря 1747 г. он все еще отсутствовал, поэтому проситель на него Иван Андреев был *"отпущен в дом декабря 5 дня за неимением Могилы"*.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
39	Мушкет Гаврило							*		Истец на донского старшину М.Федотова. По нему рядом стоят две пометки: *"Отпущен"* и *"Оставлин до прибития Федотова"*, какая из них правильная — непонятно.
40	Наида (Найда) Артем				*					Истец на Степана Ефремова и на Горбузлая. На тот момент **уже отпущен**.
41	Нелин (Нелинь) Иван			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
42	Ногай (Нагай) Иван	(Платнеровский)		*				*		Истец на Туроверова, Хрестьянова и Федотова. Уже был ранее в Бахмуте, но потом без спроса ушел на морские косы. Осенью вновь был затребован в комиссию. 12 декабря 1747 года он был прислан *"с Калмиюсу"* в Бахмут, но Хрестьянова уже не застал. В одном разделе реестра по нему помечено "Отпущен", в другом — "Оставлен до прибытия Хрестьянова".
43	Орел Прокоп	(Тимошевский)	*	*						Истец по делам Каршина и Юдина, Туроверова и Хрестьянова. На тот момент **уже отпущен**.
44	Писменной Яско			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
45	Пономарь (Понамар, Поломарь) Яков	(Кореневский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
46	Пятак Иван	(малороссиянин?)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. Был свидетелем по тяжбе между бахмутским купцом Рыбинцевым и бывшим еланчицким полковником Осипом Бараном. На 1744 год еще был *"малороссиянином"*. На 1747 год, возможно, уже стал казаком (иначе не совсем понятно, почему его имя прописывалось запорожскими депутатами при бахмутской комиссии в их "казачьи" реестры). На тот момент Пятак **был оставлен в Бахмуте до прибытия полковника Осипа Барана**, видимо для очной ставки с ним.
47	Рак Дмитро	**Корсунский**							*	Истец по третьему делу на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
48	Рева Герасим			*						Истец по иску на Туроверова. Ответчик *"по новому донскому экстракту"*, был должен малороссиянину Игнату Зиме 3 руб. Вместо него в Бахмут прибыл его родной брат Степан Рева (см. ниже).
49	Рева Степан	(Иркле-евский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина, на Туроверова и Хрестьянова. Ответчик *"по новому донскому экстракту"* (вероятно, по иску Калины Галушкина), а также по доношению Лисицина (по поводу нападения шайки Калги). Родной брат Герасима Ревы, прибыл в Бахмут и за него, и за себя. 14 декабря 1746 года на следствии *"повинился"* заплатить за своего брата Герасима Реву малороссиянину Зиме 3 рубля, **оставлен в Бахмуте до прибытия Зимы**.
50	Рибалка Гордей	(Конеловский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. Вместо него прибыл товарищ Гордея Роман Дубина (на тот момент **уже отпущен**).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
51	Рудь Ярема	(Донской)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. Вместо него в Бахмут прибыл его товарищ Тимош Смирной. На тот момент Тимоша **уже отпустили**.
52	Рудя Карп	(Титаревский)			*					Истец на Гарбузлая. На тот момент **уже отпущен**.
53	Самарец Леско	(Щербиновский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.
54	Санжак (Санжок) Федор	(Полтавский)			*					Истец на Гарбузлая. На тот момент **уже отпущен**.
55	Смирной Андрей			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
56	Смирной Павло		*							Истец по делу Каршина и Юдина. Также *"Он доказател на козака донского Афанасия Заломного, точию свидителства не представил"*. На тот момент **уже отпущен**.
57	Смирной Тимош	**Полтавский**							*	Истец по третьему делу на Туроверова. Также он *"подал доношение на бахмутского купца Рибянцева"*. На тот момент **уже отпущен**.
58	Таран Иван				*					Истец на Гарбузлая. На тот момент **уже отпущен**.
59	Таран Федор	(Уманский)					*			Истец по второму делу на Туроверова. Еще подлежал очной ставке с Туроверовым. Пометки об отпуске из Бахмута в реестре нет.
60	Ус Кондрат	(Калниболоцкий)	*		*					Истец по делу Каршина и Юдина, а также на Гарбузлая. Ответчик по донскому экстракту, **оставлен в Бахмуте *«по прошению Подливалы, плута»***.
61	Ус Потап		*							Истец по делу Каршина и Юдина. На тот момент **уже отпущен**.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
62	Ухань (Ухай) Максим	(Иванив-ский)		*						Истец на Туроверова и Степана Ефремова. При разграничении новой границы по Кальмиусу в сентябре 1746 года донцы С. Ефремова поймали его охотящимся где-то на левобережье Кальмиуса (вероятно у левого притока Осиковатой) и реквизировали его имущество и добычу: *"И челомбитчик в забрании его имущества, бобров и протчего на казака Белоусого, а как зовут, того не знает, чрез что онаго и не сискано, понеже имени того не знает"*. Пометок про его отпуск или задержание в Бахмуте в реестре не проставлено.
63	Черевко Анисим (Ониско)			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
64	Черевко Иван	(Кисля-ковский)		*	*					Истец на Туроверова и на Гарбузлая. На тот момент **уже отпущен**.
65	Черной (Чер-ный) Кондрат	(Левуш-ковский)	*	*						Истец по делу Каршина и Юдина, на Туроверова. Ответчик по жалобе Калины Строева. "***Оставлен под караулом*** *по доношению Строева до присылки Самохвала и протчих запорожцов о воровстве*". В другом разделе: *"<…> до присылки Самохвала и протчих грабителей-запорожцов"*.
66	Черной Павло	**Пласту-новский**							*	Истец по третьему делу на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
67	Черной Харко			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.
68	Черноконь Ни-кифор	(Пласту-новский)	*							Истец по делу Каршина и Юдина, а также *"Он доказател козаку Станиславском"*. По последнему вопросу он объявил, что *"Он спаленного Станиславского не видал, но токмо слышал"*. Отметок об отпуске или задержании нет, вероятно уже был отпущен.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
69	Швидкой Тимош		*	*						Истец по делу Каршина и Юдина, на Туроверова, а *также "доказател о спаленом козаку Станиславском "* (при осенней сгонке 1743 года). На тот момент **уже отпущен**.
70	Шуплядь (Шупла) Алексей			*						Истец на Туроверова. На тот момент **уже отпущен**.

* Название куреня без скобок приводится в 4 случаях, где они прямо прописаны в последней части этого реестра. В скобках — попытки автора (возможно не всегда успешные) восстановить куренную принадлежность казаков по другим документам.

Этот реестр разбит на семь блоков, по числу основных дел по жалобам запорожцев против донской старшины. По каждому из них расписаны истцы (или свидетели) с запорожской стороны. Некоторые из них были свидетелями сразу по двум таким делам, тогда их имена прописаны в обоих делах. Одновременно эти же люди могли быть еще и истцами, ответчиками и свидетелями по множеству других дел, которые также кратко упоминаются рядом с их именами в этом документе. Всего, по вычислению запорожских депутатов (совпадающему с подсчетом автора книги) в данном реестре содержатся имена 70 просителей от войска Запорожского, включая двух человек, *«какие от Войска и отдалилися»* [12, с. 196]. Одним из них был бывший запорожец Нестор Болбот, присланный откуда-то *«с морских кос»*. Он добровольно перешел в войско Донское и, надо полагать, стал свидетельствовать уже в пользу донцов. По нему в реестре стоит комментарий: *«Он Запорожскому Войску измену вчинил и отшел к дяблу»*. На самом деле, будучи отпущенным от следствия, он ушел, конечно же, не к дьяволу, а на территорию войска Донского. Хотя, возможно, запорожские депутаты особой разницы в этом не видели.)) Кем был второй человек, *«отдалившийся»* от войска Запорожского – автору книги выяснить не удалось. Не исключено, что здесь имелся в виду Семен Кумпан, умерший прямо в Бахмуте[1].

К сожалению, куренная принадлежность казаков в реестре была прямо указана только в 4 случаях. В остальных случаях автор попытался самостоятельно определить ее по другим документам данной темы. Поэтому в некоторых случаях в этой таблице теоретически возможно «слипание» двух полных тезок в одного человека. Если такие моменты на самом деле обнаружатся – автор заранее приносит свои извинения.

Первый блок в реестре был посвящен *«делу Каршина и Юдина»* (донские старшины, руководившие сгоном запорожцев за Кальмиус осенью 1743 года). В нем содержатся имена 25 просителей. Многие из них (удалось надежно установить 17 человек) упоминаются в реестре к официальной запорожской жалобе о тех событиях, составленной в марте 1746 года (всего там по этому поводу было перечислено 45 казаков). Получается, что отстаивать свои права в Бахмут явилась только треть официально записанных пострадавших по этому делу. Остальные две третьих – видимо не стали рисковать или не захотели связываться с таким тягомотным и муторным делом.

Второй блок был озаглавлен *«По делу прошения казаков на Тимофея Туроверова знаки (?)»*. На всякий случай напомним, что он руководил сгоном запорожцев за Кальмиус в апреле 1746 года. Это было первое из дел на Туроверова и наиболее массовое. Здесь участвовавало аж 36 запорожцев.

Третий блок *«По делу [донского — LV] старшины Гаврилы Гарбузлая»* содержал имена 9 просителей.

В **четвертом блоке** *«По делу старшины Евдокима Шалаева»* было всего три имени. Напротив имени Козмы (Кузьмы) Кривого стоит пометка: *«Он, Шалаев, в забратии провианта винился и что на каманду оной роздан»*. А рядом с именами Грицка Манчепраса и Якова Картавого отмечено, что они в экстракте об обидах на Шалаева отмечены ошибочно и *«ему от него обиди не било»*. Но оба они все-равно явились в Бахмут, так как одновременно были просителями по другим делам на донцов. К тому моменту все трое уже были

[1] Возможно, что вторым «отдалившимся» от войска Запорожского могли считать не умершего Кумпана, а Андрея Захарова (писарь Еланчицкой паланки во 2-й половине 1743 года, свидетель первого донского «сгона»). К 1748 году он уже жил в столице донцов Черкасске. Но в данном реестре его имя не упоминается.

отпущены от следствия.

Пятый блок назывался *«По особливому доношению на Туроверова и с[таршину …]»* (имя второго старшины повреждено и не читается, возможно это был Хрестьянов). Это было второе дело на Туроверова. По нему Туроверов уже предварительно опрашивался: *«Он, Туроверов, признал в забратии их имущества и денгах, толко не толикому числу, как в [том до]ношении написанно»*. Чтобы попытаться устранить противоречие по количеству пропавшего следствие решило устроить очную ставку с Туроверовым обоим просителелям – Федору Тарану и Якову (Конону?) Гирявому. Видимо, ожидался скорый приезд этого донского старшины в Бахмут, поэтому Тарана и Гирявого в декабре 1747 года от следствия еще не отпустили.

По Якову Гирявому. В его имени, вероятно, допущена ошибка. В двух других документах по данной теме упоминается Конон Гирлявый (Гилявый), Уманского куреня, причем в одном из них он вместе с Федором Тараном увязывается именно с данным делом на Туроверова [12, сс. 200, 205].

Шестой блок был *«На старшину [Максима — LV] Федотова»*. Здесь содержалось три имени. Уже упоминавшийся Нестор Болбот, который перешел на сторону донцов и на которого запорожцы сильно обижались. На тот момент он уже был отпущен. По Гавриле Мушкету – в одной ячейке реестра написано, что он отпущен, а в соседней – что оставлен до прибытия Федотова. Вероятно, правильно второе. И, наконец, по Ивану Ногаю было записано, что он пока оставлен в Бахмуте по другому делу, *«до прибытия [донского старшины — LV] Хрестянова»*.

Седьмой блок был опять *«На старшину Туроверова»* (это было уже третье дело на него!). Здесь всего четыре имени просителей (на этот раз – с указанием куреней). Все они были уже отпущены из Бахмута.

Техническое наблюдение. Из имеющейся в реестре информации видно, что в некоторых случаях вместо запорожских просителей в Бахмут прибыли их представители. Это мог быть отец (вместо Никиты Ключника был его отец Никита Клюка), брат (вместо Власа Бацмана *«прибил брат его родной Иля»*, а вместо Герасима Ревы – брат его Степан Рева) или просто товарищ (вместо Якова Малого – Василь Свита, вместо Якова Литвина – Федор Нос). В некоторых случаях соглашались представлять чужие интересы казаки, которые и так ехали в бахмутскую комиссию по собственным вопросам (так, Роман Дубина на следствии представлял и за себя, и за Гордея Рыбалку, также и Тимош Смирной помимо своих вопросов свидетельствовал еще и за Ярему Рудя).

Кроме перечисленных «больших» дел в реестре иногда мелькают еще и краткие упоминания неких более частных дел и исков (с обеих сторон). Так, с запорожской стороны в качестве ответчика очень часто упоминается (обычно рядом с Туроверовым) донской старшина Хрестьянов (можно предположить, что он тоже участвовал в сгоне запорожцев в апреле 1746 года). Также упоминаются единичные жалобы запорожцев на донских старшин Степана Ефремова и Николая Самарина, на донских казаков Балгору, Афанасия Заломного и Белоусого (в последнем случае это, возможно, не фамилия, а описание особой приметы внешности), на некоего Каланчинского. На запорожца Грицка Могилу был подан иск от (донского казака?) Ивана Андреева, но он так тогда Могилу не дождался и 5 декабря его из Бахмута отпустили. Подробности по некоторым из вышеперечисленных дел и людей уже

встречались нам на страницах данной книги, и можно, хоть примерно, понять, о чем они могли быть. По другим искам – кроме самого факта их существования – автору книги никакой дополнительной информации найти пока не удалось, так что они остаются полной загадкой.

Было еще несколько дел, которые мы рассмотрим подробнее чуть ниже. Мы их выделили в информационные блоки. Если кому-то из уважаемых Читателей они не интересны – их можно спокойно пропустить.

В рамках дела о сгоне донцами Каршина и Юдина запорожцев с морского побережья между Миусом и Кальмиусом осенью 1743 года следствием также изучался вопрос *«о спаленом казаку Станиславском»*. Напомним, это был один из двух погибших запорожцев (второй был убит) во время того донского сгона. Свидетелем этого жуткого события был запорожец Тимош Швидкой. Также опрашивался еще один запорожец – Никифор Черноконь – но он пояснил, что сам этого не видел, а только слышал об этом от других. Удалось ли следствию найти виновников гибели Станиславского и были ли какие-то действия по поводу насильственной смерти второго казака — автору книги установить не удалось.

Жалоба белевского жителя Афанасия Лисицина и бахмутского закомплектного казака Черевого (Череваня) на запорожцев Власа (Уласа) Бацмана и Остапа Кислого *«за то, что их от нападения Калги не боронили, отчего им обида зделалас в степу, а онех Кислого с товарищи не граблено»*. Эти события относились к ограблению в марте 1746 года шайкой Клима Калги каравана из 15 возов малороссийских «городовиков» у Леонтьевых буераков. В более позднем «мнении» Леонтьева (1749) указывается, что это нападение произошло на Глухих буераках, а среди нападавших тогда были также Семен Медведь, Алексей Комар, Грицко Сладкий, Иван Таран [12, с. 1646] (хотя трое из них на первоначальных допросах в Черкасске пытались утверждали, что в том рейде не участвовали, а сидели в это время на коше на Крынке).

Неизвестно, были ли запорожцы Бацман и Кислый случайными попутчиками этого каравана или специально нанятой охраной, но при нападении разбойников они повели себя не самым лучшим образом. Из чувства «корпоративной этики» разбойники Калги не обидели своих собратьев-запорожцев, не тронули и их имущество. Зато вдоволь отыгрались на малороссиянах-городовиках. А Бацман и Кислый не только не попытались хоть как-то (хотя бы словесно!) защитить своих попутчиков, но и поделились с разбойниками ружьем и порохом. Что произвело на ограбленных настолько незабываемое впечатление, что двое из них – Лисицын и Черевань – не поленились спустя год с лишним подать жалобу в следственную комиссию. Причем не только на разбойников Калги [13, с. 1646], но и на своих попутчиков. Возможно, подозревая их в сговоре с нападавшими и в их наводке?

Когда следствие вызвало двух этих запорожцев в Бахмут, более хитрый Влас Бацман (видимо, не ожидая для себя там ничего хорошего) лично не

явился, а отправил вместо себя родного брата Илью. Того опросили и (из-за отсутствия претензий непосредственно к нему) отпустили еще в декабре 1747 года. Более ни один из братьев в Бахмут уже не являлся. А вот простодушный Остап Кислый прибыл в Бахмут лично и был здесь задержан под стражей. Напротив его имени в реестре, составленном запорожскими делегатами в конце декабря 1747 года, стоит не очень внятная запись: *«Оставлен и держится под караулом по доношению Лисицина и Череваня бахмутского, и мало в нем вини, понеже находится Ведмедь, которой на пути драл [?]»* [12, с. 192]. Возможно, она станет понятней, если учесть, что глагол «драть» тогда часто применялся к грабежу. И что в том походе Клима Калги участвовал и Семен Медведь (хотя он на тот момент вроде как находился при коше на Миусе). Что косвенно подтверждает нашу привязку событий.

По состоянию на начало марта 1748 года имеется сообщение, что Кислый подал в следственную комиссию «доношение», в котором смог заручиться поддержкой четверых бахмутчан в своей невиновности. Но на тот момент следствие по этому поводу еще не произошло [12, с. 204]. Последняя, найденная автором информация с упоминанием этого дела относится к 11 июня 1748 года, и Остап Кислый все еще ждал рассмотрения своего дела… Чем оно завершилось в итоге – установить не удалось [12, сс. 188, 192, 204, 208, 217].

По обвинениям донского казака Подливалы (Подливайлы) в сторону запорожцев.

В донском реестре от 31 декабря 1745 года содержалась такая информация об угнанных в июле 1744 года от речки Карагач лошадях из табуна войскового старшины Максима Бобрикова: *«<…> А три лутчие [лошади — LV] уведены к стоящему в то время на Еланчиках запорожскаго низового войска полковнику Ивану Андрееву Ступакову. Которых здешней тютеревской станицы [города Черкасска — LV] козак Петр Подливало на свои глаза видел, что оной полковник на сивом коне незнаемо в какой поход или на воровство ездил, а гнедова на стойле оставлял и поить ево в ночное время приказывал. А кобыла белая незнаемо кому отдана»* [13, с. 1562]. То есть летом 1744 года Подливала лично находился в районе Еланчицкой паланки и наблюдал там много чего интересного.

Напомним, что полковник Ступак к моменту следствия уже числился умершим, поэтому допросить его возможности уже не было. Но на следствии Подливала на очной ставке с запорожцем Трофимом Горелкевичем также показал, что (видимо, незадолго до эпизода со Ступаком) всех этих трех коней видели на Еланчике, привязанными у шалаша Горелкевича. Сам Горелкевич это, понятно, категорически отрицал. Вероятно, данный случай Подливала лично не наблюдал, а только слышал от своих знакомых: *«и на оние стороннимы сведытелствовался людми»*. Об этом следствие направило запросы в Стародуб и Путивль (видимо, по месту жительства этих свидетелей), однако ответа оттуда так и не получило. Тогда Подливала, уверенный в своей правоте, 22 (по другим данным – 29) августа 1747 года отпросился из Бахмута отправиться лично за свидетелями, пообещав вернуться до 15 октября. На время его отсутствия Горелкевич был задержан в Бахмуте. Также по донскому экстракту и по просьбе Подливалы на некоторое время был задержан в Бахмуте еще и Кондрат Ус (обстоятельства не ясны). Но, видимо, никто из Подливалиных свидетелей не горел желанием лично ознакомиться с прелестями многомесячного следствия, поэтому

у него ничего так и не вышло. По состоянию на конец декабря он не только еще не вернулся, но и не прислал в Бахмут ни одного известия о результатах своих поисков. И только 14 февраля следующего 1748 года он приехал в Бахмут вместе с донскими депутатами. Все это время Горелкевичу пришлось провести там в полной неизвестности и, как оказалось, напрасно… В конечном итоге вина Горелкевича так и не была доказана. Тогда он *«для очищения своего о неправости уличения»* подал встречный иск в следственую комиссию на Подливалу, но ответа на нее так и не получил.

Не лучше обстояли дела и с другими обвинениями Подливалы в сторону запорожцев. В письме запорожских депутатов в Кош от 9 апреля 1748 года констатировалось, что он *«вже в тройной брехне состоит»*:

1. *«За взятие денег от Ступака за халст [холст — LV]»* (обстоятельства не ясны);
2. *«о продаже их козака Калины Галушкина [??] и о другом убитом, чим вже Войско в коммесии мимошедшого ж года порицал»*.
3. В обвинении Горелкевича.

Немного остановимся на втором пункте. В его начале речь не идет о продаже запорожцами донского казака Галушкина куда-то в рабство (как можно бы подумать исходя из формулировки). У Калины и на момент следствия в Бахмуте всё было хорошо. Здесь имелся в виду хозяйственный спор. В 1745 году, при запорожском полковнике Постерняке Калина Галушкин пытался вести какую-то коммерцию или промысел на запорожских рыбных ловлях в районе Кривой косы. И Постерняк по каким-то причинам отобрал у него довольно много имущества (в том числе и нескольких бочек соли), возврата которого и требовал от следствия Галушкин.

А в конце второго пункта говорится об обвинении Галушкиным того же Постерняка еще и в убийстве некоего *«товариша»* (видимо, помощника по торговым делам, его имя установить не удалось). Причем узнал об этом случае Галушкин все от того же Подливалы (которого запорожские депутаты справедливо или нет, но считали записным лжецом). *«Да он же, Постернак, не по одной соли, но и по убыйству под караулом содержитца. Он же бо, Галушкин, на него донесе, якоби он его товариша на Кодацком перевозе ушиб, якое убийство и Подливайло ж передом Галушкина библиовал [выблевал — LV]. И от того [товарищ Галушкина — LV] захоревши [заболев — LV], в Лубенском полку, в Хорошках умре. Куда к св[я]щеннику и ч[е]л[о]в[е]ку, в котораго умре, для взятия сведителсьва вопросние пункта посиланни были»*. К тому времени ответ из Хорошек уже пришел в бахмутскую следственную комиссию, но их содержание запорожским депутатам объявлено не было. Тем не менее, они почему-то были очень оптимистично в своих предположениях о его содержании: *«<…> и чут ли он, Калина, в брехне не останется»* [12, сс. 188, 189, 192, 194, 204, 205]. Окончания обеих этих историй найти не удалось, но, вроде как, для Постерняка все завершилось довольно неплохо.

Дело по жалобам донского казака Калины Галушкина. В нем, насколько мы знаем, фигурировали два эпизода. Первый – отнятие еланчицким полковником Постерняком и его казаками имущества у Галушкина. Второй (вероятно, более поздний) — телесное повреждение (*«ушиб»*), нанесенное тем же Постерняком некоему «товаришу» Галушкина на Кодацком перевозе, от которого тот вскоре умер на территории Лубенского полка (мы этот случай уже рассматривали ранее). В обоих случаях одним из главных свидетелей (вероятно, были и другие?) со стороны Галушкина выступал донской казак Подливало.

Остановимся здесь более подробно на первом случае. Он относится к первой половине 1745 года (вероятно, апрель – июнь). Галушкин тогда находился на море в районе устья какого-то из Еланчиков (или Мокрого, или Грузского) и, с разрешения запорожцев, занимался здесь рыбным и торговым промыслом с двух лодок. Насколько мы можем судить (текст первоначальной жалобы найти не удалось), Галушкин жаловался, что тогдашний еланчицкий полковник Тимофей Постерняк без веских причин реквизировал у него судно с 400 пудов соли, небольшую лодку и невод (вероятно, в этом перечне перечислялось и еще какое-то более мелкое имущество).

Для рассмотрения дела Постерняка на следствие были вызваны запорожские казаки Федор Изюмец, Леско Благута, Алексей Серга и Алексей Золотарь (последних двух Кош так и не прислал). Также был подвергнут допросу по поводу остатков соли, хранившейся в шалаше Благуты, последний еланчицкий полковник Леонтий Таран (его показания мы рассматривали при описании апрельской *«сгонки»* 1746 года, повторяться не будем).

Федор Изюмец, в оправдание Постерняка, сообщил, что тот не забирал невод у Галушкина. И что якобы у Калины перед ним, Федором, был некий долг, в заклад за который тот и оставил запорожцу свой невод, *«которой у него потепер имеется»*. А упомянутую в иске маленькую лодку Изюмец в обеспечение долга от Калины не принимал. Та якобы была настолько *«негодной»*, что Калина ее просто бросил там, а Изюмец установил ее невдалеке от своего шалаша (зачем?). И что она пропала в апреле 1746 года при «сгонке» запорожцев. Тогда, напомним, была паника и некоторые запорожцы пытались уйти по морю. Возможно, кому-то на самом деле не повезло выйти в штормовое море на дырявой лодке…

По поводу же большой лодки, которую Галушкин гордо называл *«судном»*, Изюмец показал следующее. Якобы у одного из *«неводчиков»* Галушкина был долг в 12 рублей перед казаком Ирклеевского куреня Степаном Ревой. И именно за этот долг одного из своих наемных работников у Галушкина и было реквизировано его *«судно»* (сам владелец его оценивал в 30 рублей), причем прямо вместе с ее грузом в 400 пудов (6,4 тонны) соли на сумму примерно 100 рублей. Фамилия полковника Постерняка при этом не упомянута, но без его приказа эта странная реквизиция обойтись явно не могла.

Сам Степан Рева наличие такого долга на следствии подтвердил, только уже не помнил, на какую сумму. Поэтому следствие пыталось вызвать в Бахмут (кажется, безуспешно) еще и ревиного товарища Васыля Облотку, который лично давал тому неводчику деньги и должен был точно помнить переданную сумму. Кроме того, по словам Леска Благуты тот же незадачливый неводчик оказался должен еще и казакам Федору (??) Золотарю и Алексею Серьге, по-

чему они тоже забрали примерно по 20 пудов соли каждый. Остатки соли, постепенно уменьшаясь в количестве, хранились в бочках в шалаше Леска Благуты на Еланчике в период полковничества И.Постерняка, Л.Черного и Л.Тарана. При последнем, по его команде, 100 пудов соли было распродано местным казакам (вырученную за нее сумму в 25 рублей Леонтий Таран на следствии возвратит при свидетелях Галушкину). А оставшаяся соль (в количестве около 60 пудов) *«во оную сгонку донцами разметана и пропала»*.

Запорожские депутаты по этому поводу писали в Кош, что хорошо бы выяснить, кто из запорожцев и в каком количестве брал еще эту соль. Они хотели прикинуть хоть примерно, получится ли в сумме 400 пудов, предъявленных Галушкиным, *«<…> ибо отчасти является, что много еще до аресту тот Калина несколко десятков пуд с лотки (называемого судна) продал»*. А вероятность того, что исковые требования Галушкина по соли существенно превышают его реальные потери была, к сожалению, далеко не нулевой. Если бы это подозрение запорожским депутатам удалось подтвердить, то они надеялись, *«что все может ему, Постерняку, прийтит во очищение»*.

По второму обвинению — в смертельном травмировании Постерняком компаньона Галушкина на Кодацком перевозе – мы уже расписывали чуть выше [12, сс. 184-186, 188 , 190, 193, 204, 205, 208].

Дело *«по доношению Калины Строева, однодворцов с товарищи»*. Видимо, речь шла о разбое. По нему проходил запорожец Кондрат Черный, который в Бахмуте был задержан и содержался под караулом *«до присилки Самохвала и протчиих запорожцов о воровстве»* (в другом месте это записано так: *«до присылки Самохвала и протчиих грабителей-запорожцов»*). Видимо, Кондрат Черный запирался, и данное дело продвигалось туго, так как следствие по нему упорно требовало от Коша только одного известного ему фигуранта – запорожца Калниболоцкого куреня Самохвала (Самофала). Однако не могло назвать даже его имени, не то что других участников его предполагаемой шайки. Весь конец 1747 – начало 1748 года между следственной комиссией и Кошем шла вялотекущая переписка по поводу этого Самохвала – жив ли он еще или нет. Мы рассмотрим ее несколько ниже [12, сс. 182-184, 189, 200].

Некий малороссиянин Игнатий Зима подал жалобу на запорожца Герасима Реву. Вместо Герасима в Бахмут пришел его брат, Степан Рева (который одновременно был челобитчиком и по своим обидам на донцов). Степан был опрошен по жалобе Зимы, и в результате его показаний следственная комиссия 27 ноября 1747 года затребовала от Коша присылки по этому делу следующих запорожцев: казака Павла Дикого, бывшего в 1743 году атаманом рыболовов *«на Сазалницкой Косе, лежащей при усть речки Еи»* (на самом деле эта коса расположена в 15 км на NO от устья Ейского лимана), да есаула Ерему (Корсуньского куреня) и писаря Андрея (курень не указан), бывших *«в том же 743-м году на речке Еланчику при запорожском полковнике Павле Тарану»* [12, с. 180]. По всей видимости, какая-то конфликтная ситуация у рыболовов на Сазальницкой косе произошла во 2-м полугодии 1743 года, и запорожец Герасим Рева (возможно, по прямому приказу рыбацкого атамана Павла Дикого) что-то отобрал (какую-то рыбацкую снасть?) у малороссиянина Зимы. Каким образом оказались причастны к этим событиям тогдашние есаул и писарь Еланчицкой

паланки, размещавшейся на противоположном берегу Таганрогского залива) – не ясно.

На допросе в следственной комиссии Степан Рева 14 декабря 1747 года *«повинился»* выплатить за своего брата малороссиянину Зиме 3 рубля. На конец декабря он все еще не был отпущен из Бахмута, дожидаясь прибытия Зимы [12, сс. 188,191].

Также в этом реестре содержится самое первое (из известных на сей момент) упоминаний казака Щербиновского куреня **Петра Велегуры**, причем применительно к событиям апреля 1746 года. Видимо, он был одним из тех запорожцев, кого донцы тогда согнали с морского побережья за Кальмиус. В качестве истца он был опрошен в следственной комиссии в Бахмуте примерно в конце осени – начале зимы 1747 года. На конец декабря он уже числился отпущенным из Бахмута.

В дальнейшем вся его жизнь окажется тесно связана с нашим краем. Он не раз будет упоминаться в документах о местных событиях 1740-х – 1760-х годов. Поднимется как крепкий хозяин. Станет последним кальмиусским полковником. Будет арестован при ликвидации Запорожья. Спустя какое-то время будет будет отпущен с присвоением армейского офицерского чина. Но служить не пойдет и останется доживать свой век в любимом хуторе на левобережье нижнего Кальмиуса. Последнее его упоминание известно в 1791 году, он был одним из подписантов под петицией о судьбе Марии-Магдалининской церкви в Мариуполе. Подробнее его биография расписана в предыдущей книге автора — «История казацкой Свято-Николаевской церкви в Кальмиусе». Его прямые потомки перебрались на Кубань, где род Велегур еще долго процветал.

На этом мы с письмом от Ивана Водолазского «с товариши» в Кош от 24 декабря 1747 года и приложенным к нему реестру, наконец, закончим.

Как уже говорилось, в Бахмутской следственной комиссии 27 ноября 1747 года написали для Коша четыре промемории с требованием срочно прислать к следствию очередных казаков. Еще одна была составлена 10 декабря. И, ближе к середине или концу декабря (точную дату установить не удалось), составили еще одну промеморию с перечнем из имен 31 запорожцев и требованием прислать их в Бахмут к 20 января *«ко окончанию при Следственной камиссии дел»* [12, сс. 195-196]. Но поступление всех этих запросов в Сечь почему-то сильно затянулось. По всей видимости, запорожские депутаты, ведавшие пересылкой корреспонденции между Кошем и Бахмутом, по каким-то причинам задержали их доставку и отправили их потом одним большим пакетом вместе со своим письмом от 24 декабря. Потому как на всех перечисленных промемориях (кроме несохранившейся последней) стоит одинаковая дата поступления в Кош — 5 января следующего 1748 года.

На письме от 24 декабря входящая дата не проставлена, но оно подшито внутри данного блока документов. Да и разница в 12 дней между 24 декабря и 5 января как раз примерно соответствует продолжительности пути между Бахмутом и Сечью по зимней степи.

К этому времени на Сечи снова произошли большие перемены. К прежнему кошевому Павлу Семеновичу Козелецкому у запорожской старшины и сиромы накопилось уже много претензий (вероятно, в том числе и за затянувшиеся мытарства большого количества казаков в Бахмутской следственной комиссиии и за неспособность его быстро решить это дело). Так что на очередной Раде 1 января 1748 года новым кошевым был избран Марк Кондратович Кажан (он же – Марк Кондратов). Это был человек умный и твердый. И он уже неплохо знал приазовские дела, так как участвовал в следствии в крепости св. Анны весной 1745 г. Вероятно, запорожцы решили, что это именно тот человек, который сможет более успешно решать проблемы по Приазовью (в придачу к прочим его достоинствам). А вот войсковым писарем и в новом году по-прежнему остался еще один знаток приазовских дел – Алексей Петруша (он покинет этот пост только 24 июня 1748 года). Поэтому реально подход к взаимодействию с Бахмутской следственной комиссией на ближайшие полгода существенно не поменялся.

Пока в Сечи шли празднования да пока новый кошевой атаман разбирался со своими новыми обязанностями, остальные дела на время отставили. 10 января 1748 года была робкая попытка начать смотреть полученные бумаги, но она ограничилась лишь написанием короткого приказа кальмиусскому полковнику по одной из промеморий, после чего их опять отложили. И только 14 января в Коше приступили к массовому составлению ответов по всем полученным 5 января промемориям из Бахмута.

На первую, которая была повтором промемории от 30 июля 1747 года (на которую Кош тогда никого не прислал и так и не ответил), в этот раз в Бахмут был дан следующий ответ. Что по запрошенным казакам Василию Бакше (курень не указан), Власу Бацману и Павлу Белицкому из Полтавского куреня, Кондрату Подсумке (Ирклеевского куреня) – были опрошены куренные атаманы соответствующих куреней. Те *«показали, что в их куренях некогда не бивали и н[ы]не не имеется»*. Поэтому, делался вывод в письме: *«и за те[м] оних сискат и в Следствен[ную] коммессию вислат не по че[му]»*. А по поводу *«бывшего ж в 746-м году на Миюсе атаманом Крыловского куреня Степан[а] Красея»* (брат пропавшего Ивана Красея, истец против Туроверова), сообщалось, что он *«н[ы]не находитца у Калмиюсе».* И что о высылке последнего в Бахмут от Войска отправлен приказ *«к полковнику калмиюскому Григорию Якимову»* [12, сс. 177-178]. Этот ответ был не совсем корректен. Имя Власа Бацмана Полтавского куреня числилось в запорожском реестре пострадавших при сгонке 1743 года. И еще некий Влас Бацман (без указания куреня) на тот момент числился в числе отпущенных из Бахмутской следственной комиссии, в несколько более поздних документах он будет упоминаться как приписанный к Ирклеевскому куреню [12, сс. 188, 208]. Не совсем понятно, идет ли здесь речь об одном и том же человеке (с ошибочно записанном куренем), или это два полных тезки из разных куреней? Но, в любом случае, с этими головоломками должен был разбираться сам Кош. Тем более, что вышеупомянутый реестр с упоминанием такого персонажа был составлен во время исполнения должности войскового писаря войска Запорожского нашим добрым знакомым Алексеем Петрушей. Но нет, в Коше ограничились просто формальной отпиской…

Аналогичный ответ об опрошенных куренных атаманах и об отсутствии в их куренях таких казаков давался и на вторую промеморию из Бахмута. Она касалась казаков Титаревского куреня Григория Белокура, Никиты Рудого и какого-то Федора, Пластуновского куреня Фому Покотила, *«коих и сискиват[ь]не по чему»* [12, сс. 179-180]. По поводу Федора – возможно здесь был немного неправильно понят первоначальный текст, и тогда он может быть Федором Украинцем из Пластуновского куреня, пострадавшим при сгонке 1743 года.

В третьей промемории следственной комиссией запрашивались запорожцы, показанные Степаном Ревой по делу малороссиянина Зимы – рыбацкий атаман Павло Дикой, и бывшие еланчицкие есаул Ерема (Корсуньского куреня) и писарь Андрей. На это Кош отвечал, что казака Павла Дикого с неуказанным куренем *«в Сечи не имеется»*, есаул Ярема *«смертно болен и чут ли будет жив»*, а бывший писарь Андрей теперь живет в городе Черкасске в войске Донском. И поэтому Кош ни Дикого, ни Андрея прислать не может. А есаула Ярему, *«буди он от болезни своей освободится»*, то сразу же пришлют в Бахмут [12, сс. 180-181].

В четвертой промемории от 27 ноября вызывались казаки по жалобе донского казака Калины Галушкина на полковника Тимофея Постерняка – Федор Изюмец (Васюринского куреня), Леско Благута (Ирклеевского куреня), Алексей Серьга и Алексей Золотарь Щербиновского куреня. Интересно, что в декабрьском реестре запорожских депутатов два первых казака числились уже отпущенными от комиссии. Видимо (с учетом времени, необходимую на обмен корреспонденцией), они потребовались тогда повторно. 10 января из Коша ушел приказ новому кальмиусскому полковнику Григорию Акимову (Якимову) по поводу двух казаков: Федора Изюмца (по разбираемой промемории) и Степана Красея из Крыловского куреня (по первой промемории). *«А понеже оние живут при Калмиюсе»*, то полковнику *«строго и наикрепчайше»* приказывалось их обоих тотчас отыскать и под конвоем доставить в Бахмут. Интересно, что в первоначальном варианте этого приказа было прописано, чтобы эти казаки явились *«у г[о]сп[о]д[и]на полковника Резанову»*, что затем было исправлено на другой вариант: *«у отправлениих от Войска депутатов Ивана Водолаги з товарищи».* Об исполнении этого приказа, с указанием даты отправки казаков в Бахмут и имен сопровождающих, полковник был обязан рапортовать в Кош. 14 января 1748 года в составленном в Коше ответе по данной промемории сообщалось, что Федор Изюмец *«живет у Калмиюсе»* и что соответствующий приказ к местному полковнику уже отправлен. По поводу же остальных трех казаков (включая Леска Благуту!!!) сообщено, что их разыскать не удалось, и что атаманы Ирклеевского и Щербиновского куреней сообщили, что *«они в их куренях некогда не бивали и н[ы]не не имеется»* [12, сс. 184-186].

Следующая промемория из Бахмута датировалась 10 декабря 1747 года. Она была составлена в продолжение старой темы. Ориентировочно в начале осени следственная комиссия уже требовала от Коша присылки по жалобе донского казака Калины Строева запорожца Самохвала (Самофала) Калниболоцкого куреня. 29 октября в Бахмуте был получен ответ из Коша о том, что данный казак уже умер *«и погребен при косах Миюжских, чему де уже есть четверты гот [!]»* (т.е. в 1743 году). Но по сведениям следственной комиссии, *«оных казаков, прозванием Самофалов, имелось два брата, ис которых один и умре, а другой и пон[ы]не имеетца зимовником своим на речке Соленой [правый приток Волчьей — LV]»*. И комиссия настоятельно требовала прислать в Бахмут второго из братьев. На что Кош 14 января меланхолично еще раз ответил, что был повторно опрошен атаман Калниболоцкого куреня, который подтвердил информацию про смерть Самохвала *«при косах морских»*, почему требование комиссии по нему выполнить невозможно. И что сведения о

наличии у него второго брата, живущего на речке Солоной зимовником – *«то показано ложно»*.

Интересно, что в черновике последнего ответа Коша по поводу Самохвала первоначально стояло *«на речки Саксагани зимовником»*, где название речки потом было исправлено на Солоную. Так что не исключено, что второй брат таки существовал, просто его зимовник располагался не на указанной следствием речке? Тогда, с формальной точки зрения, ответ Коша был тоже правильным. Впрочем, следствие этой инфомации все-равно не поверит и будет продолжать свои попытки вызвать Самохвала.

И, наконец, по последней промемории, где от Коша требовалось уже к 20 января прислать в Бахмут казаков согласно списку, только 18 января в Коше составили соответствующий приказ кальмиусскому полковнику и ответ в Бахмут по этому запросу. Таким образом, попытка полковника Резанова собрать к 20 января одновременно всех необходимых свидетелей и ответчиков в Бахмуте, чтобы, наконец, закончить это затянувшееся следствие, с треском провалилась. Сразу скажем, что похожие проблемы со сбором казаков были, похоже и у донцов, они тоже смогут собраться значительно позже назначенной Резановым даты.

В приказе Коша кальмиусскому полковнику Григорию Якимову сообщалось, что в полученной из Бахмута промемории с приложенным именным списком *«по силе ея и[мператорского] в[еличеств]а Государственной военной коллегии указа ко окончанию при Следственной камиссии дел»* затребована присылка 31 человека. *«А понеже оние находятся при Калмусе»*, то полковнику приказывалось немедленно их найти, *«где б у команде вашей находились»* и *«не принимая от них никаких никаких отговорок да и невозможностей»*, при надлежащем конвое срочно направить в Бахмут, к запорожским депутатам. О том, кого именно из казаков и каких куреней он отправит – он должен был сразу же (*«того часа»*) обстоятельно рапортовать в Кош, *«опасаяс за неисполнение и за нескорую висилку пред Войском тяжкого ответа и истязания»*. Видимо, Марку Кондратовичу уже тоже очень сильно надоела эта затянувшаяся история, до того по таким поводам кальмиусским полковникам истязанием перед войском Запорожским еще не угрожали… И завершался этот приказ грозным: *«И повторе зело строго и всенайкрепчайше приказуем»* [12, с. 196]. В тот же день в Коше был составлен и ответ по этому вопросу в Бахмут. В нем сообщалось, что *«показанние в сообщенном при той промемории списку козаки при Калмусе находятся»*, а также об отправке кальмиуссмкому полковнику строгого приказа об их доставке *«в самой кра[й]нейшой скорости»* в Бахмут [12, с. 197].

У автора книги нет полной уверенности, что в рассмотренных в последнем абзаце приказе и ответной промемории речь действительно идет об одной и той же исходной промемории из Бахмута. В приказе говорится, что он составлен на основании промемории, полученной в Сечь 10 января, а во втором документе – что по полученной 5 января (как и основной пакет документов). Но судя по тому, что в архиве Коша черновики данных документов следуют друг за другом (т.е. сгруппированы по темам, аналогично, как обычно наблюдается и в других случаях по данному пакету), а также по общему их контексту и упоминанию в обоих документах неких «списков» затребованных казаков – скорей всего речь здесь действительно идет об одном и том же. Проверить это, к сожалению, уже вряд ли возможно.

По событиям января-февраля 1748 года, связанным со следствием, автор может сказать мало, так как в данном деле из архива Коша по этому периоду больше документов не сохранилось. Известно лишь, что донские депутаты с некоторыми из затребованных с их стороны казаками прибыли в Бахмут не 20 января (как изначально требовал Резанов), а только 14 февраля [12, с. 204]. Видимо, и у них с организационными вопросами было не все гладко. Тем не менее, в конечном итоге собралась бóльшая часть затребованного народа с обеих сторон. С донской стороны удалось найти упоминание присутствия Туроверова, Гарбузлая *«и других старшин»*, на которых были запорожские жалобы, казака Подливалы, Ивана Андреева и некоторых других. С запорожской стороны к запорожским депутатам (так и просидевшим всю зиму в Бахмуте) прибыло около 50 казаков и старшин. Абсолютное большинство из них были теми же, которые были отпущены от следствия в декабре 1747 года, новых лиц было не много.

С этого времени следствие вновь закипело. Опять пошли допросы, сличения показаний, очные ставки. После прохождения основного цикла, в некоторых случаях были произведены повторные очные ставки по дополнительным вопросам. Эта работа будет в основном закончена до конца марта 1748 года.

7 марта из следственной комиссии будет отправлена в Кош промемория с вызовом целого ряда казаков. Этот список интересен нам многими содержащимися в нем подробностями, поэтому приведем с частичным цитированием. Итак, комиссия тогда потребовала присылки*: «<…>* ***бывшаго в 746-м году на Калмиюсе полковника Андрея*** *[Черного - LV];* ***есаула, которой в том же году имелся на р[ечке Еланч]ику при полковнике Леонтею Тарану, Титаревского [ку]реня имене[м] Алексея*** *[тоже Черного — LV]; да* ***атамана, бывшаго на Кривой Косе при бытности полковника Тарана, Мышаставского куреня Юска Череватого****; писаря Бирюка; атамана, бывшаго в 746-м году на Миюсе, Степана Красею»*. Также требовались двое запорожцев-челобитчиков, которые были отпущены от следствия в декабре 1747 года и больше не вернулись, это были Леско Самарец и Иван Водолага (не путать последнего с тезкой-депутатом!). Вызывались и казаки, еще *«подлежащие»* следствию: «<…> *Василя Бакшу – Полтавского куреня; Власа Бацмана, Павла Белицкого – Ирклеевского куреня; Кондрата Пасумка [Подсумка? — LV] да* ***бывшаго в прошлом 743-м году на речке Еланчику при полковнике Павлу Тарану есаула Корсунского куреня Яремy****; казаков Павла Дикаго – Щербиновского куреня – Алексея Сергу да Алексея ж Золоторя [Золотаря — LV]; Калниболоцкого куреня – прозванием Самофала [Самохвал — LV]; Титаревского куреня – Григорея Белокура, Никиту Рудого, того ж куреня, именем Федора; Пластуновского куреня – Фому Покотила»*. С этой промеморией отправили *«нарочных запорожских казаков»* (из кодацких жителей?) Емельяна Шастуна и Петра Черного. Эти двое товарищей свое поручение не выполнили и, по всей видимости, укатили куда-то по своим делам. Обратно в Бахмут ни они, ни ответ на эту промеморию тогда так и не поступит [12, сс. 207-208].

9 марта 1748 года из Бахмута в Кош было отправлено новое письмо от запорожских депутатов, в которых они опять жаловались на свою тяжелую долю и требовали себе замену. Само оно не сохранилось, известна лишь несколько более поздняя ссылка на него [12, с. 209] и ответ Коша от 28 марта [12, сс. 197-198]. В нем кошевой обещал написать *«куда надлежит»* об учиненной запорожским депутатам обиде от полковника Резанова, чтобы тому запретили так поступать. А также мягко успокаивал упавших духом представителей войска. Он в деликатных выражениях указывал им, что удовлетворить их просьбу о замене на других людей нельзя, *«ибо вы все дело комисиялное знаете и ко окончанию привести*

с презусом можете упователно есть. А ежели другие на перемену висланни будут, то немалое затруднение воспоследует. И того для [т.е. «И потому» — LV] вас, наших приятелей, просим – пожалуйте до окончания оной коммисии тамо пребудте». Также кошевой сообщал о посылке депутатам еще 20 рублей и поздравлял со святою Четыредесятницею (это первые 40 дней Великого поста, в 1748 году они попадали на 15 февраля – 25 марта по юлианскому календарю). По какой-то причине это послание от кошевого, по всей видимости, так и не попало к запорожским депутатам в Бахмут [12, сс. 209-210]

Интересно, что на письмо запорожских депутатов от 24 декабря в архиве Коша черновика ответа нет. Возможно, он просто не сохранился. А, может, новому кошевому Марку Кондратовичу не очень понравились озвученные там угрозы от депутатов (написанные еще в адрес прежнего кошевого атамана) и он решил его в тот раз просто проигнорировать? Во всяком случае, никаких признаков существования этого ответа по имеющимся документам пока не прослеживается. И сами запорожские депутаты в Бахмуте в своих последующих попытках вновь «бунтовать» против отсутствия для них замены — на данное свое письмо ссылаться почему-то больше никогда не будут. Возможно потому, что письмо от 24 декабря 1747 года было написано еще на имя прежнего кошевого Козелецкого (хоть и не успело к нему попасть), а они подсчитывали только свои письма непосредственно к Марку Кажану?

А при сравнении жалобы депутатов от 24 декабря и текста ответа кошевого от 28 марта складывается ощущение, что речь идет практически об одном и том же тексте. У автора книги была даже версия, что составленное 24 декабря 1747 года запорожскими депутатами письмо было по какой-то причине придержано и отправлено в Кош только 9 марта 1748 года. Но, судя по ряду косвенных признаков, это скорей всего не так. Значительная часть информации в декабрьском письме уже устарела и не представляла особого интереса в марте. Видимо, это все-таки были два разных документа.

По поздравлению *«со св[я]тою Четиридесятницею»* в письме кошевого атамана. В 1748 году Пасха приходилась на 3 апреля (по юлианскому календарю). Тогда Святая (или Великая) Четыредесятница – первые 40 дней Великого поста — приходилась на 15 февраля – 25 марта. Возможно, здесь публикаторами неправильно прочитана дата письма, так как в понедельник 28 марта уместнее уже было бы поздравлять адресатов с прошедшим праздником Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье, 27 марта) или с началом Страстной недели перед Пасхой. Если же дата прочтена правильно, тогда нужно предположить, что основной текст письма был написан скорей всего в пятницу 25 марта (окончание Четыредесятницы), а окончательное визирование и простановка исходящей даты по каким-то причинам затянулись аж до понедельника.

22 марта в Бахмут из Военной коллегии был доставлен какой-то указ для следствия. Он был зачитан для сведения депутатов от обеих сторон. Но чтец настолько сильно торопился, что запорожские депутаты из всего зачитанного смогли разобрать лишь очередное указание от Военной коллегии Резанову *«с правим разсуждением по существу веленно ему дело вершит[ь] и привести к скорейшему окончанию»*, а также часть какой-то фразы: *«ежели б де запорожская сторона не сут[ь] обиженна»*. По данной фразе запорожские депутаты остались в полном недоумении, к чему она в указе применялась, и произвольно

дополнили ее своим пояснением: *«мнится, почему смели они [запорожцы? — LV] високой Сенат утруждати»* [12, с. 205]. Но насколько удачной получилась такая их расшифровка – осталось неизвестным.

31 марта от следственной комиссии обеим сторонам были оглашены сокращенные своды по ответам на дополнительные вопросы: *«пополнителние против преждних обоих сторон ответов сокращени[е] об[ъ]явления»*. Но полного консенсуса по-прежнему не вышло. Произошла не очень красивая сцена. Представители обеих сторон продолжали стоять на своей правоте, в чем были готовы присягать, при этом пытаясь не дать присягнуть противоположной стороне: *«на которих одна другой стороне, не допущая к присяги, но обе сторони утверждают себе и желают присягти»*. Тем не менее, значительная часть следственных дел была подведена к какому-то логичному концу, по ним были составлены новые экстракты. Завершенные на начало апреля дела уже готовились *«перепуская надвое»* (копируя в 2-х экземплярах?) к отправке к киевскому генерал-губернатору Леонтьеву и в Военную коллегию [12, с. 203]. Насколько удалось понять автору книги, эти дела направлялись в зависимости от подведомственности обвиняемых в них: дела на донцов отправлялись в Военную коллегию, а на запорожцев – Леонтьеву.

4 апреля 1748 года бахмутская следственная комиссия составила промеморию в Кош об отпуске из Бахмута 45 запорожских *«просителей <…>, кои прошени[я] свои имели Войска Донскаго на разных старшин»*. Предполагалось, что после получения из Военной коллегии решения по расследованным по их прошениям делам, они вновь будут собраны в Бахмуте. К этой промемории прилагался *«именной список»* с перечислением отпущенных запорожцев [12, сс. 199-200]. В него вновь вошли 40 казаков, фигурировавших еще в запорожском реестре от 24 декабря 1747 года, а также Федор Нос, вновь явившийся вместо Якова Литвина. Из относительно новых имен упоминаются Остап Дядко (Дюдка?), Василий Свита, Юско Цапенко и Федор Шестак (Шостак). На следующий день, 5 апреля, все они действительно будут отпущены [12, с. 204]. Надо полагать, что тогда же была отпущена и часть донских казаков. Некоторые же запорожцы и донцы, которые еще нужны были следствию (в качестве просителей или ответчиков), были еще оставлены в Бахмуте.

В данном *«именном списке»* будет опять упомянуто имя **Петра Велегуры** [12, с. 200]. То есть он был в числе повторно явившихся на этот этап следствия просителей с запорожской стороны и теперь тоже был отпущен из Бахмута.

Работа следствия продолжалась. 8 апреля в следственной комиссии будет составлена новая промемория в Сечь. В ней Резанов по жалобе донского калмыка Берды (Нижнего улуса) об угоне у него в 1736 (!) году 137 лошадей вызывал в Бахмут троих запорожцев. В этот раз он затребовал присылки в Бахмут бывшего в 1738 году на Самаре полковника Ивана Шуствала, и находившихся на тот момент в Сечи куренного атамана Полтавского куреня Левка Куксу и казака того же куреня Никиту Слепого [12, с. 201]. Сразу скажем, что это было крайне мутное дело, к тому же сильно выходившее за пределы того круга тем, которые должен был расследовать Резанов. Зачем он его вообще принял к рассмотрению – непонятно, в данном случае на самом деле могли быть какие-то личные корыстные интересы с его стороны. Более подробно это дело мы рассмотрим несколько позднее.

9 апреля Резанов в новой промемории сообщал в Кош о том, чем завершилась жалоба бахмутского купца Мирона Рыбинцева на действия полковника Осипа Барана. Баран признал, что *«в прошлом 744-м году, в бытность ево на Еланчике, где он поланку свою имел»*, этот случай действительно имел место и дал свои пояснения по этому поводу. В

конечном итоге Баран заплатил купцу обещанные по выданному им еще осенью векселю 100 рублей (в двойном размере купец с него брать все-таки не стал), и они с Рыбинцевым окончательно примирились. Рыбинцев расписался в комиссии о приеме денег и об отсутствии дальнейших претензий. Это дело было закрыто и Осип Баран официально отпущен из Бахмута [12, сс. 212-213].

Вот как восстанавливается произошедшие в 1744 году события на основе свежих показаний Барана. Бахмутский купец Рыбинцев отправил своего земляка — наемного «промышленника» Василия Черныша из Бахмута на Азовское море, выдав ему необходимое для рыбного промысла различное имущество. Черныш в районе Кривой косы нанял одного из тамошних малороссиян Ивана Пятака. А сам, оставив Пятаку хозяйские невод и два небольших медных котла, куда-то отбыл. Некоторое время спустя из землянки Ивана пропало седло запорожца Сергиевского куреня Терентия (что он сам в этой землянке делал – история умалчивает). Терентий заподозрил в краже Ивана и пожаловался на него еланчицкому полковнику Барану. Тот не стал долго разбираться, а сразу конфисковал у Ивана Пятака все самое ценное, что нашел в его землянке — вышеупомянутые невод и оба котла (что сильно превышало стоимость украденного седла). Один из этих котлов полковник сразу же отдал пострадавшему запорожцу в качестве возмещения, другой – своему паланковому писарю Андрею (вероятно, просто чтобы сделать тому приятное). А самую дорогую снасть, невод, Баран якобы отдал племяннику Черныша по имени Емельян, который где-то поблизости тоже ловил рыбу. А Емельян после продал этот невод запорожцу Барабашу (и, надо полагать, своему дяде ничего не сказал).

По состоянию на начало апреля 1748 года писарь Андрей находился с запорожской делегацией в Санкт-Петербурге для ежегодного получения жалованья на войско Запорожское. А где на тот момент находился непутевый племянник Черныша Емельян – ни Баран, ни сами бахмутчане, похоже, не знали. Но в рассмотренной промемории Резанова в Кош была еще такая приписка, что если Осип Баран сможет разыскать этого Емельяна, то может потребовать с него возврата или невода, или денег за него [12, сс. 212-213].

К сожалению, среди доступных автору книги документов так и не нашлось следов показаний самого Ивана Пятака, который в запорожском реестре по состоянию на 24 декабря 1747 года числился оставленным в Бахмуте до прибытия Осипа Барана [12, с. 190]. Было бы очень интересно сравнить их показания…

Несмотря на то, что значительная часть дел комиссией уже была закончена и большая часть казаков уже отпущена, по оставшимся следственным делам скорого их окончания пока не просматривалось (в том числе из-за проволочек с доставкой затребованных казаков). К тому же еще требовалось дождаться резолюций от высокого начальства по уже отправленным законченным делам (по которым «сверху» вполне могли прийти требования по их пересмотру и дорасследованию). Так что настроение у запорожских депутатов продолжало оставаться подавленным. Но, тем не менее, они продолжали выполнять свои тяжелые обязанности. Надо полагать, ненамного лучшие настроения царили и у донских депутатов, и у самой следственной комиссии – им замены тоже никто не присылал. Из-за этого общий климат на следствии уже был довольно тяжелый, легко возникали словесные конфликты даже по пустякам.

9 апреля 1748 года запорожские депутаты составили для Коша обширный рапорт со свежей информацией по ходу расследования (значительную часть информации из него мы уже использовали в своем рассказе, еще часть приведем ниже в информационном блоке).

В этом рапорте (помимо множества другой информации) Кошу сообщается также о том, кто из запорожцев и по каким делам на тот момент еще оставался в Бахмуте. Перечислим кратко эти дела:

- Дело по обвинению донским казаком Подливалой запорожца Трофима Горелкевича в участии в укрывательстве угнанных у донцов трех лошадей на Еланчике (уже рассматривалось нами). На 9 апреля это дело уже разваливалось, так как Подливала так и не смог подтвердить свои обвинения независимыми свидетелями. Горелкевич подал на Подливалу встречный иск о клевете, но на тот момент решения по нему получено еще не было;

- Дело по обвинению донского казака Ивана Андреева против запорожца Грицка Могилы об уводе из его зимовья у Темерника в 1743 году одной лошади и о жестоком и бессмысленном убийстве второй (уже упоминалось нами). Этот прискорбный случай явно произошел на самом деле, но свидетелей ему Андреев представить так и не смог. В результате Грицку Могиле (которого, по всей видимости доставили еще зимой 1748 года) пришлось провести в Бахмуте несколько месяцев и к апрелю он *«чрез какую напаст[ь] к долговременному затрудненю донагишу и Могила изжился»*. Иван Андреев, которому тоже пришлось немало времени уделить следствию, уже также был не рад, что вообще подал свою жалобу. В итоге оба эти бедолаги уже были готовы примириться друг с другом, лишь бы этот кошмар наконец закончился. Но тут стали в позу запорожские депутаты: *«<…> к которому [примиренью — LV] ми для чести Запорожского Войска не допустили, а умыслили обоих, Горелкевичу и Могилу, для настановленя лутшего и для получения за собою в коммесию презента [подарка — LV] в войсковой Кош к вашему бл[а]городию отправити»*;

- Дело бахмутчанина Череваня против запорожца Остапа Кислого (уже рассматривалось). К тому времени Черевань уже заручился поддержкой четырех бахмутских жителей в свою пользу, о чем подал *«в коммесию доношение»*. Но на тот момент следствие по этому поводу еще не состоялось. По словам Резанова, в расследовании данного дела должно было также принять какое-то участие еще и бахмутская батальонная канцелярия;

- Дело по жалобе запорожцев Федора Тарана и его товарища Конона Гирявого (Гирлявого, Гилявого) на донского старшину Туроверова (видимо, это было «второе» дело на него в реестре от 24 декабря 1747 года). Касалось, вероятно, событий «сгонки» в апреле 1746 года. По поданному от этих двух казаков доношению — Туроверов вернул им (вероятно там же, в Бахмуте) лошадь, ружье, котел железный, якорь и 21 рубль денег. *«А на протчое, что сверх того показанно, якобы не брал заперся. И по взятии дене[г] и протчего в том тилко росписался»*. По остальному же показанному Тараном и Гирявым утраченному имуществу, как и по другим претензиям запорожцев – информация для принятия решения на тот момент еще только должна была быть отправлена в Военную коллегию;

- Дело по обвинению донским казаком Калиной Галушкиным бывшего запорожского полковника Тимофея Постернака в отобранном имуществе, а также об убийстве его товарища на Кодацком перевозе (уже рассматривалось нами). По первому эпизоду на следствии все еще продолжались разборки о судьбе реквизированной тогда у Галушкина соли и ее количестве (запорожские депутаты подозревали, что тот завысил свои потери по данной позиции). Во втором случае, в котором свидетелем со стороны обвинения был донской казак Подливала, в Бахмут уже пришел ответ по даннову вопросу из Лубенского полка. Его содержания запорожские депутаты не знали, но очень надеялись, что он подтвердит неправоту Галушкина.

- Бывший еланчицкий полковник Левко Таран был тогда задержан в Бахмуте сразу по двум делам. В одном, по делу о сгоне запорожцев Туроверовым в апреле 1746 года, он был свидетелем и следствие его не отпускало до прибытия еще одного свидетеля тех событий — его есаула Алексея (Черного). Во втором деле – Таран сам был обвиняемым. Житель крепости святой Анны купец Иван Шапошников обвинял его в том, что во время той сгонки Таран отобрал у него *«без жадной [какой-либо — LV] вины»* 700 делей по 20 рублей, 80 (!) пар *«чобот»* (обуви), 30 четвертей муки, провиант и прочее. Сумма там получалась весьма серьезная (и, похоже, очень сильно завышенная). Чтобы подкрепить свои обвинения, купец нанял за 10 рублей бахмутчанина Ивана Резничка лжесвидетельствовать в свою пользу. Но тот, *«убоясь Бога, не ламал совести»*. Он через казаков дал знать запорожским депутатам об этих обстоятельствах и о полученной им взятке, из которых денег половину он вроде как Шапошникову уже и вернул. И, как проверили депутаты, об этом уже было известно и в следственной комиссии. Окончание этой мутной истории мы рассмотрим позже.

- Дело по обвинению калмыка Берды в угоне запорожцами в 1736 (!) году лошадей. Еще 5 марта 1748 года донской калмык Берда привез в следственную комиссию из Войсковой донской канцелярии промеморию с экстрактом по поводу угнанных запорожцами в 1736 году 137 лошадей. Этот экстракт запорожским депутатам так и не показали, но они *«втай»* об этом все-таки узнали. 7 апреля по этому поводу следствием был допрошен донской казак Иван Федоров. Результатов этого допроса запорожцам на тот момент тоже не сообщили [12, сс. 198-199].

Но уже 9 апреля ситуация прояснилась и для запорожцев. По их свежей информации здесь речь шла о 85 (?) лошадях, угнанных *«не знамо ким»* в 1736 году из нижних улусов калмыка Билякты Гилюна. За этот случай *«суд[ь]ми»* (Резановым?) затребовалось 1065 рублей возмещения с войска Запорожского. Но донец Федоров на допросе 7 апреля показал, что по этому случаю еще в 1738 году донской войсковой старшина Федор Краснощеков (вероятно находившийся тогда в Приднепровье в составе донцов, приданных армии Миниха) смог решить этот вопрос с запорожским кошевым атаманом *«Бельским»* (Белецким) и войсковым судьей Тукало. Тогда с Сечи было возвращено 120 лошадей, а за недостающие выплачено 200 рублей. Об этой уплате в Бахмуте (Федоровым? запорожскими депутатами?) была предъявлена расписка [12, с. 206].

После свидетельстких показаний Федорова это дело, вроде как, начало рассыпаться (если запорожские депутаты все правильно поняли). Тем не менее, на следующий день, 8 апреля, следствием был составлен новый запрос в Кош с

вызовом по нему трех запорожцев – Ивана Шуствала, Левки Куксы и Никиты Слепого (мы этот запрос уже рассматривали) [12, с. 201]. И, по крайней мере на двоих из них следствие что-то все-таки накопает (или сфабрикует – точно не известно).

Так в письме депутатов от 11 июня 1748 года содержится информация, что по делу Берды за пропавших коней была выставлена претензия на 60 рублей и что на тот момент депутаты были вынуждены ожидать к ответу Ивана Шуствала [12, с. 217]. Вероятно, это сумма, которую калмыки считали недоплаченной им в 1738 году?

Также сохранилась расписка от 16 декабря 1749 (!) года, которой донские казаки из Черкасска Савелий Самойлов и Алексей Григорьев подтверждают принятие денег от бахмутчан – казака Данилы Волнянского и *«жителя»* Ивана Шпетного. Свидетелями были бахмутский казак Василь Островерхий и еще один донской казак из Черкасска Матвей Андреев. Указанные Волнянский и Шпетной имели глупость выступить поручителями в том, что запорожцы Левка Кукса и Никита Слепой выплатят черкасским казакам внушительную сумму в 200 рублей. Надо полагать, что ни Куксу, ни Слепого больше они не увидели и в конечном итоге им пришлось выплатить свои личные деньги. Как это часто случается при поручительстве за малознакомых и даже хорошо знакомых людей… Была ли это выплата по жалобе калмыка Берды или по какому-то другому делу – из текста не видно. Но эта расписка была аккуратно подшита в конце дела с перепиской с бахмутской следственной комиссией в архиве Запорожского Коша [12, сс. 218-219].

В конце этого рапорта, после описания ситуации с жалобой калмыка Берды, Запорожские депутаты написали, что они уже стали опасаться, *«дабы в неведении нам какова нещастя не воспоследовало»*, поэтому наотрез отказались подписывать бумаги по этому делу. И не собирались подписываться под ним и в дальнейшем, *«понеже таковие пронурливие [плутовские, лукавые — LV] дела нам ест весма осторожни»*. Об этом депутаты предупреждали кошевого атамана: *«О том ваше бл[а]городие изволите бит[ь] известни. И даби таких невнятних сплиоток [сплетен, выдумок — LV] более [к расследованию — LV] не принемано – чрез **нових депутатов** изволите ж представлят[ь]. Он бо [Резанов — LV] нових дел не верш[ит] [т.е., не завершает уже ведущиеся дела — LV], но еще стариней поновляет [т.е. принимает к расследованию дополнительные «древние» дела — LV], отчего напрасное продолжение [следствию — LV] находится и трудност[ь]»* [12, сс. 203-206]. Выделенная автором книги фраза, видимо, являлась легким намеком кошевому атаману, чтобы тот, наконец, прислал им сменщиков. То есть, Водолазский с товарищами очень мечтали, чтобы выговаривать Резанову за попытку протолкнуть данное *«пронурливое»* дело пришлось не им, а уже их сменщикам.

Еще не успели просохнуть чернила на разобранном нами рапорте, как в тот же день произошло неприятное происшествие. В этот раз отличились кодацкие запорожцы, прикомандированные к Бахмуту для обмена корреспонденцией между запорожскими депутатами и Кошем. По всей видимости, их сменщики из Кодака не успели прибыть к установленному сроку (они приедут только 14 апреля [12, с. 210]), и посыльные казаки решили, что они уже и так здесь слишком засиделись. Никого не предупредив, 9 апреля они все тайком уехали из Бахмута. За это *«прейзус»* Резанов словесно сильно отругал запорожских депутатов. Он (несправедливо) подозревал, что кодацкие казаки уехали с ведома депутатов, и

грозился написать об этом куда следует. Депутатам пришлось божиться ему, что казаки *«без ведома н[а]шого ушли»*. В своей короткой цидуле (записке), в которой депутаты сообщали в Кош об этом событии, они просили кошевого наказать этих людей. И с горечью писали про Резанова: *«Прейзус бо нарочно думат таких безделних на них причине ищет, с чего било би нашу сторону стеснити и изобличит[ь]. Он бо добра нам не мислит, и ежели б добро желал, то бы не за что нас ругат[ь]»* [12, с. 206].

Но мало было запорожцам всех этих неприятностей? Тут как раз подоспел новый нехороший случай с пойманными под Бахмутом запорожскими разбойниками, грозящий Войску большими проблемами. Это еще сильнее подорвало моральное состояние запорожских депутатов и вызвало уже **вторую в этом году попытку «бунта»** с их стороны. Новую цидулу (записку) в Кош напишет Павел Кириллов, остальные два депутата подписываться под ней вероятно не рискнули. Сама эта цидула в архивном деле никак не датирована. Но несколько позже сами запорожские депутаты по памяти датировали свою вторую попытку вытребовать себе смену датой 10 апреля [12, с. 209]. Это как раз об этой самой цидуле. В ее начале Кошу сообщается о ходе расследования дела по жалобе калмыка Берды (мы его уже рассматривали). По поводу этого дела Павел Кириллов, не слишком подбирая слова в сторону Резанова, так писал Кошу: *«<…> токмо донемаем, что наш прейзус, по некоторой злобе темние дела сшивая [создавая, компилируя? — LV], на шию [шею — LV] н[а]шу старается навязат и обезсилит, котораго его коварного умишления и в уме не можно, что делает, взяти. И такие-то проворовати дела пуще всех нас мучат и ежедневно вспокую не дают»*. Далее до сведения кошевого атамана доводится свежий некрасивый случай, когда в первых числах апреля в окрестностях Бахмута была поймана *«на воровстве»* шайка из трех человек. В нее входили два запорожца — Пропой (Минского куреня) и Таран — и торский житель Хатленко. Они же еще в прошлом 1747 году (вместе *«с родичем Процика, донского Степанка»*), несколько раз набегая из запорожского Присамарья, совершили *«много пакости и шкоды, воро[в]ства около Бахмута и Тору».* Пойманные злодеи были допрошены в Бахмутской провинциальной батальонной канцелярии с использованием кнута. Подробностей допроса и на кого еще из своих подельников указали арестанты, запорожским депутатам выяснить не удалось. Им лишь объявили, что те *«в одной кампанеи с Про[цика] племенником воровство имели»*. Поэтому автор цидулы настойчиво просил кошевого или потребовать от самарского полковника, или послать на Самару команду казаков с Сечи: *«<…> даби такие там по Самари воровства ускромленни и ущувани [утихомирены — LV] были»*. Кириллов сильно переживал, чтобы из-за таких вот свежих случаев «воровства» прямо поблизости от места заседания следственной комиссии, расследовавшей аналогичные старые случаи грабежей, дело защиты запорожских интересов не пришло к полному краху: *«<…> ибо дело в какой может скорейшой конец и совершенство прине[сет], что старой струп [корка на ране, иногда – просто болячка — LV] воровства не вгоится [не заживет — LV]. Наново же старую р[ану] того ж воровского струпа в поновку к другой коммессии чистят, ибо […]мяют злодее проклятии. И чрез таких нечестивих шкодцев [вредителей — LV] м[ы] в безчестии по ся поры [до сих пор — LV] поги-*

баем, и последное свое имущество н[ам] до наготи прийшло изжити [пришлось потратить — LV]. Для того имеет би[ть] для искореня [искоренения — LV] таких неусипное око». И завершается эта цидула отчаянным и вполне ожидаемым криком души от депутата: *«А присилай [на] место н[а]ше нових депутатов, ибо не тилько в Войску людий, что ми! Писали бо ми к вам – да уже и перестали, и ежели за сим еще не пришло, то другую вам коммессию зделаем. Что и лутший может бит[ь] там не видержит доволно, бо ми уже черги засидели [т.е. мы уже смены заждались — LV]»*. Также к этой цидуле была сделана приписка на более житейскую тему: *«Войскових денег с лишком в комисию 20 ру[б]. вилоджено и ворам нече[го] било на отрекання да[ть]»* [12, сс. 198-199].

У автора книги есть сильные подозрения, что дату составления этой «цидулы» депутаты запишут позже по памяти не совсем точно. Судя по тому, что в ней уже упоминается факт допроса Федорова (7 апреля), но прямо говорится, что никаких подробностей по нему депутаты еще не знают (хотя они будут достаточно подробно расписаны в их рапорте от 9 апреля), скоре всего эту записка была написана 7 или 8 апреля. Но кто автор книги такой, чтобы спорить с источниками? Пришлось расписывать в указанном самими депутатами порядке…

Все эти промемории, рапорты и цидулы были доставлены (уже новой сменой кодацких казаков) из Бахмута в Кош одним пакетом 22 апреля (кроме промемории про отпуск Осипа Барана, которая в Кош попадет только 6 июня!). И, видимо, цидула Павла Кириллова произвела в Коше должное впечатление, так как в этот раз Кош отработал мгновенно! В тот же день на Сечи были найдены *«бившие калмиюские старшины»* Андрей Черный и Алексей Черный (затребованные еще промеморией от 7 марта, получается, она то ли долго валялась у войскового писаря без исполнения, то ли только дошла до Сечи!). Указанных старшин тут же отправили на Самару вместе со свеженаписанным приказом к самарскому полковнику Андрею Шраму. Кошевой атаман *«наикрепчайше»* требовал от полковника найти в *«товщи Самарской»* казаков Левка Куксу и Никиту Слепого и *«не принимая от них некаких отговорок»* вместе с присланными из Сечи обоими Черными немедленно отправить в Бахмут. А если добровольно не согласятся ехать, то отправить их под конвоем. Об исполнении необходимо было тотчас же рапортовать в Кош. Также самарскому полковнику предписывалось срочно навести порядок в его ведомстве: *«Да осо[бли]во вам найкрепчайше [на]казуем [приказываем — LV], дабы вы воров и шляховых драпежцов [дорожных разбойников – LV] всякими способи в самарских волностях искореняли и ущували, и некого к тому злоде[й]ству не допускали. Ибо за вашим в том несмотрении минской Пропой з другим вором Тараном в околичности Багмута пойман на воровстве. Також и Процика донского племен[н]ик [тамо] находился. И ежели не будете впредь того ускромлят[ь], то сами будете ко ответам, куда надлежатимет, без всякого над вами помилования, взажив головами, куда повеленно будет висланни всенеотменно. То деяти [выполнять — LV] приказуем»* [12, с. 202].

А через два дня, 24 апреля, в Коше будут составлены два ответа в Бахмут. Один – промемория для следственной комиссии. В ней сообщалось, что *«бивши полковник калмиюский Андрей Чорний, асаул Алексей Чорний же да козаки Полтавского куреня Левко Кукса да Никита Слепой»* направлены в Бахмут. А бывший в 1738 году полковником на Самаре Иван Шуствал уже переселился в Лубенский полк в Малороссии, поэтому о его присылке комиссии предлагалось требовать от полковой лубенской канцелярии [12, с. 203].

Вторым же документом было письмо кошевого Марка Кажана к запорожским депутатам, которое было ответом на цидулу Павла Кириллова. Это письмо (как и аналогичный по назначению прошлый ответ кошевого от 28 марта 1748 года), было все еще написано в самых теплых и дружеских выражениях. В его начале сообщалось о приказе самарскому полковнику по искоренению разбоя в его ведомстве, и чтобы тот Процыкового племянника обязательно нашел и прислал в Кош (похоже, этот Процык был широко известен на Сечи! по более поздним документам можно установить, что это был Процык Довженок из Донского куреня [12, с. 575]). Далее же Марк Кондратович еще раз терпеливо растолковывал, почему он не может прислать замену своим депутатам: *«Что же ви просите, даби вас с тои коммессии другими депутатами переменит[ь], то того жадною [никакою — LV] мерою учинит не можно, ибо новие депутати сперва [заново — LV] ту коммессию упователно зачнут [начнут — LV]. Да и донские депутати другими не смененни. Того ради вас приятно [приятельстки — LV] просим – пожалуйте до окончания оной коммессии тамо будте и коммесиялное дело во окончание приведете. И якая Государственной военной коллегии конфермация*[2] *последует, о том к нам репортоват[ь] имеете [должны — LV]. В протчем же, узичивши [пожелав — LV] вам доброго здоров[ь]я и щасливого поведения, навсегда доброзичливими вам приятелми пребудем»* [12, с. 207].

14 апреля в Бахмут из Кодака прибыла новая смена посыльных казаков (10 человек). Они не привезли ни новой корреспонденции, ни вестей из Коша. В отсутствие присылок затребованных казаков следствие застопорилось. И Резанов распекал запорожских депутатов, несправедливо подозревая тех, что они скрывают получаемую с Сечи корреспонденцию. 20 апреля, запорожские депутаты, тщетно прождав хоть какого-то ответа из Коша (о том, что последний пакет документов из Бахмута еще даже не дошел до Сечи – они не знали), от полного отчаяния снова начали «бунтовать». Это был **уже третий случай их «бунта»** за время правления кошевого атамана Марка Кажана. На этот раз письмо в Кош было составлено от имени всех троих депутатов. Они писали, что, хотя уже дважды (9 марта и 10 апреля) писали в Кош о делах следственной комиссии и о своем *«самонужднейшем»* (от слова «нужда») состоянии, но *«на оние обе наши пр[ед]ставляния»* ответа так и не получили. Также очень плохо поступали из Коша и ответы на промемории от следственной комисии. Поэтому депутаты *«третично»* (в третий раз) предлагали кошевому (сразу оговаривая *«просим не в гнев сие почесть»*) все-таки написать протест в следственную комиссию по поводу указанных в их промемориях ущемлениях *«чести депутатской»*, и *«вибрав на место н[а]ше нових депутатов»*, вместе с теми из затребованных следствием казаков, кого удастся разыскать, и с соответствующими письменными ответами *«в скорейшем времени»* прислать в Бахмут. Даже то, что прибывшие 14 апреля новые кодацкие казаки не привезли с собой никаких сообщений, депутатами было поставлено в вину Кошу: *«И то се не с чего иного, токмо з самаго вашего нерадения, паче же и небажения [нежелания — LV] о нас делается»*. Они язвительно спрашивали: может Кош надеется, что следственной комиссии надоест расследовать столь продолжительное дело, *«чрез которую скуку»* она все это следствие *«без остатку»* забросит, и это даст свободу отъехать депутатам? И сами же отвечали: *«по нашему же мнению»* следствие не только не забросится, но еще столько же будет продолжаться, потому как из-за *«злодеев-пакостников»* еще не раз будет обнов-

[2] Конфирмация — утверждение принятого решения (судебного приговора и т. п.) верховной государственной властью.

ляться. Поэтому депутаты требовали от кошевого или им *«чинить перемену»*, или же *«козаков присилкою кого возможно и кого невозможно»* срочно слать в Бахмут, чтобы *«следствия дело тем пресечь, к концу привести»*. Депутаты недоумевали: *«За[чем] бы нам {переносить — LV] несносного безчестия и притом сказат[ь] преизлишнего затруднения во иждивении собственного н[а]шего имуще[ства]? И бедствоват[ь] более ми не могли, о чом уже неодноразово [неоднократно — LV] к Во[й]ску Запорожскому било [от нас — LV] предложенно, точию ми на ония в резолюцию [в ответ – LV] ничего о избаве [избавлении — LV] и далнего [дальнейшего — LV] затрудненя не получаем»*. Они прямо обвиняли верхушку Сечи, что знают их рассуждения, что дело авось как-нибудь само собой поскорее прекратится, а они сами (не посылая новых депутатов, которым пришлось бы *«старие дела, пристрастно обучаяся, вновь слушат[ь]»*) пребудут в покое. Но, продолжали депутаты в своем письме, *«болше не надлежит того думат[ь]»*, но нужно действовать так, как они требовали выше, поскольку без присылки казаков сейчас дело не двигается, и *«уличают нас, якоби ми писма чрез казаков прибывших им[ее]м (которих ми не получали!), словам н[а]шим не поверают [не верят — LV]»*. Также депутаты сразу отбивались от возможных претензий по поводу того, что не всегда могли заранее подсказать Кошу, кто еще будет нужен следствию по разным делам (видимо, чтобы можно было искать запрошенных не в авральном режиме каждый раз). По их словам, не обо всем им было известно, так как комиссия *«болше собою она к ползе донской способи употребляла»* и старалась не предоставлять запорожским депутатам лишнюю информацию. Что комиссия опасалась, чтобы по преждевременным депутатским сообщениям Кош не стал припрятывать и укрывать некоторых из необходимых казаков, *«по которих ми делам предприятия их устеречся и дат[ь] би точную ведомост в Кош не могли»*. И в заключение своего письма депутаты кратко резюмировали его содержание: *«если корот[к]о кажем: любо визволяйте [освобождайте нас — LV], любо кого с требуемих [казаков – LV] присил[ай]те, любо кажите нам утекат[ь] [бежать — LV]. А ежели не так – сами, без воле вашей, утечь намеренни, доносим»* [12, сс. 209-210].

Через два дня, 19 апреля, в следственной комиссии еще раз продублируют промеморию в Кош от 7 марта, которую тогда отвозили казаки Шастун и Черный, и по которой ни ответа из Коша, ни присылки затребованных казаков так и не произошло (мы ее уже расписывали ранее). Резанов вновь требовал присылки старшины и казаков по тому же списку (начинавшемуся с имен Андрея Черного и Алексея Черного и т.д.). А также запрашивал письменное известие о том, где находятся сами Шастун и Черный [12, сс. 207-208]. Эта промемория будет получена на Сечи 3 мая. И, похоже, рассмотренное выше гневное письмо от депутатов придет вместе с ним.

4 мая в ответ на свежеполученную корреспонденцию из Бахмута в Коше будет оперативно составлено несколько документов. В коротком письме для депутатов им сообщалось, что затребованные (по промемории от 19 апреля) *«бивший полковник Андрей Чорний да асаул Алексей»* еще ранее (22 апреля) были отправлены в Бахмут, бывший же есаул Ярема и бывший писарь Бирюк *«велми болни и чуть ли живи будуть и затем в коммессию отпраить их жадною мерою не можно»*. По остальным затребованным казакам сообщалось, что их в Сечи нет, но *«находятця в Калмиюсе»*, и об их отправке в Бахмут отправлен *«крепчайший»* приказ кальмиусскому полковнику (в деле не сохранился). Также здесь же приво-

дился лаконичный и сдержанный очередной отказ кошевого атамана выполнить требование депутатов о назначении им смены: *«Что же ви просите о смене вас, то того неможно учинит[ь], да и не позволенно от високого генералетета будет. И того для чрез сие уже третичное [т.е. в третий раз — LV] ми приятно просим – пожалуйте тамо до окончания коммессии пребудете»*. И в конце было добавлено более жестко: *«А что пишете, яко хотите утекать, то тем нашей стороне великую обиду зделаете, чего вам чинить [совершать — LV] накрепко жестоко запрещаем и приказуем»*. Аналогичным по содержанию (только без ответа на угрозы депутатов) был и ответ, направленный тогда же же в следственную комиссию [12, сс. 209, 211-212].

Не задался для запорожских депутатов и конец мая того года. Сначала 20 мая решил сделать себе перерыв (похоже, первый за все время следствия) «прейзус» Резанов. Он уехал из Бахмута на ярмарку в Харьков (200 верст в одну сторону), а потом еще собирался заехать в свою собственную деревню. В его отсутствие *«дело застоялось, <…> не делалося без заседания (кроме переписов)»* [12, с. 216]. Тем не менее, запорожских депутатов, прибывших на следствие старшину и казаков, а также *«стоящие там для возки писем козаки»* на время этого перерыва отпущены не были. Вероятно, то же относилось и к донцам.

А несколько дней спустя в Бахмут пришли новые неутешительные новости лично для запорожских депутатов. К ним *«с Калмусу»* был отправлен обоз *«с харчами»*. Его вел Сила (Сулин) Дарханов, запорожский казак родом из Чугуева. Он ранее уже был свидетелем в Бахмуте, так что дорогу туда знал. По пути на обоз напала шайка из 11 запорожцев, которые, в нарушение всякой корпоративной этики, *«козаков Силу Дарханов[а] с товарищи помучали и харчи побрали да и ватагу-де нещадно дерут»*. По всей видимости, примерно 26 мая остатки разграбленного обоза (или кто-то посланный от них) все-таки добрались до Бахмута. Помимо неприятного сообщения о разграблении предназначавшейся для депутатов провизии, им также сообщили, что смогли опознать четверых из нападавших – Чорноконя (Черноконя, Пластуновского куреня), Якова Картавого (Тимошевского куреня), Федора Санжока (Санжака, Полтавского куреня) и Грицка Тарана (Джереловского куреня). Скорей всего их опознал сам Дарханов, так как с тремя из них он пересекался в Бахмуте, где они находились в одно время с ним, причем все трое в качестве просителей на донцов (никаких претензий к ним со стороны следствия на тот момент не зафиксировано). По всей видимости, длительные мытарства в Бахмуте и все наглядные свидетельства причинно-следственных связей между грабежами и их последствиями, которые они могли лично наблюдать на следствии с безопасной стороны, их так ничему и не научили… А четвертый из опознанных – Грицко Таран (Максименко Григорий Максимович) – был одним из членов шайки Левки Белого, сбежавшим из заключения в Киеве.

26 мая депутаты срочно отправляют новое письмо в Кош, в котором просят кошевого пожаловаться наверх на отлучку Резанова и на неотпуск на время нее остальных участников следствия, а также сообщают о разграблении своего обоза. Это сообщение попадет в Кош 6 июня [12, сс. 213, 216]. Уже на следующий день, 7 июня 1748 года, из Коша будет разосланы по разным адресам несколько сообщений по этому поводу. Первой из них стала не очень красивая кляуза киевскому генерал-лейтенанту Леонтьеву на Федора Резанова.

После описания полученной от депутатов информации об отъезде руководителя следствия, делалось предположение, что *«возвратного его прибития ожидат[ь] чаятельно весма невскорости»*. *«Чрез что им, депутатам, в продолжителном [в]ремени жить напрасно з великою обидою происходит»*. Кошевой атаман просил Леонтьева *«учинит[ь] високом[и]л[о]стивое разсмотрение»* по этой ситуации и *«предложить»* указом к Резанову о скорейшем окончании комиссии или же *«куда надлежит о том предс[та]вить»*. То есть – на Резанова попытались надавить сверху для ускорения окончания следствия [12, сс. 213-214].

Самим депутататам направили короткое и лаконичное сообщение, что по их обращению отправлено от Войска донесение о скорейшем окончании следственной комиссии *«к висикому генералитету»*. И что приказы о розыске 11 разбойников (ограбивших обоз) отправлены из Коша к самарскому и кальмиусскому полковникам [12, с. 214].

Из упомянутых двух приказов Коша от 7 июня в Самарскую и Кальмиусскую паланкки в архиве Коша сохранился лишь черновик приказа самарскому полковнику Андрею Шраму. В нем полковнику доводится для сведения информация о разграбленном обозе и дается жесткий выговор с приказом: *«Ти же, пане полковник, того не смотриш [и] злих синов за потачкою [поблажка, снисхождение — LV] не ловиш, за что тебе, зганив [отругав, охулив — LV], накрепко приказуем: взят[ь] козаков ч[е]л[о]в[е]ка дватцать или тритцать и за ними, злодеями, следовать и без потачки всех побрать и, забив в колодки, с их конями и худобою до Коша при добром стороже и при писменном репорте прислать вскорости, опасуяс за неисполнение по сему и за потачку тяжкого пред Войском штрафа»*. Вероятно, это был уже далеко не первый похожий приказ за время правления на Самаре Андрея Шрама, потому как заканчивался он словами: *«И по десяте [в десятый раз — LV] из Коша подтверждаем»* [12, с. 215]. Несохранившийся приказ кальмиусскому полковнику, надо полагать, был аналогичный по содержанию.

В исходном сообщении из Бахмута об 11 грабителях их перечисление явно шло примерно в таком порядке: Черноконь, Картавый, Санжак, Таран с 7 товарищами. И всю эту опознанную четверку на Сечи знали, как знали и то, что первые три из них живут в ведомстве Кальмиусской паланки, а Грицко Таран – Самарской паланки. Но писарь, который писал проект приказа самарскому полковнику, не очень дружил с арифметикой и на тот момент по какой-то причине был сильно рассеянным, его мысли явно бродили где-то далеко от темы приказа. Так, в первом варианте черновика приказа он начал было перечислять участников нападения на обоз таким образом: *«что вори Чернокон пластуневский, Яков Картавой, тимошевский, Федор Санжок, полтавский с товарищи 9 девятю [так в тексте! — LV] члвеки»* (что давало в сумме 12 человек вместо 11!). Потом писарь резко вспомнил, что пропустил одно имя, поэтому после *«9 девятю члвки»* неуклюже дописал в строку *«да Грицко Таран, джереловский»* (что в сумме дало уже 13 человек!). Потом, немного подумав и решив, что Самарскому полковнику незачем писать про трех кальмиусских казаков, он всю первую фразу (от слова «воры» до союза «да») зачеркнул, а вместо нее сверху дописал *«вор»*. Потом от указанных им 9 человек отнял три зачеркнутых имени и записал получившееся число в продолжение строки. В конечном итоге у него получилось вот такой странный компилят: *«что вор Грицко Таран, джереловский, з шестю члвка подобными ему товарищи»*, что, разумеется, мало походило на оригинал. Довольный собой писарь продолжил записывать текст приказа, и тут же умудрился еще раз записать Черноконя, теперь уже в качестве

главы разграбленного обоза. К счастью, он все-таки заметил это (или подсказали более внимательные товарищи), поэтому Черноконь и здесь был зачеркнут и сверху над строкой было дописано *«Силу Дарханов[а] с товарищи»* [12, с. 215]. Если наша реконструкция тех событий верна, то Кальмиусскому полковнику в приказе писалось про Черноконя, Картавого и Санжака с безымянными товарищами (арифметику здесь восстанавливать не рискнем).

7 июня в Бахмут вернулся глава следствия Федор Резанов [12, с. 216]. Он бы очень удивился (и, вероятно, сильно бы огорчился кое на кого), если бы узнал, что в этот же день по жалобе запорожских депутатов Кош уже отправил кляузу на его длительное отсутствие в Киев… Хотя, впрочем, Резанов их и так уже сильно не любил, что не стеснялся показывать при каждом удобном случае, так что, по сути, ничего бы не изменилось. Как бы то ни было, следствие вновь возобновилось в полной силе.

И еще о проблемах, с которыми пришлось сталкиваться запорожским депутатам в их деятельности. Проблемах не столько внешних, сколько внутренних. Среди июньской переписки Коша с Бахмутской следственной комиссией сохранилась недатированная цидула с жалобой в Кош от депутатов. Текст ее сильно поврежден и уже не везде читается, но общий смысл уловить можно. Сначала депутаты жаловались на бывшего еланчицкого полковника Постерняка. Мы уже говорили, что он был вздорным и не слишком умным человеком? Не слишком адекватно он повел себя и на этот раз: *«Похвалки Постернака. Постернак договоривал нам: «Дали мене […] ан Кошем – не мене давали, себе дали, я неод- […] у пива наварю»*. То есть, насколько можно понять, Постерняк на полном серьезе считал, что грозящие ему последствия по двум уголовным обвинениям – это проблемы не его, а Коша. Вот пусть депутаты и крутятся, как хотят, решая их. А он сам вернется домой и будет варить пиво в свое удовольствие.

Не лучше себя проявил и бывший самарский полковник Терентий Чернец, которого обвиняли в сотрудничестве с конокрадами (по делу Левки Белого). Этот заявил одному из депутатов: *«Також и Терешко Чернец […п]охвалки имеет: «И ежели мене не возволятимеш [не освободишь — LV] […] в Коше беды наделаю», — об[ъ]является»*. А учитывая, что этот бывший паланковый полковник запорожскую внутреннюю кухню знал хорошо – если бы он начал говорить лишнее на следствии, то запорожской верхушке на самом деле не поздоровилось бы.

Ну и под конец депутаты, раз уж начали жаловаться, не обминули своим вниманием и прикомандированных к ним посыльных казаков из Кодака. Те слишком уж неторопливо (и, вероятно, с попутными заездами к родственникам, знакомым и собутыльникам) доставляли порученную им корреспонденцию, так что время от отправки запроса в Кош до получения ответа на него часто составляло по месяцу и больше: *«[…]ти кодацкие не скоро звозят, писма враде вряд […]мце писма вкруг оборочаются, належит приказоват скоро возит»* [12, с. 216].

Одним из первых дел, которые предпринял Резанов по своем возвращении, стала очная ставка по жалобе купца Ивана Шапошникова. Она состоялась ближе к концу первой декады июня между этим купцом и запорожцами Андреем Черным (кальмиусский полковник во 2-й половине 1746 г.) и Алексеем Ивановым (вероятно это Алексей Черный, бывший

еланчицкий, затем кальмиусский есаул в 1-й половине 1746 г., тогда его полное имя Андрей Иванович Черный). На ней запорожцы категорически отрицали, что ограбили у этого купца 700 нитяных делей, 80 пар *«чобот»*, 30 четвертей муки *«и протчей мелочи»*. Единственно, Андрей Черный подтвердил, что за неоплату Шапошниковым какой-то пошлины на сумму 20 копеек, он отправил к купцу своего писаря Бирюка и тот *«маленкий котлик заграбил»*. А потом (надо полагать, когда возмущенный купец пришел жаловаться на это к полковнику), Андрей Черный *«сверх того за упрямост Шапочникова за бороду подержал»* (тогда это было большим оскорблением!). Насколько можно понять из отрывочных упоминаний этого дела, Шапошникову не повезло оказаться со своей торговлей среди запорожских рыболовов как раз в тот момент, когда донцы в апреле 1746 года начали сгонять тех за Кальмиус. И тогда по приказу тогдашнего полковника Левка Тарана у него отобрали значительную часть его товаров (хотя, возможно, и не в таких больших количествах, как он указал в своей жалобе). Но это ничему не научило купца, и уже во 2-й половине 1746 года он опять якшался с запорожцами, когда и произошел эпизод с полковником Андреем Черным и бородою. Но, как писали запорожские депутаты — и Левка Таран, и его есаул Алексей Черный пошли тогда в полный отказ, что они вообще этого Шапошникова не знают, в глаза не видели и в какое время он там был – не ведают. Получилась патовая ситуация – слово против слова. *«А за неимением сведытелей»* Резанов дал Шапошникову 3 недели на то, чтобы предоставить свидетельства от его работников, присутствовавших при этом ограблении. Запорожские депутаты после этого заседания неудачно попытались сказать «прейзусу», что они ждать еще три недели, чтобы опять послушать *«ни его, шалвера [вероятно – плута, обманщика? — LV], брехне слушат[ь], ни того его работника, на ко[то]раго во сведытелство зсилается»,* не собираются. А также: *«<…> Возврату [Шапошникова — LV] дожидатся и для ложних его соплетенни[х на]пастей, смотря по делу следствия, сидети не будем»*. И вообще, что о принятии к рассмотрению дел от таких людей в инструкции к следствию, выданной Военной коллегией, ничего не говорится, и расследовать дела, не включенные в реестры от обоих Войск, не нужно! На такие заявления Резанов очень разгневался и стал прямо угрожать, что *«раз вы хощете утекти [убежать — LV]»*, то он (чтобы этого не допустить) прикажет одного из депутатов заковать в колодки! И что о таких решениях – принимать ли или не принимать таковые дела, как у Шапошникова – он писал к киевскому генерал-лейтенанту Леонтьеву, который ему и указал *«ония приняв, изследоват[ь]»*. А если запорожским депутатам такие дела слышать *«в докуку»* (надоело, скучно), то пусть пишут об этом в Кош, а оттуда уже пусть просят Леонтьева [12, сс. 216-217].

Перед этим Шапошников уже пытался представлять двух свидетелей в свою пользу, похоже «организовав» их прямо в Бахмуте. Первым из них был некий Михайла Ростовцев, по которому *«подозрения ради воровского»* была затребована справка в бахмутском магистрате. Видимо, в полученной справке о нем были такие отзывы, что *«коммесия [ему — LV] к присяги не поверила»*. Вторым был уже упоминавшийся бахмутчанин Иван Резничок. Он сначала взял у Шапошникова 10 рублей для лжесвидетельствования, но потов передумал и *«не ламая своей хр[и]стиянской совести и д[у]ши, упоминаемому Шапошникову такия денги обратно в глаза бросил»* [12, с. 217]. Бросил он, правда, только половину полученной им суммы, но то уже мелочи…

Судя по количеству якобы отобранного у Шапошникова товара – он там явно с какими-то помощниками торговал, сам бы он со всем этим грузом упра-

виться никак не смог бы. Поэтому что у него за проблемы были с предоставлением свидетелей и почему пришлось прибегать к столь сомнительным методам – не понятно.

11 июня 1748 года запорожские депутаты написали новое большое письмо в Кош. Оно было в основном посвящено описанию текущей ситуации на следствии после возврата Резанова в Бахмут. По общему тону письма понятно, что следствие уже приближалось к своему окончанию, но все его участники (со всех сторон) уже сильно от него устали. Часть информации из этого письма (в том числе описание очередного конфликта с Резановым) мы уже использовали. Среди прочих сведений, депутаты перечислили, дела по каким жалобам на запорожцев на тот момент еще продолжались. Их оставалось четыре: 1) от купца Рыбинцева на Осипа Барана; 2) от Калины Строева на грабеж шайкой запорожцев; 3) от бахмутчан Лисицина и Череваня на запорожца Кислого; 4) от купца Шапошникова на приазовскую запорожскую старшину (*«к которой напрасной напасти и атаману Юску в при[силку] требуют же»*). Все эти дела мы ранее, насколько могли, рассматривали.

В этом письме приводился и свежий случай отказа в приеме дела к расследованию. 18 мая 1748 года житель местечка Савинцы Изюмского полка сотник Тимофей Семенович Тертычников подал в Изюмскую полковую канцелярию «доношение» на учиненную его отцу обиду от донцов. Из Изюмской канцелярии было *«представлено»* в Бахмутскую следственную комиссию, чтобы она взяла в расследование и это дело. Доставил в Бахмут эти бумаги сам истец, вероятно в конце мая. Но из Бахмута ответили в Изюмскую канцелярию отказом, сообщив, что дела обоих Войск (т.е. Донского и Запорожского) уже приводятся к окончанию. И что из Военной коллегии по таким делам, как у Тертычникова, никакого указа в комиссии нет. И что если Изюмская полковая канцелярия считает необходимым расследовать данное дело, то пусть обращается в Военную коллегию. И если та сочтет необходимым и пришлет в Бахмут указ о приеме также жалоб также от жителей Малороссии и Слободских полков, *«то по оному и следствие начнется»*. Понятно, что это была чисто формальный отказ, просто в Бахмуте уже никто не хотел еще больше затягивать это следствие.

Но таким решением остались недовольны запорожские депутаты. Дело в том, что этот Тертычников проходил в их запорожских реестрах по общей жалобе с кодацким жителем Герасимом Шульгой (в реестре от марта 1746 года упоминается уничтожение донцами его рыбного завода). Каким именно образом они оказались связаны – по имеющимся документам выяснить не удалось. Указанный Шульга тоже приехал в Бахмут, но не застал Резанова (тот был на тот момент в отъезде). Здесь он общался с запорожскими депутатами и сообщил им, что вместе с Тертычниковым они намеревались ехать подавать челобитную генерал-аншефу Л.А. фон Бисмарку (с 1747 года – командующий войсками по Украинской линии).

После рассказа о судьбе жалобы Тертычного и Шульги, запорожские депутаты записали (уже даже с некоторым сдержанным оптимизмом): *«И еже[ли] н[ы]не, как выше сего обявлено, от обоих сторон Войск дела следствию по болшой части являются при край окончании, яко то внов ни от нас на донцов, ниже донци на нашу сторону (кроме того, что колмика Берди конех по поданному их экстракту, на котория пропадшия коне претенсии денег положенно суммы 60 ру., еще поневолены зжидат [вынуждены ожидать —*

LV] ко ответом Ивана Шуствала) – болше никаких жалоб вже не имеется». Последняя фраза им явно внушала определенные надежды.

По поводу же плутовства Шапошникова, депутаты писали, что они (видимо, в конце очной ставки) заявили следственной комиссии, что такие его действия *«правам российским находятся весма зазорни»*. Обиженный же купец в ответ им заявил, что после ограбления и эпизода с бородой ему еще и угрожали. Текст угрозы приводить здесь не будем, и так на свете зла много. А озлобленных дураков всегда хватает. Но депутаты предпочли и этим его словам не поверить и, обозвав плутом, просили Кош писать в Киев и в следственную комиссию о пресечении дела по жалобам Шапошникова.

Также депутаты сильно просили поскорее доставить в Бахмут Красея, вора Павла Дикого, атамана Юску Череватого и прочих затребованных следствием запорожцев. Они очень опасались, что если всех их в скором времени не пришлют, то могут добавиться новые дела к следствию*: «[чтобы] нам здес более не погибат, и даби чрез то не поспело др[гой ком]месии слушат[ь], которая незабарно [вскоре — LV] чрез злодеев и разбойни[ков прок]лятих наступит»*. И чтобы Кош старался их, депутатов, поскорее *«отсюдова извести [вывести — LV]»*. Особенное опасение в этом плане у них вызывало какое-то сообщение об убийстве (надо полагать, опять запорожцами?), о котором Бахмутская гарнизонная канцелярия еще в мае писала к генерал-аншефу фон Бисмарку. И что тот может и это дело приказать расследовать Резанову… В этом случае депутаты угрожали Кошу: *«доносится, что более пропадат[ь] не станем! И на такую временно [своевременно? — LV] других на другую коммесию искусних ста[ршин] заготовляйте [подготавливайте — LV]»*. Депутаты обещали еще некоторое время побыть при комиссии. Но торопили Кош, чтобы тот поскорее прислал разбойников Черноконя, Картавого и Санжака, а с ними – и новых депутатов. *«А буди не пришлются, то ми сами умислили тое изделается [совершить — LV], без сорома обявляется [без стыда объявляем — LV]. Да волно во отпр[…] нам за чужие грехи, своих не зносить!»* [12, сс. 216-218].

К сожалению, это последний документ из переписки между Кошем и Бахмутом, сохранившейся в этом деле архива Коша Запорожской Сечи. Других первоисточников из этого круга документов автору книги найти не удалось (хотя их в архивах должно еще много сохраниться). Поэтому насколько в реальности еще затянулась работа следственной комиссии и какими конкретно результатами она завершилась – автор книги сказать пока не может.

Еще один обширный документ по данной теме – это *«мнение»*, составленное киевским генерал-губернатором Леонтьевым 15 марта 1749 года, опубликованное Яворницким среди сенатских документов [13, сс. 1643-1650]. В нем Леонтьев для ведома Сената подробно разбирает присланное ему из Бахмутской комиссии дело на войско Запорожское. По идее, аналогичное дело на войско Донское должно было поступить из Бахмута на рассмотрение в Военную коллегию (автором не найдено).

В качестве основания к расследованию дела на запорожцев Леонтьев указывает как частные иски (*«по прошениям войска Донскаго козаков, и калмыков, и базовых татар –*

Антона Федорова с товарыщи сорока одного человека»), так и официальные жалобы от руководства войска Донского: *«да по экстракту и по промемориям от войска Донскаго на запорожских козаков и на содержащихся при следственной комиссии под караулом воров, запорожских козаков, 16 человек [остатки шайки Левки Белого! — LV]»*. Обвинения запорожцев следовали *«в грабеже у них [донцов — LV] в прошлых **1743 [!],** 1744, 1745 и в 1746-м годех, на Луганской дороге и в прочих разных местах денег, платья, и разных вещей, и запасов, и лошадей. Да в отгоне войска Донского у войскового атамана Ефремова, и у старшин, и у колмыцкаго мурзы, и колмык из табунов лошадей»* (выделение автора). Общая сумма по эпизодам из этого иска, подтвержденным следствием, составила огромные 5637 руб. 80 коп. (из них почти 1400 рублей была насчитана по делу Левки Белого).

Антон Федоров – донской казак из Черкасска, ограбленный (скорей всего шайкой Калги) в августе 1745 года на речке Гнилуше (по пути между Черкасском и Луганской станицей).

К сожалению, из известных автору документов не видно, как именно формировалась указанная сумма по этому иску. Вероятно, она ниже, чем было в первоначальных исках на запорожцев. В пользу этого говорит несколько факторов. Во-первых, часть законченных дел на запорожцев уже ранее отправлялась Леонтьеву на согласование. Во-вторых, часть дел закрывалась примирением сторон непосредственно в Бахмуте, после выплаты денег или возврата имущества. В-третьих, были эпизоды, отклоненные следствием после проверки указанных в них сведений. Можно осторожно предположить, что в указанную в «мнении» Леонтьева основную часть суммы (за вычетом ущерба по делу Левки Белого) попали те эпизоды, по которым следствие считало доказанным участие запорожцев, но не могло назвать имена конкретных виновников (с которых можно было бы взыскать их имуществом).

Также, как уже говорилось, по идее нужно было бы ожидать и появления аналогичного дела на войско Донское, которое должно было попасть на согласование в Военную коллегию. Там донцы (особенно во время массовых сгонов запорожцев) тоже отметились на значительную сумму. Но документов по этому вопросу автору найти никаких не удалось, поэтому он остается открытым.

Еще интересный вопрос (если подтвердится предположение о деле на донцов и тоже с денежным штрафом) – предусматривался ли частичный «взаимозачет» денежными обязательствами между двумя казачьими войсками?

Первая часть «мнения» посвящена сокращенному, но довольно детальному пересказу обстоятельств по шайке Левки Белого и ее предыстории, вскрытой следствием (некоторые дополнительные подробности, отсутствующие в других источниках, мы отсюда уже использовали для нашего рассказа). Так, здесь опять приводится список из 24 непойманных казаков, участвовавших в 1745 и в начале 1746 года в грабежах в восточной части Запорожских Вольностей в составе шаек Клима Калги и Сенчука. В основном он повторяет тот список из 31 человек, который по этому делу следственная комиссия требовала от Коша 16 октября 1747 года (и из которых ни одного к следствию так и не пришлют!). Но из нового варианта этого списка по какой-то причине были исключены Андрей Ахтырка, Роман Булавка, Иван Губа, Дмитрий Дятков, Петр Золотарь, Самойла Плохута, Герасим и Иван Рудые, Василий и Кондрат Тараны, Иван Таранец, Иван, Илья и Петр Черные. Из которых мы только

про Ивана Таранца знаем, что к тому времени он уже был повешен. Зато из списка Леонтьева не были исключены шесть человек, по которым сведения, что они уже давно казнены, следствию Кошем предоставлялись еще в начале 1748 года. Также в этот список были дополнительно включены Клим Калга, Илья Мишка (неправильное прочтение прозвища? это не Илья Черный?), Грицко Росток (?) и беглец Данила Щербина [12, с. 1644]. Попутно Леонтьев указал следствию на некоторые незначительные противоречия и неточности в представленных ему экстрактах (эта информация для нас уже не представляет особого интереса). В конце этой части своего документа, киевский генерал-губернатор записал, что следствие насчитало по делу Левки Белого по иску от войска Донского (а также по *«особливому следствию»* на них по прошениям Лисицина и Череваня, по которому Леонтьев уже ранее отдельно предоставлял свое *«мнение»*) сумму в 1398 руб. 27 коп [13, сс. 1643-1646].

Далее Леонтьев (с определенной целью, которая станет нам понятной чуть позже) анализирует несколько других случаев (не связанных с делом Белого). Первым из них он рассматривает жалобу донского казака Аверьяна Иванова, включенную в *«исковой экстракт»* от войска Донского. Там было показано, что этого казака (вместе с курским купцом Михаилом Мелиховым) в августе 1745 года в урочище Берестовом за Донцом ограбили запорожцы (*«а кем имянно, не объявлено»*). И что у Иванова взято грабежом денег 3 руб. 50 коп., а также ружье, платье и прочее имущество еще на 74 руб. 38 ков. Но этот Аверьян, поданным в следственную комиссию *«доношением»*, заявлял, что в этот экстракт вкралась ошибка. И что на самом деле у него тогда запорожцы отобрали не 3,5 рубля, а 350! И, вполне возможно, что следствие эту сумму тоже повесило бы на счет войска Запорожского. Но из курского магистрата поступила промемория, в которой сообщалось, что купец Мелихов под присягой объявил, что их с Ивановым тогда ограбили не запорожцы, а калмыки. Таким образом этот эпизод обвинения против войска Запорожского рассыпался.

Тут же Леонтьев обращает внимание, что в *«донском исковом экстракте»* показано, что *«в прошлых **1743 [!]**, 1744-м и в 1745-м годех»* (выделение автора) в разных местах и у разных донских старшин, казаков и калмыков запорожцами отобрано имущества и угнано лошадей на сумму 4239 руб. 61 коп. Но при этом во всех этих случаях донцы так и не не смогли называть конкретных имен грабителей (*«кроме одного некоторого запорожскаго козака Еремы»*). Также он здесь вспоминает и более свежий случай, когда в июне 1746 года четыре запорожца (*«а кто имянно не показано»*) убили и ограбили молодого калмыка Банцыка. Затем они угнали еще 12 старшинских коней и не совсем удачно пытались уйти с ними в сторону Кальмиусской паланки – сами смогли вырваться, но только бросив всех коней (этот случай мы уже рассматривали). По всем этим случаям, как пишет генерал-губернатор о все еще содержавшихся под стражей 16 разбойниках из шайки Левки Белого: *«но токмо о всех тех грабежах, и в отгоне и в краже лошадей и о заколотом колмыченке вышеобъявленные поиманные воры не винились»*. То есть попытки следствия раскрутить все эти случаи через допросы подельников Белого были безуспешными, про значительную часть случаев разбоя за период с 1743 года те ничего не знали (или же смогли утаить свои знания).

Особенно забавным в письме генерал-губернатора выглядит попытка прояснить путем допросов членов шайки Левки убийство калмыка Банцыка. Эти люди при всем желании не смогли бы ничего рассказать о нем, так как были пленены за полтора месяца до этого прискорбного случая.

И, как продолжает Леонтьев свою мысль, хотя члены ватаги Левки Белого и *«оговорили»* еще 35 человек своих бывших подельников (*«в том числе и вышеозначенного Андрея Ахтырку»*), но по запросу следственной комиссии Кош так никого из них в Бахмут и не прислал. И что по части из них Кош сообщил об их смерти (обычно насильственной). Помимо уже известной нам печальной участи казаков Грица Штуки, Ивана Покотило, Ивана Таранца, Власа Гужвы, Павла Щербины, (Андрея) Сухого, а также сведений о женитьбе и проживании Василия Носа в Царичанке Полтавского полка, появились сведения еще о трех людях. Так, некий Грицко Росток *«в Сечи умре»*, а известные предводители шаек Клим Калга и Грицко Сенчук *«за воровство повешаны»*. По прочим же людям из этого списка (в том числе и об Андрее Ахтырке) *«показано, что таковых в Запорожской Сечи никогда в куренях не бывало, и ныне нет»*. И тут же Леонтьев (вероятно, повторяя данные из следственного экстракта) пишет о том, что в полученной из *«полковой малороссийскаго Полтавскаго полку канцелярии»* промемории был дан ответ о том, что никакой Василий Нос в Полтавском полку нигде не живет (отметим, что он там мог быть известен под другой фамилией, а часть существенной информации, которая могла бы быть использована для его идентификации – Кош предпочел утаить). И что донские депутаты Гаврила Греков и Карп Колпаков подали в следственную комиссию *«доношение»*, что Андрей Ахтырка (один из людей, о которых Кош ответил якобы *«в Запорожской Сечи и в куренях никогда не бывало»*) является *«подлинно запорожский козак»*. И что о нем имеются сведения в бахмутской гарнизонной канцелярии. А оттуда сообщили, что у них имеется письмо от войска Запорожского к генерал-лейтенанту М.И. Философову. В нем сообщалось, что *«оный вор Ахтырка»* появился в Сечи (вероятно, добровольно), был там *«за учиненные ево воровские поступки по их войсковому обыкновению жестоко наказан»*[3] и что он принес в сечевой церкви присягу *«что уже более воровать и разбивать [грабить — LV] не будет»*[4]. С учетом того, что Философов получил звание генерал-губернатора и сменил должность смоленского губернатора на командира Украинских полков ландмилиции только в 1746 году – это письмо было довольно свежим. Опять Кош в не совсем удобную позицию сам себя загнал…

После разбора ситуации с Ахтыркой киевский генерал-губернатор (опять повторяя фразы из следственного экстракта) записал о том, что из-за неприсылки Кошем ни единого из затребованных 34 человек: *«и за тем о протчих вышеписанных грабежах и об отогнатых и краденных лошадях, и о заколонии колмыченка до смерти – более следовать не ким»*. То есть – что из-за этого укрывательства уже невозможно продолжать расследование по данным делам. После чего идет вполне резонное в такой ситуации заключение следствия: *«а понеже все оговорные воровские товарыщи от войска Запорожскаго закрыты [укрыты, спрятаны — LV] и к следствию в комиссию не присланы, знатно [видимо, надо полагать — LV] закрывая других воровских сообщников»*. И здесь, по всей логике повествования данного документа, нужно было бы ожидать предложения по серьезному и очень болезненному наказанию Коша за такой явный саботаж борьбы с разбойным промыслом с его стороны, не так ли? Но, вместо него, Леонтьев, ломая ко всем чертям всю логику прежде записанного им, приводит свой очень странный вывод по этому поводу.

[3] Обстоятельства войскового прощения ватаги Ахтырки хорошо известны. По позднейшим показаниям одного из участников его шайки – Степана Черного – то, что Кош описал в сообщении Философову как *«жестоко наказан»* на самом деле было просто *«словесным истязанием»*.

[4] В следующий раз выдачи Андрея Ахтырки, Левушковского куреня, будет требовать от Коша в 1752 году Торская следственная комиссия [12, сс. 575-577].

По мнению Леонтьева часть долга в 1398 руб. 27 коп., насчитанную по делу Левки Белого, *«в чем и сами воры повинились»*, нужно было сполна взыскать с Войска Запорожского. Он предлагал, чтобы часть денег была получена с оставшегося в Сечи (видимо, и на прочей территории войска) имущества пойманных воров, а также бывшего полковника Терения Чернеца (за прием тех трех украденных лошадей). По его мысли запорожцы должны были взять с этого имущества *«сколько, по их Запорожскаго войска разсмотрению, надлежит»*, а недостающую сумму должно было заплатить само войско. Полученные таким образом деньги требовалось передать для раздела в войско Донское под расписку.

По поводу же большей части суммы иска (4239 руб. 61 коп.) Леонтьев считал, что их *«ко взысканию положить состоит под сумнением»*. Его не устраивало, что так и осталось неизвестным — кто сделал все эти грабежи и точно ли это были именно запорожские казаки? Ведь кроме какого-то неопознанного Еремы больше следствие никаких имен по этим делам назвать так и не смогло… А ведь Кош ответил, что никакого Еремы в Запорожской Сечи не бывало. И пойманные разбойники Левки Белого в этих грабежах так и не повинились. Да еще и донской казак Аверьян Иванов подал ложный иск на сумму более 300 рублей, и поэтому нужно предполагать, что *«и другие в иске свои на запорожских козаков приписывали излишнее»*. Поэтому Леонтьев предлагал: *«и для того войску Донскому в том другом иску отказать»*.

То, что в его же письме четко на примерах доказывается, что Кош припрятывал прямо обвиняемых в разбоях казаков и давал не всегда правдивую информацию по ним (за что ответственных лиц нужно было бы очень серьезно наказывать) – на окончательный вердикт Леонтьева по этой части донского иска никак не сказалось. Несомненно, что (пусть не все и не в таком объеме), но значительная часть упомянутых донцами случаев разбоев и конокрадства происходила от шаек, приходивших со стороны Вольностей Запорожцев. И многие из участвовавших в таких рейдах были «чистыми» запорожцами. И было бы логично хотя бы какую-то часть этой суммы тоже возложить на войско Запорожское. Но, к сожалению, в высокой политике место справедливости часто занимает целесообразность. Леонтьев нужно было и в дальнейшем выстраивать свои «шефские» отношения с запорожцами, поэтому вступать с Кошем в серьезный конфликт ему было не выгодно. Да и разорить войско Запорожское непомерным штрафом ему было тоже не интересно – к кому бы первому они прибежали в случае своих денежных затруднений? Так отож…

По состоянию на март 1749 года 16 оставшихся бедолаг из шайки Левки Белого все еще находились в заключении в Бахмуте [13, с. 1650]. Надо полагать, что за три следственных года они все не по одному разу успели пожалеть, что когда-то ступили на кривую дорожку… По их поводу Леонтьев в своем «мнении» считал, что нужно *«за такое их воровство и грабительство учинить наказание – бить кнутом или (по их малороссийскому обыкновению) киями [палками — LV] без пощажения»*. Насколько можно понять, выживших после такой экзекуции, в принципе, могли и отпустить на свободу. Но Леонтьев в данном случае настаивал на более суровом варианте: *«из под караула их не освобождать, но сослать в [с]сылку во отдаленныя места вечно»*. Целью этого он указывал такое соображение: *«дабы, на то смотря, другие их братья страх имели и впредь таковых злодейств чинить не отважались»*. Также он записал, что если после наказания их отпустить, то от таких *«легкомысленных и своевольных»* людей могут последовать еще большее воровство

и грабительство. И что они могут опять набрать к себе партию таких же *«своевольных»* людей *«и тем много народную гибель и разорение чинить»*, а также могут начать мстить войску Донскому *«всегдашними воровскими своими нападениями»*.

Изложив свое «мнение», Леонтьев 15 марта 1749 года направил его в Правительствующий Сенат [13, сс. 1643-1650]. В Санкт-Петербурге сенаторы в основном согласились с его выводами и предложениями по поводу размера штрафа на войско Запорожское и о судьбе заключенных из шайки Левки. Вероятно, во многом по тем же резонам, которые стояли и перед самим Леонтьевым. Но перед тем, как вынести итоги следствия на окончательное утверждение (императрице? сенату?), они потребовали еще немного дооформить его материалы. Поэтому появилось новое сенатское поручение (дату установить не удалось, но не раньше апреля 1749 года). В нем, после очень сокращенного пересказа «мнения» киевского генерал-губернатора, было записано: *«Приказали по окончании о тех ворах вышепоказаннаго в Бахмуте следствия, учиня из онаго о винах их обстоятельные и перечневые выписки с подписанием приличных указов и с приложением ему, генералу и кавалеру Леонтьеву, своего мнения для конфермации, також и оных воров под крепким караулом прислать в Пр[авительствующий] Сенат»* [13, с. 1652]. Так что публичная экзекуция Левки Белого и оставшихся в заключении членов его шайки, по всей видимости, должна была произойти в Санкт-Петербурге.

К сожалению, последующих, заключительных документов по итогам первого бахмутского следствия автору найти не удалось. Поэтому, принуждалось ли войско Запорожское в этот раз к оплате денежного штрафа в пользу донцов, а также как сложилась последующая судьба подельников Левки – можно только догадываться. Но, как бы то ни было, дело по взаимным обидам между Запорожским и Донским казачьими войсками за период с 1743 по 1746 год было завершено, по всей видимости, в том же 1749 году. На чем мы наш рассказ о нем и завершим.

Несколько выходя за рамки нашей книги, добавим еще несколько слов о последующих событиях в наших краях. Разумеется, что такими мягкими и нерешительными мерами, какие описаны в нашей книге, центральному правительству искоренить данную проблему было нереально. Преимущественно потому, что не были устранены коренные проблемы, которые приводили к такому результату. И прямо во время следствия, и после завершения всего дела запорожские шайки продолжали терроризировать близлежащие территории (о некоторых из них мы уже успели рассказать).

Одним из наиболее громких происшествий последующего периода станет угон запорожцами в первой половине 1749 года более сотни лошадей у донского старшины Василия Перфильева и у других казаков. При этом донцами был пойман один из конокрадов – Федор Швец. По данному случаю сохранилась грамота Военной коллегии в войско Донское от 30 июня 1749 года о поручении киевскому генерал-лейтенанту Леонтьеву расследовать это дело, а также разобраться *«и в протчих противных оными запорожцами поступках»* [9, с. 539]. Но, по всей видимости начало реализации этого поручения тоже сильно затянется. Во 2-м томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» опубликовано два документа по работе этой комиссии за 1752 год. Это следствие будет производиться в городе Торе (ныне

Славянск) под руководством полковника Андрона Карабшина (это не знакомый нам Андрон Коробьин?). Среди затребованных Торской следственной комиссией по показаниям Швеца двух десятков запорожцев мы вновь видим знакомые нам имена: среди участников того нападения — Герасима Рудя (Менского куреня), среди других причастных к разбойному промыслу (вероятно и за более ранние годы?) — Процика Довженко Донского куреня с его племянником Степаном Погоняйленко, Самойлу Плохуту и Андрея Ахтырку (Левушковского куреня), некого Данилу Щербину Кущевского куреня (возможно это наш беглец из шайки Левки Белого?). И опять каким-то образом к этому делу окажется причастна администрация Самарской паланки… И опять Кош будет тянуть с присылкой затребованных казаков… В качестве встречного иска Кош тогда подаст жалобу *«о починенных [произведенных — LV] внов[ь] донскими старшинами и козаками з 749 года запорожским козакам обидах»*. Получается, в ней запорожцы соберут свежие случаи донских обид за 1749 — 1752 год, то есть со времени окончания прошлой Бахмутской следственной комиссии. [12, сс. 575-577, 605].

Среди свидетелей обид от донцов, которых Кош собирал с ведомств Кальмиусской и Самарской паланок, вновь мелькнет наш Петр Велига (Велегура). Скорей всего он продолжал свою деятельность в привычных ему местах к востоку от нижнего Кальмиуса, где и получит какие-то очередные неприятности от донцов [12, с. 605].

В том же томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи» (дело №13) опубликованы и некоторые документы по угону запорожцами в апреле 1751 года лошадей донского войскового старшины Федора Краснощекова. Сам угон произойдет возле Черкасска и будет сопровождаться убийством калмыка и смертельным ранением донского казака. Значительная донская погоня, возглавляемая старшинами Федором Краснощековым и Максимом Федотовым, по следам конокрадов зайдет в Запорожские Вольности до самого Днепра. В районе *«вышше Хортовского острова»* донцы разгромят воров, убьют из них четырех и бросят их тела в Днепр. Попутно они еще и успеют проверить (успешно!) нескольких местных казаков на предмет наличия у тех ранее ворованных с Дона лошадей. Кошу такое самоуправство донцов на своей территории сильно не понравится. И по жалобе войска Запорожского в октябре 1751 года в Бахмуте будет начата новая комиссия. Она (с большими перерывами) будет идти до июля 1752 года [12, сс. 457-475]).

А иногда (хоть и редко) будут тогда «баловаться» и донцы. Так, в конце июня 1749 года Кош будет жаловаться Леонтьеву на проход через ведомство Кальмиусской паланки шайки из 60 донцов и калмыков, пошедших грабить крымских чабанов на реке Молочной. По пути они еще и ограбят у вершин Берды обоз по главе с запорожцем Кузьмой Литвином Брюховецкого куреня. А 15 июня другая партия калмыков, из 19 человек, по слухам, ограбит в районе реки Каратыш еще какую-то малороссийскую ватагу [13, сс. 1694-1695].

Так что жизнь, вольная и никому особо не подчиняющаяся, беспокойная и опасная, продолжала тогда буйствовать в наших малонаселенных полынных степях. До времен, когда тяжелая имперская рука наведет здесь относительный порядок и начнет целенаправленно строить в этих степях более развитый и продвинутый тип цивилизации – было еще далеко…

Заключение

Автор несколько раз порывался составить перечень выводов по материалам книги, но каждый раз оставался неудовлетворенным результатом. А потом подумал: «А зачем?». В книге представлено множество документов, так что каждый сам может составить свое представление по вопросам данной темы. Например, на такие:

- На самом ли деле распри между запорожцами и донцами за рыбные ловли Приазовья начались XVI – XVII веках, как считал Скальковский? Кто на самом деле владел тогда нашими степями?
- Известны ли документы, подтверждающие существование «древнейшей» Кальмиусской паланки ранее 1740-х годов? Какие именно?
- На самом ли деле Кош послал в Приазовье полковника Кишенского в ответ на притеснения запорожских рыбаков донцами, как считают некоторые украинские историки?
- В каком году и с каких именно событий начались эти распри? И почему именно тогда и именно так?
- Знали ли сами запорожцы, зашедшие в Приазовье во время описываемых событий, что у них есть «исторические» права на эти территории? Или у них изначально была другая аргументация для обоснования выдвижения своих территориальных претензий?
- Когда именно, на каком году конфликта, произошла **первая** попытка «исторически» обосновать претензии донцов и запорожцев на северное Приазовье? И насколько она была убедительна с обеих сторон? Кому на самом деле принадлежала эта территория до того?
- Входило ли южное побережье Таганрогского залива в ведомство Еланчицкой/Кальмиусской паланки, как считают некоторые современные украинские историки? Какой на самом деле был статус у этого побережья на тот момент? Выдвигал ли Кош когда-либо претензии на эти территории?
- Были ли запорожские казаки «белыми и пушистыми»? Правда ли, что все их соседи только и думали о том, как бы их обидеть и утеснить? Или все было немного сложнее?
- Действительно ли царское правительство во время описываемых событий тайно стравливало два казачьих войска между собою? В чем это выражалось и для чего ему это было нужно?
- Какими были основания центрального правительства при принятии решения о переносе границы между двумя казачьими войсками с Миуса на Кальмиус? Имело ли оно право так поступить и ущемлялись ли при этом «исторические» права запорожцев на эти территории?
- Почему основные проблемы и неприятности на следствиях (насколько мы можем судить по известным документам) падали на головы именно запорожских депутатов? Это проистекало исключительно из-за субъективной предвзятости следствия к войску Запорожскому Низовому? Или это во многом проистекало из анахроничных

внутренних устоев Запорожья с его более чем лояльным отношением к грабежу чужаков (что к тому времени уже во многом было изжито у других их российских соседей)?

- Какую часть вины за мучения запорожских депутатов на следствиях нужно отнести непосредственно к политике Коша по припрятывании части затребованных свидетелей?

Ну и так далее… Продолжать можно еще долго. Пусть на эти вопросы попробует для себя ответить сам уважаемый Читатель.

Ну и в завершение скажем несколько слов про дальнейшую историю местных запорожцев. Кальмиусская паланка (после исчезновения Еланчицкой) просуществует еще 22 года. Рыбные ловли, браконьерство в запретных землях и склоки с донцами и далее будут составлять становой хребет ее существования. А вот каких-то славных военных страниц в истории этого поселения так и не случится. После начала следующей войны с турками, запорожцы поздней осенью 1768 года эвакуируют ведомство этой паланки в Присамарье, а опустевшие здания паланки и ее церкви сами (!) сожгут. Никакой героической обороны паланки от татар с полной гибелью ее гарнизона не будет, это уже выдумка позднейших краеведов. Эвакуированные местные казаки будут участвовать (не всегда успешно) в обороне Присамарья. Также они отметятся и в походах, которые будет предпринимать Кош во взаимодействии с русской армией в ту войну.

В 1770 году Российская империя начнет устройство Днепровской укрепленной линии, которая будет представлять из себя цепочку крепостей вдоль Конки и Берды. Соответственно территория позади них получит некоторую защиту от возможных нападений татар. В 1772 году в войне будет достигнуто временное перемирие, боевые действия вестись не будут. Воспользовавшись этим, Кош снова пошлет в Северное Приазовье партию казаков во главе с уже упоминавшимся нами Петром Велегурой. Этот полковник не только восстановит здесь запорожское присутствие, но и вновь захватит у донцов территории вплоть до Миуса. А поскольку основные проблемы он будет резонно ожидать не от разгромленных и деморализованных забердянских ногайцев, а от обиженных им донцов, то свою паланку он устроит опять на Еланчике. Это вызовет законные жалобы войска Донского и резкое недовольство верховных властей Империи. Но кошевой атаман П.И. Калнышевский, который будет тогда проводить точно такую же политику и на других участках своей внутриимперской границы, такие действия своей паланковой старшины будет покрывать. Велегура останется местным полковником вплоть до разгона Сечи. К концу запорожского периода в наших краях уже вновь будут функционировать многолюдные рыбные ловли, также в приморской зоне снова начнут появляться зимовники. Но вот сама Кальмиусская паланка как поселение, насколько видно по документам, тогда так и не успеет восстановиться. Характер местного «зимовчанского» заселения тогда будет оставаться разбросанным, рассеянным.

Следующий этап местной истории будет связан уже с усилиями губернатора В.А. Черткова по заселению и устроению южной части подведомственной ему Азовской губернии. Между Кальмиусом и Бердой будет выделен Кальмиусский (потом Павловский, Павлоградский) уезд. Его центр с самого начала будет планироваться устроить в низовьях Кальмиуса. Но, в связи с крайне ограниченными людскими и трудовыми ресурсами, доступными в этой части губернии, дело долго не будет двигаться. Сначала, около 1777 года, жителем Александровской крепости Иваном Ращупкиным будут основаны две слободы – Кальмиусская

и Белосарайская (сейчас уже документально установлено, что они располагались на месте нынешних греческих сел Сартаны и Ялты соответственно [РГАДА, ф.16, оп.1, д.689, ч.2, л.94–98об.]). И только приблизительно с 1778 года начнется заселение собственно Павловска. Но в нем, помимо наличия уездного земского комиссара П.Т. Горленского, Чертков так и не успеет организовать другие органы власти, положенные уездному городу по российскому законодательству. Поэтому выйти из стадии «Павловской городовой округи» и превратиться в полноценный город — он так и не сможет. Все три упомянутые поселения к апрелю 1779 года будут иметь в сумме всего 210 человек (в том числе женщин), преимущественно из бывших запорожцев. И еще почти 400 человек будет насчитано непостоянного населения, занятого на морских ловлях (*«бездомовных работников в заброде»*).

Осенью 1779 года правительство Российской империи примет решение о передаче слабозаселенного Павлоградского уезда и зародыша его уездного города греческим переселенцам из Крыма. В результате этого в 1-й половине следующего года немногочисленное прежнее население уезда будет преимущественно переселено на территорию к северу от Волчьих Вод (на прежнем месте останутся немногие, в том числе и бывший полковник Петр Велегура). Летом 1780 года основная масса греческих переселенцев перейдет в границы получившего новое наименование Мариупольского уезда, образовав более двух десятков новых сел. К концу июля митрополит Игнатий приведет греков к устью Кальмиуса. А **15 августа 1780 года** (праздник Успения Пресвятой Богородицы) переселенцы организованно войдут в город, проведут торжественное богослужение и начнут занимать дворовые места согласно жеребьевке. Этот момент, по непросвещенному мнению автора книги, и станет точкой раздела между нашей интереснейшей предысторией и историей собственно того города Мариуполя, который мы знаем и любим.

Несколько подробнее обо всех этих событиях (в том числе и о дальнейшей судьбе Петра Велегуры) рассказывается в авторской книге «История казацкой Свято-Николаевской церкви в Кальмиусе» (2020). Сейчас, когда мы отсекли «древнейшую», мифологически-фэнтезийную часть истории Кальмиусской паланки войска Запорожского Низового, уже нет ничего технического сложного в том, чтобы вот так же подробно и занудно расписать ее реальную историю – с датами, событиями и людьми. Документов, в принципе для этого хватает. Возможно, в будущем кто-нибудь за это похвальное дело и возьмется, можем только пожелать ему удачи. А нам остается лишь попрощаться с уважаемым Читателем.

Список литературы

1. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса. 1841.
2. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 1. Одесса. 1846.
3. Жарких М. Терехтемирів. 2013. URL: https://www.m-zharkikh.name/uk/History/Monographs/Terextemyriv/FalseChart.html
4. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 2. Одесса. 1846.
5. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 3. Одесса. 1846.
6. LV. В поисках "второго" зимовника. 2019. URL: http://papacoma.narod.ru/articles/vtoroy_zimovnik.pdf
7. Макаревский Ф. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Днепропетровск: ОАО "Днепрокнига", 2000.
8. Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. Т. 1. К.: Наук. думка, 1990-1991.
9. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А.Лишиным. Т. 2, ч.1 и 2. Новочеркасск. 1894.
10. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 1. Киев: Білоцерківська книжкова фабрика, 1998.
11. LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал (тезисы к докладу). Мариуполь: Изд-во "Рената", 2010. С. 15-28.
12. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 2. К.: Білоцерківська книжкова фабрика, 2000.
13. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. Владимир. 1908.
14. Аваков П.А. "Азовский проект" Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб: Историческая иллюстрация, 2023.
15. Аваков П.А. Участие украинского казачества в российской колонизации Примиусья 1698 — 1711 гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов-на-Дону. 2013. С. 69-75.
16. Гусев В.А. Служба донских казаков. XVIII век. Материалы по истории и генеалогии казачества. Т. VII. Волгоград: Панорама, 2015.

17. Гусев В.А. Служба и бунт казаков. XVII-XVIII века: Материалы по истории и генеалогии казачества. Т. XVI. Волгоград: ПК "Офсет" АО "Альянс "Югполиграфиздат", 2022.

18. Аваков П.А. Оборона Крынкской слободы в 1711 г. (эпизод из истории русско-турецкой войны 1710–1713 гг.) // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). Ростов-на-Дону. 2018.

19. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 3. К.: ЗАТ "ВІПОЛ".

20. Горбов В.Н., Божко Р.П., Кушнир В.В. Археологические комплексы на территории крепости Кальмиус и ее окрестностей // Донецький археологічний збірник. 2013. No. №17. сс. 132-149.

21. Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736 — 1739 гг. Т. 2. СПб. 1906.

22. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы архивов МИД России. Ижевск: ООО "Принт", 2018.

23. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 11. СПб. 1830.

24. Щербина В.И. Киевские воеводы, губернаторы и генерал-губернаторы от 1654 по 1775 г. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца, Т. VI., № Отд. II., 1892. С. 123-148.

25. Коронация Елизаветы Петровны // Музеи Московского Кремля. URL: https://www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.koronatsii-v-moskovskom-kremle/koronatsiya-elizavety-petrovny/

26. Тарасенко Е.Н. И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий…» о Северном Приазовье в 1738—1739 гг. Нижневартовск: НВГУ, 2019.

27. Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 8. СПб. 1871.

28. Полторак В. Василь Максимович Кишенський — постать-легенда та реальність // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України, No. 3, 2006. сс. 182-186.

29. Кузик Т. Військовий писар Олексій Петруша (матеріали до біографії) // Київська старовина, No. 6, 2003. сс. 133-140.

30. Указ императрицы Елизаветы Петровны бригадиру А. В. Беэру. 1747 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. 2009. Т. XVIII. С. 169-181.

31. Эварницкий Д.И. Две поездки в Запорожскую Сечь Яценка-Зеленскаго, монаха Полтавскаго монастыря, в 1750-1751 г. Екатеринослав: Типография К.А. Андрушенко, 1915.

32. Тарасенко Е.Н. И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий …» о Северном Приазовье в 1738—1739 гг. Нижневартовск: НВГУ, 2019. 219 с.

33. Елагин С. История русского флота. Период Азовский. Приложения. СПб. 1864.

34. Багаевская С. Аннинская крепость вчера, сегодня завтра 2014. URL: https://proza.ru/2014/11/23/1398

35. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. Т. III (Л-Н). М.: Университетская библиотека, у Н.Новикова, 1788.

36. Мышецкий С. История о козаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1847. No. №6.

37. Синяк І, редактор. Присяга Війська Запорозького Низового 1762 року. Чернігів: видавець Лозовий В.М., 2015.

38. Кузик Т. Коли Лука Яценко-Зеленський бував у Запорозькій Січі? // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. К. 2005. Т. 10. С. 216-224.

39. LV. История казацкой Свято-Николаевской церкви в Кальмиусе. Донецк: Издательский дом EDIT, 2020.

40. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 12. СПб. 1830.

41. Коркина Т.Д. Формирование административной лексики в русском языке XVIII века: предсѣдатель, президент, презес // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов., № 2, 2019. С. 64-78.

42. Юшкевич Ф.Ф. Краткая история 15-го Пехотного Шлиссельбургского генерал-фельдмаршала князя Аникиты Репнина полка. 1700-1909. Варшава. 1909.

43. Эварницкий Д.И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб. 1888.

44. Аваков П.А. Участие украинского казачества в российской колонизации Примиусья 1698–1711 гг. // Украинцы Юга России: Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов-на-Дону. 2013. С. 69-75.

45. Исторические сочинения о малороссиянах Г.Ф.Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Москва. 1846.

46. Толстой П.А. Описание Черного моря, эгейского архипелага и османского флота. М.: Изд-во "Наталис", 2006.

Указатель личных имен[1]

Аба, донской калмык 190
Аваков Петр Ашотович, историк 28, 46
Автагул-ага (Атевгу-ага) – крымск. вельможа 188
Агафонов Иван, сенатский (?) канцелярист 269-269
Адиль-Гирей (Алды), крымск. царевич, калга 24
Акимов Григорий, паланк. полковник, см. Якимов Г.
Акимов Тихон, см. Аханов Тихон
Акмамат (Ак-Мехмед?), ногаец 129
Алексеев Григорий, донск. казак 85
Алексеев Петр, казак Азов. казач. полка 148
Алексеев Родион, казак Азов. казач. полка 159
Алистратка, запор. казак 175, 180
Амоха Федор, запор. казак Иванивского кур. 230
Андреев Григорий, казак Азов. казач. полка 148, 150, 158, 159, 203
Андреев Иван, донск. казак 319, 327, 336, 343, 353, 357
Андреев Матвей, донск. казак из Черкасска 359
Анна Иоанновна, рос. императрица 37-38, 60, 96, 125, 282, 300
Араслан Дивеев, татар. князь из рода Мансур 23-24
Араша Илдже (Луизже), донской калмык 120, 159, 163, 227
Аридал, калмык 163, 243
Афанасьев Федор, донск. казак, плотник 306-307
Афонасьев Лаврин, запор. казак, депутат на следствии 216
Аханов (Акимов?) Тихон, донск. казак станицы Бессергеневской на р. Аксай 202, 286
Ахтырка (Охтырка) Андрей, запор. казак Левушковского кур., разбойник 288, 325-326, 370-371, 375
Бабачок, запор. казак Батуринского кур. 192
Бакчевник Мартин Михайлович, донск. малороссиянин из Прибылянской станицы г. Черкасска 239
Бакчевнин Федор, запор. казак 332
Бакша Василий, запор. казак Полтавского кур. 350, 353
Бакы-мурза, татар. князь из рода Мансур 22
Балахнин, подследственный 51
Балгора, донской казак 333, 343
Банбос Павел Егорович, малороссиянин из г. Омельника Миргородского полка 241
Банцык, калмык 260, 371
Барабаш, запор. казак 356
Баран Осип (Иосиф, Ясько), запор. казак Ирклеевского кур., паланк. полковник 120, 221, 320, 328-329, 338, 355-356, 361, 368
Басараб Василь, запор. казак Кореневского кур. 111, 120, 138, 242
Баторий Стефан, король польский и великий князь литовский 5, 8-9, 11, 104, 188, 196, 236
Бацман Влас (Улус), запор. казак Полтавского кур. 111, 295(?), 332, 343-344, 350, 353
Бацман Влас, запор. казак Ирклеевского(?) кур. 350
Бацман Илья, запор. казак 332, 343, 345
Безчастный Данил, запор. казак Деревянковского кур. 111, 298
Безыменный Марко, запор. казак 332
Белицкий Павел, запор. казак Полтавского (Ирклеевского?) кур. 350, 353

[1] Применяемые сокращения: казач. – казачий, донск. – донской, запор. – запорожский, войск. – войсковой, кур. – курень, паланк. – паланковый, рос. – российский, крымск. – крымский, татар. – татарский, ген. – генерал, лейт. – лейтенант, Азов. – Азовский, св. - святой

Белокур Григорий, запор. казак Титаревского кур. 351, 3535
Белоусый (фимилия? прозвище? описание внешности?), донск. казак 340, 343
Белошапка Иван, полковник в Семеновском и Павловском (II) шанце, такого человека реально не существовало 183, 186-187
Белошапка Лаврентий (Лаврин) Кондратьевич, павловский полковник 26, 187
Белый (Белой) Яким (Еким) Игнатьевич (Яким Игнатов), запор. старшина 260, 269-271, 273
Белый Гаврила, малороссиянин 292
Белый Иван Гаврилович («он же и Ветер»), малороссиянин, разбойник 291-292, 295, 305, 312
Белый Иван Федорович, запор. казак Донского куреня, войск. есаул, курен. атаман, полковник столичников 96, 107, 169-170, 180-181, 183, 189, 193-195
Белый Левка (Леонтий) Федорович, запор. казак Калниболоцкого кур., атаман разбойников 235, 238-240, 244, 256-257, 280-281, 283-286, 290, 296-305, 307-310-312, 316, 321, 324-327, 364, 366, 370-374
Белый Марк Гаврилович, малороссиянин 292
Белый Остап, запор. казак 332
Белый Семен Петрович («а в Сечи прозвали ево Медведем»), запор. казак Полтавского кур., разбойник 292-293, 295, 299, 302, 305, 307, 311, 334?, 344-345
Белый Филипп, запор. казак Джереловского кур. 332
Беляев Андрей, казак Азов. казач. полка 148
Бергман Питер, швед. картограф на рус. службе 30, 113
Берда, донск. калмык Нижнего улуса 355, 358-360, 368
Бердекович, ген.-майор, комендант крепости св. Анны 191
Бережецкий Влас, павловский полковой атаман 26
Березовский Николай Андреевич, малороссиянин из г. Омельника Миргородского полка 241
Бечей Беркук, донск. калмык из Нижнего улуса 204
Бибиков Илья Александрович, ген.-поручик, военный инженер и картограф 251, 288
Билецкий Иван, запор. кошевой атаман 37, 282, 284, 298, 358
Бильс Яков, подполковник Шлютелбургского (Шлиссельбургского) полка 16, 166-169, 171-172, 175, 180, 184, 188-191, 193-198, 200, 207, 235, 249, 252, 254-255, 258
Бирюк (Андрей?), запор. казак Щербиновского куреня, паланк. есаул 262, 323, 327, 353, 363, 367
Бисмарк Людольф Август фон-, ген.-аншеф, командующий войсками по Украинской линии 368-369
Благута Леско, запор. казак (Ирклеевского кур.?) 226, 332, 347-348, 351
Бобах Иван, запор. казак Пашковского кур. 325
Бобриков Максим, донск. старшина 120, 203-204, 309, 345
Богодуховский Василь, житель Изюмского слободского полка 320-321, 323
Болбот Нестор, запор. казак Полтавского кур. 111-112, 323, 342-343
Болбот Федор, запор. казак 332
Болдырев Василий, донской малороссиянин 155
Бондырев Илья Иванович (он же – Илья Черный, Левка Черный), запор. казак Левушковского кур., разбойник 299-301
Борисов Максим, запор. казак (?) 294
Бормот (Бормат) Кондрат, запор. казак 333, 335
Бородавка Василий, запор. «старожилый» казак, 169-170, 183
Бородавка Елена, дендролог 173, 288
Босый Грицко, запор. казак 112

Бредаль Петр Петрович, вице-адмирал 42, 44, 68
Брюс Яков Вилимович, граф, ген.-фельдмаршал, ученый, картограф 170-171
Будужап, калмыцк. мурза из войска Донского 158, 162, 243
Булава Степан, запор. казак, разбойник 281
Булавин Кондратий Афанасьевич, донск. казак, руководитель восстания 27, 36, 56, 80, 109
Булавка Роман , запор. казак Менского кур. 325-326, 370
Бутич Иван Лукич, историк, 10
Ваповский Бернард, польский картограф 23
Васильев Алексей Николаевич, полковник Азов. казач. полка 150-151, 162-163, 202
Васильев Алексей, житель поселка Полуденка на нижнем Дону 155
Васильев Андрей, казак Азов. казач. полка 159
Васильев Артем, запор. писарь 120, 221
Васильев Никифор, казак Азов. казач. полка 148, 153, 159
Васильев Николай Васильевич, полковник «запорожского» Азов. казач. полка 26, 150
Вейдель (Ведель) Рудольф (Родион) Кондратьевич фон-, ген.-майор 279
Вейсбах Иоганн Бернгард, ген.-аншеф 37-41, 56, 62, 66
Велегура Петр, запор. казак Щербиновского кур. 84, 333, 349, 355, 375, 377-378
Великий Андрей, запор. казак, см. Звезденко А.И.
Великий Грицко, запор. казак Щербиновского кур., разбойник 284
Великий Иван, запор. казак Деревянковского кур. 230
Вешняков Алексей Андреевич, рус. дипломат 40, 64, 162
Виденцов Логвин, казак Азов. казач. полка 203
Вилховиков Иван Иванович (Иван Шинкарь), малороссийский казак, разбойник 298-299, 304, 312
Вильнёв, Луи Совер де, маркиз, французский дипломат 48
Виногоров Афанасий Власьевич, подъячий в Транжаментской канцелярии 147
Виногоров Василий (Афанасьевич?), ротмистр Азов. казач. полка 140, 147-148, 150-153, 155, 158-163, 167, 227, 242, 246
Виногоров Федор Власьевич, подьячий в Азовской приказной палате и канцелярии Транжамента 147
Витовт, великий князь Литовский, 14
Водолага Иван, запор. казак Сергиевского кур. 111, 333, 353
Водолазский (Водолага) Иван Сидорович, курень не выяснен, запор. делегат на следствии в Бахмуте 316, 328-329, 333, 349, 351, 359
Вол Федор, запор. казак 333
Волнянский Данила, бахмутский казак 359
Воробец Иван, запор. казак Сергиевского кур. 324
Вырубов Иван Михайлович, полковник, комендант крепости св. Анны 6, 12, 16, 103-105, 117-119, 122, 130-132, 136, 151, 162-163, 166, 191
Вязовецкий Степан, запор. казак 333
Габун, калмык, см. Гобун.
Гавриил (Розанов), архиепископ Херсонский и Таврический 31
Гавриил, крымск. грек 283
Газы-Гирей, крымск. хан, 24
Галисевич, литовский полковник 326
Галушкин Калина, донск. казак 226, 334, 338, 346-348, 351, 358
Гарбузин Микита, запор. казак 111
Гарбузлаев (Горбузлай) Гаврила, донск. полковник 232, 332-333, 335, 337, 339-340, 342, 353
Гарбузлай Петр, запор. казак Ирклеевского кур. 230
Гелюн (Гилюн) Билякта, донск. калмык из Нижнего улуса 358

Гелюн Цоирюп, донск. калмык из Нижнего улуса 204
Герасимов Никита, донск. казак из Черкасска 82
Гецюль (Гецель) Иши, калмык 159, 163
Гирявой (Гирлявый, Гилявый) Яков (Конон??), запор. казак Уманского кур. 333, 343, 357
Гладкий Данила Стефанович, запор. кошевой атаман 9
Глуховецкий Данила, павловский полковой атаман 26
Глушихин Степан, донск. казак 203, 285-286
Гобун (Габун), калмык крепости св. Анны 148, 243
Головко Андрей, запор. казак 333
Голтва Григорий, павловский полковой атаман 26
Голуб Василь, запор. казак Джереловского кур., разбойник 283-284, 324, 326
Горб Данил, запор. казак (?) 230
Горбиков Иван, Донского походного войска писарь 269
Горбов Владимир Николаевич, археолог 44, 228
Горбунов Андрей, малороссиянин донской Михайловской слободы на р. Хопер 82
Горелкевич Трохим (Трофим), запор. казак Вышестеблеевского кур. 111, 333, 345-346, 357
Горленский Петр Трофимович, отставной майор, кальмиусский и азовский земский комиссар 378
Горнов Левка, см. Черный Левка
Греков Гаврила, донск. делегат на следствии в Бахмуте 316, 329, 372
Греков Макар, донск. полковник 156, 309
Греков Тимофей, донск. войск. толмач 199-200, 204-205, 207, 289-290, 303
Греченинов Демьян Прокопович, малороссиян Изюмского полка 239, 295
Грибовский Владислав Владимирович, историк 18
Григорьев Алексей, донск. казак из Черкасска 359
Григорьев Василий, малороссиян из Прилуцкого полка 239, 295
Грушевский Дмитрий Николаевич, мариупольский краевед, 5, 25
Губа Василь, запор. казак Иванивского кур. 335
Губа Иван, запор. казак Левушковского кур. 324, 370
Гужва Влас, запор. казак Ирклеевского, кур., разбойник 284, 291, 325, 372
Гуков Павел, донск. казак, старожил Гундоровской станицы 175, 180
Гулян, калмык Зенгорова улуса 203
Гунга, калмыц. аристократ 41
Гупал (Гупало) Федор, запор. казак Брюховецкого кур. 111, 334
Гурсул Грицко, запор. казак, атаман чумаков 299-301
Гусев Виталий Александрович, историк 28, 68
Дангул Григорий, крещеный калмык из Азов. казач. полка 163
Данилевский, Николай Яковлевич, культуролог и естествоиспытатель 77
Данилов Кирило, запор. старшина, полковник столичников 220
Дарханов Сулин (Сила), запор. казак 334, 364-366
Дебоксет (де Боксет) Даниил Исакович, военный инженер 16
Дебриньи (де Бриньи) Андрей Петрович, ген.-лейт., командующий Украинской линией и Ландмилицким корпусом 148, 156
Девлет-Гирей I, крымск. хан, 24
Дежедерас (де-Жедерас, Шедерас, Ажидерас) Иван Петрович, бригадир, комендант Таганрогской крепости 84
Демко, запор. казак Поповичевского кур. 265
Демьяненко Яков (Яцко) Петрович, малороссиянин, разбойник 301, 312
Дендебер Феско, запор. казак 111, 334

Депрерадович Родион Степанович, ген.-майор, основатель Славяносербии 8
Джанкуват, татар. князь из рода Мансур 22
Дивей-мурза, татар. князь из рода Мансур 22-23
Диденко (Деденко) Семен, запор. казак 334
Диденко Влас Степанович, запор. казак Корсунского кур., разбойник 297-298, 304
Дикий Павел, запор. казак(?), атаман рыболовов на Сазальницкой косе 348, 351, 369
Дмитров Осип, донск. наказной старшина 201
Дмитрь (Дмитрий?), запор. казак Корсунского кур. 231
Довбня Михаил, запор. казак 46
Довженок Процык, запор. казак Донского кур. 302, 361-362, 375
Долгий (Довгий) Алексей, запор. казак 138, 215, 243
Долгоруков Василий Владимирович, князь, президент Военной коллегии 109
Долгоруков Юрий Владимирович, полковник 109
Долотин Ермола, донск. казак, старожил Гундоровской станицы 175, 180
Домаха, легендарная казачка 18, 31
Домонтович Иван, запор. казак Ирклеевского кур., куренной атаман, запор. делегат на следствии в Бахмуте 316, 328-329
Дон Василь, запор. казак 334
Дондук-Омбо, калмыц. хан 41, 80, 261
Дорджи Шарап, донск. калмык из Нижнего улуса 204
Доржа, калмыц. аристократ 41
Дрижченко Иван, запор. казак Титаревского кур. 112
Дрочинский Емельян Алексеевич, малороссиянин, разбойник 301, 312
Дубелин Микита (Никита), запор. казак 37
Дубина Роман, запор. казак 334, 338, 343
Дуглас (Дуклас) Густав Отто фон, генерал-лейтенант 82
Дума Кондрат, малороссиянин 302
Дума Федор Степанович, запор. казак Уманского кур. 302
Дюдка (Дядко) Остап, запор. казак Батуринского кур. 230, 354
Дятков (Дядков) Дмитрий, запор. казак Ведмедовского кур. 325-326, 370
Едикли-ага 40
Екатерина II, рос. императрица 262
Елизавета Петровна, рос. императрица 12, 15, 50, 59-60, 92, 109, 123, 125, 135, 239, 282, 284, 298, 300
Емельянов Роман, донск. наказной войск. атаман 109-110
Ерема, запор. казак 371-372
Ерещенко Грицко, запор. казак 302
Ермоленсковый Нестор, запор. казак Джереловского кур. 294
Есиней Дивеев, татар. князь из рода Мансур 23-24
Ефим, запор. казак(?), разбойник 320-321, 323
Ефремов Данила Степанович, войск. атаман войска Донского 13, 71-72, 76-77, 80, 86-87, 89-91, 99-102, 106, 108-110, 126, 128, 131-136, 169, 172, 191, 193, 199-201, 204-205, 207-210, 216-220, 223-224, 227, 235-239, 244, 246-249, 251, 255-258, 260-262, 275-276, 280, 288, 305, 307, 370
Ефремов Степан Данилович – дон. полковник, сын войск. атамана Ефремова Д.С. 80, 201, 216, 261-262, 264-266, 268-269, 273-274, 276-279, 336-337, 340, 343
Жарких Николай Иванович, химик и историк 10
Жильцов Яков, полковой писарь, член следственной комиссии 315
Житков Ефим, донск. казак Манычской станицы 202, 286
Житков Прокофий, донск. казак Манычской станицы 202, 286
Жук Федор, запор. казак Величковского кур. 111

Журавель, запор. паланк. есаул 76, 80, 82-83, 90, 154
Журба Яков, запор. казак Кореневского (?) кур. 111
Журба Яско, Нижнестеблеевского кур. 231
Заломный Афанасий, донск. казак 339, 343
Замишляка Иван, запор. казак 334
Замула Иван, запор. казак Батуринского кур., разбойник 293-294
Захаров Андрей, запор. казак, паланк. писарь 93, 111, 348, 351
Звезденко Андрей Иванович (он же, вероятно, Андрей Великий), запор. ка-зак Деревянковского кур., разбойник 297-298, 302, 304
Зима Игнат, малороссиянин 338, 348-349, 351
Зиновий, куренной атаман Ведмедовского кур. 326
Змиевский Наум, казак Изюмского казач. полка, житель г. Изюма 303, 320-321, 323
Золотарь (Залотарь) Петр, запор. казак(?) 325, 370
Золотарь Алексей, запор. казак Щербиновского кур. 347, 351, 353
Золотарь Федор(?), запор. казак Щербиновского кур., скорей всего это ошибка, см. Золотарь Алексей
Иван Похил, запор. старшина 260, 269
Иван Рябой, запор. старшина 260, 269
Иван, донск. малороссиянин, нанятый Палеем 156
Иван, запор. казак Деревянковского кур. 230
Иванов Аверьян, донск. казак Прибылянской станицы г. Черкасска 203, 371-372
Иванов Григорий, казак Азов. казач. полка 203
Иванов Захар, крещеный донской калмык 199-200, 203, 207, 287
Иванов Петр, запор. казак, депутат на следствии 216
Ивашка (Ивашжа) Петр, крещеный калмык 159, 163, 243
Игнатий (Иаков Гозадинов), греческий митрополит, основатель Мариуполя 378
Иджай Эргас, калмык 163
Иевлев Агей, донск. старшина, 167, 175, 180
Изюмец (Узюмец) Федор, запор. казак Ирклеевского (Васюринского?) кур. 111, 231, 334, 347, 351
Илеган Ашай, донск. калмык из Нижнего улуса 204
Иловайский Иван, донск. старшина 99
Индеец, форумный ник 228
Иоанн Антонович, малолетний рос. император 282, 284, 298, 300
Исмаил-ага, тур. комендант г. Ачуева 13, 128-129, 131-132
Кажан Марк Кондратович (Марко Кажан, Марк Кондратов), запор. знатный казак Незамаевского кур., кошевой атаман 211-212, 216-217, 245, 350, 352, 354, 362
Калачниченков (Каланчинский?) Козьма Уласович (Власович), малороссиянин из г. Грайворона 240, 303, 333?, 343
Калга Клим, запор. казак Кисляковского кур., атаман разбойников 202, 205, 238-239, 244, 283-297, 302, 304, 310, 324, 326, 333, 338, 344-345, 370-372
Калницкий Тимофей, запор. старшина, есаул столичников 221
Калнышевский Петр Иванович, запор. кошевой атаман 132, 271, 377
Калюжный Алексей, запор. казак Титаревского кур. 280, 301, 307, 312, 325-326
Каменский Петр, дон. казак 85
Канбулов Роман, донск. казак 306
Канков (Конков) Иван, купец из крепости св. Анны 130-131, 191
Кантемир- мурза, татар. князь из рода Мансур 24
Капыджа-паша Хаджи Ибрагим, тур. дипломат 52-53
Кара-Баджак, крымск. армянин 283
Карабшин (Коробьин?) Андрон, полковник 375

Кариса Иса, крымск. татарин 283
Карл XII, шведский король 170
Карп, запор. казак Титаревского кур. 231, 265
Карпенко Нестор, запор. казак Шкуринского кур. 111
Картавый (Кортавый) Яков, запор. казак Тимошевского кур., разбойник 192, 334, 342, 364-366, 369
Каршин (Каршинов) Григорий Алексеевич, донск. наказной атаман 106, 110, 112, 231, 234, 247, 275, 319, 332-342, 344
Каршин Алексей, донск. казак 321
Касай-мурза, ногайский аристократ 128-129, 131-132, 134
Качинский, полковник, комендант крепости св. Анны 191, 247-248, 257, 260
Каючинков Яков, дон. казак 87
Келленг, гарнизонный лекарь в крепости св. Анны 162
Кирик, донск. малороссиянин, нанятый Палеем 156-158
Кирилов Павел, запор. войск. судья, запор. делегат на следствии в Бахмуте 316, 360-362
Кирсанов Фома, донск. старшина 261, 269-269
Киселев Михей, донск. казак 135
Кислый Остап, запор. казак 295, 334, 344-345, 357, 368
Кишенский Василий Максимович, запор. казак Ирклеевского кур., паланк. полковник, 12-13, 16, 70, 74-87, 89-94, 99-100, 102, 114, 140, 154, 170, 172, 184, 187, 189, 319, 322, 376
Клюка Никита, запор. казак(?) 335, 343
Клюка Ярема, запор. казак 335
Ключенко (Ключник) Микита (Никита), запор. казак Тимошевского кур. 111, 334, 343
Ковалев Константин, казак Азов. казач. полка 159
Коваль Василий, запор. казак Незамаевского кур. 229, 333, 335?
Коваль Леонтей Степанович (Левко Коваль), малороссиянин, разбойник 298-299, 304
Коваль Яков Степанович, малороссиянин 299
Ковриха Иван, куренной атаман Менского кур. 326
Ковтун Иван, запор. казак Джереловского кур. 230
Козелецкий Павел Иванович, запор. кошевой атаман 9, 322, 325, 330, 350, 354
Колошинов Афанасий Захарович, полковник «донского» Азов. казач. полка 26
Колпаков Карп, донской делегат на следствии в г. Бахмут 316, 329, 372
Колычев Степан Андреевич, стольник, азов. вице-губернатор 32, 79
Комар Алексей Григорьевич, запор. казак Ведмедовского кур., разбойник 244-245, 283-286, 288-291, 295, 304, 344
Комар Омельян, запор. казак Ведмедовского кур. 284
Кондрат, запор. казак из зимовника на р. Самара 299
Конков Иван, см. Канков Иван
Коновал Денис, запор. казак Титаревского кур. 111
Конюшенко Яков, запор. казак Роговского кур. 230
Копыл Александр Гаврилович, краевед 18
Коробьин Андрон, подполковник Тамбовского полка воронежского гарнизона 16, 260, 262-265, 267-269, 273-274, 276-278, 314-316
Король Осип Иванович, запор. казак Ирклеевского кур. 160-162, 242-243
Короченский Осип, житель Изюмского слободского полка 320-321, 323
Корсунской(?) Ерема (Ярема), запор. казак Корсуньского кур., паланк. есаул 93, 348, 351, 353, 363
Красей Иван, запор. казак Крыловского кур. 193, 229, 350
Красей Степан, запор. казак Крыловского кур. 229, 350-351, 353, 369

Краснощеков Федор, донск. старшина 358, 375
Крестьянинов, донск. старшина, см. Хрестьянов
Кривецкий Анисим Семенович, запор. писарь 221, 269
Кривой Кузьма (Козма, Казма), запор. казак Пластуновского кур. 192, 335, 342
Криворотый Роман, запор. казак Иванивского кур. 325-326
Крот Леско, запор. казак 335
Кузик Татьяна Леонидовна, историк 76, 137, 139, 212
Кузьменко Микита (Никита), запор. казак Джереловского кур. 112, 335
Кукса Левка, запор. казак, куренной атаман Полтавского куреня 355, 359, 361
Куликов Антон, донск. казак Павловской станицы г. Черкасска 203
Кумпан (Кунпан) Семен, запор. казак Кисляковского кур. 265, 335, 342
Кучер Василь, запор. казак Ирклеевского кур. 111
Кущинский, наказной сотник Полтавского полка 293
Лантух Григорий Федорович (Григорий Федоров), запор. старшина, кошевой атаман 260, 269
Ланцкоронский Прецлав, староста Хмельницкий 5, 10, 11
Ларионов Алексей, донск. старшина 169, 203-204, 207
Ласси Петр Петрович, ген.-фельдмаршал 42, 44-46, 48
Лаштабега Иван, запор. паланк. есаул 138-141, 143-145, 149, 153, 162, 211, 213, 242-243
Лбов Василий, поручик Полтавского полка киевского гарнизона 260, 262, 264-265, 267, 273-274
Левашов Василий Яковлевич, ген.-аншеф 45, 68, 77
Левинец Дмитрий, сотник Полтавского полка 293
Левтерев Алексей, донск. казак из г. Черкасска 306
Лелека Василь, запор. казак Ирклеевского кур. 111
Леонтьев Михаил Иванович, киевский ген.-губ. 13, 16, 41, 45-46, 48, 57-59, 61, 64, 66-67, 73-74, 76, 86-87, 89-93, 98-100, 103, 115, 117-119, 126-127, 131, 165, 189, 194, 197, 199-200, 207-216, 223-224, 232, 235, 239, 240, 246-248, 250, 253-260, 271, 273-275, 277-279, 285-288, 310-312, 314-315, 324, 344, 355, 364-365, 367, 369-375
Летыченко (?) Агафья, жительница местечка Богородичное на р. Самара 298
Летыченко Анисим Лукьянович (Анисим Лукьянов), малороссиянин, разбойник 297-299, 304
Летыченко Лукьян, малороссиянин 298
Лещинский Станислав I, польский король 37
Лисицин Афанасий, житель г. Белева 295, 332, 334, 338, 344-345, 368, 371
Литвин Грицко, запор. казак Ирклеевского кур. 138, 215, 229, 243, 301(?), 336
Литвин Кузьма, запор. казак Брюховецкого кур. 375
Литвин Максим, запор. казак 335
Литвин Яков (Яцко), запор. казак из Вышестеблеевского кур. 111, 231, 343, 355
Лишин Александр Андреевич, историк 20, 110, 125, 169, 172-174, 181-183, 266
Лоба (Лоб?) Ефим, запор. есаул у столичников 121
Ломако Николай, краевед 33
Лопухины, подследственные 51
Лубенченко Матвей, запор. казак Поповичевского кур. 229
Лузан, калмык крепости св. Анны 148, 243
Лузун (Лузан?), калмык 163
Лукьян, донск. малороссиянин, нанятый Палеем 156
Лутовин (Лутовинов) Иван, казак Азов. казач. полка 148, 159
Лысый Иван, запор. казак 111
Лысый Петр, запор. казак Величковского кур.227, 242, 244
Лысый Роман, запор. казак 111

Лях Иван Сулистрович, запор. казак Каневского кур., разбойник 284, 324, 326
Мазепа Иван Степанович, гетман, изменник 27, 31, 56, 65, 186, 197
Макар, донск. малороссиянин, нанятый Палеем 156
Макаревский, Феодосий, см. Феодосий (Макаревский)
Макариев Евтихий, запор. казак 111
Максименко Григорий Максимович («а в Сечи прозвали Тараном»), запор. казак Джереловского кур., разбойник 293-296, 305, 312, 364-366
Максименко Михаил Максимович, запор. казак Джереловского кур. 294
Малашевич Иван, запор. кошевой атаман, 37, 39-40, 58-60, 73, 282, 298
Малашевич Константин, запор. кошевой атаман, 16, 59-62, 72-74, 76, 81, 86, 90, 92-93, 95-100, 118, 169-170, 183, 187, 189
Малый Афанасий, запор. казак Щербиновского кур. 325
Малый Иван, запор. казак Левушковского кур. 324
Малый Максим, запор. казак Тимошевского кур. 111
Малый Мартин Харитонович, запор. казак Кисляковского куреня 150-152, 158
Малый Петр, запор. казак 138, 215, 243
Малый Яким Игнатович (Яким Игнатов), запор. кошевой атаман 66, 90, 93, 100, 107-108, 114, 118, 122, 126, 184, 209, 211
Малый Яков, запор. казак 336, 343
Мамай, золотоордынский беклербек 46-47
Мансур, сын Едигея, татар. князь 22
Манчапрас Грицко, запор. казак Васюринского кур. 111, 192, 336, 342
Манченко (Менко) Степан Осипович, малороссиянин, сам себя приписывал к Полтавскому кур., разбойник 300-301, 304
Мария, жена запор. казака Кондрата Черного, жительница Доломановской слободки в Азове 282
Марков Осип, малороссиянин в Богородичном (Старой Самаре) 292
Матвеев Филат, ротмистр Азов. казач. полка 282
Машенский Иван Матвеевич, казак Ахтырского полка 240
Машлыкин Андрей, донск. старшина 115
Медведь Семен, запорожец, см. Белый Семен Петрович
Медер Андрей Иванович, военный картограф 147, 159, 263
Мединцов Логин, казак Азов. казач. полка 148, 153
Мединцов Наум, казак Азов. казач. полка 159
Мелихов Михаил, курский купец 371
Мельников Михайла, курский купец 203
Менгден Георг фон-, ген.-майор 170-171
Менко Степан, см. Манченко С.О.
Менкуюк, калмык 159, 163
Мерочник Иван, куренной атаман Джереловского кур. 326
Мехмед-Гирей (Мухаммед), крымск. хан 24
Микулаевской Василь Данилович (он же Василий Николаев, он же Василь Таран), малороссиянин, разбойник 300-301
Миллер Абрам, лекарь 115
Миллер Герхард Фридрих, придворный историограф 10
Миних Бурхард Кристоф, ген.-фельдмаршал 42, 45, 47-48, 51, 56-59, 61, 358
Миргородский Андрей, см. Шафранов А.О.
Мишка Илья, запор. казак. Ошибка в прозвище? См. Черный Илья
Могила Грицко, запор. казак Пластуновского кур. 111, 319, 322, 327, 336, 343, 357
Моисей (Мосей), запор. казак, разбойник 203, 212, 246
Мокроновский, шляхтич(?) 326
Молитва Петр, запор. казак Сергиевского кур. 230
Монгу, донск. калмык 163

Моценко Степан Маркович, малороссиянин из Черниговского полка 240
Мушкет Гаврила, запор. казак 337, 343
Мыцик Юрий Андреевич, историк 10
Мышецкий Семен Иванович, военный инженер 17, 35, 38, 211
Нагай (Ногай) Василь (полтавчанин Филипп Бражниченко), запор. казак Донского кур., разбойник 320-322
Нагай (Ногай) Иван, запор. казак Платнеровского кур. 322-323, 327, 337, 343
Найда Артем, запор. казак Ирклеевского кур. 265, 337
Наследышев Мирон, донск. старшина 236
Неделчинко (Неделко) Степан Николаевич, запор. казак Величковского кур. 299-301
Нежинец Антон, запор. казак Поповичевского кур. 192
Некрасов Игнатий Федорович, дон. казак, один из руководителей восстания Булавина 36
Нелин (Нелинь) Иван, запор. казак 337
Неплюев Иван Иванович, рус. дипломат и администратор 35, 49-51, 57-59, 63, 70, 73, 189-190, 194-196, 198, 200, 209
Никитов Максим, запор. старшина, есаул столичников 221
Никифоров Александр, поручик 197
Николаев Роман, запор. старшина, полковник столичников 221
Новоторжцев Михаил, сенатский секретарь 118, 136
Ногай Василь, запор. казак, см. Нагай В.
Ногай Иван, запор. казак, см. Нагай И.
Нос Василий, запор. казак Донского кур. 324-326, 372
Нос Федор, запор. казак(?) 336, 343, 355
Носик Иван, житель г. Тора 82
Обелец Василь, запор. казак Донского кур. 111
Облотка Василь, запор. казак(?) 347
Овчар Степан, запор. казак Брюховецкого кур. 230
Олийнык Александр Леонтьевич, историк 12
Омельницкий Петр, запор. «старожилый» казак, 169, 183
Орел Прокоп, запор. казак Тимошевского кур. 111, 337
Орлик Филипп Степанович, гетман-эмигрант 17, 39
Орлов Казьма (Кузьма), дон. казак 85
Орлов Михайла, донск. старшина 261, 269-269
Осипов Матвей, донск. казак одной из Рыковских станиц г. Черкасска 203, 286
Островерхий Василь, бахмутский казак 359
Охтырка Андрей, см. Ахтырка А.
Паламарь Яков, запор. казак Кореневского кур. 111
Палей Алексей, донск. казак 156-158
Перфильев Василий, донской старшина 312, 374
Петр I, рос. император 22, 25, 28, 31, 39, 48, 57, 68, 128, 173-175, 177, 181, 183-184, 186, 240
Петр III Федорович, рос. император 51, 212
Петруша (Сукур, Кривой) Алексей Федорович, запор. паланк. и войск. писарь, войск. товарищ Прилуцкого полка 76, 111, 138-139, 141, 143, 152, 159-161, 164, 206, 211, 213-214, 218, 242-243, 246, 325-327, 350
Пирко Василий Алексеевич, историк 19
Письменной Яско, запор. казак 337
Письменный Андрей, запор. казак(?) 325
Письменный Опанас, запор. казак Кущевского кур. 111
Платов Матвей Иванович, дон. войск. атаман 13
Плохута Самойла, запор. казак Левушковского кур. 325, 370, 375
Погоняйленко Степан, запор. казак, племянник Процыка Довженко 361-362, 375
Подгорка Степан, запор. казак Ирклеевского кур. 111, 230

Подливала (Подливайла) Петр, донск. казак из Тютеревской станицы г. Черкасска 120, 203, 333, 339, 345-347, 353, 357-358
Подсумка (Подсумок? Пасумок, Посунок) Кондрат, запор. казак Ирклеевского кур. 111, 350, 353
Поздеев Иван, донск. старшина 99, 261, 269-269
Покволитый Иван, запор. казак Ирклеевского кур. 192
Покотило Иван, запор. казак 325, 353, 372
Покотило Фома, запор. казак Пластуновского кур. 351
Полторак Владимир Николаевич, историк 18, 75
Полянский, полковник 39
Пономарь (Понамар, Поломарь) Яков, запор. казак (Кореневского кур.?) 337
Попов Кирилл, войск.(?) писарь войска Донского 175, 180
Попович Яков, запор. казак Кореневского кур. 264
Порохня Андрей Иванович, запор. казак, паланк. полковник, войск. старшина 232, 271
Постерняк (Постерняков) Кондратий, казак гетманского полка 138
Постерняк (Постерняков) Тимофей Иванович, запор. паланк. полковник 138-139, 141-145, 147, 149-164, 167, 187, 205, 211, 213, 215-216, 226-227, 229, 242-243, 245-248, 326, 346-348, 351, 358, 366
Постерняков Андрей, миусский казак 138
Постерняков Иван, недоросль в Миусском полку 138, 143
Постовой Иван Гаврилович, малороссиянин, разбойник 294-296, 312
Потап, запор. казак Донского кур. 112
Потоцкий Юзеф, польск. коронный гетман 115
Прокоп, запор. казак Деревянковского куреня 264
Пропой, запор. казак Менского кур., разбойник 360
Пропой, запор. казак, курень не указан 93
Пудавов (Трофимов?) Яков, донск. казак из Прибылянской станицы г. Черкасска 205
Пушкарев Федор Романович (по прозвищу Швец), запор. казак Сергиевского кур. 312
Пюрба Дош, калмык 159
Пятак Иван, малороссиянин 328, 338, 356
Разинкин (Розенкап, Ратеникин) Алексей, подпрапорщик 169, 207
Разумовский Кирилл Григорьевич, гетман Малороссии 9, 67
Рак Дмитро, запор. казак Корсунского кур. 338
Растачок Грицко, запор. казак Ирклеевского кур., разбойник 284
Ратеникин А., см. Разинкин А.
Ращупкин Иван, житель Александровской крепости, осадчий 377
Рева Герасим, запор. казак 338, 343, 348
Рева Степан, запор. казак Ирклеевского кур. 111, 292, 338, 343, 347-349, 351
Резанов (Рязанов) Федор, полковник Новгородского драгунского полка, руководитель Бахмут. следств. комиссии 13, 277, 313, 315-316, 321-322, 328-330, 351-360, 362-369
Резанцев Нестор, ограбленный 286
Резничок Иван, бахмутский житель 358, 367
Репнин Аникита Иванович, ген.-фельдмаршал 51
Репнин Василий Аникитич, князь, ген.-лейт. 16, 51-53, 63-65, 70, 72-73, 76-77, 91, 98-99, 103, 174, 189, 194, 196, 200, 209
Решетило Степан, запор. «старожилый» казак, 169, 183
Рогуля Михаил, запор. казак 46
Рожок Григорий Кононович, запор. старшина 169, 180-181, 183, 189, 193-195
Розенкап А., см. Разинкин А.
Рок, калмык Зенгорова улуса 203
Ростовцев Михайла, житель г. Бахмут 367
Росток Грицко, запор. казак 371-372

Рубан Грицко, запор. казак Батуринского кур. 111
Рудов Иван, обозник 241
Рудой Герасим, запор. казак Менского кур. 324, 370, 375
Рудой Иван, запор. казак Ирклеевского кур. 324, 370
Рудой Никита, запор. казак Титаревского кур. 351, 353
Рудой Сидор, запор. казак(?) 325
Рудой Юсько (Осип?), запор. казак Джереловского кур., разбойник 293-294
Рудь (Родь) Ярема, запор. казак Донского кур. 111, 339, 343
Рудь (Рудый) Грицко, запор. казак 138, 242
Рудь (Рудый) Корней, запор. казак 138, 143, 242
Рудь Алексей, запор. казак Донского кур., житель местечка Царичанка 324-326
Рудя Карп, запор. казак Титаревского кур. 339
Рум Константин, переводчик 54
Рыбалка Гордей, запор. казак Конелевского кур. 111, 334, 338, 343
Рыбинцев Мирон Несторович, бахмутский купец 121, 320, 328-329, 332, 338-339, 355-356, 368
Рябов Прокофий, посадский человек в Олонецком уезде 261
Рязанов Федор, глава следственной комиссии, см. Резанов Федор
Сагайдачный Мирон, ограбленный 286
Самарец Леско, запор. казак Щербиновского кур. 111, 338, 353
Самарин Николай, донск. старшина 333, 335, 343
Самоидач Гендук, калмык 159
Самоидоча Гелдун, калмык 159
Самойлов Савелий, донск. казак из Черкасска 359
Самохвал (Самофал), запор. казак Калниболоцкого кур. 340, 348, 351-353
Санжак (Санжок) Федор, запор. казак Полтавского кур. 231, 339, 364-366, 369
Светлишенков Иван Павлович, малороссиянин из г. Грайворона 240, 303
Свита Василь, запор. казак 336, 343, 355
Сеадет-Гирей, крымск. царевич 24
Селиванов Пантелей, донск. войск. дьяк 205
Селицкий Федор Семенович, павловский полковой атаман 26
Сенчук Григорий (Грицко), запор. казак Полтавского кур., атаман разбойников 202-203, 205, 212, 238, 244, 246, 281, 283-290, 302, 310, 324, 326, 370, 372
Серга (Серьга) Василь, запор. казак Джереловского кур. 111
Серга Алексей, запор. казак Щербиновского кур. 347, 351, 353
Сергант (Сержант) Иван, запор. казак Левушковского кур., разбойник 284, 325
Сероштука (Штука) Грицко, запор. казак Ведмедовского кур., разбойник 282-284, 324-326, 372
Сивокобыльский (Сивокабыльский), запор. казак 325
Сидор, запор. казак Каневского кур. 283
Скальковский Аполлон Александрович, историк 6–8, 10-14, 18, 34, 37, 60, 70, 124, 170, 206, 221, 266, 326, 376
Скосырский Ларион, донск. старшина 167, 174, 180, 209-210, 213, 216
Сладкий Григорий Фомич, запор. казак Полтавского кур., разбойник 292-293, 304, 344
Слепой Никита, запор. казак Полтавского кур. 355, 359, 361
Смирненко Сидор, запор. казак 242
Смирнов Афанасий, полковник «донского» Азов. казач. полка 26
Смирный Андрей, запор. казак 339
Смирный Павло, запор. казак 339
Смирный Тимош, запор. казак Полтавского кур. 231,339, 343
Смола Иван, посадский житель крепости св. Анны 130-131
Соболь Исай Игнатьевич, донской казак, миусский полковой атаман 26
Сократ, философ 118

Сокур Тимофей, запор. казак Пашковского кур. 231
Сологуб, шляхтич(?) 326
Солодовников Павел, казак Азов. казач. полка 150, 158
Спешнев, подполковник, комендант Бахмутской крепости 150, 320
Станиславский, запор. казак 109, 340, 344
Старков Иван Михайлович, полковник «донского». Азов. казач. полка 26
Стеблеевский Харко, запор. казак Щербиновского кур. 112
Стеблиненко Прокоп, запор. казак Ирклеевского кур. 111
Степан, запор. казак, имел зимовник на р. Бык 281
Степанов Матвей, полковник «запороэского». Азов. казач. полка 26
Стехин Осип, донск. казак из станицы Луганской 292
Стороженко Андрей Владимирович, историк 10
Строев Калина, истец на Бахмутской следственной комиссии 340, 348, 351, 368
Ступак (Ступаков) Иван Андреевич (Иван Андреев), запор. казак Поповичевского кур., курен. атаман, паланк. полковник 96, 120-121, 203, 205, 212-213, 215, 227, 246, 320, 328, 345-346
Ступак (Федор), запор. казак Поповичевского кур., паланк. полковник. Ошибка в имени, см. Ступак И.А.
Сухой (Андрей?), запор. казак 325, 372
Сухой Михайла, запор. казак Конеловского кур., паланк. есаул 244, 286
Сыч Василий Григорьевич (Василий Григорьев), запор. кошевой атаман 126, 136, 194, 197, 206, 209, 211-212, 215, 218-220, 255, 260, 274
Таввакул, татар. князь из рода Мансур 22
Тайджи Изюм, калмыцкий мурза 203
Тарабан Емельян, запор. казак Кущевского кур. 281
Таран (имя не указано), запор. казак, разбойник 360
Таран Василий, запор. казак Полтавского кур. 324, 370
Таран Василий, малороссиянин, разбойник, см. Микулаевский В.Д.
Таран Григорий (Грицко), запорожец, см. Максименко Г.М.
Таран Иван Лукьянович, запор. казак Каневского кур., разбойник 282-283, 286, 290-291, 294-295, 302, 344
Таран Иван, запор. казак Платнеровского кур. 111, 339?
Таран Кондрат, запор. казак(?) 325, 370
Таран Леонтий Федорович (Леонтий Федоров), запор. паланк. полковник 206, 224, 226-229, 232, 238, 242, 244-245, 247, 257, 323, 327, 330, 347-348, 353, 358, 367
Таран Павел Андреевич (Павел Андреев), запор. паланк. полковник 93-94, 100, 102, 111, 140, 348
Таран Федор, запор. казак Уманского кур. 339, 343, 357
Таранец Иван, запор. казак Щербиновского кур., разбойник 294-295, 324-325, 370-372
Тарасов Петр, донск. казак, житель Прибылянской станицы г. Черкасска 306
Теглев Мартемьян, прапорщик Козловского полка, делегат от крепости св. Анны на следствии 216, 244, 248, 310
Темечи, калмык 163
Темир, татар. князь из рода Мансур 22
Тердши Юзек, калмыцк. мурза 112
Терентий, запор. казак Сергиевского кур. 356
Терещенко Кирик, житель поселка Полуденка на нижнем Дону 155
Тертычников Тимофей Семенович, казач. сотник из местечка Савинцы Изюмского полка 368
Тимоший Семен Иеремиевич, запор. кошевой атаман 59-60, 72-73, 96
Ткач Моисей, донской малороссиянин 155
Толстой Иван Андреевич, губернатор Азовский и наместник Звенигородский 51

Тонконог Иван, запор. «старожилый» казак, 169, 183
Топольский Никита, изюмский казак, миусский осадник 26
Топчий Василь, запор. казак Щербиновского кур. 229
Трофимов (Пудавов?) Яков, донск. казак из Прибылянской станицы г. Черкасска 203, 205, 285-286
Трубецкой Никита Юрьевич, князь, генерал-прокурор, глава Сената 62
Туз Павел, запор. казак Ведмедовского кур. 108, 110
Тукало Яков, запор. войск. судья, кошевой атаман 60-61, 358
Тупиця, куренной атаман Иванивского кур. 326
Туроверов Тимофей, донск. полковник, наказной старшина 223-227, 229-232, 235-238, 240, 244-245, 247-248, 251, 254-256, 265, 275, 310-311, 323-324, 327, 332-343, 350, 353, 357-358
Уваров Яков, донск. старшина 309, 311
Узюмец (Изюмец?) Федор, запор. казак Васюринского кур., см. Изюмец Ф.
Украинец Федор, запор. казак Пластуновского кур. 111, 351
Ус Кирик, запор. казак Ирклеевского кур. 229
Ус Кондрат, запор. казак Калниболоцкого кур. 111, 339, 345
Ус Марк Кондратович, запор казак (Калниболцкого кур.?), паланк. полковник 212, 327
Ус Потап, запор. казак 339
Ухай (Ухань) Максим, запор. казак Иванивского кур. 266, 277, 340
Федор, запор. казак Титаревского кур. 351, 353
Федор, подписок в Еланчицкой паланке 138, 242-243
Федоров Антон, донск. казак Павловской станицы г. Черкасска 203, 286, 370
Федоров Иван, донск. казак 358, 361
Федоров Леонтий, донск. казак из Романовской станицы 68
Федоров Феодос[ий], киевский рейтар 258
Федотов Максим, дон. старшина 85, 111, 129-131, 323, 327, 332, 337, 343, 375
Феодосий (Макаревский), епископ Екатеринославский и Таганрогский 14-15, 18-20, 170, 188, 233
Филипп, донской табунщик 287
Филипп Бражниченко, полтавчанин, см. Нагай Василь
Филипп, запор. казак в Богородичном (Старой Самаре) 290
Филипп, запор. казак Каневского кур., разбойник 320-321, 323
Философов Михаил Иванович, ген.-лейт. 372
Фотеев Алексей, сенатский (?) секретарь 269-269
Фотеев Василий, офицер 107
Фрауендорф Карл Львович, капитан, картограф, иркутский губернатор 173
Фридрих Август II, король Саксонии 37
Фролова Варвара, вдова бывшего войск. атамана Василия Фролова 205
Хаджике, татар. князь из рода Мансур 22
Халахура Роман, запор. казак Пластуновского кур., атаман разбойников 312
Халепа Василий, запор. казак Батуринского кур. 112
Хасан-паша, тур. комендант г. Ачуева 188
Хатленко, торский житель, разбойник 360
Хвостцов (Хвостовец) Семен, запор. казак 138, 242
Хмель Сергей, запор. казак Незамаевского кур.
Хмельницкий Богдан-Зиновий Михайлович, казацкий гетман 5, 8-10, 104, 188, 197, 236
Хорко (Харко), запор. казак Пластуновского кур. 111
Хрестьянов, донск. старшина 323, 327, 333-338, 343
Цапенко Юско, запор. казак 355
Чабак Парфен, запор. казак Величковского кур. 192

Чалый (Чаленко) Савка, запорожский ренегат 115
Чедот Араша, калмык 159
Чекерес Самуил, запор. старшина, полковник столичников 221
Челеби Кятиб, османский историк 45
Череватый Осип, 160-162, 242, 323
Череватый Юска (Осип?), запор. казак Мышастовского кур., атаман на Кривой косе 323, 327, 353, 368-369
Черевко Анисим (Ониско), запор. казак 340
Черевко Иван Фомич, запор. казак, кошевой атаман 96
Черевко Иван, запор. казак Кисляковского кур. 112, 340
Черевой (Черевань), бахмутский казак 295, 332, 334, 344-345, 357, 368, 371
Чернец Терентий Григорьевич (Терентий Григорьев, в некоторых документах – ошибочно – Лаврентий Григорьев), запор. казак Стеблеевского кур., паланк. полковник, депутат на следствии 216, 244-245, 286, 289, 293(?), 309-310, 312, 366, 373
Черноконь Никифор, запор. казак Пластуновского кур. 340, 344, 364-366, 369
Черный Алексей (Иванович?), запор. казак Титаревского кур., паланк. есаул 206, 226, 323, 327, 353, 358, 361, 363, 366-367
Черный Андрей, запор. казак из зимовника на р. Самара 299
Черный Андрей, запор. казак, паланк. полковник 231, 262, 264-265, 274, 323, 327, 348, 353, 361, 363, 366-367
Черный Грицко, запор. казак Сергиевского кур. 324
Черный Давид, запор. старшина, есаул столичников 220
Черный Иван, запор. казак Джереловского кур. 294
Черный Иван, запор. казак Шкуринского кур. 325
Черный Илья, запор. казак Тимошевского кур. 324, 370-371
Черный Кондрат, запор. казак Левушковского кур. 111, 340, 348
Черный Кондратий Леонтьевич, запор. казак Ведмедовского кур., разбойник 244, 282, 285-286, 302-303
Черный Левка (Илья), запор. казак Левушковского кур., разбойник, см. Бондырев И.И.
Черный Левка (Леонтей), запор. казак Незамаевского кур., паланк. полковник 137, 164, 167-169, 191, 193, 198, 205-208, 214, 217, 220, 226, 252-253, 258
Черный Михаил, запор. казак 111
Черный Павел, запор. казак Пластуновского кур. 230, 283(?), 340
Черный Павел, запор. казак Полтавского кур., владелец зимовника в Присамарье 293
Черный Петр, запор. казак Поповичевского кур. 111, 353?, 363?
Черный Петр, запор. казак Шкуринского кур. 325, 353?, 363?, 370
Черный Прокофий, запор. казак(?) 325
Черный Степан Кононович, запор. казак Менского кур. 164, 325-326, 372
Черный Харко, запор. казак 340
Черный, куренной атаман Левушковского кур. 326
Черныш Василий Кириллович, промышленник 120, 320, 356
Черныш Емельян, племянник Василия 356
Чернявский (Черный) Петр, запор. казак, писарь 96, 121
Чертков Василий Алексеевич, губернатор Азов. губернии 377-378
Чименчик, турок 293
Чуб Андрей, разбойник, см. Юрьев А.
Чюпурный Роман, казак Азов. казач. полка 203
Чюрюм, калмык 163
Шабаж, крымск. армянин 283
Шабельский Василий Павлович, семеновский полковой атаман, 26-27
Шавырев Григорий, донск. казак 174, 177

Шалаев Евдоким Иванович, донск. старшина 192-193, 206-207, 232, 265, 332, 334-336, 342
Шамра Грицко, запор. казак 293
Шандра Анисим Григорьевич, запор. казак Ирклеевского кур., разбойник 291-292, 296, 305, 312
Шандра Федор, запор. казак Крыловского кур. 230
Шапошников Иван, купец крепости св. Анны 324, 358, 366-369
Шапран, см. Шафранов А.О.
Шастун Емельян, запор. казак 353, 356
Шафранов Андрей Осипович (он же Шапран, он же Миргородский), запор. Поповичевского куреня, писарь 76, 120, 169-170, 180, 183, 187, 215, 220-221, 243, 356
Шафранов Иосиф (Осип) Григорьевич, миргородский казак 76
Швец Василий, запор. казак Поповичевского кур. 265
Швец Федор, запор. казак, разбойник 374-375
Швидкой Тимош, запор. казак 341, 344
Швыков Михаил, поручик Стародубского полка киевского гарнизона 201, 206, 208-217, 220, 232, 234-237, 239, 242-248, 255, 257-258, 260, 309, 316
Шевич Иван Георгиевич, ген.-поручик, основатель Славяносербии 8
Шерстюк Иван, запор. казак Титаревского кур. 112
Шерстяк Еким, запор. казак одного из Стеблеевских куреней 298
Шестак (Шостак) Федор, запор. казак Ирклеевского кур. 231, 242, 355
Шестопалов Степан Иванович, великороссиянин, беглый солдат из Стародубского пехотного полка 280, 306-307, 311-312
Шинкарь Иван, см. Вилховиков И.И.
Шпак Грицко, запор. казак Батуринского кур. 230
Шпетной Иван, бахмутский житель 359
Шрам Андрей, запор. казак, паланк. полковник 361, 365
Штофель (фон-Штоффель, Штоффельн) Федор Федорович, ген.-лейт. 45, 123, 125, 152, 162, 164, 166, 321-322
Штофельн Христофор Федорович фон, ген.-поручик 322
Штука Грицко, см. Сероштука Г.
Шуберт Федор Федорович, картограф 52, 182, 267-268
Шулгаев Павел Юхимович, малороссиянин из Гадяцкого полка 240
Шульга Герасим, житель Кодака (Нового?) 112, 368
Шульга Марко, запор. казак 138, 215, 243
Шуплядь (Шупла) Алексей, запор. казак 341
Шуствал Иван, запор. казак, паланк. полковник 355, 359, 361, 369
Щеглов Григорий казак Азов. казач. полка 148, 153
Щепетнов Карп, донск. казак, старожил Гундоровской станицы 175, 180
Щербацкий Тихон Иванович, киевский митрополит Тимофей 232
Щербина Данила Федорович, малороссиянин, разбойник 245-246, 281, 285-286, 288-289, 303-304, 312, 371
Щербина Данила, запор. казак Кущевского кур. 375
Щербина Иван, запор. казак, владелец зимовника на р. Самара 298
Щербина Павло, запор. казак, разбойник 203, 212, 246, 324-325, 372
Эварницкий Д.И., см. Яворницкий Д.И.
Юдин Григорий, донск. полковник 106, 110, 112, 231, 234, 247, 319, 332-342, 344
Юнкер Готлиб Фридрих Вильгельм, поэт, историограф, 46-47
Юрьев Андрей (Андрей Чуб), запор. казак Уманского кур., разбойник 302, 305
Явиченко Иван, малороссиянин из м. Грайвороны Хотмыжского уезда Белгородской губернии 82
Яворницкий (Эварницкий) Дмитрий Иванович, историк 10, 15-17, 20, 61, 72, 95,

98, 100, 103, 107, 111, 123-124, 128, 137, 163, 172, 174, 192, 201, 215, 221, 224, 243, 254, 257, 265, 292, 369
Яким (Еким), запор. казак одного из Стеблеевских кур., самарский полковник 245, 289
Якимов (Акимов) Григорий, запор. казак, паланк. полковник 350-352
Яковлев Григорий, запор. старшина, полковник столичников 221
Яковлев Савка, запор. старшина, есаул столичников 221
Яцко, запор. казак, разбойник 203, 212, 246

Указатель географических названий[1]

Авило-Федоровка, с. в Матвеево-Курганском р-не Ростовской обл. 294
Адомаха (Адомахия), см. Домаха
Азак, г., см. Азов
Азов (Азак), г. 14, 19, 25, 34-36, 42, 44-46, 48, 51, 68-70, 89, 113, 128, 137, 147, 173-175, 178-179, 183, 186, 188, 282, 306
Азовская губ. 30
Азовский дистрикт 51, 128
Азовское море 5-6, 11-13, 16, 24-25, 29, 34, 36, 42, 44, 46, 48, 53, 67, 74, 76-77, 84, 91-92, 97, 100, 103, 108, 110, 113, 128, 167, 174, 178, 180-181, 185-186, 197, 250, 271, 300, 321, 323, 327, 356
Айдар, р., лев. приток Северского Донца 306
Аксай, г. в Ростовской обл. 319
Аксай, р., прав. приток Дона 102, 205
Аксайская (Оксайская) пристань 319
Аксайский остров 117
Акче-кумлар (Акче-бурну), см. Павло-Очаковская коса
Александровская крепость, в Приднепровье 377
Алешки, урочище в ниховьях Днепра 17, 33
Ананьевский уезд 8
Анны святой крепость, см. Святой Анны крепость
Арабатская коса, на Азовском море 42
Астрахань, г. 24, 33
Ачаковская коса, см. Павло-Очаковская коса
Ачуев, турецкий город, 13, 51, 128
Ачуево, с. Славянского р-на Краснодарского края 128
Баба могила, курган на водоразделе между истоками р. Кальмиус и Кривой Торец 268, 271
Базавлук, р., прав. приток Днепра, 17, 40
Балысарай, татар. город или дворец 24
Батурин, г. Нежинского полка 300
Бахмут, г. 13, 19, 27, 42, 44, 104, 120-121, 140-141, 146, 148-150, 154, 157-158, 192, 226, 233, 236, 239-240, 271, 275-277, 279, 293, 295, 306, 313-330, 332-333, 335-340, 342-346, 348-370, 372, 374-375
Бахмут, р. 32, 39,
Бахчисарай, столица Крымск. ханства 42
Беглицкая коса, на Азов. море 173, 176, 181
Безыменная коса, на Азовском море 11, 84, 181
Белая Церковь, г. 37, 39, 62
Белгородская губ. 67
Белград, г. в Сербии 48
Белики, местечко Полтавского полка 300
Белозерка, лев. приток и лиман на Днепре 300
Белосарайская коса, на Азовском море 11, 29, 30, 87-88, 173-174, 176, 181, 284
Белосарайская слобода, в Азовской губ. 378
Белоцерковка, с. Лубенского полка 284
Белый камень, приморское урочище 13, 76, 92, 104, 113-114, 118, 138, 154, 173, 181, 184, 186, 188
Бельманка, р., лев. приток р. Берда 182, 185
Берда, р. 12-13, 15, 22, 24-25, 29, 31, 48-49, 52-55, 63, 70, 73, 76, 84, 87, 91-92, 100-101, 103, 116-117, 141, 172-175, 177-178, 181-182, 184-186, 188, 194-197, 227, 237, 250-253, 258, 270, 282, 284, 291-292, 301, 375, 377
Бердянская коса, на Азовском море 11, 30, 87, 115, 119, 177
Бердянское соленые озера 11, 29, 174, 177
Береговое, с. в Старобешевском р-не ДНР 182

[1] Применяемые сокращения: г. – город, пгт. – поселок городского типа, с. – село, р. – река, губ. – губерния,, обл. – область, р-н – район, прав. – правый, лев. – левый.

Березнеговатая (Череватая??) балка, где-то в районе р. Миус 285-286
Березнеговатая балка, приток Солоной (прав. приток р. Волчьи Воды), 285, 302
Березнеговатая, р., лев. приток в низовьях р. Волчьи Воды 285
Берестоватая, р., прав. приток р. Берда 182, 185
Берестовая балка, правый приток среднего Миуса 285
Берестовая, р., лев. приток р. Кальмиус 182, 185, 288
Берестовый байрак (на Миусе? на Деркуле?) 203, 371?
Бобровка, с. у г. Козельск 306
Богородичное (Старая Самара), местечко на р. Самара, в Приднепровье 9, 95, 99, 282, 284, 290-293, 295, 297-299, 301, 325
Брисив, с. у г. Лохвицы Лубенского полка 283
Бровары, с. Миргородского полка 298
Буг (Южный), р. 8, 11, 16-17, 33, 37-38, 49-50, 63, 70, 198, 250
Бугушково, местечко в Кропивенской сотне Переяславского полка 291
Буджак, историческая область 24
Буримка, местечко Луковской сотни Лубенского полка 298
Бык, р., лев. приток Самары 204, 281, 286, 289-290, 302-303
Бычок, р., прав. приток р. Бык, бассейн р. Самара 289
Вареновка, с. в Неклиновск. р-не Ростовской обл. 173
Великий Луг, островные плавни на Днепре 298, 325
Великомихайловка, с. в Покровском р-не Днепропетровской обл. 300
Вербовая балка, прав. приток р. Кальмиус 182, 288, 293-294
Весело-Вознесенка, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 181
Волга, р. 23, 25, 68
Волненская, р., см. Волноваха Мокрая
Волноваха Мокрая, р., прав. приток Кальмиуса 112, 141, 174, 177, 182, 185, 239, 283, 296, 302
Волноваха Сухая, лев. приток р. Мокрая Волноваха 182, 185, 284
Волошенки, с. Глинской сотни Лубенского полка 299
Волчьи Воды (Волчья), р., лев. приток Самары 22, 24, 45, 69, 74, 101, 174, 178, 186, 204, 242, 253, 258, 270-271, 282, 285-286, 292-293, 300-302, 351, 378
Воронежская губ. 67
Воронковский, сотенный городок Переяславского полка 294
Вострой курган, в междуречье Миуса и Крынки 143, 154
Вышший (Высший, Верхний) брод (Каменный?) на Миусе, см. Три моста урочище
Гайчур (Гайчул, Ганчул), р., лев. приток Волчьих Вод 45, 174, 178, 300
Гард, запорожские рыбные ловли на р. Южный Буг 11, 33, 37, 39, 70, 115
Гезлеве, см. Евпатория
Гельмязовский (Лемязовский), сотенный городок Переяславского полка 300
Гилян, провинция в Персии 68
Глафировская (Найденная) коса, на Азовском море 130
Глухие буераки, байрачный лес в Примиусье 141, 144, 148, 158, 239-240, 293, 303, 344
Гнилуша, р., лев. приток р. Кундрючья 202-203, 370
Гнилуша, р., прав. приток р. Большая Гнилуша, л.п. Кундрючьей 305
Говейная балка (Говенная р.), прав. приток Северского Донца 202, 285, 304
Горбачево-Михайловка, пгт. Моспинского горсовета ДНР 182
Горошенка, местечко Луковской сотни Лубенского полка 282
Горькая, р., лев. приток р. Грузской Еланчик 182
Грайворон, местечко Хотмыжского уезда Белгородской губ. 82, 240, 303

Гранитное (Карань), с. в Тельмановском р-не ДНР 182
Грековатая (Раковатая, Граковатая, Ореховатая) балка, прав. приток р. Кальмиус 182, 185
Гроцка, г. в Сербии 48
Грузская балка, лев. приток Кальмиуса 182, 265-266, 269, 288
Грушевая балка, правый приток р. Провалье (правый приток р. Большая Каменка, п.п. Северского Донца) 304-306
Грушевка, лев. приток р. Тузлов 238(?), 280(?), 304(?)
Грушовая Большая, прав. приток р. Лихой, п.п. Северского Донца 304
Грушовая Малая, приток р. Грушовка Большая 304
Гундоровская станица, донская, на р. Большая Каменка, возле ее впадения в Северский Донец 175, 180
Гусельщиково, с. 89
Гусельщиковская пещера 89
Дагестан 24
Дарьевка, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 183
Дерезоватый буерак, правый приток среднего Миуса 285
Деркул, р., лев. приток Северского Донца 203
Димитрия Ростовского святого крепость, см. Святого Димитрия Ростовского крепость
Днепр, р. 7, 9-10, 13-14, 16-17, 22, 32-35, 39-42, 45-46, 48-50, 52-53, 57, 63-65, 67-70, 72, 76, 88, 91-92, 99-101, 103, 132, 158, 174, 178, 186, 189, 194-195, 198, 201, 212, 233, 250, 252-253, 258, 270, 281, 298, 300, 326, 375
Днепро-Бугский лиман 6, 33, 38, 70, 106, 129
Днепровская укрепленная линия (по р. Конка и Берда) 377
Днестр, р. 8, 282, 284, 293, 300, 302
Долгая коса, на Азовском море 29-30
Долгий буерак 304, 306-307
Должик, балка, прав. приток балки Большой, л.п. речки Большой Медвежьей, п.п. Большой Каменки 306
Должик, р., прав. приток Большой Каменки 306
Доломановская, казачья слободка в Азове 282
Домаха (Адомаха, Адомахия), название озера и легендарного города на месте Мариуполя 18, 25, 30-31, 228, 263
Дон, р. 10-11, 14, 24-25, 28-29, 32, 34, 36, 39, 41, 44-45, 48, 65, 67-72, 76, 78-79, 81, 83-84, 91, 104, 108-110, 113, 117, 121, 132, 134-135, 140, 146-147, 154, 158, 166-167, 170, 175, 180, 188, 196, 205, 213-214, 226, 239, 248-250, 252, 256, 260, 262, 269, 275, 375
Донбасс 14, 18, 89
Донец Мертвый, р. 26, 173, 175
Донец Северский 26, 180, 193, 204, 228, 285, 292, 305-307, 371
Донецк, г. в Ростовской обл., на Северском Донце 180, 204, 285, 304
Дубовая балка, прав. приток Кальмиуса 182
Дубровка, урочище на р. Волчьи Воды 300-302
Дуклосовы мосты, урочище на р. Миус 82, 154
Евпатория, г. 22
Едикуле, укрепление в Стамбуле, 41
Ейская коса, на Азовском море 129-130, 136, 169, 190-191
Ейский лиман 11, 12, 51, 91, 130, 137, 190, 348
Екатеринослав, г. 6
Екатеринославская губ. 8
Еланчик Грузской, р. 11, 25(?), 43, 87, 89, 100, 110, 140, 173-174, 177, 181-182, 185, 235-237, 259(?), 281-282, 347
Еланчик Мокрый (Средний), р. 11, 41(?), 84, 87, 91-92, 100, 110, 120, 127, 137-138, 140, 148(?), 159-160, 162-163, 167, 173-174, 177, 181-182, 185, 193(?), 211-213, 215, 226, 233-237, 243-244, 250, 252,

259(?), 269, 281-282, 294(?), 320, 323, 332, 345, 347-348, 353, 355, 357, 377
Еланчик Сухой (балка Россошь), р., прав. приток Мокрого Еланчика, 181-182, 185
Еланчик Сухой, балка, впадает в Азовское море между устьями Мокрого Еланчика и Миусского лимана 181
Еланчикская коса, на Азовском море 11, 84, 90, 173
Еланчицкая (Еланчикская) паланка 84, 120, 127, 138-143, 152, 159-160, 162, 164, 167-168, 203, 205, 212, 215, 227, 232, 242, 246, 323, 327, 345, 348-349, 376-377
Енераловка (Генераловка), с. Китайгородской сотни Полтавского полка 301
Ея, р. 29, 51, 91, 348
Житомир, г. 6
Журавец, г. Прилуцкого полка 302
Забурунская коса, см. Ляпинская коса
Закрытая балка, где-то к востоку от Крынки, между ней и Леонтьевыми буераками 144, 157
Запорожская Сечь 6-7, 17, 20, 27, 33, 35, 37-40, 55, 67, 72-73, 79, 87, 90, 92-94, 107, 113, 119, 126-127, 137-139, 152, 160, 164, 168, 170, 180, 189-191, 193-201, 204-205, 208, 210-219, 234, 236-237, 243, 247-248, 254, 256-258, 260-261, 273-274, 281-284, 291-294, 298, 300, 302, 310, 312, 316-327, 329-330, 349-352, 355, 358, 360-363, 365, 369, 372-374, 377
Запорожье, г. 174, 178
Захаровка, с. в Мангушском р-не ДНР 182
Зеленая балка (речка), впадает в Азовском море у с. Урзуф 174, 177, 181
Зеленый остров, в Азовское море, напротив Мариуполя 173
Зинцева (Зенцова) балка, впадает в Азовское море в пределах г. Мариуполя 174
Золотая коса (Золотая Лучка), на Азовском море 85, 90, 173, 181
Зуевка, пгт. восточнее Харцизска 157
Зуевы буераки, см. Зуевы горы
Зуевы горы, урочище на Крынке 146, 157-158
Ивановское, с. в Леонтьевых буераках 28
Измаил, тур. город на нижнем Дунае 293
Изюм, г. 45, 104, 158, 293
Ингул, р., левый приток Ю. Буга 17, 49
Ингулец, р., правый приток Днепра 17
Исунь (Висунь), р., прав. приток Ингульца 17
Казикермен, крымская крепость на Днепре 17, 33
Казикерменский перевоз, на Днепре 115, 212
Каир (Каирка), несколько рек с похожими названиями, левые притоки нижнего Днепра 326
Каланчак, р., впадает в Каркинитский залив Черного моря 13
Калец, р., см. Кальчик
Калка, р., см. Кальчик
Калмиюс, татарск. город 24, 31
Калуга, г. 125, 306
Кальмиус, р. 6, 8, 11-16, 18-19, 21, 24-25, 30-33, 36, 41-47, 55, 70-71, 77, 84, 86-88, 91-92, 95, 97-98, 100-101, 106-107, 112, 115, 119, 124, 127, 141, 161, 173-174, 177-178, 181-182, 185-186, 204, 223-228, 231-233, 236-238, 240, 244, 246-247, 250-256, 258-271, 273-277, 280, 282-284, 288, 292-294, 303, 307-308, 314, 323, 340, 342, 344, 349, 353, 367, 375-376
Кальмиусская коса, см. Ляпинская коса
Кальмиусская паланка (Калмиюз, Кальмиус) 5, 7, 11, 14, 19-20, 30, 39, 44, 90, 128, 159, 188, 228-229, 231-232, 234-235, 259, 263, 266, 307, 314, 317, 323, 326-327, 337, 350-352, 363-365, 371, 375-378
Кальмиусская слобода, в Азовской губ. 377
Кальмиусский уезд 377
Кальчик (Калка, Калец), р., прав. приток Кальмиуса 13, 44, 55, 87, 91-92, 100, 174, 177, 182, 185, 252, 258, 270
Каменка (Большая? Малая?), одна из двух рек, прав. притоков Северского Донца 204-205, 285, 304, 306
Каменка, р., правый приток Днепра 17, 189, 212

Каменный брод (Нижний) на р. Миус, у с. Ряженое Матвеево-Курганского р-на Ростовской обл. 84, 116, 142-143, 146, 150, 152, 162
Каменный брод на р. Тузлов 32
Каменный Затон, урочище у Днепра 64
Каменская станица, донская, у впадения р. Каменки в Северский Донец 306
Каменск-Шахтинскийй, г. в Ростовской обл. 202, 204, 285, 306
Камышеватая, р., впадает в Азовское море у с. Юрьевка 181
Камышеватое урочище, лев. приток нижней Крынки 155
Карагач, р. 120, 163, 203, 345
Каратыш, р., лев. приток Берды 29, 54, 141, 182, 375
Каратюк (Каротень, Каратен, Карачук), р., лев. приток р. Берда 182
Карачурина балка, лев. приток р. Кальмиус 288
Кафа (Феодосия), г. в Крыму 116
Керченский пролив 71
Керчик, р., прав. приток Аксая 163
Керчь, г. 138
Киев, г. 50, 55, 58, 66-67, 73, 86-87, 90, 93, 96-97, 107, 118, 125-127, 131, 166, 196, 199, 208, 210-216, 223, 234-235, 237, 246-249, 254-257, 259-260, 273-274, 278, 306, 310, 312-313, 316, 324, 326, 364, 366, 369
Кизляр, рус. крепость на р. Терек 68, 200, 322
Килбурун, см. Кинбурн
Килия, тур. город на нижнем Дунае 293
Кильченская слобода, запорожская, на р. Кильчень 291
Кильчень, р., прав. приток р. Самара 282, 288, 291, 303
Кинбурн, крепость 58, 64
Кинбурнская коса, на Черном море 58
Кипучая Криница, с. в Старобешевском р-не ДНР 182
Кирсановка Большая, хутор в Матвеево-Курганском р-не Ростовской обл. 82, 146
Китайгород, г. в Полтавском полку 292
Кленники, р., вероятно в Присамарье 302
Кобеляки, местечко Полтавского полка 301
Кодак (Новый) 11, 112(?), 115, 213(?), 281, 317, 359, 362, 365
Кодак (Старый) 33?
Кодацкий перевоз на Днепре 346-348, 358
Кодацкий редут 67
Койсуг, р., лев. приток Дона 51
Конские Воды (Конка) 7, 15, 17, 46-48, 52-53, 63-64, 72-73, 178, 253, 283, 378
Константинополь (Стамбул, Царьград), г. 24, 40-41, 64, 115, 118, 132, 162, 207, 294
Константинополь, с. в Великоновоселковском р-не ДНР 174
Кордонная балка, лев. приток верховьев Кальмиуса 268, 271
Кордонские могилы 52
Коровий брод на р. Миус 115
Корогодова (Корегодова, Скороходова) балка, впадает в Азовское море между балками Красный Ярок и Безыменной 181, 185
Котельва (Котылва), местечко Шалавской сотни Ахтырского полка 295
Красный Бумажник, с. Матвеево-Курганского р-на Ростовской обл. 183
Красный Луч, г. в ЛНР 304
Красный Ярок, балка, впадает в Азовское море восточнее устья р. Кальмиус 181
Кременчуг, г. на р. Днепр 213, 215
Кремль Московский 57
Кривая коса, на Азовском море 11, 84, 87-88, 110, 121, 159, 173, 176, 181, 236-237, 284, 294, 319, 323, 346, 356
Кривые хутора, донские, где-то в районе Северского Донца 306
Крымский полуостров 10, 15, 23-24, 37, 38, 41-42, 44-45, 71, 88, 93, 113, 132, 162, 186, 293-294, 300, 302, 378
Крынка Сухая, балка, прав. приток р. Миус 183
Крынка, р., приток Миуса 11, 28, 32, 84, 112, 140-141, 143-146, 148-149, 154-155, 157-158, 160, 170, 173-174, 177, 183,

185-186, 203, 239, 243, 252, 269, 288, 293-296, 303, 344
Крынкская слобода 28
Кубань, р. 24, 36, 56, 71, 90, 93, 128, 132, 137
Кундрючья, р., прав. приток Северского Донца 202-203, 305-306
Кучугурское городище 47
Ладожский канал 57
Леонтьевы буераки, байрачный лес в Примиусье 28, 32, 140-141, 144, 148, 150, 155-156, 158, 193, 206-207, 220, 239-240, 243, 293-295, 303, 344
Линия укрепленная на Миусском полуострове 114, 175
Лисичанск, г. 33
Лифляндия 200
Луганская станица (городок) 26, 193, 199, 202, 204-205, 207, 284-286, 292, 304, 306, 370
Лугань, р., прав. приток Северского Донца 32
Лысогорка, с. в Куйбышевском р-не Ростовской обл. 203
Лысые горы, урочище 203
Любар, поселок в Житомирском р-не Житомирской обл. 266
Лютин (Лютик, Сед Ислам), крепость на р. Мертвый Донец 26-28, 113-114, 173, 175
Ляпинская (Кальмиусская, Забурунская) коса, на Азовском море 11, 84, 173, 181
Макеевка, г. 33
Малая Неклиновка, ерик на р. Миус 183
Мамай-гора, топоним в Приднепровье 47
Мамай-Сурка, р. в Приднепровье 47
Мариуполь, г. в ДНР 14, 18, 44, 55, 159, 174, 181, 266, 349, 378
Мариупольский уезд 378
Межигорский (Киево-Межигорский) Свято-Преображенский монастырь 233
Мелеховская станица, донская 307
Менчугово, с. Старобешевского р-на ДНР 266
Меотийское озеро, см. Азовское море
Мержаново, хутор в Неклиновском р-не 113, 173
Мигулинская станица, донская, на Дону 226
Минеральное, поселок в Ясиноватском р-не ДНР 268
Миргород, г. 302
Миус, р. 11, 13-16, 25-26, 28, 31-33, 41-42, 45, 49, 52-53, 63-65, 67-69, 76-78, 81-85, 86-87, 89, 91-92, 95, 97-98, 100-102, 104, 106-111, 113-116, 118, 121-122, 124, 138, 141-144, 146-148, 150, 152, 154, 156, 158-159, 165, 168-170, 173-175, 177-178, 181-183, 185-186, 190-193, 195, 197-198, 203-204, 206, 217, 223-224, 226-228, 231, 234-240, 242-243, 246, 250-253, 255, 258, 269, 281, 285, 288, 292-293, 298, 301, 304-305, 307, 310-312, 322-323, 344-345, 350, 353, 376-377
Миусская коса, на Азовском море 173, 176
Миусский лиман 11, 26, 29, 54, 67, 69-70, 72, 84-85, 113-114, 120, 173, 181, 183, 185, 193-194, 235, 292, 298
Миусский полуостров 25, 48, 85, 114, 143, 173, 175, 183, 186, 223, 235
Михайловка, с. в Тельмановском р-не ДНР 182
Михайловская слобода, донская, на р. Хопер
Миюс, Старый Миюс, рус. крепость, см. Семеновский шанец
Мокросарматка, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 183
Молоди, д. в Московской обл. 23
Молочная (Молочные Воды), р. 24-25, 87, 283, 375
Москаль, курган у р. Кальмиус 288
Москва, г. 17, 22, 56, 59-62, 65, 68, 71-73, 97, 116, 123-125, 200, 221, 238, 249, 310-312
Московка Мокрая, р. лев. приток Днепра 7, 174, 178
Московка Сухая, р. лев. приток Днепра 174
Московская губ. 57
Московский пристен, байрачный лес в верховьях р. Кальмиус 288-289

Найденовка, поселок в Орджоникидзевском р-не г. Мариуполя 173
Неклиновка Большая, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 183
Неклиновка, балка, впадает через ерик Малая Неклиновка в р. Миус 183
Нехвороща, местечко Нехворощанской сотни Полтавского полка 284
Никитинский перевоз, на Днепре 115
Новая Сербия, историческая область 8
Новоазовск, г. в ДНР 89, 173, 181, 284, 319
Новоайдарская слобода, на р. Айдар 306
Новоалександровское, с. в Краснодонском р-не ЛНР 306
Новоекатериновка, с. Тельмановского р-на ДНР, 266, 280
Новопавловская крепость 27
Новороссийский край, 10
Новосеченский ретраншемент, укрепление с русским гарнизоном в Запорожской Сечи 72, 210
Новосолдатское, с. в Бердянском р-не Запорожской обл. 182
Новохатское, с. в Великоновоселовск. р-не ДНР 174
Новочеркасск, г. 13
Новый город при впадении Миуса в Азовское море, см. Семеновский шанец
Новый Свет, с. в Старобешевском р-не ДНР 182, 288
Носова балка, прав. приток Миусского лимана 183
Носово, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 183
Обуховка, с. Сорочинской сотни Миргородского полка 281
Овечьи Воды, см. Волчьи Воды
Огной (?), урочище на р. Кундрючья 305
Одесса, г. 6
Одесский уезд 8
Олонецкий уезд 261
Ольховая (Ольховатка), р., прав. приток Миуса 143, 155
Омельник, г. в Миргородском полку 240
Ор, татар. крепость, см. Перекоп
Орел (Орель/Орлик?), сотенный городок Полтавского полка 300
Орель, р., лев. приток Днепра 10, 15, 22, 32, 288
Оренбург, г. 50, 200
Ореховая балка, лев. приток р. Савостьянка (бассейн Крынки) 140
Орловая балка, лев. приток р. Савостьянка (бассейн Крынки) 141, 148, 303
Орловка, р., лев. приток Крынки 141
Орловские буераки, байрачный лес в междуречье Миуса и Крынки 141, 144, 148, 152, 154, 156, 158, 160
Орловское, с. в Тельмановском р-не ДНР 182
Осеред, крепость на Дону 27
Осиковатая (Осыковая) балка, лев. приток Кальмиуса 182, 265-266, 269, 280, 288, 308, 340
Очаков, г. 14-15, 37, 58, 129, 282, 293, 298, 300, 302
Очаковская коса, см. Павло-Очаковская коса
Павленки, с. под Полтавою 299
Павловск (Павлоград, городовая Павловская округа), зародыш уездного города в Азовской губ., предшественник Мариуполя 378
Павловск, г. в Воронежской обл. 27
Павловский (Павлоградский) уезд 377-378
Павловский шанец (I), на Петрушиной Тубе 26, 175-176
Павловский шанец (II), у Миусского лимана 26, 114, 177, 183, 186
Павло-Очаковская коса, на Азовском море 128-130, 136, 169
Переволочна, местечко на Днепре 9, 16-17
Перекоп (Ор, Феррах-Керман), татар. крепость 13, 19, 29, 42, 44-45, 89, 113, 146
Перекопская пролива 63-64
Пернов (ныне Пярну), г. в Эстонии 262
Петровский шанец, напротив г. Азова 26
Петрушина Туба, коса на Азовском море 26, 173, 175-176, 181, 185

Петрушино, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 173
Печенеги, с. Изюмского полка 82
Писанцы, с. в Покровск. р-не Днепропетровской обл. 174, 300
Писаревка, местечко 143, 145
Погорелая балка, приток балки Ореховой (лев. приток р. Савостьянка, бассейн Крынки) 140
Подпольная, р., прав. приток Днепра 37, 40
Подпольненская Сечь, см. Запорожская Сечь
Полтава, г. 57, 321
Полуденка, поселение на нижнем Дону 155
Пороги на Днепре 39
Пресной лиман, в устье р. Мокрая Белосарайка 181
Приазовский, поселок в Неклиновском р-не Ростовской обл. 181
Прибылянская станица, один из районов г. Черкасска 306
Прогнои, соленые озера на Кинбурнском полуострове 63, 65, 177
Промойские озера, см. Прогнои
Протовча, р. в Приднепровье 17
Прут, р., лев. приток Дуная 31
Путивль, г. 33, 345
Раговые, урочище у Черкасска 282
Раздольное (Большая Каракуба), с. в Старобешевском р-не ДНР 182
Раздольное, с. Старобешевского р-на ДНР 174
Ратич, р., см. Каратыш
Рейн, р. 51
Рига, г. 52
Россошь балка, какой-то из притоков р. Грузской Еланчик, 182, 185
Россошь балка, приток р. Мокрый Еланчик, см. Еланчик Сухой, р.
Ростов-на-Дону, г. 11, 32, 79, 167, 319
Рыбацкое, с. в Мангушском р-не ДНР
Ряженое, с. в Матвеево-Курганском р-не Ростовской обл. 146
Савинцы, местечко Изюмского полка 368
Савостьянка, р., лев. приток Крынки 140, 148, 294
Сазальницкая коса, на Азовском море 129, 136, 169, 348
Саксагань, р., лев. приток Ингульца 17, 326, 352
Самара Старая, местечко, см. Богородичное
Самара, р., левый приток Днепра 8-9, 11, 15-17, 22, 32-33, 37-38, 40, 69, 74, 101, 145, 164, 174, 178, 186, 199, 203-205, 232, 234, 252-253, 258, 270, 281-284, 286, 288-293, 295, 297-302, 307, 312, 360-361, 365
Самарина балка, впадает в Азовское море у с. Рыбацкое 181
Самарская паланка 228, 232, 244-246, 288, 309-310, 365, 375
Самарская товща, лесной массив на р. Самара 232, 361
Самарский Свято-Николаевский пустынный монастырь 233, 303
Самбек (Санбек), р. 113, 173, 188, 193
Самсоново, с. в Новоазовск. р-не ДНР 173
Санжары, сотенный городок Полтавского полка 293
Санкт-Петербург, г. 8-9, 50-51, 55, 58-59, 62, 70, 72, 95-97, 107-110, 118, 120-121, 125-126, 135, 165, 168, 206, 220-221, 223-224, 249, 251, 255-256, 261-262, 274, 276, 278, 311-312, 356, 374
Сарматка (Сухая) балка, прав. приток р. Миус 183, 298(?)
Сарматская Мокрая, р., прав. приток Миуса 183, 192-193, 206, 265, 298(?)
Сартана, поселок в составе г. Мариуполя 182, 185, 378
Саур-могила, природный холм в междуречье Миуса и Крынки 32
Святовое, урочище 7
Святого Димитрия Ростовского крепость 53, 73, 147
Святой Анны крепость 6, 12, 28, 34-35, 39, 41, 44, 67-69, 73, 79, 91, 99, 103-105, 117-118, 122, 128, 130-133, 139, 146, 151, 154-155, 158-163, 165, 172, 190-191, 193,

199-200, 202, 208-213, 215-219, 224, 227, 231, 234, 241-242, 244-245, 247-250, 254-255, 257, 260-262, 273, 275—279, 309-310, 314, 316, 324, 328, 358
Севск, г. 125
Семеновская коса, на Азовском море 11, 84, 143, 181, 292
Семеновский шанец (Миюс, Старый Миюс), рус. крепость у устья Миусского лимана 26-27, 53, 63, 138, 143, 176, 183, 186
Семибашенный замок, см. Едикуле
Сечь Запорожская, см. Запорожская Сечь
Сибирь 278
Сиваш, непроточный залив Азовского моря 29, 44
Синявское, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 173
Скопинский городок 51
Славянск, г. в ДНР 375
Случь, р., прав. приток р. Горынь (бассейн Днепра) 266
Смела, г. в Черкасской обл. 292
Соленая (Солоная), р., прав. приток р. Волчьи Воды, бассейн Самары 284-287, 291-292, 296, 302-303, 351-352
Сопино, с. в Волновахском р-не ДНР 173
Стамбул, см. Константинополь
Стародуб, г. в Брянской обл. 345
Стародубовка, с. в Мангушском р-не ДНР 182
Староигнатьевка, с. в Тельмановском р-не ДНР 182
Старочеркасск, г., см. Черкасск
Степано-Крынка, с. в Амвросиевском р-не ДНР 141
Столовая балка (Кичиксу), прав. приток Кальмиуса 182
Сура (Мокрая), р., прав. приток Днепра 17
Сухосарматка, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 183
Таганрог, г. 14, 26, 30, 67, 69, 113, 116, 138, 159, 173, 176-177, 184-185, 193
Таганрог, мыс 26, 173, 183, 188, 235
Таганрогский залив 29-31, 51, 63, 69, 84, 90-91, 100, 104, 113, 126, 128-132, 135-136-137, 168-170, 173, 180, 190, 253, 323, 349, 376
Тамань, остров (сейчас - полуостров) 36-37, 128, 132
Татария Малая 104
Татарка, лев. приток нижней Самары 299
Ташлык Гардовый, р. 189
Темерник, р., прав. приток нижнего Дона 11, 13, 16, 32, 74, 76, 79, 81, 86-88, 92, 94, 97, 100, 103-104, 114, 117-118, 154, 163, 167, 169, 172, 179, 184, 187, 200, 227, 250, 252-253, 269, 319, 322, 357
Терек, р. 68
Терновая (Короткая) балка, протекает по Орджоникидзевскому р-ну г. Мариуполя и впадает в Азовское море чуть восточнее устья р. Кальмиус 182, 185
Терновая балка, прав. (?) приток Кальмиуса 182, 185
Терновка (Большая? Малая?), прав. приток р. Самара 312
Терса (их там несколько), один из левых притоков в низовьях р. Волчья 299-300
Тираспольский уезд 8
Токмачка Малая, р., лев. приток Конских Вод 52
Тор (без уточнения), р., правый приток Сев. Донца 32-33, 101, 271
Тор (ныне Славянск), г. на Казенном Торце 104, 138, 158, 271, 360, 374
Торец Кривой, р., прав. приток Казенного Торца 32, 267-268, 271
Транжемент, рус. крепость на Дону 28, 147
Три моста (Дуклосовы мосты? Верхний Каменный брод?), урочище на р. Миус, у х. Большая Кирсановка Матвеево-Курганского р-на Ростовской обл. 145-148, 151-152, 156
Троицкая крепость, на Таганьем Рогу 26, 67, 113, 138, 173-174, 177, 183
Троицкий Мигулинский монастырь, у р. Дон 226, 233
Тузлов, р., правый приток Аксая 32, 163, 203, 304

Турбаи, с. Остановской сотни Миргородского полка 298
Тясмин, р., прав. приток Днепра 39-40
Украинская линия 6, 15, 37, 146, 325
Умань, г. 39
Урзуф, с. в Мангушском р-не ДНР 174, 181
Усть-Должинский, поселок 306
Усть-Самара, ретраншемент, рус. укрепление 61, 67, 321
Хан-Тепе, селение на Тамани 37
Харцизская балка, прав. приток Грузского Еланчика 89
Харцызск, г. в ДНР 157
Харьков, г. 282, 325, 364
Хасан-паша, тур. комендант г. Ачуева 51
Херсонская губ. 8
Херсонская обл. 13
Хмельник, г. 10
Хорошки, местечко(?) в Лубенском полку 346
Хортицкий остров, на Днепре 375
Хотин, тур. город 300
Хрустальный буерак, лес на лев. притоке р. Миус 304-305, 307
Царев шлях 33
Царицынская укрепленная линия 200
Царичанка, местечко 325-326, 372
Чалтырь Сухой, р., прав. приток Мертвого Донца, 163
Черепаха Большая, р., впадает в Азовское море на севере Таганрога 173
Черепаха, укрепление 114, 173
Черкасский (городок), столица войска Донского 13, 32, 34-35, 41, 71, 76-85, 86, 89-94, 99-100, 145 102, 104, 109-111, 113-119, 121, 126-127, 129-135, 137-138, 140-141, 146-150, 154-155, 170, 173, 175, 179-180, 188-193, 199, 201-202, 204, 206-208, 210-211, 213, 216-218, 220, 223-224, 227, 235-240, 244, 246, 248, 250-251, 255, 257, 259, 261, 265, 268, 276-277, 280, 282, 285-286, 288, 292, 300, 303-307, 309-312, 317-318, 324, 344-345, 351, 359, 370, 375
Черкасский брод на р. Миус 32
Черку, озеро 64
Чермалык, с. в Тельмановском р-не ДНР 182, 288, 293
Чернецкая (Чернечья), прав. приток Кальмиуса 182
Чернещина, городок Полтавского полка 298
Черное море, 15, 48, 77
Черносово озеро, 163
Чирчик, тур. местечко 64
Чубурская коса, см. Чумбур-коса
Чугуев, г. 364
Чулек Донской, р., приток Мертвого Донца 173
Чулек Морской, р., впадает в Азовское море 113, 173
Чулек Морской, хутор в Неклиновском р-не Ростовской обл. 173
Чумбур-коса, на Азовском море 128-130, 136, 169, 190
Широкая (Широкинская) коса, на Азовском море 11, 84
Широкая балка, прав. приток в низовьях Мокрого Еланчика 159, 181
Широкино, с. в Новоазовском р-не ДНР 181
Шишовы горы, урочище у р. Крынка 140
Щербаково, с. в Неклиновском р-не Ростовской обл. 182
Эстляндия 200
Юрьевка, с. в Мангушском р-не ДНР
Ялта, с. в Мангушском р-не ДНР, 378
Ялы Большие (Мокрые), р., лев. приток р.Волчья 174, 178, 282
Ялы Малые (Сухие), р., лев. приток р. Волчья 174, 178, 282
Ямполь (Янпуль), с. в Бахмутской провинции 306

Список сокращений

ИР НБУВ – институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев).

КИД – коллегия иностранных дел.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

ЦГИАК – Центральный государственный исторический архив Украины (Киев).

Приложения

Перечень еланчицкой и кальмиусской старшины начального периода (1743 – 1749)

Период	Кошевая старшина		Паланкова ястаршина			
	Кошевые атаманы	Войсковые писари	Полковники	Есаулы	Писари	Прочие
1	2	3	4	5	6	7
1-я пол.1743	Константин Малашевич	?	Василий Максимович Кишенский	Журавель	Андрей Осипович Шафранов (Шапран, Миргородский), Поповиевского куреня[1]	
2-я пол.1743	Яким Игнатович Малый, Верхнестеблеевского кур. (1-е правление)	?	Павел Андреевич Таран (Павел Андреев)	Ярема (Ерема), Корсуньского куреня	Андрей Захаров [1, с.181]	
1-я пол. 1744	Он же	?	Иван Андреевич Ступак (Ступаков), вероятно Поповичевского куреня [1, с.1651]	?	?	
2-я пол. 1744	Он же	?	Осип Баран, Ирклеевского куреня [2, с.1529]	?	Андрей (Шапран?[2]) [1, с.212-213].	
1 пол. 1745	Василий Григорьевич Сыч, Минского кур.	Писарь остался с прежнего года, имя не указано [2, с.1721]	Тимофей Иванович Постерняк (Постерняков) [2, с.1516]	Иван Лаштабега [2, с.1516]	Алексей Федорович Петруша (Алексей Федоров, Алексей Сукур, Кривой).	- Подписок Федор [2, с.1516], возможно имя вымышленное; - Подписок Андрей Шапран [2, с.1522, 1539]

[1] Имя писаря в команде Кишенского в источниках найти не удалось. Но по сведениям Т.Л. Кузик, в 1743 году в Приазовье фиксируется писарь А.И. Шафранов. С учетом того, что во 2-м полугодии писарем был Андрей Захаров, скорей всего Шапран был писарем при Кишенском.

[2] В документе от 9.04.1748 года отмечено (возможно, скопировано из несколько более раннего документа?), что данный писарь на тот момент находился в Санкт-Петербурге за жалованьем. Вероятно, это опять Андрей Иосифович Шапран, который был писарем при столичниках в 1746 и 1747 годах. В 1748 году – писарем столичников был Артем Васильев, что по имени не подходит [2, с.1500, 1513, 1676, 1682].

1	2	3	4	5	6	7
2-я пол.1745	Он же	?	Левка (Леонтей) Черный, Незамаевского кур. [2, с.1459; СПбИИ РАН, ф.200, оп.3, д.19, л.1]	?	?	
1-я пол. 1746	Он же	Алексей Федорович Петруша (Алексей Федоров, Алексей Сукур, Кривой)	Леонтий Федорович Таран (Леонтий Федоров)	Алексей (Иванович?) Черный, Титаревского куреня [1, с.176, 186, 187 203, 208]. Вероятно он же — Алексей Иванов [2, с.216]	?	
2-я пол. 1746	Он же	Он же	Андрей Черный [2, с.1482]	?	(Андрей?) Бирюк, Щербиновского куреня. [1, с.176, прим.2 к док.№163, с.208, 209]	
1-я пол. 1747	Он же	Он же	?	?	?	
2-я пол.1747	Павел Семенович Козелецкий, Корсун. кур. [3, с.218]	Он же	Марко Кондратович Ус, вероятно Калниболоцкого куреня [3, с.219]	?	?	
1-я пол.1748	Марк Кондратович Кажан	Он же	Григорий Якимов (Акимов) [1, с.178]	?	?	
2-я пол. 1748	Яким Игнатович Малый (2-е правление)	Андрей Миргородский (Шапран) [2, с.1779]	Андрей Вербицкий [4, с.233]	?	?	

1	2	3	4	5	6	7
1-я пол. 1749	Он же	Он же [2, с.1779-1784]	Семен Скидан (Яворн., с.1694)	?	?	
2-я пол. 1749	Он же	Петр Чернявский [2, с.1698]	?	?	?	

Источники:

1. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 2. К.: Білоцерківська книжкова фабрика, 2000.

2. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. Владимир. 1908.

3. Кузик Т. Коли Лука Яценко-Зеленський бував у Запорозькій Січі? // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. К. 2005. Т. 10. С. 216-224.

4. Іван Синяк. Поселення Кальміуської паланки в генезі сучасних населених пунктів // Нариси з історії освоєння Південної України XV–XVIII ст./за ред. О. Репана ; Укр. ін-т нац. пам'яті. — Київ : К.І.С., с.227-256.

В. Полторак. Василь Максимович Кишенський — постать-легенда та реальність (2006)[1]

За доби Нової Січі порівняно з попередніми етапами розвитку Запорозького політичного організму, по-новому розставлено було акценти в питанні про роль конкретних осіб в організації політики Коша. Довгий мирний період вплинув на розвиток економіки, посилення впливу російського уряду — на зміну внутрішньо-політичного устрою Січі. Поступово відбувалися кардинальні зміни й у соціальній сфері — поруч авторитетних своїм бойовим минулим старожилів з'являються спочатку поодинокі, а згодом усе більш численні політичні постаті з господарського прошарку. Боротьба «консервативної» та «ліберальної» партій старшини стала провідним чинником внутрішньо-політичного життя Нової Січі поруч з боротьбою за землі та вольності у житті зовнішньополітичному. У цій боротьбі визначну роль відіграв один із поборників «консервативної» партії (за термінологією О. Рябініна-Скляревського — «партії кримської легенди») Василь Максимович Кишенський.

Постать Кишенського привертала увагу багатьох дослідників історії Запорожжя. Вже А. Скальковський відобразив роль цього представника старшини у ескалації запорозько-донського конфлікту 1743 р. [17, с. *297*]. Д. Яворницький видав декілька документів, які висвітлювали роль цього запорозького діяча у подіях 1743 р. в Приазов'ї [24, с. *1353-1357*], а О. Рябінін-Скляревський визначив Кишенського як одного з провідників «партії кримської легенди», відзначивши певний міфологічний колорит цієї особи [16, с. *118-120, 126, 129-130, 136*]. В. Голобуцький звернув увагу на участь Кишенського у спробі перевороту на Січі 1756 р. та на кредитну діяльність старшини [4, с. *95, 343-344*], а В. Грибовський — на дестабілізуючу роль діяльності Кишенського в запорозько-ногайських взаєминах [6, с. *70*]. Проте спеціального дослідження, присвяченого визначенню ролі В. Кишенського у політичному житті Нової Січі так і не було зроблено.

Докладних відомостей про походження В. Кишенського немає. Можна припустити, що народився він на початку XVIII ст. на Правобережжі у містечку Кишенка, звідки й походить його прізвище. За часів перебування Коша під кримською протекцією Василь потрапив на Олешківську Січ, вступив до Ірклiївського куреня і згодом став відігравати активну роль у політичному житті Запорожжя. Можна припустити, що вже у 1730-х рр. він очолював рибальські партії на приазовських косах — настільки впевнено почував він себе в тому регіоні у 1743 р. Однак уся ця інформація гіпотетична — першими достовірними згадками про його діяльність стали скарги донського отамана Д. Єфремова влітку 1743 р.

Землі між Дніпром та Доном являли собою на початок 1740-х рр. степ без постійного осілого населення. Тут кочували ногайці та калмики, бродили мисливські і рибальські ватаги донських і запорозьких козаків, що лише зрідка влаштовували тимчасові становища. Не було сенсу встановлювати точних кордонів [5, с. *95, 101*]. Після того як Росія, взявши в 1737 р. Азов, опанувала узбережжя Азовського моря до Міуса, кордон імперії став відсуватися на захід, а донські козаки почали заселяти північне узбережжя Приазов'я [15, с. *27].* Приблизно в цей же час, після завершення війни та стабілізації в регіоні, сюди стали просу-

[1] Текст перенабран LV по изданию: Полторак В. Василь Максимович Кишенський – постать-легенда та реальність // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при Інституті історії України НАН України. Вип 3. Дніпропетровськ. «Пороги». 2006. С. 182-186, http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/90861

ватися і запорозькі козаки. На початку 1740-х запорозькі рибалки, гнані збільшенням внутрішнього та зовнішнього попиту на рибу, досягли Єйської коси [10, с. *86*]. Саме на цей час припало й відновлення офіційної запорозької присутності в приазовських землях — у 1742 р. з'являються згадки про Кальміуську паланку.

Певний час заселення Приазов'я відбувалося паралельно і сторони мирно уживалися на цих теренах. Однак це була бомба уповільненої дії — назрівав конфлікт за власність і владу між донською та запорозькою старшиною. Запорозький кошовий отаман Костянтин Малашевич у своїй скарзі від 25 травня 1743 р. повідомив, що донські козаки почали масово грабувати запорозьких підприємців на Міусі. У відповідь на ці грабунки Кіш надіслав у Приазов'я полковником Василя Кишенського з командою для наведення порядку [18, арк. *1*], а фактично, як виходить з його подальших дій [6, с. *70*], — для силового вирішення конфлікту. Січова старшина та й сам Кишенський безпосередньо були причетні до організації риболовлі на приазовських косах і отримували від реалізації риби значні прибутки, тому дестабілізація ситуації шкодила їм особисто. Захист цих інтересів і призвів до численних сутичок із донськими козаками в часи управління Кишенським Кальміуською паланкою [11, с. *87*].

Починаючи з зайняття приазовських земель запорожцями, отаман Війська Донського Данила Єфремов регулярно надсилав скарги на дії січовиків до кошового отамана, київського генерал-губернатора, військової колегії, колегії іноземних справ. Намагаючись відстояти свої права на ці території, Д. Єфремов компрометував кальміуського полковника перед російською владою. Неодноразово ним надавались факти про грабунки донських козаків, козаків азовського полку, «малоросіян», калмиків, а також про функціонування під його протекцією постійних риболовецьких заводів запорозьких козаків не лише в бар'єрних землях, але й на кубанському боці Азовського моря. Д. Єфремов доводив неблагонадійність запорожців, очолюваних Кишенським, та їх своєвілля: «як би команді (запорозькій. -*В. П.*) своєвольство у кубанських татар, котрі по виселенню кочують цим боком Кубані, відгону коней та інших розорень під видом донських вчинити не наважились і тим Порті Оттоманській якого сумніву, а йому Єфремову з військом Донським відповіді заподіяти не могли» [18, арк. *3*].

За даними Д. Єфремова полковник Кишенський почав зганяти з контрольованих ним земель у межиріччі Міусу та Берди донських рибалок. Крім погроз з його боку у хід пішли підпали шалашів, до донців було застосовано силу. Більш того, відчуваючи брак у людях, Кишенський відправився до столиці Війська Донського Черкаська, де почав закликати запорожців та «малоросійських людей», які тимчасово мешкали на Дону, під свій «регімент» [18, арк. *1 зв.*]. Слід зазначити, що у цей час Кіш не лише не протидіяв, а й підтримував подібні дії старшини, справедливо розраховуючи збільшити населення та територію вольностей Війська Запорозького [9, с. *114*]. Виправданням для подібних заходів виступали як норми звичаєвого права (впевненість у першості і давності появи запорожців на цих теренах порівняно з відносно недавньою появою на них донців), так і законодавчі акти імперії (зокрема, грамоти монархів, що гарантували Війську Запорозькому ті землі, якими вони володіли до 1709 р.) [7, с. *16-17*]. Саме на грамоту імператриці посилався В. Кишенський в ході агітації на вулицях Черкаська (пригадаємо викривлення змісту інших указів, яке було властиве для сприйняття запорожцями офіційних документів). Незадоволена такими нахабними діями донська старшина на чолі з Д. Єфремовим добилася короткотермінового арешту полковника, що викликало у свою чергу запит з Коша до вищих інстанцій щодо правомірності подібних дій донців. Не маючи вагомих підстав до подовження терміну арешту,

Д, Єфремов змушений був відпустити В. Кишенського, оголосивши його персоною non grata у Черкаську.

Звільнений полковник знову очолив паланку і поновив контроль над Міусом, не допускаючи донських козаків до рибної ловлі у північно-східному Приазов'ї. Поновились і скарги донської старшини на дії полковника Василя Кишенського та осавула Журавля. Тоді ж, влітку 1743 р., адміністрація паланки активно підтримала запорожців, які ловили рибу на кубанській стороні Азовського моря [18, с. *4-4 зв.*], вступивши у конфлікт цього разу вже з ногайцями [6, с. *70*]. Через поновлення скарг донського отамана Єфремова на дії Кишенського, адресовані до Києва генерал-губернатору М. Леонтьєву та до Санкт- Петербурга у Військову Колегію, Кіш призначив восени 1743 р. новим кальміуським полковником Павла Андрійовича Тарана [24, с. *1356*]. Інформації про подальше перебування Кишенського в приазовських землях немає, хоча В. Пірко у своїх дослідженнях називає його кальміуським полковником від 1743 до 1745 р. [11, с. *87*].

Інцидент з проголошенням Кишенським себе «міуським» полковником, а також іншими його діями призвів до ескалації прикордонного конфлікту, до вирішення якого вже восени взялася російська влада [23, с. *11-12;* 12, с. *935-936*]. Саме після цього інциденту сторони усвідомили наявність конфлікту та почали шукати засоби для його вирішення. Були усвідомлені також і інтереси спільнот та сформована офіційна позиція (вимоги та побажання) військ. Як бачимо, в конфлікті 1743 р. проявились три вузли протистояння між Запорозьким та Донським військами 1740-х рр. Це обопільні територіальні претензії на межиріччя Берди та Темерника, претензії обох військ на виключну роль у спрямуванні колонізаційних потоків з України та намагання одноособово контролювати риболовні угіддя південно-східного Приазов'я. В руслі вирішення цих проблем тривали запорозько-донські суперечки до 1775 р. Основними причинами виникнення порубіжних конфліктів були потреби екстенсивних форм господарства, традиційність захоплення здобичі в умовах нестабільності ситуації на прикордонні та бідності нижніх прошарків, а у випадку з татарами слід назвати ще й застарілу національну та релігійну ворожнечу.

Надалі Василь Кишенський залишається впливовою постаттю на Січі, що говорить про підтримку його дій з боку кошової адміністрації'. Так, у 1747 р. він згадується як полковник Самарської паланки. На той час полковники в паланки призначувались Кошем [8, с. *13*], отже Кишенський був пов'язаний із тогорічним кошовим отаманом Марком Усом, який за рік до того був кальміуським полковником та був сином пограбованого донськими козаками у 1745 р. зимівчанина Кіндрата Уса. Як бачимо, зв'язки з Приазовською паланкою у Кишенського не перериваються. Більше того, саме в цей час полковник Кишенський був викликаний до Бахмутської слідчої комісії прейзусом Ф. Резановим за позовом на нього донського козака О. Каршина. Через відсутність позивача Кишенського відпустили з Бахмута, а подальша доля цієї справи не відома [2, с. *166*].

На посаді самарського полковника Василь Максимович знов позначився конфліктами з сусідами Запорожжя. Це характеризує його як особу з яскраво визначеними стародавніми запорозькими принципами перманентної степової війни. Так, за скаргами мешканців старосамарської сотні 1753 р. виявляється, що серед десяти самарських паланкових полковників саме за часів полковництва Кишенського з 1 січня до 24 червня 1747 р. відбулося найбільше грабунків їх майна. За урядування 9-ти інших полковників відбувалось від 3 до 11 пограбувань, а при Кишенському — 34. Це більше, аніж за усі інші 9 років. При чому у скаргах відзначено, що сам Кишенський брав участь у пограбуваннях, а одного разу зайняв хутір

старосамарського священика [3, с. *80-83*]. Також відзначився Кишенський за свого урядування у Самарі забороною російській військовій команді повернути втікачів, що осіли хуторами на підвідомчій йому території [22, арк. *46-49*]. Яскраво виражене нехтування правами незапорожців відображає певний стереотип поведінки цієї особи, який сформований був за умов буремних 1710-1730- х рр.

У 1749 р. Кишенський з числа «старшин гідних трьох чоловік» був депутатом у запорозько-польській Слідчій комісії [1, с. *322-323*], а в 1753-1754 р. Василь Максимович працював як один з восьми депутатів у Слідчій комісії з Кримом, відстоюючи інтереси звинувачених запорожців [3, с. *420*]. У цей же час у 1753 р. Кишєнського було обрано на посаду військового судді [16, с. *119*], що свідчить про значний його авторитет серед запорозького товариства та старшини зокрема. Згідно з відомостями про його майно та боржників від 1769 р. стає відомим, що в цей час він активно торгував на уманському та сорочинському ярмарках, брав участь у значних фінансових операціях, кредитував підприємців та сіромах [4, с. *343-344*].

Важливим для розуміння боротьби запорозьких старшинських партій та, зокрема, причин заколоту на Січі 1756 р. постає дослідження ролі у них Василя Кишєнського, що на той час належав до значкової старшини [16, с. *118-120*]. Саме він та отаман Менського куреня Федір Шкура стали на чолі повстанців, яких не влаштувала спроба кошового отамана Григорія Лантуха за підтримки гетьмана К. Розумовського та російського уряду заборонити виборність старшини. На чолі запорозької «консервативної» партії Кишенський та Шкура 24 червня 1756 р. скинули Лантуха з отаманства, а скликана ними рада обрала Шкуру кошовим, а Кишенського — суддею [4, с.*95*]. Незважаючи на те, що вже через кілька днів повстання було придушене, ані Кишенський, ані Шкура не були віддані під слідство, яке проходило за ініціативи гетьмана у Глухові. Остаточно позбавитись небезпечного суперника запорозькі «ліберали» спромоглися лише у 1768 р., а у 1756 р. напевно ліквідувати на Січі «консерваторів» змоги не було.

Цікавим є питання про мотивацію участі Кишенського у заколоті 1756 р. О. РябінІн-Скляревський вбачає її у незадоволенні митною політикою російського уряду, яка зменшила в три рази колишню транзитну торгівлю Запорожжя, а також тим, що Кіш слабо тримав свої позиції перед наступом на запорозькі вольності з боку Російської імперії. Кишенський робив ставку у цій боротьбі не на зовнішні (милість петербурзьких вельмож), а на внутрішні запорозькі сили [16, с. *119*].

Моментом істини для запорозьких «консерваторів» та одноосібного на той час їхнього лідера Василя Кишенського стала спроба повалення уряду П. Калнишевського на хвилі обурення придушенням Коліївщини у грудні 1768 р. 26 грудня сірома та кілька старшин виступили за переобрання старшини, однак врешті-решт позиції Калнишевського виявились досить міцними, а російська влада подібно до подій 1756 р. підтримала заможну запорозьку старшину. Роль В. Кишенського у грудневих подіях відзначена побіжно, скоріше за все він загинув у сутичках, чим значно послабив позиції повсталих. Саме з його ім'ям, як провідника кримської легенди, пов'язані були і чутки про можливість переходу Запорожжя під кримську протекцію. Вже після придушення повстання під час слідства над звинуваченими промайнула і згадка про В. Кишенського, як вже покійного значкового товариша [16, с. *129*]. При описі майна старшини, яка взяла участь у повстанні, першим було описано його майно — зимівник на р. Тернівка, худобу, боргові розписки тощо [20, арк. *59*].

Ще за життя образ Кишенського набув певних рис міфічності. Запорозька сірома уявляла його як героя-борця за морські коси, за прадавні запорозькі вольності [16, с. *136*]. Кишенський став уособленням минулого Запорожжя, і сама його смерть стала символічною для долі Нової Січі. Дуже цікавим є ще одна згадка про Василя Максимовича у Архіві Коша. Вже після своєї смерті міфічний герой став для кальміуських козаків та полковника П. Велегури взірцем стародавніх часів. У рапорті в Кіш від 5 жовтня 1772 р. останній, докладно описуючи запорозькі володіння до Міусу та конфліктну ситуацію, яка склалася між запорожцями, з одного боку, та донцями і російськими гарнізонами, з іншого, — згадує про свого легендарного вже попередника. Фактично, в рапорті йде мова про опис кордону, встановленого свого часу ще В. Кишенським: «для розгляду поставленої грані за буття пана полковника війська Запорозького Кишенського на річці Середньому Єланчику паланкою: доки цей Кишенський роз'їжджав і у відомстві своєму тримав навколишньої землі, так і я від вершин КальмІуса та Кримки, і понад Кринкою до впадіння її в Міус, і понад Міусом до Кам'яного броду до млина, збудованого паном генерал-майором і комендантом таганрозьким Іваном Петровичем Ажидерасом, а від млина понад річкою Міусом до трьох великих лиманів, які впадають у Азовське море, і від гирла понад морем косами, а саме Семенівською, Єланчицькою, Кривою, Безіменною, Широкою та Ляпіною до самого КальмІуса» [19, арк. *5,5 зв., 9*].

Таким чином, Василь Максимович Кишенський був представником „консервативної" запорозької партії „кримської легенди", був заможним старшиною, займався активно торгівлею та іншими видами підприємництва, крім землеробства. Був активним охоронцем стародавніх запорозьких вольностей, брав участь в організації повстань на Січі 1756 та 1768 рр. Важливу роль відіграв Кишенський у запорозько-донському конфлікті 1743 р. та запорозько-гетьманских конфліктах 1745-1753 рр., а також взяв участь у роботі численних слідчих комісій. Вже за життя образ Кишенського став легендарним, а для запорожців Кальміуської паланки його діяльність стала прецедентом у боротьбі за кордон із Військом Донським по Міусу у 1772-1775 рр.

Джерела та література:

1. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів 1734-1775, — Т. 1. — К.: Білоцерківська книжкова фабрика, 1998. — 695 с.
2. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів 1734-1775. – Т. 2. – К.: Білоцерківська книжкова фабрика, 2000. — 748 с.
3. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів 1734-1775. — Т. 3. — К.: ЗАТ «Віпол», 2003. — 952 с.
4. *Голобуцький В.О*. Запорозька Січ в останні часи свого існування (1734-1775). -К.: Вид. АНУРСР, 1961. — 416 с.
5. *Грибовський В.* Запорожці і ногайці в контексті великого кордону // Козацька спадщина. — 2005. — Вип. 1. — С. 95-131.
6. *Грибовський В.* Територія розселення і характер відносин причорноморських ногайців із землеробським населенням українського степового порубіжжя у період 1739-1768 рр. // Козацька спадщина. — Вип. 2. — Нікополь-Дніпропетровськ: Пороги, 2005. — С. 60-77.
7. *Грозовський І.* Право Нової Січі (1734-1775 рр.): Навч. Посібник. -Харків, 2000. — 108 с.

8. *Корж Н.М.* Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки Никиты Михайловича Коржа, — Одесса: Городская типография, 1842, — VII + 95с.

9. *Олійник О.* Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775 рр.). — Запоріжжя: Дике поле, 2005. — 256 с.

10. *Пірко В.* Заселення Донеччини у XVI-XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). — Донецьк: Східний видавничий дім, 2003. — 180 с.

11. *Пірко В.* До питання про адміністративний устрій східних паланок Нової Січі // Козацька спадщина. — Вип. 2. — Нікополь-Дніпропетровськ: Пороги, 2005. — С. 85-89.

12. Полное собрание законов Российской империи: изд. 1-е. — Спб., 1830. — Т. 11.

13. *Полторак В.* Розмежування вольносгей війська Запорозького та війська Донського в 40-ві роки XVIII ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. — Запоріжжя: Просвіта, 2005. — Вип. XIX. -С. 55-58.

14. *Пронштейн А.* Земля донская в XVIII веке. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1961. — 373 с.

15. *Рябінін-Скляревський О.* Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII ст. / Малинова Г., Сапожников И. А. Рябинин-Скляревский: материалы к биографии. — Одесса, 2000. — С. 83-178.

16. *Скальковський А*. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького / пер. з рос. — Дніпропетровськ: Січ, 1994. — 678 с.

17. ЦДІАК. — Фонд КМФ-9. — Оп.2. — 0.з.№15.

18. ЦДІАК. -229. — Оп.1. — О. з. 319.

19. ЦДІАУК. -Ф. 229. — Оп. 1. -О. з. 234.

20. ЦЦІАУК. -Ф. 59. — Оп. 1. — О. з. 1377.

21. *Швидько Г.* Актові джерела до історії Запорозької Січі // Південна Україна XVIII-XIX століття. — Вип. 1. — Запоріжжя, 1995. -С. 9-18.

22. *Эварницкий Д.* Источники для истории запорожских козаков. — Т. 2. — Владимир, 1903. — С. 1073-2107.

23. *Эварницкий Д.* Сборник материалов для истории запорожских козаков. — СПб., 1888.

Тетяна Кузик. Писар Війська Запорозького Низового Олексій Петруша (матеріали до біографії) (2003)[1]

Військові писарі є чи не найбільш інтригуючими постатями в історії Коша: військове писарство — вершина кар'єри письменної людини в Січі. Спеціальних праць, де б аналізувалося військове писарство, досі немає. Єдиними дослідженнями персоналій військових писарів залишаються праці П. Єфименка та О. Рябініна-Скляревського[1]. Остання була написана на матеріалах архіву Коша Нової Запорозької Січі ще у 1930 р. Од того часу нові дані для дослідження цієї проблематики до наукового обігу не запроваджувалися.

Дослідник, який намагається віднайти матеріали до біографій писарів та канцеляристів Військової канцелярії Війська Запорозького Низового (далі: Військова канцелярія), наштовхується на інформаційний вакуум. Навіть виявити їхні імена доволі складно, позаяк військовий писар лише засвідчував документи іменем кошового отамана, ні канцелярія, ні писар не мали права iussio (канцелярське право наказу). Найзмістовнішими серед документів архіву Військової канцелярії є атестати, частину з яких було опубліковано у першому томі корпусу документів "Архів Коша Нової Запорозької Січі", серед них — атестати військових писарів Артема Васильєва та Івана Чугуєвця[2], використані О. Рябініним-Скляревським у згаданій праці. Найменше відомостей про тих, хто був військовим писарем до 1756 р., оскільки стан збереженості архіву Коша до цього року є найгіршим: значну кількість документів було втрачено ще під час пожеж, що сталися в Січі у 1747 та 1756 рр.[3]

Документ, що пропонується увазі читача, — універсал Правління гетьманського уряду колишньому військовому писарю Олексію Петруші на звання військового товариша, зберігся у фонді Генеральної військової канцелярії (ф. 51 Центрального державного історичного архіву України, м. Київ, далі: ЦДІАК України) серед документів, пов'язаних з виборами старшини в Лівобережній Україні у 1751 р. Цей універсал складено (як свідчить текст самого документа) на основі атестатів, виданих Олексію Петруші в Коші у 1746, 1747 та 1749 рр.

Окремі відомості про військового писаря Олексія Петрушу давно запроваджено до наукового обігу. Щоправда, А. Скальковському Олексій Петруша був відомий тільки як колишній запорожець і військовий товариш[4]. В опублікованих Д. Яворницьким документах і записках Л. Яценка-Зеленського, а також одному з документів,, опублікованих у другому томі "Архіву Коша", він згадується під різними іменами: Олексій Федоров, Олексій Сукур, Олексій Петруша. Залучивши інформацію з інших джерел, вдалося встановити, що у цих випадках йдеться про одну і ту саму особу — Олексія Федоровича Петрушу[6]. У першій половині 1745 р. він був писарем Єланчицької паланки, од 1746 р. і до 24 червня 1748 р. — військовим писарем[7]. У кінці вересня 1749 р. Олексій Петруша "з Коша Войска Запорожского Низового вишелъ" і перейшов на службу в Гетьманську Україну[8].

Публікацією універсалу Олексію Петруші на чин військового товариша до наукового обігу запроваджуються нові дані до його біографії. Завдяки цьому Олек- /134/ сій Петруша стає одним з небагатьох військових писарів, чиє походження точно встановлено. Загалом встановити походження запорожця, який не потрапляв під слідство, доволі складно. Лише

[1] Текст перенабран LV по изданию: Київська старовина, 2003. – № 6. – С. 133–140.
https://chtyvo.org.ua/authors/Kyivska_starovyna/2003_N6_354/
Исправлена по авторскому черновику некорректная архивная ссылка в примечании 25. Также исправлены некоторые мелкие очевидные ошибки публикации в основном тексте при передаче отдельных цитат XVIII в.

у допитах неодмінно вказувалося походження — зазначення подібних даних в атестатах було швидше винятком, аніж правилом. Це стосується й послужних списків та переліків колишніх запорожців, які проживали у лівобережних полках[9]. Щодо військових писарів, то досі було відомо лише, що Іван Глоба — виходець з Полтавського полку, де мав "наследніе ему добра"[10], Дмитро Романовський — син колишнього запорожця, який оселився у містечку Золотоноша Переяславського полку[11]. Принагідно насмілюся поставити під сумнів усталену в історіографії думку про походження військового писаря Івана Афанасійовича (Чугуєвця) з єдисанських або з кримських мурз. Це твердження є результатом некритичного сприйняття даних з атестатів, власноруч писаних Іваном Чугуєвцем, який намагався перейти на російську службу[12]. В атестатах немає згадок про його охрещення, а це засвідчує, що він ніколи не був мусульманином, якщо ж і був татарином або ногайцем, то, принаймні, не належав до першого покоління емігрантів. Прізвиська, що їх мав у Січі Іван Афанасійович — "Чугуєвець" та "Калмичок"[13] — швидше вказують на його походження з чугуївських козаків (серед них були і охрещені калмики).

Біографія Олексія Петруші нетипова для запорожця. На момент переходу в Січ він вже зробив перші кроки у своїй кар'єрі в Гетьманщині: служив у Прилуцькій сотенній канцелярії, при генеральному осавулові Якові Якубовичу, у Прилуцькій полковій канцелярії, Кодифікаційній комісії. У XVIII ст. для запорожців більш характерним був зворотній «напрям руху»: служба у Війську, а згодом — в Гетьманщині, Слобідських полках, російських установах тощо.

Дослідники вже звертали увагу на роль тих, хто був "своїм" і в Січі, і в Гетьманщині, в руйнуванні замкненості Запоріжжя у середині XVIII ст.[14] Однак на той час характерна і зворотня тенденція: відчуження Запоріжжя і Гетьманщини, Війська і "малоросійського народу". Назвемо для прикладу лише проблему обгрунтування історичної легітимності взаємних територіальних претензій Війська Запорізького Низового та Гетьманської України, що найбільше загострилася на початку 50-х років XVIII ст.[16] А. Скальковський в "Історії Нової Січі" процитував лист від 12 березня 1752 р. Олексія Петруші та ще одного колишнього запорожця, Петра Чернявського, який очолював компанійців надвірної хоругви гетьмана К. Розумовського. Вони повідомляли в Кіш про намір гетьманського правління "до полку Полтавського як товщі Самарської в чистій пущі, так і в степу обмежити кордоном", зазначаючи, що вони пишуть тому, що "серця й утроби наші за природнім синівським до Війська Запорозького Низового обов'язком змовчати не можуть"[16]. Постає питання: як саме протиставлення Війська Запорозького та "малоросійського народу", властиве запорожцям, відбивалося на їхній самоідентичності після виходу "на волость" і як сприймали у середині XVIII ст. в Гетьманщині вихідців з Запорожжя, чи відбивалося перебування в Січі на їхній подальшій долі, соціальному, майновому становищі тощо. У контексті цього питання наведу такий факт: запорожці, які залишили Січ і оселилися у полках Гетьманщини, мали власних отаманів[17].

Документ, що друкується, розширює уявлення про рівень освіченості військових писарів і канцеляристів. Ця проблема спеціально ще не досліджувалася. З одного боку, в літературі трапляються твердження про винятково високий ступінь їхньої освіченості. Навпаки, на думку О. Рябініна-Скляревського, писарі не вирізнялися рівнем освіченості і навчалися грамоті здебільшого у січовій школі[18]. Сумнівно, щоб у Січі існував усталений "освітній ценз" для військових писарів і канцеляристів. Так, в атестатах військових канцеляристів Тимофія /135/ Павловича Богдановського та Семена Бистрицького зазначено: "Письменъ славенороссійской, полской і латинской"[19]. Інші були навчені лише "грамоте словенской"[20]. Окремі

з них навчалися у січовій школі, а, можливо, навіть у козаків, які знали грамоту. Наприклад, запорожець Григорій Тарасьєв засвідчив, що отаман Батуринського куреня "отдалъ его къ учителю для обучения книжного чтения вмѣсте с казацкимъ писаремъ Иваномъ *(Глобою? Чугуєвцем? — Т.К.)*"[21]. Як свідчить документ, що публікується, Олексій Петруша вчився грамоті "при отцу своемъ". Архимандрит Леонтій (в миру — Лука Яценко-Зеленський), який двічі бував у Січі, у своїх записках навів відомості про коло читання Олексія Петруші: останній "признался в том, что он не знает почти никаких книг, кроме Св. писання"[22].

В універсалі зазначено, що, за свідченням трьох кошових отаманів, військовий писар Олексій Петруша "порученные дела исправлялъ без всякого подозренія". Чи мало це типове для засвідчувальної документації кліше особливе наповнення, коли стосувалося військового писаря? У середині XVIII ст. "простота військова" залишалася символом колективної ідентичності запорожців, точніше, складовою їхнього "образу для інших"[23]. Військовий писар, відповідно, — посередник між "простим" Військом та "писемним" світом. Згадаймо пісню "Чорноморська буря", записану М. Максимовичем: основна чеснота військового писаря Олекси Поповича — це готовність пожертвувати собою задля порятунку Війська. Звернемося до документів. Коли йшлося про невиконання Військом директивно-розпорядчих актів гетьмана, Київської губернської канцелярії та ін., неодмінним елементом "дипломатичної риторики" Коша було посилання на "простоту" Війська та "невнушение писарское" змісту цих актів товариству[24].

В старшинській ієрархії військовий писар обіймав третю сходинку. Звичай обмежував доступ письменних до влади: така людина не могла бути обраною кошовим отаманом або військовим суддею[25]. Звичай обмежував компетенцію писаря тільки питаннями діловодства: ознакою писарського рангу в Січі була чорнильниця, хранителем військової печатки був кошовий отаман або військовий суддя[26]. Але в документі зазначено, що Олексій Петруша виконував і позаканцелярську роботу: "секретніе, яко и другие інтересные дѣла исправлялъ".

Розглядаючи вплив військового писаря на політику та суспільне життя Січі, Д. Яворницький підмітив, що військовий писар "тримав себе нижче свого становища"[27].Справді, з одного боку, під час Військової сходки, у якій брали участь курінні отамани й військова старшина, писар був "стояном, ибо в сходки он не имел ни стула, ни лавы"[28]. Більше того, як свідчив на підставі слів самих запорожців миргородський сотник Василь Зарудний, який перебував в Січі влітку 1757 р., на Військовій сходці окрім кошового отамана, військового судді і курінних отаманів, "протчии старшини *(тобто, писар і осавул. -Т.К)* голосу не имеют"[29]. З іншого боку, на той час у віданні військового писаря перебували "пограничные все дела и секретные обращения", які він "содержалъ в отправлении и смотрении своемъ особомъ", а також надходження до Військової скарбниці[30]. І саме військовий писар найвлучніше сформулював "кредо" політики Коша: "Да не погибнетъ слава Въйскова, и будете вѣчно в покои Кош, и не розшарпают земел ... викорените совсемъ шалость *(тобто гайдамаччину. — Т.К.)*"[31]. Тобто на середину XVIII ст. виникає контраст між тією роллю, яка відводилася військовому писареві в усталеній системі влади, та обсягом його дійсної компетенції і впливу у справах Коша. Подібний дисонанс помічається в ширшому контексті — при дослідженні становища письменних людей у Січі. Звернемо увагу хоча б на такі деталі: канцеляристи як "люди праці" не відповідали запорозьким уявленням про "ідеальний тип людини"[32], проте письменність все таки ставала /136/ підставою для того, щоб претендувати на певне становище[33], упродовж 50-х років XVIII ст. удвічі зросла кількість учнів січової школи[34], а також виникли окремі служби для одружених запорожців, які знали грамоту[35] тощо.

Повертаючись до питання про становище писаря у Війську у 1740-х років, зокрема, в часи писарства Олексія Петруші, звернемо увагу на таке. Принаймні, од кінця 50-х років XVIII ст. до ліквідації Січі винятковим правом військового писаря (за його відсутності — старшого військового канцеляриста) було засвідчення документа написанням імені кошового отамана. Це можна простежити, порівнюючи почерки тексту й підпису на документах Військової канцелярії — тексти переписувалися канцеляристами, іменем кошового підписувався військовий писар. Іншу картину ми бачимо, коли звертаємося до фондів, які зберегли документи Військової канцелярії 40-х років — почерки тексту документа й підпису збігаються. Вдалося навіть встановити, що лист Коша до Київської губернської канцелярії від 26 квітня 1745 р. підписав підписар Микита Велецький[36], лист Коша до Київської губернської канцелярії від 23 жовтня 1745 р. — підписар Петро Чернявський[37]. Парадоксально, але іменуючись "ясновельможним", тобто, перебуваючи на старшинській "кондиції", принаймні, в кінці 1740-х рр. військовий писар у Військовій канцелярії ще не мав якихось адміністративних прерогатив — він був лише старшим серед писців.

*****

Текст публікується зі збереженням орфографії оригіналу, відтворено літери і, и, ы, ъ, Р, Т, а, h, s, j. Великі літери та розділові знаки вжито за нормами сучасного правопису. Виносні літери внесено в рядок. Скорочення (у тому числі, й під титлом) доповнено, відновлені літери відтворено в дужках (). Знаком оклику (!) зазначено механічні помилки, які трапляються у тексті.

1749 р., грудня 19. — Універсал Правління гетьманського уряду писарю Війська Запорізького Низового Олексію Петруші на чин військового товариша

351 Копія

По указу ея величества г(о)с(у)д(а)р(ы)ны императрици Елисаветъ Петровни[38] самодержици всероссійской и прочая и прочая и прочая

Генералной малороссійской сътаршинѣ, полковникамъ, а особливо полковнико (!) прилуцкому, старшинѣ полковой, сотникам того полку и кому о семъ вѣдат надлежит чрез сіе объявляется

Сего декабра 14 д(ня) Запорожской Съчи бивший войсковий писар Алеѯей Петруша под высочайшимъ ея императорскаго величества именемъ челобитемъ въ Генералной войсковой канцелярій представилъ:

От многих-де лѣтъ прадѣд, дѣдъ и отецъ его, Алеѯѣя, Ѳедоръ Петруша, имѣя жителство свое полку Прилуцкого сотнѣ полковой Прилуцькой в селѣ Товкачовцѣ по природной своей присяжной должности служили високославним предкамъ ея императорскаго величества всероссійскому престолу вѣрно и радително без всякаго подозрѣнія, и во мно- гих походах и на баталѣях не щадя своего здоровя и живота, бивали, и н(ы)нѣ-де от(е)цъ его, Алеѯѣя-де, в глубокой старости, которому-де до ста лѣтъ от роду есть //**351 зв.**// въ ко- зачомъ званій сотнѣ полковой рядовыхъ козаков (!) служит. Онъ же-де, Алеѯѣй Петруша, при отцу своемъ воспитавшис и приобучившис писарскому званію з минувшого 1734 году въ нижейписанних службах находился, а імянъно: з 1734 года во услуженіи при сотенной полковой Прилуцкой канцелярій по 736 годъ, а з 736 года — въ полку Переясловъскомъ во описѣ засѣянного хлѣба і вкошенного сѣна, а потомъ при фарпостахъ днѣпровских[39] при /137/ н(ы)нѣшному асаулу енералному Якову Якубовичу[40] в писарской должности, а оттоль

возвратяс, в Комісій перевода і свода книгъ правних[41], потомъ с прапорщикомъ Гуревимъ в набору возов, в 1739 году в Хотинскомъ походѣ[42], з которого-де возвратяс, многие полѣценніе (!) от полковой Прилуцкой канцеляріи дѣла и комиссій іспрaвлялъ безотлучно, а егда от сотенной полковой Прилуцкой канцеляріи отлучился, пошед в Сѣчь Запорожскую, гдѣ з 1740 года служилъ в Войску Запорожскомъ вѣрно, за которіе-де его службы от всего Войска Запорожского wбранъ войсковимъ писарем, в которомъ званіи полтретя года будучи, полученніе (!) дѣла іспрaвлялъ //**352**// без всякого подозрѣнія, и от того званія уволнясь, назначенніе ему от Коша Запорожского разніе коммісіи и посилки іспрaвлялъ-де, о коихъ службах и данние ему з того Коша Запорожского атестати въ 1746 марта 5, в 1747 ноября 20 д(ня) и сего 749 годов октября 10 чиселъ при ономъ своемъ челобитѣ представилъ. А н(ы)нѣ-де онъ, Алеѯей Петруша, от того Запорозского Войска совсѣмъ отклонился, і в домъ отца своего прибивши за тотъ ввесь домъ в званіи войскових товарищей службу отправлять желаетъ, с прошеніемъ об опрѣделеній его в званіе войскових товарищей, об отправленіи в ономъ зъваніи за домъ отца своего служби и дачи ему на то званіе з Войсковой енералной канцеляріи обикновенного унѣверсала, в Енералной войсковой канцелярій разсмотренія.

А понеже в предявленних от его, Петруши, даних от Войска Запорозского Низового атаманов кошових Василия Григориева[43], Павла Козелецкого[44] и Якима Игнатовича[45] с товаріствомъ //**352 зв.**// атътестатахъ показанно, что онъ, Петруша, ея императорскаго величества непобѣдимому всероссійскому отеческому наслѣдному престолу служилъ з 1740 года въ Войску Запорожскому, а зъ 1746 году по вибору всемъ Войскомъ Запорозскимъ опредѣленъ воисковимъ писаремъ і в томъ ранге билъ полтретя года, и по присяжной своей должности такъ секретніе, яко и другіе інтересніе дѣла исправлялъ вѣрно и рядѣтелно, без упущенія, того ради присудствующіе въ Войсковой енералной канцеляріи члени, имѣя власть, по силѣ височайших ея императорскаго величества указовъ, всякіе въ Малой Россіи до уряду гетманского принадлежащие устроеват дѣла, респектомъ вишепомянутих его, Петруши в Войску Запорозскомъ въ чину войскового писарства службъ, в коихъ, какъ више явствуетъ, того Низового Войска три атамани кошовие и о его достоинствѣ атестуют, опредѣлить въ число войскових товарищей //**353**// і въ томъ званіи на вѣрность ея императорскому величеству привесть к присяге (к которой зде и приведенъ) дать на оное званіе ему, Петрушѣ, з Войсковой енералной канцеляріи сей унѣверсалъ, чрез который предлагается, даби енералная малороссійская старшина, полковники, а особливо полковник прилуцкий съ таршиніею (!) и сотниками того полку, и прочие, до кого сіе касается будетъ, о такомъ его, Петруши, в званіе войскових товаришей опредѣленій вѣдали. Онъ же, Петруша, надлежащую в томъ званій службу імѣетъ отправлят в числѣ прочиихъ войскових товарищей по указамъ и по опредѣленіям енералной канцеляріи.

Сего ради и сей ему, войсковому товарищу Алеѯѣю Петруши, унѣверсалъ з Войсковой енералной канцеляріи данъ в Глуховѣ 1749 году, декабра 19 дня.

В подленном подписанно: полковникъ Алеѯѣй Ізволский
генералний подскарбій Михайло Скороподский[46]
полковникъ Іванъ Челищевъ
енералній асаулъ Петръ Валкевичъ[47]
Мѣсто печати.
На арк. 351, на лівому полі: З(аписанъ) в к(нигу) под № 7537.

Скріпа на арк. 351, 352, 353: С подленнимъ // унѣверсаломъ сводилъ // полковой Прилуцкой канцеляріи канцеляристъ Ѳедоръ Марковскій

На арк. 353 зв.: 1750 году, декабра 3 д(ня) таковъ подлѣнной унѣверсалъ обратно к себе принялъ а на сей копій подписался войсковой товарищъ Алеѯей Петруша.

(ЦДІАК України, ф. 51, оті. 3, спр. 10591, арк. 351-353. Діловодна копія.)

/138/

[1] Ефименко П. Глоба, последний писарь Войска Запорожского // Киевская старина — 1882. — № 8. — С. 368-371; Рябінін-Скляревський О. Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII століття // Малинова Г.Л., Сапожников И.В., А.А. Рябинин-Скляревский. Материалы к биографии. — Одесса-Киев: Элтон-2-Гратек, 2000. — С. 165-167

[2] Архів Коша Нової Запорізької Січі: Корпус документів. — К., 1998.- Т. 1. — С. 475- 476, 520.

[3] У 1749 р. запорожці не змогли представити у Слідчу з Кримом комісію реєстри претензій до підданих Кримського ханату, оскільки “оные все въ каморе, гдѣ войсковая архива сложена била, во время бившого здесь въ 747 году пожара погорели” (ЦДІАК України, ф. 59, оп. 1, спр. 798, арк. 8 зв., 43); архів також постраждав під час пожежі, що сталася в Січі 1 травня 1756 р. (див. передмову від упорядників до 3-го тому “Архіву Коша”).

[4] Скальковський А.О. Історія Нової Січі або останнього Коша Запорізького. — Дніпропетровськ: Січ, 1994. — С. 88.

[5] Встановлено за: ЦДІАК України, ф. 59, оп. 1, спр. 1482, арк. 62; спр. 1548, арк. 6 зв.; спр. 1288, арк. 14 зв.; Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. — Владимир, 1903. — Т. 2. — С. 1485, 1516, 1533, 1683.

[6] ЦДІАК України —Ф. 229, оп. 1. — Спр. 60. —.Арк. 2, 14 зв. До 1746 р. запорозький полковник з військовою командою перебував на річці Єланчик або на річці Міус. Паланку на річці Кальміус було засновано у 1746 р., після встановлення кордону між Військом Запорозьким та Військом Донським по річці Кальміус (ЦДІАК України. — Ф.59, оп. 1. —Спр. 1288. —Арк. 22 зв.: свідчення полковника Леонтія Тарана).

[7] ЦДІАК України. — Ф. 59, оп. 1. —Спр. 1602. —Арк. 1.

[8] ЦДІАК України. — Ф 51, оп. 3. —Спр. 10052, ч. 2. — Арк. 616.

[9] Див., наприклад, ЦДІАК України. — Ф. 51, оп. 3. —Спр. 10591. — Арк. 29, 31, 34, 124; Ф. 54, оп. 3. — Спр. 3284; Ф. 94, оп. 2. — Спр. 64.

[10] Рябінін-Скляревський О. Запорозькі заколоти...- С. 167-168; див. також ЦДІАК України. — Ф 229, оп. 1. — Спр. 232. — Арк. 204.

[11] Див. атестат його рідного брата Василя Рецетового (Архів Коша...- Т. 1. — С. 494).

[12] Архів Коша...-Т. 1. —С. 475, 476; ЦДІАК України. — Ф229, оп. 1. — Спр. 115. —Арк. 2.

[13] ЦДІАК України. — Ф. 51, оп. 3. —Спр. 9333. —Арк. 338.

[14] Рябінін-Скляревський О. Запорізькі бунти дунайців 1771-1774 рр. і початок Задунайського Коша // Науковий збірник УАН. — К., 1927. — Т. 26. — С. 76; Ульяновський В. Релігія і церква в житті та творчості Д. І. Яворницького // MAPPA MUNDI. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. — Львів; Київ; Нью-Йорк: вид-во М. П. Коця, 1996. — С. 762-763.

[15] У донесенні Коша від 5 жовтня 1752 р. до Державної колегії іноземних справ наголошувалося, що коли Богдан Хмельницький разом “с Войскомь Запорожскимъ и со всѣмъ малороссийскимъ народомъ” перейшов під російську протекцію, то саме Війську Запоро-

зькому Низовому, а не “малоросійському народу” було надано у володіння землі на південь від Переволочної (Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. — СПб., 1888. — С. 46-49). Водночас Генеральна військова канцелярія намагалася обгрунтувати перед Державною колегією іноземних справ, що Військо Запорозьке Низове ніколи не було суб’єктом договірних відносин, завжди “состояло в единой дирекции гетманской”, що між Запорожжям та Гетьманською Україною кордону ніколи не було (ЦДІАК України. — Ф. 51, оп. 3. — Спр. 11904. — Арк. 9-10, 11, 12-13).

[16] Скальковський А. О. Історія Нової Січі... — С. 88.

[17] Див., наприклад: “атаманъ запорожских козаков Лубенского полку Иван Козирь”, “Миргородского полку запорожских козаков атаман Василь Шафичев" (ЦДІАК України. — Ф 51, оп. 1. — Спр. 1218. — Арк.1 зв., 2 зв.).

[18] Рябінін-Скляревський О. Запорозькі заколоти ... — С. 172.

[19] ЦДІАК України. — Ф. 229, оп. 1. —Спр. 232. — Арк. 59-59 зв., 86-86 зв..

[20] Яворницький Д. І. До історії Степової України. — Дніпропетровськ, 1929. — С. 39-41.

[21] ЦДІАК України. — Ф 59, оп. 1. — Спр. 2023. — Арк. 7 зв.

[22] Эварницкий Д. И. Две поездки в Запорожскую Сечь Яценка-Зеленского, монаха Полтавского монастыря в 1750-51 г. — Екатеринослав, 1915. — С. 57.

[23] Див., наприклад, лист запорізьких депутатів, які перебували у 1755-56 рр. у Санкт-Петербурзі: “неперемѣнному *(кошовому отаманові — Т. К.)* всегда бить в таком волном Войску, а особливо ж по простотѣ своей незнающему, где і как за излишние его поступки и обиди просит, весма трудно” (ЦДІАК України. — Ф 229, оп. 1. — Спр. 27. — Арк. 76). 1 січня 1759 р., всупереч ордерам гетьмана і указам Сенату, в Січі знову було переобрання старшини «зъ единой простоты» та «по заобыклости давней всегдашней и по вольности прежней» (ЦДІАК України. —Ф.269, оп.1. — Спр. 1389. —Арк 4 зв.)

/139/

[24] Див., наприклад, ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, спр. 9333, арк. 56.

[25] Див. свідчення автора анонімної записки, що: “кошевой атаман... по их обыкновению, должен быть грамоте незнающий“ (Лазаревский А. Запорожье в конце XVIII века (современная записка) // Киевская старина, 1889, декабрь. — С. 632.), а також свідчення Л. Яценка-Зеленського: “И поелику он же, Похил, к своєму несчастию знал грамоты, по чему его и прозвали Писменным, то и предузнал положительно, что его писменство не дасть ему в руки не только кошевской булави и судейской трости, но и асаулскую насѣку вырвет с рук” (Эварницкий Д. И. Две поездки ... — С. 37). Надзвичайно цікавим є такий факт: 30 вересня 1747 р. капітан Микита Карамишев, який перебував у Новосіченському ретраншементі, повідомляв Київську губернську канцелярію, що новообраний кошовий Павло Семенович Козелецький “грамоті, писать и читать умеѣтъ (АндриевскийА. Дела, касающиеся запорожцев, с 1715-1774 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1886. — Т. 14. — С. 423). У 1748 р. Павло Козелецький давав свідчення у Київській губернській канцелярії. Замість нього “яко неграмотного” підписався писар Артем Васильєв (ЦДІАК України, ф. 59, оп. 1, спр. 1548, арк. 11). О. Рябінін-Скляревський стверджував, що кошовий Пилип Федорович Пилипенко був письменним. Проте на біловиках документів за 1764 р. (друга половина року) іменем кошового Пилипа Федорова підписувався військовий писар Іван Глоба (ЦДІАК України, ф. 229, оп. 1, спр.163, арк. 3, 7, 11, 15 зв. та ін.). Петро Калнишевський ставив хрестик замість підпису (ЦДІАК України, ф. 229, оп. 1, спр. 86, арк. 215), проте мав власну бібліотеку (див. Гісцова Л. З. До портрета П. Калнишевського (з нагоди 300-річчя від дня народження) // Архіви України, 1991. — №3.-С. 53).

[26] Мышецкий С. И. История о козаках запорожских, как они издревле зачались и откуда своє происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. — М., 1847. — С. 17; Андриевский А. Дела, касающиеся запорожцев... -С. 458, 460.

[27] Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. — К.: Наукова думка, 1990. — Т. 1. — С. 178.

[28] Эварницкий Д. И. Две поездки...-С. 9.

[29] ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, спр. 9333, арк. 337.

[30] ЦДІАК України, ф. 229, оп. 1, спр. 115, арк. 4.

[31] Лист Івана Чугуєвця в Кіш від 16 грудня 1761 р. (ЦДІАК України, ф. 229, оп. 1, спр.115, арк. 100).

[32] Эварницкий Д. И. Две поездки... — С. 5.

[33] У листопаді 1761 р. І. Чугуєвець просив Кіш пожалувати Якова Дона “мѣстомъ писарства ... перевозомъ Никитинскимъ или хотя Кодацкимъ ... даби пред другими своими товарищи писменними обыдимъ не билъ” (ЦДІАК України, ф. 229, оп. 1, спр. 115, арк. 69 зв. -70).

[34] Якщо Л. Яценко-Зеленський нараховував у січовій школі близько 50-ти учнів, то у 1760 р. їх було вже понад 100 (Эварницкий Д.И. Две поездки... -С. 7; Гісцова Л.З. З Архіву Коша Нової Запорозької Січі // Архіви України, 1990, № 6/7. — С. 68).

[35] З реєстра, складеного отаманом козаків с. Самарчик Петром Рябим про служби одружених козаків, дізнаємося, що “по ордеру Коша Войска Запорожского Низового велѣно с праворнихъ с еднихъ грамотнихъ в Камянку на почту десять человѣкъ вислать в самой скорости” (ЦДІАК України, ф. 229, оп. 1, спр. 104, арк. 58).

[36] ЦДІАК України, ф. 59, оп. 1, спр. 1167, арк. 7-15.

[37] ЦДІАК України, ф. 59, оп. 1, спр. 1167, арк. 197-200.

[38] Єлизавета Петрівна (1709-1761 рр.), російська імператриця (з 1741 р.).

[39] Дніпровські форпости — російські укріплення, споруджені під час російсько-турецької війни 1735-1739 рр. вздовж Дніпра в межах Військових Вольностей (Біркутський, Кодацький і Сокільський редути, Микитинська застава, Новосіченський і Кам’янський ретраншементи), в яких постійно перебували російські військові команди, а також загони лівобережних козаків.

[40] Якубович Яків Дем’янович (пом. 1758 р.), генеральний військовий осавул (1740-1758 рр.)

[41] Йдеться про Кодифікаційу комісію 1728-1743 рр. У 1734 р. працювала в м-ку Прилуки. Перелік пам’яток, перекладених Комісією — див. Вислобоков К. А. Визначна пам’ятка українського права: джерела, зміст, система та соціально-політичні передумови створення // Права за якими судиться малоросійський народ 1743 р. — К., 1997. — С. XIX-XXI.

[42] Хотинський похід — військова кампанія травня-серпня 1739 р., у ході російсько-турецької війни 1735-39 рр., внаслідок якої російські війська під командуванням генерал-фельдмаршала Б. Х. Мініха (1683-1767 рр.) зайняли Молдавське князівство. Фортеця Хотин капітулювала 19 серпня.

/140/

[43] Василь Григорович (Сич, пом. 1751 р.), козак Мінського куреня, кошовий отаман упродовж 1745-до 24 червня 1747 р., 1 січня- 24 червня 1750 р.

[44] Козелецький Павло Семенович, козак Корсунського куреня, кошовий отаман упродовж другої половини 1747 р.

[45] Яким Ігнатович (Малий), козак Вищестебліївського куреня, кошовий отаман (24 червня 1743 -1744 рр., 25 червня 1748 -1749 рр., 24 червня 1750 - 24 червня 1752 рр., 24 червня 1754 - 1 січня 1755 рр.).

[46] Скоропадський Михайло Васильович (бл. 1697-1758 рр.), генеральний підскарбій (1741-1753 рр.).

[47] Валькевич Петро Васильович (пом. 1758 р.), генеральний військовий осавул (1741-1758 рр.).

LV. Андрей Петруша & Степан Черный (2025)

В конце 1830-х — начале 1840-х годов один из первых историков Новороссии А.А. Скальковский разбирал остатки спасенного им Сечевого архива. Один из побочных сюжетов, мимо которого он не смог пройти в своей книге об истории Запорожской Сечи, был конфликт между паланковым писарем Алексеем Петрушей и запорожцем Степаном Черным в 1745 году, а также его сильно затянувшиеся последствия [1, с.194-197, 203-204]. Позже эти же моменты затрагивались и в работах многих других наших историков XIX — XXI века. И, невзирая на неплохую проработанность данного вопроса, желание попробовать написать еще и собственную версию тех событий почему-то уже давно преследовало и автора этих строк. Автор так и не сумел найти для себя достаточные и рациональные аргументы, почему ему этого не стоит делать. Поэтому, наконец, сдался этому своему странному желанию и приступает к (очередному) описанию тех событий. В свое оправдание автор может лишь понадеяться, что здесь, возможно, нам удастся раскрыть какие-то ранее неосвещенные моменты и нюансы того дела.

Итак, у нас в данной статье имеются два «антагониста»-запорожца. Одним из них был Алексей Федорович Петруша (куренную принадлежность установить не удалось). Его биография приведена в статье Т.Л. Кузик [2]. Кратко напомним основные ее вехи по состоянию на июнь 1745 года. Он был из старого казачьего рода, его отец Федор служил рядовым казаком в Прилуцкой сотне Прилуцкого полка и проживал в селе Товкачевке. В универсале, выданном Алексею Петруше в Запорожском Коше в 1749 году, записано, что его отец на тот момент был *«в глубокой старости, которому-де до ста лет от роду есть»* (похоже, его точного возраста Алексей не знал и, возможно, значительно его преувеличил). Судя по тому, что Алексей поступил на казачью службу только в 1734 году, он был очень поздним ребенком у своего отца и родился примерно в середине 1710-х годов. Отец научил его чтению и письму, и на этом образование Алексея, видимо, и закончилось. Встречавшемуся с ним в Сечи Луке Яценко-Зеленскому он *«признался в том, что он не знает почти никаких книг, кроме Св. писання»*. Свою службу Алексей начал сразу по писарчуковской части, в качестве мелкого канцеляриста. В этом качестве он провел 6 лет, в том числе и во время русско-турецкой войны 1736 — 1739 годов, так что запах пороха (пусть и издали) ему тогда все-таки довелось понюхать. Отдельным эпизодом его биографии стало непродолжительное участие в работе Кодификационной комиссии (этот на самом деле важный момент мы в данной статье рассматривать не будем). В 1740-м году Петруша оставил службу в Малороссии и перешел в Запорожье, где опять пошел по писарской части. Вероятно, у него были какие-то проблемы с глазами, потому как на Сечи к нему прочно прилипла кличка Сукур (тур. — «слепец, одноглазый») или просто — Кривой. Но сам Алексей ее сильно не любил и предпочитал называться по фамилии. И, добавим, что Петруша, похоже, по жизни не отличался особо хорошим и честным поведением в делах, с гнильцой был человек.

Вторым основным героем нашей статьи является запорожец Степан Кононович Черный, Менского куреня. Он был сыном жителя местечка Белик Полтавского полка. В 1759 году он показал, что зашел на Запорожье тому назад *«будет лет до тридцяти»*, т.е. примерно в начале — середине 1730-х годов [3, л.14 — 14об, 19]. К сожалению, он не сообщил, в каком возрасте это произошло (теоретически мог быть тогда и малолеткой-джурой). Подробностей о его предшествующей запорожской жизни найти не удалось. Но, ско-

рей всего, ему довелось напрямую участвовать в войне с турками 1736 — 1739 годов. Человек простой и незатейливый, не грамотный. На описываемый момент он особо ничем еще не отличился, и его даже в родном курене слабо помнили.

Обоим нашим героям довелось столкнуться на «узких перекрестках мирозданья» в 1745 году, в Северном Приазовье. В первой половине этого года Алексей Петруша (которому тогда должно было быть около 30 лет) исполнял должность писаря при местной паланке. Тогдашний паланковый полковник Тимофей Постерняк (не отличавшийся особо высоким интеллектом) не видел ничего зазорного в старых добрых запорожских грабежах окружающих. И он никак не пытался бороться с «хищническими» инициативами своих подчиненных (лишь бы те не забывали делиться). Такого же мнения придерживался и его более прожженный жизнью есаул Лаштабега. Неизвестно, что думал по этому поводу Петруша, но противостоять этим процессам он никак не пытался, и всеми своими силами и дарованиями активно поддерживал ту политику, которую задавал его непосредственный шеф.

Нужно ли говорить, что при таком подходе к управлению ведомством местной паланки — в ней быстро расцвели буйным цветом анархия и полный бардак? И что именно в это время все соседи приазовских запорожцев стали подавать наверх многочисленные жалобы на разбои и конокрадство с их стороны? Не надо? Ладно, не будем (хотя все именно так тогда и происходило). Но такая «внешняя политика» не только разоряла соседей запорожцев, но еще неизбежно разъедала и внутреннюю жизнь и порядок в ведомстве самой паланки.

Один из наиболее вопиющих таких «внутренних» случаев произошел во второй половине июня 1745 года. На тот момент наш казак Степан Черный (которому скорей всего тогда было примерно 25 — 35 лет) жил в зимовнике на реке Еланчик (Грузской?), вместе с еще тремя своими приятелями — Андреем Малым (Деревянковского куреня), Иваном Бобошком (Пашковского кур.), Андреем Малым (Менского кур.). По позднейшим показаниям Черного, они тогда якобы промышляли *«добычей звериной»*. В один из не самых хороших июньских дней в этот зимовник приехал (видимо, в отсутствие хозяев) паланковый писарь Петруша. И он, по каким-то резонам, забрал оттуда довольно много имущества. Как много позже вспоминал Черный, вернувшиеся позже хозяева не досчитались тогда *«восми лошадей, восми кулбак [седел — LV], четирох рушниц [ружей — LV], двох казанов, шолкового пояса, свити [вид мужской верхней одежды — LV] сукна голубого»*. Понятно, что Петруша здесь не производил грабеж оставленного без присмотра зимовника, а каким-то образом выполнял свои должностные обязанности, «штрафуя» таким образом эту четверку. Но в чем была причина таких его действий — нам остается неизвестным.

Автор сильно подозревает, что те запорожцы занимались не только «добычей звериной». Дело в том, что охота на зверя тогда в наших степях была не особо прибыльна (по крайней мере по сравнению с рыбными ловлями) и потому мало популярна. Особенно в летнее время, когда мясо быстро портилось на жаре, а шкуры были намного хуже и дешевле, чем зимние. А для такого скромного заработка эти четверо, судя по перечню реквизированного, жили подозрительно хорошо. С учетом того, что (по воспоминаниям Черного) потом на разборки в паланку они не придут пешком, а *«приездят»*, суммарное количество лошадей у них должно было быть на четверых не менее двенадцати. В те времена казак «одвуконь» уже считался хорошо экипированным и зажиточным, а чаще упоминаются казаки с одним конем. А по три коня на нос — это для небогатых охотников-звероловов уж больно «кучеряво». Поэтому есть нехорошее подозрение, что основные их прибытки были

скорее криминального происхождения. И если они после очередного удачного предприятия забыли (или не успели) поделиться с паланковой старшиной — то действия Петруши приобретают некоторую осмысленность.

По поводу дальнейших событий Скальковский записал так: *«Козак [Черный — LV] прибыл в паланку с жалобою, но писаря уже не застал за отбытием его на раду в Кош, а потому, по обычаю, он взаимно в его жилище взял тоже скот, 1 р. 50 к. денег, бурку и другия вещи»* [1, с.194-197]. Из позднейшей (1759 г.) жалобы Петруши можно узнать, что это произошло *«июня з 28 против 29 чисел в ночь разбойническом нападении»* [3, л.7]. Сам Черный на допросе (вероятно, в Коше) 1 июня 1759 года с такой квалификацией своих действий категорически не согласился: *«Прошлого 745 году июня против 29 д. на бившого тогда в Калмиюсе писарем Алексея Петрушу (кой нине в Малой России войсковой товариш) в ночи разбойнически в паланки он, Чорний, не нападал. Но приездил из земовника его, состоящого в речки Яланчаку, где жил для добиче звериной з товарищи его козаками куреней Деревянковского Андреем Малим, Пашковского Иваном Бобошком, Менского Андреем Малим же, к нему, Петруше, в Калмиюскую паланку с прошением возвращения напрасно забратого им [Петрушею — LV] з земовника в его, Чорного, и в више означених товарищей восми лошадей, восми кулбак, четирох рушниц, двох казанов, шолкового пояса, свити сукна голубого. Но как де он, Петруша, з вишшеозначеного, им забратого, ничего не возвратил, [а] в то ж самое время и зайшол уже и с п[и]сарства [т.е., уже произошла очередная смена администрации паланки — LV], то он, Чорний с означеними товарищи своими напротиву <…?> /14об/ Петрушею в их забратого, забрали в него денег готовах <?> три полтины, бурку кримскую, свиту притертую голубую тонкую, ленчик голий [деревянная основа седла — LV], а более ничего не брал. Кроме что разве из малих вещей, чего не упомнит. С паланки от него, Петруше, уехали. <…>»* [3, л.14-14об.]. В противоположность этому, Петруша в своем позднейшем реестре утраченного в ту ночь своего имущества насчитал значительно больше: *«<…> разграблении денег, лошадей и плаття, и протчего моего имущества, как по приложенному при первом моем доношении реестру значит, на сумму сто сорок шесть рублей восемьдесять копеек»* [3, л.7]. Интересно, что Черный про коней не вспомнил. Поэтому не исключено, что они с товарищами просто забрали реквизированных у них коней, которых Петруша включил в реестр уже как свое имущество?

Судя по приведенной выше цитате из книги Скальковского, он при описании этого фрагмента почти наверняка пользовался протоколом допроса Черного от 1 июня 1759 года, который также находился в спасенном им Сечевом архиве. Но там проблема в том, что слова Черного можно трактовать двояко. Поэтому непонятно, точно ли Петруша тогда отсутствовал из-за своего отъезда на Сечь? Потому как, если буквально понимать показания Черного, то они сначала пытались по-хорошему договориться с Петрушей: *«Но приездил <…> к нему, Петруше, в Калмиюскую паланку с прошением возвращения напрасно забратого им <…>. Но как де он, Петруша, з вишшеозначеного, им забратого, ничего не возвратил <…>»*. И только потом-де стали реквизировать силой. Правда, судя по тому, что приехали они на разборки ночью и сразу вчетвером — иного развития событий они и не ожидали…

То, что Петруша на тот момент *«зайшол уже и с п[и]сарства»* — это не обязательно означает, что он уехал на Сечь. Напомним, что ежегодно 1 января на Рождество Христово и 24 июня на праздник рождества Иоанна Предтечи

(или Ивана Купала) в Сечи устраивались общие сборы казаков с перевыбором сечевой старшины. Тогда же обычно менялась и паланковая старшина. К сожалению, мы не знаем, как тогда была организована передача власти между паланковыми администрациями. Должна ли была вся руководящая паланковая тройка лично отправляться в Сечь на общий сбор? Тогда с учетом продолжительности пути они должны были выезжать примерно за неделю до рады (то есть, около 17 июня). Но это бы значило на две-три недели оставить все ведомство паланки вообще без каких-либо органов власти. Или, может полковник с есаулом ехали, а писарь оставался приглядывать за порядком и для передачи дел? Или они все оставались на месте до прибытия следующей администрации (что должно было случиться уже в первых числах июля)? Поэтому фразу *«зайшол уже и с п[и]сарства»* можно действительно трактовать в том плане, что Петруша поехал тогда в Сечь. Только не понятно, зачем бы ему тогда оставлять здесь свое имущество, если он ни до того, ни после с Приазовьем связан не был? Чтобы еще раз смотаться сюда с Сечи забрать его? Или он планировал еще тут на заработках остаться? А можно трактовать и так, что Петруша оставался на месте, но после 24 июня он уже потерял в глазах местных запорожцев свою писарскую должность и паланковый «иммунитет», и вновь стал обычным казаком. Поэтому и разборки с ним можно было производить по обычным казацким традициям.

Если Петруше повезло на самом деле присутствовать при этом ограблении, то это явно стало одним из наиболее ярких и травмирующих впечатлений в его жизни. Тогда несколько понятнее, почему он с такой маниакальной настойчивостью будет потом преследовать Черного. Но для точного выяснения данного момента — требуется поиск дополнительных документов. К счастью, для нашего последующего рассказа этот момент совершенно не принципиален.

И другой интересный момент — где именно произошло это ограбление? С одной стороны, в позднейших показаниях и Петруши, и Черного несколько раз упоминаются Кальмиус и Кальмиусская паланка. Например: *«о учиненном мне в битность мою в Калмиюсе полковим писарем»* [3, л.7], *«в битность мою в прошлом 1745 году в Калмиюсе, на уряде полкового писарства»* [л.12 об.], *«к нему, Петруше, в Калмиюскую паланку»* [л.14]. Если это действительно так, то это одни из наиболее ранних упоминаний существования запорожского поселения у Кальмиуса[1]. Но, с другой стороны, достоверно известно, что на лето 1745 года местные полковники (хоть и назывались тогда по какой-то причине «кальмиусскими») держали свою паланку на Мокром Еланчике и там обычно проживали. Это относилось и к тогдашнему полковнику Тимофею Постерняку. И проживание паланкового писаря почти в 60 верстах от «места своей основной работы» (это полтора-два дня обычного конного пути) было бы очень неудобным. К тому же, все эти записи сделаны ретроспективно, через 11 и 14 лет после ограбления. И к тому времени паланка уже действительно закрепится при устье

[1] Косвенные аргументы в пользу такого предположения. В документах о визите ротмистра Азовского казачьего полка Виногорова в паланку на Мокром Еланчике упоминается, что второй конский табун (куда их не пустили для осмотра) тогда находился у Кальмиуса. А в показаниях запорожского казака Петра Лысого говорится, что он на тот момент в паланке отсутствовал: *«А в то время, как то опознание лошадям было, в паланке [Еланчицкой — LV] он не был, а находился **в Калмиусе** [в поселении? на речке? - LV] для своих нужд»* [5, с.1547].

Кальмиуса (паланка на Еланчике исчезнет в результате донского сгона всего через 9 месяцев после того инцидента). Поэтому у автора есть сильное подозрение, что «Кальмиусской» здесь названа именно паланка на Мокром Еланчике. Но доказать свою идею документально автор пока не может.

Но есть еще и альтернативный вариант. Основные документы по разбирательствам по жалобам Петруши хранятся в Киеве, среди архива Новой Запорожской Сечи [ЦГИАК, ф.229, оп.1, д.60]. Они большей частью еще не опубликованы. В свое время автор, по своей глупой скромности, заказал не полный пакет этих документов (о чем теперь сильно жалеет). По сведениям украинской исследовательницы Т.Л. Кузик, в каком-то из них упоминается, что ограбление произошло в «паланській будке в Кальмиусе». К сожалению, в имеющихся у автора документах из этого фонда такой информации нет (распознанные автором тексты добавлены на страничку с выкладкой документов, посвященных запорожско-донскому конфликту середины 1740-х годов). Если удастся надежно проверить их (а оснований сомневаться в словах уважаемой Татьяны Леонидовны у автора точно не имеется), то это откроет новые возможности в понимании тех событий, но одновременно и задаст новые вопросы. Словом «будка» ни сейчас, ни тогда обычно не называют хоть сколько-нибудь капитальное строение. Возможно, упомянутая при этом прискорбном случае «паланская будка» служила для удаленного контроля еланчицкого полковника над денежными потоками от рыбных ловель в районе устья Кальмиуса, чтобы ни одна медная полушка не прошла впустую мимо закромов Коша и карманов местного полковника? Но что из себя предствляла из себя эта самая «будка» — пока непонятно. Был ли это «стационарный» выносной пост с каким-то легким сооружением для защиты сборщиков податей от зноя и дождя и с кладовой для собранных натурпродуктов и магарычей? Или это была будка-кибитка, с какой-то периодичностью объезжавшая с фискальными целями все побережье между Миусом и Бердой? В последнем варианте это могло бы стать неплохим объяснением и для *«имеющейся в Бердах поланки»*, один раз упомянутой в показаниях Петра Лысого о поимке коня в мае 1744 года.

В общем, вопрос о месте, где произошло ограбление Петруши и о «будке» очень интересный и многообещающий, но он все еще нуждается в прояснении.

После этой экспроприации наша четверка, видимо, догадалась, что ограбление паланкового писаря (пусть даже уже ставшего к тому моменту «бывшим») будет воспринято не слишком хорошо остальными местными казаками, не поехавшими на сбор в Сечь. Поэтому Степан и его товарищи ударились в бега. Возможно, они даже знали, куда и к кому в таком случае им идти. И уже очень скоро они присоединились к шайке знакомого нам по нашей книге запорожца Андрея Ахтырки, Левушковского куреня: *«И, уехавши, он, Степан, совокупился с ватагом гайдамацким Левушковским куренним, умершим Охтирою, и с ним бившими тринадцятью человеки товарищи, коих имен и прозваний за давном [за давностью — LV], як тому уже следует до двадцяти лет[2], упомнить не может. С которими малое время пробив, доволствуясь толко от татарских чабанив угоном скота <…>»* [3, л.14об.]. Но, думается, здесь Степан в своем рассказе сильно сократил и подредактировал эти свои похождения. Так, например, количество разбойников в шайке, к которой они тогда

[2] На момент допроса с тех пор прошло только 14 лет.

в июле 1745 года присоединились, и характер их действий (против крымских пастухов) подозрительно напоминает действия шайки Григория Сенчука Полтавского куреня в тот же период (это рассматривалось в нашей книге в главе о Левке Белом). И пребывание нашей четверки в ватаге Андрея Ахтырки, скорей всего, стало лишь финальным эпизодом их тогдашней деятельности.

На тот момент кошевым атаманом был Василий Григорьевич Сыч (нач. 1745 — сер. 1747 г., I-е его правление). На рождественской раде в начале 1746 года он в очередной раз удержал свою должность. Но вот войсковой писарь у него сменился. Им стал уже известный нам Алексей Петруша (Сукур). По всей видимости, в том же 1746 году кошевой атаман почему-то озаботился судьбой шайки Ахтырки. С одной стороны, они своим «молодечеством» не делали ничего особенно такого, что противоречило бы запорожским обычаям, особенно когда грабили татар. Решительных репрессий против них сечевое «товариство» точно бы не поняло. Но, с другой стороны, кошевому атаману получать за таких молодцов регулярные нагоняи от Сената, коллегии иностранных дел и киевского генерал-губернатора Леонтьева — тоже было не очень приятно. Так как поймать их на территории Крымского ханства не получалось (да, вероятно, Кош не сильно и стремился их там ловить), то Василий Григорьевич решил прибегнуть к одному (скорей всего старому) запорожскому обычаю. В крымские степи были отправлены посланники Коша с задачей найти шайку Ахтырки и пообещать молодцам амнистию в случае прекращения ими разбоев и добровольного возвращения в Кош.

Практика таких обращений Коша к непойманным запорожским разбойникам довольно широко применялась в середине XVIII века. Так, например, известно, что аналогичная политика широко применялась и при кошевом атамане Григории Федоровиче Сыче (что потом приведет к его вызову на следствие в Киев) [1, с.112; 2, с.126-127, 210].

Во многих случаях разбойничьи запорожские шайки поддавались на уговоры посланников Коша. Особенно, если дело происходило зимой и им надоедало греться у костров… Но вот в плане своей эффективности в профилактике и искоренении разбоя — такая практика показывала себя весьма слабо. Потому как не устранялись первопричины для них. Награбленные средства имели обыкновение быстро пропиваться, а следить за порядком в Запорожских Вольностях было по-прежнему некому… И мало кто их «раскаявшихся» и прощенных Кошем разбойников действительно брался за ум (как наш Степан Черный) и становился полезным членом общества. А большинство — вскоре опять втягивались в разбойничьи шайки. Как сообщал позже Черный, из трех его товарищей, участвовавших вместе с ним в ограблении Петруши, к 1756 году в живых никого уже не было (*«показал обвишенними [повешенными — LV] и убитыми у столпа»*). Да и из ответов Коша (включая и их черновые варианты) на запросы бахмутской следственной комиссии видно, что многие из засветившихся на разбое казаков (в том числе и Андрей Ахтырка) заканчивали свою жизнь насильственно — умирали на виселицах в Сечи и в паланках, забивались, умирали после «поломания» ног и т.п. Разбойничья жизнь была яркая и интересная, но чаще всего не очень долгая…

Вот как описывал события с амнистией от Коша сам Черный. *«<…> как [прибыли] присиланние от Коша к упомянутому ватагу [Ахтырке — LV] с товарищи его (по многим их*

в великих и заграничних степах партиями войсковими непоимкам[3]) нарочние с приказом словесним, чтоб [они] по степу перестали шататся и татарам чинить обид, но и шли б на покаяние доброволно в Сечь без сумнения [т.е. — без опасения — LV]. И в том, что шататься и воровать не будут, в сечевой церкве виконали б присягу, почему и будут от Коша все прощени. То де он с ватагом и протчими товарищи зараз [сразу — LV] поехали в Сечь. И за приездом по доволному тогда бившого атамана кошового Василя Григориева Сича и всех атаманов и старшин словесному истязанию — в церкве в неделании уже напредки никаких самоволств присягли <…>». То есть, все «истязание» вернувшихся разбойников состояло в том, что кошевой атаман и старшина их принародно пожурили в сечевой церкви[4]. А они должны были изображать искреннее раскаяние и целовать крест, что больше так себя вести не будут. Судя по всему, речь о том, чтобы они вернули «честно награбленное» вообще не шла…

Среди старшины, которая *«истязала»* тогда в церкви шайку Ахтырки был и войсковой писарь Андрей Петруша. Интересно, что он почувствовал и подумал, когда увидел среди этих людей своих «личных» грабителей? Но если он тогда и заикнулся о чем-то на ушко кошевому Василию Григорьевичу, то согласия от того на компенсацию от амнистируемых разбойников своих прошлогодних убытков явно не получил. Кошевому атаману было важно не потерять свое лицо перед сечевым «товариством», а у войскового писаря было и так достаточно других способов, чтобы поправить свои финансовые дела. Пришлось Петруше с усилием натягивать на свое кривое лицо доброжелательную улыбку и присоединяться к поздравлениям прощенным молодцам. Он даже был вынужден принимать их у себя с обедом: *«<…> в якое де самое время и Алексей Петруша бил войсковим писарем. И от всех в Коше правящих и обществом войсковим за все их преступления за самоволное [добровольное — LV] покаяние прощени. И что как више значит, он, Чорний, с товарищи в займ забрали в означеного Петруше вещи — об оних никакого иску он не имел. Но еще [Петруша], яко войсковий писар, был, увещевая их и во всем прощая, принимал в своей квартери и поели»* [3, л.14об.]. Петруша ни тогда, ни до своего ухода из войска Запорожского Низового никак не поднимал тему о своем ограблении. Но это был не тот человек, которое может такое простить и забыть…

В последующем, Петруша вплоть до июня 1748 года продолжал исполнять должность войскового писаря еще и при следующих кошевых атаманах — Павле Семеновиче Козелецком и Марке Кондратовиче Кажане. В общей сложности он занимал эту высокую (и беспокойную) должность в Сечи два с половиной года. Получается, что после первоначального избрания, его еще 4 раза подтверждали на полугодовых радах. То есть, этот человек на Сечи пользовался достаточно высоким авторитетом.

Тем не менее, что-то в запорожской жизни его начало напрягать. Он достиг здесь потолка, выше которого его писарчуковское ремесло подняться не давало. О том, что у запорожцев умение читать почти наглухо закрывало казаку возможность занять самые высшие ступеньки сечевой иерархии, хорошо расписано в статье Т.Л. Кузик. И, похоже, Петруша уже

[3] Т.е. после неоднократных безуспешных попыток Коша их поймать специально посланными отрядами.

[4] В сообщении Коша к генерал-лейтенанту М.И. Философову о войсковом прощении Ахтырки, это *«словесное истязание»* было сформулировано следующим образом: *«за учиненные ево воровские поступки по их войсковому обыкновению жестоко наказан»*. Похоже, Кош старался создать у имперских властей впечатление, что добровольно сдавшихся разбойников тоже физически наказывали. Хотя это было, мягко выражаясь, не совсем так…

тогда задумался (или, по крайней мере рассматривал такую возможность) о возврате в Малороссию и продолжении карьеры там. В статье Кузик упоминаются привезенные им аттестаты из Коша о его беспорочной службе от 5 марта 1746 года, 20 ноября 1747 года и 10 октября 1749 года. Из них два первых ему было нетрудно получить, так как в то время он занимал должность войскового писаря. Они относились к периодам правления двух первых кошевых атаманов, при которых он служил — Василия Григорьевича Сыча (нач. 1745 — сер. 1747 г.) и Павла Семеновича Козелецкого (2-я пол. 1747 г.). Для чего-то же человек так заморачивался? А вот от третьего кошевого, при котором он служил — Марка Кондратовича Кажана, после полугодичного правления которого они оба потеряли свои должности, у него аттестата почему-то не было. Возможно, между ними случилась какая-то конфликтная ситуация, почему Кажан и отказался подписать ему аналогичный аттестат?

После отрешения от должности, Петруша пробыл в Запорожье еще чуть больше года. В конце сентября (?) 1749 года он попрощался с Запорожьем и перебрался на постоянное место жительства в родной ему Прилуцкий полк. С собой он привез три аттестата из Коша (последний был оформлен 10 октября 1749 года, при кошевом атамане Якиме Игнатовиче Малом). На тот момент Петруше должно было быть примерно 34 года. И он, вероятно, очень надеялся на удачную карьеру в Малороссии.

Портрет войскового товарища Тимофея Лишни. 1749 г. Примерно так мог выглядеть и А.Петруша в те годы.

14 декабря того же года он подал челобитье, с описанием своего происхождения и прошлых служб и с приложением упомянутых аттестатов из Коша, в Генеральную войсковую малороссийскую канцелярию в Глухове. Петруша просил определить его на должность войскового товарища в Прилуцком полку. Его просьба была положительно воспринята, и уже 19 декабря ему был выдан универсал на искомую должность [2, с.136-137]. Там же, в Глухове, Петрушу привели к присяге на верность государыне Елизавете Петровне (то есть, в Запорожье он в 1741 году ей присягу не давал?).

Насколько понял автор, чин войскового товарища в малороссийских полках был не очень высоким и примерно соответствовал сотнику (или его заместителю). Теоретически, он действительно открывал доступ к последующим ступенькам иерархии малороссийской старшины. О чем тогда явно и мечтал наш Алексей. Из минусов было то, что войсковые товарищи тогда не получали жалованье и должны были выполнять службу за свой счет.

Немного отвлечемся от проблем во взаимоотношениях Петруши и Черного и рассмотрим еще один (важный!) побочный сюжет.

После окончания в 1739 году войны с турками, благодатный и лесистый район нижнего Присамарья начал довольно быстро заселяться. Причем здесь вперемешку селились как запорожские казаки, так и переселенцы из малороссийских полков. Так, например, в местечке Старая Самара в середине 1740-х годов[5] жило (без учета женщин): *«<…> А всех Козаков из Малороссии зшедших — 120, запорожских Козаков 47 [в основном — женатых — LV], заграничных людей пришедших 56, подсуседков козачих з Малороссии зшедших 8, запорожских Козаков в подсуседках жиючих 4, всего 235. Да посполитых с Малороссии зшедших 187, подсуседков посполитих 17, всего 204. Обоего звания людей — 439»* [5, с.1343-1344]. И с первой половины 1740-х годов между Кошем и руководством Полтавского полка шла вялотекущая борьба за право управлять этой территорией и людьми.

12 марта 1752 года в Кош из Глухова было частным образом отправлено секретное послание [6, л.1-2]. Подписали его Петр Чернявский и наш знакомец Алексей Петруша. Чернявский тоже являлся бывшим войсковым писарем войска Запорожского Низового, переселившимся в Малороссию. Но если Петруша на тот момент все еще оставался войсковым товарищем в Прилуцком полку, то у Чернявского карьера сложилась более удачно. На тот момент он командовал в Глухове надворной компанейской хоругвью при гетмане К.Г. Разумовском и имел чин полкового есаула.

Судя по началу письма, до Петра и Алексея дошла некоторая «инсайдерская информация». О том, что полтавский полковник Горленко, при полной поддержке полковой старшины, решил активизировать усилия по официальному включению части территории Присамарья в состав своего полка. И что кошевой атаман Яким Игнатович Малой, вроде бы, склоняется к тому, чтобы пойти на компромисс и выделить из состава Запорожских Вольностей отдельные земли (*«не малую часть так товщи Самарской вечистой пущы, яко и степу»*) для жителей Богородичного (другое название Старой Самары). Это вызвало бурное (и, похоже, абсолютно искреннее) негодование у двух наших бывших запорожцев. Поэтому они в своем письме пытались отговорить кошевого от такого решения. Но эти два бывших войсковых писаря прекрасно знали, что корень данной проблемы в том, что в Коше никаких документов, подтверждающих права войска Запорожского Низового на свои земли, практически не имеется (кроме сенатского указа 1746 года о границе с донцами по Кальмиусу). Поэтому им в своем письме пришлось подсказывать кошевому атаману, как в этих условиях можно попытаться «сыграть на мизерах» и все-таки постараться выкрутить ситуацию в свою пользу, какие формулировки использовать и на что давить. Они предлагали Якиму Игнатовичу писать *«нижайшое прошение»* гетману Разумовскому от имени всего войска. И просить его, наоборот, всех старосамарцев передать в ведение войска Запорожского (что сразу бы сделало неактуальными территориальные споры с полтавчанами).

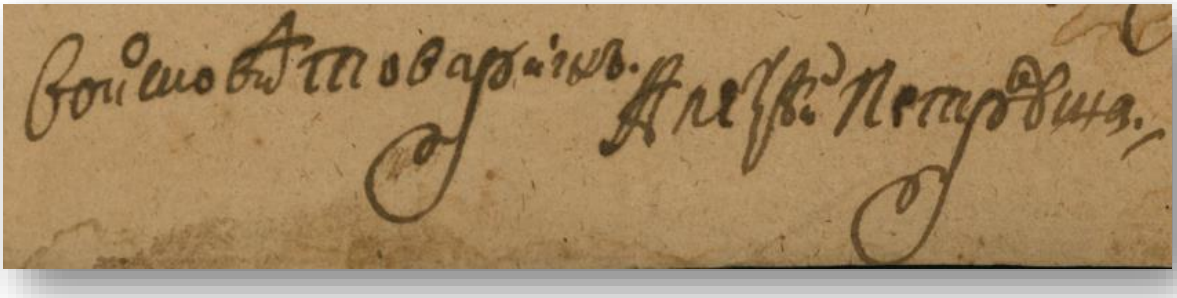
Это письмо Чернявского и Петруши составлено с крайним красноречием и подобострастием. И историки, начиная еще со Скальковского, очень любят приводить фразы из него в качестве иллюстрации того, как искренне бывшие запорожцы, перебравшиеся в Малороссию, болели душой за войско Запорожское и его интересы. Например: *«Не умолчим за*

[5] Примерно 1744 или 1745 год, точная дата в публикации Яворницкого не приведена

ревность природной должности н[а]шей, а наипаче за превисокодарствованную от всемогущаго бога, за честь и славу и верностние в[а]шея велможности со всем славним Запорожским Низовим войском услуги; н[ы]не полученную и впредьтекущую Ея Императорского Величества, и его ясневелможности превисокую на нас, нижайших, милость <…>». *Или «Яко сердца и утроби н[а]ши по природной синовской н[а]шей к войску Запорожскому Низовому должности, за так превисоко изобилуемие от войска Запорожского Низового напредь сего благодеяния, умолчать не могут»*. И т.д. Но, во-первых, это славословие было вполне обычным в деловой и личной переписке той эпохи. А во во-вторых, это была лишь первая часть письма. А была еще и вторая. Которая для его авторов была не менее (а может и более) важна.

Здесь кто-то из подписантов (из текста письма не очень понятно, кто именно) просит кошевого атамана посодействовать в назначении его на должность полкового есаула надворной хоругви гетмана Разумовского и написать соответствующие рекомендательные письма как самому гетману, так и еще нескольким его приближенным. Причем в подписи к разбираемому нами письму Чернявский уже указан в таком качестве! Автор статьи долго не мог понять, как именно интерпретировать эту просьбу. Но потом удалось разобраться. Дело в том, что всего двумя месяцами ранее, в январе того же 1752 года, гетман Разумовский приказал дополнительно создать вторую роту своих компанейцев: *«на дворе Гетманский при большом зале, и содержать караул со значком, и переменять через 2 недели, и над арестантами в Войсковой генеральной канцелярии караул содержать из оных же команд»* [7]. То есть, наш Алексей Петруша метил в командиры этой новосозданной второй роты компанейцев. Это было бы ему значительное повышение по статусу. К тому же, там за службу платилось жалованье. Чернявский его кандидатуру явно поддерживал, но сам напрямую поспособствовать его назначения мог слабо.

Оба автора письма хорошо понимали, что, сливая в Кош конфиденциальную информацию из гетманской столицы, поступают не совсем хорошо. И что если об этом станет известно в Глухове, то у них будут очень серьезные неприятности. И поэтому в заключение своего письма они прямо просили кошевого атамана держать его содержание в тайне и даже не зачитывать (по запорожскому обыкновению) на сходке куренных атаманов. И обещали и дальше тайным образом сообщать лично кошевому новости из Малороссии.



Подпись Алексея Петруши [6, л.2]

Неизвестно, попытался ли тогда Яким Игнатович выполнить эту просьбу, но желанный чин Петруша так и не получил. Не заладилось у него с карьерным ростом. Очень быстро он понял, что заветное повышение в основном дают представителям знатных и богатых казацких родов или за особо выдающиеся способности и достижения. А у Петруши, как малообразованного сына простого казака, и с первым, и со вторым были большие проблемы. Но

амбиции его не оставляли. Чуть больше, чем через год после вышеразобранного письма он, похоже, сумел на старых связях оказать огромную (но тоже насквозь незаконную и не подлежащую разглашению) услугу Кошу (эта тема выходит за рамки нашей статьи). Но и это никак не поспособствовало его карьере. Насколько автор знает, Петруша так никогда и не сможет перешагнуть неоплачиваемую должность войскового товарища. И он, похоже, считал, что имеет все основания сильно обидеться на войско Запорожское…

Прорвало Петрушу в 1756 году. Почему-то именно тогда ему снова стали не давать спать события одиннадцатилетней давности, воспоминания о ночном ограблении. Почему именно тогда — мы не знаем. Возможно, на самом деле стало особо туго с деньгами, как он писал в своем прошении к тогдашнему кошевому атаману Григорию Федоровичу Лантуху. А может были и какие-то иные причины. Впрочем, деньги на поездку в Сечь Петруша каким-то образом нашел.

К тому времени Степан Черный (в отличие от своих непутевых подельников с Еланчика) давно взялся за ум. Он поселился в зимовнике на Кильчени (правый приток в низовьях Самары). После женитьбы Степан переехал (вероятно, «приймаком») в село Чернечье, при Свято-Николаевском Самарском монастыре. Он давно забыл о бурных событиях своей молодости. И больше (если верить его показаниям[6]) ни в каких авантюрах не участвовал. И тут, как снег на голову, на него упала свежая претензия Петруши.

Петруша хорошо подготовился. Он привез с собой на Сечь подробный реестр своего утраченного некогда имущества. Неизвестно, составил ли он его по горячим следам еще в 1746 году или опять, по своему обыкновению, сделал задним числом? Но сумму в нем он насчитал очень приличную по тем временам — 146 руб. 80 коп. И так как подельники Черного к тому времени уже были мертвы, то всю ее он на Степана и выставил.

Черного выдернули из его села и доставили в Сечь, где тщательно допросили. Степан особо не запирался и пытался рассказывать все более-менее правдиво. Похоже, кошевому Григорию Федоровичу не понравилось это дело, и он очень не хотел им заниматься. В его понимании казак, единожды уже официально прощенный войском (и лично Петрушей!) второй раз суду за тот же самый проступок не подлежал. Но, если автор прав (а он, скорей всего, таки прав), Петруша тогда был одним из живых носителей одного потаенного секрета Коша. А за такие секреты свидетелей надо или сразу гасить наглухо (но Петруша от такого варианта вполне мог подстраховаться), или максимально стараться ублажать. Кошевой выбрал тогда второй вариант. Он мягко переговорил со Степаном и убедил дать хоть что-то Петруше, чтобы закрыть его претензию и уважить его тяжелое финансовое состояние. Степан внял этим увещеваниям и пообещал передать бывшему писарю 40 рублей (примерно четверть от общей суммы запроса). Это была довольно большая и тяжелая сумма даже для крепкого крестьянского хозяйства в то время. Петруша был не очень доволен таким исходом и такой суммой, но перед лицом кошевого атамана и сечевых стариков спорить не по-

[6] Степан Черный Менского куреня был в списке из 34 запорожцев, которых Бахмутская следственная комиссия затребовала от Коша 16 октября 1747 года по делу Левки Белого. Но, возможно, что это было по его делам до «прощения». В черновике ответа Коша приводится информация атамана его куреня, что Степан Черный находится в Кальмиусе. В чистовой вариант ответа в Бахмут эти сведения не попали [8, с.171-175].

смел. Согласился. Вот как эти события позже будет вспоминать сам Черный: *«Он сам, Чорний, сорок рублей во учщение [?] его в сей претенции уплатил — не по суду и не [по] усилному приказу г[ос]п[о]д[и]на атамана кошового Григория Федорова, но толко по увещеванию. Тому, что он, Чорний, хотя за прежние его злодеяния от Запорожского Низового войска покаянием давно прощен. Но искатель Петруша в крайнем недостатке и скудости, по доброволной и плачевной его, Петруши, прозби, яко и обещался, пред тем г[ос]п[о]д[и]ном атаманом кошовим быть тою уплатою доволним и никогда некого не турбовать [беспокоить — LV]»* [3, л. 14-14об, 19].

Степан и Алексей поехали в Присамарье. Черный заехал в свое село за деньгами. Потом они 2 июля 1756 года встретились в Самарской паланке. Там, в присутствии местного полковника Петра Шабельника, Петруша получил 40 рублей и написал свою расписку. Степан Черный (который грамоте обучен не был) принял эту расписку и, не вникая и не проверяя ее, радостно поехал домой. Но Петруша, пока ехал с Сечи на Самару, имел много времени на размышления. И он, похоже, в текст своей расписки на всякий случай сознательно заложил одну незаметную «мину». Он уже понял, что эту корову можно доить и более одного раза…

Приведем здесь текст той злополучной расписки целиком. Если уважаемому Читателю интересно, можно попробовать поискать, в чем здесь мог быть подвох. А потом проверить свою догадку.

«1756 года июля 2 дня

Я, нижей сего подписавшийся, даю сию мою росписку Сечи Запорожской Низовой, а куреня Минского бувшому куренному козаку, а н[ы]нешнему — дачей же войсковых слободи Чернечой жителю Степану Чорному в том, что в битность мою в прошлом 1745 году в Калмиюсе, на уряде полкового писарства из взятих ним, Степаном Чорним, з товарищи его грабителски, так денег, лошадей, яко и протчих моих вещей по имеющемуся в мене именному реестру, на сумму сто сорок шесть рублей и восем десят копеек претенсии. А по иску моем в Коши войска Запорожскаго Низового, будучи з ним, Степаном Чорним, пред его велможностию г[о]сп[о]дином Кошевим Григорием Федоровим на очной ставке и по принесенной от него, Степана Чорного о учиненном мне з товарищи его грабителстве повинной, от г[о]сп[о]дина Кошового приказанно ему, Степану Чорному, со всей вишеписанной претенсии моей ста сорока шести рублей и восмыдесяти копеек уплатить мне толко сорок рублей равно. И что вишеписанное число сорок рублей денги я от него, Чорного, принял, и на его, Чорного, за показанние сорок рублей денег — негде ни в каком суде и праве не челобитчик — в паланки Самарской при полковнику Петру Шабелнику з старшиною, и сию мою росписку ему, Чорному дал. И на оной подписался.

В подленной надписано.

войсковий товаришь Алексей Петруша» [3, л.12об.]

Но снова активизировался Петруша только через полтора года. 11 февраля 1758 года он направил (теперь уже не в Кош, а в гетманскую войсковую Генеральную канцелярию) донесение о своих старых обидах. Что его на этот раз так триггернуло — неизвестно. Может опять с деньгами туго стало? А может узнал, что Григорий Федорович Лантух (посмевший не полностью удовлетворить его претензию в прошлый раз!) в начале января того года вновь избран кошевым атаманом? Похоже, что Петруша уже и Лантуха начал воспринимать

как личного врага. Поэтому решил надавить на Кош не напрямую (опасался отказа?), а через гетманский Глухов.

В этом доношении Петруша просил Генеральную канцелярию произвести розыск и допрос *«помянутого разорителя моего Степ[а]на Чорного»* (то есть, с доставкой того в Глухов?). Также он просил направить *«предложение»* кошевому атаману *«<…> чтоб он безволокитно мене, нижайшого, по моей притенсии [претензии — LV] с протори [потери или судебные издержки — LV] и убитки удоволствовал по тамошним Сечи Запорожск[ой] обикновениям куренем Менским, яко он, Чорний, оного куренним [является — LV]»*. То есть, Петруша предполагал, что с получением запрошенной им довольно крупной суммы (на которую он дополнительно насчитал сверху еще какие-то свои расходы и убытки) со Степана Черного могут быть большие проблемы и затяжки. Поэтому, для ускорения дела, он предлагал воспользоваться старым запорожским обычаем и получить эти деньги с того куреня, в котором числился виновник. Генеральная канцелярия согласилась с его аргументацией и в том же феврале было *«к атаману Кошевому, Старшине войсковой, атаманам куринним и всему товариству ордеро[м] предложено по претенсии моей учинить достойную сатисфакцию, и пограбленное имение мне все приказать возвратить или уплатить [тому], кто н[ы]не к тому виною состоит. А особливо и з оним козаком Чорним — поступить в силе указов, прав и многих вашей ясновелможности [гетмана Разумовского — LV] о таковых злодиях ордеров, ни учиня и малейшей потачки [поблажки, послабления — LV]»*. Но, насколько можно понять, кошевой атаман Григорий Федорович, который хорошо помнил это дело, так ничего по этому вопросу и не ответил ни Генеральной канцелярии, ни истцу.

Но Петруша (которому тогда было примерно 43 года) уже вошел в раж и, похоже, поставил себе целью жизни наказать своих обидчиков. Он окончательно превратился в активного жалобщика и сутягу, терроризирующего неприятных ему людей своими исками и претензиями. Он дождался начала следующего 1759 года, когда Григорий Федорович Лантух вновь утратил свою должность кошевого атамана. И 11 марта Петруша вновь направил свою кляузу в Генеральную канцелярию в Глухов. Помимо своего «обычного» врага Черного, теперь Алексей прямо обвинял еще и самого Лантуха: *«за неучинением от кошового атамана к пополнению моей обиди исполнения — для сиску тоей претенсии с показанного бившого кошового Григория Федорова. За тем, что по иску моему у его на вора Чорного, в силе указов и прав мне должной сатисфакции [удовлетворения — LV] не учинил. Чрез что, в силу указов, сам [бывший кошевой — LV] виновен состоит»*. И за это наш сутяга требовал уже с Лантуха выплаты *«проторов и убитков»*, которых на тот момент он насчитывал уже 53 руб. 75 коп. Сам он туда ехать отказывался наотрез, объясняя свои опасения тем, что *«самому мне для иску на оного вора Чорного в Сечь Запорожскую ехать крайне невозможно. Ибо оной вор Чорний в живих находится, то он на пути з товарищи своими, подобними ему, может мене умертвить»*. Но, думается, боялся он мести не от Черного (который уже давно остепенился), а от сильно раздосадованного его действиями Лантуха. У недавнего предводителя войска Запорожского возможностей продемонстрировать свое недовольство было намного больше… Поэтому Петруша просил Генеральную канцелярию отправить нарочного посланника в Сечь для взыскания обеих своих претензий. Денежные расходы, необходимые для отправления нарочного — он предлагал тоже повесить на виновника. Более того, Петруша настаивал даже на более радикальных действиях: *«Буди ж бы оной бивший кошовий Федоров чрез нарочного по моей протенсии с протори и убитки — пятдесят три рубля и семьдесять пять копеек — не удоволствует, то оному ж*

нарочному велено б в прекращение тоей волокити оного бившого кошевого Федорова и вора Чорного взять под караул и представить для учинения с ним в силе указов и прав в войсковую Генеральную Канцелярию».

Сравните эти действия и претензии Петруши к Менскому куреню и к бывшему куренному атаману с его же клятвами в вечной верности интересам войска Запорожского Низового в совместном с Чернявским письме от 1752 года. Вот и вся цена его красивым словам…((

И опять Генеральная канцелярия 22 марта отправила новый ордер в Кош, которым *«к кошовому атаману з старшиной войсковою, куренним атаманам и всем товариством, посланним з Генералной войсковой Канцелярии ордером подтверждено по претенсии моей на Чорного — разсмотрить и показать во всем справедливое удоволствие, и з оним Чорним поступить в силе указов и прав, и в Генералную войсковую Канцелярию репортовать»*. К счастью, от предложенной идеи выбивать судебные издержки с Лантуха и от перспективы тащить его под конвоем в Глухов, канцеляристы благоразумно отказались. Лантух был очень уважаем на Сечи, и так там можно было большие волнения вызвать. Запорожцы и так спокойным нравом не отличались, не стоило их без крайней необходимости провоцировать…

Пришлось новому кошевому Александру Григорьевичу Белицкому и его помощникам вникать самим в это мутное дело. На тот момент они еще даже не были уверены, точно ли Степан Черный продолжает проживать в ведомстве Самарской паланки. Уже 28 мая из Коша в Генеральную канцелярию поступил *«репорт»* по данному делу. Кошевая администрация попыталась пойти проторенным путем обычных запорожских пустых отписок и проволочек. Белицкий ответил, что он, дескать, и рад бы предпринять *«в означенной <…> претенсии во удоволствии по сисканию к тому виновних»*, но из-за неявки самого истца *— «для настоящаго в том виновних показания и доказателства, дон[ы]не промедлением остается. А за явкою моею [Петруши — LV] — во всем по взискании тех, кого я покажу, и випитимутся [будут опрошены — LV] — поступлено повеленное имеет быть»*. И что по поводу единственного указанного истцом *«грабителя Степана Чорного»* — повторным (?) приказом старшине Самарской приказано найти (*«буди он в их ведомстве»*), допросить и результаты доложить в Кош.

Когда Петруша получит из Глухова информацию о содержании данного ответа с Сечи — он понял его абсолютно правильно. Он ведь сам когда-то такие ответы массово составлял. И Петруша воспринял фактический отказ Коша от исполнения этой претензии по формальной причине личного отсутствия истца, как *«в едину[ю] мою обиду и волокиту»*.

Справедливости ради, сразу скажем, что самарский полковник действительно получил тогда такой приказ и отработал его. Сохранился протокол допроса Черного от 1 июня 1759 года (бóльшую часть информации мы уже оттуда использовали) [3, л.14-14об., 19]. Тут, кстати, проясняются и подробности по продолжению финансовых претензий Петруши к Черному. В полученной последним расписке 1756 года Петруша прописал общий размер своей претензии (146,80 руб.) и подтверждал получение 40 рублей из них. А дальше, как оказалось, он хитроумно записал, что отказывается от дальнейших судебных исков именно по этим 40 рублям. А вот насчет остатка суммы — он ничего такого там не прописывал! Кнечно, это была казуистика чистой воды. Но неграмотному и простодушному Черному что-то возразить на такую несправедливость было нечего. С формальной точки зрения он действительно оказался в ловушке…

А Петруша уже 10 июня пишет новое обращение в Генеральную канцелярию. В нем он выражает свое неудовольствие формальной отпиской Коша. И (вполне резонно) поясняет, что ему там присутствовать лично и проводить новое следствие смысла никакого нет, так как все это уже было расследовано ранее бывшим кошевым Григорием Федоровичем Лантухом. И что уже на тот момент единственным виновником оставался Степан Черный, а остальных трех его соучастников уже не было в живых. Поэтому, заключал Петруша: *«За чим [поэтому — LV] других воров, упоминаемих репортом кошового атамана Белицкого, показывать мне, кроме оного Чорного, никого»*. Далее он пояснял свою позицию по взысканию остальной части долга сверх полученных 40 рублей и прикладывал копию со своей расписки. *«За вишеписанное ж разграбленное мое имущество мне более искать и доказателства чинить не на кого, кроме как на бившого Кошового Федорова и грабителя Степана Чорного — потому [как] оний бывший Кошовий Федоров по иску моему у него с оного Чорного настоящей в силе указов и прав справедливости не учинил. Грабитель же Чорний и сам пред ним, бившим кошовим Федоровим, доброволне в разграблении моего имущества признался, что в вишеписанной, данной от мене ему, Чорному, росписки показано»*. Поэтому Петруша просил Генеральную канцелярию отклонить запрос кошевого Белицкого о личном своем приезде на Сечь. И настаивал на оплате Черным оставшейся суммы долга — 106 руб. 80 коп. А свои «протори и убытки» в размере 53 руб. 75 коп. он предлагал взять или с Черного, или *«за више показанними правилними резонами»* — с бывшего кошевого атамана Григория Федоровича. И снова просил: *«И для сиску той моей претенсии в Сечь Запорожскую послать нарочного на коште виновнаго [за счет виновника — LV], и о том учинить високомил[ос]тивое бл[а]горазсмотрение и определение»* [3, л.7-7об., 12].

Больше у автора статьи документов по этому делу нет. Но его концовку можно узнать из книги Скальковского: *«<…> Но упрямый Украинец [Петруша — LV] не удовольствовался 40 р., и чрез Малороссийскую войсковую канцелярию опять требовал не только остальных денег, но и наказания Стефану Чорному. Кош вторично вытребовал истца под караулом в Сечь и содержал его в тюрьме или на поруках в селе Чернечом лет несколько, наконец видя явную со стороны Петруши ябеду, сделал следующий приговор: «1764 года Июля 22, по жалобе войсковаго товарища Алексея Петруши, козак и житель Самарский Степан Чорный зыскан был чрез ордер за конвоем в Кош и кроме сего тоже его зыскивано под караулом разов несколько, который пред судом войсковым был, и по объявлению бывшаго Атамана Кошеваго Григория Федорова, что они прежде между собою совсем погодились (помирились, pogodzilisie), с тем, чтобы уже к Чорному, по принятии Петрушею 40 р. ничего не искать росписался, но что он Петруша, тем не удовольствуясь, и не устояв на слове и данной росписке, его Чорнаго турбует (turbare, безпокоить) напрасно и Кош утруждает по пустому, без и малейшей причины. Для того, дабы впредь, если искать Петруша будет, за ним Чорным не посылалось и отказывано Петруше вовсе было, — сие для приобщения на всегдашнее время до дела их записано и подписано: году, месяца и числа вышеписанных». Следует подпись войсковаго писаря: «С повеления Господина Кошеваго Атамана с Филиппа Федорова и вышереченнаго бывшаго Кошеваго Атамана Григория Федорова войсковый писарь «Иван Глоба»* [1, с.194-197].

И, как бы, можно сказать, что это затянувшееся дело закончилось относительно хорошо. Но как вся эта нервотрепка отразилась на самом Степане Черном, на его семье и хозяйстве? Не настолько уж он в молодости нагрешить, чтобы так расплачиваться…

Внимательный Читатель может поинтересоваться, почему Петруше в его тяжбе так и не помогло предполагаемое автором знанием им некоего чувствительного секрета Коша? Да кто ж теперь узнает! Всякий вымогатель должен четко понимать ту грань, после перехода которой у жертвы пропадает всякое желание платить. Петруша своими действиями эту грань очень быстро перешел. К тому же, это был секрет такого рода, что его обнародование сильно ударило бы и по самому Алексею. Может поэтому он и не рискнул этим оружием воспользоваться. А может и остатки совести не дали… Бог ему судья!

Литература:

1. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 1. Одесса. 1846.
2. Тетяна Кузик. Писар Війська Запорозького Низового Олексій Петруша (матеріали до біографії) // Київська старовина, 2003. — № 6. — С. 133–140.
3. ЦГИАК, ф.229, оп.1, д.60.
4. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 2. Одесса. 1846.
5. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. Владимир. 1908.
6. СПбИИ РАН, ф.200 (ф. Скальковского), оп.3, д.30.
7. Надворная кампанейская хоругвь Разумовского. Эл. ресурс: https://warriors.fandom.com/ru/wiki/Надворная_кампанейская_хоругвь_Разумовского
8. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 2. К.: Білоцерківська книжкова фабрика, 2000.

LV. Кальмиусская паланка. Пограничный инцидент 1747 года с ногайцами (2013)[1]

Немного предыстории:

- 1734 г. — возвращение запорожских казаков в российское подданство. LV

- 18 сентября 1739 г. Белградский мир завершает русско-турецкую войну 1736 — 1739 годов.

- 12 октября 1742 г. — окончание демаркации российско-турецкой границы к востоку от Днепра, граница проходит по Конке и Берде.

- 1743 г. — запорожцы обосновываются в Северном Приазовье. Поначалу их "центр власти" находится на "речке Еланчик".

- 12 мая 1746 г. По указу Елизаветы Петровны земли к востоку от Кальмиуса передаются донским казакам. Вероятно, примерно в это же время запорожцы на месте более раннего заброшенного укрепления в устье Кальмиуса устраивают свою Кальмиусскую паланку[2] [1].

Уже очень скоро администрация новосозданной паланки столкнется с, вероятно, первым в ее истории кризисом. Осенью 1747 года крымские татары впервые после окончания войны массированно нарушат границу по Берде. Правда, на этот раз это будет не вражеское нашествие и не набег "злых татаровей". Все будет намного более прозаично и мирно. Но, тем не менее, попытки найти взаимоприемлемое мирное решение к этой ситуации будет стоить больших нервов всем задействованным участникам конфликта...

Итак, как это было...

По итогам прошедшей войны кочевая часть населения Крымского ханства (преимущественно в лице ногайцев) оказалась зажатой на относительно небольшой территории между нижним Днепром, Конкой и Бердой. Здесь же выпасались и стада крымской знати. По мере восстановления поголовья скота (изрядно уменьшенного в прошедшую войну), прокормить его становилось все труднее. А в 1747 году, видимо, еще и погодные условия были тяжелыми для кочевников. К октябрю этого года ресурсы степных пастбищ были исчерпаны.

Брожение началось в среде ногайских бедняков. Степи к востоку от Берды были только недавно окончательно утрачены кочевниками. У многих из них там остались памятные места и могилы родовичей. Но не только воспоминания привлекали к этой территории внимание ногайцев. По сравнению с истощенными лугами ногайской стороны, нетронутое и малонаселенное левобережье Берды выглядело уж слишком привлекательным... Перед простыми ногайцами вплотную встала угроза падежа скота и, следовательно, тяжелой и голодной зимы для их семей. Это оказалось для них гораздо весомей, чем прямые запреты на нарушение границ империи со стороны турецкого султана и крымского хана. Откинув страх перед возможными последствиями, ногайские пастухи в первой половине октября

[1] LV. Кальмиусская паланка. Пограничный инцидент с ногайцами 1747 года // Мариупольский краеведческий сборник. 2014 г. — Мелитополь:Издательский дом Мелитопольской городской типографии, 2014. — С.6-15. К статье здесь добавлены некоторые более поздние комментарии и уточнения.

[2] Карты и планы, показывающие расположение этой паланки не на холме с развалинами укрепления, а в низине между устьем Кальмиуса и озером Домаха, будут найдены уже после данной публикации. — LV.

1747 г. массово перешли пограничную Берду. Первоначально они не рискнули слишком уж удаляться от установленной границы и стали кочевать по левобережью Берды, а также по ее притоку Каратышу и по расположенной в 20 км восточнее речушке Зеленой. По подсчетам запорожцев тогда пришло около 60 табунов лошадей с их пастухами.

Естественно, что такое "подселение" не могло не затронуть интересы запорожцев. В первоначальные годы существования ведомства Кальмиусской паланки основной хозяйственный интерес местных запорожцев сосредотачивался преимущественно вокруг морских рыбных ловель. Собственно, именно этот интерес и привел сюда запорожцев в 1743 году. Но к середине осени 1747 г. многолюдные ватаги рыболовов, надо полагать, уже прекратили лов и разошлись на зиму. Часть ушла на Сечь, часть — в Малороссию и в прилегающие к ней районы Вольностей. И только немногие остались на жительство в зимовниках на побережье и при степных речках. Кроме них, в документах об этом инциденте упоминаются и еще не разошедшиеся на зимовье звероловные ватаги запорожцев. Вот как эта ситуация отражена в одном из документов: *"<...> где Войска Запорожского козаки около Озовского моря для добычи рыбной и в протчих российскои границы местах живут зимовниками и немалые уже они, ногайцы, тем козакам утиски, обиды и в добыче звериной препятствия делают <...>"* [2, с.424]. Надо ли говорить, что для тех запорожцев, которые решились перезимовать в районе между Бердой и Зеленой, появление непрошенных "соседей" стало весьма неприятным сюрпризом?

Пришлось в эту ситуацию вмешаться тогдашнему кальмиусскому полковнику Марку Кондратьевичу Усу. То ли лично, то ли через посланников, ему удалось пообщаться с ногайскими пастухами, но это ни к чему не привело. Те объясняли свое появление так: *"якобы за неимением в далных крымских сторонах трав для прокормления тех табунов чрез приходящую зиму"* [2, с.424]. И уходить пока не собирались. Впрочем, они, вроде бы, были согласны вернуться за Берду в случае, если им будет на то прямое указание крымского хана. И даже, если окажется что они кочевали *"не в крымской границе, то-де они за выкорм той степи готовы Войску Запорожскому заплатить с отпуском тысячу рублей"* [2, с.425]. Надо сказать, что некоторые основания для сомнений в прохождении границы Крымского ханства у ногайцев и запорожцев действительно имелись, но об этом мы поговорим позже. Пока же можно лишь сказать, что с учетом тогдашних расстояний и скорости обмена письмами, ногайское требование о ханском повелении было явным и целенаправленным затягиванием дела. Тем более, что сами ногайские пастухи сообщения о своем самоуправстве в Бахчисарай не отправляли, а (по умолчанию) озадачили этим администрацию Кальмиусской паланки.

Собственных сил, чтобы самостоятельно выдворить ногайцев за Берду, у Уса не хватало. Тем более, что он и формально не имел права самовольно действовать грубой силой. Вот что говорилось, например, в 10-м артикуле закончившего последнюю русско-турецкую войну Белградского мира: *"А буде во время сего мира, между подданными обеих стран по каким причинам возбудится спор и ссора, то от пограничных губернаторов и комендантов по справедливости удобно рассмотрено да будет, а зачавшиеся несогласия чрез пересылку между обеими империями пристойными способами, к крепкому содержанию мира и дружбы да успокоятся, и для подобных тому между подданными пограничных ссор никакие неприятельские поступки от обеих сторон да не вчиняются, но совершенно и со всяким радением и дружеским способом тщатись имеют, дабы покой с обеих сторон крепко соблюдаем и хранен был"* [3]. И как бы это не казалось странным для наших современников, но тогдашние власти по обе стороны границы действительно пытались

добросовестно выполнять положения мирных договоров. Довольно часто им это даже удавалось... Гораздо больше проблем делу поддержания мирных отношений создавали рядовые жители приграничья, которые мало обращали внимание на все эти договора...

Пришлось полковнику Усу слать срочный запрос о своих дальнейших действиях в Сечь. Оттуда пошел запрос в Киев, к генерал-губернатору Михаилу Леонтьеву. И началась интенсивная переписка. Хуже всем, наверное, пришлось гонцам, которые были вынуждены перевозить туда и обратно многочисленные письма по холодной осенней степи... Часть этой переписки сохранилась в деле №6 архива Коша Новой Запорожской Сечи. Подборку таких писем можно посмотреть здесь[3]. Об остальных мы можем судить только по их упоминаниям в сохранившейся части переписки.

Самые ранние из дошедших до нас документов представляют собой реакцию Михаила Леонтьева на полученные известия. Письмо из Коша он получил 29 октября. Пару дней подумав над возникшей проблемой, уже 31 октября Леонтьев пишет два письма. Одно — ответ в Кош, второе — письмо крымскому хану Селим-Гирею. В обоих письмах, по канцелярскому обычаю того времени, сначала пересказывается содержимое предыдущих документов. Благодаря этому, мы и знаем об обстоятельствах начала этого конфликта. Различаются только концовки писем. В письме Селим-Гирею Леонтьев напоминает об усилиях и с российской, и с крымской стороны по выполнению условий мирных "трактатов". Он высказывает мысль, что Ногайская орда перешла Берду не по разрешению из Бахчисарая, а самовольно. И просит удалить ногайцев из российских пределов и запретить им подобные действия в дальнейшем [2, с.245].

В письме запорожскому кошевому Павлу Козелецкому рекомендуется поступать *"по силе"* какой-то бумаги из Государственной коллегии иностранных дел, которая была отправлена из Киева на Запорожье еще 8 мая того же года [2, с.424]. Запорожцам предлагается *"<...> к помянутой Ногайской орде от себя умных и к тому достойных старшин послать и со всей учтивостию вспросить: "Для чего они за мирным между обоими высочайшими империями постановлением в точные российские земли вступили?" А потом с учтивостию ж требовать, дабы они конечно с тех российских земел съехали. Буде же и затем не съедут, то о том к хану крымскому от себя з жалобою писать и требоват достойной в том сатисфакции <...>"*. Заодно поручалось в случае отправки запорожской делегации в Крым попутно там еще и немного пошпионить *"секретным и искусным образом"*. В заключение своего письма Леонтьев еще раз запрещает устраивать ссору с татарами. И требует детального отчета о дальнейшем развитии событий после выполнения его инструкций [2, с.424].

Но пока Кош и кальмиусский полковник ждали указаний из Киева о том, как им действовать, ситуация продолжала усложняться. 19 ноября все того же 1747 г. Кош получил от полковника Уса новый рапорт. В нем говорилось о приходе новых ногайцев. Убедившись в том, что решительных и энергичных действий по выдворению первоначальных "нарушителей" пока не предвидится, за Берду переходят еще и семь ногайских мурз со своими стадами и *"с неколиким числом ногайцов"*. Ну и, для полного счастья запорожцев, туда же направляются еще и около 100 овечьих отар с крымскими чабанами. Всего, как можно приблизительно прикинуть, за Берду перешло от нескольких сот до двух-трех тысяч ногайцев и крымских татар. Расширилась и география их кочевания. Кроме уже упоминавшихся ре-

[3] https://papacoma.narod.ru/articles/border_1747.htm

чек, ногайские кочевья стали отмечаться также на речках Коротян (видимо, нынешний Каратюк) и Камышеватой, на Белосарайской косе и даже достигли Кальмиуса.

Рис. 1. Территория описываемых событий.

В письме полковника отмечались случаи воровства пришлыми ногайцами коней и капканов для ловли зверя. И вновь приводятся утверждения ногайцев о том, что они находятся не на запорожской, а на своей территории. Это вызвало неуверенность у кальмиусского полковника по поводу правильности его представлений о прохождении русско-турецкой границы.

На этот раз Кош среагировал гораздо более оперативно. В тот же день были отосланы два письма. Одно — в Киев к Леонтьеву. В нем генерал-губернатору сообщались новые сведения. Также Кош фактически расписывался в том, что тоже не слишком уверен в реальном положении границы: *"Понеже мы, як между империями границу розвожению не были <...>"* и вновь просил инструкций [2, с.423]. Уже упоминавшийся ответ Леонтьева от 31 октября в Кош еще не попал! На запрос же самого Уса Кош отвечал в том плане, что-мол информация об этих событиях в Киев уже отправлена, когда будет оттуда резолюция — об этом будет сообщено кальмиусскому полковнику дополнительно. В общем — ничего самому не предпринимать и ждать указаний сверху [2, с.417-418]...

Судя по всему, запорожцам ведомства Кальмиусской паланки пришлось прожить в соседстве с ногайскими кочевьями не менее 1,5 — 2 месяцев. Соседство, конечно, было тревожным. В четырех из пяти уцелевших писем по этому инциденту содержатся жалобы на *"немалые обиды и воровства"*, которые ногайцы доставляют местным казакам. Более подробно это расписано лишь во втором письме Коша к Леонтьеву: *"<...> И делают козакам Войска Запорожского обиды и утеснение, а именно: которые козакы коня пустят пастис, а др[уг]ие железа для ловле звера покладут, то они тотчас и ворують. Ежели*

же козаки Войска Запорожского те покраденние в них железа или кони в татарина опознают и отберут, то те татаре, несколко ч[е]л[о]в[е]к набежав, и отиймут, сказуючи: "Ви-де на нашом степу живете и ми в своем степу поволни. И ежели вам какое утеснение ест, то ви-де прежде нас от сего из степу изийдете. А ми имеем по самой Озов за свою отчину." [2, с.423]. Но вот, что интересно — в те времена уже было в обычае (в том числе и на Запорожье) составлять реестры пострадавших от грабежа с подробными перечнями утраченного имущества. Это делалось в надежде когда-нибудь получить возмещение за утраты. Но в нашем случае, кроме общих и расплывчатых фраз — никакой конкретики не наблюдается! И даже по уже процитированному выше отрывку — не указано ни у кого украли коней и *"железа"*, ни в каком количестве. По прочтению этого фрагмента складывается впечатление, что изначально речь шла о каком-то одном конкретном случае, лишь потом, для большего эффекта "расклонированного" во множественном числе. Иначе придется предполагать, что ногайцы регулярно воровали оставленные без присмотра лошадей и капканы, их регулярно на этом уличали запорожцы, и в ответ ногайцы каждый раз рассказывали заученный наизусть текст: "Ви-де на нашом степу живете и т.д."... Конечно, возможно в дальнейшем будут на самом деле отысканы дополнительные документы с подробностями по этим "многим обидам и утеснениям". Но пока более обоснованной представляется мысль, что запорожцы, для вящего усиления драматизма, в своих рапортах несколько сгустили краски. И ногайцы, понимая всю шаткость своего пребывания к востоку от Берды, более-менее пытались сдерживать свои "хищнические" инстинкты. Отдельные случаи воровства так и не превратились в систему. По крайней мере, массового разорения и бегства местных зимовчаков по документам не прослеживается. Другое дело, что психологически жить рядом с извечными врагами, когда не знаешь, что им придет в голову на следующий день, было явно неуютно...

Теперь по поводу самой границы по Берде. В некоторых современных работах ее предпочитают называть запорожско-татарской. Причем начало ее относят аж к XVII в. А конец — к 1771 году, когда, дескать, Российская империя самовольно перенесла свою границу вглубь степи и включила Вольности Запорожские в свой состав. На самом деле, эта граница появилась только в октябре 1742 года. Тогда князь Василий Репнин и паша Хаджи Ибрагим Капыджа на съезде полномочных комиссаров подписали конвенцию о послевоенном положении границы между Российской и Османской империями на участке между Днепром и Доном [3]. А вот как называют ее сами запорожцы в исследуемой нами переписке 1747 года: *"на степь и речки ея и[мператорского] в[еличеств]а границы пришли"* [2, с.423], *"о приходе Ногайской орды в разние российской границы речок"* [2, с.426], *"для чего они <...> в точние российские земли вступили?"* [2, с.423] и т.д. Причем такие выражения употребляются Кошем не только во внешней переписке, но и во внутренней — с администрацией Кальмиусской паланки. Думается, запорожцы хорошо знали, о чем писали...

Но вернемся к ногайцам. С самого начала их перехода за Берду, они выдвинули четкие требования: *"сказуя, что они **имеют оную степь за свою область**. И егда-де с той степи соити им крымской хан повелит и **явитца не в их границе** [выделение автора — LV], то-де они за выкорм той степи готовы Войску Запорожскому заплатить"* [2, с.424]. Т.е., они по какой-то причине считали, что продолжают иметь какие-то законные права на земли к востоку от Берды. Хотя и не были до конца в этом уверены (*"егда-де <...> явится не в их границе"*). Еще более жестко это было высказано в уже цитировавшихся речах во время конфликта по поводу украденного запорожского имущества.

Интересно, что и кальмиусский полковник, и руководство Сечи поначалу не пытались оспорить территориальные претензии ногайцев. Они лишь запрашивали указаний сверху о своих дальнейших действиях и интересовались подробностями о реальном прохождении границы, ссылаясь на то, что в демаркации 1742 года они не участвовали. Т.е., уверенности в собственной правоте у них на этот раз не было. Это особенно заметно при сравнении с похожей ситуацией, случившейся двумя годами ранее. В сентябре 1745 года под руководством специально уполномоченного российского офицера состоялись встреча запорожской и донской делегаций. Была предпринята попытка размежевать вновь приобретенные земли в Северном Приазовье между двумя Войсками на основе их прежних владений. Тогда запорожцы с самыми честными глазами говорили о своих исторических правах на все побережье от Берды и до Белого Камня (район к сев.-вост. от Таганрога) [1, с.24]. Что же изменилось за два года? Да ничего... Просто в 1745 году обе стороны пытались "вложить в уши" российским властям не вполне достоверную информацию. Но даже в самом худшем варианте ничего серьезней мордобоя с донцами или денежного штрафа от центральных властей им не грозило. А вот озвучивать эту же версию ногайцам, у многих из которых на потерянных землях остались могилы предков, явно не стоило. Здесь бы уже дело дошло до сабель...

Но самое забавное, что и киевский генерал-губернатор не знал четко прохождения русско-турецкой границы на Берде! В уже упоминавшемся ответе Леонтьева в Кош от 31 октября он вначале дает инструкции по направлению к ногайцам *"умных и к тому достойных старшин"* для увещевания их об уходе из *"точных российских земель"*. А в конце письма делает весьма красноречивую запись: *"<...>Буде же они, нагайские татары,* ***на своих землях*** *[Выделение автора — LV] кочуют, то им никакова в том препятствия не чинит и никакой причины к поссориванию не подават. И что по сему воспоследует, о том меня репортоват со обстоятелством.<...>"* [2, с.424]. Т.е. — не исключалась возможность того, что вновь занятые ногайцами территории могут быть действительно ногайскими, а не запорожскими...

В чем же была причина того, что столь большое число и простых, и официальных лиц так затруднялись с определением принадлежности побережья между Бердой и Кальмиусом? А дело было в наличии так называемых "Барьерных земель" в этих краях. Точнее — в недостаточной проработке их статуса и особенностей функционирования. А это привело к разному пониманию их принадлежности местным приграничным населением. Что и отразилось в рассматриваемом нами инциденте 1747 года.

Остановимся на понятии Барьерных земель подробнее. Впервые они появились здесь еще при Петре I (хотя тогда "барьерными" их, кажется, еще не называли). Если во второй половине 1690-х годов Петр проводил экспансию на юге, то с 1700 года он решает развернуть свои усилия на север, в сторону Швеции. Чтобы развязать руки со стороны Оттоманской Порты, 3 июля 1700 г. с ней заключается Константинопольский мирный договор [4, с.66-72]. В качестве одной из мер поддержания *"покоя почивания и тишины"* для подданных обеих империй, статья V трактата предусматривала максимальное удаление друг от друга *"своевольников и зловольных"* с обеих сторон. Для этой цели было договорено создание обширного пояса *"порожних"* земель в Северном Приазовье и в Поднепровье (между Сечью и Очаковым). На этих землях запрещалось устраивать постоянные жилища и поселения (кроме одного специально оговоренного села на Днепре). Под этот же пункт, фактически, попадало и всякое крепостное строение.

В следующей статье, VI-й, высокие договаривающиеся стороны оговаривали, что на этих землях, которые согласно трактату *"пусты быть должны"*, обеим сторонам позволялась сезонная хозяйственная деятельность. Так, *"только бы мирно и без ружья при пришествии и отшествии"*, разрешалась заготовка дров, содержание пасек, сенокос, вывоз соли, рыболовля, добыча зверя и т.д. Отдельно оговаривалась, чтобы из-за *"тесноты Крымскаго острова и помянутой заливы Перекопской"* выпас скота крымцами на порожних землях *"спокойно и безмятежно да состоится"*. Т.е. — мирный труд и сотрудничество приветствовались. А вот лихие набеги казаков на татар (и наоборот), а также грабительские выходы казачьих лодок в Черное море коварно запрещались целым рядом статей...

В целом Константинопольский мирный договор не затрагивал вопросы конкретного прохождения границ. Прилегающий с юга к Азову район будет разграничен и демаркирован на местности Иваном Толстым и Хасаном Пашою только в 1704 г. [5, с.527-528][4]. Российско-турецкая граница на участке между Днепром и Бугом — будет договорена (но без демаркации на местности!) Емельяном Украинцевым и Эффенди Кочь Магметом в 1705 г. [4, с.324-326]. Северному Приазовью повезло еще меньше. Константинопольский трактат описывает пределы этой порожней земли очень обще и невнятно: *"<...> Да от Перекопскаго замка начинающейся заливы Перекопской двенадцати часов растоянием простирающейся земли, от края даже до новаго города Азовскаго, который у реки Миюса реченной стоит, среди лежащие земли пустыя и порожния и всяких жильцов лишены да пребудут. <...>"* [4, с.68]. Т.е., надо полагать, южная граница этих "порожних земель" проходила по северному берегу Сиваша и Азовского моря от Перекопского замка и до устья Миусского лимана, где тогда стоял российский Миюский городок (позже его будут называть Семеновской крепостью). С восточной стороны эти земли тянулись от Перекопа на север на двенадцать часов (конного?) пути. Как задумывались остальные две стороны — сказать трудно. Должен ли это был быть прямоугольник, где западная сторона равна восточной? Или вытянутый клин с острием у Миюского городка? К сожалению, ни в письменных документах того времени, ни на картах первой трети XVIII в. примеров функционирования и очертания "порожних земель" автору найти не удалось. Что, видимо, косвенно указывает на то, что всерьез этот вопрос никто тогда не рассматривал и механизм "порожних земель" в тот раз так толком и не заработал. Иначе возникла бы необходимость в четком определении и обозначении на местности этих границ. Другой интересный вопрос — насколько хорошо поняло эти положения мирного договора местное начальство с обеих сторон и насколько довело их до сведения рядовых казаков и ногайцев...

Что происходило в те годы в "порожних землях" Северного Приазовья в те годы — сказать трудно. Некоторые подробности об эпизодическом появлении здесь запорожцев и донцов можно почерпнуть из их воспоминаний на дебатах 1745 г. [1, с.24; 11, с.31-40]. Возможно, подкочевывали и ногайцы. Но этот период еще нуждается в источниковой проработке. Пока же остается лишь общее ощущение заброшенности, малолюдности и редкой посещаемости этих территорий, отсутствия тогда хозяйственного интереса к ним. Впрочем, в таком "подвешенном" состоянии, без четких и однозначных границ Северное Приазовье оставалось недолго. В 1711 году армия Петра потерпела поражение под Прутом. В июне 1713 г. было договорено общее очертание новой границы на участке между Днепром и Доном [6, с.36-43]. А уже в июле 1714 г. комиссары Степан Колычев, Ибрагим Ага и Мегмет Эффенди закончили демаркацию этой границы — через междуречье Самары и Орели и

[4] Но этот участок границы так и не будет тогда ратифицирован с турецкой стороны. — LV

южнее Северского Донца [6, с.119-121]. Она, вероятно, стала первой четко оговоренной, демаркированной и признанной международными договорами границей в наших краях. Северное Приазовье снова вернулось в состав Османской империи...

К новому изменению границ привела русско-турецкая война 1736-1739 гг. В завершившем ее Белградском мирном договоре (сентябрь 1739 г.) территориальные изменения прописаны были мало. Договорились только, *"что границы обеих империй быть имеют те, как учреждены и постановлены были в прежних трактатах"*. Но поскольку понять эти *"прежние трактаты"* было уже сложно, то должен был появиться новый договор, в котором *"оные явственно толкованы будут"*. В целом, Белградский договор 1739 г. по многим позициям был хуже для России, чем Константинопольский 1700 г. В частности, вновь захваченный русскими Азов теперь должен был быть разорен, а его округа *"по учрежденным границам 1700 года трактата, имеет остаться пустая, и между двумя империями барьером служить будет"*. Это, кстати, было первое применение понятия *"барьер"* относительно Приазовья. Также должны были оставаться разрушенными и укрепления Таганрогского полуострова [7, с.890-894].

Через две недели появилась Нисская конвенция, достаточно четко оговаривавшая новые границы. Что касается земель между Днепром и Доном, на этот раз договаривающиеся стороны не стали брать за образец аморфные *"порожние земли"* времен Петра I. Граница между Российской и Оттоманской империями была проведена по Конке и Берде, с небольшим сухопутным участком между их верховьями. То, что осталось к югу и западу от этих рек оставалось за Турцией. К северу и востоку (за небольшим исключением) — к России. Это "исключение" было прописано в 3-м артикуле: *"Что касается до земли, лежащей между помянутою рекою Большой Берды даже до реки Миуса, границы таким образом определены да пребудут, как оне постановлены были мирным Трактатом, заключенным между обеими Империями в 1700 году"* [7, с.914-915].

О том, что имелось в виду в 3-м артикуле Нисской конвенции, можно лучше уяснить из текста "Инструмента, заключенного при вершине реки Большой Берды". Он был подписан 12 октября 1742 года и завершил официальную демаркацию границ между Днепром и Миусом. Вот что в нем говорится: *"<...> И между помянутыми реками [Конкой и Бердой — LV] в полуденной стороне, вся земля осталась к Оттоманскому Империю, в полуночной же стороне вся земля Всероссийскому Империю, а* ***от развилины реки Большой Берды даже до Новаго города, который имеется в том месте, где река Миюс в Азовское море впадает****, во всем быть непременно, по [со]глашению 1700 года Трактата и Конвенции о границах; река же Конския воды, даже до впадения ея в Днепр вместо знаков граничных утверждена; от впадения ж Конских вод вниз река Днепр между обеих Империй оставлена; в помянутых же реках подданным обеим Империй без нарушения пользоваться позволяется; и по тому начало границ есть от вершины реки Конских вод* ***и конец у Новаго города, который при впадении реки Миюса в Азовское море стоит*** *[выделения автора — LV] <...>"* [5, с.671-672]. Т.е. — российская и турецкая границы в интересующем нас районе не совпадали! Турецкая граница шла вдоль Берды и заканчивалась у ее устья. А российская — от истока Большой Берды шла вдоль нее до некоей *"развилины"*, а оттуда прямой линией через степь к устью Миусского лимана. Получается, что все побережье Азовского моря между Бердой и Миусом являлось не "точными российскими землями", с которых так настойчиво пытались выдворить ногайцев, а нейтральными, ничейными террито-

риями, не принадлежавшими ни одной из империй! И на которых, согласно российско-турецким договорам 1700 и 1739 гг. население обеих сторон имело полное право заниматься мирной хозяйственной деятельностью. С юридической точки зрения ногайцы могли пользоваться этими землями на тех же основаниях, что и запорожцы. Странно только, что их первая попытка реализовать свои права произошла только через восемь лет после окончания войны и через пять лет после демаркации границ. Может, не нашлось умной головы, чтобы подсказать эти нюансы? Или страх перед силой российского оружия был еще слишком силен? Это мы уже вряд ли узнаем...

Осталось только выяснить, что такое "развилина" Берды, от которой поворачивала российская граница? Четкий ответ можно найти на географических картах середины XVIII в. На многих из них показано положение барьерных земель в Северном Приазовье. Зачастую эти земли сопровождались и красноречивыми надписями. Например, на карте Бибикова 1749 г. написано следующее: *"Земля, которая между обеими империями останется впусте по трактату 1700 году"*. На ней же вдоль Конки и Берды написано *"Российская и Турецкая граница"*, а над северной оконечностью нашего барьера — *"Новая сочиненная граница"*, эта надпись продолжается вдоль южного барьера — *"[с] [1]740 по [1]742 год"* (рис.2).

На большинстве подобных карт граница поворачивает от места впадения в Берду левого притока, подписанного *"р.Ратичь"* или *"речка Ратичь"*. Что явно означает несколько искаженное название реки Каратыша. Похоже, что осенью 1747 г. наши ногайцы по большей части оказались на территории барьерных земель. Лишь в двух местах — на Каратыше и Каратюке — они точно вышли за барьер, на действительно российскую территорию.

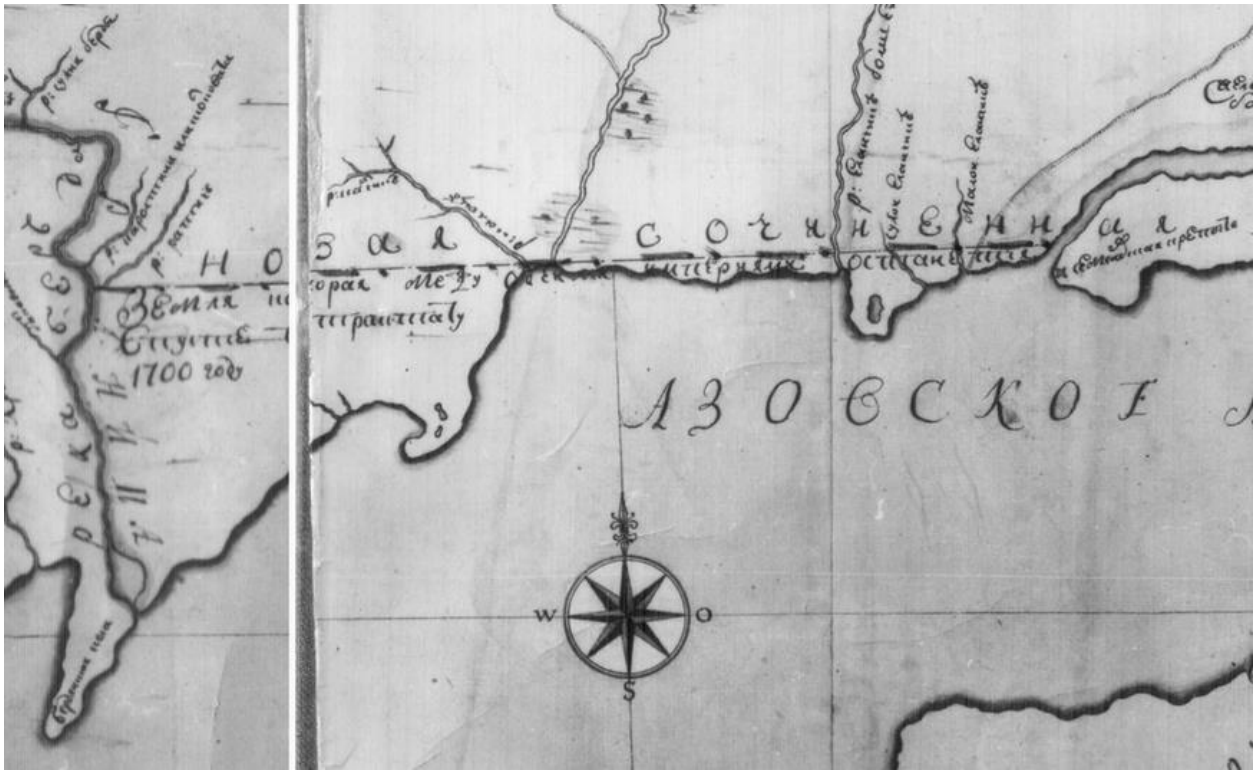


Рис.2. Фрагмент карты Бибикова 1749 г. [8]

Чтобы уже закончить с подзатянувшейся темой наших барьерных земель, стоит отметить еще пару моментов. Первое — это то, что северная граница этих земель так и осталась "бумажной". Она попала на карты, но не была никак обозначена на местности или хотя бы словесно описана. Поэтому требовать от казаков знания того, где именно кончается барьер

и начинается собственно российская территория, явно не стоило. У них просто не было возможности это узнать. Второе — по всем картам, хоть старым, хоть современным, получается, что последние 4-5 км нижнего Кальмиуса входили в барьер. Поэтому устройство запорожцами при устье своей Кальмиусской паланки входило в явное противоречие с русско-турецкими договорами. Вероятно, со временем удастся найти документы с турецкими претензиями по этому поводу[5]. Пока же можно привести лишь один случай. В книге Е.С. Отина "Гідроніми східної України" приводится ответ хана Крым-Гирея в 1762 г. на какой-то неизвестный нам запрос запорожцев: *"Кальмиюс имянуемое место не токмо нам, но вообще и всему татарскому народу не ведомо"* [9, с.51]. Здесь, скорей всего, отражен не факт незнакомства крымских татар с этим названием, активно использовавшимся в наших краях как минимум с 1570-х годов. По-видимому, здесь мы наблюдаем всего-лишь навсего отказ в "легитимизации" расположенного в барьерных землях запорожского поселения Кальмиуса[6]. Вероятно, этим же "неудобным" моментом объясняется и отсутствие Кальмиусской

[5] Такие документы действительно уже найдены, по 1767 году.

[6] Более подробно этот сюжет освещен в найденом уважаемым Palestrra «фельетоне» (повести) А.А. Скальковского «Ясырь», который является попыткой литературного пересказа реальных документов. Оттуда узнаем, что 5 мая 1762 года кубанские ногайцы захватили много запорожских рыболовов на Ейском лимане. Несколько казаков смогли сбежать и уведомить о подробностях происшествия Кош. Так как запорожцам плавать туда было многократно запрещено Сенатскими указами, то Кош в своем первом обращении по этому поводу к крымскому хану Крым-Гирею схитрил, написав, что это случилось не на реке Ее, а на Кальмиусе (т.е. внутри российских границ).

Хан, хорошо знал, что никто из его подданных в описываемый период в этот район российской территории никаких наездов не делал. Поэтому справедливо заподозрил, что Кош здесь пытается дать ему не вполне верную информацию. Вот как звучит более полная цитата из ответа хана от 31 мая (в несколько корявом русском переводе XVIII века): *«<…> что место, Калмиус именуемом, не только ему, но и всему татарскому народу* ***неизвестно, чтоб к тем местам его подданные дерзали на грабительство ходить****, то это, как всем известно, совершенно несбыточное дело; в кубанской же стороне хотя и [бы]ли Татаре Едичкульскаго колена, но они уже все на сторону (Босфорскаго Пролива) переведены; следственно грабительство не крымские люди, а какие-нибудь непоследные и неподвластные никому хищники произвели»*. **То есть, здесь имелось в виду не то, что татары не знали «место, Калмиюс именуемое», а всего лишь о том, что сами татары не слышали, чтобы кто-то из них туда ходил набегом в это время**.

К тому времени Кош уже получил дополнительную информацию об организаторах этого нападения. И в новом обращении к хану писал (опять заменяя Ею на «дачи Калмиуские»): *«Ваша светлость на посланное от коша письмо о захваченных вашими Крымскими Татарами наших 40 чел., будучих на рыбной ловле, в дачах калмиусских, казакахъ, в кош письмом объявлять изволите: что якобы тех казаков в плен захвачено не вашей команды людьми, но неизвестными, своевольными Татарами. А сего нашего месяца июня 10-го, присланным в кош рапортом наш калмиусский полковник объявил, что с тех захваченных в плен казаков еден Минскаго Куреня казак Петро Перевертайло, бежалъ из-за реки Лабы и прибыв в Калмиус сказкою объявил, что все вышеписанные 40 чел., казаки в дачах калмиусских захвачены точно Татарами Кубанскими, кочующими за р. Лабою, состоящею по близу Кубани, которые состоят под ведением города Копыла сераскир- султана, а тот же сераскир-султан в точной команде вашей светлости находится <…>»*.

На это Крым-Гирей, хорошо знавший, что река Лаба – это левый приток средней Кубани, окончательно понял, что запорожцы здесь пытаются повесить ему лапшу на уши по поводу места происшествия. Приведем фрагменты его нового ответа: «*По перевод оного, выразумев содержание, отвечаем. Вы уведомляете, якобы в кубанской земле в стране Лабе-су (река Лаба) из живущих там татар, Тау-Султан-Мурза в урочище Кальмиус 40 человек ваших казаков захватил. Но сперва подумайте, где Кальмиус, где Лаба-река? Видно, что положение этих мест вам неведомо, ибо Кальмиус по сию сторону Азовского моря к Перекопской степи находится, а Лабе-су в кубанской стороне имеется.*

В татарском же народе на вершинах Кубани находящемся, Тау-Султана не находится. В Едичкульской же Орде один мурза по имени Тау-Султан хотя и был, но он тому уже 4 месяца, за измену нам повешен. Кубанские же земли вам не пограничны, и до них вам дела нет, ибо в нужных случаях с донских казаков атаманом сносимся и о вашем деле ему писали <…>» (Газета "Русский Инвалид". № 82, 83 от 15 и 16 апреля 1847 г.).

паланки на абсолютном большинстве географических карт середины XVIII в. Пока удалось найти только одну карту с ее отображением[7] (рис.3).

Рис.3. Фрагмент карты Ригельмана 1768 г.

Но пора уже нам вернуться к истории с ногайцами. Осталось уже немного... 25 ноября 1747 года в Кош, наконец, дошло из Киева письмо Леонтьева от 31 октября. Где оно болталось без малого месяц — мы не знаем. Прочитав письмо, запорожская старшина, вероятно, долго чухала чубатые головы. Но, в конечном итоге, не придумала ничего лучшего, чем сплавить реализацию высокомудрых задумок киевского руководства на бедного кальмиусского полковника Уса. В письме ему было почти дословно скопировано указание Леонтьева о посылке *"умных и к тому достойных старшин"* к ногайцам и рекомендуемое содержание их речей. В конце же требуется от полковника сообщить о том, чем закончатся порученные мероприятия. Чтобы, в случае чего, Кош направил свое письмо к хану Селим-Гирею. Также сообщается о том, что от Леонтьева к хану протест уже отправлен [2, с.426].

Это было последнее из найденных писем по данному пограничному инциденту 1747 года. Как там все закончилось — мы, к сожалению, толком не знаем. Понятно, что, так или иначе, но ногайцев за Берду таки выдворили. Удалось ли с них получить обещанную плату? Сомнительно... Упомянутые в письмах якобы обещанные тысяча рублей — громадная сумма по тем временам. Достаточно сказать, что денежная часть ежегодного довольствия, поставляемого в эти годы Российской империей ВСЕМУ Войску Запорожскому, составляла всего 4660 рублей. Кошевой получал 50 руб., войсковые писарь и есаул — по 30, куренные атаманы — по 16 рублей и т.д. Но, в любом случае, главное, что на этот раз смогли

[7] На 2025 год количество найденных карт и планов с показанием Кальмиусской паланки достигает уже шести.

обойтись без крови. Наступал период, когда в крепкие головы и казаков, и кочевников начала доходить одна непростая, но очень нужная мысль. Что торговать и сотрудничать может быть гораздо выгоднее, чем грабить и убивать друг друга.

Пройдет еще немного времени, и процесс прихода крымских стад и табунов в российскую часть Северного Приазовья будет упорядочен. Его, если можно так выразиться, коммерциализируют и поставят на поток. В 1773 году через наши края проезжал академик Гильденштедт. В своем дневнике он отмечает: *"До войны [т.е. до 1768 года — LV], когда окрестности Таганрога представляли еще пустыню, Запорожцы за известную пошлину, взимаемую овцами, позволяли Крымским татарам переходить через Кальмиус со скотом, который они и пасли летом на всем пространстве до Самбека, откуда к осени возвращались в Крым; но самое это пространство, по мирному договору 1700 года, принадлежало России"* [10, с.222]. К сожалению, начало очередной русско-турецкой войны (1768-1774 гг.) в очередной раз сорвало эти успехи мирного времени и снова разворошило уголья ненависти в душах населения Степи по обе стороны границы...

Вывод. Документы, касающиеся ведомства Кальмиусской паланки запорожцев, сохранились в весьма большом количестве. Найти их — особой проблемы не составляет. Нужно только время, энергия и, совсем немного, удачи. Вероятно, оптимальным для написания общей истории этой административной единицы является представленный выше метод. Его суть — поиск цепочек документов по определенным сюжетам и простой их пересказ. С минимумом привычных околоисторических штампов, литературщины и современной политики, зато с максимумом следования содержанию документов. И тогда, рано или поздно, история этого недолгого, но важного этапа жизни Мариупольщины постепенно раскроется во всей своей непритязательной красоте...

Использованные источники:

1. LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал // Мариупольский краеведческий сборник / ред. кол. Р.П.Божко, С.Д.Буров, В.Н.Вереникин и др. — Мариуполь: Изд-во "Рената", 2010.

2. Архів Коша Новоі Запорожскоі Січі. Корпус документів. Том 1/ упор. Л.З.Гісцова, Д.Л.Автономов и др., Киев, 1998 г.

3. Русско-турецкий Белградский мирный договор 18 сентября 1739 года http://www.imha.ru/knowledge_base/library/r-library/1144524321-russko-tureck_____ijj-belgradskijj-mirnyjj.html

4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т.4, СПб, 1830. http://www.runivers.ru/lib/book3130/

5. ПСЗРИ. Собрание первое. Т.11, СПб, 1830. http://www.runivers.ru/lib/book3130/

6. ПСЗРИ. Собрание первое. Т.5, СПб, 1830. http://www.runivers.ru/lib/book3130/

7. ПСЗРИ. Собрание первое. Т.10, СПб, 1830. http://www.runivers.ru/lib/book3130/

8. И.А.Бибиков "Достоверная Ландкарта меж рек Днепра и Донца на разстояниях от устья Самары до Изюма и Луганской станицы, сочиненная 1749 года в сентябре и октябре м[еся]цах". http://papacoma.narod.ru/maps/map_bibikov_1749_1753.htm

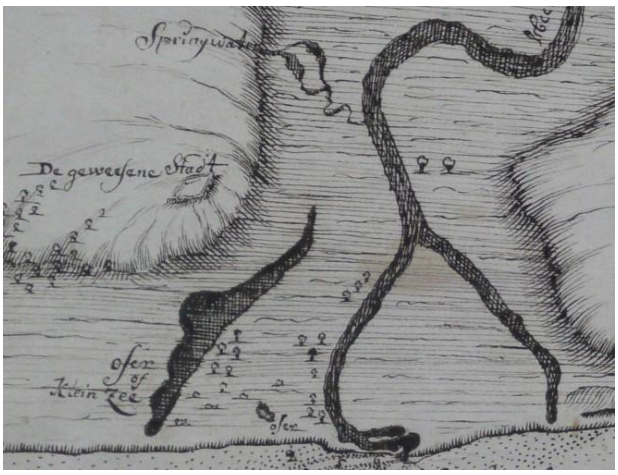
9. Є.С.Отін. Гідроніми східної України. Киев-Донецк, «Вища школа», 1977 г., 155 с.

10. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-1774 г. (Перевод с Немецкого). // Записки императорского одесскаго общества истории и древностей (ЗООИД). Т.11, Одесса, 1879, с. 204 — 228. http://papacoma.narod.ru/articles/hildenstedt2.htm

11. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: У 3 т./ Редкол.: П.С.Сохань (відп. ред.) та ін. – К.; Наук. думка, 1990-1991. Том 1.

LV. Картографические съемки устья Кальмиуса в период до возникновения Мариуполя (2020)[1]

После долгого перерыва Приазовский регион вновь стал доступным для европейской картографии только в самом конце XVII века. Вскоре после того, как Петр I в 1696 году захватил турецкий Азак, по его указам начались интенсивные картографические работы на Азовском море. Поначалу их чаще всего проводили иностранные специалисты на русской службе, но довольно быстро современным методам съемок обучились и русские мастера-картографы. От этих работ, которые (с некоторыми перерывами) продолжались весь XVIII век, остались многие тысячи карт Азовского моря и его частей. Среди них иногда обнаруживаются и свидетельства о картографических съемках в устье Кальмиуса. Расскажем (кратко, насколько позволяет выделенное нам место) о наиболее интересных из них. Сразу отметим, что **все** приведенные в данной статье изображения являются лишь фрагментами упомянутых карт, полные их варианты доступны для просмотра на сайте Papacoma.narod.ru.



Самым ранним из обнаруженных является план устья Кальмиуса Питера Бергмана 1702 года на голландском языке, хранящийся в БАН (Санкт-Петербург)[1]. Также известны еще две более поздние франкоязычные копии с него из коллекции картографа Ж.Н. Делиля[2]. На этом качественном глазомерном плане нанесен нижний Кальмиус с двумя устьями, из которых восточное отделялось от моря пересыпью. Показан обильный источник пресной воды (будущий «Фонтан»), впадающий в Кальмиус, и большое *«ozer of klein zee»* («озеро маленького моря») к западу от устья. На тот момент озеро еще не соединялось с рекой. На холме над этим озером показаны прямоугольные развалины какого-то древнего безымянного укрепления. У Бергмана оно подписано *«De geweesene Stadt»* («бывший город»), т.е. это явно калька с русского слова «городище», которое обычно использовалось нашими предками для обозначения заброшенных укреплений. Но если европейское слово Stadt имело, в первую очередь, административное значение, то русское слово «город» тогда применялось к любому укреплению («огороженному» месту), даже к временному и незаселенному. На франкоязычных копиях эта надпись дублируется как *«ruines d`une ville»* («развалины какого-то города»). Это как раз то, что в конце XVIII века будут называть *«развалинами прежде бывшего здесь города Домахи»*. Вполне возможно, что в 1702 году ни озеро, ни древнее укрепление Домахой еще не назывались, по крайней мере Бергману (который на своих картах зафиксировал много местных приморских топонимов) это название осталось неизвестным. И если на данном плане Бергмана стены укрепления показаны просто прямоугольником, то на одной из карт Таганрогского залива (этого же автора и этого же года) оно показано с угловыми башнями[3]. К сожалению, вопрос о том,

[1] Мариупольский краеведческий сборник, 2020 год, с.140-143.

чем могло быть это укрепление – заброшенное и с забытым названием уже на начало XVIII века – в рамки данной статьи уже не влазит…

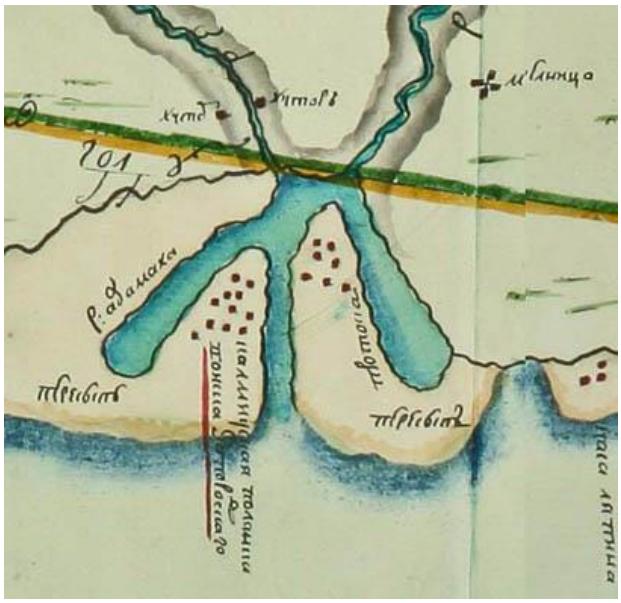
У знаменитого картографа начала XX века Лео Багрова в «Истории русской картографии» упоминается несколько более ранний план устья Кальмиуса, авторства Христиана (Кристиана) Ругелла (Ругеля, Ругаля, Ругалла, Руеля, Рюэля) 1699 года. К сожалению, никаких ссылок и привязок по нему Багров не приводит. Пока ни найти этот план, ни подтвердить реальность его существования не удается. Работа по его поиску продолжается.

После Прутского поражения 1711 года Россия потеряла выход к Азовскому морю и картографические работы на нем практически прекратились. Новый всплеск активности картографов в нашем регионе был вызван событиями русско-турецкой войны 1736 – 1739 годов. По ней имеется огромное количество карт, иллюстрирующих действия русской армии и флота. Крупномасштабных планов с устьем Кальмиуса по этому периоду обнаружить пока не удалось, хотя их существование вполне можно предполагать (устье Кальмиуса в 1737 и 1738 годах неоднократно использовалось для отстоя лодок флотилии Бредаля). На некоторых из больших карт, показывающих маршруты походов армии Ласси по Северному Приазовью, на Кальмиусе отмечен наплавной мост *«на лодках»*, который устроила флотилия Бредаля в нескольких верстах выше устья реки для переправы армии Ласси во время похода 1737 года. И почти на каждой из таких «военных» карт в устье Кальмиуса показываются «квадратиками» один или два редута. Если один – то чаще на правом берегу, если два – то на обоих берегах. В большинстве случаев оба эти редута показываются одинаковыми по размерам, но имеется по меньшей мере одна карта, где левобережное укрепление показано гораздо большим и с выраженными угловыми редутами. Известно, что один из редутов (вероятно, где-то на левом берегу, скорей всего у места наплавной переправы через Кальмиус) построил в 1737 году Ласси. А правобережное, надо полагать, соответствует древнему укреплению на холме у устья реки. Возможно, оно тогда же было усилено земляным шанцем для защиты места стоянки русских судов от неожиданного нападения с суши. Документальные подтверждения для такого предположения пока не найдены, но есть некоторые археологические материалы из раскопок 2010-2015 годов, которые можно трактовать в косвенную поддержку этой гипотезы.

После окончания той войны к России вновь отошли большие территории, в том числе и в Северном Приазовье. Окончательное установление новой границы на этом участке произошло поздней осенью 1742 года. Граница прошла по Конке и Берде, при этом узкий клин побережья от нижней Берды и до устья Миусского лимана был определен в качестве «барьерной» земли – нейтральной, не принадлежащей ни одной из двух империй территории, на которой подданным обоих государств были разрешены мирные сезонные хозяйственные занятия, но какие-либо укрепления или постоянное жилье здесь по условиям мирных трактатов устраивать было запрещено. А уже весной следующего 1743 года побережье Азовского моря к востоку от Берды было самовольно (без какого-либо согласования) занято запорожцами. В результате грубых и непродуманных действий посланного Кошем для этой миссии полковника Кишенского быстро возник ожесточенный конфликт с донцами за приморские рыбные ловли. В результате фактическая граница между этими двумя казачьими Войсками прошла тогда по Миусу. Для удержания этой границы на одном из Еланчиков (вероятно, Мокром) запорожцы устроили себе «административный центр» — Еланчикскую паланку. Попытки центрального правительства решить этот конфликт «по справедливости» с помощью переговоров не увенчались успехом, тогда было принято решение при-

нудительно разделить эту территорию по рубежу реки Кальмиус. Донцы, даже не дождавшись официального подтверждения такого решения, в мае[2] 1746 года выгнали запорожцев за Кальмиус (рейд полковника Туроверова). Именно тогда новым центром запорожцев стала паланка при устье Кальмиуса. После получения официального указа (и еще с некоторыми скандалами) новая граница по Кальмиусу между двумя Войсками была размежована, были установлены или насыпаны некоторые «пограничные знаки». Так возникла «древнейшая» запорожская Кальмиусская паланка[4]. В 1754 году в ней, на базе уже существовавшей какое-то время часовни, была устроена Свято-Николаевская походная церковь[5].

К концу 1767 года международная обстановка накалялась, Турция была сильно недовольна активными действиями России в Польше. Османские дипломаты направили в российскую Коллегию иностранных дел (КИД) запрос по поводу нарушения некоторых положений мирных трактатов на барьерных землях в Приазовье. Для ответа на него КИД запросил информацию в ближайшей к этому региону русской крепости святого Димитрия Ростовского на нижнем Дону. В начале января 1768 года из крепости в КИД (и копия в Военную коллегию) был отправлен ответ, с текстовой и картографической информацией по теме запроса. В текстовой части, например, помимо описания расположения донских и запорожских рыбных заводов (последние доходили тогда до Ляпинской косы, в 7 верстах восточнее Кальмиуса), давалось такое описание Кальмиусской паланки: *«При устье реки Калмиуса ведомства того же войска Запорожскаго поселение, называемое полковая поланка, в которой церковь деревянная в столбах, забрата досками и оставлена вокруг оградою тынником – 1, рубленых жилых куреней или изб – 8, землянок – 8, погребов в земле вырытых – 2»*[6].

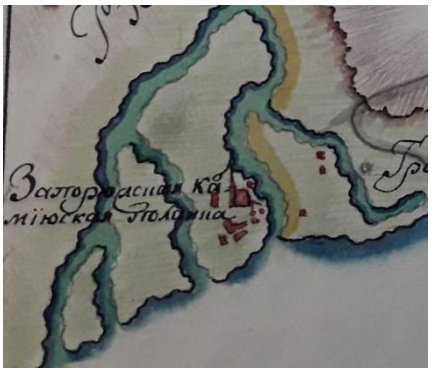


В том же году (но еще до начала войны) начальник инженерной команды этой же крепости инженер-подполковник А.И. Ригельман (принимавший активное участие в подготовке ответа на запрос КИД) закончил свою работу, которую назвал: *«Ведомость и географическое описание крепости святого Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по Указу Правительствующего Сената, 1768 года»*[7]. В рукописном варианте этого труда, хранящемся в НБУВ (Киев), сохранились прилагавшиеся к нему оригинальные карты. На карте Азовского моря из этого пакета «визуализируется» в графической форме информация из упомянутого выше отчета о рыбных ловлях и зимовниках в барьерных землях Северного Приазовья. Кальмиусская паланка показана на ней в виде скопления красных точек между центральным руслом Кальмиуса и озером Домаха и, в несколько меньшем количестве, на нынешнем Горостров. В отличие от плана 1702 года, здесь озеро Домаха уже соединяется с речкой, превращая район расположения паланки в полуостров, соединяющийся с «материком» через единственную пересыпь со

[2] Поправка – в апреле.

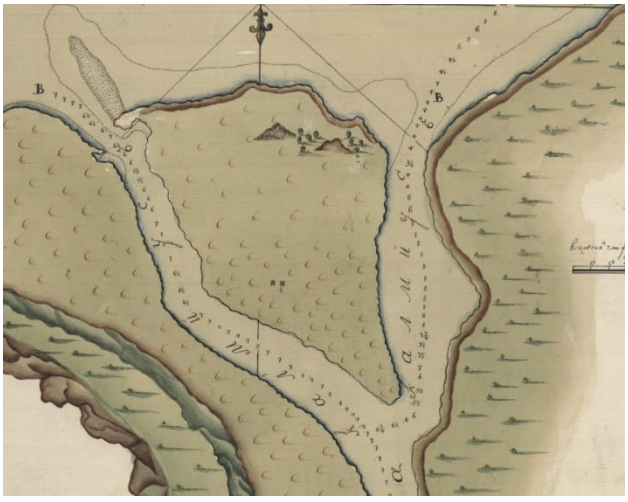
стороны морского пляжа. Так что, видимо, перемычку между озером и рекой в районе нынешнего Ковша действительно прокопали запорожцы для каких-то своих целей. Кстати, здесь наше озеро подписано как *«р[ечка] Адамаха»* — и на сегодня это первое известное упоминание этого нашего названия в письменных источниках! Севернее, на левобережье, показана ветряная мельница (возможно, та самая, развалины которой видел академик Гильденштедтю проезжавший через наши края осенью 1773 года). Также известны еще по меньшей мере две чуть более поздние карты, выполненные в такой же, хорошо узнаваемой «ригельмановской» манере, на которых ситуация в Северном Приазовье показана аналогично, но они ничего нового для нашей темы не дают[8].

К тому же кругу источников относится и обнаруженный автором статьи план Кальмиусской паланки (точнее две почти идентичные копии), который позволяет существенно уточнить наши знания об этой паланке предвоенного времени. Он представляет собой достаточно грубый (хотя и узнаваемый) эскиз устья, выполненный, скорей всего, по памяти. Объем статьи не позволяет полностью его проанализировать, поэтому расскажем только самое основное (более подробно этот план рассматривался на форуме). Основная часть паланки действительно размещалась на полуострове между *«рекой Адамахой»* и западным устьем Кальмиуса. В южной его части (ближе к морскому пляжу) размещалось около десятка жилых наземных и земляночных жилых «куреней», открытая площадка базара и ряд из 4 объединенных в одну цепочку *«шинков для летнева время камышевых»*. В центре паланки стояла небольшая деревянная церковь с огражденной *«тынником»* церковной территорией, с подворьем для иеромонахов и титарней (кладовая церковного имущества). В северной части размещалась изба полковника (*«поланка, в которой жительство имеет полковник»*), конюшня с огороженным выгоном и еще несколько хозяйственных зданий и сооружений. Также на этом полуострове были кузница и *«школа, где обучаются музыке и петь»*. А на полуострове между устьями реки (нынешний Горостров) показаны только один жилой курень в его северной части и два *«камышовых сарая»* в его восточной части. Отметим, что это селение на плане показано неукрепленным. Прилегающий с запада к устью холм показан просто пустым, без какого-либо укрепления или его развалин. То ли автор плана (которым почти наверняка был купец крепости св. Димитрия Ростовского Алексей Самарин, у которого были свои торговые интересы в Кальмиусе) никогда не поднимался на этот холм и ничего не знал о местных руинах, то ли этот момент посчитало нужным опустить крепостное начальство. Дело в том, что несколько километров нижнего течения Кальмиуса (примерно до впадения в него Кальчика) попадали в Барьер, поэтому даже само существование здесь запорожского селения было прямым нарушением условий мирных договоров. А давать в руки турецким дипломатам информацию о том, что здесь имеется еще и укрепление (пусть даже древнее и давно разрушенное) было бы явно большой ошибкой. Но такая небольшая хитрость была возможно только при условии, что это укрепление на самом деле не было действующим, иначе татары (которые за некоторую плату прогоняли свои стада через эту территорию пастись вплоть до Самбека) быстро про него проведали бы. ТАКУЮ информацию скрыть было бы невозможно. Так что, хоть так, хоть эдак, но никакого укрепления (не говоря уже о крепости!) у запорожцев в барьерных землях при устье Кальмиуса не было. Не прослеживается оно и по другим источникам.



Примерно к этому же времени относится и недатированная карта территории между Кальмиусом и Миусом[9]. По имеющейся на ней информации она довольно близка по дате к карте Ригельмана 1768 года, на ней также много внимания уделяется расположению рыбных заводов на побережье. Но данная карта выполнена в совершенно отличном стиле, и ее качество и точность – на порядок выше, чем у Ригельмана. Кальмиусская паланка также показана между озером Домаха и устьем Кальмиуса, в ее центре нарисована крохотная церковь. Показаны места расположения конкретных зимовников, мельница (правда, теперь на правобережье, что, с учетом данных Гильденштедта, более правдоподобно), дороги, места переправ через реки и т.п. Показан даже *«Граничной курган»* чуть восточнее устья Кальмиуса, который был насыпан в июне 1746 года при размежевании запорожско-донской границы по Кальмиусу. Так что памятник 500-летию Кальмиусской паланки с площади Освобождения все-таки лучше перетащить на Гавань, там он хоть как-то начнет пересекаться с реальной историей…

Осенью 1768 года война с турками все-таки началась. В ноябре 1768 года запорожцы эвакуировали ведомство Кальмиусской паланки и сами (!) сожгли покинутое поселение. Легенда о героической гибели местного гарнизона (?) во время татарского штурма – это поздний околоисторический миф. Татары к этому отношения особо не имели.



В 1769-1770 годах производились очередные съемки Дона и некоторых частей Азовского моря. В рукописном Атласе реки Дона, хранящемся в РГА ВМФ (Санкт-Петербург), имеется и еще один план устья Кальмиуса, вероятно, снятый в 1770 году[10]. Ориентация плана – южная (юг вверху). Моряки поднялись на лодках по одному из рукавов устья реки, поднялись несколько вверх по течению и вернулись по второму руслу. В результате был снят глазомерный план устья, с результатами замеров глубин. Причем в это время основным стало уже восточное русло, а западное стало сильно мелеть. Интересно, что моряки не зафиксировали ни остатков сгоревшей Кальмиусской паланки, ни озера Домахи, ни ведущей в него протоки. Вероятно, это объясняется тем, что съемщики не выходили на берег. А за полтора года, прошедшие со времен сожжения паланки, по правому берегу вымахали новые камышовые заросли, которые уже никто не истреблял на топливо и на починку хозяйственных построек. Так что стена камыша надежно закрыла от взглядов с лодок и развалины паланки, и даже вход в протоку к озеру. Но зато в восточной части Горострова на данном плане отмечены два небольших явно рукотворных объекта. Судя по их расположению, это должны были быть уже известные нам два камышовых сарая, успешно пережившие уничтожение Кальмиусской паланки и уход их хозяев. Их палить никто не стал. Воистину, ничего нет более постоянного, чем все временное! Возможно, они до сих пор стоят там, где-то в промежутках между гаражами?..

В 1772 году запорожцы вернулись в Северное Приазовье под командой полковника Петра Велегуры и снова отобрали у донцов их территории до Миуса. К июню 1775 года,

когда Запорожская Сечь будет окончательно ликвидирована, какие-то запорожские зимовники и рыбные заводы в Приазовье уже восстановились, но поселение в устье Кальмиуса, похоже, так и не появилось повторно. В последующем, во времена Азовской губернии, на нашей территории будут образованы в качестве отдельных поселений Кальмиусская и Белосарайская слободы и город Павловск. Их расположение и этапы их появления и развития – остаются все еще очень дискуссионными вопросами[3]. По ним в документах упоминаются отдельные карты и планы, но пока ни один из них найти еще не удалось, здесь работа также продолжается. Ну а дальше – приехали наши греки и началась собственно мариупольская история, а планы города этого периода выходят за рамки данной статьи.

В нашем кратком рассказе пришлось опустить многие детали, например — интересные зарисовки внешнего вида наших берегов Питера Бергмана 1701 года, или обследование устья Кальмиуса Ф.М.Апраксиным в октябре 1702 года, или тайные замеры расстояния от Миуса до Кальмиуса в июне 1709 года, или экспедицию капитана Симонта в августе того же года в поисках места *«для малой корабельной гавани»*. Да много чего еще можно было бы вспомнить. Но, к сожалению, отведенные нам листы уже заканчиваются, и автор заканчивает дозволенные речи…

Источники:

1. БАН, Отдел рукописных карт, №190 (№ 598 по перечню Александрова).

2. Bibliotheque nationale de France, GE BB-124 (125RES); departement Cartes et plans, GE D-16742; Электронные ресурсы: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550030769.r=ukraine.langFR# , https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8494447k/f1.zoom.r=Russie.langEN

3. БАН, Отдел рукописных карт, №26 (№ 596 по перечню Александрова).

4. LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал. (Тезисы к докладу) / Мариупольский краеведческий сборник / ред. кол. Р.П.Божко, С.Д.Буров, В.Н.Вереникин и др. — Мариуполь: Изд-во "Рената", 2010, с.15-28. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/articles/revizia_nachal.htm

5. LV. История казацкой Свято-Николаевской церкви в Кальмиусе. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/articles/svyato-nikolaevskaya_cerkov.pdf

6. Аваков П.А. Описание рыболовецких селений и ватаг донских и запорожских казаков в Северном Приазовье 1768 г. // Січеславський альманах, №7, 2014 г., с.108-116. Электронный ресурс: http://sa.nmu.org.ua/pdf/2014/Avakov.pdf

7. А.И. Ригельман. Ведомость и географическое описание крепости святого Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по Указу Правительствующего Сената, 1768 года / Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им.Вернадского (Киев), ф.1, ед.хр.292. Электронный ресурс: http://papacoma.narod.ru/books/rigelman_1768-index.htm

8. РГВИА, ф.416, д.283; ф.417, д.711

9. РГВИА, ф.846 (ВУА), оп.16, №22885.

10. РГА ВМФ, ф.1331, оп.4, д.747, л.114об.

[3] Расположение этих двух слобод уже тоже документально установлено. – LV.

LV. План Кальмиусской паланки 1768 года (2023)

Напомним укважаемому Читателю, что с октября 1742 года все азовское побережье между нижней Бердой и устьем Миусского лимана попало в барьерные земли. По условиям мирного договора эти земли считались нейтральными, не принадлежащими ни одной из империй. Подданным обеих империй разрешалось мирно вести здесь свои сезонные хозяйственные промыслы, но никаких укреплений и постоянного жилья тут возводить не разрешалось.

В реальности же жизнь внесла свои коррективы, и многие положения мирных договоров местным населением игнорировались. В конечном итоге все это побережье оказалось разделено между Запорожским Низовым и Донским казачьими войсками. У запорожцев в барьерных землях появились свои зимовники и даже самое настоящее поселение – Кальмиусская паланка. Оно представляло собой неукрепленный местный «райцентр» и функционировало круглогодично. Ногайских пастухов из-за Берды запорожцы в свою часть барьерных земель старались не пускать, но за определенное вознаграждение пропускали через свои территории для выпаса отар на земли к востоку от Кальмиуса. Все это было прямым нарушением условий мирных договоров, но долгое время и турецкие, и крымские власти предпочитали закрывать на это глаза. Вероятно, они не хотели ссориться с Российской империей из-за столь незначительного вопроса.

Ситуация поменялась в середине 1760-х годов. В 1764 году, при прямом содействии Екатерины II, польским королем был избран Станислав Август Понятовский. Его попытки реформирования страны, а также значительное русское влияние в Польше – вызвали сильный внутренний раскол в королевстве. Он серьезно обострился в 1767 году, а со следующего 1768 года выльется в прямые военные действия.

Такое усиление русского влияния в Польше и размещение там русских войск сильно не нравились Турции, так что отношения между Оттоманской и Российской империями начали быстро ухудшаться и накаляться. В связи с этим турецкие дипломаты вспомнили и про нарушения условий мирных договоров в барьерных землях Северного Приазовья. Во второй половине 1767 года какой-то официальный запрос или протест по этому поводу был передан турецкими дипломатами русской стороне. Для проверки и уточнения этих сведений Коллегия иноземных дел (КИД) направила свой запрос на нижний Дон, в крепость святого Димитрия Ростовского, как ближайшую к данным барьерным землям. Этот запрос был получен обер-комендантом крепости генерал-майором И.А. Потаповым в начале января 1768 года. В сжатые сроки в крепости был подготовлен развернутый отчет по данному вопросу и уже 22 января он был отправлен в КИД, а также копия в Военную коллегию. В этом пакете документов содержалось подробное текстовое описание заселенности морского побережья между устьем Берды и Таганрогом, с особым вниманием к барьерным землям, а также карта *«о селениях, имеющихся в бариерных местах»* и специальная карта *«о Калмиюской полковой поланке»*.

Текстовая часть этого ответа эпизодически использовалась ростовскими историками с 1965 года. Но только в 2014 году аксайский историк П.А. Аваков описал обстоятельства данного дела и опубликовал этот текст полностью, по копии, направленной в Военную коллегию и хранящейся ныне в РГВИА[1]. Среди прочего, в этом отчете приводится и краткое описание поселения Кальмиусской паланки. Приведем фрагмент этого описания, касающийся земель между Бердой и Миусом:

/Л. 167/ Описание

учиненное селениям и рыбным ватагам ведомства Войска Донскаго и Запорожскаго в бариерных местах от реки Берды до Калмиуса и даже до Таганрога, а чье оное именно и где зимовники и ватаги находятца, о том явствует ниже

(1-е)

Ведомства войска Запорожскаго:

По реке Берде по ту сторону реки оной в части Крымского владения

зимовников – – –

Да не в барьере:

на Груском Еланчике повыше месту при бахчах казака Ивана Карташова землянок – – –

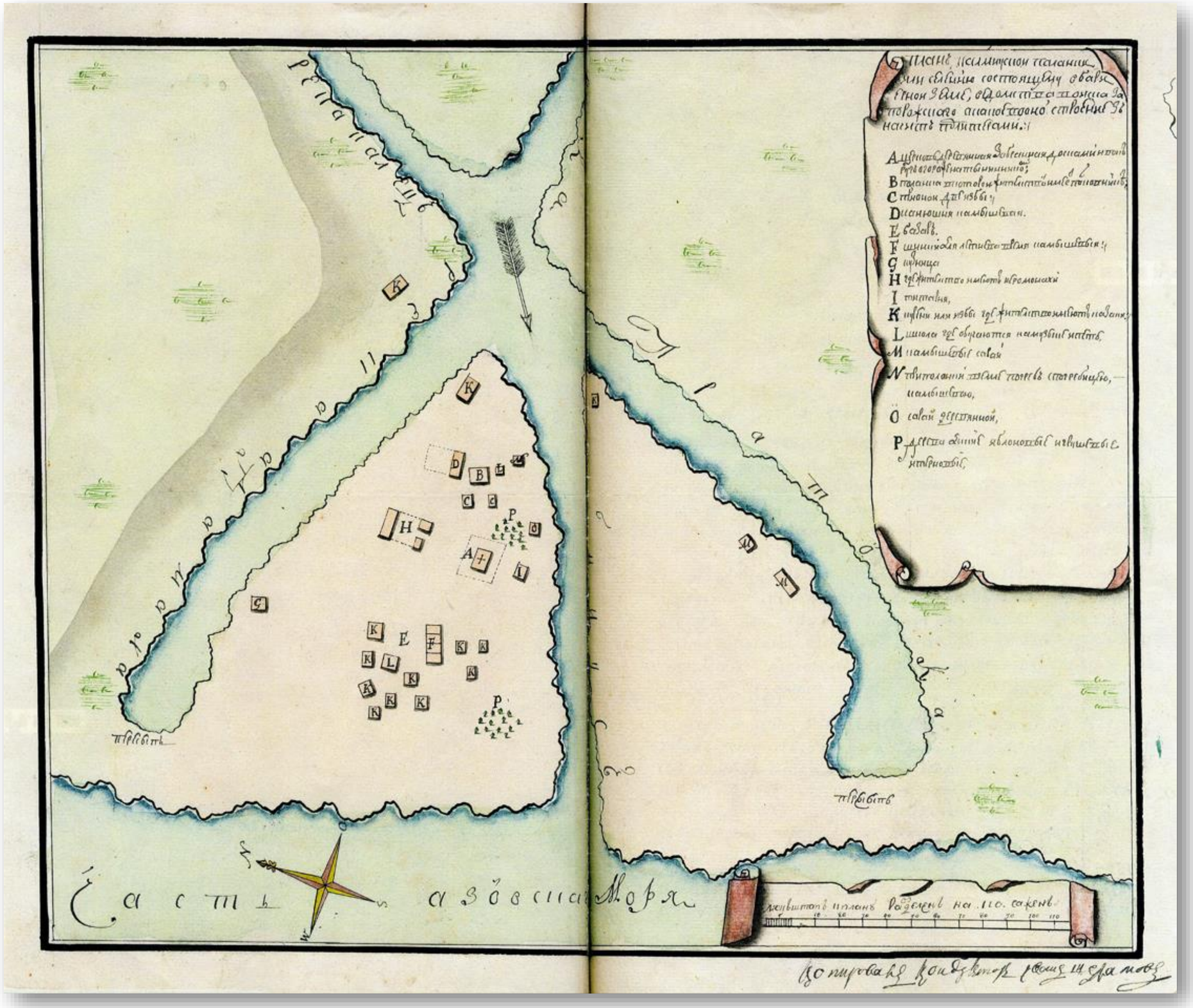


Рис.1. План Кальмиусской паланки, январь 1768 г.[2]

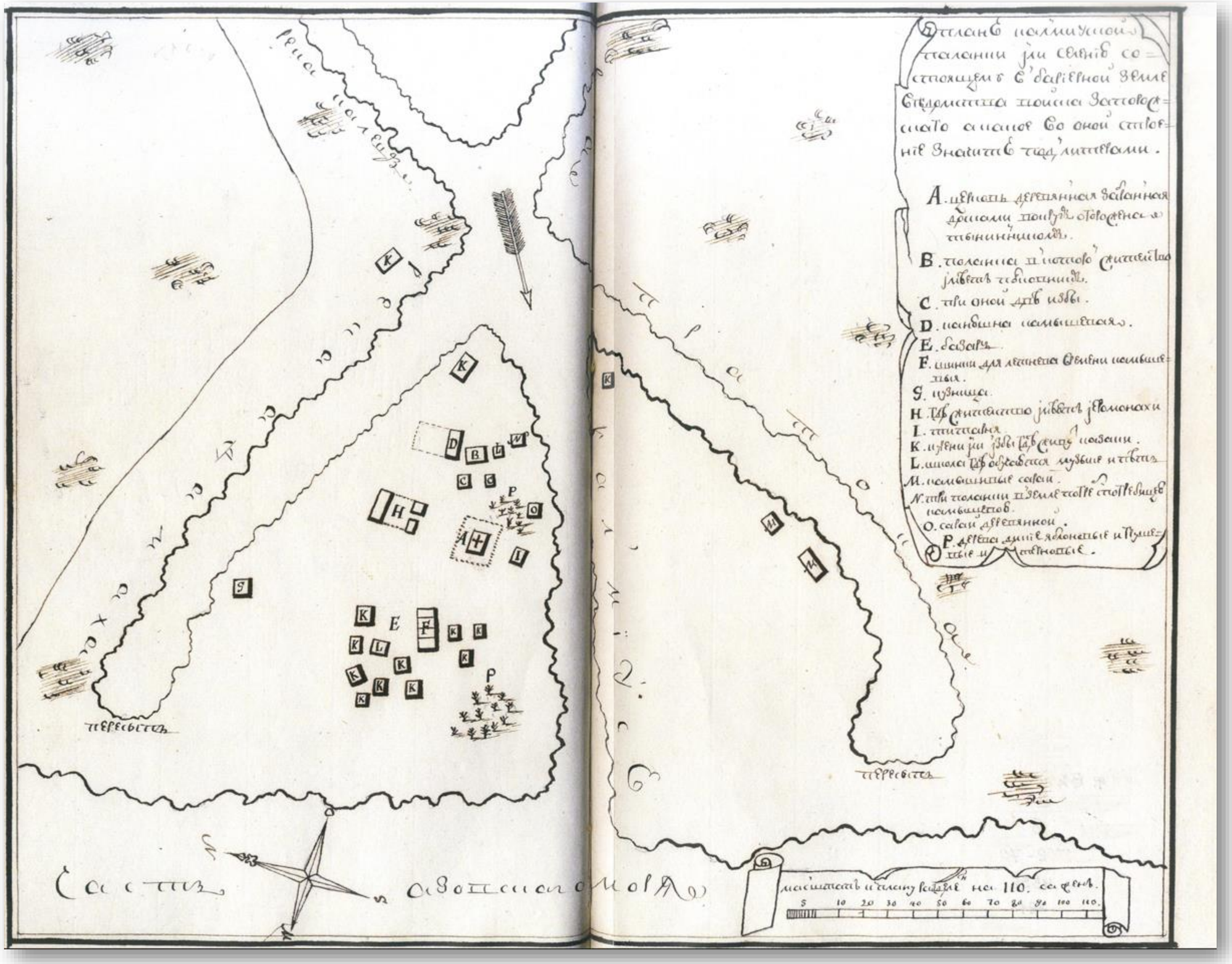


Рис.2. План Кальмиусской паланки, январь 1768 г.[3]

Расшифровка текстового пояснения к плану (скомпилирован с двух копий плана, для устранения некоторых описок):

«План Калмиуской паланки или селению, состоящему в бариерной земле ведомства войска Запорожскаго, а какое во оной строение – значит под литерами:

A. Церковь деревянная, забранная досками, и вокруг огорожена тынником;

B. Поланка, в которой жителство имеет полковник;

C. При оной две избы;

D. Канюшня камышевая;

E. Базар

F. Шинки для летнева времени, камышевыя;

G. Кузница;

H. Где жителство имеют иеромонахи;

I. Титарня;

K. Курени или избы, где жителство имеют казаки;

L. Школа, где обучаются музыке и петь;

M. Камышовые сараи;

N. При поланки в земле погреб с погребицею камышевою;

O. Сарай деревянной;

P. Дерева дикие – яблоновые, и грушевые, и терновые».

Как не трудно заметить, мнение «старого» мариупольского краеведения, что запорожская Кальмиусская паланка находилась на холме, где располагался известный по планам города конца XVIII – начала XIX века старый редут, оказалось полностью несостоятельным. На самом деле она размещалась на низменном полуострове между западным устьем Кальмиуса, Азовским морем и озером Адамаха. Сейчас этот район города называется Гаванью (см. рис.3). Это было низменное и нездоровое место, с большим количеством комаров и с высоким уровнем грунтовых вод. Но зато

здесь было удобно выгружать пойманную рыбу, и рядом имелась пресная вода. Вероятно, для запорожцев последние обстоятельства было определяющими.

Это же размещение подтверждается и целым рядом других обнаруженных карт. Часть из них, как и рассматриваемый план паланки, были выполнены в крепости святого Димитрия Ростовского. Инженерная команда данной крепости долгое время использовала не одну из типовых печатных карт, а разработала собственную, уникальную карту Приазовья, с которой по мере надобности делала копии для конкретных задач. Поэтому изготовленные здесь карты обладают очень характерным и хорошо опознаваемым стилем. Можем указать три из них, на которых в том числе подписана и Кальмиусская паланка. Первая — это «Карта лежащим местам около крепости святого Димитрия Ростовского с показанием Российской Империи границ" (рис.4), прилагавшаяся к рукописному труду А.И. Ригельмана «Ведомость и географическое описание крепости святого Димитрия Ростовского…" 1768 года. Ригельман был военным инженером, он руководил строительством данной крепости и до 1770 года исполнял в ней должность начальника инженерной команды. И он явно принимал активное участие в подготовке ответа в КИД в январе 1768 года. С большой долей вероятности данная карта во многом повторяет данные с карты *«о селениях, имеющихся в бариерных местах»*, прилагавшейся к ответу в КИД. Следующая карта – недатированная "Карта лежащим местам около крепости святаго Димитрия Растовскаго с показанием на каких местах заставам быть назначеным", вероятно относящаяся к 3-й четверти 1760-х годов (рис.5). И, наконец, тоже недатированная карта Кубанской степи, вероятно середины 1770-х годов (рис.6). Ко времени составления последней карты Кальмиусская паланка и рыболовные заводы на побережье уже отсутствовали из-за войны с турками, поэтому значки домиков на данной карте здесь не показаны, но само название Кальмиусской паланки войска Запорожского еще подписано. Как не трудно заметить – на этих трех картах изображение устья Кальмиуса и места впадения притока Кальчика показаны сходно с изображением на плане паланки 1768 года.

Рис. 4. Фрагмент «Карты лежащим местам около крепости святого Димитрия Ростовского с показанием Российской Империи границ" А.И. Ригельмана (1768)[4]

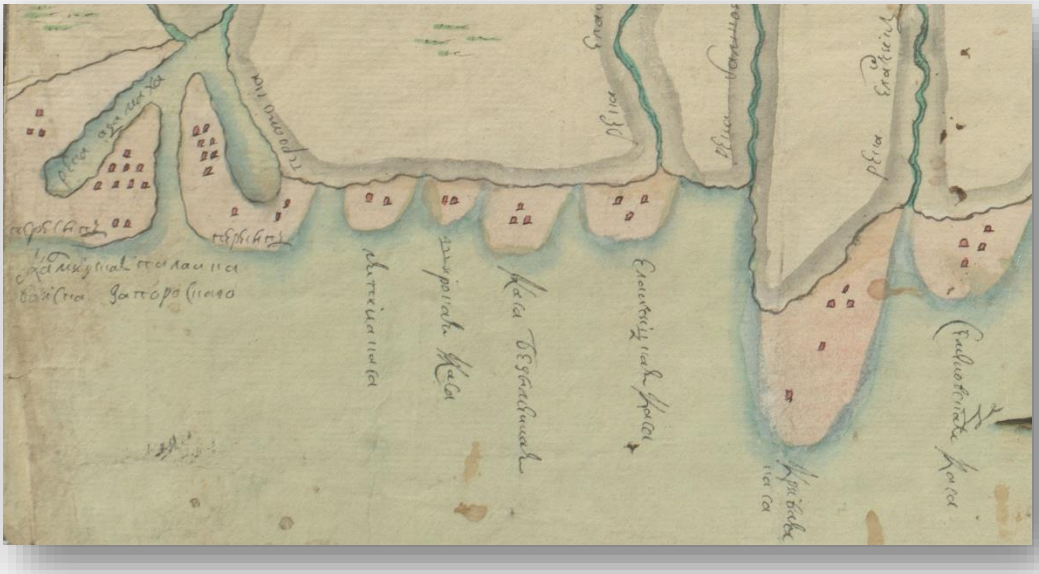


Рис. 5. Фрагмент "Карты лежащим местам около крепости святаго Димитрия Растовскаго с показанием на каких местах заставам быть назначеным" (3-я четверть 1760-х годов?)[5]

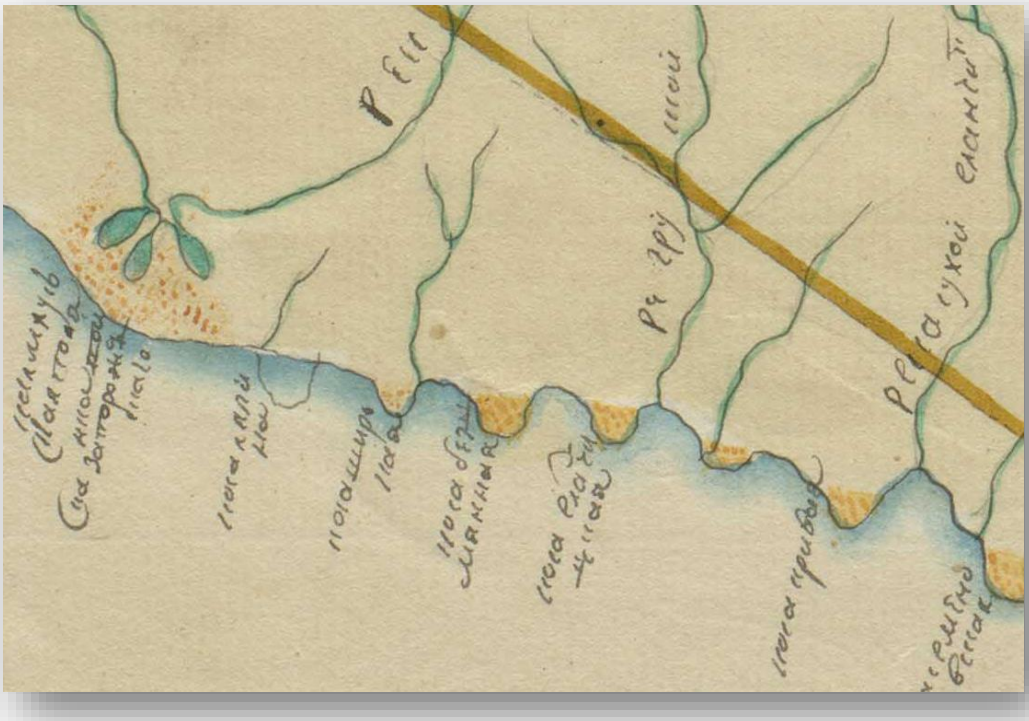


Рис. 6. Фрагмент карты Кубанской степи, сер. 1770-х гг.[6]

Аналогичным образом расположена Кальмиусская паланка и на великолепной недатированной карте из РГВИА (рис.5). Она, вероятно, относится к работе межевой экспедиции генерал-квартирмейстер-лейтенанта А.И. Медера в этом районе земель Войска Донского в начале осени 1767 года. К сожалению, запорожцы не пускали картографов на свои земли к западу от Кальмиуса. Поэтому

изображение правобережья реки содержит некоторые ошибки. Так, например, район дельты Кальмиуса показан не совсем верно, на месте озера Домаха ошибочно еще раз продублирована дельта реки. Но расположение паланки в данном месте показано четко.

Рис. 7. Фрагмент карты морского побережья между Кальмиусом и Самбеком[7]

Представленные в данной статье планы паланки (рис.1, 2) представляют собой глазомерный план, сделанный скорей всего по памяти. Поэтому требовать от него сколько-нибудь высокой точности бессмысленно. Шкала масштаба для чего-то показана, но она здесь неприменима и дает совсем неверные размеры размеров поселения (возможно, ее можно использовать для оценки размеров зданий?). На плане хорошо опознаются два устья Кальмиуса – основное западное и заглохшее восточное (так было не всегда, иногда основное устье реки уходило в восточный проток). Озеро Домаха показано соединяющимся с Кальмиусом и подписано как *«речка Адамаха»*. С учетом того, что на плане Питера Бергмана 1702 года оно такого соединения еще не имело, то протоку между озером и рекой, скорей всего, прокопали сами запорожцы для каких-то своих целей (возможно, связанных с рыболовством?). Так что городская легенда о прорывшей эту протоку казачке Домахе, зафиксированная побывавшим в Мариуполе в 1828 и 1830 годах епископом Гавриилом (Розановым), не так уж далека от истины. Правда, в известных автору документах по Кальмиусской паланке – упоминания женщин пока не встречались ни разу… Также на плане довольно условно и без подробностей показаны склоны правобережной «материковой» возвышенности (там, где позже возникнет историческое городское ядро собственно Мариуполя). А непосредственно к северу, почти у самой паланки, показан впадающим в Кальмиус приток

«река Калец». Хотя на самом деле Кальчик впадал в пяти верстах севернее. Получается, что человек, послуживший источником информации для составления данного плана, весьма хорошо был знаком непосредственно с планировкой самой паланки, но совсем слабо представлял себе ее окрестности. Похоже, что ни необходимости, ни интереса выходить за пределы паланки у него просто не было. Зато он неплохо знал размещение рыболовецких ватаг на побережье. Все эти соображения, возможно, наводят нас на род занятий и личность человека, предоставившего эту информацию.

Сомнительно, чтобы в крепости святого Димитрия Ростовского уже имелся готовый план паланки. Более вероятно, что его пришлось спешно изготавливать непосредственно по запросу КИД. В этом случае логично было бы опросить кого-то из местных жителей, которому доводилось бывать в паланке. С очень большой долей вероятности эта информация могла быть получена руководством крепости Св. Димитрия Ростовского от купца той же крепости Алексея Самарина, который имел лавку с полотном в Кальмиусе и у которого весной 1767 года был конфликт с кальмиусским полковником Иваном Засухою (материалы разбирательств по этому конфликту содержатся в 208 деле Архива Коша Новой Сечи, к сожалению, еще не опубликованном). В зимнее время, когда бóльшая часть сезонных работников уходила на север домой, население Кальмиусской паланки резко падало, и торговля зимой почти замирала. Так что этому ростовскому купцу (если он после конфликта вообще не забросил торговлю здесь) не было никакого смысла сидеть в своей лавке в Кальмиусе, и можно было спокойно отдохнуть в своем ростовском доме, тем более, во время затяжных Рождественских праздников. И, скорей всего, Самарин (или его приказчики) еще и осуществляли здесь разъездную торговлю всякой мелочевкой с лодки среди рыбаков (что тогда здесь часто практиковалось). Тогда становится понятной и хорошая осведомленность составителей данной карты о распределении рыбных заводов вдоль побережья, и практически полное отсутствие знаний о сухопутных окрестностях самой паланки. Купцу туда не было смысла ходить из-за отсутствия там покупателей, поэтому какое-то смутное представление об округе к северу от поселения он мог сформировать только на основании слухов.

Проанализируем ту информацию о паланке, которая содержится в данном плане и в текстовом документе. Благодаря прорытой протоке между озером Домахой и устьем Кальмиуса, площадка, на которой располагалась паланка превратилась в полуостров. Въезд посуху на него был возможен только по узкой полосе земли между морем и южной оконечностью озера Домаха. Зимой, понятно, можно было проехать и напрямую по льду. Никаких укреплений ни вокруг паланки, ни хотя бы на перешейке на плане не изображено. Также не показаны и развалины древнего укрепления на холме к северо-западу от озера (которые зафиксированы здесь еще П. Бергманом в 1702 году, и которые в документах времен Азовской губернии будут часто упоминаться как «древний город Домаха»). Вероятно, там ничего особо величественного уже не было, и снизу, из поймы, они не просматривались. По всей видимости, запорожцами эти руины в качестве узла обороны не использовались. К тому же, напомним, по действовавшим тогда мирным трактатам в барьерных землях обеим сторонам запрещалось иметь укрепления. А с учетом того, что через этот район ежегодно проходило много народа (в том числе и крымские татары), утаить восстановление этого укрепления запорожцам не удалось бы. Вместе с тем отметим, что часть из заглубленных жилищ, обнаруженных при раскопках 2010 – 2015 года в юго-восточном углу бывшего редута, авторами раскопок были атрибутированы как запорожские середины

XVIII века. Если такое определение справедливо, то, возможно, это остатки одного из запорожских зимовников?

Сама площадка поселения четко делится на три зоны. В самой северной из них (наиболее удаленной от въезда и, соответственно, наиболее безопасной) размещалась дом полковника (который собственно и назывался «паланкой»). Его окружали еще несколько вспомогательных зданий — две *«избы»*, камышовая конюшня с довольно большим загоном и заглубленный погреб с камышевой «погребицей» (надстройка над ним), где хранились любимые явства и пития пана полковника. Здесь же показано и еще одно маленькое здание, о котором потом скажем отдельно.

В центральной части поселения располагалась казацкая церковь в честь святого Николая, устроенная в 1754 году (подробнее о ее истории можно узнать из авторской книги «История казацкой свято-Николаевской церкви в Кальмиусе»). Она показана прямоугольной в плане, с ориентацией на NNO. Ее размеры изображены не намного превышающими избу полковника (и значительно меньше, чем у местных шинков ☺). Из текстового описания мы узнаем, что она была *«деревянная в столбах, забрата досками»*. Под «столбами», видимо, имелись в виду деревянные опорные конструкции каркаса, промежутки между которыми были зашиты досками. Церковная территория была ограждена оградой-тынником (из кольев). Это те самые колья-«палы», которые в 1754 году просил у Коша местный полковник Андрей Порохня: *«а в разсуждении вашей велможности, буди можно – и пал для огорожи церкви и паланки»*. По крайней мере в отношении церкви его усилия, похоже, увенчались успехом. Западнее церкви размещалось обширное огражденное подворье, где жили присылавшиеся посменно из Киево-Межигорского монастыря иеромонахи. Здесь было одно основное большое здание и два вспомогательных в углах подворья. Восточнее церковной территории располагалось небольшое помещение «титарня». Это, по всей видимости, была кладовая церковного старосты (титаря). Кроме этого, между «церковной» и «полковничьей» зонами на берегу Кальмиуса стоял еще и небольшой деревянный сарай, неуказанной принадлежности.

Центром южной части поселения, его «сердцем» был базар, представлявший собой просто большую открытую площадку. С востока к нему примыкал ряд из четырех шинков под общей крышей. Это были легкие камышовые «генделыки», работавшие только в летнее время. Тем не менее, они довольно успешно конкурировали по популярности со вторым (и последним из доступных в радиусе 150 верст) общественным заведением паланки – церковью. Поэтому желающих попробовать свои силы в шинкарстве всегда было много, и им приходилось покупать специальные «квитки» (билеты) на право заниматься определенное время этим высоколиквидным бизнесом. С трех сторон (кроме северной) базарную площадь хаотично окружали жилые курени казаков. Запорожцы правильной планировкой своих поселений обычно не утруждались, каждый строился где и как хотел. На плане в этой части поселения показано около десятка куреней. Кроме этого, на этом плане изображены еще три одиночных куреня. Один — в самой северной части паланки, у входа в домашинскую протоку. Второй — напротив него, на противоположном берегу этой протоки. И третий курень – в северном углу полуострова между двумя устьями Кальмиуса (теперь это часть Горострова). Складывается впечатление, что такое расположение должно было как-то контролировать лодочный проезд вверх по реке и по протоке к озеру Домахе. Но так ли это, или есть какая-то другая причина такого их размещения – Бог весть. То есть всего на плане

изображено примерно 13 куреней. Но в текстовом описании сообщается о восьми наземных «рубленных» куренях (видимо, срубной конструкции) и восьми землянках. Так что план не во всех деталях точен.

Также к неточностям плана нужно отнести еще два момента. Так, под буквой «L» обозначена музыкальная школа (*«школа, где обучаются музыке и петь»*). Такой вид школ в XVIII веке был довольно распространен на Гетманщине и Запорожье. В подписи к плану она упоминается в единственном числе (что и понятно для такого небольшого поселения), но на самом плане буквой L обозначены сразу два здания в противоположных концах паланки. Это небольшое здание по соседству с избой полковника и здание побольше среди жилой застройки возле рыночной площади. Также в документе с текстовым описанием упоминаются два погреба, *«в земле выратых»*, а на плане подписан и показан соответствующей буквой только один. По всей видимости, разгадка этих двух проблем взимосвязана. Скорей всего, маленькое здание возле паланки полковника – это не второе учебное заведение, а пропавший второй погреб. Так что мирному послеобеденному сну полковника ничего не мешало. А музшкола, как и положено, располагалась в большом здании у рынка и шинков, где можно было надеяться на сбор добровольных пожертвований за пение (или за его прекращение).

Осталось сказать немногое. В западной части паланки, на берегу озера размещалась кузница. Это говорит о том, что роза ветров с тех пор особо не изменилась (сейчас преобладают северо-восточные ветра). Еще в восточной части паланки сохранились две небольшие рощицы диких яблонь, груш и терновника – одна за церковью, вторая у самого устья реки. Невзирая на жесткую нехватку тогда в наших краях любых материалов для обогрева и приготовления пищи (вплоть до кизяков и тростника), запорожцы эти рощицы смогли сохранить. О похожем несколькими годами позже написал академик Гильденштедт, проезжавший осенью 1773 года по приморской дороге из Таганрога к низовьям Берды. Находясь на ночевке примерно в районе нынешней Сартаны, он так с чужих слов описал устье Кальмиуса: *«Верстах в пятнадцати отсюда на юго-запад он разширяется в три лимана; из коих средний впадает в море. По обоим берегам его устья тянется верст на пять песчанная низменность с песчанными буграми, которые называются здесь Кучугурами; на них, говорят, растут яблони и груши» [11]*. Про какие три лимана он здесь упоминает – понятно из взгляда на план паланки.

Нынешний Горостров сейчас соединялся с левобережным «материком» своей северной частью, но это произошло только в 1930-х годах в результате строительства азовстальской Угольной гавани. А до того — на него можно было проехать посуху только по узкой песчаной пересыпи между морем и глухим концом восточного рукава устья Кальмиуса. Бывало, его размывало, и это гирло реки тоже прорывалось в море, иногда даже становясь основным. Помимо уже упоминавшегося жилого куреня в тогдашнем северном углу Горостров, в его восточной части размещались еще два камышовых сарая.

Еще немного дополнительной информации по ближайшей округе данной паланки можно извлечь из других карт того времени. Так, например, на карте Медера 1767 года в юго-западном углу Горостров показано еще какое-то здание. А на восточном низменном берегу левого, глухого устья Кальмиуса показан и подписан «Граничный курган». Он был насыпан донцами и калмыками донского старшины Степана Ефремова при разграничении границы с запорожцами по Кальмиусу в сентябре 1746 года. На той же карте показаны и точные

места расположения зимовников вверх по Кальмиусу по обоим его берегам, какие-то их сельскохозяйственные угодья (пашни? сенокосы?) и даже ветряная мельница. Это все принадлежало запорожцам. А вот показанная на этой карте в районе нынешнего Конного двора «вновь назначенная главная застава» — это очередная попытка донцов поставить под свой контроль все территории вплоть до Кальмиуса, которые были им определены сенатским указом 1746 года. Ее появление здесь тогда было связано с межевой деятельностью А.И. Медера и вызвало резкое обострение конфликта с запорожцами. Подробнее эта история рассматривается в статье В. Полторака "Запорозьке козацтво в Приазов'ї від 1746 до 1768 року"[8].

Вот, собственно, и все, что можно рассказать о поселении Кальмиусской паланки рубежа 1767 — 1768 годов. Чтобы уже закончить тему с запросом КИД, добавим еще, что полученный из крепости святого Димитрия Ростовского отчет о состоянии дел в барьерных землях Северного Приазовья не очень порадовал петербургских дипломатов. Для их целей — предотвратить (или хотя бы максимально оттянуть) войну с турками — он не очень подходил. Поэтому российские власти пошли простым путем – на всякий случай запретить всё и всем. Благодаря любезной помощи С. Козлова, в документах Азовской губернии удалось найти такое позднейшее упоминание: *«А 768 года марта 17 д. указом государственной Военной коллегии на всех тех барьерных местах, и паче еще наистрожайше войску Донскому, не толко каких промыслов иметь запрещаемо, даже и сенокосов тамо производить им не дозволялось»*[9]. И нет сомнения, что аналогичный указ должно было получить и войско Запорожское.

Но эти запрещающие указы сильно запоздали и ни на что повлиять уже не смогли. В июне того же года гайдамаки совершат нападение на турецкий приграничный городок Балту. Турция будет долго колебаться, но в конечном итоге все-таки использует этот инцидент в качестве «casus belli» и в сентябре 1768 года объявит войну России. А в ноябре 1768 года запорожцы планово эвакуируют все ведомство Кальмиусской паланки в Присамарье. А оставшиеся здания и церковь поселения сами сожгут. И когда летом 1770 (?) года моряки с флотилии Сенявина будут делать промеры глубин в устье Кальмиуса, разросшиеся камыши надежно скроют от них сгоревшие остатки зданий паланки, озеро Домаху и начало протоки в нее. И лишь на Горострове морякам удастся заметить знакомые нам два камышевых сарая в его восточной части и какие-то два бугра и деревца или кусты в его юго-западном углу[10] [РГА ВМФ, ф.1331, оп.4, д.747, л.114об].

Так закончилась история реальной Кальмиусской паланки предвоенного времени. И, насколько можно судить по обработанным автором документам, невзирая на возвращение в эти края запорожцев в 1772 году, вплоть до 1775 года это поселение так и не было восстановлено.

Использованные источники:

1. Аваков П.А. Описание рыболовецких селений и ватаг донских и запорожских казаков в Северном Приазовье 1768 г. / Січеславський альманах, №7, 2014 г., с.108-116.

2. АВПРИ (Москва), ф.2 (ВКД), оп.6, год 1762-70, д.4536, л.121

3. АВПРИ (Москва), ф.2 (ВКД), оп.6, год 1762-70, д.4536, л.123

4. НБУВ (Киев), Институт рукописей, Ф.1, ед.хр.292.

5. РГВИА, ф.418, оп.1, д.711.
6. РГВИА, ф.416, оп.1, д.283.
7. РГВИА, ф.846 (ВУА), оп.16 (т.III), д.№22885
8. Полторак В. Запорозьке козацтво в Приазов'ї від 1746 до 1768 року // Козацька спадщина. — 2008. — Вип. 4. — С. 79-91 https://shron1.chtyvo.org.ua/Poltorak_Volodymyr/Zaporozke_kozatstvo_v_Pryazovi_vid_1746_do_1768_roku.pdf
9. РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.10, л. 476об.
10. РГА ВМФ, ф.1331, оп.4, д.747, л.114об.
11. Записки императорского одесскаго общества истории и древностей (ЗООИД). Т.11, Одесса, 1879, , с.220-221.

LV. Вернемся к нашим паланкам (2025)

В ходе работы с документами по процессу возникновения запорожской Кальмиусской паланки, автор сделал для себя некоторые наблюдения и выводы по проблематике возникновения и функционирования южных степных паланок в целом и Еланчицко-Кальмиусской в частности. И в данной (необязательной) статье мы попробуем их изложить для тех, кому эта тема может быть интересна. Естественно, ни в коей мере не претендуя на истину в последней инстанции. Это просто личное субъективное мнение автора. Кому эти нюансы не интересны – эту статью можно смело пропускать.

Первый момент, который хотелось бы здесь обсудить, касается времени закрепления слова «паланка» у низовых запорожцев в качестве названия локальных центров власти в их Вольностях. Ведь и у литовцев с поляками, и у малороссийского казачества такие центры назывались совсем иначе.

Слово «паланка» является дальним потомком древнегреческого слово «фаланкс/фаланг», что изначально обозначало «бревно, кол, палка». Затем у тех же греков оно обзавелось и другими смыслами (типа фаланги пальца или фаланги гоплитов с деревянными пиками). Успело оно потоптаться и в латыни (проникнув оттуда в некоторые другие европейские языки). Но в интересующем нас смысле наиболее продуктивным оно стало в Оттоманской Порте, поглотившей земли бывшей Византийской империи. В европейской части турецких владений слово «паланка» стало обычным наименованием небольших и слабых крепостей (фортов) с деревянными укреплениями типа частокола (реже – в виде двойного частокола с засыпкой промежутка между ними землей). В Сербии, Венгрии и Молдавии, некогда бывших под турецкой властью, до сих пор есть населенные пункты с такими названиями. Русские люди для обозначения такого типа турецких укреплений иногда использовали более привычное для них слово «острог»[1].

В XVI – XVII веках литовцы, поляки и украинское казачество часто воевали с Османской империей (в том числе и на ее территории), поэтому слово «паланка» было им несомненно хорошо известно. Но вот документальных свидетельств использования ими тогда такого слова применительно к собственным укреплениям, насколько известно автору, до сих пор

[1] По информации П.А. Авакова, русский дипломат П.П. Шафиров так писал о турках в 1714 г.: "городы или поланки (которым именем у них называются остроги)". Так, например, такой «паланкой» тогда был турецкий городок Ачуев при Азовском море, ограда которого представляла собой бревенчатый частокол на земляном валу.

А вот несколько более поздний пример употребления слова «паланка» русскими дипломатами в Стамбуле уже к собственно российским укреплениям. Так, в одной из секретных реляций от 6 сентября 1734 года от И.И. Неплюева и А.А. Вешнякова в Коллегию иностранных дел (по поводу незаконности пребывания на территории Османской империи вернувшихся под российскую власть запорожцев): *« <…> первое, что тоя земли, где они ныне живут, по вечно мирному трактату с Портою постановленному, ни как в сторону вашего имп. в-ва присвоить невозможно, следственно оных без розрыву мира защищать, понеже ясно гласит, что за Днепром во владении вашего имп. в-ва, кроме Киева с поланками, быть не имеет»* [1, с. 1183]. Здесь под «паланками» они имели в виду укрепления небольших городков Василькова, Белгорода и Триполя на правобережье Днепра в округе Киева, остававшихся по Андрусовскому перемирию 1667 г. и по более поздним договорам под русской властью.

так и не обнаружено. Иногда для подтверждения такой версии используют фрагмент из «Описания Черного моря и Татарии» итальянца Э.Д. Д`асколи (1634 год), рассказывающий о событиях первой трети XVII века: *«То защищаясь от татар, то попадаясь к ним в плен, то давая свободу мщению казаков, но наконец поляки построили по всей татарской границе крепостцы, называемые паланками (palanche)»*. Но Д`асколи, бывший с 1624 по 1634 г. главой доминиканской миссии в крымской Кафе, в данном месте скорей всего записал слова своих турецких или татарских информаторов. Еще часто называл «паланками» небольшие польские и украинские укрепления в своих трудах турецкий путешественник середины XVII века Эвлия Челеби. Но он, как природный турок, точно так же называл почти все небольшие крепости с земляным валом и частоколом (четко отличая их от каменных крепостей) и во многих других посещенных им странах. Сами же поляки, насколько известно автору, свои пограничные укрепления (как каменные, так и деревянные) продолжали называть просто «замками» (zamek). Казаки же обычно пользовались словом «городок».

Как видно из документов, к 1740-м годам слово «паланка» в языке запорожцев уже было устоявшимся и понятным, не требующим расшифровки. То есть оно точно имело какую-то предшествующую историю своего внедрения в их быт. На непросвещенный взгляд автора, наиболее вероятным представляется мнение, что низовые запорожцы окончательно усвоили для себя это слово только в свой «крымский» период (1709 – 1734 гг.), под влиянием своих турецких и татарских покровителей. Но сразу отметим, что в XVII веке были и другие случаи длительного сотрудничества различных групп украинского и донского казачества с турками и татарами, поэтому здесь утверждать что-то сложно, нужен поиск дополнительных документальных свидетельств.

Второй момент. Невзирая на то, что изначально слово «паланка» означало небольшую крепость, мнение о том, что в Запорожских Вольностях все паланковые центры также имели вокруг себя собственные укрепления – чрезмерно оптимистично. Некоторые – имели, но далеко не все.

Так центр ведомства Кодацкой паланки – Новый Кодак – представлял собой довольно крупный и зажиточный населенный пункт, с достаточно серьезными укреплениями вокруг него. Это хорошо видно из содержания «походных журналов», посвященных инспекционным поездкам сечевой верхушки в 1772 и 1774 годах в Кодацкую паланку [2, с.191, 193-194]. Так, в «походном журнале» от февраля 1772 года сообщается, что почетные гости еще на подъезде были встречены «*козаками Ново-Кодацкими, в достаточном количестве, хорошо одетыми, с прапорцем. А как стали подуспевать и к Кодацкому городу, тогда во первых два из пушек сигнала дано, а потом раз по раз, из всех имеющихся около городу раскотов[2] стрельбу пушечную произведено»*. Так же здесь в городе упоминается Войсковой Дворец и не менее двух проездных крепостных башен. А во втором журнале, среди прочего, сообщается, что при отбытии высоких гостей было *«стреляно из батарейных пушек»* [2, с.191, 193-194]. Дополняет эти сведения и описание укреплений Нового Кодака в

[2] В более ранние времена «раскатами» на Руси называли площадки или башни, специально предназначенные для установки пушек. В XVIII веке так стали часто называть и крепостные бастионы.

воспоминаниях бывшего запорожца Н. Коржа (причем он сам был отсюда родом): *«В нем построена была и крепость удивительною и чудною архитектурою Запорожскою, и именно: весь город обведен был обычною глубокою канавою и острыми рогатками[3], в две лавы, на сажень от канавы. В сем городе было три башни деревянные, чрезвычайно искусно сделанныя: 1-я вниз по Днепру, 2-я вгору Днепра, а 3-я на полдень; над канавою вокруг города устроен был земляный вал, хотя и обыкновенной величины и высоты, но с четырьмя раскатами по углам города, в коих были утверждены пушки <…>» [3, с.87-88]*. К сожалению, ни даты, ни обстоятельств возведения этих общегородских укреплений автору найти не удалось. Но известно, что в 1709 году, после измены Мазепы, Новый Кодак был разрушен карательной экспедицией полковника П.И. Яковлева и в последующий «крымский период» в качестве значительного населенного пункта в источниках не упоминается (хотя какое-то население в нем сохранялось и тогда). Поэтому упомянутые выше общегородские укрепления явно были возведены именно в период Новой Сечи. Привлекались ли к процесу их создания имперские ресурсы или хотя бы военные инженеры – неизвестно, возможно и нет. Скорей всего это было сделано силами и ресурсами самих запорожцев. Такие не слишком сильные земляные укрепления с деревянными башнями и двумя рядами «рогаток» было вполне по силам построить и самим жителям этого богатого местечка для защиты собственных жизней и имущества. Также Корж описывает, как при одном из его посещений Нового Кодака горожане производили «апгрейд» существующих укреплений, устанавливая над валами ряд больших плетенных корзин, заполняемых землей. Они должны были повысить безопасность обороняющихся от пулевого огня, а промежутки между корзинами служили амбразурами. Причем Корж описывает такое применение корзин с большим удивлением, то есть для него это было новинкой, до того он такое не видел (хотя сам был уроженцем этого города и периодически сюда приезжал). Как он сообщает по этому поводу: *«Сия хитрая диковинка, хитрыми Запорожскими козаками выдуманная[4], была почти первая тогда, между всеми, как нашими, так и неприятельскими крепостями самым искуснейшим образом состроенная»*. Корж тогда, из любопытства и *«для памяти»* и сам лично сплел и установил на вал две такие корзины. К сожалению, он не сообщает, когда именно был произведен этот «апгрейд». Но, с учетом очень небольшой долговечности лозы, из которой плелись эти корзины, и довольно значительных трудозатрат на их изготовление, установку и засыпку землей, скорей всего это было инициировано страхами населения этого городка в начале русско-турецкой войны 1768 — 1774 годов. Иначе такой трудовой энтузиазм объяснить сложновато…

Несколько иная ситуация по Барвенковой Стенке, где запорожский полковник Гараджа основал свою паланку в первой половине 1771 года. А с 1772 года он же начал заселять здесь многолюдную, на несколько сот человек, слободу (на тот момент у запорожцев уже были такие возможности) [1, с.1934, 1935, 1944, 1946, 1948, 1950, 1973, 1979]. Упоминание укреплений в этой паланке в документах того времени автору статьи не известны, но, теоретически, они (хотя бы вокруг ее ядра) изначально вполне могли быть. Дело в том, что в этом районе слободские казаки с середины XVIII века *«для прикрытия от неприятеля и от часто бывших из запорожцов разбойников»* имели свой форпост, куда ежегодно на теплый сезон посылались караульные команды [4, с. 58, 95–98, 149, 152, 153, 196–202, 205,

[3] Рогатки – деревянные конструкции из заостренных кольев, переносные или вкопанные в землю. Применялись для затруднения быстрого подхода врага (особенно конницы) к обороняемым позициям.

[4] В фортификаицонном деле такие корзины с утрамбованной землей назывались туры или габионы. В Европе широко использовались как минимум с XVI века.

207, 210, 219, 221, 223, 224, 226, 231, 232, 234, 235, 238, 239, 246, 258, 272, 273, 347, 348, 350, 351, 356, 358, 361, 371, 374, 376, 383, 388, 389, 392–395, 397, 398, 404, 405, 409]. А летом 1770 года (во время войны с турками) российская военная команда под начальством М.Л. Нечаева соорудила (без согласования с Кошем) вдоль Самары и Сухого Торца шесть земляных редутов, один из которых и располагался в Барвенковой Стенке. В нем на тот момент был размещен гарнизон из 220 изюмских и 260 донских казаков. Сохранился отчет в Кош по результатам осмотра запорожским старшиной этого укрепления и его общения с руководством гарнизона [5, с. 23-24]. По всей видимости, осенью 1770 года после начала строительства Днепровской укрепленной линии по Конке и Днепре, укрепление в Барвенковой Стенке было оставлено и заброшено. Но его кратковременное существование послужило катализатором для основания здесь через непродолжительное время запорожцами своей новой паланки. Как писали чуть позже изюмские слобожане в одной из своих жалоб: *«<…> теж запорожцы, начав перво з 771 года, полковник Гаража с писарем Роменским завлаживать (?) землю и селить по Сухом Торце, **на самом том месте**, где прежде бывшаго козачьего полку[5] **имелась земляная крепостца**, в коей содержал к предосторожности от неприятеля и разбойничьих набегов кардон <…>»* [1, с.1979]. Вероятно, сооруженный Нечаевым редут мог быть использован Гараджой при первоначальном выборе места для размещения паланки. Но немного позже, в декабре 1772 года, Кош приказал перенести оттуда центр паланки в появившуюся неподалеку слободу. А ее оставляемые строения – передать полковому старшине Степану Роменскому [32, с.198].

А вот, скажем, в свежесозданной Протовчанской паланке укрепления были тоже сделаны, но самые примитивные и слабые. В конце 1764 – начале 1765 года запорожцы, возглавляемые войсковым старшиной Андреем Ивановичем Порохней[6], захватили хутор Павла Семенова на реке Протовче и *«огородили тыномъ, и сверхъ того и хворостомъ, а в средине поставили казацкіе курени и канюшни и запорожскою паланкою назвали»*[7]. На гордое звание «крепость» это точно никак не тянуло…

А в некоторых южных степных паланках запорожцы времен Новой Сечи, похоже, и вовсе не желали напрягаться и в мирное время фортификационными работами пренебрегали.

Это можно, например, сказать о Бугогардовой паланке. Известен «План запорожскому Гарду на р. Буге, инженер-подполковника де Боскета». Его печатную копию опубликовал в ЗООИД в 1858 году А. Шмит [6, с.467-469, табл.XI]. В его статье дата этого плана не приводилась, но Д.И. Эварницкий (Яворницкий) позже датировал его 1742 годом [7]. Обоснованность этой даты у Яворницкого несколько сомнительна (возможно, он просто «привязал» ее от другого плана – Запорожской Сечи – в той же статье Шмита). Но, в целом, она вполне возможна и укладывается в период работы де Боскета на Украине. Правда, звание инженер-подполковника он вроде бы получил только в 1743 году. В общем, точная датировка этого документа еще нуждается в уточнении… Как бы то ни было, на этом плане, помимо собственно рыболовных *«гардов или заколов рыбных»*, показано также небольшое поселение на острове посреди реки: *«Остров, на котором Запорожские казаки жительство имеют, и при том Церковь»*. И еще две заселенных местности на левобережье реки – напротив острова и напротив нижних гардов: *«место, на котором осенью жительство*

[5] Речь здесь идет об Изюмском слободском казачем полку. В 1765 году он был реорганизован в гусарский.
[6] В первой половине 1754 года А.И. Порохня исполнял должность кальмиусского полковника.
[7] Эта информация была любезно предоставлена украинской исследовательницей Т.Л. Кузик, со ссылкой на 8-й том «Архива Коша Новой Запорожской Сечи…», комментарий №190а.

оные казаки имеют». И, судя по этому плану, на тот момент и расположенная на острове посреди Буга паланка с церквью при ней, и сезонные лагеря рыболовов на берегу реки — не имели никаких укреплений (см. рис.1).

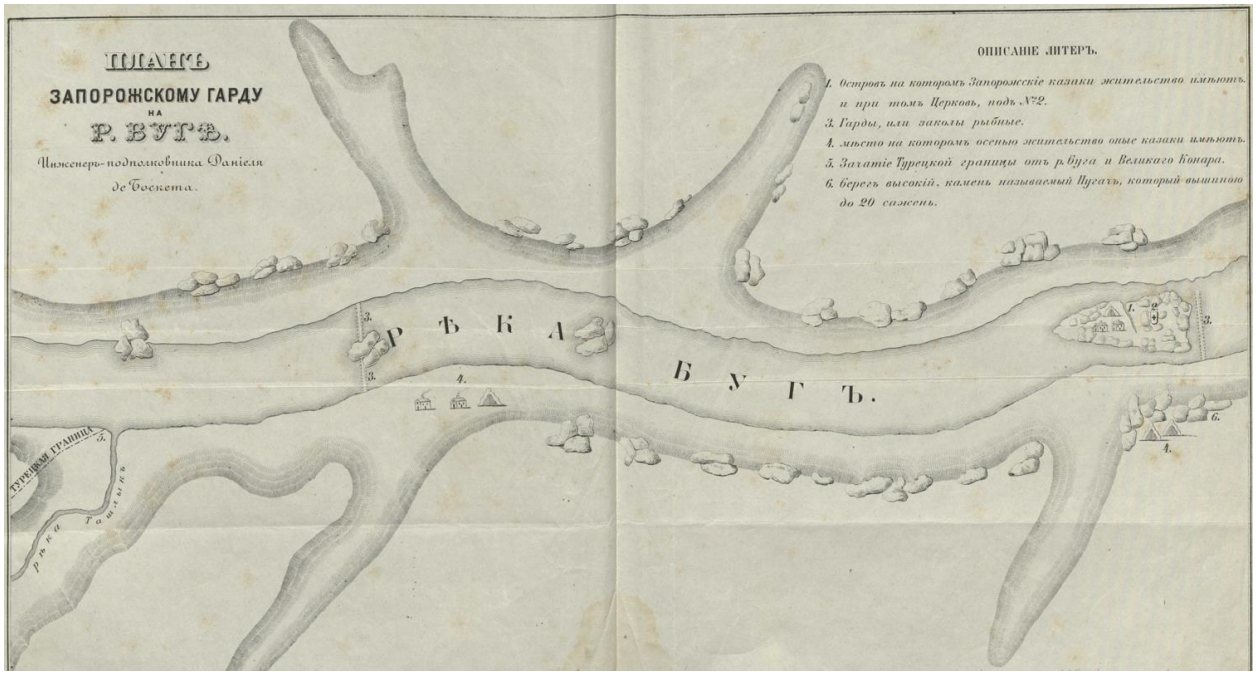


Рис.1. План Запорожскому Гарду на р. Буг инженер-подполковника Д. де Боскета, печатная копия XIX века [СПб ИИ РАН, ф.200 (А.А. Скальковского), оп.3, д.384]

Попутно приведем фрагменты пары документов о сезонном характере функционирования Бугогардовой паланки.

В донесении кошевого атамана Алексея Белицкого (4 августа 1760 года), в ответ на запрос министерства (Коллегии иностранных дел?), что такое «Бугогардовская» паланка?», сообщается: *«В урочище Гард Запорожские Козаки прежде сего и ныне ежегодно в летнее время, для ловли рыбы, отправляются з Сечи и из зимовников, н тамо чрез все лето даже до самой осени находятся. А как это уже самое граничное место, то для охранения онаго и поимки воров, також для порядочности между рыболовами и козакамн, от Коша полковник с особенною пристойною командою Козаков Запорожских туды отправляются. На зимнее же время в ближния* к Сечи места, а именно: в Великий и Малый Ингул приходят».

И отрывок из инструкции (вероятно, 1758 года), данной кошевым атаманом Григорием Федоровичем Сычем Бугогардовской паланочной старшине, т.е. полковнику Дмитрию Стягайле, писарю Якову Дону и есаулу Харьку Ведерке: *«§2. Прибывши в Гард и расположившись на тех местах, где и прежде до сего бывшие полковники стояли лагерями, сделать всей команде перепись и назначив от всякаго куреня атаманов, списки в Кош прислать. <…> §4. Зимовники в Ингульце и Великом Ингуле и обитающих списать и накрепко смотреть, чтобы в каждом зимовнике на число людей: господарей и молодиков, пашпорты з Коша за войсковою печатью взимаемы были. <…> §10. Походной церкви Божией всегда с священником тамо быть, где лагери ваши стоять будут, а не на острове, а вам со всею командою, священника, дьячка и пономаря ничем не обижать, а за ктитора з хозяев себе обрать. §11. Быть вам там в Гарду чрез все*

лето до осени, а на зиму со всею вашею командою и походною Божиею церковию, сойти в Великий Ингул» [2, с.64-65].

Что же касается до нашей Кальмиусской паланки, то из обнаруженных документов по ней (текстовое описание и план от начала 1768 года, публикуется отдельной статьей) видно, что она тоже не имела укреплений. Это маленькое поселение находилось на небольшом полуострове в низине между Азовским морем, западным устьем Кальмиуса и озером Адамаха, соединенным с рекой прорытой запорожцами протокой. Въезд посуху в это поселение было возможен только с его юго-западной стороны, по неширокой естественной пересыпи между морем и южной частью озера. Никакие искуственные укрепления ни на этой пересыпи, ни по периметру поселения не показаны. Ранее, в 1754 году тогдашний кальмиусский полковник А.И. Порохня пытался вытребовать у Коша присылки с Самары *«палов»* (кольев) для ограды церкви и паланки (полковничьей избы? поселения в целом?). Но, судя по всему, его просьбу Кош тогда большей частью проигнорировал. На плане паланки 1768 года *«ограда тынником»* показана только вокруг церковной территории.

Как мы знаем по другим источникам, примерно в 300 метрах северо-западнее Кальмиусской паланки, на материковом холме тогда находились остатки какого-то древнего укрепления (уже на 1702 год лежавшего в руинах и неизвестного по названию). Это тот самый объект, который в документах Азовской губернии второй половины 1770-х – 1780 годов будет часто упоминаться как «древний город Домаха». К запорожцам это городище прямого отношения не имело. И пока нет никаких свидетельств того, что запорожцы его как-то пытались использовать в качестве оборонительного объекта. Хотя, судя по данным археологии (раскопки 2010 – 2015 годов), кто-то из запорожцев там, наверху, жил. Тем не менее полковничья изба (собственно «паланка» в узком смысле) располагалась не внутри остатков древнего укрепления, а в низине у реки. Правда, находилось она не в произвольном месте паланки, а в самом дальнем (от въезда на территорию этого поселения) углу полуострова. Видимо, в тех условиях это место считалось наиболее безопасным в случае неожиданного вражеского набега. Вероятно, предполагалось, что пока налетевшие татары будут рубиться с казаками в южной части поселения и грабить церковь, полковник из своего «угла» сможет попытаться организовать эффективную оборону паланки. Или хотя бы успеет эвакуировать на лодке собственную драгоценную тушку за речку…

И еще один довод в пользу отсутствия укрепления у запорожцев в устье Кальмиуса. Дело в том, что этот район входил в барьерные земли, которые по условиям мирных договоров с Турцией считались нейтральными, не принадлежащими ни одной из империй. И по тем же договорам обеим сторона здесь запрещалось строить какие-либо укрепления и постоянное жилье. Как известно, в этот период крымские татары (в основном – ногайские пастухи) продолжали периодически появляться в наших краях, поэтому утаить здесь от них что-либо запорожцам было бы трудно. И если на существование в устье Кальмиуса (в нарушение условий мирных трактатов) небольшого запорожского поселения руководство Крымского ханства смотрело сквозь пальцы, то вот устройство казаками здесь для себя укрепления вызвало бы быстрые и решительные дипломатические протесты со стороны Оттоманской Порты. Но до осени 1767 года такого не наблюдалось. И только тогда, когда международная обстановка уже начала накаляться и склоняться к началу новой войны, турецкие дипломаты сделали официальный запрос русскому двору о нарушениях условий

мирных договоров в барьерных землях Приазовья. Почему коллегия иностранных дел и направила свои вопросы генерал-майору И.А. Потапову, коменданту ближайшей к этому району русской крепости святого Димитрия Ростововского. Благодаря ответу которого мы и получили большой массив уникальной информации о нашей запорожской паланке. В нем довольно подробно перечисляются селения (одно), зимовники и рыбные ватаги казаков в барьерных землях и рядом с ними. Но вот о каких-либо укреплениях там не говорится ничего. Хотя утаивать такую информацию во внутренней переписке с КИД и военным ведомством Потапову никакого резона не было. Какую информацию туркам предоставлять, а какую умолчать – наши дипломаты сами бы разобрались. А вот если бы в его докладной вскрылись фальсификации и недомолвки – то Потапов получил бы себе очень крупные неприятности. И зачем бы ему это было надо? Запорожцы ему организационно не подчинялись, и за их проделки он не отвечал. Поэтому он был прямо заинтересован представить наверх наиболее подробную и объективную картину.

По остальным запорожским паланкам времен Новой Сечи, насколько известно автору, их описания или упоминания укреплений вокруг них в научный оборот еще не введены. То есть, подводя итог данному пункту, скажем, с каждой паланкой нужно разбираться отдельно – имела ли она укрепления или нет. Но автоматически подменять в работах о периоде Новой Сечи слово «паланка» синонимами типа «укрепление» или даже «крепость», как это часто делают некоторые историки и краеведы – это не оправданно и часто приводит к ложным выводам.

В ту же тему. Историки и романисты любят описывать, как низовые запорожцы устраивали *«радуты»* и *«фигуры»* для защиты своих территорий от татар. И, действительно, это, вроде как следует из воспоминаний бывшего запорожца Коржа, где тот рассказывает об устройстве таких сооружений на левобережье Днепра от устья Орели до устья Конки, причем тот прямо упоминает в связи с этим *«Гетманских и Запорожских козаков»*. Но, похоже, в этом вопросе память несколько подвела почтенного старца. Еще А.А. Скальковский, цитировавший в своей работе соответствующий большой фрагмент из воспоминаний, несколько раз справедливо поправлял его рассказ в своих примечаниях. В том плане, что эти сооружения, хоть и размещались на Запорожской земле, *«но содержались не от войска [Запорожского — LV], а регулярными или Малороссийскими полками»*. И что о снятии этих укреплений со своей территории *«Кош усердно хлопотал в 1765 – 1767 годах»*. Или вот *«Это явная ошибка: по радутам Запорожцев не было, а командирами были Малороссийский сотники или асаулы от Полтавскаго или Мириородскаго полков»*. Но, тем не менее, тот же Скальковский в примечаниях уже на следующей странице с некоторым удивлением отмечал: *«<…> Удивительно, что мы не нашли в Запорожском архиве никакого упоминания ни о фигурах, ни о содержании козаками редутов. Упоминаются только «чаты», которыя можно назвать пикетами»*. Скальковский объяснял это тем, что ему досталась только часть Сечевого архива. Но, похоже, ответ несколько проще… [2, с.145-148].

Третий момент. Об употреблении слова «паланка» у запорожцев времен Новой Сечи, и о том, какое значение вкладывали они в него. В современных работах по истории это слово расшифровывается (с небольшими вариациями) примерно так: *«Паланка в буквальному перекладі з турецької мови означає невелику фортецю; у переносному розумінні слова у запорожців ним позначалося центральне управління певної частини території, саме управління, а найчастіше керівництво, або, кажучи нашою мовою,* ***повіт запорозьких вольностей****»* (здесь и далее – выделение автора статьи). То, что запорожские паланки на тот момент уже не получается отождествлять с «крепостями» — мы обсудили в предыдущем пункте. А вот о проблеме соотнесения паланок с территориями-уездами — хотелось бы поговорить несколько подробнее.

Пожалуй, первым в отечественную историографию такую расшифровку этого термина ввел первооткрыватель остатков архива Запорожского Коша А.А. Скальковский в 1840-х годах. В своей замечательной книге «История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского» он писал: *«Паланка по Турецки, как говорит Menninsky, T. I, стр. 88, значит небольшое укрепление: «mechant chateau entoure des palissades»*[8]*; и теперь еще в Турции есть укрепленные места, называемые паланками. У Запорожцев паланка значила* ***и округ*** *и местопребывание полковника с своею старшиною и в переносном смысле управление полковое. В Задунайской Сечи, укрепленное место или замок, где была церковь и жилище Кошевого, называлось тоже «паланкою».* (Скальк., 1846, примеч. на с.53).

Чуть позже, в 1852 году, такое определение было подтверждено публикацией небольшого сочинения 1766 года, авторство которого приписывают то Василию Чернявскому, то Ивану Афанасьевичу Чугуевцу[9]. Вот что писал его автор: *«****Весь Кош разделен на пять полковничьих Паланок****, о которых в своем месте пространнее упомянуто будетъ. <…> 4)* ***Вышепоказанная по обеим сторонам реки Днепра земля****, которая большею частию состоит из пустой и дикой степи, и которая в окружность простирается около тысячи семи сот верст,* ***разделена на пять, так названных Паланок****, которая состоит из одного, палисадником огражденнаго, двора*[10]*. В сии Паланки от Коша определяется из заслуженных Казаков по одному полковнику, а при каждом по одному писарю и ясаулу, которые по всягодно сменяются. Первая Паланка на Ингульце, вторая у реки Буга, где Гард, третья в Кадаках, четвертая на левой стороне Днепра при Самаре, а пятая у Калмиуса. Определяемые в оныя полковники* ***имеют команду каждый в своей дистанции*** *над Казаками, живущими по зимовникам и слободам; посылают разъезды по границе и для разведывания о Татарских обращениях и рапортуют о всем происходящем в Запорожский Кош»* [1, с.1852-1872]. Если автор этого текста действительно И.А. Чугуевец, то до того, на переломе 1750-х и 1760-х годов, он был войсковым писарем в Запорожском войске. А на момент написания этих заметок он уже оставил войско и стал коллежским асессором на службе у киевского губернатора. Поэтому Чугуевец писал о хорошо знакомых ему вещах.

---

[8] «Плохой (слабый?) замок, окруженный частоколом» (машинный перевод автора статьи).

[9] Это сочинение первоначально было опубликовано с указанием авторства секретаря Коллегии иностранных дел Василия Чернявского (вероятно, просто сделавшего с нее копию). Но затем Яворницкий, тоже в архивах КИД, нашел переписку киевского губернатора Воейкова с коллегией иностранных дел, где автором данной записки прямо называется колежский асессор Чугуевец, причем он указывается бывшим запорожцем: *«а не такое, как ассесором Чугуевцом, по началу его от Запорожской Сечи происхождения и, следовательно, по натуралному к его землякам усердию»* [1, с.1867, примеч.1]. Иван Афанасьевич Чугуевец до того был войсковым писарем в войске Запорожском Низовом в конце 1750-х – начале 1760-х годов [2, с.84].

[10] Здесь говорится об ограде не всего поселения-паланки, а именно двора вокруг избы полковника. Но, судя по плану Кальмиусской паланки 1768 года, той тоже могло не быть.

Другой вопрос – насколько удачно и четко он смог сформулировать свой текст в данном месте?

На рубеже XIX – XX веков еще один авторитетный историк Д.И. Эварницкий (Яворницкий) давал такое определение: *«Паланка» в буквальном смысле слова с турецкого на русский значит небольшая крепость; в переносном смысле слова этим означалось у запорожцев центральное управление известной части территории, самое управление, а* ***<u>чаще ведомство или, говоря нашим языком, уезд запорожских вольностей</u>****; центром всякой паланки был двор, с разными постройками, огражденный кругом палисадником»* [8, с.160]. Здесь Яворницкий тоже подтверждает соответствие между словом «паланка» и территориальным понятием «уезд». Но, обратим внимание уважаемого Читателя, что рядом с «уездом» появилось еще одно слово — «ведомство». И это же слово Яворницкий использовал при подписании запорожских территорий, приписанных к отдельным паланкам, на своей карте-реконструкции Запорожских Вольностей (по состоянию примерно на середину 1760-х годов, см. рис.2): *«Ведомство Буго-Гардовой паланки»*, *«Ведомс. Калмиуской паланки»*, *«Ведомс. Самарской паланки»* и т.д. Правда, на этой же карте он почему-то предпочел не показать часть русско-турецкой границы между Висунью и Днепром и неоправданно продлил намного южнее пограничной реки Каменки ведомство Ингульской паланки, но это уже вне нашей темы.

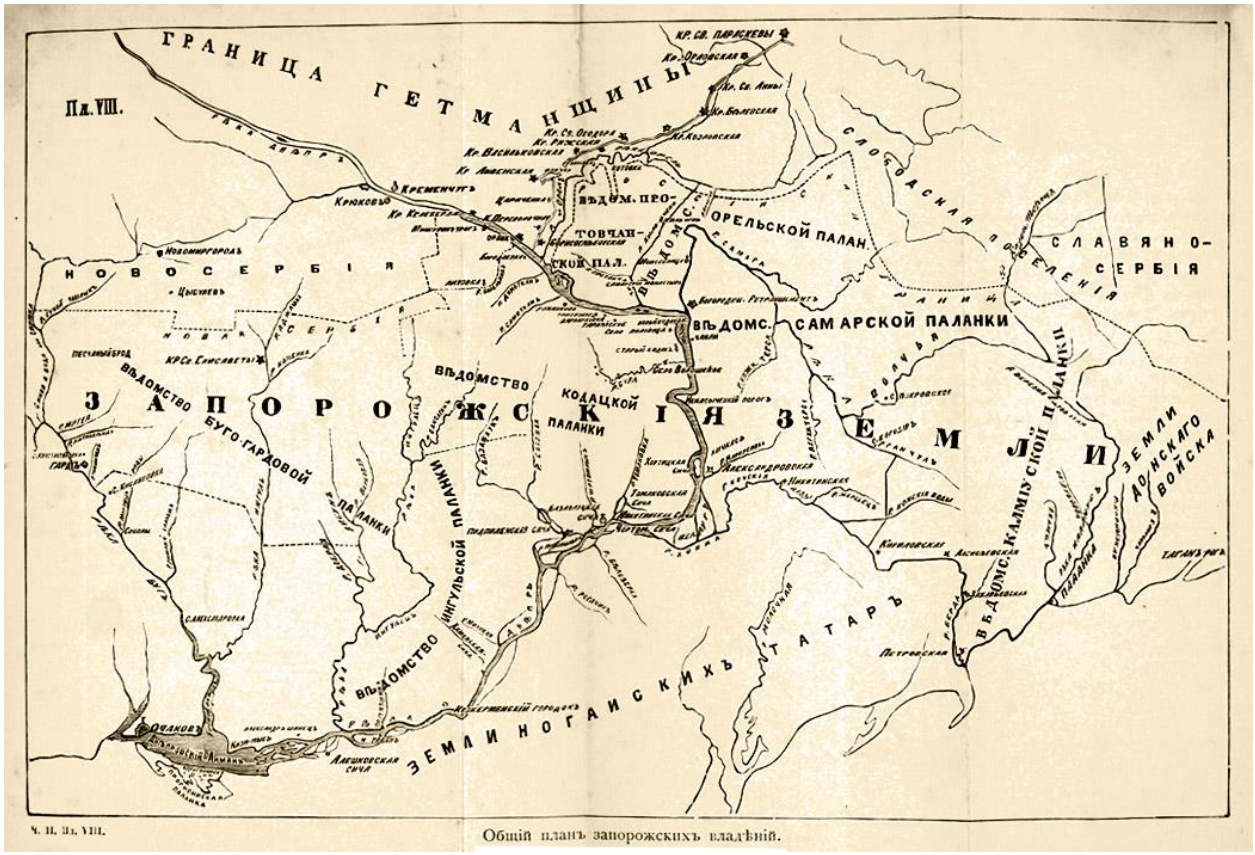


Рис.2. Общий план запорожских владений по реконструкции Д.И. Яворницкого.

К чему мы это все рассказываем? Дело в том, что автор статьи (и, если честно, не он один) придерживается не очень популярной версии, что у запорожцев времен Новой Сечи данное слово изначально имело все-таки более узкое значение. Во всех, встречавшихся автору внутренних запорожских документах, где можно было четко понять контекст, слово «паланка» употребляется только в его «локальных» значениях – как изба-«штаб» местного полковника или как поселение-«райцентр» вокруг него. А вот если нужно было обозначить

подчиненную ей территорию, пространство – то всегда рядом со словом «паланка» (или вместо него) мы встречаем дополнительный определитель (относящийся не столько к географии, сколько к фактору подчиненности). Обычно это было слово *«ведомство»*, реже – *«регимент»*, *«дистанция»*, *«дачи»* и т.д. Приведем несколько примеров. *«По жалобе козака и жителя* ***ведомства*** *Протовчанской паланки с. Байбаковки Якова Глухого <…>»* [2, с.197]. Или, как у того же Ивана Чугуевца: *«имеют команду каждый в своей дистанции»*. Или приказ Коша кальмиусскому полковнику Сидору Чалому от 11 сентября 1768 года: *«<…> вам сржайше предлагаем, собравши козаков двесте ч[е]л[ове]к, стат[ь] в Каратише и оттол от Берд по границе до места, по согласию г[о]сп[о]д[и]на воискового старшини Порохне (под коего и ордером имеете находитис) назначенного, и* ***по всем вашем ведомству*** *безпереривной роз[ъ]езд имет[ь]. И если мог бы хто з бунтов* ***в ваше ведомство*** *убегнут… <…> Между чем* ***в своей дистанции*** *и в роз[ъ]ездах будучи, имет[ь] крепкую и недремателную предосторожност, з денними и ночними отводними караулами»* [9, с.203-204]. Или приказ от Калнышевского, направленный им из походного Коша на Тилигуле, войсковому судье в Сечь: *«Брюховецкаго козака, вора Зиму, понеже он, Зима, заслужил смертной казни, велеть по общему приговору, обвесить [повесить – Скальк.] в Протовчанском* ***ведомстве*** *над Орелью, где он шалости делал»* [2, с.88].

А вот фрагменты из внешних для Запорожья источников того времени. Запись о паланках в письме генерал-майора А.А. Прозоровского к президенту Военной коллегии графу Чернышеву от 24 июня 1770 года: *«24-е. Не удовольствуясь же тем отнятием сел и деревень и обнадежив себя, что им была в том удача вдруг против городов Бахмута, Тора и Изюма и близ самой старой линии и против полков пикинерных Донецкого и Елисаветградского и гусарского Молдавского в виду тех селений* ***поделали полковые избы, называемые ими, Запорожцами, поланками****»* [10, с.354]. Или фрагмент текстового описания из пакета документов, отправленных из крепости святого Димитрия Ростовского в январе 1768 года в ответ на запрос коллегии иноземных дел: *«При устье реки Калмиуса ведомства того же войска Запорожскаго* ***поселение, называемое полковая поланка****»* [11, с.112]. А сам план нашей паланки, приложенный к данному сообщению называется: *«План* ***Калмиуской паланки или селению****, состоящему в бариерной земле, ведомства войска Запорожскаго <…>»*. На данном плане литерой «В» показана конкретная изба, подписанная в текстовой расшифровке так: **«Поланка, в которой жителство имеет полковник»** [АВПРИ (Москва), ф.2 (ВКД), оп.6, год 1762-70, д.4536, л.121, 123]. То есть в этой избе-паланке местный полковник и жил, и держал свой «штаб».

Или вот фрагмент записи 1830-х годов воспоминаний бывшего запорожца Н.Л. Коржа (видимо, о временах кошевого П. Калнышевского) церковными деятелями Гавриилом (Розановым) и Иаковом (Вечерковым): *«<…> во всех Запорожских пределах,* ***по знатным селениям и местам*** *устроены были* ***Паланки – род уездов или земских судов****, в коих поставлялись по выбору три члена и назывались Судьями или панами: 1-й Полковник, 2-й Есаул, 3-й Писарь, к ним в помощь определены были от Сечи три Пидпанка из козаков, и все оные члены по трех-летнем выборе переменялись, и поставлялись на местах их другие и таким образом заведен был порядок по всем Паланкам»* [12, с.12-13]. То есть, для Коржа паланка – это орган запорожской власти, расположенный в каком-то поселении или даже на незаселенном месте. И слово «уезд» по смыслу у него здесь употреблено явно в смысле «уездное правление», а не в значении «территория». В этом же значении он его употребляет и при описании тяжбы поссорившихся казаков [12, с.14-19]. В некоторых других местах этого издания употребление слова «паланка» может несколько отличаться по смыслу. Как и в более позднем варианте воспоминаний о Корже авторства А.П. Стороженко

[13]. Но нужно помнить, что в обоих случаях все-таки приводятся литературно обработанные варианты его рассказов. Поэтому насколько точно и удачно они передают слова самого Коржа – вопрос довольно скользкий.

Поэтому, если автор прав, то для запорожцев середины XVIII века обычные в современных работах по истории фразы типа «Кальмиусская паланка простиралась от Азовского моря до реки Волчьих Вод» звучали бы так же странно и забавно, как для нас выражение «Мадрид раскинулся от Гибралтара до Бискайского залива». Но добавление в них всего одного дополнительного слова сразу возвращает этим фразам осмысленность: «**Ведомство** Кальмиусской паланки простиралось от Азовского моря до реки Волчьих Вод» и «**Владения** Мадрида раскинулись от Гибралтара до Бискайского залива». Не правда ли, так лучше?

А почему Иван Чугуевец написал о паланках так, как написал? Имел ли он в виду именно то, что написал, или просто не совсем удачно сформулировал свою мысль – Бог весть, уже не переспросишь. Но автор вполне допускает мысль, что такие многосложные конструкции с «ведомством» были не очень удобны в живой речи. И что к 1760-м годам язык запорожцев начал их упрощать, в том числе и за счет увеличения количества значений слова «паланка». Но это тоже только версия, требующая проверки документами.

Еще один пример такого употребления слова «паланка» можно увидеть в ведомости генерал-поручика Текеллия (Текели) от 29 августа 1775 года. В ней приводятся подсчеты по заселенности бывших запорожских Вольностей после ликвидации Сечи. И там есть такое место: *«<…> По правую сторону Днепра. <…> Поланок – 5, в них деревень 18, церквей 5»* [14, с.15]. Понятно, что автор ведомости здесь под «паланкой» имел в виду именно область, уезд. Но отметим, что это «имперский» документ. И насколько точно, без искажений в нем отображены запорожские реалии и язык – сказать сложно.

Поэтому автор в своей работе с запорожскими документами времен Новой Сечи (и при написании своих статей по ее результатам) старается всегда четко учитывать разницу между «паланкой» (избой-«штабом» местного полковника или локальным поселением-«райцентром») и ее «ведомством» (территорией, регементом, владениями, дачами, дистанцией). Это позволяет во многих случаях более точно понимать смысл документов.

Кроме того, иногда в документах середины XVIII века, возможно, встречается еще одно значение слова «паланка». Так, в одном из документов следствия поручика Швыкова 1746 года (проводившегося в крепости святой Анны) приводятся показания ротмистра Азовского казачьего полка Виногорова. В мае 1745 года он стоял заставой с примерно тридцатью казаками и калмыками своего полка у брода на реке Миусе в урочище Трех мостов. Здесь он имел словесный конфликт с подъехавшим туда запорожским полковником Постерняком: *«<…> ибо как полковник Постерняков* ***у него, ротмистра, в поланке был****, он, [сидевший там под караулом арестованный казак — LV] Малой, ему, Постернякову, велегласно о себе сказывался <…>»* [1, с.1552]. Здесь в документах следствия пересказывается прямая речь ротмистра, и если записавший это писарь ничего не напутал (сразу после этого идет рассказ о чуть более позднем визите самих азовцев в Еланчицкую паланку), то, получается, что Виногоров сам назвал свою заставу у брода «паланкой»?

Также в документах того же следствия приводятся показания запорожца Петра Лысого. По его словам, в 1744 году (примерно в конце мая) он поехал на

крымский берег Берды, чтобы набрать соль в Бердянских соляных озерах. И там он, якобы, нашел бродящего по степи *«над речкою Бердынкою»*[11] жеребца и забрал его с собой. Этот конь, как оказалось позже, был угнан у донских калмыков незадолго до того. И если Петр на следствии сказал правду (в чем есть некоторые сомнения), то ответственность за этот угон нужно было возложить на крымских ногайцев. Но нам интереснее не это, а изложение Петром последующих событий. По его словам, на обратном пути он: *«<…> и приехавши в Берда, об оном жеребце, егда кто будет спрашивать, он козакам известил. Потому ж приехавши* ***в имеющуюся в Бердах поланку*** *о показанном же жеребце, что он в степи поиман, знать дал»*. А дня через три местный запорожский полковник Ступак, отлучавшийся до того по каким-то надобностям в Сечь, на обратном пути *«оного жеребца у него взял к себе и поехал в Еланчицкую поланку»* [1, с.1547]. Однако столь большой крюк полковника Ступака по пути с Сечи в Еланчицкую паланку — с проездом через низовья Берды — выглядит возможным, но не очень логичным. Вряд ли он стал бы ехать напрямую через территорию Крымского ханства, скорее объезжал бы к северу от Конки и по русскому левобережью Берды. Поэтому упоминание здесь *«имеющейся в Бердах паланки»* вызывает большие сомнения[12].

У автора есть подозрение, что обнаружение Петром Лысым жеребца могло произойти не за Бердой, а где-то западнее реки Кальмиус. И что привел он его в уже существующее поселение на Кальмиусе, где того и забрал возвращавшийся с Сечи полковник Ступак. Так картинка более правдоположная получилась бы. И что потом, когда Лысого вызывали на следствие, его очень тщательно проинструктировали, чтобы в своем рассказе он вместо Кальмиуса упоминал Берду (чтобы перенести ответственность за угон коня на крымских ногайцев). Лысый попытался добросовестно выполнить полученные инструкции, но в результате его «скорректированный» рассказ получился довольно странным и несвязным. Однако, это только версия, проверить ее уже не удастся.

Поэтому, теоретически, рассказ Лысого можно трактовать двояко. Или как ошибку (сознательную? или писарь в крепости что-то напутал?) при записи упоминания о Кальмиусской паланке (если она на тот момент уже существовала). Или же это тоже какая-то временная запорожская застава у брода через Берду. Но в этом случае там должен был быть не собственный полковник, а кто-то рангом пониже. Скорей всего это был упоминаемый в документах атаман местных прибердянских запорожцев. В любом случае, в документах середины XVIII века эта «паланка на Берде» более нигде (кроме еще сочинения придвор-

[11] Скорей всего это Куцая Бердинка, впадающая в Азовское море у с. Луначарское, чуть западнее г. Бердянск.

[12] В показаниях на следствии в крепости св. Анны в 1747 году бывший полковник Постерняк так описывал сюжет с данным конем (который, правда, начался еще до его приезда в Приазовье): *«<…> а жеребец гнедой поиман в степи куреня Величковского козаком Петром Лысым* ***и приведен ко обретающемуся тогда при поланке полковнику Ступакову*** *[1-я пол. 1744 г. — LV], которого жеребца он, полковник, взял и продал, а кому именно — он [Постерняк — LV] не знает. А об отдаче тех опознанных лошадей он, ротмистр Виногоров, у него требовал, токмо он по тому требованию объявленных лошадей помянутым калмыкам не отдал ему за спором: потому что они объявляют, якобы их лошади, а козаки своими называют. <…>»* [1, с.1523]. Некоторые дополнительные подробности об этом коне сообщил один из свидетелей со стороны Постерняка, казак Федор Шестак: *«<…> а жеребца гнедова куреня Величковского козак* ***Петро Лысый, едучи из Сечи, поимал на степи и привел в поланку****. Тогда бывшей полковник Ступак, взяв оного жеребца, и продал козаку, а как ево зовут и прозвания, не знает»* [1, с.1524].

ного историографа Г.Ф. Миллера 1775 года, но там это явная ошибка) не высвечивается. В том числе она никак не проявляется и в несколько более поздних событиях 1747 года, когда из-за перехода крымских пастухов с отарами на запорожский берег Берды происходила активная переписка между разными инстанциями. То есть, «правильная» запорожская паланка на Берде тогда так и не возникла.

В общем, приведенные два фрагмента из документов следствия поручика Швыкова можно (с осторожностью!) пытаться трактовать как свидетельства использования в середине XVIII века слова «паланка» и просто как временной заставы, с руководителем небольшого ранга при ней. Но так как оба они происходят только из одного круга источников, то здесь нельзя исключить и возможность человеческой ошибки при записи показаний свидетелей писцом, мало знакомым со степной терминологией. Поэтому данное предположение еще нуждается в проверке по другим, независимым документам.

Кроме того, по сообщению украинского историка Татьяны Леонидовны Кузик в одном из позднейших документов, посвященных факту ограбления запорожцем Степаном Черным и его приятелями паланкового писаря Алексея Петруши в июне 1745 года, упоминается, что это произошло в некоей «паланковой будке» в Кальмиусе. У автора, к сожалению, не получилось добраться до этого документа, поэтому проверить его он не сумел (там тоже есть некоторые подозрения, что это могло произойти не на Кальмиусе, а на Мокром Еланчике). Но если эта информация подтвердится, то это будет прямое свидетельство о том, что запорожское поселение у устья Кальмиуса на тот момент уже существовало. И что, хотя тогда оно еще не было главным в наших краях (основная паланка тогда располагалась на Еланчике), в ней все-таки мог быть какой-то свой «выносной» центр власти. Хотя, судя по слову «будка», это было что-то не особо капитальное. С другой стороны, это слово теоретически могло применяться и для паланковой повозки-«будки», кибитки. На которой, возможно, с какой-то периодичностью кем-то из паланковой старшины производился объезд приморских районов с целью сбора платежей на паланку и оперативного решения накопившихся вопросов. В общем, тема таких «вспомогательных» паланок интересная и многообещающая, но она еще нуждается в документальной проработке и углублении.

Работу историков со старыми «степными» документами затрудняет еще один момент – довольно часто встречающиеся полные совпадения названий населенных пунктов и рек, на которых они расположены. И не всегда очевидно, идет ли речь в документе просто о реке или об одноименном городке. Что, понятно, сильно влияет на споры о дате возникновения некоторых населенных пунктов.

В старом великорусском языке (как и в современном тоже), в этом плане ситуация более понятная. Там если речь идет о сухопутном пути куда-либо (не на плавательных средствах), то предлог "в" не применялся с названием реки. То есть, если в тех документах встречается фраза "на Калмиюс" — то это, скорей всего, речь идет о реке. А если "в Калмиюс" — то однозначно о населенном пункте.

А вот в малороссийско-запорожских документах XVII — XVIII века фраза

"в Калмиюс" вполне может означать направление движения и к реке, и в населенный пункт. Например (выделение автора статьи): *«приехали **в** речку, а **на** какую не знает»* [1, с.1619], *«предлагаем, собравши козаков 2-двесте ч[е]л[ове]к, статъ **в** Каратише и оттол от Берд по границе до места, по согласию г[о]сп[о]д[и]на воискового старшини Порохне (под коего и ордером имеете находитис) назначенного»* [9, с.203]. Или *«<…> тыи люди на добычи рыбный **в** тыи далекие речки пойти поважилися, теды либо люде украинныи и кажют (?) року [каждый год — LV] туда **в** Миюс и **в** Калмиюс и **в** Барда то для соли, то для рыбы»* [15, с.234].

Данную особенность староукраинского языка полезно учитывать при работе с подобными текстами. Чтобы не плодить в Истории "древних городов" без крайней необходимости...

Четвертый момент – это то, каким именно образом образовывались паланки.

Сейчас в работах по истории Запорожья широко укоренено мнение, что в 1734 году, сразу после своего возвращения под российскую власть, Кош сразу же централизованно разделил всю территорию своих Вольностей на пять паланок. Но соответствующий приказ Коша, к огорчению многих исследователей, до сих пор не найден. А по убеждению автора данной статьи — он и не будет найден. Преимущественно потому, что его просто никогда не существовало в реальности. Как уже рассказывалось в авторской книге, бывшие запорожские территории на 1734 год официально все еще оставались в границах Османской империи. Так что переселение запорожцев в Подпольненскую Сечь вызвало большой дипломатический скандал и задало много работы российским и турецким дипломатам (о чем документы как раз сохранились). Поэтому фактически запорожцы вплоть до начала очередной войны с турками находились в северной части своих прежних владений полулегально. И они реально контролировали только небольшую часть своих прежних территорий. У запорожцев тогда хватало более актуальных проблем, чем пытаться установить свою власть над южными татарскими степями (что станет возможным только по итогам следующей войны с турками). И, как можно понять из авторской книги — на примере возникновения Еланчицкой/Кальмиусской паланки — в разных регионах Запорожских Вольностей процесс их территориальной организации проистекал в разное время и с различными местными особенностями. То есть – с каждым регионом нужно разбираться отдельно. Конкретно на Северное Приазовье Запорожские Вольности будут расширены только в 1743 году.

Теперь поговорим об организации управления у низовых запорожцев. В XVI — XVIII веках основной тактической (не территориальной!) единицей у них являлся полк. Полки у низовиков не были постоянными, они создавались каждый раз заново под конкретные задачи, из казаков разных куреней. Возглавляли такие «временные» полки у низовых запорожцев полковники. Им помогало еще несколько полковых старшин (об этом скажем несколько позже). Обычно численность такого «низового» полка не превышала

500 казаков[13]. При большей численности у них, вероятно, возникали проблемы с управляемостью. Во главе такой военной единицы ставилась «полковая старшина». Во времена Новой Сечи (примерно с начала 1740-х годов) она обычно состояла из трех должностных лиц – полковника, есаула и писаря (последние два иногда имели еще и по одному помощнику – подъесаулу и подписарю).

Кроме того, с конца XVII века в документах часто упоминаются еще и так называемые «команды», посылавшиеся кошевым атаманом куда-либо с определенными непостоянными целями (расстановка цепочек временных караулов в степи, борьба с разбойниками). Это обычно были более мелкие отряды, чем «полк» — от нескольких десятков до нескольких сотен казаков[14]. Вот там уже с управлением было по-разному – для особо значимых и важных задач – во главе ставилась традиционная троица, для поручений попроще – небольшую отдельную команду мог возглавить самостоятельно полковник или есаул. Чаще всего посылка таких «команд» была временным явлением, и после выполнения своего поручения или окончания определенного срока они сворачивались и возвращались обратно, где и распускались.

Но иногда Кош отправлял такую партию-команду для установления прямого запорожского контроля над новой или спорной территорией. Как это было с Кишенским в Приазовье в 1743 году или с Гараджой в Приторцовье в начале 1770-х годов. Тогда посланный полковник, в случае успеха, после установления контроля над территорией и изгнания с нее чужаков устраивал здесь свою штабную избу — «паланку». И управляющая тройка старшин присланной команды становилась первым паланковым начальством. В дальнейшем оно регулярно сменялось. Так в Еланчицкой/Кальмиусской паланке в первые годы ее существования смена старшины происходила каждые полгода (вероятно из-за большой очереди желающих попасть на это очень денежное место). В воспоминаниях Никиты Коржа (о временах Калнышевского) говорится о смене паланковой старшины каждые три года. И действительно, последний полковник Кальмиусской паланки паланки – Петр Велегура – исполнял свою должность непрерывно с 1772 года по лето 1775 года.

Обобщая опыт Приазовья, можно сказать, что у нас паланка обычно ставилась ближе к той стороне самозахваченной земли, откуда ожидались наибольшие проблемы для запорожцев (в том числе со стороны изгнанных прежних хозяев). Немаловажным было прохождение в этом районе главных дорог через регион, которые надо было контролировать, а также наличие ресурсной базы поблизости (для Приазовья это были морские рыбные ловли).

---

[13] Например, в письме запорожцев австрийскому императору, переданном цесарскому послу Эриху Лассоте (1594 г.) есть такие строчки: «наш товарищ Хлопицкий, в настоящее время полковник (т.е. начальник над 500 казаками)» [29, с.180]. Или еще. В июле 1769 года в авангарде генерала Зорича были отправлены две тясячные команды запорожцев. При них было 4 полковника и 4 комплекта есаулов и писарей при них [2, с.96].

[14] Довольно часто в источниках упоминаются команды из 200 человек. Например, академик Гильденштедт, проезжая 1 октября 1773 года междуречье Кальмиуса и Кальчика, встретил здесь форпост, в котором были запорожский полковник (вероятно, Петр Велегура) и 200 казаков при нем [30, с.222]. Аналогичную численность мы встречаем и в ордере Коша кальмиусскому полковнику Сидору Чалому от 11 сентября 1768 года. Где ему предписывалось собрать 200 казаков из его ведомства и выдвигаться в район рек Каратыш и Берда для предотвращения ухода тамошних казаков к гайдамакам (соответствующий фрагмент цитировался чуть выше) [9, с.203-204].

Понятно, что рядом со штабом-«паланкой» местного полковника (с ее вспомогательными хозяйственными сооружениями, типа амбаров и конюшни) начинали селиться и другие люди, так что быстро возникало новое поселение, которое часто также называли «паланкой».

Полковые старшины делились на походные и паланковые. Но вся разница между ними была не организационной, а только функцинальной. Паланковые старшины как явление – несли на себе остаточный отпечаток своего полкового происхождения. Так, во главе их стоял полковник, в паланке была «полковая» печать. А вот, например, фрагмент аттестата запорожского писаря Андрея Васильева: *«<…> и от всего Войска Запорожского Низового определен за признанние службы з 1749-го года в* ***полковие*** *старшини* ***полковим*** *писарем»* [31, с.518].

В донесении от 25 ноября 1755 года кошевого Григория Федоровича Лантуха гетману Разумовскому: *«сколько в войске Запорожском чинов и служителей в один год бывает»* упоминаются пять паланковых администраций и две *«постные команды»* (посты на Прогноях *«для собирания соли с командою»* и на днепровских порогах), состав которых единообразен: это полковник[15], писарь, есаул, подписарь и подъесаул[16] [2, с.79-82]. То есть, и здесь мы видим, что паланковая старшина и постовые команды имеют одинаковое управленческое ядро. Фактически, такая постовая команда, при необходимости, может по команде Коша стать основой для заложения новой паланки.

Но в Крымский период и в начале Новой Сечи (когда с бюрократией казаки еще особо не сталкивались), состав паланковой старшины, похоже, выглядел несколько по-иному. Сохранилась, например, миниховская роспись о распределении годового жалованья запорожцам в 1740 году. То есть она относится к послевоенному времени, когда походные запорожские полки уже были расформированы и их казаки отпущены со службы. Приведем эту распись полностью:

«- Кошевому атаману Фоминичу – 600;
- Судье, писарю и есаулу по триста рублев, итого – 900;
- Священнику – 40;
- Обозному – 100;
- Полковникам 2-м по сту рублев – 200;
- Полковым эсаулом 2-м по 50 рублев – 100;
- Прапорщикам полковым 2-м по 30 рублев – 60;
- Хоронжему – 50;
- Прапорщику кошевскому – 30;
- Подъесаулу и есаулу, которые при обозном, по 20 руб. – 40;
- Пушкарю и довбишу по 15 рублев – 30;
- Атаманам куренным и козакам на всех – 4000;
Итого – 6150» [1, с.1705].

Здесь большая часть перечисленной старшины (кроме трех выделенных строк) относится непосредственно к Кошу. Но в выделенных строках мы видим дополнительно два

[15] В документе они перечислены конкретно – Бугогардовый, Перевезский, Калмиусский, Самарский и Кодацкий.
[16] Немного отличающаяся, но похожая структура управления была и на двух войсковых перевозах через Днепр – Никитинском и Кодацком (шафарь, писарь, подшафарий и подписарь) [2, с.79-82].

комплекта полковой старшины, состоящей из полковника, есаула и прапорщика[17] (вместо писаря). Это уже период после завершения войны с турками, поэтому здесь мы почти наверняка видим не «боевую» полковую старшину, а паланковую.

И, похоже, что такая же организационная структура войска Запорожского была и по состоянию на сентябрь 1734 года, когда запорожцы принимали присягу на верность государыне Анне Иоановне. Там, правда, расписание жалованья войску расписано несколько менее подробно. Но, сравнивая с перечнем 1740 года, можно предположить, что в нерасшифрованном выражении *«старшине 13 человеком по 50 р. каждому»* должны также входить два аналогичные комплекта паланковой старшины (Яв., Ист., т.2, с.1705). Если откинуть упомянутых прямым текстом в обоих перечнях кошевого атамана, писаря, есаула и судью, то в перечне 1740 года остальной (не куренной!) старшины как раз 13 человек и получается… И, если на 1734 год это почти наверняка были Самарский и Гардовый полковники, чьи должности прямым текстом упоминаются еще в Крымский период, то, вероятно, они же существовали и на 1740 год. Это тоже косвенное свидетельство по вопросу о динамике изменения количества запорожских паланок на тот период.

Но уже к началу 1743 года, когда кошевой атаман Константин Малашевич отправил полковника Кишенского принимать под руку Коша Северное Приазовье, в составах паланковой старшины место прапорщиков уже устойчиво занимали писари. Видимо, возросший уровень переписки с Кошем делал это совершенно необходимым. И такой состав паланковой старшины сохранится вплоть до падения Сечи.

Пятый момент. Это проблема наличия установленных границ между ведомствами разных паланок. По мнению автора статьи, никакого централизованного раздела Кошем территории Запорожских Вольностей на отдельные паланковые ведомства (по крайней мере для первых пяти паланок) так и не было производено. Оно не было единовременным и обдуманным, а складывалось стихийно и постепенно. Поясним эту мысль автора на примере ведомства запорожской паланки в Приазовье.

В ведомстве Еланчицкой/Кальмиусской паланки времен Новой Сечи изначально экономически активным было только морское побережье с его рыбными ловлями. Да и то – только в теплое время года. Остальное огромное пространство степей (почти до самой Самары) было пустым и почти безлюдным. Вдоль рек и по некоторым балкам почти сразу стали появляться отдельные запорожские зимовники, которые быстро возникали и, случалось, так же быстро забрасывались. Некоторые из них мельком упоминаются в нашей книге о событиях середины 1740-х годов.

В работах украинских историков часто приводится утверждение, что в ведомстве Кальмиусской паланки в 1755 году было 61 зимовников в 9 урочищах. Иногда также сообщается, что в следующем 1756 году их числилось уже 68 штук. Из этого некоторые историки даже пытаются рассчитать некоторую динамику изменения количества зимовников в ведомстве нашей паланки. Чего делать, конечно же, не стоит. Так как все эти данные на самом деле являются искаженными данными лишь из одного конкретного источника. А именно — рапорта в Кош от 5 октября 1756 года от кальмиусского полковника. Долгое время этот

[17] От слова «прапор» — знамя, флаг. Т.е. изначально прапорщик – это знаменосец.

рапорт был известен только из его упоминаний во II-м выпуске книги А.А. Скальковского «История Новой Сечи…». Этот автор использовал его трижды в разных местах своего труда, при этом путаясь в годах (1755 или 1756 год) [2, с.61-62, 152-153, 241-246]. Именно отсюда происходят широко растиражированные сведения про 1755 год и 61 зимовник.

И только совсем недавно данный документ был опубликован полностью в 5-м томе «Архива Коша Новой Запорожской Сечи…» [16, с.256-257]. Откуда и происходят «свежие» данные о 68 зимовниках в 1756 году. Вот только прямое ознакомление с данным документом заставляет усомниться в обеих представленных цифрах[18]. Рассмотрим этот источник поближе.

Итак, в перечне хозяев запорожских зимовников в ведомстве Кальмиусской паланки, составленном 5 октября 1756 года местным полковником Григорием Федоровичем Горкушей (Григорием Федоровым) приводится перечень из 62 казаков и районы их жительства. Большинство из них указаны в приморской зоне. Так, 7 казаков проживало *«понад морем в Зенцевой балки»* (сейчас – Зинцева, на территории Мариуполя, устье у морского порта), 17 человек *«понад морем пидгоряне»* (вероятно, приморская низменность между устьями Зинцевой и Кленовой балок), 3 на *«Кленоватой балке»* (сейчас Кленовая/Клиновая, устье у южного конца проспекта Металлургов), 1 над Белосарайским лиманом, 1 *«над Свидоватой балкой»* (на картах XIX – XX веков – балка Покосная, впадает в море немного восточнее устья Берды). Еще некоторое количество приписано к нашим рекам без указания конкретного района. Но они, в большинстве своем, скорей всего, тоже были не особо удалены от приморской полосы: 6 казаков (включая и хорошо заметного в нашей местной истории Петра Велегуру) *«понад речкою Калмусом (sic!)»*, 8+6+8 человек *«понад речкою Калцем»*[19], 3 казака (из которых один отмечен как бердянский атаман) *«понад речкою в Бердах»*. И только в одном случае можно точно сказать, что 2 казака в Дубовой балке[20] на самом деле проживали достаточно далеко (40 верст) от моря. Но сразу отметим, что не все перечисленные казаки были единоличными владельцами отдельных зимовников! Потому как в заголовке данного списка прямо написано: *«Реестр в том, что которие зимовниками **в односумстве**, при яких речках и урочищах жилище имеют <…>»*. А «односумство», в переводе с украинского языка означает «единомыслие» и «совместное проживание»! И если обратить внимание на структуру этого документа, то там действительно в каждом разделе казаки еще разбиты на четкие отдельные группки. Каждая из них и означает проживающих в одном зимовнике казаков (от одного до пяти человек). Причем они могли быть как одного куреня, так и разных. С учетом этого – общее количество зимовников значительно уменьшается: 3 в Зинцевой балке, 8 у «пидгорян», 1 в Кленовой балке, 1 у Белосарайского лимана, 1 в балке Свидоватой, 3 над Кальмиусом, 4+2+2 над Кальчиком, 3 над Бердой и 1 на Дубовой балке. Итого в перечне 1756 года в ведомстве Кальмиусской паланки мы видим всего 29 зимовников с 62 проживающими в них *«в односумстве»* казаками [16, с.256-258].

[18] Сюжеты об отражениях этого рапорта в книге Скальковского, а также об арифметической ошибке в расчетном количестве в «68» зимовников – более подробнл рассмотрены на форуме «Geneo», пост от 18.05.2021 (сохраненная копия).

[19] Почему-то эта группа в документе разбита на три отдельных - то ли дописывали список по мере вспоминания, то ли это о разных притоках системы Кальчика?

[20] Дубовая балка - правый приток Кальмиуса, устье немного севернее с. Гранитное (Карань) Тельмановского района ДНР.

И в этот список почему-то не попали зимовники над рекой Волновахой, известные по событиям середины 1740-х годов. То ли про них просто не вспомнили (не доехали до них?), то ли их к тому времени уже не существовало.

В оригинальных запорожских документах времен Новой Сечи подсчеты количества зимовников по ведомствам разных паланок не часто, но встречаются. И многие современные украинские историки такие подсчеты предпочитают считать сильно заниженными – в разы, а то и в десятки раз! Дескать, это было одним из наиболее строго оберегаемых от верховных властей Империи секретов Коша. Вот только никто из них так и не смог внятно объяснить, зачем бы это надо было секретить во ВНУТРЕННЕЙ переписке между паланками и Кошем? Задачей паланковых администраций было предоставлять в Кош максимально возможную (при их слабых организационных возможностях) объективную информацию. А уж как ее лучше преподнести или подкорректировать для передачи в столицу – это в Коше сообразили бы сами. Поэтому современные попытки с помощью разных хитропопых манипуляций многократно «раздуть» число запорожских зимовников — это уже (чаще всего) от лукавого…

Возникновение первой волны таких «корректирующих подсчетов» происходило на памяти автора данной статьи, в недоброй памяти времена президента В.А. Ющенко. Когда нашу донбасскую местную историю в первый раз насильно попытались полностью переписать на «украиноцентричный» лад. И одной из задач той политики было многократное раздувание успехов запорожской колонизации южных степей во времена Новой Сечи. Чтобы доказать, что окончательный приход сюда Империи в 1775 году, после разгона Запорожской Сечи, не ускорил, а скорее сильно затормозил заселение этих степей украинским населением (которого здесь к тому времени, якобы, уже было очень много). Но одной из проблем этого нового «державотворення» было то, что политическая целесообразность не всегда дружит с реальной историей. И большинство из тех «заказух» были составлены настолько топорно и примитивно, что их совершенно невозможно было воспринимать сколько-нибудь серьезно. Они вызывали скорее совершенно обратную реакцию, чем рассчитывали их авторы. Собственно, именно той мутной волной автора этих строк в краеведение и затянуло. До этого интереса к данной теме почти не было… Так что можно посоветовать более бережно и осмысленно обращаться с информацией из первоисточников, без впадения в фэнтезийные крайности. Во избежание непредвиденных побочных эффектов. ☺

Довольно близкие цифры по численности местных запорожских зимовников одиннадцатью годами позже (в январе 1768 года) приводятся и в ответе коменданта крепости святого Димитрия Ростовского на запрос Коллегии иностранных дел. По его данным (скорее всего сообщенным купцом той же крепости Алексеем Самариным), в ведомстве Кальмиусской паланки в барьерных землях у запорожцев было 23 зимовника (в балках Световатой, Зеленой, Камышеватой, Виноградной, Белосарайской и Самариной) и вне барьера (по речкам Кальмиусу и Кальчику) – еще *«до 50»*. Кроме того, еще 4 зимовника располагались на крымской стороне Берды [11]. Но, как явствует из исторических и этнографических данных, эти хутора не были равномерно распределены по всей степи, а поштучно или небольшими «гнездами» (по два-три зимовника) образовывали отдельные «островки заселения», преимущественно в южной приморской зоне и в отдельных районах вдоль местных крупных

рек. Водораздельные степи в наших краях были лишены заселения, во многих местах на несколько десятков квадратных верст могло быть всего один-два зимовника, а кое-где на несколько сотен квадратных верст их могло и вовсе не быть. Хорошо об этом высказался в конце XIX века Феодосий Макаревский: *«Правда, у Темерницкаго Порта и Таганкина рога, в Бахмутской провинции, на Калмиусе и на Новой Днепровской Линии существовало несколько населенных местностей и до сего времени: но все это среди обширных и привольных степей казацких было — капля в море, песчинка на безбрежном океане»* [17, с.116]. Это он, правда, сказал о состоянии на 1775 год (да к тому же после русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов, крайне отрицательно сказавшейся на процессе заселения южных степей). Но и за четыре десятилетия до того ситуация в степи отличалась мало.

Всю территорию ведомства Еланчицкой/Кальмиусской паланки образца середины 1740-х годов по степени контроля над ней паланковой старшины можно условно разделить на три зоны (см. рис.3). Первая — это относительно хорошо заселенная и многолюдная (в теплый период года) приморская зона у Азовского моря. Здесь крутились основные деньги и получались большие барыши. Ее ширину можно условно принять в 5 – 10 (местами 15) верст от моря. Здесь администрация Еланчицкой и сменившей ее Кальмиусской паланки старалась поддерживать постоянный и максимально возможный контроль (насколько позволяли ее довольно скромные возможности).

Ко второй зоне нужно отнести расположенную севернее степную полосу. В ней вдоль крупных рек и некоторых их притоков к середине 1740-х годов уже начали появляться разрозненные запорожские зимовники (пусть пока еще и не многочисленные). Наличие здесь более-менее постоянного казацкого населения тоже требовало надзора от паланки, но поддерживать его здесь постоянно паланковая старшина была физически не в состоянии. Поэтому контроль здесь осуществлялся полковником или его есаулом в виде редких и нерегулярных объездов территории, а также разовыми выездами по конкретным проблемам. Видимо, именно такой объезд совершил в конце апреля – начале мая 1745 года еланчицкий полковник Постерняк (если, конечно, он его не просто придумал для создания себе алиби). По показаниям полковника, тогда по его приказу есаул Лаштабега собрал с близлежащих к Еланчику зимовников и с морских кос 35 казаков. Большинство из них (25 человек) под командой есаула отправились в междуречье Миуса и Крынки, на которое Кош тогда претендовал, но запорожских зимовников там еще не было (о проблемах, вызванных этой поездкой, мы уже писали в книге). А сам полковник с оставшимися 10 казаками якобы поехал из Еланчицкой паланки на запад. Проехав по приморской зоне (с ее многочисленными запорожскими рыбными заводами и с цепочкой ближайших к ним зимовников), они достигли левобережья нижней Берды, где был один из «островков» запорожского присутствия и заселения. Здесь Постерняк призвал в свою партию еще 15 казаков. Все вместе они проехали вдоль пограничной реки Берды вверх по ее течению до крупного левого притока Каратыша (у его устья начинался северо-западный угол барьерных земель). Затем они проехали вдоль Каратыша и Волновахи (на этой реке под другим документам примерно в это время фиксируется зимовник запорожца Ивана Дрижченко), пересекли Кальмиус и вернулись обратно в Еланчицкую паланку. Всего за 15 дней объезда они проехали около 300 верст, так что ехали в довольно спокойном темпе, особо не спешили. Видимо, примерно в таких пределах (южнее линии Каратыш – Волноваха – устье Крынки) и нужно рассматривать выделяемую нами вторую зону в ведомстве Еланчицкой паланки в период 1744 – 1746 годов. Позже (с апреля 1746 года) она потеряла земли к востоку от Кальмиуса. Но,

по мере возникновения новых зимовников, «вторая» зона могла со временем раздвинуться несколько севернее.

Еще раз акцентируем внимание уважаемого Читателя, что привлеченные Постерняком 35 казаков из района Еланчика и 15 человек с Берды – это ни в коем случае не «гарнизон крепости» или «войско паланки». Это просто «отмобилизованные» по команде местного полковника местные казаки. Этих людей-оторвали от их повседневных хозяйственных занятий (чаще всего – от рыбных ловель) для выполнения какого-то разового поручения, никакой платы за это они от паланки не получали. Соответственно, финансово это было очень невыгодно для задействованных казаков. И если во время такого отвлечения не предполагался какой-либо дополнительный «приработок» (как во время рейда Лаштабеги в междуречье Миуса и Крынки), то надолго их так отвлекать было чревато — они бы начали роптать и разбегаться. По этой же самой причине такие объезды было невозможно проводить часто, а привлекаемых казаков нужно было каждый раз чередовать с другими.

И, наконец, третья зона, наиболее северная в ведомстве данной паланки. Здесь, в практически незаселенных районах степи (отдельные зимовники не в счет) свободно перемещались охотничьи ватаги и шайки разбойников (иногда оба эти занятия удачно совмещались). Местные запорожские полковники обычно имели мало прибыли от звероловов (и, соответственно, столько же уделяли тем внимания). Зато паланковая старшина могла надеяться на хороший прибыток от «своих» разбойников и конокрадов за их покрывательство и за соучастие в реализации награбленного имущества и угнанных лошадей: «*а обыкновение у наших полковников такое есть: ежели что из грабежного ему дадут, берет он часть, а есаул с писарем другую*» [1, с.1588, 1593, 1608]. Некоторые из зафиксированных случаев коррупции со стороны запорожской администрации Самарской и Еланчицкой паланок упоминаются в нашей книге о событиях середины 1740-х годов. Но, разумеется, что для паланковой старшины риски и проблемы от сотрудничества с подобной разбойной публикой тоже были довольно серьезными. Во времена Новой Сечи кошевые атаманы регулярно рассылали в паланки строжайшие приказы об усилении борьбы с разбойниками. Правда, случаи реального наказания паланковых старшин за их недостаточно эффективное выполнение – автору как-то особо не известны. Так что в этом плане все зависело от личных качеств конкретного паланкового полковника и от того, как он организует свою работу во вверенном ему ведомстве. К примеру, объезды территории, которые предпринимал под предлогом борьбы с ворами весной 1745 года еланчицкий полковник Постерняк (он тогда даже задерживал и наказывал некоторых «подозрительных» людей) – иначе чем демонстративными и имитационными назвать никак не получается. А вот, скажем, попытка свеженазначенного кальмиусского полковника Андрея Ивановича Порохни весной 1754 года рьяно начать борьбу с разбойниками — видимо показалась местным казакам слишком сильным и резким нарушением уже сложившихся традиций. Тогда это привело к серьезным волнениям в паланке и к силовому освобождению арестованных. Пытался ли еще кто-нибудь из местных полковников наладить в ведомстве Кальмиусской паланки действенную и эффективную борьбу с шайками разбойников и конокрадов – автору пока не известно.

Рис.3. Примерные схемы районирования ведомства Еланчикской паланки на 1745 год: I – зона достаточно плотного контроля; II – зона эпизодического контроля; III – почти не контролируемая зона.

Если говорить языком аналогий, то реальный контроль паланковой старшины в ведомствах южных паланок напоминал свет одинокого небольшого костра в ночной степи. Который неплохо освещал местность в радиусе нескольких шагов и был кое-как заметен с расстояния в пару верст. А дальше – безраздельно царила ночная степь. И только где-то очень далеко, через несколько десятков или сотен верст, можно было надеяться на следующий костер. В таких условиях для местной паланковой старшины «лишняя» нерентабельная территория (третья зона по нашей классификации) была не благом, а скорее проклятием, нежелательным балластом и источником проблем. Понятно, что со временем, естественным путем, произошло распределение ответственности за всю территорию Вольностей между ведомствами разных паланок. Но вот борьбы между паланками за перераспределение в свою пользу пустынных степных земель внутри Вольностей — по документам не просматривается. Нечто подобное можно и сейчас наблюдать при распределении между производственными участками дополнительных непрофильных площадей для уборки и снегоборьбы. В таких случаях тот, кто получит больше квадратных метров, редко чувствует себя победителем.

Прямых свидетельств о прохождении внутренних границ между ведомствами запорожских паланок до сих пор не обнаружено. Попытки реконструировать их на основе границ уездов Азовской губернии второй половины 1775 – начала 1776 годов – не совсем надежны. Помимо Кальмиусского (позже – Павлоградского, Павловского, Мариупольского)

уезда, некоторые историки и краеведы пытаются включать в ведомство Кальмиусской паланки также Консководский (позже Александровский) и Волководский (позже Мариенпольский, Павлоградский) уезды. В результате этого иногда даже можно встретить утверждение, что ведомство нашей паланки простиралось вплоть до Днепра и Самары. Чего по запорожским документам вообще не просматривается. Более надежно этот вопрос можно исследовать по распределению зимовников и по географии поручений Коша паланковым полковникам. Например, в рапорте кошевого Григория Федоровича Лантуха малороссийскому гетману от 1756 года расписывалось, по каким местам должны смотреть за порядком паланковые и сечевые старшины. Так, к востоку от Днепра распределение было следующим. Самарскому полковнику Якову Гаркуше было поручено следить *«по-над Самарою, Вовчею, в Келчени речкам и в степных местах»*. Кальмиусскому полковнику Грицку Гаркуша – *«в Калмиусе и других тамошних местах»* (то есть, его зона ответственности была достаточно небольшой). А около Сечи и в Великом Луге за порядком должны были следить сечевые куренные атаманы [2, с.52; 16, с.246]. В уже упоминавшемся перечне от октября 1756 года зимовники ведомства Кальмиусской Паланки кроме приморской зоны упоминаются еще на Кальмиусе, Кальчике и Берде. А в аналогичном перечне зимовников, учтенных тогда же самарским полковником, мы видим такую географию (укрупненно, из того, что смог опознать автор): река Самара с ее небольшими притоками (правые: Кильчень, Вильнянка, Бобровка, Кочерга (с Вязовком), Малая Терновка, Свидовок, Большая Терновка, Опалиха; левые – Подпольная, Журавка, Сухая Чаплинка, Мокрая Чаплинка, Бык), крупнейший приток Самары – Волчья (вероятно, только низовья, так как упоминаются только ее левые притоки Терсы[21]), левые притоки Днепра – Протовча[22], Вороная, Осокоровка, Волнянка, Московка (Мокрая? Сухая?), степная часть Конки (низовья?), а также над самим Днепром, у порогов, на Хортице и в Великом Луге [16, с.267-274] (см. рис.4).

По несколько более поздним временам А.А. Скальковский утверждал, что река Терса (несколько рек с похожими названиями впадают с запада в низовья Волчьей) входила в дачи Протовчанской паланки (выделена в 1766 году из части ведомства Самарской паланки) [2, с.58]. Так что границы ведомства нашей Кальмиусской паланки вероятно не выходили за пределы последующего Кальмиусского (Павловского, Павлоградского) уезда и юго-восточного угла Консководского (Александровского) уезда. И, кстати, южное побережье Таганрогского залива в ведомство нашей паланки никогда не входило, и запорожцы официально на него никогда не претендовали! По поводу той стороны кальмиусские полковники регулярно получали из Коша приказы, чтобы казаков туда не пускать и оттуда их сгонять.

[21] И здесь совсем не упоминаются расположенные выше по течению Волчьей правые притоки (Каменка, Солоная) и левые притоки (Гайчур, Мокрые и Сухие Ялы).

[22] Протовча – ныне исчезнувшая река, располагавшаяся между низовьями Орели и Самары, старая заглохшая устьевая часть Орели.

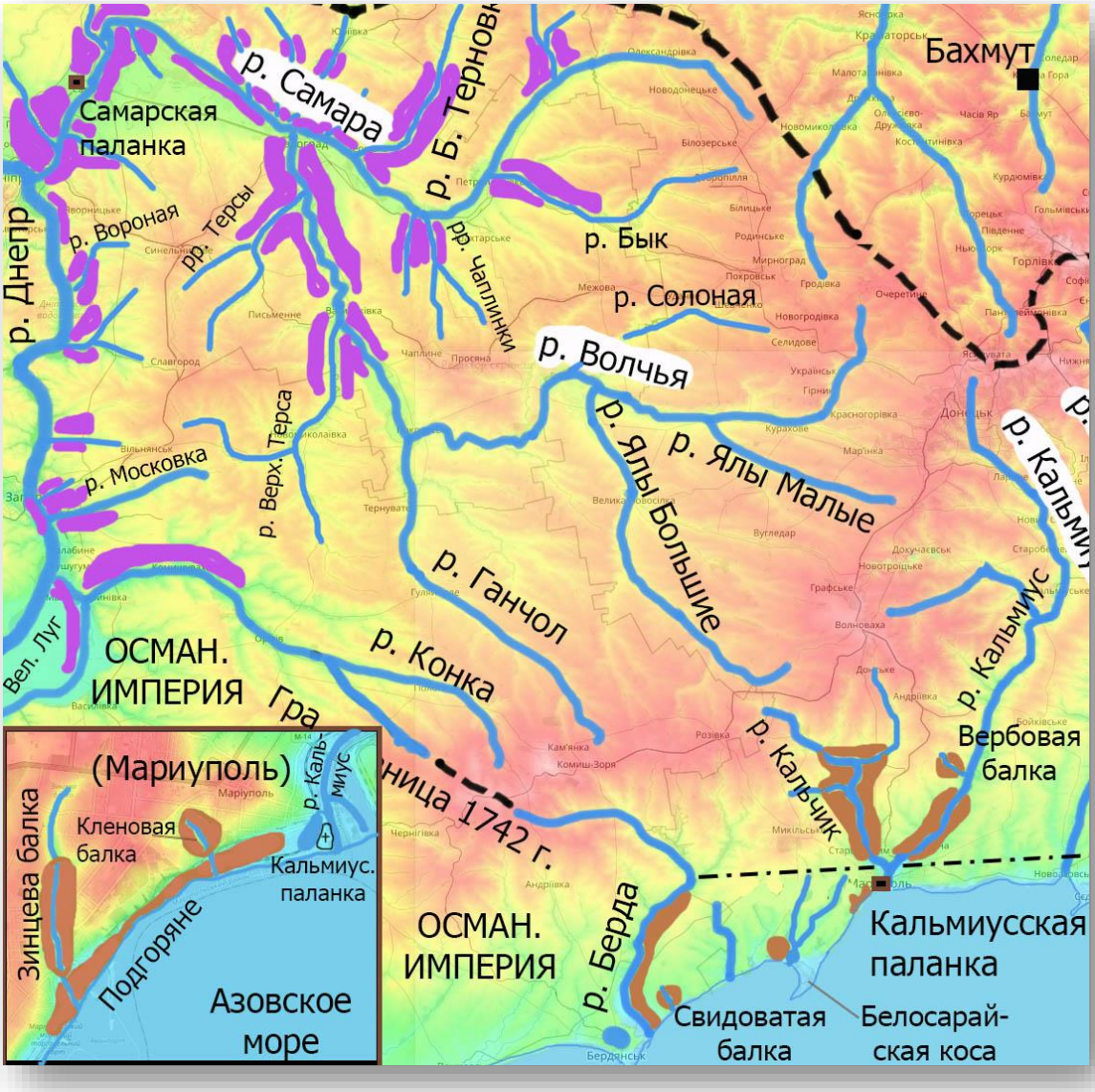


Рис.4. Примерное распределение зимовников ведомств Кальмиусской паланки (коричневым) и Самарской паланки (фиолетовым) по данным 1756 года. А между ними – широкий пояс почти не заселенных степей…

А вот к ведомству какой из паланок в середине XVIII века относился северо-восточный угол Запорожских Вольностей, между верховьями Кальмиуса, Волчьей, Кривого и Казенного Торцов – пока сказать сложно. Официальное разграничение с донцами в сентябре 1746 года, по которому за запорожцами были определены территории к западу от Кальмиуса и к югу от старой русско-турецкой границы 1714 года, производилось со стороны Кальмиусской паланки. Но в следующие пару десятилетий сколько-нибудь заметного запорожского присутствия (хотя бы в виде зимовников) и контроля в этом углу Запорожских Вольностей не прослеживается. Зато здесь бродило много шаек разбойников, от которых жители Бахмута, Тора и Изюма защищались цепочками отводных караулов со стороны степи. О степени запорожского контроля над этой территорией очень красноречиво свидетельствует случай, когда осенью 1755 года бахмутчане по собственной инициативе решили установить свой таможенный пост у переправы через Кальмиус (на его правом, запорожском

берегу) у устья Волновахи. Этот случай подробно описывается в великолепной статье И.Корнацкого [18]. Разумеется, о появлении там таможни довольно быстро доложили кальмиусскому полковнику Павлу Ногаю, и тот жестко это пресек. Но интереснее другое. Если бы в районе между Бахмутом и нижней Волновахой существовало частое запорожское заселение и чувствовался контроль Коша, то бахмутчане непременно знали бы об этом. И им в голову не пришло бы устраивать эту авантюру. А здесь их расчет явно был на то, что они придут хоть и на номинально запорожскую, но по факту — пустую и никому не интересную территорию, без организованной власти.

Первая известная автору жалоба Коша на славяно-сербов относится только к 1758 году. Тогда запорожские депутаты Павел Кириллов и Петр Калнышевский привезли в Петербург просьбу Коша об увеличении жалованья войску. В обосновывающей части, там говорилось об увеличении численного состава войска, при том, что: *«<…> земель войсковых не только не прибавилось, но, напротив, поселением Новосербским, Новослободским и Славено-Сербским, земли эти значительно уменьшились, от чего войсковое добро не мало пострадало»* [21, с.240]. До этого, с самого основания Новой Сечи в 1733 году, никаких претензий Коша на земли в районе реки Бахмут – не обнаружено.

Реальный интерес Запорожского Коша к установлению контроля и началу интенсивного заселения северо-восточного угла своих Вольностей начнет проявляться только с 1768 года (еще до начала очередной войны с турками), в рамках политики кошевого атамана Калнышевского. Причем эти усилия будут производиться не из Кальмиусской паланки, а со стороны густонаселенных Самарской и Орельской паланок. А с 1771-1772 годов запорожцы из своего свежеосновательного центра в Барвенковой стенке начнут сильно теснить изюмчан и торян. И отберут у слобожан множество земель и хуторов даже к северу от старой границы 1714 года, которыми те уже давно пользовались. И поскольку это все будет осуществляться под прикрытием Коша, то слобожане смогут вернуться на свои прежние земли только после разгона Сечи в 1775 году.

Шестой момент. Когда уважаемый Читатель в следующий раз в работах историков и краеведов увидит утверждение о том, что «*гарнизон (или войско) Кальмиусской паланки / крепости составлял 600 — 700 сабель*» — то нужно четко понимать, что это сильно искаженный при многократных пересказах и компиляциях отпечаток от единственного (!) документа о присяге в нашей паланке 674 казаков и неуказанного числа «посполитых» летом 1762 года. Никаких других первоисточников у этого утверждения нет. И, естественно, это ни в коем случае не «гарнизон» и не «войско» паланки. И это даже не численность постоянного населения ведомства Кальмиусской паланки (так как явно включает в себя и множество временно находившихся здесь на заработках людей из других регионов).

Здесь имеется в виду итоговый документ, подготовленный в Коше, по результатам присяги запорожцев летом 1762 года на верность новой императрице Екатерине II. В нем расписано, сколько холостых и женатых казаков приняло данную присягу в Сечи и по каждой паланке отдельно (*«не считая подданства войсковаго, ибо поселянам всех названий*

поимянно присягать не велено»). Именно тогда в Кальмиусской паланке присягнуло вышеуказанное количество казаков [19, с.237-238]. Но это совсем не значит, что делегация Коша с присяжными листами разъезжала по всей территории, подведомственной паланке, разыскивая по дальним байракам отдельные зимовники. Нет! Для совершения присяги в ведомствах степных, малонаселенных паланок, просто заранее оповещался паланковый полковник. Который и организовывал в своем ведомстве оповещение о всеобщем сборе народа для столь торжественного и важного повода в паланке в специально назначенный день[23]. При этом кого-то из местных не удавалось предупредить (жил слишком далеко, не нашли, забыли, уехал куда-то не вовремя), а кто-то из предупрежденных не приехал (не смог оставить хозяйство, не захотел ехать, заболел, напился). Зато никто не мешал казакам, приехавшим из ведомств других паланок и до того не успевшим принять эту присягу, присягнуть по месту их фактического пребывания на тот момент. Важен был сам факт присяги, а не место ее принесения, при возвращении в родные ведомства повторно ее принимать не требовалось. А, напомним, на дворе тогда стояло лето, и морские рыбные ловли в ведомстве Кальмиусской паланки были переполнены трудовым людом из казаков и посполитых, «понаехавших» из других районов на заработки. Плюс приезжие чумаки, плюс торговцы. Так что среди той толпы, которая в назначенный день собралась в Кальмиусской паланке для присяги, «местные» козаки составляли лишь незначительную часть собравшихся. А то, что дело происходило именно в поселении-паланке – сомнений никаких не вызывает. Именно здесь находились резиденция местного кальмиусского полковника и свято-Николаевская церковь (единственная в радиусе 150 верст) для торжественного богослужения. Здесь же были и шинки, где можно было потом отметить встречу с давними приятелями по столь высокоторжественному случаю…

Попутно отметим, что на полгода ранее, в январе-феврале 1762 года, происходила еще одна присяга – по поводу вступления на престол императора Петра III. На зимний период большинство «заробитчан» не оставались в ведомстве Кальмиусской паланки, а расходились по своим домам в Малороссии и Слобожанщине, а также в северные, более обжитые регионы Запорожских Вольностей. И именно в этот момент результаты присяги показали бы гораздо более точную картину более-менее постоянного населения ведомства нашей паланки. К сожалению, среди сохранившихся документов по этой присяге (большей частью опубликованных [20]) – материалы по распределению по паланкам не приводятся. Они, похоже, отсутствовали уже к моменту обнаружения остатков архива Коша А.А. Скальковским…

По реальным мобилизационным возможностям ведомства Кальмиусской паланки – автор пока не встречал документы с численностью разово «мобилизированных» здесь более 200 казаков. Да и то – это в 1760-е годы и в теплый сезон. Чаще упоминаются команды из нескольких десятков казаков. И это именно для выполнения недолгих разовых поручений, после чего задействованные казаки распускались. Постоянного войска в паланке, естественно, вообще не было.

[23] В густонаселенных ведомствах северных паланок при предыдущей присяге (зимой 1762 года) кроме всеобщего централизованного сбора предусматривался также объезд для присяги и всех паланковых сел [Синяк, 81].

Седьмой момент. Раз уж заговорили о военной тематике… Писать о военной истории ведомства Кальмиусской паланки довольно сложно, в связи с ее практически полным отсутствием. Среди тех запорожцев, которые зашли в Северное Приазовье в середине 1740-х годов, естественно встречались и «ветераны», которые до того принимали участие в русско-турецкой войне 1736 – 1739 годов. Вот только прямого отношения к теме возникновения Еланчицкой/Кальмиусской паланки это не имело. И, в следующие четверть века, вплоть до начала новой войны с турками (осень 1768 года), войско Запорожское больше ВООБЩЕ не будет привлекаться российским военным руководством к участию в многочисленных войнах, которые тогда вела империя. В отличие от других казачьих войск (особенно войска Донского), чьих казаков Правительство использовало для затыкания всех дыр в самых горячих точках и ежегодно гоняло за сотни и тысячи верст. Почему такая поблажка была сделана тогда именно для запорожцев – в работах историков найти ответ автору пока не удалось. Вероятно, потому, что сама постановка такого вопроса не очень вяжется с привитым нам историками и литераторами привычно-романтическим образом воинов-запорожцев? Ну а по неавторитетному мнению автора — скорей всего дело было в том, что военное руководство империи имело основания считать их более опасными для мирного населения (в том числе и собственного), чем для врагов. Поэтому и предпочитало их никуда не посылать через свою территорию (а также в более-менее союзную тогда Польшу), и содержало «вхолостую» почти два десятилетия лишь на случай войны с турками и татарами. Начало которой в 1768 году, кстати, запорожцы воспримут неохотно и без всякого энтузиазма.

Как бы то ни было, любителям почитать про махание саблями и лихие боевые походы — узнавать про реальную историю запорожцев межвоенного периода будет скучновато. Редкие объезды кальмиусскими запорожцами границ и шпионаж за забердянскими и (при случае) за прикубанскими ногайцами — обходились обычно без эксцессов. Пожалуй, единственный эпизод за этот период, хоть как-то напоминающий воинскую службу, случился в декабре 1747 года. Тогда в Крымском ханстве произошли внутренние волнения, и калга (первый заместитель хана) Шахин-Гирей бежал из Крыма на турецкое правобережье Днепра, где к нему примкнуло много тамошних ногайцев. Крымский хан Селим-Гирей не без оснований опасался распространения волнений и на кубанских ногайцев. По ходившим тогда слухам, беглый калга со своими сторонниками собирался прорваться на Кубань по льду замерзшего Азовского моря. Поэтому хан тайно обратился к российским властям с просьбой перехватить Шахин-Гирея при его проезде через российскую территорию. Во исполнение этой просьбы, запорожцы Кальмиусской паланки, войско Донское и гарнизон крепости святой Анны выслали тогда караулы по маршруту возможного перемещения беглеца. Но длительное дежурство в зимней степи оказалось безрезультатным, так как Шахин-Гирей так и не решился на прорыв (а затем и вовсе примирился с ханом).

Осенью 1768 года началась новая война с турками. Но и здесь Кальмиусской паланке с «военной историей» не повезло. В ноябре 1768 года запорожцы планово эвакуируют на Самару все ведомство нашей паланки и сами (!) сжигают здесь все дома, а также деревянное здание церкви [10. с.353]. Часть эвакуированных из Приазовья казаков в 1769 году бу-

дет под командой А.И. Порохни (ранее, в 1754 году исполнявшего должность Кальмиусского полковника) участвовать в прикрытии запорожского Присамарья от татарских набегов. Рассказ Скальковского об их (не всегда удачных) действиях в Присамарье каким-то странным образом много позже, уже в XX веке, превратится в популярный миф о героической гибели при татарском набеге 1768 или 1769 года всего гарнизона Кальмиусской паланки вместе с ее анонимным полковником. Что вообще не имеет ничего общего с нашей реальной историей. Другая же часть эвакуированных местных казаков принимала участие в походах, предпринимавшихся Запорожским Кошем в помощь русской армии в той войне.

В перечне бывших запорожских казаков, проживавших в январе 1776 года на территории Кальмиусского уезда (247 чел.), и в перечне из 82 бывших запорожских старшин (в том числе и кальмиусских), проживавших на июнь 1779 года в Азовской губернии, в отдельной колонке по каждому прописаны походы и сражения, в которых они участвовали [РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.7, л.433 – 437, ч.16, л. 160ж — 161]. Например, по хорошо известному в нашей местной истории казаку Петру Велегуре (№ 4 во второй ведомости) можно узнать, что он записался в запорожцы в 1745 году, в начале войны с турками успел повоевать *«в стороне Ачакова и в других по Черному морю и реки Днепру местах»*, а в 1772 году получил полковничий чин. Но ни у кого из этих казаков и старшин не упоминается военная служба в стороне Приазовья. Основной театр боевых действий запорожцев в той войне с турками находился вдоль Днепра и к западу от него.

В 1772 году было заключено шаткое перемирие. Забердянские ногайцы признали власть Российской империи, сам Крым был оккупирован российскими войсками, и хан Сахиб-Гирей был склонён к миру. К тому же, еще с 1770 года вдоль Конки и Берды стала возводиться Днепровская укрепленная линия. В таких условиях Северное Приазовье к востоку от Берды стало относительно безопасным районом. И Кош в 1772 году отправил сюда свежеиспеченного полковника Велегуру с большой командой казаков для восстановления здесь запорожского контроля. Но Велегура попутно (прямо во время войны!) еще и захватит у донцов их территории вплоть до Миуса, которые, невзирая на открытое недовольство Санкт-Петербурга, похоже, будет удерживать вплоть до разгона Сечи[24]. И хотя в те годы будет ходить много слухов о волнениях среди крымских татар и забердянских ногайцев, но на большое восстание они тогда так и не решатся. Так что значительных проблем от них приазовским запорожцам больше не случится. Поэтому Велегуре больше неприятностей можно было ожидать от жаждавших реванша донцов. Которые во время ликвидации Запорожской Сечи, по приказу российского военного руководства, Велегуру с большим удовольствием и арестовали (что, впрочем, для того закончилось достаточно благополучно). Вот, собственно и все, что можно сказать по довольно скромной военной истории реальной Кальмиусской паланки войска Запорожского Низового.

[24] Датировка и стадиальность этого захвата автору пока не совсем понятны. Обострение жалоб на него фиксируется в 1772 году и весной 1775 года, но в промежутке между этими датами фиксируется некоторое присутствие донцов на этих территориях. Как это правильно объяснить – автор пока не выяснил. Возможно, Велегура дважды захватывал эти земли?

Восьмой момент. О заселенности ведомства Кальмиусской паланки.

В работах многих украинских историков и краеведов можно прочитать, что в ведомстве Кальмиусской паланки было много населения, даже имелись собственные села и слободы. Чаще всего в таком качестве приводят два названия — Ясеноватое и Макаров Яр. Иногда к ним произвольно добавляют еще какие-то села (каждый раз разные). Также энтузиасты все множат и множат перечни зимовников ведомства этой паланки. Которая, по их мнению, покрывала огромную территорию – от Таганрога до среднего течения Конки и от Павлограда до Луганщины. В украинской Википедии даже есть отдельная страничка, озаглавленная «Поселення Кальміуської паланки». К сожалению, как оказывается при тщательной проверке — бóльшая часть этих перечней состоит из недостоверной и искаженной информации и с реальной историей никак не пересекается.

Что касается до Ясеноватого (ныне г. Ясиноватая в ДНР) и Макарова Яра (современное с. Пархоменко Краснодонского р-на ЛНР). Информация о наличии здесь запорожских слобод является отдаленным (и сильно перекрученным при многократных пересказах и компиляциях) искажением данных из второго тома книги епископа Феодосия (Макаревского) «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия» (конец 1880-х – начало 1890-х годов). Других подтверждающих документов НЕТ. Но проблема в том, что и сам Макаревский ни про какие запорожские села здесь вообще не упоминает. Вот соответствующие фрагменты из его работы, сравните:

*- «Мѣстность нынѣшней слободы Ясеноватой—древнѣйшее, старожитное запорожское займище. Въ славныхъ, богатыхъ и плодородныхъ, роскошныхъ и живописныхъ дачахъ восточнаго Запорожья, при урочищѣ Ясеноваткѣ, зимовникомъ и хуторомъ въ 1690 году, сидело нѣсколько отшельниковъ, абшитованныхъ запорожцевъ, занимавшихся пчеловодствомъ, скотоводствомъ и рыбальчествомъ. Крѣпостной и торговый городъ Бахмутъ достаточно былъ знакомъ и извѣстенъ отшельникамъ запорожцамъ. Съ 1745 года, въ восточной части Запорожья, урочище Ясеноватка сдѣлалось однимъ изъ главныхъ притоновъ для харцызовъ и характерниковъ, для гайдамакъ и гайдуковъ запорожскихъ. **[Далее говорится уже о действиях бахмутчан — LV]**. Съ 1770 года Бахмутскія, провинціальная и воеводская, Канцеляріи особенное вниманіе обратили на эту мѣстность и всѣми силами старались заселить ее народомъ семейнымъ и осѣдлымъ. Приливъ народа въ богатыя и плодородныя, но пустыя и безлюдныя степи Новороссійскаго края изъ турецкихъ и цесарскихъ владѣній помогъ земскимъ комисарамъ населить Ясеноватку и околичныя урочища православными христіанами—молдаванами и волохами: въ Бахмутскихъ степяхъ явились населенныя мѣстности Государевъ Баеракъ, Ясеноватая, Зайцева, Железная Балка, Землянки и проч. По открытіи въ 1774 году Азовской губерніи, всѣ эти слободы въ 1777 году, по распоряженію Азовской губернской Канцеляріи, предназначены быть воинскими государственными слободами»* [17, с.720-721].

— «Среди славныхъ, богатыхъ и плодородныхъ, роскошныхъ и живописныхъ степей Донецкихъ мѣстность Макарова Яра издавна составляла любимый кутокъ и пріятное убѣжище для запорожскаго казачества. По распоряженію Коша запорожскаго, въ 1660 году здѣсь поселена была зимовникомъ часть Суходольскаго пикета, коей наказомъ Кошеваго приказано было строго слѣдить за перелазами турецко-татарской орды и за движеніями въ средѣ Донскаго казачества. Къ пикету скоро присоединилось нѣсколько бурлакъ, всякаго рода охотниковъ, людей бездомныхъ и безродныхъ, вольныхъ и свободныхъ. Въ 1690 и 1700 годахъ жильцы "байрака Тертишнаго и оврага Скелетоваго", въ

окресностяхъ нынѣшняго Макарова Яра, партіями доставляли уже въ Бахмутскую крѣпость[25], на продажу, значительное количество скота, хлѣба и другихъ продовольственныхъ припасовъ. Около 1738 года на этой мѣстности поселился обшитованный, отставный престарѣлый запорожецъ Макаръ Безродный. Устроивши здѣсь обширный зимовникъ со множеством землянокъ, Макаръ до конца дней своихъ, съ своею челядью, съ своими наймитами, усердно занимался скотоводствомъ и хлѣбопашенствомъ, жилъ долго и имя свое оставилъ, на память, своему зимовнику.

Въ 1773 году Макаровъ зимовникъ, Макаровъ Яръ, на огромномъ пространствѣ десятинъ земли въ окружности, по указу Бахмутской провинціальной Канцеляріи, получилъ въ собственность полковникъ Аврамъ Гавриловичъ Рашковичъ и немедленно началъ заселять его народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, вольнымъ и свободнымъ, изъ дозволенныхъ мѣстъ. 3-го сентября 1775 г. Бахмутскаго уѣзда слободы Макарова Яру, помѣщикъ, полковникъ и депутатъ Аврамъ Гавриловичъ Рашковичъ съ жителями <…>» [17, с.776-777].

Получается, что в первом случае Макаревский пишет о том, что в районе истока Кривого Торца в конце XVII века якобы жило несколько человек престарелых отставных запорожцев. Потом следы заселенности надолго пропадают, и только с середины 1740-х годов данный район становится популярным у запорожских разбойников (это не о постоянном населении!). И только с 1770 года бахмутчане стали целенаправленно его заселять и устроили здесь слободы. Во втором случае – что отставной («обшитованный») запорожец Макар Безродный устроил около 1738 года себе зимовник (хутор) на пустых, незанятых землях (принадлежащих тогда войску Донскому), в 17 верстах юго-восточнее уже существующей станицы Луганской. И жил он здесь долго и зажиточно. И после смерти Макара его имя закрепилось за этим хутором. А слободу здесь устроил и начал заселять переселенным народом бахмутский полковник Рашкович в 1773 году. И уже к 1775 году она была весьма значительной, что позволило Рашковичу получить разрешение на устройство здесь церкви. Ну и где здесь Макаревский упоминает о запорожских слободах/селах? То есть, информация о крупных запорожских поселениях в этих местах является поздним фейком, устоявшимся историографическим мифом. Не лучше обстоят дела и с другими аналогичными «поселениями» в ведомстве нашей паланки, которые сейчас массово штампуются историками и краеведами, но о которых сами запорожцы даже не подозревали.

Повторим еще раз. С 1743 года по апрель 1746 года – основная запорожская паланка была на Мокром Еланчике. Было ли при этом одновременно и еще одно запорожское поселение в устье Кальмиуса – вопрос пока дискуссионный. Но зато можно точно сказать следующее. Что с момента уничтожения донцами Еланчицкой паланки в апреле 1746 года и вплоть до эвакуации всего ведомства Кальмиусской паланки осенью 1768 года, во всем огромном ее ведомстве было только 1 (одно) поселение. Которое и называлось Кальмиусской паланкой или просто Калмиусом (Калмиюзом, иногда — Калмусом). И оно НИКОГДА в запорожский период не называлось Кальмиусской крепостью, Кальмиусской слободой, Домахой, крепостью Домахой, городом Домахой и т.п. Таких вариантов названий источники вообще не знают, это уже выдумки позднейших краеведов. Других населенных пунктов (типа сел и деревень) в ведомстве нашей паланки НЕ БЫЛО. Было только некоторое количество (не слишком большое) зимовников. Большинство из них было сосредоточено (иногда «гнездами» по два-три зимовника) в приморской зоне и в нижнем течении наших местных рек. В глубине степей, на реках и обводненных балках, зимовников было очень мало и между ними обычно были большие расстояния. Проживало в них обычно от одного

[25] В реальности Бахмут как населенный пункт возник только в первые годы XVIII века.

до четырех-пяти человек (да и то, чаще всего, именно на зимний период, потом расходились). Многолюдные запорожские зимовники, на несколько сот человек – это плод фантазии церковного историка Феодосия (Макаревского), такое поселение неминуемо превратилось бы в слободу, с отражением его существования в документах. Также и многолюдные населенные «бикеты» (пикеты, сторожевые посты) — это выдумки наших краеведов на основе фантазий Макаревского в «древне-запорожском слое» его книги.

Но иногда и оригинальные документы могут сбить исследователей с толка. Так, много шума надела публикация в 8-м томе «Архива Коша Новой Сечи» письма в Кош от перекопского бея Сахиб-Гирея от 1756 года (его перевод, сделанный, вероятно, сечевым толмачом, попадет в Киев 25 сентября того года). В нем бей жалуется кошевому атаману на обиды от запорожцев татарам. И там, в частности, есть такая фраза: *«<…> Живущия* ***при Калмиюсе казаки, из деревни, Пул называемой*** *[выделение LV], вышедшия, напали в тех местах при морских берегах на стоящия кошы Сейд Алах Велия, называемого члвка, у атамана ево отняли одну лошадь, один сайдак, одно седло да другое вьючное седло ж <…>»* [27, с.376]. Из этого сообщения некоторые украинские историки поспешили заявить об открытии упоминания некоей деревни Пул в ведомстве Кальмиусской паланки.

Это сразу вызвало большие сомнения у автора, так как ничего похожего в наших краях по другим первоисточникам даже не проглядывает. К счастью, в этом томе «Архива…» опубликован не только сам перевод XVIII века, но и фотокопия оригинального татарского письма. А также и ответ Коша перекопскому бею от 6 октября 1756 г. (где ни про какую «деревню Пул» уже не упоминается) [АКНЗС, 8, с.375-379]. Поэтому автор обратился за консультацией к украинскому историку-востоковеду А.И. Галенко с вопросом о том, насколько совпадает сечевой перевод с татарским оригиналом этого документа. И вот что ответил уважаемый Александр Иванович (спасибо ему!):

«Да, фотокопия отвечает документу-переводу. Что же касается "деревни Пул" (Pul kö-yünün), это место можно прочитать именно так, но можно прочитать и как "полковник"(pul-kov-nik). Скорее всего так и есть:

Qalmuyş nam mahalde olan pulkovnik qazaqlarından gelüp Qayalı nam mahalde sakin olan qoşlarda üzerine Sa'adullah Odaman nam adamın odamanın …'

'[хтось] з козаків полковника, який є у місці під назову Калмуїш, прийшли на отамана (себто пастуха) чоловіка на ім'я Саадулла Одаман, який мешкає у кошах, що у місцевості під назвою Каяли[26']».

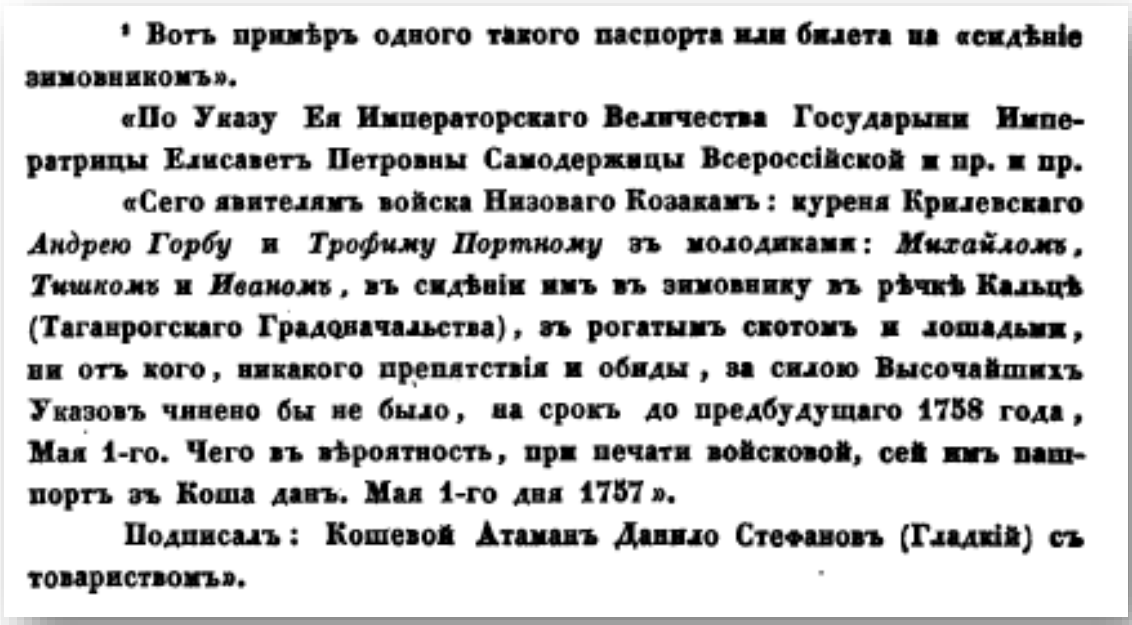
Получается, что в канцелярии перекопского бея при составлении данной жалобы зачем-то попытались фонетически воспроизвести славянское название должности «полковник». А украинский толмач на Сечи, никак не ожидавший от них такого подвоха, попытался (не очень удачно) дословно перевести это слово с тюркского. Так и родилась (ненадолго) эта *«деревня, Пул называемая»*. Это оказалось тоже фантомом[27]…

Другой миф, также усердно насаждаемый украинскими историками – это настойчивые попытки увязать весь ареал рапространения запорожских зимовников с пределами Запорожских Вольностей. В середине XVIII века Кош в своих Вольностях пытался хоть как-то регламентировать и отслеживать появление и функционирование зимовников холостых казаков, требуя, чтобы их хозяева ежегодно получали соответствующие «пашпорта» в Сечи

[26] Название Каялы (тюрк. - «каменистая»), с различными дополнительными определителями, вплоть до XIX в. носили несколько небольших рек и балок между Бердой и Молочной, например, Берды-Каяли, Каяли-Кулак, Каяли-Джуюшан [28, с.31].

[27] Несколько подробнее об этом сюжете можно узнать в авторской статье «Закрытие открытия. Деревня Пул называемая» https://papacoma.narod.ru/articles/panopticum/derevnya_pul.pdf .

(см. рис.5). Но также известно, что некоторые запорожцы самовольно поселялись зимовниками на территории Крымского ханства (например, к востоку от нижнего Днепра и на правобережье низовьев Берды). Администрация Коша (то по собственной инициативе, то по письменным жалобам крымцев) с переменным успехом пыталась их оттуда сгонять. Также было вполне возможно появление вне Вольностей отдельных запорожских зимовников и на незаселенной территории их российских соседей. Так, можно вспомнить о реальных зимовниках на «донском» левобережье нижнего Кальмиуса в середине 1760-х годов (на карте А.И. Медера их показано 4 штуки) или беглое упоминание академиком Гильденштедтом в 1773 году, что у запорожцев ранее были зимовники между Кальмиусом и Миусом, исчезнувшие в связи с началом войны с турками. Но в подобных случаях территоривальные и количественные масштабы такого расселения были намного скромнее, чем это принято считать на основе данных Макаревского. И, самое главное, большинство таких зимовников Кош вообще никак не контролировал и не учитывал! Незаселенность территории по соседству вовсе не была равнозначна полному отсутствию контроля со стороны ее хозяев. Так, у слобожан и бахмутчан до войны была четко действовавшая система отводных караулов и пикетов со стороны беспокойной Степи (у донцов с прикрытием их восточной границы, после ее переноса с Миуса на Кальмиус, было похуже). То есть, запорожским переселенцам на территории соседей приходилось договариваться с тамошним начальством и встраиваться в местную жизнь (даже Петр Велегура утверждал в 1767 году, что некие донские старшины ранее разрешили ему хозяйствовать на левобережье нижнего Кальмиуса). Кошу такие зимовники (кроме самых ближних к Вольностям) уже не подчинялись. И кошевая администрация **никогда** не выставляла упоминание о наличии своих зимовников на какой-то территории в качестве аргумента при своих многочисленных территориальных притязаниях к соседям! У Коша (с 1753 года) главным (и обычно единственным) был другой аргумент – исторические притязания на основе так называемого «Универсала Батория-Хмельницкого». Но это уже совсем другой сюжет.



¹ Вотъ примѣръ одного такого паспорта или билета на «сидѣніе зимовникомъ».

«По Указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссійской и пр. и пр.

«Сего явителямъ войска Низоваго Козакамъ: куреня Крилевскаго *Андрею Горбу* и *Трофиму Портному* съ молодиками: *Михайломъ*, *Тишкомъ* и *Иваномъ*, въ сидѣніи имъ въ зимовнику въ рѣчкѣ Кальцѣ (Таганрогскаго Градоначальства), съ рогатымъ скотомъ и лошадьми, ни отъ кого, никакого препятствія и обиды, за силою Высочайшихъ Указовъ чинено бы не было, на срокъ до предбудущаго 1758 года, Мая 1-го. Чего въ вѣроятность, при печати войсковой, сей имъ паспортъ съ Коша данъ. Мая 1-го дня 1757».

Подписалъ: Кошевой Атаманъ Данило Стефановъ (Гладкій) съ товариствомъ».

Рис.5. Пример текста запорожского пашпорта 1757 года на сидение зимовником на речке Кальце (Кальчике) [2, с.64]. Слова в скобках про Таганрогское градоначальство добавлены публикатором А.А. Скальковским в качестве поясняющего комментария.

Попутно хочется отметить, что невзирая на широко укоренившееся мнение, что Славяно-Сербия в Подонцовье была основана на запорожских землях – оно не имеет под собой никакого реального обоснования. Первым его высказал проживавший в Одессе историк А.А. Скальковский. В первом (еще очень «сыром») издании своей «Истории Нового Коша…» он в абзаце про Кальмиусскую паланку записал так: *«На ея землях, в половине XVIII столетия, основана Славяно-Сербия, давшая начало Екатеринославской губернии»* [21, с.33-34]. Позже, в конце XIX века, епископ Феодосий (Макаревский) в «древне-запорожском» слое своей книги о церковной истории Екатеринославской губернии, щедро насыпал и сюда некоторое количество *«древних старожитных запорожских займищ»*. Ни одно из которых также пока не было подтверждено независимыми документами, невзирая на все старания позднейших местных краеведов. Тем не менее, для формирования данной «мифологемы» — этого хватило.

На самом же деле, в отличие от других реальных случаев, где происходило урезание территории Вольностей, Запорожское руководство абсолютно равнодушно восприняла решение Правительства о поселении сербов на Бахмутщине и никак не пыталась его оспорить и обжаловать. Более того, даже и позднее Кош никогда не выдвигал своих претензий на данную территорию. То есть, здесь мы наблюдаем еще один устойчивый, но несостоятельный миф.

В действительности, у нас на сегодняшний день имеется не так уж много информации, позволяющей прикинуть «летнюю» и «зимнюю» населенность ведомства нашей паланки.

- Октябрь 1743 г., первый сгон запорожцев с территорий между Миусом и Кальмиусом. Тогда, по подсчетам донцов, они встретили здесь около 2 тысяч обычных малороссиян и не более сотни запорожских казаков. Но здесь и донские подсчеты были «на глазок», и подача информации ими для сведения руководства Империи была очень предвзятой.

- Перечень зимовников ведомства Кальмиусской паланки, составленном местным полковником Г.Ф. Гаркушей 5 октября 1756 года (уже рассматривался ранее). В нем указаны местности (к сожалению, в основном без четких привязок), где располагались учтенные полковником 29 зимовников с обитавшими там в «односумстве» 62 казаками. При этом в данном перечне совсем не учтены зимовники, расположенные в северной половине ведомства его паланки (хотя они там, без сомнения, тоже в каком-то количестве существовали).

- Присяга на верность Екатерине II в 1762 году. Тогда в Кальмиусской паланке присягнуло 674 казака, а также неуказанное количество лиц неказачьего звания. Повторимся, дело происходило летом, когда в наших приморских местах был большой наплыв желающих заработать на рыбных ловлях или на торговле рыбой. То есть, из числа присягнувших лишь небольшая часть была местным постоянным населением.

- Январь 1768 г. Ответ из крепости св. Анны на запрос Коллегии иностранных дел по поводу ситуации в барьерных землях. Тогда в барьерных землях северного Приазовья (грубо говоря, в приморской зоне) согласно текстовой части ответа указано 23 зимовника к между Бедой и Кальмиусом, 4 зимовника на крымской стороне Берды (т.е. за границей Российской империи) и неуказанное число запорожских рыбных заводов на Белосарайской и Ляпинской косах. Кроме того, вне барьера, вверх по рекам Кальмиус и Кальчик – еще «до 50 зимовников». Из-за необходимости срочного ответа данные сведения получены руководством крепости св. Анны не от администрации Кальмиусской аланки, а явно от проживавшего в той же крепости купца Самарина, имевшего в той стороне деловые интересы. Но

если приморье он знал относительно неплохо, так как осуществлял там разъездную торговлю, то в глубину степей ему соваться смысла не было. Там покупателей почти не было, зато было много разбойного люда. Поэтому понятно, что информация о количестве зимовников вверх по Кальмиусу и Кальчику очень приблизительная и неточная, названная наугад. Также в текстовой части ответа говорится, что в самой Кальмиусской паланке как поселении имеется всего 19 зданий (включая сюда и церковь, и хозяйственные постройки). Похожая ситуация показана и на плане паланки, прилагавшемся к ответу. Он более подробный, на нем показано 28 зданий (включая культовые и хозяйственные постройки), из них всего 14 жилых (включая сюда и избу-*«паланку, в которой жительство имеет полковник»*). *«Курени или избы, где жительство имеют казаки»* были примерно напополам разделены на рубленные наземные здания и землянки. И, вероятно, бóльшая их часть предназначалась не для индивидуального, а для группового проживания, как это практиковалось у запорожцев.

- И некоторым диссонансом из этого ряда выбивается информация из письма генерал-майора А.А. Прозоровского. Он сам в Приазовье не был, но получил эти сведения от руководства Запорожского войска, с которым тогда ему пришлось тесно взаимодействовать по военным делам. Вот что он написал в своем письме от 25 июня 1770 г. к президенту Военной коллегии графу Чернышеву: *«22. Как скоро нынешняя с Портою Оттоманскою война открылась, то запорожцы тотчас в совете своем положили все селения, лежащие от устья Самары до реки Конской по рекам Волчей, Терской [Терса — LV], Сухим и Мокрым Ялам, по Торцу и по Калмиусу — сжечь, а некоторые оставить без жителей. Что того ж времена и исполнили.* ***Селение в устье Кальмиуса, где было дворов до пяти сот и церковь, сожгли*** *[выделение мое — LV], а жителей всех согнали к устью Самары и к Сече запорожской»* [10, с.353]. Здесь у него про 500 дворов в нашей паланке явно какая-то ошибка. Такое количество домов – это примерно 2 – 4 тыс. жителей, а само поселение должно было бы быть примерно как половина нынешней Сартаны. По тем временам в Степи это был бы огромный «мегаполис», но в реальности его так никто из современников и не заметил. Причем такая численность домостроений не получилась бы, даже если к реальной численности строений в Кальмиусской паланке (включая и нежилые) прибавить все довоенные зимовники, располагавшиеся к югу от Самары и Волчьей. Сумма все равно получилась бы в разы меньше! Поэтому здесь явно получилась какая-то порча информации.

Подводя итог, можно примерно предположить, что в довоенное время (до начала осенью 1768 года очередной войны с турками) «летнее» количество населения в запорожской части Северного Приазовья (от Берды до Ляпинской косы) скорей всего могло составлять несколько сотен запорожских казаков и до нескольких тысяч посполитых малороссиян. Это, примерно, получается, как если половину от жителей Сартаны (население 10 тыс. человек) более-менее равномерно распределить на всю приморскую часть будущего Мариупольского уезда. Это очень немного. А в центральных и северных районах того же будущего уезда – ситуация с плотностью населения была еще хуже и мало отличалась от нулевой.

Причем бóльшая часть из этого «летнего» населения с приближением холодов разъезжалась в свои родные места – в Малороссию и в ведомства северных паланок Запорожских Вольностей. Зимовать здесь оставалось в лучшем случае лишь от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Но даже такое «зимнее» население ведомства нашей паланки не получается всё отнести к ее постоянному населению. Так как многие из зимующих, как настоящие вахтовики, задерживались здесь на заработки лишь на несколько лет, потом возвращаясь в свои родные места. Поэтому, в строгом смысле, постоянного запорожского населения, которое бы прочно и осознанно связало свою жизнь именно с Северным Приазовьем – было тогда ОЧЕНЬ мало, хорошо если несколько десятков человек. Как удачный

пример здесь можно привести знаменитого в нашей истории запорожца Петра Велегуру, который прожил в наших краях с середины 1740-х годах и по крайней мере до начала 1790-х годов.

После возврата в 1772 году в Приазовье запорожцев, здесь вновь появились их рыбные заводы и зимовники. Но вряд ли до конца турецкой войны (июль 1774 года) они имели шансы на значительное развитие. Вот после окончания войны – там да, там скорей всего был взрывной рост рыбных промыслов в Северном Приазовье и всего, что с этим было связано. Но вот успело ли тогда восстановиться (пускай даже в зачаточном состоянии) запорожское поселение при устье Кальмиуса – из документов пока не видно. Могло и не восстановиться вовсе, так как местный полковник Петрв Велегура тогда опять поставил себе паланку на Мокром Еланчике.

А всего год спустя, уже и сама Запорожская Сечь была ликвидирована. И в наших краях начался уже новый период жизни. По рапорту от 13 января 1776 года кальмиусский земской комиссар, секунд-майор П.Т. Горленский направил азовском губернатору В.А. Черткову рапорт с перечнем из 247 бывших запорожцев, проживавших на тот момент в Кальмиусском уезде, *«кои к преступлениям кошевого и его единомишленников ни мало не участвовали и за службы свои в минувшую войну достойни ползоватся жалованьем и провиянтом»* [РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.7, л.432, 434-437об.]. 22 января он подготовит еще один рапорт, в котором дополнительно укажет еще 5 казаков (в том числе и трех местных старшин) [РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.7, л.433]. Также и документы Азовской губернии за 1775 – 1779 года будут показывать в нашем уезде довольно скромное количество населения. Из них оседлого — даже к 1779 году будет набираться в трех поселениях чуть больше двух сотен человек (вместе с женщинами). Поэтому от запорожского времени тут оставалось населения не особо много.

Девятый момент. Немного о хозяйственной жизни ведомства нашей паланки.

Как уже неоднократно говорилось, основной отраслью хозяйствования в ведомстве Еланчицкой/Кальмиусской паланки были морские рыбные ловли (и именно за них шла жесткая конкуренция с донцами). Рыбаки на лодках выходили в море и выставляли на мелководьях сети. Или по тем же мелководьям (вброд) вручную таскали неводы и бредни (они же «бродни») наемные работники — «заброды». А поскольку желающих поправить свое финансовое положение было много, а в ведомстве нашей паланки все лучшие для ловли места на побережье в начале теплых сезонов оказывались быстро заняты, то опоздавшим приходилось искать другие места для лова. Судя по документам, за Берду, к тамошним ногайцам, запорожские рыболовы плавать не рисковали. Иногда пытались заплыть к донцам, но те реагировали на такие попытки быстро и жестко. Оставался еще свободным южный берег Таганрогского залива. Судя по тому, что запорожцы туда заплыли уже весной 1743 года, сразу после своего вселения в Приазовье, эта сторона моря была, скорей всего, им также знакома еще с их крымского периода. В описываемое же время западная часть этого побережья, начиная от Ейского лимана, оставалась турецким владением. И хотя на тот момент она вообще не была заселена, заплывать туда подданным Российской империи не разрешалось. А побережье к востоку от Ейского лимана с 1741 года являлось барьерными землями, не принадлежавшим ни одной из империй. Вообще-то, по условиям мир-

ных трактатов, в барьерных землях сезонные хозяйственные промыслы (в том числе и рыбные ловли) жителям обеих стран прямо разрешались. Но донцы, ловко проведенной интригой, добились от центральных властей указа с запретом для запорожцев рыбачить в этой части барьерных земель (в дальнейшем регулярно обновляемого). Во исполнение этих указов войско Донское в середине 1740-х годов периодически гоняло запорожцев с южного берега Таганрогского залива, но и своим казакам там рыбачить тоже не разрешало. Тем не менее, запорожцев это никогда не останавливало, и они раз за разом сюда возвращались. Южнее Должанской косы (и лишь иногда – кос Ясенского залива) запорожцы тогда обычно не заплывали. Возможно – из-за конкуренции с турецкоподданными некрасовскими казаками, которые со стороны Тамани тоже активно занимались рыбным ловом.

Автор пока не встречал в документах упоминания того, где именно местные запорожцы брали себе лодки. В Северном Приазовье древесина и в те времена была в жестком дефиците. Байрачные леса были известны на Миусе и Крынке (наиболее значительными из них были Леонтьевы, Глухие и Орловские буераки). В текстовой расшифровке к карте Азовского моря инженер-полковника Л. Гартунга, составленной по результатам похода армии П.Ласси из Азова в Крым в 1737 году, отмечено также, что на речке Самбек и балке Носова (впадает в Миусский лиман) *«леса мало»*. А вот про речки Мокрый и Грузской Еланчики говорится, что *«обе здоровую воду и в угодьях своих лесу довольно имеют»* [РГАДА, ф.192, "Театры войны / России и Турции", с.281, №21]. Но и Миус с Крынкой, и оба Еланчика отошли донцам уже по сенатскому указу 1746 года. А вот по Кальмиусу и Берде на карте Гартунга леса вовсе не упоминаются. Но, с учетом наличия на среднем Кальмиусе названий типа балка Дубовая, балка Вербовая, Московский пристенок – какие-то небольшие лесочки были и здесь. Вот только для массового изготовления лодок их было явно недостаточно. Поэтому, скорей всего, запорожцам приходилось везти посуху лодки из Поднепровья или же покупать их у донцов.

Рис.6. Перевозка лодок в Херсон. Рисунок Жана-Анри Мюнца, 1781 год.

Речные же ловли в реках Северного Приазовья особо тогда не котировались. По сравнению с морским рыбным промыслом их продуктивность и прибыльность была намного меньше. Исключение составляло лишь время нереста, когда многие промысловые морские рыбы массово заходили в реки, чем активно пользовались местные рыбаки. Вероятно, именно для таких целей запорожцы и прорыли узкий канал между Кальмиусом и озером Домаха (которое на плане Питера Бергмана 1702 года показано еще не соединенным с рекой). На плане Кальмиусской паланки 1768 года мы видим этот искуственный канал проходящим по дуге и соединяющимся с центральным устьем Кальмиуса под острым углом (в том месте, где много позже будет сделана гавань Шмидта, она же — Ковш). Именно такая форма канала была удобна для захода нерестящейся рыбы и направления ее в замкнутый бассейн озера. Получалась естественная ловушка, которую можно было дополнительно усилить временными заграждениями.

Подобные преграды для рыбы (*«гарды или заколы рыбные»*) использовались запорожцами и в их знаменитом Гарде на Буге. Возможно, именно поэтому в прожекте по ликвидации войска Запорожского, составленном в 1765 году генерал-майором Карлом Штофельном, Кальмиусская паланка также названа Гардом: *«<…> Донскому Войску Имянной Указ. Тысячу человек донских казаков при весма порядочних старшинах, пошлите немедленно туда, куда от нашего генерала майора Штофелна чрез особливаго надежнаго штап офицера вам обстоятельно знать дано будет. Оному штап офицеру при той тысячной команде быть командиром. В Санкт Петер Бурге 1765 года 1 апреля. / Из[ъ]яснение для чего Указ Имянной Донскому Войску. 25 мая 1765 года вышеупоминаемой донской команде должно* ***на Калмиусе реке быть, там Запорозкой Гард****, покуда им все то из[ъ]яснится, чтоб оне в страх не пришли и не розбежались. / Вся сила в посылке всех команд состоит в том, чтоб строгую дисциплину и большой порядок во всем содержать, в прочем надежда на Бога. <…>»* [22, с. 52–53]. Хотя, судя по другому фрагменту того же текста, Штофельн мог называть Гардами (по сходству со словом «город»-«град»?) и просто запорожские поселения-паланки.

Пойманную в невероятных количествах морскую рыбу на берегу солили или же вялили и коптили (*«спетая рыба»*). В некоторых документах прослеживается даже специализация части рыбных заводов по способу приготовления рыбы. Для подготовки рыбы использовали различное специализированное оборудование и приспособления, особенно часто упоминаются широтвасы (ушат, чан из половины бочки). Соль для засолки обычно привозили самосадную с Бердянских соляных озер. Те располагались за Бердой, на крымской стороне, но у малороссийских казаков и запорожцев там издавна (как миниумум с конца XVII века) были налажены взаимовыгодные коммерческие отношения с крымцами, поэтому особых проблем с этим не возникало.

Небольшая авторская выборка из запорожской жалобы на убытки (возможно, несколько завышенные), понесенные ими при сгоне донцами в апреле 1746 года с территорий между Миусом и Кальмиусом. Упоминаемые количества и цены по отдельным видам рыб. Помимо морских встречаются и некоторые чисто пресноводные (речные) виды.

- чабаки (вид леща). Считались только тысячами (более десятка упоминаний). Чаще всего упоминаются в количествах от 1,5 до 5 тысяч. на одного хозяина рыболовного завода. Но встречаются и до 30 тыс. Цена — 4 — 5 руб. за тысячу.

- сула — тоже тысячами, но упоминается реже (2 упоминания). 10-12 руб. за тысячу.

- карп. Одно упоминание, 8 тыс., 70 руб. за тысячу.

- сом. 1 упоминание, 200 шт., 18 коп. за штуку.

- щука. 1 упоминание, 200 шт., 5 коп. за штуку.

- осетр. 2 упоминания (50 шт. и 27 шт.). 30-35 коп. за штуку. Балык осетровый — 1 руб. за пуд.

- белуги. 1 упоминание, 2 шт. по 1 руб.

- севрюги. 1 упоминание, 100 шт., по 10 коп. за штуку.

- *"бычи"* (бычки). 1 упоминание, 2 пуда по 2 руб. 25 коп. за пуд.

- тарань (в другом источнике встречена фраза: *"подлая рыба тарань"*). 1 упоминание, 4 тыс., по 1 руб. за тысячу.

За рыбой проезжало множество чумаков из северной части Запорожских Вольностей, Малороссии и Слобожанщины. Крутились здесь и заезжие купцы (в том числе из крепости святой Анны и из великороссийских губерний). Купцы тоже периодически пытались (с переменным успехом) встроиться здесь в местную добычу рыбы. Попутно они также производили выездную торговлю всем необходимым для оторванного от цивилизации местного люда – от ниток для сетей до тканей и одежды. Коммерция здесь была для них насколько высокодоходной, настолько же и высокорисковой (как из-за разбойников, так и из-за деятельности местной запорожской старшины). На зиму подавляющее большинство народа уходило из ведомства нашей паланки и возвращались по своим домам и зимовникам в другие районы.

В великолепной и подробнейшей работе Н.Я. Данилевского «Описание рыболовства в Черном и Азовском морях» [23] чрезвычайно дотошно исследуется состояние рыбного промысла у кубанских и донских казаков по состоянию на середину 1860-х годов. И, понятно, что у кубанцев многие приемы ловли унаследованы от низовых запорожцев. Многое из описанного в книге позволяет лучше понимать сообщения источников о запорожской жизни XVIII века (например, о роли атаманов в рыбацких артелях или о функционировании системы жребиев при ежегодном распределении общественных рыболовных участков). В общем, для интересующихся этой темой (и имеющих очень много терпения) уважаемых Читателей – можно порекомендовать ознакомиться с этим обширным трудом Данилевского.

Но, вместе с тем, нужно сразу предупредить, что тогдашнее рыболовство на Азовском море, при всей его традиционности, все-таки имело развитие во времени, эволюцию и в приемах лова, и в условиях сбыта. Поэтому далеко не все, описанное Данилевским в 1860-х годах, можно автоматически распространять и на запорожские реалии середины 1740-х годов. Например, крюковые снасти, широко использовавшиеся на Азовском море во времена Данилевского, ни разу не упоминаются в перечнях имущества, утраченного при сгонах запорожцев донцами в 1743 и 1746 годах. Также и описанная им весьма прибыльная и распространенная зимняя подледная ловля – также пока не находит соответствия в запорожских документах рассматриваемого периода. Скорей всего она не имела тогда сколько-нибудь существенного значения из-за логистических проблем. Основные рынки сбыта тогда были еще очень далеко от мест лова, а зимой купцы и чумаки в наши края тогда предпочитали не ездить. О последнем

можно судить по тому, что для этого периода отсутствуют зимние жалобы торгового люда на грабежи на дорогах.

И несколько цитат из Данилевского, неплохо поясняющих, почему косы Азовского моря были так удобны для рыболовства и почему за них постоянно шла настолько ожесточенная борьба:

«<…> на рыболовной промышленности, имеющей, как и всякая другая, своей целью достигать наивозможно больших результатов при наивозможно меньших усилиях».

«<…> сравнительно я хочу здесь сказать, что там, где местность благоприятствует употребление невода, им заловится с меньшим трудом и в меньшее время больше рыбы, чем каким бы то ни было другим орудием в таком месте, где по местным условиям невод не может быть употреблен <…>».

«<…> Но эти же самые косы составляют в высшей степени удобные места, как для рыболовства вообще, так в особенности для тяги неводов. Море у этих кос довольно мелко, для того, чтобы невод, длиной в версту или немного более, мог хватать до дна, а между тем все еще достаточно воды, чтобы вытягивать его на берег; к тому же и дно у таких кос песчаное или ракушечное, так что нижняя подбора не загружает в тину и рыбакам удобно входить в воду для тяги. Почва кос, обыкновенно твердая, представляет по большей части пологого поднимающийся вал, по которому и удобно тянуть, и можно раскидывать снасти, для сушки на сухом месте, не опасаясь, чтобы их залило или снесло водой, разве только в необыкновенные бури, в редких случаях которых всегда можно принять предосторожности. Этот же возвышенный вал дает возможность устраивать необходимые заведения для приготовления рыбы и временные жилища промышленникам, не опасаясь подмочки товара. <…>».

Вторым по значимости хозяйственным занятием местных казаков была охота (в том числе капканная). Запорожские звероловы на Кальмиусе документально фиксируются еще с их «крымского» периода (а эпизодически могли заходить сюда и раньше). Упоминается охота на тарпанов (диких лошадей) и бобров. По прибыльности этот промысел не шел ни в какое сравнение с рыбным промыслом, поэтому занимались им не многие.

А вот скотоводство (и птицеводство) в ведомстве Еланчицкой и ранней Кальмиусской паланки пока не прослеживается. Понятно, что многие содержали лошадей, и волы здесь бывали (по крайней мере привозные, транзитные). Но вот упоминания другого крупного и мелкого рогатого скота, а также домашней птицы (или предметов, связанных с их содержанием) в документах автору пока практически не встречались, даже в многочисленных жалобах на донцов и разбойников[28]. Лишь в претензиях на донские сгоны 1743 и 1746 годов упоминается некая казачья «худоба», которую (в том числе) *«пограбили и поразорили»*. Но, судя по контексту, это имелся в виду не скот, а скорее движимое имущество, скарб, в его уменьшительном, скудном значении (сравни польское *chudoba* или слово «худобишка» в великорусских челобитных в аналогичном смысле).

[28]Лишь один раз встретилось упоминание двух коз.

Также в документах середины 1740-х годов пока не замечены и признаки появления земледелия и огородничества на начальном этапе существования наших приазовских паланок. В жалобах этого времени упоминаются лишь копны сена, скошенного казаками на приречных заливных лугах. Скорей всего оно шло на зимний корм лошадям. А вот на карте А.И. Медера 1767 года на низменностях левобережья нижнего Кальмиуса, напротив Садков и Волонтеровки и к северу от Калиновки, уже показаны какие-то обработанные участки – то ли пашни, то ли сенокосы. Они явно относились к показанным рядом запорожским зимовникам. Также три аналогичных участка при двух хуторах показаны и в низовьях Мокрого (Большого) Еланчика. Судя по «Описанию, учиненному селениям и рыбным ватагам …», эти хутора принадлежали донским казакам Федоту Козлову и Ивану Платову. У запорожцев же к этому времени неподалеку от Кальмиусской паланки, чуть западнее устья Митрополитской балки, имелась ветряная мельница. То есть, надо полагать, к этому времени хлеб здесь уже выращивали в достаточно заметных количествах. Эта мельница известна по нескольким источникам и будет уничтожена (самими запорожцами?) в начале русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов.

Очень уважаемым и прибыльным считались занятие шинкарством и разъездная продажа алкогольных напитков. У запорожцев (как и у донцов) была привилегия на свободное производство и продажу алкоголя в своих владениях. На плане Кальмиусской паланки 1768 года вдоль восточной стороны рынка показан ряд из четырех стоящих вплотную друг к другу камышевых шинков, работавших только в теплое время года. Известно, что шинки в паланке платно сдавались администрацией паланки во временную аренду, на что шинкарям выдавался «квиток» на определенный срок. Также по конфликтным событиям сентября 1767 года известно о существовании двух *«кабаков»* с горячим и виноградным вином на Ляпинской косе вблизи рыбных заводов. Один из них – *«ши[н]ковой один сарай, в коем только горячее вино»* тогда по требованию донцов был разломан и перевезен в паланку. За сохранение второго шинка его хозяин Петр Велегура тогда еще продолжал борьбу. Также запорожцы практиковали и разъездную торговлю алкоголем, плавая на лодках вдоль морского побережья. Донской старшине сильно не нравилось, что запорожцы такой *«тайный подвоз горилки»* делают и под донские рыбные заводы [24].

Еще один сюжет, связанный с местными запорожцами и продажей алкоголя[29]. Значительно позже, во времена Азовской губернии, между ее администрацией и руководством войска Донского развернется горячий спор о принадлежности бывших барьерных земель (в том числе и между устьями Кальмиуса и Миуса) и о праве вести там торговлю алкоголем. Один из заинтересованных участников этого спора, *«оной же крепости Димитриевской, Азовской и Таганрогской крепостей и Днепровской линии питейных зборов содержатель, коронноповеренный войсковой товарищ»* Иван Тимофеев подготовит обширное и подробное обоснование, почему питейный откуп в этих местах нужно отдать не донцам, а ему. По его утверждению, ранее (вероятно до начала в 1768 году войны с турками?) на побережье между устьями Кальмиуса и Миуса (на тот момент еще большей частью контролировавшемся донцами) уже производилась некими неназванными *«верными сборщиками»* откупная торговля алкоголем: *«Где и ныне старые места бывших питейных домов на Семеновской, Кри-*

[29] Документ любезно предоставлен С. Козловым.

вой и Безъимянной [косах — LV] имеютца». В 1771 году откуп Тимофеева расширили на восстанавливаемые Азовскую и Таганрогскую крепости (до того он с 1766 года действовал только в крепости св. Димитрия Ростовского). А начало выполнения своего питейного откупа на побережье между Кальмиусом и Миусом он относил еще к запорожскому периоду. Когда в 1772 году в Приазовье вернулись запорожцы, они захватили у донцов земли до самого Миуса и, естественно, попытались сами наладить торговлю алкоголем на своих рыбных заводах в этих местах. *«А как к таковой же на морских косах продаже [алкоголя — LV] зачали было усиливатца запорожские козаки»*, то Тимофеев стал жаловаться комендантам ближайших русских крепостей. Реагируя на эти жалобы, обер-комендант крепости святого Димитрия Ростовского генерал-майор Потапов написал обращение к *«Кальмиюскому полковнику Запорожскому Велегуре»*. А от коменданта Таганрогской крепости генерал-майора де Жедераса (Дежедераса) *«и нарочной для згонки упоминаемых запорозцов ротмистр Евдокимов с командою был посылан, где уже после того с корчемными питьями более их [запорожцев — LV] и не оказывалось»*. К сожалению, год этих событий Тимофеев не указал (1772?). Но, по его словам, после этого на его права здесь более уже никто не покушался: *«И таким образом, во все время содержания моего откупа ниотколь помешателства не происходило, почему на всех от Таганрога морских косах до Калмиюса, как и выше донесено, питейная к откупу моему продажа (кроме времени прошедшей опасной болезны и колебания бывших запорозцов) безпрепятственно производилась»* [РГАДА, ф.16, оп.1, д.797, ч.10, л.475-479об].

Еще в Кальмиусской паланке имелась кузница. Ее помещение было расположено несколько в стороне от других зданий паланки, с ее подветренной стороны.

Десятый момент. О системе дорог на Мариупольщине в начале запорожского периода.

По этому вопросу (примерно до рубежа 1740-х – 1750-х годов) мы имеем только отрывочные данные. Несомненно, что с глубокой древности существовала дорога вдоль северного побережья Азовского моря между Крымом и низовьями Дона. По ней обычно происходило оживленное движение – от одиноких всадников до целых купеческих караванов. Во время русско-турецкой войны 1736 – 1739 годов по этой дороге несколько раз протопала в Крым и обратно нижнедонская часть армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси. Известно много рукописных и печатных мелкомасштабных карт с отображением их пути. Кальмиус они тогда пересекали по мосту из лодок, устроенному в нескольких верстах от моря. Но в середине XVIII века, при запорожцах, эта дорога потеряла свое прежнее транзитное значение, так как Азов и Таганрог лежали в руинах, а сухопутная торговля крымских татар и забердянских ногайцев с Черкасском и крепостью святой Анны производилась лишь эпизодически и в небольших количествах. Тем не менее, этой дорогой продолжали пользоваться, хотя и значительно менее активно. Мы, например, знаем довольно много упоминаний о поездках запорожцев для торговых дел с Еланчика в столицу донцов Черкасск.

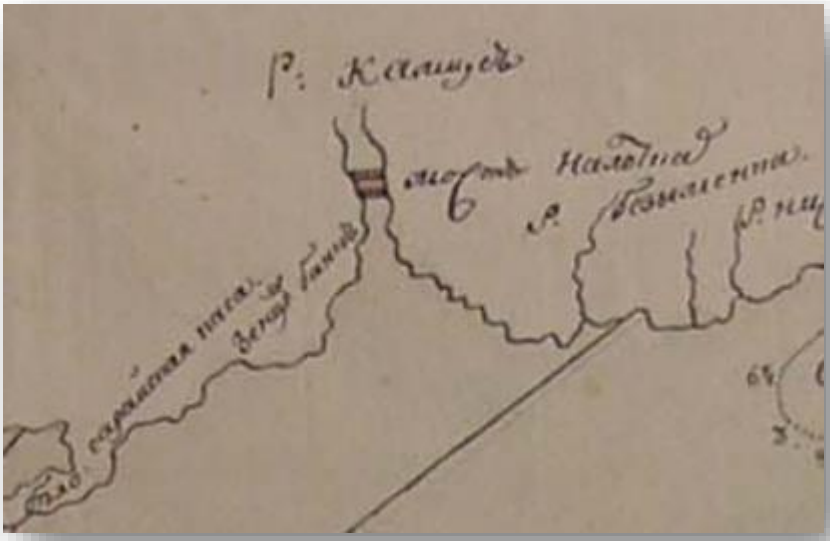


Рис.7. Фрагмент рукописной карты Азовского моря Д. Герценберга, 1739 года. На Кальмиусе показан «*Мост на лотках*» (на лодках).

Но, пожалуй, единственное более-менее подробное описание этого пути (по периоду до 1750 г.), известное автору на сей момент, оставлено поручиком Петром Зубаревым и толмачом Федором Матвеевым. Которые в 1747 году сопровождали из Астрахани в Крым пятерых турок, выкупленных астраханским губернатором из туркменского плена. Попутно они собирали и разведывательную информацию о татарах и турках. О своей поездке Зубарев представил в Астрахани рапорт и путевой журнал (оригиналы которых автору книги пока найти не удалось), которые известны по сокращенным пересказам, опубликованных В.В. Александровым в 1895 и 1897 годах [25] и П. Юдиным в 1898 году [26]. Свой путевой журнал Зубарев вел не по всему своему пути, а только от момента выезда из крепости святой Анны и до возвращения туда же. Как отмечал Александров: *«В журнале этом помещен весь маршрут Зубарева с указанием мест, чрез которыя он проезжал, речек и даже наиболее важных колодцев, указано в большинстве случаев разстояние (по часам) между разными пунктами, сколько времени тратилось им на ночлег и проч.; тут-же помещены и другия его наблюдения, относящияся главным образом к возложенному на него поручению»*. Но по интересующим нас местам более подробный пересказ этого журнала приведен у Юдина: *«<…> потом 4-го числа [июля — LV] переправился чрез реки Миус в Каменном броде и Некле[30] и 5-го реки Самородку[31] и Еланчик Первый. Прибыв 6-го Июля на р. Другой Еланчик[32], он ездил с письмами от коменданта крепости Св. Анны Качинского и Донского атамана Ефремова на устье р. Калмиуса к одному Запорожскому полковнику, который стоял тут со своим отрядом, и взял у него двух казаков "для конвоя до Турецкой границы", до которой было только два дневных перехода (реки Колец, вершина буерака Самарина[33] и р. Камышеватая[34]). 8-го числа Зубарев достиг р. Берды и отпустил от себя Запорожцев. Тут был "рубеж". За Бердой начинались уже Крымские степи <…>»*. Судя по

[30] р. Неклиновка
[31] р. Мокрая Сарматка
[32] Скорей всего – Грузской Еланчик
[33] Самарина балка на юго-западе Мариуполя
[34] Впадает в море между нашими селами Ялта и Урзуф

этому пересказу, даже после того, как Зубарев получил проводника от запорожцев, его повели не через паланку в устье Кальмиуса, а обвели севернее, по бродам через Кальмиус и Кальчик (через нынешний Ильичевский район Мариуполя). О дальнейшем его пути, из-за слишком краткого пересказа, можно только догадываться. Скорей всего, он проехал по дороге между Самариной Балкой и Сухой Белосарайкой, с выходом к району правобережья устья Мокрой Белосарайки, а оттуда уже – к Берде. Но, не имея полного текста его дневника, это точно утверждать нельзя.

По периоду после 1750 года сведений о местных дорогах известно больше. Но об этом расскажем уже в одной из других книг.

На этом нашу тему про паланки мы, пожалуй, и закончим. Всем, кто смог все это дочитать – спасибо за внимание и терпение!

Список литературы:

1. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 2. Владимир. 1908.

2. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 1. Одесса. 1846.

3. Устное повествование бывшаго запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки Никиты Леонтьевича Коржа. — Одесса: В городск. тип., 1842.
https://archive.org/details/20200408_20200408_1209/page/7/mode/2up?view=theater

4. Потапенко С. Еліта Слобідської України. Списки козацької старшини 60-х років XVIII століття, Харьков, 2007

5. Материалы для истории запорожских Козаков: (Из истории Запорож. сечевого архива за 1770 и 1771 гг.) // ЛЕУАК. – Екатеринослав, 1909. – Вып. 5.
http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13089-ekaterinoslavskaya-uchenaya-arhivnaya-komissiya-letopis-ekaterinoslavskoy-uchenoy-arhivnoy-komissii-ekaterinoslav-1904-1915

6. А. Шмит. Несколько новых документов о Запорожской Сечи и ея землях // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД), т.IV, Одесса, 1858, с.467-469, табл.XI.

7. Эварницкий Д. И. Карты Украины и Запорожья и планы р. Днепра. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905)
https://papacoma.narod.ru/articles/karty_zaporozya.htm

8. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: У 3 т./ Редкол.: П.С.Сохань (відп. ред.) та ін. – К.; Наук. думка, 1990-1991. Том 1.

9. Коліївщина: 1768–1769 роки у документальній та мемуарній спадщині. – Т. 1: Документи архіву Коша Нової Запорозької Січі (Архів Коша Нової Запорозької Січі: Корпус документів 1734–1775. – Т. 6/7: Справи № 227–229) / За ред. акад. Валерія Смолія. Упорядкування, передмова та коментарі Івана Синяка. – К.: НАН України, Ін-тут історії України, 2019. – 494 с.

10. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прзоровского (1756-1776). М.: АНО «Редакция альманаха «Российский архив», 2003, 784 с.

11. Аваков П.А. Описание рыболовецких селений и ватаг донских и запорожских казаков в Северном Приазовье 1768 г. / Січеславський альманах, №7, 2014 г.

12. Устное повествование бывшаго запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки, Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842.
https://archive.org/details/20200408_20200408_1209/mode/2up

13. Споминки про Микиту Леонтійовича Коржа [Олекса Петрович Стороженко]
https://coollib.cc/b/245142/read

14. П. Щебальский. Потемкин и заселение Новороссийского края, 1868, в Университетской типографии (Катков и Ко), на Страстном бульваре.
https://runivers.ru/bookreader/book473919/#page/17/mode/1up
15. Дмитро Яворницький, Твори у 20 томах. Том 3, книги 1, К., 2004
16. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 5. К.: ЗАТ "ВІПОЛ", 2006.
17. Макаревский Ф. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Днепропетровск: ОАО "Днепрокнига", 2000.
18. Корнацький І. Бахмутська митна застава на запорозьких землях // Вперед (г. Артемовск). – 2011. – № 18, 19. – 19-22 февраля. – С. 6.; З історії Бахмутської митниці // Літопис Донбасу: Краєзн. зб. – Вип. 19. – Донецьк, 2011. – С. 127 – 132.
http://papacoma.narod.ru/articles/volnovaha_tamozhnya.htm
19. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Т. 2. Одесса. 1846.
20. Синяк І, редактор. Присяга Війська Запорозького Низового 1762 року. Чернігів: видавець Лозовий В.М., 2015.
21. Скальковский А.А. История Новой-Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса. 1841.
22. Мільчев В.І., Князьков Ю.П.. Проект реформування устрою Запорожжя генерал-майора Карла Штофельна (1765 р.) // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 7. Запоріжжя, 2003.
23. Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 8. СПб. 1871.
https://danilevsky.ru/tvorcheskoe-nasledie-danilevskogo/po-hronologii-napisaniya/opisanie-ryibolovstva-v-chernom-i-azovskom-moryah/
24. Полторак В. Запорозьке козацтво в Приазов'ї від 1746 до 1768 року // Козацька спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень. — Вип. 4. — Дніпропетровськ: Пороги, 2008. — С. 88-89; ЦГИАК, ф.229, оп.1, д.72, л.23-23об.
25. Александров В.В..О поездке поручика Петра Зубарева в Крым в 1747 году //газета «Астраханский вестник», 1895, №1730; "Отчет Петровского Общества", Астрахань, 1897 г., стр. 77-80 http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bm000020023.pdf
26. Юдин П. К истории наших сношений с Крымом. (Посылка поручика Зубарева в Бахчисарай). 1747 // Русский архив, № 12. 1898, с.457-467
https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1740-1760/Posol_Zubarev/text.phtml?id=12609
27. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 8, К., 2019
28. Отін Є.С. Гідроніми східної України. – К.-Дц.: Вища школа, 1977.
29. Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева // Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). Киев. 1890
http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Lassota/text.phtml?id=838
30. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-1774 г. (Перевод с Немецкого). // Записки императорского одесскаго общества истории и древностей (ЗООИД). Т.11, Одесса, 1879, с. 204 – 228
31. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734-1775. Корпус документів. Т. 1. Киев: Білоцерківська книжкова фабрика, 1998.
32. Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков, СПб, 1898
https://litlife.club/books/250733/read?page=83

LV. Древняя история Донбасса. Реквием по перевернутой пирамиде (2015)[1]

Те, кто интересуются историей Донбасса, хорошо знают: со средневековой историей нашему региону, мягко выражаясь, не слишком повезло. В солидных изданиях про историю Донбасса XVI-XVII веков обычно не говорится ни слова, а на картах-реконструкциях его территория вплоть до Петровских времен изображается принадлежащей Османской империи. В противовес этому, в местной краеведческой литературе преобладает другое мнение: что этот край издревле освоен и заселен украинским народом в лице его лучших сыновей – запорожских казаков. При этом начало этого освоения относят примерно к 1500 году. Но вот что странно: в обоих вариантах массовые документы начинают использоваться примерно с середины XVIII века, единичные – со времен Петра I. А вот до этого, на протяжении двух веков, вместо истории — какая-то «серая пленка». Ни людей, ни дат, ни событий. Вообще ничего. Правда, в краеведческой литературе изредка промелькнет какой-нибудь древний герой с украинским именем, но какой-то мутный, фанерный. Надо ли говорить, что такой странной истории не может быть в принципе, что в ней что-то не так? В данной статье мы попробуем разобраться в причинах возникновения этой непонятной ситуации. А также в том, как ее можно исправить.

В условно “академической” версии об этом периоде не сообщается ничего, кроме того, что земли Донбасса пребывали под властью вассала Порты — Крымского ханства. В данном конкретном случае эта версия (кстати, абсолютно верная по сути!) выступает скорее как пострадавшая сторона. Поэтому ее мы трогать не будем. Обратимся с внимательным прищуром к ее антагонистке – условно «украинской» версии. Вот с ней действительно все очень не просто. Но чтобы понять, в чем корень проблемы, придется идти в обратном направлении: от нынешнего ее состояния к истокам. Только тогда будет понятно, как и почему «серая пленка» смогла накрыть два с лишним века местной истории. Итак, приступим…

Шаг 1. На сегодня «украинская» версия выглядит примерно так (с некоторыми вариантами у разных авторов). Донбасс был издревле освобожден от татар и освоен запорожскими казаками. Еще около 1500 года в устье Кальмиуса возник зимовник (вариант – укрепленный зимовник) с названием Домаха. Из него запорожские казаки контролировали морское побережье и безопасность чумаков, ездивших из Малороссии к морю за рыбой и бердянской солью. В 1611 году на месте зимовника возникла запорожская же крепость Кальмиус (вариант – крепость Домаха с селением Кальмиус при ней). Для ее обеспечения и связи с Запорожской Сечью еще в XVII веке вдоль рек Волчьей и Кальмиуса возникла цепочка зимовников, прикрывавших «секретный водный путь», по которому чайки запорожцев прорывались в Азовское море и обратно. На севере владения запорожцев уже тогда доходили до Придонцовья, где московские «пограничные» сторожи часто фиксировали запорожцев и черкас. Запорожские укрепление и поселение в устье Кальмиуса просуществовали вплоть до восстания Мазепы 1709 года. По мнению некоторых авторов в отместку за это восстание они были уничтожены российскими карателями, что не помешало этому по-

[1] https://papacoma.narod.ru/articles/piramida.htm

селению продолжить свое существование и под крымцами (причем в нем якобы жили совместно запорожцы и донцы). По мнению других авторов, после поражения Мазепы запорожцы временно ушли со своих исконных земель, но не забыли о них. Особняком стоит мнение о том, что в крымский период (1709-1734) у запорожцев существенно облегчился доступ к Северному Приазовью, которое они именно тогда стали активно осваивать хозяйственно. В 1734 году запорожцы вернулись под российскую власть, образовав Новую Сечь, и сразу же разбили территорию своих Вольностей на отдельные области – паланки. Именно тогда возникла Кальмиусская (и Еланчикская) паланки. Но за время отсутствия запорожцев морские промыслы на побережье успели перехватить донцы. Поэтому запорожцам пришлось вступить в затяжные распри с донцами. Однако тем, в силу их политической лояльности и этнической близости, покровительствовали петербуржские власти, поэтому справедливые требования запорожцев обычно игнорировались. Одним из наиболее известных моментов этой распри стал визит запорожского полковника Кишенского в Черкасск в 1743 году, когда он потребовал прекращения рыбной ловли донцами и русскими промышленниками по всему морскому побережью вплоть до устья Дона. И так далее.

На этом месте стоит прерваться. Дальше уже идет реальная история Кальмиусской паланки, достаточно неплохо представленная в документах и выходящая за рамки статьи. Давайте еще раз внимательно посмотрим на приведенный выше пересказ. Нетрудно заметить, что первое встреченное имя «полковник Кишенский» относится аж к 1743 году. Сразу скажу, что после этой даты документы идут уже лавиной. Потому что именно при Кишенском территория Северного Приазовья была включена в Вольности Запорожские, что и приведет вскоре к возникновению реальной Кальмиусской паланки (рис.1). Но сейчас речь, как уже говорилось, не об этом. Обращаю внимание уважаемого читателя, что до Кишенского не мелькает НИ ОДНОГО имени! И это не последствия краткости пересказа. Их просто НЕТ. За два с лишним века своей истории (с 1500 и по 1742 год) гипотетические кальмиусские запорожцы не оставили ни одного имени местного полковника или героя-казака, ни одного рассказа об обороне казачьего Кальмиуса от татар, ни одного упоминания участия их представителей в казацких восстаниях на Украине, включая Хмельниччину. Вообще НИ-ЧЕ-ГО. И это в регионе, который находился в зоне конфликта нескольких крупных держав, с их развитой разведкой и склонностью к отложению отчетов в архивах? Извините, но так не бывает.

Рис.1. Устье Кальмиуса на карте А.И.Ригельмана 1768 г. (фрагмент). Красной стрелкой показана надпись: «Кальмиусская паланка Войска Запорожского».

Не будем задаваться “глупыми” и “наивными” вопросами. Например, почему казаки на Кальмиусе организовались на несколько десятилетий раньше, чем Вишневецкий попытался устроить первое (!) казацкое укрепление ниже порогов Днепра? Как мог запорожский зимовник (хутор по смыслу) больше века просуществовать рядом с торным татарским шляхом между Азовом и Перекопом? Что за неизвестный науке зверь – «укрепленный зимовник»? Встречаются ли в документах зимовники с собственными названиями? На основании каких источников выполнена «Диорама казачьей крепости Домаха XVII–XVIII вв.» в Донецком краеведческом музее? Почему она размерами приближается к Московскому кремлю? И где в наших степных местах можно добыть столько лесоматериалов? Будем выше этих мелочей. Лучше посмотрим на чем выросла эта странная конструкция.

Начало текущего этапа краеведческой мысли можно отнести, пожалуй, к 1970-м годам. Здесь можно назвать работы местных историков и краеведов Д.Н.Грушевского, Н.Г.Руденко, П.И.Лаврова, А.Герасимчука и т.д. Поначалу «крамольные» мысли местных краеведов, как побеги растения, потихоньку взламывали асфальт советского официоза. Затем быстро проросли и дали обильные всходы после 1991 года. И особо бурным цветом зацвели во время правления В.Ющенко. Тогда это был целенаправленный госзаказ. Неправильно мыслящим (по мнению Киева) Донецку и Луганску пытались полностью переписать историю на украинский лад. Наиболее плодотворным на этом поприще оказался донецкий историк В.А.Пирко, написавший целый цикл работ о том, как украинцы осваивали Донбасс и создавали Кальмиусскую паланку. Получилось, как ни странно, не очень. Был использован богатый реальный материал по «воровским черкасам» в Подонцовье, разбавленный общими соображениями на тему, как должна была бы выглядеть история Кальмиусской паланки. Но это так и не срослось в единую и непротиворечивую картину. Как была «серая пленка», так и осталась. Хотя, возможно, с точки зрения высших интересов государства Украина Василий Алексеевич был тогда полностью прав…

Опираясь на мнение этих историков и краеведов о значительной древности запорожской Кальмиусской паланки и приплюсовав сюда на всякий случай и Луганщину, президент Ющенко издал распоряжение № 1123/2005-рпот 19 июля 2005 г. «О праздновании 500-летия возникновения украинских казацких поселений на территории нынешних Донецкой и Луганской областей» и отчеканил юбилейную монету «500 лет казацким поселениям. Кальмиусская паланка» (рис.2). Тогда же на набережной Кальмиуса в Донецке появился закладной камень памятника в честь 500-летия Кальмиусской паланки. В Мариуполе подобный памятник появился еще ранее, в 1995 году (рис.3). Доходило до смешного. Народ в массе своей не понял, что здесь речь не о конкретной дате, а о приблизительной датировке. В результате, например, школьники писали сочинения на тему 502-й годовщины Кальмиусской паланки…

Рис.2. Юбилейная монета в честь Кальмиусской паланки.

Рис.3. Памятные знаки Кальмиусской паланке в Мариуполе (а) и Донецке (б).

Но на какой базе строились все эти теории? Она разбивается на два очень неравных сектора. В одном из них, очень небольшом, содержатся выдумки местных краеведов XIX-XX веков, не опирающиеся НИ НА КАКИЕ источники и сделанные с благородной целью повысить интерес молодёжи к истории родного края. К таким выдумкам относятся, например, казаки Иван Барвинок, Дружко и Вакула, поставки донцами с Кривой косы камыша для строительства запорожской церкви в Кальмиусе и т.д. У некоторых из этих сюжетов еще живы их авторы. Сюда же стоит отнести и аналогичные по происхождению мотивы, но сделанные с противоположной целью очернения нашей общей истории – типа уничтожения русскими карателями запорожской слободы на Кальмиусе после поражения Мазепы или сожжения церкви Барвенковскими казаками после посещения ее Екатериной II. Есть также и небольшой пласт сюжетов, связанный с укоренившимися неправильными прочтениями отдельных мест в работах более ранних историков казачества. Например, мнение Яворницкого о существовании во времена Алешковской сечи запорожских зимовников между рекой Самарой и Азовским морем. В этом месте он ссылался на карту де Боксета, относящуюся к совсем другому периоду, и на цитату из сочинения князя Мышецкого, в которой на самом деле говорятся строго противоположные вещи. Или широко распространенное убеждение о героической гибели всего гарнизона Кальмиусской паланки во время набега крымцев в январе 1769 года происходящее из-за неправильно понятого рассказа А.Скальковского о неудачах военного прикрытия запорожцами района р.Самары летом того же года. Там в составе казацких заслонов присутствовали в том числе и эвакуированные из Приазовья казаки, а общее командование было у бывшего кальмиусского полковника Андрея Порохни. И так далее. У людей, хорошо знакомых с источниковой базой по местной истории, выявление таких фальсификатов не вызывает особых затруднений.

Нам же гораздо более интересен второй сектор, на который приходится порядка 95% данных о местных запорожских древностях XVI – первой половины XVIII века. Его мы и рассмотрим ниже.

Шаг 2. А во втором секторе из первоисточников можно назвать … целый один (!) первоисточник. Это книга Феодосия Макаревского «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия», изданная в 1879-1881 годах. Остановимся немного на этом исследователе. Феодосий (в миру

– Александр Григорьевич) Макаревский (1822-1885) был одним из иерархов Русской Православной Церкви (рис.4). С 1871 и до самой смерти был епископом Екатеринославским и Таганрогским (до этого с Екатеринославщиной связан не был). Много сделал для развития своей епархии. Проявлял огромный интерес к истории тех регионов, куда его приводило служение. Был членом Одесского общества истории и древностей (ООИД) и Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии. Оставил несколько работ по истории Екатеринославщины и множество публикаций в периодических изданиях. Основными темами его интереса в этот период жизни были местная церковная история и история запорожцев.

Рис.4 Феодосий Макаревский. С сайта Днепропетровской епархии УПЦ.

Упомянутые выше “Материалы…» представляют собой сборник отдельных статей по населенным пунктам Екатеринославской епархии. Все они построены по одному шаблону. Сначала приводится краткая информация по местным древностям (в большинстве случаев это оказываются «древние запорожские займища» или «старожитные запорожские маетности»). Затем следует подробная история местных церквей со множеством фактов, дат и документов. Что касается второй части, церковной, то тут к Макаревскому вопросов нет. Эти сведения получались напрямую из консисторских и прочих церковных архивов, к которым у него был свободный доступ по роду деятельности. Эта информация необычайно точна и ценна. Но вот что касается первой, «запорожской» части, тут все не так просто.

На Украине крайне высоко оценивают значимость и достоверность этого слоя в сочинении Макаревского. Часто пишется, что он основан на неких архивных данных, не дошедших до наших дней. Гораздо реже признается, что он составлен исключительно по устным рассказам, которые централизованно заставляли собирать сельских священников подчиненной ему епархии. И это действительно так. Причем складывается нехорошее ощущение, что селяне быстро поняли что к чему и беззастенчиво пользовались тем, что после каждой озвученной байки (лишь бы в ней звучало слово «запорожцы») разволновавшийся Феодосий подписывал любые бумаги, не читая. Сложно как-то иначе объяснить тот вал недостоверной информации, которую добросовестно зафиксировал Макаревский в своем труде.

Как показывает практика, реальное значение «запорожских» данных Макаревского для истории Донбасса (по другим регионам сказать не могу) практически нулевое. В тех случаях, которые удалось перепроверить независимыми источниками, данные Макаревского не подтвердились ни разу (!) и имели грубейшие ошибки. Они вообще никак не пересекаются с реальной историей! Например, в статье о слободе Дружковке говорится, что

после Прутского поражения 1711 года «вся эта местность официально отошла под власть турецко-татарскую». Но согласно мирным трактатам 1711 — 1713 годов и размежевания июля 1714 года эта территория осталась под Российской империей, граница с Турцией прошла намного южнее. И это далеко не единичная ошибка.

И случилось страшное. Последующие поколения историков и краеведов поверили в надежность этих данных. Последствия для истории Донбасса вышли катастрофическими. Что получилось? Данные Макаревского о запорожских древностях обещали много «вкусного» для местной истории да и просто льстили самолюбию здешних малороссов. Но шли годы, десятилетия, минуло уже более ста тридцати лет – а НИКАКИХ подтверждающих материалов из независимых источников краеведы Донбасса найти так и не смогли, несмотря на все усилия. В то же время документы со всякими татарами иногда встречались, но людям, увлеченным Запорожьем, эти документы были совсем не интересны… Это привело многих исследователей к простой и понятной мысли: что Макаревский действительно использовал данные каких-то архивов, но «кляти москали / большевики» эти архивы целенаправленно уничтожали, чтобы вытравить из народа всю память о славном Запорожском прошлом без остатка. Усомниться же в достоверности самого авторитета – ни у кого духу так и не хватило…

Но проблема в том, «запорожские» данные Макаревского всегда очень краткие, в лучшем случае всего несколько предложений. И написать раннюю историю своего села на таком скудном материале очень сложно. В результате данные Макаревского стали разбавлять, увеличивать за счет новых домыслов и фантазий. За прошедшие десятилетия эти рассказы неоднократно переписывались последующими поколениями краеведов у более ранних. Данные искажались, сокращались, компилировались. Нередко они теряли связь с оригиналом и приписывались совсем другим источникам. Встречаются, например, цитаты из Макаревского с подписью «В древних московских летописях». И так далее. В общем, при хорошем знании труда Макаревского эти моменты вычленить не трудно. Но хаос уже грандиозный и к реальной истории отношения не имеющий. Этот массив ошибок и домыслов живет своей жизнью и в подтверждении другими источниками не нуждается. Это уже ближе не к знанию, но к слепой вере. Это и есть та самая «серая пленка», которая не дает рассмотреть под ней очертания реальной истории.

С легкой же руки Макаревского пошло гулять в свет и представление о «знаменитой древнейшей старожитной запорожской Кальмиусской паланке». В самой статье о Мариуполе он не расшифровывает свое понимание ее «древности». Но зато это можно найти в статье о Таганроге. По мнению Макаревского «из давних, незапамятных лет, даже и в период литовско-польского владычества над всею местностию от Дона до Очакова» здесь было турецкое укрепление, в которое для торгов приезжали «ловкие запорожцы с Калмиуса, а удалые донцы с Миуса». Странно, конечно, что литовцы с поляками, владевшие этим краем терпели здесь турецкую крепость. Да и про само это владение почему-то сами поляки с литовцами никогда не подозревали. Ну да ладно. Зато этот фрагмент позволяет разобраться с датировкой Макаревского и ее источником.

Как не трудно догадаться, это предполагаемое литовско-польское владычество над Донбассом и Северным Приазовьем никак не могло быть позже начала Хмельниччины. То есть, никак не позднее середины XVII века, а скорее гораздо раньше. Скажем прямо: Макаревский «по умолчанию» имеет в виду еще более раннее время, а именно начало XVI века. Но почему он так решил? А вот здесь Макаревский опирался на мнение другого более раннего историка…

Шаг 3. Этим историком был Аполлон Александрович Скальковский (1808-1898). Большую часть своей жизни он прожил в Одессе. Был одним из основателей ООИДа. Оставил много работ по истории. Одно из основных направлений его исследований – история запорожских казаков. Он был одним из первых ее исследователей.

В 1835 году ему удалось в Екатеринославе найти остатки запорожского архива периода Новой Сечи (1734-1775). Как писал сам Скальковский: «Половина этих документов превратилась в какую-то грязную массу. В ней было неприятно рыться. Многие связки были без начала и без конца, изорваны или съедены червями, другие после высушивания на солнце превращались в пыль». Скальковский перевез эти бумаги в Одессу. За четыре года он привел остатки архива в относительный порядок и проработал его материалы. Главным результатом этого титанического труда (помимо собственно спасения документов) стала его трехтомная «История Новой Сечи или последнего коша Запорожского», впервые опубликованная в начале 1840-х годов. Именно с этой работы началось научное изучение истории Запорожья и пробудился интерес читающей публики к указанной теме. Всего лишь через 65 лет после исчезновения Сечи…

«История Новой Сечи…» — это очень серьезное и качественное исследование. Но, что вполне естественно для первопроходцев, Скальковский не мог охватить и детально проработать сразу все темы. Были побочные темы, которые автор никак не мог обойти, но которые ему – жителю Одессы – были не слишком интересны. Одной из них был вопрос о восточных границах Запорожских Вольностей.

Большую часть периода существования Новой Сечи граница запорожцев на востоке была довольно стабильна. Река Кальмиус отделяла их владения от земель Войска Донского. На северо-востоке запорожцы соседствовали со слобожанами Придонцовья. Если граница с донцами была узаконена указом Сената еще в 1746 году, то со слобожанами четкого разделения не было. И обе стороны были заинтересованы «хапнуть» что-нибудь дополнительное и не отдать что-нибудь свое. На этой почве было много ссор и вызванных ими комиссий. Особенно такие конфликты обострились к концу Запорожья, во времена умного и хитрого П.И.Калнышевского, бывшего кошевым атаманом в 1762-1763 и 1765-1775 годах. Причем зачастую запорожские притязания были ещё более глобальными и простирались до Миуса и даже нижнего Дона. Видимо, по принципу «Надо два – проси пять». Но на тот момент все участники этих разборок еще хорошо помнили историю расширения Запорожских Вольностей на восток, произошедшего только в 1743 году. Поэтому «исторические» претензии запорожцев вызывали тогда лишь скепсис и не более того.

Скальковский, для которого, повторимся, данный сюжет носил второстепенный характер, не был знаком с документами донцов и других восточных и северо-восточных соседей запорожцев. В бумагах по этим склокам и раздорам он видел документы только одной из сторон конфликта. И он им, к сожалению, поверил.

В результате в «Истории Новой Сечи…» появились места вроде следующих (выделение авт. статьи) : *«Из этого документа видно, что в 1756 году* ***и вероятно за 100 лет прежде, — ибо Запорожье до самого 1766 года никаким переменам не подвергалось*** *– край Запорожский разделялся тогда на пять ведомств или паланок <...>»* или *«****Калмиусская паланка*** *«в чрезвычайной отдаленности остаючаяся», служила защитою промышленникам, ходившим за солью на Бердянское озеро и для рыболовства в Азовском море.* ***Там уже два века происходили споры с Донцами*** *за лов рыбы на косах Белосарайской, Кривой и др., а в те времена (1740-1775)* ***вечная вражда*** *породила распри, даже битвы за*

промысл на другой, так называемой Кубанской стороне Азовскаго моря <...>». В этих моментах Скальковский ошибся. Сейчас, к счастью мы уже знаем, что начало этой «вечной» вражды четко датируется. Это все тот же 1743 г., экспедиция полковника Кишенского. Это тот самый год, когда запорожские пределы с верховьев Самары и Волчьей резко расширятся на восток и впервые выйдут в Северное Приазовье и Донбасс. Обстоятельства и причины такого расширения выходят за рамки данной статьи и расписаны в другой работе.

Но почему А.А.Скальковский, в отличие от участников разборок XVIII века, все-таки поверил в древность пребывания запорожцев на этой территории? А потому, что он увидел в их бумагах один интересный документ, о котором мы поговорим на следующем шаге.

Шаг 4. Начиная с самого начала вселения запорожцев и возникновения конфликта с донцами и слобожанами центральное правительство пыталось разобраться в справедливости претензий сторон и примирить их. С этой целью с участников регулярно требовали документальные подтверждения своих «древних» владений. Но у всех сторон с этим было полностью глухо. И вдруг… Примерно с 1753 года запорожцы начали использовать для своих целей некий документ. Правда, оригинала у них не было, только копия. Многочисленные попытки найти оригинал в российских архивах ни тогда, ни позже так и не увенчались успехом.

Этот документ сейчас часто называется «Универсалом Батория – Хмельницкого» (далее УБХ). Он, вроде как, был выдан запорожским казакам на владение их землями еще польским королем Стефаном Баторием в 1577 году. И затем подтвержден Богданом Хмельницким в 1655 году.

С 1753 года УБХ использовался запорожцами многократно, но без особого успеха. Каждый раз он отвергался российскими властями как сомнительный и недостоверный. Первая попытка исследовать его научно принадлежит академику Г.Ф.Миллеру, который накануне принятия окончательного решения о роспуске Сечи, в 1775 году, сделал отрицательный вывод по поводу его подлинности.

С уходом Запорожья в небытие УБХ потерял свое значение и был надолго забыт. Кажется, вновь в научный оборот его ввёл уже Скальковский, отнёсшийся к нему с доверием. В дальнейшем историки по-разному решали этот вопрос. Например, другой выдающийся исследователь казачества Д.И.Яворницкий, в достоверность УБХ не верил. В современной украинской академической науке, насколько известно автору, мнения разделились. Часть исследователей признает этот документ подлинным, другая часть – фальсификатом. В среде же «популярной» истории и краеведения УБХ используется чрезвычайно активно и сомнению не подлежит. Наиболее полное и всестороннее исследование этого документа принадлежит, пожалуй, Н.Жарких и содержится отдельным блоком в его великолепной книге «Терехтемирів» (укр.яз.). Очень рекомендую. Вывод автора книги – безжалостен и неоспорим. УБХ – это фальсификат середины XVIII века, составленный самими запорожцами для решения стоявших тогда перед ними целей.

Но какое отношение УБХ вообще имеет к пониманию местной донбасской истории? А вот какое… Приведем фрагмент описания в нем границ восточной части запорожских владений: «от самарских же земель чрез степь до самой реки Дону, где еще за гетмана козацкого Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожские свои зимовники мевали [имели — LV]». Нетрудно заметить, что в данном фрагменте описание дается очень туманное и неясное, тем более, что Дон – река большая и длинная, к какой ее части – вершине, середине,

устью — вести казацкую территорию?… Страдали от этой неясности и сами запорожцы, поэтому зачастую им приходилось устно разъяснять свое видение справедливости. Так, в 1768 году «как читан польского короля Батория универсал, то... показано с вершины речки Орели на вершину Калмиусу, а оттоль на устье рек и Дону, кои урочища и очищают [?] запорожские владения». В украинских работах по истории эта цитата часто приписывается самому УБХ. Но это не так. Это именно попытка устного пояснения неясных письменных данных универсала. Причем, что любопытно, это описание не совпадает с реальными пределами Запорожских Вольностей ни для какого времени! Зато достаточно близко к прохождению русско-турецкой границы по размежеванию 1714 года. И это не случайно.

Как удалось выяснить, сами обстоятельства «втягивания» запорожцев в Северное Приазовье и Донбасс тесно связаны с последствиями русско-турецкой войны 1736-1739 годов. А именно – с размежеваниями 1740 года (к западу от Днепра) и 1742 года (к востоку от Днепра). Тогда произошла целая цепь случайностей и взаимных недопониманий с центральным российским правительством, в результате которой запорожцы ошибочно решили, что им обещана ВСЯ без исключения территория между Днепром и Доном, отошедшая к Российской империи по итогам этой войны. Почему-то остальные их соседи, и в первую очередь донцы, это не оценили. Отсюда и завышенные претензии запорожцев, и поход Кишенского, и постоянные дрязги с донцами и слобожанами. В этих условиях должен был выиграть тот, кто вынул бы из рукава козырь с подтверждением своих «исторических» прав на эти земли. А раз такого козыря ни у кого не оказалось, то его надо было придумать…

Но для нашей темы важен и еще одно нюанс. Если кто обратил внимание – в приведенном выше фрагменте из УБХ утверждается, что казацкие зимовники доходили до Дона еще при Предславе Лянцкоронском. О дате его рождения историки спорят, но известно, что он умер в 1531 году. Появился ли уже при нем должность гетмана — тоже вопрос довольно спорный. Начало его гетманства (если оно действительно было) датируется примерно 1506 годом, то есть началом XVI в. Это и есть та магическая дата, к которой упорно пытаются привязать начало запорожского освоения Северного Приазовья и Донбасса.

Удалось также проследить логическую цепочку происхождения мнения о древности Кальмиусской паланки. Она начинается с документов Азовской губернской канцелярии, которые относились к новому городу Павловску и сменившему его греческому Мариуполю (конец 1770-х – 1780-е гг.). В них часто упоминается, что город расположен на месте «древнего города Домахи» (варианты – Адомахи, Адомахии), из развалин которого предлагалось добывать камень для городского строительства. Много лет между краеведами шли ожесточенные споры – шла ли здесь речь об остатках укреплений запорожской Кальмиусской паланки или чего-то гораздо более старого. Сейчас мы уже знаем, что правильно именно второе мнение. Развалины древнего безымянного укрепления в этом месте отмечены на плане устья Кальмиуса Питером Бергманом уже в 1702 г. (рис.5). Это за сорок лет до включения земель Северного Приазовья в состав Вольностей Запорожских.

Рис.5. Устье Кальмиуса на плане П.Бергмана (фрагмент), 1702 г. Развалины «Бывшего города» (De geweesene Stadt).

Следующее звено связано с еще одним церковным деятелем – Гавриилом (в миру Василием Федоровичем) Розановым (1781-1858), еще одним членом ООИДа. Он дважды побывал в Мариуполе – в 1828 и 1830 году, будучи на тот момент епископом Екатеринославским, Херсонским и Таврическим. Он был в непосредственной близости от старого укрепления, но, похоже, смотреть там было уже не на что. Местные греки успешно выполнили указания начальства по заготовке камня для городских нужд. В своих заметках Гавриил упоминает рассказы о древнем городе, но высказывает сомнения в их достоверности. Ему показалась более правдоподобной зафиксированная им местная легенда о казачке Домахе. В ней происхождение названия связывалось с деятельностью этой казачки, которая сделала канал и отвела в новое русло часть воды из Кальмиуса.

В дальнейшем под воздействием идей А.Скальковского о давнем пребывании здесь запорожцев произошло смешивание, «миксирование» двух этих версий. И из «древнего города» и «казачки-запорожанки» получился «древний запорожский город». Честь же окончательного формулирования и закрепления этой версии – в форме уже упоминавшейся «знаменитой древнейшей старожитной запорожской Кальмиусской паланки» — принадлежит Феодосию Макаревскому. Все это опирается лишь на пару туманных строчек из Универсала Батория-Хмельницкого. Но так как в данном месте УБХ про казацкие города в Приазовье ничего не пишется, зато есть слова «зимовник» и «Прецлав Ланцкорунский», то в более поздних, «продвинутых» версиях уже фигурирует запорожский зимовник, возникший в устье Кальмиуса в начале XVI века (реально встречал разные датировки – от 1485 до 1515 года). Но у некоторых авторов хватило понимания, что одинокому зимовнику (хутору) тяжело продержаться длительное время рядом с оживленным татарским шляхом вдоль побережья. Поэтому появился еще вариант с таким неизвестным науке понятием как «укрепленный зимовник». Заодно ему прилепили название от легендарного местного города. Так получился «укрепленный зимовник Домаха». Хотя у запорожцев зимовники с собственными названиями не известны вообще. Да и вообще, слово «зимовник» для

начала XVI века выглядит анахронизмом. Никто не пытался выяснить, через сколько десятилетий (веков) оно фиксируется во ВТОРОЙ раз у запорожских казаков? А ответ очень неожиданный…

И вот, получается странная вещь. Как выглядит местная история в «нормальных» регионах? Она похожа на пирамиду (рис.6,а). Снизу у нее огромный массив древних первоисточников: архивные данные, карты, записки путешественников и т.д. Выше и с опорой на нижний слой располагается довольно большое количество небольших, «локальных» работ по истории и краеведению. И все это венчает несколько больших и серьезных работ, многогранно обобщающих эту тему. А у нас в Донбассе? Та же пирамида, только перевернутая (рис.6,б). Сверху колышется огромное море краеведческих и исторических работ со странными сюжетами. Они опираются на довольно пухленький двухтомник Макаревского. Который в свою очередь опирается на несколько цитат из Скальковского. Который опирается на единственный первоисточник. Причем этот первоисточник – ОЧЕНЬ сомнительного качества. И если в нем усомниться… Другой опоры у этой раскачивающейся кверху основанием пирамиды НЕТ.

Рис.6. Нормальная (а) и перевернутая (б) пирамиды местной истории.

И вот если набраться храбрости и легким движением киянки выбить этот «краеугольный камень», вся эта пирамида рухнет. И прорвет, наконец, проклятую «серую пленку». А под ней… А под ней – нормальная, богатая и интереснейшая история. Которая великолепно подпитывается огромным количеством сохранившихся документов. По моей родной Мариупольщине удалось документально опуститься до рубежа 1570-х годов! Это эпоха Ивана Грозного! И, кажется, это еще не предел. Есть надежда углубиться еще на несколько десятилетий.

Уже сейчас из-под распадающейся серой пленки выступают, например, такие мотивы:

- Великий Дивей-мурза, «кровопийца христианский», закончивший свою блистательную жизнь в плену после грандиозной битвы при Молодях 1572 года.

- Его воинственные сыновья Есиней и Араслан, к которым перешла власть над дивеевскими татарами. Их владения простирались от Миуса до Молочной. Именно к ним направился беглый царевич Адиль-Гирей, основавший в 1577 году город Балысарай (название Белосарайской косы ничего не напоминает?). Татарский же город Калмиюс, из которого в те годы шли частые набеги на Московское царство. Участие Есинея и Араслана в восстании Сеадет-Гирея 1584 года и последствия его подавления. Неоднократные попытки татар восстановить Балысарай, сожженный Алп-Гиреем.

- Переход центра дивеевцев при знаменитом Кантемире Дивееве в Буджак (1620-е – 1630-е) и обезлюдение степей Северного Приазовья, чем иногда удавалось пользоваться запорожцам для прорывов в Азовское море. Попытки Крыма восстановить свою защиту со

стороны Северного Приазовья за счет осколков кочевых родов из Большого и Малого Ногаев, с подчинением их перекопскому каймакаму (коменданту).

- Карательный поход слобожан под руководством Изосимы Маслова, который в 1660 г. дошел до Азовского моря.

- Разведки и картографические работы в устье Кальмиуса во время Азовского периода деятельности Петра I.

- Походы русской армии и донцов под командой Ласси на Крым во время руско-турецкой войны 1736-1739 гг. Флотилия Бредаля.

- Размежевание новых границ с турками.

- Втягивание в Северное Приазовье запорожцев и их конфликты с донцами и слобожанами. Возникновение Кальмиусской паланки запорожцев.

И так далее. И тому подобное. И это ОЧЕНЬ краткий пересказ того, что уже стало известно. И все это – чисто на документальной основе. И документов – огромное количество. И каждый вновь найденный документ дает новые имена, даты, события – т.е. хвостики, вытягивая за которые можно отыскать новые документы. Которые дают очередные наводки. Вот, правда, запорожцы появляются плотно в этой истории намного позже, чем хотелось бы некоторым их поклонникам. Но разве от этого наша реальная история становится хуже?

И, честно сказать, мне лично развалины пирамиды неподалеку не мешают. Да и не жалко ее, проклятую. Может, из-под ее руин прекратятся унылые вопли про «исконно украинский Донбасс»? Надоело… Почему-то так получается, что у нас на Донбассе профессиональные историки знают историю края зачастую хуже, чем ее помнит на генетическом уровне наш народ. Люди, простые люди хорошо знают, что Донбасс не русский, не украинский, не греческий или еще какой. Он наш – общий. Наши предки вместе отвоевывали и осваивали этот край. Они дружили и выдавали друг за друга своих детей. У нас никогда не было ничего похожего на «Волынскую резню». И пока мы были вместе – мы были сильны. Может, уже настало время собирать камни?

P.S. Благодарю за помощь в редактировании уважаемого Фому Мекензи.

LV. В поисках «второго» зимовника (2019)[1]

«Нарешті, десь у 1500 р. виник запорізький зимівник Домаха. Цю дату і слід вважати часом заснування м. Жданова, оскільки розвиток нового населеного пункту вже не припинявся»[2].

А.М.Чорногор

В своих поисках по ранней истории Мариупольщины автор статьи никак не мог пройти мимо утверждения многих предшествующих авторов о том, что где-то в конце XV – начале XVI века (назывались разные даты в промежутке 1485 — 1530 годов) при устье Кальмиуса появился запорожский зимовник Домаха, который, по их мнению, и положил начало непрерывному присутствию запорожских казаков в Северном Приазовье вплоть разгона Сечи Екатериной II в 1775 году. В результате углубления в данную тему автору статьи удалось установить, что мнение о местном зимовнике восходит к единственному источнику – к универсалу, которым польский король Стефан Баторий в 1577 году (варианты — в 1575 или 1576) закрепил за Войском Запорожским его земли и который был позже подтвержден в 1655 году Богданом Хмельницким (далее по тексту данный документ будет кратко обозначаться как УБХ). Данный документ часть украинских ученых (в том числе и сам Д.И. Яворницкий) считает фальсификатом, составленным кем-то из запорожской верхушки примерно в середине 1750-х годов для решения стоявших тогда перед ними некоторых территориальных проблем. Ну а другая часть украинских историков (и массы примкнувших к ним краеведов) и к самому Универсалу, и к его сведениям о зимовниках относятся с полным доверием. Например:

"<...> Перші документальні згадки про зимівники належать до жалуваної грамоти від 20 серпня 1576 року польського короля Стефана Баторія, <...> Ляскоронський помер у 1531 році, а перший свій похід на татар він організував у 1518 році. До того ж, в документі говориться про зимівники як про щось цілком сталe і зрозуміле. Без будь як их додаткових пояснень, що само по собі свідчить про вже досить тривале його існування. Добре видно, що запорожці мали свої зимівники від Самари до Дону вже в XV ст. <...>"[3].

Мы не будем разбираться с проблемой подлинности УБХ, это выходит далеко за рамки данной статьи. Тем более, что этому и так посвящена обширная литература. Пожалуй, на сегодняшний день наиболее полный и подробный разбор этой темы содержится в великолепной работе Н.Жарких[4], интересующихся отправляем к ней. А автора статьи в сентябре 2007 года заинтересовал немного другой — простой и вполне логичный — вопрос:

---

[1] https://papacoma.narod.ru/articles/vtoroy_zimovnik.pdf

[2] А.М.Чорногор. До історії заснування міста Жданова // УІЖ (Український історичн.журнал). 1971, №4, с.91-96

[3] Олійник О. Зимівник в колонізаційних процесах Південної України http://www.cossackdom.com/articles/o/olinik_zkoloniz.htm

[4] Жарких М. Сфальшований універсал Баторія – Хмельницького https://www.m-zharkikh.name/uk/History/Monographs/Terextemyriv/FalseChart.html **(смотреть именно украинский вариант! в русском варианте – только краткие тезисы)**

*«Если **первое** упоминание слова «зимовник» для обозначения запорожского хутора содержится в Универсале Батория для времен Лянцкоронского (причем сразу в виде всем понятного и не требующего дополнительных пояснений слова), то когда в источниках фиксируется **ВТОРОЕ** упоминание этого же слова в таком значении? Через какой промежуток времени?»*. Согласитесь, что это вполне законный и правильный вопрос. К сожалению, на тот момент автору статьи найти ответ на него так и не удалось. Но интерес к нему и зарубка в памяти остались.

Также за рамками данной статьи будет оставлено то, что появление казацкого зимовника в устье Кальмиуса в XV или XVI веках было бы сильно осложнено тем, что в то время прибрежная зона Северного Приазовья активно использовалось местными кочевниками для зимовки своих стад, и что здесь проходил стратегический для татар шлях между Перекопом и Азовом. И что само слово «запорожцы» появится на много десятилетий позже. И что запорожских зимовников с собственным названием-ойконимом (не по имени текущего владельца) История не знает. И что в самом тексте УБХ названия Домаха и Кальмиус не упоминается вовсе (sic!). Да, в общем, много чего оставим за скобками ради краткости статьи…

Через три года в руки автора статьи попала изданная в 2005 году книга Александра Олийныка «Запорожский зимовник времен Новой Сечи (1734-1775)». Как выяснилось, невзирая на название книги, ее автор не ограничился только временами Новой Сечи, но и попытался проследить вглубь веков весь процесс возникновения такого явления как запорожский зимовник, для чего использовал массу источников. Как сообщается в предисловии к данной книге, написанном зав. кафедрой истории Украины ЗГУ, доктором исторических наук С.Р.Ляхом: *«Необхідно відзначити достатньо високий науковий рівень здійсненого О.Л. Олійником дослідження. Автор ретельно зібрав наявні документи і матеріали, які містять хоч найменшу частку інформації про козацький зимівник — актові документи і наративи, картографічні матеріали, плани, описи»*[5]. Не верить столь комплиментарному отзыву не было никаких оснований, так что автор статьи приступил к внимательному изучению данной книги на предмет поиска в ней ответа на свой давний вопрос.

Вот как описывает Олийнык свое видение процесса возникновения запорожских зимовников: *«Колонізація Південної України українським етносом зумовила гостру необхідність в якихось базових осередках для ватаг промисловиків. Ними і стають так звані коші, де взимку перебувала частина ватаги або артіль промисловців на чолі зі своїм обраним ватагом-батьком. Ці опорні бази-коші власне і були першими зимівниками. На їх основі формувалися курені, а їх федерація пізніше об'єдналася в Січі <…>»*[6]. По его мнению, эти первоначальные «коши» появились первоначально в лесостепи и были временными сезонными станами украинских рыбаков и охотников. Начало их появления автор книги относит еще к XV веку[7], правда свои предположения он обосновывает не столько ссылками на первоисточники, сколько *«деякими логічними міркуваннями»*.

Основным доказательством раннего существования запорожских зимовников Олийнык, естественно, считает данные Универсала Батория/Хмельницкого, к которому он неоднократно и обращается в своей книге. Его мысли по поводу Универсала мало отличаются

[5] Олійник О.Л. Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775). – Запоріжжя: Дике Поле, 2005, с.3
[6] Там же, с.7
[7] Там же, с.37

по смыслу от процитированного в начале статьи фрагмента из более ранней работы этого же автора, повторяться по нему мы не будем. Условно будем считать это **первым свидетельством** о зимовниках. А что есть кроме него?

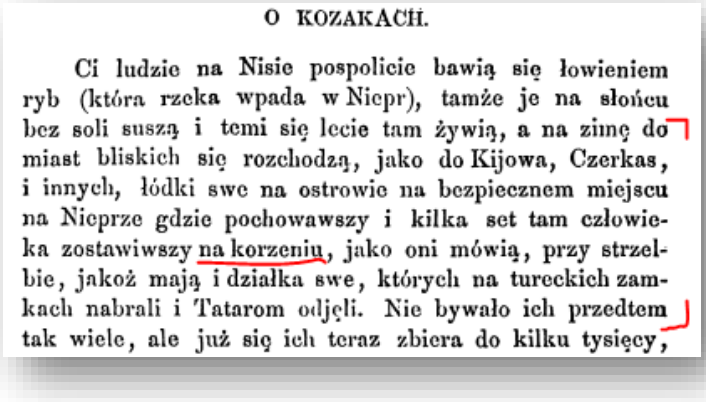
В результате вдумчивой и тщательной проработки данной 265-страничной книги автору статьи по периоду до 1734 года (т.е. до образования Новой Сечи) удалось найти в ней помимо УБХ еще некоторое количество сообщений о казацких зимовниках со ссылками на первоисточники. Ниже мы их **все** приведем и (частично) рассмотрим поближе.

Второе свидетельство.

«<...> В усякому разі, в першому відомому описі такого козацького стану, поданому в 1575 році польським хроністом Мартином Бєльским, козаків зображено саме як сезонних промисловиків, що займалися ловлею та заготівлею риби. А їх осередки на низу Дніпра названо «кошами».[8]

Ссылка на: Kronika Marcina Bielskogo.- Sanok, 1856. – S.1358

В оригинале (см. рис.1) здесь использовано слово «na korzeniu» (по-польски читается как «на кожению»). Это искажение то ли слова «на кошеньи» (на кошевании), то ли слова «на курени». По смыслу – скорее второй вариант. Но, так как даже по словам самого Олийныка слово «зимовник» здесь не использовалось, то данное свидетельство оставим без углубленного рассмотрения. Единственно, любопытно, почему у Олийныка спорное слово «кош» употреблено во множественном числе? С источником это совсем не согласуется.



O KOZAKACH.

Ci ludzie na Nisie pospolicie bawią się łowieniem ryb (która rzeka wpada w Niepr), tamże je na słońcu bez soli suszą i temi się lecie tam żywią, a na zimę do miast bliskich się rozchodzą, jako do Kijowa, Czerkas, i innych, łódki swe na ostrowie na bezpiecznem miejscu na Nieprze gdzie pochowawszy i kilka set tam człowieka zostawiwszy na korzeniu, jako oni mówią, przy strzelbie, jakoż mają i działka swe, których na tureckich zamkach nabrali i Tatarom odjęli. Nie bywało ich przedtem tak wiele, ale już się ich teraz zbiera do kilku tysięcy,

Рис.1. Соответствующий фрагмент Хроники Мартина Бельского из издания 1856 года (книга 6, с.1358).

Третье свидетельство.

«<...> Хоча в листі австрійському цісарю Рудольфу II запорожці писали, що в змозі виставити «... 6 тисяч чоловік старих козаків, людей відбірних, не рахуючи хуторян (Land tvolk), які мешкали десь на кордоні». З листа може скластися враження про чіткий розподіл в козацькому середовищі на воїнів і хуторян».[9]

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.49

[8] Там же, с.37-38
[9] Там же, с.45

«На кордонах Вольностей зимівники виконували роль прикордонних форпостів. Це мав на увазі Еріх Лясота, коли згадував про хуторян на кордонах . <...>»[10]

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.49

«<...> Повідомлення Еріха Лясоти свідчило про розмежування між власне січовиками – воїнами професіоналами і зимівчанами – господарями, котрі жили десь на кордонах і лише номінально були підпорядковані січовій адміністрації. <...>»[11]

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.43

«<...> Намагання певної частини зимівчан жити на кордонах спостерігалося ще з часів Лясоти. У своєму листі до австрійського цісаря Рудольфа II від 3 липня 1594 року запорожці згадували про хуторян, що живуть на кордонах. А тому слід обережно ставитися до ствердження В.Степового, що над татарським кордоном зимівников було мало. <...>»[12]

Ссылка на: Эрих Лассота. Путевые записки. – Спб., 1873. – с.49

Здесь речь идет о данных австрийского дипломата Эриха Ляссоты, который по заданию своего императора Рудольфа II, хотевшего нанять запорожцев в свою службу, осуществил в 1594 году дипломатическую миссию к ним. О своем путешествии Ляссота оставил довольно обстоятельные записки. Слово «зимовник» в них, кстати, отсутствует. Заинтересовавшая Олийныка информация о хуторянах содержится в ответном письме запорожцев к австрийскому императору по поводу условий найма. Так, казаки писали:

«<…> Просим также В.И.В. [Ваше императорское величество] обратиться с грамотою к его королевскому величеству и к чинам польского королевства о том, чтобы каждый казак, на основании охранной их грамоты, мог свободно и беспрепятственно выступать в поход, выходить из их страны и возвращаться на родину. Доводим также до сведения В.И.В., что количество нашего запорожского войска достигает шести тысяч человек старых, отборных казаков, не считая хуторян, проживающих на границах <…>»[13].

Автору статьи не удалось добраться до книги В.Степового (Бедного) «Запорожський зимівник» (1916), с которым здесь несколько полемизирует Олийнык. Но, судя по контексту, можно осторожно предположить, что дореволюционный автор писал о малом количестве зимовников в районе границы с татарами применительно к периоду Новой Сечи, когда такое соседство действительно неоднократно фиксируется в документах. А Олийнык сравнивает это с ситуацией конца XVI века, что совсем не корректно.

Здесь, кстати, можно попутно заметить про анекдотичность мнения Олийныка о татарских «кишенях» вдоль реки Конки как о признаке тесных хозяйственных связей во времена Новой Сечи между татарами и находящимися с другой стороны реки от них запорожскими зимовниками[14]. Как и о наличии на карте середины XVIII в. обозначений «мечетей» на Конке и Московке как о свидетельстве «про толерантне ставлення запорожців щодо інших релігій»[15]. Уважаемый автор книги явно не в курсе, что это все были остатки мечетей и погре-

бальных сооружений («кэшэнэ» — мавзолей над могилой у мусульман) золотоордынского периода. Остатки этих сооружений на Конке между устьем притока Жеребца и городом Ореховом были хорошо заметны еще в середине XVIII века и отражены в **многочисленных** документах. Рисунок одного из таких кэшэнэ представляем ниже.

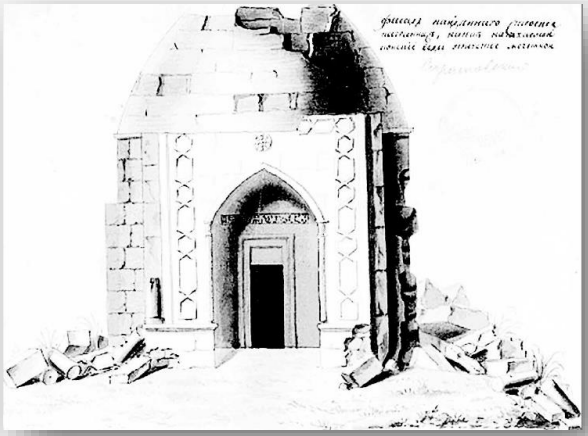


Рис.2. Зарисовка 1769 года одного из мавзолеев на Конке (фрагмент)[16].

Как явствует из тех же записок Ляссоты (да и из реалий тогдашней обстановки), упомянутые хутора располагались не по «татарско-запорожской границе», как, похоже, думает Олийнык, а по южному польскому пограничью. То есть, не в пределах Запорожских Вольностей, а еще на территории Польской Украйны. Так, на обратном пути Ляссота проезжает четыре хутора между Черкасами и Белой Церковью (12 и 13 июля). Два хутора каневских, один ржищевский и последний – белоцерковский. Более в данном тексте ни хутора, ни хуторяне не упоминаются.

Об этом же говорит и фрагмент сообщения Ляссоты, где он разбирает неправдивость сведений о запорожцах, данных еще на этапе организации посольства авантюристом Станиславом Хлопицким. *«В-третьих, он утверждал, что число казаков простиралось от 8 до 10 тысяч, что также не верно, ибо спустившись к ним, я застал всего около трех тысяч человек. Правда, они могут, при желанье,* ***собрать еще несколько тысяч войска, если призовут к оружию всех тех казаков, приписанных к запорожской общине, которые проживают в различных городах и селах*** *[Выделение автора статьи — LV]»*. А как много запорожских городов и сел было в то время в Степи? ☺

То есть, «тылы» запорожцев вместе с их хуторами и городом Трахтемировым (Ляссота: *«В Терехтемиров, недавно основанный городок, пожертвованный королем Стефаном запорожским казакам на содержание больницы»*) находились на контролируемой

[10] Там же, с.103
[11] Там же, с.149
[12] Там же, с.163
[13] Дневник Эриха Лясcоты из Стеблева. Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). Киев. 1890
[14] Олійник, с.115-116, 162
[15] Там же, с.211-212
[16] Макидонов А.В. Днепровская пограничная линия в документах середины 1770-х – начала 1780-х гг.: сборник документов. – Запорожье: Кругозор, 2016, с.435

польскими приграничными старостами территории. И понятно, что естественный отбор в этих лежащих рядом со Степью районах растил в таких хуторах не огородников, а воинов. Которые тоже числились запорожцами и при удобном случае с удовольствием меняли скучное ведение домашнего хозяйства на военную вылазку за добычей. Об этом же, по-видимому, говорит и просьба казаков к австрийцам получить официальное разрешение от польских властей *«чтобы каждый казак, на основании охранной их грамоты, мог свободно и беспрепятственно выступать в поход, выходить из их страны и возвращаться на родину»*. Эта просьба представляла интерес не столько для «сичевиков», сколько для «хуторян». Территория Низа польским правительством тогда никак не контролировалась, и при сильном желании сечевики могли уйти к цесарю и напрямую через Степь. А вот хуторянам в этом плане было сложнее. В случае их несогласованного ухода на цесарскую службу, им в этом могли бы препятствовать местные старосты. Или же могли создать большие проблемы при возвращении казаков в свои хутора.

Так что и у Ляссоты мы не видим ни слова «зимовник», ни прямого свидетельства о выходе казачьих «хуторов» за пределы Польской территории, в Степь. Возможно, это сообщение и имеет какое-то косвенное отношение к теме генезиса позднейших зимовников, но явно не по той схеме, которую рассматривает Олийнык…

Четвертое свидетельство.

*«Інший польський хроніст Маркіян Пашковський більш детально описав життя козаків у зимівниках на початку XVII століття. Він зазначив, що в них зберігалися різні необхідні для промислів речі та оброблялася здобич. М. Пашковський змальовував зимівник як базу відпочинку і господарський осередок[2]. Та й сама назва житла запорожців, в основі якої лежить слово «**зимувати**» [выделение автора книги Олийныка], красномовно свідчить про витоки й призначення цього осередку і явища, ним викликаного»*[17]

Ссылка на: *Шевчук В. Погляд на козацький устрій у політичній ліриці XVII-XVIII ст. // Хроніка, 2000. — Вип. 23-24. — С. 103-115*.

Проверим эту информацию. Из указанных страниц работы Шевчука интересующая нас информация содержится на с.104:

«Описується козацтво і в книжці Мартина Пашковського "Дії турецькі і змагання козацькі з татарами", що вийшла в Кракові 1615 р. З вартих уваги деталей козацького устрою відзначимо опис оборонних заходів щодо татарських нападів, зокрема використання свідчень полонян, котрі звільнилися з неволі: йдеться про систему доріг (маяків) та козацьких охоронних знаків[3], описуються морські походи козаків та змагання з татарами (с. 162–164). Цікаві дані подає М. Пашковський і про організацію життя козаків: відпочинок взимку у зимівниках, де зберігаються речі, здобичі, коні; літування (с. 165–166)…»[18].

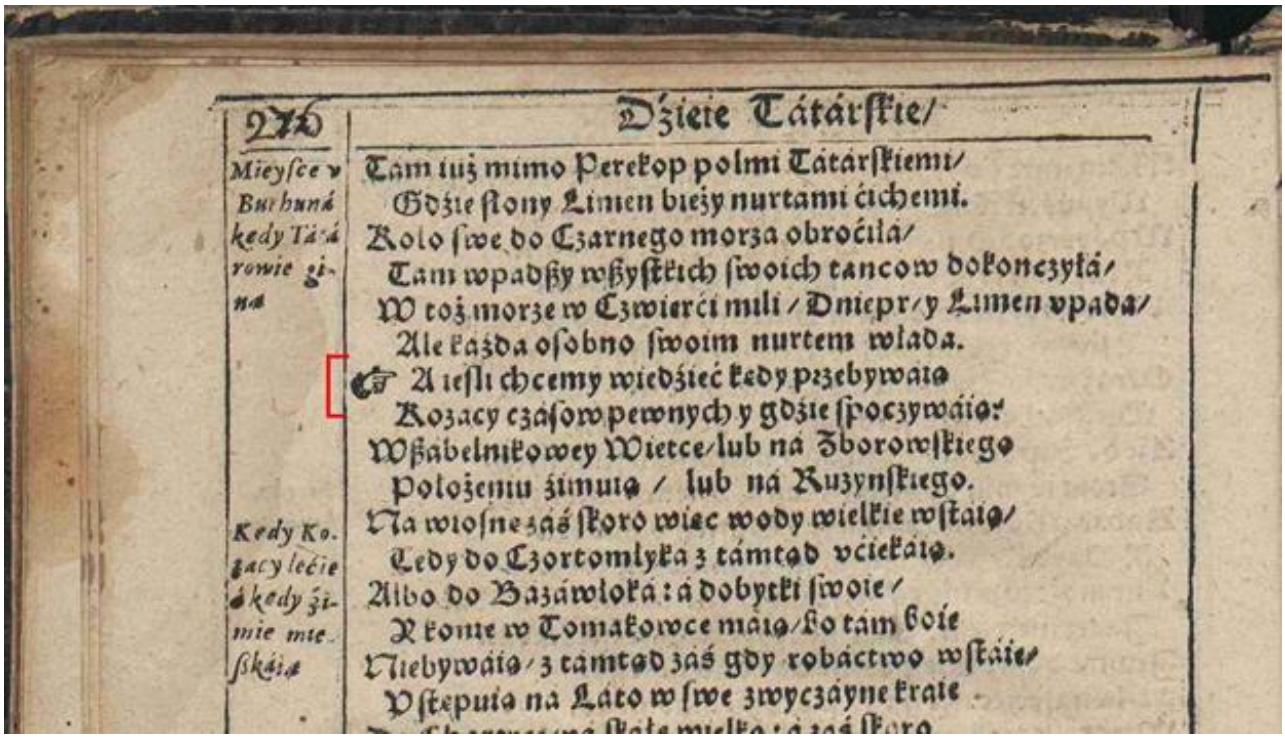
Здесь, действительно, Шевчук пишет про *«отдых зимой в зимовниках»*, что вполне

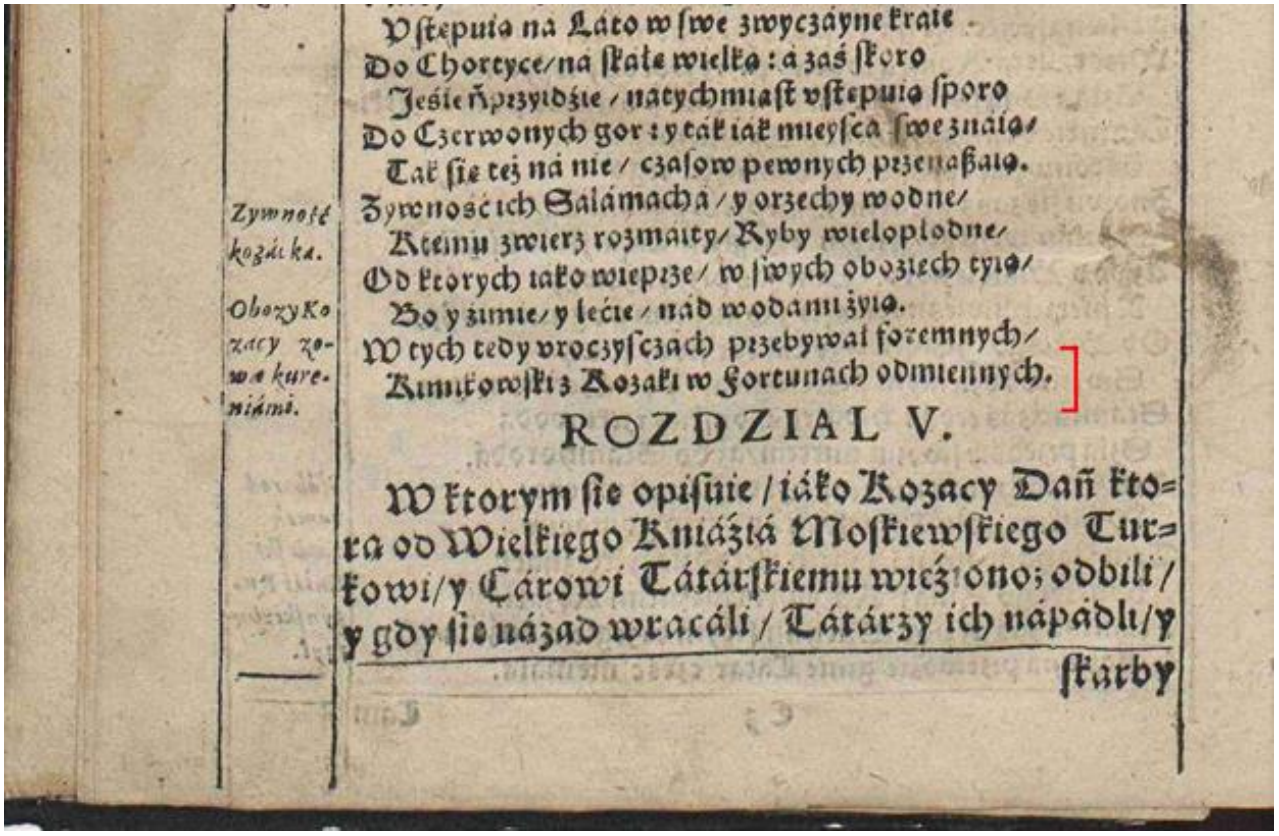
[17] Олійник, с.38

[18] Шевчук В. Погляд на козацький устрій у політичній ліриці XVII-XVIII ст. // Хроніка, 2000. — Вип. 23-24. — С.104

удовлетворило автора разбираемой книги в его поисках упоминаний слова «зимовники» в ранних источниках, глубже он копать уже не стал. Ну а мы (благодаря любезной помощи уважаемой Г.) продолжим идти по этой цепочке дальше, до самого конца.

В приведенном выше фрагменте работы В.Шевчука приводится ссылка на другую его книгу: *Марсове поле: Кн. І: Героїчна поезія на Україні X — першої половини XVII століть– К., 1988*. По XVI–XVII вв. эта книга содержит переводы самого В.Шевчука из малоизвестных и неизвестных текстов польских авторов, имеющих отношение к событиям на Украине. На страницах 165-166 приводится перевод одной из главок обширного стихотворного рассказа М.Пашковского о приключениях Кимиковского, которая озаглавлена так: *«Где казаки летом, а где зимой живут»* (см. рис.3 б). Сравнение современного перевода на украинский язык с текстом оригинала 1615 года (рис.3 а), даже при очень слабом знакомстве автора статьи с польским языком, показывает, что Шевчук (пытаясь выдержать в своем переводе стихотворную форму) не совсем верно перевел отдельные пассажи, из-за чего их смысл несколько изменился, а кое-где добавил и «отсебятину». Но, в целом, общий смысл стихотворения более-менее выдержан. Оно, действительно, рассказывает (пусть и не совсем так как перевел Шевчук) о летнем и зимнем пребывании низовых казаков. Но вот слово «зимовник» в нем точно не звучит! Так что, как именно хранили на Томаковке запорожцы *«dobytki swoie i konie»* (слово «речі/вещи» здесь, кстати, в оригинале нет) – науке так и осталось неизвестным. К тому же эта фраза в стихе относится к пребыванию здесь казаков в **теплое** время года: *«А весной, как скоро воды великие встают, тогда [казаки] до Чортомлыка оттуда убегают, либо до Базавлука: а пожитки свои и коней в Томаковке имеют, потому что там боя (?) не бывает»* (примерный перевод от автора статьи). Так что уважаемому Олийныку стоило бы обратить внимание на совсем другие места данного стихотворения – его начало и конец, где действительно приводятся какие-то не очень внятные и требующие дополнительной расшифровки данные о пребывании казаков в зимнее время. Вот только слова «зимовник» здесь нет вовсе…





Vſtępuią na Láto w ſwe zwyczáyne kraie
Do Chorteyce/na ſkałe wielką: á záś ſkoro
Jeśie ńprzyidźie/ natychmiaſt vſtępuią ſporo
Do Czerwonych gor: y ták iák mieyſca ſwe znáią/
Tak ſie tęj ná nie/ czaſow pewnych przenaßaią.
Zymnoſć kozáka. Zywnoſć ich Salámacha/ y orzechy wodne/
Kteremu zwierz rozmaity/ Ryby wieloplodne/
Od ktorych iako wieprze/ w ſwych obozíech tyią/
Obozy Kozacy zową kureniámi. Bo y zimie/ y lećie/ nád wodami żyią.
W tych tedy vroczyſczach przebywał ſoremnych/
Kimkowſki z Kozaki w Fortunach odmiennych.

ROZDZIAL V.

W ktorym ſie opiſuie/ iáko Kozacy Dań ktora od Wielkiego Kniáżá Moſkiewſkiego Turkowi/ y Cárowi Tátárſkiemu wieźiono; odbili/ y gdy ſie názad wracáli/ Tátárzy ich nápádli/ y

ſkarby

ДЕ КОЗАКИ ВЛІТКУ,
А ДЕ ВЗИМКУ МЕШКАЮТЬ

Коли ж ми хочем знати, куди прибуває
Козацтво в різночасся і де спочиває —
В Шабельниковій Вітці, в Зборовського стані,
Зимують там, бува, й до Ружинського вані.
На весну, коли тільки вода розіллється,
Тоді до Чортомлика дорога в них в'ється.

165

Або до Базавлука [38]; добитки, і речі,
І коні — в Томаківці [39] — усе у безпеці.
Йдуть звідти як робацтво усяке вилазить,
Літують у місцинах звичайних щоразу.
Де Хортиця і скеля велика, а скоро
На осінь, то вже звідти вертаються споро
До гір Червоних, добре місця свої знають,
У певнім часі звично на них проживають.
Пожива — саламаха [40], горіхи ще водні,
Усякий звір до того і риби всеплодні.
Тим живляться всечасно, як вепри в обозах [a],
Бо в зимі і в літі живуть у тих лозах.
В урочищах просторих осівся тутешніх
З козацтвом Кимиковський в фортунах
бентежних [...]

Рис.3. А) Стихотворение М.Пашковского о летнем и зимнем проживании казаков (издание 1615 года); Б) его перевод В.Шевчуком.

Пятое свидетельство.

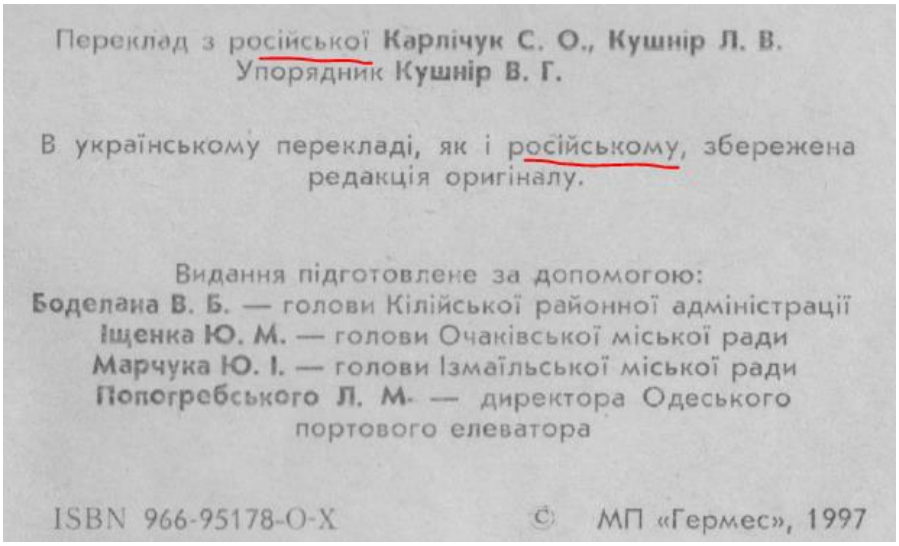
«Є певні відомості, що зимівники розташовувались і за межами південних кордонів Запорозьких Вольностей, власне на території татарських володінь. І цей процес зовнішньої колонізації розпочався досить давно. Відомий мандрівник другої половини XVII століття Евлія Челебі у своїх подорожніх нотатках , при описі штурму козаками Очакова, згадував зимівник , що знаходився за фортецею Хасан-Паша. З подальшого опису подій видно, що цей зимівник , крім суто господарського призначення, напевне виконував і роль торговельної факторії. Тут займалися бджолярством, садівництвом, мали худобу та млин»[19].

(Ссылка на: *Евлія Челебі. Книга подорожі. Північне Причорномор`я. – Одеса, 1997.- с.41*)

То, что во времена Новой Сечи (в мирные годы) часть запорожских зимовников располагалась на чисто татарской территории, рядом с кошами кочевников – чистая правда. Автор статьи и сам такие документы видел, и немало. А вот насчет описания запорожского зимовника под Очаковым у Челеби... Эти данные взяты из рассказа данного турецкого путешественника об осаде в 1657 или 1658 году украинскими казаками Очакова. Вот то место из одесского издания, на которое ссылается Олийнык:

«<…> Зразу ж кяфіри на чотирьох човнах, зв'язаних до купи, пробрались в ***зимівник*** *[выделение автора статьи — LV], що знаходився за фортецею Хасан-паша, де, за допомогою возів стягнули з човнів вісім англійських залізних гармат, потягнули їх волоком та доставили в зовнішні посади Очакова. <…>»*[20]

Попробуем выяснить, что же это за «зимовник» упомянут в данном отрывке и кому он принадлежал. Данное одесское издание, как явствует из выходных данных книги, является не свежим авторским переводом непосредственно с языка оригинала, а переводом с русского языка на украинский. К сожалению, сведения о том, с какого именно русскоязычного издания был произведен этот перевод – в данной книге не приводятся.


Переклад з російської **Карлічук С. О., Кушнір Л. В.**
Упорядник **Кушнір В. Г.**

В українському перекладі, як і російському, збережена редакція оригіналу.

Видання підготовлене за допомогою:
Боделана В. Б. — голови Кілійської районної адміністрації
Іщенка Ю. М. — голови Очаківської міської ради
Марчука Ю. І. — голови Ізмаїльської міської ради
Пологребського Л. М. — директора Одеського портового елеватора

ISBN 966-95178-0-X © МП «Гермес», 1997

Рис.4. Фрагмент оборота титульного листа одесского издания Челеби 1997 года

[19] Олійник, с.119

[20] *Евлія Челебі. Книга подорожі. Північне Причорномор`я. – Одеса, 1997.- с.41*

А теперь приведем более обширный фрагмент этого же сообщения из русскоязычного издания 1961 года:

«<…> Тотчас же кяфиры на четырех лодках , связанных воедино, проникли в ***зимовье*** *[выделение автора статьи — LV], находящееся позади крепости Хасан-паша, с помощью повозок стащили с лодок восемь английских железных пушек , потянули их волоком и доставили во внешние посады Очакова. [Здесь] они выкатили несколько бочек с медом и фруктовым напитком и [продолжали] двигаться, волоча свои пушки. Затем они впрягли в пушки находившийся в посадах рабочий скот и лошадей с конной мельницы. [Потом] зажгли посады, а сами с пушками и бочками прибыли в окопы под крепостью. В это время из крепости снова понеслись крики «Аллах! Аллах!» и на них (кяфиров) обрушился такой ливень свинца и пушечных ядер, что несколько сот кяфиров было разорвано [в клочья].*

Однако те перепились захваченными в посадах вином, бузой и водкой и, обезумев, в опьянении и ярости снова ринулись на крепость, спустились в окопы, потом стали карабкаться на крепостные стены. Тотчас же наши борцы за веру начали поливать их нефтью, смолой и кипятком, швырять в них бомбы [в виде] горшков и ручные бомбы и отогнали их прочь от крепости.

Тогда кяфиры, у которых были их свинские пушки, спешно наполнили в своих окопах землей вышеупомянутые бочки из-под меда и фруктового напитка; этими бочками они прикрыли и защитили снятые с кораблей восемь пушек и открыли из них огонь. Но что могут сделать крепости Очаков такие пушки!.. Когда кяфиры стали в окопах продвигаться вперед, по ним так ударили [наши] исполинские пушки бал-емез, что у этих простаков не осталось ни бочек из-под меда (Здесь игра слов: бал означает "мед", название пушек бал-емез буквально означает "меду не ест"), ни их английских пушек».

То есть здесь авторы «одесского» перевода без всякой задней мысли (попыток исказить Историю в данном случае **нет**!) заменили русское слово «зимовье» на близкий к нему украинский синоним «зимовник». Особой погрешностью это не является, но, к сожалению, данное место нечаянно ввело в заблуждение уважаемого Олийныка в его настойчивых поисках запорожских зимовников. Реально же здесь речь шла о том, что более-менее состоятельные очаковские ногайцы имели возле Очаковской крепости собственные жилища, в которых могли зимовать с относительным комфортом, пока их пастухи со стадами мерзли где-то на побережье Черного моря. И все эти тягловые животные, которых казаки использовали для подтаскивания своих пушек, и бочки из-под меда и «фруктовых напитков», которые они пытались применить для создания защитных баррикад при батарее – это все было захвачено тут же, в покинутых ногайских жилищах. Сравните это с тем, что писал уважаемый Олийнык об этом «запорожском зимовнике», который *«кроме чисто хозяйственного назначения, вероятно исполнял и роль торговой фактории; тут занимались пчеловодством, садоводством, имели скот и мельницу»*. Ну да… Кроме этого, не упоминается никакое запорожское присутствие и в предыдущих главах, где Челеби чрезвычайно дотошно описывает город и укрепления Очакова. Никакого отношения к интересующей нас теме данное описание НЕ ИМЕЕТ.

Шестое свидетельство.

«Пряме повідомлення більш раннього періоду про оборонне значення зимівників належить Георгію Кониському: «Сірко, укріпивши свої зимівники на островах біля Січі, тримався нейтрально і очікував, як закінчаться зазіхання турецькі і війни їх з Росією та Цісарем». На жаль, нам не відомо, як саме були укріплені ці зимовники. Проте зрозуміло, що вони створювали окрему лінію оборони самої Січі».[21]

Ссылка на: Георгій Конiський. Історія Русів. – К., 1978.-с.233

Знаменитая «История Русов» – это анонимный исторический трактат, написанный то ли во второй половине XVIII, то ли в начале XIX века. Григорий Конисский – лишь один из наиболее вероятных претендентов на авторство. Этот труд сильно повлиял как на становление украинофильства, так и на литературные произведения многих писателей и поэтов той эпохи, включая и Пушкина с Шевченко. Невзирая на столь большие заслуги, эта работа не раз становилась объектом критических разборов. В ней находили множество натяжек и значительных искажений фактов. Большая часть источников для данной работы нам не известна, поэтому проверке не подлежит. Как писал на склоне своих лет Н.И.Костомаров (в молодости сильно увлекавшийся этим сочинением): *«Мне значительно повредило доверие, оказанное таким мутным источникам, как «История русов»*.

Достаточно интересную и ценную информацию «Истории Русов» в некоторых случаях все-таки можно пытаться использовать, но только при условии перекрестной проверки другими документами. Что же касается упоминаний в «Истории Русов» зимовников, то цитируемый Олийныком фрагмент относится примерно к 1680 г. (Часть II, глава 5). Еще два упоминания зимовников в «Истории Русов» относятся к 1640-м годам (Часть I, гл.4, 5) и одно – к концу 1760-х гг. (Часть III, гл.5). То есть, наш аноним описывал события XVII века через 100-150 лет после того, как они произошли. И взял ли он эти фрагменты из более ранних документов, или же пытался описать старину своими словами и так, как это сам представлял – мы не знаем. По XVII веку это источник ненадежный.

Что же касается до *«оборонного значення зимівників»*, усмотренного Олийныком в сообщении «Истории Русов» о Сирко, то, как признает сам автор книги, это ***«єдина згадка*** *[выделение автора статьи — LV] про укріплення зимівників навколо Січі Іваном Сірком міститься лише в Історії Русів»*[22]. То есть, НИКТО из современников событий НИКОГДА не упоминает ни про укрепление зимовников Сирко, ни про фортификационные возможности любых других зимовников! Ну не знают современники событий ни про какие «укрепленные зимовники», что же ты с ними поделаешь?.. И вот из этих нескольких невнятных слов в «Истории Русов», написанных уже после окончания эпохи казатчины, уважаемый автор книги умудрился расписать целый раздел, посвященный «военно-стратегическим функциям зимовника». Где он раскрывает системы фортификации, маскировки, сигнализации и обороны как одиночных зимовников, так и целых «укрепрайонов» из них. При этом ни одной ссылки на такие описания оборонительных возможностей зимовников, составленные профессиональными военными XVII — XVIII века, хорошо знакомыми с темой долговременной и полевой фортификации того времени, автор привести не смог. Зато он с полным дове-

[21] Олійник, с.100
[22] Там же, с.30

рием использовал записки местных краеведов-романтиков XIX века, которые тогда фонтанировали огромным количеством идей по поводу славного запорожского времени, в том числе и довольно странных и спорных. Возможно, их предположения тоже стоило подвергнуть критической проверке?

Для примера. На с.100-101 книги Олийныка приводится фрагмент описания пяти укреплений вокруг города Александрии (на Ингульце) авторства Н.Бублиева (1889 год), который предполагал их назначением оборону запорожских зимовников. Но даже просто при прочтении текста бросается в глаза весьма необычная деталь в виде параллельных длинных дугообразных насыпей, расположенных рядом со входами в эти «шанцы», что уже должно насторожить внимательного Читателя, так как это характерно для определенного типа неких памятников. А если обратиться к оригиналу этой статьи в ЗООИД[23], то в ней на с.827 имеется подстраничный комментарий, что аналогичные «военные укрепления» имеются и в Екатеринославской губернии, что часть из них по распоряжению тамошнего губернатора А.Я. Фабра снята на план и что их изображение приводится в прилагаемых к данному тому таблицах XIX и XX. Первая из них содержит просто схему расположения таких объектов вдоль Днепра. А вот вторая, полностью подтверждая наши подозрения, содержит схемы насыпей тринадцати так называемых «могил-майданов». Это довольно распространенный в Причерноморских степях тип памятника, представляющий собой курган (обычно с выбранным центром) и отходящими от него дугообразными параллельными насыпями-«усами». Историки и археологи до сих пор не могут сойтись во мнении что это – остатки массовой добычи селитры в XVII-XVIII веках или следы неких культовых сооружений древности? Но к фортификационной теме они точно не относятся…

Большое количество информации о таких объектах (в том числе и Александрийского района) имеется на специализированном сайте «Майданы» https://mound.io.ua/

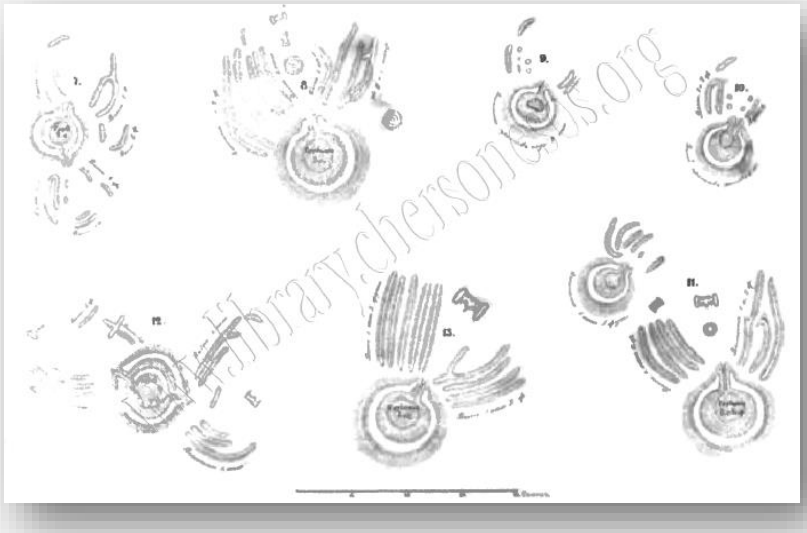


Рис.5. Фрагмент таблицы с изображениями «могил-майданов» из Приднепровья (ЗООИД)

[23] ЗООИД, 1889, с.826-829

Седьмое свидетельство.

«<...> Князь Мишецький повідомляє навіть про заколот і протистояння homo economicus проти homo militaris за часів Олешковської Січі (1710-1734), адміністрація якої зимівчан підданними у себе мала й образи і насильства їм чинила. Тому ті й переселилися в Кам`янку. <...>»[24]

Ссылка на: Мышецкий С.И. История о казаках запорожских ... – Москва, 1847. – с.11

Князь Семен Иванович Мышецкий, инженер-поручик, находился в Запорожской Сечи с 1736 по 1740 г. Возводил там фортификации. Оставил крайне интересные и ценные заметки (или, по мнению уважаемого Олийныка, шпионский отчет[25]) о запорожцах его времени и их истории. В своей «Истории...» Мышецкий неоднократно использует слово «зимовник», в том числе применительно ко времени пребывания запорожцев под Крымским ханством.

Издание 1847 г. автору статьи достать также не удалось, но судя по изданию 1852 г. таких выражений как «homo economicus» (люди хозяйственные?) и «homo militaris» (люди воинственные?) в тексте нет, видимо это уже творчество автора книги. Да и переселение на Каменку по Мышецкому предприняли не самарцы-«зимовчане», а именно алешковцы-сечевики... Вот как выглядит упоминаемый сюжет непосредственно у Мышецкого:

«А как Запорожские Казаки, под командою Хана Крымскаго ходили в Черкесы в нескольких тысячах, то Запорожские Казаки-ж, которые живут при реке Самаре, собравшись во многой силе, и пошли военною рукою на Запорожскую Сечу, в урочище Олешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вешали, и потом оную всю выжгли; и за то они то чинили, что Запорожцы подданными у себя имели, и многии им насильства и обиды чинили.

И как Кошевой, с Запорожскими Казаками, из Черкес возвратился, и увидел разорение своей Сечи собрал всех Запорожских Казаков, и переселился из того урочища Олешек, в старую Сечу, Каменку, о которой выше сего во многих пунктах упомянуто; и по том умыслил с своими Казаками, чтобы обиду свою живущим Казакам при реке Самаре отомстить, и собрався с великими силами, и пришед на их поселение и ***зимовники****, с великою яростию на них напал, и многия их жилища разорил и множество Казаков порубил и вешал, и другими тиранскими муками мучил»*[26].

Мышецкий это сообщение не датирует. Об этих же событиях писал и Ригельман:

«Из сего ж роду Козаков, кои в прежние времена, от бывшего безпутного польского правления отшатившись, под крымское ж владение отдалися, жили немалым числом, при реке Самаре, а во время с Россиею войны, в Крыму и близ оной, а по замирении паки по Самаре, оных присвоивали сечевские, так как бы живущих на их землях и налогами своими притесняли их безмерно, налагая на них разные тяглы, как бы на подчиненных

[24] Олійник, с.149
[25] Там же, с.31
[26] С. Мышецкий. История о козаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. — Одесса, 1852, с.23-24

своих, делали при том некоторые им обиды и насильства, что с немалою прискорбностью сносить принуждены были и до того времени терпели, доколе сечевским козакам с крымским ханом в множественном числе случилось быть в походе противу черкес. Тогда собрались немалым числом самарские, вдруг на Сечу их напали и кош их весь разграбили, выжгли и разорили, людей оставших побили, и разные казни, во отомщение своей обиды, им учинили. Но как запорожцы из походу возвратились и нашли Сечу свою разоренную, кошевой собрал остаток разоренных людей своих, переселился того для от Алешек паки к речке Каменке и, по устроении там коша своего, пошел с силою на Козаков самарских, разорил их селения, людей, сколько найти мог, побил, имение побрал и возвратился в Сечь»[27].

Как там точно было дело — мы «копать» уже глубже не будем. По некоторым современным данным – повторное разорение Сечи было выполнено отрядом, посланным гетманом Скоропадским и генералом Бутурлиным. Вероятно, в этом карательном походе и самарцы участвовали. По поводу же ответного нападения запорожцев – вероятно это имеются в виду совместные нападения запорожцев с татарами на украинские области по обе стороны Днепра в 1711 г. Эти события подробно описаны Яворницким в гл.17-й 3-го тома его «Истории запорожских казаков». То есть, приведенное у Мышецкого сообщение (вместе с упоминанием зимовников) датируется ориентировочно 1709-1711 гг. Но оно тоже записано через три десятилетия после описываемых событий…

Ну, и на этом, как бы, все! Перечень выявленных в книге Олийныка сведений источников с упоминаниями зимовников в период до 1734 года полностью исчерпан. Если кто-нибудь из уважаемых Читателей сообщит автору статьи о незамеченных им дополнительных источниках в этой книге – то они с благодарностью будут также добавлены к данной статье. Но это вряд ли будет очень просто, так как автор статьи дважды весьма внимательно перечитывал эту книгу в их поисках…

Что же мы имеем в сухом остатке? Получается, что в промежуток между временами Ланцкоронского (начало XVI в.) и началом Новой Сечи (1734 год) уважаемый автор нашел всего 7 (семь!) источников, причем это если считать вместе с самим УБХ, который мы как раз этим и хотели изначально проверить. Только семь источников на двести лет истории и на две с половиной сотни страниц своей книги... Причем из этих семи источников один вообще никак к запорожским зимовникам не относятся (Челеби), еще три относятся к казакам, но не содержат вовсе слова «зимовник» (Бельский, Ляссота, Пашковский), еще два (УБХ, История Русов) – имеют разную степень сомнительности и подозрения на фальсифицированность. Единственное светлое пятно – это данные Мышецкого, но и они написаны через три десятилетия после описываемых событий, поэтому тоже могут иметь некоторое количество анахронизмов. А ни одного **синхронного** документа с использованием слова «зимовник» по отношению к запорожским хуторам по периоду до 1734 года автор привести не смог! И это при том, что из документов о начале Новой Сечи четко видно, что запорожцы вернулись в российское подданство с **уже** полностью сформировавшимся и устоявшимся зимовником как одной из основных хозяйственных единиц своего хозяйства. То есть

[27] Рігельман О. І. Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі / Вст. ст., упор. та примітки П. М. Саса, В. О.Щербака. — К.: Либідь, 1994, с.639-640

формирование и такого вида хозяйств, и соответствующего слова для его обозначения произошло задолго до 1734 года. А вот в Крымский ли период запорожцев это произошло или еще до него – это уже надо отслеживать по реальным документам, чего, к сожалению, в данной книге сделать не удалось.

Но может быть здесь проблема в другом – в недостаточной квалификации автора книги? Или, быть может, эта тема и эта книга создавалась в большой спешке? Да тоже, как бы, нет. Автор книги А.Л. Олийнык – человек, далеко не чужой госпоже Истории, член Запорожского научного общества имени Новицкого. Историк по образованию (еще советскому), после института успел поработать в Запорожском краеведческом музее и с подводными археологами, преподавал историю в школе. И только с конца 90-х годов ему пришлось резко изменить свою стезю в сторону менеджмента и управления (где он также достиг немалых успехов). Но и при этом он не прекращал своих занятий историей. Так, с конца 2007 по май 2008 года он работал по совместительству на истфаке ЗНУ (кафедра источниковедения, историографии и специальных исторических дисциплин) и преподавал дисциплины «Методи історичних досліджень» и «Джерелознавство» (!). А темой запорожских зимовников он начал активно заниматься еще с начала 1990-х годов. И к моменту выхода в 2005 году рассмотренной выше книги у него было уже опубликовано не менее дюжины статей и одна монография по зимовникам. А в 2008 году он по этой теме защитил кандидатскую диссертацию[28]… То есть, человек это достаточно серьезный и грамотный, и время на подготовку у него было достаточно. Поэтому к факту обнаружения (или не обнаружения) уважаемым автором книги документальных подтверждений его теории о генезисе запорожских зимовников мы обязаны относиться максимально серьезно. Так что мы уже с большой долей уверенности можем наконец ответить на сформулированный в начале статьи вопрос.

Итак, если (по данным УБХ) **впервые** слово «зимовник» применительно к казацким хуторам фиксируется в начале XVI века, причем оно якобы уже тогда было «вполне привычным и не требующим дополнительных пояснений», то **во ВТОРОЙ раз оно прозвучит не ранее, чем через век – полтора.** Ни Лянцкоронский, ни Баторий это слово (в таком специфическом значении) не поняли бы. Для их эпохи такое использование данного слова является **анахронизмом, позднейшей вставкой**. Со всеми вытекающими из этого вывода последствиями для того самого Универсала Батория / Хмельницкого, про степень надежности которого до сих пор спорят историки…

В завершение можно отметить, что в данной книге имеется и еще много чудесных моментов, доставивших автору статьи массу положительных эмоций. Например, о том, что время существования Новой Сечи (напомним, это 1734 – 1775 год) – это период **почти постоянных** военных кампаний против Турции и Крыма (с.28). Что известный своим сочинением «О казаках запорожских…» князь Семен Мышецкий принимал участие в размежевании земель от Оттоманской Порты с 1736 по 1740 год (с.31). И что отсутствие в работе Мышецкого упоминаний о земледелии у запорожцев можно пояснить *«лише тим, що розмежовував він південні кордони з Портою, де землеробство на той час ще не було так розвинене, як у північних і центральних володіннях Запорозьких Вольностей. Запорожці в*

[28] Наукова школа професора А.В. Бойка: персоналії та доробок / Упорядники: Ігор Лиман, Вікторія Константінова. – Запоріжжя, 2011 https://refdb.ru/look/3770425-pall.html

цей час тільки-но повернулися під юрисдикцію Росії і не встигли за ці шість років як слід обжитися» (там же). Видимо, военные действия русско-турецкой войны 1736-1739 гг. ни Мышецкому в его размежевании границы с Турцией, ни запорожцам в их обустройстве на новом месте никак не мешали?.. Или еще: что *«так зване розмежування»* (надо полагать Генеральное, т.к. далее автор упоминает *«межові плани-описи та схематичні зображення меж земельних володінь»*) происходило «на замовлення військового відомства Росії <…> і були результатом розвідувальної діяльності при підготовці чергової військової кампанії» (с.34). Что Муравский шлях пересекал реку Конку (с.115). Что Петр I был дедом «второй великой реформаторши России» Екатерины II (с.168). Что запорожские экономисты (?) *«безсумнівно»* были знакомы со свежими экономическими теориями Европы, но не копировали их, а создавали собственную модель (с.176). Что запорожцы почти 300 лет безраздельно господствовали на Черном море (с.223). И еще много аналогичных по качеству заявлений… Такие вещи, наверное, не слишком смутили кураторов из Канадского института украинских исследований Альбертского университета, проспонсировавших издание данной книги по «Программе исследования восточной Украины им. Ковальских». Но если такая не слишком высокая разборчивость простительна для наших заокеанских «друзей», давно оторванных от Украины, то мы-то сами собственную историю, по идее, должны все-таки получше знать? В общем, в рассматриваемой книге неточностей и откровенного абсурда имеется еще довольно много, но полный ее разбор не входит в задачи данной статьи.

Тем не менее (невзирая на озвученную выше критику), книга Олейника не производит совсем уж удручающего впечатления, особенно по периоду Новой Сечи, где имеется богатый документальный материал по теме исследования. Хватает в ней и интересных наблюдений, и верных выводов. Просто автору книги не повезло в том, что у него не было компетентного и занудного рецензента, который бил бы его линейкой по рукам при каждом излишнем «полете мысли», не давал бы неразборчиво тащить в книгу любую информацию, лишь бы в ней присутствовало слово «зимовник», и заставлял бы тщательно докапываться до первоисточников и производить их критический анализ перед применением. Правда, тогда книга, скорей всего, получилась значительно короче, а нескольких глав в ней точно не было бы целиком. Зато она была бы гораздо ближе к реальности и не так легко могла бы стать мишенью для критиков. Наверное…

Ну а пока мы видим, что авторская гипотеза о том, что запорожские зимовники происходят напрямую от зимних станов-кошей приднепровских рыбаков и охотников XV века, по всей видимости, является мертворожденной. Автор книги так и не смог доказать переход кошей в зимовники и документально заполнить хронологический разрыв по XVI и XVII векам. А работоспособность рабочей гипотезы как раз тем и проверяется, насколько легко и удачно она подтверждается массовыми документами. Возможно, автору книги стоило больше внимания уделить казацким хуторам на южном польском пограничье, которые неизбежно должны были распространиться и в Степь при снижении общего уровня «татароопасности» в более позднюю эпоху? Или обратить внимание на Крымский период, когда у запорожцев полностью исчезла возможность уходить на зиму в города и села Малороссии? Тогда, вероятно, можно было бы копнуть глубже и подмеченное автором использование запорожцами слова «кишло» в значении жилища[29]. Например, выяснить, из какого языка оно произошло, как с него переводится и что означало в оригинале (подсказка: со

[29] Олійник, с.40

словом «кош», от которого и произошли слова «кочевать, кочевники» оно не однокоренное!). Тут автора книги ожидает еще много сюрпризов… ☺ Так что искренне пожелаем ему успехов на его тернистом пути!

Ну а нашим, мариупольским краеведам, хочется порекомендовать одно. Когда в следующий раз увидите чье-то уверенное заявление о том, что на месте Мариуполя уже в начале XVI века (а то и в конце XV) существовал запорожский зимовник (вариант — укрепленный зимовник) с названием Домаха – вспомните про итоговый результат попыток Олийныка обнаружить казацкие зимовники в эту эпоху. И сделайте соответствующий выводы…

Мира Всем!

LV. Миусские заставы (2024)

В VII выпуске сборника В.А. Гусева приводится огромный документ с перечнем из 3801 донских казака, уволенных с казачьей службы в 1775 году, с указанием их служб и причиной увольнения (по увечьям, болезням, старости и дряхлости). Довольно часто в этих записях упоминается Миус. Поэтому, из интереса, была проведена небольшая аналитическая работа по таким упоминаниям. Разумеется, это не совсем корректно методологически, но «среднюю температуру по больнице» понять можно. Результаты представлены ниже в таблице и рисунке.

Как оказалось, каждый десятый донской казак (из попавших в данную выборку) нес службу на Миусе (вероятно, в большинстве случаев – именно на заставах). Что совсем не удивительно, с учетом довольно большого количества казаков, направлявшихся туда ежегодно в *«раскомандировки»*. Так, например, в XX выпуске сборника В.А. Гусева, в материалах присяги 1762 года приводится список из 125 казаков, несших на тот момент службу *«на Миюсе в годовых разъездах»*. Но вот распределение таких казаков по станицам – в перечне 1775 года очень сильно отличалось. В абсолютном выражении больше всего «миусских» казаков – 58 человек (каждый четвертый) дала столица донцов – Черкасский городок (со всеми его составляющими станицами). Что и понятно, с учетом его многолюдности и близости к Миусу. Но в примыкавшем к Черкасску районе нижнего Дона с его отдельными станицами – доля «миусских казаков» среди станичников зачастую была даже еще выше. Так, например, в Семикаракорской, Бабской и Траилинской станицах эта доля превышала 50%. И еще в 15 нижнедонских станицах (вниз по течению от Потемкинской) она составляла от 20 до 49%. Что, в общем-то легко объясняется их относительной близостью к району Миуса и интересом к экономическому использованию той территории. На на этом же отрезке некоторые станицы показали и очень небольшую процентовку «миусчиков» или не показало их вовсе. Тем не менее, усредненная доля «миусских» казаков по всем донским селениям этого участка Дона составляет 29%.

Выше по течению Дона, между Есауловской и Верхне-Чирской, доля таких казаков резко снижается. Здесь она не превышает 19% (ст. Кобылянская), а в среднем – около 10%.

Еще выше по Дону – количество привлекаемых к «миусским службам» снижается почти до нуля и лишь в некоторых станицах показано по 1 или 2 таких казака. Это и понятно, гонять отсюда казаков на Миус было слишком далеко и накладно для них.

Из донских станиц по Северскому Донцу – привлечение казаков к миусским службам было несколько более активным. Здесь средняя доля таких казаков составила 13%.

Из еще более отдаленных от Миуса левых притоков среднего Дона – казаки на Миус направлялись редко. Так, станицы по Хопру дали менее 5% «миусских» казаков, по Медведице – менее 1%, а с Бузулука – вообще ни одного.

Нанесение этих данных на карту представлено на рисунке ниже.

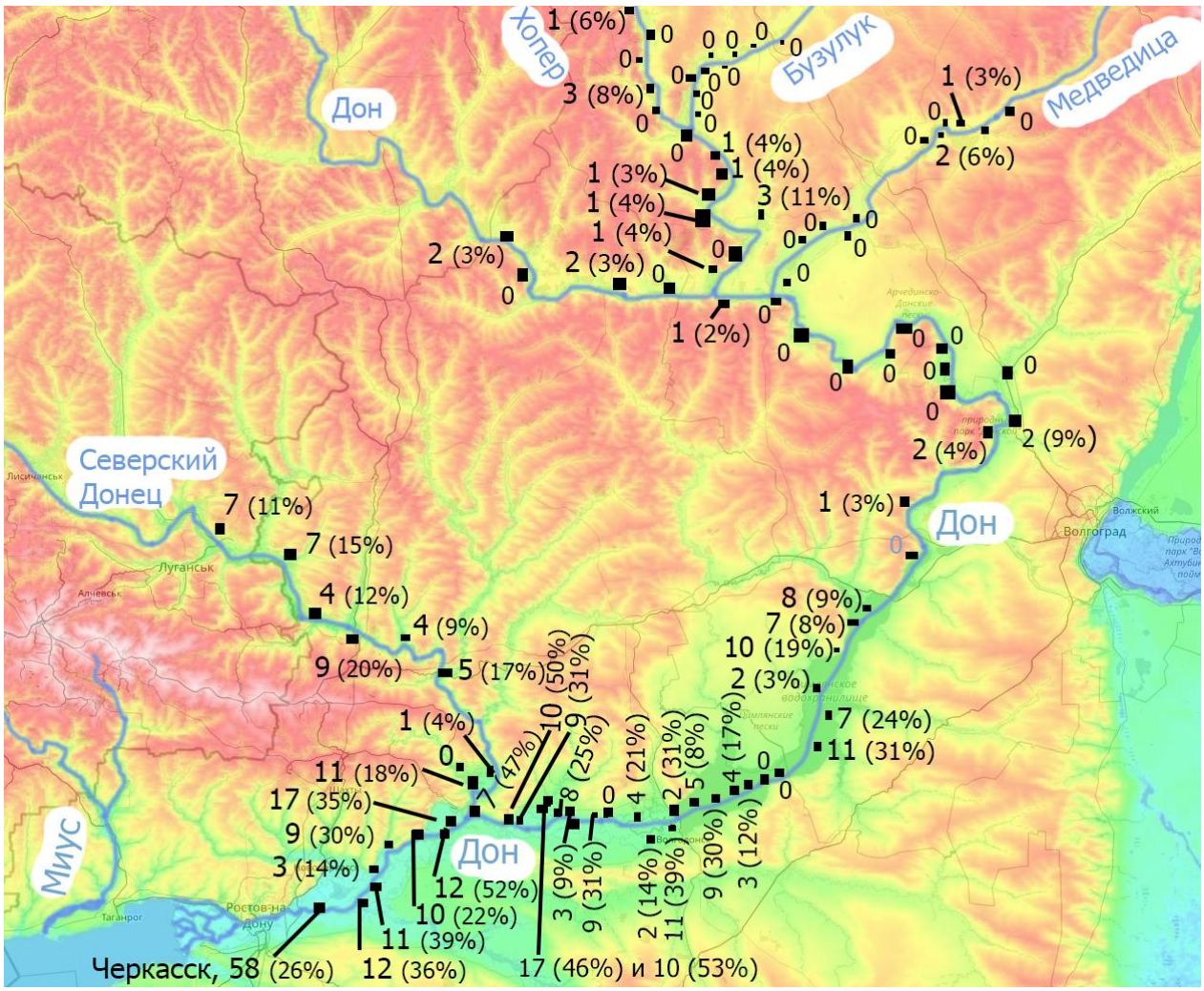


Рис.1. Количество и доля «миусских» казаков по каждому донскому населенному пункту в «Списке…» 1775 года.

Многие из казаков исполняли службы на Миусе по два или три раза. А один казак – Леонтей Федоров из Романовской станицы — в период с 1747 года посылался на службы по Миусу шесть раз!

Также некоторый интерес представляют наблюдения над теми записями о казаках, где Миус указан первой службой. В таких случаях (с некоторой степенью условности) предполагается, что указанный год начала казачьей службы скорей всего совпадал с годом отправки на Миусскую службу. При этом можно заметить, что в большинстве из нижнедонских станиц процент таких казаков среди всех людей с упоминанием Миуса – аномально большой, зачастую по 70 – 80%. Скорей всего это нужно трактовать так, что заставные службы на Миусе (где основные проблемы были от запорожских шаек разбойников и конокрадов) считались относительно безопасными для молодых казаков. И старшина старалась отправлять «желторотиков» преимущественно туда, чтобы они легче осваивали казачью службу и имели больше шансов вернуться живыми из своих первых «командировок».

И еще одно наблюдение, что у довольно многих казаков даты идущих первыми миусских служб указаны более ранние, чем 1743 год (начало конфликта с запорожцами). Так встречаются такие даты с 1738 года (еще во время войны с турками) и до 1742 года. Но,

учитывая, что данный документ относится к 1775 году, то количество таких «старичков», попавших в этот список, уже не слишком велико.

Ниже все эти данные, исключительно для любителей статистики, приводим в табличной форме:

Станица	Общее кол-во упомянутых казаков	Кол-во казаков с упоминанием Миуса*	% казаков с упоминанием Миуса	Кол-во казаков, у которых Миус упомянут первым	% казаков, у которых Миус упомянут первым	Упоминания служб на Миусе ранее 1743 года**
По Дону:	**2250**	**300**	**13,3%**	**163**	**54%**	
Черкасск (все его станицы)	225	58	25,8%	35	60,3%	1738 — 1 случай, 1741 — 2, 1742 — 2
Маноцкая	33	12	36,4%	4	33,3%	1741 — 4 случая
Багаевская	28	11	39,3%	2	18,2%	1742 — 1
Бесергеневская	21	3	14,3%	0	0,0%	
Мелеховская	30	9	30,0%	1	11,1%	1739 — 1
Раздорская	45	10	22,2%	7	70,0%	1742 — 2
Семикаракорская	23	12	52,2%	10	83,3%	1742 — 4
Кочетовская	49	17	34,7%	5	29,4%	1740 — 1
Золотовская	15	7	46,7%	5	71,4%	1740 — 1, 1742 — 1
Бабская	20	10	50,0%	4	40,0%	1740 — 1, 1742 — 3
Ведерниковская	29	9	31,0%	5	55,6%	1740 — 1
Кагальницкая	37	17	45,9%	13	76,5%	1738 — 1, 1740 — 1, 1742 — 3
Траилинская	19	10	52,6%	7	70,0%	1738 — 1, 1739 — 1
Нижне-Михалевская	32	8	25,0%	6	75,0%	1741 — 1
Верхне-Михалевская	33	3	9,1%	2	66,7%	
Нижне-Каргальская	29	9	31,0%	7	77,8%	1741 — 1, 1742 — 1
Быстрянская	9	0	0,0%	0	0,0%	
Камышевская	19	4	21,1%	3	75,0%	1742 — 2
Верхне-Каргальская	14	2	14,3%	0	0,0%	
Романовская	28	11	39,3%	6	54,5%	1740 — 1
Кумшацкая	15	2	13,3%	2	100,0%	
Цимлянская	63	5	7,9%	4	80,0%	
Терновская	30	9	30,0%	7	77,8%	1740 — 1, 1742 — 3
Филипповская	24	4	16,7%	0	0,0%	
Гугнинская	26	3	11,5%	2	66,7%	

Нижне-Курмоярская	26	0	0,0%	0	0,0%	
Нагавская	36	0	0,0%	0	0,0%	
Верхне-Курмоярская	36	11	30,6%	3	27,3%	
Потемкинская	29	7	24,1%	1	14,3%	1742 — 1
Есауловская	60	2	3,3%	1	50,0%	
Кобылянская	53	10	18,9%	6	60,0%	
Нижне-Чирская	87	7	8,0%	3	42,9%	
Верхне-Чирская	93	8	8,6%	5	62,5%	1740 — 2
Пятиизбенская	91	0	0,0%	0	0,0%	
Голубинская	37	1	2,7%	1	100,0%	
Трехостровская	49	2	4,1%	1	50,0%	
Качалинская	22	2	9,1%	1	50,0%	
Иловлинская	37	0	0,0%	0	0,0%	
Сиротинская	51	0	0,0%	0	0,0%	
Старогригорьевская	47	0	0,0%	0	0,0%	
Новогригорьевская	46	0	0,0%	0	0,0%	
Кременская	44	0	0,0%	0	0,0%	
Перекопская	30	0	0,0%	0	0,0%	
Клецкая	71	0	0,0%	0	0,0%	
Распопинская	46	0	0,0%	0	0,0%	
Усть-Медведицкая	84	0	0,0%	0	0,0%	
Усть-Хоперская	41	1	2,4%	1	100,0%	
Еланская	29	0	0,0%	0	0,0%	
Вешенская	65	2	3,1%	2	100,0%	
Мигулинская	73	0	0,0%	0	0,0%	
Казанская	71	2	2,8%	1	50,0%	
По Северскому Донцу:	**369**	**48**	**13,0%**	**42**	**88%**	
Нижнекундрюческая	60	11	18,3%	11	100,0%	1742 — 4
Верхнекундрюческая	21	0	0,0%	0	0,0%	
Усть-Быстрянская	23	1	4,3%	1	100,0%	1742 — 1
Усть-Белокалитвенская	29	5	17,2%	4	80,0%	1742 — 1
Калитвенская	47	4	8,5%	3	75,0%	
Каменская	45	9	20,0%	9	100,0%	1742 — 2
Гундоровская	34	4	11,8%	2	50,0%	1741 — 1
Митякинская	47	7	14,9%	6	85,7%	1738 — 1
Луганская	63	7	11,1%	6	85,7%	
По Хопру:	**570**	**26**	**4,6%**	**15**	**58%**	
Букановская	28	1	3,6%	1	100,0%	1739 — 1
Остроуховская	18	0	0,0%	0	0,0%	
Кумылженская	28	3	10,7%	2	66,7%	
Слащевская	28	1	3,6%	1	100,0%	
Федосеевская	33	1	3,0%	0	0,0%	
Зотовская	28	1	3,6%	1	100,0%	
Аржановская	24	1	4,2%	1	100,0%	
Усть-Бузулуцкая	16	0	0,0%	0	0,0%	
Акишевская	20	0	0,0%	0	0,0%	

Тишанская	38	3	7,9%	2	66,7%	1738 — 1
Бурацкая	12	0	0,0%	0	0,0%	
Правоторская	20	0	0,0%	0	0,0%	
Луковская	16	1	6,3%	0	0,0%	
Тепикинская	40	3	7,5%	0	0,0%	
Бесплемяновская	16	3	18,8%	1	33,3%	1739 — 1
Левыкинская	11	0	0,0%	0	0,0%	
Урюпинская	38	5	13,2%	4	80,0%	1738 — 1
Котовская	16	0	0,0%	0	0,0%	
Добринская	38	0	0,0%	0	0,0%	
Михайловская	102	3	2,9%	2	66,7%	
По Медведице:	**403**	**3**	**0,7%**	**2**	**67%**	
Островская	61	0	0,0%	0	0,0%	
Глазуновская	75	0	0,0%	0	0,0%	
Скуришенская	36	0	0,0%	0	0,0%	
Кепинская	17	0	0,0%	0	0,0%	
Арчединская	34	0	0,0%	0	0,0%	
Етеревская	25	0	0,0%	0	0,0%	
Раздорская	36	2	5,6%	2	100,0%	1741 — 1
Орловская	28	0	0,0%	0	0,0%	
Заполянская	39	1	2,6%	0	0,0%	
Малодельская	21	0	0,0%	0	0,0%	
Березовская	31	0	0,0%	0	0,0%	
По Бузулуку:	**209**	**0**	**0,0%**	**0**	**0%**	
Алексеевская	24	0	0,0%	0	0,0%	
Яминская	11	0	0,0%	0	0,0%	
Лукьяновская	7	0	0,0%	0	0,0%	
Карповская	20	0	0,0%	0	0,0%	
Мартыновская	17	0	0,0%	0	0,0%	
Дурновская	15	0	0,0%	0	0,0%	
Ярыженская	31	0	0,0%	0	0,0%	
Черновская	28	0	0,0%	0	0,0%	
Филоновская	56	0	0,0%	0	0,0%	
ИТОГО, по всем рекам:	**3801**	**377**	**9,9%**	**222**	**58,9%**	

Источник: В.А. Гусев. Служба донских казаков. XVIII век. Материалы по истории и генеалогии казачества, Волгоград: Панорама, 2015, с.108 — 320.

LV. Сокровенная история Кальмиусской паланки[1] (2018)

Я мудрость пью из черепа эпохи,
И у напитка украинский вкус...
В.Бебик

Однажды автор, грешным делом, сделал очередной критический разбор новой статьи о славном казацком прошлом Мариуполя, написанной одним нашим известным местным журналистом, который отличается весьма слабым знакомством с казацкой тематикой, но зато обладает высокой национальной сознательностью. В комментариях на свои комментарии к той статье автор получил такой ответ:

Маріуполець_5-го_покоління

Татари, ногаї, українські козака – категорії для нас нерівноцінні. Наш край точка зіткнення двох цивілізацій. Українське козацтво виникло як захисник осілого землеробського населення від степових кочовиків. Осіла християнська землеробська цивілізація – основа, на якій збудувалась Європа та її Східна околиця – Україна. Українське козацтво започаткувало традицію українського державотворення з Нового часу (з XV ст.). Демократичність козацького життя без пана-гнобителя, оповіяного славою захисника православних, визволителя від бусурманської неволі – достоїнства, що становили впродовж XV-XIX ст. тогочасну українську мрію. Пам'ять про козацтво надихали в минулому та зараз борців за українську державність. Тож не випадково гімн України містить слова про козацьку спадщину: Душу й тіло ми положим за нашу свободу, І покажем, що ми, браття, КОЗАЦЬКОГО РОДУ. Козацтво – перша, але не остання хвиля освоєння (українцями) нашого краю. Козацький фольклор і фольклор про козацтво становлять дуже вагому частину духовної, культурної і художньо-естетичної спадщини українців. Загалом, розповіддю про козаків (Котляревським в «Енеїді») починається нова українська література. Завдяки геніальній інтуїції справжнього митця Микола Гоголь пізнав характер українського козацтва, який відображено в короткій характеристиці Запорозької Січі: «Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!» Наш надазовський край був частиною/відділенням Запорозької Січі. Через це місцева політика національної пам'яті має зосереджуватися не на минулому Золотої Орди та її спадкоємців, а на українському козацтві. Українське козацтво — безцінний історичний спадок, який, з-поміж іншого, і завдяки навмисним зусиллям професійних краєзнавців, не усвідомлений і очільниками місцевого самоврядування, і міською громадою.

После такой сильной (и заслуженной) критики в адрес автора со стороны более национально-сознательных сограждан, автору пришлось на самом деле задуматься и «усвидомить» свою личную неправоту в качестве «профессионального краеведа» за то, что он, «сосредоточившись на прошлом Золотой Орды и ее наследников» (С), невольно мешал местной политике национальной памяти сосредотачиваться на украинском казачестве. К счастью, автор все вовремя понял, признал и потому пытается исправиться.

[1] https://papacoma.narod.ru/articles/inmost_history_1.htm

Автор еще раз перетряхнул свои знаменитые загашники и, к стыду своему, действительно нашел целый ряд источников по древнейшей казацкой истории Мариупольщины, тщательно скрываемых предыдущими поколениями городских профессиональных краеведов. И, в качестве жеста доброй воли и попытки искупления – было решено, по мере расшифровки этих документов, начать их выкладку. По названию одного из этих источников – весь этот цикл был назван «Сокровенной историей Кальмиусской паланки». Автор очень надеется, что со стороны национально-сознательных граждан его усилия таки зачтутся. Итак, приступим.

Часть 1. Летопись Оссиана Краледворского

Первая рукопись не имела сохранившегося названия, поэтому была условно названа автором данной статьи по имени одного из ее владельцев (какого-то польского шляхтича?), которое на ней имелось. Более никаких прямых свидетельств об ее авторе и истории создания выяснить пока не удалось. Рукопись была написана четким почерком середины XVIII века, так что являлась, видимо, поздней копией более раннего произведения. Сам язык ее гораздо более ранний, восходящий к церковно-украинскому. Древность её устанавливается без труда, и она не только превосходит все, что есть на этом языке, но, можно считать, не уступит и более совершенным произведениям в этом духе, имеющимся у иных народов.

Переплет летописи был выполнен из плотной кожи, без названия, на обороте имелась чернильная надпись: «Wlasnosc pana Ossiana Kraledworskego». Бумага листов плотная, серая, форматом ин-кварто, водяные знаки отсутствовали. Начало рукописи не сохранилось, были заметны корешки оборванных страниц. Сохранившаяся часть охватывала период с 1505 и (примерно) по конец 1560-х годов, но и здесь часть страниц отсутствовала или была пострадавшей от времени и влаги, текст не везде читался. Всего на тот момент сохранилось 46 листов, заполненных с двух сторон. Пагинация отсутствовала. Цвет чернил – светло-черный.

Летопись хранилась в качестве семейной реликвии у потомков известного в Мариуполе дворянского рода Бродняк-Огузовых. По ее истории они смогли рассказать только то, что она была случайно замечена и куплена их покойным прадедом на блошином рынке в начале 20-х годов XX века в городе Комсомольске. Продавец по судьбе этой книги ничего прояснить их прадеду не смог. Поскольку при Советской власти дворянское происхождение не приветствовалось, представители рода предпочли изменить фамилию и держали и свое происхождение, и данную книгу в секрете. Не решились они раскрыться и после обретения Украиной Независимости, так как хорошо знали, что и главами местного самоуправления, и местной громадой, и профессиональными краеведами данная тема объявлена негласным табу, она уже много десятилетий сознательно замалчивается и искажается. Про эту грань истории и про этих людей автору статьи удалось узнать совершенно случайно и затем пришлось долго наводить мосты для знакомства с ними, но, в конечном итоге, это удалось. Возможно, автор статьи стал единственным посторонним человеком за последние несколько десятилетий, который держал эту рукопись в руках. После долгих уговоров, сопровождаемых распитием не одной чашки чая, автору удалось получить разрешение на копирование этой рукописи. При этом книга не должна была покидать пределы жилища хозяев и не могла копироваться на электронные средства, было разрешено только перепи-

сывать ее вручную. Публиковать этот документ и раскрывать личные данные этого семейства автору было также категорически запрещено без их разрешения. Переписка и расшифровка летописи заняла у автора статьи несколько месяцев в 2013/14 году. К сожалению, после срочного переселения этой семьи в Киев 25 августа 2014 года — у автора контакт с ними полностью прервался. А во второй половине января 2015 года трагически погиб и жесткий диск, на который был перенабран текст, после чего у автора случайно сохранилось лишь несколько фрагментов той его расшифровки. И только сейчас, сознавая свою ответственность перед очень весомой частью духовного, культурного и художественно-эстетического наследства украинцев, автор счел возможным частичную публикацию данного документа, но без раскрытия личных данных ее нынешних владельцев.

Приведем начало сохранившейся части, оно наиболее информативно:

<…> // и приехаша до кумы, даяша ей чобака, и зелена вина наливаша, и за срамные места хваташе и много они смеяшася.

Лѣта 1505 месяца липня в 19 день гетманъ его великокнязького высочства Войска казатцково Преславъ Ланцкорунской пришелъ въ усть Калы-реки близъ шляха Татарскаго и, пришѣтши, асатчега Илька Броднякъ-Рурикченка оставилъ для зимовного строенья. И сказаша: «То буди матеръ всимъ зимовникамъ казацкымъ!». И Илка, по указу свѣтлешаго мосьпана, засаждалъ здѣсъ зимовникъ, коей нарекъ Донбахаю. И, литургию Божеску провевши, церкву Божу здѣсъ заложиша. А было с Илкою // сыны Офонасей да Макаръ, да женки йих. А ево высочества гетманъ Войска казакскаво Преславъ Лацкарунский от Нипра до Дону прошѣдши, везде зимовники заснуваша.

И месяца липня в 27 день ехаша па шлаху татарстие купцы. И, видяще зимовье строящеися да церкву Божу закладѣну, силно удивляшася. И татары говорыли, это-де отъ дедовъ и прадедовъ есть земля Татарская, а вамъ-де туто делать нечево! А Илка им говорилъ: «То есть издревлѣ земля великай Брадинии, туто былъ ея столный градъ Аданбаха-городъ, и туто правилъ предокъ мой – Плоскынъ-князь! // А ныне то матеръ всимъ зимовникамъ казацкимъ буди. И впередъ туто шлаху татарскему болше не бывати!». И купцы татарстие молвили многа срамных и поносных словъ, да Илку с сынами били, да шиши их розмѣташа.

И месяца липня в 31 день проежжали татарския пастухи с животиной к Азаку-городу, и Илку с сынами ругали и били, и шиши поломали, и рухлядишко изымали.

И месяца сѣрпня в 7 день татары Илку били и срамными славами называли и церкву Божу закладену разметали. <…>

В данном отрывке бесценно каждое слово. Наконец-то обнаружена (столь тщательно скрываемая доселе) четкая дата основания нашего города! И она старше ныне официально признанной даты основания на 273 года!! И более того, она четко совпадает с датой подписания распоряжения Президента Украины В.А.Ющенко №1123/2005-рп от 19.07.2005 года "О праздновании 500-летия возникновения украинских казацких поселений на территории нынешних Донецкой и Луганской областей"!!! Вот это интуиция была у Виктора Ан-

дреевича! Или у президентов Украины есть своя "Тайная библиотека"? :) Наконец-то прояснилась роль Предслава Ланцкорунского в деле украинского заселения Северного Приазовья и даже его титулование «гетманом», в чем многие профессиональные историки прежде сомневались. Получается, что казачий гетман Украины-Руси Ланцкорунский осознанно расселил (осадил) целую сеть казачьих зимовников в Северном Приазовье от Днепра (Нипро, не путать с городом!) до Дона, что также дополнительно подтверждает и сведения, сообщаемые «Универсалом Хмельницкого», в подлинности которого многие (в том числе и автор этих строк) прежде также сомневались. И что Ланцкорунский назначил именно зимовник в устье Кальмиуса (Калы-реки) столицей («матерью») всей этой цепочки поселений.

Во главе местного «столичного» хутора гетман оставил «осадчего» (человек, занимающийся заселением свежеоснованного поселения) Илью Бродняка-Рурикченко. Судя по всему, со стороны казацкого гетмана Украины-Руси Ланцкорунского это был осознанный и удачный выбор. Вероятно, Илья должен был неплохо знать местные края, так как одним из его предков был сам Плоскиня-князь. Причем, по словам Ильи, он поселился именно на том месте где была некогда столица Великой Броднии (Брадинии), так что у Ильи имелись некоторые основания для претензий на владение и управление этой землей. Получается, что Илья происходил по одной линии из княжеского рода местных бродников и, стало быть, и сам должен был по наследству носить титул князя. А судя по второй части его сложной фамилии, можно осторожно предположить, что его предки породнились еще и с Рюриковичами? Или это будет слишком смелое предположение?

Выяснилось также, что сыновьями Ильи были Афанасий и Макар, оба к тому времени женатые. И что одним из первых дел после заселения стало то, что Илья заложил в своем зимовнике церковь (вероятно, это та самая церковь, которая «обветшает» к середине XVIII века). И что свой зимовник Илья назовет Донбаха, в честь легендарной столицы Броднии Аданбахи-города. Видимо, привычная нам форма «Домаха» или «Адомаха» — это уже более позднее искажение названия. А вот по поводу наличия здесь остатков генуэзского города – данный источник ничего не сообщает, видимо ни татары, ни бродники здесь его не знали. Также интересно, что летопись велась изнутри этой общины, возможно, кем-то из сыновей Ильи? К сожалению, автор нигде прямо не назвал себя и всегда рассказывал об этих событиях от третьего лица.

Однако, как быстро показала практика, место для поселения было выбрано не совсем удачно, так как примерно в 1,5 верстах, в пределах прямой видимости от зимовника, проходил оживленный торный шлях (в летописи он назван Татарским) между Перекопом и Азовом. Илья с сыновьями пытался его перерезать, чтобы прекратить татарские перемещения по нему. Но, к сожалению, втроем это было сделать затруднительно, силы были явно неравны. Проезжающие татары так и не признали законные права Ильи на владение этим краем и регулярно его с сыновьями били. Довольно часто это сопровождалось еще и раскидыванием шишей (шалашей, в которых видимо, жили эти поселенцы до окончания строительства более основательного жилья), уничтожением фундамента свежезаложенной церкви и растаскиванием имущества. Следующие несколько страниц летописи мы опускаем, так как они заполнены довольно однообразными фактами фиксации очередных погромов зимовника проезжающими татарами. Для статистики, можно отметить, что в среднем это происходило не реже, чем раз в пару недель (а то и чаще). Еще больше усложнилась жизнь зимовчаков с приходом зимы, когда татарские улусы пришли на зимовье в приморскую зону. В летописи приводятся имена рядовых татар и владельцев улусов, которые

так усложняли жизнь этим героическим бродникам-украинцам, но так как мы не должны сосредотачиваться на прошлом Золотой Орды и ее наследниках, то приводить их смысла нет никакого.

Насколько понял автор, после того, как Илью с родственниками совсем замучил своими странными придирками глава зимующего здесь татарского улуса, Илья в буквальном смысле ушел под землю, приказав своим сыновьям *«зѣмлю копати, да камень бити, да печеры подъ холмомъ городити»*. Видимо, это и спасло эту семью в ту первую тяжелую зиму.

С наступлением весны улусы вновь ушли на север, и Илья с сыновьями снова приступил к строительству своего зимовника. Его опять стали регулярно быть проезжающие по шляху татары, но Илья был сильным и уже закаленным невзгодами человеком и смог это все перенести и не сломаться. В отличие от хозяев остальных зимовников от Днепра до Дона, которые такой жизни не вынесли и частью попали в рабство к местным татарам, а частью сбежали обратно на Украину-Русь. Больше об остальных зимовниках в этих краях источники не будут упоминать еще по меньше мере пару веков. Да и вообще слово «зимовник» окажется прочно забытым на «материковой» Украине-Руси, вновь войдя в лексикон Запорожского казачества лишь к концу XVII века.

Постепенно жизнь в зимовнике налаживалась. Проезжающим татарам уже несколько приелось такое развлечение, поэтому они стали значительно реже сворачивать, чтобы побить Илью с сыновьями и опять разметать их постройки. А когда Илья к осени 1506 года окружил свой зимовник высоким двухрядным плетнем, промежутки между которыми он засадил крапивой, то его укрепленный зимовник стал почти неприступным, так что татары уже не решались мелкими силами приближаться к нему. Теперь уже сам Илья с сыновьями стал периодически устраивать на татар засады возле степного шляха, маскируясь под коровяки и кизяки. К удачливым «лыцарям» начал подтягиваться и еще лихой народец из Руси-Украины. Недовольный появлением такой занозы рядом со стратегической для ханства дорогой из Перекопа в Азов, крымский хан (не будем называть его имени), который был тогда в союзе с московским великим князем (также не будем называть его имени) трижды, в 1507, 1509 и 1514 годах посылал крымскую рать выбивать казаков с Азовского шляха. Дважды гарнизон хутора из-за высокого плетня смог отбить все атаки крымской Орды и тем приходилось с позором уходить. И только на третий раз, когда в 1514 году крымский хан договорился с турецким комендантом Азака (не будем называть его имя) о совместном ударе по зимовнику – силы оказались слишком неравны. Против многотысячной крымской конницы, усиленной османскими янычарами и спагами (один из видов турецкой конницы), а также зашедшего в устье Кальмиуса турецкого флота с его пушками, гарнизон хутора оказался бессилен. После многомесячной осады большая часть гарнизона – около 12 человек вместе с самим Ильей — оказалась в числе убитых, и лишь его сыновьям с семьями и еще несколькими казаками удалось уйти через подземный ход в сторону Фонтана. После этого они отошли севернее, поселившись за порогами Кальмиуса, почему их и назвали запорожскими казаками. Так что тысячу раз был прав покойный мариупольский краевед Н.Руденко, когда утверждал, что Запорожское казачество зародилось на Мариупольщине!

Новой базой наших Запорожских казаков (на самом Днепре это название появится лет на сорок позже!) стала маленькая Сечь внутри Гайдамацкой пещеры, которая тогда была значительно больше и выходила на другой берег Кальмиуса. Казаки и отсюда устраивали рейды на местных и проезжих татар. Так что татары их сильно боялись и называли «гайда-

маками» и устрашенно-восхищенно «беркет» (орлы). Поэтому возникшее тогда неподалеку от этой пещеры небольшое казацкое поселение Орловское – получило название именно от тех событий и является вторым по древности населенным пунктом Донецкой области (после Донбахи).

Вскоре после смерти безымянного крымского хана в 1515 году, Запорожские казаки вновь вернулись на свое старое займище, старожитное имение в устье Кальмиуса. Зимовник-хутор был восстановлен и огражден уже трехрядным плетнем, а вместе с крапивой казаки посадили еще и репяхи. Такого укрепления уже оказалось вполне достаточно, и все попытки татар разрушить его и убрать казаков из окрестностей шляха оказались безуспешными. Наиболее значительными оказались осады 1518, 1524-1525, 1537, 1539, 1548, 1549, 1556 – 1566 годов, в том числе и с участием турок. А более мелкие осады случались по 2 – 3 раза на год, так что их в конечном итоге даже в летопись заносить ленились. Казачий гарнизон хутора, силы которого иногда доходили даже до 40 человек, наносил туркам и татарам значительные потери, а также производил диверсии и утаскивал съестные припасы и бузу (татарский слабоалкогольный напиток), а также мелкие пушки через подземные ходы, сеть которых постоянно расширялась казаками.

В редкие периоды мирного времени между осадами, удалые донбахские запорожцы ловили рыбу, плавали на торги к турецкой башне на Таганьем рогу, где торговали с турками и донцами. А иногда отправлялись и в сухопутные походы к Берде, где пытались охранять чумацкие обозы на тамошних соляных озерах. Впрочем, такие походы были крайне редки и совершались больше для галочки, так как от Кальмиуса до Берды добираться было далековато – более 50 верст в одну сторону, а чумаки с Украины-Руси в XVI веке сюда за солью ездить еще не начали…

На благодатном азовском море оттачивалось и мореходное искусство местных запорожцев. Как верно писали многие историки, более поздним днепровским казакам научиться мореходству по Черному морю «с нуля» было невозможно, тут-то и пригодилась азовская практика, всю правду о которой так долго пытались скрывать местные профессиональные краеведы. Появлялся здесь периодически и свой «хай-тек» с «ноу-хау». Так, в 1516 году местный запорожский мастер-самородок Пафнутий Нетригуз придумал и построил особого рода морскую лодку «шайку» (аборигенное бродническое произношение слова «чайка»). На ней Афанасий Ильич Бродняк-Руриченко, ставший новым кошевым донбахских запорожцев, и совершил в августе 1517 года свой знаменитый морской поход на Стамбул, тайком прибив старый щит с загадочной надписью *«СЛТНЪ ПНХ»* (в летописи она не расшифровывается) к одним из ворот османской столицы. Что поделать, численность донбахских запорожцев была еще слишком невелика, и силами экипажа одной шайки захватить столицу Османской Порты было бы слишком сложно. Вот если бы их было хотя бы на две-три больше… В этом морском походе интересно еще одно обстоятельство, в летописи это описывается очень расплывчато и невнятно: *«проплыша подъ самый Истамбулъ черезъ вѣсь Понтусъ подъ водою, аки рыба, али аки Иона в чрѣве кита»*. Судя по всему, в этом сообщении можно видеть первое свидетельство о применении подводного аппарата для военных целей. Так что и здесь подтверждается приоритет казацкого гения, который в полной мере раскрылся «без пана-гнобителя, оповіяного славою захисника православних, визволителя від бусурманської неволі», над тогдашними московитами и даже над европейцами!

Именно отсюда в 1555 году ушел на Днепр, принеся туда и название «Запорожские казаки» знаменитый Байда – князь Дмитрий Вишневецкий. Здесь, «посреди улусов агарянских», он устроил себе на одном из Хортицких островов замок, где вместе с пришедшими с ним донбахскими запорожцами и с приплывшими с севера, из Украины-Руси казаками несколько лет оборонялся от нападений татар. Именно во время этих событий прославилось имя запорожцев и именно тогда оно стало самоназванием и среди украинских казаков.

Наш источник упоминает об этих событиях совсем кратко: *«И лѣта 1555 месяца квѣтня въ 12 день ушелъ Байда на Нипръ и часть козаковъ съ собой увѣлъ. И по грѣхомъ нашимъ, нашли на насъ тогда бусурманы крепко»*. События на Днепре и распространение и там казачества – стали последней каплей для крымцев. Совместно с турками летом 1556 года вновь была начата осада зимовника, которая на этот раз велась методично и неотвратимо. Ослабленный уходом с Байдой многих казаков, гарнизон хутора, тем не менее дружно отбивался от обстрелов и атак турок и татар долгих десять (10!) лет. Спасало только то, что через разветвленную сеть подземных ходов к защитникам иногда проникали новые добровольцы и привозились новые припасы. Также какое-то пополнение было возможно и зимой, когда войска татар и турок уходили на зимние квартиры. Но все-таки, 17 мая 1565 года последний, третий ряд плетня был взломан артиллерийским огнем и в пролом пошла огромные толпы ордынцев и турок. Остатки гарнизона отступили в подземелья хутора. А кошевой Афанасий взорвал пороховой погреб зимовника, забрав с собой множество неприятелей и запечатав с этой стороны входы в подземелья. Была полуразрушена и донбахская церковь.

Освобожденный от казаков район сразу же заняли улусы могущественного татарского рода (да неважно, как их звали). Но уцелевшие в подземельях немногочисленные защитники зимовья еще несколько лет по ночам выбирались на поверхность и страшно лякали, пугали, изумляли, поражали и стращали татарских ордынцев. Все это время они с великим трудом продолжали вести свою летопись, но к концу уже полностью сбились с хронологии, все были крайне истощены морально и физически. Трудно сказать, сколько они там продержались, возможно года три-четыре. Почти под самый конец была сделана запись, что часть казаков с сыном Макара Никанором решила прорываться из подземелий в сторону Кривого Торца. Судя по всему, именно они принесли туда легенды о дружной обороне от татар и о пугании татарской орды, позже записанные Феодосием Макаревским. Но вскоре после ухода Никанора с его людьми, следующая, явно сделанная впопыхах, запись говорит о том, что татарам удалось найти один из входов в подземелье. Последние фразы говорят о полном отчаянии оказавшихся в западне людей: *«Мы завалиша двѣри, но долго намъ татаръ не сдержати. Зѣмля дрожит. Тулумбасы... Тулумбасы бьють въ глыбинѣ. Намъ не выбратися. Тма движѣтся во мъраке. Намъ ни спастися. Вони близко...»*.

На этом данная летопись обрывается. И дальнейшая судьба этой бесценной реликвии вплоть до ее появления на блошином рынке в Комсомольске не прослеживается. Успел ли ее забрать кто-то из спасшихся казаков (но тогда почему не продолжили?). Забрал ли ее из рук мертвого писца заляпанный кровью татарин? Нашли ли через много десятилетий какие-нибудь вездесущие мальчишки? Этого мы никогда не узнаем…

Часть 2. Китайская хроника

Источником следующей информации послужил перевод китайской рукописи «Кэлпал бей-лу», опубликованный в Харбине в 1926 году профессором-белоэмигрантом Львом

Шмуиловичем Фальковичем. Автор перевода перевел ее название как «Тайная история укрепления Кэл», явно не сумев до конца разобраться, о чем рассказывалось в первоначальном протографе данной рукописи. Автор же данной статьи предположительно восстановил ее название как «Сокровенная история Кальмиусской паланки», по которому и назвал всю эту серию. Данная книга также находилась у уже упоминавшихся потомков рода Бродняк-Огузовых среди других документов по истории рода.

В предисловии к переводу Фалькович сообщает, что в его руки попала написанная по-китайски уйгурскими буквами летопись по истории циньского мандаринского рода Бо-ло-не-ко, основатель которого – Са-вав-ва сын Се-ме-не Бо-ло-не-ко, пришел в вэн-гуй (год желтой обезьяны, II.1712 – II.1713) в северо-китайский город Ланьчжоу (тогда – Цзиньчэн). Здесь он прижился, женился на местной китаянке и сделал неплохую карьеру, хотя из-за своей непривычной внешности до конца жизни носил не очень благозвучное прозвище чжун-гуй (длинноносая красная обезьяна). Его сын Е-ли-си, проявив завидную настойчивость и исполнительность, дослужился до звания мандарина, что для иноземного полукровки в тогдашнем императорском Китае было почти невозможно. Часть истории данного рода в китайский период нас не особо интересует. Но основатель рода привез с собой в Китай и некую более раннюю рукопись, которая в сокращенном виде оказалась включена в «Кэл-пал бей-лу». Вот именно она нас и интересует.

Сяй-Вей, представитель клана Бо-ло-не-ко, Бачжун, 1924 год

Наиболее ранняя запись по истории рода рассказывает, что в год чен-суй (год серого зайца, I.1573 – I.1574 предок Ни-ка-ол сын Мо-ка-ло получил у предводителя западных варваров Ба-ту-лу пайцзу на владение и заселение сянь (провинция, уезд), простиравшейся от реки Тай-ну до реки На-пи-ло, и который еще только нужно было очистить от проживающих там кочевых варваров та-та (другое прочтение – да-да, традиционное для Китая обозначение татар). Напомним о том, что в северо-китайском языке отсутствует звук «Р», который в

китайской передаче иноязычных слов заменяется на «ло» или «ол», с учетом этого попытаемся произвести расшифровку данного отрывка, который у Фальковича так и остался без каких-либо внятных объяснений. Тогда Ни-ка-ол сын Мо-ка-ло – скорей всего и есть наш «потерянный» Никанор Макарович Бродняк-Рурикченко, а в «предводителе западных варваров Ба-ту-лу» нужно, по всей видимости, видеть польского короля Стефана Батория. Реки Тай-ну и На-пи-ло, судя по контексту, должны быть Доном и Днепром (Нипром). Это сильно напоминает знаменитый универсал Батория, упоминание о выдаче которого в 1576 году запорожцам на владение ими своей землей имеется в Универсале Хмельницкого 1655 года (который некоторыми скептиками, включая Яворницкого, считался поздней подделкой). Только несколько смущает указанная в китайском тексте дата чен-суй – январь 1573 – январь 1574 года. В это время Баторий еще не приехал в Польшу и был только князем подчиненной туркам Трансильвании. Поэтому сомнительно, чтобы он мог уже в 1573 году выдавать такие смелые документы на земли, принадлежащие вассалам турок – крымским татарам. Скорей всего здесь элементарная ошибка в документе, возникшая при переводе дат из староукраинского протографа рукописи в китайскую систему летоисчисления. Но тогда возникает другой вопрос. Если данные этой рукописи верны, то получается, что Баторий выдал универсал на владение всеми землями от Днепра до Дона не запорожцам вообще, а непосредственно Никанору Бродняк-Рурикченко и его потомкам? Получается, что в том тексте земельного документа, который запорожцы подсунут в 1655 году на подпись гетману Хмельницкому, они все-таки сфальсифицировали часть, приписав пожалование Баторием этих земель запорожцам? Судя по последующему тексту «Кэл-пал бей-лу», это подозрение действительно небеспочвенно. Как-то некрасиво вышло…

Далее говорится, что Ни-ка-ол со своими людьми в течение многих лу (лет) проводил цзинь-чжи-бао (тактика малых партизанских методов, описанная еще Сунь Цзы) против многочисленных и сильных кочевых та-та, продолжавших занимать этот сянь (уезд). Упоминается, что в некоторых случаях ему удавалось получать информацию от своих лазутчиков, проникавших по ле-шань (подземные ходы, кяризы, каменоломни) в главную твердыню врага Ва-ла-са-ла (Балысарай?). Наконец, в месяце цинмин года чун-цань (4.04 – 3.05.1611) Ни-ка-ол в великом сражении на Ка-ла-суй (Карасу? Карасук? Кала? Красная?) разгромил основные силы та-та и выгнал их из своего сянь (уезда). После чего, как написано в китайском тексте, *«основал себе великую столицу А-там-ва-хей (Аданбаха?) и стал вей-гуном (независимым правителем) на своей земле»*. (Интересно, что дата этого события полностью совпадает с обнародованной еще одним мариупольским краеведом Д.Н. Грушевским датой основания казаками крепости Домаха, что наталкивает на подозрения – не на этот ли источник он тогда наткнулся?). Как записано: *«В город Ни-ка-ола потянулись иноземные послы и многочисленные купцы, его казна быстро пополнялась, в войско росло»*. Далее рассказывается, как он со своим войском (которое в тексте называется «коза-ка-лы джа-па-ло-сы тан-ба-хей» — возможно, это нужно понимать как «казачество Запорожское Донбахское»?) не раз побеждал всех своих соседей и значительно расширил границы своего гунь (независимое, суверенное государство) на север, запад и восток. Получается, что в начале XVII века между Доном и Днепром действовало не два, а целых три независимых казачьих Войска – Войско Донское, Войско Запорожское Низовое и Войско Запорожское Донбахское? Причем второе переняло свое название «запорожское» от третьего. Вот так, благодаря бережному обращению китайцев со старыми бумагами можно серьезно уточнить историю Северного Приазовья.

Далее рассказывается, что под руку Ни-ка-ола в качестве сей-пао (младшие союзники, род вассалитета) перешли *«ко-за-кей на-пи-ло-сы»* (козаки днепровские?), которым он доверял и которым *«открыл речные пути в своем гунь»*. Но те отплатили черной неблагодарностью, совершив в месяце байлу года джу-вэ (8.09 – 8.10.1629) государственный переворот и забрав весь гунь себе, вновь вернув его в разряд сяня (уезда). Тогда же они переименовали бывшую столицу гуня в *«Ка-ле-ма-су-па-лан»* (Кальмиусскую паланку?), что, по видимому, больше всего обижало потомков Ни-ка-ола. Впрочем, такое длинное название было слишком сложным для китайского уха, поэтому в дальнейшем используется более сокращенная (сведенная) форма «Кэл-пал», попавшая и в название всей рукописи.

Ни-ка-ол со своей семьей и некоторыми приверженцами смог сбежать из своего осажденного дворца через подземный ход. Он отправился ко дворам соседних вей-гунов (независимых правителей), но поддержки там так и не нашел. Но и для ко-за-кей на-пи-ло-сы (днепровским казакам) их измена суверену также не прошла даром. Когда та-та (татары) узнали, что грозный Ни-ка-ол был изгнан из своего гуня, они собрались в огромных количествах и вновь завоевали всю его бывшую державу, перебив и угнав в рабство его подданных и стерев с лица земли столицу сяня Кэй-пал. Ни-ка-ол со своими потомками (приверженцы к тому времени уже все разбежались) вновь вернулся в свой разоренный край и вел тайную жизнь в старых подземельях под А-там-ва-хей (Аданбаха). Однажды он сказал сыновьям, что пойдет в тайную сокровищницу, но после его ухода прошло не более двух вень (17 минут), как земля затряслась и многие проходы обвалились. Сыновья Ни-ка-ола пытались их расчистить, но ни останков Ни-ка-ола, ни тайной сокровищницы так и не смогли найти (эта информация похожа на правду, в последний раз Мариуполь подвергся землетрясению, если автор не ошибается, в 2016 году).

В год сен-чао (год синей змеи, III.1635 – III.1636) вновь пришли *«ко-за-кей на-пи-ло-сы»* (козаки днепровские). На этот раз они решили действовать по-иному, не открыто, а вей-шунь (маскируясь, одевая на себя чужую шкуру – охотничий термин) под та-та (татар). Дети Ни-ка-ола посчитали это сянь-вень (бесчестным, неправильным) и громко протестовали. Поэтому начальник пришлых днепровских казаков приказал бить их бамбуковыми палками (это явная ошибка кого-то из переводчиков) и прогнал из этого места. После этого дети бывшего правителя гуня ушли на север и несколько десятилетий вели жизнь простых кули (чернорабочие) в одном из чень-бао (небольшое крестьянское поселение) у реки Толуй (судя по контексту, это может быть нынешняя Алексеево-Дружковка на Кривом Торце?).

Видимо, затея с вей-шунем (маскировкой, мимикрированием под татар) у днепровских казаков оказалась более удачной, чем открытая конфронтация с кочевниками (на эту тему тоже удалось обнаружить документы, но об этом после), поэтому ко-за-кей на-пи-лосы смогли в таком секретном режиме продержаться еще несколько десятилетий. Они вновь устроили себе на реке Ка-ла-ми (Кальмиус) столицу сяня Кэл-пал, на этот раз выполнив ее в виде бей-чжи-гао (секретное подземное укрепление). К сожалению, в данном документе этот момент не раскрывается подробно, но его можно понять из других источников. Когда вей-гун Пе-то-лу (царь Петр) захватил эти земли и опять прогнал татар из них, днепровские казаки забросили свой подземный бей-чжи-гао и перенесли Кэй-пал вновь на поверхность, основав здесь нормальное поселение, в которое вскоре подселилось и некоторое количество ко-за-кей тай-ну-сек (донские казаки?). Замаскировавшись под ко-за-кей тай-ну-сек, один из внуков Ни-ка-ола по имени Са-вав-ва (Савва?) тоже поселился в Кэй-пале, не раскрывая своего происхождения. Здесь он занимался ловлей рыбы. Но в год тинь-

сяо (год синего богомола, II.1709 – II.1710), ко-за-кей на-пи-ло-сы опять предали, на этот раз вей-гуна Пе-то-лу. В ответ тот послал к Кэй-палу значительное войско во-ло-сы (китайское название русских) с пушками, которое стерло его с лица земли. Во-ло-сы (русские) отпустили восвояси всех найденных здесь ко-за-кей тай-ну-сек (донских казаков), и Са-вав-ву вместе с ними. А захваченных изменников- ко-за-кей на-пи-ло-сы (днепровские казаки) во-ло-сы безжалостно чжоу (убивали), гэй (насиловали неприродным способом) и дин-линь (насиловали природным способом). А затем их подвешенные трупы спускали на бамбуковых (камышовых?) плотах от Кэл-пала до самого моря.

После этих потрясений Са-вав-ва не стал возвращаться к родне, а *«задумал в своей голове поискать Синь-ци-шуй»* (очень светло-серый, белый + вода). Похоже, он по примеру многих русских искателей истины, отправился искать легендарное праведное Беловодье далеко на востоке. После многих приключений и лишений, он, как уже упоминалось, добрался до китайского города Цзиньчэна, где и прошла его оставшаяся часть жизни. Но дальнейшие описанные в рукописи события к Северному Приазовью никакого отношения не имеют, поэтому нас не интересуют.

Разумеется, к данному тексту надо подходить с известной критичностью, как освещающему события с точки зрения только одной из сторон конфликта, поэтому не слишком объективному и не слишком непредвзятому. Но он, при всех оговорках, хорошо проясняет ситуацию в Северном Приазовье конца XVI – начала XVIII века и позволяет нам существенно подкорректировать наши представления о ней. Также он объясняет, почему в документах запорожских (днепровских) казаков начисто отсутствуют упоминания о «древнейшей Кальмиусской паланке». Слишком уж некрасивая с их стороны здесь вышла история, которую совершенно не стоило выпячивать. В заключение еще отметим, что по сообщению одного камрада в одном из московских архивов тот видел подлинник карты устья Кальмиуса Питера Бергмана 1702 года, на котором на правом берегу устья и на холме показано большое поселение, с церквями, рынками и верфями, подписанное как «Калмиюзкая поланка». В настоящее время производятся попытки ее раздобыть. Видимо, те планы устья Кальмиуса Бергмана, которые уже были найдены автором статьи ранее, были сфальсифицированы картографом по приказу начальства, не желавшего, чтобы потомки узнали о древнейшей принадлежности Кальмиуса запорожцам.

Часть 3. Случай с турецким путешественником

Следующий отрывок относится к началу 1640-х годов. Он содержится в более полной версии рассказа о возвращении в Крым татарского войска после неудачной осады занятого казаками Азова, содержащегося в некоторых списках путевых заметок одного турецкого путешественника. Можно было бы и вовсе не упоминать его имени, но, поскольку его турецкое происхождение не совсем попадает под определение «истории Золотой Орды и ее наследников», все-таки позволим себе указать, что это был знаменитый путешественник Эвлия Челеби. Ранее уже выкладывался фрагмент об этом его путешествии, когда зимой 1641 года он возвращался вместе с кланом Мансуров через Северное Приазовье в Крым. Теперь приведем обычно опускаемый в публикациях фрагмент:

<…> И вот когда на пути к Феррах-керману [крепость Счастья – одно из татарских названий крепости Перекоп] мы пересекли реку Муш, которая течет из степи Хейхат, любезный бей Мансуров Сефер-Челеби, да спасет Аллах его душу, рассказал мне про местных ногайцев племени Ак-домба-хулах. Он сказал, что это очень странные ногайцы, которые непонятно откуда пришли лет пять назад и не известно какого они рода, и язык которых остальные крымские ногайцы почти не понимают. И что хорошо говорили по-ногайски только их князья Кимбет-мурза и Чубан-мурза, которые после того, как нечестивые московские казаки взяли падишахский Азак, перешли на сторону московов и перегнали большинство своих улусных людей за Тан-реку [Дон]. А осталась только самая негодная часть этих людей во главе с Бий-мурзой, да и те колеблются. Также он рассказал, что эти ногайцы редко и неохотно ездили в Феррах-Керман и пребывавший еще тогда под счастливой рукой Османов Азак, но в их юртах всегда было много рыбы, которую они непонятно где берут и запахом которой они все пропахли. Зато там почти совсем нет луноликих дев, общению с которыми они предпочитают своих гулямов [юноша-раб, красивый мальчик], так что не понятно, как они размножаются и поддерживают свою численность. Это мелкие и лживые людишки, которым нельзя верить и которых Аллах непременно должен наказать! К тому же они плохие мусульмане, так как почти не знают молитв и выполняют не пять, а всего три ежедневных намаза. И что, по словам некоторых заслуживающих доверия людей, тем доводилось видеть, как эти ногайцы оказывали почести кипчакскому языческому кумиру, установленному на вершине могилы-кургана в устье той реки, что уже совсем мерзко и отвратительно в глазах Аллаха! Ибо как говорится в суре «аль-Анкабут» священного Корана: «Вы стали поклоняться идолам вместо Аллаха только из-за любви друг к другу в мирской жизни. Но потом, в День воскресения, одни из вас станут отвергать и проклинать других. Вашим пристанищем будет Огонь, и не будет у вас защитников!».

Также Сефер-Челеби рассказал, что это место у всех проезжающих пользуется дурной славой – говорят, что там из-под земли по ночам вылезают степные джинны и часто похищают проезжающих и их имущество, особенно бузу, причем следы ведут к этому кургану и на нем обрываются. И что в тихую погоду можно часто увидеть, как из этого кургана выходит дым, пахнущий жаренным мясом и жиром, и слышен пьяный хохот джиннов. Да ниспошлет всемогущий Аллах свой блистательный меч против этого сборища подручных Иблиса!

И когда я услышал об этом идоле и этих джиннах, мне сильно захотелось их увидеть. Любезный Сефер-Челеби отправил мне в сопровождение несколько десятков своих мансуров, дав им строгий приказ одинаково охранять мою голову и от людей, и от джиннов. Со мной еще отправился из любопытства достопочтенный ханский капычей Исмаил-ага со своим гулямом, также возвращавшиеся в Кырым вместе с нами. Был с нами и проводник из местных ногайцев этого племени, который на очень плохом мангытском языке всю дорогу уговаривал нас вернуться и пугал ужасами этого места, как будто мы были презреннейшими из тварей Аллаха, которых можно запугать такими россказнями!

И когда мы приехали к этому забытому Аллахом месту, мы увидели здесь разрушенные остатки значительного города, посреди которого возвышался большой курган высотой в 10 куле. На вершине кургана стоял лицом к кыбле [к югу] кыпчакский идол, сделанный из прочного дерева. Мы же приближались с северной стороны. Ни один из храбрецов-мансуров не согласился приблизиться к этому месту ближе 200 шагов. Пошли только мы вчетвером с Исмаил-агой и его гулямом, а также занудным проводником. Вся земля у подножия кургана была во многих местах усеяна человеческими,

овечьими и свиными (а это грязнейшее из созданий Аллаха!) следами, и то были следы джиннов, ибо на курган не поднимался ни один из этих следов! И тогда я, прочитав суру «Коровы» и призвав на себя защиту Аллаха, поднялся на этот шайтанский холм. И это воистину жилище Иблиса, ибо земля под ногами звучала так, как будто я шел по деревянным доскам, присыпанным тонким слоем грунта. Тогда я достал свой кинжал и попытался ее раскопать. На что наш проводник умолял меня ни в коем случае не делать этого, вспоминая святую Мариам и ее сына пророка Ису. И вдруг мы услышали громкий скрип, от которого кровь застыла в наших жилах и души приготовились извлечься из наших глоток. А это деревянная статуя божка на вершине холма повернулась к нам лицом и, клянусь Аллахом, ее глаза блеснули! В жизни мы не были больше так напуганы! А наш проводник стянул со своей головы башлык и, почему-то, перекрестился. Первыми бросились прочь всадники-мансуры, а за ними и мы, громко призывая на себя милость и защиту Аллаха. И, воистину, только милостью Милосердного мы тогда и спаслись!

В этом небольшом, но очень информативном отрывке содержится информация, перекликающаяся и хорошо раскрывающая некоторые места в ранее выложенном описании из «Кэл-пал бей-лу». Так, подтвердилась информация о том, что примерно с 1635 года, днепровские запорожцы смогли обеспечить свое присутствие в Северном Приазовье, маскируясь под своих врагов-ногайцев. А для того, чтобы их быстро не раскусили – нужно было вести кочевое хозяйство как ногайцы, одеваться как ногайцы, говорить и называться как ногайцы, молиться как ногайцы. Судя по словам Сефер-Челеби, получалось у них это с большим трудом, и окружающие татары посматривали на них с некоторым подозрением. Тем не менее, такая уловка сработала и позволила днепровским казакам контролировать территорию Мариупольщины в XVII веке в течении нескольких десятилетий. Упомянутые здесь «псевдонимы» днепровской старшины – Кимбет-мурза, Чубан-мурза и Бий-мурза известны и по русским источникам того времени применительно к району Кальмиуса, как и переход части из них в 1637 году в русское подданство. Жаль, что мы вряд ли когда-нибудь сможем узнать настоящие, украинско-христианские имена этих выдающихся запорожских резидентов.

В целом описание Сефера-Челеби довольно хорошо иллюстрирует основные моменты жизни и хозяйствования местных псевдо-ногайцев (днепровских запорожцев) – это и замкнутость, отгороженность от «настоящих» соседей-кочевников, и тщательно скрываемая рыбная ловля, и мелкий разбой (куда ж без него). Единственная неточность в этом рассказе – сообщение о связях этих псевдо-ногайцев со своими малолетними гулямами (джурами). Даже если где-то что-то непотребное в их одиноких юртах темными и скучными зимними вечерами и происходило, то на демографию это никоим образом повлиять не могло даже теоретически. Так что все улучшение их демографии происходили исключительно путем тайного пополнения со стороны Поднепровья.

Приведенное у Эвлии Челеби название племени «псевдо-ногайцев» Ак-домба-хулах –явно является искажением формы хорошо знакомой нам Домахи или даже (более вероятно) ее пра-формы Адонбахи. Звучал ли этот этноним точно так же у ногайских татар («хулах» — ног. «вонючий») или это Челеби что-то не так расслышал или запомнил – мы не знаем.

Также становится более-менее понятным устройство потайного бей-чжи-гао (секретное подземное укрепление). Судя по всему, оно поместилось в громадной воронке, оставшейся на месте взорванного порохового погреба Афанасия (не он ли потом будет мешать строительству Харлампиевского собора на первоначально выбранном месте в центре редута?) и отходящих от него расчищенных подземных ходов. Сверху над этим укреплением был выполнен маскировочный деревянный купол, который для лучшей «стеллсовости» был присыпан тонким слоем грунта. И все-равно, полностью скрыть все следы жизнедеятельности бей-чжи-гао при существовавших тогда технологиях было невозможно. От людей и животных (овец и свиней, которых прятали от татар в том же укреплении) оставались следы к потайным проходам, кроме того могли демаскировать тайное убежище и запахи готовки, а также звуки жизнедеятельности казаков. Естественно, это было не самое надежное укрытие и какой-нибудь любопытный (типа нашего приятеля Эвлии Челеби) мог легко его раскрыть. Поэтому тамошние казаки старались «превентивно» распускать про этот купол-«курган» слухи пострашнее, чтобы татары держались от него подальше.

Остается не совсем понятным момент с вращающимся деревянным идолом на вершине бей-чжи-гао и его сверкающими глазами. Пока не найдено более правдоподобное объяснение, можно осторожно предположить, что местные кулибины (или как это будет более национально-правильно?) устроили что-то типа примитивного перископа, замаскировав его верхнюю часть под деревянного идола. Возможно, этим и объясняется необходимость поворачивать его в разные стороны и отблеск зеркальных стекляшек под солнцем? Единственно, с точки зрения практикующего механика, стоило бы его получше смазывать, чтобы не скрипел. Но, опять-таки, а если и это выполнено сознательно, для вящего психологического травмирования любопытных? Необходимость изобретения подобного устройства была вызвана широким применением тогдашнего казацкого ноу-хау (которого не было тогда ни у турок, ни у европейцев!) – подводных чаек (или шаек, каек), одной из больших проблем которых было ориентирование и целенаведение в море. С учетом того, что первая «подчайка» успешно достигла в подводном положении Стамбула еще при Афанасии Никаноровиче в 1517 году, возможно, прообраз такого устройства был разработан еще в то время и потом его конструкция только шлифовалась.

Часть 4. Документы Коша

Среди бумаг Старой Запорожской Сечи, чудом сохранившихся в московских архивах, удалось найти пару документов XVII века, представляющих собой письма из Кальмиусской паланковой канцелярии в Кош. Ответов на них и дальнейшей переписки, к сожалению, найти пока не удалось.

Первое из них датируется началом февраля 1648 года и является реакцией кальмиусских запорожцев на вести о начале восстания Хмельницкого.

Войска Е.К.М. [Его Королевской милости] Запорозскаго пану гетману Зѣновею-Богдану Хмелницкому панъ полковникъ Ширяй Тугайбейченко и вся старшина и чѣрнь Калмиюзкой поланки поклонъ бьетъ да радуется за елѣкцию [выборы] его милости у гетманы!

Пане гетмане! По воли преждебывших пановъ гетмановъ е.к.м. Войска Запорожкого мы уже тринадцатъ годовъ мѣшкаемъ среди улусовъ татарскех, на сторожи потаемного шляху съ Кошу въ море. Смилуйся, батку! Нетъ уж мочи сиднемъ сидети

въ татарских улусѣх, обасурманились мы уже вконецъ! Ни литургию божеску послушати здесь нелзѣ, ни отпѣвания отходящимъ. А фунтъ сала дешевче, чемъ за семь акче [крымская серебряная монета] и не знайдешь! А тотары и ногаи, едучи через наши улусы надъ нами насмехаются, мы де бусурмены плохие, их законовъ не знаемъ. Сколки можно? Дозволь славному лицарству калмиюскому участь приняты въ рокоше [вид «узаконенного» мятежа в Речи Посполитой] противъ ляховъ да панятъ ляшьских, что ѣси ты зачалъ. Лыцарство калмиюское волае [хочет, желает] жизнь свою положиша за Оукраину родную Малороссийскаю обох сторонъ Днипра. О чемъ на сходе положиша, тебе и промеморию посылаша.

Писано 3 февраля лѣта 1648 отъ рождества Господа нашего Исуса Христа.

На этом письме сохранилась печать зеленого воска с горизонтальным изображением сабли и стилизованная под арабские буквы аббревиатура КППП (Кальмиуской паланки полковая печать). Это самый ранний из известных нам гербов КП. Понятно, что в условиях постоянной маскировки под татар, другой они и не могли иметь, чтобы уменьшить вероятность раскрытия.

Местные казаки жалуются новоизбранному мятежному гетману на свою тяжелую жизнь, на невозможность совершать положенные христианину обряды (интересно, что про венчание и про крещение младенцев они не упоминают, так что женщин на тот момент здесь еще не было), на дороговизну продовольствия и на постоянную опасность раскрытия от проезжающих через их улусы татар и ногайцев. Безусловно, все это было крайне трудно выносить, да еще и по многу лет подряд, выполняя старый приказ Коша по охранению потайного «запасного» пути к морю. Можно только восхититься мужеством, стойкостью и верностью долгу этих людей! «Лыцарство кальмиусское» просило у гетмана разрешения на прекращение своей опостылевшей маскировки и на прямое участие в восстании на Украине-Руси.

Ответ гетмана обнаружить не удалось, но, судя по всему, он только частично удовлетворил просьбу лыцарства. Он разрешил военному контингенту кальмиусских казаков прийти на помощь восстанию, но не разрешил нарушить режим маскировки. И мы теперь можем легко увидеть кальмиусского полковника Ширяя Тугайбейченко в знаменитом воителе Тугай-бее Ширине, активно помогавшему казакам на первых фазах восстания. Такое решение гетмана, хоть и крайней тяжелое и унизительное для кальмиусских запорожцев, оказалось в конечном итоге оправданным, так как на поляков слухи о приходе татарских подкреплений оказывали крайне деморализующее влияние. А следом за «псевдо-ногайцами» невольно оказался втянуто в войну на стороне восставших и все Крымское ханство!

Из истории Хмельниччины известно, что вместе с Тугай-беем (теперь мы можем его правильно называть Тугайбейченко) пришло 6000 воинов. Видимо, это и был весь тогдашний гарнизон потайной Кальмиусской паланки. Большая же часть «улусных» ее казаков должна была оставаться на месте для охраны опустевшего укрепления и своих стад. Установленный размер гарнизона этой паланки говорит о том, какое большое внимание Кош уделял обеспечению безопасности этого запасного пути и контроля над Мариупольщиной. Так что миф о не-участии кальмиусских запорожцев в восстании Хмельницкого оказался полностью разрушен. Участвовали, да еще и как! Просто им приходилось действовать под чужой личиной и под чужими флагами. Родина так и не узнала тогда, кто именно был ее героями…

Второе письмо также было адресовано в Кош, но датируется более поздним временем – второй половиной 1660 года. Это явно последствия знаменитого похода слобожан во главе с Изосимой Масловым в Северное Приазовье, когда он, по его мнению, разгромил здесь улусы пяти ногайских мурз. Нам остается неизвестным – узнал ли он когда-нибудь про свою страшную ошибку?

Великому гетману коронному Ивану Евставьевичу [Выговскому — LV] славное лицарство калмиюзское много-много поклонъ бьетъ и много рахмана желаетъ!

Пане гетмане, съ сеунчемъ своимъ Ахмедкой посылаю тебе хебѣры [mat. – вести, новости] про наши горѣсти и лихоимства, происшедшие съ нами по вине московитовъ, пади шайтан на их головы! Пока мы разомъ зъ войскомъ царя Перекопьского [крымского хана] ходили за ясыремъ къ богданскимъ валахамъ [молдаванам], по приказу твоей милости на Донѣцъ были посланы еланчакская и калчакская сотни для провѣдывания новостей на рубеже московьскомъ. И они хебѣры московские вызнавали да языковъ поимали, о чемъ тобе съ сеунчами ранее докладали. И какъ узнали, что московы пошли на них войскомъ, тѣ означенные сотни обратно отъ Донцу благополучно возвернулися, хвала Богу!

Да нѣчуване сталося, чего рании николи не ставалося – москали пошли вглубъ степовъ да наши улусы на Елончуке и Калмиюсе знѣнацька разорили! И сталася та бида въ месяце июне. И многих козаковъ наших тоды порубали, а аскера Ишвѣрду Непийпиво – въ полонъ забралы. И угналы кляти москали женъ, да джуръ, да детишекъ наших, да животины наши много. И ушли поздорову къ себе. И какъ мы вернулися изъ багданскава походу, смутокъ и туга встрѣнули насъ въ родных улусах. И хочь козакы наши, милостью Бога, большѣстью живы поостававались и паланку Калмиюзкую вороги наши не нашли и не розорили, но нетъ уже у насъ ни семей наших, ни пропитания. А и того займуюся [переживаю, волнуюсь], штобы хтось изъ полонѣных московами бабъ или детей не проговорылся, что они не нагаи бесерменские, а христьяне украинские. Ибо то и все дело твоей милости порушитъ, да и намъ, потаемному лыцарству запорожскому зъ других поланокъ начнутъ укорятi, что-де мы обабились и сиднюками стали, что противно лыцарскому звычаю и чѣсти. И того для прошу твою милость дати нам рацию [мысль, совет] – что намъ далѣ делати, и какъ намъ наших бабъ зъ детями и скотомъ вызволяти? До Е.К.М. [его королевской милости] зъ нашими бедами звернутся? Али къ царю Перекопскому въ ноги падать? А коли ты, пане наияснейший гетмане, намъ въ нашей кручине помочи не даш, то доведется лыцарству Калмиузкому бити чѣломъ царю Московскому, чтобы принялъ насъ подъ свою руку и вернулъ намъ нашу родню и животину. Чекаемъ отъ твоей милости ответа, да якнайскорѣйше.

Полковникъ Калмиузский Казый-мурза.
Писано въ Калмиюсѣ 26 ийюля лѣта 1660

Из этого документа видно, что сделанное некогда шутливое предположение о «запорожскости» ногайских мурз Казыя, Салтобебета (Солтомбобета), Кана, Желбебета и Кантимира (Калтимира) и их людей – оказалось не совсем шуткой. Воистину, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. Хотя, надо признать, десятилетия вживления в татарскую среду не прошли для местных запорожцев даром, количество тюркских и мусульманских элементов в их речи уже зашкаливает. Впрочем, обстоятельства этого похода Изосимы Маслова и его последствия (с московской точки зрения) нами уже подробно расписывались ранее, поэтому сейчас повторяться не будем. Отметим лишь те моменты, которые проявились только из данного документа.

1. Это то, что Калмиусская паланка оставалась глубоко засекреченное даже спустя 6 лет после Переяславской рады и, похоже, была под контролем лично Запорожского гетмана и крайне узкого круга посвященных. К описываемому времени Выговский уже был отрешен от гетманства (на которое избрали Юрия Хмельницкого), но он примкнул к полякам и самостоятельно назвал себя «Великим гетманом коронным». Судя по всему, секретная Кальмиусская паланка осталась верна проигравшему гетману Выговскому и оставалась неизвестной для Юрия. Поэтому понятна антимосковская направленность нашей паланки в это время, а также то, почему в своей беде ее старшина обращалась именно к Выговскому.

2. Усилилась (по крайней мере формально) кооперация кальмиусских казаков с Крымским ханством. Было невозможно убедительно изображать одно из ногайских племен Северного Приазовья и не участвовать в походах крымского хана. Да и совместное с крымцами участие в боевых действиях во время Хмельниччины не могло не привести если не к дружбе, то хотя бы ко взаимному уважению между ними.

3. Кальмиусские казаки рассматривали разные варианты спасения своих близких из московского плена и сильно надеялись на помощь Выговского, не столько прося его, сколько ставя ему почти прямым текстом ультиматум. Но, судя по всему, ничего толкового от него так и не услышали. Потому что, как мы знаем из московских источников, уже в сентябре состоялись переговоры «ногайских» мурз с московским правительством. В обмен на возвращение своих родных «ногайцы» обещали пойти под царскую руку и мирно кочевать в Подонцовье, также они просили свободный доступ для торговли со слободскими городками. Когда-то уже высказывалась мысль, что раз мы в дальнейшем ни про каких «московских» ногайцев в Подонцовье не знаем, значит эта сделка по каким-то причинам не состоялась. Но с учетом того, что это были «псевдоногайцы», это уже не так очевидно. Скорей всего, после достижения соглашения с Москвой, кальмиусские казаки просто вернулись к своим данным при рождении христианским именам и растворились среди многочисленного черкасского населения на будущей Слобожанщине. А так как мы этих настоящих имен не знаем, то и отследить их там мы не в состоянии. Пока не в состоянии…

Как говорил незабвенный Дед Панас: "От така от х**ня, малята!".

Необходимое послесловие

А вот здесь, наверное, пришла пора автору покаяться. Хочется надеяться, что уважаемый Читатель сразу понял, что вся рассказанная здесь история — это было не серьезно, что это выдуманный автором от первого и до последнего слова фейк (точнее, с немногими включениями отдельных моментов из реальной Истории наших краев). Если же уважаемый Читатель не смог самостоятельно рассмотреть разбросанные автором по тексту многочисленные намеки и отсылки на фейковость – автор сразу приносит свои нижайшие извинения за это небольшое хулиганство. Давно хотелось, не смог устоять…

Как сейчас уже понятно, в реальной Истории заход запорожских казаков в Северное Приазовье произошел только в 1743 году, в ходе скандальной миссии запорожского полковника В.Кишенского. В результате этих событий основным центром власти Коша в наших краях стала запорожская паланка на Среднем Еланчике. А смещение центра местной власти запорожцев западнее, на правобережье устья Кальмиуса, стало, по всей видимости, результатом событий апреля 1746 года. Тогда в донской Черкасск по неофициальным каналам пришла информация о правительственном решении о разграничении территорий двух казачьих Войск по реке Кальмиусу и о скорой присылке указа об этом. После получения такого известия донцы, несколько поторопив события, послали за Миус сильную партию под командой полковника Т.Туроверова, который и согнал запорожцев с Еланчиков аж за Кальмиус. Видимо, именно тогда Кальмиусская паланка и стала новым запорожским административным центром в Северном Приазовье. Правда, есть некоторые намеки, что она могла существовать уже в 1745 году, но это еще нужно проверять. Так что 1743 год стал ключевым в расширении Запорожских Вольностей на часть территории Северного Приазовья, с этого момента уже можно работать с их местной историей – с датами, именами и событиями. А вот все местные запорожские «древности», которые наши историки и краеведы любят расписывать по периоду ДО 1743 года – это уже от лукавого. Да, бывали они здесь, да, эта территория и для них не являлась Terra Incognita, но не более того. До этого у Северного Приазовья были совсем другие хозяева…

Вот для того, чтобы более наглядно показать всю нелепость устоявшихся с легкой руки епископа Феодосия (Макаревского) в среде наших историков и краеведов представлений о «древнейшей запорожской Кальмиусской паланке», с необоснованным расширением ее истории на XVII и XVI века (а некоторыми авторами – и на более ранние времена!) и был написан сей шутливый опус. Где абсурдность «истории» этой предполагаемой «древнейшей» паланки была доведена до абсолюта. Но, все-таки — в каждой шутке действительно есть доля правды. В таком "произведении" очень удобно освещать простейшие вопросы, возникающие при прочтении некоторых произведений историков и краеведов "классической" школы. Сформулируем их в десяти пунктах (можно было бы и больше, но пока ограничимся указанным количеством). Итак:

Декалог донбасского краеведа по теме «древнейшей» Кальмиусской паланки:

1. В тексте так называемого «Универсала Батория – Хмельницкого» (УБХ), который многими серьезными учеными признается запорожским фальсификатом, составленным в середине XVIII в., описание запорожских границ к востоку от Днепра приводится так: *«<…> городок старинный же запорожский Самар с перевозом и землями в гору Днепра по речку Орел, а в низу до самих степов нагайских и кримских <…> от самарских же земель чрез*

степь до самой реки Дону, где еще за гетмана козацкого Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожские свои зимовники мевали [имели] <…>». Найди в тексте – где именно запорожские зимовники во времена Лянцкоронский (начало XVI в.) должны были выходить к Дону. В его устье? В среднем течении? В верховьях? Найди в тексте упоминания Кальмиуса и его устья. Учти, что приводимые некоторыми историками в качестве «цитат» из УБХ сильно отличающиеся фрагменты по данному региону с упоминанием более мелких ориентиров (в том числе и Кальмиуса) — на самом деле не имеют отношения к тексту «Универсала». Это фрагменты **устных** пояснений запорожских делегатов на переговорах по разграничению со слобожанами (3-я четверть XVIII в.) — так они поясняли «справедливое» (по их мнению) толкование этого неясно описанного фрагмента «Универсала».

2. Запорожские зимовники хорошо известны по документам времен Новой Сечи (1734 — 1775 гг.), также их существование несомненно в Крымский период запорожцев (1711 — 1734 гг.), а возможно и несколько ранее (где-то с середины XVII в.). По распространенному же среди историков мнению — наиболее раннее упоминание казацких зимовников содержится в УБХ. Например: *«<...> Перші документальні згадки про зимівники належать до жалуваної грамоти від 20 серпня 1576 року польського короля Стефана Баторія, <...> Ляскоронський помер у 1531 році, а перший свій похід на татар він організував у 1518 році. До того ж, в документі говориться про зимівники як про щось цілком стале і зрозуміле. Без будь яких додаткових пояснень, що само по собі свідчить про вже досить тривале його існування. Добре видно, що запорожці мали свої зимівники від Самари до Дону вже в XV ст.<...>"* (Олександр Олійник . Зимівник в колонізаційних процесах Південної України). В ответ можно задать простой вопрос: «А через сколько лет / десятилетий / веков слово “зимовник” будет документально зафиксировано у запорожских казаков для обозначения их хутора во **ВТОРОЙ** раз?». И почему в книге Олейника «Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734-1775)» (Запорожье, 2005 г., 256 с.), где автор пытался проследить происхождение и генезис степных зимовников еще с XV века, он смог привести помимо «Универсала» всего лишь 6 (шесть!) свидетельств упоминания этого слова в XVI – нач. XVIII вв.? Причем, почему-то, при тщательной проверке оказывается, что в оригинальных текстах четырех из использованных им источников (М.Бельский, Э.Лясота, М.Пашковский, Э.Челеби) зимовники не упоминаются вовсе, а в двух других (С.Мышецкий и анонимная «История Русов») – это слово действительно неоднократно используется, но они написаны только в середине XVIII века, поэтому не синхронны описываемым в них более ранним событиям и не могут выступать надежным подтверждением концепции Олейника (с.16 Старого форума, посты 17.07 — 28.07.2010). Задумайся, не является ли слово «зимовник» анахронизмом для времен и Батория, и Лянцкоронского? И о чем это свидетельствует применительно к УБХ?

3. Придумай – как можно замаскировать казацкий зимовник в зимней Степи? Как спрятать дым от очага и следы ног на снегу? Не выходить всю зиму из дома и не топить печь? То есть – при снижении «татароопасности» до какого уровня стало возможным распространение зимовников в Степи и в какой исторический период это могло произойти?

4. Если «зимовник» = «небольшой хутор на 1 – 2 хозяина», то что такое «укрепленный зимовник»? Выясни, какой муд… мудрый человек придумал это (столь любимое некоторыми нынешними историками) словосочетание. Попробуй представить – какие у такого зимовника могли быть укрепления? Какой гарнизон? Против каких сил нападающих и как

долго он мог выстоять? Попробуй найти упоминание таких зимовников в синхронных событиям документах.

5. В труде епископа Феодосия (Макаревского) «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия» (1879 — 1881), запорожская Кальмиусская паланка называется «знаменитой древнейшей, старожитной». Свое понимание ее древности Макаревский раскрывает в статье про Таганрог: *«На берегу Азовскаго моря, <…> где ныне красуется славный портовый город Таганрог, из давних, незапамятных лет, даже и в период литовско-польскаго владычества над всею местностию от Дона до Очакова, существовала когда-то турецкая фортеция, стояла небольшая башня с незначительным числом турецко-татарскаго гарнизона. В мирное и спокойное время ловкие запорожцы с Калмиуса, а удалые донцы с Миуса, часто приезжали в эту фортецию под разными благовидными предлогами, с турецко-татарскою стражею вели законные торги и сделки по разным житейским предметам»*. Постарайся ответить на вопрос: когда именно польско-литовское владычество распространялось на Северное Приазовье? Задумайся, насколько надежны представления Макаревского по этому периоду.

6. Известно, что для крымских татар приморская дорога Перекоп – Азак имела стратегическое значение и использовалась интенсивно и круглогодично. И проходила она в нескольких верстах от исторического центра Мариуполя. Ответь – сколько лет / недель / дней смог бы просуществовать враждебный запорожский зимовник (даже укрепленный) рядом с ней? Дали бы турки и татары возможность казакам устроить себе при устье Кальмиуса крепость в XVII веке? И как долго она бы здесь простояла?

7. Уже собрано множество документов по истории крымско-ногайского Дивеева улуса в Северном Приазовье (посл. четв. XVI – перв. треть XVII в.) и о его «столице» Калмиюсе/Балысарае, а после развала этого кочевого объединения – известны неоднократные упоминания других ногайских родов, кочевавших у Кальмиуса в XVII веке (большинство из упомянутых имен «запорожских разведчиков» в 4-й части «Сокровенной истории…» — подлинные, из документов, только принадлежат чистокровным ногайцам). А хозяйственное проникновение днепровского казачества в Приазовье начинает фиксироваться в документах только с конца XVII века, а немногочисленные более ранние упоминания – связаны с попытками казаков «обидеть» местных кочевников или использовать морской путь через Азовское море. Скажи, почему наблюдается именно такая картина распределения упоминаний кочевников и казаков в документах XVI-XVII веков?

8. Обдумай, почему на ВСЕХ географических картах XVI – конца XVII веков (и на большей части карт первой трети XVIII века) Северное Приазовье подписано как Tartaria, Petit Tartarie, Tartaria Minor seu Precop, Малая Татария, Степь Крымская, Terra alta et deserta ex parte Crimaa, Крымская страна, Die Najaische Stepp, Tartaria Nagaiensis и т.п. И почему в письме запорожцев Яну Замойскому от июля 1600 года сведения о Балысарае они приводят в разделе «новости земли Татарской»? О чем это может нам сказать?

9. Через Северное Приазовье (в том числе и через район нижнего Кальмиуса) в XVI-XVII веке прошло немало дипломатов, путешественников, купцов и прочего люда (великороссы, поляки, турки). Почему в тех случаях, когда остались описания их путешествий, ни в одном из них не упоминается «древнейшая запорожская Кальмиусская паланка»? Почему

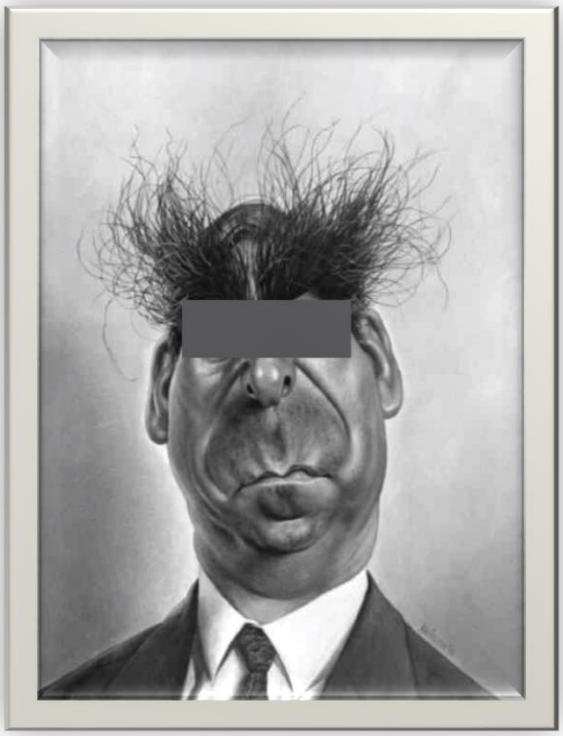
в многочисленных документах Белгородского разряда, заведовавшего сторожевой службой Московского государства в Подонцовье и тщательно фиксировавшего все новости из Степи, показания пленных, данные шпионов и беглых полонянников – татарский «новый город Калмиюс» конца XVI века отражается неоднократно, а «древнейшая» запорожская паланка – смогла полностью избежать московского внимания? Попробуй ответить, с чем это связано?

10. И, напоследок, попробуй сформулировать, почему «древнейшая» казацкая паланка в низовьях Кальмиуса полностью отсутствует в документах XVI – XVII века Польско-Литовского государства и в казацких хрониках? Почему кальмиусские казаки ни разу не участвуют в многочисленных казачьих восстаниях на Польской Украйне в XVII веке?

На этом с вопросами пока заканчиваем. Если у уважаемого Читателя появится такое желание – он может попытаться ответить на них в рамках «классического» мариупольского краеведения. Но что из этого получится – автор гарантировать ничего не может. Смотрите, думайте, сомневайтесь...

И, в заключение, автор еще раз приносит всем свои извинения за временную несерьезность. Уважаемый LV больше не будет!..

Об авторе:



LV – почетный член мариупольского филиала Общества анонимных сетевых краеведов (МарФ ОАСК).

Специализируется на теме татарско-казацких времен в Северном Приазовье (XVI – XVIII вв.), а также на старинной картографии Приазовья.

Владелец сайта Papacoma.narod.ru .

Год, изменивший историю Северного Приазовья